

История войны науки с теологией в христианском мире

Эндрю Диксон Уайт

History of the Warfare of Science with Theology in Christendom

Andrew Dickson White

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории борьбы науки с теологией в христианском мире

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История борьбы науки с теологией в христианском мире

Автор: Эндрю Диксон Уайт

Дата выхода: 1 апреля 1996 г. [Электронная книга №505]

Последнее обновление: 29 января 2013 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер - Анонимный волонтер и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ БОРЬБЫ НАУКИ С ТЕОЛОГИЕЙ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ" ***

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ НАУКИ С ТЕОЛОГИЕЙ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

Эндрю Диксон Уайт

Два объединенных тома

Мыслями, из—за которых когда—то разбивались великие сердца, мы дешево дышим в обычном воздухе.—ЛОУЭЛЛ умирает

Главенствующее положение после смерти.—ПУБЛИЙ СИРУС

Истина - дочь Времени.-БЭКОН

Истина сделает вас свободными.-Св. ИОАНН, viii, 32.

Введение

Моя книга готова к печати, и когда я начинаю это предисловие, мой взгляд падает на толпу русских крестьян, работающих на берегу Невы под моими окнами. С киркой и лопатой они пропускают лучи апрельского солнца сквозь огромный ледяной барьер, который соединяет современные набережные и старую гранитную крепость, где покоятся кости царей Романовых.

Этот барьер уже ослаблен; он сильно обветшал, во многих местах тонкий и повсюду ненадежный; но в целом он такой широкий, так кристаллизовался вокруг старых валунов, так врос в отмели, так вклинился в расщелины по обоим берегам, что представляет большую опасность. Воды из тысяч вздувшихся ручейков наверху давят на него; обломки и отбросы скапливаются на нем; каждый знает, что он должен уступить. Но существует опасность, что он может слишком долго сопротивляться давлению и внезапно разрушиться, сорвав даже гранитные набережные с их фундамента, принеся опустошение огромному населению и оставив после спада наводнения обширные отложения слизи, плодородное рассадное поле для микробов болезней.

Но терпеливые мужики поступают правильно. Барьер, все больше и больше открывающийся весеннему теплу благодаря множеству каналов, которые они прокладывают, постепенно исчезнет, и река потечет дальше, благодетельная и прекрасная.

Моя работа в этой книге подобна работе русского мужчины на Неве. Я просто пытаюсь помочь пролить свет исторической правды на ту разлагающуюся массу устаревшей мысли, которая привязывает современный мир к средневековым представлениям о христианстве и которая все еще живет среди нас — самое серьезное препятствие для религии и морали и угроза всей нормальной эволюции общества.

Ибо за этим барьером также быстро нарастает поток — поток расширяющихся знаний и новой мысли; и этот барьер также, хотя и ячеистый и во многих местах тонкий, создает опасность — опасность внезапного разрыва, огорчительного и катастрофического, сметающего перед собой не только изношенные верования и вредные догмы, но и взлелеянные принципы и идеалы, и даже вырывающего самые драгоценные религиозные и моральные основы всей социальной и политической структуры.

Я надеюсь помочь — пусть и незначительно — постепенному и благотворному растворению этой массы неразумия, чтобы поток "чистой и непорочной религии" мог течь широко и ясно, как благословение для человечества.

А теперь несколько слов об эволюции этой книги.

Прошло более четверти века с тех пор, как я вместе с Эзрой Корнеллом основал университет, носящий его почетное имя.

Нашей целью было создать в штате Нью-Йорк учреждение для продвинутого обучения и исследований, в котором наука, чистая и прикладная, должна занимать равное место с литературой; в котором изучение литературы, древней и современной, должно быть максимально освобождено от педантизма; и которое должно быть свободно от различных бесполезных ограничений и порочных методов, которые в тот период мешали многим, если не большинству, американским университетам и колледжам.

Мы особо отметили, что учреждение не должно находиться под контролем ни одной политической партии и ни одной религиозной секты, и с одобрения мистера Корнелла я включил строгие положения на этот счет в устав.

Никому из нас, конечно, никогда не приходило в голову, что во всем этом мы делаем что-то нерелигиозное или нехристианское. Мистер Корнелл воспитывался как член Общества друзей; он щедро помогал из своего состояния всем христианским начинаниям, которые, по его мнению, происходили вокруг него, и среди постоянных попечителей публичной библиотеки, которую он уже основал, он назвал всех священнослужителей города — католиков и протестантов. Что касается меня, то я был воспитан церковником, недавно был избран попечителем одного церковного колледжа и профессором в другом; самые близкие и дорогие мне люди были истово религиозны; и, если мне будет позволено говорить о столь личном для меня вопросе, мои самые дорогие друзья были среди глубоко религиозных мужчин и женщин, а самыми большими источниками моего удовольствия были церковная архитектура, религиозная музыка и более благочестивые формы поэзии. Итак, мы оба были далеки от желания навредить христианству, мы надеялись продвигать его; но мы не смешивали религию с сектантством и видели в сектантском характере американских колледжей и университетов в целом причину бедности продвинутого обучения, которое тогда давалось во многих из них.

Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что система контроля, которая при выборе профессора математики, или языка, или риторики, или физики, или химии в первую очередь спрашивала, к какой секте или даже к какому крылу или ответвлению секты он принадлежит, вряд ли могла много сделать для продвижения морального, религиозного или интеллектуального развития человечества.

Причины создания нового фонда казались нам тогда настолько убедительными, что мы ожидали сотрудничества всех добропорядочных граждан и не ожидали противодействия ни из каких источников.

Оглядываясь назад, на прошедшие годы, я не знаю, удивляться ли нашей простоте больше или забавляться.

Сразу же началось противостояние. В законодательном собрании штата с этим сталкивались на каждом шагу, и вскоре это стало широко известно по всему штату — от доброго протестантского епископа, который провозгласил, что все профессора должны быть священнослужителями, поскольку только Церкви дан приказ "Идите, научите все народы", до ревностного священника, который опубликовал обвинение в том, что Голдвин Смит — глубоко христианский ученый — приехал в Корнелл, чтобы проповедовать "безбожие "Вестминстер Ревью""; и от выдающегося богослова, который ездил из города в город, осуждая "атеистическую и пантеистические тенденции" предлагаемого образования, преданному служителю, который сообщил конфессиональному синоду, что Агассис, последний великий противник Дарвина и набожный теист, "проповедует дарвинизм и атеизм" в новом учебном заведении.

По мере углубления борьбы, по мере того, как в различные церковные организации вносились враждебные резолюции, по мере того, как уважаемые священнослужители торжественно предостерегали свою паству сначала от "атеизма", затем от "неверия" и, наконец, от "индифферентизма" университета, по мере того, как преданные пасторы пытались отговорить молодых людей от поступления в университет, я занял оборонительную позицию и в ответ на различные нападки с кафедр и религиозных газет попытался развеять опасения общественности. "Сладкая разумность" была полностью опробована. В университете была учреждена и обеспечена, возможно, самая эффективная христианская кафедра и одно из самых энергичных отделений Христианской ассоциации в то время в Соединенных Штатах; но все это никак не отразило атаку. Пункт устава университета, запрещающий отдавать предпочтение доктринам какой-либо секты, и, прежде всего, тот факт, что большое внимание уделялось преподаванию в различных отраслях науки, казалось, препятствовал всякому компромиссу, и вскоре стало ясно, что позиция в обороне только усугубляла положение. Именно тогда на меня снизошло осознание реальной трудности — антагонизма между теологическим и научным взглядом на вселенную и образованием по отношению к ней; поэтому, будучи приглашенным прочитать лекцию в большом зале Института Купера в Нью-Йорке, я выбрал в качестве своей темы Поля сражений науки, придерживаясь следующего тезиса:

Во всей современной истории вмешательство в науку в предполагаемых интересах религии, каким бы добросовестным оно ни было, неизменно приводило к величайшему злу как для религии, так и для науки; и, с другой стороны, любое беспрепятственное научное исследование, какими бы опасными для религии ни казались некоторые из его этапов в то время, неизменно приводило к высшему благу как для религии, так и для науки.

Лекция была опубликована на следующий день в New York Tribune по просьбе Горация Грили, ее редактора, который также был одним из попечителей Корнельского университета. В результате этой широко распространенной публикации и различных нападок, которые она вызвала, меня попросили защитить мою диссертацию перед различными университетскими ассоциациями и литературными клубами; и я всегда буду с благодарностью вспоминать, что среди тех, кто стоял рядом со мной и представлял меня на лекционной трибуне со словами одобрения и подбадривания, был мой уважаемый преподаватель, преподобный доктор Теодор Дуайт Вулси, в то время президент Йельского колледжа.

Моя лекция переросла сначала в пару журнальных статей, а затем в небольшую книгу под названием "Война науки", за которую, когда она была переиздана в Англии, проф. Джон Тиндалл написал предисловие.

Было опубликовано множество переводов этой небольшой книги, но самым любопытным в ее истории является тот факт, что очень дружелюбное введение к шведскому переводу было написано лютеранским епископом.

Тем временем проф. Джон У. Дрейпер опубликовал свою книгу о конфликте между наукой и религией, работу большого мастера, которая, как я тогда думал, положила конец этому вопросу, поскольку я уделял ему дальнейшее внимание.

Но две вещи побудили меня продолжать мою собственную работу в этой области: во-первых, я глубоко заинтересовался ею и не мог удержаться от того, чтобы направить на нее свои наблюдения и изучение; во-вторых, как бы я ни восхищался подходом Дрейпера к затронутым вопросам, его точка зрения и способ смотреть на историю отличались от моих.

Он рассматривал эту борьбу как борьбу между Наукой и религией. Я верил тогда и убежден сейчас, что это была борьба между Наукой и догматическим богословием.

Я все больше и больше убеждался, что это конфликт между двумя эпохами в эволюции человеческой мысли — теологической и научной.

Итак, я продолжал и время от времени публиковал новые главы в "Войне науки" в виде журнальных статей в ежемесячнике Popular Science Monthly. Это было сделано с большим трудом. В течение двадцати лет, будучи президентом Корнельского университета и профессором истории в этом учебном заведении, я был погружен в работу по его раннему развитию. Кроме того, я не мог оставаться полностью в стороне от общественных дел, и правительство Соединенных Штатов трижды посылало меня выполнять общественные обязанности за границу: сначала в качестве комиссара в Санто-Доминго в 1870 году; затем в качестве посланника в Германию в 1879 году; наконец, в качестве посланника в Россию в 1892 году; а также штат Нью-Йорк призвал меня проделать значительную работу в связи с международными выставками в Филадельфии и Париже. Кроме того, мне приходилось время от времени преодолевать путешествиями последствия переутомления.

Разнообразие местожительства и занятий, вытекающее из этих причин, возможно, объяснит некоторые особенности этой книги, которые в противном случае могли бы озадачить моего читателя.

Хотя эти путешествия позволили мне собрать материалы в очень широком диапазоне — в Новом Свете, от Квебека до Санто-Доминго, от Бостона до Мексики, Сан-Франциско и Сиэтла, и в Старом Свете, от Трондхёма до Каира и от Санкт-Петербурга до Палермо, — они часто вынуждали меня писать в не очень благоприятных обстоятельствах: иногда на пароходе через Атлантику, иногда на лодке по Нилу, и не только в моей собственной библиотеке в Корнелле, но и в библиотеках Берлина, Гельсингфорса, Мюнхена, Флоренции и Британского музея. Этот факт объяснит благожелательному читателю не только цитирование разных изданий одного и того же авторитета в разных главах, но и некоторые повторения, которые в спокойной обстановке моей собственной библиотеки не были бы сделаны.

Я постоянно стремился писать для широкого читателя, по возможности избегая схоластических и технических терминов и излагая правду просто так, как она мне представляется.

То, что ошибки, связанные с упущениями и совершением ошибок, будут обнаружены то здесь, то там, вполне вероятно — нет, несомненно; но суть книги, я полагаю, будет признана полностью верной. Меня укрепляет в этом убеждении тот факт, что из трех резких нападков, с которыми уже сталкивалась эта работа в ее более ранней форме, одна была чисто декламационной, обличительной и увещательной, а остальные основаны на незнании фактов, на которые легко указать.

И здесь я должен выразить свою благодарность тем, кто помогал мне. В первую очередь моему бывшему ученику и дорогому другу, профессору Джорджу Линкольну Берру из Корнельского университета, чьему вкладу, предложениям, критике и предостережениям я глубоко обязан; также моим друзьям У. Г. Уэзерли, бывшему сотруднику Корнельского университета, а ныне доценту Университета Индианы, — проф. и миссис Эрл Барнс и проф. Дж. Уильяму Х. Хадсону из Стэнфордского университета и профессору Э. П. Эвансу, бывшему сотруднику Мичиганского университета, а ныне Мюнхенского, за обширную помощь в исследованиях в тех направлениях, которые я им указал, но которые я никогда не смог бы провести без их сотрудничества. В библиотеках страны и за рубежом все они работали на меня наиболее эффективно, и я им глубоко благодарен.

Эта книга представлена как своего рода праздник — дань уважения Корнельскому университету, вступающему во вторую четверть века своего существования, и, вероятно, моя последняя дань уважения.

Идеи, за которые велась столь ожесточенная борьба при его создании, восторжествовали. Его профессорско-преподавательский состав, насчитывающий более ста пятидесяти человек; его студенты, численностью немногим меньше двух тысяч; его великолепные здания и оборудование; щедрые подарки, которые в настоящее время составляют миллионы долларов, которые он получил от мужчин и женщин, приверженных идее общества; свидетельства общественного доверия со всех сторон; и, прежде всего, принятие его основных принципов и особенностей различными учебными заведениями в других Штатах, наглядно демонстрируют это. Но был триумф гораздо больший и шире. Повсюду среди ведущих современных наций прослеживается одна и та же общая тенденция. В течение только что прошедшей четверти века контроль над общественным образованием не только в Америке, но и в ведущих странах Европы все больше и больше переходил от духовенства к мирянам. Не только президенты крупных университетов Соединенных Штатов, за одним или двумя исключениями, являются мирянами, но то же самое наблюдается и в старых европейских оплотах метафизической теологии. Во

время моего первого визита в Оксфорд и Кембридж сорок лет назад они были полностью под церковным контролем. Теперь все изменилось. Один видный член нынешнего британского правительства недавно сказал: "Кандидату на высокую университетскую должность мешает священный сан". Я говорю об этом без малейшего чувства враждебности по отношению к духовенству, поскольку у меня такового нет; среди них много моих самых дорогих друзей; никто не чтит их надлежащую работу больше, чем я; но вышеупомянутый факт просто отмечен как доказательство продолжения той эволюции, которую я попытался описать в этой серии монографий, — эволюции, действительно, в которой война теологии с наукой была одним из самых активных и могущественных факторов. Я верю, что на оставленном им поприще — их собственном поприще — духовенство будет все больше и больше, по мере того как оно перестанет бороться против научных методов и выводов, выполнять работу еще благороднее и прекраснее, чем все, что они делали до сих пор. И это говорит о многом. Я убежден, что наука, хотя она явно победила догматическое богословие, основанное на библейских текстах и древних образах мышления, будет идти рука об руку с религией; и что, хотя теологический контроль будет продолжать ослабевать, религия, проявляющаяся в признании "Силы во вселенной, а не в нас самих, которая ведет к праведности", и в любви к Богу и ближнему, будет неуклонно становиться все сильнее и сильнее не только в американских учебных заведениях, но и во всем мире. Таким образом, заявление Михея о требованиях Иеговы, определение святого Иакова о "чистой и непорочной религии" и, прежде всего, заповеди и идеалысамого благословенного Основателя христианства могут все более и более эффективно применяться к человечеству.

Я заканчиваю это предисловие через несколько дней после того, как были написаны его первые строки. Весеннее солнце сделало свое дело над Невой; великая река спокойно течет дальше, благословение и радость; мужики забыты. A. D. W.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ Штатов, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,

14 апреля 1894 года.

P.S.— Из-за желания более тщательно переработать некоторые части моей работы, она не была опубликована до настоящего времени. A. D. W.

КОРНЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ИТАКА, Нью-Йорк,

15 августа 1895 года.

Введение

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

ГЛАВА I. ОТ СОТВОРЕНИЯ К ЭВОЛЮЦИИ.

I. ВИДИМАЯ ВСЕЛЕННАЯ.

II. БОГОСЛОВСКИЕ УЧЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКЕ.

III. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

IV. ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ТЕОЛОГИИ.

ГЛАВА II. ГЕОГРАФИЯ.

I. ФОРМА ЗЕМЛИ.

II. ОЧЕРТАНИЯ ЗЕМЛИ.

III. ОБИТАТЕЛИ ЗЕМЛИ.

IV. РАЗМЕР ЗЕМЛИ.

V. ХАРАКТЕР ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ.

ГЛАВА III. АСТРОНОМИЯ.

I. СТАРАЯ СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ.

II. ГЕЛИОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ.

III. ВОЙНА С ГАЛИЛЕЕМ.

IV. ПОБЕДА ЦЕРКВИ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

V. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОБЕДЫ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

VI. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ ЕЕ ПОБЕДЫ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

ГЛАВА IV. ОТ "ЗНАМЕНИЙ И ЧУДЕС" К ЗАКОНУ На НЕБЕСАХ.

I. БОГОСЛОВСКИЙ ВЗГЛЯД.

II. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ СОКРУШИТЬ НАУЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.

III. ВТОРЖЕНИЕ СКЕПТИЦИЗМА.

IV. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА. — ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА НАУКИ.

ГЛАВА V. ОТ КНИГИ БЫТИЯ К ГЕОЛОГИИ.

- I. РОСТ ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ.
- II. ПОПЫТКИ ПОДАВИТЬ НАУЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.
- III. ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПОПЫТКА КОМПРОМИССА, ОСНОВАННАЯ НА НОЕВОМ ПОТОПЕ.
- IV. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА.—ПОБЕДА НАУКИ ЗАВЕРШЕНА.

ГЛАВА VI. ЕГИПТОЛОГИЯ И АССИРИОЛОГИЯ О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.

- I. СВЯЩЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ.
- II. НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ.

ГЛАВА VII. ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

- I. ГРОМОВЫЕ КАМНИ.
- II. КРЕМНЕВОЕ ОРУЖИЕ И ОРУДИЯ ТРУДА.

ГЛАВА VIII. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И АНТРОПОЛОГИЯ

ГЛАВА IX. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ЭТНОЛОГИЯ.

ГЛАВА X. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ИСТОРИЯ.

ГЛАВА XI. ОТ "ВЛАСТЕЛИНА ВОЗДУХА" К МЕТЕОРОЛОГИИ

- I. РАЗВИТИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.
- II. ДЬЯВОЛЬСКАЯ СИЛА В ШТОРМАХ.
- III. АГЕНТСТВО ВЕДЬМ.
- IV. ГРОМООТВОД ФРАНКЛИНА.

ГЛАВА XII. ОТ МАГИИ К ХИМИИ И ФИЗИКЕ.

ГЛАВА XIII. ОТ ЧУДЕС К МЕДИЦИНЕ.

- I. РАННИЕ И СВЯЩЕННЫЕ ТЕОРИИ БОЛЕЗНЕЙ.
- II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕГЕНД ОБ ИСЦЕЛЕНИИ.
- III. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧУДЕСА ИСЦЕЛЕНИЯ ПРОВЕРЯЮТ МЕДИЦИНСКУЮ НАУКУ.
- IV. ПРИПИСЫВАНИЕ БОЛЕЗНЕЙ САТАНИНСКОМУ ВЛИЯНИЮ.
- V. БОГОСЛОВСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНАТОМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ.

VI. НОВЫЕ ЗАЧАТКИ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ.

VII. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСКУРАЖИВАНИЕ МЕДИЦИНЫ.

VIII. ФЕТИШ ЛЕЧИТ При ПРОТЕСТАНТИЗМЕ.—КОРОЛЕВСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.

IX. НАУЧНАЯ БОРЬБА ЗА АНАТОМИЮ.

X. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРИВИВКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

XI. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ От ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В МЕДИЦИНЕ.

ГЛАВА XIV. ОТ ФЕТИША К ГИГИЕНЕ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИДЕМИИ И САНИТАРИЮ.

II. ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА САНИТАРИЮ.

III. ТРИУМФ САНИТАРНОЙ НАУКИ.

IV. ОТНОШЕНИЕ САНИТАРНОЙ НАУКИ К РЕЛИГИИ.

ГЛАВА XV. ОТ "ОДЕРЖИМОСТИ ДЕМОНАМИ" К БЕЗУМИЮ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ БЕЗУМИЯ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ.

II. ЗАЧАТКИ ЗДОРОВОГО СКЕПТИЦИЗМА.

III. ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА И ПОБЕДА НАУКИ.—ПИНЕЛЬ И ТЬЮК.

ГЛАВА XVI. ОТ ДЬЯВОЛЬЩИНЫ К ИСТЕРИИ.

I. ЭПИДЕМИИ "ОДЕРЖИМОСТИ".

II. ЗАЧАТКИ ПОЛЕЗНОГО СКЕПТИЦИЗМА.

III. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ "УТВЕРЖДЕНИЯ". — ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА

ГЛАВА XVII. ОТ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ.

I. СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ В ЕЕ ПЕРВОЙ ФОРМЕ.

II. САКРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ ВТОРОЙ ФОРМЕ.

III. РАЗРУШЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

IV. ТРИУМФ НОВОЙ НАУКИ.

V. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА XVIII. ОТ ЛЕГЕНД МЕРТВОГО МОРЯ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

- I. РОСТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МИФОВ.
- II. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОСТ ЛЕГЕНД О МЕРТВОМ МОРЕ.
- III. КУЛЬМИНАЦИЯ ЛЕГЕНД МЕРТВОГО МОЯ ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ.-НАЧАЛО
- IV. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА. —ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА.

ГЛАВА XIX. ОТ КНИГИ ЛЕВИТ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

- I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВРАЖДЕБНОГО ОТНОШЕНИЯ К ССУДАМ ПОД ПРОЦЕНТЫ.
- II. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ, ПРОТЕСТАНТСКОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ.

ГЛАВА XX. ОТ БОЖЕСТВЕННЫХ ОРАКУЛОВ К ВЫСШЕЙ КРИТИКЕ.

- I. БОЛЕЕ СТАРАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.
- II. НАЧАЛА НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
- III. ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ РОСТ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
- IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СХВАТКА.
- V. ПОБЕДА НАУЧНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО МЕТОДОВ.
- VI. РЕКОНСТРУИРУЮЩАЯ СИЛА НАУЧНОЙ КРИТИКИ.

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

ГЛАВА I.

ОТ СОТВОРЕНИЯ К ЭВОЛЮЦИИ.

- I. Видимая Вселенная.
 - Древние и средневековые взгляды на способ творения
 - На материю творения
 - На время творения
 - На дату творения
 - На Творца
 - На свет и тьму

Возникновение концепции эволюции: у халдеев,
евреев, греков, римлян

Его выживание в средние века, несмотря на немилость
Церкви

Его развитие в наше время.—Гипотеза туманности и ее
борьба с теологией

Идея эволюции наконец одержала победу

Наши священные книги сами по себе являются иллюстрацией ее истинности

Истинное примирение науки и теологии

II. Теологические учения о животных и человеке.

Древние и средневековые представления о сотворении человека

Буквальное принятие книги Бытия

отцами

и реформаторами

Современными богословами, католическими и протестантскими
богословскими рассуждениями о разделении животного царства

Физиолог, Бестиарии, Экземпила

Начало скептического наблюдения

Развитие научного метода в изучении Природы

Разрушение теологической теории творения

III. Теологические и научные теории эволюции в живой природе.

Идеи эволюции у древних

В ранней Церкви

В средневековой церкви

Развитие этих идей с шестнадцатого по восемнадцатый
века

Работы Де Майе,

Линнея,

Бюффона,

Вклад в теорию эволюции в конце
восемнадцатого века

Работы Тревирана и Ламарка,

Жоффруа Сент-Илера и Кювье,

Развитие теории до середины девятнадцатого
века

Вклад Дарвина и Уоллеса

Оппозиция Агассиса

IV. Последнее усилие теологии.

Нападки на Дарвина и его теории в Англии

В Америке

Формирование сакронаучных организаций для борьбы с теорией
эволюции

Атака во Франции
В Германии
Обращение Лайелла в теорию эволюции
Атака на "Происхождение человека" Дарвина
Разница между этой и предыдущей атакой
Враждебность к дарвинизму в Америке
Изменение тона полемики.—Попытки компромисса
Угасание оппозиции эволюции
Последние вспышки теологической враждебности
Окончательная победа эволюции

ГЛАВА II.

ГЕОГРАФИЯ

I. Форма Земли.

Первобытное представление о земле как плоской
В Халдее и Египте
В Персии
У евреев
Эволюция среди греков идеи ее сферичности
Противостояние ранней Церкви
Эволюции священной теории, почерпнутой из Библии
Его завершение Космой Индикоплутом
Его влияние на христианскую мысль
Сохранение идеи сферичности земли —ее принятие
Исидором и Бедой
Его борьба и окончательная победа

II. Очертания Земли.

Вера каждого древнего народа в то, что его собственное центральное место было центром земли
Еврейская убежденность в том, что центр земли находился в Иерусалиме
Принятие христианством этой точки зрения
Влияние других еврейских концепций — Гога и Магога, "четыре ветров", вод "в куче"

III. Обитатели Земли.

Идея антиподов
Его противодействие христианской церкви — Григорий Назианзен, Лактанций, Василий, Амвросий, Августин, Прокопий Газский, Косма, Исидор
Вергилий Зальцбургский, утверждающий его в восьмом веке
Его возрождение Вильгельмом Конхским и Альбертом Великим в тринадцатом

Отказ от него Николя д'Оресме
Судьба Петра из Абано и Чекко д'Асколи
Робость Пьера д'Айи и Тостата
Теологическая помеха Колумбу
Демаркационная линия папы Александра VI
Осторожный консерватизм Григория Рейша
Магеллана и победа науки

IV. Размер Земли.

Научные попытки измерить Землю
Священное решение проблемы
Удачное влияние ошибки на Колумба

V. Характер земной поверхности.

Сервет и обвинение в отрицании плодородия Иудеи
Противопоставление теологического и религиозного духа в
их влиянии на науку

ГЛАВА III.

АСТРОНОМИЯ.

I. Древняя Священная теория Вселенной.

Убежденность ранней Церкви в бесполезности астрономии
Рост священной теории —Ориген, гностики, Филастрий,
Косма, Исидор
Геоцентрическая, или Птолемеяевская, теория, ее происхождение и
принятие христианским миром
Развитие новой сакральной системы астрономии —
псевдо-Дионисий, Питер Ломбард, Фома Аквинский
Его популяризация Данте
Его детали
Его сохранность до наших дней

II. Гелиоцентрическая теория.

Ее возникновение у греков — Пифагора, Филолая, Аристарха
Его подавление обвинением в богохульстве
Он пропал из виду на шестьсот лет, затем на тысячу
Его возродили Николас де Куза и Николай Коперник
Его терпимость как гипотезы
Его запрещение, как только Галилей преподает его как истину
Вытекающая из этого робость ученых—Акоста, Апиан
протестантизм, не менее ревностный в оппозиции, чем
католицизм—Лютер Меланхтон, Кальвин, Турретен

Это противодействие особенно настойчиво в Англии—Хатчинсон,
Пайк, Хорн, Хорсли, Форбс, Оуэн, Уэсли
Результатом является вмешательство в свободу преподавания
Смелость Джордано Бруно и его судьба
Истина, продемонстрированная телескопом Галилея

III. Война с Галилеем.

Сосредоточение войны на этом новом чемпионе
Первая атака
Новые атаки —Эльчи, Бусеус, Каччини, Лорини, Беллармин
Использование эпитетов
Попытки заманить Галилея в ловушку
Его вызов в Римскую инквизицию
Запрет на молчание и осуждение теории
движения Земли
Работа Коперника, внесенная в Индекс
Уединение Галилея
Возобновленные атаки на Галилея—Инхофер, Фромундус

IV. Победа Церкви над Галилеем

Публикация его Dialogo
Враждебность папы Урбана VIII
Второй суд инквизиции над Галилеем
Его отречение от престола
Позднее преследование его
Меры по завершению разрушения теории Коперника
Преследование памяти Галилея
Протестантская враждебность к новой астрономии и ее поборникам

Против Результатов победы над Галилеем.

Ликование церковников по поводу победы
Замалчивание Декарта
Преследование Кампанеллы и Кеплера
Упорство и победа науки
Дилемма теологов
Тщетные попытки отсрочить капитуляцию

VI. Отступление Церкви после ее Победы над Галилеем.

Легкий путь для протестантских теологов
Трудности старой Церкви.—Папская непогрешимость
полностью направлена против попыток уклонения от теории Коперника
—первая ссылка: что Галилей был осужден не
за утверждение движения земли, а за то, что поддерживал это на основании
Писания
, которое легко опровергается
Вторая ссылка: что он был осужден не за ересь, а за

упорство

в глупости этого утверждения

Третья ссылка: что все это было ссорой между аристотелевскими профессорами и теми, кто поддерживает экспериментальный метод

Четвертая ссылка: что осуждение Галилея было вызвано был "временным"

Пятое заявление: что он был жертвой не больше католиков, чем протестантов

Стремившихся очернить репутацию Галилея

Попыток скрыть документы судебного процесса над ним

Их бесплодности

Шестое заявление: что папы как таковые никогда не осуждали его теорию

, Ее опровержение из их собственных уст

Отказ от утверждения честными католиками

Две попытки компромисса—Ньюман, Де Бональд

Влияние всего этого на мыслящих людей

Вина не в католицизме больше, чем в протестантизме — не в религии, а в теологии

ГЛАВА IV.

ОТ "ЗНАМЕНИЙ И ЧУДЕС" К ЗАКОНУ На НЕБЕСАХ.

I. Теологический взгляд.

Ранние верования в кометы, метеоры и затмения

Их унаследовали евреи и христиане

Вера в то, что кометы особенно вредны как источник суеверного ужаса

Его распространение через Средние века

Его кульминация при папе Каликсте III

Зачатки скептицизма —Коперник, Парацельс, Скалигер

Твердость богословов, католических и протестантских, в его поддержке

II. Богословские усилия по сокрушению научной точки зрения.

Усилия через университеты.—Усилие с кафедр

Гербранд в Тюбингене и Дитерих в Марбурге

Местлин в Гейдельберге

Бюттнер, Воссюс, Торребланка, Фромундус

отец Августин де Анджелис в Риме

Райнцер в Линце

Селихий в Магдебурге,

Проповедь Конрада Дитериха в Ульме,

Эрни и других в Швейцарии,

Комета доггерел

Перекликается с Новой Англией—Данфорт, Мортон, Инкрис Мазер

III. Вторжение скептицизма.

Рационализм Коттона Мазера и его причина

Блез де Виженер

Эраст

Беккер, Любеницкий, Пьер Пети,

Байль

Фонтенель

Научное движение, стоящее за всем этим

IV. Богословские усилия по достижению компромисса.— Окончательная Победа науки.

Признание того, что некоторые кометы являются сверхлунными

Разница между научными и теологическими рассуждениями

Развитие рассуждений Тихо и Кеплера—Кассини, Хевель,

Дерфель, Бернуллы, Ньютон

Завершение победы Галлея и Клеро

Пережитки суеверия—Жозеф де Местр,

статистика

Форстера Араго Теории Уистона и Бернета и их влияние в

Германии

Суеверию в Америке пришел конец благодаря лекциям Уинтропа

Благотворное влияние Джона Уэсли

Последствия победы

ГЛАВА V.

ОТ КНИГИ БЫТИЯ К ГЕОЛОГИИ.

I. Рост теологических объяснений

Зародыши геологической истины у греков и римлян

Отношение Церкви к науке

Геологические теории ранних теологов

Отношение схоластов

Вклад арабских школ

Теории ранних протестантов

Влияние возрождения образования

II. Попытки подавить Научную точку зрения.

Возрождение научных методов

Бюффон и Сорбонна

Трактат Берингера об окаменелостях

Протестантская оппозиция новой геологии - работы Бернета,

Уистона, Уэсли, Кларка,
Уотсона, Арнольда, Кокберна и других

III. Первая крупная попытка компромисса, основанная на потопе
Ноя.

Теория о том, что окаменелости появились в результате Всемирного потопа
Его принятие как католиками, так и протестантами —Лютером, Кальме
Бернетом, Уистоном, Вудвордом, Мазурье, Торрубия, Усиливают теорию Мазера об
окаменелостях

Шейхцера

Вольтера

Тщетные усилия просвещенных церковников во имя научного
взгляда

Устойчивый прогресс науки—работа Кювье и Броньяра

Оппозиция Гранвиля Пенна

Переход Бакленда и Лайелла на научную сторону

Капитуляция теологов

Остатки старой веры

Смертельный удар, нанесенный традиционной теории Всемирного потопа
открытием халдейских свидетельств,

Результатов теологического противостояния науке

IV. Последние попытки найти компромисс — Победа Науки
завершена.

Усилия Карла фон Раумера, Вагнера и других

Новые свидетельства пещер и отложений дрейфа о
древности человека

Усилия Госсе сохранить буквальную интерпретацию Книги Бытия

Усилия континентальных теологов

Попытка Гладстона найти компромисс

Ее опровержение Хаксли

Кэнон Драйвер

Дин Стэнли о примирении науки и Священного Писания

ГЛАВА VI.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЕГИПТОЛОГИЯ И АССИРИОЛОГИЯ.

I. Священная хронология.

Две области, в которых наука одержала решительную победу над
теологией

Мнения отцов Церкви о древности человека

Хронология Исидора

Беды

средневековых еврейских ученых

Взгляды реформаторов на древность человека
Римской церкви
Архиепископа Ашера
Влияние египтологии на веру в древность человека
Теория Ла Пейрера о доадамитской
оппозиции в Англии новой хронологии

II. Новая хронология.

Влияние новой науки Египтологии на библейскую хронологию

История Египта Манефона и вытекающая из нее новая хронология
Свидетельства древности человека, представленные памятниками
Египта
Своим искусством
своей наукой
другими элементами цивилизации
Останками, найденными в русле Нила,
Доказательствами, полученными в результате изучения ассириологии

ГЛАВА VII.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ.

I. Громовые камни.

Ранние верования относительно "громовых камней"
Теории Меркати и Толлиуса относительно них
Их отождествление с орудиями труда доисторического человека
Останки человека, найденные в пещерах
Неблагоприятное влияние на научную деятельность политических
условий начала девятнадцатого века
Изменение, вызванное Французской революцией, на {??}
Сплочение реакционного клерикального влияния против науки

II. Кремневое оружие и орудия труда.

Вклад Буше де Перта в познание
доисторического человека
Его выводы подтверждены Лайелем и другими
Исследованиями пещер Лартет и Кристи
Доказательствами существования человека служат грубые резные изображения
Исследования пещер на Британских островах
Свидетельствуют о существовании человека в период дрейфа
В раннечетвертичный и третичный периоды

ГЛАВА VIII.

"ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И АНТРОПОЛОГИЯ.

Два антагонистических взгляда на жизнь человека на земле

Теория "грехопадения" у древних народов

Наследование этой точки зрения христианской церковью

Появление у греков и римлян теории возвышения человека

Ее исчезновение в средние века

Ее развитие с семнадцатого века

Первый удар по доктрине "грехопадения" наносится геологией

Влияние антропологии на веру в эту доктрину

Находки человеческих черепов в четвертичных отложениях

Их значение

Результаты сравнительного изучения останков

работы рук человека

Обнаружение человеческих останков в раковинах -кучи на берегах

Балтийского моря

В торфяных пластах

Обитатели озера

Указания на восходящее направление развития человека

Атака мистера Саутхолла на теорию древности человека

Ответ на нее

Обнаружение останков доисторического человека в Египте

Атака Хамара на новые научные выводы

Сохранение доисторических орудий в религиозных обрядах

Сила аргумента против теории "Грехопадения человека"

ГЛАВА IX.

"ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ЭТНОЛОГИЯ.

Зачатки науки сравнительной этнологии

Ее свидетельство о восходящей тенденции человека от низкого начала

Попытки теологов сломить ее силу — попытка Де Местра и Дебональда

Уэтли

Попытка герцога Аргайлла

Доказательство стремления человека к возвышению, почерпнутое из сравнительной филологии

Из сравнительной литературы и фольклора

Из сравнительной этнографии

Из биологии

ГЛАВА X.

"ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ИСТОРИЯ.

Доказательство прогресса, данное историей искусства
Доказательства из общей истории
Развитие цивилизации даже при неблагоприятных обстоятельствах
Продвижение даже через катастрофы и упадок
цивилизаций
Прогресс, не ограниченный материальным состоянием человека
Теологическая борьба против нового научного взгляда
Преследование профессора Дж. Уинчелл
О докторе Вудроу
Другие вмешательства в свободу преподавания
Большой вред, наносимый таким образом религии
Подъем лучшего духа
Услуга, оказанная антропологией религии

ГЛАВА XI.

ОТ "ВЛАСТЕЛИНА ВОЗДУХА" К МЕТЕОРОЛОГИИ.

I. Развитие теологической теории.

Верования классической древности относительно штормов, грома и молнии
Развитие священной науки метеорологии отцами Церкви
Теории Космы Индикоплустеса
Исидора Севильского
Беды Рабана Мавра
Рациональных взглядов Гонория Отенского
Ортодоксальных теорий Иоанна Сан-Джеминиано
Попытка Альберта Великого примирить рассуждения Аристотеля с теологическими воззрениями
Монашеские энциклопедисты
Теории, касающиеся радуги и причин штормов,
Метеорологические явления, приписываемые Всемогущему

II. Дьявольская сила в Штормах.

Метеорологические явления приписываются дьяволу — "князю силы воздуха"
Распространение этой веры средневековыми теологами
Его передача как католикам, так и протестантам—Экк, Лютер
Великий труд Дельрио
"Компендиум Гуаччи"
"Применение молитвы против "сил воздуха"

Об изгнании бесов
, о фетишах и процессиях
, Об освящении церковных колоколов

III. Агентство ведьм.

Страшные результаты суеверия о ведьмах,
Выросшего из доктрины о влиянии зла на атмосферные
явления

Тщетная попытка архиепископа Агобарда развеять его
С санкции пап

Его подкрепляют признаниями, добытыми под пытками,
Участие в преследовании доминиканцами и иезуитами
Противников теории ведьм —Помпонатиуса, Парацельса, Агриппы
Неттесгеймского

Жана Бодена в защиту суеверия

Судьба Корнелиуса Лооса

О Дитрихе Фладе

Усилиях Шпее остановить преследование

Его посмертном влиянии

Сторонники ортодоксального взгляда—епископ Бинсфельд, Ремигиус

Тщетные протесты Вира

Преследование Беккера за противодействие распространенным верованиям

Влияние Реформации на углубление суеверий

Преследование в Великобритании и Америке

Развитие научного взгляда на небеса

Последние попытки возродить старую веру

IV. Громоотвод Франклина.

Эксперименты Франклина с воздушным змеем

Их влияние на старую веру

Попытки найти компромисс между научными и теологическими
теориями

Успешное использование громоотвода

Религиозные разногласия против него в Америке

В Англии

В Австрии

В Италии

Победа научной теории

Примером этой победы может служить случай с церковью
монастыря Леринс

В случае с доктором Мурхаусом

В случае с засухами в Миссури

ГЛАВА XII.

ОТ МАГИИ К ХИМИИ И ФИЗИКЕ.

I. Верховенство магии.

Примитивная склонность к вере в магию
Греческая концепция законов природы
Влияние Платона и Аристотеля на рост науки
Влияние утверждения христианства на развитие физических наук
Возрождение мысли в двенадцатом и тринадцатом веках
Альберт Великий
Винсент из Бове,
Фома Аквинский,
положивший начало экспериментальному методу Роджера Бэкона, свел на нет
Вера в то, что наука бесполезна, уступает место вере в то, что она опасна
Два вида магии
Редкость преследований за магию до христианской эры
Христианская теория дьяволов
Законы Константина против магии
Усиливающийся ужас перед магией и колдовством
Папские постановления против них
Сохранение веры в магию
Его влияние на развитие науки
Роджер Бэкон
Противодействие светских правителей науке
Джон Баптист Порта
Противодействие научным обществам в Италии
В Англии
Стремление перевести всю мысль с науки на религию
Развитие мистической теологии
Ее пагубное влияние на науку
Смещение теологии с научными спекуляциями
Это показано в случае Меланхтона
В случае Фрэнсиса Бэкона
Теологическая теория газов
Рост научной теории
Бэзил Валентайн и его вклад в химию
Триумф научной теории

II. Триумф химии и физики.

Новая эпоха в химии, начатая Бойлем
Отношение толпы к науке
Влияние на науку реакции, последовавшей за Французской революцией: {?}
Развитие химии с середины девятнадцатого

века

Развитие физики

Современное противодействие науке в католических странах

Атака на научное образование во Франции

В Англии

В Пруссии

Восстание против подчинения образования науке

Влияние II Международной выставки {?} в Лондоне

На финансирование государственных колледжей в Америке в соответствии с Законом Моррилла от 1862 г.

Последствия для религии

ГЛАВА XIII.

ОТ ЧУДЕС К МЕДИЦИНЕ.

I. РАННИЕ И СВЯЩЕННЫЕ ТЕОРИИ БОЛЕЗНЕЙ.

Естественность идеи сверхъестественного вмешательства в возникновение и излечение болезней

Распространенность этой идеи в древних цивилизациях

Зачатки научной теории медицины

Двойное влияние христианства на искусство врачевания

II. РОСТ ЛЕГЕНД ОБ ИСЦЕЛЕНИИ. —ЖИЗНЬ КСАВЬЕРА КАК ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР.

Рост легенд о чудесах из жизни великих благодетелей человечества

Очерк карьеры Ксавьера

Отсутствие рассказов о чудесах в его трудах и трудах его современников

Прямое свидетельство того, что Ксаверий не творил чудес

Рост легенд о чудесах, как показано в ранних биографиях него

, как показано в процессе канонизации

Естественность этих легенд

III. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧУДЕСА ИСЦЕЛЕНИЯ ПРОВЕРЯЮТ МЕДИЦИНСКУЮ НАУКУ.

Характер свидетельства о чудесах

Связь средневековых чудес с языческими

Их фактическая основа

Различные виды чудесных исцелений

Атмосфера сверхъестественного, окружающая все виды лечения

Влияние этой атмосферы на медицинскую науку

IV. ПРИПИСЫВАНИЕ БОЛЕЗНЕЙ САТАНИНСКОМУ ВЛИЯНИЮ. — "ПАСТЫРСКАЯ

МЕДИЦИНА" ПРОВЕРЯЕТ НАУЧНЫЕ УСИЛИЯ.

- Теологическая теория о причине болезни
- Влияние личных интересов на "пастырскую медицину"
- Развитие фетишизма в Кельне и других местах
- Другие разработки фетишного лечения

Против ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АНАТОМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ.

- Средневековая вера в незаконность вмешательства в тела умерших, против вскрытия которых выступали на том основании, что "Церковь не терпит пролития крови"
- Указ Бонифация VIII и его результаты

VI. НОВЫЕ ЗАЧАТКИ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ.

- Гален
- Слабое развитие медицинской науки в Церкви
- Среди евреев и мусульман
- Продвижение медицинской науки различными христианскими мирянами
- средневековья
- редкими учеными
- различными священнослужителями

VII. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСКУРАЖИВАНИЕ МЕДИЦИНЫ.

- Противодействие излечению от болезней естественными средствами
- Требование церковного совета перед проведением медицинского лечения
- Обвинение ученых в магии и мусульманстве
- Эффект церковного противодействия медицине
- Доктрина подписей
- Доктрина экзорцизма
- Теологическая оппозиция хирургии
- Развитие чудодейственных и фетишистских методов лечения
- Мода на благочестивые методы лечения
- Лечебные свойства священных мест
- Теологический аргумент в пользу чудесных исцелений
- Предубеждение против еврейских врачей

VIII. ФЕТИШ ЛЕЧИТ При ПРОТЕСТАНТИЗМЕ.—КОРОЛЕВСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.

- Теория болезней Лютера
- Королевское прикосновение
- Излечивает, совершенное Карлом II Яковом II
- Вильгельмом III
- Королевой Анной
- Людовиком XIV
- Всеобщее признание этих чудес

IX. НАУЧНАЯ БОРЬБА ЗА АНАТОМИЮ.

Периодическое поощрение медицинской науки в Средние века
Новый импульс было придано возрождением образования и эпохой открытий

Парацельса и Мундинуса

Везалия, основателя современной анатомической науки.—Его карьера и судьба

X. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРИВИВКАМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АНЕСТЕТИКОВ.

Богословское противодействие прививкам в Европе
В Америке

Теологическое противодействие вакцинации

Недавняя враждебность к вакцинации в Англии

В Канаде во время эпидемии оспы

Теологическое противодействие употреблению кокаина

, использованию хинина

Теологическое противодействие использованию анестетиков

XI. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В МЕДИЦИНЕ.

Изменения, внесенные в Американскую книгу общей молитвы,

Влияют на теологический взгляд на растущее знание о связи между воображением и медициной

Влияние открытий в области гипноза

В бактериологии

Связь между установленной истиной и "возрастами веры"

ГЛАВА XIV.

ОТ ФЕТИША К ГИГИЕНЕ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИДЕМИИ И САНИТАРИЮ.

Повторение великих эпидемий

Их раннее приписывание гневу или злобе невидимых сил

Их истинная причина - отсутствие гигиенических мер предосторожности

Теологический апофеоз нечистоты

Санкция, данная священной теории чумы папой Григорием

Великим

Способы умилоствления высших сил

Способы противодействия силам зла

Преследование евреев как эмиссаров сатаны

Преследование ведьм как эмиссаров сатаны

Случай Унтори в Милане

Новые проявления фетишизма.—Кровь святого Януария в

Неаполе

Появление более совершенных методов в Италии.—В Испании

II. ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА САНИТАРИЮ.

Сравнительная свобода Англии от преследований за распространение чумы, несмотря на ее плачевное санитарное состояние

Помощь требовалась в основном через церковные службы

Последствия большого пожара в Лондоне

Тюремная лихорадка

Работа Джона Говарда о

эпидемиях в американских колониях

Во Франции.—Великая чума в Марселе

Сохранение старых методов в Австрии

, в Шотландии

III. ТРИУМФ САНИТАРНОЙ НАУКИ.

Трудность согласования теологической теории эпидемий с накоплением фактов

Любопытные подходы к правильной теории

Закон, регулирующий отношение теологии к болезням

Недавние победы гигиены во всех странах

В Англии.—Чедвик и его коллеги

Во Франции

IV. ОТНОШЕНИЕ САНИТАРНОЙ НАУКИ К РЕЛИГИИ.

Процесс развития санитарной науки не за счет религии

Иллюстрация из политики Наполеона III во Франции

Влияние надлежащей санитарии на эпидемии в Соединенных Штатах

Изменение отношения Церкви к причинам и способам лечения чумы

ГЛАВА XV.

ОТ "ОДЕРЖИМОСТИ ДЕМОНАМИ" К БЕЗУМИЮ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ БЕЗУМИЯ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ.

Борьба за научное лечение душевнобольных

Примитивное приписывание безумия злым духам

Лучшие греческие и римские теории—безумие как болезнь

Христианская церковь принимает демоническую теорию безумия

, но какое-то время использует мягкие методы для душевнобольных

Распространение практики наказания вселившегося демона

Два источника, из которых можно было бы надеяться на лучшее.—

Причины их бесполезности

Рост экзорцизма

Использование порки и пыток
Роль искусства и литературы в донесении до обывателя
идеи дьявольской деятельности
Эффекты религиозных процессий как лекарства от психических заболеваний
Изгнание бесов из животных
Вера в превращение людей в животных
Доктрина одержимости демонами в Реформатской церкви

II. ЗАЧАТКИ ЗДОРОВОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Соперничество между католиками и протестантами в изгнании
дьяволов
Усилило веру в колдовство в период после
Реформации
Рост безумия во время преследований ведьм II {?}
Отношение врачей к колдовству I
Религиозные галлюцинации душевнобольных I
Теории о способах проникновения дьявола в одержимых
Влияние монашеской жизни на развитие безумия
Протесты против теологического взгляда на безумие—Вир,
Монтаг Беккер
Последние битвы старого суеверия

III. ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА И ПОБЕДА НАУКИ. —ПИНЕЛЬ И ТЬЮК.

Влияние французской философии на веру в
одержимость
демонами, реакционное влияние Джона Уэсли,
Прогресс научных идей в Пруссии,
В Австрии,
В Америке,
В Южной Германии,
Всеобщее безразличие к страданиям сумасшедших,
Начало более гуманного обращения
Жан Батист Пинель,
Улучшение обращения с душевнобольными в Англии. Уильям
Тьюк
Место Пинеля и Тьюка в истории

ГЛАВА XVI.

ОТ ДЬЯВОЛЬЩИНЫ К ИСТЕРИИ.

I. ЭПИДЕМИИ "ОДЕРЖИМОСТИ".

Сохранение веры в дьявольскую деятельность как причины таких
эпидемий
- Эпидемий истерии в классические времена

В Средние века
Танцевальная мания
Неспособность науки в течение пятнадцатого века справиться с такими болезнями
Случаи одержимости, включенные в сферу медицинских исследований в шестнадцатом веке
Вымирание этой формы психического заболевания в Северной Европе
В Италии
Эпидемии истерии в монастырях
Случай с Мартой Броссье
Возрождение во Франции веры в дьявольское влияние
Владения урсулинок из Лудена и Урбена Грандье среди гугенотов в Новой Англии.
—Преследование салемских ведьм
В Париже.—Предполагаемые чудеса на могиле архидьякона Париса
В Германии.—Случай с Марией Ренатой Сэнгер
Более поздние вспышки

II. ЗАЧАТКИ ПОЛЕЗНОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Вспышки истерии на фабриках и в больницах
В местах религиозного возбуждения
Случай в Морзине
Аналогичные случаи среди протестантов и в Африке

III. БОГОСЛОВСКИЕ "ПЕРЕФОРМУЛИРОВКИ". — ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА И МЕТОДОВ.

Успешное применение медицинской науки в лечении психических заболеваний
Попытки придать научный оборот теории дьявольского воздействия на болезни
Последняя великая демонстрация старой веры в Англии
Окончательный триумф науки во второй половине нынешнего столетия
Последние отголоски старой веры

ГЛАВА XVII.

ОТ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ.

I. СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ В ЕЕ ПЕРВОЙ ФОРМЕ.

Отличие истории сравнительной филологии от истории других наук в отношении позиции богословов
Любопытство древнего человека относительно происхождения, примитивной формы и разнообразия языков
Ответ на эти вопросы на иврите
Легенда о Вавилонской башне

Истинная причина строительства башен халдеями и
причины их разрушения
Другие легенды о смешении языков
Влияние на христианский мир еврейских легенд
Теория Лукреция о происхождении языка
Учения отцов Церкви по этому вопросу
Спор о божественном происхождении еврейской гласной
указывает на
Отношение реформаторов к этому вопросу
католических ученых.—Марини Капеллус и его противники
Трактат Данциуса

II. СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ ВТОРОЙ ФОРМЕ.

Теологическая теория о том, что иврит был первобытным языком, божественно
раскрыта
Эта теория поддерживалась всеми христианскими учеными до
начала восемнадцатого века
Несогласия Придо и Коттона Мазера
Очевидная сила священной теории языка

III. РАЗРУШЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Причина, по которой Церковь с готовностью принимает выводы
сравнительной филологии
"Начала научной теории языка"
Хоттингер
Leibnitz
Сборники Екатерины Великой, Херваса и Аделунга
Хаотический период в филологии между Лейбницем и началом
изучения санскрита
Иллюстрации из последовательных изданий Энциклопедии
Британника

IV. ТРИУМФ НОВОЙ НАУКИ.

Влияние открытия санскрита на старую теорию
Попытки дискредитировать новое учение
Всеобщее признание новой теории
Разрушение веры в то, что все сотворенные вещи были впервые
названы Адамом
Веры в божественное происхождение букв
Попытки в Англии поддержать старую теорию языка
Прогресс филологической науки во Франции
В Германии
В Великобритании
Недавние абсурдные попытки доказать, что иврит был примитивным языком

V. РЕЗЮМЕ.

Постепенное исчезновение старых теорий о происхождении
речи и письменности
Полное принятие новых теорий всеми христианскими учеными
Результат для религии и Библии

ГЛАВА XVIII.

ОТ ЛЕГЕНД МЕРТВОГО МОРЯ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ,

I. РОСТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МИФОВ.

Рост мифов, объясняющих замечательные явления в
природе — горы, скалы, камни с необычными отметинами, окаменелости,
продукты вулканической деятельности
Мифы о превращении живых существ в природные объекты
Развитие науки сравнительной мифологии

II. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОСТ ЛЕГЕНД О МЕРТВОМ МОРЕ.

Описание Мертвого моря
Впечатление, произведенное его особенностями на первых обитателей
Палестины
Причины выбора мифов Мертвого моря для изучения
Естественность возникновения легенд о соляном регионе
Усдум
Всеобщая вера в эти легенды
Совпадающие свидетельства ранних и средневековых авторов, иудейских и
христианских, о существовании жены Лота как "
соляного столпа", а также о других чудесах Мертвого моря
Расхождения в различных рассказах и теологических
объяснениях их
Теологические споры о статуе жены Лота
Развитие легенды в шестнадцатом веке

III. ПОСТРЕФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬМИНАЦИЯ ЛЕГЕНД О МЕРТВОМ МОРЕ

. -ЗАЧАТКИ ЗДОРОВОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Популяризация старых легенд в эпоху Реформации
Распространение новых мифов среди ученых
Признаки скептицизма среди путешественников ближе к концу
шестнадцатого века
Попытка Куарежмио пресечь эту тенденцию
Эжена Роже
Веделиуса
Влияние этих учений
Возрожденный скептицизм — семнадцатый и восемнадцатый века
Усилия Бримля и Масиуса в поддержку старых мифов
Их влияние
Путешествия Марити и Волни

Влияние научной мысли на легенды Мертвого моря в
восемнадцатом веке
Реакционные усилия Шатобриана
Исследования натуралиста Зетцена
О докторе Робинсоне
Экспедиции лейтенанта Линча
, Расследованиях Де Сольси
, О герцоге де Люине.—Отчет Лартета
Краткое изложение расследований девятнадцатого
века.—Вердикт Риттера

IV. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА.—ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА.

Попытки согласовать научные факты с легендами Мертвого моря
Исследования Ван де Вельде региона Мертвого моря
в книге
каноника Тристрама. Протесты Мислина против растущего рационализма
Работа Шаффа и Осборна
Принятие лидерами Церкви научного взгляда
Приписывание доктором Гейки мифов арабам
Mgr. Осман де Вандельбург и его неприятие научного
взгляда
Служение теологов религии в принятии выводов
о молчании в этой области

ГЛАВА XIX.

ОТ КНИГИ ЛЕВИТ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВРАЖДЕБНОГО ОТНОШЕНИЯ К ССУДАМ ПОД ПРОЦЕНТЫ.

Всеобщая вера в греховность одалживания денег под проценты
Интерес греков и римлян к
Оппозиции со стороны лидеров мысли, особенно Аристотеля,
Осуждению этой практики Ветхим и Новым Заветами
Отцами Церкви
В церковном и светском законодательстве
Иногда делаются исключения в пользу евреев
Враждебность кафедры к
каноническому праву
Пагубные результаты запрета ссуд под проценты
Попытки побудить Церковь изменить свою позицию
Богословские уклонения от правил
Отношение реформаторов к взиманию процентов
Борьба в Англии за признание права принимать
проценты

Изобретение различия между ростовщичеством и процентами

II. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ, ПРОТЕСТАНТСКОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ.

Атака сэра Роберта Филмера на старую доктрину

Отступление протестантской церкви в Голландии

В Германии и Америке

Трудности на пути компромисса в католической церкви

Провал подобных попыток во Франции

Теоретическое осуждение ростовщичества в Италии

Игнорирование всех ограничений на практике

Попытки Эскобара и Лигуори примирить получение процентов с учением Церкви

Атака Монтеスキё на старую теорию

Энциклика Бенедикта XIV, разрешающая получение процентов

Аналогичное решение инквизиции в Риме

Окончательное отступление католической церкви

Любопытные взаимоотношения теологии с общественной экономикой в других областях

ГЛАВА XX.

ОТ БОЖЕСТВЕННЫХ ОРАКУЛОВ К ВЫСШЕЙ КРИТИКЕ.

I. БОЛЕЕ СТАРАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Характер великих священных книг мира

Общие законы, управляющие развитием и влиянием священной литературы. Закон его происхождения

Легенды, касающиеся Септуагинты

Закон воли и причин

Закон непогрешимости

Враждебность к пересмотру перевода

Библии

короля Джеймса Закон единства

Действие этих законов наблюдалось в великих раввинских школах

Закон аллегорического толкования

Филона

Иудея

Юстина Мученика и Климента Александрийского

Оккультного значения чисел

Оригена

Хилари из Пуатье и Иероним

Августин

Григорий Великий

Тщетно пытаются остановить поток аллегорических толкований

Беда.—Савонарола

Методы современной критики впервые применил
Лоренцо Валла
Эразм
Влияние Реформации на веру в непогрешимость
священных книг.—Лютер и Меланхтон
Развитие схоластики в Реформатской церкви
Католическая вера в вдохновение Вульгаты
Противодействие в России пересмотру славянских Писаний
Сэр Исаак Ньютон как комментатор
толкования Священных Писаний в начале восемнадцатого
века

II. НАЧАЛО НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Теологические представления о Пятикнижии
Книга Бытия
Сомнение, брошенное на священную теорию Абеном Эзрой
Карлштадтом и Маесом
Влияние открытия, что исидорианские
декреталии были подделками
Что сочинения, приписываемые Дионисию Ареопагиту, были
серьезными
Гоббс и Ла Пейрер
Спиноза
Прогресс библейской критики во Франции. Применение Ричардом Саймоном
Леклерка
епископа Лоута
Аструка
Эйхгорном "высшей критики" к библейским
исследованиям
Изенбиля
Гердера
Александр Геддес
Противодействие высшей критике в Германии
Хупфельд
Ватке и Ройсс
Куэнен
Велльхаузен

III. ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ РОСТ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Прогресс высшей критики в Германии и Голландии
Противодействие ей в Англии
В Оксфордском университете
Пьюзи
Бентли
Вольфа
Нибура и Арнольда

Мильмана

Терлуолла и Гроте

Публикация эссе и рецензий и буря, поднятая
книгой

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА.

Работа Коленсо над Пятикнижием

Преследование его,

Участие в нем епископа Уилберфорса,

дина Стэнли,

епископа Терлуолла,

Результаты работы Коленсо,

Бэмптонские лекции Сэндея,

Колледж Кебл и Люкс

Мунди

Прогресс библейской критики среди инакомыслящих

Во Франции.—Ренан

В Римско-католической церкви

Энциклика папы Льва XIII

В Америке.—Теодор Паркер

Кажущаяся сила старой теории вдохновения

Реальная сила нового движения

Против ПОБЕДЫ НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕТОДОВ.

Подтверждение выводов высшей критики со стороны

ассириологии и Египтологии

Проливает свет на еврейскую религию благодаря переводу

священных книг Востока

Влияние персидской мысли.—Работа преподобного доктора Миллса

Влияние индийской мысли.—Свет, пролитый изучением

брахманизма и буддизма

Работы отцов Хука и Габета

Открытие того, что сам Будда был канонизирован как христианский

святой

Сходство идей и легенд буддизма и

христианства

Применение высшей критики к Новому Завету

Английская "Пересмотренная версия" Исследований по формированию

канона Священного Писания

с признанием законов, управляющих его развитием,

Изменяется в духе полемики по поводу высшей критики

VI. РЕКОНСТРУИРУЮЩАЯ СИЛА НАУЧНОЙ КРИТИКИ.

Развитие научной атмосферы в течение последних трех

столетий

Деятельность современной науки по реконструкции религиозной истины

Вызванные ею изменения в концепции священной литературы

О Божественной силе.—О человеке.—О мире в целом
нашей Библии

ГЛАВА I. ОТ СОТВОРЕНИЯ К ЭВОЛЮЦИИ.

I. ВИДИМАЯ ВСЕЛЕННАЯ.

Среди множества соборных скульптур, сохранивших так много от средневековой теологии, одна часто повторяющаяся группа примечательна тем, что представляет освященную веками доктрину о происхождении вселенной.

Всемогущий в человеческом обличье благосклонно восседает, создавая солнце, луну и звезды и подвешивая их к твердому небосводу, который поддерживает "небеса вверху" и возвышается над "землей внизу".

Морщины мысли на челе Творца показывают, что в этой работе он вынужден изощряться; узловатые мускулы на его руках показывают, что он вынужден трудиться; естественно, скульпторы и живописцы средневековья и раннего нового времени часто изображали его таким, каким его изображали писатели, чьи концепции они воплощали, — как на седьмой день, утомленного размышлениями и трудом, наслаждающегося заслуженным отдыхом и аплодисментами небесного воинства.

В этих окаменелостях мысли в соборах и в других проявлениях той же идеи в скульптуре, живописи, окрашивании стекла, мозаике и гравюре в средние века и в два последующих столетия кульминацией стала вера, которая развивалась на протяжении тысячелетий и которая определяла мировое мышление вплоть до наших дней.

Его истоки уходят далеко в историю человечества; мы находим их среди ранних записей почти всех великих цивилизаций, и они занимают самое видное место в различных священных книгах мира. Почти во всех из них раскрывается концепция Творца, несовершенным подобием которого является человек, и который буквально и непосредственно создал видимую вселенную своими руками и перстами.

Среди этих теорий особый интерес для нас представляют те, которые контролировали богословскую мысль в Халдее. Ассирийские надписи, которые были недавно обнаружены и переданы англоязычным народам Лейардом, Джорджем Смитом, Сейсом и другими, показывают, что в древних религиях Халдеи и Вавилонии было разработано повествование о сотворении мира, которое в своих наиболее важных чертах, должно быть, послужило источником для наших собственных священных книг. Теперь стало совершенно ясно, что из тех же источников, которые вдохновили халдео-вавилонскую, ассирийскую, финикийскую и другие древние цивилизации на создание вселенной, пришли идеи, занимающие столь видное место в священных книгах евреев. В двух рассказах, несовершенно слитых воедино в Книге Бытия, а также в рассказе, на который у нас есть указания в книге Иова и в Притчах, представлена, часто с величайшим возвышением, одна и та же ранняя концепция Творца и творения — концепция, столь естественная на заре цивилизации, о Творце, который является увеличенным человеческим существом, работающим буквально своими руками, и о творении, которое является "работой его пальцев". В дополнение к этому взгляду была развита вера в этого Творца как в того, кто, обладая

... "из его широкой ладони вылетели вращающиеся планеты в космос".

восседает высоко, на троне "по кругу небес", постоянно контролируя их и направляя.

Из этой идеи творения со временем развился несколько более благородный взгляд. Древние мыслители, и особенно, как сейчас выясняется, в Египте, предполагали, что главным действующим лицом в творении были не руки и пальцы Творца, а его ГОЛОС. Следовательно, к более ранней, более грубой вере в происхождение земли и небесных тел Всемогущим примешивалась более впечатляющая идея о том, что "он сказал, и они были сотворены" — что они были созданы его СЛОВОМ. (1)

(1) Среди множества средневековых изображений сотворения вселенной, я особенно вспоминаю из личного наблюдения скульптуры, установленные над порталами соборов Фрейбурга и Упсалы, росписи на стенах Кампо Санто в Пизе и, что наиболее поразительно из всего, мозаики собора Монреале и Капеллы Палатины в Палермо. Среди особенностей, демонстрирующих простоту более ранней концепции, очень бросается в глаза представление об ответе Всемогущего на седьмой день. Он изображен сидящим почти в точной позе "Усталого Меркурия" классической скульптуры — согнувшимся и с очень заметным выражением усталости на лице и во всем расположении его тела.

Мозаики Монреале изображены в великой работе Гравины, а фрески Пизы - в "Иконографии" Дидрона, Париж, 1843, стр. 598. Точное изложение сходств, которые разрешили вопрос среди

наиболее выдающихся ученых в пользу происхождения еврейской космогонии от ассирийской, см. Йенсен, "Космология вавилонянина", Страсбург, 1890, стр. 304, 306; также Франц Лукас, "Грундбегрифф" в "Космографии альтена Фолькера", Лейпциг, 1893, стр. 35-46; также "Халдейское бытие" Джорджа Смита, особенно немецкий перевод с дополнениями Делица, Лейпциг, 1876, и Шрейдер, *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, Giessen, 1883, стр. 1-54 и др. См. также Ренан, "История народа Израиля", том i, глава i, "Античное влияние вавилонии". О взглядах египтян на сотворение мира, и особенно о переходе от идеи сотворения руками и перстами Творца к творению его ГОЛОСОМ и его "словом", см. Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", стр. 145-146.

Среди первых отцов Церкви этот общий взгляд на творение стал основополагающим; они все сильнее и сильнее внушали христианскому миру веру в то, что вселенная была создана в совершенно буквальном смысле руками или голосом Бога. То тут, то там различные богословы более широкого кругозора пытались дать более духовный взгляд на некоторые части творческой работы, и среди них были святой Григорий Нисский и святой Августин. Будучи готовыми принять буквальный текст Священного Писания, они восстали против концепции реального сотворения вселенной руками и перстами Высшего Существа, и в этом им последовали Беда и несколько других; но преобладали более материальные концепции, и мы находим, что они обретают форму не только в скульптурах, мозаиках и витражах соборов, и иллюстрациях к молитвенникам и псалтири, но позже, в конце средних веков, в иллюстрированных Библиях и в общей литературе.

В сознании англосаксов эта древняя материальная концепция творения была воплощена двумя поэтами, чьи произведения особенно взывали к более глубоким религиозным чувствам. В седьмом веке Кэдмон перефразировал рассказ, приведенный в Книге Бытия, представив эту материальную концепцию в самой буквальной форме; а тысячу лет спустя Мильтон развил из различных утверждений Ветхого Завета, смешанных с теологией относительно "творящего Слова", почерпнутой из Нового Завета, свое описание творения вторым лицом в Троице, более буквального и материального которого не могло быть ничего:

"Он взял золотой циркуль, приготовленный
В вечном Божьем хранилище, чтобы очертить
Эта вселенная и все сотворенное.
Одной ногой он центрировал, а другой поворачивал
Огибая необъятную глубину, неясную,
И сказал: "Так далеко простираются, так далеки твои границы:
Это будет твоя справедливая окружность, о мир!"(2)

(2) О Григории Нисском, Августине и общем предмете развития теории эволюции у греков читайте в превосходной работе доктора Осборна "От греков до Дарвина", стр. 33 и далее; о Кэдмоне см. Любое издание — я использовал издание Бутервека, Гутерсло, 1854; о Мильтоне см. "Потерянный рай", книга vii, строки 225-231.

Вот и весь ортодоксальный взгляд на СПОСОБ творения.

Следующий пункт, разработанный в этой теологической эволюции, касался МАТЕРИИ, из которой была создана вселенная, и подавляющим большинством было решено, что никакой материальной субстанции не существовало до сотворения материальной вселенной - что "Бог создал все из ничего". Некоторые отважные мыслители, основываясь в своих рассуждениях на первых стихах Книги Бытия, намекали на иную точку зрения, а именно на то, что масса, "бесформенная и пустая", существовала до возникновения вселенной; но эта доктрина вскоре исчезла из поля зрения. Подавляющее большинство отцов церкви недвусмысленно высказывались по этому поводу. Тертуллиан был особенно строг к тем, кто придерживался какой-либо иной точки зрения, отличной от общепринятой ортодоксальной: он заявил, что, если бы существовала какая-либо предсуществующая материя, из которой был создан мир, Писание упомянуло бы об этом; что, не упоминая об этом, Бог дал нам ясное доказательство того, что такой вещи не было; и, используя манеру, небезызвестную в других богословских спорах, он угрожает Гермогену, придерживающемуся противоположной точки зрения, горем, которое надвигается на всех, кто дополняет или отнимает написанное слово.

Святой Августин, который проявлял признаки веры в предсуществование материи, примирился с преобладающим мнением простым рассуждением о том, что "хотя мир был создан из некоторого материала, этот же самый материал, должно быть, был создан из ничего".

Вслед за этими великими людьми неуклонно следовала Вселенская Церковь. Четвертый Латеранский собор провозгласил, что Бог сотворил все из ничего; и в настоящее время подавляющее большинство верующих — будь то католики или протестанты — исповедуют ту же доктрину; в этом пункте учебная программа Пия IX и Вестминстерский катехизис полностью совпадают.(3)

(3) О Тертуллиане см. "Тертуллиан против Гермогена", главы. xx и xxii; о св. Августин относительно "сотворения из ничего", см. De Genesi contra Manichaeos, lib, i, cap. vi; о святом Амвросии см. "Гекзамерон", lib, i, глава iv; о постановлении Четвертого Латеранского собора, и о точке зрения, принятой в Церкви сегодня, см. статью "Сотворение мира" в Католическом словаре Аддиса и Арнольда.

Таким образом, разобравшись с способом и материей творения, следующим вопросом, которым занялись теологи, было ВРЕМЯ, необходимое для великой работы.

Тут возникла трудность. Первое из двух повествований, приведенных в Книге Бытия, продлило творческую операцию на шесть дней, каждый из которых состоял из вечера и утра, с большим количеством подробностей о прогрессе, достигнутом в каждом из них. Но во втором рассказе говорилось о "ДНЕ", в который "Господь Бог сотворил землю и небеса". Ясность первого рассказа и его естественность для умов огромной массы ранних теологов поначалу давали ему решительное преимущество; но еврейские мыслители, такие как Филон, и христианские мыслители, такие как Ориген, формировавшие более высокие представления о Творце и его работе, этим не удовлетворились, и ими была запущена в беспокойное море христианского богословия идея о том, что творение было мгновенным, и эта идея была подкреплена не только второй легендой Книги Бытия, но и великим текстом: "Он сказал, и это было сделано; он повелел, и это было сделано". стоял твердо" — или, как это встречается в Вульгате и в большинстве переводов, "Он сказал, и они были созданы; он повелел, и они были созданы".

В результате стало считаться, что безопасным и правильным ходом было бы буквально верить обоим утверждениям; что каким-то таинственным образом Бог сотворил вселенную за шесть дней и все же создал все это в одно мгновение. Несмотря на вопли различных великих богословов, таких как Ефрем Сирус, о том, что вселенная была сотворена ровно за шесть дней по двадцать четыре часа каждый, этот компромисс был поддержан святыми Афанасием и Василием Восточными, а также св. Августин и святой Хилари на Западе.

Были обнаружены серьезные трудности в примирении этих двух взглядов, которые естественному уму кажутся абсолютно противоречивыми; но благодаря искусному обращению с текстами, ловкой игре фразами и обильному использованию метафизики для опровержения фактов примирение было достигнуто, и люди, по крайней мере, пришли к убеждению, что они верят в мгновенное сотворение вселенной и в то же время растянутое на шесть дней.(4)

(4) Что касается Оригена, см. Его "Contra Celsum", главы xxxvi, xxxvii; также его "О принципах", глава. v; для Св. Августина, см. его "О происхождении против манихеев" и "О происхождении дословно", *passim*; что касается Афанасия, см. Его "Беседы против ариан", ii, 48, 49.

Некоторые попытки согласовать эти две версии были настолько плодотворными, что заслуживают особого упоминания. Отцы церкви, восточные и Западные, развили на основе двойного повествования в Книге Бытия и указаний в Псалмах, Притчах и книге Иова обширную совокупность священной науки, имеющей отношение к этому вопросу. Что касается всего процесса творения, то в цифрах особое внимание уделялось определенным оккультным силам. Филон Иудей, веря в мгновенное творение, также заявил, что мир был создан за шесть дней, потому что "из всех чисел шесть - самое продуктивное"; он объяснил сотворение небесных тел на четвертый день "гармонией числа четыре"; животных на пятый день - пятью чувствами; человека на шестой день - теми же свойствами числа шесть, которые привели к тому, что оно было установлено как предел творческой работе; и, что важнее всего, остальное на седьмой день - огромной массой таинственных свойств числа семь. .

Святой Иероним считал, что причина, по которой Бог не назвал работу второго дня "доброй", кроется в том факте, что в числе два есть нечто по сути злое, и Беда повторил это столетия спустя, далеко в Британии.

Святой Августин изложил эту точку зрения Церкви в следующем заявлении: "Существует три класса чисел — более совершенные, совершенные и менее совершенные, в зависимости от того, их сумма больше, равна или меньше исходного числа. Шесть - это первое совершенное число: поэтому мы не должны говорить, что шесть - совершенное число, потому что Бог завершил все свои дела за шесть дней, но что Бог завершил все свои дела за шесть дней, потому что шесть - совершенное число".

Рассуждения такого рода звучали в средневековой церкви до тех пор, пока через год после открытия Америки "Нюрнбергская хроника" не повторила их следующим образом: "Сотворение вещей объясняется числом шесть, части которого, одна, две и три, принимают форму треугольника".

Этот взгляд на сотворение вселенной как на мгновение, а также как на шесть дней, каждый из которых состоит из вечера и утра, стал практически универсальным. Петр Ломбардский и Гуго Сен-Викторский, авторитеты огромного веса, одобрили его в двенадцатом веке и на века запечатлели в сознании Церкви.

Обе эти линии рассуждений — о сотворении всего из ничего и о примирении мгновенного сотворения Вселенной с ее сотворением за шесть дней — получили дальнейшее развитие у других великих мыслителей Средневековья.

Святой Иларий из Пуатье примирял эти две концепции следующим образом: "Ибо, хотя, согласно Моисею, существует видимость регулярного порядка в установлении небесного свода, обнажении суши, собирании вод, образовании небесных тел и возникновении живых существ из суши и воды, все же сотворение небес, земли и других элементов рассматривается как дело одного момента".

Святой Фома Аквинский заимствовал из св. Августина тонкое различие, которое на века облегчало трудности в данном случае: он, по сути, учил, что Бог создал сущность вещей в одно мгновение, но дал на работу по разделению, приданию формы и украшению этого творения шесть дней.(5)

(5) О Филоне Иудее см. Его "Сотворение мира", глава iii; о св. Августине о силе чисел в творении, см. Его *De Genesi ad Litteram* iv, глава. ii; о Питере Ломбарде см. Сентенции, глава ii, раздел xv, 5; а о Гуго Сен-Викторском см. *De Sacramentis*, глава i, параграф i; также Аннотацию, Разъяснение в Пятикнижии, глава v, vi, vii; о святом Хилари см. *De Trinitate*, глава xii; о святом Фоме Аквинском см. Его Сумму богословия, quest lxxxiv, arts. i и ii; отрывок из Нюрнбергской хроники, 1493 г., находится в fol. iii; о Вуссе см. в его "Рассуждениях о Всемирной истории"; о священности числа семь у вавилонян см., в частности, Schrader, *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, стр. 21,22; также Джордж Смит и др.; об общих идеях об оккультных силах различных чисел, особенно числа семь, и влиянии этих идей на теологию и науку, смотрите мою главу об астрономии. Что касается средневековых идей на ту же тему, см. Detzel, *Christliche Ikonographie*, Friburg, 1894, стр. 44 и далее.

Ранние реформаторы принимали и развивали ту же точку зрения, и Лютер особенно показал себя на высоте положения. Со свойственной ему смелостью он заявил, во-первых, что Моисей "говорил правильно и ясно, а не аллегорически и не фигурально", и что поэтому "мир со всеми созданиями был сотворен за шесть дней". И затем он продолжает показывать, как благодаря великому чуду все творение произошло мгновенно.

Меланхтон также настаивал на том, что вселенная была создана из ничего таинственным образом, как в одно мгновение, так и за шесть дней, цитируя текст: "Он сказал, и они были созданы".

Кальвин выступал против идеи мгновенного сотворения мира и придавал особое значение сотворению за шесть дней: обратив внимание на тот факт, что библейская хронология

показывает, что миру не совсем шесть тысяч лет и что сейчас он близок к своему концу, он говорит, что "сотворение мира было растянуто на шесть дней, чтобы нам не было утомительно посвящать этому всю жизнь".

Петр Мученик завершил этот вопрос, заявив: "Понимание дела творения настолько важно, что мы видим, как вероучение Церкви берет это за отправную точку. Если бы этот предмет убрали, не было бы первородного греха, обещание Христа утратило бы силу, и вся жизненная сила нашей религии была бы уничтожена ". Вестминстерские богословы, составляя свое Исповедание Веры, специально сочли необходимым верить в то, что все видимое и невидимое было создано не только из ничего, но и ровно за шесть дней.

Римские богословы не были менее настойчивы, чем протестантские реформаторы, в том, что касается необходимости строго придерживаться так называемого моисеева повествования о сотворении мира. Еще в середине восемнадцатого века, когда Бюффон попытался изложить простые геологические истины, теологический факультет Сорбонны вынудил его выступить с самым позорным отречением, которое заканчивалось такими словами: "Я отказываюсь от всего, что в моей книге касается образования земли, и вообще от всего, что может противоречить повествованию Моисея".

Теологи, установив таким образом способ сотворения мира, материал, использованный при нем, и время, необходимое для этого, теперь приложили усилия, чтобы установить его ДАТУ.

Длинный ряд попыток величайших умов Церкви, от Евсевия до архиепископа Ашера, решить этот вопрос представлен в другой главе. Здесь достаточно того, что общий вывод, к которому пришло подавляющее большинство наиболее компетентных исследователей библейских повествований, заключался в том, что датой сотворения мира было, в круглых цифрах, четыре тысячи лет до нашей эры; а в семнадцатом веке в своем великом труде доктор Джон Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета и один из самых выдающихся ученых-ивритологов своего времени, объявил в результате своего самого глубокого и исчерпывающего изучения Священных Писаний, что "небо и земля, центр и окружность были созданы все вместе, в одно и то же мгновение, и облака, полные воды", и что "небо и земля, центр и окружность были созданы все вместе". что "эта работа имела место, и человек был сотворен Троицей 23 октября 4004 года до нашей эры, в девять часов утра".

Это был, действительно, триумф метода Лактанция, результат сотен лет изучения Библии и богословской мысли с тех пор, как Беда в восьмом веке и Винсент из Бове в тринадцатом заявили, что сотворение мира должно было произойти весной. И все же, увы! в течение двух столетий после великого библейского доказательства Лайтфута относительно точного часа сотворения мира было обнаружено, что в тот час чрезвычайно культурный народ, наслаждавшийся всеми плодами высокоразвитой цивилизации, уже давно кишел в больших городах Египта и что другие нации, едва ли менее развитые, в то время достигли высокого уровня развития в Азии.(6)

(6) О Лютере см. Его Комментарий к Книге Бытия, 1545, введение, и его комментарии к главе i, стих 12; цитаты из комментария Лютера взяты в основном из перевода Генри Коула, доктора философии, Эдинбург, 1858; о Меланхтоне см. *Loci Theologici*, в *Melanchthon, Opera*, изд. Bretschneider, vol. xxi, стр. 269, 270, также стр. 637, 638 — при

цитировании текста (Ps. xxiii, 9) я использовал, как и сам Меланхтон, форму Вульгаты; цитаты из Кальвина см. в его Комментарии к Книге Бытия (*Opera omnia*, Амстердам, 1671, том i, cap. ii, стр. 8); также в "Институтах", перевод Аллена, Лондон, 1838, т. i, глава xv, стр. 126, 127; о мученике Петре см. Его Комментарий к книге Бытия, цитируемый Зоклером, т. i, стр. 690; статьи в "Вестминстерском исповедании веры" см. в гл. iv; об отречении Буффона, см. Лайелл, Принципы геологии, глава iii, стр. 57. О заявлении Лайтфута см. Его работы под редакцией Питмана, Лондон, 1822.

Но, как это ни странно, даже после того, как теологи таким образом определили способ творения, использованную при нем материю, время, необходимое для этого, и точную дату его начала, оставался практически нерешенным первый и величайший вопрос из всех; и это был не что иное, как вопрос: КТО на самом деле создал вселенную?

Различные теории, более или менее туманные, но все они основаны на текстах Священного Писания, пронесли в умах Церкви. Некоторые теологи фактически считали, что действительным творцом было третье лицо Троицы, которое, по вступительным словам нашей возвышенной поэмы о сотворении мира, "двигалось по поверхности вод". Другие считали, что настоящим Творцом было второе лицо Троицы, от имени которого цитировались многие тексты из Нового Завета. Другие считали, что настоящим Творцом был первый человек, и эта точка зрения была воплощена в двух великих формулах, известных как Апостольский и Никейский символы веры, которые недвусмысленно приписывали эту работу "Богу Отцу Всемогущему, Творцу неба и земли". Другие, находя глубокий смысл в словах "Сотворим", приписываемых в Книге Бытия Творцу, считали, что вся Троица непосредственно сотворила все вещи; а третьи, путем любопытных метафизических процессов, казалось, пришли к идее, что творение было достигнуто особыми сочетаниями двух лиц Троицы.

Во всем этом, по-видимому, есть немалая смелость ввиду страшных осуждений, выдвинутых в афанасианском Символе веры против всех, кто "смешивает личности" или "разделяет сущность Троицы".

Эти различные этапы эволюции схоластического богословия были также воплощены в священном искусстве, и особенно в скульптуре для соборов, в окрашивании стекла, в мозаичной обработке и в росписи миссалов.

Творящее Существо, таким образом, иногда представляется как третье лицо Троицы в виде голубя, парящего над хаосом; иногда как второе лицо и, следовательно, юноша; иногда как первое лицо и, следовательно, отеческое и почтенное; иногда как первое и второе лица, одно из которых почтенное, а другое молодое; а иногда как три лица, одно почтенное и одно юное, оба в папских коронах, и каждый держит во рту кончик крыла голубя, который, таким образом, кажется исходящим от обоих и подвешенным между ними.

И это не было самым полным развитием средневековой идеи. Создатель иногда представлялся в одном теле, но с тремя лицами, показывая таким образом, что христианская вера в некоторых благочестивых умах прошла, по существу, тот же цикл, который более ранняя форма веры

совершила много веков назад в Индии, когда Высшее Существо было представлено в одном теле, но с тремя лицами Брахмы, Вишну и Шивы.

Но в начале нового времени древний взгляд в его примитивной еврейской форме был внушен христианам самым могущественным гением искусства, которого знал мир; ибо в 1512 году, после четырех лет титанического труда, Микеланджело открыл свои фрески в сводах Сикстинской капеллы.

Они были выполнены по приказу и с санкции правящего папы Юлия II, чтобы представить концепцию христианского богословия, господствовавшую тогда, и они остаются и по сей день во всем своем величии, демонстрируя высочайшую точку, когда-либо достигнутую древней мыслью о происхождении видимой вселенной.

Посреди небесных просторов Всемогуший Отец — первое лицо Троицы - в человеческом облике, величественный и почтенный, сопровождаемый ангелами и поддерживаемый могучими ветрами, проносится над бездной и, проходя через последовательные отсеки великого свода, завершает работу дней созидания. Простым жестом он отделяет свет от тьмы, возносит ввысь твердый небесный свод, собирает под ним моря или вызывает к существованию солнце, луну и планеты и заставляет их обращаться вокруг земли.

В этом возвышенном произведении завершилась мысль тысячелетий; сильнее умы приняли ее или притворились, что приняли, и почти два столетия спустя эта концепция, в соответствии с первым из двух рассказов, приведенных в Книге Бытия, была особенно усилена Боссюэ и получила новую жизнь в Церкви, как католической, так и протестантской.(7)

(7) О странных изображениях Творца и сотворения одним, двумя или тремя лицами Троицы см. Дидрон, Иконография Кретьена, стр. 35, 178, 224, 483, 567-580, и в других местах; также Детцель, как уже цитировалось. Самый наивный из всех пережитков средневековой идеи творения, которые когда-либо видел нынешний автор, был выставлен в 1894 году на знамени одной из гильдий на праздновании четырехсотой годовщины основания Мюнхенского собора.

Иисуса из Назарета в образе красивого мальчика с нимбом, окружающим его голову, изобразили поворачивающим земной шар на токарном станке, который он приводит в движение ногой. Эмблемы Страстей окружают его: Бог-Отец, одобрительно взирающий на него с облака, и голубь, парящий между ними. На знамени стояла дата 1727 года.

Но к этим дискуссиям добавилась еще одна, которая, начавшись в первые дни существования Церкви, передавалась из поколения в поколение, пока не угасла среди теологов нашего времени.

В первом из библейских повествований создается свет и, таким образом, проводится различие между днем и ночью в первый день, в то время как солнце и луна создаются только на четвертый день. Масса глубоких теологических и псевдонаучных рассуждений была разработана для объяснения этого - масса настолько большая, что на протяжении веков они затушевывали простой факт, что оригинальный текст является для нас драгоценным откровением одного из самых древних зафиксированных верований — веры в то, что свет и тьма

являются сущностями, независимыми от небесных тел, и что солнце, луна и звезды существуют не просто для увеличения количества света, но и для того, чтобы "отделять день от ночи, быть знаками и временами года, днями и годами" и "править днем и ночью".

Остатки этой веры мы находим у ранних отцов церкви, и особенно у святого Амвросия. В своей работе о сотворении мира он говорит нам: "Мы должны помнить, что дневной свет - это одно, а свет солнца, луны и звезд — совсем другое. Солнце своими лучами, кажется, придает блеск дневному свету. Ибо перед восходом солнца наступает день, но не в полном блеске, ибо солнце еще больше усиливает его великолепие ". Эта идея стала одним из "сокровищ священного знания, переданных Церкви", и была верно воспринята Средневековьем. Средневековые мистерии и пьесы о чудесах дают любопытные свидетельства этого: в спектакле "Сотворение мира", когда Бог отделяет свет от тьмы, режиссура постановки такова: "Теперь должна быть выставлена раскрашенная ткань, одна половина которой черная, а другая половина белая". Ему также была придана более постоянная форма. В мозаиках Сан-Марко в Венеции, на фресках баптистерия во Флоренции и церкви Святого Франциска в Ассизи, а также в алтарной резьбе в Салерно мы находим поразительное воплощение этого — Творец помещает в небеса два диска или живые фигуры одинакового размера, каждая подходящего цвета или с надписью, чтобы показать, что один представляет свет, а другой тьму. Эта концепция, без сомнения, принадлежала человеку или людям, которые собрали из халдейских и других более ранних утверждений рассказы о сотворении мира в первой из наших священных книг.(8)

(8) Чтобы найти библейские указания на независимое существование света и тьмы, сравните с первыми стихами главы Бытия такие отрывки, как Иов xxxviii, 19,24; об общей распространенности этого раннего взгляда см. Лукас, "Космогония", стр. 31, 33, 41, 74 и passim; о взгляде святого Амвросия на сотворение света и солнца см. его "Гексамерон", гл. 4, гл. iii; отличное общее утверждение см. Хаксли, Мистер Гладстон и Книга Бытия в девятнадцатом веке, 1886, перепечатано в его "Очерках спорных вопросов", Лондон, 1892, примечание, стр. 126 и далее.; о принятии в "Играх чудес" библейской идеи света и тьмы как независимых творений см. Райт, "Очерки археологических сюжетов", т. ii, стр.178; для описания мозаик и т.д. с иллюстрациями, представляющими эту идею, см. Тикканен, Die Genesis-мозаики Сан-Марко, Гельсингфорс, 1889, стр. 14 и 16 текста и листов I и II. Очень наивно резчик из Салерно, не желая окрашивать слоновую кость, которую он изготовлял, начертал на одном диске слово "ЛЮКС", а на другом "NOX". См. Также Дидрон, Иконография, стр. 482.

Таким образом, практически "всегда, везде и всеми" вплоть до периода, оставшегося почти на памяти живущих, считалось, что вселенная, какой мы ее сейчас видим, была создана буквально и непосредственно голосом или руками Всемогущего, или и тем и другим — из ничего — в одно мгновение или за шесть дней, или и тем и другим — примерно за четыре тысячи лет до христианской эры — и для удобства обитателей земли, которая была основой всей структуры.

Но на протяжении веков в человеческом мышлении были заложены зародыши другого роста, некоторые из них появились еще в вавилонский период. В ассирийских надписях мы находим зафиксированную халдео-вавилонскую идею ОБ ЭВОЛЮЦИИ Вселенной из первобытного потопа или "великой пучины" и о сотворении животных из земли и моря. Эта идея, преобразованная, по крайней мере частично, в монотеистическую форму, естественным образом вошла в священные книги соседей и учеников халдеев — евреев; но впоследствии ее распространение в христианском мире было остановлено, как мы увидим позже, более мощным влиянием других унаследованных утверждений, которые более доходчиво зывали к сознанию Церкви.

Поразительным также было влияние этой идеи, переосмысленной ранними ионийскими философами, которым она, вероятно, была передана от халдеев через финикийцев. В умах ионийцев, таких как Анаксимандр и Анаксимен, это было наиболее четко развито: первый из них рассматривал видимую вселенную как результат процессов эволюции, а второй продолжал придерживаться того же способа рассуждения и останавливался на факторах космического развития, признанных современной наукой.

Таким образом, эта общая идея эволюции в Природе прочно закрепилась в греческой мысли и развивалась многими способами, как оригинальными, так и извращенными. Платон, действительно, противостоял этому; но Аристотель иногда развивал это в манере, которая напоминает нам современные взгляды.

Среди римлян Лукреций многое почерпнул из этого, распространив эволюционный процесс практически на все вещи.

В ранней Церкви, как мы видели, идея творения прямого, материального и средствами, подобными тем, которые использует человек, была всемогущей для исключения концепций, основанных на эволюции. Из более простых и грубых представлений о сотворении мира, изложенных в вавилонских легендах и затем включенных в Книгу Бытия, возник поток ортодоксальной мысли на эту тему, который перерос в наводнение и пронесся через Средние века и новое время. И все же кое-где посреди этого наводнения были возвышенные мысли, которых придерживались сильные люди. Скот Эригена и Дунс Скот из числа схоластов, какими бы сбитыми с толку они ни были, уловили некоторые лучи этого древнего света и передали своим преемникам в измененной форме доктрины об эволюционном процессе во вселенной.

Во второй половине шестнадцатого века эти эволюционные теории, казалось, приобрели более определенную форму в сознании Джордано Бруно, который, очевидно, разгадал фундаментальную идею того, что сейчас известно как "гипотеза туманности"; но с его убийством римской инквизицией эта идея, казалось, полностью исчезла — ее развеяло пламя, которое в 1600 году сожгло его тело на Кампо деи Фьори.

Однако в течение двух столетий, разделенных смертью Бруно, мир вступил в новую область мысли, в которой, несомненно, быстро развивалась эволюционная теория видимой вселенной. Ибо пришли, один за другим, пять величайших людей, когда-либо созданных нашей расой, — Коперник, Кеплер, Галилей, Декарт и Ньютон, — и когда их работа была завершена, старая теологическая концепция Вселенной исчезла. "Просторный небесный свод в вышине" — "кристаллические сферы" — Всемогущий восседает на "небесном круге" со своими землями или с ангелами в качестве своих агентов, поддерживая солнце, луну и планеты в движении на

благо земли, открывая и закрывая "окна небесные", низводя на землю "воды над небесным сводом", "устанавливая свой лук в облаке", являя "знамения и чудеса", швыряя кометы, "извергая молнии", чтобы напугать нечестивых, и "сотрясая землю" в своем гневе : все это исчезло.

Эти пятеро людей дали миру новое божественное откровение; и через последнего, Ньютона, пришла обширная новая концепция, которой суждено было стать фатальной для старой теории творения, ибо он показал во всей вселенной вместо всемогущего каприза всепроникающий закон. Жесткая оппозиция теологии первым четырем из этих людей хорошо известна; но не так широко известен тот факт, что Ньютон, несмотря на свой глубоко религиозный дух, также был категорически против. Против него энергично выдвигались обвинения в том, что своим утверждением о законе всемирного тяготения он "взял у Бога то прямое воздействие на его дела, которое так постоянно приписывается ему в Писании, и перенес его на материальный механизм", и что он "заменил Провидение гравитацией".

Но, более того, эти люди заложили новую основу для теории эволюции в отличие от теории творения.

Особенно заслуживает внимания тот факт, что великая работа Декарта, какими бы ошибочными ни были многие из ее выводов, и, ввиду недостатка физических знаний в его время, должно быть, многое сделала для ослабления старой концепции. Его теория о вселенной, созданной из всепроникающей материи, упорядоченной движениями в соответствии с физическими законами — хотя это была всего лишь предварительная гипотеза - многое сделала для того, чтобы отвлечь умы людей от старого теологического взгляда на творение; это был пример интеллектуальной честности, приводящей к ошибкам, но тем самым способствующей постижению истины. Хотя Декарт был искалечен своим почти болезненным страхом перед Церковью, эта часть его работы сыграла немалую роль в формировании того мировоззрения, которое привело к восприятию мыслей более раскованных мыслителей.

Тридцать лет спустя в Англии была предпринята попытка иного рода, но с аналогичным результатом. В 1678 году Ральф Кадворт опубликовал свою Интеллектуальную систему Вселенной. По сей день он остается, благодаря широте познаний, силе мысли, терпимости и честности, одним из величайших представителей Английской церкви, и его работа была достойна его. Он намеревался построить крепость, которая должна была защитить христианство от всех опасных теорий мироздания, древних или современных. Фундамент здания был заложен старыми мыслями, часто облекавшимися в новые и поразительные формы; но по мере того, как надстройка все больше и больше бросалась в глаза, в то время как гениальность отмечала каждую ее часть, появлялись черты, которые вызывали у строго ортодоксальных людей серьезные опасения. Он полностью отошел от старых теорий прямого личного воздействия Всемогущего на вселенную. Он подробно останавливался на действии закона, отвергал постоянное применение чудесного вмешательства, указывал на тот факт, что в мире природы существуют "ошибки" и "неровности", и энергично аргументировал в пользу происхождения и поддержания Вселенной как медленного и постепенного развития Природы в соответствии с внутренним принципом. Ортодоксальные балаки семнадцатого века вполне могли осудить этого честного Валаама.

Ближе к концу следующего столетия еще более глубокий гений, Иммануил Кант, представил теорию туманностей, придав ей в свете великих высказываний Ньютона последовательность,

которой она никогда прежде не имела; и примерно в то же время Лаплас придал ей еще большую силу математическими рассуждениями удивительной силы и размаха, таким образом, прочно внедрив в современную мысль идею о том, что наша собственная Солнечная система и другие — солнца, планеты, спутники и их различные движения, расстояния и величины — обязательно являются результатом подчинения туманных масс законам природы.

Во всем теологическом мире сразу же раздался протест против "атеизма", и яростно разгорелась война. Гершель и другие указали на множество туманных пятен, по-видимому, газообразных. С помощью физических и математических демонстраций они показали, что гипотеза объясняет огромное количество фактов и, несмотря на шумиху, набирала силу, когда усовершенствованные телескопы превратили некоторые участки туманной материи во множество звезд. Противники небулярной гипотезы были вне себя от радости; теперь они воспевали астрономию, потому что, по их словам, она доказала истинность Священного Писания. Они пришли к поспешному выводу, что все туманности должны быть одинаковыми; что, если НЕКОТОРЫЕ состоят из звездных систем, то ВСЕ должны быть такими; что ни одна из них не может быть массой разреженного газообразного вещества, потому что некоторые таковыми не являются.

Наука на какое-то время остановилась. Общепринятой доктриной стало следующее: единственная причина, по которой вся туманность не разделяется на отдельные звезды, заключается в том, что наши телескопы недостаточно мощные. Но со временем появились спектроскоп и спектральный анализ, а затем открытие Фраунгофера о том, что спектр воспламененного газообразного тела не является непрерывным, с прерывистыми линиями; и открытие Дрейпера о том, что спектр воспламененного твердого тела непрерывен, без прерывистых линий. И вот теперь спектроскоп был направлен на туманности, и было обнаружено, что многие из них газообразны. Таким образом, здесь было основание для вывода о том, что в этих туманных массах на разных стадиях конденсации — некоторые, по-видимому, просто полосы тумана, некоторые со светящимися центрами — действительно происходит процесс развития, и наблюдения, подобные наблюдениям лорда Росса и Аррета, дали еще одно подтверждение этой точке зрения. Затем наступил великий вклад девятнадцатого века в физику, позволивший объяснить важные части обширного процесса с помощью механической теории тепла.

Снова небулярная гипотеза проявила себя сильнее, чем когда-либо, и примерно в 1850 году был проведен прекрасный эксперимент Плато по вращению жидкого шара, по-видимому, для иллюстрации, если не для подтверждения этого. Даже такой решительный защитник ортодоксальности, как мистер Гладстон, в конце концов признал некоторую форму туманной гипотезы, вероятно, верной.

Здесь также была продемонстрирована та форма передачи богословских взглядов науке под предлогом того, что наука согласуется с теологией, которую мы видели во многих других областях; и в качестве типичного можно привести пример, который, каким бы ограниченным ни был его объем, проливает свет на процесс, посредством которого достигается такая передача. Несколько лет назад один из самых известных профессоров химии в городе Нью-Йорке под эгидой одной из его самых модных церквей прочитал лекцию, которая, как утверждалось в печатных изданиях и на плакатах, расклеенных на улицах, должна была показать, что наука поддерживает теорию сотворения мира, изложенную в священных книгах, приписываемых

Моисею. Собралась большая аудитория, и блестящая серия элементарных экспериментов с кислородом, водородом и углекислотой завершилась демонстрацией Plateau. Это было прекрасно сделано. Когда цветной масляный шарик, представляющий землю, вращался в прозрачной среде равной плотности, когда он стал сплюснутым на полюсах, когда от него отделились кольца и закружились вокруг него, и, наконец, когда некоторые из этих колец распались на спутники, которые какое-то мгновение продолжали кружиться вокруг центральной массы, зрители, насколько это было возможно, встали и разразились восторженными аплодисментами.

Вслед за этим встал состоятельный гражданин и выразил благодарность аудитории выдающемуся профессору за "эту прекрасную демонстрацию точного и буквального соответствия утверждений, приведенных в Священном Писании, последним результатам науки". Предложение было принято единогласно и сопровождалось аплодисментами, и собравшиеся разошлись, чувствуя, что была оказана великая услуга православию. Sancta simplicitas!

То, что продемонстрировал этот инцидент в небольшом масштабе, было замечено в других местах с более выдающимися актерами и на более широкой сцене. Десятки теологов, главным среди которых в последнее время по усердию, если не по знаниям, был м-р Гладстон, пытались "согласовать" два рассказа в Книге Бытия друг с другом и с истинами о происхождении вселенной, полученными астрономией, геологией, географией, физикой и химией. Результат был недавно изложен выдающимся теологом, халсейским профессором богословия Кембриджского университета. Он заявляет: "Никогда не было известно, чтобы попытка согласовать книгу Бытия со строгими требованиями современных наук увенчалась успехом, не прибегнув к особым доводам или принудительной интерпретации, к которым в подобном вопросе нам следовало бы благоразумно не прибегать".(9)

(9) Интересную ссылку на протест против Ньютона см.

Маккош, "Религиозный аспект эволюции", Нью-Йорк, 1890, стр. 103, 104; о зародыше эволюционного взгляда среди вавилонян см. Джордж Смит, "Халдейское повествование о книге Бытия", Нью-Йорк, 1876, стр. 74, 75; о зародыше той же мысли у Лукреция см. Его "О природе", lib. v, стр. 187-194, 447-454; о Бруно Смите, "Халдейское повествование о книге Бытия", Нью-Йорк, 1876, стр. 74, 75. гипотеза Джевонса (в 1591 году), см. Джевонс, Принципы науки, Лондон, 1874, том. ii, стр. 36; для утверждения Канта см. Его Naturgeschichte des Himmels; о его роли в небулярной гипотезе см. Lange, Geschichte des Materialismus, vol. i, стр. 266; о ценности прекрасного эксперимента Плато, очень осторожно оцененного, см. Jevons, vol. ii, стр. 36; также Элизи Реклюс, "Земля", переведено Вудвордом, т. i, стр. 14-18, для еще более тщательной оценки; для общего описания открытий природы туманностей, сделанных с помощью спектроскопа, см. Дрейпер, "Конфликт между религией и наукой"; для тщательного обсуждения спектров твердых, жидких и газообразных тел, см. Шеллен, "Спектральный анализ", стр. 100 и последующие.; для очень тщательного обсуждения влияния открытий, сделанных с помощью спектрального анализа, на туманность. гипотеза, там же, стр. 532-537; для описания еще не решенных трудностей см. Статью Пламмера

в лондонском журнале Popular Science Review за январь 1875 г.; для получения превосходного краткого изложения недавних наблюдений и мыслей по этому вопросу см. Т. Стерри Хант, Выступление на Столетнем юбилее Пристли, стр. 7, 8; для интересной модификации этой гипотезы см. Работы Проктора; для еще более позднего взгляда см. Две статьи Локьера о месте Солнца в природе за 14 и 25 февраля 1895 г.

Открытия другой группы наук, которым теологи иногда резко противостоят, а иногда и "примирают" их, наконец-то разрешили весь этот вопрос. Во-первых, пришли библейские критики — серьезные христианские ученые, работающие во имя истины, — и они без тени разумного сомнения раскрыли существование по крайней мере двух различных рассказов о сотворении мира в нашей книге Бытия, которые иногда можно заставить согласиться, но которые, как правило, абсолютно расходятся друг с другом. Эти ученые далее показали, что эти два рассказа являются не хитроумно придуманными баснями жрецов, а, очевидно, фрагментами более ранних легенд, мифов и теологий, добросовестно принятых и сведенных воедино для самых благородных целей теми, кто приводил в порядок первую из наших священных книг.

Затем последовали археологи и филологи, преданные исследователи древних памятников и летописей; среди них такие, как Роулинсон, Джордж Смит, Сэйс, Опперт, Дженсен, Шрейдер, Делич и группа столь же преданных своему делу ученых, которые расшифровали множество древних текстов, особенно надписи, найденные в великой библиотеке Ашшурбанипала в Ниневии, и обнаружили в них рассказ о происхождении мира, идентичный по своим наиболее важным чертам более поздним рассказам в нашей собственной книге Бытия.

У этих людей хватило смелости указать на эти факты и связать их с истиной о том, что халдейские и вавилонские мифы, легенды и теории возникли намного раньше, чем еврейские мифы, которые так поразительно похожи на них и которые мы имеем в наших священных книгах; и они также показали нам, насколько естественным было то, что еврейские рассказы о сотворении мира были получены в тот отдаленный период, когда первые евреи были среди халдеев, и как великие еврейские поэтические рассказы о сотворении мира были взяты либо из священных традиций этих ранних народов, либо из предшествующих источников. общий для различных древних народов.

В кратком изложении, которое благодаря глубокой мысли и бесстрашной честности делает честь не только ему самому, но и тому высокому положению, которое он занимает, преподобный доктор Драйвер, профессор иврита и каноник Церкви Христа в Оксфорде, недавно полностью и справедливо изложил суть дела. Указав на тот факт, что евреи были одним народом из многих, кто размышлял о происхождении вселенной, он говорит, что они "создали теории, объясняющие происхождение земли и человека"; что "они либо сделали это для себя, либо позаимствовали у своих соседей"; что "из теорий, распространенных в Ассирии и Финикии, сохранились фрагменты, и они демонстрируют сходство с библейским повествованием, достаточное для того, чтобы сделать вывод, что обе они происходят из одного и того же цикла традиций".

После приведения некоторых выдержек из халдейских табличек о сотворении мира он говорит: "В свете этих фактов трудно удержаться от вывода, что библейское повествование взято из того

же источника, что и эти другие записи. Очевидно, что библейские историки черпали свои материалы из лучших доступных человечеству источников.... Материалы, которые у других народов были объединены в самые грубые физические теории или ассоциировались с гротескным политеизмом, были оживлены и преобразованы вдохновенным гением еврейских историков и приспособлены для того, чтобы стать проводником глубокой религиозной истины".

Не менее почетным для университета-побратима и для него самого является заявление, недавно сделанное преподобным доктором Райлом, халсейским профессором богословия в Кембридже. Он говорит, что предполагать, что христианин "должен либо отказаться от своей уверенности в достижениях научных исследований, либо отказаться от своей веры в Священное Писание, - это чудовищное извращение христианской свободы". Он заявляет: "Старая позиция больше не выдерживает критики; необходимо немедленно занять новую позицию, выбрать ее с молитвой и, надеюсь, удержать". Затем он продолжает сравнивать древнееврейскую историю сотворения мира с более ранними историями, сложившимися у родственных народов, и особенно с ранее существовавшей ассирио-вавилонской космогонией, и показывает, что они взяты из одного источника. Он указывает, что любая попытка объяснить отдельные черты истории в соответствии с современными научными идеями требует "неестественной" интерпретации; но он говорит, что, если мы примем естественную интерпретацию, "мы будем считать, что еврейское описание видимой вселенной ненаучно, если судить по современным стандартам, и что оно разделяет ограничения несовершенного знания эпохи, в которой оно было написано". Что касается рассказа в Книге Бытия о физическом происхождении человека, он говорит, что это "выражено в простых терминах доисторической легенды, ненаучных графических описаниях".

В этих утверждениях и во множестве других, сделанных выдающимися христианскими исследователями в других странах, указывается, какая победа теперь полностью одержана над старой теологией.

Таким образом, благодаря ассирийским исследованиям, а также из других источников, наиболее выдающиеся ученые в ведущих центрах христианской науки признали, что рассказы о сотворении мира, с которыми на протяжении почти двух тысяч лет приходилось "согласовывать" все научные открытия, — рассказы, которые преградили путь Копернику, Галилею, Ньютону и Лапласу, — были просто переписаны или развились из массы мифов и легенд, в значительной степени заимствованных евреями из их древних отношений с Халдеей, переработанных в монотеистическом смысле, несовершенного соединенных воедино и затем облечен в поэтические формы в священных книгах, которые мы унаследовали.

Таким образом, с одной стороны, у нас есть различные группы людей, преданных физическим наукам, все они стремятся к доказательствам того, что вселенная, какой мы ее знаем в настоящее время, является результатом эволюционного процесса, то есть постепенного воздействия физических законов на раннее состояние материи; с другой стороны, у нас есть другие большие группы людей, преданных историческим, филологическим и археологическим наукам, чьи исследования все сходятся к выводу, что наши священные повествования о сотворении мира были результатом эволюции из раннего хаоса грубых мнений.

Большая группа теологов, которые так долго сопротивлялись выводам людей науки, утверждали, что сражаются в первую очередь за "истинность Священного Писания", и их окончательным ответом на простые выводы науки относительно эволюции материальной

вселенной был крик: "Библия истинна". И они правы — хотя в каком-то смысле благороднее, чем они мечтали. Наука, победив их, нашла в наших Священных Писаниях гораздо более благородную истину, чем та буквальная историческая точность, за которую так долго и так тщетно боролись теологи. Все больше и больше по мере того, как мы рассматриваем результаты долгой борьбы в этой области, мы приходим к выводу, что неоценимая ценность великих священных книг мира заключается в их раскрытии неуклонного стремления нашей расы к высшим концепциям, верованиям и устремлениям, как в морали, так и в религии. Раскрывая и демонстрируя это многолетнее усилие, каждая из великих священных книг мира драгоценна, и все они в высшем смысле истинны. На самом деле, ни одна из них не соответствует тому уровню исторической и научной правды, которого человечество достигло сейчас; претендовать на такое соответствие - глупо, поскольку это просто подвергает тех, кто это делает, и книги, для которых это сделано, потере их справедливого влияния.

То, чему соответствуют великие священные книги мира, и наша собственная больше всего, - это эволюция высочайших концепций, верований и устремлений нашей расы с ее детства до великих поворотных моментов в ее истории. В этом заключается истина всех Библий, и особенно нашей собственной. Они действительно часто представляют огромную ценность как свидетельство внешнего исторического факта; недавние исследования на Востоке постоянно повышают эту ценность; но не за это мы ценим их больше всего: они в высшей степени ценны не как свидетельство внешнего факта, а как зеркало развивающегося сердца, разума и души человека. Они истинны, потому что были разработаны в соответствии с законами, управляющими эволюцией истины в истории человечества, и потому что в поэме, хронике, кодексе, легенде, мифе, апологии или притче они отражают это развитие того лучшего, что есть в поступательном движении человечества. Сказать, что они не соответствуют действительности, все равно что сказать, что цветок, дерево или планета не соответствуют действительности; насмехаться над ними - значит насмехаться над законом вселенной. Объединив в благородную форму, будь то в книге Бытия, или в Псалмах, или в книге Иова, или где—либо еще, великие концепции людей, действовавших под влиянием более раннего вдохновения, будь то в Египте, или Халдее, или Индии, или Персии, составители наших священных книг подарили человечеству достояние, становящееся все более и более ценным; и современная наука, заменив старые небеса и землю новыми, царство закона — царством каприза, а идею эволюции - идеей творения, добавила и неуклонно добавляет новое откровение. божественно вдохновленный.

Таким образом, в свете этих двух эволюций — одной видимой вселенной, другой священного творения-легенды — наука и теология, если ведущие умы в обеих областях мудры, могут, наконец, примириться. Большой шаг в этом примирении был недавно замечен в главном центре теологической мысли среди англоговорящих людей, когда в сборнике эссе под названием *Lux Mundi*, выпущенном колледжем, основанным в эти последние дни как крепость ортодоксии в Оксфорде, был признан легендарный характер рассказов о сотворении мира в наших священных книгах, и когда архиепископ Кентерберийский спросил: "Не мог ли Святой Дух иногда использовать мифы и легенды?"(10)

(10) Первые приведенные выше цитаты см. в "Космогонии книги Бытия", написанной преподобным С. Р. Драйвером, доктором философии, каноником Церкви Христа и Региусом, профессором иврита в Оксфорде, в "Толкователе" за январь 1886 г.;

вторую серию цитат см. в "Ранних повествованиях книги Бытия", написанных Гербертом Эдвардом Райлом, халсейским профессором богословия в Кембридже, Лондон, 1892. Доказательства того, что даже самые закоренелые шотландские пресвитериане пришли к отказу от старого буквального библейского повествования о сотворении мира и рассматривают декларацию Вестминстерского исповедания по этому поводу как "опровергнутую теорию сотворения мира", см. у директора школы Джона Таллоха, в журнале Contemporary Review, март 1877 г., о религиозной мысли в Шотландии, особенно на странице 550.

II. БОГОСЛОВСКИЕ УЧЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКЕ.

В одном из окон собора в Ульме средневековый стеклодув изобразил Всемогущего, усердно занимающегося созданием животных, и только что из божественных рук вышел слон в полном снаряжении, с доспехами, сбруей и кожухами, готовый к войне. Подобные изображения встречаются в иллюстрированных рукописях и даже в старопечатных книгах, и, как кульминация всего, Всемогущий показан создающим первого мужчину из горки глины и извлекающим из него, с очевидным усилием, первую женщину.

Этот взгляд на общий процесс творения пришел издалека, появляясь в различных формах в различных древних космогониях. В египетских храмах в Филе и Дендере до сих пор можно увидеть изображения богов Нила, лепящих из кусков глины человечков, и аналогичная работа приписывается в ассирийских табличках богам Вавилонии. Войдя в наши собственные священные книги, эти идеи стали отправной точкой нового обширного развития теологии.(11)

(11) Изображения египетских богов, создающих людей из кусков глины, см. Масперо и Сэйс, "Рассвет истории", стр. 156; о халдейских легендах о сотворении людей и животных см. там же, стр. 543; см. также Джорджа Смита, "Халдейские рассказы о книге Бытия", издание Сэйса, стр. 36, 72 и 93; также о подобных легендах других древних народов, Ленорман, "Истоки истории", стр. 17 и далее.; для средневековые представления о сотворении мужчины и женщины, см. Дидрон, Иконография, стр. 35, 178, 224, 537.

Отцы Церкви обычно воспринимали каждую из двух противоречивых легенд о сотворении мира в Книге Бытия буквально, а затем, сделав все возможное, чтобы согласовать их друг с другом и объединить воедино, сделали их окончательным испытанием мысли о вселенной и всем в ней. В начале четвертого века Лактанций уловил ключевую ноту этого способа подчинения всего

остального в изучении сотворения буквальному тексту Священного Писания, и он подкрепляет свой взгляд на сотворение человека небольшим количеством филологии, говоря, что конечное сотворенное существо "называется человеком, потому что оно создано из земли - homo ex humo".

Во второй половине того же столетия этот взгляд на буквальное принятие священного текста был подтвержден святым Амвросием, который в своем труде о сотворении мира заявил, что "Моисей отверз уста свои и излил то, что сказал ему Бог". Но более великий, чем кто-либо из них, закрепил эту идею в христианском богословии. Святой Августин, готовя свой Комментарий к Книге Бытия, сформулировал в одной знаменитой фразе закон, который сохранился в Церкви до наших дней: "Ничто не должно приниматься иначе, как на основании авторитета Писания, поскольку этот авторитет выше всех сил человеческого разума". Сила фразы, написанной на оригинальной латыни, пронесла ее звон сквозь века: "Главное - это Scripturae auctoritas quam omnis humani ingenii capacitas".

На протяжении всего средневекового периода, несмотря на восстание, возглавляемое не кем иным, как св. Сам Августин и вслед за ним ряд влиятельных церковников, ратовавших, как мы увидим позже, за изменение общепринятого взгляда на творение, твердо придерживались этой фразы в умах людей. Великий доминиканский энциклопедист Винсент де Бове в своем "Зеркале природы", смешивая идеи, заимствованные у Аристотеля, с теорией, почерпнутой из Библии, твердо придерживался первого из рассказов, приведенных в книге Бытия, и приписывал особое значение числа шесть как причину, по которой все вещи были сотворены за шесть дней; а в позднем Средневековье этот выдающийся авторитет, кардинал д'Айли, принимал все, что касается сотворения мира в священных книгах буквально. Лишь слабое несогласие наблюдается у Грегори Райша, другого авторитета того более позднего периода, который, приводя в своей книге "О начале вещей" гравюру на дереве в полный рост, изображающую Всемогущего в процессе извлечения Евы из тела Адама, на фоне всей остальной новообразованной Природы на заднем плане, опирается в своих трудах, подобно св. Августин, к вере в предсуществование материи.

Во время Реформации огромный авторитет Лютера был брошен в пользу буквального принятия Священного Писания как основного источника естествознания. Аллегорические и мистические толкования более ранних теологов он полностью отвергал. "Почему, - спрашивает он, - Моисей должен использовать аллегорию, когда он говорит не об аллегорических существах или об аллегорическом мире, а о реальных существах и о видимом мире, который можно увидеть, пощупать и постичь? Моисей называет вещи их настоящими именами, как и мы должны делать.... Я считаю, что животные сразу же основали свое существование на слове Божьем, как и рыбы в море".

Не менее категоричным в своей приверженности буквальному описанию сотворения мира, приведенному в Книге Бытия, был Кальвин. Он предупреждает тех, кто, придерживаясь иной точки зрения, отличной от его собственной, "низменно оскорбляет Творца, ожидать судьи, который уничтожит их". Он настаивает на том, что все виды животных были созданы за шесть дней, каждый из которых состоял из вечера и утра, и что с тех пор не появилось ни одного нового вида. Он останавливается на том, что появление птиц из воды основывается на определенном свидетельстве Священного Писания, но добавляет: "Если вопрос следует рассматривать на физических основаниях, мы знаем, что вода больше похожа на воздух, чем на

землю". Что касается трудностей в библейском повествовании о сотворении мира, он говорит нам, что Бог "хотел этим дать доказательства своей силы, которые должны были бы наполнить нас изумлением".

Властные умы Римской церкви непоколебимо придерживались этой точки зрения. В семнадцатом веке Боссюэ воспользовался своим огромным авторитетом в ее пользу, и в своем Рассуждении о Всеобщей истории, которая оставалась основой не только богословского, но и общего исторического учения во Франции вплоть до нынешней республики, мы находим, что он обращает внимание на то, что он считает кульминационным актом творения, и утверждает, что буквально для сотворения человека использовалась земля и "перст Божий был приложен к тленной материи".

Протестантский мир придерживался этой идеи не менее настойчиво. В семнадцатом веке доктор Джон Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета, великий ученый-раввин своего времени, попытался примирить две основные легенды в Книге Бытия, сказав, что из "чистых видов животных было создано семь всякого рода, три пары для размножения и нечетная для жертвы Адама при его грехопадении, которую предвидел Бог"; а из нечистых животных была создана только одна пара.

Вся эта концепция творения была настолько буквальной, что в наши дни ее с трудом можно себе представить. Всемогущий был представлен в богословской литературе, в иллюстрированных Библиях и в произведениях искусства в целом как своего рода увеличенный и почтенный нюрнбергский производитель игрушек. Временами рассказы в Книге Бытия иллюстрировались с еще большей буквальной точностью; так, в связи с хорошо известным отрывком из священного текста Творец был показан в виде портного, сидящего с иглой в руке и старательно сшивающего шкуры зверей в плащи для Адама и Евы. Подобные представления не представляли трудностей для послушных умов Средневековья и периода Реформации; и в том же духе, когда открытие окаменелостей начало вызывать размышления, они были объявлены "моделями его работ, одобренными или отвергнутыми великим Мастером", "набросками будущих творений", "развлечениями природы" или "объектами, помещенными в слои, чтобы свести на нет человеческое любопытство"; и такого рода объяснения сохранялись до тех пор, пока в наше время выдающийся натуралист, стремясь сохранить буквальный отчет в Книге Бытия, не заявил, что Иегова наклонял и искажал слои, рассеявшие по себе окаменелости, процарапали на них ледниковые борозды, нанесли на них следы водной эрозии и вызвали излияние Ниагары — и все это в одно мгновение, — таким образом, мистифицировав мир "с какой-то непостижимой целью, но ради его собственной славы".(12)

(12) Цитату из Лактанция см. в *Divin. Instit.*, lib. ii, глава xi, в *Migne*, том vi, стр. 311, 312; для St. Великая фраза Августина: смотри *De Genes. ad litt.*, ii, 5; о святом Амвросии см. lib. i, cap. ii; о Винсенте из Бове см. "Естественное зеркало", библиотека i, глава ii и библиотека. ii, главы xv и xxx; также Бурже, "Этюды Винсента де Бове", Париж, 1856, особенно "Парни". vii, xii и xvi; о кардинале д'Эйли, см. *Imago Mundi*, а о Райше см. Различные издания "Философской Маргариты"; о высказываниях Лютера см. "Схрифтен" Лютера, изд. Вальх, Галле, 1740, Комментарий к Книге Бытия, т. i; о взгляде Кальвина на сотворение животных, включая неизменность видов,

см. Комм. в Быт., том i его оперы "Омния", 1671, гл. i, v, xx, стр. 5, также гл. ii, v, ii, стр. 8 и в других местах; о Боссюэ см. его "Беседы о всемирной истории" (в его произведениях, том v, Париж, 1846); о Лайтфуте см. Его работы под редакцией Питмана, Лондон, 1822; о Беде см. "Гексамерон", часть i, в Migne, том xci, стр.21; о современной защите буквального взгляда мистера Госсе см. Его "Омфалос", Лондон, 1857 год, *passim*.

Следующее важное развитие теологических рассуждений было связано с РАЗДЕЛЕНИЕМ животного царства.

Естественно, одним из первых разделений, поразивших пытливого ум, было разделение на полезных и вредных существ, и поэтому возник вопрос: как мог добрый Бог создать тигров и змей, шипы и чертополох? Ответ был найден в теологических рассуждениях о ГРЕХЕ. Причиной всех бед было первое непослушание человека. Великие люди на протяжении полутора тысяч лет развивали теорию о том, что до непослушания Адама не было смерти, а следовательно, ни свирепости, ни яда.

Некоторые типичные высказывания в эволюции этой доктрины заслуживают беглого взгляда. святой Августин ясно подтвердил и подчеркнул точку зрения о том, что растительное, как и животное царство, было проклято из-за греха человека. Двести лет спустя это высказывание передавалось от отца к отцу Церкви, пока его не подхватил Беда; он заявил, что до грехопадения человека животные были безвредны, но стали ядовитыми или причиняющими вред из-за греха Адама, и он сказал: "Таким образом, свирепые и ядовитые животные были созданы для устрашения человека (потому что Бог предвидел, что он согрешит), чтобы он мог узнать об окончательном наказании в аду".

В двенадцатом веке эта точка зрения была включена Питером Ломбардом в его великую теологическую работу "Предложения", которая стала учебником теологии в средние века. Он утверждал, что "никакие сотворенные вещи не были бы вредны для человека, если бы он не грешил; они стали вредными ради устрашения и наказания порока или доказательства и совершенствования добродетели; они были созданы безвредными и из-за греха стали вредными".

Эта теологическая теория относительно животных была с большой силой выдвинута в восемнадцатом веке Джоном Уэсли. Он заявил, что до грехопадения Адама "никто из них не пытался пожрать или каким-либо образом причинить вред друг другу"; "паук был так же безобиден, как муха, и не подстерегал крови". Не только Уэсли, но и выдающийся доктор Адам Кларк и доктор Ричард Уотсон, чьи идеи имели наибольший вес среди английских диссидентов и даже среди ведущих мыслителей Официальной Церкви, твердо придерживались этой теории; так что только в наше время геология обнаружила останки огромного множества плотоядных существ, у многих из которых в желудках были полупереваренные останки других животных, вымерших задолго до появления человека на земле, и это была победа, одержанная наукой над теологией в этой области.

Любопытное развитие этой доктрины было замечено в вере, почерпнутой различными древними комментаторами из осуждения змея в книге Бытия, — вере, действительно, совершенно естественной, поскольку она, очевидно, принадлежала первоначальным авторам рассказа, сохранившегося в первой из наших священных книг. Эта вера заключалась в том, что до тех пор, пока змей-искуситель не был проклят Всемогущим, все змеи стояли прямо, ходили и разговаривали.

Это убеждение передавалось из поколения в поколение как часть "священного хранилища веры", пока Уотсон, самый плодовитый автор евангелической реформы восемнадцатого века и выдающийся теолог евангелической партии, не заявил: "У нас нет никаких оснований полагать, что животное имело змеевидную форму в какой-либо форме или степени до своей трансформации; что затем оно было низведено до рептилии и, наоборот, полностью утратило и изменило первоначальную форму". Вот, опять же, зрелый результат усердно применяемого теологического метода. сильнейшими мыслителями Церкви на протяжении почти двух тысяч лет; но это "священное месторождение" также исчезло, когда геологи обнаружили многочисленные останки ископаемых змей, датируемых периодами, задолго до появления человека.

Среди теологов также возникали неприятные вопросы относительно животных, отнесенных к категории "лишних". Святой Августин особенно упражнялся в этом. Он говорит: "Признаюсь, я не знаю, зачем были созданы мыши и лягушки, или мухи и черви.... Все существа либо полезны, либо вредны, либо излишни для нас.... Что же касается вредных существ, то мы либо наказаны, либо дисциплинированы, либо напуганы ими, чтобы не лелеять и не любить эту жизнь ". Что касается "лишних животных", он говорит: "Хотя они и не нужны для нашего служения, тем не менее, весь замысел Вселенной таким образом завершен". Лютер, который следовал за св. Августин во многих других вопросах отказался полностью следовать ему в этом. Для него муха была не просто лишней, она была вредной — послана дьяволом, чтобы досаждала ему при чтении.

Другой темой, которая дала толчок к тщательному изучению Священных Писаний и долгим богословским рассуждениям, была разница между сотворением человека и сотворением других живых существ.

Большое значение придавалось богословами, начиная со св. Василия Блаженного и св. От Августина до святого Фомы Аквинского и Боссюэ, а также от Лютера до Уэсли - о радикальном различии, указанном в Книге Бытия, о том, что Бог сотворил человека "по своему собственному образу". Значение этого утверждения было рассмотрено в свете более позднего библейского утверждения о том, что "Адам родил Сифа по своему подобию, по своему образу и подобию".

Ввиду этого и хорошо известных текстов, включенных из более древних легенд о сотворении мира в еврейские священные книги, широко распространилось мнение, что, в то время как человек был непосредственно сформирован рукой Создателя, животные, как правило, были вызваны в большом количестве с земли и моря голосом Создателя.

Теперь естественным образом возник вопрос о ВИДОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ между животными. Подавляющее большинство теологов сошлись во мнении, что все животные созданы "в начале" и названы Адамом, сохранены в ковчеге и с тех пор существуют под одним и тем же видом. Эта вера переросла в догму. Как и многие другие догматы Церкви, католической и протестантской,

его настоящие истоки следует искать скорее в языческой философии, чем в христианских Писаниях; он пришел гораздо больше от Платона и Аристотеля, чем от Моисея и Святого Павла. Но это не принималось во внимание: все больше и больше становилось необходимым верить, что каждое различие видов было запечатлено Создателем "в начале" и что с тех пор никаких изменений не произошло и не могло произойти.

По мере развития зоологии и выявления все большего числа видов то тут, то там возникали некоторые трудности; но на протяжении Средних веков и даже долгое время после Реформации эти трудности легко преодолевались путем увеличения размеров Ноева ковчега, и особенно путем утверждения, что произошла ошибка человека в отношении его размеров.(13)

(13) Для Св. Августина, см. *De Genesis* и *De Trinitate*, passim; для Беды см. *Hexameron*, lib. i, в Migne, том xci, стр. 21, 36-38, 42; и *De Sex Dierum Creatione*, в Migne, том xciii, стр. 215; для Питера Ломбарда о "вредных животных", см. Его Сентенции, lib. ii, раздел xv, 3, Migne, том xcii, стр. 682; для Уэсли, Кларка и Ватсона см. Цитаты из них и примечания к ним в моей главе о геологии; для Св. Августина о "лишних животных", см. *De Genesi*, lib. i, глава xvi, 26; о взгляде Лютера на мух см. "Застольную беседу" и его знаменитое высказывание, "Odio muscas quia sunt воображает дьяволов и еретиков"; о роли Аристотеля и Платона в закреплении веры в постоянство видов в христианской теологии, см. Sachs, *Geschichte der Botanik*, Мюнхен, 1875, стр. 107 и обратите внимание: также стр. 113.

Но, естественно, как среди священнослужителей, так и среди мирян возникло человеческое желание выйти за рамки этих особых моментов в истории одушевленных существ — желание узнать, что такое творение на самом деле.

Существующие легенды, предания и наблюдения путешественников, какими бы скудными они ни были, имели тенденцию сильно стимулировать любопытство в этой области.

За три столетия до христианской эры Аристотель предпринял первую по-настоящему великую попытку удовлетворить это любопытство и положил начало развитию исследований в области естественной истории, которые остаются одним из ведущих достижений в истории нашей расы.

Но чувство, которое мы уже видели столь сильным в ранней Церкви, — что всякое изучение Природы бесполезно ввиду приближающегося конца света, — так ясно обозначено в Новом Завете и так сильно выражено Лактанцием и Св. Августин — сдерживал это течение мысли на протяжении многих веков. Тем не менее, лучшая тенденция в человечестве продолжала заявлять о себе. Действительно, имело место влияние, исходящее от самих еврейских Писаний, которые мощно способствовали достижению этой цели; ибо, несмотря на все то, что Лактанций или Св. Августин мог бы сказать о тщетности любого изучения Природы, что величественные высказывания в Псалмах о красоте и чудесах творения, во всем блеске истиннейшей поэзии, облагораживали изучение даже тех, кого логика отвлекала от него.

Но, как само собой разумеющееся, в ранней Церкви и на протяжении всего средневековья все подобные исследования отливались в теологическую форму. Без какой-либо цели иллюстрирования Библии или духовного назидания они считались бесполезными, слишком

пристальное изучение тайн Природы, как правило, считалось опасным как для тела, так и для души; только для того, чтобы показать славу Бога и его цели в сотворении мира, такие исследования были достойны похвалы. Великий труд Аристотеля находился в стадии затмения. Раннехристианские мыслители уделяли этому мало внимания, и это немного было направлено на то, чтобы превратить это во что-то абсолютно противоположное всему его духу и методу; вместо этого они разработали Physiologus и Bestiaries, смешивая утверждения Священного Писания, легенды о святых и причудливые изобретения с благочестивыми намерениями и детской простотой. На смену исследованиям пришел авторитет — авторитет Священных Писаний в интерпретации Физиологов и Бестиариев, — и они оставались основным источником размышлений о живой природе более тысячи лет.

Иногда, действительно, среди правителей Церкви проявлялся страх, даже перед таким жалким вмешательством в творение, как это, и в пятом веке синод под руководством папы Геласия вынес упрек Физиологу; но интерес к Природе был слишком силен: великая работа о творении святого Василия черпала из Физиолога драгоценные иллюстрации к Священному Писанию, и сильнейший из ранних пап, Григорий Великий, фактически санкционировал ее.

Так была разработана священная наука о творении и божественном замысле в Природе, которая продолжала развиваться с четвертого по девятнадцатый век — от святого Василия до святого св. Исидор из Севильи, от Исидора до Винсента из Бове и от Винсента до архидьякона Пейли и трактатов Бриджуотера.

Как и все остальное в средние века, эта священная наука развивалась исключительно теологическими методами. Пренебрегая чудесами, которые могло бы им предоставить вскрытие самых обычных животных, эти натуралисты пытались пролить свет на Природу, изобретательно используя тексты Священного Писания, исследуя жития святых и широко применяя метафизику. Поэтому даже такие сильные люди, как святой Исидор Севильский, бережно хранили рассказы о единороге и драконах, упомянутых в Священных Писаниях, а также о фениксе и василиске в мирских сочинениях. Отсюда такой вклад в знания, как то, что василиск убивает змей своим дыханием, а людей - взглядом, что лев, преследуемый, стирает свои следы концом хвоста, что пеликан питает своих детенышей собственной кровью, что змеи откладывают яд перед тем, как напиться, что саламандра тушит огонь, что гиена может разговаривать с пастухами, что некоторые птицы рождаются из плодов определенного дерева, случайно упавших в воду, и другие научные открытия, не менее ценные.

Что касается метода привлечения науки к Священному Писанию, "Физиологус" приводит пример, иллюстрирующий отрывок из книги Иова, в котором говорится о старом льве, погибающем из-за отсутствия добычи. Из-за попытки объяснить необычное еврейское слово в тексте возникло любопытное развитие ошибок, пока мы не находим полностью развитое описание "муравьиного льва", который, как это дает нам понять, был львом, упомянутым Иовом, и в нем говорится: "Что касается муравьиного льва, его отец имеет форму льва, его мать - муравьиной; отец питается мясом, а мать - травами; они производят на свет муравьиного льва, представляющего собой смесь того и другого и отчасти подобного любому из них; ибо передняя часть его тела подобна львиной, а задняя - муравьиной". часть, как у муравья. Будучи таким сложным, он не может есть ни мясо, как его отец, ни травы, как его мать, и поэтому он погибает".

В середине XIII века мы наблюдаем триумф этого теологического метода в великом труде английского францисканца Бартоломею "О свойствах вещей". Теологический метод, применяемый к науке, в значительной степени заключается в принятии традиции и подборе аргументов, соответствующих ей. В этой области Варфоломей был мастером. Начав с намерения главным образом объяснить содержащиеся в Священном Писании намеки на природные объекты, он вскоре логически переходит к обзору всей Природы. Обсуждая "василиска" из Священного Писания, он говорит нам: "Он высушивает и сжигает листья своим прикосновением, и он настолько ядовит и опасен, что убивает и опустошает того, кто клует его ночью, не мешкая; и все же ласка одолевает его, ибо укусы ласки - смерть для василиска. Тем не менее, укусы василиска означают смерть для ласки, если ласка до этого не съест руту. И хотя василиск при жизни остается ядовитым без всяких лекарств, все же он высвобождает всю свою злобу, когда сгорает дотла. Его прах считается полезным в алхимии, а именно при обработке металлов".

Варфоломей также рассказывает нам о животных Египта и говорит: "Если крокодил найдет человека у края воды, он убьет его, а затем оплачет его и проглотит".

Естественно, этот добрый францисканский натуралист много думает о "драконах", упомянутых в Священном Писании. Он говорит: "Дракон - величайший из всех змей, и часто он вытаскивается из своего логова и поднимается в воздух, и воздух приводится им в движение, а также море вздувается от его яда, и у него есть гребень, и он поднимает свой язык, и у него зубы, подобные пиле, и он силен, и не только зубами, но и хвостом, и он страдает от укусов и жалящих ран. Кого он найдет, того он убивает. Часто четверо или пятеро из них соединяют хвосты и задирают головы, и плывут по морю за хорошим мясом. Между слонами и драконами идет вечная борьба; ибо дракон своим хвостом обвивает слона, а слон своим носом повергает дракона.... Причина, по которой дракон жаждет своей крови, заключается в ее холодности, которой дракон желает охладить себя. Джером говорит, что дракон - это измученный жаждой зверь, настолько измученный, что он открывает свою пасть навстречу ветру, чтобы таким образом утолить жгучую жажду. Поэтому, когда он видит корабли при сильном ветре, он летит против паруса, чтобы поймать холодный ветер, и опрокидывает корабль".

Эти идеи брата Варфоломея распространились далеко и глубоко проникли в сознание людей. Его книга была переведена на основные языки Европы и была одной из самых читаемых в эпоху Веры. Она сохраняла свои позиции почти триста лет; даже после изобретения книгопечатания она сохраняла свои позиции, и в пятнадцатом веке было выпущено не менее десяти ее изданий на латыни, четыре на французском и различные версии на голландском, испанском и английском языках. Проповедники находили это особенно полезным для иллюстрации путей Бога к человеку. Только когда великие путешествия, полные открытий, заменили теологические рассуждения в этой провинции установленными фактами, ее авторитет был подорван.

Такого же рода наука процветала в Бестиариях, которые использовались повсюду, и особенно на кафедрах, в назидание верующим. Во всех них, как и в том, что было составлено в начале XIII века священнослужителем Вильгельмом Нормандским, мы находим этот урок, заимствованный из "Физиолога": "Львица рождает детенышей, которые остаются без жизни три дня. Затем приходит лев, дышит на них и возвращает их к жизни.... Таким образом, Иисус Христос в течение трех дней был лишен жизни, но Бог Отец воскресил его во славе".

Эта наука постоянно благочестиво использовалась, особенно монашескими проповедниками. Феникс, восстающий из пепла, доказывает доктрину воскресения; строение и проказы обезьян доказывают существование демонов; тот факт, что у некоторых обезьян нет хвостов, доказывает, что сатана был лишен своей славы; ласка, которая "постоянно меняет свое место, является прообразом человека, отчужденного от слова Божьего, который не находит покоя".

Моральные трактаты того времени часто принимали форму работ по естественной истории, чтобы полнее использовать эти религиозные учения о Природе. Так, из книги О пчелах доминиканца Фомы Кантимпрского мы узнаем, что "осы преследуют пчел и воюют с ними из естественной ненависти"; и они, по его словам, олицетворяют демонов, которые обитают в воздухе и с помощью молний и бурь нападают на человечество и досаждают ему — после чего он заполняет длинную главу анекдотами о такой демонической войне со смертными. Подобным же образом его собрат-доминиканец, инквизитор Нидер, в своей книге "Муравейник" учит нас, что муравьи в Эфиопии, о которых говорят, что у них есть рога и они вырастают такими большими, что становятся похожими на собак, являются эмблемами жестоких еретиков, таких как Уиклиф и гуситов, которые лают и кусают истину; в то время как муравьи в Индии, которые выкапывают золото из песка ногами и копят его, хотя и не используют, символизируют бесплодный труд, с которым еретики выкапывают золото Священного Писания и уничтожают его. без всякой цели копят это в своих книгах.

Этот благочестивый дух пронизывал не только науку; он расцвел в искусстве, и особенно в соборах. В горгульях, нависающих над стенами, в гротесках, карабкающихся по башням или сидящих на шпильях, в драконах, крадущихся под арками или притаившихся в зарослях листвы, в апокалиптических зверях, вырезанных на партере хора, в витражах на окнах, на гобеленах, подсвеченных буквами и каймами псалтирей и молитвенников, эти чудеса творения повсюду наводили на мысль о морали Физиологов, Бестиариев и Примеров.(14)

(14) О Физиологах, Бестиариях и т. Д. См. Бержер де Шиврей, "Тератологические традиции"; также издание Гиппо "Бестиарии Гийома Нормандского", Кан, 1852, и такие средневековые книги-примеры, такие как *Lumen Naturae*; также Хефер, "История зоологии"; также Рамбо, "История французской цивилизации", Париж, 1885, том i, стр. 368, 369; также кардинал Питра, предисловие к *Spicilegium Solismense*, Париж, 1885, *passim*; также Карус, "Справочник по зоологии"; и для замечательного резюме - статья *Physiologus* в Энциклопедии *Britannica*. В иллюстрированных рукописях библиотеки Корнельского университета есть несколько очень ярких примеров гротеска. Превосходно иллюстрированные статьи о бестиариях см. в *Cahier and Martin, Melanges d'Archeologie*, Париж, 1851, 1852 и 1856, vol. ii из первой серии, стр. 85-232, и вторая серия, том "Загадочные курьезы", стр. 106-164; также Дж. Р. Аллен, "Раннехристианский символизм в Великобритании" и Ирландии (Лондон, 1887), лекция vi; исчерпывающее обсуждение предмета см. В "Книге о норманнских диктериях" Гийома ле Клерка, хераусгегебена фон Райниша, Лейпциг, 1890; и на итальянском примере Гольдштауб и Вендринер, "Тоско-венецианский бестиарий", Галле, 1892, где на стр. 369-371 приводится очень благочестивая, но очень комичная традиция о бобре, едва заметная для

вежливых ушей. О монахе Варфоломее см. (помимо самой его книги) "Средневековые знания", под редакцией Роберта Стила, Лондон, 1893, стр. 118-138.

Здесь и там среди людей, которые были свободны от церковного контроля, у нас есть работа лучшего рода. В двенадцатом и тринадцатом веках Абд Аллатиф сделал наблюдения над естественной историей Египта, которые продемонстрировали истинно научный дух, и император Фридрих II попытался способствовать более плодотворному изучению природы; но одного из этих людей ненавидели как мусульманина, а другого - как неверного. Гораздо более соответствующим духу времени был священнослужитель Хиральдус Камбренис, чья книга о топографии Ирландии уделяет много внимания животным острова и редко упускает возможность привнести в каждый вклад соответствующую мораль. Например, он говорит, что в Ирландии "орлы живут столько веков, что, кажется, борются с самой вечностью; так и святые, сбросив ветхого человека и облекшись в нового, получают благословенный плод вечной жизни". И снова он говорит нам: "Орлы часто взлетают так высоко, что их крылья опаляются солнцем; поэтому те, кто в Священном Писании стремится разгадать глубокие и сокрытые тайны небесных таинств, выходящие за рамки дозволенного, падают ниже, как если бы крылья самонадеянных фантазий, на которых они держатся, были опалены".

В словах одного из великих людей следующего столетия появился проблеск здоровой критики: Альберт Великий в своей работе о животных не согласен с широко распространенным мнением о том, что определенные птицы появляются на свет с деревьев и питаются их соком, а также с теорией о том, что некоторые птицы образуются в море из гниющей древесины.

Но потребовалось много поколений, чтобы такой скептицизм возымел большой эффект, и мы находим среди иллюстраций в издании Мандевилля, опубликованном незадолго до Реформации, не только подробные описания, но и изображения птиц и зверей, появляющихся в плодах деревьев.(15)

(15) О Giraldus Cambrensis см. Издание в Библиотеке Бона, Лондон, 1863, стр. 30; об Абд Аллатифе и Фридрихе II см. Hoefler, как указано выше; об Альберте Магнусе см. De Animalibus, lib. xxiii; иллюстрации в Мандевилле см. в Страсбургском издании 1484 г.; историю мифа о дереве, производящем птиц, см. в лекциях Макса Мюллера "Наука о языке", вторая серия, раздел xii.

Такое широкое использование естественных наук в благочестивых целях продолжалось и после Реформации. Лютер часто использовал их таким образом, и его пример управлял его последователями. В 1612 году Вольфганг Франц, профессор теологии университета Лютера, представил миру свою священную историю животных, которая выдержала множество изданий. В нем содержалась очень остроумная классификация, описывающая "естественных драконов", у которых по три ряда зубов на каждой челюсти, и он благочестиво добавляет: "главный дракон - дьявол".

Ближе к концу того же столетия отец Кирхер, великий профессор-иезуит в Риме, сдерживает течение скептицизма, настаивает на ортодоксальной точке зрения и представляет среди животных, входящих в ковчег, сирен и грифонов.

Однако даже среди теологов мы замечаем то тут, то там скептический настрой в естествознании. В начале того же семнадцатого века Эжен Роже опубликовал свои "Путешествия по Палестине". Что касается высказываний из Священного Писания, он глубоко ортодоксален: он предваряет свою работу картой, показывающей, среди других важных моментов, упомянутых в библейской истории, место, где Самсон убил тысячу филистимлян ослиной челюстью, пещеру, в которой обитали Адам и Ева после изгнания из рая, место, где говорила ослица Валаама, место, где Иаков боролся с ангелом, крутое место, с которого свиньи, одержимые бесами, нырнули в море, положение соляной статуи, которая когда-то была женой Лота, место в море, где Иона был убит. был проглочен китом и "находился в том самом месте, где святой Петр поймал сто пятьдесят три рыбы".

Что касается естественной истории, то он с большой теологической остротой описывает и обсуждает василиска. Он рассказывает нам, что это животное около полутора футов в длину, по форме напоминает крокодила и убивает людей одним взглядом. Тот, кого он видел, был мертв, к счастью для него, поскольку во времена папы Льва IV, как он нам рассказывает, кто—то появился в Риме и убил много людей, просто взглянув на них; но папа уничтожил его своими молитвами и крестным знаменем. Он сообщает нам, что Провидение мудро и милосердно защитило человека, потребовав, чтобы чудовище громко кричало два или три раза всякий раз, когда оно покидает свое логово, и что божественная мудрость в сотворении мира проявляется также в том факте, что чудовище обязано смотреть своей жертве в глаза на определенном фиксированном расстоянии, прежде чем его взгляд сможет проникнуть в мозг жертвы и таким образом проникнуть в ее сердце. Он также дает основание предположить, что та же самая божественная милость предусмотрела, что крик петуха убьет василиска.

Однако даже в этом добром и доверчивом миссионере мы видим влияние Бэкона и зари экспериментальной науки; поскольку ему рассказывали много историй о саламандре, он добыл одну, поместил ее живой на горящие угли и сообщает нам, что легенды о ее способности жить в огне не соответствуют действительности. Он также проводил эксперименты с хамелеоном и обнаружил, что рассказанные о нем истории следует воспринимать с большим снисхождением: в то время как он сдерживает свое суждение всякий раз, когда обсуждает букву Священного Писания, в других вещах он использует свой разум в соответствии с современными методами.

Во второй половине того же столетия Хоттингер в своем богословском исследовании истории Творения порывает с верой в феникса; но его скептицизм тщательно удерживается в рамках, налагаемых Священным Писанием. Он признает свои сомнения, во-первых, "потому что Бог создал животных парами, в то время как феникс представлен как одиночное существо, не состоящее в паре"; во-вторых, "потому что Ной, когда он вошел в ковчег, привел животных по семь особей, в то время как никогда не было такого количества особей вида феникс"; в-третьих, потому что "не известен человек, который осмелился бы утверждать, что он когда-либо видел эту птицу"; в-четвертых, потому что "те, кто утверждает, что феникс существует, расходятся между собой".

Принимая во внимание эти нападки на саламандру и феникса, мы не удивлены, обнаружив до конца столетия скептицизм в отношении василиска: выдающийся профессор Дж. Кирхмайер из Виттенбергского университета одинаково относится к фениксу и василиску как к бабушкиным басням. Что касается феникса, он отрицает его существование не только потому, что Ной не брал такую птицу в ковчег, но и потому, что, как он емко замечает, "птицы появляются из яиц, а

не из пепла". Но с единорогом он не может смириться и даже не признает, что единорог - это носорог; он обращается к Иову и Марко Поло с просьбой доказать, что это животное, как его обычно представляют, действительно существует, и говорит: "Кто не побоялся бы отрицать существование единорога, поскольку Священное Писание называет его с явными похвалами?" Что касается других великих животных, упомянутых в Священном Писании, то он настолько рационалистичен, что признает, что бегемот был слоном, а левиафан - китом.

Но эти ростки плодотворного скептицизма выросли, и вскоре мы обнаруживаем, что Даннхауэр идет еще дальше и заявляет о своем неверии даже в единорога, настаивая на том, что это был носорог — только это и ничего больше. Тем не менее, основное течение оставалось строго теологическим. В 1712 году Сэмюэл Бочарт опубликовал свой великий труд о животных Священного Писания. Чтобы показать его дух, мы можем воспользоваться названиями глав, посвященных лошади:

"Глава VI. О еврейском имени лошади".

Глава VII. О цветах Шести коней в книге Захарии.

"Глава VIII. О конях в Иове".

Глава IX. О конях Соломона и Текстах, в которых авторы восхваляют Превосходство Лошадей.

"Глава X " Посвященных коней Солнца".

Среди других названий глав есть такие, как: Об ослице Валаама; О тысяче филистимлян, убитых Самсоном Ослиной челюстью; О Золотых тельцах Аарона и Иероваама; О Блеянии, молоке, Шерсти, внешних и внутренних частях овец, упомянутых в Священном Писании; О примечательных Вещах, рассказанных о Львах в Священном Писании; О Ноевом голубе и о Голубке, которая появилась при Крещении Христа. В книге, наряду с основной массой почерпнутых из Священного Писания, было много фактов и рассуждений, взятых из исследований естествоиспытателей; но все они были пронизаны теологическим духом.(16)

(16) О Франце и Кирхере см. Perrier, La Philosophie Zoologique avant Darwin, 1884, стр. 29; о Роджере см. Ero La Terre Sainte, Париж, 1664, стр. 89-92, 130, 218 и т.д.; о Хоттингере см. Ero Historiae Creatonis Examen theologico-philologicum, Гейдельберг, 1659, lib. vi, quest lxxxiii; о Кирхмайере см. Ero Disputationes Zoologicae (коллективно опубликовано после его смерти), Йена, 1736; о Даннхауэре см. Его Богословские диспуты, Лейпциг, 1707, стр. 14; о Бохарте см. его "Иерозойкон", "Священное писание животных", Лейден, 1712.

Исследование природы, таким образом, проводилось почти две тысячи лет теологически, и к середине шестнадцатого века мы обнаруживаем некоторые многообещающие зачатки другого метода — метода научного исследования природы - метода, который ищет не правдоподобия, а факты. В то время Эдвард Уоттон был лидером в Англии, а Конрад Геснер - на Континенте благодаря широко распространенным наблюдениям, тщательно записанным и вдумчиво классифицированным.

Этот более совершенный метод исследования Природы вскоре привел к формированию обществ с той же целью. В 1560 году была основана Академия изучения природы в Неаполе, но теологи, встревожившись, закрыли ее, и в течение почти ста лет не было никаких новых совместных усилий такого рода, пока в 1645 году в Лондоне не начались собрания того, что впоследствии стало Королевским обществом. Затем появились Академия наук во Франции и Академия Чименто в Италии; за ними последовали другие во всех частях света, и началось великое новое движение.

Богословы вскоре увидели опасность в этом движении. В Италии принц Леопольд Медичи, покровитель Флорентийской академии, был подкуплен кардинальской шапкой, чтобы пренебречь ею, и со времен Урбана VIII до Пия IX там проявлялся подобный дух. Во Франции часто происходили церковные вмешательства, ярким примером которых было унижение Бюффона за утверждение простой научной истины. В Англии протестантизм поначалу едва ли был более благосклонен к Королевскому обществу, и великий доктор Саут в своих проповедях осуждал его как нерелигиозный.

К счастью, одно обстоятельство предотвратило открытый разрыв между теологией и наукой: в то время как новые исследователи в основном отказались от средневекового метода, столь дорогого Церкви, они в целом сохранили концепцию непосредственного творения и замысла на протяжении всего творения — замысла, главной целью которого является получение прибыли, обучение, наслаждение и забава человека.

На этом естественно противоположные тенденции теологии и науки были скомпрометированы. Наука, хотя и несколько освободилась от своих старых ограничений, стала служанкой теологии в иллюстрировании доктрины творческого замысла, и всегда с явным уважением к халдейским и другим древним мифам и легендам, воплощенным в еврейских священных книгах.

Примерно в середине семнадцатого века произошла великая победа научного метода над теологическим. В то время Франческо Реди опубликовал результаты своих исследований доктрины самопроизвольного зарождения. На протяжении веков широко распространенной доктриной было то, чтовода, грязь и падаль получили силу от Создателя порождать червей, насекомых и множество мелких животных; и это учение было особенно приветствовано Св. Августин и многие отцы церкви, поскольку это освободило Всомогущего от сотворения, Адама - от присвоения имен, а Ноя - от жизни в ковчеге с этими бесчисленными презираемыми существами. Но этой логической ошибке Реди положил конец. С помощью исследований, которые нельзя было опровергнуть, он показал, что каждое из этих животных произошло из яйца; следовательно, каждое должно быть прямым потомком животного, созданного, названного и сохраненного с "самого начала".

Аналогичная работа велась и в Англии, но с более выраженными теологическими ограничениями. В том же семнадцатом веке очень известная и популярная английская книга была опубликована натуралистом Джоном Рэем, членом Королевского общества, который выпустил ряд работ о растениях, рыбах и птицах; но самая читаемая из всех была озаглавлена "Мудрость Божья, проявленная в творениях Творения". Между 1691 и 1827 годами она выдержала почти двадцать изданий.

Рэй доказывал благость и мудрость Бога, приспособлявая животных не только к нуждам человека, но и к их собственной жизни и окружению.

В первые годы восемнадцатого века доктор Неемия Гроу из Королевского общества опубликовал свою "Священную космологию", чтобы опровергнуть антибиблейские мнения, приведя доказательства творческого замысла. Обсуждая "цели Провиденса", он говорит: "Журавль, мясо которого вызывает цингу, откладывает всего два яйца в год, но фазан и куропатка, оба превосходного мяса, откладывают и вылупляются по пятнадцать или двадцать". Он указывает на тот факт, что "те ценные экземпляры, которые лежат понемногу, садятся чаще, как вальдшнеп и голубь". Он решительно порывает с доктриной о том, что вредные явления в природе вызваны грехом, и показывает, что они тоже полезны; что "если крапива жалит, то это отличное лекарство для детей и скота"; что "если ежевика причиняет вред человеку, из нее получается лучшая изгородь"; и что "если ей удастся уколоть владельца, она разрывает вора". "Ласки, коршуны и другие вредные животные побуждают нас к бдительности; чертополох и кроты - к правильному ведению хозяйства; вши обязывают нас соблюдать чистоту в наших телах, пауки в наших домах и моль в нашей одежде". Этот очень оптимистичный взгляд, торжествующий над теологической теорией о вредных животных и растениях как следствиях греха, которая с такой силой преобладала у св. От Августина до Уэсли, был развит в более благородную форму в течение столетия различными мыслителями, и особенно архидьяконом Пейли, чья Естественная теология оказывала мощное влияние вплоть до недавнего времени. Та же тенденция проявилась и в других странах, хотя различные философы указывали на слабые места в аргументации, и Гете подшутил над этим в знаменитом стихотворении, восхваляя предусмотрительность Создателя, предопределившего использовать пробковое дерево для изготовления пробок для винных бутылок.

Незадолго до середины девятнадцатого века кульминацией основного движения стали "Трактаты Бриджуотера". Согласно завещанию восьмого графа Бриджуотера, президент Королевского общества отобрал восемь человек, каждый из которых должен был получить по тысяче фунтов стерлингов за написание и публикацию трактата о "силе, мудрости и благодати Бога, проявленных в творении". Из них ведущими эссе, посвященными одушевленной природе, были работы Томаса Чалмерса "Об адаптации внешней природы к моральному и интеллектуальному состоянию человека"; сэра Чарльза Белла "О руке как явном замысле"; Роже "О физиологии животных и растительности применительно к естественной теологии"; и Кирби "О привычках и инстинктах животных применительно к естественной теологии".

Кроме них, там были трактаты Уэвелла, Бакленда, Кидда и Праута. Работа была выполнена хорошо. Это был заметный прогресс по сравнению со всем, что появлялось раньше, в материи, методе и духе. Оглядываясь назад, мы видим, что оно было предварительным, но, по правде говоря, не менее плодотворным, и мы можем хорошо вспомнить замечание Дарвина о стимулирующем эффекте ошибочных ТЕОРИЙ по сравнению со стерилизующим эффектом ошибочных НАБЛЮДЕНИЙ: ошибочные наблюдения сбивают людей с пути, ошибочные теории предполагают истинные теории.

Усилие, предпринятое в столь благородном духе, безусловно, не заслуживает насмешек, которыми его иногда осыпают в наши дни. Действительно, любопытно, что одно из самых презрительных критических замечаний было недавно сделано одним из самых ярых защитников ортодоксии. Не менее выдающийся знаменосец веры, чем преподобный проф. Зуклер говорит об этом движении, призванном продемонстрировать творческую цель и дизайн, и о людях, принявших в нем участие: "Земля в их представлении выглядела как большой магазин одежды и бесплатная столовая, а Бог - как прославленный профессор-рационалист".

Подобное утверждение далеко не соответствует концепциям таких людей, как Батлер, Пейли и Чалмерс, независимо от того, насколько полно мыслящий мир сейчас пережил их.(17)

(17) Очень ценное и интересное исследование старой идеи о зарождении насекомых из падали см. Остен-Сакен, "О рожденных быками пчелах древних", Гейдельберг, 1894; о Рэе см. Цитируемую работу, Лондон, 1827, стр. 153; о Грю см. "Священная космология", или Рассуждение о Вселенной, как она есть Творение и Царство Божье; в основном написано для демонстрации Истинности и превосходства Библии доктором Неемией Грю, Член Коллегии врачей и Королевского общества Лондона, 1701; о Пейли и Бريدжуотерских трактатах см. Обычные издания; также Ланге, "История рационализма". Двустилие Гете звучало следующим образом:

"Welche Verehrung verdient der Weltenereschopfer, der Gnadig, Als er den Korkbaum erschuf, gleich auch die Stopfel erfand."

Цитату из Зеклера можно найти в его уже цитировавшейся работе, т. ii, стр. 74, 440.

Но какой бы благородной ни была работа этих людей, фактический фундамент, на котором они ее вырастили, становился, очевидно, все более и более ненадежным. Ибо еще в семнадцатом веке проникательные теологи начали замечать трудности более серьезные, чем все, с чем они сталкивались прежде. Все больше и больше становилось ясно, что количество различных видов намного больше, чем мир до сих пор себе представлял. Все большей и большей становилась старая трудность в понимании того, что из этих бесчисленных видов каждый был специально создан Всемогущей рукой; что каждый был представлен Всемогущим Адаму для получения имени; и что каждый, парами или семерками, был собран Ноем в ковчег. Но трудности, возникшие таким образом, были ничем по сравнению с теми, которые возникли при РАСПРЕДЕЛЕНИИ животных.

Даже в первые дни существования Церкви это вызывало серьезные размышления, и прежде всего в великом уме святого Августина. В своем "Граде Божьем" он описал трудность следующим образом: "Но есть вопрос обо всех этих видах животных, которые не приручаются человеком и не выходят из земли подобно лягушкам, таких как волки и другие подобного рода ... относительно того, как они могли найти дорогу на острова после того потопа, который уничтожил все живое, не сохранившееся в ковчеге.... Действительно, можно было бы предположить, что некоторые достигли островов вплавь, если бы они были очень близко; но некоторые острова настолько удалены от континентальных земель, что кажется невозможным, чтобы какое-либо существо могло добраться до них вплавь. Также нет ничего невероятного в том, что некоторые животные могли быть пойманы людьми и увезены с собой в те земли, которые они намеревались заселить, чтобы они могли получать удовольствие от охоты; и нельзя отрицать, что перемещение могло быть осуществлено с помощью ангелов, которым Бог приказал или позволил выполнять эту работу".

Но теперь эта трудность приобрела такие масштабы, о которых святой Августин и не мечтал. Самым мощным из всех факторов, способствовавших его увеличению, были путешествия

Колумба, Васко да Гамы, Магеллана, Америго Веспуччи и других мореплавателей периода великих географических открытий. Еще серьезнее это стало по мере того, как были исследованы большие острова южных морей. Каждый мореплаватель приносил домой вести о новых видах животных и человеческих расах, живущих в тех частях света, где теологи, полагаясь на утверждение святого Павла о том, что Евангелие распространилось по всем землям, веками заявляли, что их не может быть; пока, наконец, даже богословское воображение не пересилило фантазию, представив ангелов, повинующихся божественному повелению, расселяющих различных животных по земле, высаживающих мегатерия в Южной Америке, археоптерикса в Европе, орниторинха в Австралии и опоссума в Северной Америке.

Первое поразительное свидетельство этой новой трудности было продемонстрировано выдающимся миссионером-иезуитом Джозефом Акостой. В своей "Естественной и нравственной истории Индии", опубликованной в 1590 году, он проявил себя честным и здравомыслящим. Хотя он придерживался большинства старых взглядов Священного Писания, от многих он откололся; но распределение животных доставляло ему большие хлопоты. Показав тщетность учения св. Приводя другие объяснения Августина, он остроумно вопрошает: "Кто может представить, что в столь долгом путешествии люди возьмут с собой пейнов для кэрри Фокс в Перу, особенно тех, кого они называют "Асии", которые самые грязные из всех, что я видел? Кто бы точно так же сказал, что они несли Тигров и Лионов? Поистине, над такими мыслями стоило бы посмеяться. Этого было достаточно, да, очень много, для людей, гонимых против своей воли бурей в столь долгом и неизвестном путешествии, чтобы спастись собственными жизнями, не занимаясь разведением Вулвов и Лисиц и не выкармливая их в море".

Именно под впечатлением, произведенным этим новым набором фактов, в 1667 году Абрахам Милиус опубликовал в Женеве свою книгу "Происхождение животных и переселение народов". Эта книга, как и книга Акосты, показывает шок и напряжение, которым открытие Америки подвергло общепринятую теологическую схему вещей. Оно было выпущено с особого одобрения епископа Зальцбурга и указывает на возможность того, что решение всей проблемы может быть найдено в тексте: "Да произведет земля живое существо по роду его". Милиус продолжает показывать, что древние философы согласны с Моисеем и что "земля и воды, и особенно тепло солнца и ласкового неба, вместе с тем слизистым и гнилым качеством, которое, по-видимому, присуще почве, могут послужить источником рыб, наземных животных и птиц". С другой стороны, он очень суров к тем, кто воображает, что человек мог иметь одно происхождение с животными. Но тема, за которую Милиус особенно берется, - это РАСПРЕДЕЛЕНИЕ животных. Его очень беспокоят многие виды, обитающие в Америке и на отдаленных островах океана, — виды, совершенно неизвестные на других континентах, — и, конечно, его особенно беспокоит тот факт, что эти виды, существующие в этих чрезвычайно отдаленных частях земли, не существуют в окрестностях горы Арарат. Он признается, что объяснить распределение животных - самая трудная часть проблемы. Если кто-то настаивает на том, что птицы могли добраться до Америки по воздуху, а рыбы - по плаванию, он спрашивает: "А как быть с животными, которые не летают и не плавают?" Однако даже относительно птиц он спрашивает: "Разве не существует бесконечного разнообразия крылатых созданий, которые летают так медленно и тяжело и испытывают такой ужас перед водой, что даже не осмеливаются доверить себе полет над широкой рекой?" Что касается рыб, он говорит: "Они очень неохотно покидают свои родные воды", и он показывает, что в настоящее время сообщается о многих видах американских и восточно-индийских рыб, совершенно неизвестных

на других континентах, присутствие которых, следовательно, не может быть объяснено никакой теорией естественного расселения.

О тех, кто предполагает, что наземные животные могли быть расселены по земле прямым действием человека для его использования или удовольствия, он спрашивает: "Кто хотел бы иметь на борту корабля различные виды львов, медведей, тигров и других свирепых и вредных существ? кто бы доверил себя им? и кто бы захотел основать колонии таких существ на новых, желанных землях?"

Его вывод заключается в том, что растения и животные берут свое начало в землях, где они произрастают; мнение, которое он поддерживает, цитируя два повествования в отрывках из Книги Бытия, которые подразумевают воспроизводящую силу земли и воды.

Но в восемнадцатом веке с богословской точки зрения дела обстояли еще хуже. Чтобы преодолеть эту трудность, выдающийся бенедиктинец Дом Кальме в своем Комментарии выразил убеждение, что все виды рода изначально образовали один вид, и он остановился на этой точке зрения как на той, которая позволила ему объяснить возможность собрать всех животных в ковчег. Эта идея, какой бы опасной она ни была для структуры ортодоксии и предполагающая глубокое отделение от общей доктрины Церкви, по-видимому, была распространена среди мыслящих людей, поскольку мы находим, что во второй половине того же столетия даже Линней склонялся к ее рассмотрению. Действительно, пришло время разработать какую-нибудь новую теологическую теорию; сам великий Линней, несмотря на свое знаменитое заявление в пользу постоянства видов, нанес смертельный удар старой теории. В своей "Естественной системе", опубликованной в середине восемнадцатого века, он перечислил четыре тысячи видов животных, и трудности, связанные с присвоением Адамом имен каждому из них и с объединением их в ковчеге, казались всем мыслящим людям все более и более непреодолимыми.

Что было еще более неприятно, число отдельных видов продолжало быстро увеличиваться, даже чрезвычайно, пока, как заявил выдающийся зоологический авторитет нашего времени, "на каждый из видов, перечисленных Линнеем, современным натуралистами известно более пятидесяти видов, а число видов, до сих пор неизвестных, несомненно, намного превышает список зарегистрированных".

Уже были предчувствия того, какое давление будет оказано на Священное Писание, поскольку потребуются сто шестьдесят различных чудесных вмешательств Создателя для создания ста шестидесяти видов наземных раковин, обитающих только на маленьком острове Мадейра, и тысяча четырнадцать сотен различных вмешательств для создания фактического количества различных видов одной хорошо известной раковины.

Все более и более сложным также становился вопрос о географическом распределении животных. По мере того как в различных частях света проводились новые исследования, эта опасность для теологических взглядов продолжала возрастать. Ленивцы в Южной Америке наводили на болезненные вопросы: Как могли такие неповоротливые животные так быстро покинуть окрестности горы Арарат и забраться так далеко?

Исследования в Австралии и на соседних островах усугубили ситуацию, поскольку в этих регионах было обнаружено целое царство животных, сильно отличающихся от обитателей других частей земли.

Проблема, стоявшая перед строгими теологами, заключалась, например, в том, как объяснить тот факт, что кенгуру мог находиться в ковчеге и сейчас его можно найти только в Австралии: его способности к перевариванию действительно велики, но как он мог несколькими прыжками перелететь через окружающие горы, равнины и океаны на этот отдаленный континент? и если была принята теория о том, что в какой-то период через огромную пропасть, отделяющую Австралию от ближайшего материка, тянулась дамба, то почему львы, тигры, верблюды и камелопарды не преодолели ее силой или не нашли свой путь?

Таким образом, к концу XVIII века теологическая теория развалилась на куски. Более мудрые теологи ждали; неразумные пускались в увещевания "искоренить злое сердце неверия", в осуждение "науки, ложно так называемой", и в неистовые заявления о том, что "Библия истинна" — под этим они подразумевали, что ограниченное понимание ее, которое им довелось унаследовать, истинно.

К середине девятнадцатого века вся теологическая теория сотворения мира — хотя она все еще проповедовалась повсюду как вопрос формы — всем мыслящим людям стало ясно, что она безнадежно утрачена: такие сильные люди, как кардинал Вайзман из Римской церкви, декан Бакленд из англиканской и Хью Миллер из Шотландской церкви, прилагали героические усилия, чтобы спасти что-то от этого, но все было напрасно. Та непоколебимая тевтонская и англосаксонская честность, которая является лучшим наследием средневековья для христианского мира, утвердилась в старых оплотах теологической мысли - университетах. Ни мощная логика епископа Батлера, ни ловкие рассуждения архидьякона Пейли не помогли. Точно так же, как линия мыслителей-астрономов от Коперника до Ньютона разрушила старую астрономию, в которой земля была центром, а Всемогущий, восседающий над небесным сводом, своими собственными руками приводил в движение небесные тела, так и теперь раса мыслителей-биологов разрушила старую идею о Творце, тщательно изобретающем и формирующем всех животных в соответствии с потребностями и целями человека. Они разработали систему совершенно иного рода, и мы рассмотрим ее в следующий раз.(18)

(18) Что касается Акосты, см. Его "Естественную и моральную историю Индии", Севилья, 1590 г. — оригинальный английский перевод сделан в Лондоне, 1604 г.; что касается Абрахама Милиуса, см. его "О происхождении животных и популяционной миграции", Женева, 1667 г.; также "Космос", 1877, Н. I, S. 36; заявление Линнея о видах см. "Ботаническая философия", 99, 157; о Кальмете и Линнее см. Zoesckler, vol. ii, стр. 237. Что касается чрезвычайно растущего числа видов в зоологии и ботанике, см. Президента Д. С. Джордана, Science Sketches, стр. 176, 177; также содержательное изложение в книге Лэйнга "Проблемы будущего", глава vi.

III. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Природа.

До сих пор мы видели, как в мышлении человечества о видимой вселенной и ее обитателях возникла идея творения, практически мгновенного и завершенного, и Творца в человеческом облике с человеческими атрибутами, который вызвал материю к существованию буквально усилием своего горла и губ или придавал ей форму своими руками и пальцами.

Мы видели, что эта точка зрения пришла издалека; что она существовала в халдео-вавилонской и египетской цивилизациях и, вероятно, в других древнейших, известных нам; что оттуда ее основные черты перешли в священные книги евреев, а затем в раннехристианскую церковь, богословия которой она развивалась в средние века и поддерживалась в современный период.

Но, в то время как эта идея развивалась чередой благородных и вдумчивых людей на протяжении тысячелетий, развивалась другая концепция, по всей видимости, столь же древняя, иногда противоположная ей, иногда смешанная с ней — концепция всех живых существ как полностью или частично результата процесса роста — эволюции.

Эта идея, в различных формах, стала мощным фактором почти во всех великих древних теологиях и философиях. Ибо среди древних народов, достигших больших мыслительных способностей, было очень широко распространено представление о том, что, повинувшись божественному указанию, водный хаос произвел землю и что море и суша породили своих обитателей.

Это ясно видно из тех записей халдейско-вавилонской мысли, расшифрованных в эти последние годы, на которые уже делались ссылки. В них мы имеем водный хаос, который под действием божественного действия порождает землю и ее обитателей; сначала морских животных, а затем наземных животных - последние разделяются на три вида, по существу, как записано позже в еврейских источниках. На различных этапах работы халдейский Создатель произносит ее как "прекрасную", точно так же, как еврейский Создатель в нашем более позднем рассказе произносит ее как "хорошую".

В обоих рассказах над всем творением помещен твердый, вогнутый небосвод; в обоих случаях сначала создается свет, а затем небесные тела размещаются "по знакам и временам года"; в обоих число семь особенно священо, давая начало священному разделению времени и многому другому. Можно добавить, что наряду со многими другими чертами еврейских легенд, очевидно заимствованными из халдейских, рассказ о сотворении мира в каждой из них сопровождается легендой о "грехопадении человека" и всемирном потопе, многие детали которого явно перешли в слегка измененной форме из халдейских в еврейские рассказы.

Было бы поистине чудом, если бы эти примитивные представления, с такой поэтической силой воплощенные в более ранней цивилизации на берегах Тигра и Евфрата, не оказали влияния на евреев, которые в наиболее пластичные периоды своего развития находились под опекой своих соседей-халдеев. После исследований Лейарда, Джорджа Смита, Опперта, Шредера, Дженсена, Сэйса и их коллег больше нет разумных сомнений в том, что этот древний взгляд на

мир, выработанный, если не зародившийся в той более ранней цивилизации, перешел оттуда в наследство к евреям, которые воплотили его в несколько разрозненной, но в основном монотеистической форме в поэтическое целое, составляющее одно из самых драгоценных сокровищ древней мысли, сохраненных в книге Бытия.

Таким образом, в то время как идея простого материального творения буквально руками и перстами или голосом Творца стала, как мы видели, отправной точкой мощного потока теологической мысли, и в то время как этот поток расширялся из века в век благодаря вкладам отцов Церкви, докторов и ученых богословов, католической и протестантской, в него вливался этот меньший поток, всегда различимый и временами четко отделенный от него - поток веры в процесс эволюции.

Преподобный проф. Сэйс из Оксфорда, которого ни один англоязычный ученый не имеет большего веса в вопросах подобного рода, недавно заявил о своей вере в то, что халдео-вавилонская теория была несомненным источником аналогичной теории, выдвинутой ионическим философом Анаксимандром - греческие мыслители заимствовали эту точку зрения от вавилонян через финикийцев; он также допускает, что из того же источника ее основные черты были заимствованы в обоих описаниях, приведенных в первой из наших священных книг, и с этим общим мнением согласны самые выдающиеся христианские ассириологи.

Это правда, что эти наши священные рассказы противоречат друг другу. В той части первого или элоистического повествования, которая дана в первой главе книги Бытия, ВОДЫ порождают рыб, морских животных и птиц (Бытие, i, 20); но в той части второго или иеговистского повествования, которая дана во второй главе книги Бытия, как наземные животные, так и птицы заявлены как сотворенные не из воды, а "ИЗ ЗЕМЛИ" (Бытие, ii, 19).

Диалектическое мастерство отцов церкви было легко равносильно объяснению этого противоречия; но старое течение мысли, усиленное обеими этими легендами, привлекло их внимание и, пройдя через умы ряда величайших людей Церкви, оказало глубокое, если не широкое, влияние на богословское мнение на века в пользу теории эволюции.

Но существовал еще один древний источник идей эволюции. Вдумчивые люди ранних цивилизаций, которые развивались вдоль великих рек в более теплых регионах земли, заметили, как бог солнца, восстав во всей своей мощи, сделал так, что вода и плодородная почва изобиловали низшими формами жизни. Особенно в Египте люди видели, как под действием этой божественной силы нильская жижа порождала "неисчислимых пресмыкающихся". Следовательно, главным образом эта древняя вера в то, что животные и человек были произведены из безжизненной материи по божественному повелению "в начале", была дополнена идеей о том, что некоторые из низших животных, особенно насекомые, были произведены в результате более поздней эволюции, будучи вызваны после первоначального творения из различных источников, но главным образом из материи в состоянии разложения.

Этот грубый, ранний взгляд, несомненно, помог древним грекам создать зародыши лучшей теории эволюции. Анаксимандр, Эмпедокл, Анаксагор и, величайший из всех, Аристотель, как мы видели, развивали их, иногда путем догадок приближаясь к истинам, впоследствии установленным наблюдением. В частности, Аристотель, как путем умозрений, так и наблюдений, пришел к некоторым результатам, которые, если бы греческая свобода мысли сохранялась, могли бы уже давно привести мир к его нынешнему уровню биологических

знаний; ибо он пришел к чему-то вроде современной идеи преемственности высших организаций от низших и выдвинул плодотворное предположение о "совершенствующем принципе" в Природе.

С появлением христианского богословия эта тенденция к еще более верной теории эволюции в основном прекратилась, но старая грубая точка зрения осталась, и в качестве типичного примера этого мы можем отметить мнение святого Василия Великого в четвертом веке. Обсуждая работу творения, он заявляет, что по повелению Бога "воды были наделены производительной силой"; "из тины и илистых мест появились лягушки, мухи и мошки"; и, наконец, он заявляет, что тот же голос, который дал эту энергию и качество продуктивности земле и воде, будет столь же действенным до конца мира. Святой Григорий Нисский придерживался аналогичной точки зрения.

Эта идея великих отцов Восточной Церкви еще сильнее овладела великим отцом Западной Церкви. Для св. Августина, обычно столь скованный буквой священного текста, отступил от своей собственной знаменитой доктрины относительно принятия Священного Писания и отверг общепринятую веру в творческий процесс, подобный тому, с помощью которого производитель игрушек создает коробку с игрушками. В своем великом трактате о Книге Бытия он говорит: "Предполагать, что Бог создал человека из праха телесными руками, - это очень по-детски.... Бог не создавал человека телесными руками и не дышал на него горлом и губами".

Затем святой Августин предлагает принять старую теорию эманации или эволюции, показывает, что "некоторые очень маленькие животные, возможно, не были созданы на пятый и шестой дни, но могли возникнуть позже из разлагающейся материи", утверждает, что, даже если это так, Бог все еще является их создателем, останавливается на таком потенциальном творении, которое было вовлечено в фактическое творение, и говорит о животных, "численность которых увеличилась в последующие времена".

В его великом трактате о Троице — труде, которому он посвятил лучшие тридцать лет своей жизни, — мы находим полное подтверждение этого мнения. Он подробно развивает точку зрения о том, что при сотворении живых существ происходило нечто вроде роста — что Бог является конечным автором, но действует через вторичные причины; и, наконец, утверждает, что определенные вещества наделены Богом способностью производить определенные классы растений и животных.(19)

(19) за Халдей целях создания, см. Джордж Смит, Халдей счета бытия, Нью-Йорк, 1876, стр. 14,15, и 64-86; также Лукас, как выше; также Сейс, религия древних вавилонян, Хибберт лекции по 1887, стр. 371 и других странах; как получить грехопадения человека, Вавилонская башня, сакральности числа семь и т. д., см. также Делич, приложение к немецкому переводу Смит, С. 305 и след.; как почти точное утверждение Халдейской легенды в древнееврейских священных счет, см. Все эти, а также Шредер, умереть Keilinschriften УНД Дас Альте Завета, Гиссен, 1883, первые главы; также статью Вавилония в энциклопедии "Британника", а подобные утверждения творения Создателя в обоих аккаунтах, см. Джордж Смит, С. 73; как к миграции из вавилонских легенд к евреям, см. Шрейдер, Уайтхауза перевод, стр. 44,45; как к Халдейской Вера Инна твердому небосводу,

в то время как Шредер в 1883 думал, что это не доказано, Дженсен в 1890 году нашла в нем четко выражает—увидеть его *Kosmologie der Babylonier*, стр. 9 и сл., также С. 304-306 и в другом месте. Доктор Лукас в 1893 году и полностью принимает этот вид Халдеем запись "небосвод"—см. *Kosmologie*, PP. 43 и т. д.; см. также Масперо и Сейс, на заре цивилизации, и для сырой ранних идей эволюции в Египте, см. *Ibid.*, с. 156 и сл.

О семидневной неделе у халдеев и отдыхе в седьмой день, а также о доказательстве того, что даже название "Суббота" халдейского происхождения, см. Делич, "Халд Бейга-бен зу Смит". Бытие, стр. 300 и 306; также Шредер; о святом Василии см. Гексамерон и Гомилии vii-ix; но о непоколебимости взглядов Василия в отношении неизменности видов см. католического писателя об эволюции и вере в Дублинском обзоре за июль 1871 г., стр. 13; цитаты из св. Августина о Книге Бытия, см. *De Genesi contra Manichoeos*, lib. ii, глава 14, в Migne, xxxiv, 188, —lib. v, главы 5 и 23, — и lib. vii, глава I; цитаты из его работы о Троице см. в его *De Trinitate*, lib. iii, главы 8 и 9, в Migne, xlii, 877, 878; об общем предмете, представленном очень полно и адекватно, см. Osborn, *From the Greeks to Darwin*, New York, 1894, главы. ii и iii.

Этой идее развития под влиянием вторичных причин, отличных от первоначального творения, помогла в ее развитии теологическая необходимость. По мере наблюдения за органическим миром все больше и больше ощущалось, что огромное множество мелких животных, крылатых созданий и "ползучих тварей" создают нагрузку на священное повествование. Становилось все труднее примирять достоинство Всемогущего с его работой по приведению каждого из этих созданий к Адаму для поименования; или примирять человеческие ограничения Адама с его работой по присвоению имен "каждому живому существу"; или согласовывать размеры Ноева ковчега с пространством, необходимым для сохранения их всех, и всевозможной пищи, необходимой для их пропитания, независимо от того, допускались ли они по двое, как указано в одном библейском повествовании, или по семерым, как указано в другом.

Особую проблему вызывал недостаточный размер ковчега. Ориген справился с этим, предположив, что локоть был в шесть раз больше, чем предполагалось. Беда объяснил способность Ноя достроить такой большой сосуд предположением, что он работал над ним в течение ста лет; а что касается запаса пищи, взятого в ковчег, он заявил, что не было необходимости в запасе более чем на один день, поскольку Бог мог погрузить животных в глубокий сон или иным чудесным образом сделать дневной запас достаточным; он также еще больше ослабил давление на веру, уменьшив количество животных, взятых в ковчег, поддерживая свою точку зрения на теорию Августина о более позднем развитии насекомых из падали.

Несомненно, эта богословская необходимость была одной из главных причин, побудивших святого Исидора Севильского в седьмом веке включить эту теорию, поддержанную святыми Василием и св. Августина в его великом энциклопедическом труде, который дал материал для размышлений о Боге и природе стольким поколениям. Он еще больше познакомил теологический мир с доктриной вторичного творения, приведя такие примеры, как то, что "пчелы происходят из разложившейся телятины, жуки - из конины, кузнечики - из мулов, скорпионы - из крабов", и, чтобы придать еще большую силу идее таких превращений, он останавливается на библейском рассказе о Навуходоносоре, который, по-видимому, сильно

повлиял на средневековую научную мысль, и заявляет, что другие человеческие существа были превращены в животных, особенно в свиней, волков и сов.

Эта доктрина о последующем сотворении продолжала набирать силу до тех пор, пока в двенадцатом веке Питер Ломбард в своем "богословском резюме", Предложениях, столь сильно влияющих на формирование мысли Церкви, не подчеркнул различие между животными, которые происходят из падали, и теми, которые созданы из земли и воды; первые, по его мнению, были созданы "потенциально", вторые - "фактически".

В следующем столетии эта идея была подхвачена святым Фомой Аквинским и практически получила от него свою окончательную форму. В "Сумме", которая остается величайшим произведением средневековой мысли, он принимает идею о том, что определенные животные происходят из разлагающихся тел растений и животных, и заявляет, что они созданы творческим словом Божиим либо фактически, либо виртуально. Он развивает эту точку зрения, говоря: "После шести дней творения Богом не было создано ничего абсолютно нового, но это в некотором смысле было включено в работу шести дней"; и что "даже новые виды, если таковые появляются, существовали раньше с определенными естественными свойствами, точно так же, как животные возникают в результате разложения".

Возникшее таким образом различие между творением "причинно", или "потенциально", и "материально", или "формально", впоследствии часто подчеркивалось комментаторами. Корнелиус Лапид распространил это, сказав, что определенные животные были созданы не "абсолютно", а только "производно", и эта мысль была еще более развита три столетия спустя Августином Эвгубином, который говорит нам, что после того, как первая творческая энергия вызвала к жизни землю и воду, Всемогущий создал свет, инструмент всего будущего творения, и что свет вызвал все к существованию.

Вся эта "ложно называемая наука", столь усердно разрабатываемая выдающимися умами Церкви и в то же время столь тщетная, что мы могли бы почти предположить, что великий апостол в сиянии пророческого видения предвидел ее в своем знаменитом осуждении, на таком расстоянии кажется действительно безобидной; однако многим хранителям "священного хранилища учения" в Церкви даже столь незначительное отклонение от основного течения мысли казалось опасным. Им казалось, что доктрина вторичных причин доводится до опасной степени; и примерно в начале семнадцатого века выдающийся испанский иезуит и теолог Суарес осудил ее и провозгласил Св. Августина объявили еретиком за его участие в этом.

Но в то время старая идея не представляла особой опасности; основная теологическая тенденция была настолько сильна, что мир продолжал жить по-старому. Библейское богословие продолжало плести свою собственную паутину из своих собственных недр, и все мелкие богословские мухи продолжали запутываться в ней; однако то тут, то там более сильные мыслители вырывались из этой путаницы и в какой-то степени помогали распутываться другим.(20)

(20) О взгляде Беды на ковчег и происхождение насекомых см. Его "Гексамерон", i и ii; об Исидоре см. "Этимологию", xi, 4 и xiii, 22; о Питере Ломбарде см. Сент., lib. ii, раздел xv, 4 (в Migne, sxcii, 682); о законах природы святого Фомы Аквинского см. "Итоги теологии", i, Вопрос. lxvii, статья iv; его рассуждения о

теории происхождения животных Авиценны см. там же, i Вопрос. lxxi, том i, стр. 1184 и 1185, редакция Миня.; о его идее относительно того, что слово Божье является активным производящим принципом, см. Там же, i, Вопрос. lxxi, ст. i; его замечания о видах см. там же, i, Вопрос. lxxii, ст. i; о его идеях о необходимости продолжения рода человека см. там же, i, Вопрос. lxxii, ст. i; о происхождении животных от гниения, см. там же, i, Вопрос. lxxix, статья i, 3; о Корнелиусе Лапиде о производном сотворении животных см. Его комментарий в Genesim., глава i, цитируется Майвартом, "Генезис видов", стр. 282; для ссылки на осуждение Суаресом взглядов Св. Августин, посмотри Эссе Хаксли.

На закате Средневековья, несмотря на приверженность Реформатской церкви букве Священного Писания, возрождение науки и великие путешествия создали атмосферу, в которой начало набирать силу лучшее мышление над проблемами Природы. Со всех сторон, в каждой области люди делали открытия, из-за которых общий теологический взгляд казался все более и более неадекватным.

Первым из тех, о ком следует упоминать с почтением, поскольку он снова начал развивать то течение греческой мысли, которое система, почерпнутая из наших священных книг отцами и учителями Церкви, прерывала более тысячи лет, был Джордано Бруно. Его высказывания действительно были расплывчатыми и загадочными, но эту ошибку ему вполне можно простить, поскольку он слишком ясно видел, какой должна быть его награда за любые более откровенные заявления. Его награда действительно пришла — даже за его ошибочные высказывания, — когда ближе к концу девятнадцатого века вдумчивые люди со всего мира объединились, чтобы воздвигнуть его статую на том месте, где он был сожжен римской инквизицией почти триста лет назад.

После смерти Бруно, в первой половине семнадцатого века, Декарт, казалось, собирался взять на себя руководство человеческой мыслью: его теории, какими бы устаревшими они ни были сейчас, тогда дали большой импульс исследованиям. Его гениальность в продвижении эволюционной доктрины относительно механического формирования солнечной системы была велика, и его образ мыслей укреплял течение эволюционной доктрины в целом; но его постоянный страх преследований, как со стороны католиков, так и протестантов, неуклонно заставлял его скрывать свои мысли и даже подавлять их. Казнь Бруно произошла в его детстве, и в разгар своей карьеры он наблюдал за борьбой Галилея на всех ее этапах. Он видел, как его собственные работы осуждались университетом за университетом под руководством теологов и помещались в Римский указатель. Хотя он привел новые и поразительные аргументы в доказательство существования Бога и смирился перед иезуитами, он был осужден как католиками, так и протестантами. Со времен Роджера Бэкона, пожалуй, ни один великий мыслитель не был так полностью унижен и подавлен теологическим гнетом.

Ближе к концу того же столетия другой великий мыслитель, Лейбниц, хотя и не выдвинул какой—либо полной доктрины эволюции, придал ей импульс, предложив точку зрения, противоречащую священной вере в неизменность видов, то есть благочестивой доктрине о том, что каждый вид в животном царстве существует в том виде, в каком он вышел из рук Создателя, процессу присвоения имен Адамом и двери Ноева ковчега.

Его наказание от рук Церкви последовало несколькими годами позже, когда в 1712 году иезуиты сорвали его попытку основать Академию наук в Вене. Имперские власти оказывали ему почести, но священники, правившие исповедальнями и кафедрами, не позволили ему воспользоваться привилегией помогать своим собратьям в постижении Божьих истин, открытых в Природе.

Спинозу, Юма и Канта также можно упомянуть как тех, чье мышление, даже будучи ошибочным, могло бы многое сделать для развития более истинной теории, если бы теологическая атмосфера их времени не была столь неблагоприятной; но через несколько лет после смерти Лейбница во Франции появился мыслитель в области естествознания, имевший гораздо меньшее влияние, чем любой из них, который сделал решительный шаг вперед.

В начале восемнадцатого века Бенуа де Майе, светский человек, но широкий наблюдатель и пристальный мыслитель Природы, начал размышлять, в частности, о происхождении животных форм, и пришел к идее трансформации видов и, таким образом, к теории эволюции, которая в некоторых важных отношениях предвосхитила современные идеи. Он определенно, хотя порой и абсурдно, представлял себе возникновение существующих видов путем модификации их предшественников и явно принимал один из фундаментальных принципов современной геологии — что строение земного шара должно изучаться в свете современного хода природы.

Но он оказался между двумя рядами противников. С одной стороны, церковные власти осуждали его как вольнодумца; с другой, Вольтер высмеивал его как преданного. Чувствуя, что наибольшая опасность для него исходит от ортодоксальных богословов, де Майе попытался защитить себя, замаскировав свое имя в названии своей книги и так сформулировав ее предисловие и посвящение, чтобы в случае преследования он мог объявить это простой игрой воображения; поэтому он объявил это грезами индуистского мудреца, переданными христианскому миссионеру. Но эта стратегия ничего не дала: он позволил своему индуистскому мудрецу предположить, что дни творения, указанные в Книге Бытия, могут быть длительными периодами времени; и это, наряду с другими идеями столь же утрашающего значения, оказалось фатальным. Хотя книга была напечатана в 1735 году, опубликована она была только в 1748 году — через три года после его смерти.

С другой стороны, неортодоксальная теология Вольтера также вызвала интерес; и, поскольку де Майе увидел в наличии окаменелостей на высоких горах доказательство того, что эти горы когда-то были ниже уровня моря, Вольтер, усмотрев в этом аргумент в пользу Ноева потопы, безжалостно высмеял нового мыслителя. К сожалению, некоторые причуды Де Майе превосходно сочетались с сарказмом Вольтера; вряд ли можно придумать лучший материал для этого, чем серьезно предложенная теория о том, что первый человек родился от русалки.

Следовательно, находясь между этими двумя крайностями теологии, Де Майе не получал признания до тех пор, пока совсем недавно величайшие ученые Англии и Франции не объединились, чтобы воздать ему должное. Но его работа не пропала даром даже в его дни; Робине и Бонне победоносно продвигались вперед, помогая друг другу.

Во второй половине восемнадцатого века на пути этого течения была воздвигнута огромная преграда — авторитет Линнея. Он был самым выдающимся натуралистом своего времени, широким наблюдателем, глубоко мыслящим; но атмосфера, в которой он жил, двигался и существовал, была пропитана библейским богословием, и это пронизывало все его мышление.

Тот, кто сегодня посещает гробницу Линнея, входя в прекрасный кафедральный собор Упсалы через его южную паперть, видит над ней высеченную в камне еврейскую легенду о сотворении мира. В серии медальонов Всевышний — в человеческом облике — завершает работу каждого творческого дня. В должном порядке он устанавливает твердый небесный свод с водами над ним, солнцем, луной и звездами внутри него, зверями, птицами и растениями под ним и завершает свою задачу, извлекая мужчину изнебольшого холмика "земли внизу", а женщину - из мужской половины. Несомненно, Линней, отправляясь на молитву, часто улыбался этому изображению ребенка. И все же он никогда не мог оторваться от идеи, которую оно воплощало. Временами, сталкиваясь с трудностями, с которыми сталкивается ортодоксальная теория, он отваживался на некоторые незначительные уступки. Ближе к концу своей жизни он робко выдвинул гипотезу о том, что все виды одного рода при сотворении составляли один вид; и из последнего издания своей "Естественной системы" он незаметно исключил строго ортодоксальное утверждение о постоянстве каждого вида, на котором он настаивал в своих более ранних работах. Но он не сделал никакого адекватного заявления. Что его могло ожидать, если бы он открыто и решительно одобрил новую точку зрения, он узнал на собственном опыте; предупреждения быстро поступили как с католической, так и с протестантской стороны.

В то время, когда выдающиеся прелаты старой Церкви восхваляли распутных принцев, таких как Людовик XV, и использовали невыразимо непристойную казуистику иезуита Санчеса при обучении священнослужителей отношениям мужчин к женщинам, скромность церковных властей была настолько шокирована доказательствами Линнея о половой системе у растений, что на долгие годы его труды были запрещены в Папской области и в различных других частях Европы, где власть духовенства была достаточно сильна, чтобы противостоять новому научному течению. Только в 1773 году одному из кардиналов с более широкими взглядами — Зеланде - удалось добиться разрешения профессору. Минаси обсудить систему Линнея в Риме.

И протестантизм был таким же деспотичным. В письме к Элоиусу Линней рассказывает об упреке, брошенном науке одним из великих лютеранских прелатов Швеции, епископом Сведбергом. Из разных частей Европы в Королевскую академию наук были отправлены подробные заявления о том, что вода превратилась в кровь, и благонамеренные священнослужители увидели в этом указание на гнев Божий, безусловно, направленный против регионов, в которых произошли эти чудеса, и, возможно, против всего мира. Подобное чудо появилось в Швеции, Линней внимательно изучил его и обнаружил, что покраснение воды было вызвано плотным скоплением мельчайших насекомых. Известие об этом объяснении дошло до епископа, и он выступил против него; он осудил это научное открытие как "сатанинскую бездну" (*abyssum Satanae*) и заявил, что "Покраснение воды неестественно" и "когда Бог допускает свершение такого чуда, сатана старается, а также его безбожные, самонадеянные, самодостаточные и мирские инструменты, сделать так, чтобы это ничего не значило". Перед лицом этого натиска Линней отступил; он говорит своему корреспонденту, что "трудно что-либо сказать по этому вопросу", и прикрывает себя заявлением: "Это, безусловно, чудо, что так внезапно могут появиться на свет миллионы существ", и "это, несомненно, демонстрирует премудрую силу Бесконечного".

Великий естествоиспытатель, состарившийся и измученный научными трудами, больше не мог сопротивляться современной теологии; он подчинился ей, и хотя модификация его ранних ортодоксальных взглядов была, как мы видели, незаметно включена в окончательное издание его великого труда, он не прилагал особых усилий, чтобы донести ее до мира. Судя по всему, он

продолжал придерживаться доктрины о том, что все существующие виды были созданы Всемогущим "в начале" и что с "начала" не появилось ни одного нового вида.

Однако даже его огромный авторитет не мог остановить нарастающую волну; все более и более огромным становилось число видов, все более и более непостижимыми в рамках старой теории становились вновь установленные факты географического распределения, все больше и больше ощущалось, что вселенная и живые существа возникли в результате какого-то иного процесса, нежели особое сотворение "в начале", и постоянно возникал вопрос: "В РЕЗУЛЬТАТЕ КАКОГО процесса?"

На протяжении всего восемнадцатого века над естественной историей работал один человек, который мог бы внести большой вклад в ответ на этот вопрос: этим человеком был Бюффон. Его исследовательские способности и мышление были замечательными, а его дар представлять результаты исследований и мышления свидетельствовал о гениальности. Он уловил идею эволюции в Природе путем изменения видов и, вероятно, значительно продвинулся в ней; но ему тоже пришлось ощутить силу теологии.

Пока он давал приятные описания животных, Церковь баловала его, но когда он начал выводить истины философского значения, перед ним открылись двери Сорбонны; ему дали понять, что "священное хранилище истины, переданное Церкви", заключалось в том, что "в начале Бог сотворил небо и землю" и что "все было сотворено в начале мира". За его простое изложение естественнонаучных истин, которые сегодня являются прописными истинами, он был, как мы видели, вызван теологическим факультетом, вынужден публично отречься и опубликовать свое отречение. В нем он объявил: "Я отказываюсь от всего в моей книге, касающегося образования земли, и вообще от всего, что может противоречить повествованию Моисея".(21)

(21) О Декарте и его отношении к теории Коперника см.

Saisset, "Декарт и его предшественники"; также Fouillee, "Декарт", Париж, 1893, главы. ii и iii; также другие авторитеты, упомянутые в моей главе об астрономии; о его отношении к теории эволюции см.

Принципы философии, *Земе partie*, С. 45. О де Майе см.

Quatrefages, *Darwin et ses Precurseurs francais*, глава i, цитируя

D'Archiac, *Paleontologie, Stratigraphie*, vol. i; также, Perrier, *La*

Philosophie zoologique avant Darwin, глава. vi; также замечательная

статья Хаксли "Эволюция" в *Ency. Брит.* The title of De Maillet's

book is *Telliamed, ou Entretiens d'un Philosophe indien avec un*

Missionnaire francais sur la Diminution de la Mer, 1748, 1756. Что касается

Бюффона, см. Приведенные ранее источники, а также главу о

геологии в этой работе. О сопротивлении как католических, так и протестантских

властей системе и идеям Линнея см. Альберг, "Жизнь

Линнея", Лондон, 1888, стр. 143-147 и 237. Что касается

медальонов ручной работы в кафедральном соборе Упсалы, то несколько любопытным

совпадением является то, что автор настоящего произведения наткнулся на них во время посещения этого

здания во время подготовки этой главы.

Но весь этот триумф халдео-вавилонских легенд о сотворении мира, унаследованный Церковью, мало что дал.

Примерно в конце восемнадцатого века плодотворные предложения и даже четкие презентации той или иной части большой эволюционной доктрины поступали обильно и быстро, причем из самых разных кругов. Особенно замечательными были те, которые исходили от Эразма Дарвина в Англии, от Мопертюи во Франции, от Окена в Швейцарии, от Гердера и, что наиболее блестяще, от Гете в Германии.

Среди этих мыслителей следует особо упомянуть двух человек — Тревирануса в Германии и Ламарка во Франции; каждый независимо от другого более полно, чем когда-либо прежде, привлек мир в этом направлении.

От Тревирануса в 1802 году вышла его работа по биологии, и в ней он выдвинул идею о том, что из первоначально простых форм жизни возникли все высшие организации путем постепенного развития; что каждая живая особенность обладает способностью получать модификации своей структуры от внешних воздействий; и что ни один вид на самом деле не вымер, но что каждый перешел в какой-то другой вид. Примерно в то же время Ламарк начал свои Исследования, а немного позже - свою зоологическую философию, которая ввела новый фактор в процесс эволюции — действие самого животного в его усилиях по развитию в соответствии с новыми потребностями — и он дал в качестве своих основных выводов следующее:

1. Жизнь имеет тенденцию увеличивать объем каждого живого тела и всех его частей до предела, определяемого ее собственными потребностями.
2. Новые потребности у животных приводят к появлению новых органов.
3. Развитие этих органов пропорционально их занятости.
4. Новые разработки могут передаваться потомству.

Его хорошо известные примеры, иллюстрирующие эти взгляды, такие как последовательные поколения жирафов, удлиняющих свои шеи, вытягивая их для сбора высокорастущей листвы, и последовательные поколения кенгуру, удлиняющих и укрепляющих свои задние лапы из-за необходимости держаться прямо во время прыжков, вызвали смех, но сама комичность этих иллюстраций помогла закрепить его главный вывод в памяти людей.

В обоих этих утверждениях, какими бы несовершенными они ни были, были воплощены великие истины — истины, которые, несомненно, будут расти.

Заявление Ламарка, в частности, о том, что развитие органов зависит от их использования, и его указания на воспроизведение в потомстве того, что приобретено или утрачено родителями под влиянием обстоятельств, сыграли наиболее действенную роль в развитии теории эволюции.

Следующим великим преемником в апостольстве этой идеи вселенной был Жоффруа Сент-Илер. Еще в 1795 году он начал формировать теорию о том, что виды представляют собой различные модификации одного и того же типа, и эту теорию он развил, проверяя ее на различных этапах по мере того, как Природа все больше и больше открывалась ему. На его

долю выпало нести основную тяжесть в борьбе с тяжелыми обстоятельствами, которая длилась много лет.

Ибо человеком, который теперь взялся за войну, открыто выступая за науку, но бессознательно за теологию, был выдающийся из живших тогда натуралистов — Кювье. Его ученое превосходство было заслуженным; ему были оказаны высшие почести в его собственной стране и в других странах, и он достойно нес их. Член императорского совета при Наполеоне; президент Совета общественного просвещения и ректор университета при восстановленных Бурбонах; великий офицер ордена Почетного легиона, пэр Франции, министр внутренних дел и президент Государственного совета при Луи Филиппе; он был выдающимся во всех этих способностях, и все же достоинство, которое давали такие высокие административные должности, было ничем по сравнению с его лидерством в естественных науках. Наука во всем мире признала в нем свое главное современное украшение, и по сей день его слава по праву продолжается. Но в нем, как и в Линнее, сохранились определенные теологические взгляды на вселенную и определенные теологические концепции плана творения; следует также сказать, что, хотя его темперамент заставлял его с недоверием относиться к новым гипотезам, которых на его глазах рождалось и умирало так много, его окружение как крупного государственного деятеля, почитаемого, вызывающего восхищение, почти обожание величайших не только в государстве, но и в Церкви, его забота о том, чтобы науке не был нанесен какой-либо ущерб открытым сопротивлением Церкви, которая вновь захватила Европу после Французской революции, и сделал из своих врагов подставку для ног - все эти соображения побудили его выступить против новой теории. Таким образом, под аплодисменты виднейших деятелей церкви он перечеркнул доктринам эволюции весь свой авторитет в пользу старой теории катастрофических изменений и особых творений.

Жоффруа Сент-Илер стойко противостоял ему, не боясь непризнания, жестокого обращения и насмешек. Тревиранус, сидевший вдалеке в своей математической аудитории в Бремене, казалось, был просто забыт.

Но поток эволюционной мысли таким образом остановить было невозможно: на какое-то время его запрудили, и он вырвался в новые русла, способами и в местах, которых меньше всего ожидали; отвернувшись от Франции, он появился особенно в Англии, где появились великие палеонтологи и геологи, кульминацией работ которых стала работа Лайелла. Специалисты по всему миру сейчас стали более энергичными, чем когда-либо, собирая факты и размышляя над ними таким образом, что особая теория сотворения мира все больше и больше сужалась. Шире и полноводнее стали эти различные ручейки, вскоре объединившиеся в один великий поток мысли.

В 1813 году доктор Уэллс разработал теорию эволюции путем естественного отбора для объяснения разновидностей человеческой расы. Примерно в 1820 году Дин Герберт, выдающийся авторитет в садоводстве, высказал свое убеждение в том, что виды - это всего лишь фиксированные разновидности. В 1831 году Патрик Мэтьюз наткнулся на основную доктрину естественного отбора в эволюции и сформулировал ее; и другие люди здесь и там, в Европе и Америке, уловили намек на это.

Но никого за пределами круга, по-видимому, невлиятельного, эти вещи не волновали: Церковь была безмятежна: на Континенте она получила реакционный контроль над судами, кабинетами министров и университетами; в Англии декан Кокберн осуждал Мэри Сомервилл и геологов к

радости церковников; и преподобный Меллор Браун делал то же самое в назидание инакомыслящим.

В Америке мягкие предложения Силлимана и его коллег были встречены протестами андоверских теологов во главе с Мозесом Стюартом. Ни один из великих английских университетов, как правило, не обращал на новаторов никакого внимания, кроме насмешек.

К этому течению мысли присоединился новый элемент, когда в 1844 году Роберт Чемберс опубликовал свои "Следы творения". Книга была привлекательной и широко читалась. По мнению Чемберса, несколько серий одушевленных существ, от самых простых и древних до самых высоких и новейших, были результатом двух различных импульсов, каждый из которых был дан раз и навсегда Создателем. Первый из них был импульсом, переданным формам жизни, постепенно поднимающим их на более высокие ступени; второй был импульсом, направленным на модификацию органических веществ в соответствии с внешними обстоятельствами; фактически, доктриной книги была эволюция, смягченная чудом — растягивание творческого акта во все времена — благочестивая версия Ламарка.

Последовали два результата, один из которых вызвал веселье, другой заставил серьезно задуматься. Забавным результатом стало то, что богословы были сильно встревожены этой книгой: громко утверждалось, что она пропагандирует атеизм. Оглядываясь назад на то направление мысли, которое было развито с тех пор, чувствуешь, что теологам старшего поколения следовало бы вознести благодарственные молитвы за теорию Чемберса и за то, чтобы она оказалась верной. Более серьезным результатом было то, что это приучило умы людей к вере в эволюцию как в некую возможную или даже вероятностную форму. Таким образом, это было временно полезно.

Восемь лет спустя Герберт Спенсер опубликовал эссе, противопоставляющее теории сотворения мира и эволюции, с большой силой аргументируя в пользу последней, показывая, что виды, несомненно, были изменены обстоятельствами; но по—прежнему лишь немногие и избранные люди видели значение всех этих линий рассуждений, которые на протяжении стольких лет сходились к одному выводу.

1 июля 1858 года в Линнеевском обществе в Лондоне были зачитаны два доклада — один был представлен Чарльзом Дарвином, другой Альфредом Расселом Уоллесом, — и при чтении этих докладов родилась доктрина эволюции путем естественного отбора. Тогда-то и была пробита фатальная брешь в великом теологическом барьере неизменности видов с момента сотворения мира.

Историю этих работ научный мир знает наизусть: как Чарльз Дарвин, отправленный в Кембриджский университет для подготовки к англиканскому священству, покинул его в 1831 году, чтобы отправиться в научную экспедицию на корабле "Бигль"; как в течение пяти лет он с удивительной энергией и остротой изучал проблемы жизни на суше и на море — среди вулканов и коралловых рифов, в лесах и песках, от тропиков до арктики; как на островах Зеленого Мыса и Галапагосских островах, а также в Бразилии, Патагонии и других странах. , и Австралия он исследовал Природу с несравненным упорством и мастерством; как он вернулся без предупреждения, спокойно приступил к своей работе и вскоре заставил мир задуматься над его первыми опубликованными результатами, такими как его книга о коралловых рифах и

монография о усонагих; и, наконец, как он представил свою статью, а за ней последовали трактаты, которые сделали его одним из величайших лидеров в истории человеческой мысли.

Научный мир также все больше и больше осознает силу характера, проявленную Дарвином на протяжении всей его великой карьеры; способность к молчанию, запас силы, проявленный в том, что он почти двадцать лет молча изучал и медитировал над своей великой мыслью — своей идеей эволюции путем естественного отбора, — не давая ни малейшего намека на это миру в целом, но работая во всех областях, чтобы получить доказательства или опровержения и накопив массу ценного материала для решения связанных с этим вопросов.

Только одному человеку он открыл свою мысль — доктору Джозефу Хукеру, которому в 1844 году под грифом секретности изложил краткое изложение своих выводов. Только четырнадцать лет спустя произошло событие, которое показало ему, что пришло время, — письмо Альфреда Рассела Уоллеса, которому в ходе блестящих исследований, проведенных в течение десятилетия с 1848 по 1858 год в Бразилии и на Малайском архипелаге, была открыта та же истина об эволюции путем естественного отбора. Одним из доказательств того, что научные исследования не наносят ущерба более тонким оттенкам чувств, является хорошо известная история с этим письмом. Вместе с этим Уоллес отправил Дарвину мемуары с просьбой представить их Линнеевскому обществу: изучив их, Дарвин обнаружил, что Уоллес независимо пришел к выводам, сходным с его собственными, — возможно, это лишило его славы; но Дарвин был верен своему другу, а его друг всегда оставался верен ему. Он публично представил доклад Уоллеса со своими собственными выводами; и дата этой презентации — 1 июля 1858 года — разделяет две эпохи в истории не только естествознания, но и человеческой мысли.

В следующем, 1859 году вышла первая часть его работы в более полном виде — его книга "Происхождение видов". В этой книге был более широко раскрыт по крайней мере один из главных секретов, лежащих в основе эволюционного процесса, который ставил в тупик длинный ряд исследователей и философов со времен Аристотеля. Эффективный механизм эволюции был показан в действии в трех установленных фактах: в борьбе за существование среди организованных существ; в выживании наиболее приспособленных; и в наследственности. Эти факты были представлены с помощью таких тщательных исследований, широкого наблюдения, терпеливого сопоставления, прозрачной честности и судебной справедливости, что они сразу привлекли внимание всего мира. Это был результат тридцатилетней работы и мысли гениального рабочего и мыслителя, но это было нечто большее — это был также результат работы и мысли другого гениального человека пятьдесят лет назад. Книга Мальтуса о принципе народонаселения, основанная главным образом на том факте, что животные увеличиваются в геометрической пропорции и, следовательно, если ее не контролировать, должны заселять землю, была в целом забыта, и о ней вспоминали только с насмешкой. Но гений Дарвина распознал в этом более глубокий смысл, и теперь мысль Мальтуса влилась в новое течение. Размышляя об этом в связи со своими собственными наблюдениями за роскошью Природы, Дарвин пришел к своей доктрине естественного отбора и выживания наиболее приспособленных.

Когда великий догматический барьер между старым и новым взглядами на вселенную был разрушен, поток новой мысли, хлынувший на мир, стимулировал и питал мощный рост во всех областях исследований и рассуждений: требовалось издание за изданием книги; ее переводили даже на японский и хиндустани; застой научной мысли, о котором Бакл всего

несколько лет назад так глубоко сожалел, уступил место широкомасштабной и плодотворной деятельности; массы накопленных наблюдений, которые казались устаревшими и бесполезными, ожили; факты, ранее не имевшие значения, теперь нашли свое толкование. Под этим новым влиянием целая армия молодых людей взялась за каждое многообещающее направление научных исследований в каждой стране. Книги, ставшие эпохальными, появились во всех великих странах. Спенсер, Уоллес, Хаксли, Гальтон, Тиндалл, Тайлор, Лаббок, Бейджот, Льюис в Англии и группа сильных людей в Германии, Италии, Франции и Америке опубликовали работы, которые стали авторитетными во всех областях биологии. Если некоторые из мужчин постарше во Франции сдерживались, возможно, испытывая благоговейный трепет перед авторитетом Кювье, то более молодые и энергичные шли напролом.

Один источник оппозиции заслуживает особого упоминания — Луис Агассис.

Великий исследователь, вдохновенный учитель, благородный человек, он получил и разработал теорию одушевленного творения, которую не мог легко изменить. В его сердце и уме все еще царила атмосфера маленького швейцарского пасторского домика, в котором он родился, и его религиозная и нравственная природа, столь прекрасная для всех, кто его знал, вызывала особое отвращение у различных эволюционистов, которые в своем рвении неопитов делали заявления, носящие явно нерелигиозный, если не аморальный характер. В дополнение к этому было направление, которое его мышление получило от Кювье. Оба эти влияния в совокупности помешали ему принять новую точку зрения.

Он был третьим великим человеком, который своим влиянием преградил путь течению эволюционной мысли. Линней во второй половине восемнадцатого века, Кювье в первой половине и Агассис во второй половине девятнадцатого — все они предприняли одну и ту же попытку. Каждый из них остается великим; но не все они вместе могут остановить течение. Решительные усилия Агассиса по всей территории Соединенных Штатов и, действительно, по всей Европе, направленные на то, чтобы остановить его, действительно способствовали этому. Из великого музея, который он основал в Кембридже, из его летней школы в Пенникезе, из его лекционных залов в Гарварде и Корнелле, его ученики вышли, полные любви и восхищения им, полные энтузиазма, который он пробудил, и в областях, которые он указал; но их силы, которые он пробудил и укрепил, были посвящены развитию истины, которую он не смог распознать; Шалер, Веррилл, Паккард, Хартт, Уайлдер, Джордан и множество других, и особенно сын, носивший его почтенное имя, отдали должное его памяти, применив то, что они получили от него. исследовать, вдохновляясь новым откровением.

Еще один человек заслуживает особой благодарности и почестей за этот прогресс — Эдвард Ливингстон Юманс. Возможно, он был первым в Америке, кто осознал огромное значение истин, изложенных Дарвином, Уоллесом и Спенсером. Он стал апостолом этих истин, пожертвовав блестящей карьерой, к которой пришел в качестве публичного лектора, подчинившись трем лидерам и посвятив себя редакторской рутинной работе по стимулированию исследований и объявлению результатов.

В поддержку новой доктрины появился целый мир новых доказательств; те, которые сам Дарвин добавил в отношении перекрестного оплодотворения растений и которые он перенял из эмбриологии, проложили путь, и за ними последовали открытия Уоллеса, Бейтса, Хаксли, Марша, Коупа, Лейди, Геккеля, Мюллера, Годри и множества других во всех странах.(22)

(22) О несогласии Агассиса с эволюцией см. В "Эссе о классификации", том i, 1857, что касается Ламарка, и vol. iii, что касается Дарвина; также "Дневник Силлимана", июль 1860 г.; также "Атлантический ежемесячник", январь 1874 г.; также "его жизнь и переписка", том. ii, с. 647; также Аса Грей, Научные труды, том. ii, стр. 484. Мои собственные воспоминания позволяют мне оценить его глубокие этические и религиозные чувства. Я провел с ним день в Наханте в 1868 году, консультируя его относительно кандидатов на различные научные кафедры в недавно основанном Корнельском университете, к которому он проявлял глубокий интерес. Когда мы обсуждали одного за другим кандидатов, он вдруг спросил: "Кто будет вашим профессором моральной философии? Это гораздо более важная позиция, чем все остальные".

IV. ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ТЕОЛОГИИ.

"Происхождение видов" Дарвина вторглось в теологический мир, как плуг в муравейник. Повсюду те, кого таким грубым образом разбудили от их прежнего комфорта и покоя, толпились разъяренные и растерянные. Рецензии, проповеди, книги легкие и тяжелые обрушились на нового мыслителя со всех сторон.

Основная идея была сразу же озвучена в Ежеквартальном обзоре Уилберфорса, епископа Оксфордского. Он заявил, что Дарвин был виновен в "тенденции ограничивать Божью славу в творении"; что "принцип естественного отбора абсолютно несовместим со словом Божиим"; что это "противоречит раскрытым отношениям творения к своему Создателю"; что это "несовместимо с полнотой его славы"; что это "порочащий взгляд на природу"; и что есть "более простое объяснение присутствия этих странных форм среди творений Божьих": это объяснение — "грехопадение Адама". На этом усилия епископа не закончились; на собрании британского парламента Ассоциация содействия развитию науки: он снова развлекался под шквал народных аплодисментов. Ссылаясь на идеи Дарвина, который отсутствовал по болезни, он поздравил себя в публичной речи с тем, что не произошел от обезьяны. Ответ пришел от Хаксли, который, по существу, сказал: "Если бы мне пришлось выбирать, я бы предпочел быть потомком скромной обезьяны, а не человека, который использует свои знания и красноречие, чтобы представить в ложном свете тех, кто тратит свою жизнь в поисках истины".

Этот выстрел прогремел по всей Англии, да и по другим странам.

Высказывания этого самого блестящего прелата англиканской церкви получили своего рода антифонный отклик со стороны лидеров английских католиков. Выступая перед "Академией",

которая была организована для борьбы с "ложно называемой наукой", кардинал Мэннинг заявил о своем отвращении к новому взгляду на природу и охарактеризовал его как "жестокую философию, а именно, Бога нет, а обезьяна - наш Адам".

Эти нападки из таких выдающихся источников на несколько лет задали клерикальную моду. Один выдающийся канцелярский рецензент, несмотря на тридцать лет спокойного труда Дарвина и несмотря на убедительное подведение итогов его книги, предварял обличительную речь словами о том, что Дарвин "мог бы быть более скромным, если бы привел какую-нибудь незначительную причину для несогласия с общепринятыми взглядами". Другой выдающийся священнослужитель, вице-президент протестантского института по борьбе с "опасной" наукой, объявил дарвинизм "попыткой свергнуть Бога". Другой критик говорил о людях, принимающих взгляды Дарвина, как о "неистовом вдохновении от ингалятора с мефитозным газом", а о аргументации Дарвина как о "джунглях причудливых предположений". Другой говорил о взглядах Дарвина как предполагающих, что "Бог мертв", и заявил, что работа Дарвина "является открытым насилием по отношению ко всему, что сам Творец рассказал нам в Священных Писаниях о методах и результатах своей работы". Еще один теологический авторитет утверждал: "Если дарвиновская теория верна, то Книга Бытия - ложь, вся структура книги жизни разваливается на куски, а откровение Бога человеку, каким мы, христиане, его знаем, является заблуждением и ловушкой". Другой, проявивший превосходные качества наблюдательного натуралиста, объявил дарвинистскую точку зрения "огромным обманом с самого начала".

Отголоски доносились из Америки. В одном обзоре, органе самой распространенной американской религиозной секты, говорилось, что Дарвин "пытался запутать и принижать значение всего вопроса"; другой осудил взгляды Дарвина как "неверие"; другой, представляющий американскую ветвь англиканской церкви, облил Дарвина презрением как "софистического и нелогичного", а затем пустился в чрезвычайно опасную аргументацию следующими словами: "Если эта гипотеза верна, то является ли Библия невыносимой выдумкой;... тогда христиане на протяжении почти двух тысяч лет были одурачены чудовищной ложью.... Дарвин требует, чтобы мы не верили авторитетному слову Создателя". Ведущий журнал, представляющий ту же церковь, постарался показать, что теория эволюции так же противоречит прямым заявлениям Нового Завета, как и Ветхого, и сказал: "Если у нас все, люди и обезьяны, устрицы и орлы, произошли от первоначального зародыша, то великое избавление Святого Павла - "Не вся плоть одна и та же; есть один вид плоти у людей, другой у зверей, другой у рыб и другой у птиц" — не соответствует действительности".

Еще одно эхо пришло из Австралии, где доктор Перри, лорд-епископ Мельбурна, в самой горькой книге о науке и Библии заявил, что очевидная цель Чемберса, Дарвина и Хаксли - "вызвать у своих читателей неверие в Библию".

И старшая ветвь Церкви не должна была остаться в стороне от этого хора. Байма в католическом мире заявил: "У нас есть основания полагать, что мистер Дарвин является рупором или главным трубачом той неверующей клики, хорошо известной целью которой является искоренение всякой идеи о Боге".

Особого внимания, как свидетельство решимости теологической стороны в тот период, заслуживает основание сакронаучных организаций для борьбы с новыми идеями. В первую очередь следует отметить "Академию", запланированную кардиналом Уайзманом. В циркулярном письме кардинал, обычно такой умеренный и справедливый, забил тревогу и

подытожил словами: "Теперь дело за Церковью, которая единственная обладает божественной уверенностью и божественной проницательностью, немедленно встать во главе движения, которое угрожает даже фрагментарным остаткам христианской веры в Англии". Необходимое разрешение было получено из Рима, была основана Академия, и "божественная проницательность" Церкви проявилась в высказываниях, которые исходили от нее, таких как высказывания кардинала Мэннинга, которые теперь захотел бы вспомнить каждый вдумчивый католик, и в обличительных речах доктора Лэйнга, которые вызвали только смех со всех сторон. Аналогичные усилия были замечены в протестантских кругах; был создан "институт Виктории", и, возможно, самым известным высказыванием, которое когда-либо исходило от него, было заявление его вице-президента преподобного Уолтера Митчелла о том, что "дарвинизм стремится свергнуть Бога".(23)

(23) Статью Уилберфорса смотрите в *Quarterly Review*, июль 1860 г. Что касается ответа Хаксли на речь епископа, я полагался на отчет, приведенный в четверостишиях, который получил от Карпентера; несколько иная версия приводится в "Жизни и письмах Дарвина". О нападках кардинала Мэннинга читайте в "Очерках религии и литературы", Лондон, 1865. Обзорные статьи смотрите в уже цитировавшемся "*Quarterly*" и в " " за июль 1874 г.; также в "*North British Review*" за май 1860 г.; также в "Письме Ф. О. Морриса в "*Record*", перепечатанном в Глазго, 1870 г.; также в "Выступлениях преподобного Уолтера Митчелла перед Институтом Виктории", Лондон, 1867 г.; также в "Проповеди преподобного Б. Г. Джонса "Моисей, а не Дарвин", 31 марта 1871 г. О более ранних нападках американцев см. *Methodist Quarterly Review*, апрель 1871 г.; *The American Church Review*, июль и октябрь 1865 г. и январь 1866 г. О нападении на Австралию см. "Наука и Библия", автор Справа преподобный Чарльз Перри, доктор медицинских наук, епископ Мельбурна, Лондон, 1869. О Байме см. "Католический мир", том. xxvi, стр.782. Об академических кругах см. Эссе под редакцией кардинала Мэннинга, процитированные выше; а о Институте Виктории см. *Scientia Scientiarum*, написанное членом Института Виктории, Лондон, 1865.

Во Франции нападение было еще более жестоким. Фабр д'Энвье пустил в ход тяжелую артиллерию теологии и в длинной серии тщательно продуманных положений продемонстрировал, что любая иная доктрина, кроме доктрины постоянства видов, абсолютно противоречит Священному Писанию. Аббат Десорж, бывший профессор теологии, заклеил Дарвина как "педанта", а эволюцию - как "мрачную". Монсеньор Сегюр, имея в виду Дарвина и его последователей, впал в истерику и завизжал: "Единственной опорой этих печально известных доктрин являются самые низменные страсти. Их отец - гордыня, их мать - нечистота, их детище - революции. Они приходят из ада и возвращаются туда, забирая с собой грубых созданий, которые не стыдятся провозглашать и принимать их".

В Германии атака, хотя и менее демонстративная, была не менее жестокой. Католические богословы соперничали с протестантами в ожесточении. Проф. Микелис объявил теорию Дарвина "карикатурой на творение". Доктор Хагерманн утверждал, что она "выставила Создателя за дверь".

Доктор Шунд настаивал на том, что "каждая идея Священного Писания, от первой до последней страницы, находится в диаметральной противоположности теории Дарвина"; и "если Дарвин прав в своем взгляде на развитие человека из жестокого состояния, то библейское учение о человеке полностью уничтожено". Ружмон в Швейцарии призвал к крестовому походу против этой отвратительной доктрины. Лутхардт, профессор теологии в Лейпциге, заявил: "Идея творения принадлежит религии, а не естествознанию; вся надстройка личной религии построена на доктрине творения"; и он показал, что теория эволюции находится в прямом противоречии со Священным Писанием.

Но в 1863 году произошло событие, которое внесло серьезное замешательство в теологический лагерь: сэр Чарльз Лайель, самый выдающийся из ныне живущих геологов, человек глубоко христианских чувств и чрезвычайно осторожного нрава, который выступал против эволюционной теории Ламарка и заявлял о своей приверженности идее последовательного сотворения мира, затем опубликовал свою работу о древности человека и в этом и других высказываниях показал себя полным, хотя и неохотным сторонником фундаментальных идей Дарвина. Удар был серьезным во многих отношениях, и особенно в двух — во-первых, как лишаящий библейской хронологии всех фактических оснований, и, во-вторых, как дискредитирующий теорию сотворения мира. Удар не был неожиданным; в различных обзорных статьях, направленных против дарвиновской теории, были призывы к Лайеллю, временами почти жалобные, "не отступать от истин, которые он ранее провозгласил". Но Лайель, как честный человек, которым он был, безоговорочно уступил массе новых доказательств, выдвинутых на стороне эволюции против теории творения.

В то же время появилось исследование Хаксли "Место человека в природе", приведшее новые и наиболее убедительные аргументы в пользу эволюции путем естественного отбора.

В 1871 году была опубликована книга Дарвина "Происхождение человека". Его доктрина была предвосхищена критиками его предыдущих книг, но, тем не менее, она вызвала большой переполох; армия противника снова двинулась вперед, хотя, очевидно, с гораздо меньшим энтузиазмом, чем раньше. Некоторые из них были очень жестокими. Журнал Дублинского университета в традиционной хибернианской манере обвинил мистера Дарвина в стремлении "вытеснить Бога безошибочным действием каприза" и в том, что он "решил изгнать Бога из мира". Но наиболее примечательным со стороны старой Церкви был подробный ответ на книгу Дарвина выдающегося французского врача-католика доктора Константина Джеймса. В своей работе "О дарвинизме, или Человек-обезьяна", опубликованной в Париже в 1877 году, доктор Джеймс не только научно опроверг Дарвина, но и с презрением отозвался о его книге, назвав ее "волшебной сказкой", и настаивал на том, что произведение, "столь фантастическое и пародийное", несомненно, было всего лишь грандиозной шуткой, вроде "Восхваления безумия" Эразма или "Персидских писем" Монтескье. Князья Церкви были в восторге. Кардинал-архиепископ Парижа заверил автора, что книга стала его "духовным чтением", и попросил его отправить копию самому папе Римскому. Его Святейшество, папа Пий IX, признал этот дар в замечательном письме. Он поблагодарил своего дорогого сына, писателя, за книгу, в которой тот "так хорошо опровергает aberrации дарвинизма". "Система, - добавляет Его Святейшество, - которая одновременно противоречит истории, традициям всех народов, точной науке, наблюдаемым фактам и даже самому Разуму, казалось бы, не нуждалась в опровержении, если бы отчуждение от Бога и склонность к материализму, обусловленные порочностью, не искали опоры во всей этой ткани басен.... И, на самом деле, гордыня, отвергнув Создателя всего

сущего и провозгласив человека независимым, желая, чтобы он был своим собственным царем, своим собственным священником и своим собственным Богом, — гордыня заходит так далеко, что низводит самого человека до уровня неразумных животных, возможно, даже безжизненной материи, тем самым бессознательно подтверждая Божественное заявление: "КОГДА ПРИХОДИТ ГОРДОСТЬ, ТОГДА ПРИХОДИТ И СТЫД". Но развращенность нашего века, махинации извращенцев, опасность простого требуют, чтобы такие фантазии, какими бы абсурдными они ни были, были — поскольку они маскируются под науку — опровергнуты истинной наукой". Поэтому Папа поблагодарил доктора Джеймса за его книгу, "столь своевременную и столь идеально соответствующую требованиям нашего времени", и даровал ему апостольское благословение. И это было не все. Вместе с ней появилась вторая, создавшая автора офицером папского ордена Святого Сильвестра. Кардинал-архиепископ заверил восхищенного врача, что такая двойная честь "краткости" и "бreveta", возможно, беспрецедентна, и предложил лишь, чтобы в новом издании своей книги он "немного больше настаивал на связи, существующей между повествованиями Книги Бытия и открытиями современной науки, таким образом, чтобы убедить самых недоверчивых в их совершенном согласии". Прелат настаивал также на более достойном титуле. Соответственно, все корректуры этого нового издания были представлены Его высокопреосвященству, и в 1882 году оно появилось под названием "Моисей и Дарвин: человек из Книги Бытия в сравнении с человеком-обезьяной, или Религиозное образование в противовес атеистическому". Неудивительно, что кардинал обнял автора, поблагодарив его от имени науки и религии. "Наконец-то у нас есть руководство, - заявил он, - которое мы можем смело передать в руки молодежи".

Едва ли менее энергичными были поборники английской протестантской ортодоксии. В своей речи в Ливерпуле м-р Гладстон заметил: "На основании того, что называется эволюцией, Бог освобожден от труда творения; во имя неизменных законов он отстранен от управления миром"; и, когда Герберт Спенсер обратил его внимание на тот факт, что Ньютон с учением о тяготении и с наукой физической астрономии может быть обвинен в том же самом, м-р Гладстон скрылся в "Современном обозрении" под одним из своих характерных словесных облачков. Преподобный доктор Коулз в британском и зарубежном евангелическом обзоре заявил, что Бог эволюции не является Богом христиан. Бургон, декан Чичестерского университета, в проповеди, произнесенной перед Оксфордским университетом, трогательно предупредил студентов, что "те, кто отказывается принять историю сотворения наших прародителей в соответствии с ее очевидным буквальным намерением и выступают за замену ее современной мечтой об эволюции, приводят к краху всей схемы спасения человека". Доктор Пьюзи также вступил в драку с самыми серьезными призывами против новой доктрины, и преподобный Гэвин Карлайл был на той же стороне. Общество содействия распространению христианских знаний опубликовало книгу преподобного мистера Биркса, в которой доктрина эволюции была объявлена "категорически противоположной фундаментальному учению о сотворении мира". Даже лондонская "Таймс" опубликовала рецензию, клеймящую происхождение человека Дарвином как "совершенно неподтвержденную гипотезу", полную "необоснованных посылок, поверхностных исследований и разрозненных спекуляций", а самого Дарвина - как "безрассудного и ненаучного".(24)

(24) О французской теологической оппозиции дарвиновской теории см. Поцци, "Земля" в "Библейском чтении о Сотворении мира", 1874, особенно , стр. 353, 363; также Феликс Дюкан, "Этюды о преобразовании", 1876, , особенно стр. 107 - 119. Что касается Фабра д'Энвье, смотрите особенно

его Предложение xliii. Об аббате Дезогре, "бывшем профессоре философии и теологии", см. в его "Современных ошибках", Париж, 1878, стр. 677 и с 595 по 598. О монсеньоре Сегюре см. в его книге "История развития современной науки", шестое изд., Париж, 1874, стр. 23, 34 и др.

Ответ Герберта Спенсера мистеру Гладстону см. в его "Исследованиях социологии"; отрывок из "Дублин Ревью" см. в июльском номере за 1871 год. Обзор в лондонской Times смотрите в журнале Nature за 20 апреля 1871 года. О Гэвине Карлайле см. в "Битве неверия", 1870, стр. 86 и 171. О напаках Микелиса и Хагерманна см. Natur und Offenbarung, Мюнстер, 1861-1869. For Schund, see his Darwin's Hypothese und ihr Verhaaltniss zu Religion und Moral, Stuttgart, 1869. Что касается Лютхардта, см. "Фундаментальные истины христианства", переведенные Софией Тейлор, второе изд., Эдинбург, 1869. Что касается Ружмона, см. его "Человек и огонь", Невшатель, 1863 (также в немецком переводе). О Константине Джеймсе читайте в его "Mes Entretiens avec" об императоре Доне Педро о дарвинизме, Париж, 1888, где папские записки напечатаны полностью. Об английских напаках на происхождение человека от Дарвина см. в Эдинбургском обзоре за июль 1871 г. и в других местах; в Дублинском обзоре за июль 1871 г.; в Британском и зарубежном евангелическом обзоре за апрель 1886 г. Смотрите также "Учение Священного Писания о сотворении" преподобного Т. Р. Биркса, Лондон, 1873, опубликованное SPCK В связи с напаками доктора Пьюзи, см. его "Ненаучность, а не наука, враждебная вере", 1878; также "Жизнь и письма Дарвина", том. ii, стр. 411, 412.

Но было отмечено, что эта вторая серия нападок на происхождение человека отличалась в одном примечательном отношении — насколько это касалось Англии — от тех, которые были сделаны более десяти лет назад в отношении происхождения видов. В то время как делалось все, чтобы дискредитировать Дарвина, облить его презрением и даже, из всех вещей в мире, сделать его — мягчайшего из людей, занятого только научной стороной проблемы — "гонителем христианства", в то время как его последователей все больше и больше представляли шарлатанами или простофилями, в самых влиятельных кругах началитцательно избегать старого аргумента о том, что эволюция — даже путем естественного отбора — противоречит Писанию.

Стало казаться, что это опасная почва. Отступничество Лайелла, возможно, больше, чем что-либо другое, вызвало среди теологов, сохранивших некоторую невозмутимость, вопрос: "ЧТО, ЕСЛИ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ДАРВИНОВСКАЯ ТЕОРИЯ ОКАЖЕТСЯ ВЕРНОЙ?" Воспоминания о положении, в котором оказалась Римская церковь после утверждения доктрин Коперника и Галилея, естественно, приходили в головы более вдумчивых людей. В Германии это соображение, по-видимому, не возникало в столь ранний час. Один выдающийся лютеранский священник из Магдебурга призвал своих слушателей выбирать между Дарвином и религией; Делич в своем новом комментарии к Книге Бытия попытался вернуть науку к признанию человеческого греха как важного фактора творения; проф. Генрих Эвальд, тщательно избегая любого острого конфликта между доктриной Священного Писания и эволюцией, утешал себя тем, что с презрением относился к Дарвину и его последователям; Кристлиб в своем выступлении перед Евангелическим альянсом в Нью—Йорке в 1873 году просто придерживался

мнения, что теория Дарвина ведет "к неверию", но отказался вести какую-либо серьезную борьбу на библейских основаниях; иезуит отец Пеш из Голландии составил на латыни, в старой схоластической манере, своего рода общее обвинение эволюции, о котором можно сказать, что оно было интересным. - так же интересно, как демонстрация войска в кольчугах и с арбалетами на поле боя девятнадцатого века.

Из Америки донеслись новые отголоски. Среди бесчисленных нападок на теорию Дарвина со стороны протестантов и католиков следует особо отметить две. Первое из них было написано доктором Ноем Портером, президентом Йельского колледжа, превосходным ученым, интересным писателем, благородным человеком, широко терпимым, сочетающим в своем мышлении любопытную смесь радикализма и консерватизма. Придавая большое значение эволюционному учению в университете, находящемся под его опекой, он однажды счел своим долгом признаться в своем неверии в него; но он был слишком мудрым человеком, чтобы предположить какой-либо необходимый антагонизм между ним и Священными Писаниями. Он ограничился главным образом указанием на тенденцию эволюционного учения в этой форме к агностицизму и пантеизму.

Для тех, кто знал и любил его и отмечал добродушие, с которым благодаря мудрому пренебрежению он позволил научным исследованиям процветать в Йеле, во всем этом была забавная сторона. В двух шагах от его комнат в колледже находился Музей палеонтологии, в котором профессор Дж. Марш положил рядом, среди других свидетельств новой истины, ту замечательную серию образцов, демонстрирующих эволюцию лошади от самой ранней формы животного, "не крупнее лисицы, с пятью пальцами на ногах", через всю серию вплоть до ее нынешней формы и размера — ту серию, которую Хаксли объявил абсолютным доказательством существования естественного отбора как фактора эволюции. Несмотря на почитание и любовь, которые все студенты Йельского университета испытывали к президенту Портеру, вряд ли можно было ожидать, что эти конкретные его аргументы окажут на них постоянное воздействие, когда у них перед глазами постоянно было столь убедительное опровержение.

Но гораздо более решительным противником был преподобный доктор Ходж из Принстона; его гнев по отношению к эволюционной доктрине был ожесточенным: он назвал ее насквозь "атеистической"; он настаивал на том, что христиане "имеют право протестовать против сопоставления вероятностей с ясными свидетельствами Священного Писания"; он даже осудил такого ортодоксального писателя, как герцог Аргайлл, изаявил, что дарвиновская теория естественного отбора "совершенно несовместима со Священным Писанием" и что "отсутствующий Бог, который ничего не делает, для нас не Бог"; что "игнорировать замысел, проявленный в Божьем творении, направлен на свержение Бога"; что "отрицание замысла в Природе фактически равнозначно отрицанию Бога"; и что "ни один телеолог не может быть дарвинистом". Еще более бескомпромиссным был другой ведущий специалист того же университета — преподобный доктор Даффилд. Он объявил войну не только Дарвину, но даже таким людям, как Эйса Грей, Ле Конт и другим, которые пытались примирить новую теорию с Библией: он настаивал на том, что "эволюционизм и библейский рассказ о происхождении человека несовместимы" — что дарвиновская теория "находится в прямом противоречии с учением апостола: "Все Писание богодухновенно""; он указал, выступая против "Происхождения человека" Дарвина и "Древности человека" Лайелла, что в Библии "генеалогические звенья, которые соединяют людей". явно даны израильтяне в Египте и Адам и

Ева в Эдеме". Эти высказывания проф. Кульминацией выступления Даффилда стало заявление, которое заслуживает того, чтобы его процитировали как показывающее, что пресвитерианский священник может "наносить проклятие по всей стране" ex cathedra таким же образом, как папы и епископы. Она заключается в следующем: "Если теория развития происхождения человека, — писал доктор Даффилд в "Принстон Ревью", — через некоторое время займет свое место - а это, несомненно, произойдет - среди других взорвавшихся научных спекуляций, то те, кто примет ее с ее надлежащими логическими следствиями, в будущей жизни разделят свою долю с теми, кто в этой жизни "не знает Бога и не повинуется Евангелию Его Сына".

К счастью, примерно в то время, когда была опубликована книга Дарвина "Происхождение человека", в Принстонском университете появился "бог из машины" в лице доктора Джеймса Маккоша. Призванный на пост президента, он сразу же выступил против учений, столь опасных для христианства, как учения докторов Дж. Ходжа, Даффилда и их единомышленников. В одном из своих личных откровений он посвятил нас в тайну этого дела. С тем суровым шотландским чутьем, которому Теккерей аплодировал в своих хорошо известных стихах, он увидел, что самое опасное, что можно было сделать с христианством в Принстоне, - это повторять с университетской кафедры неделю за неделей торжественные заявления о том, что если эволюция путем естественного отбора или вообще эволюция вообще истинна, то Священное Писание ложно. Он говорит нам, что видел, что это был верный способ сделать студентов неверующими; поэтому он не только пресек эту опасную проповедь, но и проповедовал противоположную доктрину. С ним начался неизбежный компромисс, и, несмотря на недовольство им как дарвинистом, он одержал победу. Что бы ни думали о его общей философской системе, никто не может отрицать его великих заслуг в нейтрализации учений его предшественников и коллег, столь опасных для всего существенного в христианстве.

Другие здравомыслящие богословы в других частях страны начали придерживаться аналогичной позиции, а именно, что люди могут быть христианами и в то же время дарвинистами. Действительно, то тут, то там появлялись любопытные расхождения: так, в 1873 году Ежемесячный религиозный журнал Бостона поздравил своих читателей с тем, что преподобный мистер Берр "разрушил теорию эволюции, выбив из нее дыхание жизни и бросив ее собакам". Это удивительное выступление преподобного мистера Берра было очень поразительным образом повторено епископом Кинером перед Вселенским советом методизма в Вашингтоне в 1891 году. В речи, которую газеты называли "замечательной", он опроверг эволюционные доктрины, сказав, что эволюционистам нужно было "всего лишь совершить двенадцатичасовое путешествие от того места, где он тогда стоял, чтобы найти вместе кости ондатры, опоссума, копролита и ихтиозавра". Он утверждал, что Агассис, которого добрый епископ, как и многие другие, казалось, считал эволюционистом, когда он посетил эти грядки близ Чарльстона, заявил: "Эти старые грядки свели меня с ума; они разрушили дело всей моей жизни". И методистский прелат закончил словами: "Теперь, джентльмены, братья, возьмите эти факты с собой домой; спуститесь и посмотрите на них. Это часы, которые были под паровым молотом — доктрина эволюции; и этот паровой молот - чудесное месторождение пластов Эшли". Выставки, подобные этой, мало что дали. В то время как добрый епископ под громогласные аплодисменты таким образом комично доказывал свою веру в то, что Агассис был дарвинистом, а копролит - животным, ученые мужи фиксировали во всех частях света факты, подтверждающие страшную теорию эволюции путем естественного отбора. В то время как преподобного мистера Берра так громко хвалили за то, что он "бросил дарвинизм к чертям собачьим", Марш завершал свою серию, ведущую от пятипалых копытных к лошади. В то время

как доктор Тейлер Льюис из Union и доктор Дж. Ходж и Даффилд из Принстона показывали, что если эволюция верна, то библейские рассказы должны быть ложными, неутомимый профессор Йельского университета показывал своих птиц мелового периода, и среди них гесперорниса и ихтиорниса с зубами. В то время как в Германии Лютхардт, Шунд и их коллеги демонстрировали, что Священное Писание требует веры в особые и обособленные творения, был обнаружен археоптерикс, демонстрирующий самую замечательную связь между птицами и рептилиями.

В то время как во Франции монсеньор Сегюр и другие выступали с обличительными речами против "некоего Дарвина", Годри и Филол обнаружили поразительную серию "недостающих звеньев" среди плотоядных. Ввиду накопления доказательств в пользу новой эволюционной гипотезы, тон контролирующих теологов теперь быстро изменился. Со всех сторон поступали свидетельства желания пойти на компромисс с теорией. Строгие приверженцы библейского текста многозначительно указывали на стихи из книги Бытия, в которых земля и море были созданы для того, чтобы производить птиц и рыб, а человек был сотворен из праха земного. Люди более широкого склада ума, такие как Кингсли и Фаррар, как и английские и американские широкие церковники в целом, высказались прямо в пользу Дарвина. Даже Узвелл приложил все усилия, чтобы показать, что может существовать такая вещь, как дарвиновский аргумент в пользу замысла в Природе; а преподобный Сэмюэл Хоутон из Королевского общества высказал интересные предположения о божественном замысле в эволюции.

Оба великих английских университета приняли новое учение как закваску: в Оксфорде, в самом начале собрания Высшей Церкви в Кебл-колледже, было разработано заявление о том, что доктрина эволюции является "достижением в нашем богословском мышлении". И Темпл, епископ Лондона, возможно, самый влиятельный мыслитель того времени в англиканском епископате, принял новое откровение в следующих словах: "Это кажется чем-то более величественным, более подходящим тому, для кого тысяча лет - как один день, таким образом запечатлеть свою волю раз и навсегда в своем творении и обеспечить все бесчисленные разновидности этим одним первоначальным впечатлением, чем особыми актами творения постоянно изменять то, что он создал ранее".

В Шотландии герцог Аргайл, глава ортодоксальной партии, во многих отношениях не согласный с полными выводами Дарвина, пошел на уступки, которые сильно поколебали старые позиции.

Достаточно любопытно, что от Римско—католической церкви, какими бы горькими ни были некоторые из ее авторов, теперь поступили аргументы в доказательство того, что католическая вера никому не мешает придерживаться теории Дарвина, и особенно заявление известного авторитета среди американских католиков — заявление, которое звучит очень любопытно, но к которому было бы невежливо придираться, - что "доктрина эволюции противоречит доктрине католической церкви не больше, чем теория Коперника или теория Галилея".

Действительно, кое-где такие ученые, как Доусон, Майварт и Виганд, исходя из теологических соображений, пытались создать условия; но течение было слишком сильным, и выдающиеся теологи во всех странах признавали естественный отбор по крайней мере как очень важную часть механизма эволюции.

После смерти Дарвина было высказано мнение, что в Англии есть только одно место, где следует похоронить его тело, и что это место находится рядом с могилой сэра Исаака Ньютона в

Вестминстерском аббатстве. Благородное обращение каноника Фаррара на его похоронах прозвучало со многих кафедр в Европе и Америке, и богословскому противостоянию как таковому был положен конец. Правда, иногда проявлялись пережитки старого чувства: преподобный доктор Лэйнг назвал захоронение Дарвина в Вестминстерском аббатстве "доказательством того, что Англия больше не христианская страна", и добавил, что это захоронение было осквернением — что ему была оказана эта честь, потому что он был "главным сторонником ложной доктрины эволюции видов и обезьяноподобного происхождения человека".

Еще одним из таких запоздалых пророков был Томас Карлайл. Закисший и озлобленный, в том же духе, который заставил его находить больше героизма в мародерствующем викинге или в одном из генералов Фридриха Великого, чем в Вашингтоне, Линкольне или Гранте, и который заставил его видеть в гражданской войне в Америке только дым из вонючей трубы, он с раздражительностью, естественной для страдающего диспепсией евнуха, обругал Дарвина как "апостола поклонения грязи".

Последние отголоски этих высказываний разнеслись между Шотландией и Америкой. В бывшей Югославии в 1885 году преподобный доктор Ли выпустил книгу, в которой заявлял, что, если дарвинистская точка зрения верна, "там нет места Богу"; что "ни при каких методах толкования язык Священного Писания не может быть достаточно широким, чтобы повторить теорию орангутанга о естественной истории человека"; что "дарвинизм переворачивает откровение Бога" и "подразумевает полное богохульство против божественного и человеческого характера нашего Воплощенного Господа"; и он был рад назвать Дарвина и его последователей "евангелистами из трущоб". В одном из интеллектуальных центров Америки редактор периодического издания под названием "Кристиан" отчаянно призывал к тому, чтобы "битва развернулась и люди выяснили, кто на стороне Господа, а кто на стороне дьявола и обезьян".

К чести Англиканской церкви следует отметить, что значительное число ее самых верных последователей выступали против подобных высказываний, и что один из них — Фаррар, архидьякон Вестминстерский — выступил с протестом, достойным того, чтобы его запомнили на всю жизнь. Признавая свою собственную неспособность полностью принять новую научную веру, он сказал: "Мы должны считать позорным и унижительным пытаться поколебать ее с помощью аргументов *ad captandum* или апелляции к непостижимому невежеству и безграничному высокомерию предвзятого собрания. Мы должны краснеть, чтобы встретить это анафемой или насмешкой".

Все противодействие ни к чему не привело; работа и слава Дарвина были в безопасности. Когда люди оглядывались назад на его прекрасную жизнь — простую, честную, терпимую, доброжелательную — и думали о его великих трудах в поисках истины, все нападки сходили на нет.

Действительно, было несколько темных пятен, которые со временем кажутся еще темнее. В Тринити-колледже в Кембридже Уэвелл, "всеведущий", автор "Истории индуктивных наук", отказался разрешить разместить в библиотеке экземпляр "Происхождения видов". Во множестве учреждений, находящихся под теологическим контролем — как протестантских, так и католических — предпринимались попытки искоренить или задушить эволюционное учение. Особенно это было верно в отношении Америки, и случай с Американским колледжем в Бейруте, где почти все молодые профессора были уволены за приверженность взглядам

Дарвина, заслуживает упоминания. Лечение доктора Уинчелла в Университете Вандербильта в Теннесси демонстрировало тот же дух; один из самых честных людей, преданный науке, но с глубоко христианскими чувствами, он был выдвинут за взгляды, которые основывались на теории Дарвина.

Еще более поразительным был случай с доктором Вудроу. Примерно в 1857 году он был назначен профессором естественных наук, связанных с Богооткровенной религией, в пресвитерианской семинарии в Колумбии, Южная Каролина. Он был преданным христианином, и его воспитание привело его к принятию пресвитерианских стандартов веры. Обладая большими способностями к научным исследованиям, он посетил Европу, самым добросовестным образом изучил основные обсуждаемые вопросы и принял основные положения доктрины эволюции путем естественного отбора. Вскоре началась борьба. Враждебное ему движение становилось все более решительным, и, наконец, несмотря на усилия, предпринятые в его пользу директорами семинарии и большим и широко мыслящим меньшинством в контролирующих ее представительных органах, православная буря, поднятая делегатами от различных пресвитерианских организаций, выгнала его со своего поста. К счастью, его приняли на должность профессора в Университет Южной Каролины, где с тех пор он преподает с большим энтузиазмом, чем когда-либо прежде.

Это свидетельство о вере американского провинциального протестантизма очень точно перекликалось с испанским провинциальным католицизмом. В 1878 году ученый из испанских колоний, доктор Чил и Маранго, опубликовал работу о Канарских островах. Но доктор Чил имел неосторожность обрисовать в своем введении современную гипотезу эволюции и привести некоторые доказательства варварства первобытного человека, найденные на Канарских островах. Церковные власти во главе с епископом Уркинаоной-и-Бидо сразу же ухватились за эту новую идею. Торжественным актом они объявили это "фальшивкой, импией, скандалом"; всем лицам, обладавшим экземплярами этого произведения, было приказано немедленно передать их соответствующим священнослужителям, а автор был подвергнут серьезному отлучению от церкви.

Но все это противостояние можно причислить к последним угасающим конвульсиям старой теологической теории. Даже из нового Католического университета в Вашингтоне прозвучали высказывания в пользу новой доктрины, а в других университетах Старого Света и в Новом доктрина эволюции путем естественного отбора заявила о своем праве на полное и честное рассмотрение. Более того, совершенно очевидно, что более сильные люди в Церкви в эти последние дни не только отказались от борьбы с наукой в этой области, но и открыто и мужественно решили заключить с ней союз. В двух очень замечательных лекциях, прочитанных в 1892 году в приходской церкви Рочдейла, Уилсон, архидиакон Манчестера, не только признал дарвинизм истинным, но и с большой убедительностью привел его к более высокому взгляду на христианство; и что очень важно, эти проповеди были опубликованы тем же Обществом содействия христианскому знанию, которое всего несколькими годами ранее опубликовало самые резкие нападки на дарвиновскую теорию. Точно так же в течение 1893 года проф. Генри Драммонд, которого восхваляют во всех раскольнических церквях, наиболее блестяще развил подобную точку зрения в серии лекций, прочитанных в американских школах Чаутокуа и опубликованных в одной из самых распространенных английских православных газет.

Какие бы дополнительные факторы ни были добавлены к естественному отбору — а сам Дарвин полностью признавал, что могут быть и другие, — теория эволюционного процесса при формировании вселенной и одушевленной природы установлена, а старая теория прямого творения ушла навсегда. Вместо этого наука дала нам концепции гораздо более благородные и открыла путь к аргументации в пользу замысла, бесконечно более красивого, чем любой из когда-либо разработанных теологией.(24)

(24) О причинах горечи, проявленной в отношении дарвиновской гипотезы, см. Reusch, Bibel und Natur, vol. ii, стр. 46 и далее. Что касается враждебного отношения в Соединенных Штатах к теории Дарвина, см. среди множества авторов следующее: доктор Чарльз Ходж из Принстона, монография "Что такое дарвинизм?" Нью-Йорк, 1874; также его Систематическая теология, Нью-Йорк, 1872, том. ii, часть 2, Антропология; также "Свет, в котором мы видим свет, или природа и Священные Писания", Веддерские лекции, 1875, Ратгерс Колледж, Нью-Йорк, 1875; также "Позитивизм и эволюционизм", в "Американском католическом ежеквартальном журнале", октябрь 1877, стр. 607, 619; и в том же номере "Профессор Хаксли и эволюция", преподобный А. М. Кирш, стр. 662, 664; "Логика эволюции", проф. Дж. Edward F. X. McSweeney, D. D., July, 1879, p. 561; Das Hexaemeron und die Geologie, von P. Eirich, Pastor in Albany, N. Y., Lutherischer Concordia-Verlag, St. Луис, Миссури, 1878, стр. 81, 82, 84, 92-94; Эволюционизм в отношении человека и Библии, Джон Т. Даффилд из Принстона, январь 1878 г., Princeton Review, стр. 151, 153, 154, 158, 159, 160, 188; лекция об эволюции перед Клубом девятнадцатого века в Нью-Йорке, 25 мая 1886 г., экс-президента Ноа Портера, стр. 4, 26-29. Хвалебное замечание о разрушении эволюции преподобным Э. Ф. Берром в его книге "Pater Mundi", см. в Ежемесячном религиозном журнале, Бостон, май 1873 г., стр. 492. Что касается отстранения от должности доктора Джеймса Вудроу, профессора естественных наук в Колумбийской теологической семинарии, см. "Эволюция или нет" в нью-Йоркском еженедельнике Sun от 24 октября 1888 года. О взаимоотношениях испанских священнослужителей с доктором Чилом и его дарвиновской интерпретацией читайте в "Ревю Антропологии", цитируемом в Академии за 6 апреля 1878 г.; смотрите также "Католический мир", xix, 433, Дискуссия с неверным, направленная против доктора Чила. Луи Бюхнер и его "Крафт и Стофф"; также "Разум и материя" преподобного Джеймса Тейта из Канады, стр. 66 (в третьем издании автор оплакивает "ужасные аплодисменты", которые "сопровождали все попытки установить зверское происхождение человека"); также "Церковный журнал", Нью-Йорк, 28 мая 1874г. Об усилиях в пользу телеологической эволюции см. преподобного Сэмюэля Хоутона, Ф. Р. С., Принципы механики животных, Лондон, 1873, предисловие и стр. 156 и в других местах. Подробнее о преследованиях доктора Дж. Уинчелл и Вудроу, а также профессора из Бейрута, на которых ссылаются авторитетные источники, см. В моей главе о грехопадении человека и антропологии. О более либеральных взглядах религиозных мыслителей на теорию Дарвина и об усилиях смягчить и адаптировать ее к теологическим взглядам читайте среди огромной массы высказываний следующее: Письма Чарльза

Кингсли Дарвину от 18 ноября 1859 г. в "Жизни и письмах Дарвина", т. ii, стр. 82; Адам Седжвик Чарльзу Дарвину, 24 декабря 1859 г., см. там же, т. ii, стр. 356-359; то же самое мисс Джерард, 2 января 1860 г., см. "Жизнь и письма Седжвика", том. ii, стр. 359, 360; то же самое в "Зрителе", Лондон, 24 марта 1860 г.; "Рамблер", март 1860 г., цитируется Майвартом, "Генезис видов", стр. 30; "Дублин Ревью", май 1860 г.; "Христианский экзаменатор", май 1860 г.; Чарльз Кингсли Ф. Д. Морису в 1863 г., в "Жизни Кингсли", т. ii, стр. 171; Адам Седжвик Ливингстону (исследователю), 16 марта 1865 г., в "Жизни и письмах Седжвика", том. II, стр. 410-412; герцог Аргайл, власть закона, Нью-Йорк, стр. 16, 18, 31, 116, 117, 120, 159; Джозеф П. Томпсон, Д. Д., ЛЛ.Д., Человека в Бытии и геологии, Нью-Йорк, 1870, стр. 48, 49, 82; канон Х. П. Лиддон, проповеди перед Оксфордского университета, 1871, проповедь, III степени; Георгиевская Mivart, эволюции и ее последствия, современного комментарий, Ян. 1872; британских и иностранных евангельский комментарий, 1872, статьи о теории эволюции; лютеранский квартал, Геттисберг, Пенсильвания., Апреля 1872, ст. преп. Сайрус Томас, помощник Соединенных Штатов Геологической службы на происхождение человека, с. 214, 239, 372-376; лютеранский квартал, июль, 1873, статьи по некоторым предположениям против христианства, преп. К. А. Аист, Балтимор, MD., с. 325, 326; кроме того, в этом же ряду, см. Обзор доктора Барра Патер Мунди, РР. 474, 475, и контраст с обзором в Эндовер обзор того периода; статьи в религиозный журнал и ежемесячный обзор, Бостон, о религии и эволюции, преп. Р. С. антикварном магазине, сентябрь, 1873, стр. 200; научно-популярный ежемесячный январь 1874, статьи бытие, геологии и эволюции; ст. Аса Грей, природа, Лондон, 4 июня, 1874; материализм, преп. В. Streissguth, лютеранский квартал, июль, 1875, первоначально написанный на немецком языке, и в переводе Дж. Моррис, Д. Д., С. 406, 408; Darwinismus УНД Christenthum, фон Р. Штек, номер модели / ref. Фаррер в Дрезден, Берлин, 1875, стр. 5,6, и 26, Перепечатано из интернет Protestantische Kirchenzeitung, и выдан в качестве тракте Protestantenverein; Ред. В. Е. Адамов, статьи в Лютеранской ежеквартально, в апреле 1879 г., в эволюции: он должен быть атеистами? Джон Вуд, "Библейские предвидения современной науки", 1880, стр. 18, 19, 22; "Лютеранский ежеквартальный", январь 1881 г., "Некоторые постулаты новой этики", преподобный К. А. Сторк, доктор философии; "Лютеранский ежеквартальный", январь 1882 г., "Религия эволюции в противовес религии Иисуса", профессор У. Х. Винн, Государственный сельскохозяйственный колледж Айовы — эта статья была переиздана в виде брошюры; "Каноник Лиддон, вступительное примечание к проповеди о выздоровлении Святого Фомы", стр. 4, 11, 12, 13 и 26, проповедано в соборе Святого Павла 23 апреля 1882 г.; "Лютеранский ежеквартальный журнал", январь 1882 г., "Эволюция и Священное Писание", преподобный. Джон А. Эрнест, стр. 101, 105; "Проблески в сумерках", преподобный Ф. Г. Ли, д.э.н., Эдинбург, 1885, особенно стр. 18 и 19; "Хиббертовские лекции" за 1883 год, преподобный Чарльз Бирд, стр. 392, 393 и последующие; Ф.

У. Фаррар, д.э.н., каноник Вестминстера, "История толкования", являющийся Бэмptonскими лекциями за 1885 год, стр. 426, 427; Епископ Темпл, Бэмptonские лекции, стр. 184-186; статья "Эволюция" в словаре о религии, под редакцией преподобного Уильяма Бенхэма, 1887; проф. Хаксли, Епископальная трилогия, Девятнадцатый век, ноябрь 1887 г. —в этой статье обсуждаются три проповеди, произнесенные епископами Карлайла, Бедфорда, и Манчестера в Манчестерском соборе во время собрания Британской ассоциации, сентябрь 1887 г. —впоследствии эти проповеди были опубликованы в виде брошюры под названием "Прогресс науки"; Джон Фiske, "Дарвинизм и другие эссе", Бостон, 1888 г.; Харриет Маккензи, "Эволюция, освещающая Библию", Лондон. , 1891, посвящается проф. Хаксли; Х. Э. Рай, халсейский профессор богословия в Кембридже, "Ранние повествования о Бытии", Лондон, 1892, предисловие, стр. vii-ix, стр. 7, 9, 11; преподобный Г. М. Сирл из Католического университета, Вашингтон, статья в "Католическом мире", ноябрь 1892, стр. 223, 227, 229, 231; о заявлении колледжа Кебл см. преподобного мистера Иллингворта в "Люкс Мунди". О епископе Темпле см. Цитату в Laing. Полное и достойное восхищения принятие эволюционной теории как поднимающей христианскую доктрину и практику на более высокий уровень, с предложениями по новой теологии, см. в двух проповедях архидьякона Уилсона из Манчестера, Южная Каролина, Лондон, и Young & Co., Нью-Йорк, 1893 г.; а для характерно ясного изложения самого последнего развития эволюционных доктрин и отношения к ним Спенсера, Вейсмана, Гальтона и других см. Лестер Ф. Выступление Уорда в качестве президента Биологического общества, Вашингтон, 1891 г.; также недавние статьи в ведущих английских изданиях. О блестящем прославлении эволюции путем естественного отбора как доктрины, необходимой для самого высокого и истинного взгляда на христианство того времени, читайте у проф. Лекции Драммонда в Шатокуа, опубликованные в "Британском еженедельнике", Лондон, с 20 апреля по 11 мая 1893 года.

ГЛАВА II. ГЕОГРАФИЯ.

I. ФОРМА ЗЕМЛИ.

Среди различных грубых племен мы находим пережитки примитивного представления о том, что земля - это плоский стол или диск, покрытый сводом, куполом или навесом неба, и что небо покоится на горах, как на колоннах. Такая вера совершенно естественна; она соответствует внешнему виду вещей и, следовательно, в очень ранний период вошла в различные теологии.

В цивилизациях Халдеи и Египта это было развито очень полно. Ассирийские надписи, расшифрованные в эти последние годы, представляют бога Мардука как изначально сотворившего небеса и землю: земля покоится на водах; внутри нее находится царство мертвых; над ней раскинулся "небесный свод" — твердый купол, спускающийся к горизонту со всех сторон и опирающийся на основания, заложенные в "великих водах", которые простираются вокруг земли.

На восточной и западной сторонах этого куполообразного небосвода находятся двери, через которые солнце входит утром и уходит ночью; над ним простирается другой океан, который спускается к океану, окружающему землю у горизонта со всех сторон, и который поддерживается небесным сводом и удерживается от земли. Над небесным сводом и верхним океаном, который он поддерживает, находится внутренность небес.

Египтяне считали землю столом, плоским и продолговатым, а небо было ее потолком — огромной "твердью" из металла. На четырех углах земли стояли столбы, поддерживающие этот свод, и на этом твердом небе были "воды выше небес". Они верили, что, когда хаос обретал форму, один из богов с помощью главной силы поднял воды ввысь и разлил их по небосводу; что на нижней стороне этого твердого свода, или потолка, или небесного свода были подвешены звезды, освещающие землю, и что дожди были вызваны тем, что вода стекала через его окна. Эта идея и другие, связанные с ней, по-видимому, прочно овладели египетской кастой жрецов, войдя в их теологию и священную науку: потолки великих храмов с изображенными на них звездами, созвездиями, планетами и знаками зодиака остаются и по сей день ярким свидетельством этого.

В Персии у нас есть географические теории, основанные на схожих концепциях и запечатленные в священных текстах.

Из этих и, несомненно, из более ранних источников, общих для всех них, евреям досталось географическое наследие. Различные отрывки в их священных книгах, многие из которых благородны по замыслу и прекрасны по форме, касающиеся "основания земли на водах", "источников великой бездны", "компаса на поверхности бездны", "небесного свода", "углов земли", "небесных столпов", "вод над небесным сводом", "окон небесных" и "врат небесных", возвращают нас к обоим этим древним источникам мысли.(25)

(25) О пережитках раннего представления эскимосов о небе как о том, что оно поддерживается горами, а у некоторых жителей тихоокеанских островов - о небе как о тверди или каменном своде, см. Тайлор, "Ранняя история человечества", второе издание, Лондон, 1870, глава. xi; Спенсер, Социология, том i, глава

vii, также Эндрю Ланг, *La Mythologie*, Париж, 1886, стр. 68-73. О вавилонских теориях см. "Халдейское бытие" Джорджа Смита, и особенно немецкий перевод Делича, Лейпциг, 1876; также, Дженсен, "*Die Kosmogonien der Babylonier*", Страсбург, 1890; смотрите, в частности, в приложениях, стр. 9 и 10, рисунок, представляющий всю вавилонскую схему, которой так близко придерживаются в еврейской книге "Бытие". Смотрите также Lukas, *Die Grundbegriffe* в "Космогонии альтена Фолькера", Лейпциг, 1893, для наиболее подробного изложения всего предмета, с текстами, показывающими развитие иврита из халдейских и египетских концепций, стр. 44 и т.д.; также стр. 127 и далее. О ранних взглядах в Индии и Персии см. Цитаты из Вед и Зенд-Авесты в "Летаби", "Архитектура, мистицизм и миф", глава i. О египетских взглядах см. Шампольон; также Ленорман, "Древняя история", Масперо и другие. Что касается изображений небес на потолках египетских храмов, см. Maspero, *Archeologie Egyptienne*, Париж, 1890; а гравюры с ними см. Lepsius, *Denkmaler*, vol. i, Bl. 41, и vol. ix, Абт. iv, Стр. 35; также "Описание Египта", опубликованное по приказу Наполеона, том ii, Стр. 14; также "Присс д'Авеннес", "Искусство Египта", Атлас, том i, стр. 35; и особенно о том, что сохранилось в храме Дендера, см. Денон, "Путешествие в Египет", планшеты 129, 130. О египетской идее "столпов небес", упоминаемой на стеле победы Тутмоса III в Каирском музее, см. Ebers, *Uarda*, vol. ii, стр. 175, примечание, Лейпциг, 1877. Аналогичную вавилонскую веру см. У Геродота Сэйса, Приложение, стр. 403. О вере еврейских авторов Священных Писаний в твердый "небесный свод", особенно см. Иова, xxxviii, 18; также Библейский словарь Смита. Гравюры, изображающие землю и небо над ней в представлении египтян и халдеев, с "небесными столпами" и "твердью", см. Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", Лондон, 1894, стр. 17 и 543.

Но по мере развития цивилизации развивались, особенно у греков, представления о сферичности земли. Пифагорейцы, Платон и Аристотель особенно дорожили ими. Эти идеи были расплывчатыми, они были смешаны с абсурдностью, но это были зародышевые идеи, и даже на фоне бурного развития теологии в раннехристианской церкви эти зародыши начали пробиваться к жизни в умах нескольких мыслящих людей, и эти люди возобновили предположение о том, что земля - это шар.(26)

(26) Роль пифагорейцев в первом распространении учения о сферичности земли общепризнанна, но первое полное и ясное изложение этого миру было сделано Аристотелем. Также очень плодотворным было изложение новой теории, данное Платоном в "Тимее"; см. Перевод Джоуэтта, 62, с. Также "Федон", стр. 449 и далее. См. также Гроте об учении Платона о сферичности земли; также "Астрономию древних" сэра Г. К. Льюиса, Лондон, 1862, глава. iii, раздел i, и примечание. Упоминание Цицероном антиподов и его ссылка на отрывок из "Тимея" еще более примечательны, чем последний, поскольку они гораздо яснее предвосхищают современную доктрину. Смотрите его

Академические вопросы, ii; также Tusc. Quest., i и v, 24. Для очень полного изложения взглядов древних на сферичность земли, см. Kretschmer, Die physische Erkunde im christlichen Mittelalter, Вена, 1889, стр. 35 и далее.; также Eiken, Geschichte der mittelalterlichen Weltanschauung, Штутгарт, 1887, Dritter Theil, глава vi. Для цитат и резюме см. Whewell, Хист. Введение. Науки, том i, стр. 189, и Святой Мартин, История. de la Geog., Paris, 1873, p. 96; also Leopardi, Saggio sopra gli errori popolari degli antichi, Firenze, 1851, chap. xii, стр. 184 и далее.

Несколько широко мыслящих отцов Церкви, возможно, находившихся под влиянием пифагорейских традиций, но, безусловно, Аристотеля и Платона, были готовы принять эту точку зрения, но большинство из них сразу же испугались. Им это казалось опасным для Священного Писания, под чем, конечно же, они подразумевали свое толкование Священного Писания. Одним из первых, кто поднял оружие против этого, был Евсевий. Принимая во внимание тексты Нового Завета, указывающие на немедленное приближение конца света, он попытался отвергнуть эту идею, презрев научные исследования. Говоря об исследователях, он сказал: "Мы мало думаем об этих вещах не из-за незнания того, чем они восхищаются, а из-за презрения к их бесполезному труду, обращая наши души к лучшему". Василий Кесарийский заявил, что "нас не интересует, является ли земля сферой, цилиндром или диском, или вогнутой посередине наподобие веера". Лактанций назвал идеи тех, кто изучает астрономию, "плохими и бессмысленными" и выступил против учения о сферичности земли, основанного как на Писании, так и на разуме. Святой Иоанн Златоуст также оказывал свое влияние против этой научной веры; и Ефрем Сирус, величайший человек древнеарийской церкви, широко известный как "любя Святого Духа", выступал против нее не менее серьезно.

Но строго библейские ученые мужи, такие выдающиеся отцы и епископы, как Феофил Антиохийский во втором веке и Климент Александрийский в третьем, а также другие в последующие столетия, не довольствовались простым противодействием тому, что они клеймили как старую языческую теорию; они черпали из своих Библий новую христианскую теорию, к которой один церковный авторитет добавлял одну идею за другой, пока она не получила полного развития. Взяв за основу различные ранние предания, приведенные в седьмом стихе первой главы книги Бытия, они настаивали на четких заявлениях Священного Писания о том, что при сотворении земля была покрыта прочным сводом, "твердью небесной", и к этому они добавили отрывки из Книги Исаяи и Псалмов, в которых говорится, что небеса простерты "как завеса" и снова "как шатер для жилья". Вселенная, таким образом, подобна дому: земля - это его нижний этаж, твердь - это потолок, под которым Всемогущий держит солнце, чтобы оно светило. правь днем, луной и звездами, чтобы править ночью. Этот потолок также является полом квартиры наверху, и в нем находится резервуар, имеющий форму, как сказал один из авторитетов, "наподобие резервуара для купания" и содержащий "воды, которые находятся над небесным сводом". Эти воды спускаются на землю Всемогущим и его ангелами через "окна небесные". Что касается движения солнца, то приводились различные отрывки из Книги Бытия, смешанные с метафизикой в различных пропорциях, и считалось, что это дает достаточно доказательств из Библии, что земля не может быть шаром.(27)

(27) О Евсевии см. в Proер. Ev., xv, 61. О Василии см. в Гексамероне, Том ix. О Лактанции см. Его Inst. Div., lib. iii, глава 3; также цитаты в Whewell, Hist. Введение. Науки, Лондон, 1857, т. i, стр. 194, и в St. Martin, Histoire de la Geographie, стр. 216, 217. О взглядах святого Иоанна Златоуста, Ефрема Сируса и других великих церковников см. Кречмера, как указано выше, глава i.

В шестом веке кульминацией этого развития стало то, что представляло собой не что иное, как полную и детализированную систему Мироздания, утверждавшую, что она основана на Священном Писании, автором которой был египетский монах Косма Индикоплевст. Египет был великой сокровищницей теологической мысли для различных религий древности, и Косма, по-видимому, навязывал ранней Церкви эту египетскую идею устройства мира, точно так же, как другой египетский священнослужитель, Афанасий, навязывал Церкви египетскую идею о триединном божестве, правящем миром. Согласно Косме, земля имеет форму параллелограмма, плоская и окружена четырьмя морями. Ее длина составляет четыреста дней пути, а ширина - двести. На внешних краях этих четырех морей возвышаются массивные стены, замыкающие всю конструкцию и поддерживающие небесный свод, края которого зацементированы к стенам. Эти стены окружают землю и все небесные тела.

Вся эта богословско-научная структура была построена наиболее тщательно и, как тогда считалось, в соответствии с Писанием. Начиная с выражения, примененного в девятой главе Послания к Евреям по отношению к скинии в пустыне, Косма настаивает, как и другие толкователи его времени, что оно дает ключ ко всему устройству мира. Таким образом, вселенная устроена по плану еврейской скинии — коробчатой и продолговатой. Вдаваясь в подробности, он цитирует возвышенные слова Исайи: "Это Тот, Кто восседает над кругом земли... кто распростирает небеса, как завесу, и раскидывает их, как шатер для жилья"; и отрывок из Книги Иова, в котором говорится о "столпах небесных". Он использует все это в своей системе и раскрывает, как он думает, сокровища науки.

Эта огромная коробка разделена на два отделения, одно над другим. В первом из них живут люди и движутся звезды; и он простирается до первого твердого свода, или небесного свода, над которым живут ангелы, основная работа которых заключается в том, чтобы толкать солнце и планеты взад и вперед. Затем он берет текст: "Да будет твердь посреди вод, и да отделит она воду от вод", и другие тексты из Книги Бытия; к ним он добавляет текст из Псалмов: "Хвалите Его, небеса небес, и вы, воды, которые выше небес", затем бросает все вместе эти наросты мысли в его горнило и, наконец, выдвигает теорию о том, что над этим первым сводом находится обширный резервуар, содержащий "воды". Затем он использует выражение из Книги Бытия относительно "небесных окон" и устанавливает доктрину о регулировании дождя, согласно которой ангелы не только толкают и притягивают небесные тела, чтобы осветить землю, но также открывают и закрывают небесные окна, чтобы поливать ее.

Чтобы понять, как устроена поверхность земли, Косма, следуя методам толкования, установленным Оригеном и другими ранними отцами Церкви, изучает стол с хлебами в еврейской скинии. Поверхность этого стола доказывает ему, что земля плоская, а его размеры доказывают, что земля в два раза длиннее, чем в ширину; его четыре угла символизируют четыре времени года; двенадцать буханок хлеба - двенадцать месяцев; углубление вокруг стола

доказывает, что океан окружает землю. Чтобы объяснить движение солнца, Косма предполагает, что на севере земли находится большая гора, и что ночью солнце заносится за нее; но некоторые из комментаторов осмелились выразить здесь сомнение: они думали, что солнце ночью опускали в яму, а утром вытаскивали.

Ничто не может быть более трогательным в своей простоте, чем то, как Косма подводит итог своему великому аргументу, Он заявляет: "Поэтому мы говорим вместе с Исайей, что небо, охватывающее вселенную, является сводом, вместе с Иовом, что оно соединено с землей, и вместе с Моисеем, что длина земли больше ее ширины". Трактат завершается восторженными утверждениями о том, что не только Моисей и пророки, но также ангелы и апостолы согласны с истинностью его учения и что в последний день Бог осудит всех, кто его не примет.

Хотя эта теория была почерпнута из Священного Писания, она также, как мы видели, была результатом эволюции теологической мысли, начавшейся задолго до того, как были написаны тексты Священных Писаний, на которых она основывалась. Нет ничего странного в том, что Косма, каким бы египтянином он ни был, воспринял это древнее учение, рожденное на Ниле, как мы видим, оно обозначено сегодня в структуре египетских храмов, и что он развил его с помощью еврейских Писаний; но богословский мир ничего не знал об этой более отдаленной эволюции от языческих зародышей; оно было воспринято как фактически богодухновенное и вскоре стало рассматриваться как крепость библейской истины. Некоторые из выдающихся людей Церкви посвятили себя тому, чтобы подкрепить ее новыми текстами и предложить ей новые варианты теологических рассуждений; большая часть верующих считала это прямым даром Всемогущего. Даже в поздние века средневековья Иоанн из Сан-Джеминиано предпринял отчаянную попытку спасти его. Подобно Косме, он берет еврейскую скинию за отправную точку и показывает, как все новые идеи могут быть согласованы с библейскими описаниями ее формы, размеров и убранства.(28)

(28) Чтобы узнать о взглядах Космы в связи с взглядами Лактанция, Августина, святого Иоанна Златоуста и других, см. Schoell, *Histoire de la Litterature Grecque*, vol. vii, стр. 37. Упомянутые ниже основные отрывки из Священных Писаний: (1) Исаия xi, 22; (2) Бытие i, 6; (3) Бытие vii, 11; (4) Исход xxiv, 10; (5) Иов xxvi, 11 и xxxvii, 18; (6) Псалом cxlviii, 4 и civ, 9; (7) Иезекииль i, 22-26. О теории Космы см. Montfaucon, *Collectio Nova Patrum*, Париж, 1706, том. ii, стр. 188; также стр. 298, 299. Текст иллюстрирован гравюрами, изображающими стены и твердый свод (небесный свод), со всем оборудованием "фонтанов великой бездны", "окон небесных", ангелов, и горы, за которой нарисовано солнце. Сокращение одного из них см. в Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, стр. 98; также статья Maps в Knight's Dictionary of Mechanics, Нью-Йорк, 1875. Любопытные рисунки, показывающие схему Космы иначе, чем та, что дана Монфоконом, см. в выдержках из ватиканского кодекса IX века в Garucci, *Storia de l'Arte Christiana*, vol. iii, стр. 70 и далее. Для подробного обсуждения идей Космы см. Santarem, *Hist. de la Cosmographie*, vol. ii, стр. 8 и далее, а для очень тщательного обсуждения его деталей - Кречмер, как указано выше. О еще одной теории, очень забавной и продуманной на схожих принципах, см. Мунго Парк, цитируемую

в De Morgan, Paradoxes, стр. 309. Радостное подведение итогов Космы см. в "Монфоконе", "Коллекция нового времени", т. ii, стр. 255. Чтобы узнать о любопытном выживании в XIII веке старой идеи о "водах над небесами", прочтите историю Джерваза Тилберийского, как в его время некоторые люди, выходявшие из церкви в Англии, обнаружили якорь, спущенный с небес на веревке, как сверху доносились голоса моряков, пытавшихся отвязать якорь, и, наконец, как по веревке спустился моряк, который, достигнув земли, умер, как будто утонул в воде. См. Жерваз из Тилбюри, *Otia Imperialia*, правка. Либрехт, Ганновер, 1856, *Prima Decisio*, глава xiii. Работа была написана около 1211 года. Что касается Иоанна из Сан-Жерминиано, см. его "Сумму примеров", lib. ix, cap. 43. О египетских взглядах на троицу см. Шарп, "История Египта", том i, стр. 94, 102.

Из этой старой концепции вселенной как своего рода дома, с небом в качестве верхнего этажа и землей в качестве первого этажа, вытекли важные теологические идеи в языческую, иудейскую и христианскую мифологии. Общими для всех них являются легенды о попытках смертных проникнуть в верхние покои из нижних. К таковым относятся греческие легенды об алоидах, которые пытались достичь небес, нагромождая горы, и были низвергнуты; халдейские и еврейские легенды о нечестивцах, которые в Вавилоне пытались построить "башню, вершина которой может достигать небес", на которую Иегова спустился с небес, чтобы увидеть, и которую он свел на нет "смещением языков"; индуистская легенда о дереве, которое стремилось вырасти до небес и которое уничтожил Брахма; и мексиканская легенда о гигантах, которые пытались достичь небес, построив пирамиду в Чолуле, и которые были свергнуты демонами. огонь сверху.

Мифы, в основе которых лежит эта географическая идея, пышно развивались на протяжении тысячелетий. Восхождения на небеса и нисхождения с них, "переводы", "предположения", "возвещения", смертные, "захваченные" им и возвращающиеся, ангелы, летающие между ним и землей, молнии, низвергающиеся с него, могучие ветры, дующие из его углов, голоса, говорящие с верхнего этажа людям на нижнем, временные отверстия в полу небес, чтобы показать блаженство добрых, "знамения и чудеса", вывешенные из него, чтобы предупредить нечестивых, вмешательства любого рода — от языческих богов, спускающихся с разного рода поручений, и Иеговы, спускающегося с небес. прогулка по Эдему в прохладный полдень, Святой Марк, устремляющийся на рыночную площадь Венеции, чтобы разорвать оковы раба, - все это лишь особенности обширной эволюции мифов, возникших в основном из этого географического зародыша.

На этом эволюция не закончилась. Естественно, при таком взгляде на вещи, если рай был чердаком, то ад - подвалом; и если были подъемы в один, то были и спуски в другой. Поскольку Ад был так близко, вмешательство его обитателей в жизнь обитателей земли, расположенной чуть выше, было постоянным и составило обширную главу в средневековой литературе. Данте сделал эту концепцию расположения ада еще более яркой, и мы находим некоторые ее формы серьезными препятствиями для географических исследований. Многие отважные мореплаватели, вполне готовые противостоять пиратам и бурям, трепетали при мысли о том, что их корабль может рухнуть в один из входов в ад, который, по широко распространенному поверью, находится в Атлантике на неизвестном расстоянии от Европы. Этот ужас среди

моряков был одним из главных препятствий в великом путешествии Колумба. В средневековом учебнике, придающем науке форму диалога, встречается следующий вопрос и ответ: "Почему солнце вечером такое красное?" "Потому что он смотрит вниз на ад".

Но древний зародыш научной истины в географии — идея сферичности земли - все еще жил. Хотя подавляющее большинство ранних отцов Церкви, и особенно Лактанций, стремились заглушить его высказываниями, приписываемыми Исае, Давиду и святому Павлу, нельзя забывать о лучшем мнении Евдокса и Аристотеля. Климент Александрийский и Ориген даже поддерживали это. Амвросий и Августин терпели это, и после того, как Космаправил сто лет, оно получило новую жизнь от великого церковника южной Европы, Исидора Севильского, который, каким бы скованным господствующей теологией во многих других вещах, не побоялся этого. В восьмом веке аналогичное заявление было сделано на севере Европы другим великим церковным авторитетом, Бедой. Против новой жизни, приданной таким образом старой истине, священная теория боролась долго и энергично, но тщетно. Выдающиеся авторитеты более поздних эпох, такие как Альберт Великий, святой Фома Аквинский, Данте и Винсент из Бове, чувствовали себя обязанными принять доктрину о сферичности земли, и по мере приближения к современному периоду мы обнаруживаем, что ее истинность признается подавляющим большинством мыслящих людей. Реформация поначалу не полностью подчинилась этой лучшей теории. Лютер, Меланхтон и Кальвин были очень строги в своем следовании точной букве Священного Писания. Даже Цвингли, какими бы широкими ни были в целом его взгляды, был тесно связан в этом вопросе и придерживался мнения отцов церкви о том, что огромная твердь, или пол, отделяет небеса от земли; что над ней находятся воды и ангелы, а под ней земля и человек.

Основной простор для независимых размышлений на эту общую тему среди реформаторов заключался в нескольких незначительных рассуждениях относительно вселенной, которая охватывала Эдем, точного характера беседы змея с Евой и тому подобного.

Во времена, последовавшие сразу за Реформацией, дела обстояли еще хуже. Толкования Священного Писания Лютером и Кальвином стали такими же священными для их последователей, как и само Писание. Когда Каликст осмелился при толковании Псалмов подвергнуть сомнению общепринятую веру в то, что "воды выше небес" содержатся в огромном сосуде, поддерживаемом прочным сводом, он был жестоко осужден как еретик.

Во второй половине шестнадцатого века Мусей истолковал рассказы из книги Бытия так, что сначала Бог сотворил небеса для крыши или свода и оставил его там на высоких качелях, пока три дня спустя не положил под него землю. Но новая научная мысль о форме Земли одержала верх. Самые стойкие верующие были вынуждены приспособлять к ней свои библейские теории, насколько это было возможно.(29)

(29) Обсуждение географических взглядов Исидора и Беды см.

Santarem, Cosmographie, том i, стр. 22-24. О постепенном принятии идеи сферичности земли после VIII века см.

Кречмер, стр. 51 и далее, где приведены цитаты из множества авторов

. О взглядах реформаторов см. Zockler, том i, стр. 679

и 693. Для Каликста, Мусея и других, там же, стр. 673-677 и 761.

II. ОЧЕРТАНИЯ ЗЕМЛИ.

Каждый великий народ древности, как правило, считал свой собственный центральный город или самое святое место центром земли.

Халдеи считали, что их "священный дом богов" был центром. Египтяне рисовали мир в виде человеческой фигуры, сердцем которой был Египет, а центром - Фивы. Для ассирийцев это был Вавилон; для индусов - гора Меру; для греков, насколько это касалось цивилизованного мира, Олимп или храм в Дельфах; для современных мусульман это Мекка и ее священный камень; китайцы и по сей день называют свою империю "срединным царством". Таким образом, в соответствии с простой тенденцией человеческого мышления евреи верили, что центром мира является Иерусалим.

В книге Пророка Иезекииля говорится об Иерусалиме как о центре земли, а обо всех других частях света - как о расположении вокруг святого города. На протяжении "веков веры" это было общепринято как прямое откровение Всемогущего относительно формы земли. Святой Иероним, величайший авторитет ранней Церкви в области Библии, заявил, опираясь на это высказывание пророка, что Иерусалим не может быть нигде, кроме как в центре земли; в девятом веке архиепископ Рабанус Маурус повторил тот же аргумент; в одиннадцатом веке Гуго Сен—Викторский подкрепил доктрину еще одним доказательством из Священных Писаний; а папа Урбан в своей великой проповеди в Клермоне, призывавший франков к крестовому походу, провозгласил: "Иерусалим - это средняя точка земли"; в тринадцатом веке популярный церковный писатель Рабанус Маурус подтвердил тот же аргумент. монах Цезарий из Гейстербаха провозгласил: "Как сердце находится посреди тела, так и Иерусалим расположен посреди нашей обитаемой земли", - "так и Христос был распят в центре земли". Данте принял этот взгляд на Иерусалим как несомненный, соединив его с бессмертными стихами; и в благочестивой книге путешествий, приписываемой сэру Джону МанDEVиллу, столь широко читаемой в Средние века, утверждается, что Иерусалим находится в центре мира и что копье, стоящее у Гроба Господня, не отбрасывает тени в день равноденствия.

Таким образом, утверждение Иезекииля стало стандартом ортодоксальности для первых картографов. Карта мира в Херефордском соборе, карты Андреа Бьянко, Марино Сануто и множества других закрепили эту точку зрения в умах людей и, несомненно, на протяжении многих поколений препятствовали любым научным утверждениям, стремящимся вывести из равновесия этот географический центр, открытый в Священном Писании.(30)

(30) О верованиях различных народов древности в то, что центр земли находился в их самом священном месте, см. Цитаты из Масперо, Чартона, Сэйса и других в книге "Летаби, Архитектура, мистицизм и миф", глава iv. Что касается греков, то у нас есть типичные утверждения в "Эвменидах"

Эсхила, где камень на алтаре в Дельфах неоднократно называется "пупом земли" — именно это выражение используется в отношении Иерусалима в переводе Иезекииля на Септуагинту (см. Ниже). Доказательными текстами, на которые средневековые географы в основном опирались относительно формы земли, были книга Иезекииля v, 5 и xxxviii, 12. Прогресс географических знаний, очевидно, привел к тому, что они были несколько смягчены в нашей версии короля Якова; но первое из них гласит в Вульгате: "Иста есть Иерусалим, в средиземном море посуиим и в кругосветном путешествии по земле"; а второе гласит в Вульгате: "в средиземном море", а в Септуагинте [греческом]. То, что подразумевался буквальный центр земли, см. Доказательство в St. Jerome, Commentat. в книге Иезекииля, lib. ii; и для общего доказательства см. Леопарди, "Saggio sopra gli errori popolari degli antichi", стр. 207, 208. О Рабанусе Маврусе см. Ego De Universo, lib. xii, глава 4, в Migne, томе cxi, стр. 339. Посвящается Хью из Сен-Виктора, см. его De Situ Terrarum, глава ii. О вере Данте см. "Ад", песнь xxxiv, 112-115:

"E se' or sotto l'emisperio giunto, Ch' e opposito a quel che la gran secca Coverchia, e sotto il cui colmo consunto Fu l'uom che nacque e visse senza pecca."

Информацию об ортодоксальной географии в средние века см. в книге Райта "Очерки археологии", т. ii, глава о карте мира в Херефордском соборе; также грубые карты в книге кардинала д'Айи "Имаго Мунди"; также копии карт Марино Сануто и других в Пешеле, Эрдкунде, стр. 210; также Мюнстер, Фактическое сравнение Атлантиды Андреа Бьянко, Венеция, 1869. А для обсуждения всего предмета см. Сатарим, т. ii, стр. 295, т. iii, стр. 71, 183, 184 и в других местах. Краткое резюме с цитатами см. Эйкен, Гешихте и др., стр. 622, 623.

Средневековые мыслители также не соглашались с этой концепцией. В соответствии с господствующим мнением о том, что физическую истину следует искать с помощью теологических рассуждений, была развита доктрина о том, что не только место распятия на Голгофе обозначало географический центр мира, но и что именно на этом месте когда-то росло дерево, принесшее запретный плод в Эдеме. Таким образом, география была создана для согласования всех частей великого теологического плана. Множество людей с радостью приветствовали это учение; и мы снова и снова находим в трудах средневековых паломников в Палестину свидетельства того, что это стало для них драгоценной истиной как в теологии, так и в географии. Еще в 1664 году выдающийся французский священник Эжен Роже в своих опубликованных "путешествиях по Палестине" подробно остановился на тридцать восьмой главе Книги Пророка Иезекииля в сочетании с текстом из книги Пророка Исаяи, чтобы доказать, что точным центром земли является точка, отмеченная на тротуаре храма Гроба Господня, и что на этом месте когда-то росло дерево, принесшее запретный плод, и крест Христов.(31)

(31) О месте креста на Голгофе, как о точке, где стояло "древо познания добра и зла" в Эдеме, в центре земли, см. У различных восточных путешественников, упомянутых в Тоблере; но особенно в "Путешествиях епископа Аркульфа по Святой земле", в "Ранних путешествиях" Райта

по Палестине, стр. 8; также "Путешествиях Савульфа", там же, стр. 38; также у сэра Джона Мандевилля, там же, стр. 166, 167. Что касается Роджера, см. в его книге "Земля святая", Париж, 1664, стр. 89-217 и др.; см. также Куарежмио, "Terrae Sanctae", "Разъяснение", 1639, где приводится аналогичная точка зрения; а об одном повествовании, в котором идея была развита в удивительную массу благочестивых мифов, см. "Паломничество" русского игумена Даниила, под редакцией сэра К. У. Уилсона, Лондон, 1885, стр. 14. (Отрывок заслуживает цитирования как пример мифотворчества; это как далее следует: "Во время распятия нашего Господа, когда он испустил дух на кресте, завеса в храме разорвалась, и скала над черепом Адама разверзлась, и кровь и вода, которые вытекли из бока Христа, потекли вниз через трещину на черепе, таким образом смывая грехи людей".)

И это было не единственное заблуждение, проникшее из наших священных писаний в средневековые карты: два других были отмечены почти так же. Первым из них был смутный ужас, внушаемый Гогом и Магогом. Немногие отрывки в Ветхом Завете более возвышенны, чем обличение этих великих врагов Иезекиилем; и хорошо известное утверждение в Апокалипсисе придало новое значение еврейскому отношению к ним в сознании ранней Церкви: поэтому средневековые картографы приложили немало усилий, чтобы обозначить этих чудовищ и их обиталища на картах. На протяжении веков ни одна карта не считалась ортодоксальной, на которой они не были бы изображены.

Вторая концепция возникла из упоминания в наших священных книгах о "четырёх ветрах". Отсюда возникла живая вера в их реальное существование и их изображение на картах, как правило, в виде колоссальных голов с раздутыми щеками, энергично дующих в сторону Иерусалима.

После того, как эти концепции в основном исчезли, мы находим то тут, то там свидетельства того, с какими трудностями сталкивались люди, отказываясь от библейской идеи прямого личного вмешательства Небесных сил в обычные явления Природы: так, на известной карте шестнадцатого века, изображающей землю в виде сферы, на каждом полюсе есть рукоятка, с помощью которой ангел усердно вращает землю; а на другой карте рука Всемогущего, высунувшаяся из облаков, удерживает землю подвешенной на веревке и вращает ее большим и указательным пальцами. Даже в середине семнадцатого века Хейлин, самый авторитетный английский географ того времени, проявлял подобную тенденцию смешивать науку и теологию. Он побуждает каждого помогать другому следующим образом: "Вода, составляющая с землей всего лишь один шар, все же выше ее. Это кажется, во-первых, потому, что это тело не такое тяжелое; во-вторых, моряки заметили, что их корабли быстрее приближаются к берегу, чем от него, чему нет никакой причины, кроме высоты воды над сушей; в-третьих, тем, кто стоит на берегу, кажется, что море вздувается в форме круглого холма, пока не заслоняет наш взор. Теперь, когда море, парящее таким образом над землей, не захлестывает ее, это можно приписать только его Провидению, которое "заставило воды собраться в кучу, чтобы они больше не обращались и не покрывали землю". "(32)

(32) О Гоге и Магоге см. Иезекииля xxxviii и xxxix и Откр. хх, 8; а об общем предмете - "Игрушка, иудаизм и христианство", Бостон, 1891, стр. 373, 374. Карты, показывающие эти два великих ужаса, и географическое обсуждение относительно них см. в Lelewel, Geog. du Moyen Age, Bruxelles, 1850, Atlas; also Ruge, Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, pp. 78, 79; also Peschel's Abhandlungen, pp. 28-35, and Gesch. der Erdkunde, p. 210. О изображениях на картах "Четырех ветров" см. Чартон, "Путешественники", том ii, стр. 11; также Руге, как указано выше, стр. 324, 325; также о любопытной смеси библейских ветров, исходящих из мешков Эола, см. Карту двенадцатого века у Леона Готье, "Шевалье", стр. 153; а карты, показывающие дополнительные ветры, см. в различных изданиях "Птолемея". Карту с ангелами, вращающими землю с помощью кривошипов на полюсах, см. В Grynaeus, Novus Orbis, Basileae, 1537. О том, как Всемогуший вращает земной шар, см. Карту Дж. Хондиуса, 1589 год; а о Хейлине - его первый фолиант, 1652 год, стр. 27.

III. ОБИТАТЕЛИ ЗЕМЛИ.

Даже в то время, когда доктрина о сферичности земли оставалась нерешенной, был предложен другой вопрос, который теологи в конце концов пришли к выводу о гораздо большей важности. Доктрина о сферичности земли естественным образом привела к размышлениям о ее обитателях, и еще один древний зародыш получил развитие — идея антиподов: человеческих существ на противоположных сторонах земли.

В греческом и римском мире эта идея находила сторонников и противников: Цицерон и Плиний были среди первых, а Эпикур, Лукреций и Плутарх - среди последних. Таким образом, проблема осталась для ранней Церкви нерешенной.

Среди первых церковников, принявших это решение, был на Востоке святой Григорий Назианзен, который показал, что плыть за Гибралтар невозможно; и на Западе Лактанций, который спросил: "Есть ли кто-нибудь настолько безумный, чтобы верить, что есть люди, чьи шаги выше их голов?... что посевы и деревья растут вниз?... что дожди, снег и град падают вверх, к земле?... Я не знаю, что сказать о тех, кто, однажды допустив ошибку, упорно упорствует в своей глупости и защищает одно тщеславное дело другим".

Во всех этих утверждениях Григория и Лактанция не было ничего, о чем стоило бы особенно сожалеть, поскольку, каковы бы ни были их мотивы, они просто поддерживали унаследованную ими веру на основе естественного закона и вероятности.

К сожалению, дискуссии не дали долго покоиться на этих научных и философских основаниях; за ними последовали другие христианские мыслители, которые в своем пылу приводили тексты Священного Писания, и вскоре вопрос приобрел теологический характер; враждебность к вере в антиподов приобрела догматический характер. Вселенская Церковь была выстроена против него, и перед огромной фалангой стояли, все до единого, отцы церкви.

Всем им эта идея казалась опасной; большинству из них она казалась отвратительной. Святые Василий и Амвросий были достаточно терпимы, чтобы допустить, что может быть спасен человек, который думал, что земля населена на противоположных сторонах; но подавляющее большинство отцов церкви сомневались в возможности спасения для таких неверующих. Великим поборником ортодоксальной точки зрения был святой Августин. Хотя он, казалось, был склонен немного уступить в отношении сферичности земли, он боролся с идеей, что люди существуют по другую сторону от нее, говоря, что "В Писании не говорится о таких потомках Адама", он настаивает на том, что Всемогущий не мог позволить людям жить там, поскольку, если бы они это сделали, они не смогли бы увидеть Христа при Его втором пришествии, спускающегося по воздуху. Но его самый убедительный призыв, который, как мы находим, передается от богослова к богослову в течение тысячи лет спустя, обращен к девятнадцатому псалму и к его подтверждению в Послании к Римлянам; к словам: "Род их распространился по всей земле, и слова их до скончания века". Он с большой силой подчеркивает тот факт, что святой Павел основал один из своих самых сильных аргументов на этом заявлении относительно проповедников Евангелия, и что он заявил еще более определенно, что "Истинно, звук их разнесся по всей земле, и слова их - до краев мира". С тех пор мы постоянно находим заявления о том, что, поскольку эти проповедники не обращались к антиподам, никаких антиподов существовать не может; и, следовательно, сторонники этой географической доктрины "возводят ложь непосредственно к царю Давиду и святому Павлу, а следовательно, и к Святому Духу". Таким образом, великий епископ Гиппона более тысячи лет учил весь мир, что, поскольку на противоположной стороне земли не проповедуется Евангелие, там не может быть людей.

Великий авторитет Августина и убедительность его аргументации на основе Священного Писания твердо удерживали Церковь от доктрины антиподов; теперь все школы толкования были согласны — последователи аллегорических тенденций Александрии, строго буквальные толкователи Сирии, более эклектичные богословы Запада. Более тысячи лет в Церкви "всегда, везде и всеми" считалось, что на противоположных сторонах земли не может быть людей, даже если бы у земли были противоположные стороны; и, подвергаясь нападкам со стороны скептиков, огромная масса истинно верующих с четвертого по пятнадцатый век просто употребляла тот опиум, который оказал такое успокаивающее действие на Джона Генри Ньюмена в девятнадцатом веке — *securus judicat orbis terrarum*.

Однако скептики все еще появлялись. О том, что доктрина об антиподах продолжала жить, свидетельствует тот факт, что в шестом веке Прокопий из Газы приводит в ее адрес потрясающий аргумент. Он заявляет, что, если на другой стороне земли есть люди, Христос должен был побывать там и пострадать во второй раз, чтобы спасти их; и, следовательно, там должен был быть, в качестве необходимой подготовки к его пришествию, дубликат Эдема, Адама, змея и всемирного потопа.

Косма Индикоплевст также с особой горечью атаковал это учение, цитируя отрывок из евангелия от Луки, чтобы доказать, что антиподы богословски невозможны.

В конце шестого века пришел человек, от которого многого можно было ожидать, — святой Исидор Севильский. Он размышлял над древними научными представлениями и, как мы видели, осмелился заявить о своей вере в сферичность земли; но на этом он остановился. Что касается антиподов, то авторитет псалмопевца, святого Павла и св. Августин заставляет его замолчать; он избегает всего вопроса как незаконного, подчиняет разум вере и заявляет, что люди не могут и не должны существовать на противоположных сторонах земли.(33)

(33)Мнения Бэзила, Амброуза и других см. Леки, История рационализма в Европе, Нью-Йорк, 1872, том i, стр. 279. Also Letronne, in *Revue des Deux Mondes*, March, 1834. О Лактанции см. Цитаты, уже приведенные. О св. Мнение Августина см. в *De Civitate Dei*, xvi, 9, где этот великий отец церкви показывает, что у антиподов "нулевое соотношение полномочий". О единодушии отцов церкви против антиподов см. Zockler, vol. 1, стр. 127. Для получения очень наивного резюме, смотрите Джозефа Акосту, "Естественную и моральную историю Индии", перевод Гримстона, переизданный Hakluyt Soc., chaps. vii и viii; также цитаты из посмертных работ Бакла, том. ii, стр. 645. О Прокопии из Газы см. Кречмер, стр. 55. См. Также, по общему вопросу, Пешель, "История Эрдкунде", стр. 96-97. Что касается Исидора, смотрите в уже приведенных цитатах

. Чтобы понять смущение, вызванное этими высказываниями отцов церкви перед учеными более позднего периода, см. Письмо Агриколы Иоахиму Вадриану в 1514 году. Агрикола просит Вадриана высказать свое мнение относительно антиподов, говоря, что он сам не знает, что делать между отцами церкви, с одной стороны, и учеными людьми современности, с другой. С другой стороны, о затруднении, причиненном Церкви этим ошибочным рвением отцов, см. Ссылки Кеплера и ответы Фромунда; также Де Морган, Парадоксы, стр. 58. Кеплеру, по-видимому, доставляло большое удовольствие бросать взгляды Лактанция в зубы своим противникам.

Под таким давлением эта научная истина, по-видимому, исчезла почти на двести лет; но к восьмому веку сферичность земли стала общепринятой среди лидеров мысли, и теперь доктрину антиподов снова отстаивал епископ Вергилий Зальцбургский.

Тогда, в те первые годы восьмого века, в Германии жил один из величайших и благороднейших людей — святой Бонифаций. Его ученость была одной из самых известных в то время. В трудах он был достойным преемником апостолов; его гений христианского служения невольно сделал его примасом Германии; его преданность долгу добровольно привела его к мученичеству. В то время на папском престоле тоже восседал великий христианский государственный деятель — папа Захарий. Бонифаций немедленно выступил против возрождения такой ереси, как доктрина антиподов; он заклеил ее как утверждение, что есть люди, недоступные назначенным средствам спасения; он напал на Вергилия и призвал на помощь папу Захарию.

Папа римский, как непогрешимый учитель христианского мира, дал решительный ответ. Он процитировал отрывки из книги Иова и Мудрости Соломона против доктрины антиподов; он объявил ее "извращенной, незаконной и направленной против собственной души Вергилия" и указал на цель изгнать его из епископства. Была ли достигнута эта цель или нет, старая теологическая точка зрения, в силу божественно упорядоченной и защищенной "непогрешимости" Папы, была восстановлена, и доктрина о том, что земля населена только на одной из ее сторон, стала более чем когда-либо ортодоксальной и драгоценной в сознании Церкви.(34)

(34) О Вергилии Зальцбургском см. "Историю христианской церкви" Неандера, перевод Торри, том. iii, стр. 63; также Herzog, Настоящая энциклопедия и др., недавнее издание проф. Хаук, с. в. Виргилиус; также Кречмер, стр. 56-58; также Уэвелл, том i, стр. 197; также Де Морган, "Бюджет парадоксов", стр. 24-26. Для получения очень полных заметок о языческих и христианских защитниках доктрины сферичности земли и антиподов, а также выдержки из письма Захарии, см. Migne, Patrologia, vol. vi, стр. 426 и т. xli, стр. 487. О части святого Бонифация см. Bonifacii Epistolae, изд. Джайлс, i, 173. Бержер де Шиврей, "Тератологические традиции", стр. 186-188, делает любопытную попытку показать, что папа Захарий осудил не того человека; что настоящим преступником был римский поэт — в шестой книге "Энеиды" и первой книге "Георгики".

Это решение, по-видимому, считалось окончательным, и пять столетий спустя великий энциклопедист Средневековья Винсент де Бове, хотя и принимает сферичность земли, рассматривает доктрину антиподов как опровергнутую, поскольку противоречит Писанию. И все же доктрина все еще жила. Точно так же, как ранее он был возрожден Вильгельмом Кончским, а затем похоронен, так и теперь его несколько робко извлекает на свет в тринадцатом веке не кто иной, как Альберт Великий, самый известный ученый того времени. Но его высказывания, возможно, намеренно туманны. Снова это исчезает под теологической волной, и сто лет спустя Николя д'Оресм, географ короля Франции, светоч науки, вынужден уступить ясному учению Священного Писания, процитированному св. Августин.

И это было не самое худшее. В Италии в начале четырнадцатого века Церковь считала необходимым решать вопросы подобного рода с помощью дыбы и хвороста. В 1316 году Петр из Абано, известный как врач, провозгласивший это вместе с другими отвратительными научными доктринами, избежал инквизиции только смертью; а в 1327 году Чекко д'Асколи, известный как астроном, был за этот и другие результаты своих размышлений, которые навлекли на него подозрение в колдовстве, изгнан со своей профессуры в Болонье и заживо сожжен во Флоренции. И это было не все его наказание: Орканья, чьи ужасные фрески до сих пор сохранились на стенах Кампо Санто в Пизе, увековечил Чекко, представив его в адском пламени.(35)

(35) Винсента из Бове и антипод, видеть его зеркало
Натурале, книга VII, с цитатами из Св. Augustine, De Civitate

Dei, cap. xvi. Что касается доктрины Альберта Великого об антиподах, сравните Кречмера, как указано выше, с Эйкеном, Гешихте и т.д., стр. 621. Кречмер считает, что Альберт поддерживает доктрину, а Эйкен считает, что он отрицает ее — справедливое доказательство того, что Альберт не был склонен излагать свои взгляды с опасной ясностью. О Д'Оресме см. Santerem, Histoire de la Cosmographie, том i, стр. 142. О Петре из Абано, или Апоно, как его часто называют, см. Tiraboschi, также Guinguene, vol. ii, p. 293; also Naude, Histoire des Grands Hommes soupconnes de Magie. О Чекко д'Асколи см. Montucla, Histoire de Mathematiques, i, 528; также Daunou, Etudes Historiques, vol. vi, стр. 320; также Кречмер, стр. 59. Относительно изображения Орканьей Чекко в адском пламени см. Ренан, Аверроэс и Аверруазм, Париж, 1867, стр. 328.

Шли годы, и в пятнадцатом веке появился тот, от кого мир имел право многого ожидать. Пьер д'Айи, благодаря силе мысли и учености, дослужился до ректора колледжа Св. Умри в Лотарингии; его способности сделали эту маленькую деревушку центром научной мысли для всей Европы и, в конце концов, сделали его архиепископом Камбрейским и кардиналом. Ближе к концу пятнадцатого века было напечатано то, что кардинал д'Айи написал задолго до этого какитог своих лучших мыслей и исследований — сборник эссе, известный как *Ymago Mundi*. Это дает нам один из самых ярких примеров в истории великого человека в теологических оковах. Подходя к этому вопросу, он формулирует его с такой ясностью, что мы ожидаем услышать от него утверждение истины; но здесь остается в силе аргумент св. Августина; там же стоят библейские тексты, на которых она основана — текст из Псалмов и недвусмысленное обращение святого Павла к римлянам: "Звук их разнесся по всей земле, и слова их - до краев мира". Д'Айи пытается рассуждать здраво, но он охвачен благоговейным страхом и практически ничего не дает миру.

Тем не менее доктрина антиподов жила и двигалась: настолько, что выдающийся испанский богослов Тостатус, даже в эпоху Колумба, почувствовал себя призванным протестовать против нее как "небезопасной". Он придал форму старому снаряду Св. Августина в следующий силлогизм: "Апостолам было повелено идти по всему миру и проповедовать Евангелие каждой твари; они не ходили ни в одну из таких частей света, как антиподы; они не проповедовали там ни одной твари: следовательно, никаких антиподов не существует".

Война Колумба миру хорошо известна: как епископ Сеутский победил его в Португалии; как различные мудрецы Испании противопоставляли ему обычные цитаты из Псалмов, из святого Павла и из св. Августина; как даже после того, как он одержал триумфальную победу и после того, как его путешествие значительно укрепило теорию сферичности земли, с которой теория антиподов была так тесно связана, Церковь своим высшим авторитетом торжественно спотыкалась и упорно сбивалась с пути истинного. В 1493 году папа Александр VI, к которому обратились в качестве третейского судьи в споре между Испанией и Португалией на недавно открытые части земли, издал буллу, устанавливающую на поверхности земли демаркационную линию между двумя державами. Эта линия была проведена с севера на юг в ста лигах к западу от Азорских островов; и папа в полноте своих знаний объявил, что все земли, открытые к востоку от этой линии, должны принадлежать португальцам, а все к западу от нее - испанцам. Церковь приветствовала это как проявление божественно озаренной силы; но возникли

трудности, и в 1506 году папа Юлий II предпринял еще одну попытку провести черту в трехстах семидесяти лигах к западу от островов Зеленого Мыса. Это, опять же, должно было принести божественную мудрость для решения вопроса; но вскоре возникли непреодолимые трудности; ибо португальцы заявили права на Бразилию и, конечно, без труда доказали, что они могут достичь ее, плывя к востоку от линии, при условии, что они плывут достаточно долго. Линии, проложенные папами Александром и Юлием, все еще можно найти на картах того периода, но их буллы незаметно вошли в каталог смехотворных ошибок.

Однако теологические барьеры на пути к этой географической истине рушились, но медленно. Какой бы очевидной она ни стала для ученых, они не решались объявить о ней всему миру. Тысяча сто лет прошло с тех пор, ул. Августин доказывает его антагонизм по отношению к Писанию, когда Григорий Reysch распускали свою знаменитую энциклопедию, в отель Margarita Philosophica. Выпускалось издание за изданием, и повсюду в нем появлялись ортодоксальные утверждения; но они, очевидно, были натянуты до предела; ибо, рассматривая антиподов, Рейш с уважением ссылается на св. Августин возражает против научной доктрины, поэтому он старается не ссылаться на Священное Писание против нее и не менее тщательно выдвигает географические доводы в ее пользу.

Но в 1519 году наука одерживает сокрушительную победу. Магеллан совершает свое знаменитое путешествие. Он доказывает, что земля круглая, поскольку его экспедиция совершает кругосветное плавание; он доказывает доктрину антиподов, поскольку его товарищи по кораблю видят народы антиподов. Но даже это не положит конец войне. Многие добросовестные люди выступают против этой доктрины еще двести лет. Затем французские астрономы производят свои измерения градусов в экваториальной и полярной областях и добавляют к своим доказательствам данные удлиненного маятника. Когда это было сделано, когда стало ясно, что научные выводы были установлены простым методом измерения, красиво и безупречно, и когда длинная вереница заслуживающих доверия исследователей, включая преданных миссионеров, отправила домой отчеты об антиподах, тогда, и только тогда, закончилась эта двенадцатисотлетняя война.

Таков был главный результат этой долгой войны; но были и другие результаты, не столь удачные. Усилия Евсевия, Василия и Лактанция умертвить научную мысль; усилия Августина бороться с ней; усилия Космы сокрушить ее догматизмом; усилия Бонифация и Захарии сокрушить ее силой, какими бы добросовестными они все ни были, привели просто к тому, что у многих ведущих умов сложилось убеждение, что наука и религия - враги.

С другой стороны, что выиграли воины науки для религии? Несомненно, это гораздо более достойная концепция мира и гораздо более облагораживающая концепция той силы, которая пронизывает его и направляет. Что больше соответствует великой религии - космография Космы или космография Исаака Ньютона? Что представляет собой более благородное поле для религиозной мысли - обличительные речи Лактанция или спокойные высказывания Гумбольдта?(36)

(36) О принятии Д'Айи аргументации святого Августина см. в *Ymago Mundi*, глава vii. Для получения дополнительной информации см. Zockler, том i, стр. 467, 468. Он основывал свое возражение на послании к Римлянам x, 18. О Колумбе см. Уинзора, Фиске и Адамса; также Гумбольдт, "История географии Нового континента". Буллу Александра VI см. в Daunou, *Etudes Historiques*,

vol. ii, p. 417; also Peschel, Zeitalter der Entdeckungen, Book II, chap. iv. Текст буллы приведен с английским переводом в переиздании Арбером первых трех английских книг об Америке и др., Бирмингем, 1885, стр. 201-204; также особенно Пешель, "Die Theilung der Erde unter Papst Alexander VI and Julius II", Лейпциг, 1871, стр. 14 и далее. Замечания о власти, под которой была подведена черта Александра VI, см. в Mamiani, Del Papato nei Tre Ultimi Secoli, стр. 170. Карты, показывающие линии разделения, см. Коля, "Die beiden altesten" Генерал-Картен фон Америка, Веймар, 1860 г., где воспроизведены карты 1527 и 1529 гг.; также Меркатор, Атлас, десятое издание, Амстердам, 1628 г., стр. 70, 71. Последнее обсуждение демаркационной линии Александра VI см. у Э. Г. Борна в Yale Review, май 1892 г. О "Философии Маргариты" см. Издания 1503, 1509, 1517 годов, lib. vii, cap. 48. О влиянии путешествий Магеллана и нежелании поддаваться доказательствам см. Анри Мартен, "История Франции", т. xiv, стр. 395; "Географическую историю" Св. Мартина, стр. 369; Пешель, "Описание законов природы", заключительные главы; и замечательное резюме, Draper, Hist. Int. Разрабатывать. о Европе, стр. 451-453; также интересный отрывок из книги сэра Томаса Брауна "Вульгарные и распространенные ошибки", книга I, глава I. vi; также поразительный отрывок из книги Акосты, глава ii. Для получения общего заявления относительно дополнительного доказательства путем измерения градусов и с помощью маятника см. Somerville, Phys. Geogr., глава i, параграф 6, примечание; также Гумбольдт, Космос, т. ii, стр. 736 и т. v, стр. 16, 32; также Монтукла, iv, 138. Что касается эффекта от путешествий, см. Приведенную выше историю Акосты. . Добрый миссионер говорит в оригинальном переводе Гримстона: "Что бы ни говорил Лактанций, мы, живущие сейчас в Перу и населяющие ту часть мира, которая противоположна Азии и является их Антиподами, не считаем, что мы должны висеть в воздухе, опустив голову и задрав ноги".

IV. РАЗМЕР ЗЕМЛИ.

Но в ранний период другой предмет географии будоражил умы мыслящих людей — РАЗМЕРЫ ЗЕМЛИ. Различные исследователи древности разными методами достигали результатов, более

или менее близких к истине; эти методы были продолжены в Средние века, дополнены новой мыслью, и среди наиболее поразительных результатов были результаты, полученные Роджером Бэконом и Гербертом, впоследствии папой Сильвестром II. Они передали потомкам факел знания, но в качестве награды среди своих современников попали под обвинение в колдовстве.

Гораздо более созвучным теологическому духу Средневековья было решение проблемы на основе Священного Писания, и это решение заслуживает того, чтобы быть приведенным в качестве примера очень любопытной теологической ошибки, случайно приведшей к установлению великой истины. Вторая книга Ездры, которая у протестантов отнесена к апокрифам, считалась многими выдающимися деятелями древней Церкви полностью богодухновенной: хотя Иероним относился к этой книге с подозрением, Климент Александрийский, Тертуллиан и Амвросий считали ее пророческой, и Церковь согласилась с этой точкой зрения. В Восточной Церкви она занимала особенно высокое место, а в Западной Церкви до Реформации самые выдающиеся авторитеты обычно считали ее частью священного канона. В шестой главе этой книги дается краткое описание творения, и в ней встречаются следующие стихи:

"На третий день ты повелел собрать воду в седьмой части земли; шесть частей ты высушил и сохранил их с тем намерением, чтобы некоторые из них, будучи посажены Богом и возделаны, могли служить тебе".

"На пятый день ты сказал седьмой части, где собрались воды, что она произведет на свет живых существ, птиц и рыб, и так это и сбылось".

Эти утверждения были повторены в других стихах и, естественно, рассматривались как имеющие решающее значение.

Среди ученых, которые размышляли об этом, как и обо всем, что может приумножить знания, был кардинал Пьер д'Айи. Как мы видели, этот великий человек, хотя и отрицал существование антиподов, как св. Августин сделал это, твердо веря в сферичность земли, и, интерпретируя эти утверждения книги Ездры в связи с этой верой, он считал, что, поскольку только одна седьмая часть поверхности земли покрыта водой, океан между западным побережьем Европы и восточным побережьем Азии не мог быть очень широким. Зная, как он думал, размеры суши на земном шаре, он чувствовал, что в свете этого утвержденного богом утверждения земной шар должен быть намного меньше, а земля "Зипанго", которой достиг Марко Поло, на крайнем восточном побережье Азии, гораздо ближе, чем обычно считалось.

На этот момент он сделал упор в своем великом труде "Ямаго Мунди", и поскольку его издание вышло в свет в те дни, когда Колумб наиболее пристально размышлял над проблемой путешествия на запад, оно, естественно, оказало большое влияние на его рассуждения. Среди сокровищ севильской библиотеки нет ничего более интересного, чем копия этого труда с комментариями самого Колумба: именно из этой копии Колумб получил подтверждение своей уверенности в том, что переход через океан к земле Зипанго, описанной Марко Поло в Азии, был коротким. Если бы не эта ошибка, основанная на тексте, предположительно богодухновенном, маловероятно, что Колумб смог бы заручиться необходимой поддержкой для своего путешествия. Любопытно, что эта единственная теологическая ошибка, таким образом, способствовала серии путешествий, которые полностью разрушили не только эту, но и все другие представления о географии, основанные на священных писаниях.(37)

(37) Об этой ошибке, столь плодотворной для обнаружения, см. Д'Айи, *Ymago Mundi*; отрывок, на который ссылаются, находится в следующей главе 12. Отрывок из Ездры, см. в гл. vi, verses 42, 47, 50, and 52; see also Zockler, *Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft*, vol. i, p. 461. Одно из лучших недавних заявлений см. Pyre, *Геш. des Zeitalters der Entdeckungen*, Berlin, 1882, pp. 221 et seq. Для получения письма Колумба, в котором он признает свою ответственность за эту ошибку в "Ездрасе", см. Наваррете, "Виахес и Дескубриментос", Мадрид, 1825, том i, стр. 242, 264; также Гумбольдт, *Hist. de la Geographie du Nouveau Continent*, vol. i, pp. 68, 69.

V. ХАРАКТЕР ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ.

Вряд ли было бы справедливо отмахиваться от борьбы за географическую истину, не обратившись еще к одному отрывку из истории протестантской церкви, поскольку он ясно показывает трудности на пути к простейшему изложению географической истины, которое противоречило словам священных книг.

В 1553 году Михаила Сервета судили пожизненно в Женеве по обвинению в арианстве. Сервет оказал много заслуг научной истине, и одной из них было издание "Географии" Птолемея, в котором об Иудее говорилось не как о "земле, текущей молоком и медом", а, в строгом соответствии с истиной, в основном как о скудной, бесплодной и негостеприимной. На судебном процессе это простое утверждение географического факта было использовано против него его заклятым врагом Джоном Кальвином со страшной силой. Напрасно Сервет утверждал, что он просто позаимствовал слова из предыдущего издания "Птолемея"; напрасно он заявлял, что это утверждение было простой географической истиной, которой имелось достаточно доказательств: ему отвечали, что такой язык "неизбежно вводил в заблуждение Моисея и сильно возмущал Святого Духа".(38)

(38) О географическом правонарушении Сервета см. Rilliet, *Relationship du Proces criminel contre Michel Servet d'apres les documents originaux*, Женева, 1844, стр. 42,43; также Willis, *Servetus and Calvin*, Лондон, 1877, стр. 325. Осужденный отрывок содержится в "Птолемея" 1535 года, fol. 41. Это было осторожно сокращено при перепечатке того же издания.

Подводя итог действиям Церкви в отношении географии, мы должны сказать, что догмы, выработанные в строгом соответствии с Писанием, и концепции, которых придерживалась Церковь на протяжении многих веков "всегда, везде и всеми", в целом были неизменно

враждебны истине; но здесь справедливо провести различие между религиозным и богословским духом. Религиозному духу во многом обязаны несколько самых благородных из великих открытий. Глубокое стремление расширить сферы христианства повлияло на умы принца Иоанна Португальского в его серии великих экспедиций вдоль африканского побережья; Васко да Гамы в его кругосветном плавании вокруг мыса Доброй Надежды; Магеллана в его кругосветном путешествии; и, несомненно, нашло место среди более мирских мотивов Колумба.(39)

(39) Что касается более раннего смешения мотивов Колумба, то, возможно, будет полезно сравнить с более ранними биографиями недавние биографии доктора Уинзора и президента Адамса.

Таким образом, в этой области из превосходства, предоставляемого теологии, мы обнаруживаем тенденцию к догматизму, который во все века проявлял себя смертельным врагом не только научных исследований, но и самого высшего религиозного духа, в то время как из любви к истине ради истины, которая вдохновляла всю плодотворную работу в науке, религия никогда не приносила ничего, кроме пользы.

ГЛАВА III. АСТРОНОМИЯ.

I. СТАРАЯ СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ.

Следующая великая серия сражений разыгралась из-за отношения видимых небес к земле.

В ранней Церкви, ввиду доктрины, столь заметной в Новом Завете, о том, что земля вскоре будет уничтожена и что должны быть "новые небеса и новая земля", астрономия, как и другие отрасли науки, обычно считалась бесполезной. Зачем изучать старые небеса и старую землю, когда они так скоро должны были быть заменены чем-то бесконечно лучшим? Это чувство появляется у Св. Знаменитое высказывание Августина: "Какое мне дело до того, заключают ли небеса в виде сферы землю в центре мира или нависают над ней с обеих сторон?"

Что касается небесных тел, то богословы рассматривали их в лучшем случае только как объекты благочестивых спекуляций. Относительно их природы отцы Церкви разделились. Ориген и

другие последователи его учения считали их живыми существами, обладающими душой, и эта вера была в основном основана на библейском видении утренних звезд. совместное пение и прекрасное обращение к "звездам и свету" в песне трех детей — бенедикте, которую англиканское сообщество так мудро сохранило в своей Литургии.

Другие отцы считали, что звезды - места пребывания ангелов, и что звезды движимы ангелами. Гностики считали звезды духовными существами, управляемыми ангелами, и назначенными не для того, чтобы вызывать земные события, а для того, чтобы указывать на них.

Что касается небес в целом, преобладающее мнение в Церкви основывалось на утверждениях Священного Писания о том, что над землей простирается твердый свод — "твердь", и что небесные тела — это просто огни, подвешенные внутри него. Какое-то время этого добивались очень упорно. Святой Филастрий в своем знаменитом трактате о ересь объявил ересью отрицание того, что Бог извлекает звезды из своей сокровищницы и вешает на небе каждый вечер; любую другую точку зрения он объявил "ложной для католической веры". Этот взгляд также сохранился в священной теории, столь твердо установленной Космой в шестом веке. Основав свой план вселенной на различных текстах Ветхого и Нового Заветов и сделав его обширной продолговатой коробкой, покрытой твердым "небесным сводом", он включил дополнительные тексты из Священного Писания для объяснения движения планет и подробно развил теорию о том, что солнце и планеты движутся, а "окна небес" открываются и закрываются ангелами, назначенными для этой цели.

Насколько реальным был такой взгляд на вселенную, мы находим в трудах святого Исидора, величайшего лидера православной мысли седьмого века. Он утверждает, что со времени грехопадения человека и по причине этого солнце и луна сияют более слабым светом; но он доказывает на основании текста из Книги Пророка Исаии, что, когда мир будет полностью искуплен, эти "великие светила" снова засияют во всем своем прежнем великолепии. Но, несмотря на эти авторитеты и их теологическую окончательность, эволюция научной мысли продолжалась, ее главным зародышем была геоцентрическая доктрина — учение о том, что земля является центром и что солнце и планеты вращаются вокруг нее.(40)

(40) Цитируемый отрывок из Климента Александрийского см. в английском переводе, Эдинбург, 1869, том. ii, стр. 368; также в Сборниках, книга V, глава vi. Приведены типичные высказывания св. Августина, см. *De Genesi*, ii, глава. ix, в Migne, патр. лат., том xxiv, стр. 270-271. С точки зрения Оригена можно ознакомиться в *De Principiis*, lib. i, глава vii; см. также "Популярные ошибки" Леопарди, глава xi; также Подборки Уилсона из Пророческих Писаний в Дониkeyской библиотеке, стр. 132. Что касается Филона Иудея, смотрите в "Сотворении мира", ребята. xviii и XIX, а также о монархии, глава i. О святом Исидоре см. в "*De Ordine Creaturarum*", глава v, в Migne, патр. Лат., lxxxi, стр. 923-925; также 1000, 1001. О Филастрии см. *De Haeresibus*, глава cxxxiii, в Migne, том xii, стр. 1264. С точки зрения Космы можно ознакомиться в его "Христианской топографии" в Монфоконе, кол. ноябрь. *Patrum*, ii, стр. 150, и в других местах, цитируемых в моей главе о географии.

Эта доктрина отличалась высочайшей респектабельностью: она была разработана в очень ранний период и совершенствовалась до тех пор, пока не стала хорошо объяснять видимые движения небесных тел; ее окончательное название "теория Птолемея" имело вес; и, придя таким образом из античности в христианский мир, святой Климент Александрийский продемонстрировал, что алтарь в иудейской скинии был "символом земли, помещенной в центр вселенной": больше ничего не требовалось; геоцентрическая теория была полностью принята Церковью и, по всеобщему мнению, соответствовала букве и духу Священного Писания .(41)

(41) Что касается приемлемости геоцентрической теории и т.д., см.

"Платон" Грота, т. iii, стр. 257; также "Астрономия древних" сэра Г. К. Льюиса, глава I. iii, раздел 1, за очень вдумчивое изложение точки зрения Платона, отличающееся от древних утверждений. Для правдоподобного уточнения

этого и для предполагаемого согласия Писания с ним см.

Фромунд, "Антиаристарх", Антверпен, 1631; также "Initia Doctrinae Physicae" Меланхтона. Замечательное изложение теологического взгляда на геоцентрическую теорию, антиподов и т.д. см. в Eicken, Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung, стр. 618 и далее.

Заложенная в этот фундамент и основанная на нем, в Средние века была разработана, главным образом, из фрагментов халдейских и других ранних теорий, сохранившихся в еврейских Писаниях, новая священная система астрономии, которая стала одним из величайших сокровищ Вселенской Церкви — последним словом откровения.

Три великих человека в основном воздвигли это сооружение. Первым был неизвестный, подаривший миру трактаты, приписываемые Дионисию Ареопажиту. Без колебаний считалось, что это работа новообращенного афинянина святого Павла и, следовательно, фактически самого святого Павла. Хотя теперь известно, что они поддельные, тогда они считались сокровищем вдохновения, и император Востока послал их императору Запада как самый достойный подарок. В девятом веке они были широко распространены в Западной Европе и стали плодотворным источником мысли, особенно о всей небесной иерархии. Таким образом, древние идеи астрономии получили широкое развитие, а небесные воинства были классифицированы и названы в соответствии с указаниями, разбросанными по священным Писаниям.

Следующим из этих трех великих богословов был Питер Ломбард, профессор Парижского университета. Примерно в середине двенадцатого века он опубликовал свое собрание Сентенций, или Высказываний Отцов Церкви, и оно оставалось до конца средних веков универсальным руководством по богословию. В нем был особенно развит теологический взгляд на отношение человека ко вселенной. Автор говорит миру: "Точно так же, как человек создан ради Бога, то есть чтобы он мог служить Ему, так и вселенная создана ради человека, то есть чтобы она могла служить ЕМУ; поэтому человек помещен в среднюю точку вселенной, чтобы он мог служить и ему служили".

Огромное значение этой точки зрения и ее способность противостоять любой реальной астрономической науке мы увидим, особенно во времена Галилея.

Кульминацией великой триады мыслителей стал святой Фома Аквинский — святой богослов, слава средневековой Церкви, "Ангельский доктор", самый удивительный интеллект между Аристотелем и Ньютоном; тот, кому, как считалось, изображение Распятого говорило слова, восхваляющие его труды. Большого ума, сильный, пронизательный, но справедливый — даже более чем справедливый — по отношению к своим оппонентам, он опубликовал во второй половине XIII века свою теологическую энциклопедию "Сумма теологии". В этом он довел священную теорию Вселенной до ее полного развития. С великой силой и ясностью он привел всю обширную систему, материальную и духовную, в соответствие с Богом и человеком.(42)

(42) О верованиях халдейских астрономов во вращающиеся сферы, несущие солнце, луну и планеты, в твердую твердь, поддерживающую небесные воды, и в ангелов, приводящих в движение планеты, см. Ленорман; также Летаби, 13-21; также Шредер, Дженсен, Лукас и др. О вкладе псевдо-Дионисия в средневековую космологию см. Дион. Areopagita, *De Coelesti Hierarchia*, vers. Джоан. Scoti, in Migne, *Patr. Lat.*, cxxii. О вкладе Питера Ломбарда см. *Pet. Lomb., Libr. Отправлено.*, II, i, 8, -IV, i, 6, 7, в Migne, том 192. Цитаты из святого Фомы Аквинского см. в "Сумме", изд. Минье, особенно Параграф I, ч. 70 (том i, стр. 1174-1184); также Вопрос 47, ст. iii. Для хорошего общего утверждения см. Milman, *Latin Christianity*, iv, 191 и далее.; а об отношении Космы к этим богословам Западной Европы см. Milman, как указано выше, viii, 228, примечание.

Так возникла обширная система, разработанная этими тремя лидерами средневековой мысли; и теперь появился человек, который еще глубже внедрил ее в европейскую веру, поэт, вдохновленный Богом, который сделал эту систему частью ЖИЗНИ мира. Изображенные Данте эмпирии и концентрические небеса, рай, чистилище и ад были видны всем людям; Бог Триединный, восседающий на своем троне в небесном круге, такой же реальный, как Папа, восседающий на троне Святого Петра; серафимы, херувимы и престолы, окружающие Всемогущего, такие же реальные, как кардиналы, окружающие папу; три великих чина ангелов на небесах, такие же реальные, как три великих чина, епископы, священники и дьяконы, на земле; и вся система сфер, каждая из которых является божественной. вращается внутри того, что над ним, и все движется по земле, подчиняясь *primum mobile*, столь же реальному, как феодальная система Западной Европы, подчиняющаяся императору.(43)

(43) О центральном солнце, иерархии ангелов и концентрических кругах см. Данте, "Парадизо", песнь xxviii. Слова святого Фомы Аквинского, обращенные к Вергилию и Данте как к великим богословам Средневековья, см. в песне x и в переводе декана Пламптра, том ii. ii, стр. 56 и далее; также Ботта, Данте, стр. 350, 351. Что касается глубокого религиозного чувства Данте и веры в его собственную божественную миссию, см. J. R. Lowell, *Among my Books*, vol. i, стр. 36. Замечательную серию цветных гравюр, демонстрирующих всю космологию Данте, см. *La Materia della Divina Comedia di Dante dicitata* в "Ви таволе" Микеланджело Каэтани, опубликованную монахами Монте-Кассино, чьей доброте я обязан своим экземпляром.

Давайте посмотрим на это обширное творение — высшее достижение теологии — несколько внимательнее.

Его первая особенность показывает развитие более ранних теологических идей. Земля больше не плоская равнина, окруженная четырьмя стенами с прочным сводом наверху, как считали теологи прошлых веков, вдохновленные Космой; это больше не просто плоский диск с солнцем, луной и звездами, подвешенными для освещения, как представляли его скульпторы более ранних соборов; она стала земным шаром в центре вселенной. Его окружают последовательно сменяющие друг друга прозрачные сферы, вращаемые ангелами вокруг земли, и каждая несет с собой одно или несколько небесных тел: ближайшее к земле несет Луну; следующее - Меркурий; следующее - Венеру; следующее - Солнце; следующие три - Марс, Юпитер и Сатурн; восьмое несет неподвижные звезды. Девятым было *primum mobile*, и все заключало в себе десятое небо — Эмпиреи. Это было незыблемо - граница между творением и великой внешней пустотой; и здесь, в свете, в который никто не может войти, восседал на троне Троиединый Бог, и "музыка сфер" поднималась к Нему по мере их движения. Так древнее языческое учение о сферах стало христианским.

В сопровождении Божественного Величия, восседающего таким образом на троне, находятся многочисленные сонмы ангелов, которые разделены на три иерархии: одна служит в эмпиреях, другая на небесах, между эмпиреями и землей, и одна на земле.

Каждая из этих иерархий разделена на три хора, или чина; первый — на чины Серафимов, Херувимов и Престолов; и основное занятие этих чинов - непрерывное пение - "непрестанный возглас" божественной хвалы.

Порядок Престолов передает волю Бога второй иерархии, которая служит на подвижных небесах. Эта вторая иерархия также состоит из трех порядков. Первый из них, орден Доминионов, получает божественные повеления; второй, орден Сил, приводит в движение небеса, солнце, луну, планеты и звезды, открывает и закрывает "небесные окна" и приводит в действие все другие небесные явления; третий, орден Империи, охраняет остальные.

Третья и низшая иерархия также состоит из трех разрядов. Первый из них - Княжества, духи-хранители народов и царств. Затем идут Архангелы; они защищают религию и несут молитвы святых к подножию Божьего престола. Наконец, приходят Ангелы; они заботятся о земных делах в целом, по одному назначаются к каждому смертному, а другие отвечают за свойства растений, металлов, камней и тому подобного. Во всей системе, от великого Троиединого Бога до низшей группы ангелов, мы видим в действии мистическую силу, связанную с треугольником и священным числом три — ту самую, которая дала идею триединства древнеиндийской теологии, которая разработала триединых божества в Египте и которая передала этот теологический дар христианскому миру, особенно через египтянина Афанасия.

Под землей находится ад. Здесь обитают ангелы, восставшие под предводительством Люцифера, князя серафимов — бывшего любимца Троицы; но из этих мятежных ангелов некоторые все еще бродят по планетарным сферам и доставляют беспокойство добрым ангелам; другие наполняют атмосферу земли, неся молнии, бури, засуху и град; третьи наводняют земное общество, соблазняя людей ко греху; но Питер Ломбард и святой Фома Аквинский прилагают все усилия, чтобы показать, что работа этих дьяволов, в конце концов,

заключается лишь в том, чтобы дисциплинировать человека или назначить заслуженное наказание.

Вся эта обширная схема была настолько прикована к взглядам Птолемея благодаря использованию библейских текстов и теологических рассуждений, что результирующая система вселенной считалась незыблемой и окончательной. Нападать на это было богохульством.

Он простоял столетия. Великие богословы, такие как Винсент из Бове и кардинал д'Айи, посвятили себя тому, чтобы показать не только то, что это подтверждается Священным Писанием, но и то, что оно подтверждает Священное Писание. Таким образом, геоцентрическая теория была встроена в верования и устремления, в надежды и страхи христианского мира вплоть до середины шестнадцатого века.(44)

(44) Более раннюю космологию Космы с цитатами из Монфокона смотрите в главе о географии в этой работе. О взглядах средневековых теологов читайте в предыдущих примечаниях к этой главе. Отрывки из Священного Писания, на которых была разработана теологическая часть этой структуры, см., в частности, в Послании к Римлянам viii, 38; к Ефесянам i, 21; к Колоссянам i, 16 и ii, 15; и бесчисленные отрывки из Ветхого Завета. Что касается музыки сфер, см. "Данте" Дина Плампра, том ii, стр. 4, примечание. Замечательное обобщение средневековой космологии в ее отношении к мышлению в целом можно найти в книге Ридберга "Магия средних веков", глава i, изложению которой я в основном следовал. Поразительные гравюры на дереве, изображающие сменяющие друг друга небеса с их хорами ангелов, в центре которых находится земля со сферами вокруг нее, а над всем этим - Всемогуший на своем троне, смотрите в "Нойррембергской хронике", главы iv и v; ее дата - 1493 год. Диаграммы, показывающие продолжение этого общего представления вплоть до начала шестнадцатого века, см. в различных изданиях "Философской Маргариты", начиная с 1503 года, астрономическая часть. Интересные утверждения относительно Троицы богов в Древнем Египте см. Шарп, История Египта, том i, стр. 94 и 101. Автор настоящей статьи однажды слушал лекцию в Каире от выдающегося шотландского доктора медицины, посвященную древнеиндийским и египетским священным тройкам. Теория лектора заключалась в том, что, когда Иегова спустился в Эдемский сад и гулял с Адамом в "прохладе дня", он объяснил Адаму свой триединый характер и что от Адама он распространился среди различных древних народов.

II. ГЕЛИОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ.

Но, с другой стороны, задолго до этого были посажены зачатки гелиоцентрической теории. В шестом веке до нашей эры Пифагор, а вслед за ним Филолай предположили движение земли и планет вокруг центрального огня; а три столетия спустя Аристарх с поразительной точностью переформулировал главную истину. Это служит доказательством того, что антагонизм между теологическими и научными методами присущ не только христианству; ибо это утверждение навлекло на Аристарха обвинение в богохульстве и навлекло на него облако предубеждений, которое скрывало истину в течение шестисот лет. Только в пятом веке нашей эры она робко появилась в мыслях Марциана Капеллы: затем она снова была утеряна из виду на тысячу лет, пока в пятнадцатом веке, искаженная и несовершенная, не появилась в трудах кардинала Николаса де Куза.

Но в тени обширной системы, выросшей из умов великих теологов и сердца великого поэта, эта истина не расцвела и не принесла плодов.

Однако почва постепенно обогащалась, а воздух прогревался. Математические процессы постоянно совершенствовались, за небесными телами постоянно наблюдали, и, наконец, вдали от центров мысли, на границах Польши, появился простой ученый, который первым честно поведал современному миру истину — ныне столь банальную, затем столь поразительную, — что солнце и планеты вращаются не вокруг земли, а что земля и планеты вращаются вокруг солнца: этим человеком был Николай Коперник.

Коперник был профессором в Риме и еще в 1500 году провозгласил там свое учение, но скорее как научный курьез или парадокс, как ранее утверждал кардинал де Куза, чем как утверждение системы, представляющей великий факт в Природе. Примерно тридцать лет спустя один из его учеников, Видманштадт, объяснил это Клименту VII; но это все еще оставалось всего лишь гипотезой и вскоре, как и многие другие, исчезло из поля зрения общественности. Но для Коперника, упорно изучавшего этот предмет, это становилось все более и более реальностью, и по мере того, как эта истина росла в нем, он, казалось, чувствовал, что в Риме он больше не в безопасности. Объявить там о его открытии как о теории или парадоксе могло бы позабавить папский двор, но объявить об этом как об истине — как о самой правде - было совсем другим делом. Поэтому он вернулся в свой маленький городок в Польше.

Публиковать свою мысль в том виде, в каком она сложилась сейчас, было, очевидно, опасно даже там, и более тридцати лет она дремала в сознании Коперника и друзей, которым он конфиденциально доверил ее.

Наконец он подготовил свой великий труд о вращении небесных тел и посвятил его самому Папе. Затем он стал искать место для публикации. Он не осмелился послать его в Рим, потому что там были правители старой Церкви, готовые завладеть им; он не осмелился отправить его в Виттенберг, потому что там были лидеры протестантизма, не менее враждебные; поэтому он доверил его Осиандеру в Нюрнберге.(45)

(45) О зародышах гелиоцентрической теории, посаженных задолго до этого, см. сэра Г. К. Льюиса; а краткое изложение утверждений Пифагора,

Филолая, Аристарха и Мартиана Капеллы см. Hoefler, *Histoire de l'Astronomie*, 1873, стр. 107 и далее.; также Heller, *Geschichte der Physik*, Штутгарт, 1882, том i, стр. 12, 13; также стр. 99 и далее. О зародышах среди мыслителей Индии см. Уэвелл, том i, стр. 277; также Уитни, *Восточные и лингвистические исследования*, Нью-Йорк, 1874; *Эссе о Лунном зодиаке*, стр. 345. О взглядах Винсента де Бове читайте в его "Естественном зеркале", lib. xvi, cap. 21. Мнение кардинала д'Айи можно найти в его трактате *De Concordia Astronomicae Veritatis cum Theologia* (в его *Ymago Mundi* и отдельно). Общее описание работы Де Кузы см. Дрейпер, *Интеллектуальное развитие Европы*, стр. 512. Чтобы умело использовать точку зрения Де Кузы, чтобы смягчить порицание Церкви за ее отношение к открытию Коперника, смотрите статью в "Католическом мире" за январь 1869 года. Очень точное утверждение, выдержанное в духе судебной справедливости, см. Уэвелл, "История индуктивных наук", стр. 275, и стр. 379, 380. В последнем Уэвелл приводит точные слова Де Кузы из "Доктрины невежества" и резюмирует в следующих словах: "Этот ход мыслей может быть подготовкой к восприятию системы Коперника; но это сильно отличается от доктрины о том, что солнце является центром планетной системы". Уэвелл говорит: "Де Куза выдвинул доктрину движения земли скорее как парадокс, чем как реальность. Мы не можем рассматривать это как какое-либо отчетливое предвосхищение глубокого и последовательного взгляда на истину". О Де Кузе см. также Хеллер, том i, стр. 216. О взглядах Аристотеля и их развитии святым Фомой Аквинским, см. *De Coelo et Mundo*, раздел xx, и в других местах последнего. Любопытно видеть, как даже такой биограф, как архиепископ Воан, пренебрежительно отзывается об ошибках Ангельского Доктора. См. "Жизнь и подвиги святого Фомы Аквинского" Воана, стр. 459, 460.

Что касается опасности, угрожавшей Копернику в Риме, "Католический мир" за январь 1869 года цитирует речь архиепископа Мехлинского перед Лувенским университетом о том, что Коперник защищал свою теорию в Риме в 1500 году перед двумя тысячами ученых; также, что другой профессор преподавал эту систему в 1528 году и был назначен апостольским нотариусом Климентом VIII. Все это, даже если бы преподаваемые доктрины были идентичны окончательно разработанным Коперником — что просто не так — ничего не дает против подавляющего свидетельства того, что Коперник чувствовал себя в опасности — свидетельства, которое последующая история теории Коперника делает неопровержимым. Само название уже цитировавшейся книги Фромунда, опубликованной в нескольких милях от кафедрального собора архиепископа и одобренной теологическим факультетом того же Лувенского университета в 1630 году, полностью опровергает идею архиепископа о том, что Церковь была склонна благосклонно относиться к Копернику. Заголовок следующий: *Ant-Aristarchus sive Orbis-Terrae Immobilis, in quo decretum S. Congregationis S. R. E. Cardinal. an. M.DC.XVI adversus Pythagorico-Copernicanos editum defenditur*, Antverpiae, MDCXXI. Л'Эпинюа, Галилея, Париж, 1867, подчеркивает, стр. 14, распространение доктрины Де Кузой в 1435 году и Видманштадтом в 1533 году и доброе отношение к ним Евгения IV и Климента VII; но это абсолютно бесполезно для последующего отрицания политики папы. Ланге, "Основные положения материализма", том

i, стр. 217, 218, признавая, что Де Куза и Видманштадт поддерживали эту теорию и получали почести от своих соответствующих пап, показывает, что, когда Церковь серьезно рассмотрела ее, она была осуждена. В этой точке зрения нет ничего неразумного. Это был бы параллельный случай со Львом X, сначала склонявшимся к Лютеру и другим в их "ссорах с завистливыми монахами", а затем вынужденным выступить против них. То, что Коперник чувствовал опасность, очевидно, среди прочего, из выражения в предисловии: "Statim me explodendum cum tali opinione clamitant". Об опасностях в Виттенберге см. Ланге, как указано выше, том i, стр. 217.

Но мужество покинуло Осиандера: он не осмелился смело высказать новую мысль. Он написал пресмыкающееся предисловие, пытаясь оправдать Коперника за его новую идею, и вставил в него извиняющую ложь о том, что Коперник выдвинул учение о движении земли не как факт, а как гипотезу. Он заявил, что астроному дозволено потакать своему воображению, и что именно это сделал Коперник.

Таким образом, величайшая и наиболее облагораживающая, возможно, из научных истин — истина, не менее облагораживающая религию, чем науку, — была вынуждена, выступая перед миром, красться и пресмыкаться.(46)

(46) Осиандер в письме к Копернику, датированном 20 апреля 1541 г., пытался примирить его с такой процедурой и заканчивает словами: "Таким образом, мы примиряем перипатетиков и теологов, которые противоречат природе". См. "Апологию Тихониса" в "Опере Омния" Кеплера, издание Фриша, том i, стр. 246. Кеплер возлагает на Осиандера полную ответственность за это предисловие. Бертран в своем "Фондах современной астрономии" приводит его текст и считает возможным, что Коперник, возможно, уступил "из чистого снисхождения к своему ученику. Но эта идея полностью расходится с выражениями в посвященном письме Коперника папе Римскому, которое следует за предисловием. Для хорошего изложения аргументации см. Фигье, Ученые эпохи Возрождения, стр. 378, 379; см. Также цитату из книги Гассенди "Жизнь Коперника", в "Фламарион, Жизнь Коперника", стр. 124. Г-н Джон Фиске, сколь он обычно точен, в своих "Очерках космической философии", по-видимому, последовал Лапласу, Делабру и Пети в ошибке предположения, что Коперник, а не Осиандер, ответственен за предисловие. С последними доказательствами можно ознакомиться в переводе Мензером работы Коперника "Торн", 1879 г., примечания на стр. 3 и 4 приложения.

24 мая 1543 года только что отпечатанная книга прибыла в дом Коперника. Она была передана ему в руки, но он был на смертном одре. Несколько часов спустя он был вне досягаемости добросовестных людей, которые запятнали бы его репутацию и, возможно, разрушили бы его жизнь.

Но все же не совсем вне пределов их досягаемости. Даже смерти нельзя было доверять, чтобы защитить его. По-видимому, над его телом нависло опасение мести, поскольку на его надгробии не было никаких записей о трудах его жизни, никаких упоминаний о его великом открытии; но на

нем была выгравирована простая молитва: "Я не прошу милости, оказанной Павлу; не той, что дана Петру; окажи мне только ту милость, которую Ты оказал разбойнику на кресте".

Только тридцать лет спустя один из друзей осмелился написать на своем надгробии в память о своем открытии.(47)

(47) См. Фламарион, "Жизнь Коперника", стр. 190.

Предисловие Осиандера, в котором делалось вид, что книга Коперника выдвигает гипотезу вместо того, чтобы провозглашать истину, хорошо послужило своей цели. В течение почти семидесяти лет церковные власти, очевидно, считали за лучшее не ворошить этот вопрос, и в некоторых случаях профессорам, таким как Калганини, разрешалось представлять новую точку зрения исключительно в качестве гипотезы. Действительно, время от времени раздавалось недовольство со стороны богословов, но крупных демонстраций против этой системы не было до 1616 года. Затем, когда Галилей утвердил доктрину Коперника как ИСТИНУ и доказал это с помощью своего телескопа, книга попала в руки римской курии. Утверждения Коперника были осуждены "до тех пор, пока они не будут исправлены"; и исправления, которые требовались, были просто такими, которые заменили бы его выводы старой теорией Птолемея.

То, что такова была их цель, стало ясно в тот год, когда Галилею запретили преподавать или обсуждать теорию Коперника и когда были запрещены "все книги, подтверждающие движение земли". Отныне чтение работ Коперника означало риск навлечь на себя проклятие, и мир принял этот указ.(48) Таким образом, сильнейшие умы были надежно удержаны. Если они не могли поверить в старую систему, они должны были притвориться, что верят в нее; и это даже после того, как великое кругосветное плавание так много сделало для того, чтобы открыть миру глаза! Очень поразителен случай с выдающимся миссионером-иезуитом Джозефом Акостой, чей великий труд по естественной и нравственной истории Индии, опубликованный в последней четверти шестнадцатого века, изобилует множеством астрономических и географических ошибок. Хотя временами он был удивительно доверчив, он говорил правду, насколько осмеливался; но что касается движения небесных тел, он оставался ортодоксальным, заявляя: "Я видел два полюса, вокруг которых небеса вращаются, как вокруг своих осей".

(48) Властями, решавшими этот вопрос в соответствии с пожеланиями папы римского V и кардинала Беллармина, были Конгрегация Индекса, или кардиналы, отвечающие за Index Librorum Prohibitorum. Недавние отчаянные попытки возложить ответственность на них как на отдельных лиц кажутся нелепыми ввиду того простого факта, что их работа была санкционирована высшей церковной властью и должна была быть общепризнанной Церковью. Одиннадцать различных изданий Указателя, находящихся в моем личном распоряжении, доказывают это. Почти все они заявляют на своих титульных листах, что выпущены по приказу понтифика того периода, и к каждому из них прилагается специальная папская булла или письмо. Смотрите особенно Указатель 1664 года, выпущенный по приказу Александра VII,

и Указатель 1761 года, при Бенедикте XIV. Высказывания Коперника были запрещены в Указателе "Результаты исправления". Кеплер сказал, что это должно быть сформулировано "донесено до конца". См. Бертан, "Фонды современной астрономии", стр. 57. Де Морган, стр. 57-60, дает исправления, требуемые Индексом 1620 года. Их главная цель, по—видимому, состоит в том, чтобы низвести Коперника до пресмыкающегося уровня Осиандера, превратив его открытие в простую гипотезу; но иногда они требуют фактического отказа от всей доктрины Коперника - например, "исправления", на котором настаивают в главе viii, стр. 6. Для научного описания взаимосвязи между запретительными и изгоняющими индексами друг друга, см. Мендхэм, Литературная политика Римской церкви; также Реуш, Указатель словесности Бухера, Бонн, 1855, вып. ii, главы i и ii. Для краткого, но очень тщательного изложения, см. Геблер, "Галилео Галилей", английский перевод, Лондон, 1879, глава i; см. также католический словарь Аддиса и Арнольда, статья "Галилей", стр.8.

Действительно, в Европе был один человек, который мог бы многое сделать, чтобы остановить этот поток неразумия, который должен был увести столько вдумчивых людей, с одной стороны, от научного знания, а с другой - от христианства. Это был Питер Апиан. Он был одним из величайших математиков и астрономов того времени. Его блестящие способности сделали его учителем астрономии императора Карла V. Его работа по географии принесла ему всемирную известность; его работа по астрономии принесла ему дворянский патент; его усовершенствования в математических процессах и астрономических инструментах принесли ему похвалу Кеплера и место в истории науки: у настоящего человека никогда не было лучшей возможности совершить великое дело. Когда появилась работа Коперника, Апиан был на пике своей репутации и власти: тихая, искренняя просьба с его стороны, даже если это была всего лишь обычная справедливость и воздержание от суждений, должна была иметь большой вес. Его преданный ученик, Карл V, восседавший на тронах Германии и Испании, должен был, по крайней мере, прислушаться к такой просьбе. Но, к сожалению, Апиан был профессором учебного заведения, находящегося под строжайшим церковным контролем, — Ингольштадтского университета. Его первостепенной обязанностью было преподавать БЕЗОПАСНУЮ науку — удерживать науку в рамках библейской истины, как ее интерпретируют профессора-богословы. Он упустил прекрасную возможность. Апиан продолжал размышлять над теорией Птолемея и астрологией в своей аудитории. Атаку на теорию Коперника он не поддерживал и не выступал против нее; он хранил молчание; и причину его молчания никогда не следует забывать до тех пор, пока какая-либо Церковь утверждает свое право контролировать университетское обучение.(49)

(49) Заявление Джозефа Акосты см. В переводе его Истории, опубликованном Обществом Хаклюит, глава ii. For Peter Apian, see Madler, *Geschichte der Astronomie*, Braunschweig, 1873, vol. i, p. 141. Свидетельства особой благосклонности Карла V см. в Delambre, *Histoire de l'Astronomie au Moyen Age*, стр. 390; также Bruhns, в *Allgemeine deutsche Biographie*. Попытку извиниться за него см. в Гюнтере, Петре и Филиппе Апианах, Prag, 1822, стр. 62.

Несомненно, многие будут осуждать Римско-католическую церковь за это; но простая истина заключается в том, что протестантизм был не менее ревностен против новой научной доктрины. Все ветви протестантской церкви — лютеранская, кальвинистская, англиканская — соперничали друг с другом в осуждении доктрины Коперника как противоречащей Писанию; и в более поздний период пуритане проявили ту же тенденцию.

Сказал Мартин Лютер: "Люди прислушались к астрологу-выскочке, который стремился показать, что вращается земля, а не небеса или твердь, солнце и луна. Тот, кто хочет казаться умным, должен изобрести какую-нибудь новую систему, которая из всех систем, конечно же, является самой лучшей. Этот глупец хочет перевернуть всю науку астрономию; но священное Писание говорит нам, что Иисус Навин приказал солнцу стоять на месте, а не земле". Меланхтон, каким бы мягким он ни был, не отставал от Лютера в осуждении Коперника. В своем трактате "Основы физики", опубликованном через шесть лет после смерти Коперника, он говорит: "Глаза являются свидетелями того, что небеса вращаются в течение двадцати четырех часов. Но некоторые люди, либо из любви к новизне, либо для того, чтобы продемонстрировать изобретательность, пришли к выводу, что земля движется; и они утверждают, что ни восьмая сфера, ни солнце не вращаются.... Так вот, публичное утверждение таких понятий является недостатком честности и порядочности, и этот пример пагубен. Разумный человек должен принять истину, открытую Богом, и смириться с ней ". Затем Меланхтон цитирует отрывки из Псалмов и Экклезиаста, которые, по его словам, положительно и ясно утверждают, что земля стоит прочно и что солнце движется вокруг нее, и добавляет восемь других доказательств своего утверждения о том, что "земля не может быть нигде, если не в центре вселенной". Этот самый мягкий из Реформаторов становится настолько серьезным, что предлагает суровые меры по пресечению таких нечестивых учений, как учения Коперника.(50)

(50) См. Тишреден в издании сочинений Лютера Уолша, 1743, том xxii, стр. 2260; также "Initia Doctrinae Physicae" Меланхтона. Этот трактат цитируется под ошибочным названием "Католическим миром", сентябрь 1870 года. Правильное название указано выше; его можно найти в Corpus Reformatorum, том. xiii (изд. Bretschneider, Halle, 1846), pp. 216, 217. См. также Madler, vol. i, стр. 176; также Lange, Geschichte о материализме, vol. i, стр. 217; также Prowe, Ueber die Abhangigkeit о Копернике, Thorn, 1865, стр. 4; также примечание, стр. 5, 6, где текст приведен полностью.

В то время как лютеранство таким образом осуждало теорию движения земли, другие ветви протестантской церкви не остались в стороне. Кальвин взял на себя инициативу в своем Комментарий к Книге Бытия, осудив всех, кто утверждал, что земля не находится в центре вселенной. Он завершил вопрос обычной ссылкой на первый стих девяносто третьего псалма и спросил: "Кто осмелится поставить авторитет Коперника выше авторитета Святого Духа?" Турретен, знаменитый преемник Кальвина, даже после того, как Кеплер и Ньютон практически завершили теорию Коперника и Галилея, опубликовал свой "компендиум теологии", в котором на основе множества текстов Священных Писаний доказал, что небеса, солнце и луна движутся вокруг земли, которая неподвижно находится в центре. В Англии мы видим аналогичные богословские усилия, даже после того, как они стали очевидно тщетными. "Принципы Моисея" Хатчинсона, "Священная философия" доктора Сэмюэля Пайка, труды Хорна, епископа Хорсли и

президента Форбса содержат самые серьезные нападки на идеи Ньютона, основанные на Священном Писании. Доктор Джон Оуэн, столь известный в анналах пуританства, объявил систему Коперника "обманчивой и произвольной гипотезой, противоречащей Священному Писанию"; и даже Джон Уэсли объявил, что новые идеи "ведут к неверию".(51)

(51) Об учениях протестантизма в отношении теории Коперника, см. Цитаты в "Истории интерпретации" канона Фаррара, предисловие, xviii; также преподобный доктор Шилдс из Принстона, "Окончательная философия", стр. 60, 61.

И протестантские народы ни на йоту не отставали от католиков в следовании таким учениям. Жители Эльбинга веселились над фарсом, в котором Коперник был главным объектом насмешек. Жители Нюрнберга, протестантского оплота, нацарапали медаль с надписями, высмеивающими философа и его теорию.

Почему люди в целом придерживались такой точки зрения, легко понять, если мы обратим внимание на позицию хранителей знаний, как католиков, так и протестантов, в ту эпоху. Это проливает яркий свет на различные притязания современных теологов взять на себя ответственность за общественное обучение и эволюцию науки. Считалось настолько важным охранять "здоровое обучение" и преподавать "безопасную науку", что во многих университетах еще в конце семнадцатого века профессоров заставляли давать клятву не придерживаться "пифагорейской—, то есть коперниканской, идеи относительно движения небесных тел. Пока конкурс продолжался, профессорам было запрещено доводить до сведения студентов факты, обнаруженные с помощью телескопа. Специальные распоряжения на этот счет были отданы церковными властями университетам и коллегиям Пизы, Иншпрука, Лувена, Дуэ, Саламанки и другим. На протяжении поколений мы видим, как руководство этих университетов хвастается, что эти безбожные доктрины держались подальше от их студентов. Трогательно слышать такое хвастовство тогда, точно так же, как трогательно слышать, как различные превосходные университетские авторитеты хвастаются, что они препятствуют чтению Милля, Спенсера и Дарвина. Подобные попытки утаить правду от студентов также не ограничивались римско-католическими учебными заведениями. Как это ни странно, нигде факты, подтверждающие теорию Коперника, не скрывались так тщательно, как в Виттенберге - университете Лютера и Меланхтона. Примерно в середине шестнадцатого века в этом центре протестантского обучения работали два астронома очень высокого уровня, Ретикус и Рейнгольд; оба они после тщательного изучения убедили себя в истинности системы Коперника, но ни одному из них не было позволено рассказывать эту истину своим ученикам. Ни в анонсах своих лекций, ни в опубликованных работах Ретикус не рискнул обнародовать новую систему, и в конце концов он оставил свою профессорскую должность и покинул Виттенберг, чтобы иметь свободу искать правду и говорить о ней. Рейнгольд был унижен еще больше. Убежденный в истинности новой теории, он был вынужден отстаивать старую; если он упоминал идеи Коперника, то был вынужден наложить их на идеи Птолемея. Даже это считалось недостаточно безопасным, и в 1571 году исследование было поручено Пейсеру. Он был в высшей степени "здравомыслящим" и в своих лекциях осуждал теорию Коперника как "абсурдную и непригодную для внедрения в школах".

Чтобы прочнее внедрить антинаучные идеи в немецкое протестантское учение, ректор Хензель написал учебник для школ под названием "Восстановленная Моисеева система мира", в котором показал, что астрономия Коперника не соответствует Писанию.

Несомненно, это звучит издалека; однако его отголосок очень близок к современному протестантизму в изгнании доктора Вудроу пресвитерианскими властями Южной Каролины; изгнании проф. Уинчелл методистскими епископальными властями Теннесси; изгнание проф. Игрушка баптистских властей в Кентукки; изгнание профессоров в Бейруте под властью американских протестантских богословов — и все это за то, что они придерживались доктрин современной науки, причем в последние годы девятнадцатого века.(52)

(52) Чтобы узнать, как люди относятся к идеям Коперника, смотрите "Католический мир", как указано выше; также Меланхтон, ibi выше; также Prowe, Copernicus, Берлин, 1883, т. i, стр. 269, примечание; также стр. 279, 280; также Madler, i, стр. 167. Информацию о ректоре Хензеле см. в "Заключительной философии" преподобного доктора Шилда, стр. 60.

Подробнее о недавних протестантских усилиях против эволюционных доктрин, смотрите главу о грехопадении человека и антропологии в этой работе.

Но новую истину невозможно было скрыть; над ней нельзя было ни посмеяться, ни нахмуриться. Многие умы восприняли это, но в пределах слышимости папства, кажется, только один язык осмеливался произносить это ясно. Этим новым воином был тот странный смертный, Джордано Бруно. За ним охотились из страны в страну, пока, наконец, он не обрушился на своих преследователей со страшными ругательствами. За это он был заточен в Венеции, на шесть лет заточен в застенках римской инквизиции, затем сожжен заживо, а его прах развеян по ветру. И все же новая правда продолжала жить.

Через десять лет после мученической смерти Бруно истинность учения Коперника была установлена с помощью телескопа Галилея.(53)

(53) О Бруно см. Бартоломесс, "Жизнь Джордано Бруно", Париж, 1846, том i, стр. 121 и стр. 212 и последующие; также Берти, "Жизнь Джордано Бруно", Флоренция, 1868, глава xvi; также Уэвелл, том i, стр. 272, 273. То, что Уэвелл несколько поспешен, полностью приписывая наказание Бруно "Спаччо делла Бестия Трионфанте", будет очевидно, несмотря на Монтуклу, любому, кто прочтет отчет о преследовании в "Бартольмесе" или "Берти"; и даже если Уэвелл прав, "Спаччо" никогда не было бы написано, если бы не возмущение Бруно церковным притеснением. См. Tiraboschi, том vii, стр. 466 и далее.

Здесь исполнилось одно из самых трогательных пророчеств. Много лет назад противники Коперника сказали ему: "Если бы ваши доктрины были верны, Венера имела бы фазы, подобные фазам Луны". Коперник ответил: "Вы правы; я не знаю, что сказать; но Бог добр и со временем найдет ответ на это возражение". Данный Богом ответ пришел, когда в 1611 году грубый телескоп Галилея показал фазы Венеры.(54)

(54) О связи этих открытий с работой Коперника см. Делаμβра, "История современной астрономии", "Предварительные беседы", стр. xiv; также Лапласа, "Система мира", т. i, стр. 326; и для более осторожных заявлений, "Opera Omnia" Кеплера, изд. Фриш, том ii, стр. 464. О пророчестве Коперника см. Cantu, Histoire Universelle, том xv, стр. 473. (Канту был выдающимся католиком.)

III. ВОЙНА С ГАЛИЛЕЕМ.

На этом новом чемпионе, Галилее, наконец-то была сосредоточена вся война. Его открытия явно вычеркнули теорию Коперника из списка гипотез и представили ее миру как истину. Война против него была долгой и ожесточенной. Сторонники того, что называлось "здравым смыслом обучения", объявили его открытия обманом, а заявления - богохульством. Полунаучные профессора, пытаясь выслужиться перед Церковью, атаковали его фальшивой наукой; искренние проповедники атаковали его извращенным Священным Писанием; теологи, инквизиторы, конгрегации кардиналов и, наконец, два папы расправились с ним и, как предполагалось, заставили замолчать его нечестивое учение навсегда. (55)

(55) Очень любопытный пример этой фиктивной науки, используемой теологами, можно увидеть в часто используемом в то время аргументе, что, если бы земля действительно двигалась, камень, падающий с высоты, упал бы обратно в точку, расположенную непосредственно ниже точки его начала. Это используется Fromundus с большим эффектом. Похоже, ему никогда не приходило в голову проверить это дело, сбросив камень с топ-мачты корабля. Безенбург математически продемонстрировал именно такую аберрацию в падающих телах, какую математически требует суточное движение земли. См. Джевонс, "Принципы науки", стр. 388, 389, второе издание, 1877.

Я представляю эту войну довольно подробно, потому что, насколько я могу найти, на нашем языке не было дано ее подробного изложения, поскольку вся история предстала в новом свете благодаря документам судебного процесса, хранящимся в библиотеке Ватикана и честно опубликованным впервые Л'Эпинау в 1867 году, а затем Геблером, Берти, Фаваро и другими.

Первая серьезная атака на Галилея началась в 1610 году, когда он объявил, что его телескоп обнаружил спутники планеты Юпитер. Враг увидел, что это выводит теорию Коперника из области гипотез, и немедленно дал бой. Они осудили как его метод, так и его результаты как абсурдные и нечестивые. Что касается его метода, профессора, воспитанные на "безопасной науке", пользующейся благосклонностью Церкви, утверждали, что божественным путем

достижения истины в астрономии было богословское рассуждение о текстах Священного Писания; а что касается его результатов, они настаивали, во-первых, на том, что Аристотель ничего не знал об этих новых откровениях; и, во-вторых, что Библия всеми применимыми примерами показывает, что может быть только семь планет; что это было доказано семью золотыми подсвечниками Апокалипсиса, семисвечником в скинии и семью церквями Азии; что с самого начала Аристотель ничего не знал об этих новых откровениях. Логически последствия доктрины Галилея должны привести к разрушению христианской истины. Поэтому епископы и священники предупреждали свою паству, и множество верующих умоляли инквизицию быстро и сурово расправиться с еретиком.(56)

(56) См. Статью Деламбра об открытии спутников Юпитера как поворотном пункте гелиоцентрической доктрины. Что касается его воздействия на Бэкона, см. Джевонс, стр. 638, как указано выше. Аргумент, взятый из подсвечника и семи церквей, см. в Delambre, стр. 20.

Напрасно Галилей пытался доказать существование спутников, показывая их сомневающимся в свой телескоп: они либо заявляли, что смотреть на них нечестиво, либо, если все-таки смотрели, объявляли спутники иллюзией дьявола. Добрый отец Клавиус заявил, что "чтобы увидеть спутники Юпитера, люди должны были создать инструмент, который их создал". Напрасно Галилей пытался спасти великие истины, которые он открыл в своих письмах бенедиктинцу Кастелли и великой герцогине Кристине, в которых он утверждал, что буквальное толкование Библии не должно применяться к науке; ему отвечали, что такой аргумент только делает его ересь еще более отвратительной; что он "хуже Лютера или Кальвина".

Война против теории Коперника, которая до того времени велась тихо, теперь разгорелась с новой силой. Было объявлено, что доктрина оказалась ложной из-за остановки солнца у Иисуса Навина, из-за заявлений о том, что "основания земли установлены так прочно, что их нельзя сдвинуть", и что солнце "движется от одного края небес до другого".(57)

(57) С приведенными принципиальными моментами можно ознакомиться в Libri, Histoire des Sciences mathematiques en Italie, vol. iv, с. 211; Де Морган, Парадоксы, с. 26, рассказ об отце Клавиусе. Интересно знать, что Клавий в последние годы своей жизни признал, что "вся небесная система разрушена и должна быть исправлена", Cantu, Histoire Universelle, vol. xv, стр. 478. См. Т. Мартин, "Галилея", стр. 34, 208 и 266; также Хеллер, "Основы физики", Штутгарт, 1882, т. i, стр. 366. Для получения оригинальных документов см. L'Epinois, стр. 34 и 36; или, лучше, тщательное издание процесса Геблера (Die Acten des Galileischen Processes, Штутгарт, 1877), стр. 47 и далее. Перевод Мартина кажется несколько вульгарным. See also Gebler, Galileo Galilei, English translation, London, 1879, pp. 76-78; also Reusch, Der Process Galilei's und die Jesuiten, Bonn, 1879, chaps. ix, x, xi.

Но маленький телескоп Галилея все еще осматривал небеса, и было объявлено о другом откровении — горах и долинах на Луне. Это вызвало новую атаку. Было заявлено, что это, а

также утверждение о том, что луна сияет светом, отраженным от солнца, прямо противоречат утверждению в Книге Бытия о том, что луна - это "великое сияние". Что еще хуже, художник, поместив луну на религиозной картине в ее обычном положении под ногами Пресвятой Девы, изобразил на ее поверхности горы и долины; это было осуждено как святотатство, логически вытекающее из ереси астронома.

Еще одна борьба разгорелась, когда ненавистный телескоп обнаружил пятна на солнце и их движение, указывающее на вращение солнца. Монсеньор Эльчи, глава Пизанского университета, запретил астроному Кастелли упоминать об этих пятнах своим студентам. Отец Бусей из Университета Иннспрука запретил астроному Шайнеру, который также обнаружил эти пятна и предложил их БЕЗОПАСНОЕ объяснение, допустить, чтобы о новом открытии стало известно там. В колледже Дуэ и Университете Лувена это открытие было прямо запрещено, и это стало общим правилом среди католических университетов и колледжей Европы. Испанские университеты были особенно нетерпимы к этой и подобным идеям, и до недавнего времени их изложение было строго запрещено в самом важном университете из всех — университете Саламанки.(58)

(58) См. Тикнор, История испанской литературы, том iii.

Таковы последствия передачи обучения человеческому разуму в руки тех, кто в основном занят спасением человеческих душ. Ничто не может быть более в соответствии с идеей, недавно выдвинутой различными церковниками, католиками и протестантами, о том, что только Церковь уполномочена распространять научную истину или руководить университетским обучением. Но наука одержала победу и здесь. О наблюдениях солнечных пятен сообщалось не только от Галилея в Италии, но и от Фабрициуса в Голландии. Затем отец Шайнер попытался найти обычный компромисс между теологией и наукой. Он обнародовал псевдонаучную теорию, которая вызвала лишь насмешки.

Война становилась все более ожесточенной. Доминиканец отец Каччини произнес проповедь по тексту: "Мужи Галилейские, почему вы стоите и смотрите на небо?" и этот жалкий каламбур над именем великого астронома привел в действие более острое оружие; ибо, прежде чем Каччини закончил, он настаивал на том, что "геометрия от дьявола" и что "математики должны быть изгнаны как авторы всех ересей". Церковные власти дали Каччини повышение по службе.

Отец Лорини доказал, что доктрина Галилея была не только еретической, но и "атеистической", и умолял инквизицию вмешаться. Епископ Фьезоле в ярости закричал против системы Коперника, публично оскорбил Галилея и донес на него великому герцогу. Архиепископ Пизы тайно пытался заманить Галилея в ловушку и передать его римской инквизиции. Архиепископ Флоренции торжественно осудил новые доктрины как противоречащие Писанию; и Павел V, лаская Галилея и приглашая его как величайшего астронома мира посетить Рим, тайно побуждал архиепископа Пизы собрать улики против астронома.

Но, безусловно, самым грозным защитником, который появился сейчас, был кардинал Беллармин, один из величайших теологов, которых знал мир. Он был серьезным, искренним и образованным, но настаивал на том, чтобы привести науку в соответствие с Писанием. Оружие, которое использовали люди типа Беллармина, было чисто теологическим. Они показали миру ужасные последствия, которые должны были бы возникнуть в христианском богословии, если

бы было доказано, что небесные тела вращаются вокруг солнца , а не вокруг земли. Их самым мощным догматическим двигателем было заявление о том, что "его мнимое открытие сводит на нет весь христианский план спасения". Отец Леказр заявил, что "это бросает тень подозрения на доктрину воплощения". Другие заявляли: "Это подрывает всю основу теологии. Если земля - планета, и только одна из нескольких планет, то не может быть, чтобы какие-то такие великие дела были сделаны специально для нее, как учит христианское учение. Если существуют другие планеты, поскольку Бог ничего не создает напрасно, они должны быть населены; но как их обитатели могут происходить от Адама? Как они могут проследить свое происхождение до Ноева ковчега? Как они могли быть искуплены Спасителем?" Этот аргумент не ограничивался богословами Римской церкви; Меланхтон, каким бы протестантом он ни был, уже использовал его в своих напаках на Коперника и его школу.

В дополнение к этой потрясающей теологической машине войны поддерживался огонь меньшей артиллерии в виде текстов и отрывков из Священных Писаний.

Но война становилась все более ожесточенной, и некоторые виды оружия, использовавшиеся в ней, заслуживают изучения. Их очень легко исследовать, поскольку их можно найти на всех полях сражений науки; но на этом поле они использовались с большим эффектом, чем почти на любом другом. Этим оружием являются эпитеты "неверный" и "атеист". Они использовались почти против каждого человека, который когда-либо делал что-то новое для своих собратьев. Список тех, кого осудили как "неверных" и "атеистов", включает почти всех великих деятелей науки, ученых широкого профиля, изобретателей и филантропов.

Самая чистая христианская жизнь, самый благородный христианский характер не помогли защитить сражающихся. Против таких христиан, как Исаак Ньютон, Паскаль, Локк, Мильтон и даже Фенелон и Говард, было направлено это оружие. Из всех доказательств существования Бога доказательства Декарта наиболее тщательно запечатлелись в умах современных людей; тем не менее протестантские богословы Голландии пытались подвергнуть его пыткам и смертной казни по обвинению в атеизме, а римско-католические богословы Франции препятствовали ему при жизни и препятствовали каким-либо должным почестям после его смерти.(59)

(59) О различных возражениях Галилею со стороны его современников см. Libri, *Histoire des Sciences mathematiques en Italie*, vol. iv, стр. 233, 234; также Мартин, "Жизнь Галилеи". Аргумент отца Леказра см. в Фламарионе, "Мир воображения и мир барабанов", 6-е изд., стр. 315, 316. Аргументы Меланхтона см. в его "Инициации" в "Опере", том III. , Галле, 1846.

Эти эпитеты вряд ли можно отнести к цивилизованному оружию. Это горящие стрелы; они разжигают массы народных предрассудков, всегда затушевывая реальный вопрос, иногда уничтожая атакующую сторону. Это отравленное оружие. Они пронзают сердца любящих женщин; они отталкивают дорогих детей; они травмируют мужчину после того, как жизнь оборвалась, ибо оставляют отравленные раны в сердцах тех, кто любил его больше всего — страх за его вечное спасение, боязнь Божественного гнева на него. Конечно, в наши дни это оружие, хотя и часто эффективное для того, чтобы досаждать хорошим мужчинам и пугать хороших женщин, несколько притупилось; на самом деле, оно нередко ранит нападающих

сильнее, чем сам подвергающийся нападению. Так было не во времена Галилея; тогда они были во всей своей остроте и ядовитости.(60)

(60) Любопытный пример того, как было брошено это оружие, см. в списках лиц, обвиненных в "неверности" и "атеизме", в "Словаре атеистов", Париж, (1800); также Леки, История рационализма, том. ii, стр. 50. О случае Декарта см. Saisset, "Декарт и его предшественники", стр. 103, 110. О легкости, с которой термин "атеист" применялся от ранних арийцев вплоть до верующих в эволюцию, см. Тайлор, Примитивная культура, том i, стр. 420.

Однако архиепископ Пизанский вел более подлую войну. Этот человек, чей собор приобрел самую прочную славу благодаря тому, что Галилей вывел великий закон природы из раскачивающейся лампы перед его алтарем, не был архиепископом в благородном духе Борромео, Фенелона и Шеверуса. К сожалению для Церкви и человечества, он был просто фанатиком и интриганом: он усовершенствовал план по заманиванию великого астронома в ловушку.

Галилей, после того как его открытия были разоблачены, написал своему другу Кастелли и великой герцогине Кристине два письма, чтобы показать, что его открытия могут быть согласованы со Священным Писанием. По намеку римской инквизиции архиепископ попытался завладеть этими письмами и предъявить их в качестве доказательств того, что Галилей высказывал еретические взгляды на теологию и Священное Писание, и таким образом заманить его в лапы инквизиции. Поэтому архиепископ умоляет Кастелли показать ему оригинал письма, написанного рукой Галилея. Кастелли отказывается. Затем архиепископ, хотя, как теперь выяснилось, постоянно и с горечью писал инквизиции против Галилея, заявляет Кастелли о величайшем восхищении гением Галилея и искреннем желании узнать больше о его открытиях. Это не удается, архиепископ наконец сбрасывает маску и прибегает к открытой атаке.

Вся борьба за сокрушение Галилея и его спасение была бы забавной, если бы она не была так чревата злом. Были интриги и контринтриги, заговоры и контрзаговоры, ложь и шпионаж; и в самой гуще этой бурлящей, ссорящейся, кричащей массы священников, епископов, архиепископов и кардиналов появились два папы, Павел V и Урбан VIII. Весьма показательно видеть в этом кризисе Церкви, у могилы князя апостолов, накануне величайших ошибок в церковной политике, которые когда-либо знал мир, во всех интригах и обсуждениях этих посвященных лидеров Церкви, не больше свидетельств руководства или присутствия Святого Духа, чем на собрании нью-йоркских политиков в Таммани-холле.

Но противостоящие силы были слишком сильны. В 1615 году Галилей предстал перед римской инквизицией, и шахта, которую так долго готовили, была открыта. Различным теологам инквизиции было приказано изучить два положения, которые были извлечены из писем Галилея о солнечных пятнах, они серьезно рассматривали эти пункты в течение примерно месяца и вынесли свое единодушное решение следующим образом: "ПЕРВОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО СОЛНЦЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРОМ И НЕ ВРАЩАЕТСЯ ВОКРУГ ЗЕМЛИ, ГЛУПО, АБСУРДНО, ЛОЖНО С БОГОСЛОВСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ЕРЕТИЧНО, ПОСКОЛЬКУ ЯВНО ПРОТИВОРЕЧИТ

СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ"; и "ВТОРОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО ЗЕМЛЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРОМ, НО ВРАЩАЕТСЯ ВОКРУГ СОЛНЦА, АБСУРДНО, ЛОЖНО С ФИЛОСОФСКОЙ И, С ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, НЕВЕРНО". ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ПРОТИВОСТОЯЩИЙ ИСТИННОЙ ВЕРЕ.

Теперь снова вмешался сам папа Павел V: он приказал, чтобы Галилей предстал перед инквизицией. Затем величайший ученый того века столкнулся лицом к лицу с величайшим теологом — Галилею противостоял Беллармин. Беллармин показывает Галилею ошибочность его мнения и приказывает ему отказаться от него. Де Лауда, подкрепленный письмом от папы римского, отдает приказ поместить астронома в застенки инквизиции, если он откажется сдаться. Теперь Беллармин приказывает Галилею "от имени Его Святейшества Папы Римского и всей Конгрегации Святой Канцелярии полностью отказаться от мнения, что солнце является центром мира и неподвижно, а земля движется, и впредь не придерживаться его, не учить и не защищать каким-либо образом, устно или письменно". Галилей соглашается с этим предписанием и обещает подчиняться.(61)

(61) Я знаю, что теория, предложенная Воуиллом и развитая Геблером, отрицает, что это обещание когда-либо давалось Галилеем, и утверждает, что этот отрывок был подделкой, изобретенной позже церковными правителями для оправдания разбирательств 1632 и 1644 годов. Это ухудшило бы поведение Церкви, но столь выдающиеся власти считают обвинение недоказанным. Тщательное изучение документов, по-видимому, опровергает это.

Это было 26 февраля 1616 года. Примерно через две недели Конгрегация Индекса, перенесенная туда, как показывают письма и документы, которые теперь стали известны, папой Павлом V, торжественно вынесла постановление о том, что "УЧЕНИЕ О ДВОЙНОМ ДВИЖЕНИИ ЗЕМЛИ ВОКРУГ СВОЕЙ ОСИ И ВОКРУГ СОЛНЦА ЯВЛЯЕТСЯ ЛОЖНЫМ И ПОЛНОСТЬЮ ПРОТИВОРЕЧИТ СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ"; и что этому мнению нельзя ни учить, ни отстаивать. Тем же указом были осуждены все труды Коперника и "ВСЕ ТРУДЫ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ". Великая работа Коперника была запрещена до тех пор, пока она не будет исправлена в соответствии со взглядами инквизиции; и работы Галилея и Кеплера, хотя в то время и не упоминались поименно, были включены в число тех, которые косвенно осуждались как "подтверждающие движение земли".

Осуждения были занесены в Указатель; и, наконец, папство взяло на себя обязательство быть непогрешимым судьей и учителем мира, приложив к Указателю обычную папскую буллу, дающую своим указаниям самую торжественную папскую санкцию. Преподавать или даже читать осужденные работы или отрывки из них означало рисковать преследованиями в этом мире и проклятием в следующем. Наука, очевидно, проиграла решающую битву.

Некоторое время после этого судебного решения Галилей оставался в Риме, очевидно, надеясь найти какой-то выход из создавшегося положения; но вскоре он обнаружил пустоту протестов, обращенных к нему духовенством, и, будучи отозван во Флоренцию, оставался в своем уединенном убежище недалеко от города в тишине, действительно, упорно работая, но ничего не публикуя, за исключением частных писем друзьям в различные части Европы.

Но, наконец, перед ним, казалось, открылась лучшая перспектива. Кардинал Барберини, который казался либеральным и дружелюбным, стал папой под именем Урбан VIII. Галилей при

этом зародил новые надежды и позволил заявить о своей неизменной приверженности системе Коперника. Последовали новые неприятности. Галилея заставили снова посетить Рим, и папа Урбан попытался заставить его замолчать, лично взяв на себя труд аргументированно показать ему его ошибки. Другие оппоненты были менее тактичны, поскольку появились работы, критикующие его идеи, — работы тем более недостойные мужчины, поскольку их авторы знали, что Галилея силой удерживали от самозащиты. Затем, словно для того, чтобы накопить доказательства непригодности Церкви для проведения углубленного обучения, у него отобрали жалование профессора Пизанского университета, и начались подрывные работы. Точно так же, как архиепископ Пизы несколько лет назад пытался предать его инквизиции сладкими речами, так и теперь отец Грасси попытался это сделать и, после различных попыток привлечь его лестью, внезапно осудил его научные идеи как "ведущие к отрицанию Реального Присутствия в Евхаристии".

Для последней атаки на него, наконец, был выдвинут парк тяжелой артиллерии. Это можно увидеть на всех научных полях сражений. Оно состоит во всеобщем осуждении; и в 1631 году отец Мельхиор Инчофер из ордена иезуитов направил свою артиллерию против Галилея со следующим заявлением: "Мнение о движении земли является из всех ересей самой отвратительной, самой пагубной, самой скандальной; неподвижность земли трижды священна; аргументы против бессмертия души, существования Бога и воплощения следует принять скорее, чем аргументы, доказывающие, что земля движется". С другого конца Европы донеслось мощное эхо.

В тени кафедрального собора Антверпена известный богослов Фромундус опубликовал свой знаменитый трактат "Ант-Аристархий". Сам его титульный лист был презрительным оскорблением памяти Коперника, поскольку в нем выставлялось напоказ предположение, что новая истина была всего лишь опровергнутой теорией языческого астронома. Фромундус заявляет, что "священное Писание борется против коперниканцев". Чтобы доказать, что солнце вращается вокруг земли, он цитирует отрывок из Псалмов, в котором говорится о солнце, "которое выходит как жених из чертога своего". Чтобы доказать, что земля стоит на месте, он цитирует отрывок из Экклезиаста: "Земля стоит крепко вовеки". Чтобы показать полную тщетность теории Коперника, он заявляет, что, если бы это было правдой, "ветер постоянно дул бы с востока"; и что "здания и сама земля улетали бы с такой скоростью, что людям пришлось бы обзавестись когтями, подобными кошачьим, чтобы они могли крепко держаться за земную поверхность". Величайшее оружие из всех, он создает, используя Аристотеля и святого Фому Аквинского, доказательство из богословия и науки вместе взятых, что земля ДОЛЖНА находиться в центре и что солнце ДОЛЖНО вращаться вокруг нее. (62) Не только фанатики выступали против истины, открытой Коперником; такие сильные люди, как Жан Боден во Франции и сэр Томас Браун в Англии, выступили против нее как явно противоречащей Священному Писанию.

(62) О нападках отца Инчофера см. в его Силлептическом трактате, цитируемом в письме Галилея Деодати от 28 июля 1634 г. О более известной атаке Фромунда см. его "Ант-Аристарх", уже цитировавшуюся, *passim*, но особенно заголовок главы. vi, и аргументация в главах x и xi. Копию этой работы можно найти в библиотеке Астора в Нью-Йорке, а другую - в библиотеке Уайта Корнельского университета. Для получения интересных ссылок на один из аргументов Фромундуса, показывающий с помощью смеси

математики и теологии, что земля является центром вселенной, см. Кетле, "История математических и физических наук", Брюссель, 1864, стр. 170; также Мадлер, "История астрономии", том i, стр. 274. О несогласии Бодина с теорией Коперника см. Халлам, Европейская литература; также Леки. Что касается сэра Томаса Брауна, см. Его "Вульгарные и распространенные ошибки", книга iv, глава ii. v; а что касается истинной причины его неверия в точку зрения Коперника, см. Предисловие доктора Джонсона к "Жизни Брауна", том i, стр. xix, его собрания сочинений.

IV. ПОБЕДА ЦЕРКВИ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

В то время как новости о победоносных нападениях на него и на истину, которую он установил, поступали со всех концов Европы, Галилей подготовил подробный трактат в форме диалога, в котором приводил аргументы за и против систем Коперника и Птолемея и предлагал подчиниться любым условиям, которые могут быть выдвинуты церковными трибуналами, если они позволят его напечатать. Наконец, после обсуждений, длившихся восемь лет, они согласились, выдвинув унизительное условие — предисловие, написанное в соответствии с идеями отца Риккарди, магистра Священного Дворца, и подписанное Галилеем, в котором теория Коперника была фактически представлена как игра воображения, а вовсе не как противоположность доктрине Птолемея, подтвержденной в 1616 году инквизицией под руководством папы Павла V.

Эта новая работа Галилея - "Диалог" - появилась в 1632 году и имела потрясающий успех. Это дало новое оружие в руки сторонников теории Коперника. Над благочестивым предисловием смеялись от одного конца Европы до другого. Это взбодрило врага; иезуиты, доминиканцы и подавляющее большинство духовенства возобновили атаку с еще большей яростью, чем когда-либо, и среди них стоял папа Урбан VIII, самый ожесточенный из всех. Теперь вся его мощь была брошена против Галилея. Он был тронут по двум причинам: во-первых, из-за своего личного тщеславия, поскольку Галилей вложил аргументы Папы в уста одного из участников диалога, а их опровержение - в уста другого; но, прежде всего, он был тронут в своих религиозных чувствах. Снова и снова Его Святейшество настаивал перед всеми желающими на абсолютных и конкретных утверждениях Священного Писания, которые доказывают, что солнце и небесные тела вращаются вокруг земли, и заявлял, что оспаривать их - значит просто оспаривать откровение. Конечно, если один священнослужитель больше, чем другой, когда-либо казался НЕ находящимся под опекой Духа Истины, то это был Урбан VIII во всем этом вопросе.

Это было одно из величайших несчастий, когда-либо выпадавших на долю старой Церкви. Если бы папа Урбан обладал широтой взглядов и терпимостью, как Бенедикт XIV, или если бы невзгоды научили его умеренности, как Пия VII, или если бы он обладал выдающимися

научными качествами Льва XIII, ныне правящего, грандиозный скандал с делом Галилея никогда не стал бы бременем для Церкви: вместо того, чтобы придумывать бесконечные придирки и специальные ходатайства, чтобы избежать ответственности за эту колоссальную ошибку, его защитники могли бы навсегда присвоить Церкви славу бесстрашного начала великой эпохи в человеческой мысли.

Но этому не суждено было сбыться. Урбан был не просто папой; он также был принцем дома Барберини и поэтому вдвойне разгневан тем, что его аргументы были публично опровергнуты.

Первоначальная стратегия врагов Галилея заключалась в том, чтобы запретить продажу его работы; но вскоре выяснилось, что это бесполезно, поскольку первое издание уже распространилось по всей Европе. Теперь Урбан разозлился еще больше, чем когда-либо, и Галилей, и его работы были переданы в руки инквизиции. Напрасно добрый бенедиктинец Кастелли убеждал Галилея в полном уважении к Церкви; напрасно он настаивал на том, что "ничто из того, что можно сделать, теперь не может помешать вращению земли". Он был с позором уволен, и Галилей был вынужден предстать перед страшным трибуналом без защитника или советника. Там, как это так долго скрывалось, но как теперь полностью раскрыто, ему снова и снова угрожали пытками по прямому приказу папы Урбана, и, как также полностью установлено из самих судебных документов, он был вынужден отречься от престола под угрозами и подвергнут тюремному заключению по приказу папы; инквизиция во всем этом полагалась на папскую власть. Вся долгая серия попыток, предпринятых в предполагаемых интересах Церкви, мистифицировать эти сделки, в конце концов, потерпели неудачу. Теперь мир знает, что Галилей, несомненно, подвергался унижению, тюремному заключению и угрозам, эквивалентным пыткам, и, наконец, был вынужден публично и на коленях заявить о своем отречении следующим образом:

"Я, Галилей, находясь на семидесятом году жизни, будучи пленником и стоя на коленях перед вашими Преосвященствами, имея перед глазами Святое Евангелие, к которому прикасаюсь руками, отрекаюсь, проклиная и ненавижу ошибку и ересь движения земли".(63)

(63) О различных высказываниях папы Урбана против теории Коперника того периода см. Выдержки из оригинальных документов, предоставленных Геблером. О наказании тех, кто проявил некоторую благосклонность к Галилею, см. Различные цитаты, и особенно те, что взяты из Ватиканской рукописи, Геблер, стр. 216. Что касается текста отречения, см. L'Epinois; также Polacco, *Anticopernicus* и др., Венеция, 1644; а для обсуждения его публикации см. Favaro, *Miscellanea Galileana*, стр. 804.

Маловероятно, что к

Галилею применялись пытки в обычном смысле этого слова, хотя ему и угрожали. Смотрите у Т. Мартина, "Жизнь Галилея", справедливое изложение дела.

Он действительно был побежден, ибо был вынужден перед лицом всех грядущих эпох лжесвидетельствовать о себе. В довершение своего бесчестия он был вынужден поклясться, что донесет инквизиции на любого другого ученого, который, как он обнаружит, поддерживает "ересь движения земли".

Многие удивлялись этому отречению и из-за него отказали Галилею в звании мученика. Но пусть такие скептики рассмотрят обстоятельства. Вот старик, достигший положенных шестидесяти десяти лет, сломленный разочарованиями, измученный трудами и заботами, притащенный из Флоренции в Рим под угрозой самого папы, что, если он промедлит, его "приведут в цепях"; больной телом и умом, выданный своим угнетателям великим герцогом, который должен был бы защищать его, и по прибытии в Рим ему угрожали пытками. Что такое инквизиция, он хорошо знал. Он помнил, как только что вчера в этом же городе сожгли Джордано Бруно за научную и философскую ересь; он помнил также, что всего за восемь лет до этого самого времени Де Доминис, архиепископ Спалатро, был схвачен инквизицией за научную и прочую ересь, умер в темнице, и что его тело и его труды были публично сожжены.

До конца его жизни — нет, после того, как его жизнь оборвалась, — преследование Галилея продолжалось. Его держали в изгнании вдали от семьи, от друзей, от благородных занятий, и он строго придерживался своего обещания не говорить о своей теории. Когда в разгар сильных телесных страданий от болезни и душевных страданий из-за несчастий в своей семье он попросил немного свободы, ему пригрозили заключить в темницу. Когда, наконец, специальная комиссия доложила церковным властям, что он ослеп и истощен болезнью и горем, ему было позволено немного больше свободы, но этой малости препятствовало тщательное наблюдение. Он был вынужден молча сносить презрительные нападки на себя и на свои работы; видеть, как люди, которые были его друзьями, сурово наказаны; отец Кастелли изгнан; Риккарди, хозяин Священного Дворца, и Чамполи, папский секретарь, смещены со своих постов папой Урбаном, а инквизитор Флоренции получил выговор за то, что дал разрешение напечатать работу Галилея. Он дожил до того, что истины, которые он установил, были тщательно изъяты из всех церковных колледжей и университетов Европы; и когда в научной работе о нем случайно заговорили как о "знаменитом", инквизиция приказала заменить слово "печально известным".(64)

(64) О замене слова "печально известный" на "известный" в приказе инквизиции см. Мартин, стр.227.

И теперь были приняты меры, чтобы завершить разрушение теории Коперника вместе с ее доказательствами Галилея. 16 июня 1633 года Святая Конгрегация с разрешения правящего папы распорядилась разослать приговор Галилею и его отречение всем папским нунциям по всей Европе, а также всем архиепископам, епископам и инквизиторам в Италии, и в этом документе содержался приказ о том, чтобы приговор и отречение были доведены до сведения "ваших викариев, чтобы вы и все профессора философии и математики могли ознакомиться с этим, чтобы они могли знать, почему мы действовали против указанного Галилея, и признали серьезность его ошибки, для того чтобы они могут избежать этого и, таким образом, не понести наказания, которое им пришлось бы понести, если бы они впали в то же самое".(65)

(65) Копию этого документа см. в Gebler, стр. 269. Что касается распространения этого и подобных документов, уведомляющих Европу об осуждении Галилея, см. Фаваро, стр. 804, 805.

Как следствие, были собраны специалисты по математике и астрономии в различных университетах Европы, и им были зачитаны эти документы. Теологическим властям это доставило большое удовлетворение. Ректор Университета Дуэ, ссылаясь на мнение Галилея, написал папскому нунцию в Брюсселе: "Профессора нашего университета настолько настроены против этого фанатичного мнения, что они всегда считали, что оно должно быть изгнано из школ. В нашем английском колледже в Дуэ этот парадокс никогда не был одобрен и никогда не будет одобрен".

Был сделан еще один шаг: инквизиторам было приказано, особенно в Италии, не разрешать публикацию нового издания ни одной из работ Галилея, или любых подобных сочинений. С другой стороны, теперь, когда Копернику, Галилею и Кеплеру заставили замолчать, теологов призвали ответить им языком и пером. Европа была наводнена этими теологическими опровержениями системы Коперника.

Для полноты картины к Церковному указателю, запрещающему "все писания, подтверждающие движение земли", была приложена булла, подписанная правящим папой, которая, в силу его непогрешимости как божественно направленного учителя в вопросах веры и морали, закрепила это осуждение в сознании всего христианского мира.

Из массы книг, появившихся под эгидой Церкви сразу после осуждения Галилея с целью искоренения всех остатков ненавистной теории Коперника в сознании мира, две можно считать типичными. Первой из них была работа Сципио Кьярамонти, посвященная кардиналу Барберини. Среди его аргументов против двойного движения земли можно привести следующие:

"У животных, которые двигаются, есть конечности и мышцы; у земли нет ни конечностей, ни мышц, поэтому она не движется. Именно ангелы заставляют вращаться Сатурн, Юпитер, солнце и т.д. Если земля вращается, в центре ее также должен быть ангел, приводящий ее в движение; но там живут только дьяволы; следовательно, именно дьявол мог бы придать земле движение

"Планеты, солнце, неподвижные звезды — все принадлежат к одному виду, а именно к виду звезд. Поэтому представляется вопиющей ошибкой помещать землю, которая является вместилищем нечистот, среди этих небесных тел, которые являются чистыми и божественными объектами".

Следующая, которую я выбираю из массы подобных работ, - "Anticopernicus Catholicus" из Полакко. Предполагалось нанести завершающий удар по ереси Галилея. В этом объявлено:

"Писание всегда представляет землю как находящуюся в покое, а солнце и луну - как находящиеся в движении; или, если эти последние тела когда-либо изображаются как находящиеся в покое, Писание представляет это как результат великого чуда

"Эти писания должны быть запрещены, потому что они учат определенным принципам о положении и движении земного шара, противоречащим Священному Писанию и католическому толкованию его, не как гипотезы, а как установленные факты"

Говоря о книге Галилея, Полакко говорит, что она "отдавала коперниканством" и что, "когда это было показано инквизиции, Галилей был брошен в тюрьму и вынужден был полностью отречься от низости этой ошибочной догмы".

Что касается авторитета кардиналов в их указе, Полакко утверждает, что, поскольку они являются "Советом папы" и его "братьями", их работа едина, за исключением того, что папа удостоен особого божественного просвещения.

Показав, что авторитет Священного Писания, пап и кардиналов противоречит новой астрономии, он приводит опровержение, основанное на физике. Он спрашивает: "Если мы допускаем движение земли, то почему стрела, выпущенная в воздух, возвращается на то же место, в то время как земля и все, что на ней находится, тем временем очень быстро перемещается на восток? Кто не видит, что это предложение приведет к большой путанице?"

Далее он приводит следующие аргументы из метафизики: "Теория Коперника о движении земли противоречит природе самой земли, потому что земля не только холодная, но и содержит в себе принцип холода; но холод противостоит движению и даже разрушает его — как это очевидно на примере животных, которые становятся неподвижными, когда им становится холодно".

Наконец, он завершает все это следующим богословским рассуждением: "Поскольку из Священного Писания определенно можно сделать вывод, что небеса движутся над землей, и поскольку круговое движение требует чего-то неподвижного, вокруг чего можно двигаться, ... земля находится в центре вселенной".(66)

(66) Книгу Кьярамонти и приведенные подборки смотрите в Gebler, как указано выше, стр. 271. Что касается Полакко, смотрите его цитируемые работы, особенно *Assertiones i, ii, vii, xi, xiii, lxxiii, clccvii* и другие. Работа находится в библиотеке Уайта Корнельского университета. Ее дата - 1644 год.

Но любой очерк борьбы между теологией и наукой в этой области был бы неполным без некоторой ссылки на обращение с Галилеем после его смерти. Он просил похоронить его в своей семейной усыпальнице в Санта-Кроче; эта просьба была отклонена. Его друзья хотели воздвигнуть над ним памятник; в этом тоже было отказано. Папа Урбан сказал послу Никколини, что "было бы дурным примером для всего мира, если бы такие почести были оказаны человеку, который предстал перед Римской инквизицией за столь ложное мнение; который сообщил его многим другим и который вызвал такой большой скандал в христианском мире". Таким образом, в соответствии с желанием папы и приказами инквизиции Галилей был похоронен позорно, отдельно от своей семьи, без подобающей церемонии, без памятника, без эпитафии. Только сорок лет спустя Пьерроцци осмелился написать надпись, которую поместили над его костями; только сто лет спустя Нелли осмелилась перенести его останки в подходящее место в Санта-Кроче и воздвигнуть над ними памятник. Уже тогда вспыхнула старая сознательная вражда: инквизицию умоляли не допускать подобных почестей "человеку, осужденному за заведомые ошибки"; и этот трибунал отказался разрешить поместить над ним какую-либо эпитафию, которая не была передана его цензуре. Эта старая добросовестная последовательность в ненависти до сих пор не ослабла полностью: с тех пор едва ли не целое поколение не видело, чтобы какие-нибудь священнослужители, такие как Марини, или Де Бональд, или Ралле, или Де Габриак, скрывали свидетельства, или искажали выражения, или изобретали теории, чтобы очернить память Галилея и спасти репутацию Церкви. Более того: существуют широко используемые школьные учебники истории, которые в предполагаемых интересах Церкви самым грубым образом искажают все те операции, в которых был замешан Галилей. *Sancta simplicitas!* У Церкви нет худших врагов, чем те, кто придумывает и учит этим извращениям. В

конечном счете они просто вытравляют из умов наиболее вдумчивых ученых уважение к великой организации, которой, как предполагается, должны служить такие труды.(67)

(67) О преследованиях памяти Галилея после его смерти см. Геблера и Воуилла, но особенно Т. Мартина, стр. 243 и гл. ix и x. Документальные доказательства см. в L'Epiniois. С подборкой клеветнических теорий, выдвинутых против Галилея, можно ознакомиться в "Мартине", заключительных главах и приложении. Оба этих автора преданы Церкви, но, в отличие от монсеньора Марини, слишком честны, чтобы прибегать к благочестивому мошенничеству, заключающемуся в сокрытии документов или интерполяции вымышленных фактов.

Протестантская церковь была едва ли менее энергична против этой новой астрономии, чем Церковь-мать. Священная наука первых лютеранских реформаторов была передана как драгоценное наследие, и в следующем столетии Каловий уделял ей большое внимание. Его большая образованность и решительная ортодоксальность обеспечили ему лидерство в лютеранстве. Категорически отказываясь смотреть на установленные факты, он ссылаясь на поворот тени на циферблате царя Езекии вспять и остановку солнца для Иисуса Навина, отрицал движение земли и осудил весь новый взгляд как явно противоречащий Писанию. По сей день его аргументы повторяют различные ортодоксальные лидеры американского лютеранства.

Что касается других ветвей Реформатской церкви, мы уже видели, как кальвинисты, англикане и, более того, протестантские сектанты в целом выступали против новой истины.(68)

(68) О Хлодвиге см. Цоклер, "История", том i, стр. 684 и 763. О Кальвине и Турретине см. Шилдс, "Последняя философия", стр. 60, 61.

В Англии, среди строгих церковников, великий доктор Саут осудил Королевское общество как "нерелигиозное", а среди пуритан выдающийся Джон Оуэн заявил, что открытия Ньютона были "основаны на подверженных ошибкам явлениях и выдвигались многими произвольными предположениями вопреки очевидным свидетельствам Священного Писания". Даже Милтон, кажется, колебался между этими двумя системами. В начале восьмой книги "Потерянного рая" он заставляет Адама изложить трудности системы Птолемея, а затем выводит ангела для обычных ортодоксальных ответов. Позже Мильтон, по-видимому, склоняется к теории Коперника, поскольку, имея в виду землю, он говорит:

"Или она с запада своим тихим курсом продвигается Вперед безобидным шагом, это прядение спит На своей мягкой оси, в то время как она обращена ровно И мягко несет тебя вместе с ровным воздухом вперед".

Английское православие продолжало утверждать себя. В 1724 году Джон Хатчинсон, профессор Кембриджа, опубликовал свои "Принципы Моисея", философскую систему, в которой он стремился построить полную физическую систему Вселенной на основе Библии. В этом он подверг ньютоновскую теорию критике как "атеистическую" и положил начало аналогичным нападкам со стороны таких церковных учителей, как Хорн, Дункан Форбс и Джонс из Найланда.

Но некто гораздо более великий, чем они, придерживался этой точки зрения. То же самое ограничение своего разума простыми утверждениями Священного Писания, которое побудило Джона Уэсли заявить, что "если не истинно колдовство, то ничто в Библии не истинно", побудило его, отказавшись от теории Птолемея и приняв в целом коперниковскую теорию, заподозрить доказательства Ньютона. К счастью, врожденное благородство характера подняло его над любой горечью, духом преследования или любым навязыванием доктринальных тестов, которые могли помешать тем, кто пришел после него, найти свой путь к истине.

Но посреди этого огромного пространства теологических ошибок начали появляться признаки истинного разума, как в Англии, так и в Америке. Примечательно, что Коттон Мазер, каким бы горьким ни было его ортодоксальное отношение к колдовству, в 1721 году полностью принял современную астрономию со всеми вытекающими последствиями.

В следующем году появилось еще более поразительное свидетельство того, что новые научные идеи пробивали себе дорогу в Англии. В 1722 году Томас Бернет опубликовал шестое издание своей Священной теории Земли. В этом он, как обычно, утверждает библейскую доктрину о стабильности земли; но в своем предисловии он звучит замечательное предупреждение. Он упоминает о великой ошибке, в которую впал св. Августин руководил Церковью в отношении учения об антиподах и говорит: "Если в течение нескольких лет или в следующем поколении окажется столь же несомненным и доказуемым, что земля движется, как это происходит сейчас, когда существуют антиподы, у тех, кто был ревностен против этого и вовлекал Писание в полемику, будет такая же причина раскаяться в своей прямоте, как у св. Августин сделал бы это сейчас, если бы был еще жив".

К счастью, протестантизм также не обладал такой силой, чтобы противостоять развитию идей Коперника, какой обладала более старая Церковь. И все же в его войне против науки были некоторые вещи, еще более неоправданные. В 1772 году знаменитая английская экспедиция за научными открытиями отплыла из Англии под командованием капитана Кука. Величайшим из всех научных авторитетов, избранных для участия в нем, был доктор Пристли. Сэр Джозеф Бэнкс специально пригласил его. Но вмешалось духовенство Оксфорда и Кембриджа. Пристли считали нездоровым в его взглядах на Троицу; очевидно, подозревали, что это может свести на нет его астрономические наблюдения; он был отвергнут, и экспедиция потерпела крах.

Ортодоксальный взгляд на астрономию сохранился и в других ветвях протестантской церкви. В Германии даже Лейбниц критиковал ньютоновскую теорию тяготения на теологических основаниях, хотя и находил некоторое утешение в мысли, что ее можно использовать для поддержки лютеранской доктрины единосущия.

В Голландии кальвинистская церковь поначалу яростно выступала против всей новой системы, но у нас есть забавное доказательство того, что кальвинизм даже в своих цитаделях был бессилен против нее; ибо в 1642 году Блэр опубликовал в Амстердаме свою книгу "Использование глобусов" и, на всякий случай, посвятил одну часть своего труда схеме Птолемея, а другую - схеме Коперника, предоставив благожелательному читателю самому выбирать.(69)

(69) Об отношении Лейбница, Хатчинсона и других названных ученых к ньютоновской теории см. Леки, "История Англии в восемнадцатом веке", глава ix. О Джоне Уэсли читайте в его "Сборнике

натуральной философии", представляющем собой обзор мудрости Божьей в творении, Лондон, 1784. См. также "Лесли Стивен, Восемнадцатый век", том ii, стр. 413. Что касается Оуэна, см. в его работах, том xix, стр. 310. С точкой зрения Коттона Мазера можно ознакомиться в "Христианском философе", Лондон, 1721, особенно на стр. 16 и

17. О случае Пристли см. Weld, History of the Royal Society, vol. ii, стр. 56, о фактах и замечательном письме Пристли по поводу этого отказа. О Блере читайте в его журнале "Использование глобусов", Амстердам, 1642 год.

В наши последние дни также не было недостатка в усилиях по возобновлению борьбы в протестантской церкви. Попытка Англиканской церкви в 1864 году сковать науку, которая была выставлена на посмешище Гершелем, Боурингом и Де Морганом; собрание лютеранского духовенства в Берлине в 1868 году в знак протеста против "ложно называемой науки", являются примерами этого. К счастью, к последнему пришел пастор Кнак, и его разоблачения теории Коперника как абсолютно несовместимой с верой в Библию превратили все собрание в посмешище.

В своих недавних исследованиях современной астрономии мудрость католической церкви в более цивилизованных странах не позволила ей впасть в некоторые поразительные ошибки, в которые по неосторожности впала одна часть протестантской Церкви.

Хотя различные лидеры старой Церкви совершили абсурдную ошибку, допустив появление учебника и различных обзорных статей, которые грубо искажают эпизод с Галилеем, с уверенностью, что в конечном итоге подрвет доверие к ее учению среди ее более вдумчивых молодых людей, она воздержалась от глупости продолжать связывать свои наставления и принятие наших священных книг с принятием теории Птолемея.

Не так обстоит дело с американским лютеранством. В 1873 году в Сент-Луисе, в издательстве Лютеранского синода Миссури, была опубликована работа под названием "Астрономические исследования", автор которой был хорошо известен как покойный президент лютеранской учительской семинарии.

Никакая атака на всю современную систему астрономии не могла бы быть более ожесточенной. На первой странице введения автор, изложив две теории, спрашивает: "Какая из них правильная?" и говорит: "Для меня было бы очень просто, какая правильная, если бы это был только вопрос человеческого значения. Но мудрый и правдивый Бог выразил себя по этому поводу в Библии. Все Священное Писание решает вопрос о том, что земля является главным телом (Hauptkorper) Вселенной, что она стоит неподвижно, и что солнце и луна служат только для того, чтобы освещать ее".

Затем автор продолжает показывать на примере Священного Писания безумие не только Коперника и Ньютона, но и длинной череды великих астрономов более позднего времени. Он заявляет: "Пусть никто не поймет, что я сначала интересуюсь, где искать истину — в Библии или у астрономов. Нет, я знаю это заранее — что мой Бог никогда не лжет, никогда не совершает ошибок; из его уст исходит только истина, когда он говорит об устройстве Вселенной, о земле, солнце, луне и звездах...."

"Поскольку в этом замешана истина Священного Писания, поэтому вышеприведенный вопрос имеет для меня первостепенное значение.... Ученые и другие полагаются на жалкую трость (Rohrstab), согласно которой Бог учит только порядку спасения, но не порядку вселенной".

Весьма примечателен тот факт, что этот поздний пережиток древней веры, основанной на поклонении текстам, обнаруживается не в учениях какого-либо ревностного священника матери-Церкви, а в учениях выдающегося профессора той ветви протестантизма, которая претендует на особую просвещенность.(70)

(70) Забавные подробности попытки Английской церкви подавить науку и о том, как это было встречено, см. в Де Морган, Парадоксы, стр. 42. О пасторе Кнаке и его единомышленниках см. в "Ревю двух монд", 1868. Of the recent Lutheran works against the Copernican astronomy, see especially *Astronomische Unterredung zwischen einem Liebhaber der Astronomie und mehreren berühmten Astronomern der Neuzeit*, by J. C. W. L., St. Louis, 1873.

И война против мертвых поборников науки велась не только старой Церковью.

10 мая 1859 года был похоронен Александр фон Гумбольдт. Его труды были одними из самых прославленных в столетии, и его похороны были одними из самых впечатляющих, которые когда-либо видел Берлин. Среди тех, кто почтил себя своим присутствием, был принц-регент, впоследствии император Вильгельм I; но из духовенства, как было замечено, не присутствовал никто, кроме исполняющего обязанности священника и нескольких человек, считавшихся неортодоксальными.(71)

(71) См. Брунс и Лассель, "Жизнь Гумбольдта", Лондон, 1873, том. ii, стр. 411.

V. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОБЕДЫ Над ГАЛИЛЕЕМ.

Теперь мы возвращаемся к продолжению дела Галилея.

Одержав победу над Галилеем, живым и мертвым, воспользовавшись этим, чтобы запугать профессоров астрономии по всей Европе, добросовестные церковники ликовали. Они громко радовались тому, что "ересь", "неверие" и "атеизм", связанные с верой в то, что земля вращается вокруг своей оси и вращается вокруг солнца, были сокрушены великим трибуналом Церкви, действовавшим в строгом повиновении выраженной воле одного Папы и письменному приказу другого. Как мы видели, все книги, проповедующие эту ненавистную веру, были

внесены в Список книг, запрещенных для христиан, и этому Списку предшествовала булла, возлагающая это осуждение на совесть верующих по всему миру и подписанная правящим папой.

Потери, понесенные миром во время этого полного триумфа теологии, были даже более серьезными, чем кажется на первый взгляд: об одном следует упомянуть особо. В то время в Европе жил один из величайших мыслителей, когда-либо данных человечеству, — Рене Декарт. Какими бы ошибочными ни были многие из его рассуждений, они приносили богатые плоды истины. Он уже проделал огромную работу. Его теория вихрей — предполагающая однородный материал, регулируемый физическими законами, — как начало видимой вселенной, хотя это была всего лишь предварительная гипотеза, положила конец всей старой теории небес со сводчатым сводом и направлением движения планет ангелами, что допускал даже Кеплер. Воины-ученые пробудили в нем новую жизнь, и он перерабатывал и обобщал в своем могучем уме все исследования своего времени. Результат мог бы стать эпохой в истории. Его целью было объединить все знания и мысли в Трактат о мире, и ввиду этого он посвятил одиннадцать лет изучению только анатомии. Но судьба Галилея лишила его всякой надежды, всякого мужества; битва казалась проигранной; он навсегда отказался от своего великого плана.(72)

(72) Обескураженности Декарта см. Гумбольдт, "Космос", Лондон, 1851, том iii, стр. 21; также Ланге, "Книга о материализме", английский перевод, том i, стр. 248, 249, где приведены письма Декарта, показывающие его отчаяние и отказ от своих лучших мыслей и работ ради сохранения мира с Церковью; также Саиссет, Декарт и его предшественники, стр. 100 и далее.; также Веселый, История интеллектуального движения в XVI веке, том i, стр. 390.

Но вскоре стало ясно, что этот триумф Церкви на самом деле был сокрушительным поражением. Со всех сторон поступали доказательства того, что Коперник и Галилей были правы; и хотя папа Урбан и инквизиция держали Галилея в строгом уединении, запрещая ему даже ГОВОРИТЬ о двойном движении земли; и хотя это осуждение "всех книг, подтверждающих движение земли", было занесено в Указатель; и хотя папская булла по—прежнему возлагала Указатель и содержащиеся в нем осуждения на совесть верующих; и хотя колледжи и университеты, находящиеся под контролем Церкви, были вынуждены преподавать старую доктрину, - трезвомыслящие люди повсюду видели, что эта победа теории движения Земли была Церковь стала катастрофой для победителей.

Новые чемпионы продвигались вперед. Кампанелла, несмотря на свои причуды, написал свою Апологию Галилея, хотя за эту и другие ереси, религиозные и политические, он семь раз подвергался пыткам.

И приходит Кеплер: он ведет науку к еще большим победам. Коперник, каким бы великим он ни был, не смог полностью отделить научное рассуждение от теологического уклона: доктрины Аристотеля и Фомы Аквинского о необходимом превосходстве круга исказили второстепенные черты его системы и оставили в ней бреши, через которые враг не замедлил проникнуть; но Кеплер видит эти ошибки, и благодаря удивительному гению и энергии он дает миру три закона, носящие его имя, и эта крепость науки завершена. Он думает и говорит как вдохновленный человек. Его битва сурова. Протестантская консистория Штутгарта торжественно

предупреждает его "не вносить беспорядок в царство Христа своими глупыми фантазиями" и столь же торжественно предписывает "привести свою теорию мира в соответствие с Писанием": его иногда оскорбляют, иногда высмеивают, иногда сажают в тюрьму. Протестанты в Штирии и Вюртемберге, католики в Австрии и Богемии давят на него, но Ньютон, Галлей, Брэдли и другие великие астрономы следуют за ним, и победа остается за наукой.(73)

(73) О Кампанелле см. Amabile, Фра Томмазо Кампанелла, Неаполь, 1882, особенно том iii; также Libri, том. iv, стр. 149 и далее. Фромундус, говоря об объяснении Кеплера, говорит: "Vix teneo ebullientem risum". Это почти то же самое, что "Нью-Йорк Черч Джорнэл", говоря о Джоне Стюарте Милле как об "этом маленьком ученом", а о предисловии к великому труду доктора Дрейпера как о "чипперинге". То, как журнал, обычно столь справедливый в своем отношении к подобным темам, может снисходительно относиться к подобному оружию, является одним из чудес современной журналистики. For the persecution of Kepler, see Heller, Geschichte der Physik, vol. i, pp. 281 et seq; also Reuschle, Kepler und die Astronomie, Frankfurt a. M., 1871, pp. 87 et seq. Есть поэтическая справедливость в том факте, что эти две последние названные книги написаны вюртембергскими профессорами. См. также "Нью-Инглендер" за март 1884 г., стр. 178.

Однако это не положило конец войне. В семнадцатом веке во Франции, после всех великолепных доказательств, добавленных Кеплером, никто не осмеливался открыто преподавать теорию Коперника, и Кассини, великий астроном, никогда не заявлял об этом. В 1672 году отец-иезуит Риччоли заявил, что существует ровно сорок девять аргументов в пользу теории Коперника и семьдесят семь - против нее. Даже после начала восемнадцатого века — спустя много времени после демонстраций сэра Исаака Ньютона — Боссюэ, великий епископ Мо, выдающийся теолог, которого когда-либо создавала Франция, заявил, что это противоречит Писанию.

В течение того столетия положение, по-видимому, также не улучшалось быстрыми темпами. В Англии Джон Хатчинсон, как мы видели, опубликовал в 1724 году свои "Принципы Моисея", утверждая, что еврейские Писания являются совершенной системой естественной философии и противостоят ньютоновской системе тяготения; и, как мы также видели, за ним последовал длинный список известных людей в Церкви. Во Франции два выдающихся математика опубликовали в 1748 году издание "Начал" Ньютона; но, чтобы избежать церковного порицания, они сочли своим долгом дополнить его утверждением, абсолютно ложным. Три года спустя Боскович, великий математик иезуитов, произнес следующие слова: "Что касается меня, то, преисполненный уважения к Священному Писанию и постановлению Святой инквизиции, я считаю землю неподвижной; тем не менее, для простоты объяснения я буду утверждать, что земля движется; ибо доказано, что из двух гипотез видимость благоприятствует этой идее".

В Германии, особенно в протестантской ее части, война была еще более ожесточенной и продолжалась всю первую половину XVIII века. Выдающиеся лютеранские доктора богословия наводнили страну трактатами, доказывающими, что теория Коперника не может быть

согласована с Писанием. В теологических семинариях и во многих университетах, где влияние клерикальных кругов было сильным, они, казалось, считали все перед собой; и все же в середине века мы находим некоторых из наиболее трезвомыслящих из них, осознающих тот факт, что их дело проиграно.(74)

(74) О позиции Кассини см. Анри Мартен, "История Франции", том xiii, стр. 175. О Риччоли см. Дауну, "Исторические этюды", том ii, стр. 439. О Буссуэ см. Бертран, стр. 41. О Хатчинсоне см. Лайелл, Принципы геологии, стр. 48. О Уэсли см. Его работу, которая уже цитировалась. Что касается Босковича, то его заявление, упомянутое в тексте, было сделано в 1746 году, но в 1785 году он, казалось, осознал свое положение с точки зрения истории и смиренно извинился; Бертран, стр. 60, 61. Смотрите также заметку Уэвелла о введении Ле Сюэра и Жакье к их изданию Principia Ньютона. For the struggle in Germany, see Zöckler, Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft, vol. ii, стр. 45 и далее.

В 1757 году, возможно, самый просвещенный из всей династии пап, Бенедикт XIV, занялся этим вопросом, и Конгрегация Индекса тайно позволила терпимо относиться к идеям Коперника. Однако в 1765 году Лаланд, великий французский астроном, тщетно пытался в Риме убедить власти исключить работы Галилея из Индекса. Даже в далеком девятнадцатом веке руководство многих университетов католической Европы, и особенно в Испании, исключало ньютоновскую систему. В 1771 году величайший из них, Университет Саламанки, которому было предложено преподавать физику, отказался, дав следующий ответ: "Ньютон не преподает ничего такого, из чего мог бы получиться хороший логик или метафизик; а Гассенди и Декарт не так хорошо согласуются с богооткровенной истиной, как Аристотель".

Мсть мертвым продолжается и в нашем веке. 5 мая 1829 года огромное множество людей собралось в Варшаве, чтобы почтить память Коперника и открыть его памятник Торвальдсена.

Коперник жил благочестивой христианской жизнью; его любили за ненавязчивое христианское милосердие; в его религиозных убеждениях никогда не было найдено ни одной ошибки; он был каноником церкви во Фрауенберге, и над его могилой была написана самая трогательная из христианских эпитафий. Естественно, тогда люди ожидали религиозной службы; все было подготовлено к ней; процессия направилась к церкви и стала ждать. Прошел час, а священник так и не появился; никого не удалось заставить появиться. Коперник, мягкий, милосердный, благочестивый, один из самых благородных даров Божьих как религии, так и науке, очевидно, все еще находился под запретом. Пять лет спустя его книга все еще стояла в Списке книг, запрещенных для христиан.

Издание Индекса, опубликованное в 1819 году, было столь же неумолимо по отношению к работам Коперника и Галилея, как и его предшественники; но в 1820 году наступил кризис. Каноник Сеттеле, профессор астрономии в Риме, написал элементарную книгу, в которой система Коперника воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Хозяин Священного Дворца Анфосси, как цензор прессы, отказался разрешить печатать книгу до тех пор, пока Сеттеле не пересмотрит свою работу и не отнесется к теории Коперника всего лишь как к гипотезе. По этому поводу Он обратился к папе Пию VII, и папа передал дело в Конгрегацию

Святой Канцелярии. Наконец, 16 августа 1820 года было решено, что Сеттеле может преподавать систему Коперника в том виде, в каком она была установлена, и это решение было одобрено папой римским. Это вызвало значительную дискуссию, но, наконец, 11 сентября 1822 года кардиналы Святой инквизиции милостиво согласились, что "печатание и публикация работ, касающихся движения земли и стабильности солнца, в соответствии с общим мнением современных астрономов, разрешены в Риме". Этот указ был ратифицирован Пием VII, но только тринадцать лет спустя, в 1835 году, было выпущено издание Индекса, из которого было исключено осуждение работ, защищающих двойное движение земли.

Это произошло не слишком быстро, поскольку, как будто предыдущих доказательств было недостаточно, каждое из движений земли теперь было абсолютно продемонстрировано заново, так что их мог распознать обычный наблюдатель. Параллакс неподвижных звезд, показанный Бесселем, а также другими известными астрономами в 1838 году, навсегда закрепил доктрину обращения земли вокруг Солнца, а в 1851 году великий эксперимент Фуко с маятником показал человеческому глазу, что земля движется вокруг своей оси. Для полноты картины этот эксперимент был публично проведен в одной из церквей Рима выдающимся астрономом отцом Секки из ордена иезуитов в 1852 году — всего через двести двадцать лет после того, как иезуиты так много сделали для осуждения Галилея.(75)

(75) Хорошие утверждения об окончательных действиях Церкви в этом вопросе см. у Геблера; также у Зеклера, ii, 352. См. также Бертран, *Фонды современной астрономии*, стр. 61; Фламарион, "Жизнь Коперника", глава ix. Что касается времени, когда указ об осуждении был отменен, предпринимались различные благочестивые попытки сделать это раньше, чем это произошло в реальности. Арто, стр. 307, цитируемый в апологетической статье в *Дублинском обзоре*, сентябрь 1865 г., говорит, что знаменитый диалог Галилея был опубликован в 1714 году в Падуе полностью и с обычными одобрениями. В той же статье также говорится, что в 1818 году церковные декреты были отменены Пием VII на полной Консистории. Уэвелл соглашается с этим; но Канту, авторитет, благоприятствующий Церкви, признает, что работа Коперника оставалась в Индексе еще в 1835 году (Cantu, *Histoire universelle*, vol. xv, стр. 483); и с этим согласен Т. Мартин, не менее благосклонный к Церкви, но чрезвычайно внимательный к фактам, и самый выдающийся авторитет из всех, проф. Дж. Reusch, of Bonn, in his *Der Index der verbotenen Bucher*, Bonn, 1885, vol. ii, стр. 396, подтверждает приведенное выше утверждение в тексте. Для четкого изложения изысканной демонстрации Брэдли теории Коперника с помощью рассуждений о скорости света и т.д., и демонстрации Фуко вращения земли с помощью эксперимента с маятником, см. Hoefer, *Histoire de l'Astronomie*, стр. 492 и далее. Более поздние доказательства теории Коперника, основанные на открытиях Бунзена, Бишоффа, Бензенберга, и других, см. в книге Джевонса "Принципы науки".

VI. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ ЕЕ ПОБЕДЫ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

Любая история победы астрономической науки над догматическим богословием была бы неполной без какого-либо отчета об отступлении Церкви от всех своих прежних позиций в деле Галилея.

Отступление протестантских теологов было несложным. Небольшого умелого искажения Священного Писания, небольшого умелого использования освященной веками фразы, приписываемой кардиналу Барониусу, о том, что Библия дана, чтобы учить нас не тому, как устроены небеса, а тому, как люди попадают на небеса, и свободного использования взрывной риторики против преследующей их армии ученых было достаточно.

Но в более старой Церкви это было гораздо сложнее. Отступление сакронаучной армии церковных апологетов продолжалось в течение двух столетий.

Несмотря на все, что было сказано этими апологетами, больше не остается и тени сомнения в том, что папская непогрешимость была полностью и бесповоротно направлена против двойного вращения земли. Как показывают документы суда над Галилеем, опубликованные в настоящее время, Павел V в 1616 году изо всех сил настаивал на осуждении Галилея, работ Коперника и всех других, учащих движению земли вокруг собственной оси и вокруг солнца. Точно так же в осуждении Галилея в 1633 году и во всех разбирательствах, которые привели к нему и которые последовали за ним, Урбан VIII был центральной фигурой. Без его санкции никакие действия не могли быть предприняты.

Правда, тогда папа официально не подписал указ против теории Коперника; но это произошло позже. В 1664 году Александр VII приложил к Указателю, содержащему осуждение трудов Коперника и Галилея и "всех книг, подтверждающих движение земли", папскую буллу, подписанную им самим, закрепляющую содержание Указателя на совести верующих. Эта булла в недвусмысленных выражениях окончательно, решительно и безошибочно подтвердила осуждение "всех книг, учащих движению земли и стабильности солнца". (76)

(76) См. преподобного Уильяма У. Робертса, "Папские указы против доктрины движения Земли", Лондон, 1885, стр. 94; а текст папской буллы "Speculatores domus Israel", стр. 132, 133, см. также статью святого Джорджа Майварта в журнале "Девятнадцатый век" за июль 1885 г. Подлинную публикацию буллы смотрите в предисловии к Указателю 1664 года, где появляется булла, подписанная папой римским. Преподобный мистер Робертс и мистер Сент-Джордж Майварт - католики, и оба признают, что папская санкция была дана полностью.

Таким образом, положение матери-Церкви стало особенно трудным; и первым важным шагом в отступлении апологетов было заявление о том, что Галилей был осужден не потому, что он

утверждал движение земли, а потому, что он подкреплял это Священным Писанием. В этом была небольшая доля правды. Несомненно, письма Галилея Кастелли и великой герцогине, в которых он пытался показать, что его астрономические доктрины не противоречат Священному Писанию, вызвали новый всплеск религиозного фанатизма. Таким образом, в течение значительного времени эта уловка служила своей цели; даже через сто пятьдесят лет после осуждения Галилея протестант Малле дю Пан возобновил ее в своем желании снискать расположение старой Церкви.

Но ничто не может быть более абсурдным в свете оригиналов документов, недавно извлеченных из архивов Ватикана, чем выдвигать это утверждение сейчас. Письма Галилея к Кастелли и великой герцогине были опубликованы только после вынесения приговора; и, хотя архиепископ Пизы пытался использовать их против него, они были лишь вскользь упомянуты в 1616 году и полностью упущены из виду в 1633 году. То, что было осуждено в 1616 году Священной Конгрегацией в присутствии папы Павла V как "АБСУРДНОЕ, ЛОЖНОЕ В БОГОСЛОВИИ И ЕРЕТИЧЕСКОЕ, ПОСКОЛЬКУ АБСОЛЮТНО ПРОТИВОРЕЧИТ СВЯЩЕННОМУ ПИСАНИЮ", было утверждение, что "СОЛНЦЕ - ЭТО ЦЕНТР, ВОКРУГ КОТОРОГО ВРАЩАЕТСЯ ЗЕМЛЯ"; и то, что было осуждено как "АБСУРДНОЕ, ЛОЖНОЕ В ФИЛОСОФИИ И, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, С ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧАЩЕЕ ИСТИННОЙ ВЕРЕ", было утверждение, что "ЗЕМЛЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРОМ ВСЕЛЕННОЙ И НЕПОДВИЖНА, НО ИМЕЕТ СУТОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ".

И снова, то, от чего Галилея заставили отречься в 1633 году по прямому приказу папы Урбана и в результате действий инквизиции под угрозой пыток, было "ОШИБКОЙ И ЕРЕСЬЮ ДВИЖЕНИЯ ЗЕМЛИ".

То, что было осуждено Указателем с санкции буллы, изданной Александром VII в 1664 году, гласило: "ВСЕ КНИГИ, ОБУЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЮ ЗЕМЛИ И СТАБИЛЬНОСТИ СОЛНЦА".

"Указатель", предваряемый папскими буллами, безошибочно закрепляющий его содержание на совести верующих, на протяжении почти двухсот лет неуклонно осуждал "ВСЕ КНИГИ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ".

Ни одно из этих обвинений не было направлено против Галилея "за согласование его идей с Писанием".(77)

(77) Оригинальные документы судебного процесса, тщательно скопированные из ватиканских рукописей, см. В римско-католическом издании L'Epinois, особенно стр. 35, где основной документ приведен в оригинале на латыни; смотрите также Gebler, Die Acten des galilei'schen Processes, чтобы получить еще более полные копии тех же документов. Для получения подробной информации об этих документах и их публикации см. Favaro, Miscellanea Galileana Inedita, forming vol. xxii, часть iii, Мемуаров Венецианского института за 1887 год, и особенно стр. 891 и последующие.

Будучи смещены с этого места, апологеты Церкви попытались прикрыться заявлением о том, что Галилей был осужден не за ересь, а за упорство и неуважение к папе.

Была небольшая вероятность и для этой придирки: без сомнения, Урбан VIII, один из самых надменных понтификов, был вынужден врагами Галилея подумать, что с ним обошлись с некоторым нарушением надлежащего этикета: во-первых, из-за приверженности Галилея своим собственным доктринам после его осуждения в 1616 году; и, во-вторых, из-за его предполагаемой ссылки в Диалоге 1632 года на аргументы, которые папа использовал против него.

Но, по-видимому, было бы очень плохой услугой, оказанной доктрине папской непогрешимости, утверждать, что на решение, столь огромное по своим последствиям, могло повлиять личное негодование правящего понтифика.

Опять же, что касается первого пункта, то сам язык различных предложений показывает безумие этого утверждения; ибо в этих предложениях всегда говорится о "ереси" и никогда о "упрямстве". Что касается последнего пункта, демонстрация оригиналов документов решила этот вопрос навсегда. Они показывают Галилея от начала до конца как самого покорного папе и терпеливого по отношению к папским аргументам и требованиям. Он, действительно, временами выражал свой гнев против своих клеветников; но считать это причиной судебного решения против него - значит дискредитировать все судебное разбирательство и обвинить Павла V, Урбана VIII, Беллармина, других теологов и инквизицию в прямой лжи, поскольку они руководствовались совершенно иными причинами своего поведения. Таким образом, с этой позиции нападавшие отступили.(78)

(78) Изобретение придирки о "несогласии", по-видимому, связано с монсеньором Марини, который, по-видимому, также манипулировал оригинальными документами, чтобы доказать это. Даже Уэвелл, очевидно, был несколько введен им в заблуждение, но Уэвелл написал до того, как Л'Эпинуа показал все документы, и в предположении, что Марини был честным человеком.

Следующий митинг был организован по поводу заявления о том, что преследование Галилея было результатом ссоры между профессорами-аристотелистами, с одной стороны, и профессорами, выступающими за экспериментальный метод, с другой. Но эта позиция была атакована и подкреплена очень простым заявлением. Если божественное руководство Церковью таково, что ее можно втянуть в профессорскую перебранку и сделать инструментом фракции в осуществлении самого катастрофического осуждения доказанной истины, то чем Церковь в то время отличалась от любой человеческой организации, пришедшей в упадок, которой номинально управляли простаки, а на самом деле интриганы? Если этот аргумент верен, то положение Церкви было даже хуже, чем заявляют ее враги; и среди насмешек бесчувственного мира апологеты искали нового убежища.

Следующим пунктом, по которому была высказана позиция, было утверждение, что осуждение Галилея было "временным"; но это оказалось более ненадежным убежищем, чем другие. Сама формулировка постановления об осуждении является достаточным ответом на это утверждение. Когда доктрины были торжественно провозглашены, как доктрины Галилея, которые были торжественно провозглашены с санкции высшего авторитета Церкви, "противоречащими священному Писанию", "противоречащими истинной вере" и "ложными и абсурдными в теологии и философии", сказать, что такие заявления являются

"предварительными", значит сказать, что истина, которой придерживается Церковь, не является неизменной; тогда апологеты отступили. (79)

(79) Этот аргумент также, по-видимому, был навязан миру коварным монсеньором Марини.

Было выдвинуто еще одно утверждение, в некоторых отношениях более любопытное, чем любое другое: главным образом, оно заключалось в том, что Галилей "был жертвой католиков не больше, чем протестантов; ибо они больше, чем католические богословы, побудили папу к принятым действиям". (80)

(80) См. статью преподобного А. М. Кирша о профессоре Хаксли и эволюции в *American Catholic Quarterly*, октябрь 1877 г. Статья в целом удивительно беспристрастна и, в основном, справедлива в отношении протестантской позиции и причин, лежащих в основе всего иска против Галилея.

Но если протестантизм смог заставить папу вмешаться в дело такого масштаба, затрагивающее обширные вопросы веры и далеко идущие вопросы политики, что становится с "непогрешимостью" - особой защитой и руководством папской власти в вопросах веры?

Пока продолжалось это отступление с позиции на позицию, постоянно применялось стрелковое оружие в виде недомолвок, намеков и софизмов: прилагались все усилия, чтобы очернить личность Галилея: подчеркивались недостатки его юности и даже подчеркивались нарушения этикета; но это удавалось так плохо, что еще в 1850 году считалось необходимым прикрыть отступление какой-нибудь более тщательной стратегией.

Эта новая стратегия поучительна. Подлинные документы процесса Галилея были доставлены во время наполеоновских завоеваний в Париж; но в 1846 году французское правительство вернуло их в Рим под прямое обещание папских властей опубликовать их. В 1850 году, после многочисленных задержек под различными предлогами, появилась долгожданная публикация. Человеком, которому было поручено представить их миру, был монсеньор Марини. Этот священнослужитель был из тех, кто слишком часто поражал как Церковь, так и мир в целом. Несмотря на торжественное обещание папского двора, коварный Марини стал орудием римских властей в уклонении от выполнения обещания. Скрывая документ здесь и вставляя заявление там, он сумел обосновать правдоподобно почти каждую важную софистику, когда-либо высказанную, чтобы спасти непогрешимость Церкви и разрушить репутацию Галилея. Именно он поддержал идею о том, что Галилей был "осужден не за ересь, а за упрямство".

Первое впечатление от книги монсеньора Марини показалось полезным для освещения отступления апологетов Церкви. С его помощью такие энергичные писатели, как Уорд, смогли создать временные препятствия между римскими властями и возмущением всего мира.

Но некоторое время спустя пришел следователь, совсем не похожий на монсеньора Марини. Это был француз, месье Л'Эпинау. Как и Марини, Л'Эпинау был предан Церкви; но, в отличие от Марини, он не умел лгать. Получив в 1867 году доступ к документам Галилея в Ватикане, он опубликовал несколько наиболее важных, без замалчивания или благочестиво-мошеннических

манипуляций. Это сделало все укрепления, основанные на заявлениях Марини, несостоятельными. Пришлось сделать еще одно отступление.

И вот теперь предстояло самое отчаянное усилие из всех. Армия апологетов, возрождая идею, которую папы и Церковь отвергали веками, заявила, что папы КАК ПАПЫ никогда не осуждали доктрины Коперника и Галилея; что они осуждали их просто как люди; что, следовательно, Церковь никогда не была привержена им; что осуждение было вынесено кардиналами инквизиции и индекса; и что вмешательство Провидения, очевидно, удержало Папу от подписания их осуждения. Ничто не могло лучше показать отчаяние отступающего отряда, чем подобное жонглерство. Дело в том, что в официальном отчете об осуждении Беллармина в 1616 году он четко заявляет, что выносит это осуждение "от имени Его Святейшества Папы Римского".(81)

(81) См. Цитату из ватиканской рукописи, приведенную в Gebler, стр. 78.

Опять же, начиная с папы Урбана, среди церковных авторитетов семнадцатого века всегда признавалось, что решение принимается Папой и Церковью. Урбан VIII говорил о событии 1616 года, сделанном папой Павлом V и Церковью, и о событии 1633 года, сделанном им самим и Церковью. Папа Александр VII в 1664 году в своей булле *Speculatores* торжественно санкционировал осуждение всех книг, подтверждающих движение земли.(82)

(82) Ссылки Урбана VIII на осуждение, сделанное папой Павлом V, см. на стр. 136, 144 и в других местах у Мартина, который во многом против своей воли вынужден это допустить. Смотрите также Робертс, Папские указы, направленные против движения Земли, и статью Святого Георгия Майварта, как цитировалось выше ; также Ройш, Указатель словарного запаса, Бонн, 1885, том ii, стр. 29 и далее.

Когда Гассенди попытался поднять вопрос о том, что решение против Коперника и Галилея не было санкционировано Церковью как таковой, выдающийся теологический авторитет отец Леказр, ректор колледжа Дижона, публично возразил ему и заявил, что Галилея осудили "не определенные кардиналы, а высшая власть Церкви"; и с этим заявлением папа и другие церковные власти согласились либо открыто, либо молча. Когда Декарт и другие попытались поднять тот же вопрос, к ним отнеслись с презрением. Отец Кастелли, посвятивший себя Галилею и знавший на собственном опыте, что означало это осуждение и кто его вынес, в своем письме папским властям считает само собой разумеющимся, что оно было вынесено Церковью. Кардинал Керенги в своих письмах; посол Гвиччардини в своих депешах; Полакко в своем опровержении; историк Вивiani в своей биографии Галилея — все работы, которые в то время проверялись и одобрялись Церковью, придерживались мнения, что папа и Церковь осудили Галилея, и это никогда не отрицалось в Риме. Сама инквизиция, поддержанная величайшим теологом того времени (Беллармином), придерживалась той же точки зрения. Он не только заявляет, что выносит осуждение "от имени Его Святейшества Папы", но у нас есть Римский

указатель, содержащий осуждение за почти двести лет, предваряемый торжественной буллой правящего Папы, возлагающей это осуждение на совесть всей Церкви и из года в год заявляющей, что "все книги, подтверждающие движение земли", заслуживают осуждения. Попытка противостоять всему этому, вдобавок к тому факту, что Галилей должен был отречься от "ереси движения земли" по письменному приказу папы римского, вскоре стала невозможной. Против утверждения о непричастности папы римского у нас есть масса свидетельств и булла Александра VII 1664 года.(83)

(83) Ответ Леказра Гассенди см. в Martin, стр. 146, 147. О попытке сделать "преступления Галилея" нарушением этикета читайте в Дублинском обзоре, как указано выше. Уэвелл, том i, стр. 283. Цитата из Марини: "Галилей был наказан за легкомыслие перед властями, которым он отказался подчиняться, и был наказан за упорное неповиновение, а не за ересь". Достаточным ответом на все это является то, что слова из негибкого приговора, обозначающего осужденные книги, - "libri omnes qui affirmant telluris motum". См. Бертран, стр. 59. Что касается идеи о том, что "Галилей был наказан не за свое мнение, а за то, что основывал его на Писании", ответ можно найти в Римском указателе 1704 года, в котором отмечены для осуждения "Libri omnes docentes mobilitatem terrae et immobilitatem solis". О том, как, когда это было сочтено удобным в споре, апологеты Церкви настаивали на том, что это был "Верховный глава Церкви папским декретом, а не определенные кардиналы", которые осудили Галилея и его доктрину, см. Письмо отца Леказра к Гассенди во Flammarion, Pluralite des Mondes, стр. 427, и собственные заявления Урбан VIII, приведенные Мартином. О том, каким образом, когда это было необходимо, апологеты Церкви утверждали прямо противоположное этому, заявляя, что это было "издано в доктринальном плане Конгрегации Индекса, а НЕ как учение Святого Отца", см. Дублинское обозрение, сентябрь 1865 г.

Таким образом, сами честные католики в конце концов полностью отказались от этого утверждения. В 1870 году римско-католический священнослужитель в Англии, преподобный мистер Робертс, очевидно, решив, что пришло время сказать правду, опубликовал книгу, озаглавленную "Папские указы против движения Земли", и в ней были представлены неопровержимые доказательства того, что папство полностью выступило против движения земли и своей непогрешимости. Этот католический священник показал из оригинала записи, что папа Павел V в 1616 году председательствовал на трибунале, осудившем доктрину движения земли и приказавшем Галилею отказаться от своего мнения. Он показал, что папа Урбан VIII в 1633 году настаивал, руководил и обнародовал окончательное осуждение, всеми этими способами возлагая на себя ответственность за это. И, наконец, он показал, что папа Александр VII в 1664 году своей буллой — *Speculatores domus Israel*", приложенной к Указателю, осуждающей "все книги, подтверждающие движение земли", абсолютно заверил папу в непогрешимости относительно движения земли. Он также признался, что в соответствии с правилами, установленными высшими властями Церкви, и особенно Сикстом V и Пием IX, от этого вывода никуда не деться.

Различные теологи пытались обойти силу этого аргумента. Некоторые, как доктора Уорд и Буи, прибегали к словесным изыскам; некоторые, как доктор Джереми Мерфи, утешали себя декламацией. Единственным результатом было то, что в 1885 году вышло другое издание работы преподобного мистера Робертса, еще более убедительное, чем первое; и, помимо этого, эссе выдающегося католика святого Джорджа Майварта, признающее позицию преподобного мистера Робертса неприступной и заявляющее фактически, что Всемогущий позволил Папе и Церкви впасть в полную ошибку относительно теории Коперника, чтобы научить их, что наука находится за пределами их компетенции, и что истинное священство научной истины принадлежит только научным исследователям.(84)

(84) Сокрушительный ответ двух выдающихся римских католиков на процитированные софизмы — ответ, который делает бесконечно больше чести старой Церкви, чем вся извращенная изобретательность, использованная для сокрытия истины или преуменьшения ее силы, — см. У Робертса и Сент-Джорджа Майварта, которые уже цитировались.

Таким образом, несмотря на всю казуистику и особые уговоры, эта непоколебимая честность положила конец разногласиям между самими католиками, насколько это касается справедливых людей.

Если вспомнить об этом сегодня, то на фоне более поздних этапов выделяются две попытки компромисса, особенно поучительные, поскольку они показывают замешательство воинствующей теологии в девятнадцатом веке.

Первое из них было сделано Джоном Генри Ньюманом в те дни, когда он колебался между англиканской и Римской церквями. В одной из своих проповедей перед Оксфордским университетом он говорил следующее:

"Священное Писание говорит, что солнце движется, а земля неподвижна, а наука - что земля движется, а солнце относительно покоится. Как мы можем определить, какое из этих противоположных утверждений является истинным, пока не узнаем, что такое движение? Если наша идея движения является всего лишь случайным результатом наших нынешних чувств, ни одно из утверждений не является истинным, и оба они истинны: ни одно из них не истинно с философской точки зрения; оба верны для определенных практических целей в системе, в которой они соответственно находятся".

Во всей антибогословской литературе нет высказывания более безнадежно скептического. И ради чего оксфордская молодежь погрузилась в такие бездонные глубины неверия в какое-либо реальное существование истины или в какое-либо реальное основание для нее? Просто для того, чтобы спасти изношенную систему интерпретации, в которой случайно родился талантливый проповедник.

Другое высказывание было предложено Де Бональдом и развито в "Дублин Ревью", как мы понимаем, одним из партнеров Ньюмана. Этот аргумент был не чем иным, как попыткой отступить под обвинением в обмане против самого Всемогущего. Он заключается в следующем: "Но вполне можно усомниться в том, действительно ли Церковь тормозила продвижение научной истины. Что задерживало это, так это то обстоятельство, что Бог счел нужным выразить многие тексты Священного Писания словами, которые, по всей видимости, отрицают движение

земли. Но это сделал Бог, а не Церковь; и, более того, поскольку он счел нужным действовать таким образом, чтобы затормозить продвижение научной истины, ее мало что дискредитировало бы, даже если бы это было правдой, что она последовала его примеру".

Этот аргумент, как и знаменитая попытка м-ра Госсе примирить геологию с Книгой Бытия — предположив, что с какой-то непостижимой целью Бог намеренно обманул мыслящий мир, предоставив земле все видимости развития в течение длительных периодов времени, в то время как на самом деле создал ее за шесть дней, каждый из которых состоял из вечера и утра, — кажется, только пробудил изумленную жалость мыслящих людей. Это, как и аргумент Ньюмена, было последней отчаянной попыткой англиканских и римских богословов спасти что-либо из обломков догматического богословия.(85)

(85) Цитату из Ньюмена см. в его "Проповедях о теории религиозной веры", проповедь xiv, цитируемая епископом Гудвином в "Современном обзоре" за январь 1892 года. О попытке снять вину с плеч как папы, так и кардиналов и возложить ее на Всевышнего см. Цитированную выше статью в the Dublin Review, сентябрь 1865 г., стр. 419 и июль 1871 г., стр. 157 и далее. Подробное изложение различных попыток и ответы на них в духе судебной справедливости см. в Th. Мартин, "Жизнь Галилея", хотя есть и особые призывы сохранить непогрешимость Папы и Церкви. Библиография в конце очень ценна. Подробнее о теории г-на Госсе, развитой в его "Омфале", читайте в главе о геологии в этой работе. Что касается еще более поздней попытки, см. Вегг-Проссер, "Галилей и его судьи", Лондон, 1889, главное в ней - попытка установить вопреки честным и благородным уступкам католиков, таких как Робертс и Майварт, различные надуманные и натянутые проволокой различия между догматическими и дисциплинарными буллами - попытка, которая только усилит недоверие прямолинейных рассуждателей. Точка зрения автора изложена в словах: "Я утверждал, что Церковь имеет право наложить свою сдерживающую руку на рассуждения естествознания" (стр. 167).

Все эти благонамеренные защитники веры внедрились в сердца огромного числа мыслящих людей идею о том, что между наукой и религией существует необходимый антагонизм. Подобно сухопутному жителю, который привязывает себя к якорю тонущего корабля, они просто привязали христианство самыми прочными нитями логики, которые только могли сплести, к этим ошибочным идеям в науке, и, если бы они добились своего, прогресс знания поглотил бы и то, и другое вместе.

С другой стороны, что наука сделала для религии? Просто так: Коперник, избежавший преследований только смертью; Джордано Бруно, сожженный заживо как чудовище нечестия; Галилей, заключенный в тюрьму и униженный как худший из неверующих; Кеплер, обвиненный в том, что "привел царство Христа в замешательство своими глупыми фантазиями"; Ньютон, подвергнутый ожесточенным нападениям за "свержение Провидения", дал религии более прочные основы и более облагораживающие концепции.

При старой системе этот знатный астроном Альфонсо Кастильский, видя несостоятельность теории Птолемея, но не зная другой, поразил Европу богохульством, заявив, что, если бы он присутствовал при сотворении мира, он мог бы предложить лучший порядок расположения небесных тел. При новой системе Кеплер, преисполненный религиозного духа, воскликнул: "Я действительно мыслю мыслями Бога". Разница в религиозном духе между этими двумя людьми знаменует победу, одержанную в этой долгой борьбе Наукой за религию.(86)

(86) В качестве довода к этому изречению Кеплера можно привести слова Линнея: "Deum omnipotentem a tergo transeuntem vidi et obstupui".

Нет ничего более несправедливого, чем возлагать особую вину за все это сопротивление науке на Римскую церковь. Протестантская церковь, хотя и редко могла быть столь суровой, заслуживала большего порицания. Преследование Галилея и его коллег старой Церковью происходило в основном в начале семнадцатого века; преследование Робертсона Смита, Уинчелла, Вудроу, Той и молодых профессоров в Бейруте различными протестантскими властями было ближе к концу девятнадцатого века. Те более ранние преследования со стороны католицизма строго соответствовали принципам, которых придерживались в то время все религиозные деятели, католики и протестанты, во всем мире; эти более поздние преследования со стороны протестантов были нарушением принципов, которых все протестанты сегодня придерживаются или притворяются, что придерживаются, и никто так громко не заявляет о своей приверженности им, как те самые секты, которые преследовали этих выдающихся христиан наших дней, людей, преступление которых состояло в том, что они были достаточно умны, чтобы принять науку своего времени, и достаточно честны, чтобы признать это.

Таким образом, протестантизм совершенно несправедливо стал бы насмехаться над католицизмом за исключение знаний астрономических истин из европейских католических университетов в семнадцатом и восемнадцатом веках, в то время как реальные знания геологических, биологических и антропологических истин отрицаются или прискорбно размываются во многих американских протестантских колледжах и университетах в девятнадцатом веке.

Также протестантизм не имеет права с презрением указывать на католический индекс и подчеркивать тот факт, что почти каждая действительно важная книга за последние три столетия была им запрещена, пока молодых людей во многих американских протестантских университетах и колледжах воспитывают "церковной чепухой", а не настоящими мыслями, и направляют к работам "официально признанных самозванцев" или на различные "одобренные курсы чтения", в то время как их старательно держат в стороне от таких лидеров современной мысли, как Дарвин, Спенсер, Хаксли, Дрейпер и Леки.

Протестантизм действительно может справедливо утверждать, что некоторые из бывших оплотов его фанатизма подверглись либерализации; но, с другой стороны, католицизм может указать на тот факт, что папа Лев XIII, ныне счастливо правящий, внес благородные изменения в отношении открытого обращения с документами. Можно надеяться, что дни монсеньора Марини прошли. Библиотека Ватикана с ее огромным количеством исторических материалов была открыта как для протестантских, так и для католических ученых, и этой привилегией свободно пользовались люди, представляющие все оттенки религиозной мысли.

Что касается старых ошибок, то в них был виноват весь цивилизованный мир, как протестантский, так и католический. Это была не вина религии; это была вина той близорукой привязки теологических догматов к текстам Священного Писания, которые, в полном противоречии со словами и делами Благословенного Основателя христианства, ограниченные, громкоголосые люди всегда склонны подменять религией. Справедливо сказано одним из самых выдающихся современных англиканских богословов, что "именно потому, что они ошибочно принимали рассвет за пожар, теологи так часто были врагами света".(87)

(87) Чрезвычайно поразительное заявление гениального римско-католического историка относительно НАРОДНОГО требования преследований и давления низших слоев церковных организаций на жестокие меры см. в книге Бальма "Протестантизм, сравнение с католицизмом" и др., четвертое издание, Париж, 1855, том ii. У архиепископа Сполдинга есть что-то в том же роде в его Сборниках. Л'Эпинау, Галилея, стр. 22 и далее, растягивает это как можно дальше, чтобы спасти репутацию Церкви в деле Галилея. Что касается различных ответвлений протестантской церкви в Англии и Соединенных Штатах, то общеизвестно, что самодовольные, зажиточные миряне, будь то старейшины, дьяконы или священнослужители, как правило, гораздо более склонны к охоте за ересью, чем их более образованные пасторы. Что касается дел господ . Уинчелл, Вудроу, Той, и все профессора Бейрута, с подробностями смотрите главу из этой серии о грехопадении человека и антропологии. Среди протестантских историков, которым недавно было разрешено полное и бесплатное изучение сокровищ Ватиканской библиотеки, и даже тех, которые затрагивают вопросы о взаимоотношениях католицизма и протестантизма, - фон Сибель из Берлина и Филип Шафф из Нью-Йорка. Следует добавить, что к последнему прилагались благодарственные письма от выдающихся прелатов католической церкви в Америке и Европе. Заключительную цитату см. в каноне Фаррара, "История интерпретации", стр. 432.

ГЛАВА IV. ОТ "ЗНАМЕНЕЙ И ЧУДЕС" К ЗАКОНУ На НЕБЕСАХ.

I. БОГОСЛОВСКИЙ ВЗГЛЯД.

Мало что в эволюции астрономии наводит на размышления больше, чем борьба между теологической и научной доктринами относительно комет — переход от представления о них как об огненных шарах, запущенных разгневанным Богом с целью напугать нечестивый мир, к признанию их естественными по происхождению и подчиняющимися закону движения. Едва ли что-либо проливает более яркий свет на опасность искажения текстов Священного Писания ради сохранения идей, которые вытеснили наблюдения и размышления, и на безрассудство противопоставления церковной власти научному открытию.(88)

(88) Настоящее исследование, после его появления в "Популярном научном ежемесячнике" как "новая глава в научной войне", было пересмотрено и расширено почти до нынешнего вида и зачитано в Американской исторической ассоциации, среди работ которой оно было опубликовано в 1887 году под названием "История учения о кометах".

Из древнего мира пришло множество верований относительно комет, метеоров и затмений; все это считалось знамениями, ниспосланными с небес для предупреждения человечества. Обычно считалось, что звезды и метеоры предвещают счастливые события, особенно рождение богов, героев и великих людей. Эта идея настолько прочно укоренилась, что мы постоянно находим у древних народов предания о небесных огнях, предшествующих рождению выдающихся личностей. Священные книги Индии показывают, что о рождении Кришны и Будды возвещали такие небесные огни.(89) Священные книги Китая повествуют о подобных явлениях при рождении Юя, основателя первой династии, и вдохновенного мудреца Лао-цзы. Согласно еврейским легендам, звезда появилась при рождении Моисея, и ее увидели египетские волхвы, которые сообщили об этом царю; а когда родился Авраам, на востоке появилась необычная звезда. Греки и римляне лелеяли похожие традиции. Рождение Эскулапа сопровождалось небесным светом, и подобным же образом возвещались о рождении различных цезарей.(90)

(89) О Кришне см. Кокс, "Арийская мифология", т. ii, стр. 133; Пурана Вишну (перевод Уилсона), книга v, глава iv. Что касается огней при рождении или, скорее, при зачатии Будды, см. Бунзен, Ангел Мессия, стр. 22,23; Алебастр, Колесо закона (иллюстрации буддизма), стр. 102; Эдвин Арнольд, Свет Азии; Вр. Бигандет, Жизнь Гаудамы, бирманского Будды, стр. 30; Ольденберг, Будда (английский перевод), часть i, глава ii.

(90) О китайских легендах, касающихся звезд при рождении Юя и Лао-цзы, см. Торнтон, История Китая, том i, стр. 137; также Пингре, Кометография, стр. 245. О звездах при рождении Моисея и Авраама см. Кальмет, Фрагменты, часть viii; Бэринг-Гулд, Легенды о персонажах Ветхого Завета, глава I. xxiv; Фаррар, "Жизнь Христа", глава iii. Что касается

Магов, см. Хиггинс, Анакалипсис; Хойкаас, Орт и Куэнен, Библия для изучающих, том iii. О греческих и римских традициях см. Белл, Пантеон, с. против Эскулапа и Атрея; Гиббон, Упадок и низвержение, т. i, стр. 151, 590; Фаррар, Жизнь Христа (американское издание), стр. 52; Кокс, Рассказы Древней Греции, стр. 41, 61, 62; Хиггинс, Анакалипсис, т. i, стр. 322; также Светоний, Цезарь, Юлий, стр. 88, Клод, стр. 463; Сенека, нац. Задание, т. 1, стр. 1; Вергилий, Экл., т. ix, с. 47; а также Овидий, Плиний и другие.

Та же концепция вошла в наши христианские священные книги. Из всех легенд, обросших такой пышностью и красотой о колыбели Иисуса из Назарета, ни одна не вызывает более непосредственно к высшему поэтическому чувству, чем та, что передана одним из евангелистов, в которой звезда, взошедшая на востоке, привела мудрецов к яслям, где галилейский крестьянский ребенок - Надежда человечества, Свет Мира — лежал в бедности и беспомощности.

Среди мусульман мы имеем любопытный пример той же тенденции к доброжелательному толкованию звезд и метеоров, заключающейся в вере некоторых мусульманских учителей в то, что метеоритные дожди вызываются добрыми ангелами, которые запускают ракеты, чтобы прогнать злых ангелов с неба.

Затмения рассматривались в совершенно ином свете, поскольку предполагалось, что они выражают страдание Природы от земных катаклизмов. Греки верили, что тьма окутала землю после смерти Прометея, Атрея, Геркулеса, Эскулапа и Александра Македонского. Римские легенды гласили, что после смерти Ромула на шесть часов воцарилась темнота. В истории Цезарей встречаются предзнаменования всех трех видов; ибо после смерти Юлия земля была окутана тьмой, о рождении Августа возвестила звезда, а о падении Нерона - комета. Точно так же в одной из христианских легенд, связанных с распятием, тьма покрывала землю с шестого по девятый час. Ни молчание по этому поводу единственного евангелиста, который утверждает, что присутствовал при этом, ни тот факт, что такие наблюдатели, как Сенека и Плиний, которые, хотя и тщательно описывали гораздо менее поразительные события того же рода и в более отдаленных регионах, не заметили подобной темноты даже в Иудее, не смогли поколебать веру в рассказ, столь верный высшим поэтическим инстинктам человечества.

Такой взгляд на отношения между природой и человеком сохранялся как среди евреев, так и среди христиан. Согласно еврейской традиции, тьма покрывала землю в течение трех дней, когда книги Закона были осквернены переводом на греческий. Тертуллиан считал затмение свидетельством Божьего гнева против неверующих. Этот способ мышления не прекратился и в наше время. Аналогичное заявление было сделано при казни Карла I; и Инкрис Мазер счел затмение в Массачусетсе свидетельством скорби Природы по поводу смерти президента Гарвардского колледжа Чонси. Архиепископ Сэндис ожидал, что затмения станут последними знаками скорби по поводу разрушения мира, и следы этого чувства дошли до нашего времени.

Забавная история государственного деятеля Коннектикута, который, когда его коллеги в Генеральной Ассамблее были встревожены солнечным затмением и подумали, что это начало Судного дня, спокойно заказал свечи, чтобы его в любом случае застали за исполнением своего

долга, отмечает, вероятно, последнее заслуживающее внимания проявление старой веры в любой цивилизованной стране.(91)

(91) Об индуистских теориях см. Алебастр, "Колесо закона", 11. О греческих и римских легендах см. Хиггинс, "Анакалипсис", том i, стр. 616, 617.; также Светоний, Цезарь, Юлий, стр. 88, Клавдий, стр. 46; Сенека, Квестор. Нац., том i, стр. 1, том. vii, стр. 17; Плиний, История. Нац., том. ii, стр. 25; Тацит, Анн., т. xiv, стр. 22; Иосиф Флавий, Antiq., т. xiv, стр. 12; и упомянутые выше авторитетные источники. О еврейской традиции, касающейся трехдневной тьмы, см. Цитату в Renan, Histoire du Peuple Israel, vol. iv, глава. iv. О вере Тертуллиана в значение затмения см. В Ad Scapulum, глава. iii, в Migne, Patrolog. Лат., т. i, стр. 701. Что касается заявления относительно Карла I, см. Проповедь, произнесенную перед Карлом II, цитируемую Леки "Англия в восемнадцатом веке", том i, стр. 65. Мазер также думал, что это может иметь какое-то отношение к смерти различных гражданских чиновников колоний; см. Его Рассуждение о кометах, 1682. О вере архиепископа Сэнди читайте в его восемнадцатой проповеди (в Parker Soc. Публикации). История Абрахама Дэвенпорта стала известна благодаря стихотворению Уиттиера.

В этих верованиях относительно метеоров и затмений мало что было рассчитано на то, чтобы причинить вред, вызвав тот суеверный ужас, который является худшим рассадником жестокости. Совсем иначе обстояло дело с верой в кометы. На протяжении многих веков это порождало самые страшные суеверия и фанатизм. Среди древних народов только халдеи обычно относились к кометам без страха и считали их блуждающими телами, столь же безвредными, как рыбы в море; среди философов только пифагорейцы, по-видимому, имели смутное представление о них как о телах, возвращающихся через определенные промежутки времени; и во всей древности, насколько известно, только один человек, Сенека, обладал научным чутьем и пророческим вдохновением, чтобы придать этой идее определенную форму и заявить, что придет время, когда будет обнаружено, что кометы движутся в соответствии с законами природы. То тут, то там несколько сильных мужчин поднимались над господствующими суевериями. Император Веспасиан попытался отшутиться от этого и настаивал, что некая комета в его время не могла предвещать его смерть, потому что она была волосатой, а он - лысым; но такие насмешки не произвели постоянного эффекта, и пророчество Сенеки вскоре было забыто. Эти и подобные им отдельные высказывания не могли противостоять общему мнению, которое поддерживало доктрину о том, что кометы являются "знамениями и чудесами".(92)

(92) О терроре, вызванном кометами в Риме, см. Pingre, Cometographie, стр. 165, 166. О халдеях см. Вольф, "Основные положения астрономии", стр. 10 и далее. и стр. 181 и далее.; также Пингре, глава ii. О пифагорейских представлениях см. Цитаты из Плутарха в Costard, History of Astronomy, стр. 283. О предсказании Сенеки см. Гиллемин, "Мир комет" (перевод Глейшера), стр. 4, 5; также Уотсон, "О кометах", стр. 126. Об этом чувстве в античности в целом читайте в предварительных главах

двух последних цитируемых работ.

Вера в то, что каждая комета - это огненный шар, выпущенный из десницы разгневанного Бога, чтобы предупредить пресмыкающихся обитателей земли, была воспринята ранней Церковью, передавалась через Средние века до периода Реформации, и в процессе ее распространения предполагаемые текстовые доказательства из Священного Писания стали еще более ценными. Великие отцы Церкви безоговорочно посвятили себя этому. В третьем веке Ориген, возможно, самый влиятельный из ранних отцов Вселенской Церкви во всех вопросах, касающихся науки и веры, настаивал на том, что кометы указывают на катастрофы и крушение империй и миров. Беда, столь справедливо почитаемый английской церковью, заявил в восьмом веке, что "кометы предвещают перевороты королевств, мор, войну, ветры или жару"; и Иоанн Дамаскин, его выдающийся современник в Восточной Церкви, придерживался той же точки зрения. Рабанус Маурус, великий учитель Европы IX века, авторитет на протяжении всего Средневековья, полностью разделял мнение Беды. Святой Фома Аквинский, великий светоч Вселенской Церкви XIII века, чьи труды ныне правящий папа высоко оценивает как центр и источник всего университетского образования, принял и вынес то же мнение. Святой Альберт Великий, самый известный гений средневековой церкви в области естествознания, принял и развил эту теорию. Эти люди и те, кто последовал за ними, основали на текстах Священного Писания и богословских рассуждениях систему, которая на протяжении семнадцати столетий бросала вызов любому прогрессу мысли.(93)

(93) Для Оригена см. его "О принципе", том i, стр. 7; также Мори, *Leg. pieuses*, стр. 203, примечание. О Бедде и других см. *De Nat.*, том. xxiv; Joh. Дам., *De Fid. Or.*, том. ii, р. 7; Maury, *La Magie et l'Astronomie*, pp. 181, 182. Об Альберте Магнуса читайте в его опере, том i, тр. iii, главы x, xi. Среди текстов Священного Писания, на которых зиждилась эта вера, был особенно Иоиль ii, 30, 31.

Отсюда проистекали три главных зла: паралич самопомощи, возбуждение фанатизма и усиление церковной и политической тирании. Первые два из этих зол — паралич самопомощи и разжигание фанатизма — очевидны на протяжении всех этих эпох. При появлении кометы мы постоянно видим, как весь христианский мир, от папы до крестьянина, вместо того, чтобы стремиться предотвратить войну мудрой государственной мудростью, вместо того, чтобы стремиться предотвратить эпидемию наблюдением и разумом, вместо того, чтобы стремиться предотвратить голод умелой экономией, пресмыкается перед фетишами, пытается подкупить их, чтобы они убрали эти признаки Божьего гнева, и планирует обрушить этот предполагаемый Божий гнев на неверующих.

Что касается третьего из этих зол — усиления церковного и гражданского деспотизма, — примеры появляются со всех сторон. Было естественно, что иерархи и монархи, о рождении которых возвещали звезды или о смерти которых возвещали кометы, считали себя намного выше обычного стада, и человечество должно было относиться к ним именно так; пассивное повиновение таким образом укреплялось, и самые чудовищные утверждения власти рассматривались просто как проявления Божественной воли. Шекспир заставляет Кальфурнию сказать Цезарю:

"Когда умирают нищие, не видно комет; сами небеса предвещают смерть принцев".

Галеаццо, тиран Милана, выражающий на смертном одре удовлетворение по поводу того, что его приближающийся конец был настолько важен, что о нем возвестила комета, является лишь одним из многих, кого это поощряет к охоте на человечество; а Карл V, один из самых могущественных монархов, которых знал мир, отрекшийся от престола из-за страха перед кометой 1556 года, нашедший убежище в монастыре Сан-Юсте и отдавший лучшее из своих обширных владений такому ханже-писаке, как Филипп II, подает пример еще более поразительный.(94)

(94) О Цезаре см. Шекспир, "Юлий Цезарь", акт ii, часть 2. О Галеаццо см. Гильемин, "Мир комет", стр. 19. О Карле V см. проф. Wolf's essay in the Monatschrift des wissenschaftlichen Vereins, Zurich, 1857, p. 228.

Но для сохранения этой веры была моральная причина. Мириады добрых людей в христианской церкви вплоть до недавнего периода видели в появлении комет не просто проявление "знамений на небесах", предсказанных в Священном Писании, но и Божественные предупреждения, имеющие огромную ценность для человечества как стимулы к покаянию и улучшению жизни - предупреждения, действительно, настолько ценные, что от них нельзя было отказаться, не подвергнув опасности нравственное правление мира. И эта вера в зловещий характер комет как существенной части Божественного правления, находящаяся, как считалось, в полном соответствии со Священным Писанием, на протяжении веков была источником ужаса для человечества. Не говоря уже о примерах более ранних периодов, кометы в десятом веке особенно усилили бедствие всей Европы. В середине XI века считалось, что комета сопровождала смерть Эдуарда Исповедника и предвещала нормандское завоевание; путешественник по Франции в наши дни может убедиться в том, что это поверье было воплощено в гобелене Байе.(95)

(95) Свидетельства этого широко распространенного террора см. в хрониках Рауля Глабера, Гийома де Нанжи, Уильяма Малмсберийского, Флоренс Вустерской, Ордерика Виталиса и др., *passim*, а также в Англосаксонской хронике (в серии Rolls). Очень захватывающие фотографии этого ужаса в Англии смотрите в Freeman, Norman Conquest, vol. iii, стр. 640-644, и Уильям Руфус, том. ii, стр. 118. О гобелене Байе см. Брюс, "Разъяснение гобелена из Байе", лист vii, стр. 86; также Гильмен, "Мир комет", стр. 24. В музее Южного Кенсингтона в Лондоне есть большая фотографическая копия оригинала, сделанная, как обычно полагают, женой Вильгельма Завоевателя и ее дамами, и она до сих пор хранится в городском музее в Байе.

Почти каждое десятилетие на протяжении средневековья Европа была охвачена тревогой из-за подобных явлений, но кульминация, по-видимому, была достигнута в 1456 году. В то время турки после долгих усилий прочно закрепились в Европе. Большая государственная мудрость или полководческое мастерство могли бы удержать их на пути; но, пока различные религиозные

группировки спорили из-за мелких оттенков догмы, они продвинулись вперед, захватили Константинополь и, очевидно, закрепляли свой плацдарм. Теперь наступил полный расцвет этого суеверия. Появилась комета. Папа римский того периода, Каликст III, хотя и был человеком более чем обычных способностей, был пропитан идеями своего времени. Встревоженный этим чудовищем, если верить современному историку, этот непогрешимый глава Церкви торжественно "постановил несколько дней молиться об отврате гнева Божьего, чтобы любое надвигающееся бедствие было обращено от христиан против турок". И чтобы все могли ежедневно присоединяться к этому прошению, тогда был учрежден "полуденный Ангелус", который с тех пор призывает добрых католиков к молитве против сил зла. Затем также была включена в литанию мольба: "От турка и кометы, Боже милостивый, избавь нас". Никогда папское заступничество не было менее эффективным; ибо турок удерживал Константинополь с того дня и по сей день, в то время как упрямая комета, известная теперь под именем Галлея, с тех пор невозможно возвращалась через короткие промежутки времени.(96)

(96) Обычно утверждается, что Каликст отлучил комету от церкви быком, и с этим согласны Араго, Грант, Хефер, Гиллемин, Уотсон, и многие историки астрономии. Следовательно, параллель проводится по известному случаю президентом Линкольном. Однако в опубликованной Буллереи такой буллы нет, и установление Ангела (как указано Райнальдом в "Annales Eccl.") не содержит упоминания о комете. Но авторитет Платины (in his Vitae Pontificum, Венеция, 1479, младше Кали-ста III), который был не только в Риме в то время, но и когда он писал свою историю, архивариуса Ватикана, является окончательным в отношении позиции папы. Авторитет Платины никогда не подвергался сомнению до тех пор, пока современная наука не изменила представления о мире. Недавняя попытка Пастора (в его Книге "История папства") преуменьшить значение всего этого вопроса - слишком очевидная уловка, чтобы иметь значение для тех, кто знает, что даже самые тщательные истории приходится переделывать в соответствии с взглядами цензуры в Риме.

Но суеверие зашло еще дальше. Оно все больше и больше включалось в то, что считалось "наукой о Священных Писаниях" и "здравым знанием". Энциклопедические обзоры, в которых оформилась наука Средневековья и периода Реформации, дают обильные доказательства этого.

Однако научные наблюдения постепенно подрывали эту структуру. Вдохновенное пророчество Сенеки не было забыто. Еще в девятом веке, в разгар священных знаний, столь обильных при дворе Карла Великого и его преемников, мы находим ученого, протестующего против общепринятой доктрины. В тринадцатом веке у нас есть мягкий вопрос Альберта Великого относительно предполагаемого влияния комет на людей; но преобладающее теологическое течение было слишком сильным, и он в конце концов уступил ему в этом, как и во многих других вещах.

Точно так же в шестнадцатом веке мы имеем Коперника, отказывающегося принять обычную теорию, Парацельса, выступающего против нее в письме Цвингли, и Юлия Цезаря Скалигера, осуждающего ее как "нелепую глупость".(97)

(97) Что касается энциклопедических обобщений, см. "Винсент из Бове", "Естественное зеркало"

и различные издания "Философской Маргариты" Райша.

О времени Карла Великого см. Champion, *La Find du Monde*, стр. 156; Leopardi, *С большой ошибкой Popolari*, стр. 165. Что касается вопроса Альберта Великого, см. Heller, *Geschichte der Physik*, том i, стр. 188. Что касается скептицизма в шестнадцатом веке, см. Champion, *La Find du Monde*, стр. 155, 156; а Скалигера - в книге Дудита, цитируемой ниже.

Поначалу этот скептицизм только вызывал ужас у богословов и усиливал энергию церковников; и те, и другие еще более настойчиво утверждали теологическую теорию комет как основанную на истине Священного Писания. В шестнадцатом веке Франция почувствовала влияние одного из своих величайших людей на это суеверие. Жан Боден, до сих пор не разбиравшийся в политических теориях, был полностью осведомлен об этом только в религиозных теориях: то же самое почтение к простой букве Священного Писания, которое сделало его таким фатально могущественным сторонником иллюзии колдовства, привело его к поддержке этой теологической теории комет, но с отличием: он считал их душами людей, блуждающими в космосе, приносящими голод, мор и войну.

Не менее сильным было то же суеверие в Англии. Основанное на средневековом богословии, оно пережило возрождение образования. Из множества примеров несколько могут быть выбраны как типичные. В начале шестнадцатого века Полидор Вергилий, священнослужитель нереформированной Церкви, упоминает в своей "Истории Англии" о предзнаменовании смерти императора Константина от кометы как о простом факте; а в своей работе о чудесах он доводит это суеверие до самой крайней точки, показывая кометы как предвестники почти всех форм бедствий.

В 1532 году, как раз в переходный период от старой Церкви к новой, Кранмер, прокладывая путь к своему архиепископству, пишет из Германии Генриху VIII и говорит о видимой тогда комете: "Бог знает, какие странные вещи означают эти знаки в будущем; ибо они появляются не случайно, а вопреки какому-то великому делу".

Двадцать лет спустя епископ Латимер в адвент-проповеди говорит о затмениях, кольцах вокруг солнца и тому подобном как о признаках приближающегося конца света.(98)

(98) О Бодине см. *Theatr.*, lib. ii, цитируется Пингре, том i, стр. 45;

также расплывчатая цитата в Бодрийяре, Боден и времена сына, стр. 360.

О Полидоре Вергилии см. В "Истории Англии", стр. 97 (в публикациях Камденского общества). О Кранмере см. "Останки", т. ii, стр. 535 (в изданиях Parker Society Publications). О Латимере читайте в "Проповедях", второе воскресенье Адвента 1552 года.

В 1580 году, при королеве Елизавете, был установлен "порядок молитвы, чтобы отвратить от нас Божий гнев, которому угрожает недавнее ужасное землетрясение, для использования во всех приходских церквях". В связи с этим верующим также было рекомендовано "благочестивое предостережение для настоящего времени"; и среди вещей, которые упоминаются как доказательства Божьего гнева, - кометы, затмения и снегопады.

Эта точка зрения господствовала в Англиканской церкви на протяжении всего правления Елизаветы и вплоть до периода правления Стюартов: церковный летописец Страйп приводит достаточно доказательств этого, и среди наиболее любопытных примеров - предположение о том, что комета 1572 года была знаком Божественного гнева, вызванного Варфоломеевской резней.

Что касается периода правления Стюартов, архиепископ Споттисвуд, по-видимому, активно распространял это суеверие с шестнадцатого по семнадцатый век, и архиепископ Брэмхолл цитирует Священное Писание в подтверждение этого. Довольно любопытно, что, хотя в дневнике архиепископа Лауда так много суеверий относительно снов как предзнаменований, в нем почти ничего не говорится о кометах; но епископ Джереми Тейлор, каким бы сильным он ни был, очевидно, придерживался обычной точки зрения. Джон Хоу, выдающийся богослов-неконформист второй половины века, похоже, считал суеверие о кометах чуть ли не фундаментальной верой; он сетует на полное пренебрежение к кометам и предзнаменованиям в целом, заявляя, что это пренебрежение свидетельствует о недостатке почтения к Правителю мира; он выражает презрение к научным исследованиям относительно комет, настаивает на том, что они могут быть естественными телами и все же являться сверхъестественными предзнаменованиями, и заканчивает словами: "Я полагаю, что можно с уверенностью предположить, что за этим может последовать нечто очень значительное, будь то в плане суда или милосердия". , в зависимости от того, насколько громким в это время является крик о упорствующем нечестии или покаянная молитва".(99)

(99) О литургических службах времен правления королевы елизаветы см. Публикации Parker Society Publications, стр. 569, 570. О Страйпе читайте в его Церковных памятниках, т. iii, часть i, стр. 472; также смотрите его "Анналы реформации", т. ii, часть ii, стр. 151; и его "Жизнь сэра Томаса Смита", стр. 161, 162. О Споттисвуде см. Историю церкви Шотландии (Эдинбургское переиздание, 1851), том i, стр. 185, 186. О Брэмхолле см. в его работах, Оксфорд, 1844, т. iv, стр. 60, 307 и др. О Джереми Тейлоре читайте в его проповедях о жизни Христа. О Джоне Хау читайте в его работах, Лондон, 1862, том. iv, стр. 140, 141.

Реформатская церковь Шотландии столь же решительно поддерживала это суеверие. Джон Нокс видел в кометах знаки гнева Небес; другие авторитеты считали их "предупреждением королю об искоренении папистов"; и уже в 1680 году, после того как Галлей одержал свою победу, высшие авторитеты Шотландской церкви объявили, что кометы являются "чудесами великого суда над этими землями за наши грехи, ибо никогда еще Народ так не раздражал Господа".

Хотя такова была точка зрения духовенства в шестнадцатом и семнадцатом веках, миряне в целом принимали ее как нечто само собой разумеющееся, среди великих литературных

лидеров, по крайней мере, было общее согласие с ней. И Шекспир, и Мильтон признают это, независимо от того, принимают они это полностью или нет. Шекспир заставляет герцога Бедфорда, оплакивающего гроб Генриха V, сказать:

"Кометы, приносящие перемены времени и состояний, Развевают в небе твои хрустальные локоны; И вместе с ними поражают злые, бунтующие звезды, Которые согласились на смерть Генри".

Мильтон, говоря о сатане, готовящемся к битве, говорит:

С другой стороны, вне себя от негодования, стоял сатана. Окаменевший, словно обожженная комета, Змееносец огромной длины горит В арктическом небе, и от его ужасной шерсти веет мором и войной".

Мы действительно обнаруживаем, что в некоторых умах открытия Тихо Браге и Кеплера начинают оказывать влияние, поскольку в 1621 году Бертон в своей "Анатомии меланхолии" намекает на то, что они несколько изменили общественное мнение относительно комет; а незадолго до середины века сэр Томас Браун выражает сомнение в том, что кометы производят такие ужасные эффекты, "поскольку обнаружено, что многие из них находятся выше Луны". (100) Однако даже в последние годы семнадцатого века у нас есть английские авторы, обладающие большим авторитетом, сражающиеся за это предполагаемое библейское утверждение. среди естественных и типичных результатов, которые мы находим, в 1682 году Ральф Торсби, член Королевского общества, пришел в ужас от кометы того года и записал в своем дневнике следующий отрывок: "Господи, подготовь нас к любым переменам, которые это может предвещать; ибо, хотя я не в неведении, что такие метеориты происходят по естественным причинам, все же они часто также являются предвестниками неминуемых бедствий". Интересно отметить здесь, что это была комета Галлея, и что Галлей в этот самый момент проводил над ней научные исследования, которые должны были навсегда избавить цивилизованный мир от таких ужасов, какие постигли Торсби.

(100) О Джоне Ноксе см. в его "Истории религиозной реформации" в королевстве Шотландия (Эдинбург, 1732), lib. iv; также Чемберс, Внутренние анналы Шотландии, том. ii, стр. 410-412. О Бертоне читайте в его "Анатомии меланхолии", часть ii, раздел 2. О Брауне читайте в "Вульгарных и распространенных ошибках", книга vi, глава xiv.

Вера в кометы как предостережение от греха была особенно одной из тех, которых придерживались "всегда, везде и все", как восточные христиане, так и западные. Одной из самых поразительных сцен в истории Восточной Церкви является то, что произошло при осуждении Никона, великого Патриарха Московского. Повернувшись к своим судьям, он указал на комету, сверкавшую в то время в небе, и сказал: "Божья метла сметет вас всех!"

Из всех стран Западной Европы это суеверие сильнее всего прижилось именно в Германии и Немецкой Швейцарии. Та же глубина религиозного чувства, которая вызвала в этих странах самый ужасный рост преследований за колдовство, довела до наивысшего развития суеверие относительно комет. Ни одна страна в средние века так не страдала от этого. Во время Реформации Лютер решительно высказался в пользу этого. В одной из своих адвентистских проповедей он сказал: "Язычники пишут, что комета может возникнуть по естественным

причинам, но Бог не создает ничего такого, что не предвещало бы верного бедствия". Он снова сказал: "Все, что движется на небесах необычным образом, несомненно, является признаком Божьего гнева".

И иногда, поддаваясь другой фазе своей веры, он объявлял их происками дьявола и обзывал "звездами-блудницами".(101)

(101) О Торсби читайте в его Дневнике (Лондон, 1830). Далее в этой главе описывается великое служение Галлея. О речи Никона см.

В книге декана Стэнли "История Восточной церкви", стр. 485. Об очень ярких примерах этого средневекового террора в Германии см. Фон Раумер, "История Гогенштауфенов", том ii. vi, стр. 538. О периоде Реформации см. Wolf, *Gesch. d. Astronomie*; также Praetorius, *Ueber d. Comets* (Эрфурт, 1589), в котором приведенные выше предложения Лютера напечатаны на титульном листе в качестве эпитафий. О "Хурен-стерне" читайте в проповеди Селихия, описанной ниже.

Меланхтон также в различных письмах называет кометы вестниками небесного гнева, причисляя их вместе со злыми соединениями планет и неудачными рожденьями к числу "знамений", упоминаемых в Священном Писании. Цвингли, самый смелый из великих Реформаторов, отказавшийся от традиционных верований, не смог избавиться от этого и настаивал на том, что комета 1531 года предвещала бедствие. Ариет, ведущий протестантский богослов, заявил: "Небеса даны нам не только для нашего удовольствия, но и как предупреждение о гнев Божьем для исправления нашей жизни". Лафатер настаивал на том, что кометы являются признаками смерти или бедствия, и приводил доказательства из Священного Писания.

Католики и протестанты вместе боролись за славу этого учения. Особенно энергично ее отстаивал Фромундус, выдающийся профессор и доктор богословия Католического университета Лувена, который так решительно выступал против системы Коперника; в начале семнадцатого века даже такой одаренный астроном, как Кеплер, несколько уступил этой вере; а ближе к концу того столетия Фойгт заявил, что комета 1618 года явно предвещала падение Турецкой империи, и заклеил как "атеистов и эпикурейцев" всех, кто не верил, что кометы являются Божьими предупреждениями.(102)

(102) О Меланхтоне см. Вольф, *ubi* выше. О Цвингли см. Вольф, стр. 235. For Arietus, see Madler, *Geschichte der Himmelskunde*, vol. ii. О суеверии Кеплера см. Вольф, стр. 281. О Войте см. Рейхстаг Химмельс-Манатен, Гамбург, 1676. О Фромундусе и Фойгте см. Также Madler, vol. ii, стр. 399, и Леки, *Рационализм в Европе*, том i, стр.28.

II. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ СОКРУШИТЬ НАУЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.

На основе этой веры была предпринята огромная серия усилий, направленных на поддержание теологического взгляда на кометы и на то, чтобы навсегда опровергнуть научный взгляд. Эти усилия можно разделить на два класса: те, которые направлены на ученых людей через университеты, и те, которые направлены на людей в целом через кафедры. Что касается первого из них, то для того, чтобы ученые люди могли оставаться на путях "священной науки" и "здорового обучения", были предприняты особые усилия, чтобы сохранить все знания о научном взгляде на кометы как можно дальше от студентов университетов. Даже к концу семнадцатого века клятва, обычно требуемая от профессоров астрономии на большей части Европы, препятствовала их преподаванию того, что кометы - это небесные тела, подчиняющиеся закону. Не менее серьезные усилия были предприняты для закрепления в умах студентов теологической теории. Два или три примера из многих могут служить образцами. Первым из них можно назвать учение Якоба Хеербранда, профессора Тюбингенского университета, который в 1577 году проиллюстрировал моральную ценность комет, сравнив Всевышнего, посылающего комету, с судьей, кладущим меч палача на стол между собой и преступником в суде; и, опять же, с отцом или школьным учителем, демонстрирующим розгу непослушным детям. Чуть позже у нас появляется другой церковный деятель, имеющий большое значение в этом регионе, Шикхарт, главный пастор и суперинтендант в Геппингене, проповедующий и публикующий проповедь о комете, в которой он осуждает тех, кто смотрит на подобные предупреждения Бога, не обращая на них внимания, и сравнивает их с "телятами, разинувшими рты перед новой дверью сарая". Еще позже, в конце семнадцатого века, мы находим, что Конрад Дитерих, руководитель исследований в Марбургском университете, осуждает все научные исследования комет как нечестивые и настаивает на том, что их следует рассматривать только как "знамения и чудеса".(103)

(103) О влиянии антипифагорейской клятвы см. Проу, Коперник; также Мадлер и Вольф. For Heerbrand, see his *Von dem erschrockenlichen Wunderzeichen*, Tübingen, 1577. For Schickart, see his *Predigt vom Wunderzeichen*, Stuttgart, 1621. О Дейтерихе читайте в его проповеди, более подробно описанной ниже.

Результаты этого церковного давления на науку в университетах болезненно проявлялись из поколения в поколение как в отношении профессоров, так и студентов; и можно привести примеры, типичные для его воздействия на каждый из этих двух классов.

Первым из них является дело Майкла Местлина. По рождению он был швабским протестантом, получил образование в Тюбингене в качестве ученика Апиана и после некоторого периода путешествий был устроен диаконом в маленьком приходе Бакнанг, когда комета 1577 года дала ему возможность применить свои астрономические познания. Его мельчайшие и точные наблюдения и по сей день являются одним из чудес науки. Кажется почти невероятным, что так много можно было сделать невооруженным глазом. Его наблюдения совпали с наблюдениями

Тихо Браге, и Маэстлин получил должность профессора астрономии в Гейдельбергском университете. Ни один человек не доказывал так ясно надлунное положение кометы и не показывал так убедительно, что ее движение было не беспорядочным, а регулярным. Молодой астроном, хотя и ученик Апиана, был признанным коперниканцем и будущим учителем и другом Кеплера. Тем не менее, в трактате, содержащем его наблюдения, он счел необходимым спасти свою репутацию ортодокса, назвав комету "новым и ужасным чудом" и посвятив главу "предположения о значении нынешней кометы", в которой он доказывает на основе истории, что эта разновидность кометы предвещает мир, но мир, приобретенный кровавой победой. То, что он действительно верил в эту теологическую теорию, кажется невозможным; сам факт, что его наблюдения установили надлунный характер и регулярное движение комет, доказывает это. Это было унижение, сравнимое только с унижением Осиандера, когда он написал свое пресмыкающееся предисловие к великой книге Коперника. Маэстлин получил свою награду: когда несколько лет спустя его старый учитель Апиан был изгнан со своей кафедры в Тюбингене за отказ подписать Лютеранскую книгу согласия, Маэстлин был избран на его место.

Не менее поразительным было воздействие этого теологического давления на умы студентов. Примечательной в качестве примера является книга лейпцигского юриста Бюттнера. По меньшей мере на восьмидесяти шести библейских текстах он доказывает намерение Всемогущего использовать небесные тела для наставления людей относительно будущих событий, а затем переходит к составлению исчерпывающих таблиц, из которых, поскольку известны время и место первого появления кометы, можно вывести ее значение. Это руководство он провозгласил триумфом религиозной науки под названием "Кометный часослов".(104)

(104) О Местлине см. его "Обсерваторию и демонстрацию комет", Тюбинген, 1578. О Бюттнере см. Его "Комету Штундбюхляйн", Лейпциг, 1605 год.

Такая же приверженность теории предзнаменований наблюдается в университетах протестантской Голландии. Поразительно видеть, как в шестнадцатом веке, после открытия Тихо Браге, голландский теолог Джерард Воссюс, профессор теологии и красноречия в Лейдене, придавал большое значение этому суеверию. "История всех времен, - говорит он, - показывает, что кометы были вестниками несчастий. Из этого не следует, что они наделены разумом, но что существует божество, которое использует их, чтобы призвать человечество к покаянию". Хотя он знаком с работами Тихо Браге, ему "трудно поверить", что все кометы эфирные, и он приводит несколько исторических примеров подлунных.

И эта попытка ограничить преподавание в университетах старым взглядом на кометы не ограничивалась протестантами. Римская церковь была, по возможности, более энергичной в тех же усилиях. Несколько примеров послужат образцами, представляющими православное учение в великих центрах католического богословия.

Один из таких можно увидеть в Испании. Выдающийся юрист Торребланка был признан руководящим авторитетом во всех университетах Испании, и в семнадцатом веке он повлиял на взгляды католической Европы, особенно в том, что касалось колдовства и оккультных сил в Природе. Он выдвигает старое кометное суеверие в качестве одной из основ ортодоксального учения: отвечая на вопрос, по моде своего времени, он утверждает, что кометы не могут быть

звездами, потому что новые звезды всегда предвещают добро, в то время как кометы предвещают зло.

То же самое преподавалось и в католических университетах Нидерландов. Фромунд в Лувене, враг Галилея, неуклонно продолжал свой крестовый поход против всей кометной ереси.(105)

(105) О Воссии см. "Об Идолопоклонстве" (в его опере, том v, стр. 283-285). О Торребланке читайте в его книге "De Magia", Севилья, 1618 г., которая часто переиздавалась. О Фромунде читайте в его "Метеорологике".

Но еще более поразительный случай наблюдается в Италии. Преподобный отец Августин де Анджелис, ректор колледжа Клементины в Риме, еще в 1673 году, после того как новая кометная теория была поставлена вне разумных сомнений, и даже когда Ньютон разрабатывал ее окончательную демонстрацию, опубликовал третье издание своих Лекций по метеорологии. Он был посвящен кардиналу Гессенскому и имел прямое разрешение магистра Священного дворца в Риме и главы религиозного ордена, к которому принадлежал Де Анджелис. Эта работа заслуживает тщательного анализа не только как представляющая высшее и наиболее одобренное университетское преподавание того времени в центре римско-католического христианского мира, но еще больше потому, что она представляет ту попытку найти компромисс между теологией и наукой, или, скорее, попытку использовать науку в интересах теологии, которую мы так постоянно обнаруживаем всякий раз, когда триумф науки в какой-либо области становится неизбежным.

Что касается научного элемента в этом компромиссе, Де Анджелис в своем общем введении по метеорологии утверждает, что основной материальной причиной возникновения комет является "выдох", и говорит: "Если этот выдох густой и липкий, он превращается в комету". И снова он возвращается к той же точке зрения, говоря, что "одна из форм выдоха - плотная, следовательно, легко воспламеняющаяся и долго удерживающая огонь, из которого особенно часто образуются кометы". Но именно в своей третьей лекции он специально рассматривает кометы, и его обсуждение их продолжается на протяжении четвертой, пятой и шестой лекций. Подробно изложив мнения различных теологов и философов, он излагает свое собственное в виде двух выводов. Первый из них заключается в том, что "кометы не являются небесными телами, но возникают в атмосфере земли ниже Луны; ибо все небесное вечно и нетленно, но у комет есть начало и конец — следовательно, кометы не могут быть небесными телами". Мы можем заметить, что это сопоставимо с наблюдениями и рассуждениями Тихо Браге и Кеплера и является очень хорошей иллюстрацией схоластического и средневекового метода — метода, который затушевывает установленный факт с помощью метафизической формулы. Его второй вывод состоит в том, что "кометы имеют элементарную и подлунную природу; ибо они представляют собой выдох, горячий и сухой, жирный и хорошо конденсированный, легко воспламеняющийся и воспламеняющийся в самых верхних слоях воздуха". Затем он продолжает отвечать на различные возражения против этой смеси метафизики и науки и, среди прочего, заявляет, что "жирный, липкий материал кометы может воспламениться от искр, падающих с огненных небесных тел или от удара молнии"; и, опять же, что густой, жирный, липкий материал кометы сохраняет форму ее хвоста, и что, поскольку кометы настолько далеки от прохождения своих путей за пределами лунной орбиты, как думали Тихо Браге и Кеплер, он сам в 1618 году видел "бородастую комету так близко к вершине Луны". Везувий, который,

казалось, почти касался его. " Что касается видов и качеств комет, он принимает точку зрения Аристотеля и делит их на бородатые и хвостатые. (106) Далее он пускается в долгие рассуждения об их цветах, формах и движении. Под этим последним заголовком он снова погружается глубоко в море метафизических рассуждений и не появляется до тех пор, пока не приходит к своему компромиссу во мнении, что их движение пока еще неопределенно и не понято, но что, если мы должны дать ему определенное объяснение, мы должны сказать, что оно осуществляется ангелами, специально назначенными для этой службы Божественным Провидением. Но, предлагая этот компромисс между наукой и теологией относительно происхождения и движения комет, он никого не желает слушать об их миссии как о "знамениях и чудесах" и предзнаменованиях зла. Он составляет тщательную таблицу этих зол, располагая их в следующем порядке: засуха, ветер, землетрясение, буря, голод, мор, война, и, чтобы завершить дело, заявляет, что комета, наблюдаемая им в 1618 году, принесла не только войну, голод, мор и землетрясение, но и всеобщее извержение вулкана, "которое разрушило бы Неаполь, если бы кровь непобедимого мученика Януария не устояла".

(106) *Barbata et caudata.*

Даже из этого наброска будет видно, что, хотя ученый отец Августин таким образом безошибочно приходит к средневековому выводу, он делает это в значительной степени с помощью научных и, по сути, современных процессов, придавая непривычное значение наблюдению и порой переплетая научное наблюдение со своей метафизикой. Наблюдения и методы его науки иногда проницательны, иногда комичны. Хорошими примерами последнего рода являются такие, как его наблюдение, что комета находилась очень близко к вершине Везувия, и его рассуждение о том, что ее хвост удерживался на месте благодаря своей липкости. Но наблюдения и рассуждения такого рода всегда являются первым почтением, которое теология отдает науке по мере приближения конца их борьбы.(107)

(107) См. Де Анджелис, Метеорологические лекции, Рим, 1669.

Столь же поразительным является пример, увиденный немного позже в другой части Европы; и он тем более примечателен, что Галлей и Ньютон уже полностью обосновали современную научную теорию. Как раз в конце семнадцатого века иезуит Рейнцер, профессор Линца, опубликовал свою философско-политическую "Метеорологию", в которой все природные явления получили как физическое, так и моральное истолкование. Она была богато и тщательно иллюстрирована и благодаря своему поучительному содержанию была в 1712 году переведена на немецкий язык для неподготовленного читателя. "Комете", конечно, уделяется большое внимание. "Она появляется, - говорит Райнцер, - только тогда на небесах, когда последние наказывают землю, и через нее (комету) не только предсказывают, но и приводят в исполнение всевозможные бедствия.... И с этой целью его хвост служит жезлом, шерсть - оружием и стрелами, свет - угрозой, а жар - признаком гнева и мести ". Его предупреждения состоят из трех частей: (1) "Кометы, появляющиеся в воздухе, ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ предвещают засуху, ветер, землетрясение, голод и мор". (2) "Кометы могут косвенно, ввиду их материала, предвещать войны, беспорядки и смерть принцев; ибо, будучи горячими и сухими, они доводят влажность (*Feuchtigkeiten*) в человеческом теле до необычайного жара и сухости, увеличивая желчность; и, поскольку эмоции зависят от темперамента и состояния тела, люди из-за этого

изменения побуждаются к насильственным действиям, ссорам, диспутам и, наконец, к оружию: особенно это происходит с принцами, которые более деликатны, а также более высокомерны, чем другие люди, и чьи эмоции зависят от темперамента и состояния тела". люди с повышенной влажностью более подвержены воспалению такого рода, поскольку они живут в роскоши и редко воздерживаются от того, что в таком сухом состоянии небес особенно вредно ". (3) "Все кометы, какое бы пророческое значение они естественно ни имели сами по себе, все же главным образом, согласно Божественному соизволению, являются вестниками смерти великих князей, войны и других подобных великих бедствий; и это известно и доказано, прежде всего, из слов самого Христа: "Восстанет народ на народ и царство на царство; и будут великие землетрясения во всех местах, и голод, и мор; и будут страшные явления и великие знамения с неба". "(108)

(108) См. Рейнцер, "Философско-политическая метеорология" (издание Аугсбурга, 1712), стр. 101-103.

В то время как прилагались такие усилия, чтобы удержать более высокообразованные классы на "путях библейской науки и здравого обучения", в университетах прилагались такие же усилия для сохранения кометной ортодоксальности народа в целом с помощью кафедр. Из массы проповедей для этой цели, которые были широко распространены, я выберу только две, как типичные, и они заслуживают тщательного изучения, поскольку демонстрируют некоторые особые опасности применения теологических методов к научным фактам. Во второй половине шестнадцатого века признанной столицей ортодоксального лютеранства был Магдебург, и в регионе, подчиненном этой метрополии, ни один церковный чиновник не занимал более видного положения, чем "Суперинтендант", или лютеранский епископ, соседнего Альтмарка. Именно этот сановник, по имени Андреас Челихиус, в 1578 году в Магдебурге представил прессе свое Теологическое напоминание о Новой комете. Осудив как богохульную попытку Аристотеля объяснить это явление иначе, чем сверхъестественным предупреждением Бога грешному человеку, он заверяет своих слушателей, что "тот, кто хочет знать истинный источник и природу кометы, не должен просто разевать рот и глазеть на научную теорию о том, что это землистый, жирный, жесткий и липкий пар и дымка, поднимающиеся в верхние слои воздуха и воспламеняемые небесным жаром". Гораздо важнее для них знать, что это за пар. На самом деле, по мнению Целихия, это не что иное, как "густой дым человеческих грехов, поднимающийся каждый день, каждый час, каждое мгновение, полный зловония и ужаса, перед лицом Бога и постепенно становящийся настолько густым, что образует комету с завитыми и заплетенными локонами, которая в конце концов разжигается горячим и пламенным гневом Верховного Небесного Судьи". Он добавляет, что, вероятно, только благодаря молитвам и слезам Христа этот сверкающий памятник человеческой порочности становится видимым для смертных. В поддержку этой теории он призывает "предстать перед Богом" за нечестие Содомы, Гоморры и Ниневии, и особенно за слова пророка о Вавилоне: "Его зловоние и гниль дошли до меня". То, что гнев Божий может вызвать пожар без какого-либо вмешательства Природы, доказывается в Псалмах: "Он посылает слово Свое и расплавляет их". Положение кометы, ее курс и направление ее хвоста предвещают особенно близкое приближение судного дня, хотя это также может предвещать, как обычно, голод, мор и войну. "И все же даже в наши дни, - скорбит он, - есть люди, достаточно безрассудные и легкомысленные, чтобы не обращать внимания на подобные небесные предупреждения, и они даже ссылаются в свою защиту на наставление Иеремии не бояться знамений на небесах". Эту идею он развивает

и показывает, что добрые и ортодоксальные христиане, хотя и не суеверны, как язычники, хорошо знают, "что Бог не связан своим творением и обычным ходом природы, но часто вынужден, особенно в этих последних отбросах мира, прибегать к нестандартным средствам, чтобы выразить свой гнев по поводу человеческой вины". (109)

(109) Что касается Целихия, или Челиха, смотрите в его собственном трактате, как указано выше.

Другой типичный случай произошел в следующем столетии и в другой части Германии. Конрад Дитерих в первой половине семнадцатого века был лютеранским священнослужителем высочайшего авторитета. Его способности теолога сделали его архидьяконом Марбурга, профессором философии и директором по исследованиям в университете Гиссена, а также "Суперинтендантом", или лютеранским епископом, на юго-западе Германии. В 1620 году, во второе воскресенье Адвента, в большом соборе Ульма он развил ортодоксальную доктрину о кометах в проповеди, затронув вопросы: 1. Что такое кометы? 2. На что они указывают? 3. Какое отношение мы имеем к их значению? Эта проповедь знаменует собой эпоху. Прочитанная в этом оплоте немецкого протестантизма прелатом высочайшего положения, она была немедленно напечатана, предваренная тремя хвалебными стихотворениями разных известных людей, и разослана, чтобы опровергнуть научный, или, как его называли, "безбожный" взгляд на кометы. Из предисловия видно, что Дитерих был искренне встревожен тенденцией рассматривать кометы как естественные явления. Его текст был взят из двадцать пятого стиха двадцать первой главы Евангелия от Луки: "И будут знамения на солнце, и на луне, и на звездах; и на земле бедствие народов, недоумение; море и волны ревушие". Относительно того, что такое кометы, он цитирует множество философов, и, обнаружив, что они расходятся между собой, он использует форму аргументации, нередкую с тех пор и по сей день, заявляя, что это различие во мнениях доказывает, что нет решения проблемы, кроме как в откровении, и настаивая на том, что кометы - это "знамения, специально посланные Всемогущим, чтобы предупредить землю". Дополнительное доказательство этого он находит в формах комет. Один, по его словам, имел форму трубы; другой - копья; третий - козла; третий - факела; третий - меча; третий - стрелы; третий - сабли; еще один - обнаженной руки. Из этих форм комет он делает вывод, что мы можем угадать их назначение. Что касается их создания, он цитирует Иоанна Дамаскина и других авторитетов ранней Церкви в поддержку идеи о том, что каждая комета - это звезда, вновь созданная по Божественному повелению из ничего, и что она указывает на гнев Божий. Что касается их назначения, то, процитировав в основном Библию и Лютера, он заканчивает настаиванием на том, что, поскольку Бог ничего не может творить напрасно, у комет должна быть какая-то особая цель; затем, из Исаяи и Иоилия среди пророков, из Матфея, Марка и Луки среди евангелистов, из Оригена и Иоанна Златоуста среди отцов церкви, из Лютера и Меланхтона среди реформаторов, он приводит различные тексты, более или менее убедительно доказывающие, что кометы указывают на зло и только на зло; и он цитирует Адвентистскую проповедь Лютера о том, что, хотя кометы могут возникать в ходе Естественного развития, они по-прежнему являются знаками зла для человечества. В ответ на теорию различных натуралистов о том, что кометы состоят из "некоего огненного, теплого, сернистого, селитряного, липкого тумана", он декламирует: "Наши грехи, наши грехи: это раскаленные пары, густые, липкие, сернистые облака, которые поднимаются от земли к небесам перед Богом". На протяжении всей проповеди Дитерих изливает презрение ко всем людям, которые просто исследуют кометы как природные объекты, обращает особое внимание на появившуюся

тогда в небесах комету, напоминающую длинную метлу или связку прутьев, и заявляет, что он и его слушатели могут считать это правильным только тогда, "когда мы видим стоящего перед нами Господа Бога нашего на небесах в виде разгневанного отца с розгой для своих детей". Отвечая на вопрос, что означают кометы, он полностью придерживается идеи, что они указывают на гнев Божий и, следовательно, на всякого рода бедствия. Страница за страницей заполняются отчетами о бедствиях, следующих за кометами. Начиная с "Сотворения мира", он настаивает на том, что первая комета вызвала Ноев потоп, и ссылается на множество авторитетных источников, начиная от Моисея и Исайи и заканчивая Альбертом Великим и Меланктоном, в поддержку точки зрения, что кометы предшествуют землетрясениям, голоду, войнам, эпидемиям и всем формам зла. Он устраивает некоторую демонстрацию астрономических знаний относительно величия солнца и Луны, но вскоре возвращается к своей старой аргументации. Умоляя своих слушателей не уводить их от устоявшейся веры христианского мира и принципов их отцов, он возвращается к своему старому утверждению, настаивая на том, что "наши грехи - это горючий материал, из которого сделаны кометы", и завершает самым искренним призывом к Всевышнему пощадить свой народ.(110)

(110) For Deiterich, see *Ulmische Cometen-Predigt, von dem Cometen, so nechst abgewischen 1618 Jahrs im Wintermonat erstenmahls in Schwaben sehen lassen,... gehalten zu Ulm... durch Conrad Dieterich, Ulm, 1620.* О жизни автора читайте в статье Дитерих в *Allgemeine Deutsche Biographie*. Смотрите также Вольфа.

Аналогичные усилия с кафедры были спровоцированы большой кометой 1680 года. Типичной среди них была попытка пастора Генриха Эрни в Швейцарии, который из Цюрихского кафедрального собора разослал циркулярное письмо духовенству этого региона, показывающее связь одиннадцатого и двенадцатого стихов первой главы Книги Пророка Иеремии с кометой, уведомляя, что по его предложению власти объявили торжественный пост, и призывая духовенство серьезно проповедовать на тему этого предупреждения.

Толкователи послания кометы также не удовлетворились простой прозой. При появлении кометы в 1618 году Грассер и Гросс, пасторы и доктора богословия в Базеле, выпустили сборник стихотворений, призванных закрепить ортодоксальную теорию в умах школьников и крестьян. Одно из них можно перевести так:

"Я - Жезл в деснице Божьей, угрожающий Германии и чужим землям".

Другие с аналогичной целью учили:

"Восемь вещей приносит Комета, Когда она достигает ужасных высот: Ветер, Голод, чуму и Смерть королей, Войну, Землетрясения, наводнения и Ужасные перемены".

Была проявлена большая изобретательность в ознакомлении университетов и школ с новыми текстами Священного Писания в связи с достижениями науки; и Стивен Сплайсс, ректор гимназии в Шаффхаузене, заслужил большую похвалу, рассказав, что в видении Иеремии "миндальный жезл" был хвостатой кометой, а "кипящий котел" - бородатой.(111)

(111) For Erni, see Wolf, *Gesch. d. Astronomie*, p. 239. Что касается Грасснера и Гросса, посмотрите их *Christenliches Bedenken... von dem erschrockenlichen*

Cometen, etc., Zurich, 1664. For Spleiss, see Beilaufziger Bericht von dem jetzigen Cometsternen, etc., schaffhausen, 1664.

Легко понять, что такие авторитетные высказывания, как высказывание Дитериха, должны были произвести большой эффект во всем протестантском христианском мире; и в свое время мы видим их действие в Новой Англии. Проявилась та же склонность к провинциализму, которая, за редкими исключениями, была проклятием массачусетской мысли с того дня по сей день; и в 1664 году мы находим Сэмюэля Данфорта, утверждающего на основании Библии, что "кометы являются зловещими сигналами великих и заметных перемен", и приводящего доводы из истории, что они "много раз были вестниками гнева для безопасного и нераскаившегося мира". Он особенно ссылается на комету 1652 года, которая появилась незадолго до болезни мистера Коттона и исчезла после его смерти. Мортон также в своей Мемориальной записи о смерти Джона Патнэма ссылается на комету 1662 года как "очень важное свидетельство того, что затем Бог удалил яркую звезду и сияющий свет с небес своей Церкви сюда, в небесную славу наверху". Он снова говорит о другой комете, настаивая на том, что "это был не огненный метеор, вызванный выдохом, но он был немедленно послан Богом, чтобы пробудить безопасный мир", и продолжает показывать, как в тот год "Богу было угодно поразить плоды земли, а именно, пшеницу в особенности, плесенью, в результате чего большая ее часть испортилась и стала бесполезной, а большая часть ничего не стоила, будучи легкой и пустой". Рассудительные и совестливые жители страны рассматривали это как говорящее провидение против неблагодарности многих ... а также против сладострастия и жестокого обращения с добрыми созданиями Божиими посредством распущенности в питье и моде в одежде, на получение которых большая часть основного зерна часто расходовалась без необходимости".

Но в 1680 году кто-то более сильный, чем кто-либо из них, ухватился за эту доктрину и с силой применил ее. Инкриз Мазер, всегда открытый для идей из Европы и всегда столь могущественный в отношении добра или зла в клуни, произнес свою проповедь на тему "Тревога Небес миру ... в которой показано, что страшные явления и знамения на небесах являются предвестниками приближающихся великих бедствий". Тексты были взяты из книги Откровение: "И третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая, как светильник", и "Вот, третье горе приближается быстро". В этой, как и в различных других проповедях, он полностью поддерживает теологическую теорию о кометах. Он настаивает на том, что "мы пали в пучину времени" и что судный день, очевидно, приближается. Он объясняет слова Иеремии — "Не ужасайтесь знамениям на небесах" — и показывает, что кометы были предвестниками почти всех форм зла. Воздав должное злу, предсказанному таким образом во времена Писания, он начинает подобную демонстрацию в современной истории, ссылаясь на пылающие звезды, которые предсказывали вторжения готов, гуннов, сарацин и турок, и предостерегает скептиков, приводя пример Веспасиана, который, высмеяв комету, вскоре умер. Общая форма и внешний вид комет, по его мнению, указывают на их назначение, и он цитирует Тертуллиана, чтобы доказать, что это "острые бритвы Бога, которыми он опрашивает человечество, и его коса, которой он срезает множество грешных созданий". Наконец, поднявшись на устрашающую высоту, он провозглашает: "Ибо Господь зажег свой маяк на небесах среди тамошних Божьих звезд; страшное зрелище еще не скрылось из виду. Предупреждающий кусочек небес гаснет. Итак, если Господь выпустит свои смертоносные орудия свыше, и люди будут признаны в своих грехах непригодными для смерти, их кровь будет на них". И снова, в агонии мольбы, он восклицает: "Видим ли мы меч, сверкающий над нами?"

Пусть это побудит нас взывать к Богу, чтобы суд был отклонен и не возвращался к нам снова так быстро.... Угрожает ли Бог самим нашим небесам? О, молись ему, чтобы он не забирал звезды и не посылал им на смену кометы".(112)

(112) Что касается Данфорта, см. Его Астрономическое описание Поздней кометы, или Пылающей звезды, Вместе с кратким теологическим применением этого, 1664. О Мортоне см. Его Мемориал, стр. 251, 252,; также 309, 310. Тексты, процитированные Мазером, были Откр., viii, 10 и xi, 14.

Два года спустя, в августе 1682 года, он последовал за этим с другой проповедью о "Последнем знамении", "в которой показано, что к голосу Божьему в знаменательных провидениях, особенно когда он повторяется, следует прислушиваться". Здесь, конечно, также большое внимание уделяется комете. Но тон его менее уверенный: даже среди всех его аргументов сквозит явное опасение. Мысли Ньютона в науке и Бейля в философии явно стремились осуществить пророчество Сенеки. Тревога Мазера по этому поводу понятна. Его естественная склонность поддерживать идею о том, что комета - это просто огненный шар, брошенный рукой Бога-мстителя в виновный мир, но он, очевидно, чувствует себя обязанным уступить что-то научному духу; следовательно, в "Рассуждении о кометах", опубликованном в 1683 году, он заявляет: "Есть те, кто думает, что, поскольку можно предположить, что кометы возникают по естественным причинам, в них нет говорящего голоса Небес, кроме того, что можно сказать обо всех других делах Божьих. Но несомненно то, что многие вещи, которые могут произойти в соответствии с ходом Природы, являются зловещими знаками Божественного гнева и предвестниками великого зла, надвигающегося на мир ". Затем он отмечает затмение августа 1672 года и добавляет: "В том году колледж был омрачен смертью тамошнего ученого президента, достойного мистера Чонси, а две колонии, а именно Массачусетс и Плимут, — смертью двух губернаторов, которые скончались в течение двенадцати месяцев после этого.... Должны ли же тогда такие могущественные творения Божьи, какими являются кометы, быть незначительными вещами?" (113)

(113) "Тревога небес миру" Инкриза Мазера была впервые напечатана в Бостоне в 1681 году, но была переиздана в 1682 году и была приложена вместе с проповедью о Последнем Знаке к "Рассуждению о кометах" (Бостон, 1683).

III. ВТОРЖЕНИЕ СКЕПТИЦИЗМА.

Какими бы энергичными ни были аргументы Мазера, мы видим, что скептицизм по поводу "знамений" продолжает овладевать общественным сознанием; и, несмотря на его угрозы, примерно двадцать лет спустя мы находим замечательное свидетельство этого прогресса в том

факте, что этот скептицизм охватил не меньшую личность, чем этот колосс ортодоксии, его трижды прославленный сын, сам Коттон Мазер; и мы находим его в 1726 году, несмотря на доводы его отца, заявляющим в своем *Manuductio*: "Возможно, мне есть некоторая необходимость предостеречь вас от того, чтобы вы пугались из-за этого". небесные знамения или какие-либо суеверные представления о затмениях и тому подобном.... Я желаю, чтобы вы не опасались ничего зловещего в пылающих звездах. Со своей стороны, я не знаю, не улучшатся ли для них все наши миры и даже само солнце".(114)

(114) Информацию о Хлопковой матери см. В Руководстве, стр. 54, 55.

Достаточно любопытно, что для этого научного скептицизма у Коттона Мэзера была причина, идентичная той, которая развила суеверие в сознании его отца. Одна и та же провинциальная тенденция безоговорочно принимать любую новоевропейскую моду в мышлении или речи воздействовала на обоих, погружая одного в суеверия и вытягивая из них другого.

Европейская мысль, которой следовала Новая Англия, наконец-то в значительной степени отошла от теологического взгляда на кометы как на знамения и чудеса. Зародыш этого освобождающего влияния был главным образом в великом высказывании Сенеки; и почти в каждом столетии мы находим какие-либо свидетельства того, что этот зародыш все еще был жив. Эта жизнь становилась все более очевидной после периода Реформации, хотя богословы в каждой Церкви делали все возможное, чтобы разрушить ее. Первая серия нападок на старую теологическую доктрину была в основном основана на философских рассуждениях. Еще в первой половине шестнадцатого века мы слышим, как Юлий Цезарь Скалигер протестовал против кометного суеверия как "смехотворной глупости". (115) Более важное значение имел трактат Блеза де Виженера, опубликованный в Париже в 1578 году. В этой небольшой книге даются различные утверждения о кометах как знаках гнева или причинах зла, за которыми следует очень мягкое и спокойное обсуждение, обычно направленное на развитие того здорового скептицизма, который является основой исследования. Наглядный пример его подхода к предмету можно увидеть в том, как он обращается с фрагментом "священной науки". Это было просто то, что "кометы угрожают смертью принцам и королям, потому что они живут более деликатно, чем другие люди; и, следовательно, воздух, загустевший и испорченный кометой, естественно, был бы более вредным для них, чем для простых людей, питающихся более грубой пищей". На это Де Виженер отвечает, что есть очень много людей, которые питаются столь же изысканной пищей, как та, которой наслаждаются принцы и короли, и при этом не получают никакого вреда от комет. Затем он продолжает показывать, что многие из величайших монархов в истории встречали смерть без какой-либо кометы, предвещавшей это.

(115) О Скалигере см. стр. 20 книги Дудита, цитируемой ниже.

В том же году подобный вдумчивый скептицизм нашел сторонника в другой части Европы. Томас Эраст, ученый и набожный профессор медицины в Гейдельберге, опубликовал письмо, в самых простых выражениях разоблачающее это суеверие. В частности, он утверждал, что не может быть никакой естественной связи между кометой и эпидемией, поскольку горение при выдыхании должно способствовать очищению, а не заражению воздуха. В следующем году красноречивый венгерский богослов Дудит опубликовал письмо, в котором богословская теория была изложена еще более проникательно, поскольку он утверждал, что, если бы кометы

были вызваны грехами смертных, они никогда бы не исчезли с неба. Но эти высказывания на какое-то время были отвергнуты лидерами теологической мысли как поверхностные или нечестивые.

В семнадцатом веке начали множиться убедительные аргументы против этого суеверия на общих основаниях. В Голландии Бальтазар Беккер выступал против этого, как он выступал против иллюзии колдовства, на общефилософских основаниях; и Любиеницкий писал в компромиссном духе, чтобы доказать, что за кометами так же часто следуют добрые, как и злые события. Во Франции Пьер Пети, бывший географ Людовика XIII и близкий друг Декарта, обратился к молодому Людовику XIV с яростным протестом против суеверия, основывая свои аргументы не на астрономии, а на здравом смысле. Очень эффективная часть этого небольшого трактата была посвящена опровержению авторитета отцов ранней Церкви. Для этого он просто напомнил своим читателям, что св. Августин и святой Иоанн Дамаскин также выступали против доктрины антиподов. Книга сослужила хорошую службу во Франции и была переведена в Германии несколько лет спустя.(116)

(116) О Блезе де Виженере см. в его "Следе комет", Париж, 1578.
О Дудите см. в его "О достоинстве комет", Базель, 1579, к которому приложено письмо Эраста. Взгляды Беккера можно найти в его "Ондерзоек ван де Бетекенинг дер Кометен", Леуварден, 1683. О Любеницком см. Его *Theatrum Cometicum*, Амстердам, 1667, в части ii: *Historia Cometarum*, предисловие "к читателю". О Петите см. Его Диссертацию о природе комет, Париж, 1665 (немецкий перевод, Дрезден и Циттау, 1681).

Все они были осуждены как неверующие и еретики, но, тем не менее, они заставили людей задуматься и подготовили путь для гораздо более великого гения; ибо ближе к концу того же столетия философскую атаку продолжил Пьер Байль, и во всей череде философских поборников он является главным. Будучи профессором в Университете Седана, он наблюдал тревогу, вызванную кометой 1680 года, и теперь он использовал все свои способности рассуждать об этом. Мысли, глубокие и остроумные, он изливал в томе за томом. Католики и протестанты были одинаково шокированы. Католическая Франция отвергла его, а Юрье, великий реформатский богослов, назвал его кометные взгляды "атеизмом" и изо всех сил добивался, чтобы протестантская Голландия осудила его. Хотя Бейль не затронул сразу массы человечества, он с силой воздействовал на людей, которые давали себе труд думать. Для Церкви действительно было несчастьем то, что теологи, вместо того чтобы взять инициативу в свои руки в этом вопросе, оставили ее Бейлю; ибо, опровергая мнимое библейское учение о кометах, он опроверг многое другое: из всех людей его времени никто так тщательно не подготовил путь для Вольтера.

Вся аргументация Бейля уходит корнями в пророчество Сенеки. Он заявляет: "Кометы - это тела, подчиняющиеся обычным законам Природы, а не чудеса, не подчиняющиеся никаким законам". Он исторически показывает, что нет никаких оснований рассматривать кометы как предзнаменования земного зла. Что касается того факта, что такое зло происходит после прохождения комет по небу, он сравнивает человека, верящего, что кометы вызывают это зло, с женщиной, смотрящей из окна на парижскую улицу и верящей, что экипажи проезжают потому,

что она смотрит наружу. Что касается исполнения некоторых предсказаний, он цитирует проницательное высказывание Генриха IV о том, что "публика запомнит одно сбывшееся предсказание лучше, чем все остальные, оказавшиеся ложными". Наконец, он подводит итог, говоря: "Чем больше мы изучаем человека, тем больше становится очевидным, что гордыня является его господствующей страстью и что он демонстрирует величие даже в своем несчастье. Будучи ничтожным и бранным созданием, он сумел убедить людей, что не может умереть, не нарушив всего хода Природы и не вынудив небеса пойти на новые расходы. Чтобы осветить его похоронную пышность. Глупое и нелепое тщеславие! Если бы у нас было справедливое представление о вселенной, мы бы вскоре поняли, что смерть или рождение принца - слишком незначительное событие, чтобы взбудоражить небеса".(117)

(117) О Байле см. Madler, Himmelskunde, том i, стр. 327.

Чтобы узнать об особых моментах, представляющих интерес в аргументации Бейля, см. Его "Размышления о разнообразиях комет", Амстердам, 1749, стр. 79, 102, 134, 206.
Ответ Юрье см. в "Продолжении Писем", Роттердам, 1705; также Чемпион, стр. 164, Леки, Уби выше и Гильмен, стр. 29, 30.

За этим великим философским поборником правильного разума последовал литературный поборник, едва ли менее известный; ибо теперь Фонтенель поставил во французском театре свою пьесу "Комета", и во Франции был поставлен важный вопрос, сделав армию невежества смешной.(118)

(118) См. Fontenelle, цитируемое Champion, стр. 167.

Такова была линия философских и литературных атак, развернутая от Скалигера до Фонтенеля. Но под всем этим и посреди него, от начала до конца, придавая ему твердость, мощь и новые источники жизненности, находилось неуклонное развитие научных усилий; и ряду великих людей, которые терпеливо добывали истину научными методами на протяжении всех этих столетий, принадлежат почести победы.

На протяжении многих поколений люди в разных частях света вели тщательные наблюдения за этими странными телами. Еще в то время, когда Лютер, Меланхтон и Цвингли были встревожены различными кометами с 1531 по 1539 год, Питер Апиан сохранял достаточно хладнокровия, чтобы делать научные заметки об их перемещениях по небу. Чуть позже, когда великая комета 1556 года напугала пап, императоров и реформаторов, такие люди, как Фабрициус в Вене и Хеллер в Нюрнберге, спокойно наблюдали за ее траекторией. Напрасно такие люди, как Дитерих, Хеербранд и Челих из разных частей Германии, осуждали такие наблюдения и исследования как нечестивые; они неуклонно продолжались, и в 1577 году появилось первое, которое привело к четкому обоснованию современной доктрины. В том году появилась комета, которая снова повергла Европу в тревогу. В каждой европейской стране эта тревога была сильной, но в Германии сильнее всего. Церкви были заполнены охваченными ужасом толпами. Проповедь Челиха в Магдебурге была повторена проповедью Хеербранда в Тюбингене, и обе эти проповеди прозвучали с тысяч других кафедр, католических и протестантских, по всей Европе. Посреди всего этого шума и воплей несколько человек спокойно, но неотрывно

наблюдали за чудовищем, и в результате Тихо Браге объявил, что его путь лежит дальше от земли, чем орбита Луны. Другой великий астрономический гений, Кеплер, подтвердил это. Теологи резко воспротивились этому отчетливому началу новой доктрины; они осудили его как один из пагубных результатов того научного вмешательства в замыслы Провидения, против которого они так долго выступали с кафедр и профессорских кресел; они даже выдвинули некоторых астрономов, достаточно амбициозных или недалеких, чтобы те засвидетельствовали, что Тихо и Кеплер заблуждались.(119)

(119) See Madler, *Himmelskunde*, vol. i, pp. 181, 197; also Wolf, *Gesch. d. Astronomie*, and Janssen, *Gesch. d. deutschen Volkes*, vol. v, p. 350. Проповедь Хеербранда, процитированная выше, является хорошим образцом теологической позиции. См. Pingre, vol. ii, стр. 81.

Ничто не могло быть более естественным, чем такое противодействие; ибо это простое заявление Тихо Браге положило начало новой эре. Оно потрясло саму основу кометных суеверий. Аристотелевская точка зрения, развитая теологами, заключалась в том, что то, что находится внутри орбиты Луны, относится к земле и, по сути, преходяще и порочно, в то время как то, что находится за ее пределами, принадлежит небесам и является постоянным, регулярным и чистым. Таким образом, Тихо Браге и Кеплер, посредством научных наблюдений и размышлений выведя кометы из категории метеоров и явлений вблизи Земли и поместив их среди небесных тел, нанесли удар по самим основам теологической аргументации и дали мощный импульс идее о том, что кометы сами по себе являются небесными телами, движущимися регулярно и подчиняющимися закону.

IV. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА. — ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА НАУКИ.

Теперь были предприняты попытки найти компромисс. Было заявлено, что, хотя некоторые кометы, несомненно, являются надлунными, некоторые должны быть подлунными. Но это признание было не менее фатальным и по другой причине. Как мы видели, в течение многих столетий Церковь придерживалась теории, согласно которой земля была окружена полыми сферами, концентрическими и прозрачными, образующими ряд стекловидных слоев, накладывающихся друг на друга, "подобно различным оболочкам луковицы", и что каждый из них в своем движении вокруг земли несет одно или несколько небесных тел. Некоторые утверждали, что эти сферы были хрустальными; но Лактанций, а вместе с ним и различные отцы Церкви, говорили о небесном своде как о сделанном из льда. Итак, признание того, что кометы могут перемещаться за пределы Луны, было фатальным для этой теории, поскольку оно

заставляло их разбиваться о ледяные или хрустальные сферы и, следовательно, о всю священную ткань теории Птолемея.(120)

(120) Об этих особенностях кометной теории см. Пингре, том i, стр. 89; также Гумбольдт, "Космос" (английский перевод, Лондон, 1868), том. iii, с. 169.

Здесь мы можем на мгновение остановиться, чтобы отметить одно из главных различий между научными и теологическими рассуждениями, рассматриваемыми сами по себе. Основное рассуждение Кеплера о существовании закона движения комет было правильным; но его второстепенное рассуждение о том, что кометы движутся почти по прямым линиям, было неправильным. Его правильные рассуждения были развиты Гассенди во Франции, Борелли в Италии, Хевелем и Дерфелем в Германии, Эйзатом и Бернулли в Швейцарии, Перси и — что наиболее важно с точки зрения математической демонстрации — Ньютоном в Англии. Общую теорию, которая была верна, они приняли и развили; вторичную теорию, которая была признана неверной, они отвергли; и в результате как из того, что они таким образом приняли, так и из того, что они отвергли, была выработана основа всей современной кометной теории.

Это сильно отличалось от теологического метода. Как правило, когда появляется мыслитель, столь же великий в теологии, как Кеплер в науке, вся масса его выводов вызревает в догму. Его ученики трудятся не для того, чтобы проверить это, а для того, чтобы утвердить; и в то время как в католической церкви это становится догмой, в которую можно верить или не верить под страхом проклятия, в протестантской церкви это становится основой еще одной секты.

Различные астрономы трудились над развитием истины, открытой Тихо и подкрепленной Кеплером. Кассини, казалось, мог снискать Италии славу завершения великого сооружения; но, к сожалению, он был скован церковным влиянием и был вынужден оставить большую часть работы другим. Одним из первых среди них был Хевель. Он привел основания полагать, что кометы движутся по параболическим траекториям к солнцу. Затем появился человек, который развил эту истину дальше, — Сэмюэль Доэрфел; и приятно отметить, что он был священнослужителем. Комета 1680 года, которая заставила Эрни в Швейцарии, Мазера в Новой Англии и многих других во всех частях света декламировать, заставила Доэрфеля задуматься. Не побоявшись авторитета Оригена и святого Иоанна Златоуста, аргументов Лютера, Меланхтона и Цвингли, протестов Челиха, Хеербранда и Дитериха, он размышлял над этой проблемой в своем маленьком саксонском приходском доме, пока в 1681 году не представил свои доказательства того, что кометы - это небесные тела, движущиеся по параболам, в центре которых находится солнце. Бернулли пришел к тому же выводу; и, наконец, этот великий ряд людей и работ был завершен величайшим из всех, когда Ньютон в 1686 году, взяв данные, предоставленные "кометой" 1680 года, продемонстрировал, что кометы в своем движении руководствуются тем же принципом, который управляет планетами на их орбитах. Так завершилась эволюция этой новой истины в науке.

Однако мы не должны предполагать, что эти две великие серии философских и научных побед очистили поле боя от всех противников. Декламации и притворная демонстрация старой теологической точки зрения все еще были слышны; но день полной победы наступил, когда Галлей после самых тщательных наблюдений и расчетов признал комету 1682 года как ту, которая уже появлялась в указанные периоды, и предсказал ее возвращение примерно через

семьдесят пять лет; и битва была полностью выиграна, когда Клеро, поддержанный Лаландом и мадам Дж. Лепоте ясно предсказал время, когда комета достигнет своего перигелия, и это предсказание подтвердилось. (121) Тогда римский философ-язычник оказался более непогрешимым и более непосредственно находившимся под Божественным вдохновением, чем римский христианский понтифик; ибо та самая комета, которую путешественник находит сегодня изображенной на гобелене Байе как предвещающую гибель Гарольду и саксам во время вторжения норманнов в Англию, и которая, по мнению папы Каликста, предвещала зло христианскому миру, была найдена шестью столетиями позже, как и все остальные. Сенека предсказал, что небесное тело подчиняется великим законам Вселенной и приходит через определенные промежутки времени. С тех пор вся тяжеловесная махинация этого суеверия с его доказательными текстами относительно "знамений на небесах", его теологическими рассуждениями, показывающими моральную необходимость предупреждений о кометах, и его церковными нападка на "атеизм, безбожие и неверие" научных исследований, была сочтена всеми мыслящими людьми столь же слабой против научного метода, как индейские стрелы против игольчатых ружей. Победу одержали Коперник, Галилей, Кассини, Дерфель, Ньютон, Галлей и Клеро. (122)

(121) См. Пингре, том i, стр. 53; Грант, История физической астрономии, стр. 305 и т.д., и т.п. Любопытное частичное предвосхищение Гуком в 1664 году великой истины, провозглашенной Галлеем в 1682 году, см. в Дневнике Пеппи за 1 марта 1664 года. Превосходное изложение всей работы Галлея и Клеро, а также их предшественников и единомышленников см. у Пингре, Мадлера, Вольфа, Араго и др.

(122) В соответствии с пророчеством Галлея, комета 1682 года возвращалась в 1759 и 1835 годах. Смотрите Мадлера, Гиллемина, Уотсона, Гранта, Деламбра, Проктора, статью "Астрономия" в Энциклопедии. Брит., и особенно подробнее см. Wolf, стр. 407-412 и 701-722. Для получения четкого заявления относительно Дюэра см. Wolf, стр. 411.

Поучительно отметить, что даже после того, как главная битва была проиграна, возобновились попытки, которые всегда наблюдаются при подобных обстоятельствах, достичь компромисса, создать "безопасную науку" на псевдонаучных и псевдотеологических основаниях. Лютер, с его сильным здравым смыслом, предвидел это; Кеплер выразил готовность принять это. Утверждалось, что кометы могут быть небесными телами, движущимися по правильным орбитам и даже подчиняющимися закону, и все же быть посланы как "знамения на небесах". Многие достойные люди страстно цеплялись за эту фазу старой веры, и в 1770 году Семлер, профессор в Галле, попытался удовлетворить обе стороны. Он настаивал на том, что, хотя с научной точки зрения кометы не могут оказывать никакого физического влияния на мир, все же с религиозной точки зрения они могут оказывать моральное влияние как напоминание о Справедливом Суде Вселенной.

Как трудно было добрым людям отказаться от доктрины "знамений на небесах", которая, казалось бы, основана на Священном Писании и проявляет такую здоровую нравственную тенденцию! Как это всегда бывает после такого поражения, эти приверженцы "священной

науки" проявили величайшую изобретательность в разработке заявлений и аргументов, направленных на опровержение новой доктрины. В нашем веке великий поборник католицизма Жозеф де Местр повторил их, заявив о своей вере в то, что кометы являются особыми предупреждениями о зле. Точно так же в протестантской Англии в 1818 году журнал *Gentleman's Magazine* сообщил, что под пагубным влиянием недавней кометы "мухи ослепли и умерли в начале сезона", а "у жены лондонского сапожника родилось четверо детей". И даже в 1829 году мистер Форстер, английский врач, опубликовал работу, доказывающую, что кометы вызывают жаркое лето, холодную зиму, эпидемии, землетрясения, тучи мошек и саранчи и почти все мыслимые бедствия. Он особо акцентировал внимание на том факте, что комета 1665 года совпала с чумой в Лондоне, очевидно, забыв, что другие крупные города Англии и Континента не были посещены подобным образом; и в кульминации объявляет тот факт, что от кометы 1663 года "заболели все кошки в Вестфалии".

Все еще сохранялось одно небольшое облачко суеверия, возникшее главным образом из предполагаемого факта, что за кометами действительно последовало заметное повышение температуры. Даже эта слабая основа для веры в то, что они, в конце концов, могут влиять на земные дела, была отброшена, и наука одержала здесь еще одну победу; ибо Араго с помощью термометрических записей, тщательно сохранявшихся в Париже с 1735 по 1781 год, доказал, что кометы не оказывали никакого влияния на температуру. Среди множества подобных примеров он показал, что в некоторые годы, когда появлялось несколько комет, температура была ниже, чем в другие годы, когда появлялось мало комет или их вообще не было. В 1737 году было две кометы, и погода была прохладной; в 1785 году кометы не было, и погода была жаркой; на протяжении целых пятидесяти лет было показано, что за кометами иногда следует жаркая погода, иногда прохладная, и что никакого правила вывести невозможно. Победа науки была полной во всех отношениях.(123)

(123) Что касается Форстера, см. Его Иллюстрации атмосферного происхождения эпидемических заболеваний, Челмсфорд, 1829, цитируемые Араго; также в *Quarterly Review* за апрель 1835 года. С работами нескольких представителей обеих сторон, и особенно тех, кто стремился сохранить, насколько это возможно, священную теорию комет, можно ознакомиться в Madler, vol. ii, стр. 384 и далее., и Вольф, стр. 186.

Но в этой истории был один маленький эпизод, настолько любопытный, что заслуживал внимания, хотя его постоянное воздействие на мышление было незначительным. Уистон и Бернет, столь преданные тому, что они считали священной наукой, пришли к выводу, что кометы каким-то образом должны быть орудиями Божественного гнева. Один из них утверждал, что всемирный потоп был вызван ударом хвоста кометы о землю; другой выдвинул теорию о том, что кометы являются местами наказания для проклятых — фактически, "летающими адами". Теории Уистона и Бернета нашли широкое признание также в Германии, главным образом благодаря всемогущему посредничеству Готтшеда, столь долго занимавшего профессорскую кафедру в Лейпциге, диктатора ортодоксальной мысли, который не только написал собственный краткий трактат по этому предмету, но и составил объемистое историческое введение к более подробному трактату Гейна. В этой книге, вышедшей в свет в Лейпциге в 1742 году, полностью доказана роль комет в сотворении мира, потопе и окончательном разрушении. Однако вскоре обе эти теории были дискредитированы.

Возможно, с более интересным из них лучше всего можно познакомиться по другому, который, если и не установлен полностью, то, по—видимому, гораздо лучше обоснован, а именно: в 1868 году земля прошла прямо через хвост кометы, без потопа, без звука каких-либо воплей проклятых, лишь с небольшими появлениями здесь и там, которые могут быть обнаружены только острым зрением метеорологического или астрономического наблюдателя.

В нашей собственной стране суеверные представления о кометах продолжали иметь некоторое распространение, но их жизнь была короткой. Тенденция, проявленная Коттоном Мазером в начале восемнадцатого века к признанию победы науки, была дополнена высказываниями Уинтропа, профессора Гарварда, который в 1759 году опубликовал две лекции о кометах, в которых он просто и ясно раскрыл истину, никогда не насмехаясь, но рассуждая спокойно и благоговейно. В одном отрывке он говорит: "Впадать в панику всякий раз, когда появляется комета, из-за пагубных последствий, которые некоторые из них могли бы произвести, если бы не находились под надлежащим руководством, выдает слабость, недостойную разумного существа".

Большое влияние в этом отношении оказал на обоих континентах Джон Уэсли. Так же упорно, как он придерживался предполагаемого взгляда на Священное Писание во многих других вопросах науки, в этом он позволил своему разуму возобладать, принял доказательства Галлея и прославился ими.(124)

(124) For Heyn, see his Versuch einer Betrachtung uber die cometun, die Sundfluth und das Vorspeil des jungsten Gerichts, Leipsic, 1742. Латинская версия того же года носит название "Священный образец кометологии". О теории, согласно которой земля столкнулась с хвостом кометы, см. Гиллемина и Уотсона. О выживании старой идеи в Америке читайте в Проповеди Израэля Лоринга из Садбери, опубликованной в 1722 году. О профессоре Дж. Уинтропе см. Его "Кометы". О Уэсли см. его "Натурфилософию", Лондон, 1784, том. iii, стр. 303.

Победа действительно была полной. К счастью, ни одно из опасений, высказанных Конрадом Дитерихом и Инкрисом Мазером, не оправдалось. Никакой катастрофы не произошло ни с религией, ни с моралью. В сфере религии Псалмы Давида остаются не менее прекрасными, великие высказывания еврейских пророков не менее могущественными; нагорная проповедь, "первая заповедь и вторая, подобная ей", определение "чистой и непорочной религии" Святого Иакова, не менее вызывают к глубочайшим вещам человеческого сердца. И в области морали, какой бы полезной ни казалась идея о головнях, брошенных десницей Бога-мстителя, чтобы напугать непослушный мир, любой компетентный историк должен признать, что за разрушением старой теологической теории о кометах последовало моральное улучшение, а не деградация. Нам достаточно сравнить общий моральный настрой современного общества, каким бы прискорбно несовершенным оно ни было, с тем, который существовал в то время, когда это суеверие имело наиболее сильное влияние. Нам стоит только сравнить двор Генриха VIII со двором Виктории, правление поздних Валуа и ранних принцев Бурбонов с нынешней Французской республикой, период Медичи, Сфорца и Борджиа с периодом Льва XIII и Гумберта, чудовищную злобу Тридцатилетней войны с облагораживающим патриотизмом франко-прусской борьбы и деспотизм жалких немецких князьков шестнадцатого и семнадцатого веков

с правлением императора Вильгельма. Выгода заключается не просто в том, что человечество пришло к более четкому представлению о законе во вселенной; не просто в том, что мыслящие люди яснее видят, что мы являемся частью системы, не требующей постоянного исправления и произвольного вмешательства; но, возможно, лучше всего то, что наука убрала еще один ряд тех догм, которые скорее принижают, чем развивают всю моральную и религиозную природу человека. В этом освобождении от террора и фанатизма, как и во многих других результатах научного мышления, мы имеем доказательство вдохновенности тех великих слов: "ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ".

ГЛАВА V. ОТ КНИГИ БЫТИЯ К ГЕОЛОГИИ.

I. РОСТ ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ.

Среди философов Греции мы находим, даже в ранний период, зародыши геологической истины и, что чрезвычайно важно, атмосферу, в которой эти зародыши могли расти. Эти зародыши были переданы римской мысли; атмосфера терпимости сохранялась; ничто не запрещало беспрепятственно рассуждать ни о слоях земли, ни об обнаруженных в них остатках прежней жизни, и при Римской империи, казалось, наверняка начнется период плодотворных наблюдений.

Но по мере того, как христианство захватило власть над миром, произошли большие перемены. Самое раннее отношение Церкви к геологии и родственным ей наукам было безразличным и даже презрительным. Согласно преобладающему мнению, Земля была "падшим миром" и вскоре должна была быть уничтожена. Зачем же тогда ее изучать? Действительно, зачем об этом думать? Презрение, с которым Лактанций и святой Августин относились к изучению астрономии, в значительной степени распространялось на другие науки. (125)

(125) Краткое и достойное восхищения изложение о заре геологических концепций в Греции и Риме см. в эссе г-на Лестера Уорда по палеоботанике в Пятом ежегодном отчете Геологической службы США за 1883-84 годы. Что касается причин, по которым греческие философы сравнительно мало сделали для геологии, см. D'Archiac, *Geologie*, стр. 18. О презрении, которое испытывали Лактанций и Св. Отношение Августина к астрономической

науке см. В предыдущих главах, посвященных астрономии и географии.

Но ростки научного знания и мысли, развитые в древнем мире, не могли быть полностью подавлены ни красноречием, ни логикой; некоторые небольшие научные наблюдения должны были допущены, хотя все тщательные рассуждения на их основе были скованы теологией. Так, святой Иероним настаивал на том, что разорванная и искривленная земная кора свидетельствует о гневе Бога против греха, а Тертуллиан утверждал, что окаменелости появились в результате Ноева потопа.

Чтобы удержать все подобные наблюдения и рассуждения в ортодоксальных рамках, святой Августин примерно в начале пятого века предпринял попытку развить из этих ростков науку, которая должна была быть священной и безопасной. С этим намерением он подготовил свой великий комментарий к творению, описанному в Книге Бытия, помимо того, что подробно останавливался на этом предмете в других произведениях. Однажды занявшись этой работой, он отдался ей более серьезно, чем когда-либо делал кто-либо из более ранних отцов церкви; но его обширные исследовательские способности и мышление не были направлены на фактическое наблюдение или рассуждение на основе наблюдения. Лейтмотив всего его метода виден в его знаменитой фразе: "Ничто не должно приниматься, кроме авторитета Священного Писания, поскольку этот авторитет выше всех сил человеческого разума". Все его мысли были направлены на изучение буквы священного текста и на то, чтобы заставить его объяснять природные явления чисто теологическими методами. (126)

(126) Цитаты и авторитетные источники по этим вопросам см. в главе, посвященной метеорологии.

Среди множества вопросов, которые он затем поднял и обсудил, можно упомянуть такие, как этот: "Что вызвало сотворение звезд на четвертый день?" "Были ли хищные и ядовитые животные созданы до или после грехопадения Адама? Если до, то как их творение может быть согласовано с Божьей благодатью; если после, то как их творение может быть согласовано с буквой Божьего Слова?" "Почему только звери и птицы были приведены к Адаму для получения имен, а не рыбы и морские животные?" "Почему Творец не сказал "Плодитесь и размножайтесь" как растениям, так и животным?" (127)

(127) См. Августин, "Де Женези", ii, 13, 15 и далее; ix, 12 и далее.

Ссылку на святого Иеронима см. Шилдс, "Окончательная философия", стр. 119; также Лейелл, "Введение в геологию", том i, глава ii.

Различные ответы на эти и подобные вопросы составили основной вклад величайшего из латинских отцов церкви в научное познание мира после самого тщательного изучения библейского текста и самого глубокого применения теологических рассуждений. Результаты этого вклада были наиболее важными. В этой, как и во многих других областях, Августин задавал направление основному течению мысли в Западной Европе, католической и протестантской, на протяжении почти тринадцати столетий.

В последующие века подавляющее большинство выдающихся ученых безоговорочно следовали за ним. Даже такой сильный человек, как папа Григорий Великий, поддался его

влиянию, и такие лидеры мысли, как святой Исидор в седьмом веке и достопочтенный Беда в восьмом, опираясь на предпосылки Августина, лишь робко осмелились развить свои выводы в соответствии с изложенными им принципами.

В своем великом труде по этимологии Исидор подхватил попытку Августина привести творение в удовлетворительное соответствие с книгой Бытия, а что касается ископаемых останков, то он, как и Тертуллиан, считал, что они возникли в результате Ноева потопы. В следующем столетии Беда развил те же ортодоксальные традиции.(128)

(128) Об Исидоре см. В "Этимологии", xi, 4, xiii, 22. О Бедe см. "Гексемерон", i, ii, в Migne, томе xci.

Наилучшая догадка, в геологическом смысле, среди последователей св. Августин был выдвинут ирландским ученым-монахом, который, чтобы уменьшить трудности, возникающие при распределении животных, особенно ввиду того факта, что в Ирландии водятся те же животные, что и в Англии, утверждал, что различные земли, ныне разделенные, когда-то были соединены. Но, увы! требования теологии вынудили его поместить их разделение позже Потопа. К счастью для него, еще не были известны такие факты, как то, что кенгуру обитает только на острове в Южной части Тихого океана и, следовательно, согласно его теории, должен был мигрировать туда со всем своим потомством, причем по дамбе, устроенной таким странным образом, что ни один из хищных зверей, которые были его спутниками в ковчеге, не мог последовать за ним.

Этим общим взглядом на геологию и родственную ей науку зоологию следовали святой Фома Аквинский и все средневековые богословы, поскольку они уделяли этим предметам какое-либо внимание.

Следующее развитие геологии, в основном под руководством Церкви, произошло с помощью схоластического богословия. Составление фраз заменило исследование. Таким образом, вне Церкви и внутри нее были сделаны замечательные вклады. В одиннадцатом веке Авиценна объяснил окаменелости предположением о "камнеобразующей силе"; (129) в тринадцатом Альберт Великий приписал их "формирующему свойству"; (130) в последующие столетия некоторые философы выдвинули идею, что они выросли из семян; и аристотелевская доктрина спонтанного зарождения постоянно использовалась для доказательства того, что эти каменистые окаменелости обладали способностью к размножению, подобно растениям и животным.(131)

(129) В отношении лапидифики.

(130) Virtus formativa.

(131) Смотрите авторитетные источники, приведенные в анализе мистера Уорда, как указано выше.

Тем не менее, в разные времена и в разных местах зародыши греческой и римской мысли воплощались в жизнь. Арабские школы, по-видимому, были менее скованы буквой Корана, чем

современные христианские ученые буквой Библии; и Авиценне принадлежит заслуга первого существенного изложения современной геологической теории изменений земной поверхности.(132)

(132) Об Авиценне см. Лайелла и Д'Аршиака.

Прямое влияние Реформации поначалу было неблагоприятным для научного прогресса, поскольку ничто не могло так сильно расходиться с любой научной теорией развития вселенной, как идеи протестантских лидеров. То строгое следование тексту Священного Писания, которое заставило Лютера и Меланхтона отвергнуть идею о том, что планеты вращаются вокруг Солнца, естественно, было распространено на любое другое научное утверждение, расходящееся со священным текстом. Есть много оснований полагать, что при строгом толковании Священного Писания ранними протестантами оковы научной мысли были более тесными, чем при более древней Церкви. Доминирующий дух среди реформаторов проявляется в заявлении Петра Мученика о том, что, если возникнет неправильное мнение относительно творения, описанного в Книге Бытия, "все обетования Христа обратятся в ничто, и вся жизнь нашей религии будет потеряна".(133)

(133) See his Commentary on Genesis, cited by Zoeckler, Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft, vol. i, p. 690.

Во времена, непосредственно следовавшие за Реформацией, дела шли все хуже и хуже. При Лютере и Меланхтоне была некоторая свобода спекуляций, но при их преемниках ее не было вообще; подвергать сомнению любое толкование Лютера стало считаться почти таким же порочным, как подвергать сомнению буквальное толкование самих Священных Писаний. Примеры этого можно увидеть в борьбе между теми, кто утверждал, что птицы были созданы полностью из воды, и теми, кто утверждал, что они были созданы из воды и грязи. В городе Любек, древнем центре Ганзейского союза, закрытом в начале семнадцатого века, Пфайффер, "Генеральный суперинтендант" или епископ в тех краях, опубликовал свою "Мозаику Пансофии", рассчитанную, как он считал, на то, чтобы навсегда отбросить науку назад. В длинной серии декламаций он настаивал на том, что только строгий текст Книги Бытия обеспечивает безопасность, что в нем содержится вся мудрость и знание, человеческое и божественное. В таком случае, кому придет в голову тратить время на изучение материальных вещей и размышлять об устройстве мира? Прежде всего, кто после такого заявления такого правителя в лютеранском Израиле осмелился бы говорить о "днях", упомянутых в Книге Бытия, как о "периодах времени"; или о том, что "небесный свод" не означает твердого свода над вселенной; или о том, что "воды над небесами" не содержатся в обширном водоеме, поддерживаемом небесным сводом; или о "небесных окнах" как фигуре речи?(134)

(134) О Пфайффере см. Zoeckler, том i, стр. 688, 689.

В Англии тот же дух проявлялся еще во времена сэра Мэтью Хейла. В его книге "О происхождении человечества", опубликованной в 1685 году, мы находим строжайшую приверженность теории творения, основанной только на букве Священного Писания, и полную

неспособность черпать знания о происхождении и структуре земли из каких-либо других источников.

В то время как лютеранские, кальвинистские и англиканские реформаторы цеплялись за буквальное толкование священных книг и отворачивались от научных исследований, именно среди их современников в эпоху возрождения образования начали зарождаться плодотворные мысли в этой области. Затем, примерно в начале шестнадцатого века, Леонардо да Винчи, столь же великий гений в науке, как и в искусстве, выдвинул истинную идею о происхождении ископаемых останков; а его соотечественник Фракасторо развил ее в современных направлениях мысли. Другие в других частях Европы подхватили эту идею и, примешивая к ней много грубого, черпали из нее все больше и больше правды. Ближе к концу шестнадцатого века Бернар Палисси во Франции ухватился за это с тем же гением, который он проявил в художественном творчестве; но какими бы замечательными ни были его утверждения о научных реалиях, они мало привлекли внимание. Теологи, философы и даже некоторые выдающиеся ученые мужи, находясь под влиянием схоластических фраз, продолжали настаивать на таких объяснениях, как то, что окаменелости были продуктом "жирового вещества, подвергшегося брожению при нагревании"; или "лапидарного сока"; (135) или "семенного воздуха"; (136) или "бурного движения земных выделений"; и преобладало мнение, что ископаемые останки в целом можно отнести к "развлечениям природы", благочестивый оборот которым придали этой фразе ученые. предположение о том, что эти "спортивные состязания" указывали на некий непостижимый замысел Всевышнего.

(135) Суккус лапидификус.

(136) *Aura seminalis*.

Это оставалось ведущим ортодоксальным способом объяснения в Церкви, католической и протестантской, на протяжении веков.

II. ПОПЫТКИ ПОДАВИТЬ НАУЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.

Но полностью скрыть научный метод не удалось, и примерно в начале семнадцатого века Де Клав, Бито и Де Вийон возродили его во Франции. Богословский факультет Парижа немедленно выступил против научной доктрины как не соответствующей Писанию, уничтожил оскорбительные трактаты, изгнал их авторов из Парижа и запретил им жить в городах или посещать общественные курорты. (137)

(137) См. Morley, *Life of Palissy the Potter*, vol. ii, p. 315 et seq.

Поборники науки, хотя и пребывали какое-то время в депрессии, спокойно продолжали работать, особенно в Италии. Полвека спустя датчанин Стено и итальянец Сцилла пошли еще дальше в правильном направлении; и, хотя они и их ученики приложили немало усилий, чтобы бросить киту корыто в виде различных туманных уступок легендам Книги Бытия, они все больше и больше раскрывали геологическую истину.

Во Франции старый теологический дух оставался чрезвычайно сильным. Примерно в середине восемнадцатого века Бюффон предпринял еще одну попытку изложить простые геологические истины; но теологический факультет Сорбонны немедленно лишил его высокого поста, заставил с позором отречься и напечатать свое отречение. Оно гласит следующее: "Я заявляю, что у меня не было намерения противоречить тексту Священного Писания; что я твердо верю во все, что в нем говорится о сотворении мира, как с точки зрения порядка времени, так и с точки зрения сути дела. Я отказываюсь от всего, что в моей книге касается образования земли, и вообще от всего, что может противоречить повествованию Моисея". Этот унижительный документ болезненно напоминает нам о том, что было навязано Галилею сто лет назад.

Одним из величайших современных авторитетов было хорошо замечено, что доктрина, от которой Бюффон таким образом "отказался", столь же твердо установлена, как и доктрина вращения земли вокруг своей оси. (138) И все же потребовалось сто пятьдесят лет, чтобы обеспечить ей хотя бы беспристрастное рассмотрение; преобладающей доктриной Церкви по-прежнему оставалось то, что "все было сотворено в начале мира", и что утверждение о том, что камни и окаменелости были созданы до или после "начала", противоречит Писанию. И снова мы находим теологические заменители научного объяснения, вызревающие во фразах, в которых окаменелостей становится все больше и больше, как "развлечений природы", или "минеральных конкреций", или "творений пластической силы", или "моделей", созданных Творцом до того, как он полностью определился с наилучшим способом создания различных существ.

(138) См. Цитату и замечание в книге Лайелла "Принципы геологии", глава iii, стр. 57; также Хаксли, "Очерки спорных вопросов", стр. 62.

От этого периода, когда богословские заменители науки вытесняли все остальное, до сих пор существует памятник, увековечивающий одновременно фарс и трагедию. Это работа Иоганна Берингера, профессора Вюрцбургского университета и личного врача принца-епископа, — трактат под названием "Литография Вирцебургского образца Primum", "иллюстрированный изумительными подобиями двухсот фигурных или, скорее, насекомообразных камней". Беринджер, к вящей славе Божьей, ранее настолько полностью посвятил себя теории о том, что окаменелости - это просто "камни особого вида, спрятанные Творцом Природы для собственного удовольствия" (139), что некоторые из его учеников решили подвергнуть его веру в это благочестивое учение тщательному испытанию. Поэтому они подготовили коллекцию мнимых окаменелостей из обожженной глины, имитирующих не только растения, рептилий и рыб всех видов, какие только могли предложить их знания или воображение, но даже надписи на иврите и сирии, одна из которых - имя Всемогущего; и они похоронили их в том месте, где профессор обычно искал образцы. Радости Берингера, обнаружившего эти доказательства непосредственного участия перста Божьего в создании окаменелостей, не было предела. Ценой огромных затрат он подготовил эту книгу, двадцать два искусно выполненных факсимиле

которой должны были навсегда решить вопрос в пользу теологии и против науки, и приложил к труду аллегорический титульный лист, на котором не только слава его собственного государя, но и слава самих небес была изображена как основанная на пирамиде из этих чудесных окаменелостей. Его вера была настолько крепка, что даже преждевременное разоблачение мошенничества не смогло отговорить его от публикации своей книги. Отвергнув в одной презрительной главе это разоблачение как клевету его соперников, он обратился к ученому миру. Но взрыв смеха, приветствовавший работу, вскоре убедил даже ее автора. Напрасно он пытался подавить ее; и, согласно преданию, растратив свое состояние в тщетных попытках скупить все ее экземпляры и подвергнувшись насмешкам соперников, которых он думал одолеть, он умер от огорчения. Даже смерть не положила конец его несчастьям. Экземпляры первого издания были проданы неким неблагодарным потомком лейпцигскому книготорговцу, второе издание вышло под новым названием, и оно тоже теперь пользуется большим спросом как драгоценный памятник человеческой доверчивости.(140)

(139) См. Литографии Берингера и др., стр. 91.

(140) See Carus, *Geschichte der Zoologie*, Munich, 1872, p. 467, note, and Reusch, *Bibel und Natur*, p. 197. Список авторитетных источников по этому эпизоду с текстом одной из эпиграмм, распространявшихся за счет бедняка Берингера, приведен доктором Ройссом в "Серапеуме" за 1852 год, стр. 203. Сама книга (первоначальный оттиск) находится в Белой библиотеке Корнельского университета. О самом Берингере читайте, в частности, в энциклопедии Эрша и Грубера и в биографии *Allgemeine deutsche*.

Но даже это замешательство не положило конец идее, которая его вызвала, ибо, хотя среди различных теолого-научных объяснений допускалась некоторая свобода, все же считалось достойным верить, что все окаменелости были помещены в слои в один из дней творения рукой Всемогущего и что это было сделано с какой-то таинственной целью, вероятно, для испытания человеческой веры.

Как ни странно это может показаться на первый взгляд, теологическая война против научного метода в геологии велась более ожесточенно в протестантских странах, чем в католических. Старая Церковь на своих дорогостоящих ошибках, особенно в случаях с Коперником и Галилеем, поняла, какие опасности для ее притязаний на непогрешимость таятся во вмешательстве в развивающуюся науку. Таким образом, в Италии было оказано сравнительно небольшое сопротивление, в то время как Англия была наиболее ожесточенными противниками геологии до тех пор, пока мог продолжаться спор, и наиболее активными участниками переговоров по заключению перемирия на основе фиктивной науки впоследствии. Англиканская церковь действительно произвела на свет нескольких благородных людей, таких как епископ Клейтон и Джон Митчелл, которые твердо придерживались научного метода; но в целом они, по-видимому, были подавлены хором церковников и диссидентов, чьи сочетания теологии и науки, иногда трагические по своим результатам, а иногда комические, являются одними из самых поучительных явлений в современной истории.(141)

(141) Для сравнения поведения итальянских и английских священнослужителей в отношении геологии см. Лайелл, "Принципы геологии", десятое английское издание, том i, стр. 33. Философское изложение причин, по которым борьба была более ожесточенной, а попытки обманчивых компромиссов более абсурдными в Англии, чем где-либо еще, см. Мори, Ансиенская академия наук, второе издание, стр. 152. Очень откровенные признания причин, по которым католическая церковь стала более осторожной в своих отношениях с наукой, см. Робертс, Папские указы против движения Земли, Лондон, 1885, особенно стр. 94 и 132, 133, и статью Святого Джорджа Майварта в "Девятнадцатом веке" за июль 1885 года. Не следует забывать, что первый из этих джентльменов является римско-католическим священником, а второй - выдающимся мирянином той же Церкви, и оба признают, что именно Папа, выступая *ex cathedra*, допустил ошибку в деле Галилея; но их объяснение заключается в том, что Бог позволил Папе и Церкви впасть в эту прискорбную ошибку, которая обошлась так дорого, чтобы раз и навсегда показать, что Церковь не имеет права решать вопросы в Науке.

Мы уже отмечали, что в теологической атаке на любую науку обычно выделяют три периода или фазы. Первый из них отмечен общим использованием текстов Священного Писания и высказываниями против новой научной доктрины; третий - попытками компромисса посредством надуманных согласований текстуальных утверждений с установленными фактами; но второй или промежуточный период между этими двумя часто отмечен противопоставлением науке какой-либо великой доктрины в теологии. Мы видели это в астрономии, когда Беллармин и его последователи настаивали на том, что научное учение о вращении земли вокруг солнца противоречит теологическому учению о воплощении. Итак, теперь против геологии выдвигался аргумент, что научная доктрина о том, что окаменелости представляют животных, умерших до Адама, противоречит теологической доктрине грехопадения Адама и утверждению, что "смерть вошла в мир через грех".

На этом втором этапе теологической борьбы с геологией Англия особенно преуспела в приверженцах ортодоксальности, первым среди которых можно назвать Томаса Бернета. В последней четверти семнадцатого века, как раз в то время, когда миру было известно великое открытие Ньютона, Бернет опубликовал свою Священную Теорию Земли. Его должность была высокой; он был королевским капелланом и членом кабинета министров. Опираясь на знаменитый текст второго послания Петра (142), он заявляет, что потоп разрушил ветхий и создал новый мир. Теорию Ньютона он отказывается принимать. В своей теории всемирного потопа он придает меньшее значение "раскрытию небесных окон", чем "прорыву источников великой бездны". В этом последнем пункте он выступает с большой силой. Его теория заключается в том, что земля полая и наполнена жидкостью, как яйцо. Смешивая различные тексты из Книги Бытия и второго послания Петра, теологическую доктрину "Грехопадения", астрономическую теорию относительно эклиптики и различные понятия, заимствованные у Декарта, он настаивал на том, что до того, как грех вызвал Потоп, земля имела совершенную математическую форму, гладкую и красивую, "подобную яйцу", без морей, островов, долин или скал, "без единой морщинки, шрама или разлома", и что все творение было одинаково совершенным.

(142) См. II Петра iii, 6.

Во второй книге своего великого труда Бернет пошел еще дальше. Как в своей первой книге он смешал свои тексты из Книги Бытия и Святого Петра с текстами Декарта, так и теперь он смешал рассказ об Эдемском саде в Книге Бытия с языческими легендами о золотом веке и пришел к выводу, что до потопа по всей земле царила вечная весна, которую не нарушал ни один дождь, более сильный, чем выпадение росы.

В дополнение к другим своим основаниям для отрицания более раннего существования моря, он привел причину, по которой, если бы море существовало до Потопа, грешники научились бы строить корабли, и поэтому, когда начался Потоп, могли бы спастись.

Работа была написана с большой силой и привлекла всеобщее внимание. Она была переведена на различные языки и вызвала множество сторонников и противников во всех частях Европы. Против этого восстали сильные люди, особенно в Англии, и среди них несколько высокопоставленных лиц Церкви; но Церковь в целом приветствовала эту работу с радостью. Аддисон восхвалял его в латинской оде, и почти столетие он оказывал сильное влияние на европейское сознание и способствовал более глубокому, чем когда-либо, утверждению теологического мнения о том, что земля в ее нынешнем виде представляет собой всего лишь руины; тогда как до того, как грех вызвал Потоп, она была прекрасна в своей "яйцевидной форме" и свободна от всякого несовершенства.

Несколько лет спустя появился другой писатель высочайшего уровня — Уильям Уистон, профессор Кембриджа, который в 1696 году опубликовал свою Новую теорию Земли. В отличие от Бернета, он попытался воспользоваться ньютоновской идеей и привел в помощь геологической катастрофе, вызванной человеческим грехом, комету, которая открыла "источники великой бездны".

Но гораздо важнее любого из этих поборников было то, что в восемнадцатом веке возникли, чтобы помочь подчинить науку теологии, три человека необычайной силы — Джон Уэсли, Адам Кларк и Ричард Уотсон. Все трое были людьми с поразительными интеллектуальными способностями, возвышенным характером и благородной целью, и первый назван одним из величайших людей в английской истории; и все же мы находим их в геологии, безнадежно скованными простой буквой Священного Писания и временной фазой в теологии. Как в отношении колдовства и учения о кометах, так и в отношении геологии этот теологический взгляд ввел Уэсли в огромную ошибку. (143) Великая доктрина, которую Уэсли, Уотсон, Кларк и их коллеги, следуя Св. Августин, Беда, Питер Ломбард и длинный ряд величайших умов Вселенской Церкви считали особенно необходимым отстаивать против геологов тот факт, что смерть вошла в мир через грех — через первое прегрешение Адама и Евы. Степень, до которой предполагаемая необходимость отстаивания этой доктрины довела Уэсли, сейчас кажется почти невероятной. Основывая свою теологию на заявлении о том, что Всемогущий после сотворения мира нашел землю и все сотворенное "очень хорошим", он заявляет в своей проповеди о причинах и способах лечения землетрясений, что никто, верящий Священным Писаниям, не может отрицать, что "грех является моральной причиной землетрясений, какой бы ни была их естественная причина". Опять же, он заявляет, что землетрясения являются "следствием того проклятия, которое было навлечено на землю первоначальным преступлением". Приводя в связь с Книгой Бытия заявление святого Павла о том, что "все

творение вместе стонет и мучается в муках донине", он находит дополнительное библейское доказательство того, что землетрясения были результатом грехопадения Адама. В своей проповеди о Божьем одобрении Его Дел Он заявляет, что "до грехопадения Адама не было никаких волнений в недрах земли, никаких сильных конвульсий, никаких сотрясений земли, никаких землетрясений, но все было неподвижно, как столпы небесные. Тогда не было таких вещей, как извержения пожаров, не было вулканов или горящих гор ". Конечно, наука, которая показала, что землетрясения происходили за века до появления человека на планете, и которая показала также, что те самые землетрясения, которые он считал проклятиями, вызванными Грехопадением, на самом деле были благословениями, породившими трещины, в которых мы сегодня находим минеральные жилы, столь необходимые для современной цивилизации, была совершенно за пределами его понимания. Он настаивает на том, что землетрясения - это "странные дела Божьего суда, надлежащее следствие и наказание за грех".

(143) Его заявление о том, что "отказ от колдовства по сути является отказом от Библии", см. в "Дневнике Уэсли", 1766-68гг.

То же самое относится и к смерти и боли. В своей проповеди о грехопадении человека он исходил из того, что смерть и боль пришли в мир в результате преступления Адама, настаивая на том, что резня, происходящая сейчас среди животных, является результатом греха Адама. Говоря о птицах, зверях и насекомых, он говорит, что до того, как грех вошел в мир в результате грехопадения Адама, "никто из них не пытался пожирать или каким-либо образом причинять друг другу вред"; что "паук был тогда таким же безвредным, как муха, и не подстерегал крови". Здесь Уэсли снова противопоставил своих первых последователей геологии, которая обнаруживает в ископаемых останках плотоядных животных боль и смерть за бесчисленные века до появления человека. Полупереваренные фрагменты более слабых животных в окаменелых телах более сильных разрушили все аргументы Уэсли в пользу его великой теории.(144)

(144) См. Проповедь Уэсли об одобрении Богом Его Дел, части xi и xii.

Доктор Адам Кларк придерживался схожих взглядов. Он настаивал на том, что тернии и чертополох были даны как проклятие человеческому труду из-за греха Адама и впервые появились на земле после грехопадения Адама. Точно так же Ричард Уотсон, самый плодовитый писатель периода великих евангельских реформ и автор книги "Институты", стандартного богословского трактата по евангельской тематике, говорит в главе, посвященной Грехопадению и особенно змею, искушавшему Еву: "У нас вообще нет оснований полагать, что животное имело змееподобную форму в какой-либо степени до своего превращения. То, что затем он был низведен до пресмыкающегося, чтобы ползти на брюхе, означает, напротив, полное изменение и потерю первоначальной формы. " Все то восхитительное приспособление змеи к окружающей среде, которое восхищает натуралистов, было для уэслианского богослова просто злым результатом греха Адама и Евы. И все же и здесь геологии пришлось столкнуться с теологией, обнаружив ПИТОНА в эоцене, за много веков до появления человека.(145)

(145) См. Вестминстерское обозрение, октябрь 1870 г., статья о Космогонии Джона Уэсли с цитатами из проповедей Уэсли, "Институтов теологии" Уотсона, Комментария Адама Кларка к Священному Писанию и т.д.

Непосредственными результатами такого обучения таких людей было то, что многие, кто в противном случае прибегли бы к наблюдению и исследованию, вернулись к схоластическим методам. Снова появляется старая система решения загадки с помощью фраз. В 1733 году доктор Теодор Арнольд выдвинул теорию "моделей" и настаивал на том, что окаменелости являются результатом "бесконечно малых частиц, собранных вместе при сотворении мира, чтобы сформировать очертания всех существ и объектов на земле и внутри нее"; и работа Арнольда получила широкое признание.(146)

(146) См. цитату из статьи г-на Уорда, приведенную выше, стр. 390.

Таково было влияние этой череды великих людей, что к концу прошлого столетия английские противники геологии на библейских основаниях, казалось, сметут все перед собой. Ограничив все наше наследие священной литературы правилами исторического сборника, они показали ужасные опасности, связанные с открытиями геологии, которые делают землю старше шести тысяч лет, требуемых толкованием Ветхого Завета архиепископом Ашером. Это чувство не ограничивалось только церковниками. Уильямс, вдумчивый непрофессионал, заявил, что подобные исследования приводят к неверию и атеизму и являются "не чем иным, как смещением Всемогущего Создателя вселенной с его поста". Поэт Каупер, один из самых кротких людей, также был встревожен этими опасностями и в своем самом замысловатом стихотворении написал:

"Кто-то бурил
твердую землю, и из слоев извлекли реестр, по
которому мы узнаем, что Тот, кто составил его и сообщил его дату Моисею,
ошибся в его возрасте!"

Джон Говард призвал Англию выступить против "тех научных систем, которые рассчитаны на то, чтобы разрушить в общественном сознании всякую оставшуюся привязанность к христианству".

После этой специальной атаки на геологическую науку посредством догмы о грехопадении Адама была продолжена более общая атака путем буквального толкования текста. Легендарная шелуха наших священных книг считалась столь же ценной и питательной, как и заключенные в них великие моральные и религиозные истины. Особенно ценными были шесть дней — каждый "вечер и утро" - и точные указания относительно времени возникновения каждой части творения. Борьба за их спасение становилась все более и более отчаянной.

Как ни трудно это сейчас осознать, в памяти многих ныне живущих битва все еще бушевала наиболее ожесточенно в Англии, и оба вида артиллерии, обычно применяемые против новой науки, были в полной боевой готовности, наполняя цивилизованный мир своим грохотом.

Примерно полвека назад преподобный Дж. Меллор Браун, преподобный Генри Коул и другие нападали одинаково на всех геологов, и особенно на таких христианских ученых, как д-р Бакленд, дин Конибир, Пай Смит и проф. Дж. Седжвик, эпитеты "неверующий", "ставящий под сомнение священные летописи" и "посягающий на книгу о Боге". (147)

(147) Эти цитаты приведены в книге Лайелла "Принципы геологии", введение.

Излюбленным оружием ортодоксальной партии было обвинение геологов в том, что они "нападают на истину Божью". Они объявили геологию "не предметом законного исследования", осудив ее как "темное искусство", как "опасное и пользующееся дурной репутацией", как "запретную область", как "адскую артиллерию" и как "ужасное уклонение от свидетельства откровения". (148)

(148) См. Пай Смит, д. Д., "Геология и Священное Писание", стр. 156, 157, 168, 169.

Эта попытка отпугнуть людей от науки потерпела неудачу, и были приняты различные другие меры. Не говоря уже об Англии, для человеческой природы унижительно вспоминать о неприятностях и даже испытаниях, которым самые ничтожные и ограниченные люди подвергали таких христианских ученых в нашей собственной стране, как Бенджамин Силлиман, Эдвард Хичкок и Луис Агассис.

Но для меня долг и удовольствие заявить здесь, что один великий христианский ученый оказал честь религии и самому себе, спокойно приняв требования науки и извлекая из них максимум пользы, несмотря на все эти крики. Этим человеком был Николас Уайзман, впоследствии более известный как кардинал Уайзман. Поведение этого столпа Римско-католической церкви удивительно контрастирует с поведением робких протестантов, которые наполняли Англию криками и обвинениями. (149)

(149) Уайзман, Двенадцать лекций о связи между наукой и Богооткровенной религией, первое американское издание, Нью-Йорк, 1837. Что касается сравнительной остроты борьбы за астрономию, геологию и т.д. в католических и протестантских странах, см. "Англию в восемнадцатом веке" Лекки, глава I. ix, с. 525.

И здесь следует отметить, что одна из самых интересных стычек в этой войне произошла в Новой Англии. Проф. Стюарт из Андовера, заслуженно почитаемый как знаток иврита, заявил, что говорить о шести периодах времени для сотворения мира - значит бросать вызов Писанию; что в Книге Бытия прямо говорится о шести днях, каждый из которых состоит из "вечера и утра", а не о шести периодах времени.

Ему ответил профессор Йельского колледжа Джеймс Кингсли. В статье, достойной восхищения своим острым умом и добродушным характером, он показал, что в Книге Бытия так же ясно говорится о твердом небосводе, как и о шести обычных днях, и что, если проф. Стюарт преодолел одну трудность и принял теорию Коперника, с таким же успехом он мог бы преодолеть другую и принять открытия геологии. Столкновение было быстрым и решающим, и победа была одержана наукой и более широкой стипендией Йельского университета.(150)

(150) См. Журнал Силлимана, том xxx, стр. 114.

Возможно, самая необычная попытка напасть на геологию была предпринята прекрасным доном XVIII века — Дином Кокберном из Йорка - выгнать ее чемпионов с поля боя. Не имея достаточных знаний о новой науке, он открыл серию оскорблений, распространяя их по всему миру с кафедры, через прессу и даже в частных письмах. Со своей кафедры в Йоркском соборе он поименно осудил Мэри Сомервилл за те исследования в области физической географии, которые прославили ее имя во всем мире.

Но особым объектом его антипатии была Британская ассоциация содействия развитию науки. Он выпустил против него брошюру, выдержавшую пять изданий за два года, направил серьезные предупреждения его президенту и разными способами осложнил жизнь Седжвику, Бакленду и другим выдающимся исследователям, которые осмелились излагать геологические факты так, как они их обнаружили.

Вскоре стало ясно, что это оружие неэффективно; оно было подобно китайским гонгам и фонарям-драконам против нарезных пушек; научная работа неуклонно продолжалась.(151)

(151) Проф. Голдвин Смит сообщает мне, что документы сэра Роберта Пила, еще неопубликованные, содержат очень любопытные экземпляры посланий декана Кокберна. См. также Личные воспоминания Мэри Сомервилл, Бостон, 1874, стр. 139 и 375. Сравните с любым изложением своих религиозных взглядов, которое смог сделать декан Кокберн, следующее от миссис Сомервилл: "Ничто не дало мне столь убедительного доказательства Божественности, как эти чисто ментальные концепции числовых и математических наук, которые постепенно были дарованы человеку — и все еще даруются в наши последние времена дифференциальным исчислением, ныне замененным высшей алгеброй, — все это, должно быть, существовало в этом возвышенном всеведущем разуме от вечности". См. также "Жизнь и письма Адама" Седжвика, Кембридж, 1890, т. ii, стр. 76 и далее.

III. ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПОПЫТКА КОМПРОМИССА, ОСНОВАННАЯ На НОЕВОМ ПОТОПЕ.

Задолго до окончания уже описанной борьбы, даже в очень ранний период, наиболее дальновидные поборники ортодоксии увидели бесполезность обычного схоластического оружия; и по мере того, как трудности обычной атаки на науку становились все более очевидными, многие из этих поборников попытались заключить перемирие. Так начался третий этап войны — период попыток достижения компромисса.

Позиция, которую заняла компромиссная партия, заключалась в том, что окаменелости появились в результате Ноева потоп.

Эта позиция была сильной, поскольку, по-видимому, основывалась на Священном Писании. Более того, это имело высокую церковную санкцию, поскольку некоторые из отцов церкви считали, что ископаемые останки, даже на самых высоких горах, представляют животных, уничтоженных во время Всемирного потоп. Тертуллиан был особенно тверд в этом вопросе, а св. Августин считал, что ископаемый зуб, обнаруженный в Северной Африке, должно быть, принадлежал одному из гигантов, упомянутых в Священном Писании.⁽¹⁵²⁾

(152) О Тертуллиане см. его "De Pallio", с. ii (Migne, патр. лат., vol. ii, стр. 1033). О точке зрения Августина см. Кювье, Исследования окаменелостей костей, четвертое издание, том. ii, стр. 143.

Особенно в шестнадцатом веке этой идее стали придавать значение те, кто чувствовал бесполезность различных схоластических объяснений. Сильные люди как в католическом, так и в протестантском лагерях приняли это; но человеком, который больше всего сделал для того, чтобы придать этому импульс в современной теологии, был Мартин Лютер. Он легко понял, что схоластическое построение фраз не может решить проблемы, связанные с окаменелостями, и, естественно, настаивал на доктрине их происхождения во время Ноева потоп.⁽¹⁵³⁾

(153) Мнение Лютера см. в его Комментарий к Книге Бытия.

При такой поддержке она вскоре стала доминирующей теорией в христианском мире: казалось, ничто не могло противостоять ей; но к концу того же шестнадцатого века она столкнулась с некоторыми серьезными препятствиями. Бернар Палисси, один из самых дальновидных научных мыслителей Франции, а также один из самых преданных христиан, показал, что это совершенно несостоятельно. Добросовестные исследователи в других частях Европы, и особенно в Италии, показали то же самое; все напрасно. ⁽¹⁵⁴⁾ Напрасно добрые люди протестовали против вреда, который наверняка будет нанесен религии связыванием ее с научной теорией, которая наверняка будет опровергнута; доктрина о том, что окаменелости - это останки животных, утонувших во время Потопа, продолжала поддерживаться подавляющим большинством теологических лидеров на протяжении почти трех столетий как "здоровая доктрина" и как благословенное средство примирения науки со Священным Писанием. Чтобы поддержать этот библейский взгляд, как католики, так и протестанты прилагали энергичные и настойчивые усилия.

(154) Для очень полного изложения почетного послужного списка Италии в этом отношении и просвещенных взглядов некоторых итальянских церковников, см. Стоппани, "Догма позитивной науки", Милан, 1886, стр. 203 и далее.

Во Франции ученый бенедиктинец Кальме в своих великих трудах о Библии признал это еще в начале восемнадцатого века, полагая, что кости мастодонта, выставленные Мазурье, принадлежат королю Тевтобоку, и считая их ценным свидетельством существования гигантов, упомянутых в Священном Писании, и первых обитателей земли, пострадавших от Потопа.(155)

(155) О твердой приверженности этой священной теории см. Audiat, "Жизнь Палисси", стр. 412, и Cantu, "Всемирная история", т. xv, стр. 492. О Кальме см. его диссертацию "О геаннах", цитируемую в Berger de Xivery, Traditions Teratologiques, стр. 191.

Но величайший чемпион появился в Англии. Мы уже видели, как ближе к концу семнадцатого века Томас Бернет проложил путь в своей Священной теории Земли, отвергнув открытия Ньютона и показав, как грех привел к разрушению "основ великой бездны", и мы также видели, как Уистон в своей Новой теории Земли, немного уступив и приняв открытия Ньютона, привлек комету, чтобы помочь вызвать Всемирный потоп; но гораздо более важным, по постоянному влиянию, был Джон Вудворд, профессор Колледжа Грэшем, лидер научной мысли Университета Ньютона. Кембридж, и, как терпеливый коллекционер окаменелостей и серьезный исследователь их значения, заслуживающий самого высокого уважения. В 1695 году он опубликовал свою "Естественную историю Земли" и оказал науке огромную услугу, поскольку выдвинул еще один аргумент и таким образом разрушил основы старой теории окаменелостей. Он показал, что они не были "забавой Природы" или "моделями, помещенными Творцом в слои с какой-то непостижимой целью", но что они действительно были останками живых существ, как утверждал Ксенофан за две тысячи лет до него. До сих пор он оказывал большую услугу как науке, так и религии; но после этого текст ветхозаветного повествования и знаменитый отрывок из Послания Святого Петра оказались для него слишком убедительными, и он тоже настаивал на том, что окаменелости появились в результате Всемирного потопа. Опираясь на его огромный авторитет, атака на истинную научную позицию была энергичной: Мазурье представил определенные ископаемые останки мамонта, обнаруженные во Франции, как кости гигантов, упомянутых в Священном Писании; отец Торрубия сделал то же самое в Испании; Энджел Мазер отправил в Англию аналогичные останки, обнаруженные в Америке, с аналогичным заявлением.

В назидание верующим такие "кости великанов, упомянутых в Священном Писании", были развешаны в общественных местах. Юрье видел некоторые из них подвешенными таким образом в одной из церквей Валенсы; и Анрион, очевидно, под влиянием данного стимула, составил таблицы, показывающие рост наших допотопных предков, определив рост Адама как 123 фута 9 дюймов, а Евы - как 118 футов 9 дюймов и 9 линий.(156)

(156) See Cuvier, Recherches sur les Ossements fossiles, fourth edition, vol. ii, стр. 56; также Джеффри Сент-Илер, цитируемый Берже де Шивери,

Но самая блестящая услуга, оказанная теологической теории, была оказана с другой стороны, поскольку в 1726 году Шейхцер, обнаружив большую ископаемую ящерицу, продемонстрировал ее миру как "человека-свидетеля Всемирного потоп": (157) это великое открытие повсюду приветствовалось с радостью, поскольку оно, казалось, доказывало не только то, что люди утонули во время Всемирного потоп, но и то, что "в те дни были гиганты". Воодушевленный полученными таким образом аплодисментами, он решил сделать теологическую позицию неприступной. Смешивая различные тексты Священного Писания с понятиями, почерпнутыми из философии Декарта и рассуждений Уистона, он разработал теорию о том, что "источники великой бездны" были разбиты прямым физическим действием руки Божьей, которая, будучи буквально приложена к земной оси, внезапно остановила вращение земли, разбила "источники великой бездны", разлила содержащуюся в них воду и вызвала Потоп. Но его служение священной науке на этом не закончилось, поскольку он подготовил издание Библии, в котором великолепные гравюры в большом количестве иллюстрировали его точку зрения и навязывали ее всем читателям. Из этих гравюр не менее тридцати четырех были посвящены одному только Всемирному потопу. (158)

(157) Homo diluvii testis.

(158) См. Zoeckler, vol. ii, p. 172; also Scheuchzer, *Physica Sacra*, Augustae Vindeli et Ulmae, 1732. О древнем поверье относительно великанов см. Леопольди, Саджио. О взглядах Мазорье и Шейхцера см. Кювье; также Бюхнер, "Человек в прошлом, настоящем и будущем", английский перевод, стр. 235, 236. О взглядах Инкрея Мазера см. *Philosophical Transactions*, том. xxiv, стр. 85. Что касается похожих окаменелостей, отправленных из Нью-Йорка Королевскому обществу как останки гигантов, см. Weld, *История Королевского общества*, том i, стр. 421. Об отце Торрубия и его испанской гигантологии см. Д'Аршиака, *Введение в исследование стратиграфии палеонтологии*, Париж, 1864, стр. 201. Для получения замечательных резюме см. Лайелл, "Принципы геологии", Лондон, 1867; Д'Аршиак, "Геология и палеонтология", Париж, 1866; Пикте, "Основы палеонтологии", Париж, 1853; Везиан, "Труды по геологии", Париж, 1863; Геккель, "История творения", английский перевод, Нью-Йорк, 1876, глава iii; а о последних достижениях - выступление проф. О. С. Марша об истории и методах Палеонтология.

Посреди всего этого произошел эпизод, очень комичный, но очень поучительный; ибо он показывает, что попытка привести научные выводы в соответствие с требованиями догмы может ввести в заблуждение неортодоксальность столь же абсурдно, как и ортодоксальность.

Примерно в 1760 году известие об обнаружении морских окаменелостей в различных возвышенных районах Европы дошло до Вольтера. У него тоже была теологическая система для поддержки, хотя его система противоречила системе священных книг Евреев; и, опасаясь, что эти новые открытия могут быть использованы для подтверждения рассказов Моисея о

Всемирном потопе, вся его мудрость и остроумие были сведены к аргументам, доказывающим, что ископаемые рыбы были остатками рыб, предназначенных для употребления в пищу, но испорченных и выброшенных путешественниками; что ископаемые раковины были случайно обронены крестоносцами и паломниками, возвращавшимися из Святой Земли; и что ископаемые кости, найденные между Парижем и Этапом, были частями скелета, принадлежавшего кабинету какого-то древнего философа. . Главу за главой Вольтер, подчиняясь предполагаемым требованиям своей теологии, отчаянно боролся с растущими результатами геологических исследований своего времени.(159)

(159) См. Вольтер, "Диссертация о переменах, происходящих на земном шаре"; также Вольтер, "Особенности природы", глава xii; также Джевонс, "Принципы науки", том. ii, стр. 328.

Но гораздо более пагубными для христианства были продолжающиеся попытки другой стороны доказать, что окаменелости появились в результате Ноева потоп.

Ни одно предположение не было слишком сильным, чтобы поддержать эту теорию, которая считалась жизненно важной для Библии. Приняв простую шелуху библейской истины за саму истину, приняв священную поэзию за прозу и дав ей буквальное толкование, последователи Бернета, Уистона и Вудворда создали системы, которые имеют к реальной геологии почти такое же отношение, какое христианская топография Космы имеет к реальной географии. Напрасно приводились абсолютные геологические, зоологические, астрономические доказательства того, что никакого вселенского потоп или наводнения, охватившего какую-либо значительную часть земли, не происходило в течение последних шести или шестидесяти тысяч лет; напрасно такой просвещенный церковник, как епископ Клейтон, заявлял, что Потоп не мог распространиться за пределы того района, где Ной жил до Потопа; напрасно другие, такие как епископ Крофт и епископ Стиллингфлит, и неконформист Мэтью Пул, доказывали, что Потопа могло не быть и, вероятно, не было вселенским; напрасно было показано, что, даже если бы произошел всемирный потоп, окаменелости появились не в результате него: единственным ответом было цитирование текста: "И покрылись все высокие горы, которые были под всем небом", и, чтобы окончательно решить этот вопрос, Уортингтон и ему подобные настаивали на том, что любой аргумент, доказывающий, что окаменелости не были останками животных, утонувших во время Ноева потоп, был "неверием". В Англии, Франции и Германии широко распространялась вера в то, что окаменелости появились в результате Ноева потоп, как часть этой веры, необходимой для спасения.(160)

(160) Для откровенного изложения доказательств из геологии, астрономии, и зоологии, что Ноев потоп не был повсеместным, см. Макклиток и Стронг, "Энциклопедия библейского богословия" и церковная литература, статья "Потоп". Общую историю см. Лайель, Д'Аршиак и Везиан. Об особых случаях, показывающих горечь конфликта, читайте в книге преподобного мистера Дэвиса "Жизнь преподобного доктора Пая Смита", passim. Более поздний отчет см. у проф. Хаксли о светилах Церкви и Свете науки в девятнадцатом веке за июль 1890 года.

Но неуклонная работа науки продолжалась: не вся сила Церкви — даже великолепные гравюры из Библии Шейхцера — могли остановить ее, и основы этой теологической теории начали рушиться. Процесс действительно был медленным; искателям Божьей истины, открытой в Природе, — таким людям, как Гук, Линней, Уайтхерст, Добентон, Кювье и Уильям Смит — потребовалось сто двадцать лет, чтобы подтолкнуть свои работы к этой ткани заблуждений и с помощью заявлений, которым невозможно было противостоять, подорвать ее. По мере того как мы приближаемся к началу девятнадцатого века, наука становится непреодолимой в этой области. Блюменбах, Фон Бух и Шлотхайм были первыми, но самой важной на Континенте была работа Кювье. В первые годы нынешнего столетия его исследования окаменелостей начали проливать новый свет на весь предмет геологии. Он действительно был очень консервативен и даже более осторожен и дипломатичен; похоже, подобно Вольтеру, считал, что "среди волков нужно немного повить". Это было время реакции. Наполеон заключил мир с Церковью, и нарушать этот мир было сродни государственной измене. Большими, но туманными уступками Кювье удовлетворял богословов, в то время как он подрывал их самую сильную крепость. Опасность инстинктивно ощущалась некоторыми защитниками Церкви, и типичным среди них был Шатобриан, который в своем самом известном произведении, когда-то таком великом, а теперь таком малом — "Гений христианства" — затронул вопросы творения, настаивая на своего рода всеобщем обмане "в начале", согласно которому все было создано внезапным приказом, но с видимостью предсуществования. Его слова таковы: "Частью совершенства и гармонии природы, которая предстала перед глазами людей, было то, что опустевшие гнезда прошлогодних птиц были видны на деревьях, и что морской берег был покрыт раковинами, которые были обителью рыб, и все же мир был совершенно новым, а гнезда и раковины никогда не были обитаемы". (161) Но настоящая победа была на стороне Броньяра, который около 1820 года опубликовал свою работу об ископаемых растениях и, таким образом, воздвиг барьер, против которого напрасно бушевали враги науки. (162)

(161) *Genie du Christianisme*, глава v, стр. 1-14, цитируется Ройшем, том i, стр. 250.

(162) Замечательные зарисовки Броньяра и других палеоботаников см. в Уорде, как указано выше.

Тем не менее борьба не была закончена, и несколько лет спустя безнадежную надежду в Англии возглавил Грэнвилл Пенн.

Его фундаментальный тезис состоял в том, что "наш земной шар претерпел только два оборота, Сотворение Мира и Всемирный Потоп, и оба по непосредственному указанию Всемогущего"; он настаивал на том, что Сотворение мира произошло ровно за шесть дней обычного времени, каждый из которых состоит из "вечера и утра"; и закончил он частью этого своеобразного предположения, столь знакомого миру, призвав Кювье и всех других геологов "искать старые пути и идти по ним, пока они не упростят свою систему и не сведут свои многочисленные обращения только к двум событиям или эпохам — шести дням Творения". и Всемирный потоп" (163). Геологи не проявили ни малейшего желания поддаваться этому настоящему призыву; напротив, президент Британского геологического общества и даже такой выдающийся церковный деятель и геолог, как декан Бакленд, вскоре признали, что факты вынудили их

отказаться от теории о том, что ископаемые запасы угля отложились во время Ноева потопы, и отрицать, что Потоп был вселенским.

(163) См. Работы Грэнвилла Пенна, том ii, стр. 273.

Дезертирство Бакленда особенно остро почувствовала ортодоксальная партия. Его способности, честность и верность своей профессии, а также его положение каноника Церкви Христа и профессора геологии в Оксфорде дали ему большой авторитет, который он изо всех сил использовал, успокаивая своих братьев-священнослужителей. В своей вступительной лекции он постарался показать, что геология подтверждает рассказы о Сотворении Мира и Потопе, приведенные в Книге Бытия, и в 1823 году, после того как его исследования пещер выявили неопровержимые доказательства огромной древности земли, он все еще цеплялся за теорию Потопа в своих *Reliquiae Diluvianae*.

Это, действительно, не полностью удовлетворило антинаучную партию, но, как правило, их нападки на него принимали форму не столько оскорблений, сколько юмористического порицания. Эпиграмма Шаттлуорта, впоследствии епископа Чичестерского, в подражание знаменитым строкам Поупа о Ньютоне, гласила следующее:

"Однажды были высказаны некоторые сомнения по поводу Наводнения: возник Бакленд, и все стало ясно как божий день".

Было слышно, как декан Гейсфорд, покидая Оксфорд и отправляясь в путешествие по Южной Европе, воскликнул: "Ну что ж, Бакленд уехал в Италию; так что, слава Богу, у нас больше не будет этой геологии!"

Пока Бакленд придерживался теории Всемирного потопы, все еще существовало некоторое утешение; но после его капитуляции борьба обострилась: вместо эпиграмм и карикатур посыпались ожесточенные выпады, а с кафедры и из прессы посыпался град метательных снарядов. Худшие из них были брошены в Лайелла. Как мы видели, он опубликовал в 1830 году свои "Принципы геологии". Ничто не могло быть более осторожным. В ней просто излагались основные открытия того времени, делались необходимые выводы с помощью простой, но убедительной логики, и по сей день она остается одной из тех работ, которыми англосаксонская раса может по праву гордиться, - одной из вех в развитии человеческой мысли.

Но его тенденция неизбежно расходилась с халдейскими и другими древними мифами и легендами о Сотворении мира и Всемирном потопе, которые евреи получили от более древних цивилизаций своих соседей и включили в священные книги, которые они передали современному миру; поэтому он был широко "опровергнут".

Теологи и люди науки, находившиеся под их влиянием, настаивали на том, что его преуменьшение геологических изменений и то, что он делал упор на постепенное действие все еще действующих естественных причин, ставили под угрозу священную летопись Творения и не оставляли места чудесному вмешательству; и когда выяснилось, что он полностью отбросил их заветную идею о том, что великие геологические изменения поверхности земли и множество ископаемых останков произошли из-за Ноева потопы, и показал, что для сотворения потребовалось гораздо больше времени, чем любое другое, которое можно было бы вывести из ветхозаветных генеалогий и хроник, ортодоксальное возмущение взорвалось яростно нападав;

видные сановники Церкви нападали на него безжалостно, и какое-то время он подвергался социальному ostracismу.

Поскольку это мало что дало, со стороны науки была предпринята попытка сокрушить его весомым авторитетом Кювье; но тщетность этих усилий стала очевидной, когда выяснилось, что мыслящие люди больше не хотели слушать Кювье и упорно продолжали слушать Лайеля. Великий ортодоксальный учебник "Теория Земли" Кювье сразу же настолько дискредитировал себя в глазах людей науки, что в его новом издании не было необходимости, в то время как работа Лайелла быстро выдержала двенадцать изданий и осталась прочной основой современной мысли.(164)

(164) О Бакленде и различных формах нападков на него см. Гордон, Жизнь Бакленда, особенно стр. 10, 26, 136. О нападениях на Лайелла и его книгу читайте в "Хаксли, Огни Церкви и свет науки".

В качестве типичного представителя его более умеренных оппонентов мы можем привести Фейрхольма, который в 1837 году опубликовал свою работу "Моисеев потоп" и утверждал, что никаких ранних потрясений земли, подобных тем, которые предполагают геологи, произойти не могло, потому что потопа не могло быть "до того, как могла возникнуть моральная вина", то есть до сотворения человечества. В трогательных выражениях он оплакивал дезертирство президента Геологического общества и декана Бакленда, протестуя против геологов, которые "упорно закрывают глаза на торжественные заявления Всемогущего"

Тем не менее геологи продолжали искать истину: зародыши, посеянные особенно Уильямом Смитом, "Отцом английской геологии", были выведены благородной чередой исследователей, и победа была обеспечена. Тем временем те теологи, которые считали, что осуждение науки как "безбожной" мало чего может дать, трудились над схемами примирения геологии с Книгой Бытия. Некоторые из них проявляют удивительную изобретательность, но выдающийся религиозный авторитет, изучив их с большой тщательностью, хорошо охарактеризовал их как "смелые и причудливые". Такие попытки классифицировались по-разному, но факт, касающийся их всех, заключается в том, что в каждой из них более или менее наука смешивается с более или менее Священным Писанием и приводит к результату, более или менее абсурдному. Хотя кое-кто из людей продолжал эти упражнения, капитуляция партии, которая противопоставляла буквальный отчет о Ноевом потопе фактам, выявленным геологией, была, наконец, ясно продемонстрирована.(165)

(165) О Фейрхольме см. Его Мозаичный потоп, Лондон, 1837, стр. 358. Для очень точной характеристики различных схем "примирения" см. Шилдс, "Последняя философия", стр. 340.

Одно из первых свидетельств полноты этой самоотдачи было так хорошо передано выдающимся физиологом, доктором У. Б. Карпентером, что лучше всего его изложить его собственными словами: "Вы знакомы с книгой значительной ценности, Библейским словарем доктора У. Смита. Мне довелось узнать, под каким влиянием создавался этот словарь. Идея издателя и редактора заключалась в том, чтобы дать как можно больше научных знаний и таких

результатов современной критики, которые были бы совместимы с очень разумным консерватизмом. Против геологии возражений быть не должно, но универсальность Всемирного потопа должна была строго соблюдаться. Редактор поручил статью "Потоп" человеку с очень большими способностями, но когда статья попала к нему, он обнаружил, что она настолько еретична, что он не мог рискнуть поместить ее. На вторую статью под этим заголовком не было времени, и если вы заглянете в этот словарь, то найдете под словом Потоп ссылку на Наводнение. Перед Наводнением была заказана вторая статья из источника, который считался надежно консервативным; но когда статья появилась, оказалось, что она хуже первой. Затем была заказана третья статья, и были приняты меры для обеспечения ее "сохранности". Если вы поищите в словаре слово "Потоп", вы найдете ссылку на Ноя. Под этим названием вы найдете статью, написанную выдающимся профессором Кембриджа, о которой, я помню, епископ Коленсо сказал мне в то время: "Автор очень осторожно признает все это". Из этого вы увидите, в каких затруднениях научная мысль трудилась в этом исследовательском отделе".(166)

(166) См. Официальный отчет Национальной конференции унитарных и других христианских церквей, состоявшейся в Саратоге, 1882, стр. 97.

Аналогичная капитуляция была замечена, когда из нового издания "Введения в Священное Писание" Хорна, стандартного учебника ортодоксии, было тихо исключено привычное использование ископаемых останков для доказательства универсальности Потопа.(167)

(167) Это было примерно в 1856 году; см. Тайлор, Ранняя история человечества, стр. 329.

Подобная капитуляция в Соединенных Штатах была предвещена в 1841 году, когда выдающийся профессор библейской литературы и толкования в важнейшей теологической семинарии протестантской епископальной церкви доктор Сэмюэл Тернер продемонстрировал свою христианскую веру и мужество, фактически приняв новую точку зрения; и старое утверждение было полностью отвергнуто мыслящими людьми из другой крупной религиозной организации, когда в более поздний период два богослова, одни из самых выдающихся за благочестие и ученость в Методистской епископальной церкви, поместили в Библейскую энциклопедию, опубликованную под их руководством, откровенную статью. краткое изложение доказательств из геологии, астрономии и зоологии того, что Ноев Потоп не был всеобщим или даже широко распространенным, и это без протеста со стороны любого известного человека в любой ветви Американской Церкви.(168)

(168) О докторе Тернере см. В его дополнении к Книге Бытия, Лондон и Нью-Йорк, 1841, стр. 216-219. О Макклинтоке и Стронге читайте в их Энциклопедии библейских знаний и т.д., статья Deluge . О подобных описаниях Потопа в различных других религиозных энциклопедиях и комментариях см. Хаксли, "Очерки спорных вопросов", глава I. xiii.

Время, когда просвещенные богословы Римско-католической церкви отказались от борьбы, можно отнести примерно к 1862 году, когда Ройш, профессор богословия в Бонне, в своей

работе "Библия и природа" отбросил старую диллювиальную теорию и всех ее сторонников, приняв выводы науки.(169)

(169) See Reusch, Bibel und Natur, chap. xxi.

Но, хотя священная теория о Ноевом потопе как универсальном средстве решения геологических проблем, очевидно, умирала, в различных кругах все еще сохранялась трогательная верность ей. В римско-католических странах старую теорию широко, хотя и негласно, лелеяли и преподавали в религиозной прессе, с кафедры и кафедры профессора богословия. Папа Пий IX, несомненно, разделял это чувство, когда примерно в 1850 году запретил научному конгрессу Италии собираться в Болонье.(170)

(170) См. Уайтсайд, Италия в девятнадцатом веке, том iii, глава xiv.

В 1856 году отец Дебрейн поздравил теологов Франции с их замечательной позицией: "Инстинктивно, - говорит он, - они все еще настаивают на извлечении окаменелостей из Ноева потоп". (171) В 1875 году аббат Шуайе опубликовал в Париже и Анже учебник, получивший широкое одобрение церковных властей, в котором он придерживался аналогичной позиции; а в 1877 году иезуит отец Бозицио опубликовал в Майнце трактат о геологии и Всемирном потопе, пытаясь удержать мир от старого решения проблемы, позволяя, действительно, что "дни" Творения были долгими периодами, но искупают эту уступку насмешками над Дарвином.(172)

(171) См. Zoeckler, том ii, стр. 472.

(172) См. Zoeckler, vol. ii, стр. 478, и Бозицио, "Геология и смерть" Солнечный свет, Майнц, 1877, предисловие, стр. xiv.

В Русско-греческой Церкви в 1869 году архиепископ Литовский Макарий настаивал на необходимости верить в то, что Сотворение Мира за шесть дней по обычному времени и Ноев потоп являются единственными причинами всего, что пытается объяснить геология; а еще в 1876 году другой выдающийся богослов той же Церкви пошел еще дальше и отказался позволить верующим поверить, что с "начала", упомянутого в Книге Бытия, произошли какие-либо изменения, когда слои земли были заложены, наклонены и перекручены, а окаменелости разбросаны среди них рукой Всемогущего. в течение шести обычных дней.(173)

(173) См. Zoeckler, vol. ii, стр. 472, 571 и в других местах; также цитаты в Reusch and Shields.

В лютеранской ветви протестантской церкви мы также находим отголоски старой веры. Кейл, выдающийся специалист по толкованию Священных Писаний в Дерптском университете, опубликовал в 1860 году трактат, в котором настаивал на том, что геология становится бесполезной, а ее объяснения тщетными из-за двух великих фактов: проклятия, изгнавшего Адама и Еву из Эдема, и Потопа, уничтожившего все живое, кроме Ноя, его семьи и животных в

ковчеге. В 1867 году Филиппи и в 1869 году Дитрих, оба выдающиеся теологи, заняли практически ту же позицию в Германии, причем последний попытался дать отпор ведущим ученым фразой, на первый взгляд содержательной, но на самом деле пустой - заявлением о том, что "современная геология наблюдает то, что есть, но не имеет права судить о начале вещей". Еще в 1876 году Цуглер придерживался аналогичной точки зрения, и множество менее известных людей через кафедры и прессу донесли эти антинаучные доктрины до широких слоев населения — единственным результатом было пробуждение серьезных сомнений относительно христианства среди мыслящих людей, и особенно среди молодежи, которые, естественно, не доверяли делу, использующему такое оружие.

Ибо как раз в это время традиционному взгляду на Всемирный потоп был нанесен смертельный удар, причем совершенно неожиданным образом. Благодаря исследованиям Джорджа Смита среди ассирийских табличек Британского музея в 1872 году и его открытиям сразу после этого в Ассирии не осталось никаких разумных сомнений в том, что огромная масса рассказов в Книге Бытия являются просто адаптацией более ранних, особенно халдейских мифов и легенд. Хотя это оказалось фактом в отношении рассказов о Сотворении Мира и грехопадении человека, наиболее поразительно это проявилось в отношении Всемирного потопа. Одиннадцатая из двенадцати табличек, на которых была найдена самая важная из этих надписей, сохранилась почти полностью, и в этой легенде, относящейся ко времени гораздо более раннему, чем время Моисея, раскрываются такие черты, характерные для детства мира, как строительство большого корабля или ковчега, чтобы спастись от потопа, тщательное заделывание швов, спасение человека, возлюбленного Небесами, его выбор и взятие с собой в сосуд парами животных всех видов, впечатляющее окончательное закрытие двери, выпуск различных птиц, когда потоп утих, принесение жертв, когда потоп прекратился. радость Божественного Существа, вызвавшего потоп, утихла, когда запах жертвоприношения достиг его ноздрей; в то же время повсюду проявлялось то пристрастие к халдейскому священному числу семь, которое так постоянно встречается в легендах Книги Бытия и во всех еврейских священных книгах.

Другие преданные своему делу ученые пошли по открытому таким образом пути — Сэйс в Англии, Ленорман во Франции, Шрейдер в Германии, — в результате чего еврейское повествование о Всемирном потопе, которому веками теологи обязывали соответствовать все геологические исследования, было незаметно отнесено даже самыми выдающимися христианскими учеными к сфере мифов и легенд.(174)

(174) Что касается Джорджа Смита, см. Его Халдейское изложение книги Бытия, Нью-Йорк, 1876, особенно стр. 36, 263, 286; также его специальную работу по этому вопросу. См. также Ленорман, "Истоки истории", Париж, 1880, глава. viii. О Шрейдере см. Его "Клинописные надписи и Ветхий Завет", перевод Уайтхауса, Лондон, 1885, том i, стр. 47-49 и 58-60, и в других местах.

Различные слабые попытки ослабить силу этого открытия и, очевидно, широко распространенный страх предать его огласке, безусловно, немало подорвали законное влияние христианского духовенства.

И все же это включение халдейских мифов в Еврейские Писания дает один из сильнейших аргументов в пользу ценности нашей Библии как свидетельства восходящего роста человека;

ибо, в то время как халдейская легенда в первую очередь приписывает Потоп простому произвольному капризу одного из многих богов (Бел), развитие еврейской легенды приписывает его справедливости Верховного Бога; таким образом, демонстрируя эволюцию более высоких и благородных чувств, которые требовали моральной причины, достаточной для оправдания такой катастрофы.

К сожалению, до сих пор, за исключением нескольких более широких и благородных умов среди духовенства, преобладала политика игнорирования таких новых откровений, и результаты этой политики, как в римско-католических, так и в протестантских странах, не заставляют себя долго ждать. О том, в каком состоянии находится мышление средних классов Франции и Италии, здесь нет необходимости говорить. В качестве типичного факта в Германии можно упомянуть, что в 1881 году в городе Берлине церковные помещения предназначались всего для двух процентов населения, и что даже этих помещений было больше, чем требовалось. Этот факт не связан с отсутствием глубокого религиозного духа среди северных немцев: никто, кто жил среди них, не может сомневаться в существовании такого духа; но это связано главным образом с тем фактом, что, в то время как простые результаты научных исследований просачивались среди широких слоев населения, доминирующая партия в лютеранской церкви упорно отказывалась признавать этот факт и упорно налагала на Священное Писание оковы буквального и догматического толкования, которые Германия в значительной степени переросла. Подобная опасность угрожает любой другой стране, в которой духовенство проводит подобную политику. Ни один мыслящий человек, каковы бы ни были его религиозные взгляды, не может не сожалеть об этом. Вдумчивое, благоговейное, просвещенное духовенство - великое благословение для любой страны, и все, что подрывает их законную работу по уведу людей от поклонения материальным вещам к рассмотрению того, что является высшим, является огромным несчастьем. (175)

(175) В приведенных выше высказываниях относительно Германии автор опирается на свои личные наблюдения, сделанные им в бытность студентом Берлинского университета в 1856 году, в различные последующие периоды в качестве путешественника и в качестве министра Соединенных Штатов в 1879, 1880 и 1881 годах.

IV. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА.—ПОБЕДА НАУКИ ЗАВЕРШЕНА.

Прежде чем завершить, может быть поучительно отметить несколько особенно отчаянных попыток перемирия или компромиссов, которые всегда появляются, когда победа какой-либо науки становится абсолютно уверенной. Типичной среди самых ранних из них можно назвать попытку Карла фон Раумера в 1819 году. С большой претензией на научное знание, но с

устремлениями, ограниченными рамками прусской ортодоксальности, он предпринял тщательную попытку сформулировать утверждение, которое из-за своей расплывчатости и "глубины" должно было затемнить реальные спорные вопросы. Это утверждение появилось в форме аргумента, использованного Бертраном и другими учеными в предыдущем столетии для доказательства того, что ископаемые остатки растений в угольных месторождениях никогда не существовали как живые растения, а были просто "результатом развития несовершенных зародышей растений"; и та же туманная теория была предложена для объяснения существования ископаемых животных без учета эпох и изменений, требуемых геологической наукой.

В 1837 году Вагнер попытался поддержать это объяснение; но это была настолько очевидная пустая фраза, неспособная выдержать вес фактов, которые необходимо было учитывать, что от нее вскоре отказались.

Аналогичные попытки предпринимались по всей Европе, наиболее примечательные из них были предприняты в Англии. В 1853 году была опубликована анонимная работа, озаглавленная как Краткое и полное опровержение Антибиблейской теории геологов: автор возродил старую идею и вложил в нее искру жизни - эта идея заключалась в том, что "все организмы, обнаруженные в глубинах земли, были созданы в первый из шести дней творения, как модели для растений и животных, которые будут созданы на третий, пятый и шестой дни".(176)

(176) См. Zoeckler, том ii, стр. 475.

Но пока эти попытки сохранить старую теорию об ископаемых останках низших животных пресекались, на геологическом поприще появилась новая научная рубрика, гораздо более ужасающая для старых доктрин, чем все, что было замечено ранее.

Ибо как раз в конце первой четверти девятнадцатого века геологи начали исследовать пещеры и слои наносов в различных частях света; и в течение нескольких лет с того времени во Франции, Бельгии, Англии, Бразилии, Сицилии, Индии, Египте и Америке началась серия открытий, которые подтвердили тот факт, что с момента первого заселения земли человеком прошел период времени, гораздо больший, чем любой из тех, о которых раньше думали. Хронологии архиепископа Ашера, Петавиуса, Боссюэ и других великих авторитетов, на которые богословие надежно опиралось, были признаны бесполезными. Было ясно видно, что, независимо от того, насколько хорошо основаны на ветхозаветных генеалогиях и жизнеописаниях патриархов, все эти системы должны пропасть даром. Самые консервативные геологи постепенно были вынуждены признать, что человек пробыл на земле не просто шесть тысяч, или шестьдесят тысяч, или сто шестьдесят тысяч лет. И когда в 1863 году сэр Чарльз Лайелл в своей книге "О древности человека" торжественно отказался от своей прежней точки зрения — уступив с неохотой, почти патетической, но с абсолютно убедительной тщательностью, — последний оплот ортодоксии в этой области пал.(177)

(177) См. Проф. Выступление Марша в качестве президента Общества содействия развитию науки в 1879 году; подробнее о развитии вопроса читайте в главах "Древность человека и египтология" и "Падение

человека и антропологии" в этой работе.

Сторонники теории, основанной на букве Священного Писания, которые так долго переходили в наступление, теперь были вынуждены сражаться в обороне, имея ужасающие шансы. Были предприняты различные линии обороны, но, возможно, самой жалкой попыткой было то, что предпринял Госсе в 1857 году в Англии. Как натуралист он оказал большие услуги зоологической науке, но теперь сосредоточил свою энергию на последней попытке спасти буквальную интерпретацию Книги Бытия и построенную на ней теологическую структуру. В своей работе под названием "Омфалос" он развил теорию, ранее выдвинутую Грэнвиллом Пенном, и утвердил новый принцип, названный "прохронизмом". В соответствии с этим, все сущее было создано Всемогущей рукой буквально в течение шести дней, каждый из которых состоял из "вечера и утра", и каждая великая ветвь творения была создана в одно мгновение. Принимая заявление доктора Юре о том, что "ни разум, ни откровение не оправдают нас в распространении происхождения материальной системы за пределы шести тысяч лет от наших дней", Госсе считал, что все свидетельства судорожных изменений и длительных эпох в пластах, горных породах, минералах и окаменелостях являются просто "ВИДИМОСТЬЮ" — только этим и ничем более. Среди этих простых "видимостей", созданных одновременно, были ледниковые борозды и царапины на скалах, следы отступления на скалистых массивах, как на Ниагаре, наклонные и искривленные пласты, нагромождения лавы потухших вулканов, окаменелости всех видов во всех частях земли, следы птиц и рептилий, полупереваренные останки более слабых животных, обнаруженные в окаменелых телах более сильных, следы зубов гиен на окаменелых костях, найденных в различных пещерах, и даже скелет сибирского мамонта в Санкт-Петербурге с кусками плоти со следами волчьих зубов - все это, со всеми пробелами и несовершенствами, в которые он убеждал человечество верить, появилось на свет в одно мгновение. Особенно трогательно предисловие к работе, которое заканчивается молитвой о том, чтобы наука и Священное Писание могли быть примирены его теорией и "чтобы Бог истины соизволил так использовать ее, и если он это сделает, ему да будет вся слава". (177) В конце всей книги Госсе заявил: "Поле остается чистым и неоспоримым для одного свидетеля с противоположной стороны, свидетельство которого таково: "За шесть дней Иегова сотворил небо и землю, море и все, что в них есть". Эту цитату он выделил заглавными буквами. как окончательное опровержение всего, что было построено геологической наукой.

(177) См. Госсе, Омфалос, Лондон, 1857, стр. 5, и *passim*; а отрывок, дающий лейтмотив всего, с самым фарсовым замечанием о копролитах, см. стр. 353, 354.

Еще позже в других частях Европы предпринимались отчаянные попытки спасти букву наших священных книг путем возрождения теории, в некоторых отношениях более поразительной. Чтобы приспособить эту теорию к современным потребностям, смутные воспоминания о тексте Книги Иова, касающемся подземного огня, и смутные представления о предположениях Гумбольдта и Лапласа были смешаны с еврейской традицией. Из полученной таким образом смеси Шуберт развил идею о том, что сатанинские "начала и силы", ранее населявшие нашу вселенную, погрузили ее в хаос, из которого она была вновь создана в результате процесса, точно описанного в Книге Бытия. Ружмон сделал землю одной из "утренних звезд" Иова, обращенной Люцифером и его последователями в хаос, а затем развившейся в соответствии с

небулярной гипотезой. Курц развил из этой теории мнение, что геологические нарушения были вызваны противодействием дьявола Всемогущему спасению нашей вселенной от хаоса. Делич облек подобную идею в более схоластический жаргон; но самыми отчаянными из всех были утверждения доктора Антона Вестермайера из Мюнхена о Ветхом Завете, подтвержденные современными возражениями неверующих. Следующий отрывок поможет продемонстрировать его идеи: "Благодаря плодотворному размышлению Божественного Духа над водами бездны, пришли в движение созидательные силы; дьяволы, населявшие первозданную тьму и считавшие ее своей обителью, увидели, что они должны быть изгнаны из своих владений или, по крайней мере, что место их обитания должно быть сокращено, и поэтому они попытались расстроить Божий план творения и напять всю оставшуюся у них мощь, чтобы помешать новому творению или, по крайней мере, испортить его". Так появились на свет "ужасные и разрушительные монстры, эти карикатуры и искажения творения", ископаемые останки которых у нас есть. Доктор Вестермайер продолжает настаивать на том, что "целые поколения, призванные к существованию Богом, поддались развращению дьявола и по этой причине должны были быть уничтожены"; и что "в работе шести дней Бог заставил дьявола ощутить свою силу во всей серьезности и сделал предприятие сатаны жалким и тщетным".(178)

(178) См. "Окончательную философию" Шилдса, стр. 340 и далее, и "Природу и Библию" Ройша (английский перевод, 1886), том i, стр. 318-320.

Таково было последнее серьезное нападение на оплоты геологической науки в Германии; и, принимая во внимание это и другие в том же роде, неудивительно, что, когда в 1870 году Иоганн Зильбершлаг предпринял попытку снова основать геологию на Ноевом потоке, он столкнулся с такими трудностями, что в трогательном отрывке выразил желание вернуться к теории, согласно которой окаменелости были "забавой природы".(179)

(179) См. Reusch, том i, стр. 264.

Но наиболее известные из попыток строго придерживаться буквы Священного Писания в геологии относятся к еще более позднему периоду. В 1885 году мистер Гладстон среди всех своих трудов и забот в качестве величайшего парламентского лидера Англии нашел время выступить на поле битвы за букву Книги Бытия против геологии.

На первый взгляд его усилия казались донкихотством, поскольку он с самого начала признался, что в науке он "совершенно лишен такого рода знаний, которые обладают авторитетом", и его аргументы вскоре показали, что это признание было полностью верным.

Но он обладал некоторыми другими качествами, от которых многого можно было ожидать: большим мастерством составления фраз, большой проницательностью в приспособлении значений отдельных слов к противоречивым потребностям дискуссии, удивительной способностью выстраивать эффектные структуры аргументации на мельчайшей основе фактов и почти сверхъестественной легкостью в "объяснении" неприятных реалий. Его власть в этом последнем отношении была настолько поразительной, что юмористический лондонский хроникер однажды посоветовал двоеженцу, как его единственной надежде, убедить мистера Гладстона расторгнуть брак с одной из его жен.

В основу этой теолого-геологической структуры м-р Гладстон положил то, что он обнаружил в тексте Книги Бытия: "Грандиозное четырехчленное разделение" одушевленной Природы, "изложенное в упорядоченной последовательности времен". И он расположил этот порядок и последовательность творения следующим образом: "Во-первых, водное население; во-вторых, воздушное население; в-третьих, наземное население животных; в-четвертых, наземное население, воплощенное в человеке".

Его следующим шагом было выдвинуть на этой основе кажущееся безобидным предположение о том, что это разделение и последовательность "понимаются как настолько подтвержденные в наше время естествознанием, что их можно воспринимать как доказанный вывод и установленный факт".

Наконец, на этих основаниях он приступил к построению аргументации из обеспеченных таким образом совпадений между записями в еврейских священных книгах и истинами, открытыми наукой относительно этого порядка и последовательности, и он легко пришел к желаемому выводу, которым увенчал всю структуру, а именно, что касается автора Книги Бытия, то "его знание было божественным".(180)

(180) См. "Рассвет творения и поклонения" м-ра Гладстона, ответ доктору Ревиллу в "Девятнадцатом веке" за ноябрь 1885 года.

Таков был скелет здания; оно было обильно украшено риторикой, в которой мистер Гладстон является таким искусным мастером, и возвышалось над "обычным человеком" как сооружение красивое и несокрушимое — как какая-нибудь китайская крепость девятнадцатого века, облицованная фарфором и защищаемая арбалетами.

Вскоре стало очевидно, что его сила нереальна. В эссе, замечательном по своему характеру, ошеломляющем фактами и абсолютно убедительном по своей аргументации, проф. Хаксли, покойный президент Королевского общества и, несомненно, самый выдающийся современный авторитет в соответствующих научных вопросах, занялся этим вопросом.

Первое предположение м-ра Гладстона о том, что священные писания дают нам великое "четыреждыкратное деление", созданное "в упорядоченной последовательности времен", проф. Хаксли не осмеливался возражать.

Что касается второго предложения м-ра Гладстона, то "это великое четырехчастное деление ... возникло в упорядоченной последовательности времен... это было настолько подтверждено в наше время естествознанием, что может быть воспринято как доказанный вывод и установленный факт", - сказал профессор. Хаксли показал, что, по сути, никаких подобных "четыреждыкратное деление" и "упорядоченной последовательности" существуют; что, так далеко от создания г-н Гладстон предположение, что население водой, в воздухе и на земле сменяли друг друга в порядке, "все доказательства мы обладаем доказывает, что они не"; что распределение окаменелостей различных пластов доказывает, что некоторые наземные животные произошли до морского зверя; это было смешивание море, земля, и воздуха "население" совершенно разрушительным для "великой четырехждыкратное деление" и к созданию "в упорядоченной последовательности времен"; что, до сих пор является точка зрения, представленная в священных текстах, как заявил г-н Гладстон, от того, были "так утверждается в наше время естественная наука, что она может рассматриваться как показала заключение и

установлен факт", что г-н Гладстон утверждение "прямо противоречит фактам, о которых известно каждому, кто знаком с элементами естественных наук"; что г-н Гладстон только геологические органы, Кьюе, умер более пятидесяти лет назад, когда геологическая наука была в зачаточном состоянии (и он мог бы добавить, когда нужно было принять все возможные скидки Церкви); и, наконец, он вызвал г-на Гладстона, чтобы произвести любой современной власти в геологической науке, который будет поддерживать его так называемый Библейский вид. И когда в ответ мистер Гладстон попытался подкрепить свою точку зрения авторитетом профессора. Дана, проф. Хаксли без труда доказал, что проф. Дана утверждает, что вывод мистера Гладстона был совершенно необоснованным. Но, в то время как система, созданная мистером Гладстоуном, была таким образом подорвана Хаксли с научной стороны, другой оппонент начал атаку с библейской стороны. Преподобный Кэнон Драйвер, профессор Оксфордского университета, принадлежащего мистеру Гладстону, рассмотрел этот вопрос в свете толкования Священных Писаний. Что касается сравнительной таблицы, составленной сэром Дж. У. Доусоном, показывающей предполагаемое соответствие между библейским и геологическим порядком сотворения мира, Кэнон Драйвер сказал: "Эти две серии явно расходятся. Геологическая летопись не содержит свидетельств о четко определенных периодах, соответствующих "дням" Книги Бытия. В Книге Бытия растительность завершается за два дня до появления животной жизни. Геология показывает, что они появляются одновременно - даже если животная жизнь не появилась первой. В Книге Бытия птицы появляются вместе с водными существами и предшествуют всем наземным животным; согласно данным геологии, птицы неизвестны до периода, намного более позднего, чем тот, когда водные существа (включая рыб и амфибий) изобилуют, и им предшествуют многочисленные виды наземных животных — в частности, насекомые и другие "ползучие твари". О Моисеевом рассказе о существовании растительности до сотворения солнца каноник Драйвер сказал: "Пока не найдено согласования этого представления с данными науки"; и снова: "Из всего сказанного, как бы неохотно мы ни говорили, мы можем сделать вывод, что растительность существовала до сотворения солнца". чтобы сделать признание, представляется возможным только один вывод. Прочтенное без предубеждения повествование Книги Бытия i создает впечатление, расходящееся с фактами, открытыми наукой ". Выдающийся профессор заканчивает словами о том, что усилия по примирению представляют собой "различные способы стирания характерных черт Книги Бытия и прочтения в ней точки зрения, которую она не выражает".

Таким образом, рухнула построенная мистером Гладстоуном система совпадений между "великим четырехкратным разделением" в Книге Бытия и фактами, установленными геологией. Проф. Хаксли разрушил научные части этой структуры, проф. Драйвер разрушил его библейские основы, и последняя великая крепость противников неограниченных научных исследований лежала в руинах.

В противовес всем подобным попыткам мы можем привести благородное высказывание священнослужителя, который, вероятно, сделал больше для спасения того, что существенно в христианстве, среди англоговорящих людей, чем любой другой священнослужитель своего времени. Покойный декан Вестминстерского университета, доктор Артур Стэнли, был широко известен и любим на обоих континентах. В своей поминальной проповеди после похорон сэра Чарльза Лайелла он сказал: "Теперь прилежным изучающим Библию ясно, что первая и вторая главы Книги Бытия содержат два повествования о сотворении мира бок о бок, отличающиеся друг от друга почти во всех деталях времени, места и порядка. Хорошо известно, что, когда

впервые возникла наука геология, она была вовлечена в бесконечные попытки привести ее в соответствие с буквой Священного Писания. Были и, возможно, существуют до сих пор два способа примирения Священного Писания и науки, каждый из которых в свое время пытался использовать, И КАЖДЫЙ ПОЛНОСТЬЮ И ЗАСЛУЖЕННО ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ. Первый — это попытка вырвать слова Библии из их естественного значения и ЗАСТАВИТЬ ИХ ГОВОРИТЬ ЯЗЫКОМ НАУКИ ". И снова, говоря о самом раннем известном примере, которым была вставка слова "не" в Левит хі, 6, он продолжает: "Это самый ранний пример ФАЛЬСИФИКАЦИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ НАУКИ; и за ним последовали в более поздние времена различные попытки, которые были предприняты, чтобы исказить ранние главы книги Бытия в явном согласии с последними результатами геологии - представить дни не как дни, утро и вечер не как дни ". будь утром и вечером, Потоп не был бы Потопом, и ковчег не был бы ковчегом".

После подобного заявления мы вправе спросить, что с большей вероятностью укрепит христианство в его работе в двадцатом веке, в который мы сейчас вступаем, — масштабное, мужественное, честное,бесстрашное высказывание, подобное этому Артуру Стэнли, или головокружительная софистика, несущая в каждой своей строке зародыши неудачи, подобная тем, что пытался сделать мистер Гладстон?

Мир обнаруживает, что научное раскрытие творения все больше и больше согласуется с достойными представлениями об этой великой Силе, действующей во Вселенной и через нее. Все больше и больше становится видно, что вдохновение никогда не прекращалось, и что его пророки и священники - это не те, кто работает над тем, чтобы приспособить букву его старой литературы к потребностям догм и сект, но те, прежде всего, кто терпеливо, бесстрашно и благоговейно посвящают себя поиску истины как таковой, в вере, что во вселенной есть Сила, достаточно мудрая, чтобы сделать поиск истины безопасным, и достаточно хорошая, чтобы сделать рассказывание правды полезным. (181)

(181) О полемике Хаксли-Гладстон см. В "Девятнадцатом веке" за 1885-86 годы. О Кэноне Драйвере читайте в его статье "Космогония Книги Бытия" в "Экспозиторе" за январь 1886 года.

ГЛАВА VI. ЕГИПТОЛОГИЯ И АССИРИОЛОГИЯ О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.

I. СВЯЩЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ.

В обширных областях исследований, имеющих самое непосредственное отношение к происхождению человека, есть две области, в которых наука за последние несколько лет одержала окончательные победы. Значение всего этого в изменении и, в конечном счете, обращении вспять одного из величайших течений теологической мысли трудно переоценить; даже волна, приведенная в движение Кузой, Коперником и Галилеем, не была более мощной, чтобы принести новую эпоху веры.

Первое из этих завоеваний относится к древности появления человека на земле.

Отцы ранней христианской церкви, воспринимая все части наших священных книг как одинаково богодухновенные, придавали немногим меньшее значение мифам, легендам, генеалогиям, племенным, семейным и личным традициям, содержащимся в Ветхом и Новом Заветах, если вообще придавали какое-либо значение, чем самым сильным призывам, самым поучительным апологетам и самым возвышенным стихотворениям пророков, псалмопевцев и апостолов. Что касается возраста нашей планеты и жизни человека на ней, они обнаружили в Библии тщательно записанный ряд периодов, простирающихся от Адама до строительства Иерусалимского Храма, причем продолжительность каждого периода была четко указана.

Таким образом, у них была библейская хронология — полная, последовательная и определенная, — простирающаяся от сотворения первого человека до события известной даты в рамках достоверной мирской истории; в результате раннехристианские комментаторы пришли к выводам, несколько отличающимся, но в основном совпадающим. Некоторые, такие как Ориген, Евсевий, Лактанций, Климент Александрийский и вообще великие отцы Церкви первых трех столетий, особенно обращая внимание на версию Священных Писаний Септуагинты, считали, что сотворение человека произошло примерно за шесть тысяч лет до христианской эры. Убедительное подтверждение этой точки зрения было найдено в простом фрагменте чисто теологического рассуждения: ибо, подобно тому, как долгое время считалось, что семь светильников Апокалипсиса доказывают существование семи небесных тел, вращающихся вокруг земли, так и считалось, что шесть дней творения предвосхищали шесть тысяч лет, в течение которых должна была существовать земля в своей первоначальной форме; и что, поскольку первый Адам пришел на шестой день, Христос, второй Адам, пришел в период шестого тысячелетия. Феофил, епископ Антиохийский, во втором веке подкрепил этот аргумент текстом: "Один день у Господа, как тысяча лет".

С другой стороны, Евсевий и святой Иероним, уделяя особое внимание еврейскому тексту, к которому мы привыкли относиться с почтением, считали, что происхождение человека произошло в несколько более короткий период до христианской эры; и непререкаемый авторитет святого Иеронима сделал эту точку зрения доминирующей во всей Западной Европе на протяжении пятнадцати столетий.

Простота этих великих отцов в том, что касается хронологии, особенно хорошо отражена в таблицах Евсевия. В них Моисей, Иисус Навин и Вахх, Дебора, Орфей и Амазонки, Авимелех,

Сфинкс и Эдип предстают вместе как персонажи, одинаково реальные, и их хронологическое положение в равной степени установлено.

Временами между теми, кто придерживался более длинной и более короткой хронологии, возникала большая вражда, но, в конце концов, разница между ними, как мы теперь видим, была незначительной; и в общих чертах можно сказать, что в ранней Церкви "всегда, везде и всеми" считалось несомненным, на абсолютном основании Священного Писания, что человек был создан за четыре-шесть тысяч лет до христианской эры.

Сомневаться в этом, и даже в гораздо меньшей степени, чем в этом, значило рисковать быть проклятым. Святой Августин настаивал на том, что вера в антиподов и в большую продолжительность существования земли, чем шесть тысяч лет, были смертельной ересью, в равной степени враждебной Писанию. Филастрий, друг святого Амвросия и св. Августин, чей устрашающий перечень ересей служил руководством к нетерпимости на протяжении всего Средневековья, с таким же священным ужасом осуждал тех, кто выражал сомнение в ортодоксальном количестве лет от начала мира, и тех, кто сомневался в том, что землетрясение в буквальном смысле является голосом разгневанного Бога, или кто ставил под сомнение множественность небес, или кто опровергал утверждение, что Бог каждую ночь достает звезды из своих сокровищниц и вешает их на твердом небосводе над землей.

Примерно в начале седьмого века Исидор Севильский, великий богослов своего времени, занялся этим вопросом. Он принял доминирующий взгляд не только на иврит, но и на все другие хронологии, без какой-либо реальной критики. Детскую веру в его систему можно представить из его кратких изложений, которые следуют ниже. Он говорит нам:

"Иосиф прожил сто пять лет. Греция начала выращивать зерно".

"Евреи были в рабстве в Египте сто сорок четыре года. Атлас открыл астрологию".

"Иисус Навин правил двадцать семь лет. Эриктоний запрягал лошадей в одну упряжку".

- Отниэль, сорок лет. Кадм ввел в Греции письменность.

- Дебора, сорок лет. Аполлон открыл искусство врачевания и изобрел кифару.

"Гидеон, сорок лет. Меркурий изобрел лиру и подарил ее Орфею".

Рассуждая таким общим образом, Исидор придерживался более длинной даты; и после того, как великий богословский авторитет Южной Европы высказался таким образом, этот вопрос фактически оставался нерешенным во всем христианском мире почти сто лет.

В начале восьмого века Беда достопочтенный занялся этой проблемой. Остановливаясь особенно на общепринятом еврейском тексте Ветхого Завета, он вскоре столкнулся с очень серьезными трудностями; но, несмотря на великих отцов первых трех столетий, он уменьшил древность человека на земле почти на тысячу лет, и, несмотря на ропот против него, как опасно приближающегося к пределу, который делает сомнительной теологическую аргументацию от шести дней творения до шести эпох мира, его авторитет имел большой вес и многое сделал для того, чтобы укрепить западную Европу в ее приверженности общей системе, изложенной Евсевием и Иеронимом.

В двенадцатом веке эта вера была подкреплена приливом мыслей совсем из других источников. Раввин Моисей Маймонид и другие еврейские ученые, тщательно изучив текст на иврите, пришли к выводам, еще больше преуменьшающим древность человека, и таким образом придали силу на протяжении всего средневековья более короткой хронологии: она была включена в священную науку христианства; и Винсент из Бове в своем великом историческом зеркале, составляющем часть этого еще более грандиозного труда, призванного обобщить все знания, накопленные за века веры, поместил сотворение человека примерно за четыре тысячи лет до нашей эры.(182)

(182) Таблицу, суммирующую периоды от Адама до строительства Храма, явно приведенные в Священных Писаниях, смотрите в замечательной статье о папе римском и Библии в "Современном обзоре" за апрель 1893 г. Дату сотворения человека, указанную ведущими хронологами в различных ветвях Церкви, см. в "Искусстве проверки дат", Париж, 1819, т. i, стр. 27 и далее. В этом издании есть различные типографские ошибки; сравните с Уоллесом, "Истинный возраст мира", Лондон, 1844. Что касается предпочтения отцами Церкви более длинных вычислений, см. Клинтон, "Fasti Hellenici", том ii, стр. 291. О священном значении шести дней творения для установления древности человека см., в частности, Эйхена, "Описание общего мировоззрения"; также Уоллеса, "Истинный возраст мира", стр. 2,3. Ради вида на Св. Августин, см. Топинар, "Антропология", цитируя De Civ. Dei., lib. xvi, c. viii, c. x. О взглядах Филастрия см. De Haeresibus, c. 102, 112, et passim, в Migne, томе xii. О простой доверчивости Евсевия см. Таблицы в "Египетских хрониках Палмера", т. ii, стр. 828, 829. О Беде см. в "Священной хронологии Ашера", цитируемой в "Уоллесе, Истинном возрасте мира", стр. 35. Об Исидоре Севильском см. "Этимологию", lib. v, c. 39; также lib. iii, в Migne, томе lxxxii.

Во времена Реформации эта точка зрения не была нарушена. Тот же способ принятия священного текста, который побудил Лютера, Меланхтона и великих протестантских лидеров в целом выступить против теории Коперника, прочно закрепил их в этой библейской хронологии; лейтмотив прозвучал для них Лютером, когда он сказал: "Мы знаем, опираясь на авторитет Моисея, что более шести тысяч лет назад мир не существовал". Меланхтон, точнее, зафиксировал сотворение человека в 3963 году до нашей эры

Но великие христианские ученые продолжали старую попытку уточнить время происхождения человека: похоже, этот предмет вызывал своего рода увлечение, которое привлекло множество хронологов, взвешивающих мельчайшие указания в наших священных книгах, пока протестантский священник Де Виньоль, посвятивший сорок лет изучению библейской хронологии, не заявил в 1738 году, что он собрал не менее двухсот вычислений, основанных на Священном Писании, и нет двух одинаковых.

Что касается Римской церкви, то около 1580 года авторитетом папы Григория XIII был опубликован Римский мартиролог, и в нем, как первоначально опубликованном, так и

пересмотренном в 1640 году при папе Урбан VIII, провозглашалось, что сотворение человека произошло за 5199 лет до Рождества Христова.

Но из всех, кто посвятил себя этим хронологическим исследованиям, человеком, оказавшим наиболее сильное влияние на доминирующие нации христианского мира, был архиепископ Ашер. В 1650 году он опубликовал свои "Анналы Древнего и Нового Заветов", и они сразу же стали величайшим авторитетом для всех англоговорящих народов. Ашер был человеком с глубокими и широкими богословскими познаниями, сильным в полемике; и его тщательный вывод после многих лет самого глубокого изучения еврейских Писаний заключался в том, что человек был создан за 4004 года до христианской эры. Его вердикт был широко воспринят как окончательный; его даты были проставлены на полях авторизованной версии английской Библии и вскоре практически стали рассматриваться как вдохновленные самим священным текстом: подвергать их серьезному сомнению означало рисковать преимуществом в Церкви и репутацией во всем мире.

Та же приверженность еврейским Писаниям, которая повлияла на Ашера, привела ведущих деятелей старой Церкви к той же точке зрения: люди, которые сожгли бы друг друга на костре за разногласия по другим пунктам, согласились в этом: Меланхтон и Тостатус, Лайтфут и Янсен, Сальмерон и Скалигер, Петавиус и Кеплер, инквизиторы и реформаторы, иезуиты и янсенисты, священники и раввины, стояли вместе в вере, что сотворение человека, как доказывает Писание, произошло между 3900 и 4004 годами до Рождества Христова.

Несмотря на серьезное давление этой линии авторитетов, простирающейся от святого Иеронима и Евсевия до Ашера и Петавиуса, в пользу этой библейской хронологии даже преданные христианские ученые иногда чувствовали себя обязанными восстать. Первым серьезным источником трудностей стало расширение знаний о египетских памятниках. Еще в последние годы шестнадцатого века Джозеф Скалигер сделал все, что мог, чтобы заложить основы более научного подхода к хронологии, особенно настаивая на том, чтобы исторические указания в Персии, Вавилоне и, прежде всего, в Египте были использованы для решения этого вопроса. Более того, у него хватило смелости настаивать на том, что хронологические указания еврейских Священных Писаний должны быть всесторонне и критически обсуждены в свете египетских и других источников, без какого-либо неоправданного уклона из богословских соображений. Его идею вполне можно назвать вдохновенной; однако она мало повлияла на истинный взгляд на древность человека, даже на него самого, поскольку теологические предубеждения преобладали над всеми его рассуждениями, даже в его собственном сознании. Блестящий современный писатель справедливо заявляет, что "среди множества сильных людей современности, отрекающихся от своего разума по велению своих предрассудков, Джозеф Скалигер, пожалуй, является самым ярким примером". В начале следующего столетия сэр Уолтер Рэли в своей "Всемирной истории" (1603-1616) указал на опасность приверженности старой системе. Он также предвидел один из результатов современных исследований, изложив его в следующих словах, которые звучат как пророческое вдохновение: "Ибо во времена Авраама были освоены все известные тогда части света.... В Египте было много великолепных городов, ... и они были построены не из бревен, а из тесаного камня, ... для великолепия которого требовался родитель более древней эпохи, чем предполагали эти другие люди". Принимая во внимание эти соображения, Рейли следовал хронологии версии Септуагинты, что позволило ему уделить человечеству на несколько лет больше, чем обычно отводилось.

Примерно в середине семнадцатого века Исаак Воссюс, один из самых выдающихся ученых христианского мира, попытался привести господствующую веру в более тесное соответствие с установленными фактами, но, за исключением немногих избранных, его усилия были отвергнуты. В некоторых частях Европы человек, придерживающийся новых взглядов на хронологию, отнюдь не был застрахован от телесных повреждений. В качестве примера чрезвычайного давления, оказываемого порой старой теологической системой на честных ученых, мы можем привести случай Ла Пейрера, который примерно в середине семнадцатого века опубликовал свою книгу о доадамитах — попытку примирить различные хорошо известные трудности в Священном Писании, утверждая, что человек существовал на земле до времен Адама. Его сразу взяли в руки; великие богословы бросились нападать на него со всех концов Европы; в течение пятидесяти лет появилось тридцать шесть различных опровержений его аргументов; парижский парламент сжег книгу, а главный викарий архиепископии Мехлина бросил его в тюрьму и держал там до тех пор, пока его не вынудили не только отказаться от своих заявлений, но и отречься от своего протестантизма.

В Англии противодействие растущей правде было едва ли менее серьезным. Особенно сильным был Пирсон, впоследствии магистр Троицы и епископ Честерский. В своем трактате "О символе веры", опубликованном в 1659 году и оставшемся классикой теологии, он осудил тех, кто считал, что земле более пятидесяти шестисот лет, настаивал на том, что первый человек был создан всего шесть дней спустя, заявил, что египетские летописи были подделаны, и призвал всех христиан обратиться от них к "непогрешимым летописям Духа Божьего".

Но, несмотря на подобные предупреждения, мы видим, как новая идея зарождается в различных частях Европы. В 1672 году сэр Джон Маршам опубликовал работу, в которой показал себя смелым и честным. После описания языческих источников восточной истории он обращается к христианским авторам и, используя историю Египта, чтобы показать, что великие церковные авторитеты не были точны, заканчивает один важный аргумент следующими словами: "Таким образом, самые интересные древности Египта были погружены в глубочайшую неизвестность самими толкователями ее хронологии, которые все перепутали (*qui omnia susque deque permiscuerunt*), чтобы привести их в соответствие со своими собственными расчетами еврейской хронологии. Поистине, очень плохой пример и совершенно недостойный религиозных писателей".

Этот решительный протест сэра Джона против господствующей системы и против "путаницы", с помощью которой Евсевий пытался урезать древнюю хронологию в надежных ортодоксальных рамках, не возымел особого эффекта. Хотя выдающиеся хронологи восемнадцатого века, такие как Джексон, Хейлс и Драммонд, опубликовали множество увесистых томов, умоляя о периоде, несколько превышающем обычно допускаемый, и настаивая на том, что принятый текст на иврите был грубо искажен с точки зрения хронологии, даже в этой скромной услуге им было отказано; массе верующих было удобнее твердо придерживаться веры, переданной им Ашером, и оставалось неизменным, что человек был создан примерно за четыре тысячи лет до нашей эры.

Для тех, кто хотел еще большей точности, доктор Джон Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета, великий ученый-раввин своего времени, привел свою знаменитую демонстрацию из наших священных книг о том, что "небо и земля, центр и окружность были созданы вместе, в одно мгновение, и облака были полны воды", и что "эта работа имела место, и

человек был сотворен Троицей двадцать третьего октября 4004 года до нашей эры, в девять часов утра".

Эта волна теологических рассуждений продолжалась на протяжении всего восемнадцатого века, раздуваясь благодаря библейским исследованиям ведущих комментаторов, католиков и протестантов, пока не достигла с большим величием и силой нашего собственного девятнадцатого века. В самом начале века она обрела новую силу благодаря различным великим людям в Церкви, среди которых особенно можно назвать доктора Адама Кларка, который заявил, что "чтобы исключить возможность ошибки, безошибочный Дух Божий руководил Моисеем в отборе его фактов и установлении его дат".

Все возражения против общепринятой точки зрения, казалось, были подавлены, и уже в 1835 году — фактически, уже в 1850 году — в работе одного из самых выдающихся египтологов, сэра Дж. Г. Уилкинсона, появилось объявление о том, что он изменил результаты, полученные им на основе египетских памятников, чтобы его хронология не противоречила принятой дате Ноева потопа.(183)

(183) Что касается Лайтфута, смотрите в его "Пролегоменах", относящихся к возрасту мира при рождении Христа; смотрите также в издании его работ, Лондон, 1822, т. 4, стр. 64, 112. О Скалигере см. в "De Emendatione Temporum", 1583; также Марк Паттисон, "Эссе", Оксфорд, 1889, том i, стр. 162 и далее. О опасениях Рейли читайте в его "Истории мира", Лондон, 1614, стр. 227, книга ii части i, раздел 7 главы i; также "Fasti Hellenici" Клинтона, том. ii, стр. 293. Сведения об Ашере см. в его "Анналах Ветхого завета". и нояб. Тест., Лондон, 1650. О Пирсоне см. Его Изложение Символа веры, шестое издание, Лондон, 1692, стр. 59 и далее. О Маршаме см. его "Хронический канон Египта, Эбрайка, Греции", "и исследования", Лондон, 1672. О Ла Пейрере см., в частности, Четверостишия в *Revue de deux Mondes* за 1861 год; также другие главы в этой работе. Джексона, Хейлса и других можно найти в книге Уоллеса "Истинный возраст мира". Уилкинсона можно найти в различных изданиях его работы о Египте. О Виньоле см. Леблуа, том iii, стр. 617. Что касается заявления в пользу недавнего происхождения человека, санкционированного папами Григорием XIII и Урбаном VIII, см. Страчиуса, цитируемого в Wallace, стр. 97. Общее согласие церковных властей, как указано, см. в "Искусстве проверки дат", как указано выше. Что касается трудностей библейской хронологии, см. Эвальд, История Израиля, английский перевод, Лондон, 1883, стр. 204 и далее.

II. НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ.

Но не все исследователи были столь послушны, как Уилкинсон, и вскоре появилось новое направление научной мысли, которое быстро подорвало всю эту теологическую хронологию. Не говоря уже о других известных людях, в начале нынешнего столетия мы имеем дело с Янгом, Шампольоном и Розеллини, начинающими новую эпоху в изучении египетских памятников. Ничто не могло быть более осторожным, чем их процедура, но вскоре появились неопровержимые доказательства в пользу гораздо более длительного существования человека в долине Нила, чем можно было согласовать даже с самой большой продолжительностью, допускаемой тогда теологами. Ибо, несмотря на всю гибкость таких людей, как Уилкинсон, стало очевидно, что, какая бы система библейской хронологии ни была принята, Египет был центром процветающей цивилизации в период до "Ноева потоп", и что никакое такое наводнение никогда не прерывало ее. Это было плохо, но худшее осталось позади: вскоре стало ясно, что цивилизация Египта началась раньше времени, отведенного для сотворения человека, даже согласно самым либеральным из священных хронологов.

С течением времени это становилось все более и более очевидным. Было обнаружено, что длительный период, отведенный человеческой цивилизации во фрагментах Манефона, египетского писца из Фив в третьем веке до нашей эры, больше соответствует истине, чем хронологии великих теологов; и по прошествии нынешнего столетия были достигнуты научные результаты, абсолютно фатальные для хронологического взгляда, основанного Вселенской Церковью на Священном Писании на протяжении почти двух тысяч лет.

Как хорошо известно, первым из египетских царей, о котором есть упоминания на памятниках долины Нила, был Мена, или Менес. Манефон сделал заявление, согласно которому Мена, должно быть, жил почти за шесть тысяч лет до христианской эры. Долгое время это считалось совершенно недопустимым, поскольку столь явно расходилось с хронологией наших собственных священных книг; но со временем большие фрагменты оригинального труда Манефона были более тщательно изучены и отличены от искаженных транскрипций, были обнаружены списки царей в Карнаке, Саккара и двух храмах в Абидосе, а также списки придворных архитекторов. Среди всех этих памятников ученого, посещающего Египет, больше всего впечатляют скульптурные таблички со списками царей. На каждой изображен монарх того периода, отдающий дань уважения длинной линии своих предков. Рядом с каждым из этих изваянных монархов стоит табличка с его именем. Несомненно, что всегда уделялось большое внимание точности этих впечатляющих записей; лояльность подданных, набожность священников и фамильная гордость королей сочетались в этом; и насколько эффективной была эта забота, видно из того факта, что короли, ныне известные как узурпаторы, тщательно опущены. Списки придворных архитекторов, охватывающие период от Сети до Дария, проливают свет на другие записи.

Сравнивая, таким образом, все эти источники и применяя среднее значение продолжительности длинной серии хорошо известных царствований к предшествующим царствованиям, самые внимательные и осмотрительные ученые убедились, что оригинальные фрагменты Манефона представляют собой работу человека честного и хорошо информированного, и, сделав все поправки на расхождения и наложение царствований, стало ясно, что период, известный как царствование Мены, должен быть зафиксирован более чем за три тысячи лет до н.э. В этом великие египтологи нашего времени согласны. Мариетт,

выдающийся французский авторитет, называет дату 5004 годом до н.э.; Бругш, ведущий немецкий авторитет, называет ее примерно 4500 годом до н.э.; а Мейер, новейший и наиболее осторожный из историков древности, объявляет 3180 годом до н.э. самую позднюю возможную дату, которую можно установить. С этими датами ведущие английские авторитеты, Сэйс и Флиндерс Петри, в основном согласны. Эта точка зрения также подтверждается с астрономической точки зрения г-ном Локьером, королевским астрономом. Таким образом, в результате столетней работы самых проникательных и подготовленных египтологов, а также надписей на храмах и папирусах перед ними, которые сейчас читаются с такой же легкостью, как и многие средневековые рукописи, мы пришли к выводу, что правление Мены должно быть датировано более чем пятью тысячами лет назад.

Но значение этого вывода не может быть полностью понято, пока мы не приведем в связь с ним некоторые другие факты, обнаруженные египетскими памятниками.

Первое из них - это то, что поразило сэра Уолтера Рэли: даже во времена первых династий в долине Нила уже была развита высокая цивилизация. Возьмем, во-первых, самого человека: мы находим изваянные на ранних памятниках типы различных рас — египтян, израильтян, негров и ливийцев, — столь же четко различимые на этих картинах и скульптурах четырех-шести тысячелетней давности, как и те же типы в наши дни. Никто не может смотреть на эти скульптуры на египетских памятниках или даже на их рисунки, приведенные Лепсиусом или Приссом д'Авеннесом, не убедившись, что они указывают, даже в тот отдаленный период, на различие рас, настолько заметное, что для его создания, должно быть, потребовались долгие предшествующие эпохи.

Социальное положение Египта, отраженное в этих ранних памятниках искусства, заставляет нас прийти к тому же выводу. Эти самые ранние памятники показывают, что уже тогда существовало очень сложное общество. У нас есть разделение не только на жреческие и военные ордена, но и на земледельцев, фабрикантов и торговцев с целым рядом подразделений в каждом из этих классов. Ранние гробницы показывают нам скульптурные и раскрашенные изображения повседневной жизни, которая уже тогда была развита в огромное богатство и разнообразие степеней, форм и обычаев.

Возьмем, далее, политическую и военную обстановку. Один факт из многих свидетельствует о политике, которая, должно быть, была результатом длительного опыта. Точно так же, как сейчас, в конце девятнадцатого века, британское правительство, обнаружив, что оно не может полагаться на коренных египтян в защите страны, готовит негров из внутренних районов Африки в солдаты, так и знаменитая надпись принца Уны, сделанная еще во времена шестой династии, говорит о макси, или неграх, которых десятками тысяч набирали и обучали для египетской армии.

Возьмем, наконец, инженерное дело. Здесь мы находим очень ранние разработки в области каналов, дамб и больших общественных зданий, настолько смелые по замыслу и тщательные по исполнению, что повергают в изумление наших величайших инженеров современности. Добыча, транспортировка, резка, соединение и полировка огромных блоков внутри Великой пирамиды сами по себе являются чудом труда передовых каменщиков нашего столетия.

Что касается архитектуры, мы находим не только пирамиды, которые относятся к самому раннему периоду египетской истории и по сей день являются чудом света из-за размеров,

смелости, точности и искусного устройства, но и храмы с длинными рядами колоссальных колонн, выполненных из полированного гранита, с удивительной красоты орнаментом, с архитравами и крышами огромных размеров и изысканной подгонки, которые своими пропорциями поражают воображение и заставляют зрителя задаться вопросом, может ли все это быть реальным.

Что касается скульптуры, то у нас есть не только великий Сфинкс из Гизы, столь удивительный по своей смелости и достоинству, относящийся к самому первому периоду истории Египта, но и целые ряды сфинксов, героических статуй и барельефов, свидетельствующих о том, что даже в ранние века эта отрасль искусства достигла удивительного развития.

Что касается их совершенства, Любке, самый выдающийся немецкий специалист по пластическому искусству, ссылаясь на ранние работы в гробницах около Мемфиса, заявляет, что "как памятники периода четвертой династии, они являются свидетельством высокого совершенства, которого достигла скульптура египтян". Бругш заявляет, что "каждое художественное произведение тех ранних дней, будь то картина, письмо или скульптура, несет на себе печать высшего совершенства в искусстве". Масперо, самый выдающийся французский авторитет в этой области, выражая свою веру в то, что Сфинкс был изваян еще до времен Мена, заявляет, что "искусство, которое задумало и изваяло эту потрясающую статую, было законченным искусством — искусством, достигшим самообладания и уверенным в своих результатах"; в то время как среди более выдающихся английских авторитетов Сэйс говорит нам, что "искусство достигло своего расцвета в эпоху пирамид". -строители", а сэр Джеймс Фергюссон заявляет: "Мы поражены, обнаружив, что египетское искусство древнейших периодов почти столь же совершенно, как и в любой из более поздних".

Свидетельства высокого развития египетской скульптуры в более ранние династии становятся с каждым днем все более убедительными. Какой утонченный гений проявили раннеегипетские скульпторы в своих меньших статуях, известно всем, кто видел эти ценнейшие образцы в каирском музее, которые были созданы до того, как из религиозных соображений был принят общепринятый тип.

В декоративном искусстве, особенно в керамике, уже во времена четвертой и пятой династий мы имеем вазы, кубки и другие сосуды, демонстрирующие изысканную красоту очертаний и общее чувство формы, почти, если не совсем равные этрусским и греческим произведениям лучших периодов.

Далее возьмем астрономию. Возвращаясь к самому раннему периоду египетской цивилизации, мы обнаруживаем, что четыре стороны Великой пирамиды расположены по сторонам света с предельной точностью. "День равноденствия можно определить, наблюдая, как солнце садится за гранью пирамиды, а соседние арабы корректируют свои астрономические даты по его тени". И все же это лишь один из многих фактов, доказывающих, что египтяне в самый ранний период, о котором сохранились их памятники, достигли знаний и умений, приобретенных только долгими веками наблюдений и размышлений. мистер Локьер, королевский астроном Великобритании, недавно убедился, после тщательного изучения различных разрушенных храмов в Фивах и других местах, что они были размещены в соответствии с наблюдениями за звездами. Сформулирую свой вывод его собственными словами: "Представляется очень высокой вероятностью, что за три тысячи, а возможно, и за четыре тысячи лет до Рождества Христова среди египтян были люди с некоторыми познаниями в астрономии, и что шесть тысяч

лет назад ход солнца в течение года был практически очень хорошо известен, и были изобретены методы, с помощью которых со временем это могло быть известно лучше; и что вскоре после этого они не только рассматривали вопросы, относящиеся к Солнцу, но и начали заниматься другими вопросами, касающимися положения и движения звезд".

Тот же взгляд на древность человека в долине Нила подтверждают и филологи. Пользуясь словами Макса Данкера: "Древнейшие памятники Египта — а они являются древнейшими памятниками в мире — демонстрируют египтянина, владеющего искусством письма". Из надписей ранних династий также следует, что египетский язык уже в то раннее время был развит во всех существенных чертах до наивысшей точки, которой он когда-либо достигал. Какие долгие периоды, должно быть, потребовались для такого развития, может представить себе каждый филолог.

Что касается медицинской науки, то у нас есть берлинский папирус, который, хотя и относится к более позднему периоду, со скрупулезными уточнениями отсылает к медицинской литературе первой династии.

Что касается археологии, то самые ранние известные надписи указывают на еще более ранние события и постройки, указывая на длительную последовательность в предыдущей истории.

Что касается всего, что относится к истории цивилизации, то ни один честный и непредубежденный человек не может пойти в музеи Каира, Лувр или Британский музей и посмотреть на памятники этих ранних династий, не увидев в них результатов развития искусства, науки, законов, обычаев и языка, которое, должно быть, потребовало огромного периода до эпохи Мена. И этот вывод напрашивается тем более неопровержимо, когда мы рассматриваем медленный рост идей на ранних стадиях цивилизации по сравнению с более поздними — медленный рост, который удерживал аборигенов многих частей света в этой самой ранней цивилизации по сей день. К этому мы должны добавить тот факт, что египетская цивилизация была особенно неподвижной: ее деление на касты - лишь одно из многих свидетельств того, что это была полная противоположность цивилизации, развивавшейся быстро.

Что касается продолжительности периода до наступления Мена, то, конечно, нет ничего точного. Манефон приводит списки великих личностей до первой династии, и они охватывают более двадцати четырех тысяч лет. Бунзен, один из самых образованных христианских ученых, заявляет, что для развития цивилизации до того момента, когда мы находим ее во времена Мены, потребовалось не менее десяти тысяч лет. Никто не может претендовать на точность ни одного из этих утверждений, но они ценны тем, что показывают впечатление огромной древности, произведенное на самых компетентных судей тщательным изучением этих останков: ни один непредвзятый судья не может усомниться в том, что для развития цивилизации до того состояния, в котором мы ее находим, должен был потребоваться чрезвычайно длительный период времени.

Исследования в русле Нила подтверждают эти взгляды. То, что иногда делались некоторые необоснованные выводы, верно; но факт остается фактом: снова и снова грубую керамику и другие свидетельства ранних стадий цивилизации находили в буровых скважинах в местах, столь удаленных друг от друга, и на такой большой глубине, что для такого ряда совпадающих фактов, рассматриваемых в связи со скоростью отложения грунта Нилом, нет адекватного

объяснения, кроме существования человека в этой долине на тысячи лет раньше самого длительного периода, допускаемого нашими священными хронологами.

Эти расследования также не носили небрежного характера. В период с 1851 по 1854 год мистер Хорнер, чрезвычайно осторожный английский геолог, прорыл девятую шесть шахт в четыре ряда с интервалом в восемь английских миль, под прямым углом к Нилу, в окрестностях Мемфиса. В них керамика была извлечена с разных глубин, а под статуей Рамзеса II в Мемфисе - с глубины тридцати девяти футов. Что касается уровня отложений в Ниле, то тщательная оценка показала, что это указывает на период более одиннадцати тысяч лет. Такой выдающийся немецкий специалист в области географии, как Пешель, характеризует возражения против таких выводов как необоснованные. Как бы то ни было, общие результаты этих исследований, взятые в совокупности с другими результатами исследований, убедительны.

И, наконец, как бы для того, чтобы убедиться в этом вдвойне, ряд выдающихся археологов, французских, немецких, английских и американских, за последние двадцать лет обнаружили реликвии дикого периода, значительно более раннего, чем времена Мена, преобладавшие по всему Египту. Эти реликвии были обнаружены в большом количестве в различных частях страны, от Каира до Луксора. Это те же самые доисторические орудия, которые доказывают нам раннее существование человека во многих других частях света в столь отдаленный геологический период, что цифры, приводимые нашими священными хронологами, всего лишь тривиальны. Последнее и наиболее убедительное из этих открытий - кремневые орудия в наносах, расположенных далеко под гробницами ранних царей в Фивах и на высоких террасах, расположенных намного выше нынешнего русла Нила, - будет упомянуто позже.

Но не только в Египте найдены доказательства полной неадекватности всей хронологической системы, основанной на наших священных книгах. Эти результаты исследований в Египте поразительно подтверждается исследованиями в Ассирии и Вавилонии. Профессор Сейс экспонаты различных доказательств этого. Используя его собственные слова относительно одного из этих доказательств: "На полках Британского музея вы можете увидеть огромные высушенные на солнце кирпичи, на которых выбиты имена и титулы королей, воздвигавших или ремонтировавших храмы там, где они были найдены.... Они должны... они царствовали до того времени, когда, согласно полям наших Библий, Ноев Потоп покрыл землю и превратил такие кирпичи, как эти, в первозданную слизь".

Этот вывод вскоре был поставлен вне всяких сомнений. Списки царских и сопутствующих надписей, найденные в храмах великой долины между Тигром и Евфратом, а также записи астрономических наблюдений в этом регионе показали, что и там тоже возникла могущественная цивилизация в период гораздо более ранний, чем это может быть согласовано с нашей священной хронологией. Наука ассириология, таким образом, была объединена с египтологией, чтобы предоставить еще одно убедительное доказательство того, что, какими бы ценными ни были моральные и религиозные истины, содержащиеся в наших священных книгах, и исторические указания, которые они нам дают, эти истины и указания обязательно заключены в оправу мифов и легенд.(184)

(184) Что касается Манефона, см. очень полный отчет о его отношениях с другими хронологами, Палмер, "Египетские хроники", том i, глава ii.

Более свежий и читаемый отчет см. Бругш, "Египет при фараонах", английское издание, Лондон, 1879, глава iv. Списки царей в Абидосе и других местах, а также списки архитекторов см. у Бругша, Палмера, Мариетта и других; также иллюстрации у Лепсиуса. Доказательства того, что приведенные династии были последовательными, а не одновременными, как когда-то так наивно утверждали те, кто пытался сохранить хронологию архиепископа Ашера, см. в "Мариетте"; также в "Геродоте" Сэйса, приложение, стр. 316.

О различных расовых типах, приведенных на ранних памятниках, см. Цветные гравюры Лепсиуса, Денкмалера; также Присс д'Авенн и обложку в английском издании "Бругша"; см. Также заявление на ту же тему в "Бругше". Тайлор, Антропология, глава i. О полноте развития египетской цивилизации в ранние династии см. "Египет" Роулинсона, Лондон, 1881, глава. xiii; также цитируются Бругш и другие работы. Что касается совершенства египетской инженерии, я полагаюсь не только на свои собственные наблюдения, но и на то, что гораздо важнее, на свидетельство моего друга distinguished Дж. Дж. Дж. Баттерсона, вероятно, крупнейшего и опытного гранитчика в Соединенных Штатах, который признает из личных наблюдений, что раннеегипетская работа по смелости и совершенству намного превосходит все известное с тех пор, и является для него источником постоянного удивления. Что касается совершенства египетской архитектуры, см. Очень поразительные утверждения в Фергюссоне, История архитектуры, книга i, глава i. Что касается пирамид, демонстрирующих очень высокий уровень культуры, достигнутый уже при самых ранних династиях, см. Любке, Геш. der Arch., книга i. О взглядах Сэйса см. Его Геродот, приложение, стр. 348. Что касается скульптуры, смотрите фотографии, опубликованные музеем Булак, и такие работы, как "Описание Египта", "Денкмалер" Лепсиуса и "Присс д'Авеннес"; смотрите также самую маленькую работу, легко доступную, "Масперо, Археология", переведенную мисс А. Б. Эдвардс, Нью-Йорк и Лондон, 1887, ребята. i и ii. См. особенно в Prisse, vol. ii, статуя Писца Шафре и группа "Чай" и его жены. Что касается художественной ценности Сфинкса, см. Масперо, как указано выше, стр. 202, 203. Смотрите также аналогичные идеи в "Истории скульптуры" Любке, том i, стр. 24. Что касается астрономических знаний, о которых свидетельствует Великая пирамида, см. Тайлор, как указано выше, стр. 21; также Локьер, О некоторых моментах ранней истории астрономии, в Nature за 1891 год, и особенно в выпусках от 4 июня и 2 июля; также его "Рассвет астрономии", passim. Недавнее и консервативное заявление относительно даты Мена см. во Флиндерсе Петри, "История Египта", Лондон, 1894, глава ii. Схемы ваз и т.д., показывающие греческие пропорции и красоту форм при четвертой и пятой династиях, см. в Prisse, vol. ii, Художественная индустрия. Что касается филологического вопроса и развития языка в Египте с иероглифической системой письма, см. "Египет" Роулинсона, Лондон, 1881, глава xii; также Ленорманр; также Макс Данкер, "Книга перемен", перевод Эбботта, 1877. Что касается берлинского медицинского папируса, см. Бругш, том i, стр. 58, но

особенно папирус Эберса. Что касается искажения более поздних копий Манефона и точности оригиналов, подтвержденных памятниками, см. Бругш, глава iv. О точности современной египетской хронологии в том, что касается длительных периодов, см. там же, т. i, стр. 32. Что касается керамики, найденной глубоко в Ниле, и ценности открытия Хорнера, см. Пешель, "Расы человека", Нью-Йорк, 1876, стр. 42-44. Краткое изложение см. также Лэйнг, "Проблемы будущего", стр. 94. Подтверждающие доказательства из ассириологии см. Сэйс, "Лекции о религии вавилонян" (Лекции Хибберта за 1887 год), Лондон, 1887, вводная глава, и особенно стр. 21-25. См. также Лэйнг, "Происхождение человека", глава ii, для превосходного резюме. Отчет о кремневых орудиях, недавно найденных на гравийных террасах на высоте полутора тысяч футов над современным уровнем Нила и свидетельствующих о возрасте, значительно превышающем возраст даже тех, которые были выкопаны из гравия в Фивах, см. в статье Флиндерса Петри в лондонской Times от 18 апреля 1895 г.

ГЛАВА VII. ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

I. ГРОМОВЫЕ КАМНИ.

В то время как взгляд на хронологию, основанный на буквальном принятии текстов Священного Писания, был, таким образом, поколеблен исследованиями в Египте, постепенно развивалась другая линия наблюдения и мышления, еще более фатальная для теологических взглядов.

С очень раннего периода в различных частях света из земли выкапывались каменные глыбы странной формы, некоторые из них были грубо обтесаны, некоторые отполированы: в древние времена большие из них очень часто рассматривались как молнии, меньшие - как стрелы, и все они были оружием, которое метали боги и другие сверхъестественные персонажи. Отсюда и своего рода святость, придаваемая им. В Халдее их встраивали в стены храмов; в Египте их

вешали на шею мертвецам. В Индии прекрасные образцы и по сей день можно увидеть на алтарях, где им возносят молитвы и приносят жертвы.

Естественно, эти верования были перенесены в христианскую мифологию и адаптированы к ней. В Средние века многие из этих искусно обработанных камней почитались как оружие, которое во время "войны на небесах" использовалось для изгнания сатаны и его воинства; поэтому в одиннадцатом веке восточный император послал императору Запада "небесный топор"; а в двенадцатом веке епископ Ренна заявил о ценности громовых камней как божественно назначенного средства обеспечения успеха в битве, безопасности на море, защиты от грома и невосприимчивости к неприятным снам. Еще в семнадцатом веке французский посол привез каменный топорик, который до сих пор хранится в музее Нанси, в подарок князю-епископу Вердена и заявил, что он обладает целебными свойствами.

В последние годы шестнадцатого века Майкл Меркати пытался доказать, что "громовые камни" были оружием или орудиями труда древних человеческих рас; но по какой-то причине его книга была опубликована только в следующем столетии, когда другие мыслители начали придерживаться той же идеи, и тогда ей пришлось бороться с теорией, гораздо более соответствующей теологическим методам рассуждения в науке. Это была теория ученого Толлиуса, который в 1649 году поведал миру, что эти отколотые или сглаженные камни "возникли в небе в результате бурного выдоха, собранного в облако циркулирующим юмором".

Но примерно в начале восемнадцатого века был тихо установлен факт огромной важности. В 1715 году в ложе из гравия недалеко от Грейс Инн Лейн в Лондоне было найдено большое заостренное орудие из черного кремня, соприкасавшееся с костями слона. Мир в целом не обратил на это внимания: если к этому и привлекалось внимание теологов, они без обиняков отвергали это, ссылаясь на Ноев потоп; но образец был помечен, обстоятельства, касающиеся его, были зафиксированы, и как образец, так и запись были тщательно сохранены.

В 1723 году Жюссье обратился к Французской академии с речью о происхождении и использовании Громовых камней. Он показал, что недавние путешественники из разных частей света привезли во Францию множество оружия и других каменных орудий, и что они были по существу похожи на то, что в Европе было известно как "громовые камни". Год спустя этот факт был закреплен в научном сознании Франции иезуитом Лафито, который опубликовал работу, показывающую сходство между обычаями аборигенов, существовавших тогда в других странах, и обычаями первых жителей Европы. Так в этих работах Жюссье и Лафито зародилась наука сравнительная этнография.

Но мыслители на свой страх и риск делали из этих открытий какие-либо выводы относительно древности человека. Монтескье, осмелившийся намекнуть в раннем издании своих "Персидских писем", что мир, возможно, намного старше, чем обычно предполагалось, вскоре почувствовал опасность как для своей книги, так и для себя, так что в последующих изданиях он исключил этот отрывок.

В 1730 году Махудель представил Французской академии надписей доклад о так называемых "громовых камнях", а также представил серию табличек, которые показали, что это были каменные орудия, которые, должно быть, использовались в ранний период истории человечества.

В 1778 году Бюффон в своих "Эпохах природы" намекнул на свою веру в то, что "громовые камни" были созданы древними расами людей; но он не настаивал на этой точке зрения, и причина его сдержанности была достаточно очевидна: у него уже была одна ссора с теологами, которая дорого ему обошлась — публичное опровержение и унижение. Таким образом, его заявление не привлекло особого внимания.

В 1800 году мыслящим людям в Англии пришел в голову еще один факт. В том же году Джон Фрер представил Лондонскому обществу антикваров различные кремневые орудия, найденные в глинистых пластах близ Хоксна: то, что они были сделаны человеком, было несомненно, и, принимая во внимание нетронутые глубины, в которых они были найдены, была выдвинута теория, что люди, которые их сделали, должно быть, жили в очень древнюю геологическую эпоху; однако даже это открытие и теория прошли как тревожный сон и вскоре, казалось, были забыты.

Примерно двадцать лет спустя доктор Бакленд опубликовал обсуждение этого вопроса в свете различных открытий в дрейфе и пещерах. Это привлекло широкое внимание, но теологи были успокоены его временной уступкой в том, что эти поразительные реликвии рук человеческих, связанные с останками различных вымерших животных, были доказательствами Ноева потопы.

В 1823 году Буэ из Венской академии наук показал Кювье различные человеческие кости, найденные глубоко в аллювиальных отложениях верхнего Рейна, и предположил, что они относятся к раннему геологическому периоду; Кювье фактически, если не прямо, отрицал это. Каким бы великим он ни был в своей области, великим геологом он не был; фактически, он много лет вводил геологов в заблуждение. Более того, он жил во времена реакции; это был период восстановленных бурбонов, вольтеровского короля Людовика XVIII, правившего в угоду ортодоксии. Таким образом, открытие Боу сначала встретило противодействие, затем было окутано нарочитым молчанием.

Кювье, очевидно, думал, как и Вольтер при аналогичных обстоятельствах, что "среди волков нужно немного поволчь"; а его ведущий ученик Эли де Бомон, сменивший его во власти геологической науки во Франции, был еще большим противником новой точки зрения, чем его великий учитель. Таким образом, открытия Боу, по-видимому, были похоронены навсегда.(185)

(185) Общую историю ранних представлений о каменных орудиях, см. в первых главах книги Cartailhac, *La France Préhistorique*; также Jolie, *L'Homme avant les Métaux*; также Лайелла, Лаббока и Эванса. О камнях-молниях в Китае и других местах см. Цитату из китайской энциклопедии 1662 года в Тайлоре, *Ранняя история человечества*, стр. 209. Об универсальности этой веры, о сохраняющемся использовании каменных орудий даже в цивилизованные времена и об их изготовлении по сей день см. там же, глава viii. Описание открытия Буэ см., в частности, в Морийе, *"Доисторическая история"*, Париж, 1885, стр. 11. Что касается исключения отрывка из персидских писем Монтескье, см. Письмо 113, цитируемое в *"Истории восемнадцатого века"* Шлоссера (английский перевод), том i, стр. 135.

В 1825 году пещера Кента, недалеко от Торки, была исследована преподобным мистером Макинери, римско-католическим священником, который, по-видимому, испытывал благоговейный страх перед ортодоксальным мнением в Англии и других местах; поскольку, хотя он находил человеческие кости и орудия труда вперемешку с останками вымерших животных, он сохранил свои записи в рукописи, и на свет они появились только более тридцати лет спустя мистером Вивианом.

Приход на трон Карла X, последнего из французских бурбонов, еще больше усилил давление ортодоксов. Это была кульминация реакционного периода — время во Франции, когда клерикальный комитет, заседавший в Тюильри, принимал такие меры, какие были необходимы, чтобы держать под контролем всю науку, которая не была абсолютно "безопасной"; время в Австрии, когда кайзер Франц сделал свое знаменитое заявление различным профессорам, что все, чего он от них хочет, - это просто обучать послушных подданных, и что те, кто не ставит это своей целью, будут уволены; время в Германии, когда Николай Российский и находящиеся под его контролем принцы и министры, начиная с короля Пруссии, приложили всю свою мощь в борьбе за выживание. от имени "библейской науки"; время в Италии, когда научный исследователь, придя к какому-либо заключению, которому Церковь не доверяет, был уверен, что потеряет свое место и подвергнется опасности потерять свободу; время в Англии, когда то немногое, чему учили науку, должным образом подчинялось архидьякону Пейли; время в Соединенных Штатах, когда первым важным в науке было привести ее в соответствие с идеями проповедников возрождения.

Однако люди, преданные научной истине, продолжали работать; и в 1828 году Турналь из Нарбонны обнаружил в пещере Биз образцы человеческой промышленности с фрагментом человеческого скелета среди костей вымерших животных. В следующем году Кристолю опубликовал отчет о своих раскопках в пещерах Гарда; он обнаружил на месте и в условиях, исключающих мысль о последующем возмущении, человеческие останки, смешанные с костями вымершей гиены раннего четвертичного периода. На это не обратили особого внимания, поскольку реакционная ортодоксальная атмосфера предполагала подобные открытия во тьме.

Но во время Французской революции 1830 года старая политико-теологическая система рухнула: Карл X и его советники бежали, спасая свои жизни; другие континентальные монархи увидели проблески нового света; священнослужители, отвечающие за образование, на время перестали вести себя хорошо, и началась лучшая эпоха.

Поэтому при конституционной монархии Орлеанского дома во Франции и Бельгии правительства уделяли меньше внимания спасению душ; и мы быстро обнаруживаем новые находки остатков человеческой промышленности и даже человеческих скелетов, настолько смешанных с костями вымерших животных, что это дает дополнительные доказательства того, что происхождение человека произошло в период гораздо более ранний, чем любой из тех, о которых мечтали теологи.

Несколько лет спустя реакционное клерикальное влияние против науки в этой области вновь усилилось. Шмерлинг в 1833 году исследовал множество пещер в Бельгии, особенно в Энгисе и Энгихуле, и обнаружил человеческие черепа и кости, тесно связанные с костями вымерших животных, таких как пещерный медведь, гиена, слон и носорог, при этом к ним были примешаны свидетельства человеческого мастерства в виде отколотых кремневых орудий;

открытия аналогичного рода были сделаны Де Серром во Франции и Лундом в Бразилии; но, по крайней мере, в том, что касалось континентальной Европы, эти открытия были встречены с большой прохладой как католическими лидерами, так и местными жителями. общественного мнения во Франции и Бельгии, а также протестантских лидеров в Англии и Голландии. Сам Шмерлинг, по-видимому, был поражен и выдвинул своего рода апологетическую теорию, наполовину научную, наполовину теологическую, тщетно надеясь удовлетворить клерикальную сторону.

В Англии было не намного лучше. Сэр Чарльз Лайелл, тридцать лет спустя столь преданный служитель доисторических исследований, все еще выступал против них с научной точки зрения; а что касается богословской стороны, то это был период, когда этот великий церковник, декан Кокберн, оскорблял геологов с кафедры Йоркского собора, а преподобный Меллор Браун называл геологию "черным искусством", "запретной областью", и когда в Америке проф. Мозес Стюарт и ему подобные принижали творчество Бенджамина Силлимана и Эдварда Хичкока.

В 1840 году Годвин Остин представил Королевскому геологическому обществу отчет о своих открытиях в пещере Кента, недалеко от Торки, и особенно о человеческих костях и орудиях труда, смешанных с костями слона, носорога, пещерного медведя, гиены и других вымерших животных; однако в этих мемуарах, как и в мемуарах Макинери пятнадцатью годами ранее, царила настолько неблагоприятная атмосфера, что они не были опубликованы.

II. КРЕМНЕВОЕ ОРУЖИЕ И ОРУДИЯ ТРУДА.

В середине девятнадцатого века наступила новая эпоха в науке — эпоха, когда все эти более ранние открытия должны были быть интерпретированы посредством исследований в другой области: ибо в 1847 году человек, ранее неизвестный всему миру, Буше де Перт, опубликовал в Париже первый том своей работы о кельтских и допотопных древностях, и в нем он показал гравюры типичных кремневых орудий труда и оружия, тысячи и тысячи которых он обнаружил в высоких наносах близ Аббевиля, на севере Франции.

Значение этого открытия было действительно велико - гораздо больше, чем поначалу предполагал сам Буше. Само название его книги показывает, что сначала он рассматривал эти орудия труда и оружие как принадлежавшие людям, потерпевшим поражение во время Ноева потопа; но вскоре стало ясно, что они сильно отличались от доказательств буквальной точности книги Бытия: ибо они были найдены на террасах на больших высотах над рекой Сомма и, согласно любой возможной теории, имеющей отношение к фактам, должны были быть доставлены туда в то время, когда речная система северной Франции сильно отличалась от всего, что было известно в течение исторического периода. Все открытие указывало на серию крупных геологических изменений со времени изготовления этих орудий, потребовавших

циклов времени, по сравнению с которыми пространство, допускаемое ортодоксальными хронологами, было ничем.

Его работа стала результатом более чем десятилетних исследований и размышлений. Год за годом группа людей под его руководством копала в этих высокогорных отложениях гравия на реке Сомме, и теперь в своей книге он впервые в полном виде изложил результаты своего труда. Что касается Франции, то сначала он столкнулся с тем, что он называет "заговором молчания", а затем с презрительной оппозицией среди ортодоксальных ученых, во главе которых стоял Эли де Бомон.

Это тяжелое, вялое противодействие казалось непоколебимым: ничто из того, что Буше мог сделать или сказать, казалось, не ослабляло давления ортодоксального богословского мнения, стоящего за этим; даже его вера в то, что эти окаменелости были останками людей, утонувших во время Ноева потопа, и что они были доказательствами буквальной точности Книги Бытия, казалось, не помогала делу. Его оппоненты инстинктивно чувствовали, что подобные открытия чреваты опасностью для общепринятой точки зрения, и они были правы: сам Буше вскоре понял, насколько глупо пытаться объяснить их ортодоксальной теорией.

И следует признать, что некоторые характеристики самого Буше де Перта придали оппозиции немалую силу. Одаренный, дальновидный и энергичный, он был злейшим врагом самому себе. Увлеченный собственными открытиями, он делал самые поразительные выводы. Гравюры в последнем томе его великого труда, показывающие то, что он считал человеческими чертами, и надписи на некоторых кремневых орудиях, достойны юмористического альманаха; а в Национальном музее археологии в Сен-Жермене под полками с обнаруженными им останками, которые знаменуют начало новой эпохи в науке, находятся ящики с образцами, едва ли достойными музея за копейки, но из которых он сделал самые необоснованные выводы относительно языка, религии и обычаев доисторического человека.

Тем не менее Буше одержал победу. Поначалу среди его непримиримых противников был доктор Риголло, который в 1855 году, усердно ища материалы для опровержения новатора, копался в отложениях Сент-Ашеля - и был обращен: ибо он нашел орудия, аналогичные аббевильским, что еще больше убедило в существовании человека в период дрейфа. Точно так же Годри годом позже сделал аналогичные открытия.

Но самым важным было подтверждение истины, которое теперь пришло из других частей Франции и из других стран. Французских лидеров геологической науки сдерживал не только благоговейный страх перед Кювье, но и воспоминания о Шейхцере. Насмешка всегда была серьезным оружием во Франции, и насмешки, которые в конце концов настигли сторонников попытки Шейхцера, Мазурье и других увязать геологию с Гenezисом, все еще помнили. Таким образом, поначалу Буше не заручился поддержкой большого числа французских геологов. Его поддержка пришла с другой стороны Ла-Манша. Самые выдающиеся английские геологи, такие как Фальконер, Прествич и Лайель, посетили пласты в Аббевилле и Сент-Ашеле, убедились, что открытия Буше, Риголло и их коллег реальны, а затем тихо, но твердо рассказали Англии правду.

И вот теперь во Франции появился самый эффективный союзник. Аргументы, использовавшиеся против Буше де Перта и некоторых других ранних исследователей костяных пещер, заключались в том, что найденные орудия могли быть смыты и перевернуты сильными наводнениями и, следовательно, они могли относиться к недавнему периоду; но в 1861 году

Эдвард Лартет опубликовал отчет о своих собственных раскопках в гроте Ориньяк, и доказательство того, что человек существовал во времена четвертичных животных, было полным. Этот грот был тщательно запечатан в доисторические времена камнем у входа; никакое вмешательство возмущающих потоков воды было невозможно; и Лартет нашел на месте кости восьми из девяти основных видов животных, характерных для четвертичного периода в Европе; и на них следы от режущих инструментов, а посреди них угли и зола.

Вскоре после этого начались раскопки в Эйзисе, проведенные Лартетом и его английской коллегой Кристи. У обоих этих людей была тщательность в проведении исследований и трезвость в изложении результатов, которые обратили в свою веру многих из тех, кого отталкивал энтузиазм Буше де Перта. Двое коллег обнаружили в каменистых отложениях, образовавшихся в результате падения воды со свода пещеры в Эйзисе, кости многочисленных животных, вымерших или ушедших в арктические регионы — один из них - позвонок северного оленя с кремневым наконечником копья, который все еще крепко держался в нем, и вместе с ними были найдены следы пожара.

Подобные открытия были совершенно убедительными; однако кое-где все еще оставались скептики в отношении предполагаемого интереса к Священному Писанию, и они, несмотря на убедительный набор фактов, настаивали на том, что каким-то образом, при некотором стечении обстоятельств, эти кости вымерших животных очень отдаленных периодов могли быть связаны со всеми этими человеческими костями и орудиями труда, сделанными человеком во всех этих разных местах, отказываясь признать, что эти древние останки людей и животных относятся к тому же периоду. Такие скептики фактически принимали рассуждения чудаковатых стариков, которые, утверждая, что Бог сотворил мир "около пяти тысяч шестисот с лишним лет назад", добавляли: "И если они спросят, что Бог делал до этого короткое количество лет, мы ответим словами св. Августин отвечал таким любопытным вопрошающим, что Он создавал для них Ад ". Но новый класс открытий заставил замолчать эту оппозицию. В Ла-Мадлен во Франции, в пещере Кесслер в Швейцарии и в различных других местах были найдены грубые, но поразительные рисунки на кости и камне, представляющие различные образцы этих давно исчезнувших видов; и эти образцы или их слепки вскоре можно было увидеть во всех главных музеях. На них были изображены волосатый мамонт, пещерный медведь и различные другие животные четвертичного периода, грубо, но энергично вырезанные современными людьми; и, чтобы подчеркнуть значение этих открытий, путешественники, возвращавшиеся из ледяных регионов Северной Америки, привезли похожие изображения животных, существующие сейчас в этих регионах, сделанные эскимосами во время их сегодняшних долгих арктических зим. (186)

(186) Об исследованиях в Бельгии см. Dupont, Le Temps

"Доисторическая история Бельгии". Об открытиях Макинери и Годвина

Остина см. Лаббок, "Доисторические времена", Лондон, 1869, глава x; также

Картальяк, Джоли и другие, упомянутые выше. О Буше де Перте см.

в его "Кельтских древностях и допотопных временах", Париж, 1847-64, т. iii,

стр. 526 и далее. О различных экстравагантностях Буше де Перта см.

Рейнах, "Описание музея Сен-Жермен-ан-Лэ", Париж,

1889, том i, стр. 16 и далее. О смешении здравых и абсурдных результатов

в творчестве Буше см. "Картальяк", как указано выше, стр. 19. Буше опубликовал

в 1838 году работу под названием "О сотворении мира", но, похоже, она

исчезла из печати. О попытках Шейхцера примирить геологию и Генезис с помощью *Homo diluvii testis* и подобных "древнейших ископаемых" смотрите главу о геологии в этой серии. Оригинальные образцы этих доисторических гравюр на кости и камне лучше всего можно увидеть в Археологическом музее Сен-Жермена и Британском музее. С гравюрами некоторых из самых последних можно ознакомиться, в частности, в книге Докина "Ранний человек в Британии", глава ii. vii, и Описание музея Сен-Жермена. Что касается офортов Кесслера и их древности, см. Д. Г. Бринтон в *Science*, 12 августа 1892 г. Для сравнения этого доисторического произведения с тем, что создано эскимосами и другими народами в наши дни, см. Лаббок, "Доисторические времена", главы x и xiv. Об очень поразительных проявлениях того же самого художественного дара в более высокой области в наши дни потомками варварских племен Северной Америки смотрите на очень замечательные иллюстрации в "Ринке", датская Гренландия, Лондон, 1877 г., особенно в главе xiv.

В результате этих и других подобных им открытий, показывающих, что человек был не только современником давно вымерших животных прошлых геологических эпох, но и что он уже достиг стадии культуры, стоящей выше чистой дикости, направление мысли начало меняться. Особенно это было заметно в 1863 году, когда Лайель опубликовал первое издание своих геологических свидетельств древности человека; и тот факт, что он так долго выступал против новых идей, придавал силу ясному и убедительному аргументу, который заставил его отказаться от своих ранних научных убеждений.

Поиск свидетельств существования человека в раннем четвертичном и, возможно, в третичном периоде теперь продвигался по всему направлению. В 1864 году Габриэль Мортилле основал свое обозрение, посвященное этому предмету, а в 1865 году в Италии состоялся первый из серии научных конгрессов, посвященных подобным исследованиям. Эти расследования энергично велись во всех частях Франции и быстро распространились на другие страны. Исследования, которые Дюпон начал в 1864 году в пещерах Бельгии, передали музею в Брюсселе восемьдесят тысяч кремневых орудий, сорок тысяч костей животных четвертичного периода и множество человеческих черепов и костей, найденных вперемешку с этими останками. Аналогичные результаты были получены в Германии, Италии, Испании, Америке, Индии и Египте.

Особенно примечательными были дальнейшие исследования пещер и дрейфующих объектов на Британских островах. Открытие полковником Вудом в 1861 году кремневых орудий в тех же слоях, что и кости более ранних форм носорога, было типичным для многих. Тщательное исследование пещер Бриксхэма и Торки, проведенное Пенгелли и другими, сделало еще более очевидным, что человек существовал в раннечетвертичный период. Тогда было полностью установлено существование периода до ледниковой эпохи или между различными ледниковыми эпохами в Англии, когда англичанин был дикарем, пользовавшимся грубыми каменными орудиями труда, и, что более важно, были четко показаны градации и эволюция даже в истории того периода. Было обнаружено, что эта древняя каменная эпоха свидетельствовала о прогрессе и развитии. В верхних слоях пещер, рядом с останками

северного оленя, который, хотя и мигрировал из этих регионов, все еще обитает в более северном климате, были найдены каменные орудия, свидетельствующие о некотором небольшом прогрессе цивилизации; следующими за ними, замурованными в сталагмитах, шел, как правило, другой слой, в котором останки северного оленя были редки, а останки мамонта встречались чаще, причем орудия, найденные в этом слое, были менее искусно изготовлены, чем в верхних и более поздних слоях; и, наконец, на самых нижних уровнях, у полов этих древних пещер, с остатками у пещерного медведя и других древнейших вымерших животных были найдены каменные орудия, очевидно, относящиеся к еще более грубой и ранней стадии человеческого прогресса. Ни один достаточно непредвзятый человек не может посетить пещеру и музей в Торки, не убедившись, что в этих зачатках человеческой цивилизации существовали градации и эволюция. Доказательства исчерпывающие; массы брекчии, извлеченные из пещеры, с различными почвами, орудиями труда и костями, тщательно сохраненными на месте, не оставляют сомнений в этом прогрессе.

Все это указывало на великую древность человеческой расы, но в нем лежали зачатки еще одной великой истины, еще более важной и серьезной по своим последствиям для более старых теологических воззрений, которая будет обсуждаться в следующей главе.

Но появились новые свидетельства, свидетельствующие о еще большей древности человека. Останки животных были найдены рядом с человеческими останками, что показало не только то, что человек жил в более отдаленные времена, чем смели мечтать первые из новых исследователей, но и то, что некоторые из этих ранних периодов его существования, должно быть, были огромной продолжительности, охватывая климатические изменения, свидетельствующие о различных геологических периодах; ибо вместе с остатками огня, человеческими орудиями труда и человеческими костями были найдены не только кости волосатого мамонта и пещерного медведя, шерстистого носорога и северного оленя, которые могли попасть туда только во времена арктических холодов, но и кости гиены, гиппопотама, саблезубого оленя. -зубастый тигр и тому подобное, которые могли появиться только тогда, когда в этих регионах был жаркий климат. Совокупность этих останков ясно показала, что человек жил в Англии достаточно рано и достаточно долго, чтобы пережить времена, когда были арктические холода и времена, когда стояла изнуряющая жара; времена, когда огромные ледники простирались далеко вглубь Англии и даже континента, и времена, когда Англия имела сухопутное сообщение с европейским континентом, а европейский континент - с Африкой, позволяя тропическим животным свободно мигрировать из Африки в средние регионы Англии.

Таким образом, вопрос о происхождении человека в период, значительно более ранний, чем допускали священные хронологи, был абсолютно решен, но среди вопросов, касающихся существования человека в еще более отдаленный период, период Дрейфа, был один, который некоторое время, казалось, вызывал у поборников науки некоторые трудности. У ортодоксальных лидеров во времена Буше де Перта и в течение значительного времени после него было оружие, которым они активно пользовались: заявление о том, что в сугробе еще не было обнаружено человеческих костей. Сторонники науки, естественно, ответили, что было найдено очень мало костей, столь же мелких, как человеческие, и что этот факт является дополнительным доказательством большой продолжительности периода, прошедшего с тех пор, как человек жил с вымершими животными; поскольку образцы человеческой работы доказывают существование человека настолько полно, насколько это могут сделать остатки его

костей, отсутствие или даже редкость человеческих и других мелких костей просто указывает на длительные периоды времени, необходимые для их растворения.

Однако Буше, вдохновленный уже проявленным им гением и исполненный духа пророчества, заявил, что человеческие кости все же будут найдены среди кремневых орудий, а в 1863 году он заявил, что это пророчество исполнилось благодаря открытию в Мулен-Киньон части человеческой челюсти глубоко в раннечетвертичных отложениях. Но его триумф был недолгим: оппозиция высмеяла его открытие; они показали, что он предложил премию своим рабочим за обнаружение человеческих останков, и они, естественно, пришли к выводу, что какой-то хитрый рабочий обманул его. Результатом этого стало то, что ученые почувствовали себя обязанными признать, что открытие Мулен-Киньона не было доказано.

Но еще раньше человеческие кости находили в отложениях раннего четвертичного периода или даже более раннего периода в различных других частях света, и вопрос о реликвии Мулен-Киньон не имел большого значения.

Мы видели, что исследования относительно существования доисторического человека в Англии и на Континенте сначала проводились в основном в пещерах; но существование человека в ранний четвертичный период было подтверждено по обе стороны Ла-Манша еще более поразительным образом при тщательном изучении дрейфа и ранних отложений гравия. Результаты, к которым пришел Буше де Перт, были полностью подтверждены в Англии. Грубые каменные орудия были найдены на террасах на сто футов и более выше уровней, по которым сейчас текут различные реки Великобритании, и при обстоятельствах, которые показывают, что в то время, когда они были отложены, реки Великобритании во многих случаях полностью отличались от рек нынешнего периода и составляли части речной системы Европейского континента. Исследования высоких террас над Темзой и Узом, а также в других точках Великобритании, не оставляли сомнений в том факте, что человек существовал на Британских островах в то время, когда они были соединены твердой сушей с Континентом, и прояснили, что в период существования человека в северной Европе значительная часть Британских островов погрузилась на глубину от полутора тысяч до двух с половиной тысяч футов под Северным океаном, снова поднялась из воды, образовала часть Европейского континента и находилась в непрерывной связи с Африкой, так что что слоны, медведи, тигры, львы, носороги и гиппопотамы, ныне в основном вымершие виды, оставили свои кости в тех же отложениях, что и человеческие орудия труда, далеко на севере, вплоть до Йоркшира. Более того, в связи с этим фактом возникло новое убеждение, навязанное геологам более тщательным изучением земли и ее изменений, что подобные возвышения и впадины в Великобритании и других частях света не обязательно были результатом внезапных катаклизмов, но, как правило, медленных процессов, растягивающихся на огромные циклы лет, — процессов, подобных тем, которые, как теперь известно, происходят в различных частях света. Таким образом, шесть или семь тысяч лет, которые допускали самые либеральные теологи прежних времен, становились все более и более очевидными, как ничто в длинной череде веков, прошедших с момента появления человека.

Подтверждение этих результатов было получено из различных других частей мира. В Африке были обнаружены кремневые орудия труда глубоко в твердом гравии долины Нила в Луксоре и на высоких холмах за Эснехом. В Америке открытия в Трентоне, штат Нью-Джерси, и в различных местах в Делавэре, Огайо, Миннесоте и в других местах вдоль южного края

ледниковых эпох еще более твердо закрепили новую научную истину; и заявление, сделанное видным американским авторитетом, гласит, что "человек был на этом континенте, когда климат и льды Гренландии простирались до устья Нью-Йоркской гавани". Открытия доисторических останков на Тихоокеанском побережье, и особенно в Британской Колумбии, полностью лишили приверженцев старой точки зрения последнего шанса на разумное возражение. Что касается этих исследований на Тихоокеанском склоне Соединенных Штатов, открытия Уитни и других в Калифорнии были сделаны и объявлены таким образом, что суждение ученых о них было приостановлено до визита, возможно, величайшего из ныне живущих авторитетов в своем ведомстве, Альфреда Рассела Уоллеса, в 1887 году. Он подтвердил точку зрения проф. Уитни и другие с утверждением, что "как настоящие останки, так и работы человека, найденные глубоко под лавовыми потоками плиоценового возраста, показывают, что он существовал в Новом Свете по крайней мере так же рано, как и в Старом". К этому можно добавить открытия в Британской Колумбии, которые доказывают, что с тех пор, как в этих регионах существовал человек, "долины были заполнены течением с горных просторов на глубину в некоторых случаях до полутора тысяч футов; это было покрыто чередой туфов, пепла и потоков лавы из вулканов, давно потухших, и, наконец, прорезано нынешними реками через русла твердого базальта и через это скопление лавы и гравия". Самый выдающийся английский авторитет резюмировал огромную древность человеческих останков в гравийных отложениях Тихоокеанского побережья и объявил, что она доказана, "во-первых, тем, что нынешние речные системы возникли позже, иногда прорезая их и их покрывающую лавовую шапку на глубину до двух тысяч футов; во-вторых, большой денудацией, произошедшей с тех пор, как они были отложены, поскольку они иногда лежат на вершинах гор высотой в шесть тысяч футов; в-третьих, тем фактом, что Сьерра-Невада была частично поднята с момента их образования".(187)

(187) Об общем предмете исследований британских доисторических останков см., в частности, Бойда Докинза, "Ранний человек в Британии и его место в третичном периоде", Лондон, 1880. Отчет Буше де Перта об открытии им человеческой челюсти в Мулен-Киньон см. в его "Древностях кельтских и допотопных", т. iii, стр. 542 и далее, Приложение. Превосходный отчет о специальных исследованиях на высоких террасах над Темзой см. J. Allen Brown, F. G. S., Palaeolithic Man in Northwest Middlesex, Лондон, 1887. Об открытиях в Америке и связанных с ними цитатах см. Райт, "Ледниковый период в Северной Америке", Нью-Йорк, 1889, глава xxi. Очень замечательные образцы этих образцов от дрейфа в Трентон может быть видно в проф. Эбботт коллекций в Университете Пенсильвании. Замечательное утверждение см. у профессора. Генри У. Хейнса в книге Райта, как указано выше. Доказательства огромной древности человека на тихоокеанском побережье, приведенные в тексте, см. Скертчли, Ф. Г. С., в Журнале Антропологического института за 1887 г., стр. 336; см. также Уоллес, Дарвинизм, Лондон, 1890, глава xv; а для получения поразительного резюме свидетельств того, что человек жил до последнего затопления Британии, см. Браун, человек эпохи палеолита на северо-западе Мидлсекса, как цитировалось выше. Доказательства того, что человек существовал в период, когда ручьи текли на сотни футов выше их нынешнего уровня, см. там же, стр. 33. Что касается свидетельств воздействия моря и ледников в валлийских костяных пещерах после того, как были захоронены останки вымерших животных и оружие

работы человека, см. там же, стр. 198. Хорошее утверждение о медленном погружении и появлении Великобритании с иллюстрацией из поднятия берегов Финляндии см. там же, стр. 47, 48. Что касается кремневых орудий палеолитического человека в высоких отложениях с террасами по всей долине Темзы, связанных с костями мамонта, шерстистого носорога и т.д., см. Brown, стр. 31. Еще более убедительные доказательства того, что человек населял Северный Уэльс до последнего погружения большей части Британских островов на глубину от тысячи двухсот до тысячи четырнадцати сотен футов, см. там же, стр. 199, 200. Карты, показывающие связь британской речной системы с континентом, см. Бойд Докинз, "Ранний человек в Британии", Лондон, 1880, стр. 18, 41, 73; также Лайелл, "Древность человека", глава xiv. Что касается длительного существования раннего каменного периода, см. Джеймс Гейки, Великий ледниковый период, Нью-Йорк, 1888, стр. 402. Что касается невозможности того, чтобы животные арктики и жарких регионов жили вместе или посещали одно и то же место в разное время одного и того же года, см. Гейки, как указано выше, стр. 421 и далее; а убедительный аргумент в пользу того, что животные указанного периода жили в Англии не после, а до ледникового периода, или в межгалактический период, см. там же, стр. 459. Очень откровенное заявление, возможно, выдающегося лидера теологического арьергарда, признающего непреодолимые трудности, связанные с хронологией Ветхого Завета в отношении Сотворения Мира и Всемирного потопа, см. в книге герцога Аргайлла "Первобытный человек", стр. 90-100, и особенно стр. 93, 124. Краткое изложение общей темы см. в книге Лэйнга "Проблемы будущего", Лондон, 1889, главы v и vi. Об открытиях доисторических орудий труда в Индии см. Заметки Брюса Фута, Ф. Г.С., в Британском журнале Антропологического института за 1886 и 1887 годы. О подобных открытиях в Южной Африке см. Гуч в Журнале Антропологического института Великобритании и Ирландии, том xi, стр. 124 и далее. Доказательства существования человека эпохи палеолита в Египте см. у Мука, Хейнса, Питт-Риверса, Флиндерса-Петри и других, которые подробно цитируются в следующей главе. Подтверждающие и параллельные свидетельства этнологии, филологии и истории о глубокой древности человека см. Тайлор, Антропология, глава I.

Важным дополнением к этим открытиям древних орудий труда стали различные сравнения, проведенные выдающимися физиологами между человеческими черепами и костями, найденными в разных местах и при обстоятельствах, свидетельствующих об огромной древности.

Человеческие кости были найдены при таких обстоятельствах еще в 1835 году в Каннштадте близ Штутгарта и в 1856 году в неандертальце близ Дюссельдорфа; но в ходе более поздних поисков они были обнаружены во множестве мест, особенно в Германии, Франции, Бельгии, Англии, на Кавказе, в Африке, а также в Северной и Южной Америке. Сравнение этих костей показало, что даже в тот отдаленный четвертичный период существовали большие расовые

различия, и здесь снова прозвучал аргумент в пользу еще более раннего существования человека на земле; ибо для развития таких расовых различий, должно быть, потребовались длительные предшествующие периоды. Соображения такого рода дали новый импульс вере в то, что существование человека могло даже восходить к третичному периоду. Доказательства этого более раннего происхождения человека были умело обобщены не только его блестящим защитником Мортилле, но и бывшим оппонентом, одним из самых консервативных современных антропологов, Кватрефажем; и вывод, к которому пришли оба, состоял в том, что человек действительно существовал в третичный период. Принятие этого вывода было также видно в более поздней работе Альфреда Рассела Уоллеса, который, хотя и был очень осторожен и консервативен, относил происхождение человека не только к третичному периоду, но и к более ранней его стадии, чем большинство осмеливалось предположить, — даже к миоцену.

Первое, что наводит на сильное предположение, если не доказывает, что человек существовал в третичном периоде, - это тот факт, что из всех исследованных частей света поступало все больше и больше свидетельств того, что в раннем четвертичном периоде человек существовал в составе различных, ярко выраженных рас и в большом количестве. Из всех регионов, которые исследовали геологи, даже из самых отдаленных и непохожих друг на друга, поступали одни и те же свидетельства — от северной Европы до юга Африки; от Франции до Китая; от Нью-Джерси до Британской Колумбии; от Британской Колумбии до Перу. Развитие человека в таком количестве и в таком количестве различных регионов, с такими расовыми различиями и в столь ранний период, должно было потребовать длительного предшествующего времени.

Этот аргумент был подкреплён находками костей со следами, по-видимому, нанесенными режущими инструментами, в третичных образованиях Франции и Италии, а также находками того, что, как утверждалось, было кремневыми орудиями, аббатом Буржуа во Франции, и орудий труда и человеческих костей проф. Дж. Капеллини в Италии.

С другой стороны, некоторые из наиболее осторожных представителей науки все еще довольствуются утверждением, что существование человека в третичный период еще не доказано. Что касается его существования на протяжении четвертичной эпохи, то никаких новых доказательств не требуется; даже такой решительный сторонник теологии, как герцог Аргайл, был вынужден уступить очевидности.

Из попыток сделать точное хронологическое утверждение, проливающее свет на продолжительность различных доисторических периодов, наиболее заметными были попытки М. Морло, посвященные накопленным слоям Женевского озера; Жильерона, изучающего ил озера Нефшатель; Хорнера, изучающего отложения дельты Египта; и Риддла, изучающего дельту Миссисипи. Но хотя они не дали ничего похожего на точный результат, все эти исследования вместе взятые указывают на центральную истину, столь убедительно установленную, об огромной древности человека и полной неадекватности хронологии, данной в наших священных книгах. Таким образом, совершенно доказано, что период прошлой жизни человека на нашей планете, который был установлен Вселенской Церковью "всегда, везде и всеми", незначителен по сравнению с теми обширными геологическими эпохами, в течение которых, как теперь известно, существовал человек. (188)

(188) Что касается свидетельств существования человека в третичный период, см. Уже цитировавшиеся работы
, особенно Катрефажа, Картальяка и Мортилле.
Замечательное резюме см. в книге Лэйнга "Происхождение человека", глава viii. Смотрите также, чтобы
обобщить свидетельства в пользу человека третичного периода,
Четверостишия, Общая история человеческих рас, в
Этнологической библиотеке, Париж, 1887, глава iv. Что касается более ранней точки зрения, см.
Vogt,
Лекции о человеке, Лондон, 1864, лекция xi. Полное и убедительное
опровержение попытки сэра Дж. У. Доусона сопоставить
периоды старого и нового камня см. Х. У. Хейнса в главе . vi из "Истории
Америки" под редакцией Джастина Уинзора. Для развития различных важных
моментов в отношении антропологии к заселению нашей
планеты людьми см. Топинард, "Антропология", Лондон, 1890, глава ix.

ГЛАВА VIII. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И АНТРОПОЛОГИЯ

В предыдущих главах мы видели, как наука, особенно в восемнадцатом и девятнадцатом веках, основательно изменила разумные представления мира о древности человека на нашей планете; и как структура, построенная на хронологических указаниях в наших священных книгах — сначала первыми отцами Церкви, затем средневековыми врачами и, наконец, реформаторами и современными ортодоксальными хронологами, — практически исчезла перед совершенно иным взглядом, навязанным нам, особенно египетскими и ассирийскими исследованиями, а также геологией и археологией.

В этой главе я намереваюсь представить некоторые очертания работы антропологии, особенно при содействии этнологии, в попытке показать, какой была эволюция человеческой цивилизации.

Здесь также завершен переход от старого богословского взгляда, основанного на букве наших священных книг, к современному научному взгляду, основанному на абсолютно неопровержимых доказательствах. Здесь мы также находимся в начале огромной перемены в основе и способах мышления человека — перемены даже более разительной, чем та, которую совершили Коперник и Галилей, когда они заменили вселенную, в которой солнце и планеты вращались вокруг земли, вселенной, в которой земля является всего лишь мельчайшей крупинкой или атомом, вращающимся вместе с другими мирами, большими и меньшими, вокруг солнца; и все они образуют лишь одну из бесчисленных систем.

С самого начала эффективного осмысления человеком великих проблем, окружающих его, существовали два противоположных взгляда на жизнь человеческой расы на земле. Первая из них - вера в то, что человек был создан "в начале" совершенным существом, наделенным высочайшими моральными и интеллектуальными способностями, но затем произошло "грехопадение" и, как его результат, вступление в мир зла, тяжелого труда, печали и смерти.

Ничто не могло быть более естественным, чем такое объяснение существования зла, во времена, когда люди повсюду видели чудо и нигде закон. При таких обстоятельствах это, безусловно, самое простое объяснение, поскольку оно соответствует внешнему виду вещей: люди восприняли его так же естественно, как и теорию о том, что Всемогущий вешает звезды как огни на твердом небосводе над землей, или прячет солнце за горой ночью, или вращает планеты вокруг земли, или бросает кометы как "знамения и чудеса", чтобы напугать нечестивый мир, или позволяет злым духам управлять громом, молнией и бурей и вызывать болезни тела и разума, или открывает "окна небесные", чтобы спустить "воды" на Землю. который выше небес", и таким образом проливать дождь на землю.

Таким образом, вера в первобытный период невинности и совершенства — морального, интеллектуального и физического, — от которого люди по какой-то причине пали, полностью соответствует тому, чего мы должны ожидать.

Среди самых ранних известных записей о нашей расе мы находим, что эта точка зрения оформилась в халдейских легендах о войне между богами и о падении человека; и то, и другое казалось необходимым для объяснения существования зла.

В греческой мифологии, пожалуй, самое известное утверждение было сделано Гесиодом: ему было открыто относительно людей древнейших времен, что сначала они были "золотой расой", что "как боги, они привыкли жить жизнью, лишенной забот, без труда и неприятностей; и при этом им вовсе не грозила жалкая старость; но они всегда радовались тому, что находятся вне досягаемости всех бед, и они умирали, как будто охваченные сном; все благословения были их: по собственной воле плодородная нива приносила им плоды, много и обильно, и они с радостью пожинали плоды своих рук в тишине вместе со многими благами, были богаты стадами и верны благословенным богам". Но наступило "падение", вызванное человеческим любопытством. Пандора, первая сотворенная женщина, получила вазу, которая по божественному повелению должна была оставаться закрытой; но она поддалась искушению открыть ее, и беды, печаль и болезни вырвались в мир, оставив только надежду.

Точно так же и в римской мифологической поэзии хорошо известная картина Овидия является лишь одним из многих проявлений той же веры в первобытный золотой век - цикл Сатурна; одна из постоянно повторяющихся попыток, столь универсальных и естественных в ранней истории человека, объяснить существование зла, заботы и тяжелого труда на земле объяснительными мифами и легендами.

Этот взгляд, вырастающий из мифов, легенд и теологии более ранних народов, мы также находим воплощенным в священном предании евреев, и особенно в одном из документов, составляющих впечатляющую поэму, начинающую книги, приписываемые Моисею. Что касается христианской церкви, то ни одно слово ее Благословенного Основателя не указывает на то, что он был привержен этой теории или что он даже считал ее достойной своего внимания. Как, подобно многим другим догмам, о которых Иисус из Назарета и те, кто знал его лучше

всего, развивали ее, не входит в компетенцию этой главы; и нам не стоит останавливаться на ее эволюции в ранней Церкви, в средние века, во время Реформации и в различных ответвлениях протестантской Церкви: достаточно того, что, хотя среди англоязычных народов наиболее важное влияние в ее пользу оказало вдохновение Мильтона, а не более древних священных книг, ни одно учение не было более общепринятым, "всегда, везде и во всем". всеми", начиная с первых отцов Церкви и заканчивая нынешним часом.

С другой стороны, в ранний период возникла противоположная точка зрения — что человечество, вместо того чтобы пасть от высокого интеллектуального, морального и религиозного состояния, медленно поднялось от низкого и жестокого начала. В Греции, среди философов-современников Сократа, мы находим Крития, изображающего возвышение человека от того времени, когда он был звероподобен и беззаконен, через период, когда были разработаны законы, до того времени, когда мораль получила подкрепление от религии; но среди всех утверждений этой теории наиболее примечательным является то, которое дано Лукрецием в его великой поэме "О природе вещей". Несмотря на свои ошибки, она остается одним из самых замечательных примеров пророческого прозрения в истории нашей расы. Вдохновение Лукреция дало ему почти чудесные проблески истины; его взгляд на развитие цивилизации от самых грубых зачатков до вершины ее достижений представляет собой удивительный рост, уходящий корнями в наблюдения и размышления, разветвляющийся на множество поразительных фактов и фантазий; и среди них утверждение относительно последовательности изобретений:

"Древнейшими руками человека были пальцы, зубы и ногти, а также камни и обломки ветвистых деревьев; затем медь; и последним, как выяснили последние, тираном было железо".

Так поэт предсказал одно из самых плодотворных достижений современной науки: открытие той череды эпох, которая так тщательно изучалась в нашем столетии.

Очень поразительным также является утверждение Горация, хотя его идея, очевидно, заимствована у Лукреция. Он подробно описывает первое состояние человека на земле как низкое и звериное и представляет его скрывающимся в пещерах, переходящим от использования кулаков и ногтей сначала к дубинкам, затем к оружию, которое он научился ковать, и, наконец, к изобретению названий вещей, к литературе и законам. (189)

(189) Приведенный отрывок из Гесиода смотрите в "Трудах и днях", строки 109-120 в переводе Бэнкса. Что касается Горация, см. "Сатиры", i, 3, 99. Что касается связи поэтического рассказа о Грехопадении в Книге Бытия с халдейскими мифами, см. Смит, Халдейский рассказ о Книге Бытия, стр. 13, 17. Для очень поучительного разделения иеговистской и элоистической частей Книги Бытия с описанием "Грехопадения", приведенного в первой, см. Ленорман, La Genese, Париж, 1883, стр. 166-168; также Бэкон, Бытие из Книги Бытия. Из строк Лукреция—

"Arma antiqua, manus, ungues, dentesque fuerunt, Et lapides, et item sylvarum fragmina rami, Posterius ferri vis est, aerisque reperta, Sed prior aeris erat, quam ferri cognitus usus"—

это переводится как "Хорошо". Более точный прозаический перевод смотрите в "Лукреции" Манро, четвертое издание, которое гораздо более тщательное, по крайней мере в корректуре,

чем первое издание. Что касается пророческого понимания Лукрецием некоторых величайших выводов современной науки, см. Перевод и примечания Манро, четвертое издание, книга v, примечания ii, стр. 335. О связи нескольких отрывков из Горация с идеями Лукреция см. У Манро, как указано выше. Отрывок из Лютера смотрите в "Застольной беседе", перевод Хэзлитта, стр. 242.

В средние века веры эта точка зрения была почти полностью затемнена, и в эпоху Реформации казалось, что так оно и останется. Типичным примером простоты веры в "Грехопадение", столь ценимой реформаторами, является заявление Лютера относительно Адама и Евы. Он рассказывает нам: "Они вошли в сад около полудня, и, испытывая желание поесть, она взяла яблоко; затем наступило падение — по нашим сведениям, около двух часов дня". Но с возрождением науки старая затмеваемая истина вновь проявилась, и в первой половине семнадцатого века мы обнаруживаем, что среди преступлений, за которые Ванини был приговорен в Тулузе к вырванному языку и сожжению заживо, была его вера в то, что существует градация, простирающаяся вверх от низшей формы сотворенных существ к высшей.

Однако в том же столетии труды Бодена, Бэкона, Декарта и Паскаля явно подрывали старую идею "Грехопадения". Особенно Боден, какими бы блестящими ни были его заслуги перед православием, ясно выступал против доктрины всеобщей деградации человека.

В начале XVIII века Вико представил философию истории как восходящее движение человека от анимализма и варварства. Эта идея прочно овладела человеческой мыслью, и в последующие столетия такие люди, как Лессинг и Тюрго, придали ей новую силу.

Исследования последних сорока лет показали, что Лукреций и Гораций были вдохновенными пророками: то, что они увидели благодаря упражнению разума, озаренного поэтическим гением, теперь основывалось на тщательно установленных и упорядоченных фактах — до тех пор, пока Томсен и Нильсон, северные археологи, не привели эти пророчества к очевидному исполнению, представив научную классификацию, разделяющую эпоху доисторического человека в различных частях света на древнекаменный период, новокаменный период, период чеканки меди, период бронзы и период железа, и не собрали огромное количество фактов из всех частей света, полностью вписывающиеся друг в друга, усиливающие друг друга и, вне всякого сомнения, показывающие, что вместо ПАДЕНИЯ произошел ПОДЪЕМ человека, начиная с самых ранних признаков четвертичного или даже, возможно, третичного периода.(190)

(190) О Ванини см. Топинар, "Элементы антропологии", стр. 52. Для краткого и тщательного изложения деятельности Эккарда в Германии, Гоге во Франции, Хоара в Англии и других в различных частях Европы, что касается этого развития научных взглядов в восемнадцатом веке, см. Мортилле, "Доисторическая история", Париж, 1885, глава i. О деятельности Бодена, Бэкона, Декарта и Паскаля см. Флинт, "Философия науки". История, введение, стр. 28 и далее. Для более краткого изложения, см. Лаббок, "Доисторический человек". Заявления северных археологов см. в Нильссоне, Ворсае и других основных работах, цитируемых в этой статье. Подробнее о великих заслугах датских археологов в этой области читайте в "Четверостишиях", "Введении"

к Картальяку", "Доисторических временах Испании и Португалии".

Первый удар по полностью разработанной доктрине "Грехопадения" был нанесен, как мы видели, геологией. Согласно этой доктрине, которой придерживались в целом с момента ее зарождения у отцов и докторов первоначальной Церкви и до ее кульминации в умах великих протестантов, таких как Джон Уэсли, утверждение в наших священных книгах о том, что "смерть вошла в мир через грех", воспринималось как исторический факт, из чего следует вывод, что до того, как змей убедил Еву вкусить запретный плод, смерть на нашей планете была неизвестна. Естественно, когда геология обнаружила в слоях периода, задолго до появления человека на земле, огромное множество плотоядных племен, приспособленных для уничтожения своих собратьев на суше и на море, и в окаменелых скелетах многих из них частично переваренные останки животных, эта доктрина оказалась слишком тяжелой, чтобы ее можно было нести, и от нее тихо отказались.

Но примерно в середине девятнадцатого века доктрина о возвышении человека в противоположность доктрине о его "падении" получила огромное усиление из самого неожиданного источника. Как мы видели в предыдущей главе, факты, доказывающие великую древность человека, предвосхитили новое и еще более замечательное представление о нем. Мы видели, это правда, что противники Буше де Перта, хотя и не могли отрицать сделанное им открытие человеческих орудий в дрейфе, добились успеха в вынесении вердикта "Не доказано" в отношении его открытия человеческих костей; но их триумф был недолгим. Многие предыдущие открытия, о которых до того времени мало думали, начали изучаться, и были добавлены другие, результатом которых стало не просто подтверждение истины о древности человека, но и установление другой доктрины, к которой противники науки относились с гораздо большей неприязнью, — доктрины о том, что человек не пал с изначального высокого уровня, в котором он был создан около шести тысяч лет назад, но что из периода, значительно более раннего, чем тот, который подтверждается священными хронологами, он, несмотря на упущения и деградацию, поднялся.

Краткий обзор этого нового роста истины может быть полезен. Еще в 1835 году проф. Ягер извлек из большого количества четвертичных останков, выкопанных задолго до этого в Каннштадте, недалеко от Штутгарта, часть человеческого черепа, по-видимому, очень низкого типа. Некоторое время вокруг этого бушевала битва, но в конце концов она утихла из-за неопределенности, возникшей в связи с обстоятельствами открытия.

В 1856 году в неандертальце, недалеко от Дюссельдорфа, среди останков четвертичного периода, собранных на полу грота, был найден другой череп с такими же признаками низкого человеческого типа. Как и в случае с каннштадтским черепом, этот вопрос снова вызвал ожесточенные дебаты, и в конце концов вопросам, касающимся его, было позволено оставаться в подвешенном состоянии. Но были сделаны новые открытия: в Эгисхайме, в Брюксе, в Шпионе и в других местах были найдены человеческие черепа столь же низкого типа; и, хотя каждое из более ранних открытий было открыто для обсуждения, и любое из них, если бы не было открыто другое, можно было бы счесть аномальным образцом, комбинация всего этого убедительно показала, что в тот отдаленный период не только существовала раса людей, но и что это был тип столь же низкий, как самый низкий, возможно, даже ниже самого низкого, известного в настоящее время.

Теперь исследования были удвоены, и в результате человеческие черепа и полные скелеты различных типов начали обнаруживаться в древних отложениях многих других частей света, особенно во Франции, Бельгии, Германии, на Кавказе, в Африке, Северной и Южной Америке.

Но вскоре из всех этих открытий начал вытекать факт огромной важности. Черепа и кости, найденные в Кроманьонье, Солютре, Фурфузе, Гренеле и других местах, были сравнены, и таким образом стало ясно, что различные расы уже появлялись и жили на различных ступенях цивилизации, даже в те чрезвычайно отдаленные эпохи; что даже тогда существовали различные слои человечества, варьирующиеся от рас очень низкого до рас очень высокого типа; и что по любой теории — конечно, по теории происхождения человечества от одной пары — были очевидны две вещи: во-первых, что длительные, медленные процессы в течение обширных периодов времени должны были происходить на разных уровнях цивилизации. требуется для дифференциации этих рас и для эволюции человека до того момента, когда лучшие образцы обнаружат его, несомненно, в раннем четвертичном и, возможно, в третичном периоде; и, во-вторых, что с момента первого появления человека, о котором у нас есть какие-либо следы, наблюдалась восходящая тенденция. (191)

(191) Заявление Уэсли об удивительных последствиях прихода смерти в мир через грех смотрите в цитатах из его проповеди о грехопадении человека в главе о геологии. О Буше де Перте читайте в "Его жизни" Ледье, особенно в главах v и хix; также в приложении "Письма"; также "Кельтские древности и допотопные времена", цитируемые в предыдущих главах этой работы. Описание неандертальца и других упомянутых останков см. в "Четвероногих", "Виды человека", глава I. xxvi; также Мортилле, "Предыстория", Париж, 1885, стр. 232 и далее; также другие авторы, цитируемые в этой главе. О других упомянутых открытиях см. В тех же источниках. Гравировку черепа и восстановленное человеческое лицо неандертальца см. в Reinach, Antiquities Nationales и др., том i, стр. 138. Об обширных регионах, по которым распространилась эта ранняя раса, см. Четверостишия, приведенные выше, стр. 307. См. также книгу того же автора "История общих человеческих рас" в Этнологической библиотеке, Париж, 1887, стр. 4. В обширной литературе, посвященной этому предмету, см. Катрефажа, Дюпона, Рейнаха, Жоли, Мортилле, Тайлора и Лаббока в работах, цитируемых в этих главах.

Этот второй вывод о стремлении человека к возвышению от низших начал становился все более и более ясным, когда в связь с этими останками человеческих тел и вымерших животных включались остатки работы рук человеческих. Как указывалось в предыдущей главе, речной сток и костяные пещеры в Великобритании, Франции и других частях света выявили прогресс даже в различных подразделениях самого раннего каменного периода; ибо, начиная с самых нижних слоев этих останков, на полах пещер, связанных в основном с костями вымерших животных, таких как пещерный медведь, волосатый слон и тому подобное, тогда были самые грубые орудия, в слоях над ними, запечатанные в сталагмитах полов пещер, лежащие с костями животных, вымерших, но более поздних, а также с костями животных, живших ранее., были найдены каменные орудия, все еще грубые, но, как правило, улучшенного типа; и, наконец, в еще более высоком слое, связанном с костями животных, таких как северный олень и бизон,

которые, хотя и не вымерли, но переселились в другие климатические зоны, были грубейшие каменные орудия, в целом еще лучшей работы. Таково было предзнаменование, даже в тот ранний период грубого Камня, доказательств того, что тенденция человека с его самой ранней эпохи и во всех частях света была, как правило, восходящей.

Но этому правилу предстояло привести гораздо больше примеров. Примерно в 1850 году, в то время как французские и английские геологи работали преимущественно среди реликвий дрейфового и пещерного периодов, известные археологи Севера — Форхаммер, Стинструп и Ворсае — посвятили себя исследованию определенных останков на Датском полуострове. Эти останки были двух видов: во-первых, это были обширные кучи ракушек и других отбросов, выброшенных грубыми племенами, которые в какую-то неизвестную эпоху в прошлом жили на берегах Балтийского моря, питаясь главным образом моллюсками. То, что эти кучи раковин были очень древними, было очевидно: раковины устриц и им подобных, найденные в них, были намного крупнее, чем те, что сейчас встречаются на этих побережьях; их размер, столь далекий от размера соответствующих разновидностей, которые сейчас существуют в солоноватых водах Балтийского моря, во всех случаях был таким же, как у тех разновидностей, которые процветают только в водах открытого соленого моря. Это было ясным указанием на то, что в то время, когда человек сформировал эти кучи ракушек, эти побережья имели гораздо более прямое сообщение с соленым морем, чем в настоящее время, и что с того периода должно было пройти достаточно времени, чтобы вызвать огромные изменения в море и суше во всех этих регионах.

По этим кучам были разбросаны свидетельства того уровня цивилизации, когда человек все еще пользовался каменными орудиями труда, но орудия и оружие, которые, хотя и оставались грубыми, демонстрировали прогресс по сравнению с орудиями дрейфа и раннего пещерного периода, некоторые из них были сделаны из полированного камня.

Вместе с ними были и другие свидетельства того, что цивилизация прогрессировала. С орудиями, достаточно грубыми, чтобы они сохранились с ранних периодов, начали появляться другие орудия, никогда не известные в пещерах дрейфа и костей, и, хотя костей других домашних животных было мало, если вообще были, были найдены останки собак; все указывало на прогресс цивилизации между предыдущей каменной эпохой и нынешней.

Вторая серия открытий в Скандинавии была сделана в торфяных пластах: они обычно образовывались в виде углублений или чаш глубиной от десяти до тридцати футов, и часть их, подобно части отложений в костных пещерах, свидетельствует о постепенной эволюции человеческой культуры. Было обнаружено, что нижние слои в этих больших чашах состоят в основном из мхов и различных растений, спутанных со стволами упавших деревьев, иногда очень большого диаметра; и ботаническое исследование самого нижнего слоя этих деревьев и растений в различных чашах выявило чрезвычайно важный факт: этот слой, первый по времени, всегда состоял из шотландской ели, которая сейчас нигде не растет на датских островах, и ее невозможно заставить расти где-либо на них, и растений, которые сейчас вымерли в этих регионах, но отступили за полярный круг. Поднявшись со дна этих огромных чаш, мы обнаружили над первым слоем второй, в котором были свалены в кучу стволы дубов разных сортов; они тоже были реликвиями ушедшей эпохи, поскольку дуб почти полностью исчез из Дании. Над ними возвышался третий слой, состоящий из поваленных буковых деревьев; и бук сейчас и был им с начала истории Человечества самым распространенным деревом Датского полуострова.

Теперь появился второй факт чрезвычайной важности, связанный с первым. Разбросанные, как правило, по нижнему из этих отложений, по слою вымерших елей и растений, были найдены орудия труда и оружие из гладкого камня; в слое дубов были найдены орудия труда из бронзы; а среди слоя буков были найдены орудия труда и оружие из железа.

Общий результат исследований в этих двух источниках, курганах ракушек и торфяных залежах, был одинаковым: первая цивилизация, обнаруженная в них, была отмечена использованием более или менее гладких каменных орудий, что свидетельствует о прогрессе по сравнению с более ранним периодом грубого камня, известным по костяным пещерам; затем последовал более поздний прогресс к более высокой цивилизации, отмеченный использованием бронзовых орудий; и, наконец, еще более высокое развитие, когда начали использовать железо.

Труды датских археологов привели к созданию большого музея в Копенгагене, и на найденных ими образцах, а также в пещерах дрейф и кости, основана классификация основных периодов или подразделений в эволюции человеческой расы, о которой говорилось выше.

Эти результаты были достигнуты не только в скандинавских странах; по существу, те же открытия были сделаны в Ирландии и Франции, на Сардинии и в Португалии, в Японии и в Бразилии, на Кубе и в Соединенных Штатах; фактически, как правило, почти в каждой части мира, которая была тщательно исследована.(192)

(192) Об общем предмете см. Мортилле, "Доисторическая история", стр. 498, *et passim*. Примеры грубых каменных орудий, улучшающихся по мере того, как мы переходим от более ранних слоев в костяных пещерах к более поздним, см. у Бойда Хокинса, "Ранний человек в Британии", глава ii. vii, с. 186; также Четверостишия, "Виды человека", Нью-Йорк, 1879, стр. 305 и далее. Интересный проблеск света проливается на эту тему в книге Де Байе "Доисторические пещеры Марны", стр. 31 и далее; также Эванс, как цитировалось в предыдущей главе. О более поздних исследованиях датских раковинных складов см. Бойд Докинз, "Ранний человек в Британии", стр. 303, 304. Об этих свидетельствах развитой цивилизации в кучах ракушек см. Мортилле, стр. 498. Он, как и Нильсон, говорит, что были найдены только кости собаки; но сравните Докинза, стр. 305.

Очень полный список этих открытий с указанием их взаимосвязи друг с другом, см. Мортилле, стр. 499. Что касается жителей скандинавских стран, см.

"Нильссон, Первобытные жители Скандинавии", третье издание, с введением Лаббока, Лондон, 1868; также "Предыстория Севера" Ворсаи, английский перевод, Лондон, 1886. О курганах из ракушек и их содержанием на Испанском полуострове см. Уже цитировавшуюся большую работу Картайяка. Краткое описание таких открытий по всему миру см. Мортилле, "Доисторическая история", стр. 497 и далее.

Но с другой стороны пришло еще более поразительное указание на ту же эволюцию. Еще в 1829 году в Цюрихском озере были обнаружены сваи и другие предметы старины, указывающие на прежнее существование человеческих жилищ, стоящих в воде на некотором расстоянии от берега; но обычная смесь легкомыслия и боязни новых идей, по-видимому, возобладала, и ничего не предпринималось примерно до 1853 года, когда за новыми открытиями того же рода

последовали энергичные действия, и Рутимейер, Келлер, Тройон и другие обнаружили не только в Цюрихском озере, но и во многих других озерах Швейцарии остатки прежних жилищ, а в - останки древних поселений. среди них огромное количество реликвий, свидетельствующих о том уровне цивилизации, которого достигли эти озерные жители.

Здесь также были собраны доказательства восходящей тенденции человеческой расы. Орудия из полированного камня, кости, кожи, керамика различных сортов, тканые ткани, кости нескольких видов домашних животных, различные сорта зерна, хлеб, сохранившийся путем обугливания, и множество свидетельств прогресса, никогда не встречавшихся среди более ранних, более грубых реликвий цивилизации, еще убедительнее свидетельствовали о том, что человек прибыл сюда на еще более высокой ступени, чем его предшественник в периоды дрейфа, пещер и скоплений ракушек, и шел от лучшего к лучшему.

Очень поразительные свидетельства этой восходящей тенденции были обнаружены в каждом классе орудий труда. Подобно тому, как при сравнении отколотых кремневых орудий нижних и более ранних слоев пещерного периода с орудиями более поздних и верхних слоев мы наблюдали прогресс, так и в каждом из периодов полированного камня, бронзы и железа мы видим, при аналогичных сравнениях, неуклонный прогресс от грубых орудий к совершенным; и особенно это верно в отношении остатков различных озерных жилищ, поскольку среди них можно проследить постоянное увеличение разнообразия одомашненных животных и постепенное улучшение средств существования и образа жизни.

Кстати, также был выявлен факт, на первый взгляд незначительный, но, поразмыслив, чрезвычайно важный. Часто обнаруживалось, что более ранние бронзовые орудия в различных незначительных отношениях имитируют орудия из камня; другими словами, бронзовым орудиям сначала были приданы формы, естественные для обработки камня, но не естественные для обработки бронзы. Это показывало НАПРАВЛЕНИЕ развития — что оно шло вверх от камня к бронзе, а не вниз от бронзы к камню; что это был прогресс, а не упадок.

Эти исследования были дополнены аналогичными исследованиями в других местах. Во многих других частях света было обнаружено, что озерные жители существовали на разных ступенях цивилизации, но все в пределах определенного диапазона, промежуточного между пещерными жителями и историческим периодом. Чтобы объяснить эту эпоху озерных жителей, в историю вошло сообщение Геродота о озерных жилищах на озере Прасиас, которые обеспечивали защиту от персидских армий. Что еще более важно, сравнительная этнография показала, что сегодня в различных частях света, особенно в Новой Гвинее и Западной Африке, человеческие расы живут в озерных жилищах, построенных на сваях, и располагают различными орудиями труда, поразительно похожими на многие из тех, что были обнаружены в древних озерных отложениях Швейцарии.

В Великобритании, Франции, Германии, Италии, Ирландии, Шотландии и других странах также были обнаружены останки иного рода, проливающие свет на этот прогресс. Кромлехи, краногии, курганы и тому подобное, хотя некоторые из них указывают на работу более слабых племен, на которые оказывали давление более сильные, демонстрируют, как правило, ту же тенденцию к росту.

В очень ранний период истории этих открытий предпринимались различные попытки — номинально в интересах религии, но на самом деле в интересах различных вероучений и

катехизисов, составленных тогда, когда люди мало или вообще ничего не знали о законах природы, — опровергнуть силу таких свидетельств прогресса и развития человеческой расы от низшего к высшему. Из всех предыдущих попыток две можно считать довольно типичными, поскольку они демонстрируют оппозицию науке, разработанной в рамках двух разных теологических школ, каждая из которых работает по-своему. Первый из них демонстрирует большую изобретательность и образованность и представлен мистером Саутхоллом в его книге, опубликованной в 1875 году и озаглавленной "Недавнее происхождение мира". В этом он прежде всего сталкивается с трудностями, связанными с ранней датировкой египетской цивилизации, и лейтмотивом его аргументации является заявление, сделанное выдающимся египтологом в период, когда современные археологические открытия еще не были хорошо поняты, о том, что "Египет с презрением относится к идее грубого каменного века, отшлифованного каменного века, бронзового века, железного века".

Метод мистера Саутхолла в значительной степени совпадал с методом покойного выдающегося геолога мистера Госса. Мистер Госс, как, возможно, помнят читатели этой работы, чувствовал себя обязанным в предполагаемых интересах Книги Бытия настаивать на том, что безопасность для человеческих душ можно найти в вере в то, что шесть тысяч лет назад Всемогущий с какой-то непостижимой целью внезапно заставил Ниагару разлиться совсем рядом с тем местом, где она разливается сейчас; заложил различные слои и рассыпал по ним окаменелости, как сливы по пудингу; нацарапал ледниковые борозды на скалах и проделал огромное множество других операций. вещи, тонкие и коварные, маленькие и великие, во всех частях света, необходимые для того, чтобы ввести в заблуждение геологов современности и убедить их, что все эти вещи были результатом неуклонного прогресса на протяжении долгих эпох. Следуя аналогичному плану, мистер Саутхолл предложил в самом начале своей книги в качестве окончательного решения проблемы заявление о том, что Египет с его высокой цивилизацией во времена Мена, с его расами, классами, институтами, устройством, языком, памятниками — всем, что указывает на эволюцию на протяжении обширной предшествующей истории, — был внезапным творением, полностью вышедшим из рук Творца. Используя его собственные слова, "У египтян не было каменного века, и они родились цивилизованными".

Существует старая история о том, что однажды некий жизнерадостный король Франции, путешествовавший по своему королевству, был встречен у ворот провинциального городка заместителем мэра, который начал свою речь примерно так: "С позволения вашего величества, существует всего тринадцать причин, по которым Его честь мэр не может присутствовать, чтобы поприветствовать вас этим утром. Первая из этих причин заключается в том, что он мертв". На это король милостиво заявил, что этой первой причины достаточно и что он не станет беспокоить заместителя мэра по поводу двенадцати других.

Итак, с аргументом м-ра Саутхолла: один простой результат научного исследования из многих — это все, что необходимо заявить, и это то, что в эти последние годы у нас есть новое и убедительное свидетельство существования доисторического человека в Египте в его самых ранних, грубых зачатках; те же самые свидетельства, которые мы находим во всех других частях света, которые были тщательно исследованы. Эти свидетельства состоят из каменных орудий труда и оружия, которые были найдены в Египте в таких формах, в таких точках и в таких положениях, что при изучении в связи с теми, которые были найдены во всех других частях света, от Нью-Джерси до Калифорнии, от Франции до Индии и от Англии до Андаманских островов, они убеждают нас в том, что цивилизация в Египте, как и во всех других частях света,

развивалась в результате того же медленного процесса эволюции с самых примитивных зачатков.

Это правда, что люди, сведущие в египтологии, отвергли идею более раннего каменного века в Египте, и что среди них были Лепсиус и Бругш; но эти люди не были обучены доисторической археологии; их преданность изучению памятников египетской цивилизации, очевидно, отвела их от сочувствия и даже от знакомства с работами таких людей, как Буше де Перт, Лартет, Нильсон, Тройон и Докинз. Но начиналась новая эра. В 1867 году Ворсае привлек внимание к доисторическим орудиям, найденным на границах Египта; два года спустя Арселин рассказал о таких каменных орудиях, найденных под землей Саккары и Гизы, самого средоточия древнейшей египетской цивилизации; в том же году Хами и Ленорман обнаружили такие орудия, вымытые из глубин выше по течению Нила в Фивах, недалеко от гробниц царей; а в следующем году они выставили еще больше кремневых орудий, найденных в различных других местах. К этим открытиям добавился тот факт, что Хорнер и Линант нашли медный нож на глубине двадцати четырех футов, а глиняную посуду - на глубине шестидесяти футов под поверхностью. В 1872 году доктор Рейл, директор бань в Хелуане, недалеко от Каира, обнаружил орудия из отколотого кремня; а в 1877 году доктор Джакс Браун сделал аналогичные открытия в этом регионе. В 1878 году Оскар Фраас, подводя итог этому вопросу, показал, что каменные орудия были в основном такими, какие находят в доисторических отложениях других стран, и что, поскольку Циттель нашел их в Ливийской пустыне, вдали от оазисов, были основания предположить, что эти орудия использовались до того, как регион превратился в пустыню и до того, как Египет стал цивилизованным. Два года спустя доктор Мук из Вюрцбурга опубликовал работу, в которой излагались результаты его исследований с подробными рисунками грубых каменных орудий, обнаруженных им в долине верхнего Нила, и стало очевидно, что, хотя некоторые из этих орудий немного отличались от ранее известных, большая их масса имела характер, столь распространенный в доисторических отложениях других частей света.

Еще более важный вклад в эту совокупность фактов внес проф. Генри Хейнс из Бостона, который зимой 1877-1878 годов начал очень тщательное исследование этого предмета и обнаружил в нескольких милях к востоку от Каира множество кремневых орудий. Значение открытий Хейнса было двояким: во-первых, среди них были каменные топоры, подобные тем, что были найдены во французских наносах Сент-Ашеля, что показывает, что люди, которые делали или учили людей делать их в Египте, проходили ту же фазу дикости, что и в четвертичной Франции; во-вторых, он нашел мастерскую по изготовлению этих орудий, доказывая, что эти кремневые орудия не были завезены в Египет захватчиками, а были изготовлены для удовлетворения потребностей страны. Из этой первой области проф. Хейнс отправился в Хелуан, к северу от Каира, и там нашел, как и доктор Райл, различные обработанные кремни, некоторые из них похожи на те, что были обнаружены М. Ривьером в пещерах южной Франции; оттуда он поднялся вверх по Нилу в Луксор, на место древних Фив, начал тщательные поиски в известняковых холмах третичного периода и нашел множество обтесанных каменных орудий, некоторые из них, действительно, оригинальной формы, но большинство форм, распространенных в других частях света при сходных обстоятельствах, некоторые из обтесанных каменных топоров, точно соответствующих тем, что были найдены в наносных слоях из северной Франции.

Все это, казалось, убедительно показывало, что задолго до самого раннего периода египетской цивилизации, о котором сохранились какие-либо следы памятников первых династий,

человечество в долине Нила переживало такой же медленный прогресс, как и в тот период, когда, стоя прямо над животными, оно защищалось орудиями из грубо отесанного камня.

Но в 1881 году были сделаны открытия, которые полностью разрешили этот вопрос. В том же году генерал Питт-Риверс, член Королевского общества и президент Антропологического института, и Дж. Ф. Кэмпбелл, член Королевского географического общества Англии, обнаружили орудия не только в аллювиальных отложениях, связанных с костями зебры, гиены и других животных, которые с тех пор отступили дальше на юг, но и в Джебель-Ассасе, недалеко от Фив, они нашли орудия из отколотого кремня в твердом слоистом гравии, на глубине от шести с половиной до десяти футов под поверхностью; реликвии, очевидно, как говорит мистер Кэмпбелл, "неописуемо древнее, чем сам камень". древнейшие египетские храмы и гробницы. Они определенно доказали, что египетская цивилизация не возникла во всей своей полноте и не сразу из рук Творца во времена Мена. И это было не все. Исследователи высочайшего уровня характера и способностей — такие люди, как Халл и Флиндерс Петри, — обнаружили геологические изменения в Египте, потребовавшие огромных периодов времени, и следы рук человека, датируемые периодом, когда уровень воды в долине Нила поднимался на сотни футов над современным уровнем. Так был положен конец утверждению мистера Саутхолла.

Еще одна атака на новые научные выводы последовала из Франции, когда в 1883 году аббат Амар, священник Оратории, опубликовал свою работу "Век камня и первобытный человек". Особенно его разозлило расположение доисторических орудий труда по периодам на Парижской выставке 1878 года; он горько жалуется на это как на антихристианскую тенденцию и ругает науку как "идола дня". Он нападает на Мортилле, одного из лидеров французской археологии, с большим презрением; говорит о "яде" в книгах о доисторическом человеке в целом; жалуется, что Церковь слишком мягка и снисходительна к таким чудовищным доктринам; оплакивает уступки, сделанные науке некоторыми выдающимися проповедниками; и предсказывает свою собственную мученическую смерть от рук людей науки.

Подобные попытки мало к чему привели, и была предпринята более обоснованная попытка опровергнуть выводы археологии, показав, что каменные ножи использовались в соответствии со священным ритуалом в Египте для бальзамирования, а в Иудее - для обрезания, и что эти кремневые ножи могли иметь более позднее происхождение. Но аргументов против выводов, сделанных на основе этой точки зрения, было три: во-первых, как мы видели, были обнаружены не только каменные ножи, но и топоры и другие каменные орудия, аналогичные орудиям доисторического периода в Западной Европе; во-вторых, эти орудия были обнаружены в отложениях твердого гравия периода, очевидно, намного более раннего, чем период Мена; и, в-третьих, использование каменных орудий в египетских и еврейских священных функциях в течение исторического периода, ничуть не ослабляет силу аргументов в пользу длительного и медленного развития египетской цивилизации от людей, использовавших грубые кремневые орудия, до людей, построивших и украсивших город. великие храмы ранних династий - это действительно аргумент в пользу этой долгой эволюции. Изучение сравнительной этнологии показало, что священные каменные ножи и орудия египетского и еврейского жреческого ритуала были естественными пережитками того предыдущего периода. Для жертвоприношений или ритуальных целей каменный нож считался более священным, чем нож из бронзы или железа, просто потому, что он был древним; точно так же, как сегодня в Индии священники-брахманы разжигают священный огонь не с помощью спичек или кремня и стали, а с помощью процесса, встречающегося на самых ранних, низших стадиях человеческой культуры — яростно

втыкают заостренную палку в другой кусок дерева, пока не появится искра; и точно так же, как сегодня в Европе и Америке архитектура средневековья сохранилась как особая религиозная форма при возведении наших самых последних церквей, и до такой степени, что в наши дни священный огонь разжигается не спичками, не кремнем и не сталью, а способом, присущим самым ранним, низшим стадиям человеческой культуры. что тысячи и тысячи из нас чувствуют, что мы не можем должным образом молиться, если не находимся среди окон, украшений, сосудов, орудий труда, облачений и украшений, которые больше не используются для других целей, но которые сохранились в различных ветвях христианской церкви и приобрели особую святость благодаря тому факту, что они древнего происхождения.

Таким образом, если собрать всю массу свидетельств воедино, то, даже если то тут, то там можно привести правдоподобные или очень веские аргументы против отдельных свидетельств, сила их совокупной массы сохраняется и оставляет вне разумного сомнения как огромную древность человека, так и эволюцию цивилизации от ее низших форм к высшим, что доказывается доисторическими останками Египта и стольких других стран во всех частях света. Важнее всего то, что недавние открытия в Ассирии пролили новый свет на эволюцию догмы о "грехопадении человека". Такие почтенные ученые, как Джордж Смит, Сейс, Делич, Йенсен, Шредер и их коллеги, нашли в ниневитских записях несомненный источник той формы легенды о грехопадении, которая была принята евреями и ими передана христианству. (193)

(193) О взглядах г-на Саутхолла читайте в его недавнем "Происхождении человека", стр. 20 и в других местах. О взглядах г-на Госсе читайте в его "Омфале", цитируемом в главе о геологии в этой работе. Краткое изложение работ Арселена, Хами, Ленормана, Ричарда, Лаббока, Мука и Хейнса см. в Мортилле, "Le Prehistorique", passim. Что касается открытия Циттеля, см. "Aus dem Orient" Оскара Фрааса, Штутгарт, 1878. Что касается поразительного сходства каменных орудий, найденных в Египте, с теми, что были найдены в пещерах дрейф и кость, см. монографию Мука, Вюрцбург, 1880, цитируемую в следующей главе, особенно листы IX, XI, XII. Еще более поразительные репродукции фотографий, демонстрирующих это замечательное сходство между египетскими и европейскими обломками камня, см. Х. У. Хейнс, "Палеолитические орудия в Верхнем Египте", Бостон, 1881. См. также Эванс, Древние каменные орудия труда, глава i, стр. 8, 9, 44, 102, 316, 329. Что касается каменных орудий, использовавшихся жрецами Иеговы, жрецами Ваала, жрецами Молоха, жрецами Одина и египетскими жрецами в качестве религиозных пережитков, см. Cartailhas, как указано выше, 6 и 7; также Lartet, в De Luynes, "Экспедиция к Мертвому морю"; также Nilsson, "Первобытные жители Скандинавии", стр. 96, 97; также Sayce, "Геродот", стр. 171, примечание. Об открытиях Питт-Риверса, см. Журнал Антропологического института Великобритании и Ирландии за 1882 год, том xi, стр. 382 и далее; а о решении Кэмпбелла относительно них см. там же, стр. 396, 397. Факты, обобщенные в словах: "Наиболее вероятно, что Египет в отдаленный период прошел, как многие другие страны, каменный период", см. Хилтон Прайс, F. S. A., F. G. S., статья в Журнале Археологического института Великобритании и Ирландии за 1884 г., стр. 56. Образцы палеолитических орудий из Египта — ножей, наконечников стрел, копий, чешуек и подобного, как необычных, так и обычных форм — можно увидеть в различных

музеях, но особенно в музее профессора Дж. Хейнс из Бостона. Некоторый интересный свет на этот предмет также проливают образцы, полученные генералом Уилсоном и переданные на хранение в Смитсоновский институт в Вашингтоне. О нападениях аббата Амара читайте в его "Книге о Пьере и человеке примитивном", Париж, 1883, особенно в его предисловии. О каменном оружии, найденном в высоком слое за Эсне, см. Флиндерс Петри, История Египта, глава i. Об этих открытиях Питт-Риверса и других Масперо, похоже, ничего не знает.

ГЛАВА IX. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ЭТНОЛОГИЯ.

Мы видели, что в тесной связи с основными направлениями исследований в археологии и антропологии проводились и другие исследования, проливающие много света на весь предмет. В предыдущей главе мы особо отметили, что Лафито и Жюссье были одними из первых, кто собрал и сравнил факты, относящиеся к естественной истории человека, собранные путешественниками в различных частях света, заложив тем самым основы науки сравнительной этнологии. Вскоре стало ясно, что этнология имеет важнейшее значение в вопросе материальной, интеллектуальной, моральной и религиозной эволюции человеческой расы; поэтому в каждой цивилизованной стране появились ученые, которые начали изучать характеристики различных групп людей, выясненные у путешественников, и сравнивать полученные таким образом результаты друг с другом и с результатами археологии.

Таким образом, все более и более ясными становились свидетельства того, что тенденция расы была восходящей с самого низкого начала. Было обнаружено, что группы людей все еще существовали, обладая характеристиками тех, кто жил в ранние периоды развития, о чем свидетельствуют дрейфы, пещеры, кучи ракушек и свайные жилища; группы людей использовали многие из тех же орудий труда и оружия, строили свои дома одним и тем же способом, добывали пищу одними и теми же способами, наслаждались одними и теми же развлечениями и проходили одни и те же общие стадии культуры; некоторые находились в состоянии, соответствующем более ранним, некоторые - более поздним тем ранним периодам.

Таким образом, со всех сторон поступали свидетельства того, что мы все еще имеем на земле примеры всех основных стадий развития человеческой цивилизации; что начиная с периода, когда человек немного возвышается над животными, и практически без религии в общепринятом смысле этого слова, эти примеры могут быть выстроены в восходящий ряд, ведущий к высшим планам, которых достигло человечество; что наблюдатели-философы могут среди этих примеров изучать существующие верования, обычаи и институты вплоть до все более ранних форм, пока, как правило, всю эволюцию можно легко угадать, если не увидеть полностью. Более того, становилась все более и более ясной основа всей структуры: тот факт,

что "линии интеллекта всегда были такими, какие они есть, и всегда действовали так, как действуют сейчас; что человек продвигался от простого к сложному, от частного к общему".

По мере того как эти данные этнологии становились все более убедительными, их значение для теологии привлекало внимание, и, естественно, были предприняты самые решительные усилия, чтобы ослабить их силу. На Континенте двумя великими защитниками Церкви в этой области были Де Местр и Де Бональд; но две попытки, которые следует особенно вспомнить как наиболее влиятельные среди англоязычных народов, были попытками Уэтли, архиепископа Дублинского, и герцога Аргайлла.

Первым в борьбе с этими новыми научными выводами был Уэйти. Он был сильным человеком, широта мыслей и практическая либеральность которого заслуживают всяческих почестей; но именно эти качества навлекли на него недоверие его ортодоксальных братьев; и, хотя его труды в первой половине нынешнего столетия имели силу разрушить многие оплоты неразумия, он, по-видимому, постоянно боялся потерять связь с Церковью и поэтому сразу же атаковал некоторые научные рассуждения, которые, будь он мирянином, не имеющим диплома от Церкви, он, вероятно, изучил бы с большей тщательностью и меньшим предубеждением. Он не замедлил увидеть более глубокое значение археологии и этнологии в их связи с теологической концепцией "Грехопадения" и развернул против них ожесточенную битву.

Его утверждение состояло, используя его собственные слова, в том, что "ни одно сообщество никогда не выходило и не может выйти без посторонней помощи из состояния полного варварства во что-либо, что можно назвать цивилизацией"; и что, короче говоря, все несовершенно цивилизованные, варварские и дикие расы являются всего лишь падшими потомками рас более цивилизованных. Эту точку зрения он отстаивал со свойственной ему изобретательностью и энергией, но факты оказались для него слишком убедительными: они прояснили, во—первых, что многие расы были лишены простых вещей, инструментов и искусств, которые, вероятно, никогда не были бы утрачены, если бы однажды были приобретены, - как, например, гончарное дело, лук для стрельбы, различные домашние животные, прядение, простейшие принципы ведения сельского хозяйства, домашнее хозяйство и тому подобное; и, во-вторых, было показано как простой факт, что различные дикие и варварские племена возвысились за счет развития средств, которым никто извне не смог бы их научить. ; как в выращивании и улучшении различных местных растений, таких как картофель и индийская кукуруза у индейцев Северной Америки; в одомашнивании различных животных, характерных для их собственных регионов, таких как лама у индейцев Южной Америки; в изготовлении различных тканей из материалов и с помощью процессов, не встречающихся у других народов, таких как ткань из коры у полинезийцев; и в разработке оружия, характерного для различных местностей, но не известного ни в каких других, такого как бумеранг в Австралии.

Наиболее эффективными в выявлении истины были такие работы, как работы сэра Джона Лаббока и Тайлора; и они были настолько убедительными, что аргументы Уэтли были отвергнуты как несостоятельные другим из двух великих защитников, упомянутых выше, и им была предпринята попытка сформировать у уменьшающегося числа мыслящих людей, поддерживающих старую теологическую точку зрения, новую линию защиты.

Этот второй защитник, герцог Аргайлл, был человеком широких знаний и сильных сторон в дебатах, чье высокое моральное чувство было в полной мере продемонстрировано в его приверженности стороне Американского союза в борьбе против разобщенности и рабства,

несмотря на то, что подавляющее большинство представителей высшей аристократии, к которой он принадлежал, было против него. Как честный человек и здравомыслящий, герцог был вынужден полностью отказаться от теологического взгляда на древность человека. Всей библейской хронологией, которой придерживалась Вселенская Церковь, "всегда, везде и всеми" он пожертвовал и отдал все свои силы в этой области, чтобы поддержать теорию "Грехопадения". Благородство обязывает: герцог и его предки на протяжении веков были главными столпами Шотландской церкви, и было бы слишком ожидать, что он сможет отступить от догмата, который действительно является ее "главным краеугольным камнем".

Признавая несостоятельность аргументации архиепископа Уэтли, герцог исходил из того, что низшие, варварские, дикие, жестокие расы были остатками цивилизованных рас, которые в борьбе за существование были оттеснены в отдаленные и суровые части земли, где отсутствовали условия, необходимые для продолжения их ранней цивилизации; что, следовательно, потомки первобытных, цивилизованных людей выродились и опустились на ступень культуры. Используя его собственные слова, более слабые расы были "загнаны более сильными в леса и скалы", так что они стали "простыми изгоями человеческой расы".

В ответ на это, хотя и было признано, во-первых, что были примеры того, как более слабые племена опускались на ступеньку культуры после бегства от более сильных в регионы, неблагоприятные для цивилизации, и, во-вторых, что многие могущественные нации пришли в упадок, было показано, что люди в самых отдаленных и неблагоприятных регионах не всегда занимали самые низкие позиции по шкале; что людей часто находили "среди лесов и скал" на более высоком уровне цивилизации, чем на плодородных равнинах, приводились такие примеры, как Мексика, Перу и даже Шотландия; и что, хотя там было много примеров особого и локального упадка, но подавляющее большинство фактов, как правило, указывают на прогресс.

Невероятность, если не сказать невозможность, многих выводов, к которым пришел герцог, становилась все более очевидной по мере того, как становилось больше известно о низших племенах человечества. Согласно его теории, необходимо было предположить многие вещи, в которые наше знание человеческой расы категорически запрещает нам верить: например, необходимо было предположить, что австралийцы или новозеландцы, некогда владевшие таким простым и удобным искусством, как гончарное дело, утратили все его следы; и что те же племена, некогда имевшие такое простое средство экономии труда, как веретено или маленькая палочка с грузом на одном конце для прядения, отказались от него и вернулись к скручиванию нитей вручную. Фактически, необходимо было предположить, что одним из основных занятий человека с "самого начала" было забвение простых методов, процессов и приспособлений, которые, как учит нас весь опыт реального мира, никогда полностью не забываются людьми, однажды ими овладевшими.

Некоторые ведущие аргументы герцога были опровергнуты простыми констатациями фактов. Таким образом, его пример эскимосов, вытесненных на окраину пригодной для жизни Америки и, следовательно, живущих в самых глубинах дикости, что, даже если бы это было правдой, ни в коем случае не доказывало общего правила, был лишен силы из-за простого факта, что эскимосы ни в коем случае не являются низшей расой на американском континенте и что различные племена, расположенные гораздо более централизованно и выгодно, как, например, племена в Бразилии, действительно уступают им по уровню культуры. Опять же, его

утверждение о том, что "в Африке, по-видимому, нет следов какого-либо времени, когда туземцы не были знакомы с использованием железа", подтверждается тем фактом, что от долины Нила до мыса Доброй Надежды мы находим, где бы ни проводились исследования, те же самые ранние каменные орудия, которые во всех других частях света предшествовали использованию железа, некоторые из которых не были бы изготовлены, если бы их создатели обладали железом. Герцог также попытался показать, что не было никаких отличительных эпох камня, бронзы и железа, приведя тот факт, что некоторые каменные орудия встречаются даже в некоторых высокоразвитых цивилизациях. Это действительно факт. В наши дни мы находим несколько европейских крестьян, пользующихся каменными молотками; но это просто доказывает, что старые каменные молотки сохранились как дешевые и эффективные орудия труда.

Аргумент сравнительной этнологии в поддержку точки зрения о том, что человечество стремится вверх, получил силу из многих источников. Сравнительная филология показывает, что у менее цивилизованных, варварских и диких рас преобладают детские формы речи — частые удвоения и тому подобное, пережитки которых мы наблюдаем в более поздних и даже в наиболее высокоразвитых языках. В различных языках мы также находим пережитки древних способов мышления в простейших словах и выражениях, используемых для арифметических вычислений. Часто обнаруживается, что слова и словосочетания для этой цели происходят от слов, обозначающих руки, ступни, пальцы на руках и носках, так же ясно, как в нашем родном языке некоторые из наших простейших мер длины, судя по их названиям, были мерами частей человеческого тела, таких как локоть, ступня и тому подобное, и, следовательно, относятся ко времени, когда точность не требовалась. Чтобы добавить еще один из множества примеров, сегодня установлено, что различные грубые народы проводят простейшие арифметические вычисления с помощью камешков. В наш собственный язык, через латынь, пришло слово, показывающее, что наши далекие предки считали именно таким образом: слово CALCULATE дает нам абсолютное доказательство этого. Согласно теории герцога Аргайлла, люди давным-давно использовали камешки (CALCULI) при выполнении простейших арифметических вычислений, потому что мы сегодня "ВЫЧИСЛЯЕМ". Никакое сведение к абсурду не могло быть более тщательным. Простой факт должен заключаться в том, что мы "вычисляем", потому что наши далекие предки использовали камешки в своих арифметических расчетах.

Сравнительная литература и фольклор также показывают, что у современных народов с низкой культурой существуют детские представления о природе и детские способы выражения отношений человека к природе, которые явно унаследованы от далеких предков; среди них следует отметить веру в ведьм и фей, а также множество популярных и поэтических выражений в наиболее цивилизованных странах.

Точно так же сравнительная этнография, основа этнологии, показывает у современных варваров и дикарей детскую любовь к игрушкам и играм, от которых у нас осталось много пережитков.

Все эти факты, которые поначалу оставались незамеченными или рассматривались как незначительные, были приведены в связь с фактом из биологии, признаваемым одинаково всеми важными школами; Агассисом, с одной стороны, и Дарвином, с другой, а именно, как утверждал Агассис, "молодые состояния каждого вида и группы напоминают более старые формы той же группы", или, как утверждал Дарвин, "у двух или более групп животных, как бы

сильно они ни отличались друг от друга по строению и повадкам, если они проходят через близко сходные эмбриональные стадии, они не могут быть одинаковыми". мы можем быть почти уверены, что они произошли от одной и той же родительской формы и, следовательно, тесно связаны". (194)

(194) О каменных формах, придаваемых ранним бронзовым топорам и т.д., см. Нильсон, "Первобытные жители Скандинавии", Лондон, 1868, Введение Лаббока, стр. 31; а о табличках см. "Доисторический человек" Лаббока, глава. ii; also Cartailhac, Les Ages Prehistoriques de l'Espagne et du Portugal, p. 227. Также Келлер, "Жилища на озере"; также Тройон, "Жилища на озерах"; также Бойд Докинз, "Ранний человек в Великобритании", стр. 191; также Лаббок, стр. 6; также Лайелл, "Древность человека", глава ii. О краногах, и др., обитающих на севере Европы, см. Манро, Древние шотландские жилища на озере, Эдинбург, 1882. О курганах и более крупных каменных сооружениях на крайнем юге Европы см. Цитированную выше работу Картайяка об Испании и Португалии, часть iii, глава iii. Источник утверждения мистера Саутхолла см. в книге Бругша "Египет Фараонов". Что касается двух сторон вопроса о том, существует ли на низших ступенях дикости действительно ли какое-либо признание высшей силы или чего-либо, что может быть названо религией в любом общепринятом смысле, сравните Катрефажа с Лаббоком в уже цитированных работах. О поразительной, но довольно капиталистической попытке показать, что у самых низших австралийских племен есть моральные и религиозные чувства, см. Одно из выступлений архиепископа Вона о науке и религии, Балтимор, 1879. Для получения одного из множества поразительных и поучительных сходств в древних каменных орудиях и тех, которые сейчас используются различными дикими племенами, смотрите сравнение между древними скандинавскими наконечниками для стрел и теми, которые недавно были привезены с Огненной Земли, у Нильсона, как указано выше, особенно на табличке V. Краткое и замечательное изложение аргументов обеих сторон, смотрите в статье сэра Дж. Лаббока в Данди, приведенной в приложении к американскому изданию его книги "Происхождение цивилизации" и др. Для общего аргумента, на который ссылаются Уэтли и герцог Аргайл с одной стороны, и Лаббок с другой, см. цитированную выше статью Лаббока в Данди; Тайлор, Ранняя история человечества, особенно стр. 193; и герцог Аргайл, Первобытный человек, часть iv. О трудностях дикарей в арифметике см. Лаббока, как указано выше, стр. 459 и далее. Для получения очень умеренного и судебного взгляда на весь вопрос см. Тайлора, как указано выше, главы. vii и xiii. Краткое изложение научной позиции относительно застоя и деградации рас, приводящее к утверждению, что такое деградация "никоим образом не противоречит теории о том, что сама цивилизация развивается от низких стадий к высоким", см. Тайлор, Антропология, глава i. Яркие примеры свидетельств языка о восходящем прогрессе,

см. Тайлор, глава xii.

ГЛАВА X. "ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА" И ИСТОРИЯ.

История искусства, особенно в том виде, в каком она представлена архитектурой в благороднейших памятниках самых просвещенных народов древности, дает множество доказательств стремления человека к возвышению с самого грубого и простого начала. Многие колонны раннеегипетских храмов или гробниц представляют собой всего лишь связки нильского тростника, слегка выполненные в камне; храмы Греции, включая не только самые ранние формы, но и сам Парфенон, хотя местами демонстрируя эволюцию египетской и ассирийской архитектуры, часто напоминают и даже имитируют более ранние постройки из дерева; средневековые соборы, хотя и произошли от римских и византийских сооружений, постоянно демонстрируют безошибочные пережитки доисторической постройки. (195)

(195) Что касается эволюции архитектуры, и особенно греческих форм и орнаментов египетских и ассирийских, с пережитками в каменной архитектуре форм, полученных в Египте, когда использовался тростник, и в Греции, когда преобладало деревянное строительство, см. Справочник Фергюссона по архитектуре, том i, стр. 100, 228, 233 и в других местах; также Отфрид Мюллер, Древнее искусство и его остатки, английский перевод, Лондон, 1852, стр. 219, *passim*. Очень краткое, но подробное изложение смотрите в статье А. Маньяра в "Трудах Американского восточного общества", октябрь 1889 г., озаглавленной "Воспоминания о Египте в дорической архитектуре". По общему вопросу см. Хоммель, "Вавилонянин", гл. i, и Мейер, "Альтертум", i, С. 199.

Таким же образом появилась всеобщая история, иллюстрирующая отличие неизвестного от известного: развитие человека в доисторический период от его развития в исторические времена. Нет ничего более очевидного из истории, чем тот факт, что более слабые группы людей, вытесненные более сильными, не обязательно возвращаются к варварству, но часто поднимаются, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, до цивилизации, равной или превосходящей ту, из которой они были изгнаны. Из очень многих примеров, демонстрирующих этот закон восходящего развития, несколько можно считать типичными. Славяне, которые так низко пали под давлением более сильных рас, что дали современному миру новое слово для обозначения самого безнадёжного рабства, развили могущественные цивилизации, присущие только им самим; варварские племена, которые много веков назад нашли убежище среди песчаных отмелей и трясин Голландии, создали один из ведущих центров цивилизации в мире; несчастные крестьяне, которые примерно в пятом веке нашли убежище от вторгшихся орд

среди лагун и илистых берегов Венеции, развили силу в искусстве, оружии и политике, которая является одним из чудес человеческой истории; пуритане, изгнанные из отношения цивилизации Великобритании к неблагоприятному климату, почве и обстоятельствам ранней Новой Англии, - гугеноты, изгнанные из Франции, страны, превосходно приспособленной для наивысшего развития цивилизации, в различные страны, гораздо менее приспособленные для такого роста, — ирландское крестьянство, в огромном количестве изгнанное со своего острова в другие части света, в целом менее приспособленные для них, — все это доказательства того, что, как правило, группы людей, некогда просвещенных, будучи загнанными в неблагоприятный климат и оказавшихся в самых удручающих обстоятельствах, не только сохраняют то, что у них есть, но и продолжают увеличивать его. Помимо этого, у нас есть такие случаи, как случаи с преступниками, сосланными в различные исправительные колонии, у потомков которых развилась более высокая мораль; и с пиратами, подобными тем, что были на "Баунти", чьи потомки на отдаленном тихоокеанском острове стали трезвыми, уравновешенными гражданами. Тысячи примеров показывают преобладание того же правила — что люди в массах не забывают основных завоеваний своей цивилизации и что, несмотря на упадок, их тенденция идет вверх.

Другой класс исторических фактов также самым поразительным образом свидетельствует об этой же восходящей тенденции: упадок и разрушение различных цивилизаций, блестящих, но безнадежно испорченных. Эти катастрофы все больше и больше рассматриваются как всего лишь шаги в этом развитии. Распад великих древних цивилизаций, основанных на деспотизме, будь то деспотизм монарха, священника или толпы — например, упадок римской цивилизации, который, как показал Гизо в своем самом замечательном обобщении, был необходим для развития более богатой цивилизации современной Европы; ужасная борьба и поражение Крестовых походов, которые когда-то казались простой катастрофой, но теперь, как видно, привели с падением феодализма к началу централизующего, цивилизующего монархического периода; французская революция, когда-то ставшая великой цивилизацией. считавшийся простой вспышкой дьявольской страсти, но теперь рассматриваемый как неоправданно затянувшийся переход от монархической к конституционной эпохе: все показывает, что даже повсеместное ухудшение и упадок - часто, действительно, величайшие политические и моральные катастрофы - не только не приводят к падению человечества, но в долгосрочной перспективе имеют тенденцию поднимать его на более высокие уровни.

Таким образом, антропология и ее служанки, этнология, филология и история, без сомнения, получили доказательства восходящей эволюции человечества с момента появления человека на нашей планете.

Эти исследования не ограничивались улучшением материального положения человека. Были обнаружены гораздо более важные свидетельства восходящей эволюции в его семейных, социальных, моральных, интеллектуальных и религиозных отношениях. Свет, пролитый на эту тему такими людьми, как Лаббок, Тайлор, Герберт Спенсер, Бакл, Дрейпер, Макс Мюллер и множеством других, несмотря на ошибки, запинки, спотыкания и случайное следование обманчивым путям, является одним из величайших достижений завершающегося века. От всех этих исследователей в их различных областях, не придерживающихся ни одной священной или светской системы, но ищущих истину как истину, исходит одно и то же общее свидетельство эволюции высшего из низшего. Процесс действительно был медленным и болезненным, но это

не доказывает, что он не может стать более быстрым и менее плодотворным в горе по мере развития человечества.(196)

(196) Что касается положительных последствий миграции, см. Waitz, "Введение в антропологию", Лондон, 1863, стр. 345.

Таким образом, хотя нельзя отрицать, что можно найти множество примеров регресса, единодушный голос непредвзятых исследователей во всех странах все чаще заявляет, что начало нашей расы, должно быть, было низким и жестоким, и что тенденция была восходящей. Опровергнуть этот вывод примерами упадка здесь и там стало невозможно: с таким же успехом можно попытаться доказать, что, поскольку в Миссисипи есть водовороты, в которых течения текут на север, основной поток не течет на юг; или что, поскольку деревья гниют и падают, не существует закона восходящего роста от зародыша к стволу, ветвям, листве и плодам.

Очень ярким доказательством того, что теологическая теория стала несостоятельной, стало то, что ее главный сторонник в научной области Фон Марциус в полном расцвете сил публично заявил о своем переходе к научным взглядам.

И все же, хотя тенденция развития просвещенной человеческой мысли в последнее время безошибочна, борьба против старых взглядов еще не закончена. Ожесточение аббата Хамара во Франции достигло аналогичных и даже больших пределов среди различных протестантских организаций Европы и Америки. Простая истина истории делает необходимым, каким бы неприятным это ни было, привести два типичных примера в Соединенных Штатах.

В 1875 году лидер американского промышленного предпринимательства основал в столице Южного штата университет, носивший его имя. Он был передан в руки одной из самых могущественных религиозных сект в этом регионе, и епископ этой секты стал ее президентом. На кафедру геологии был приглашен Александр Уинчелл, ученый, который уже снискал известность как преподаватель и писатель в этой области, профессор, которого очень любили и уважали в двух университетах, с которыми он был связан, и член секты, которую представляло вышеупомянутое учебное заведение.

Но его отношениям с этим южным учреждением было суждено быть недолгими. То, что его лекции в Университете Вандербильта были учеными, привлекательными и стимулирующими, были вынуждены признать даже его враги; но вскоре выяснилось, что он верит в то, что люди существовали раньше, чем период, обозначенный как Адам, и даже в то, что не вся человеческая раса произошла от Адама. Его желанием было примирить науку и Священное Писание, и теперь к нему обращался епископ методистской епископии в Теннесси точно так же, как за два столетия до этого к Ла Пейреру обращался за аналогичными усилиями генеральный викарий римско-католической церкви в Бельгии. Публикация серии статей на эту тему, предоставленных профессором в северную религиозную газету по ее собственной просьбе, довела дело до кульминации; поскольку статьи попали в поле зрения ведущего юго-западного органа конфессии, контролирующего Университет Вандербильта, результатом стало самое ожесточенное осуждение профессора. Уинчелл и его взгляды. Вскоре после этого епископ Мактиер сказал профессору, что "наш народ придерживается мнения, что такие взгляды противоречат плану искупления", и епископ попросил профессора тихо покинуть свою кафедру. На это профессор дал подобающий ответ: "Если у попечительского совета хватит мужества

уволить меня по уважительной причине и объявить причину, я предпочитаю, чтобы они это сделали. Никакая сила на земле не смогла бы убедить меня уйти в отставку".

"Мы не собираемся, - сказал епископ с совершенно беспричинным намеком, - обращаться с вами так, как инквизиция обращалась с Галилеем".

"Но то, что вы предлагаете, - это одно и то же", - возразил доктор Уинчелл. "Это церковный запрет на мнение, которое должно быть подтверждено научными доказательствами".

Двадцать четыре часа спустя доктору Уинчеллу сообщили, что его кафедра упразднена, а его обязанности вместе с зарплатой переданы коллеге; общественности дали понять, что причины были чисто экономическими; изгнанного ученого засыпали официальными комплиментами, очевидно, в надежде, что он будет хранить молчание.

Доктор Уинчелл придерживался иной точки зрения. В откровенном письме в ведущий журнал университетского городка он изложил суть дела. Пресса страны, религиозная и светская, ненавидящая нетерпимость, не унималась. Напрасно руководство университета ждало, когда утихнет буря. Наконец стало очевидно, что необходимо выступить в защиту, и местный орган секты, который под редакцией коллеги-профессора всегда трактовал взгляды доктора Уинчелла с поразительной неточностью, которая обычно характеризует представления профессора об учениях соперника, взял на себя эту задачу. В последующих статьях обычные научные гипотезы относительно сотворения мира были объявлены "абсурдными", "расплывчатыми и невразумительными", "нелепыми и необоснованными". Этот новый защитник заявил, что "возражения, основанные на ископаемых слоях и тому подобном, удовлетворяются ссылкой на аналогию с Адамом и Евой, которые представили феномены взрослых людей, когда им было всего день от роду, и Ноевым потопом и другими катаклизмами, которых, при постоянном изменении Природы, достаточно для объяснения рассматриваемых феноменов"!

Вдохновленная подобным образом Конференция религиозного органа, контролирующего университет, в Теннесси уже в октябре 1878 года высказала свое мнение о неосвященной науке следующим образом: "Это эпоха, в которую научный атеизм, сбросив с себя одеяния, которые больше всего украшают и облагораживают человечество, разгуливает за границей в бесстыдном обнажении. Высокомерные и дерзкие притязания этой "ложно так называемой науки" были настолько шумными и настойчивыми, что бездумная масса была прискорбно введена в заблуждение; но только у нашего университета хватило смелости положить свою молодую, но энергичную руку на гриву необузданных Спекуляций и сказать: "Мы больше этого не потерпим". Утешительно знать, как был достигнут результат, которого такискренне добивались; ибо в "оде", воспетой при закладке краеугольного камня нового теологического здания того же университета. в мае 1880 года мы читаем:

"Наука и Откровение проявляются здесь в совершенной гармонии, направляя юные стопы по дороге Через благодать и Природу к Богу".

Также приятно сознавать, что, хотя учреждение, называющее себя университетом, таким образом нарушило фундаментальные принципы, на которых должно основываться любое учреждение, достойное этого названия, другое учреждение, имеющее славу первого на всем Севере, создавшего нечто вроде университетской организации, — Государственный университет штата Мичиган — сразу же отозвало доктора Уинчелла на его прежнюю профессорскую должность и оказало себе честь, сохранив его на этой должности, где он

впоследствии мог беспрепятственно излагать свои взгляды среди самой многочисленной группы студентов на Американском континенте.

Какой бы позорной ни была эта история для людей, изгнавших доктора Уинчелла, они, однако, преуспели, как и другие подобные группы людей, прилагавшие аналогичные усилия, в продвижении своей предполагаемой жертвы к более высокому положению и более властному влиянию.(197)

(197) Первоначальные утверждения доктора Уинчелла см. в "Адамитах и доадамитах", Сиракузы, Нью-Йорк, 1878. О первом важном разоблачении его взглядов читайте в "Христианском адвокате Сент-Луиса" от 22 мая 1878 года. Беседу с епископом Мактиером смотрите в собственном отчете доктора Уинчелла в "Нэшвилл Америкэн" от 19 июля 1878 года. О дальнейшем ходе атаки в конфессиональном органе угнетателей доктора Уинчелла читайте в "Нэшвиллском христианском адвокате", 26 апреля 1879 г. С ораторской декларацией Конференции в Теннесси по этому вопросу можно ознакомиться в "Нэшвилл Америкэн" от 15 октября 1878 г.; а с "одой" о "гармонии науки и откровения", поддерживаемой в университете, можно ознакомиться в том же журнале за 2 мая 1880 г.

Через несколько лет после этого подавления искренней христианской мысли в учебном заведении в западной части наших Южных Штатов аналогичные попытки были предприняты в различных прибрежных штатах Юга.

Еще в 1857 году Пресвитерианский синод Миссисипи принял следующую резолюцию:

ПРИНИМАЯ во ВНИМАНИЕ, что мы живем в эпоху, когда самые коварные атаки совершаются на богооткровенную религию через естественные науки, и поскольку Церкви всегда подобает иметь людей, способных защитить веру, однажды переданную святым;

"РЕШЕНО, что эта пресвитерия рекомендует назначить профессора естественных наук, связанных с богооткровенной религией, в одной или нескольких наших теологических семинариях".

В соответствии с этим постановлением такая кафедра была учреждена в теологической семинарии в Колумбии, Южная Каролина, и Джеймс Вудроу был назначен профессором. Доктор Вудроу, по—видимому, превосходно подходил для этой должности - преданный христианин, принимающий пресвитерианские стандарты веры, в которых он был воспитан, и в то же время прилагающий все усилия, чтобы ознакомиться с методами и выводами науки. К великим природным дарованиям он добавил постоянные труды, направленные на постижение истины в этой области. Посетив Европу, он познакомился со многими выдающимися научными исследователями, стал студентом университетских лекционных залов и лабораторий, заинтересованным слушателем научных конференций и корреспондентом ведущих ученых в стране и за рубежом. В результате он пришел к выводу, что гипотеза эволюции - единственная, которая объясняет различные ведущие факты в естествознании. Этому он учил, и он также учил,

что такая точка зрения не является несовместимой с истинным взглядом на священные Писания.

В 1882 и 1883 годах совет директоров теологической семинарии, опасаясь, что "скептицизм в мире использует предполагаемые научные открытия для оспаривания Слова Божьего", обратился к профессору. Вудроу изложил свои взгляды на эволюцию. Профессор выполнил эту просьбу в очень мощном обращении, которое было опубликовано и широко распространено, с таким эффектом, что вскоре после этого совет директоров принял резолюции, объявляющие теорию эволюции такой, какой ее определил профессор. Вудроу не противоречит совершенной основательности в вере.

В 1884 году тревога по поводу учения доктора Вудроу стала проявляться в больших масштабах, и в Синод Южной Каролины был представлен отчет меньшинства, в котором говорилось, что "синод призван решать не вопрос о том, противоречат ли указанные взгляды доктора Вудроу Библии в ее высшем и абсолютном смысле, а вопрос о том, противоречат ли они толкованию Библии пресвитерианской церковью в Соединенных Штатах".

Возможно, более самоосуждающего заявления никогда не было представлено, поскольку в нем четко признавалось в качестве основы для нетерпимости, по крайней мере, возможное различие между "толкованием Библии пресвитерианской церковью" и учением "Библии в ее высшем и абсолютном смысле".

Это враждебное движение стало настолько сильным, что, несмотря на благоприятные действия директоров семинарии и вопреки усилиям широко мыслящего меньшинства в представительных органах, несущих окончательную ответственность за учебное заведение, делегаты различных синодов подняли бурю ортодоксальности и выгнали доктора Вудроу со своего поста. К счастью, в то же время он был профессором Университета Южной Каролины в том же городе Колумбия, и со своей кафедры в этом учебном заведении он продолжал преподавать естественные науки с одобрения подавляющего большинства мыслящих людей в этом регионе; следовательно, единственным результатом попытки сокрушить его было то, что его положение стало выше, уважение к нему глубже, а репутация шире.

Несмотря на попытки наиболее ортодоксальных не допустить студентов духовной семинарии к посещению его лекций в университете, они продолжали слушать его; более того, репутация ереси, казалось, усиливала его влияние.

Следует иметь в виду, что профессор, с которым обошлись таким образом, был одним из самых уважаемых и любимых университетских преподавателей Юга на протяжении более четверти века, и что его выгнали со своего поста без возможности тщательной защиты и, более того, даже без формальности судебного разбирательства. Хорошо сделал выдающийся, но вдумчивый священник Южной Пресвитерианской Церкви, заявивший, что "метод процедуры, направленный на уничтожение эволюции большинством в Церкви, порочен и самоубийствен", и что "логический динамит был использован для тушения предполагаемого пожара на верхних этажах нашего дома, и при этом всея семьи в доме". Также мудро он назвал большинство "сеющим на полях Церкви шипы ее ошибок и загромождающим ее путь обломками и разрухой ее собственной глупости".

К этим недавним случаям можно добавить высылку профессора. Тоя от преподавания под церковным контролем в Луисвилле и его избрание на гораздо более влиятельную кафедру в

Гарвардском университете; изгнание из Американского колледжа в Бейруте молодых профессоров, которые считали эволюцию вероятной, и возвышение одного из них, мистера Нимра, до гораздо более командного положения, чем то, которое он оставил, — контроля над тремя ведущими журналами в Каире; изгнание Робертсона Смита с его должности в Эдинбурге и его назначение на гораздо более важную и влиятельную профессорскую должность в английском Кембриджском университете; и множество подобных случаев. С тех пор, как Генри Данстер, первый президент Гарвардского колледжа, был отстранен от должности, как сказал Коттон Мазер, за то, что "попал в колючие заросли антипедобаптизма", и по сей день во всех подобных попытках проявляется тот же дух. В каждом из них мы, как правило, имеем, с одной стороны, группу пожилых богословов, которые с юности ничему не научились и ничего не забыли, разных профессоров, которые не желают переписывать свои лекции, и массу бездумных церковных деятелей, не имеющих большого значения, за исключением того, что составляют ретроградное большинство в церковном суде; с другой стороны, мы, как правило, имеем думающих, непредубежденных, преданных людей, которые слушали откровения своего времени, а также времен прошлых, и которые, очевидно, думают о будущем мира.

Здесь мы имеем дело с пережитками того самого подавления мысли теологией, которое так дорого обошлось современному миру; системы, которая вынудила множество профессоров под страхом лишения свободы учить, что солнце и планеты вращаются вокруг земли; что кометы - это огненные шары, которые разгневанный Бог бросает в порочный мир; что безумие - это одержимость дьяволом; что анатомическое исследование человеческого тела - грех против Святого Духа; что химия ведет к колдовству; что получение процентов за деньги запрещено Священным Писанием; что геология должна соответствовать древнееврейской поэзии. Из того же источника в Австрии появилось правило "Клятвы непорочности", согласно которому университетские профессора задолго до того, как догма о Непорочном зачатии была определена Церковью, были обязаны поклясться в своей вере в эту догму, прежде чем им разрешили преподавать даже арифметику или геометрию; в Англии - осуждение прививки от оспы; в Шотландии - протесты против использования хлороформа при родах как "ослабляющего основное проклятие женщины"; во Франции - использование в духовных школах учебника истории, из которого был исключен Наполеон; и, наконец, в Америке использование католических руководств, в которых инквизиция объявляется чисто гражданским судом, или протестантских руководств, в которых показаны пуритане, было всем, чего мы могли бы сейчас пожелать.

Точно так же, среди множества подобных попыток за границей, на протяжении веков мы имеем дело с заковыванием профессоров английских и шотландских университетов в кандалы тестовыми клятвами, подписками на статьи и бесчисленными катехизисами. В нашей собственной стране в огромном множестве деноминационных колледжей в качестве первой квалификации для получения профессорского звания у нас были не способности в преподаваемом предмете, а верность конкретным принципам деноминации, управляющей колледжем или университетом.

К счастью, в наши дни такие попытки обычно заканчиваются неудачей. Предполагаемая жертва обычно становится заметным человеком в результате преследования и продвигается в более высокую и широкую сферу полезности. Противостоя шаг научной истины, любая Конференция, Синод, Советуполномоченных, Попечительский совет или факультет подобны гнезду полевых мышей на пути парового плуга.

Вред, наносимый религии этими попытками, намного больше, чем вред, наносимый науке; из-за этого широко распространяются подозрения, особенно среди непредубежденных молодых людей, что принятая христианская система требует сокрытия истины с преследованием честных исследователей и, следовательно, должна быть ложной. Президент Маккош из Принстона хорошо сказал по существу, что нельзя придумать более надежного способа сделать молодых людей неверующими в христианство, чем проповедовать им, что доктрины, к которым пришли великие научные мыслители того периода, противоположны религии.

Однако здесь будет справедливым сказать, что из этой прошлой истории угнетения все больше и больше развивается лучший дух, который с силой проявляется в ведущих религиозных организациях мира. В Римской церкви мы имеем сегодня такие высказывания, как высказывания святого Георгия Майварта, заявляющего, что Церковь не должна пытаться вмешиваться в науку; что Всемогущий в случае Галилея дал ей четкое предупреждение о том, что священство науки должно оставаться с людьми науки. В англиканской церкви и ее американской дочери мы имеем дела и высказывания таких людей, как архиепископ Тейт, епископ Темпл, настоятель Стенли, настоятель Фаррар и многих других, доказывающих, что глубочайшая религиозная мысль все больше стремится к миру, а не к войне с наукой; и в других церквях, особенно в Америке, хотя многое еще остается желанным, радушный прием, оказанный во многих из них Александру Уинчеллу, и свобода, предоставленная взглядам, подобным его, служат хорошим предзнаменованием для улучшения положения вещей в будущем.

Наука антропология, если ее правильно рассматривать в целом, оказала величайшую помощь тем, кто работает над продвижением религии, а не какой-либо конкретной теологической системы; ибо антропология и вспомогательные науки все больше и больше показывают, что человек с момента своего появления на земле поднялся от периода, когда у него было мало, если вообще было, представления о великой силе над ним, через последовательные стадии фетишизма, шаманизма и идолопоклонства, к лучшим формам веры, делающим его все более доступным для более благородных форм религии. Те же науки показывают также, что в исторический период наблюдается та же тенденция, и особенно в событиях, описанных в наших священных книгах, прогресс от фетишизма, о котором так много свидетельств в раннем еврейском богослужении, как показано в Священных Писаниях Ветхого Завета, через политеизм, когда Иегова был всего лишь "богом превыше всех богов", через период, когда он был "ревнивым Богом", капризным и жестоким, пока он не раскрывается в таких вдохновенных высказываниях, как благородные Псалмы, великие отрывки из книги Исая, возвышенная проповедь Михея и другие. , прежде всего, через идеал, данный миру Иисусом из Назарета.

Действительно, выдающийся священнослужитель Англиканской церкви в наше время призвал христиан радоваться этой эволюции, "между Богом Самуила, который приказывал убивать младенцев, и Богом Псалмопевца, чье нежное милосердие распространяется на все его дела; между Богом Патриархов, который всегда каялся, и Богом Апостолов, который вчера, сегодня и вовеки тот же, с которым нет ни малейшей перемены, ни тени переменчивости, между Богом Ветхого Завета, который гулял в саду в прохладе ночи". день и Бог Нового Завета, которого никто не видел и не может увидеть; между Богом Книги Левит, который так заботился о жертвенном убранстве и утвари, и Богом Деяний, который обитает не в рукотворных храмах; между Богом, который ожесточил сердце фараона, и Богом, Который хочет, чтобы все люди были спасены;

между Богом Исхода, который милостив только к тем, кто любит его, и Богом Христа - Небесным Отцом, — который добр к неблагодарным и злым ".

Какими бы ошеломляющими ни были факты, которые антропология, История и родственные им науки могут в интересах простой истины опровергнуть теологическую доктрину "Грехопадения"; как бы полностью они ни сводили на нет различные догмы, катехизисы, символы веры, исповедания, "планы спасения" и "схемы искупления", выработанные великими умами теологического периода: наука, столь далекая от того, чтобы вторгаться в религию или даже в наше христианское ее развитие, укрепит все, что в ней существенно, указывая человеку новые и более благородные пути. самые высокие устремления человека. Ибо один великий, законный, научный вывод антропологии состоит в том, что все более и более совершенная цивилизация мира, несмотря на все пережитки дикости и варварства, развивает мужчин и женщин, для которых провозглашения более благородных Псалмов, Исаяи, Михея, Нагорной проповеди, первой великой заповеди и второй, сходной с ней, похвалы милосердию Святого Павла и определение Святого Иакова "чистой и непорочной религии", могут иметь более сильное влияние для более эффективного и более быстрого возвышения нашего духа. раса.(198)

(198) Резолюцию Пресвитерианского синода Миссисипи в 1857 году см. у проф. Дж. Речь Вудроу перед Синодом Южной Каролины, 27 и 28 октября 1884 г., стр. 6. Что касается действий Совета директоров теологической семинарии Колумбии, см. Там же. Что касается отчета меньшинства в Синоде Южной Каролины, см. Там же, стр. 24. Для содержательных предложений относительно поведения большинства в синодах по отношению к доктору Вудроу см. статью преподобного мистера Флинна в Southern Presbyterian Review за апрель 1885 г., стр. 272, и в других местах. Об ограничениях, касающихся преподавания теории Коперника и истинного учения о кометах в немецких университетах, см. В различных трудах по астрономии, особенно Мадлера. О непорочной клятве (Immaculaten-Eid), применяемой к австрийским профессорам, см. Luftkandl, Die Josephinischen Ideen. Об усилиях Церкви во Франции после реставрации Бурбонов преподавать историю этой страны, из которой следует исключить имя Наполеона, см. в знаменитой книге отца Лорике "История Франции и использование молодежи", Лион, 1820, том ii, особенно оглавление в конце. На титульном листе книги хорошо известные инициалы иезуитского девиза A. M. D. G. (Ad Majorem Dei Gloriam). Примеры Англии и Шотландии см. в различных английских историях, и особенно в главах Бакла о Шотландии. Более подробную подборку примеров, демонстрирующих подавление чего-либо подобного свободному мышлению на научные темы в американских университетах, смотрите в Инаугурационной речи автора этих глав на открытии Корнельского университета. Для цитирования относительно эволюции лучших и благородных представлений о Боге см. Церковь и вероучение: проповеди, прочитанные в часовне при приюте для подкидышей, Лондон, А. В. Момери, магистром права, доктором права, профессором логики и метафизики Королевского колледжа, Лондон, 1890. Чтобы ознакомиться с очень энергичным высказыванием другой стороны,

ознакомьтесь с
недавним обвинением епископа Глостерского.

ГЛАВА XI. ОТ "ВЛАСТЕЛИНА ВОЗДУХА" К МЕТЕОРОЛОГИИ

I. РАЗВИТИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.

Популярные верования классической древности о бурях, громе и молнии оформились в мифах, изображающих Вулкана, кующего молнии, Юпитера, швыряющего их в своих врагов, Эола, передающего ветры в мешке Энею, и тому подобное. Попытка их дальнейшего теологического развития видна в утверждении пифагорейцев о том, что молнии предназначены для устрашения проклятых в Тартаре.

Но в очень ранний период мы наблюдаем зарождение научного взгляда. В Греции ионийские философы считали, что подобные явления подчиняются закону. Платон, Аристотель и многие другие светила пытались объяснить их на естественных основаниях; и их объяснения, хотя и грубые, были основаны на наблюдениях и размышлениях. В Риме Лукреций, Сенека, Плиний и другие, какими бы неадекватными ни были их утверждения, внедрили, по крайней мере, зачатки науки. Но по мере прихода к власти христианской церкви эта эволюция была остановлена; новые лидеры мысли нашли в Священных Писаниях, признанных ими священными, основу для нового взгляда или, скорее, для модификации старого взгляда.

Это окончание научной эволюции, основанной на наблюдении и разуме, и это начало священной науки, основанной на букве Священного Писания и теологии, видны в высказываниях различных отцов ранней Церкви. Что касается общих черт этого нового явления, Тертуллиан считал, что различные отрывки Священного Писания доказывают, что молния идентична адскому огню; и эта идея передавалась из поколения в поколение более поздних церковников, которые находили особую поддержку взгляду Тертуллиана в сернистом запахе, ощущаемом во время грозы. Святой Иларий считал, что небесный свод намного ниже небес и что он был создан не только для поддержания верхних слоев воды, но и для смягчения нашей атмосферы. (199) Святой Амвросий считал, что гром вызывается ветрами, прорывающимися сквозь твердый небесный свод и процитировал у пророка Амоса возвышенный отрывок о

"Том, кто издает громы". (200) Он действительно демонстрирует некоторое представление об истинном источнике дождя; но все его рассуждения ограничены различными текстами Священного Писания. Он придает большое значение небесному своду как прочной внешней оболочке Вселенной: небеса, по его мнению, находятся недалеко от этой внешней оболочки, и рассуждает об их характере на основании Послания святого Павла к Коринфянам и сто сорок восьмого псалма. Что касается "вод, которые находятся над небесным сводом", он принимает возражение тех, кто считает, что, поскольку эта внешняя часть Вселенной сферическая, воды должны соскальзывать с нее, особенно если небесный свод вращается; и он указывает, что ни в каком случае нельзя быть уверенным в том, что ВНЕШНЯЯ сторона небесного свода сферическая, и настаивает на том, что, если он вращается, вода - это как раз то, что необходимо для смазки и охлаждения его оси.

(199) О Тертуллиане см. В Апол. contra gentes, с. 47; также Августин де Анджелис, Метеорологические лекции, стр. 64. О Хилари см. В Псалме CXXXV. (Migne, патр. лат., том ix, стр. 773).

(200) "Firmans tonitrua" (Амос, iv, 13); эта фраза не встречается в нашей версии.

Святой Иероним считал, что Бог при Сотворении Мира, распростерши твердь между небом и землей и отделив верхние воды от нижних, превратил верхние воды в лед, чтобы удержать все на месте. Доказательство этой точки зрения Джером нашел в словах Иезекииля о "кристалле, простертом над херувимами".(201)

(201) Об Амвросии см. в "Гексамероне", глава ii. глава 3,4; глава III. iii, глава 5 (Migne, патр. лат., том xiv, стр. 148-150, 153, 165). The passage as to lubrication of the heavenly axis is as follows: "Deinde cum ispi dicant volvi orbem coeli stellis ardentibus refulgentem, nonne divina providentia necessario prospexit, ut intra orbem coeli, et supra orbem redundaret aqua, quae illa ferventis axis incendia temperaret?" О Иерониме см. Его Эпистолу, lxi, глава 6 (Migne, патр. лат., vol. xxii, стр. 659).

Исходный принцип, в соответствии с которым развивались все эти теории, наиболее ясно был провозглашен миру Св. Августин в своем знаменитом высказывании: "Ничто не должно приниматься иначе, как на основании авторитета Священного Писания, поскольку этот авторитет выше всех сил человеческого разума". (202) С тех пор ни один трактат не был в безопасности, который не дышал бы духом и не соответствовал букве этой максимы. К сожалению, то, что обычно понималось под "авторитетом Священного Писания", было тиранией священных книг, неправильно расшифрованных, рассматриваемых с точки зрения искажающих суеверий и часто интерпретируемых в партийных целях.

(202) "Major est quippe Scripturae hujus auctoritas, quam omnis humani ingenii capacitas."—Augustine, De Genesi ad Lit., lib. ii, глава. 5 (Migne, патр. лат., том. xxxiv, стр. 266, 267). Или, как его цитирует

Винсент из Бове (Спец. Нац., lib. iv, 98): "Non est aliquid temere diffiniendum, sed quantum Scriptura dicit accipiendum, cujus major est auctoritas quam omnis humani ingenii capacitas."

Следуя этому наставлению св. Августин во всех областях были разработаны теологические взгляды на науку, которые никогда не приводили к единой истине - которые, без исключения, уводили человечество от истины и заставляли христианский мир на века скатываться в бездны ошибок и печали. В метеорологии, как и в любой другой науке, с которой он имел дело, Августин основывал все на букве священного текста; и характерно, что этот человек, такой великий, когда ему ничто не мешало, считал своим долгом особенно тщательно охранять всю теорию о "водах выше небес".

В шестом веке это богословское рассуждение было еще более развито, как мы видели, Космой Индикоплустом. Найдя подтверждение древнеегипетской теории мироздания в девятой главе Послания к Евреям, он настаивал на том, что земля представляет собой плоский параллелограмм и что от ее внешних краев поднимаются огромные стены, поддерживающие небесный свод; затем, соединив упоминание о небесном своде в Книге Бытия и поэтический всплеск в Псалмах о "водах, которые выше небес", он настаивал на том, что над земной вселенной находятся прочные арки, несущие свод, поддерживающий огромный резервуар, "содержащий воды"; наконец, взяв из Книги Бытия выражение об "окнах небесных", он настаивал на том, что эти окна открыты. и закрывается ангелами всякий раз, когда Всемогущий желает послать дождь на землю или приостановить его.

Это было принято Вселенской Церковью как огромный вклад в развитие мысли; в течение нескольких столетий это была ортодоксальная доктрина, и различные лидеры богословия посвятили себя ее развитию и дополнению.

Примерно в начале седьмого века Исидор, епископ Севильи, был самым способным прелатом в христианском мире и проявлял те замечательные качества, которые привели к причислению его к лику святых Церкви. Его теологический взгляд на науку знаменует целую эпоху. Что касается "вод над твердь", Исидор утверждает, что они должны быть ниже самых верхних небес, хотя и выше нижних небес, потому что в сто сорок восьмом Псалме они упоминаются ПОСЛЕ небесных тел и "неба небес", но ПЕРЕД земными элементами. Что касается их назначения, он колеблется между теми, кто считал, что они были сохранены там по предвидению Бога на случай разрушения мира во время Потопа, как, по-видимому, указывают слова Священного Писания о том, что "окна небесные были открыты", и теми, кто считал, что они хранились там, чтобы умерить жар небесных тел. Что касается небесного свода, он сомневается, окутывает ли он землю "подобно яичной скорлупе" или просто простирается над ней "подобно занавесу"; поскольку он считает, что отрывок из сто четвертого Псалма может быть использован для подтверждения любой точки зрения.

Заложив эти основы Священного Писания, Исидор демонстрирует значительную силу мысли; действительно, временами, когда он обсуждает раду, дождь, град, снег и иней, его теории рациональны и свидетельствуют о том, что, если бы он мог отказаться от своей приверженности букве Священного Писания, он мог бы дать мощный импульс развитию истинной науки.(203)

(203) О Косме см. Его "Topographia Christiana" (в Монфоконе, *Collectio nova patrum*, vol. ii), и более полное изложение его теории приведено в главе о географии в этой работе. Об Исидоре см. в "Этимологии", lib. xiii, cap. 7-9, *De ordine creaturarum*, cap. 3, 4, and *De natura rerum*, cap. 29, 30. (Migne, *Patr. Lat.*, vol. lxxxii, стр. 476, 477, об. lxxxiii, стр. 920-922, 1001-1003).

Примерно столетие спустя на другом конце Европы появился второй в тройке ученых-богословов раннего Средневековья - Беда Достопочтенный. Ядро его теории также следует искать в общепринятом взгляде на "твердь" и "воды над небесами", заимствованном из Книги Бытия. Небесный свод, по его мнению, сферический и имеет природу тонкую и огненную; верхние небеса, по его словам, на которых обитают ангелы, Бог закалил льдом, чтобы они не воспламенили нижние элементы. Что касается вод, находящихся над твердью, ниже духовных небес, но выше всех материальных созданий, он говорит: "Некоторые заявляют, что они были сохранены там для Всемирного потопа, но другие, более правильные, что они предназначены для того, чтобы умерить огонь звезд". Он продолжает долгие рассуждения о различных элементах и силах в Природе и подробно останавливается на воздухе, о котором он говорит, что верхний, безмятежный воздух находится над небесами; в то время как нижний, грубый, с влажными испарениями, исходит от земли, и что в нем заключаются молнии, град, снег, лед и бури, находя подтверждение этому в сто сорок восьмом Псалме, где им повелевается "славить Господа с земли". (204)

(204) См. Беду, "О повторной природе" (Migne, *патр. лат.*, том xc).

Авторитет Беды был настолько велик, что почти все анонимные рассуждения последующих столетий на эти темы в конечном итоге были приписаны ему. В одном из этих поддельных трактатов предпринята попытка пролить новый свет на источники вод над небесами, при этом основным источником является простыня, на которой изображены животные, спущенные с небес в видении святого Петра. Другой из этих трактатов еще более любопытен, поскольку в нем предпринимается попытка объяснить землетрясения и приливы с помощью левиафана, упомянутого в Священном Писании. Этот характерный отрывок звучит следующим образом: "Некоторые говорят, что на земле обитает животное левиафан, и что он держит свой хвост по-своему, так что иногда он опалается солнцем, после чего он пытается ухватиться за солнце, и поэтому земля сотрясается от движения его негодования; кроме того, временами он вбирает в себя такие огромные массы волн, что, когда он изрыгает их, все моря ощущают их воздействие". И эта теологическая теория о приливах и отливах, вызванных попеременным всасыванием и отрыжкой левиафана, распространилась повсюду. (205)

(205) См. трактат О конституции мира в опере Беды (Migne, *Патр. лат.*, т. xc, стр. 884).

В трудах, таким образом, прикрытых именем Беды, многое свидетельствует о научном духе, который мог бы приобрести непреходящую ценность, если бы ему не препятствовала предполагаемая необходимость соответствия букве Священного Писания. Столь же поразительно, сколь и освежающе слышать, как один из этих средневековых теоретиков

следующим образом выступает против тех, кто довольствуется объяснением всего силой Бога: "Что может быть более прискорбным, чем сказать, что вещь СУЩЕСТВУЕТ, потому что Бог способен это сделать, и не показать никакой причины, почему это так, или какой-либо цели, для которой это так; точно так же, как если бы Бог сделал все, что он способен сделать! Ты рассуждаешь как человек, утверждающий, что Бог способен сотворить теленка из бревна. Но делал ли он это когда-нибудь? Тогда либо покажите причину, по которой вещь такова, или цель, почему она такова, либо перестаньте заявлять об этом".(206)

(206) Об этом замечании см. "Элемент философии" в опере Беды (Migne, патр. лат., том хс, стр. 1139). Этот трактат, который также был напечатан под названием "Мир философии" среди работ Гонория Отенского, как полагают современные ученые (Оро, Вернер, Пул), является произведением Вильгельма Конхского.

Самым постоянным вкладом Беды в научную мысль в этой области было возрождение им представления о том, что небесный свод сделан из льда; и он подкрепил это словами из двадцать шестой главы книги Иова: "Он заключает воды в свое густое облако, и облако не разрывается под ними".

Примерно в начале девятого века появился третий в том триумvirате церковников, которые были оракулами священной науки на протяжении раннего средневековья, — Рабанус Маурус, аббат Фульды и архиепископ Майнца. Начиная, как и все его предшественники, с первой главы Книги Бытия, кое-где заимствуя у древних философов и исключая все, что могло противоречить букве Священного Писания, он следует в своей работе о вселенной двум своим предшественникам, Исидору и Беде, особенно развивая теорию святого Иеронима, почерпнутую из книги Иезекииля, о том, что небесный свод достаточно прочен, чтобы удерживать "воды выше небес", потому что он сделан из льда.

На протяжении веков авторитет этих трех великих учителей не подвергался сомнению, и в бесчисленных руководствах и катехизисах их учение переводилось и разъяснялось для обычного сознания. Но примерно во второй четверти двенадцатого века священник Гонорий Отенский написал несколько трактатов, которые показывают, что мысль по этому вопросу достигла некоторого небольшого прогресса. Он объяснил дождь рационально и в основном в современной манере; с громом он менее успешен, но настаивает на том, что молния "не каменная, как некоторые утверждают". Его мышление энергично и независимо. Если бы таких теоретиков, как он, было много, новая наука могла бы быстро развиваться, но теологическое течение было слишком сильным. (207)

(207) О Rabanus Maurus читайте в Комментарий. in Genesim and De Universo (Migne, Patr. Lat., vol. cvii, cxi). Для получения очаровательно наивного примера упомянутых букврей см. Небольшое англосаксонское руководство по астрономии, иногда приписываемое Элфри; оно написано на местном языке, но переведено в популярных трактатах Райта о науке средневековья . Беда, конечно, является его главным источником. О Гонории см. De imagine mundi и Hexaemeron (Migne, патр. лат., vol. clxxii). Однако, по мнению

современных ученых, De philosophia mundi, наиболее рациональная из всех, несправедливо приписывается ему. Смотрите примечание выше.

Сила этого течения, охватившего мысль Гонория, снова проявляется в трудах монаха-доминиканца Иоанна из Сан-Джеминиано, который в тринадцатом веке изложил свою "Сумму примеров" для использования проповедниками в своем ордене. Из тысячи страниц более двухсотен посвящены иллюстрациям, взятым с небес и стихий. Характерным примером является его объяснение фразы псалмопевца "Стрелы грома". Они, по его словам, выкованы из сухого пара, поднимающегося от земли и разжигаемого теплом верхних слоев воздуха, который затем, соприкасаясь с облаком, только что превратившимся в дождь, "склеивается, как мука в тесто", но, будучи слишком горячим, чтобы его можно было потушить, его частицы становятся просто заостренными на нижнем конце и превращаются в пылающие стрелы, раскалывающие и сжигающие все, к чему прикасаются.(208)

(208) См. Joannes a. S. Geminiano, Summa, с. 75.

Но гораздо более важным в XIII веке был тот факт, что самый выдающийся научный авторитет того времени Альберт Великий, епископ Ратисбонский, попытался примирить рассуждения Аристотеля с богословскими взглядами, унаследованными от отцов церкви. В одном очень важном отношении он усовершенствовал метеорологические взгляды своего великого учителя. Удар молнии, по его словам, - это не просто огонь, но продукт черных облаков, содержащих много грязи, которая, нагреваясь от сильного жара, образует огненно-черный или красный камень, который падает с неба, разрывая балки и сокрушая стены на своем пути: это он видел своими глазами.(209)

(209) См. Albertus Magnus, II Сент., Соч., т. xv, стр. 137, а. (цитируется Хеллером, Gesch. d. Physik, т. i, стр. 184) и его Liber Methauroorum, III, iv, 18 (из которого я использовал издание Венеции, 1488).

Монахи-энциклопедисты позднего средневековья мало что добавили к этим теориям. Просматривая страницы Винсента из Бове, монаха Варфоломея и Вильгельма Коншского, мы отмечаем лишь растущее уважение к авторитету Аристотеля как дополняющего авторитет Исидора и Беда и объясняющего священное Писание. К Аристотелю относятся как к отцу Церкви, но проявляют крайнюю осторожность, чтобы не выходить за рамки великой максимы св. Августина; затем, мало-помалу, Беда и Исидор отходят на задний план, Аристотель заполняет весь горизонт, и его высказывания уступают по святости только тексту Священного Писания.

Любопытную иллюстрацию трудностей, с которыми пришлось столкнуться этим средневековым ученым, пытаясь согласовать научные теории Аристотеля с буквой Библии, можно увидеть на примере радуги. К чести Аристотеля, его выводы относительно радуги, хотя и несколько ошибочные, были основаны на тщательном наблюдении и развивались исключительно путем рассуждений; но его христианские комментаторы, хотя и стремились следовать за ним, должны были иметь в виду утверждение Священного Писания о том, что Бог создал радугу как знак Ною, что на земле больше никогда не будет Потопа. Даже такой смелый мыслитель, как кардинал

д'Айи, чьи рассуждения о географии земли впоследствии так сильно подтолкнули Колумба, колебался перед этим утверждением, признав, что только Бог может объяснить это; но предположил, что, возможно, никогда до Потопа облако не занимало такого положения по отношению к солнцу, чтобы образовалась радуга.

Ученый кардинал также был вынужден поверить, что определенные звезды и созвездия имеют какое-то отношение к возникновению дождя, поскольку они лучше всего объясняют предвидение Ноем Всемирного потопа. В связи с этим библейским учением о ветрах возникло библейское учение о землетрясениях: считалось, что они вызываются ветрами, исходящими от земли, и эта точка зрения была основана на отрывке из сто тридцать пятого псалма: "Он выводит ветер из своих сокровищниц".(210)

(210) Что касается Д'Айи, см. его "Concordia astronomicae veritatis cum" theologia (Париж, 1483 — в "Imago mundi" — и Венеция, 1490); также комментарий Эка к "Метеорологике" Аристотеля (Аусбург, 1519), lib. ii, примечание 2; также Райш, "Философская Маргарита", lib. ix, с. 18.

Таковы были основные типичные попытки на протяжении почти четырнадцати столетий создать под богословским руководством и в рамках ограничений Священных Писаний священную науку метеорологию. Но эти теории развивались главным образом в попытке установить основу и общую теорию явлений: все еще оставалось объяснить особые проявления, и здесь произошло двоякое развитие теологической мысли.

С одной стороны, эти явления приписывались Всемогущему, а с другой - сатане. Что касается первой из этих теорий, мы постоянно находим Божественный гнев, упоминаемый более ранними отцами церкви как причину молний, града, ураганов и тому подобного.

На заре христианства мы наблюдаем любопытную борьбу между языческими и христианскими верованиями по этому вопросу. Ближе к концу второго века император Марк Аврелий, стремясь спасти империю, вступил в ожесточенную битву с квадами на территории нынешней Венгрии. В то время как исход этой великой битвы был еще под вопросом, внезапно разразилась ослепительная буря, ударившая в лицо квадам, и это дало римским войскам преимущество, позволив Марку Аврелию одержать решающую победу. Приверженцы каждой из великих религий утверждали, что эта буря была вызвана объектом их собственного обожания. Язычники настаивали на том, что Юпитер наслал бурю в ответ на их молитвы, и на колонне Антонина в Риме мы все еще можем видеть фигуру олимпийца Юпитера, метящего молнии и обрушивающего ливень с открытых небес на квади. С другой стороны, христиане настаивали на том, что буря была послана Иеговой в ответ на ИХ молитвы; и Тертуллиан, Евсевий, святой Григорий Нисский и святой Иероним были среди тех, кто настаивал на этом метеорологическом чуде; первые двое, действительно, в пылу своих аргументов в пользу его реальности позволили себе значительно выйти за рамки точной исторической правды.(211)

(211) Что касается авторитетов, языческих и христианских, см. Примечание Меривейла в его "Истории римлян при империи", глава. lxviii.

Для еще более полных цитат он ссылается на книгу Файнса Клинтон "Fasti Rom.", стр. 24.

С течением времени отцы церкви все больше и больше развивали эту точку зрения на основе различных текстов еврейских и христианских священных книг, заменяя Юпитера, мечущего свои молнии, Всемогушим, окутанным громом и посылающим свои молнии. На протяжении Средних веков это поощрялось до тех пор, пока не стало приниматься как простой трюизм, вошедший во все средневековое мышление, и получило дальнейшее развитие в попытке конкретизировать конкретные грехи, которые наказывались таким образом. Таким образом, даже рациональный флорентийский историк Виллани приписывал наводнения и пожары "слишком большой гордыне города Флоренции и неблагодарности горожан к Богу", что, "конечно, - говорит недавний историк, - означало их недостаточное внимание к религиозным церемониям".(212)

(212) См. Троллоп, "История Флоренции", том i, стр. 64.

В тринадцатом веке цистерцианский монах Цезарий из Гейстербаха популяризировал это учение в центральной Европе. Его богатая коллекция анекдотов для иллюстрации религиозных истин была любимым развлекательным чтением в монастырях на протяжении трех столетий и оказала большое влияние на мышление позднего Средневековья. В этой работе он рассказывает о нескольких примерах Божественного использования молнии как для спасения, так и для наказания. Так, он рассказывает нам, как настоятель (келлерарий) его собственного монастыря был спасен из лап грабителя ударом грома, который, в ответ на его молитву, внезапно грянул с неба и отвлек бандита от его замысла: как в саксонском театре были убиты двадцать человек, в то время как священник спасся, не потому, что он не был большим грешником, чем остальные, а потому, что молния уважал его профессию! Цезариус также рассказывает нам историю о священнике из Трева, пораженном молнией в его собственной церкви, куда он пошел, чтобы позвонить в колокол против грозы, и чьи грехи были раскрыты по ходу молнии, поскольку она сорвала с него одежду и сожрала определенные части его тела, показывая, что грехи, за которые он был наказан, были тщеславием и нецеломудрием.(213)

(213) См. Caesarius Heisterbacensis, *Dialogus miraculorum*, lib. x, c. 28-30.

Этот способ более подробного объяснения Божественного вмешательства развивается столетие за столетием, и мы обнаруживаем, что и католики, и протестанты считают причинами неприятных метеорологических явлений все, что кажется им порочным или даже неортодоксальным. Среди английских реформаторов Тиндейл цитирует в качестве аргумента такого рода тринадцатую главу Первой Книги Царств, показывая, что, когда Бог дал Израилю царя, прогремел гром и пошел дождь. Архиепископ Уитгифт, епископ Бейл и епископ Пилкингтон настаивали на той же точке зрения. Примерно в тот же период в протестантской Германии Плинингер невзлюбил новый григорианский календарь и опубликовал сборник кратких размышлений, в котором настаивал на том, что стихии дали выход Божьему гневу против него, привлекая внимание к тому факту, что жестокие штормы бушевали почти по всей Германии в течение тех самых десяти дней, которые папа отвел для исправления года, и что большие наводнения начались с первых дней исправленного года.(214)

(214) Что касается Тиндейла, см. В его Доктринальных трактатах, стр. 194, а что касается Уитгифта, см. в его работах, т. ii, стр. 477-483; Бейл, Сочинения, стр.

244, 245; и Пилкингтон, Сочинения, стр. 177, 536 (все в публикациях Parker Society). Епископ Бейл особенно цитирует Иова xxxviii, Экклезиастика xiii и Откровение viii, как подтверждающие эту теорию. For Pleninger's words, see Janssen, *Geschichte des deutschen Volkes*, vol. v, p. 350.

В начале семнадцатого века Майоли, епископ Вольторарии на юге Италии, выпустил свой огромный труд "*Dies Canicularii*", или "Собачьи дни", который более ста лет оставался любимой энциклопедией в католических странах. Трактует о громе и молнии, он сравнивает их с бомбами, направленными против нечестивых, и говорит, что удар молнии - это "выдох, сгущенный и превращенный в камень", и что "не подлежит сомнению, что из всех орудий Божьего возмездия удар молнии является главным"; что с его помощью были уничтожены Сеннахериб и его армия; что Лютер был поражен молнией в юности в качестве предостережения против отхода от католической веры; что богохульство и нарушение субботы - это грехи, за которые это наказание назначается особо, и что "это не подлежит сомнению". Он приводит в пример случай с Дафаном и Авиромом. Пятьдесят лет спустя иезуит Штенгель развил эту мысль еще дальше в четырех толстых томах "*О судах Божьих*" объемом кварто, добавив подробный график использования проповедников в проповедях на целый год. Три главы были посвящены грому, молнии и бурям. То, что автор учит действию этих дьявольских сил, само собой разумеется; но это может действовать, заявляет он, только с Божественного разрешения, а молния всегда является перстом Божиим, который редко поражает человека, кроме как за его грехи, и о природе особого греха, наказанного таким образом, можно сделать вывод по пораженным органам тела. Несколько лет спустя в протестантской Швабии пастор Георг Нубер выпустил сборник "*Проповедей о погоде*", в котором он обсуждает почти все виды стихийных бедствий — штормы, наводнения, засухи, молнии и град. Они, по его словам, исходят непосредственно от Бога за человеческие грехи, но, несомненно, с различием, поскольку есть пять грехов, за которые Бог особенно наказывает молнией и градом, а именно: нераскаянность, недоверие, пренебрежение ремонтом церквей, мошенничество при уплате десятины духовенству и притеснение подчиненных, каждый из пунктов которых он подкрепляет массой текстов из Священных Писаний. (215)

(215) О Майоли см. *Dies Can.*, I, i; о Штенгеле см. *De judiciis divinis*, vol. ii, стр. 15-61, и особенно пример *impurus et saltator sacerdos, fulmine castratus*, стр. 26, 27. О Нубере см. *Ergo Conciones meteoricae*, Ульм, 1661.

Поскольку это учение стало особенно ценным как для католиков, так и для протестантов, были выпущены сборники молитв против плохой погоды: среди них была брошюра "Духовный гром и буря", выпущенная в 1731 году протестантским ученым Штольцлином, чьи триста или четыреста страниц молитв и песен "вздохи о пользе, когда становится страшно светлее" и "крики страдания, когда надвигается град", демонстрируют удивительную приспособляемость ко всем возможным метеорологическим чрезвычайным ситуациям. Предисловие к этому тому подготовлено проф. Дилхерр, пастор великой церкви Святого Себастьяна в Нюрнберге, который, обсуждая Божественные цели штормов, добавляет к трем обычно приписываемым, а именно, Божьему желанию проявить свою силу, проявить свой гнев и привести грешников к покаянию,

четвертую, которая, по его словам, заключается в том, чтобы Бог мог показать нам, "каким грозным колоколом он однажды зазвонит на страшном суде".

Примерно в конце первой четверти восемнадцатого века мы обнаруживаем, что в Швейцарии даже выдающийся и рациональный профессор математики Шейхцер опубликовал свою "Священную физику", взяв за основу Библию, и был вынужден признать, что элементы в самом буквальном смысле выражают голос Бога. Такое же давление ощущалось и в Новой Англии. Типичными являются проповеди Инкриза Мазера о Голосе Божьем в штормовых ветрах. Он особенно подчеркивает голос Бога, обращающийся к Иову из вихря, и текст "Штормовой ветер, исполняющий его слово". Он заявляет: "Когда бывают сильные бури, к этому часто прикладывают руку ангелы ... да, а иногда и злые ангелы". Он приводит несколько случаев, когда богохульников поражала молния, и говорит: "Ничто не может быть более опасным для смертных, чем пренебрежение к ужасному провидению и, в частности, к ужасным бурям".

Его выдающийся сын, Коттон Мэзер, несколько отошел от старых взглядов, как это было при интерпретации комет. В своем "Христианском философе", в своих размышлениях о Дне дождя и в своей проповеди, произнесенной во время Последней Бури (в 1723 году), он явно тяготеет к современному взгляду. Тем не менее, время от времени старая точка зрения подтверждает себя, и во Франции, совсем недавно, в 1870 году, мы находим епископа Верденского, приписывающего засуху, поразившую его епархию, греху нарушения субботы.(216)

(216) For Stoltzlin, see his *Geistliches Donner- und Wetter-Buchlein* (Zurich, 1731). Чтобы узнать больше, см. его "Голос Божий" и др. (Бостон, 1704). Этот редкий том находится в богатой коллекции Американского общества антикваров в Вустере. Точку зрения Коттона Мазера можно найти в главе "От знамений и чудес к закону" в этой работе. О епископе Вердена см. в *Semaine relig. de Лоррен*, 1879, стр. 445 (цитируется "Поле Парфе" в его Досье Пелерин, стр. 141-143).

Эта теория, которая приписывала вредные метеорологические явления главным образом Божьим целям, была естественным развитием и сравнительно безвредной; но в очень ранний период была развита другая теория, которая, будучи преобразованной в доктрину, действительно дорого обошлась земле. Пожалуй, никогда в современном мире не существовало догмы, более изобилующей физическими, умственными и моральными страданиями для целых народов и на протяжении целых столетий. Далее будет рассмотрена эта теория, ее развитие теологией, ее ужасающие последствия для человечества и ее разрушение научными наблюдениями и размышлениями.

II. ДЬЯВОЛЬСКАЯ СИЛА В ШТОРМАХ.

В то время как отцы церкви и схоласты трудились над выводом метеорологической науки из наших священных книг, в европейском обществе просочилась масса традиций и обрядов, которые сохранились со времен язычества; и, хотя то тут, то там появлялись церковники, выступавшие против них, теологи и духовные лица вскоре начали перенимать их и облекать авторитетом религии.

Как среди язычников Римской империи, так и среди варваров Севера христианским миссионерам было легче доказать верховенство нового Бога, чем бессильность старых. Вера в чудеса новой религии, казалось, скорее увеличивала, чем уменьшала веру в чудеса старой; и Церковь, наконец, начала признавать последние как факты, но приписывать их дьяволу. Юпитер и Один перешли в разряд служителей сатаны и передали этому хозяину все свои прежние полномочия. Возобновленное изучение Священного Писания теологами выявило неопровержимые доказательства истинности этой доктрины. Особое внимание уделялось утверждению Священного Писания: "Боги язычников - дьяволы". (217) Подкрепленное этим и другими текстами, это вскоре стало догмой. Под влиянием Церкви она приобрела столь сильное влияние, что только в конце семнадцатого века ее существенная истинность начала подвергаться сомнению.

(217) Ибо так Вульгата и все ранние версии передавали Пс. xcvi, 5.

Ни с каким полем действия влияние древних божеств не отождествлялось так сильно, как с атмосферными явлениями. Римлянин слышал Юпитера, а германец - Тора в раскатах грома. Можно ли сомневаться, что эти могущественные существа теперь воспользуются случаем, если им не помешает повеление Всемогущего, чтобы излить свою злобу на тех, кто покинул их алтари? Разве сам Всемогущий не был бы готов применить злобу этих воздушных сил против тех, кто оскорбил его?

Действительно, для тех, чья простая вера принимала дождь или солнечный свет как ответ на их молитвы, не было большим шагом вперед заподозрить, что несвоевременные штормы или засухи, которые сводили на нет их самые искренние просьбы, были делом рук заклятого врага, "князя силы воздуха".

Великие отцы Церкви легко нашли подтверждение этому учению в Священном Писании. Святой Иероним объявил, что воздух полон бесов, основывая эту веру на различных утверждениях в пророчествах Исайи и в Послании к Ефесеянам. Святой Августин придерживался той же точки зрения, что и "вне всяких споров". (218)

(218) О святом Иерониме см. Его Ком. в Ер. ad Ephesios (lib. iii, глава 6): комментируя текст: "Наша битва не с плотью и кровью", он объясняет это как значение дьяволов в воздухе и добавляет: "Мы и в другом месте демонибуса, где происходит истина, Апостол аит: *In quibus ambulastis aliquando juxta Saeculum mundi istius, secundum principem potestatis aeris spiritus, qui nunc operatur* в философии неуверенности (Eph, ii, 2). *Haec autem omnium doctorum opinio est, quod*

aer iste qui coelum et terram medius dividens, inane appellatur, plenus sit contrariis fortitudinibus." Смотрите также его Ком. в книге Исайама, lib. xiii, глава 50 (Migne, патр. лат., vol. xxiv, стр. 477). Что касается Августина, см. De Civitate Dei, passim.

В Средние века это учение о дьявольском происхождении бурь продолжало набирать силу. Беда полностью верил в это и в подтверждение этого рассказывает различные анекдоты. Святой Фома Аквинский дал на это свое разрешение, сказав в своей "Сумме всех авторитетов": "Дожди и ветры, и все, что происходит только по местному импульсу, может быть вызвано демонами". "Это, - говорит он, - догма веры в то, что демоны могут вызывать ветер, бури и огненный дождь с небес".

Альберт Великий учил тому же учению и показал, как определенная мазь, брошенная в источник, вызывает вихри. Великий францисканец — "серафический доктор" - святой Бонавентура, чьи заслуги в богословии принесли ему одно из самых высоких мест в Церкви и которому Данте оказывал особые почести в раю, основал на этой вере свой высокий авторитет. Этим были наполнены жития святых и хроники средневековья. Поэзия и живопись восприняли эту идею и развили ее. Данте соединил это со стихами, и в Венеции эту мысль до сих пор можно увидеть воплощенной в одной из грандиозных картин Бордоне: видно, как корабль с демонами приближается к Венеции во время шторма, угрожая городу разрушением, но Святой Марк, Святой Георгий и Святой Николай нападают на судно и разгоняют адскую команду.(219)

(219) О Беде см. Историю. Экклз., том i, стр. 17; Жизнеописание Катберти, с. 17 (Минье, том xlv). Что касается Фомы Аквинского, см. "Сумму", часть I, вопрос lxxx, ст. 2. Второй цитатой я обязан Рюдбергу, "Магия средних веков", стр. 73, где подробно приводится весь интересный отрывок. Для Альберта Великого см. De Potentia Daemonum (цитируется Мори, Legendes Pieuses). О Бонавентуре читайте в Комп. Theol. Правда., ii, 26. О Данте см. "Чистилище", с. 5. О картине Бордоне см. Мори, "Легенды пьезов", стр. 18, примечание.

Папы снова и снова одобряли эту доктрину, и она сочеталась с различными местными суевериями, благочестивыми фантазиями и интересными аргументами, чтобы поразить воображение широких слоев населения. Веским аргументом в пользу дьявольского происхождения "тандерболта" служили эксцентричности его действия. Они привлекли особое внимание в Средние века, и популярная любовь к чудесам превратила изолированные явления в правила. Так, было сказано, что молния поражает меч в ножнах, золото в кошельке, ногу в башмаке, оставляя ножны, кошелек и башмак невредимыми; что она пожирает человека изнутри, не повреждая кожу; что она разрушает сети в воде, но не на суше; что она убивает одного человека и оставляет нетронутым другого, стоящего рядом с ним; что она может проломить дом и проникнуть в землю, не сдвинув с места ни камня; что она повреждает сердцевину дерева, но не кору; что вино отравляется ею, в то время как яды, пораженные ею, теряют силу. их яд; чтобы он поглотил волосы человека и сам человек остался невредимым.(220)

(220) Смотрите списки таких поклонников у любого из ранних авторов — например, у Винсента де Бове, Маргариты Райша или Аристотеля Эка.

Эти своеобразные явления, превалировавшие над аллегоризирующими проповедниками того времени, использовались в уроках морали со всех кафедр. Так, кармелит Матиас Фаринатор из Вены, который по просьбе самого папы составил в начале пятнадцатого века любопытный справочник наглядных примеров для проповедников "Lumen Animae", находит духовный аналог для каждой из этих аномалий.(221)

(221) См. "Животный просвет", Айхштадт, 1479.

Эта доктрина росла, крепкая и пагубная, пока в пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веках мы не обнаружили ее расцвет во множестве трактатов наиболее образованных католических и протестантских богословов, а плоды - в камерах пыток и на эшафотах по всему христианскому миру. В период Реформации и в течение почти двухсот лет после этого католики и протестанты соперничали друг с другом в содействии этому росту. Джон Экк, великий оппонент Лютера, подарил миру аннотированное издание "Физики" Аристотеля, которое долгое время пользовалось авторитетом в немецких университетах; и, хотя текст свободен от этой доктрины, гравюра на дереве, иллюстрирующая атмосферу Земли, наиболее ярко показывает среди облаков в воздухе дьяволов, которые там безраздельно правят.(222)

(222) См. Eck, Aristotelis Meteorologica, Аугсбург, 1519.

Лютер из другого религиозного лагеря поддерживал это суеверие еще более рьяно, временами заявляя о своей вере в то, что сами ветры - это всего лишь добрые или злые духи, и заявляя, что камень, брошенный в определенный пруд в его родном регионе, вызовет ужасную бурю из-за дьяволов, содержащихся там в плену.(223)

(223) О Лютере читайте в "Застольной беседе"; также Мишле, "Жизнь Лютера" (перевод Хэзлитта, стр. 321).

Как раз в конце того же столетия католики и протестанты одинаково приветствовали великую работу Дельрио. В этом смысле власть дьяволов над стихиями доказывается прежде всего Священным Писанием, поскольку, как он заявляет, "они показывают, что сатана низвел огонь с небес, чтобы поглотить слуг и стада Иова, и что он поднял сильный ветер, который обратил в погибель сыновей и дочерей Иова на их пиршестве". Далее Дельрио настаивает на согласии всех ортодоксальных отцов церкви, что это сделал сам дьявол, и обращает внимание на тот факт, что в Священном Писании прямо говорится, что град, которым были наказаны египтяне, был принесен злыми ангелами. Цитируя Апокалипсис, он указывает на четырех ангелов, стоящих по четырем углам земли, сдерживающих ветры и предотвращающих причинение ими большого вреда смертным; и он особо останавливается на том факте, что дьявол назван апостолом "князем силы воздуха". Затем он продолжает цитировать великих отцов Церкви — Климента, Иеронима, Августина и Фому Аквинского.(224)

(224) Что касается Дельрио, смотрите в его "Магических исследованиях", впервые напечатанных в Льеже в 1599-1600 годах, но переиздававшихся снова и снова на протяжении семнадцатого века. Его толкование Псалма lxxviii, 47-49, по-видимому, разделялось переводчиками нашего собственного авторизованного издания. Его цитаты см. в Откровении vii, 1,; Ефесянам ii, 2. Даже согласно современным комментаторам (например, Элфорду), слово, переведенное здесь как "власть", обозначает не МОГУЩЕСТВО, а ПРАВИТЕЛЬСТВО, СУД, ИЕРАРХИЮ; и в этом смысле оно всегда использовалось церковными авторами, концепцию которых лучше всего передает наше множественное число — "полномочия". См. Delrio, *Disquisitiones Magicae*, lib. ii, c. 11.

Эта доктрина была распространена не только в объемистых трактатах, но и в легкой литературе и с помощью популярных иллюстраций. В "Compendium Maleficarum" итальянского монаха Гуаччи, возможно, самой забавной книге во всей литературе о колдовстве, мы можем увидеть ведьму собственной персоной, скачущую на дьявольском козле сквозь облака, в то время как вокруг и под ней бушует буря; и мы можем прочитать богатую коллекцию анекдотов, в основном современных, которые не подвергают сомнению требуемую доктрину.

Первым и наиболее естественным средством борьбы с этой работой сатаны в воздухе была молитва; и в христианских литургиях можно найти различные прошения, некоторые из которых очень красивы и трогательны. С тех пор и по сей день на это средство спасения полагались с большей или меньшей верой. Различные средневековые святые и реформаторы, а также преданные люди всех веков, от Сент-Джайлса до Джона Уэсли, использовали его с результатами, которые, как утверждали, были чудесными. Какой бы теории ни придерживался любой мыслящий человек в этом вопросе, он, конечно, не осмелится произнести ни слова упрека: такие молитвы были во все века естественным результатом ума человека, попавшего в беду. (225)

(225) О Гуаччи см. в его "Compendium Maleficarum" (Милан, 1608). О случаях, когда Сент-Джайлс, Джон Уэсли и другие усмиряли бури, см. Брюер, *Словарь чудес*, с. против молитвы.

Но против "силы воздуха" использовались другие средства совершенно иного характера и направленности, и главным из них был экзорцизм. В широко используемом экзорцизме, приписываемом папе Григорию XIII, приводится формула: "Я, священник Христа, ... повелеваю вам, самым нечистым духам, которые поднимают эти облака, ... отойти от них и рассеяться по диким и невозделанным местам, чтобы вы больше не могли причинять вред людям или животным, фруктам или травам, или всему, что предназначено для использования человеком". Но это действительно мягко по сравнению с некоторыми более поздними экзорцизмами, например, когда ритуал гласит: "Весь народ встанет, и священник, повернувшись к облакам, произнесет эти слова: "Я изгоняю вас, проклятые демоны, которые осмелились использовать для совершения вашего беззакония те силы Природы, с помощью которых Бог различными способами творит добро смертным; которые поднимают ветры, собирают пары, образуют облака и конденсируют их в град.... Я заклинаю вас ... чтобы вы бросили работу, которую вы

начали, уничтожили град, рассеяли облака, рассеяли пары и обуздали ветры ". Далее в рубрике говорится, что затем на открытом месте должен быть разожжен большой костер, и что над ним должно быть совершено крестное знамение, и пропет сто четырнадцатый псалом, в то время как зловонные вещества, среди которых сера и асафетида, должны быть брошены в пламя. По-видимому, целью этого было буквально "выкурить" сатану.(226)

(226) См. Polidorus Valerius, *Practica exorcistarum*; также Тезаурус *exorcismorum* (Кельн, 1626), стр. 158-162.

Важными стали руководства по экзорцизму — одни громоздкие *quartos*, другие справочники. Среди последних заслуживает внимания книга итальянского священника Локателли, озаглавленная "Экзорцизмы, наиболее мощные и действенные для рассеивания воздушных бурь, независимо от того, вызваны ли Демоны по их собственному Желанию или по Мановению какого-нибудь Слуги дьявола".(227)

(227) То есть Экзорцизм и т.д. "Исправленное" второе издание было напечатано в Лайбахе, 1680 г., в 24 экземплярах, к которому прилагается другое руководство по наставлениям и заклинаниям против воздушных бурь, *omnibus sacerdotibus utiles* и необходимости, напечатанное в монастыре Кемптен (в Баварии) в 1667 году. Последнее имеет в качестве эпиграфа отрывок из Евангелий, описывающий, как Христос усмирил ветры.

Иезуит Грецер в своей знаменитой книге "О благословениях и проклятиях" посвящает этой теме целую главу, вкратце отвергая скептицизм, ставящий под сомнение власть дьяволов над стихиями, и приводя историю Иова как убедительную.(228)

(228) See Gretser, *De benedictionibus et maledictionibus*, lib. ii, c. 48.

И эта теория экзорцизма никоим образом не ограничивалась старой Церковью. Лютер горячо поддерживал это и особенно рекомендовал первую главу Евангелия от Святого Иоанна как средство, обладающее неизменной эффективностью против грома и молнии, заявляя, что он часто находил простое крестное знамение с текстом "Слово стало плотью" достаточным для того, чтобы обратить бури в бегство.(229)

(229) Так, по крайней мере, говорит Грецер (в своем *De ben.* и др., как указано выше).

С начала средневековья и долгое время после Реформации хроники дают множество иллюстраций успешного использования таких заклинаний. Вера в них была настолько сильна, что проникла в умы сравнительно рациональные и нашла выражение в очень важных трактатах.

Но, поскольку экзорцизмы временами оказывались безрезультатными, были изысканы другие средства, и особенно различного рода фетиши. Один из самых ранних из них появился, когда папа Александр I, согласно традиции, постановил хранить святую воду в церквях и спальнях,

чтобы отгонять бесов.(230) Еще одно средство защиты было найдено в реликвиях, и аналогичной эффективностью обладали так называемые "заготовки для зачатия", продаваемые монахами-кармелитами. Они содержали написанную на освященной бумаге формулу, услышав которую, дьявол вполне мог побледнеть. Считалось, что один из них, зарытый в углу поля, защищает от непогоды и вредных насекомых.(231)

(230) "Instituit ut aqua quam sanctum appellamus sale admixta interpositus sacris orationibus et in templis et in cubiculis ad fugandos daemones retineretur." Platina, Vitae Pontif. Но эта история взята из Фальшивых Декреталий.

(231) См. Ридберг, "Магия средневековья", перевод Эдгрена, стр. 63-66.

Но самой высокой репутацией на протяжении веков пользовался Agnus Dei — кусок воска, освященный собственноручно папой Римским и проштампованный хорошо известным изображением "Агнца Божьего". Его сила была настолько удивительной, что папа Урбан V счел три таких пирожных достойным подарком от себя греческому императору. В латинском доггереле, повествующем об их достоинствах, на первом месте стоит их метеорологическая эффективность, поскольку особое внимание уделяется их способности рассеивать гром. Акцент, сделанный папой Урбаном, как непогрешимым наставником христианского мира, на действенности этого фетиша, придал ему большое значение во всей Европе, и хвалебные стихи, восхваляющие его достоинства, глубоко запали в сознание людей. Он считался самым мощным средством рассеивания града, мора, бурь, пожаров и чар; и это чувство усиливалось правилами и обрядами его освящения. Дело было настолько серьезным, что изготовление и продажа этого конкретного фетиша были закреплены папской буллой 1471 года за самим папой, и он совершал необходимую церемонию только в первый и седьмой годы своего понтификата. Стоя безмолвно, он молился: "О Боже,... мы смиренно умоляем тебя, чтобы ты благословил эти восковые фигуры, изображающие невинного агнца, ... чтобы при прикосновении и виде их верующие могли разразиться хвалебными возгласами и чтобы грохот града, порыв ураганов, ярость бурь, ярость ветров и злоба молний могли быть умерены, а злые духи бежали и трепетали перед знаменем твоего святого креста, которое выгравировано на них".(232)

(232) Эти благочестивые чары все еще используются в Церкви и могут быть описаны в любой церковной энциклопедии. Стихи о доггереле звучат следующим образом:

"Tonitrua magna terret, Inimicos nostras domat Et peccata nostra delet; Praegnantem cum partu salvat, Ab incendio praeservat, Dona dignis multa confert, A subersione servat, Utque malis mala defert. A morte cita liberat, Portio, quamvis parva sit, Et Cacodaemones fugat, Ut magna tamen proficit."

Смотрите эти стихи, цитируемые с полной верой еще в 1743 году в "Энхиридиуме" отца Винсента Бергского, стр. 23, 24, где подробно излагаются достоинства Agnus Dei и инструкции по его использованию. Полный отчет об обрядах, использованных при освящении этого

фетиша, с молитвами и благословениями, которые придали окраску этой теории о могуществе Agnus Dei, можно найти в "Ритуале Церкви". Я использовал издание, озаглавленное *Sacrarum ceremoniarum sive rituum Sanctae Romanae Ecclesiae libri tres*, Рим, 1560, in folio. Форма папской молитвы такова: "Deus... te suppliciter deprecamur, ut... has cereas formas, innocentissimi agni imagine figuritas, benedicere... digneris, ut per ejus tactum et visum fideles invitentur as laudes, fragor grandinum, procella turbinum, impetus tempestatum, ventorum rabies, infesta tonitrua temperentur, fugiant atque tremiscant maligni spiritus ante Sanctae Crucis vexillum, quod in illis exculptum est..." (Sacr. Cer. Rom. Эккл., как указано выше). Если кому-то интересно, в какой степени этот освященный воск был специфическим средством от всех духовных и большинства мирских недугов в шестнадцатом и семнадцатом веках, пусть они проконсультируются с иезуитскими ежегодными литературами, *passim*.

Другим излюбленным средством духовенства старой Церкви для сведения к нулю "силы воздуха" были грандиозные процессии, несущие по улицам статуи, реликвии и священные эмблемы. Однако даже они не всегда оказывались действенными немедленно. Один из них в Льеже в тринадцатом веке трижды безуспешно вызывал дождь, когда, наконец, обнаружилось, что изображение Богородицы было забыто! Тотчас же была сформирована новая процессия, пропели "Salve Regina", и дождь полил такими проливными потоками, что заставил преданных укрыться. (233)

(233) Иоанн Винтертурский описывает множество подобных процессий в Швейцарии в XIII веке, и о них говорят все монашеские хроники. См. также Рюдберг, *Магия средневековья*, стр. 74.

В католических странах этот обычай сохраняется и по сей день, и очень важными элементами этих процессий являются статуи и реликварии святых-покровителей. Некоторые из них приносят солнечный свет, другие - дождь. Шартрскому собору повезло настолько, что в нем хранятся различные реликвии святого Таурина, особенно действенные при сухой погоде, и некоторые из реликвий святого Пия, почти столь же безошибочных при влажной погоде. В некоторых регионах один святой дает защиту попеременно от влажной и сухой погоды — как, например, святой Годаберт в Нойоне. Святая Варвара обычно считается самой могущественной защитницей от бурь; но во французской епархии Лимож Нотр-Дам-де-Крок оказалась самой могущественной соперницей, ибо, когда несколько лет назад все соседние приходы были опустошены бурями, в кантоне, который она защищала, не упало ни одной градины. В епархии Тарба к Сент-Экзюперу особенно обращены молитвы против града, крестьяне стекаются со всех окрестностей к его святыне. (234)

(234) Что касается защиты особыми святыми, как указано, см. Путеводитель по туризму и пелеринам в чартах, 1867 г. (цитируется "Подем Парфе" в его Досье пелерин); также стр. 139-145 Досье.

Но средством сбить с толку силы воздуха, которое стало использоваться наиболее широко, был звон освященных церковных колоколов.

Это использование началось во времена Карла Великого, и сохранился его запрет на обычай крестить колокола и вешать определенные бирки (235) на их язычки для защиты от града; но

даже Карл Великий был бессилен против этого течения средневековых суеверий. Вскоре в это были вложены богословские соображения, и в 968 году папа Иоанн XIII дал на это высочайшую церковную санкцию, собственноручно окрестив большой колокол своего кафедрального собора Латеранский и присвоив ему свое имя.(236)

(235) Perticae. Посмотри на Монтануса, Хист. Nachricht van den Glocken (Chenmitz, 1726), p. 121; and Meyer, Der Aberglaube des Mittelalters, p. 186.

(236) Заявления относительно суеверий папы Иоанна и Белла см.

"Анакалипсис" Хиггинса, т. ii, стр. 70. См. также Platina, Vitae Pontif., s. v. John XIII и Baronius, Annales Ecclesiastici, sub anno 968.

Предположение Барониуса о том, что колокол был назван в честь святого Иоанна Крестителя, еще более поразительно, чем общепринятая традиция о спонсорстве папы римского.

Эта идея получила быстрое развитие, и вскоре мы находим ее поддержку в объемистых трактатах, широко распространенную в проповедях и популяризированную во множестве надписей, нанесенных на сами колокола. Этот раздел богословской литературы до сих пор можно изучать на множестве церковных колоколен по всей Европе. На колоколе в Базеле есть надпись "Ad fugandos demones". Другой, в Лугано, провозглашает: "Звук этого колокола побеждает бури, отгоняет демонов и призывает людей". Другой, в Эрфуртском соборе, заявляет, что он может "отгонять молнии и злобных демонов". На колокольном звоне в иезуитской церкви университетского городка Понт-а-Муссон были написаны слова: "Они восхваляют Бога, разгоняют тучи, пугают демонов и призывают людей". Это датировано 1634 годом. Другой колокол в этой части Франции возвещает: "Это я рассеиваю громы" (Ego sum qui dissipato nitrua).(237)

(237) Эти иллюстрации, а также другие, не менее поразительные, см. в Meyer, Der Aberglaube des Mittelalters, стр. 185, 186. Более поздние примеры см. Жермен, "Древние лотарингские замки" (Нанси, 1885), стр. 23, 27.

На другом, в одном из лесных кантонов Швейцарии, есть двустилие, которое можно перевести следующим образом:

"На дьявола я выместю свою злобу, И, с Божьей помощью, ненастье помешает".(238)

(238) "An dem Tufel will ich mich rachen, Mit der hilf gotz alle bosen wetter erbrechen." (Смотрите Мейера, как указано выше.)

Очень распространены были надписи, воплощающие это учение на звучной латыни.

Естественно, тогда возник ритуал освящения колоколов. Ноллис в своем оригинальном переводе старого хрониста Слейдана приводит нам употребление в простом английском языке середины шестнадцатого века:

"В подобном роде (как церкви) используются красавицы. И во-первых, форсут, они должны измениться так, чтобы вокруг них мог вращаться Магазин. В котором после того, как он прочитает определенные Псалмы, он освящает воду и соль и смешивает их вместе, при этом он усердно моет колокольчик как внутри, так и снаружи, после того, как вытирает его насухо, и святым ойлom рисует на нем знак креста и молит Бога, чтобы, когда они зазвонят в этот колокол, все ученики девиц могли исчезнуть, хайл, тондринг, лайтинг, виндз и бури и все неблагоприятные погодные условия могут быть преодолены. Когда он вытер крест оила льняной тканью, он делает семь других крестов из того же материала и только внутри одного. Прочитав несколько Псалмов, он напрягает все органы чувств и ощущает бел внутри и молит Бога, чтобы ему повезло. Во многих местах они устраивают большой обед, а кепи - пир, как на торжественной свадьбе".(239)

(239) Комментарии Слейдена, английский перевод, как указано выше, fol. 334 (lib. xxi, sub anno 1549).

Эти колокольные крещения приобрели огромное значение. Папы, короли и прелаты гордились тем, что выступали спонсорами. Четыре колокола Версальского собора были разрушены во время Французской революции, и 6 января 1824 года были крещены четыре новых колокола, спонсорами которых выступили вольтерийский король Людовик XVIII и благочестивая герцогиня Ангулемская.

В некоторых из этих церемоний рвение, по-видимому, опережает знание, и одна из историй Лютера, рассказанная в ущерб старой Церкви, заключалась в том, что некоторые авторитеты таким образом окрестили колокол "Осанна", предполагая, что это женское имя.

Чтобы усилить эффективность таких крещений, воду иногда приносили из реки Иордан.(240)

(240) См. Монтануса, как указано выше, который цитирует Бека, "Лютеранство за Лютеро", стр. 294, где говорится, что паломники с этой целью принесли к Иордану много колоколов.

Молитвы, используемые при крещении в колокол, полностью признают это учение. Парижский ритуал включает в себя прошение о том, что "когда бы ни зазвучал этот колокол, он должен прогнать пагубное влияние нападающих духов, ужас от их появлений, порыв вихрей, удар молнии, вред от грома, бедствия бурь и всех духов бури". В другой молитве содержится просьба о том, чтобы "звук этого колокола обратил в бегство огненные стрелы врага человеческого"; а другие меняют форму, но не содержание этого прошения. Великий богослов-иезуит Беллармин действительно пытался отрицать реальность этого крещения; но это можно рассматривать только как казуистику, подходящую для протестантской жестокосердности, или как стратегию в войне с еретиками.(241)

(241) О молитвах при колокольных крещениях см. Араго, Oeuvres, Париж, 1854, том iv, стр. 322.

Формы крещения были изложены в различных руководствах, санкционированных непосредственно папской властью, и эффективность таинств повсеместно считалась само собой разумеющейся. (242) Развитие этой идеи в старой Церкви было слишком сильным, чтобы ему можно было сопротивляться; (243) но, как правило, протестантские богословы Реформации, признавая, что бури были вызваны сатаной и его легионами, выступали против крещения колоколами и отрицали теорию об их влиянии на рассеивание бурь. Лютер, хотя и никогда не сомневался в том, что неприятные метеорологические явления были вызваны дьяволами, с презрением относился к идее о том, что демоны были настолько инфантильны, что пугались звона колоколов; его теория делала их в целом слишком могущественными, чтобы на них можно было воздействовать столь тривиальными средствами. Великие английские реформаторы, хотя и принимали в целом теорию дьявольского вмешательства в штормы, решительно осуждали крещение колоколами как извращение таинства и сопряженное с богохульством. Епископ Хупер заявил, что полагаться на колокола, чтобы отгонять бури, бесполезно. Епископ Пилкингтон, утверждая, что бури являются прямыми орудиями Божьего гнева, очень сурово выступает против использования "незаконных средств", и среди них он называет "священный колокол"; и это мнение в целом разделялось ведущим английским духовенством. (244)

(242) Как часто указывалось, церемония была во всех своих деталях — вплоть до спонсоров, заворачивания в одежду крещаемого, платы за крещение, угощения — точно такой же, как при крещении ребенка. Магиус, который не является скептиком, рассказывает из своего собственного опыта о моменте подобного рода, когда некий епископ стал спонсором двух колоколов, дав им обоим свое имя — Уильям. (См. Его *De Tintinnabulis*, том xiv.)

(243) И неудивительно, что когда оракул Церкви Фома Аквинский ясно назвал церковные колокола, "при условии, что они были должным образом освящены и крещены", главным средством "противодействия атмосферным проидам дьявола", и сравнил шпиль, на которых звонят колокола, с курицей, высиживающей цыплят, "ибо звуки освященного металла отпугивают демонов и отвращают бурю и молнию"; когда проповедники дореформации, такие универсальные средства обращения, как Йоханнес Герольт, заявили: "Колокола - это то, что должно быть сделано"., как все согласны, крестятся, в результате чего они защищены от власти сатаны, наводят ужас на демонов, принуждают силы"; когда Гейлер из Кайзерберга особенно восхвалял колокольный звон как средство борьбы с дьяволом во время штормов; и когда канонист, подобный Дюранду, объяснил цель обряда в том, что "демоны, услышав трубы Вечного Царя, а именно колокола, могут убежать в ужасе и могут прекратить разжигать бури". См. Herolt, *Sermones Discipuli*, vol. xvii, и Дюранд, *De ritibus ecclesiae*, том ii, стр. 12. Первой из этих цитат я обязан Ридбергу, а остальными Монтану. For Geiler, see Dacheux, *Geiler de Kaiserberg*, pp. 280, 281.

(244) Крещение колоколами действительно было одной из явных жалоб немецких протестантских князей во время Реформации. Смотрите их Гравюру. Цент. Немецкий. Грав., стр. 51. О Хупере см. В его ранних работах, стр. 197 (в публикациях Parker Society Publications). О Пилкингтоне читайте в его работах, стр. 177 (там же). Среди других, разделявших это мнение, были Тиндейл, епископ Ридли, архиепископ Сэндис, Бекон, Калфхилл и Роджерс. Следует отметить, что все они говорят об этом обряде как о "крещении".

Ближе к концу шестнадцатого века курфюрст Саксонский строго запретил звонить в колокола во время штормов, призывая вместо этого к покаянию и молитве; но этот обычай было не так-то легко изгнать из протестантской церкви, и в некоторых кругах была разработана протестантская теория рационалистического толка, приписывающая благотворное воздействие колокольного звона во время штормов объединению верующих для молитвы или внушению молитв во время ночных штормов. Еще в конце семнадцатого века мы обнаруживаем, что колокола протестантских церквей на севере Германии звонят, призывая к прекращению бури. В католической Австрии этот колокольный звон, по-видимому, стал помехой в прошлом столетии, поскольку император Иосиф II счел необходимым издать указ против него; но эта доктрина получила слишком большое распространение, чтобы ее можно было остановить аргументами или эдиктом, и по сей день колокольный звон можно услышать во время штормов в различных отдаленных районах Европы. (245) Ибо это был не просто поверхностный взгляд. Это действительно было частью глубокого теологического течения, неуклонно развивавшегося на протяжении средневековья, фундаментальной идеей всего этого было прямое влияние колоколов на "Силу воздуха"; и, возможно, нам стоит немного вернуться назад и проследить за приходом этого течения в современный мир. Неуклонно развиваясь на протяжении средневековья, она проявилась в полную силу в период Реформации; и в шестнадцатом веке Олаус Магнус, архиепископ Упсальский и примас Швеции, в своем великом труде о северных народах объявляет хорошо установленным фактом, что города и урожаи можно спасти от молнии звоном колоколов и возжиганием освященных благовоний, сопровождаемых молитвами; и он предупреждает своих читателей, что действию молнии следует скорее удивляться, чем изучать. Еще в 1673 году францисканский профессор Леалус из Италии в школьном учебнике, который был встречен в его регионе бурными аплодисментами, без колебаний рассказывал о деятельности демонов во время штормов и власти колоколов над ними, а также о зловещести комет и движении небес ангелами. Он также особо останавливается на совершенной защите, обеспечиваемой восковым Агнусом Деи. Насколько сильным было это течение и насколько трудно было противостоять ему даже философским умам, показывает тот факт, что и Декарт, и Фрэнсис Бэкон говорят о нем с уважением, признавая этот факт и очень мягко предполагая, что колокола могут достигать этой цели путем сотрясения воздуха. (246)

(245) О курфюрсте Саксонии см. Peuchen, округ темпестейтс, Йена, 1697 год. Протестантскую теорию колоколов см., например, в Ciciones Selectae суперинтенданта Конрада Дитериха (цитируется Peuchen, Disp. circa tempestates). О протестантском звоне колоколов для разгона бурь, см. Schwimmer, Physicalische Luftfragen, 1692 (цитируется Пеухеном, как указано выше). Он изображает все население тюрингенского района,

стекающееся к церквям в преддверии грозы.

(246) Об Олаусе Магнусе см. В "De gentibus septentrionalibus" (Рим, 1555), lib. i, с. 12, 13. О Декарте см. его "De meteor", ст.

2, 127. В своей "Истории Венторума" он снова ссылается на эту веру, но без комментариев.

Но такой умеренной доктрины оказалось недостаточно, и знаменитый епископ Тревский Бинсфельд в своем знаменитом трактате "О достоверности признаний ведьм" посвятил целую главу влиянию колоколов на успокоение атмосферных возмущений. Основывая свою общую доктрину на первой главе Книги Иова и второй главе послания к Ефессянам, он настаивал на реальности участия дьявола во время штормов; а затем, посредством теологических рассуждений, подтвержденных заявлениями, вырванными в камере пыток, он показал эффективность колоколов в обращении адских легионов в бегство. (247) Таким образом, это продолжало оставаться общепринятым принципом, получившим развитие у каждой нации и достигшим своего апогея ближе к концу семнадцатого века. В тот период - период Исаака Ньютона — отец Августин де Анджелис, ректор колледжа Клементинок в Риме, опубликовал под высшим церковным руководством свои лекции по метеорологии. Пришедшие из центра католического христианского мира в столь поздний период, они очень важны, поскольку указывают на то, что развивалось под влиянием теологии на протяжении почти семнадцати столетий. Этот ученый глава крупного колледжа в сердце христианского мира учил, что "самым верным средством против грома является то, которое практикует наша Святая Мать Церковь, а именно, звон колоколов при приближении удара молнии: отсюда следует двоякий эффект, физический и моральный — физический, потому что звук по-разному тревожит и волнует воздух, а возбуждение рассеивает горячие испарения и рассеивает гром; но моральный эффект тем более несомненен, что звук побуждает верующих изливать свои молитвы, которыми они добиваются от Бога спокойствия". отворачиваясь от "тандерболта". Здесь мы видим в этой ветви мысли, как и во многих других, в конце семнадцатого века зарю рационализма. Отец Де Анджелис теперь отодвигает демоническое влияние на задний план. Действительно, мало что говорится о эффективности колоколов в обращении легионов сатаны в бегство: мудрый профессор, очевидно, готовится к тому неизбежному компромиссу, который мы видим в истории каждой науки, когда становится ясно, что его больше нельзя подавить церковными гневными речами.(248)

(247) См. Бинсфельд, "Исповедь Малефа", стр. 308-314, издание 1623 года.

(248) О Де Анджелисе см. Его метеорологические лекции, стр. 75.

III. АГЕНТСТВО ВЕДЬМ.

Но, пока разрабатывалась эта сравнительно безобидная доктрина противодействия силам воздуха с помощью фетишей и колокольного звона, возникла другая теория и ряд санкционированных Церковью практик, которые навсегда должны рассматриваться как одно из самых страшных бедствий в истории человечества. Действительно, немногие ошибки когда-либо стоили такого количества пролитой невинной крови на такой обширной территории и на протяжении стольких поколений. Из старой доктрины — языческой и христианской — о влиянии зла на атмосферные явления развилась вера в то, что определенные мужчины, женщины и дети могут заручиться адской помощью, чтобы вызвать ураганы, град, заморозки, наводнения и тому подобное.

Еще в девятом веке один великий церковник, Агобард, архиепископ Лионский, нанес тяжелый удар по этому суеверию. Его работа, направленная против Абсурдного мнения о Вульгарном прикосновении к Граду и Грому, показывает, что он был одним из самых преданных апостолов здравого смысла, которых знала история человечества. С помощью аргументов и насмешек, а иногда и возвышенного красноречия, он пытался противостоять этому напору. Один отрывок имеет историческое значение. Он заявляет: "Несчастный мир находится сейчас под тиранией глупости; христиане верят в такие абсурдные вещи, в которые никто никогда не мог заставить поверить язычников".(249)

(249) Очень интересное изложение позиции и работы Агобарда с цитатами из его "Liber contra insulsam vulgi opinionem" о грандине и тонитруисе см. Poole, Illustrations of the History of Средневековая мысль, стр. 40 и далее. Работы Агобарда входят в том. гражданский "Патруля Миня". Лат.

Все напрасно; волна суеверий продолжала накатывать; великие богословы развивали их, а духовенство одобряло их; пока, когда мы приближаемся к концу средневекового периода, не раздастся непогрешимый голос Рима, принимающего их и закрепляющего эту веру в сознании христианства. Ибо в 1437 году папа Евгений IV, в силу обучающей силы, данной ему Всемогушим, и подбожественной гарантией от любой возможной ошибки при ее использовании, издал буллу, призывающую инквизиторов ереси и колдовства проявлять большее усердие в отношении человеческих агентов Князя Тьмы, и особенно в отношении тех, кто обладает способностью вызывать плохую погоду. В 1445 году папа Евгений снова вернулся к этому обвинению и снова издал инструкции и повеления, безошибочно обязывающие Церковь следовать этой доктрине. Но последовал человек более великий, чем Евгений, и еще глубже запечатлел эту идею в сознании Церкви. 7 декабря 1484 года папа Иннокентий VIII издал свою буллу Summis Desiderantes. Из всех документов, когда-либо выданных из Рима, императорских или папских, этот, несомненно, первый и последний, стоил наибольшего пролития невинной крови. И все же ни один документ не был продиктован совестью более четко. Вдохновленный заповедью Священного Писания "Не оставляй ведьму в живых", папа Иннокентий призвал духовенство Германии использовать все средства для обнаружения колдунов, и особенно тех,

кто из-за плохой погоды уничтожает виноградники, сады, луга и растущие посевы. Эти предписания были основаны на различных текстах Священного Писания, особенно на знаменитом утверждении из книги Иова; и для их выполнения папа уполномочил инквизиторов по поиску ведьм прочесывать Европу, особенно Германию, и для их использования было подготовлено руководство — Молот ведьм, *Malleus Maleficarum*. В этом руководстве, которое веками почиталось как в католических, так и в протестантских странах как почти богодухновенное, получила дальнейшее развитие доктрина сатанинского влияния на атмосферные явления и были подробно рассмотрены различные средства его обнаружения и наказания.(250)

(250) Буллу папы Евгения см. Райнальдус, "Анналы Церкви", стр. 1437, 1445. Латинский текст буллы *Summis Desiderantes* теперь можно найти в *the Malleus Maleficarum*, в "De Confessionibus" Бинсфельда, цитируемом ниже, или в "Geschichte des Teufles" Роскоффа (Лейпциг, 1869), т. i, стр. 222-225. Насколько я знаю, ни в одной английской книге нет хорошего анализа содержания "Молота ведьм"; но таковой можно найти в "Книге о тельцах" Роскоффа или в "Книге о ведьмовстве" Солдана. Его первое датированное издание относится к 1489 году; но проф. Берр показал, что оно было напечатано еще в 1486 году. К счастью, она так и не была переведена ни на один современный язык.

С применением пыток к тысячам женщин, в соответствии с предписаниями, изложенными в Молоточке, было нетрудно получить массу доказательств в пользу этой священной теории метеорологии. Бедняги, корчившиеся на дыбе, охваченные ужасом тех, кто был им самым близким, желая только смерти, которая облегчила бы их страдания, сознались во всем, что могло удовлетворить инквизиторов и судей. Все, что было необходимо, - это чтобы инквизиторы задавали наводящие вопросы (251) и предлагали удовлетворительные ответы: заключенные, чтобы сократить пытку, были уверены, что рано или поздно дадут требуемый ответ, даже если они знали, что это отправит их на костер или эшафот. Согласно доктрине "исключительных случаев", пыткам лиц, обвиняемых в ереси или колдовстве, не было предела; таким образом, были отброшены даже гарантии, которые старый языческий мир налагал на пытки, и заключенный ДОЛЖЕН БЫЛ признаться.

(251) Все еще сохранившиеся списки таких вопросов см. в *Zeitschrift* о немецкой культуре за 1858 год, стр. 522-528, или Diefenbach, *Der Hexenwahn* в Германии, стр. 15-17. Отец Винсент Бергский (в своем *Энхиридиуме*) приводит аналогичный список для использования священниками при исповеди обвиняемых. Списки рукописей такого рода, которые действительно сослужили службу при дворах Бадена и Баварии, можно увидеть в библиотеке Корнельского университета.

Таким образом, теологическая литература средневековья обогатилась бесчисленными утверждениями о способах сатанинского влияния на погоду. Поистине, трогательны эти записи; и не более того, чем признания этих бедных созданий, в основном женщин и детей, за сотни лет о том, как они вызывали град и бури. Подобные признания десятков тысяч человек до сих пор

можно найти в судебных архивах Германии, да и всей Европы. Типичным среди них является тот, которому на протяжении веков уделялось большое внимание и за который мир был в первую очередь обязан одной из этих бедных женщин. Обезумев от агонии пыток, она заявила, что, возвращаясь с демоном по воздуху с шабаша ведьм, она упала на землю в смятении, которое возникло среди адских легионов, когда они услышали колокольный звон "Аве Мария". Печально отмечать, что после столь ценного вклада в священную науку бедная женщина была обречена на сожжение. Это откровение быстро укрепило веру в то, что, что бы ни происходило на шабаше ведьм - каким бы торжествующим ни был сатана, — в момент звона освященных колоколов сатанинская сила была парализована. Как только эта теория зародилась, в течение ста лет из камер пыток во всех частях Европы поступали доказательства в ее поддержку.

На протяжении позднего средневековья доминиканцы были главными агентами по вымогательству и распространению этих откровений, но в последующие столетия после Реформации иезуиты с еще большим рвением посвятили себя той же задаче. Случайно возникли некоторые любопытные вопросы. Ортодоксальные власти обсуждали, следует или не следует оценивать ущерб, нанесенный штормами, за счет имущества осужденных ведьм. Богословы решительно склонялись к утверждению; юристы, в целом, к отрицанию.(252)

(252) Доказательства силы иезуитов в этом преследовании см. не только в "Истории колдовства", но и в "Annuae litterae" самих иезуитов, ниже.

Несмотря на эти пытки, молнии и бури продолжались, и в Церкви по всей Европе в каждом поколении появлялись великие люди, указывающие на новые жестокости, связанные с разоблачением "создателей погоды", и на новые методы, сводящие на нет их махинации.

Но кое-где, уже в шестнадцатом веке, мы начинаем видеть мыслителей, пытающихся изменить эти методы или выступить против них. В то время Парацельс привлек внимание к грохоту пушек, объясняя раскаты грома, но ему противостоял один из его величайших современников. Жан Боден, столь же суеверный в естествознании, сколь и рациональный в политологии, высмеял научную теорию и объявил гром "огненным выдохом, приводимым в движение злыми духами и низвергающимся вниз с оглушительным грохотом и ужасным запахом серы". В поддержку этой точки зрения он подробно остановился на признаниях замученных ведьм, на признанном участии демонов в блуждающих огоньках и особенно на отрывке из четвертого Псалма: "Который превращает ангелов своих в духов, служителей своих - в пылающий огонь".

Сопротивляться таким веским аргументам таких могущественных людей было действительно опасно. В 1513 году Помпонатиус, профессор из Падуи, опубликовал книгу сомнений относительно четвертой книги "Метеорологии" Аристотеля, а также осмелился подвергнуть сомнению эту силу дьяволов; но вскоре он счел целесообразным объяснить, что, хотя как ФИЛОСОФ он мог сомневаться, все же как ХРИСТИАНИН он, конечно, верил всему, чему учила Мать—Церковь — дьяволам и всему остальному, - и таким образом избежал участи нескольких других, которые осмелились подвергнуть сомнению влияние ведьм на атмосферные и другие возмущения.

Несколькими годами позже Агриппа Неттесгеймский предпринял нечто подобное, чтобы противостоять этой теологической волне в северной Европе. Он завоевал большую репутацию в

различных областях, но особенно в естествознании, как тогда понимали науку. Видя глупость и жестокость господствующей теории, он попытался изменить ее и в 1518 году, будучи синдиком Меца, попытался спасти бедную женщину, которую судили за колдовство. Но главный инквизитор, опирающийся на священное Писание, папские буллы, богословские факультеты и монахов, был слишком силен для него; он был не только вынужден отказаться от своей должности, но и за это и другие преступления подобного рода был заключен в тюрьму, изгнан из города в город и из страны в страну, а после его смерти его враги-клерикалы, особенно доминиканцы, преследовали его память клеветой и поместили над его могилой, вероятно, самую злобную эпитафию, когда-либо написанную.

Что касается аргументации, то эти усилия были особенно встречены Жаном Боденом в его знаменитой книге "Демономания чародеев", опубликованной в 1580 году. Это была работа огромной силы, написанная человеком, по праву считающимся ведущим мыслителем Франции и, возможно, Европы. Все знания того времени, божественные и человеческие, он собрал в поддержку господствующей теории. С неумолимой логикой он показал, что как правдивость священного Писания, так и непогрешимость длинной череды пап и церковных соборов были ему присягнуты, и в красноречивом отрывке этот великий публицист предостерегал правителей и судей от любого милосердия к ведьмам, приводя в пример царя Ахава, осужденного пророком на смерть за то, что он простил человека, достойного смерти, и многозначительно указывая на короля Франции Карла IX, который, простив колдуна, вскоре после этого умер.(253)

(253) To the argument cited above, Bodin adds: "Id certissimam daemonis praesentiam significat; nam ubicunque daemones cum hominibus nefaria societatis fide copulantur, foedissimum semper relinquunt sulphuris odorem, quod sortilegi saepissime experiuntur et confitentur." См. Книгу Бодена "Universae Naturae Theatrum", Франкфурт, 1597, стр. 208-211. Первое издание книги Помпонатиуса, которая была самым ранним из его сочинений, чрезвычайно редкое, но оно было переиздано в Венеции всего полвека спустя. Однако именно в своем "De incantationibus" он особенно много говорит о дьяволах. Что касается Помпонатия, смотрите, помимо них, "Историю папства во времена Реформации" Крейтона и превосходное эссе в "Моралистах и философах" Франка. Что касается Агриппы, смотрите его биографию, написанную профессором. Генри Морли, Лондон, 1856. Что касается Бодина, см. Изложение его общей линии аргументации в книге Леки "Рационализм в Европе", том i, глава 1.

Поэтому в последние годы шестнадцатого века преследования за колдовство и магию были особенно жестокими; и в западных районах Германии главным орудием в них был Бинсфельд, суффражистский епископ Трева.

В то время Корнелиус Лоос был профессором университета этого города. Он был преданным церковником и одним из самых блестящих противников протестантизма, но в конце концов раскусил господствующую веру в оккультные силы и в недобрый для себя час воплотил свою идею в книге под названием "Истинная и ложная магия". Книга, хотя и серьезная, была выдержанной, но это несколько не помогло ему и его делу. Тексты Священного Писания, явно

одобряющие веру в колдовство и волшебство, выступали против него, и это было подтверждено непогрешимыми учениями Церкви и пап с незапамятных времен; издание книги было прекращено, рукопись конфискована, а Лооса бросили в темницу.

Инквизиторы подчинили его своей воле, и весной 1593 года он был выведен из тюрьмы, вынужден был на коленях отречься перед собравшимися сановниками Церкви и с тех пор постоянно содержался под наблюдением, а иногда и в тюрьме. Даже это считалось слишком легким наказанием, и его заклятый враг, иезуит Дельрио, заявил, что, если бы не его смерть от чумы, его в конце концов отправили бы на костер.(254)

(254) То, что осталось от рукописи Лооса, которая до недавнего времени считалась утерянной, было найдено спрятанным на полках старой библиотеки иезуитов в Тревисе мистером Джорджем Линкольном Берром, ныне профессором Корнельского университета; и проф. Дж. Копия рукописи, сделанная Берром, сейчас находится в библиотеке этого учреждения. Полный отчет об открытии и его значении смотрите в New York Nation за 11 ноября 1886 года. Факты, касающиеся загробной жизни Лооса, были обнаружены профессором. Берром в рукописных записях в Брюсселе.

То, что эта угроза не была лишеной смысла, было замечено несколькими годами ранее в еще более известном случае, произошедшем в том же городе. В последние десятилетия шестнадцатого века Дитрих Флейд, выдающийся юрист, был ректором Тревского университета и главным судьей Избирательного суда, и в последнем качестве ему приходилось выносить приговоры лицам, привлеченным к уголовной ответственности за магию и колдовство. На какое-то время он подчинился длинному ряду авторитетов, церковных и судебных, подтверждающих реальность этого преступления; но он, наконец, кажется, осознал, что это было нереально, и что признания в его камере пыток о сговоре с сатаной, о поездке на метлах на шабаш ведьм, о вызывании бурь, о болезнях и тому подобном были либо результатом безумия, либо готовности признаться во всем и даже умереть, чтобы сократить ужасные пытки, которым обвиняемые во всех случаях подвергались, пока не было получено удовлетворительное признание .

Исходя из этой убежденности в нереальности по крайней мере многих обвинений, Флейд, по-видимому, подействовал, и он сразу же получил свою награду. Он был арестован властью архиепископа и обвинен в том, что продался сатане — возможно, именно факт его колебаний во время преследования наводил на мысль о его вине. Теперь его, в свою очередь, привели в камеру пыток, которой он когда-то руководил, пытали до тех пор, пока он не признался во всем, что предлагали его мучители, и, наконец, в 1589 году его задушили и сожгли.

Об этом судебном процессе есть запись в библиотеке Корнельского университета в виде оригинальных протоколов судебного разбирательства, и среди них показания Флэйда под пытками, записанные из его собственных уст в камере пыток. В этих показаниях этот уважаемый ученый и юрист признал истинность каждого абсурдного обвинения, выдвинутого против него, — всего, что могло положить конец ужасным пыткам: по сравнению с этим смерть была ничем.(255)

(255) Подробнее о случае с Флейдом читайте в тщательном исследовании проф. Берр, Судьба Дитриха Флейда, в документах Американской исторической ассоциации, 1891.

И даже священник, осмелившийся раскрыть нереальность магии, не был в безопасности. Когда Фридрих Шпее, поэт-иезуит из западной Германии, собирая признания тех, кого собирались казнить за колдовство, обнаружил, что все без исключения, перед самым вступлением в вечность и без всякой надежды на помилование, все они отказались от своих признаний, сделанных под пытками, его симпатии как человека возросли над его верностью своему ордену, и он опубликовал свое "Предостережение преступнику" в качестве предупреждения, со всей сдержанностью изложив факты, которые он наблюдал, и необходимость осторожности. Но он не осмелился опубликовать ее под своим именем и даже не осмелился опубликовать в католическом городе; он передал ее миру анонимно, и, чтобы предотвратить какое-либо попадание этой работы к нему через исповедальню, он тайно добился, чтобы ее опубликовали в протестантском городе Ринтельн.

И это было еще не все. Ничто так убедительно не показывает, какое влияние приобрела эта вера в магию, как поведение могущественного друга и современника Шпее, Джона Филиппа фон Шенборна, впоследствии курфюрста и принца-архиепископа Майнца.

В юности Шенборн любил Шпее и восхищался им, особенно отмечая его постоянную меланхолию и поседевшие волосы даже в юности. Когда Шенборн стал настаивать на его правоте, Шпее, наконец, признался, что его печаль, поседевшие волосы и преждевременная старость были вызваны воспоминаниями о множестве мужчин, женщин и детей, которых ему пришлось видеть подвергнутыми пыткам и отправленными на эшафот за магию и колдовство, хотя он, как их отец-исповедник, точно знал, что они невиновны. В результате, когда Шенборн стал курфюрстом и архиепископом Майнца, он прекратил преследования ведьм в этой провинции и предотвращал их до конца своей жизни. Но здесь была продемонстрирована сила богословских и церковных традиций и прецедентов. Даже человек, столь сильный семейными связями и обладающий такой огромной светской и духовной властью, как Шенборн, не осмелился открыто изложить причины такого изменения политики. Насколько известно, он никогда публично не произносил ни слова против реальности магии, и при его преемнике в электорате суды над ведьмами были возобновлены.

Великие приверженцы ортодоксальной точки зрения сохранили полное владение полем боя. Победоносный епископ Тревский Бинсфельд написал книгу, доказывающую, что все признания ведьм под пытками, особенно о вызывании бурь и общем управлении погодой, заслуживают веры; и эта книга стала общепринятым авторитетом по всей Европе, как средикатоликов, так и протестантов. Еще более непреклонным был Ремигиус, судья по уголовным делам Лотарингии. На титульном листе своего руководства он хвастается, что за пятнадцать лет отправил на смерть девятьсот человек за это воображаемое преступление. (256)

(256) О Шпее и Шенборне см. Зольдана и другие немецкие авторитетные источники.

В библиотеке Корнеллского университета хранятся копии первых изданий "Уголовного розыска". Книга Бинсфельда носила название *Tractatus de confessionibus maleficorum et sagarum*. Впервые опубликованная

в Треве в 1589 году, впоследствии она появлялась четыре раза в оригинале на латыни, а также в двух различных немецких переводах и во французском. Руководство Ремигиуса называлось "Демонолатрея" и было впервые напечатано в Лионе в 1595 году.

Протестантизм впал в суеверие так же полно, как и католицизм. В том же столетии Джон Вир, ученик Агриппы, попытался сформулировать благочестивую теорию, которая, хотя и удовлетворяла ортодоксальности, должна была сделать что-то, чтобы остановить ужасающую жестокость вокруг него. В своей книге "De Praestigiis Daemonum", опубликованной в 1563 году, он провозгласил свою веру в колдовство, но предположил, что договоры с сатаной, путешествия по воздуху на метлах, рождение детей сатане, вызывание бурь и вызывающие болезни, в которых так много женщин и детей признались под пытками, были заблуждениями, внушенными и распространяемыми самим сатаной, и что поэтому лиц, обвиненных в колдовстве, следует рассматривать "как одержимых", то есть скорее как согрешивших против, чем грешивших.(257)

(257) Что касается Виера, или Вейера, смотрите, помимо его собственных работ, в превосходной биографии проф. Дж. Binz, of Bonn.

Но ни католики, ни протестанты ни на минуту не стали бы прислушиваться к подобным предположениям. Вир подвергся ожесточенному осуждению и преследованиям. Не лучше обстояли дела и у Беккера, протестантского священника из Голландии, в следующем столетии. За его "Мир заколдованный", в котором он осмелился не только подвергнуть сомнению власть дьявола над погодой, но и вообще отрицать свое телесное существование, он был подвергнут серьезному суду синода своей Церкви и изгнан со своей кафедры, в то время как его взгляды были осуждены как ересь и захлестнуты потоком опровержений, простой перечень которых заполнил бы страницы; и эти случаи были типичны для многих.

Реформация поначалу действительно усилила суеверие; новая Церковь стремилась показать себя такой же ортодоксальной и ревностной, как старая. В течение столетия, последовавшего за первым великим движением, выдающийся лютеранский юрист и теолог Бенедикт Карпцов, который хвастался тем, что прочитал Библию пятьдесят три раза, особенно отличился своим мастерством в демонстрации реальности колдовства и своей жестокостью в его выявлении и наказании. Камеры пыток заработали более энергично, чем когда-либо, и за ними последовала длинная череда юристов-богословов, которые поддерживали эту систему и расширяли ее.

Спорить с этим или даже сомневаться в этом было чрезвычайно опасно. Даже в начале восемнадцатого века, когда Кристиан Томазиус, величайший и храбрейший немец между Лютером и Лессингом, предпринял усилия, которые положили этому конец в протестантской Германии, поначалу, каким бы смелым он ни был, он не осмеливался нападать на это от своего имени, но представлял свои взгляды как университетскую диссертацию безответственного студента.(258)

(258) Что касается Томазиуса, см. Его различные биографии, написанные Люденом и другими; также "трактаты о колдовстве" Солдана и других. Рукописные записи его лекций и копии его самых ранних книг о колдовстве, а также о

других формах безумия можно найти в библиотеке Корнельского университета.

Такое же упорное сопротивление постепенному вторжению научного духа в ортодоксальную доктрину колдовства наблюдалось и в Великобритании. Типичной для отношения как шотландских, так и английских протестантов была теория и практика короля Якова I, который сам был автором книги по демонологии и никем иным, как богословом. Что касается теории, то его трактат по демонологии поддерживал худшие черты этого суеверия; что касается практики, он приказал сжечь палачом ученый и проницательный труд Реджинальда Скотта "Открытие колдовства", один из лучших трактатов, когда-либо написанных на эту тему, и применил свои собственные знания для расследования причин бурь, обрушившихся на его невесту во время ее путешествия из Дании. Умелое использование неограниченных пыток вскоре выявило эти причины. Некий доктор Фиан, в то время как его ноги были раздроблены в "сапогах", а под ногти ему были вбиты клинья, признался, что несколько сотен ведьм вышли в море в решете из порта Лейт и подняли штормы, чтобы вернуть принцессу обратно.

С приходом пуритан преследования стали еще более масштабными, систематическими и жестокими. Великий искатель ведьм Мэтью Хопкинс, проехав по графству Саффолк и подвергнув испытанию множество бедных пожилых женщин, протыкая их булавками и иглами, объявил, что это графство кишит ведьмами. Вслед за этим парламент издал приказ и отправил двух выдающихся пресвитерианских богословов сопровождать его, в результате чего только в этом графстве за один год за колдовство было повешено шестьдесят человек. В Шотландии дела обстояли еще хуже. Аутодафе Испании праздновалось в Шотландии под другим названием, и с пресвитерианскими служителями вместо римско-католических священников в качестве главных сопровождающих. В Лейте в 1664 году девять женщин были сожжены вместе. Осуждения и наказания женщин группами не были редкостью. Пытки применялись гораздо свободнее, чем в Англии, как для выявления ведьм, так и для их наказания. Естественный аргумент, прозвучавший с сотен кафедр, был таков: если Всеведущий Бог наказывает свои создания бесконечными по жестокости и продолжительности пытками, почему бы его служителям, насколько они могут, не подражать ему?

Сильнейшие умы обеих ветвей протестантской церкви Великобритании посвятили себя поддержанию этого суеверия. Новые научные методы мышления, и особенно новые идеи относительно небес, открытые сначала Коперником и Галилеем, а позже Ньютоном, Гюйгенсом и Галлеем, постепенно разрушали все владения Князя Небесной Силы; но от начала до конца длинный ряд выдающихся богословов, англиканцев и кальвинистов, стремились противостоять новой мысли. Со стороны англиканства в семнадцатом веке Мерик Кейсбон, доктор богословия и высокопоставленный сановник Кентербери, Генри Мор, во многих отношениях самый выдающийся ученый Церкви, Кадворт, безусловно, самый выдающийся философ, и доктор Джозеф Гланвил, самый убедительный из всех авторов, выступавших в поддержку колдовства, поддержали ортодоксальное суеверие в трактатах великой силы; а сэр Мэтью Хейл, величайший юрист того периода, приговорив двух женщин к сожжению за колдовство, заявил, что он основывал свое суждение на прямом свидетельстве Священного Писания. На стороне кальвинистов были великие имена Ричарда Бакстера, который аплодировал некоторым из худших проявлений жестокости в Англии, и Инкриджа и Коттона Мэзеров, которые

стимулировали худшее в Америке; и они выдвинули в защиту этого жестокого суеверия длинный ряд выдающихся богословов, возможно, самым серьезным из всех был Джон Уэсли.

Лютеранская церковь Швеции и других скандинавских стран также не отставала от своих сестринских церквей ни в преследовании колдовства, ни в подавлении сомнений относительно доктрины, которая его поддерживала.

Но, несмотря на все эти великие авторитеты во всех странах, несмотря на такие суровые наказания, как у Флейда, Лооса и Беккера, и несмотря на фактическое исключение из церковных привилегий всех, кто сомневался в старой доктрине, новый научный взгляд на небеса развивался все больше и больше; физические науки все больше культивировались; новая научная атмосфера в целом все больше и больше преобладала; и в конце семнадцатого века этот огромный рост суеверий начал увядать. Монтень, Бейль и Вольтер во Франции, Томазиус в Германии, Калеф в Новой Англии и Беккариа в Италии также многое сделали для создания роковой для нее интеллектуальной и моральной атмосферы.

И здесь следует отметить, к чести Англиканской церкви, что несколько ее богословов проявили большое мужество, выступая против господствующей доктрины. Такие люди, как Харснет, архиепископ Йоркский, и Мортон, епископ Личфилдский, которые бросили все свое влияние на борьбу с жестокостью по поиску ведьм еще в начале семнадцатого века, заслуживают бесконечной благодарности. Но особенно следует отдать должное молодым людям в Церкви, которые подробно писали против всей системы: таким людям, как Уэгстафф, Вебстер и Хатчинсон, которые в более скромных рядах духовенства мужественно отстаивали истину, будучи уверенными, что, поступая таким образом, они делают невозможным свое собственное продвижение по службе.

К началу восемнадцатого века эта доктрина, очевидно, начала отмирать. Там, где пытки были отменены или даже смягчены, "создатели погоды" больше не признавались, и фундаментальные доказательства, на которых зиждилась система, очевидно, ускользали. Даже великий теолог Фромундус из Лувенского университета, оракул своего времени, продемонстрировавший тщетность теории Коперника, предвидел это и предпринял неизбежную попытку компромисса, заявив, что дьяволы, хотя и ЧАСТО, не ВСЕГДА и даже не по большей части являются причинами грома. Ученый иезуит Каспар Шотт, чья "Любопытная физика" была одной из самых популярных книг семнадцатого века, также осмелился сделать такое же мягкое заявление. Но даже такие уступки таких великих поборников ортодоксии не помешали неистовым усилиям в различных кругах вернуть мир к старой догме: еще в 1743 году в католической Германии было опубликовано руководство отца Винсента Бергского, в котором суеверию преподавалось в полной мере, с заявлением, что оно было выпущено для использования священниками с явного разрешения профессоров-богословов Кельнского университета; а двадцать пять лет спустя, в 1768 году, мы находим в протестантской Англии Джона Уэсли, твердо стоящего на стороне колдовства и произносящего свое знаменитое заявление: "Суеверие - это зло". отказ от колдовства - это, по сути, отказ от Библии ". Последняя заметная демонстрация в Шотландии была проведена еще в 1773 году, когда "богословы Ассоциированной пресвитерии" приняли резолюцию, в которой заявили о своей вере в колдовство и выразили сожаление по поводу общего скептицизма по отношению к нему.(259)

(259) Что касается Карпцова и его преемников, смотрите в уже приведенных источниках. Лучший отчет о доле Джеймса в вымогательстве признаний можно

найти в сборнике любопытных трактатов, опубликованных в Эдинбурге в 1820 году. Смотрите также "Демонологию короля Джеймса" и "Уголовные процессы Шотландии на Питкэрне", том i, часть ii, стр. 213-223. Что касается Кейсобона, см. Его Доверчивость и недоверие к естественным вещам, стр. 66, 67. О Глэнвиле, Море, Кейсобоне, Бакстере, Уэсли и других названных лицах см. Леки, как указано выше. Что касается Инкрима Мазера, то в его уже цитировавшихся проповедях "О голосе Бога в штормовых ветрах", Бостон, 1704 г., он говорит: "Когда случаются великие бури, Ангелы часто прикладывают к этому Руку ... Да, и иногда, с Божественного Позволения, Злые Ангелы прикладывают Руку к таким Бурям, которые очень вредны для Людей на Земле". И все же "по большей части такие Бури посылаются Божьим Провидением как Знак Его Неудовольствия за грехи Людей", а иногда "как Предвестники и ужасные предупреждения о грядущих Великих Судах". С высоты своей эрудиции Мазер таким образом упрекает робкий голос научного скептицизма: "Есть люди, которых можно было бы считать Умами Всего Мира, которые высмеивают тех, кто Суеверен и Слаб, кто смотрит на Ужасные Бури как на Продром других Суждений. Тем не менее, наиболее Образованные и рассудительные Писатели не только из язычников, но и среди христиан придерживались такого Убеждения; их Мнение подтверждается Опытом многих веков". О другом любопытном повороте, приданном этой теории применительно к санитарной науке, см. Знаменитую проповедь Деодата Лоусона в Салеме в 1692 году "О том, что верность Христа - щит от злобы сатаны", стр. 21 второго издания. О Коттоне Мазере читайте в его биографии Барретта Венделла, стр. 91, 92; также в главе о дьяволизме и истерии в этой работе. О Фромунде см. в его "Метеорологике" (Лондон, 1656), lib. iii, с. 9 и lib. ii, с. 3. О Шотте см. Его "Любопытную физику" (издание Вюрцбурга, 1667 г.), стр. 1249. Что касается отца Винсента Бергского, см. в его "Энхиридиум четырехчастный" (Кельн, 1743). Помимо благословений и экзорцизмов для любых чрезвычайных ситуаций, он содержит полные инструкции по изготовлению Agnes Dei и другой священной панацеи под названием "Хейлигтум", не менее эффективной против злых сил, — дает формулы для защиты от дьявола, — предлагает список признаков, по которым можно распознать дьявольскую одержимость, и предписывает вопрос, который должны задавать священники при допросе ведьм. Что касается Уэсли, смотрите в его дневнике за 1768 год. Вся цитата приведена в Lecky.

IV. ГРОМООТВОД ФРАНКЛИНА.

Но в разгар этих попыток католиков, таких как отец Винсент, и протестантов, таких как Джон Уэсли, спасти старую священную теорию, она получила смертельный удар. В 1752 году Франклин проводил свои эксперименты с воздушным змеем на берегах Шайлkill; и в тот момент, когда он извлек электрическую искру из облака, вся грандиозная система теологической метеорологии, воздвигнутая отцами церкви, папами, средневековыми врачами и длинной чередой великих теологов, католиков и протестантов, рухнула; "Князь Власти Воздуха" рухнул со своего места; великая доктрина, которая так долго поражала землю, была повержена навсегда.

Эксперимент Франклина повторялся в различных частях Европы, но поначалу Церковь, казалось, старалась не обращать на это внимания. Старые церковные формулы против Князя Силы Воздуха все еще использовались, но теологическая теория, особенно в протестантской церкви, начала становиться более мягкой. Через четыре года после открытия Франклина пастор Карл Кокен, член Консistorии и официальный проповедник городского совета Хильдесхайма, был вынужден из-за сильного ливня с градом проповедовать и опубликовать проповедь об Откровении Бога в погоде. О "Князе Силы Воздуха" он ничего не говорит; теорию дьявольской силы он вообще выбрасывает за борт; вся его попытка состоит в том, чтобы спасти более старую и безобидную теорию, согласно которой буря - это глас Божий. Он настаивает на том, что, поскольку Христос сказал Никодиму, что люди "не знают, откуда дует ветер", он не может иметь чисто естественного происхождения, но посылается непосредственно самим Богом, как намекает Давид в Псалме, "из Своих тайных мест". Что касается града, он делает большое ударение на нашествии града, посланного Всемогущим на Египет, и завершает все настаиванием на том, что Бог показал на горе Синай свое намерение напугать тело, прежде чем воздействовать на совесть.

В то время как теория дьявольского влияния на штормы, таким образом, слабела и умирала, были предприняты очень умелые попытки найти компромисс. Первую из этих попыток мы уже отмечали в попытке объяснить эффективность колоколов во время штормов их простым использованием для побуждения верующих к молитве, а также в уступке, сделанной различными теологами и даже самим великим лордом Бэконом, что церковные колокола могут, с санкции Провидения, рассеивать штормы, сотрясая воздух. Это несколько укрепило позиции, хотя и встретило сопротивление со стороны одного видного церковного авторитета, который проницательно ответил, что в этом случае пушки были бы еще более благочестивыми орудиями. Еще одним аргументом, использованным в попытке спасти эту часть теологической теории, было то, что колокола были освященными инструментами для этой цели, "подобно трубам, от дуновения которых пали стены Иерихона".(260)

(260) О Кокене см. В его "Offenbarung Gottes" в Веттере, Хильдесхайм, с1756; а ответ Бэкону см. в "De Benedictionibus" Грецера, lib. ii, глава 46.

Но эти компромиссы были малоэффективны. В 1766 году отец Стерцингер подверг критике саму основу всей дьявольской теории. Конечно, на него жестоко нападали, оскорбляли и

ненавидели, но Церковь сочла за лучшее не осуждать его. Все больше и больше "Князь Воздушной мощи" отступал перед громоотводом Франклина. Старая Церковь, цепляясь за старую теорию, в конце концов была вынуждена признать практическое превосходство теории Франклина; ибо его громоотвод сделал то, чего не смогли сделать экзорцизмы, святая вода, процессии, Agnus Dei, звон церковных колоколов, дыба и сожжение ведьм. Это было ясно видно даже беднейшим крестьянам восточной Франции, когда они заметили, что величественный шпиль Страсбургского собора, который ни святость места, ни колокола внутри него, ни святая вода и реликвии под ним не могли защитить от частых ударов молнии, был раз и навсегда защищен жезлом Франклина. Тогда в умах множества людей возник ответ на вопрос, который так долго волновал ведущих богословов Европы и Америки, а именно: "Почему Всемогущий должен наносить удары по своим собственным освященным храмам или позволять сатане наносить удары по ним?"

Однако даже это практическое решение вопроса не было встречено без возражений.

В Америке землетрясение 1755 года широко приписывалось, особенно в Массачусетсе, жезлу Франклина. Преподобный Томас Принс, пастор церкви Старого Юга, опубликовал проповедь на эту тему, а в приложении выразил мнение, что частота землетрясений может быть обусловлена установкой "железных наконечников, изобретенных проницательным мистером Франклином". Далее он утверждает, что "в Бостоне возведено больше зданий, чем где-либо еще в Новой Англии, и Бостон, кажется, потрясен сильнее. О, от могучей руки Божьей никуда не деться".

Три года спустя Джон Адамс, рассказывая о беседе с Арбутнотом, бостонским врачом, говорит: "Он начал разглагольствовать о презумпции философии при установке железных прутьев для отвода молнии из облаков. Он ругался с пеной у рта против доводов и самонадеянности, которые их выдвигали. Он говорил о том, что возлагает надежды на Бога, когда Петр пытался ходить по воде, и о попытке управлять небесной артиллерией".

Еще в 1770 году религиозные сомнения по поводу громоотводов все еще ощущались, теория заключалась в том, что, поскольку гром и молния были знаками Божественного недовольства, было нечестием мешать им выполнять свою работу в полном объеме. К счастью, проф. Джон Уинтроп из Гарварда проявил себя мудрым в этом, как и во многих других вещах: в лекции о землетрясениях он выступил против господствующей теологии; а что касается аргументов против розг Франклина, он заявил: "Наш долг в такой же степени обезопасить себя от воздействия молнии, как и от дождя, снега и ветра, средствами, которые Бог дал в наши руки".

Тем не менее, в течение нескольких лет к богословским настроениям приходилось относиться осторожно. В Филадельфии популярный лектор по естественным наукам, продолжавшийся некоторое время после открытия Франклина, счел за лучшее в рекламе своих лекций объяснить, что "установка громоотводов не является презумпцией и не противоречит ни одному из принципов естественной религии или богооткровенной религии".(261)

(261) Что касается противодействия розгам Франклина в Америке, см. проповедь Принса, особенно стр. 23; также Куинси, История Гарвардского университета, том. ii, стр. 219; также Работы Джона Адамса, т. ii, стр. 51, 52; также "Жизнь Франклина" Партона, том i, стр. 294.

В Англии первый громоотвод на церкви был установлен только в 1762 году, через десять лет после открытия Франклина. Шпиль церкви Святой Невесты в Лондоне был сильно поврежден молнией в 1750 году, а в 1764 году шторм так разрушил его каменную кладку, что его пришлось в основном восстанавливать; однако в течение многих лет после этого власти отказывались устанавливать громоотвод. Протестантский собор Святого Павла в Лондоне был защищен только через шестнадцать лет после открытия Франклина, а башня великой протестантской церкви в Гамбурге - еще год спустя. Еще в 1783 году в Германии на основании авторитетных источников было объявлено, что в течение тридцати трех лет было повреждено почти четыреста башен и убито сто двадцать звонарей.

В римско-католических странах проявился аналогичный предрассудок, и его цена порой была очень высока. В Австрии церковь Розенберга, расположенная в горах Каринтии, подвергалась обстрелам так часто и с такими человеческими жертвами, что крестьяне в конце концов боялись посещать службу. Шпиль трижды перестраивался, и только в 1778 году — через двадцать шесть лет после открытия Франклина — власти разрешили прикрепить стержень. Тогда все неприятности прекратились.

Типичным случаем в Италии была история с башней Святого Марка в Венеции. Несмотря на ангела на ее вершине и колокола, освященные для защиты от атмосферных воздействий, и реликвии в соборе неподалеку, и процессии на прилегающей площади, башня часто повреждалась и даже разрушалась молниями. В 1388 году она была сильно разрушена; в 1417 и снова в 1489 году деревянный шпиль, венчающий ее, был полностью разрушен; она снова сильно пострадала в 1548, 1565, 1653 годах, а в 1745 году получила удар такой силы, что вся башня, которая была восстановлена из камня и кирпича, была разрушена в тридцати семи местах. Хотя изобретение Франклина было введено в Италии физиком Беккариа, башня Святого Марка по-прежнему оставалась незащищенной и снова подверглась сильным ударам в 1761 и 1762 годах; и только в 1766 году — через четырнадцать лет после открытия Франклина - на нее установили громоотвод; и с тех пор в нее больше никогда не били.(262)

(262) О нежелании в Англии защищать церкви розгами Франклина см. Пристли, "История электричества", Лондон, 1775, том i, стр. 407, 465 и далее.

Точно так же, хотя прекрасная башня Сиенского собора, защищенная всеми возможными теологическими средствами, подвергалась ударам снова и снова, было оказано большое сопротивление установке на нее того, что обычно называлось "еретическим жезлом", но башня наконец была защищена изобретением Франклина, и в 1777 году, хотя по стержню прошел очень тяжелый засов, церковь не получила ни малейшего повреждения. Это послужило примирению теологии и науки, насколько это касалось этого города; но случай, который больше всего способствовал обращению итальянских богословов к научным взглядам, был случай с церковью Сан-Назаро в Брешии. Венецианская республика хранила в подвалах этой церкви более двухсот тысяч фунтов пороха. В 1767 году, через семнадцать лет после открытия Франклина, поскольку на него не клали стержень, в него ударила молния, порох в хранилищах взорвался, была разрушена шестая часть всего города и погибло более трех тысяч человек.(263)

(263) См. статью о молнии в "Эдинбург Ревью" за октябрь 1844 года.

Подобные примеры во всех частях Европы возымели свое действие. Формулам для вызывания грозы, для освящения колоколов, чтобы отгонять молнии и бури, и для обращения в бегство воздушных сил все еще разрешалось присутствовать в литургиях; но громоотвод, барометр и термометр возвещали день. Энергичная цепочка исследователей, пришедших на смену Франклину, завершила его победу: путешественник в отдаленных районах Европы все еще слышит звон церковных колоколов во время бури; польского или итальянского крестьянина все еще убеждают платить пошлину за звон колоколов, чтобы предотвратить грозы с градом; но всеобщая тенденция все больше и больше благоприятствует использованию громоотвода и страховых контор, где люди могут быть избавлены от разрушительных последствий метеорологических возмущений в соответствии с научными законами среднего показателя, основанными на достоверном повторении штормов. Точно так же, хотя многие бедные моряки полагаются на свое обаяние, омытые святой водой или прикоснувшиеся к какой-нибудь реликвии, моряки склонны все больше и больше ценить те предупреждения, которые каждый день рассылаются повсюду по земле и под водой по электрическим проводам в соответствии с законами, установленными наблюдением.

Однако даже в наше время попытки возродить старую теологическую доктрину метеорологии не оставляют желать лучшего. Два из них, один в римско-католической, а другой в протестантской стране, послужат прообразами многих, чтобы показать, насколько полно научная истина пропитала умы, которые, как предполагается, полностью подчинены теологическим взглядам.

Остров Святой Оноре, неподалеку от южного побережья Франции, заслуженно является одним из самых почитаемых мест в христианском мире. Леринский монастырь, основанный там в четвертом веке, стал родоначальником аналогичных учреждений в Западной Европе и центром религиозного обучения для христианского мира. В его атмосфере легенды и мифы росли в красоте и роскоши. Здесь, как рассказывают нам хронисты, при прикосновении Святого Онора, извергся поток живой воды, который недавний историк монастыря называет большим чудом, чем чудо Моисея; здесь он уничтожил прикосновением своего посоха пресмыкающихся, наводнивших остров, а затем заставил море смыть их мерзкие останки. Здесь, в угоду своей сестре Святой Маргарите, каждый месяц пышно цвело вишневое дерево; здесь он бросал свой плащ на воду, и он превращался в плот, который благополучно доставлял его на соседний остров; здесь святой Патрик получил от Сен-Жюста посох, которым он, подражая святому Онорату, изгнал всех рептилий из Ирландии. Разграбленный сарацинами и пиратами, остров стал еще более ценным благодаря крови христианских мучеников. Папы и короли совершали к нему паломничества; святые, исповедники и епископы разъезжались от него по всей Европе; в одной из его келий святой Винсент Леринский написал то знаменитое определение чистой религии, которое на протяжении почти полутора тысяч лет фактически вытесняло определение святого Иакова. Естественно, монастырь стал самым знаменитым, а его резиденция - "Средиземноморским островом святых".

Но к концу прошлого столетия его обитатели стали ленивыми и развращенными, его разобрали, снесли все, кроме небольшой части, и остров стал достоянием сначала нечестия,

воплощенного во французской актрисе, и, наконец, ереси, воплощенной в английском священнике.

Выкупленный для церкви епископом Фрежюса в 1859 году, в течение двенадцати лет жизнь здесь почти не оживала. Затем наступила реакция, религиозных и политических, после унижения Франции и Ватикана Германией; и эта реакция монастырь Св. Онора была сделана одна из самых ярких внешние и видимые признаки. Пий IX проявил к нему непосредственный интерес, созвал в него группу монахов-цистерцианцев, и он стал главной резиденцией их ордена во Франции. Чтобы восстановить его святость, была установлена строгая система La Trappe - труд, молчание, медитация на смерть. Слово, данное таким образом из Рима, было поддержано во Франции кардиналами, архиепископами и всеми церковниками, особенно стремящимися к продвижению в этом мире или спасению загробном. Измученные герцоги и герцогини Сен-Жерменского предместья объединились в этом предприятии благочестивой реакции с легкомысленной молодежью, *petits creves*, которые населяют площадь Нотр-Дам-де-Лоретт. Большая церковь монастыря была великолепно перестроена и воздвигнуто множество алтарей, а прекрасные фрески и витражи были сделаны лидерами реакции. Весь эффект был, возможно, несколько театральным и неубедительным, но от этого он не стал менее серьезным в превращении старого "Острова святых" в протест против ненавистного современного мира.

Как бы бросая еще больший вызов современному либерализму, было отправлено огромное количество реликвий; среди них части истинного креста, белые и пурпурные одежды, терновый венец, губка, копьё и покрывало Христа, волосы, одеяние, вуаль и пояс Пресвятой Богородицы; мощи святого Иоанна Крестителя, святого Иосифа, святой Марии Магдалины, Святого Павла, святого Варнавы, четырех евангелистов и множества других святых: так много, что простое упоминание об этих сокровищах требует двадцати четырех отдельных голов в каждой. официальный каталог, недавно опубликованный в монастыре. Помимо всего этого — что считалось еще более действенным средством защиты от вреда, причиняемого возрожденным монастырем, — кости христианских мучеников были принесены из римских катакомб и положены под алтари.(264)

(264) См. "Путеводитель для посетителей Лерена", изданный в монастыре в 1880 году, стр. 204; также "Историю Лерена", упомянутую ниже.

Таким образом, все соответствовало средневековому представлению; не должно было остаться ничего, что могло бы напоминать о девятнадцатом веке; "века веры" должны были быть восстановлены в их простоте. Папа Лев XIII высоко оценил труды святого Фомы Аквинского как единственный великий объект их изучения, а в трудах, опубликованных в монастыре, подробно рассказывалось о чудесах святого. Гонора как самое ценное опровержение современной науки.

Высоко в куполе, над алтарями и реликвиями, были установлены колокола. Присланные благочестивыми жертвователями, они были торжественно крещены и освящены в 1871 году, их совершали четыре епископа, присутствовало множество верующих со всех концов Европы, а спонсорами большого тенорового колокола были претендент Бурбонов на герцогский трон Пармы и его герцогиня. Добрый епископ, который крестил колокола, освятил их формулой, объявляющей об их эффективности в изгнании "Князя Силы Воздуха", а также молний и бурь, которые он провоцирует.

И затем, прежде всего, на вершине центрального шпиля, высоко над реликвиями, алтарями и колоколами, был установлен ГРОМООТВОД!(265)

(265) См. Руководство, как указано выше, стр. 84. "Острова Лерин" аббата Аллиеца (Париж, 1860) и "История Лерин" того же автора, являются авторитетами в общей истории аббатства и особенно убедительны в описании чудес св. Онора и т.д. Недавно опубликованный монастырский сборник также ценен. Но они не охватывают недавнее возрождение, за описанием которого следует обратиться к уже цитированному очень интересному и наивному Руководству.

Рассказ о монастыре, опубликованный под руководством нынешнего достойного настоятеля, более чем намекает на спасение своими колоколами корабля, потерпевшего крушение несколько лет назад уэтого побережья; и все же, чтобы защитить колокола, церковь, монахов и реликвии от того самого врага, которого в средневековой вере все это считалось самым могущественным средством изгнать, пришлось прибегнуть к научному открытию этого "заклятого неверующего" Бенджамина Франклина!

Возможно, самый яркий недавний пример в протестантских землях такого перехода от старого к новому произошел незадолго до этого в одной из великих тихоокеанских зависимостей британской короны. Во время сильной засухи к епископу, доктору Мурхаусу, было обращено обращение с просьбой заказать публичные молитвы о дожде. Епископ отказался, посоветовав просителям в будущем лучше заботиться о своем водоснабжении, фактически сказав им: "Небеса помогают тем, кто помогает себе сам". Но самым примечательным в этом вопросе было то, что английское правительство вскоре после этого, осматривая горизонт в поисках человека, способного продолжить доброе дело, начатое оплакиваемым епископом Фрейзером из Манчестера, выбрало доктора Мурхауза; и его высказывание о метеорологии, которое несколькими поколениями позже вся Церковь сочла бы богохульством, повсеместно упоминалось как пример сильного здравого смысла, доказывающий, что он особенно подходит для одного из самых важных епископств Англии.

Во всем христианском мире все более и более очевидным становится преобладание убеждения в том, что метеорология подчиняется законам. Особенно в городах, где люди привыкли каждый день видеть вывешенные в общественных местах карты, показывающие штормы, надвигающиеся на различные части страны, и читать в утренних газетах научные предсказания относительно погоды, старая точка зрения вряд ли может иметь большое влияние.

Важным из этого было чувство американского народа во время страшных засух, произошедших несколько лет назад в Штатах к западу от Миссури. Не было назначено дней для поста и молитвы, чтобы вызвать дождь; не было приписывания бедствия гневу Божьему или злобе сатаны; но много говорилось о безрассудстве нашего народа, позволившего лишиться леса верховья своих обширных рек, тем самым подвергнув нижние штаты чередованию засухи и потопа. Отчасти в результате этого было положено начало преподаванию лесной культуры во многих школах, были созданы общества по посадке деревьев, и "День дерева" признан в нескольких штатах. Истинное и благородное богословие вряд ли может не признать в любви к природе и заботе о наших ближних, поощряемых таким образом, нечто гораздо лучшее, как с

религиозной, так и с моральной точки зрения, чем любые попытки снискать благосклонность Божью лестью или отвратить сатанинскую злобу фетишизмом.

ГЛАВА XII. ОТ МАГИИ К ХИМИИ И ФИЗИКЕ.

Я.

Во всех самых ранних проявлениях человеческой мысли мы обнаруживаем сильную тенденцию приписывать таинственную власть над Природой мужчинам и женщинам, особенно одаренным или умелым. Пережитки этой точки зрения встречаются и по сей день среди дикарей и варваров, отставших в развитии цивилизации, и особенно это касается племен Австралии, Африки и Тихоокеанского побережья Америки. Даже в самых просвещенных странах все еще существуют популярные верования, обряды или поговорки, заимствованные из этой более ранней стадии мышления.

Между доисторическим дикарем, разрабатывающим эту теорию и, следовательно, пытающимся справиться с силами Природы с помощью магии, и современным человеком, переросшим ее, возникает длинный ряд наций, борющихся за ее развитие. По мере прочтения иероглифов, клинописных надписей и различных других свидетельств древности можно изучать развитие этой веры в Египте, Индии, Вавилонии, Ассирии, Персии и Финикии. От этих цивилизаций оно вошло в раннюю мысль Греции и Рима, но особенно в еврейские и христианские священные книги. Как в Ветхом, так и в Новом Завете мы находим магию, колдовство и прорицания, постоянно упоминаемые как реальности.(266)

(266) О магии в доисторические времена и ее пережитках с тех пор, с многочисленными ссылками на авторитетные источники, см. Тайлор, Примитивная культура, глава

iv; также Ранняя история человечества того же автора, третье издание, стр. 115 и далее, также стр. 380.; также Эндрю Лэнг, Миф, ритуал, и религия, том i, глава iv. О магии в Египте см. Ленорман, Халдейская магия, ребята. vi-viii; также Масперо, "Древняя история народов Востока"; также Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", стр. 282, а об угрозе магов разрушить небеса см. там же, стр. 17, примечание, и особенно цитаты из Шабаса, "Магический папирус" Харриса, в главе vii; также Мори, "Магия и астрология в древности и в наши дни". О магии в Халдее см. Ленорман, как указано выше; также Масперо и Сэйс, стр. 780 и далее. Примеры магических сил в Индии см. в книге Макса Мюллера "Священные книги Востока", том XVI, стр. 121 и далее. Легендарный взгляд на магию в СМИ можно найти в "Зенд Авесте", часть i, стр. 14, переведенной Дармстетером; а более развернутый взгляд - в "Зенд

Авесте", часть iii, стр. 239, переведенной Миллем.

О магии в Греции и Риме, и особенно в неоплатонической школе, а также в средние века, см., в частности, Мори, "Магия и астрология", гл. iii-v. О различных видах магии, признанных и осуждаемых в наших священных книгах, см. Второзаконие XVIII, 10, 11; а о сожжении магических книг в Эфесе под влиянием святого Павла см. Деяния XIX, 14. См. Также Эвальд, "История Израиля", перевод Мартино, четвертое издание, т. iii, стр. 45-51. Для очень подробного обобщения отрывков из наших священных книг, признающих магию как факт, см. De Haen, De Magia, Лейпциг, 1775, главы. i, ii и iii из первой части. Чтобы узнать об общей теме магии, см. Эннемозер, "Историю магии", переведенную Ховиттом, в которой, однако, постоянно смешивается колдовство с собственно магией.

Первый отчетливый импульс к более высокому взгляду на исследование законов природы был дан греческими философами. Это правда, что философское противодействие физическим исследованиям временами было сильным, и что даже такой великий мыслитель, как Сократ, рассматривал определенные физические исследования как нечестивое вмешательство в дело богов. Верно также, что Платон и Аристотель, с великой красотой и силой воплощая свои мысли в мире, многое сделали для того, чтобы отвлечь человечество от тех методов, которые в наше время дали наилучшие результаты.

Платон создал мир, в котором у физических наук было мало реальных причин для существования, если вообще были какие-либо реальные причины для существования; Аристотель - мир, в котором те же науки развивались в основном за счет наблюдения за тем, что есть, но еще больше за счет рассуждений о том, что должно быть. От первого из этих двух великих людей в христианскую теологию пришли многие зародыши средневековой магии, а от второго - различные способы рассуждения, которые способствовали их эволюции; однако импульс человеческой мысли, данный этими великими мастерами, имел неоценимую ценность для нашей расы, и одно их наследие было особенно ценным — идея о том, что наука о природе возможна и что высшее занятие человека - открытие ее законов. Еще один их дар был величайшим из всех, ибо они дали научную свободу. Они не налагали запретов на новые пути; они не ставили преград распространению знаний; они не угрожали никакой гибелью исследователям в этой жизни или в следующей; они оставляли миру свободу искать любые новые методы и следовать любым новым путям, которые могли найти мыслящие люди.

Это наследие веры в науку, уважения к научным занятиям и свободы научных исследований было особенно воспринято Александрийской школой, и прежде всего Архимедом, который незадолго до христианской эры начал открывать новые пути в великой области индуктивных наук путем наблюдения, сравнения и эксперимента.(267)

(267) Что касается зарождения физической науки в Греции и теологической оппозиции физической науке, а также точки зрения Сократа на определенные отрасли, запрещенные для изучения человеком, см. Историю Греции Грота, том i, стр. 495 и 504, 505; также

введение Джоветта к его переводу "Тимея" и "Историю индуктивных наук" Уэвелла. Примеры, показывающие несовместимость методов Платона в физической науке с методами, применяемыми в наше время, см. Зеллер, "Платон и старая академия", английский перевод Аллейна и Гудвина, стр. 375 и далее. Предполагаемое противодействие свободе мнений в Законах Платона ближе к концу его жизни вряд ли может противоречить всему духу греческой мысли.

Установление христианства, положившее начало новой эволюции теологии, остановило нормальное развитие физических наук более чем на полторы тысячи лет. Причина этого ареста была двоякой: во-первых, была создана атмосфера, в которой едва могли прорасти зародыши физической науки, — атмосфера, в которой все поиски в Природе истины как таковой считались тщетными. Общее убеждение, почерпнутое из Священных Писаний Нового Завета, заключалось в том, что конец света близок; что приближается страшный суд; что вся существующая физическая природа скоро будет уничтожена: следовательно, величайшие мыслители Церкви обычно презирали всех исследователей науки о природе и настаивали на том, что все, кроме спасения душ, было безумием.

Это верование часто встречается на протяжении всего периода Средневековья, но в течение первого тысячелетия оно явно доминирует. От Лактанция и Евсевия в третьем веке, с презрением относившихся, как мы видели, к занятиям астрономией, до Петра Дамиана, известного канцлера папы Григория VII, в одиннадцатом веке объявившего все мирские науки "абсурдом" и "глупостями", это становится очень важным элементом атмосферы мышления. (268)

(268) О взглядах Питера Дамиана и других представителей средневековья на тщетность научных исследований см. Цитаты в Eicken, *Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung*, глава vi.

Затем также был установлен стандарт, которому должна была соответствовать вся наука, пробивающаяся сквозь эту атмосферу, — стандарт, который отдавал предпочтение магии, а не науке, поскольку это был стандарт жесткого догматизма, основанный на буквальном прочтении еврейских и христианских Писаний. Самые тщательные выводы из установленных фактов считались крайне ошибочными по сравнению с любым взглядом на природу, который был дан или даже намекался в любой поэме, хронике, кодексе, апологии, мифе, легенде, аллегории, письме или рассуждении любого рода, которые случайно сохранились в литературе, которая стала почитаться священной.

Таким образом, в течение двенадцати столетий господствующая ортодоксальность препятствовала развитию физических наук или извращала их. Тот, кто изучал природу, изучал ее либо открыто, чтобы найти иллюстрации к священному тексту, полезные для "спасения душ", либо тайно, чтобы заручиться помощью оккультных сил, полезных для получения личной выгоды. Великие люди, такие как Беда, Исидор Севильский и Рабанус Маурус, приняли библейский стандарт науки и использовали его как средство христианского назидания. Взгляды Беды и Исидора на родственные темы были показаны в предыдущих главах; и типичным для точки зрения Рабануса является тот факт, что в его великом труде о Вселенной

есть только две главы, которые, кажется, прямо или косвенно признают даже зачатки настоящей философии природы. Множество менее известных людей находили в Священном Писании оправдание магии, применяемой для менее достойных целей.(269)

(269) В качестве типичных примеров см. высказывания Евсибия и Лактанция относительно астрономов, приведенные в главе об астрономии. Краткое изложение физического учения Рабануса Маурса см. Хеллер, "Основы физики", том i, стр. 172 и далее. О Беде и Исидоре читайте в более ранних главах этой работы. Отличное утверждение относительно применения стандартов Священного Писания к научным исследованиям в средние века см. Кречемп, "Die physische Erdkunde im christlichen Mittelalter", стр. 5 и далее. О различиях в магии, признанных в средневековой церкви, см. Длинный каталог различных видов, приведенный в "Теологической энциклопедии" аббата Миня, третья серия, статья "Магия".

Но по прошествии тысячи лет, на которые различные мыслители в Церкви, предположительно на основании Священных Писаний, удлинит срок существования земли, "конец всего сущего" казался более отдаленным, чем когда-либо; и в двенадцатом и тринадцатом веках, по причинам, на которых нет необходимости здесь останавливаться, произошло великое возрождение мысли, так что силы теологии и науки, казалось, приготовились к состязанию. С одной стороны, произошло возрождение религиозного рвения, и по сей день работы строителей собора отмечают его глубину и силу; с другой стороны, возник новый дух исследования, воплощенный в ряду выдающихся мыслителей.

Первым среди них был Альберт Болльштадтский, более известный как Альберт Великий, самый известный ученый своего времени. Каким бы скованным он ни был методами, санкционированными Церковью, каким бы мрачным ни было все вокруг него, он придумал лучшие методы и цели; его взгляд пронзал туман схоластики. Он увидел свет и попытался привлечь к нему весь мир. Он стоит среди великих пионеров физики и естествознания; он помог заложить основы ботаники и химии; он превзошел свое время и нанес тяжелый удар тем, кто выступал против возможности существования человеческой жизни на противоположных сторонах земли; он отметил влияние гор, морей и лесов на расы и продукты, так что Гумбольдт справедливо находит в своих работах зачатки физической географии как всеобъемлющей науки.

Но старая система вывода научной истины из текстов Священного Писания была обновлена в ходе развития схоластического богословия, и церковная власть, действующая через тысячи тонких каналов, была призвана способствовать этому развитию. Была возрождена старая идея о тщетности физической науки и об огромном превосходстве теологии. Хотя главным усилием Альберта была христианизация науки, власти доминиканского ордена расправились с ним, подвергли подозрению и унижению, и он избежал преследований за колдовство, только поддавшись церковному духу того времени и, наконец, работая в теологических каналах схоластическими методами.

Это была огромная потеря для земли; и, конечно, из всех организаций, у которых есть основания сетовать на давление церковности, которое повернуло Альберта Великого от натурфилософии к теологии, прежде всего сожалеть следует о Христианской церкви, и

особенно о ее римской ветви. Если бы в течение XIII века в Церкви развилась вера, достаточно сильная, чтобы принять истины естествознания, которые могли бы дать Альберт и его коллеги, и поощрять их рост, эта вера и это ободрение по сей день служили бы величайшим аргументом в пользу того, что Церковь находится непосредственно под Божественным руководством; они были бы одной из самых ярких драгоценностей в ее короне. Потеря для Церкви из-за этого недостатка веры и мужества оказалась в конечном счете даже большей, чем потеря для науки.(270)

(270) Для очень тщательного обсуждения силы Альберта в исследовании и слабости в уступке авторитету схоластов, см. Копп, *Ansichten über die Aufgabe der Chemie von Geber bis Stahl*, Брауншвейг, 1875, стр. 64 и далее. Очень подробный и полный энтузиазма биографический очерк см. В Pouchet. Для сравнения его работы с работой Фомы Аквинского см. Милман, *История латинского христианства*, том vi, стр. 461. "Il etat aussi tres-habile dans les arts mecaniques, ce que le fit soupconner d'etre sorcier" (Sprengel, *Histoire de la Medecine*, vol. ii, p. 389). Биографию Альберта, трактуемую строго в соответствии с церковными методами, см. "Альберт Великий" Иоахима Сигарта, переведенную преподобным Т. А. Диксоном из Ордена проповедников, опубликованную с разрешения доминиканского цензора и кардинала архиепископа Вестминстерского, Лондон, 1876. Как такой англичанин, как кардинал Мэннинг, мог терпеть среди англичан такое приукрашивание исторической правды - одно из чудес современной истории. Информацию о отборных образцах смотрите в главах ii и iv. Одно из лучших и самых последних резюме см. В Heller, *Geschichte der Physik*, Штутгарт, 1882, том i, стр. 179 и далее.

Следующим великим человеком того времени, которого богословские и церковные силы того времени свернули с правильного пути, был Винсент из Бове. В течение первой половины XII века он посвятил себя изучению Природы в нескольких ее наиболее интересных областях. Астрономии, ботанике и зоологии он уделял особое внимание, но в более широком смысле он занимался общим изучением Вселенной и в серии трактатов предпринял попытку раскрыть всю область науки. Но его работа просто стала обширным комментарием к рассказу о сотворении мира, приведенному в книге Бытия. Начиная с работы Троицы при сотворении мира, он переходит к подробному описанию работы ангелов во всех их областях и совершает экскурсии в каждую часть творения, видимую и невидимую, но всегда с самым полным подчинением своей мысли буквальным утверждениям Священного Писания. Если бы он встал на путь экспериментальных исследований, мир обогатился бы ценнейшими открытиями; но сила, которая дала неверное направление Альберту Болльштадтскому, несмотря на то, что за ним стояла вся церковная власть его времени, была слишком велика, и во всем труде жизни Винсента не видно ничего сколько-нибудь ценного. Он создал структуру, в которой адаптация фактов к буквальному толкованию Священного Писания и применение теологических тонкостей к природе в совокупности образуют один из самых поразительных памятников человеческих ошибок.(271)

(271) For Vincent de Beauvais, see Etudes sur Vincent de Beauvais, par l'Abbe Bourgeat, chaps. xii, xiii и xiv; также Pouchet, Histoire des Sciences Naturelles au Moyen Age, Париж, 1853, стр. 470 и далее; также другие истории, цитируемые ниже.

Но богословский дух тринадцатого века одержал свою величайшую победу в трудах святого Фомы Аквинского. В нем воплотился богословский дух его эпохи. Хотя в какой-то период он несколько уступил любви к естествознанию, именно он в конце концов заключил тот великий договор или компромисс, который на века полностью подчинил науку богословию. Именно он воздвиг самый прочный барьер против тех, кто в ту эпоху и в последующие века трудился над тем, чтобы открыть науке ее собственными методами путь к достижению ее собственных целей.

Он был учеником Альберта Великого и многому у него научился. Через ранние философские системы, какими они были тогда известны, и через раннюю теологическую мысль он прошел с большим трудом и энергией; и все свои могучие силы, дисциплинированные и культурные, он пустил в ход для заключения перемирия, которое должно было дать теологии постоянное превосходство над наукой.

Экспериментальный метод уже был практически внедрен: Альберт Болльштадтский и Роджер Бэкон начали свою работу в соответствии с его методами; но святой Фома все свои мысли посвятил тому, чтобы снова поставить науку под власть теологических методов и церковного контроля. В своем комментарии к трактату Аристотеля "О небе и Земле" он явил миру поразительный пример того, к чему может привести его метод, иллюстрирующий все зло, возникающее при сочетании теологических рассуждений и буквального толкования Священного Писания с научными фактами; и эта работа по сей день остается памятником научного гения, извращенного теологией.(272)

(272) Цитаты, показывающие это подчинение науки теологии, см. Эйкен, глава vi.

Церковная власть того времени приветствовала его как освободителя, утверждалось, что были совершены чудеса, доказывающие, что благословение Небес почilo на его трудах, и среди легенд, подтверждающих это утверждение, есть легенда, переданная болландистами и увековеченная известным художником. Великий философ и святой изображен в одеянии своего ордена, с книгой и пером в руках, преклонившим колени перед изображением распятого Христа, и когда он преклоняет колени, изображение обращается к нему так: "Фома, ты хорошо написал обо мне; какую цену ты получишь за свой труд?" Также была задействована способность людей к мифотворчеству в целом. Согласно широко распространенной и обстоятельной легенде, Альберт магическими средствами создал андроида — искусственного человека, живого, говорящего и отвечающего на все вопросы с такой тонкостью, что Святой Фома, не в силах ответить на его рассуждения, разломал его на куски своим посохом.

Историки Римской церкви, такие как Рорбахер, и историки науки, такие как Пуше, сочли удобным умиловить Церковь, распространяясь о славе святого Фомы Аквинского, заключившего союз между религиозной и научной мыслью и заложившего основы "освященной науки"; но непредвзятый историк не может потворствовать такому восторженному

взгляду: результаты как для Церкви, так и для науки были самыми печальными. Это была ужасная задержка в развитии плодотворной мысли, ибо первым результатом великого компромисса этого великого человека стало закрытие на века того пути в науке, который прежде всего ведет к ценным открытиям, — экспериментального метода — и повторное открытие того старого пути смешения теологии и науки, который, как заявляет Хэллем, "за три или четыреста лет не развязал ни единого узла и не добавил ни одной однозначной истины в область философии" — пути, который, как доказывает вся современная история, с тех пор вел только к заблуждению и злу.(273)

(273) О трудах Фомы Аквинского см. в его "Liber de Caelo et Mundo", раздел хх; также "Жизнь и труды святого Фомы Аквинского" архиепископа Вона, стр. 459 и далее. О его трудах в области естествознания см. Hoefer, Histoire de la Chimie, Париж, 1843, т. i, стр. 381. О теологических взглядах на науку в средние века и о том, как она радовалась этому, см. Pouchet, Hist. des Sci. Nat. au Moyen Age, ubi supra. Pouchet says: "En general au milieu du moyen age les sciences sont essentiellement chretiennes, leur but est tout-a-fait religieux, et elles semblent beaucoup moins s'inquieter de l'avancement intellectuel de l'homme que de son salut eternel." Pouchet calls this "conciliation" into a "harmonieux ensemble" "la plus glorieuse des conquetes intellectuelles du moyen age." Пуше принадлежит Руану, и тень Руанского собора, кажется, отброшена на всю его историю. Смотрите также, аббат Порбахер, История. de l'Eglise Catholique, Paris, 1858, vol. xviii, pp. 421 et seq. Аббат подчеркивает тот факт, что "Церковь организует согласование всех наук трудами святого Фомы Аквинского и его современников." О полном подчинении науки теологии святым Фомой см. Эйкен, глава vi. О теологическом характере науки в средние века, признанном протестантским историком-философом, см. хорошо известный отрывок из "Истории цивилизации в Европе" Гизо; и известного протестантского священнослужителя, см. "Жизнь Фомы Аквинского" епископа Хэмпдена, главы. xxxvi, xxxvii; см. также Халлам, Средние века, глава ix. О делах папы Иоанна XXII, королей Франции и Англии и Венецианской республики см. Фигье, "Альхимии и алхимики", стр. 140, 141, где в примечании приводится текст буллы Spondet paritur. О популярных легендах, касающихся Альберта и Святого Фомы, см. Eliphas Levi, Hist. de la Magie, liv. iv, chap. iv.

Теологический путь, открытый таким образом этими сильными людьми, стал основным путем науки на протяжении веков, и он уводил мир все дальше и дальше от любого плодотворного факта или полезного метода. Уже начатые исследования Роджера Бэкона были дискредитированы: их место заняли никчемные смеси библейских легенд с недостаточно достоверными физическими фактами. Таким образом, в течение двенадцати столетий умы, правившие Европой, считали всю настоящую науку БЕСПОЛЕЗНОЙ и направляли великий поток серьезной мысли в теологию.

Следующим этапом этой эволюции стало развитие идеи, которая с огромной силой действовала на протяжении всего средневековья — идеи о ТОМ, что наука ОПАСНА. Это убеждение также имело очень древнее происхождение. С тех пор, как египетские маги выступили со своей ужасающей угрозой, что, если их требования не будут удовлетворены, они потянутся к четырем концам земли, разрушат небесные столпы, разрушат обители богов наверху и сокрушат обители людей внизу, страх перед этими представителями науки очевиден в древнем мире.

Но были признаны различия в характере магии, некоторые виды считались полезными, а некоторые - пагубными. В первом случае магия использовалась для лечения болезней, определения времени, благоприятного для предприятий, и даже для развлечения; во втором - магия использовалась для того, чтобы наслать болезни и смерть на людей и животных или ураганы на растущие посевы. Отсюда постепенно возникло общее различие между белой магией, которая открыто имела дело с более благотворными средствами природы, и черной магией, которая тайно имела дело с оккультными, зловредными силами.

Вплоть до христианской эры страх перед магией редко приводил к каким-либо систематическим или очень жестоким преследованиям. В то время как в Греции и Риме иногда принимались законы против магов, они лишь изредка соблюдались со строгостью, и, наконец, ближе к концу языческой империи, чувство неприязни к ним, казалось, полностью угасло. Что касается его более благоприятных сторон, то такие люди, как Марк Аврелий и Юлиан, не колеблясь консультировались с теми, кто утверждал, что предсказывает будущее. Что касается черной магии, то вряд ли стоило вводить суровые законы, когда чары, обереги и даже жесты могли помешать ее худшим махинациям.

Более того, при старой империи зарождалась настоящая наука, и мысль прогрессировала. Как теория, так и практика магии все больше и больше подвергались насмешкам. Даже такой ранний писатель, как Энниус, высмеивал идею о том, что маги, которые сами, как правило, были бедны и голодны, могли даровать богатство другим; Плиний в своей Натурфилософии подробно показал их абсурдность и мошенничество; другие придерживались того же направления мысли, и вся теория, за исключением самых низших классов, казалось, отмирала.

Но с развитием христианского богословия произошла перемена. Идея активного вмешательства сатаны в магию, которая с особой силой вошла в еврейское сознание из Персии во время пленения Израиля, перешла из еврейских Писаний в христианство и была еще более укреплена различными утверждениями в Новом Завете. Богословы особенно подчеркивали знаменитые высказывания Псалмопевца о том, что "все боги язычников - дьяволы", и святого Павла о том, что "то, чем язычники жертвуют, они приносят в жертву дьяволам"; и широко распространялось мнение, что эти дьяволы, естественно, были возмущены своим низложением и стремились отомстить христианству. Маги считались активными агентами этих свергнутых богов, и это убеждение подкреплялось различными старыми практиками в искусстве магии — самозванцами, которые претендовали на сверхъестественные силы и использовали старые обряды и фразы, унаследованные от язычества.

Следовательно, как только христианство пришло к власти, оно более чем обновило старые строгости в отношении запрещенного искусства, и одним из первых действий императора Константина после его обращения было принятие строжайшего закона против магии и чародеев, согласно которому главный нарушитель мог быть сожжен заживо. Но и здесь следует

отметить, что различие между двумя видами магии было признано, поскольку Константин вскоре после этого счел необходимым издать прокламацию, в которой говорилось, что его намерением было только запретить смертоносную и вредоносную магию; что у него не было намерения запрещать магию, используемую для лечения болезней и защиты посевов от града и бурь. Но по мере того, как на трон взошли новые императоры, в которых не было той старой закваски язычества, которая до последнего влияла на Константина, и по мере того, как теология укреплялась, суровость в отношении магии возрастала. Терпимость к ней, даже в ее более мягких формах, отрицалась все больше и больше. Черную магию и белую классифицировали вместе.

Эта суровость продолжала возрастать и угрожала самым простым занятиям физикой и химией; даже на математику смотрели с ужасом. К двенадцатому и тринадцатому векам, когда древняя теология достигла апогея своего развития в Европе, ужас перед магией и колдовством полностью овладел массовым сознанием. В скульптуре, живописи и литературе она проявлялась во все более и более поразительных формах. Ею были наполнены жития святых. Скульптура собора воплотила ее в каждой детали. Многоэтажные окна делали его еще более впечатляющим. Составители миссалов воплотили это не только в молитвенниках, но, несмотря на то, что в Псалмах почти нет следов веры, они проиллюстрировали это в больших иллюстрированных псалтирях, из которых пели самую благородную часть службы перед главным алтарем. В богослужебных книгах были указаны все формы мучительных прошений об освобождении от этого ужасного влияния и все формы экзорцизма для предотвращения этого.

Все великие богословы Церкви пришли к этой вере и способствовали ее развитию. Отцы ранней Церкви были полны и недвусмысленны, а средневековые врачи становились все более подробными в описании действий черной магии и в их осуждении. Утверждалось, что, поскольку дьявол поразил Иова, поэтому он и его приспешники продолжают вызывать болезни; что, поскольку сатана является Князем силы воздуха, он и его приспешники вызывают бури; что случаи с Навуходоносором и женой Лота доказывают, что колдуны могут превращать людей в животных или даже безжизненную материю; что, поскольку дьяволы Гадары были превращены в свиней, все животные могли быть поражены таким же образом; и что, поскольку сам Христос был перенесен по воздуху силой сатаны, то любой человек может быть перенесен по воздуху силой сатаны. Таким образом, его перенесли на "чрезвычайно высокую гору".

Таким образом, ужас перед магией и колдовством возрастал со всех сторон, и в 1317 году папа Иоанн XXII издал свою буллу *Spondent pariter*, направленную против алхимиков, но на самом деле наносящую ужасный удар по зачаткам химической науки. То, что многие алхимики были мошенниками, несомненно, верно, но папство не проявило безошибочности в отделении зла от добра в этом вопросе. В этой и во множестве других булл и сводок мы находим, что папа Иоанн, в силу своей непогрешимости как мирового наставника во всем, что относится к вере и морали, одинаково осуждает настоящую науку и псевдонауку. В двух из этих документов, предположительно вдохновленных мудростью свыше, он жалуется, что и он, и его паства подвергаются опасности из-за искусства колдунов; он заявляет, что такие колдуны могут насыщать дьяволов в зеркала и кольца на пальцах и убивать мужчин и женщин волшебным словом; что они пытались убить его, протыкая его восковое изображение иглами во имя дьявола. Поэтому он призвал всех правителей, светских и церковных, выследить негодяев, которые таким образом причиняли страдания верующим, и с этой целью он особенно увеличил полномочия инквизиторов в различных частях Европы.

Импульс, вызванный таким образом детским страхом и ненавистью к исследованию природы, ощущался веками; все больше и больше химии становилось известно как одно из "семи дьявольских искусств".

Так началась длинная серия демонстраций против магии в центре христианского мира. В 1437 году и снова в 1445 году папа Евгений IV издал буллы, призывающие инквизиторов быть более усердными в поиске и предании наказанию магов и ведьм, вызвавших плохую погоду, в результате чего преследование получило страшный импульс. Но худшее произошло еще сорок лет спустя, когда в 1484 году вышла еще более ужасная булла папы Иннокентия VIII, известная как *Summis Desiderantes*, которая позволила инквизиторам напасть на Германию во главе со Шпренгером, вооруженными Молотом ведьм, устрашающим ручным Молотком Малефикарум, пытать и уничтожать мужчин и женщин десятками тысяч за колдовство и магию. Аналогичные буллы были изданы в 1504 году Юлием II и в 1523 году Адрианом VI.

Начатая таким образом система репрессий просуществовала сотни лет. Реформация мало что изменила в этом, и в Германии, где католики и протестанты соперничали друг с другом в доказательстве своей ортодоксальности, ситуация была наихудшей. Считается, что на немецкой земле в период с середины пятнадцатого по середину шестнадцатого веков было принесено в жертву более ста тысяч жертв.

Таким образом, получилось, что от св. От Августина до святого Фомы Аквинского, от Аквината до Лютера и от Лютера до Уэсли, богословы обеих ветвей Церкви, почти без исключения, насаждали веру в магию и колдовство и, насколько у них были силы, выполняли предписание: "Ты не должен оставлять ведьму в живых".

Каким образом прогресс научных способов мышления положил этому конец, я попытаюсь показать в другом месте: здесь нас интересует только влияние этого широко распространенного терроризма на зародыши и ранний рост физических наук.

Конечно, атмосфера, созданная этим преследованием магов, была смертельно опасна для любых открытых зачатков экспериментальной науки. Совесть того времени, действовавшая в повиновении высшим властям Церкви и, как предполагалось, в защиту религии, теперь выпустила снаряд, который она со смертельным эффектом метнула в научных исследователей. Средневековые поля сражений мысли были усеяны различными ее формами. Этим снарядом было обвинение в незаконном соглашении с сатаной, и оно было наиболее эффективным. Мы находим, что это использовалось против каждого великого исследователя природы в те времена и в последующие века. Приведенный Наудом список великих людей тех веков, связанных с магией, поражает воображение; в нем представлены все люди действительно выдающиеся, среди них стоит один из самых вдумчивых пап Сильвестр II (Герберт) и выдающийся средневековый мыслитель в области естествознания Альберт Великий. Стало общепринятой идеей, что, как только человек зарождает желание изучать дела Божьи, его первым шагом должен быть союз с дьяволом.

Таким образом, было совершенно естественно, что в 1163 году папа Александр III в связи с Турским собором запретил изучение физики всем священнослужителям, что, конечно, в ту эпоху означало запрет на все подобные научные исследования единственным лицам, способным их проводить. То, что папа тогда прямо запретил, было, по словам папской буллы,

"изучением физики или законов мира", и было добавлено, что любого человека, нарушающего это правило, "все должны избегать и отлучать от церкви".(274)

(274) Об обвинении ученых и других в магии см. Naude, Апология для великих людей-супруг магии, *passim*; также Maury, *Hist. de la Magie*, troisième édition, pp. 214, 215; also Cuvier, *Hist. des Sciences Naturelles*, vol. i, p. 396. О запрете, введенном Турским советом и Александром III, см. *Acta Conciliorum* (ред. Хардуин), том. vi, параграф ii, стр. 1598, Канон viii.

Первым великим мыслителем, который, несмотря на некоторые теологические ловушки, упорно шел по истинно научному пути, был Роджер Бэкон. Его жизнь и работы, похоже, до недавнего времени вообще понимались неправильно: раньше его считали суеверным алхимиком, случайно наткнувшимся на некоторые изобретения, но более поздние исследования показали, что он один из великих мастеров эволюции человеческой мысли. Развитие здравого исторического суждения, по-видимому, должно привести к тому, что слава двух людей, носящих имя Бэкон, почти сравняется. Бэкон из "канцлерства" и "Нового органа", возможно, и не ослабевает, но Бэкон из "тюремной камеры" и "Великого опуса" неуклонно приближается к нему по яркости.

Более чем за три столетия до того, как Фрэнсис Бэкон выступил в защиту экспериментального метода, Роджер Бэкон применил его на практике, и результаты, обнаруженные сейчас, замечательны. Он обладал могуществом во многих науках, и его знания были основательными и точными. Благодаря ему, больше, чем какому-либо другому человеку Средневековья, мир был выведен на более плодотворные пути научной мысли — пути, которые привели к самым ценным изобретениям; и среди них часы, линзы и горящее зеркало, которые он подарил миру, прямо или косвенно. В его трудах найдены формулы для извлечения фосфора, марганца и висмута. Даже утверждается, с большой долей справедливости, что он исследовал силу пара, и он, кажется, очень близко подошел к некоторым основным доктринам современной химии. Но следует иметь в виду, что его МЕТОД расследования был даже лучше, чем его РЕЗУЛЬТАТЫ. В эпоху, когда считалось, что только теологические изощрения дают звание ученого, он настаивал на РЕАЛЬНОМ рассуждении и помощи естествознанию математикой; в эпоху, когда экспериментирование наверняка стоило человеку репутации и, вероятно, могло стоить ему жизни, он настаивал на экспериментировании и не боялся всех связанных с ним рисков. Мало кто из великих людей жил на свете. Когда мы следим за ходом рассуждений Бэкона относительно преломления света, мы видим, что он был вдохновлен Богом.

На этого человека легла основная тяжесть битвы. Самые добросовестные люди его времени считали своим долгом сразиться с ним, и они сражались с ним упорно и ожесточенно. Его грехом было не неверие в христианство, не недостаток верности Церкви, даже не несогласие с основными направлениями православия; напротив, он демонстрировал во всех своих произведениях желание укрепить христианство, созидать Церковь и развивать православие. На него нападали и осуждали главным образом потому, что он не верил, что философия стала законченной и что больше ничему нельзя научиться; его осуждали, как прямо заявляли его

оппоненты, "из—за некоторых подозрительных новшеств" - "proper quasdam novitates suspectas".

По возвращении в Оксфорд, около 1250 года, силы неразумия окружили его со всех сторон. Величайшим из всех его врагов был Бонавентура. Этот враг был теологическим идолом того периода: ученый мир знал его как "серафического Доктора"; Данте отвел ему почетное место в великой поэме Средневековья; Церковь в конце концов причислила его к лику святых. Благодаря большим способностям в богословии он стал в середине XIII века генералом ордена францисканцев: таким образом, как наставник Бэкона, он сильно повлиял на новое учение, так что в 1257 году беспокойному монаху было запрещено читать лекции; всех мужчин торжественно предупредили, чтобы они не слушали его учения, и ему было приказано отправиться в Париж, где монастырские власти будут держать его под наблюдением. Здесь был продемонстрирован еще один из множества примеров, демонстрирующих заботу, проявляемую Церковью к научному преподаванию. Причины такого обращения с Бэконом были очевидны: во-первых, он осмелился попытаться дать научное объяснение природным явлениям, которые в мистической теологии Средневековья относились просто к сверхъестественным причинам. Типичным было его объяснение причин и характера радуги. Это было ясно, убедительно, это был большой шаг в правильном направлении с точки зрения физической науки: но там, в книге Бытия, стояла легенда о происхождении радуги, которая, как предполагается, была непосредственно продиктована Святым Духом; и, согласно этому, "радуга в облаке" была не результатом действия законов природы, а "знамением", произвольно размещенным на небесах с простой целью заверить человечество, что другого всемирного потопа не будет.

Но это было не самое худшее: против него была выдвинута другая теологическая идея — идея сатанинского вмешательства в науку; следовательно, он был атакован тем прекрасным оружием, которое с помощью эпитетов "неверный" и "атеист" решило судьбу стольких битв — обвинением в магии и сговоре с сатаной.

Он защищался самым неудачным оружием — оружием, которое взорвалось в его руках и ранило его больше, чем врага; ибо он выступал против идеи соглашений с сатаной и показал, что многое из того, что приписывается демонам, является результатом естественных средств. Это подлило масла в огонь. Ограничение власти сатаны считалось едва ли менее нечестивым, чем ограничение власти Бога.

Самые могущественные защитники мало чем помогли ему. Его друг Ги де Фульк, ставший в 1265 году папой римским под именем Климента IV, некоторое время прикрывал его; но ярость врага была слишком велика, и когда он приготовился провести несколько экспериментов перед небольшой аудиторией, нам рассказывают, что весь Оксфорд был в смятении. Считалось, что сатана вот-вот выйдет на свободу. Повсюду сновали священники, монахи, стипендиаты и студенты, их одежды развевались на ветру, и повсюду раздавались крики: "Долой мага!" и этот крик: "Долой мага!" - разносился из кельи в келью и из зала в зал.

В то время на полях сражений науки с большим эффектом использовалось и другое оружие. Арабы совершили много благородных открытий в науке, и Аверроэс, по мнению многих, разделил почести со святым Фомой Аквинским; эти факты послужили новым оружием — это был эпитет "магометанин"; он также был с успехом брошен в Бэкона.

Теперь атака начала приобретать окончательные очертания. Два великих религиозных ордена, францисканский и доминиканский, тогда во всем расцвете своей юности соперничали друг с другом в борьбе с новой мыслью в химии и физике. Святой Доминик торжественно осудил исследование путем эксперимента и наблюдения; генерал францисканского ордена придерживался аналогичной позиции. В 1243 году доминиканцы запретили каждому члену своего ордена изучать медицину и натурфилософию, а в 1287 году этот запрет был распространен на изучение химии.

В 1278 году власти францисканского ордена, собравшись в Париже, торжественно осудили учение Бэкона, и генерал францисканцев Иероним из Асколи, впоследствии папа римский, бросил его в тюрьму, где он пробыл четырнадцать лет, хотя папа Климент IV защищал его, папы Николай III и IV, в силу своей непогрешимости, решили, что он слишком опасен, чтобы оставаться на свободе, и он был освобожден только в возрасте восьмидесяти лет - но за год или два до смерти сделал его недостижимым для своих врагов. Насколько глубоко эта борьба терзала его разум, можно понять из его последнего трогательного заявления: "Если бы я не доставлял себе столько хлопот из любви к науке!"

Различными защитниками Церкви была предпринята попытка показать, что некоторые высказывания Бэкона против церковной и другой коррупции в его время были главной причиной той суровости, с которой церковные власти обращались с ним. Это мало помогает Церкви, даже если она хорошо основана; но она не очень хорошо основана. То, что некоторые из его высказываний такого рода сделали его врагами, несомненно, верно, но обвинения, по которым святой Бонавентура заставил его замолчать, а Иероним Асколь-ский заключил его в тюрьму, а сменявшие друг друга папы держали его в тюрьме четырнадцать лет, были "опасными новшествами" и подозревались в колдовстве.

Грустно думать о том, что этот великий человек мог бы дать миру, если бы церковность разрешила этот дар. У него был ключ к сокровищам, которые освободили бы человечество от веков ошибок и страданий. Опираясь на его открытия, руководствуясь его методом, чего только не приобрел бы мир! Зло было причинено не только тому веку; оно было причинено и этому веку. Девятнадцатый век был ограблен одновременно с тринадцатым. Если бы не это вмешательство в науку, девятнадцатый век наслаждался бы открытиями, которые будут сделаны не раньше двадцатого века и даже позже. Тысячи драгоценных жизней будут потеряны, десятки тысяч будут страдать от дискомфорта, лишений, болезней, бедности, невежества из-за отсутствия открытий и методов, которые, если бы не ошибочное обращение с Роджером Бэконом и его коллегами, сейчас были бы благословением для земли.

За два последних года в Англии и Уэльсе от скарлатины умерло шестьдесят тысяч детей; вероятно, еще столько же умерло в Соединенных Штатах. Если бы Бэкону не помешали, к этому времени у нас были бы в руках средства спасти две трети этих жертв; и то же самое верно в отношении брюшного тифа, чумы, холеры и того огромного класса болезней, о физических причинах которых наука только начинает догадываться. Соберите воедино все усилия всех атеистов, которые когда-либо жили, и они не причинили столько вреда христианству и миру, сколько причинили узколобые, добросовестные люди, которые преследовали Роджера Бэкона и закрыли путь, за открытие которого он отдал свою жизнь.

Но, несмотря на преследование Бэкона и отторжение тех, кто должен был бы следовать за ним, в последующие столетия время от времени появлялись сторонники экспериментального

метода. Мы мало знаем о них лично; наши основные сведения об их усилиях почерпнуты из усилий их преследователей.

Под таким руководством светские правители были от природы энергичны. Во Франции Карл V в 1380 году запретил владеть печами и аппаратами, необходимыми для химических процессов; в соответствии с этим законом химик Джон Баррильон был брошен в тюрьму, и только ценой величайших усилий его жизнь была спасена. В Англии Генрих IV в 1404 году издал аналогичный указ. В Италии Венецианская Республика в 1418 году последовала этим примерам. Судебные пытки и убийство Антонио де Доминиса были совершены не просто из-за ереси, его исследования световых явлений были дополнительным преступлением. В Испании все, что напоминало научные исследования, было подавлено среди христиан. Впоследствии евреи и мавры предприняли некоторые серьезные усилия, но им в конце концов положили конец преследования; и по сей день испанская раса, в некоторых отношениях самая одаренная в Европе, которая начала свой жизненный путь со всего, что ей благоприятствовало, и со всех форм благородных достижений, остается в интеллектуальном развитии позади всех остальных в христианском мире.

Подвергать сомнению теологический взгляд на физическую науку было чрезвычайно опасно даже долгое время спустя после окончания Средних веков. Мы видели, что одним из непростительных проступков Роджера Бэкона был его аргумент против эффективности магии, и как столетия спустя Корнелий Агриппа, Вейер, Флейд, Лоос, Беккер и множество других исследователей и мыслителей подверглись конфискации имущества, потере положения и даже пыткам и смерти за схожие взгляды.(275)

(275) Описание трактата Бэкона "Аннулирование магии" см. у Хефера. О шумихе, вызванной преподаванием Бэкона в Оксфорде, см. Корр, *Geschichte der Chemie*, Брауншвейг, 1869, т. i, стр. 63; а о несколько реакционном обсуждении отношения Бэкона к прогрессу химии см. Недавнюю работу того же автора "Ansichten über die Aufgabe der Chemie", Брауншвейг, 1874, стр. 85 и далее.; также, для превосходного резюме см. Hoefer, *Hist. de la Chimie*, vol. i, pp. 368 et seq. О, вероятно, наиболее тщательном изучении общих работ Бэкона в области науки и его взглядов на вселенную см. У проф. Дж. Werner, *Die Kosmologie und allgemeine Naturlehre des Roger Baco*, Wein, 1879. Для краткого изложения его работы в других областях см. Whewell, том i, стр. 367, 368; Draper, стр. 438; Saisset, "Декарт и его предшественники", второе издание, стр. 397 и последующие.; Нурриссон, "Прогресс человеческого развития", стр. 271, 272; Шпренгель, "История медицины", Париж, 1865, т. ii, p. 397; Cuvier, *Histoire des Sciences Naturelles*, vol. i, p. 417. Что касается ортодоксальности Бэкона, см. Saisset, стр. 53, 55. Для специального изучения причин осуждения Бэкона см. Уоддингтон, цитируемый Сайссетом, стр. 14. Краткое, но замечательное изложение отношения Роджера Бэкона к миру в его время и того, что он мог бы сделать, если бы ему не помешала теология, см. Доллинджер, *Исследования европейской истории*, английский перевод, Лондон, 1890, стр. 178, 179. Для получения хорошего примера опасности отрицания всей силы сатаны даже в гораздо более поздние времена и в протестантской стране см. Отчет о лечении в "Теологах Голландии" Беккера

"Очарованный мир", в Nisard, Histoire des

Livres Populaires, vol. i, стр. 172, 173. Копп в своем Ansichten подталкивает критику даже к некоторому скептицизму относительно того, что Роджер Бэкон был ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕМ

многих вещей, которые обычно приписываются ему; но после того, как все выводы тщательно сделаны, остается достаточно, чтобы сделать Бэкона величайшим благодетелем человечества в средние века. О

глубокой преданности Роджера Бэкона религии и Церкви см. Цитату и замечания в Шнайдер, Роджер Бэкон, Аугсбург, 1873, стр. 112; также цитату из

"Большого труда" в Эйкене, глава vi. О Бэконе как "мусульманине" см.

Саиссет, стр. 17. О запрете изучения физических наук

доминиканцами и францисканцами см. Анри Мартин, "История Франции",

том iv, стр. 283. О запрете преподавания химии парламентом

Парижа см. там же, том ii. xii, стр. 14, 15. Доказательства того, что мир

неуклонно движется к великим открытиям относительно причин и профилактики

заразных болезней и их распространения, см. в "Микробах болезни" Била, "Санитарной инженерии"

Болдуина Латама, "Особенностях гигиены" Мишеля Леви

Publique et Privée. Краткое описание bull Spondent pariter и

пример нанесенного им вреда см. Шнайдер, "История

алхимии", стр. 160; а также старательно умеренное изложение Милмана, "Латинское

христианство", книга xii, глава vi. О характере и общих усилиях

Иоанна XXII см. Lea, "Инквизиция", том. iii, стр. 436, также стр. 452 и далее.

О характере двух папских писем см. Ридберг, стр. 177. О

итогах желаний см. В предыдущих главах этой работы. Об

Антонио де Доминисе см. Montucla, Hist. математика, том i, стр.

705; Гумбольдт, Космос; Библиотека, том iv, стр. 145 и далее. О Вейере, Флейде,

Беккере, Лоосе и других читайте в главах этой работы, посвященных метеорологии,

одержимости демонами и безумию, а также дьяволизму и истерии.

Теологическая атмосфера, которая в результате установилась в крупных университетах и коллегиях, казалось, могла задушить все научные усилия во всех частях Европы, и это одно из величайших чудес в истории человечества, что, несмотря на эту смертоносную атмосферу, значительная часть мыслящих людей, находясь под такой защитой, какую они могли обеспечить, все еще продолжала посвящать себя физическим наукам.

Во второй половине XVI века Италия стала ярким примером трудностей, с которыми наука продолжала сталкиваться даже после того, как эпоха Возрождения подорвала старые верования. В то время Джон Баптист Порта проводил свои исследования, и, несмотря на значительную примесь псевдонауки, они были плодотворными. Это была не "черная магия", призывающая на помощь сатану, а "белая магия", ставящая на службу законы природы — предшественницу прикладной науки. Его книга по метеорологии была первой, в которой были высказаны здравые идеи на эту тему; его исследования в оптике подарили миру камеру-обскуру и, возможно, телескоп; в химии он, по-видимому, был первым, кто показал, как восстанавливать оксиды металлов, и таким образом заложил основы нескольких важных отраслей промышленности. Он многое сделал для превращения натурфилософии из черного искусства в

энергичную открытую науку. Он столкнулся со старой церковной политикой. Основанное им общество физических исследований "Я секретничаю" было распущено, а сам он был вызван в Рим папой Павлом III и ему запретили продолжать свои исследования.

То же самое и во Франции. В 1624 году, когда несколько молодых химиков в Париже преподавали экспериментальный метод и оторвались от Аристотеля, теологический факультет обратился в парламент Парижа, и парламент запретил эти новые химические исследования под страхом самых суровых наказаний.

Та же война продолжалась в Италии. Даже после того, как вера в магию была серьезно ослаблена, старый теологический страх и неприязнь к физической науке сохранялись. В 1657 году состоялось первое заседание Академии Чименто во Флоренции под председательством принца Леопольда Медичи. Эта академия сулила великие дела науке; она была открыта для всех талантов; ее единственным фундаментальным законом было "отрицание любой любимой системы или философской секты и обязательство исследовать природу в чистом свете эксперимента"; она энергично приступала к научным исследованиям. Борелли в математике, Реди в естественной истории и многие другие расширили границы знаний. Тепло, свет, магнетизм, электричество, метательные снаряды, пищеварение и несжимаемость воды были изучены правильным методом и принесли результаты, обогатившие мир.

Академия была крепостью науки, и вскоре она была взята в осаду. Приверженцы схоластики осудили ее как нерелигиозную, были разжигаемы ссоры, Леопольда подкупили кардинальской шапкой и увезли в Рим, и после десяти лет осады крепость пала: Борелли остался нищим; Олива в отчаянии покончил с собой.

Точно так же знаменитая Академия Линчеев временами навлекала на себя недоброжелательство папства самим фактом, что в ее состав входили вдумчивые исследователи. Ему "покровительствовал" папа Урбан VIII таким образом, что парализовал его, а впоследствии он был раздосадован папой Григорием XVI. Даже в наше время заседания научных ассоциаций не поощрялись и пресекались таким добрым понтификом, как Пий IX.(276)

(276) Чтобы узнать о Порте, смотрите английский перевод его основного резюме, "Естественная магия", Лондон, 1658. Первые главы особенно интересны, поскольку показывают, что стало означать слово "магия" в сознании человека, в котором странным образом смешались средневековые и современные идеи;

см. также Hoefer, *Histoire de la Chimie*, vol. ii, стр. 102-106; также Копп; также Шпренгель, *История медицины*, том. iii, с. 239; также Мюссе-Патэ. Об Академии Чименто см. Напье, *Флорентийская история*, том v, стр. 485; Тирабоски, *История литературы*; Анри Мартин, *История Франции*; Джевонс, *Принципы науки*, том ii, стр. 36-40. О значении, придаваемом исследованиям Борелли Ньютоном и Гюйгенсом, см. "Жизнь сэра Исаака Ньютона" Брюстера, Лондон, 1875, стр. 128, 129. Либри в своем первом "Эссе о Галилее", стр. 37, говорит, что Олива был вызван в Рим и так замучен инквизицией, что, чтобы избежать дальнейшей жестокости, покончил с собой, выбросившись из окна. О вмешательстве папы Григория XVI в деятельность Академии Линчеев и в общественное обучение в целом см. Карутти, *История Академии*

Линчеев, стр. 126. Пий IX, при всей своей сердечности, похоже, временами позволял своей враждебности к добровольным объединениям заходить очень далеко

. Его ответ на заявление, поданное через лорда Одо Рассела относительно общества по предотвращению жестокого обращения с животными, и его ответ о том, что "такое объединение не может быть санкционировано Святым Престолом, поскольку основано на теологической ошибке, а именно, что христиане несут какие-либо обязанности по отношению к животным", см. Фрэнсис Пауэр Кобб, "Надежды человеческой расы", стр. 207.

Аналогичная по характеру, хотя и меньшая по степени, враждебность проявлялась и в протестантских странах.

Даже после того, как Томазиус в Германии, Вольтер во Франции и Беккариа в Италии нанесли окончательный удар вере в магию и колдовство во всем христианском мире, традиционное ортодоксальное недоверие к физическим наукам продолжалось долгое время.

В Англии различные ведущие священнослужители и теологи проявляли явную неприязнь к Королевскому обществу, а позже и к Ассоциации содействия развитию науки; и эта неприязнь, как будет видно ниже, иногда выливалась в серьезное противодействие.

Как правило, как в протестантских, так и в католических странах церковные власти долгое время не поощряли преподавание химии и физики; и, когда его подавление стало невозможным, были предприняты большие усилия, чтобы подчинить его обучению, которое, как предполагалось, более полно соответствовало старым методам теологического рассуждения.

Теперь я в общих чертах представил более прямую и открытую борьбу физических наук с теологией, главным образом как с внешним врагом. Далее мы рассмотрим их борьбу с тем же врагом в ее более утонченной форме, главным образом как искажающий и стерилизующий принцип в самой науке.

До сих пор мы видели, во-первых, как такие люди, как Евсевий, Лактанций и их коллеги, выступали против научных исследований как бесполезных; затем, как такие люди, как Альберт Великий, святой Фома Аквинский и множество последовавших за ними, повернули основное течение средневековой мысли от науки к теологии; и, наконец, как длинная череда церковных авторитетов от пап Иоанна XXII и Иннокентия VIII и глав великих религиозных орденов до различных теологов и священнослужителей, католиков и протестантов, совсем недавнего периода, пыталась сначала для того, чтобы подавить, а затем и воспрепятствовать научным исследованиям как опасным.

И все же, каким бы вредным ни было все это для эволюции науки, было разработано нечто во многих отношениях более разрушительное; и это было влияние мистической теологии, проникающее, извращающее, стерилизующее почти каждую отрасль науки на сотни лет. Среди форм, принятых этим развитием в раннем Средневековье, мы находим смесь физической науки с псевдонаукой, полученной из текстов Священного Писания. При составлении этой смеси иудеи и христиане соперничали друг с другом. В этом процессе священные книги использовались как фетиш; считалось, что каждое слово, каждая буква имеют божественный и

скрытый смысл. Комбинируя различные буквы Священных Писаний различными непонятными способами, были получены новые слова, имеющие огромное значение в магии, и среди них великое слово, охватывающее семьдесят два мистических имени Бога, — могущественное слово "Схемхамфорас". Зачем людям искать знания путем наблюдений и экспериментов в книге Природы, когда книга Откровения, истолкованная Каббалой, открыла такие сокровища изобретательному верующему?

Точно так же у нас есть древние мистические теории чисел, которые теологический дух сделал христианскими, узурпировав огромное место в средневековой науке. Священная сила числа три была видна в Троице; в трех основных подразделениях Вселенной — эмпиреях, небесах и земле; в трех ангельских иерархиях; в трех хорах серафимов, херувимов и престолов; в тройке владений, добродетелей и сил; в тройке начальств, архангелов и ангелов; в трех чинах Церкви — епископах, священниках и диаконах; в трех классах — крещеных, причащающихся и монахов; в трех классах духовенства. степени достижения — свет, чистота и знание; в трех теологических добродетелях — вере, надежде и милосердии — и во многом другом. Все это было приведено в богословско-научную связь, тогда и впоследствии, с тремя измерениями пространства; с тремя делениями времени — прошлым, настоящим и будущим; с тремя царствами видимого мира — небом, землей и морем; с тремя составляющими человека — телом, душой и духом; с тремя врагами человека — миром, плотью и дьяволом; с тремя царствами природы — минеральным, растительным и животным; с "тремя цветами" — красным, желтым и синим; с "тремя глазами медового месяца". -пчела" — и с множеством других аналогов, не менее ценных. Священная сила числа семь была видна в семи золотых подсвечниках и семи церквях в Апокалипсисе; в семи главных добродетелях и семи смертных грехах; в семи свободных искусствах и семи дьявольских искусствах и, прежде всего, в семи таинствах. И как это доказывало в астрологии, что может быть только семь планет, так и в алхимии это доказывало, что должно быть ровно семь металлов. Двенадцать апостолов были связаны с двенадцатью знаками зодиака и со многим в области физической науки. Семьдесят два ученика, семьдесят два толкователя Ветхого Завета, семьдесят два мистических имени Бога были связаны с предполагаемым фактом анатомии, что в человеческом теле семьдесят два сустава.

Затем также были возрождены такие теологические и метафизические заменители научной мысли, как заявление о том, что совершенная линия — это круг, и, следовательно, планеты должны двигаться по абсолютным кругам — утверждение, которое сбивало с пути астрономию даже тогда, когда великие истины теории Коперника были хорошо видны; также заявление о том, что природа не терпит вакуума - утверждение, которое сбивало с пути физику, пока Торричелли не провел свои эксперименты; также заявление о том, что мы видим молнию раньше, чем слышим гром, потому что "зрение благороднее слуха".

В химии мы имеем ту же теологическую тенденцию к магии и, как следствие, путаницу науки и теологии, которая с одной точки зрения кажется богохульной, а с другой - идиотской, но, тем не менее, на века стерилизовала физические исследования. Тот униженный платонизм, который был таким важным фактором в эволюции христианского богословия с самых первых дней существования Церкви, продолжал свою работу. Поскольку предполагалось, что все в неорганической природе имеет духовное значение, доктрины Троицы и Воплощения были превращены в аргумент в пользу философского камня; аргументы в пользу схемы искупления и пресуществления предлагали другие аналогичные конструкции для доказательства

трансмутации металлов; доктрина воскрешения человеческого тела была с помощью аналогичного мистического фокуса связана с процессами дистилляции и сублимации. Даже после того, как средние века остались в прошлом, сильные люди, казалось, не могли отказаться от подобных рассуждений — среди них такие лидеры, как Бэзил Валентайн в пятнадцатом веке, Агрикола в шестнадцатом и Ван Гельмонт в семнадцатом.

Величайшие богословы внесли свой вклад в сумбур неразумия, из которого развилась эта псевдонаука. Широко обсуждался один вопрос: было ли необходимо, чтобы Бог принял человеческий облик при Искуплении. Фома Аквинский ответил, что это было необходимо, но Уильям Оккам и Дунс Скот ответили, что это не так; что Бог мог принять форму камня, или бревна, или животного. Возможности, открывавшиеся перед дикими заменителями науки такого рода рассуждениями, были безграничны. Люди часто спрашивали, как получилось, что арабы достигли столь многого в научных открытиях по сравнению с христианскими исследователями; но ответ прост: арабы были сравнительно свободны от этих теологических соблазнов, которые в христианской Европе витали в воздухе со всех сторон, завлекая людей на пути, которые никуда не вели.

Сильные исследователи, такие как Арнольд Вилланова, Раймонд Люлли, Бэзил Валентайн, Парацельс и их коллеги, были, таким образом, уведены далеко в сторону от единственных путей, ведущих к плодотворным истинам. В работе, которую обычно относят к первой из них, студенту говорят, что при смешивании своих химикатов он должен повторять псалом *Exsurge Domine* и что на определенных химических сосудах должны быть помещены последние слова Иисуса на кресте. Винсент из Бове настаивал на том, что, поскольку Библия утверждает, что у Ноя, когда ему было пятьсот лет, родились дети, он, должно быть, владел алхимическими средствами сохранения жизни; и гораздо позже Дикинсон настаивал на том, что патриархи, как правило, были обязаны своей долгой жизнью таким средствам. Было громко заявлено, что реальность философского камня была доказана словами святого Иоанна в Откровении. "Побеждающему дам белый камень". Разумность попыток получить золото из неблагородных металлов на протяжении многих поколений основывалась на доктрине воскресения физического тела, которая, хотя и прямо отрицалась святым Павлом, стала частью вероучения Церкви. Эта аналогия особенно привлекла Мартина Лютера к вере в алхимическую доктрину трансмутации. Библия использовалась повсеместно, как среди протестантов, так и католиков, в поддержку этих мистических искажений науки, и один писатель еще в 1751 году основывал свои алхимические аргументы на более чем сотне отрывков из Священного Писания. В качестве примера такого рода рассуждений у нас есть доказательство того, что избранные сохраняют философский камень до страшного суда, взятое из отрывка из Послания святого Павла к Коринфянам: "Мы носим это сокровище в глиняных сосудах".

Величайшие мыслители посвятили себя добавлению новых ингредиентов к этой странной смеси научной и теологической мысли. Католическая философия Фомы Аквинского, протестантский мистицизм Якоба Беме и алхимические грезы Бэзила Валентина - все это было влиито в эту бурлящую массу.

И когда алхимия в ее старой форме была дискредитирована, мы находим аргументы Священного Писания, не менее извращенные и даже комичные, использованные с другой стороны. В качестве примера этого, незадолго до великих открытий Штала, мы находим, что ценным научным усилиям Бехера противопоставляется следующий силлогизм: "Царь Соломон,

согласно Священным Писаниям, обладал объединенной мудростью неба и земли; но царь Соломон ничего не знал об алхимии (или химии в той форме, которую она тогда принимала) и отправил свои суда в Офир в поисках золота и взимал налоги со своих подданных; следовательно, алхимия (или химия) не имеет реальности или истины". И мы обнаруживаем, что Бехер совершенно отстранен от своих трудов и вынужден посвятить себя доказательству того, что Соломон потратил больше денег, чем он, возможно, мог бы получить от Офира или своих подданных, и, следовательно, что он, должно быть, обладал знанием химических методов и полученного в результате них философского камня.(277)

(277) Выдержку из "Оккультной философии" Агриппы с примерами того, каким образом мистические имена были почерпнуты из Библии, см. Ридберг, "Магия средневековья", стр. 143 и далее. О зародышах многих мистических верований относительно чисел и тому подобного, которые были включены в средневековое богословие, см. Зеллер, Платон и Древняя академия, английский перевод, стр. 254 и 572, и в других местах. Что касается связи духовных вещей с неорганической природой в связи с химией, см. Эйкен, стр. 634. О вреде, нанесенном науке платонизмом, действующим через средневековую теологию, см. Hoefer, Histoire de la Chimie, том i, стр. 90. Что касается влияния мистицизма на сильных людей в науке, см. Хефер; также Копп, "Основы алхимии", том i, стр. 211. Очень любопытный католический трактат о священных числах см. у аббата Обера, Symbolisme Religieux, Париж, 1870; также Детцель, Christliche Ikonographie, стр. 44 и далее.; а о не менее важной протестантской работе см. Сэмюэлл, "Семь священных чисел", Лондон, 1887. Интересно отметить, что последний автор, будучи вынужден отказаться от семи планет, утешает себя утверждением, что "земля - седьмая планета, считая от Нептуна, и называет астероидом один" (см. стр. 426). О магическом электруме, семи составляющих его металлах и его замечательных свойствах см. Выдержки из сочинений Парацельса в книге Хартмана "Жизнь Парацельса", Лондон, 1887, стр. 168 и далее. Что касается более быстрого перехода света, чем звука, то следующее хорошо выражает схоластический метод: "В чем причина, по которой мы скорее видим молнию, чем слышим раскаты грома? Это потому, что наше зрение более благородно и быстрее воспринимает свой объект, чем наше ухо; как более активная часть и предшествующая нашему слуху: кроме того, видимые виды более утонченны и менее материальны, чем слышимые виды". Разновидности человека, Метеоры, стр. 82. О взглядах Василия Валентина см. Hoefer, том i, стр. 453-465; Schmieder, Geschichte der Alchemie, стр. 197-209; Allgemeine deutsche Biographies, статья Basilius. Упомянутые дискуссии о возможности того, что Бог примет форму камня, или бревна, или зверя, см. в Липперте, Кристентуме, Volksglaube, und Volksbrauch, стр. 372, 373, где приведены цитаты, и т.д. Силлогизм относительно Соломона см. Фигье, "Алхимики и лес" Алхимики, стр. 106, 107. For careful appreciation of Becher's position in the history of chemistry, see Kopp, Ansichten uber die Aufgabe der Chemie, etc., von Geber bis Stahl, Braunschweig, 1875, pp. 201 et seq.

Текст, доказывающий существование философского камня из книги Откровения, см. Фигье, стр. 22.

Из общих рассуждений, навязываемых теологией относительно физических наук, каждая эпоха приводила примеры; однако из них всех я выберу только два, и они приведены потому, что они показывают, как эта смесь теологических и научных идей удерживала самых ярых сторонников лучшей аргументации даже после того, как власть средневековой теологии, казалось, была сломлена.

Первым из этих примеров является Меланхтон. Он был ученым Реформации и по праву получил титул "Наставник Германии". Его ум был необычайно открытым, его симпатии широкими, а его обычная свобода от фанатизма навлекла на него гнев протестантских охотников за ересью, которые озлобили последние годы его жизни и мучили его на смертном одре. Во время своей карьеры в Виттенбергском университете он читал курс лекций по физике, и в них он подробно останавливался на текстах Священного Писания как на дающих научные доказательства, признавал вмешательство дьявола в физические явления, как и в другие вещи, и применял средневековый метод во всей своей работе.(278)

(278) Идеи Меланхтона о физике см. в его *Initia Doctrinae Physicae*, Виттенберг, 1557, особенно стр. 243 и 274; также в т. xiii издания собрания сочинений Бретшнейдера, и особенно в стр. 339-343.

Однако гораздо более примечательным был пример столетием позже человека, который больше, чем кто-либо другой, увел мир с пути, открытого Аквинским, на тот, по которому современная мысль продвинулась к своим величайшим завоеваниям. Как ни странно это может показаться на первый взгляд, Фрэнсис Бэкон, чей проницательный взгляд раскрыл заблуждения старого пути и обещания нового, и чья смелость так много сделала для того, чтобы повернуть мир со старого пути на новый, представляет в своих собственных трудах один из самых ярких примеров зла, для уничтожения которого он так много сделал.

"Новый органон", учитывая время, когда он вышел из-под его пера, несомненно, является одним из величайших проявлений гения в истории человеческой мысли. Это показало современному миру путь от схоластического метода и почтения к догме к экспериментальному методу и почтению к фактам. В ней встречается много отрывков, которые показывают, что великий философ в полной мере осознавал опасность как для религии, так и для науки, возникающую из-за их смешения. Он заявляет, что "искажение философии суевериями и теологией внесло величайшее количество зла как в целые философские системы, так и в их части". Он осуждает тех, кто "пытался основать естественную философию на книгах Бытия, Иова и других священных Писаниях, таким образом "ища мертвых среди живых". Он говорит о результате как о "нездоровой смеси человеческого и божественного; не просто фантастической философии, но и еретической религии".

Он ссылается на оппозицию отцов церкви учению о круглости земли и говорит, что "благодаря некоторым из них вы можете обнаружить, что подход к любому виду философии, каким бы усовершенствованным он ни был, совершенно закрыт". Он обвиняет некоторых из этих

богословов в том, что они "боятся, как бы более глубокое исследование природы не вышло за допустимые пределы трезвости"; и, наконец, говорит о теологах, которые иногда лукаво предполагают, что, если наука мало понята, "каждую отдельную вещь легче отнести к руке и жезлу Божиим", и, наконец, говорит о богословах, которые иногда лукаво предполагают, что, если наука мало понята, "каждую отдельную вещь легче отнести к руке и жезлу Божьему". говорит: "ЭТО НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ЖЕЛАНИЕ УГОДИТЬ БОГУ ЛОЖЬЮ".

Ни один человек, много размышлявший над анналами своей расы, не может без чувства благоговения предстать перед такой ясностью понимания и смелостью высказывания, и первая мысль читателя заключается в том, что из всех людей Фрэнсис Бэкон наиболее свободен от прискорбных предубеждений, которые он осуждает; что его, конечно же, нельзя сбить с пути истинного. Но по мере того, как мы переходим к его главному труду, мы с удивлением обнаруживаем, что сильная рука Фомы Аквинского простиралась на прошедшие века и держала этого выдающегося мыслителя семнадцатого века; ибо всего через несколько глав, помимо тех, что содержат уже сделанные цитаты, мы находим, что Бэкон ссылается на недавнее путешествие Колумба и говорит о пророчестве Даниила о последних днях, о том, что "многие будут бегать туда-сюда, и знания будут умножаться", что ясно означает "что ... кругосветное плавание и рост науки должны произойти в будущем". того же возраста".(279)

(279) См. "Новый органон", переведенный преподобным Г. В. Китчином, Оксфорд, 1855, гл. lxi и lxxxix.

В его великой работе по продвижению обучения еще более ясно проявляется твердая хватка, которой он придерживался в отношении методов, которые он осуждал. В первой книге он утверждает, что "эта превосходная книга Иова, если ее читать с усердием, окажется насыщенной натурфилософией", и он пытается показать, что в ней "с большим изяществом отмечены" округлость земли", "расположение звезд, всегда находящихся на равных расстояниях", "впадина южного полюса", "вопрос зарождения" и "вопрос минералов". Но, что достаточно любопытно, он использует для подтверждения некоторых из этих истин те самые тексты, которые отцы Церкви использовали, чтобы уничтожить их, и те, которые, по его мнению, наиболее четко подтверждаются Священным Писанием, с тех пор опровергнуты наукой. Точно так же он говорит, что Соломон в своих Притчах получил возможность "по дару Божьему составить естественную историю всей зелени".(280)

(280) См. Бэкон, "Развитие образования", под редакцией У. Олдиса Райта, Лондон, 1873, стр. 47, 48. Конечно, в его собственных трудах не могло быть представлено более поразительных примеров силы зла, которое он все это время осуждал. Ничто лучше не иллюстрирует влияние средневековой теологии и не объясняет его слепоту к открытиям Коперника и экспериментам Гильберта. Очень презрительное изложение претензий лорда Бэкона на свое положение философа см. Ланге, "Книга о материализме", Лейпциг, 1872, том i, стр. 219. Более справедливое утверждение см. Брюстер, "Жизнь сэра Исаака Ньютона", Лондон, 1874, т. ii, стр. 298.

Такова была борьба физических наук в целом. Давайте теперь кратко рассмотрим один особый пример из многих, который раскрывает, как и любой другой, одну из основных теорий, вызвавших теологическое вмешательство в них.

Несомненно, многим покажется удивительным, что на протяжении веков вес теологической мысли в христианском мире противопоставлялся идее об удушающих свойствах определенных газов, и особенно углекислоты. Хотя в древности мы видим людей, формирующих правильную теорию о газах в шахтах, мы находим, что на заре истории Церкви святой Климент Александрийский выдвинул теорию о том, что эти газы являются проявлениями дьявольского действия, и что во всем христианском мире удушье в пещерах, колодцах и подвалах приписывалось прямому действию злых духов. Доказательств этой точки зрения предостаточно на протяжении всего средневекового периода, а в период Реформации большой авторитет Агрикола, один из самых серьезных и правдивых исследователей, все еще придерживался веры в то, что эти газы в шахтах были проявлениями дьяволов, и он выделил два класса — один из злобных бесов, которые задувают лампы шахтеров, и другой из дружелюбных бесов, которые просто различными способами дразнят рабочих. Он зашел так далеко, что сказал, что один из этих духов в саксонской шахте Аннаберга уничтожил сразу двенадцать рабочих силой своего дыхания.

В конце шестнадцатого века мы находим автора по минералогии, жалующегося на то, что рудники во Франции и Германии были в значительной степени заброшены из-за "злых духов металлов, которые завладели ими".

Даже в конце семнадцатого века Ван Гельмонт, после того как он порвал с алхимией и открыл один из великих путей к химии — даже после того, как он объявил миру о существовании различных газов и способе их образования, — не был достаточно силен, чтобы освободиться от теологических предубеждений; он все еще склонялся к мысли, что открытые им газы были в некотором смысле живыми духами, благотворными или дьявольскими.

Но в разное время были получены проблески истины. Древняя точка зрения не была полностью забыта; и еще в первой половине тринадцатого века Альберт Великий предположил естественную причину в возможности того, что выделения минералов вызывают "порчу воздуха"; но он, как мы видели, был увлечен теологическими исследованиями, и мир вернулся к теологическим взглядам.

Ближе к концу пятнадцатого века появился великий гений, владеющий важными химическими истинами, но к появлению которого мир был не готов, — Бэзил Валентайн. Его открытия предвосхитили многое из того, что с тех пор принесло химикам славу и богатство, однако он так боялся опасности, что его работа тщательно скрывалась. Только после его смерти был найден его трактат по алхимии, и даже тогда долгое время было неизвестно, где и когда он жил. Папская булла "Spondent pariter" и различные связанные с ней запреты, вынуждавшие других алхимиков скрывать свои лаборатории, привели к тому, что при жизни в Эрфурте он был известен просто как аптекарь и ждал своей смерти, чтобы открыть истину, которая при жизни могла дорого ему обойтись. Среди наследий этого величайшего из алхимиков была доктрина о том, что воздух, вызывающий удушье у рабочих в шахтах, подобен тому, который образуется при ферментации солода, и рекомендация разжигать костры и использовать струи пара для вентиляции шахт, при этом особое внимание уделялось идее о том, что опасность в шахтах создается "выделениями металлов".

Благодаря таким людям, как Валентин, эта идея о вмешательстве сатаны и его приспешников в горнодобывающую промышленность постепенно ослабла, и работа заброшенных шахт была возобновлена; однако даже в сравнительно недавний период мы находим, что она все еще жива, и среди ведущих богословов в самом сердце протестантской Германии. В 1715 году в Йене был задушен копатель погреба, медицинский факультет университета решил, что причиной было не прямое действие дьявола, а смертельный газ. Вслед за этим проф. Лешер из Виттенбергского университета выступил с торжественным протестом, заявив, что решение медицинского факультета было "лишь доказательством прискорбной вседозволенности, которая так овладела нами и которая, если мы не будем серьезно настороже, в конце концов лишит нас Божьего благословения". (281) Но обвинения такого рода не могли сдержать маленькую армию ученых; несмотря на неблагоприятные воздействия, эволюция физики и химии продолжалась. Все больше и больше появлялось людей, достаточно смелых, чтобы отойти от теологических методов, и достаточно сильных, чтобы противостоять церковным взяткам и угрозам. Как алхимия в ее первой форме, поиск философского камня и трансмутация металлов, уступила место алхимии во второй ее форме, поиску эликсира жизни и более или менее магических средств от болезней, так и теперь последняя уступила поиску истины как таковой. Все больше и больше "торжественно учрежденных самозванцев" оказывали сопротивление во всех областях. Начала появляться большая группа физиков и химиков. (282)

(281) For Loescher's protest, see Julian Schmidt, *Geschichte des geistigen Lebens*, etc., vol. i, p. 319.

(282) Общий взгляд на ядовитые газы как на исчадия сатаны см. Hoefer, *Histoire de la Chimie*, том i, стр. 350; vol. ii, стр. 48. О работах Блэка, Пристли, Бергмана и других см. Основные авторитетные источники, которые уже цитировались, и особенно замечательную статью доктора Р. Г. Экклза о Эволюции химии, Нью-Йорк, D. Appleton & Co., 1891. О трактатке Пристли см. "Эссе Спенса", Лондон, 1892; также Рутт, Жизнь и переписка Пристли, том. ii, стр. 115 и далее.

II.

Как раз в середине семнадцатого века, в самом центре противостояния физической науке, Роберт Бойль положил начало новой эпохе в химии. Находясь под сильным влиянием трудов Бэкона и открытий Галилея, он посвятил себя научным исследованиям, основав в Оксфорде лабораторию и пригласив в нее химика из Страсбурга. За это он сразу же подвергся ожесточенным нападкам. Несмотря на его высокое положение, безупречную жизнь, щедрые пожертвования на благотворительность и ученость, оксфордская кафедра была особенно сурова к нему, заявляя, что его исследования разрушают религию, а эксперименты подрывают университет. Публичные ораторы осуждали его, остряки высмеивали, а его коллеги из числа пэров были возмущены тем, что он снисходит до столь недостойных занятий. Но Бойль настаивал. Его открытия открыли новые пути в различных направлениях и дали толчок целой череде энергичных исследователей. Так началась длинная серия открытий, кульминацией

которых стали открытия Блэка, Бергмана, Кавендиша, Пристли и Лавуазье, положивших начало химической науке девятнадцатого века.

Но даже тогда не обошлось без ожесточенной борьбы с неразумием. И здесь следует заметить, что неразумие это было не только теологическим. Неразумный неортодокс, которому доверена безответственная власть, может быть таким же близоруким и жестоким, как и неразумный ортодокс. Лавуазье, один из лучших представителей нашей расы, не только великий химик, но и настоящий человек, был отправлен на эшафот парижской толпой, возглавляемой фанатичными "либералами" и атеистами, с насмешкой заявлявшими, что республике не нужны ученые. Что касается Пристли, посвятившего свою жизнь науке и всякому доброму делу среди своих собратьев, то бирмингемская мафия, пользующаяся благосклонностью англиканских священнослужителей, которые называли их "единоверцами", разгромила его дом, уничтожила его библиотеку, философские инструменты и бумаги, содержащие результаты долгих лет научных исследований, отправила его в изгнание и убила бы, если бы могла дотронуться до него. И не только его приверженность рациональной свободе и даже не его неверие в доктрину Троицы привели к этой катастрофе. То, что существовало глубокое недоверие к его научным занятиям, стало очевидным, когда лидеры мафии приложили все усилия, чтобы использовать его электрическую аппаратуру для поджога его бумаг.

Тем не менее, хотя теологические методы мышления продолжали сводить на нет многие усилия в области химии, старое влияние все больше и больше ослабевало, и истина все больше и больше искалась ради истины. "Черная магия" с ее сатанинским механизмом исчезла, лишь изредка появляясь среди любителей чудес и запоздалых теологов. "Белая магия" стала обманом.

В первые годы девятнадцатого века физические исследования, хотя и продолжались со все возрастающей энергией, по-разному ощущали реакцию, последовавшую за Французской революцией. Соппротивление было оказано не только при Бурбонах и Габсбургах; даже в Англии старый дух сохранялся долго. Еще в 1832 году, когда Британская ассоциация содействия развитию науки впервые посетила Оксфорд, не менее любезный человек, чем Джон Кебл, — в то время влиятельный человек в университете — с негодованием осудил присвоение почетных степеней видным деятелям, собранным таким образом вместе. В письме от того же числа доктору Пьюзи он горько жаловался, используя его собственные слова, на то, что "оксфордские доктора, к сожалению, подчинились духу времени, приняв горячую порцию философов так, как они это делали". Интересно знать, что среди людей, которых столь презрительно охарактеризовали, были Брюстер, Фарадей и Далтон.

Это не было просто изолированным проявлением чувств; оно длилось много лет и особенно ярко проявлялось по обе стороны Атлантики во всех высших учебных заведениях, где доминировало богословие. Вплоть до периода, оставшегося в памяти людей, все еще ведущих активную жизнь, студенты, изучающие естественные науки, не только в Оксфорде и Кембридже, но и в Гарварде и Йеле, считались сомнительным, если не явно низшим классом, интеллектуально и социально — их направляли к другим преподавателям и в другие здания, и они получали свои степени по другому поводу и с другими церемониями, отличными от тех, которые назначены для студентов, изучающих литературу. Мичиганскому университету штата, среди крупнейших американских учебных заведений, которые никогда не владели

теологической семинарией и не были ею, принадлежит честь первым разрушить эту разделяющую стену.

Но с середины века химическая наука развивалась со все возрастающей силой, и работы Бунзена, Кирхгофа, Дальтона и Фарадея в последние годы столетия привели к установлению закона Менделеева, согласно которому химия стала предсказательной, подобно тому как астрономия стала предсказательной благодаря расчетам Ньютона, а биология - благодаря открытиям Дарвина.

В то время как одна последовательность сильных людей, таким образом, развивала химию из одной формы магии, другая последовательность развивала физику из другой формы.

Первым в этой последней последовательности можно упомянуть линию мыслителей, которые угадали и обосновали великие физические законы - линию, простирающуюся от Галилея, Кеплера и Ньютона до Ома, Фарадея, Джоуля и Гельмгольца. Они, все более и более ясно выявляя господство закона, неуклонно подрывали старый теологический взгляд на произвольное влияние в природе. Далее следует упомянуть ряд глубоких наблюдателей, от Галилея и Торричелли до Кельвина. Они также основательно подорвали старую теологическую замену фактов фразами. Когда Галилей сбросил разные веса с Пизанской башни, он положил конец авторитету Аристотеля в физике. Когда Торричелли уравнил столбик ртути и столб воды, а каждый из них - со столбом воздуха, он завершил теологическую фразу о том, что "природа не терпит вакуума". Когда Ньютон приблизительно определил скорость звука, он положил конец теологическому аргументу о том, что мы видим вспышку раньше, чем слышим рев, потому что "зрение благороднее слуха". Когда Франклин показал, что молния вызывается электричеством, а Ом и Фарадей доказали, что электричество подчиняется установленным законам, они положили конец теологической идее божества, восседающего над облаками и бросающего молнии.

В результате работы обеих этих отраслей физической науки мы имеем установление великих законов неразрушимости материи, соотношения сил и химического сродства. Таким образом, с различными другими священными традициями покончено с теологической теорией о сотворении видимой вселенной из ничего, столь прочно укоренившейся в теологической мысли Средневековья и в Вестминстерском катехизисе. (283)

(283) О повторном появлении фундаментальных доктрин черной магии среди теологов см. преподобного доктора Джуэтта, профессора пастырского богословия в Prot. Episc. Gen. Теолог. Семинария Нью-Йорка, "Дьявология: Личность и царство сатаны", Нью-Йорк, 1889. Об их появлении среди теософов см. Элифас Леви, "История магии", особенно в заключительных главах. О противодействии Бойлю и изучению химии в Оксфорде во второй половине семнадцатого века читайте в обращении профессора Дж. Диксон, Ф. Р. С., перед Британской ассоциацией, 1894. О недавнем прогрессе химии и противодействии ее более раннему развитию в Оксфорде читайте в обращении лорда Солсбери в качестве президента Британской ассоциации в 1894 году. О том, как сохранилось средневековое утверждение протестантов о том, что вселенная была создана из ничего, см. Вестминстерский катехизис, вопрос 15.

В наше время были предприняты некоторые попытки возобновить эту войну против физических наук. Жозеф де Местр, выражающий свою ненависть к ним, заявляющий, что человечество заплатило за них слишком дорого, утверждающий, что они должны быть предметом богословия, уподобляющий их огню — полезному, когда он ограничен, и опасному, когда он разбросан повсюду, — был одним из главных лидеров среди тех, кто не может отказаться от идеи, что наша священная литература должна оставаться контрольным учебником науки. Единственным результатом таких учений было ослабление законного влияния религии на людей.

В католических странах усилия последних лет в основном сводились к исключению науки или разбавлению ее в университетских преподаваниях. В начале нынешнего столетия король Испании Фердинанд VII предпринял огромные усилия. Он просто уволил профессоров-ученых из Университета Саламанки, и до недавнего времени из испанских университетов вообще исключали профессоров, придерживающихся ньютоновской физики. Точно так же современный император Австрии косвенно пытался сделать что-то в том же роде; а в еще более поздний период папы Григорий XVI и Пий IX препятствовали, если не запрещали, собраниям научных ассоциаций в Италии. Во Франции война между теологией и наукой, которая долгое время тлела, разгорелась в 1867 и 1868 годах. Ближе к концу прошлого столетия, после того, как Церковь более тысячи лет владела передовым образованием и, насколько это было возможно, держала экспериментальную науку в рабстве, после того, как она унизила Бюффона в естествознании, выступила против Ньютона в физических науках и разрушила благородные планы Тюрго относительно системы общественного обучения, французская нация издала декрет о создании самой тщательной и законченной системы высшего обучения в науке, когда-либо известной. Она находилась под контролем мирян и стала одной из достопримечательностей Франции; но, ободренная реставрацией Бурбонов в 1815 году, Церковь начала подрывать эту ненавистную систему и в 1868 году достигла такого прогресса, что все было готово к последнему штурму.

Первым среди лидеров осаждающего отряда был епископ Орлеанский Дюпанлу, человек со многими обаятельными качествами и большой ораторской силой. Различными способами, и особенно в открытом письме, он боролся с "материализмом" науки в Париже, и особенно его нападки были направлены на профессоров. Вулпиан и Си, а также министр народного просвещения Дюруи, человек больших заслуг, единственным преступлением которого была преданность улучшению образования и продвижению передовых научных исследований.(284)

(284) О попытках восстановленных бурбонов сокрушить университеты Испании см. Хаббард, Hist. "Современник Испании", Париж, 1878, главы. i и ii. О Дюпанлу, письме кардинала ООН, см. "Терапевтическое обозрение" 1868 года, стр. 221.

Основная атака была нанесена скорее по биологической науке, чем по физике и химии, однако было ясно, что все они были задействованы вместе.

Первый натиск был предпринят во французском сенате, и штурмующую партию в этом органе возглавлял почтенный и добросовестный прелат кардинал де Боннешоз, архиепископ Руана. Он и его партия обвинялись в том, что тенденции высшего научного преподавания в Париже были фатальными для религии и морали. Были брошены тяжелые снаряды — такие фразы, как

"подрыв фундамента", "разрушение бастиионов" и тому подобное; и, кроме того, с большим эффектом была использована новая ракета — эпитет "материалистическая".

О результатах можно легко догадаться: толпы людей пришли в аудитории подвергшихся нападению профессоров, а лекционный зал проф. Видите ли, главный преступник был переполнен до удушья.

Осада была начата должным образом. Группа кардинала послала молодого врача в лагерь неортодоксальных в качестве шпиона. Прослушав одну лекцию профессора Дж. Видите ли, он вернулся с информацией, которая, казалось, обещала легкую победу осаждающей стороне: он принес ужасное заявление, которого, казалось, было достаточно, чтобы ошеломить Зее, Вульпиана, Дюруи и всю ненавистную систему общественного образования во Франции, — заявление о том, что Зее отрицал существование человеческой души.

Кардинал Боннешоз сразу же схватился за это ужасное оружие. Заняв свое место в Сенате, он разразился самой красноречивой бранью против государственного министра, который мог защитить такую крепость нечестия, как Медицинский колледж; и, в качестве кульминации, он заявил, основываясь на свидетельстве своего шпиона, только что полученном от проф. В своей лекции накануне профессор заявил, что до тех пор, пока он имеет честь занимать профессорскую должность, он будет бороться с ложной идеей существования души. Оружие казалось неподатливым, а рана смертельной, но мсье Дюруи встал и попросил, чтобы его выслушали.

Его заявление сводилось просто к тому, что он держал в руках документальные доказательства того, что проф. Зее никогда не делал подобного заявления. У него были записи, которыми пользовался проф. Зее в своей лекции. Профессор. Оказалось, что Юве принадлежал к медицинской школе, которая боролась с определенными идеями о медицине как ИСКУССТВЕ. Воспаленное воображение эмиссара кардинала, охотящегося за ересью, как доказывали конспекты лекций, привело его к тому, что он перепутал слово "искусство" с "пламенем" и выставил проф. Рассматривайте как обращение к теологу, когда он обсуждал чисто научный вопрос. О существовании души профессор ничего не сказал.

Силы противника были немедленно повернуты; они отступили в замешательстве под смех всей Франции; и спокойное, исполненное достоинства заявление декана факультета Вурца о правах научных преподавателей довершило их замешательство. Таким образом, благонамеренная попытка остановить науку просто закончилась тем, что вызвала насмешки над религией и еще глубже внедрила в умы тысяч людей самую ошибочную из всех ошибочных идей: убеждение, что религия и наука - враги.(285)

(285) Общий отчет о Вульпиане и о том, что происходит, см. в *Revue des Deux Mondes*, 31 мая 1868 г., "Хроника Квинзена", стр. 763-765. В качестве результата, оказавшего влияние на общественное мнение, можно отметить следующий комментарий Ревю к

"Делу", который максимально свободен от чего-либо подобного яростным антицерковным идеям: "Elle a ete vraiment curieuse, поучительный, как история и воспоминание о человеке забавном".

Заявление Вурца см. в "Ревю де Терапевтик" за 1868 год, стр. 303.

Но справедливость запрещает поднимать из-за этого шум против Римского католицизма. В 1864 году ряд выдающихся людей в Англии составили декларацию, которую должны были подписать студенты, изучающие естественные науки, выражая "искреннее сожаление по поводу того, что в наше время некоторые исследования научной истины извращаются и дают повод усомниться в истинности и аутентичности Священного Писания". Девять десятых ведущих ученых Англии отказались подписать его; и это было еще не все: сэр Джон Гершель, сэр Джон Боуринг и сэр У. Р. Гамильтон выступили через прессу с критикой, которая вызвала всеобщее возмущение против авторов циркуляра, а проф. Дж. Де Морган в своей пародии высмеял мемориал и мемориалистов. Это была старая ошибка, и старый результат возник в умах множества вдумчивых молодых людей.(286)

(286) Де Морган, Парадоксы, стр. 421-428; также Эссе Добени.

И в еще одной протестантской стране была допущена та же ошибка. В 1868 году несколько выдающихся церковников в Пруссии сочли своим долгом встретиться для осуждения "ложно называемой науки". Последовали два результата: к подавляющему большинству этих действительно самоотверженных людей, первые высказывания которых свидетельствовали о полном незнании теорий, которые они атаковали, пришло тихое и повсеместное презрение; к пастору Кнаку, который выступил вперед и провозгласил взгляды на вселенную, которые он считал библейскими, но которые большинство школьников считали ребяческими, последовал взрыв добродушных насмешек со всех сторон немецкой нации.(287)

(287) Смотрите берлинские газеты за лето 1868 года, особенно Kladderdatsch.

Но во всех крупных современных государствах войны такого рода после первой четверти девятнадцатого века становились все более и более бесполезными. В то время как добросовестные римские епископы и не менее добросовестные протестантские священнослужители в Европе и Америке продолжали настаивать на том, что высшее образование не только в литературе, но и в естественных науках должно находиться под тщательным контролем в их собственных сектантских университетах и колледжах, крайне односторонних по организации и неадекватных по оснащению; в то время как католические духовные власти Испании отвергали всех профессоров, придерживающихся теории Ньютона, а в Австрии и Италии - всех, придерживающихся небезопасных взглядов на Непорочное Зачатие, и в то время как протестантские духовные власти Великобритании и Америки не допускали к профессорским должностям людей, придерживающихся теории Непорочного Зачатия. неудовлетворительные взгляды на Воплощение, или Крещение младенцев, или апостольскую преемственность, или Рукоположение старейшинами, или Стойкость Святых; и в то время как католические и протестантские священнослужители открыто или тайно исключали с университетских факультетов всех, кто проявлял готовность справедливо рассматривать идеи Дарвина, тихо развивалось движение, призванное вывести обучение, и особенно обучение физическим и естественным наукам, из своего старого подчинения теологии и церковности.(288)

(288) Что бы ни думали о системе философии, отстаиваемой президентом Маккошем в Принстоне, каждый мыслящий человек должен уважать его за то, что

он, по крайней мере, отошел от традиций этого центра мысли; предотвратил, насколько смог, преследование ученых за то, что они придерживались дарвинистских взглядов; и проложил путь для высочайших исследований в области физики в этом университете. Наиболее красноречивое утверждение о противостоянии современной физической науки средневековым теологическим взглядам, показанное на примере сэра Исаака Ньютона, см. у доктора Томаса Чалмерса, цитируемого в книге Гора "Искусство научных открытий", Лондон, 1878, стр. 247.

Наиболее яркие зачатки этого движения были замечены, когда в самый мрачный период Французской революции в Париже была основана великая консерватория искусств и ремесел, и когда в первые годы девятнадцатого века научно-техническое образование незаметно распространилось по Континенту. К середине века Франция и Германия были усеяны хорошо оборудованными техническими и научными школами, в каждой из которых имелись химические и физические лаборатории.

Англоязычные страны отставали. В Англии Оксфорд и Кембридж практически не проявляли признаков этого движения, а в Соединенных Штатах вплоть до 1850 года свидетельства о нем были немногочисленны и слабоваты. Весьма показательно, что в тот период, хотя в Йельском колледже преподавали Силлиман и Олмстед — профессора химии и физики, наиболее широко известные в Соединенных Штатах, — в Йельском колледже не было физической или химической лаборатории в современном смысле этого слова, и преподавание этих предметов ограничивалось экзаменами по учебнику и прослушиванием нескольких лекций. В Государственном университете штата Мичиган, который уже тогда занимал ведущее место в системе высшего образования к западу от Великих озер, преподавание химии было очень скудным, а физики практически отсутствовала. Учитывая положение вещей в середине века в учреждениях, на удивление свободных от канцелярского контроля, можно представить, каково было положение с научным преподаванием в небольших колледжах и университетах, где теологические соображения были полностью доминирующими.

Но в 1851 году, с Международной выставки в Лондоне, в Великобритании и Америке началось движение в пользу научного образования; богатые люди и общественные деятели начали вносить в него свой вклад, и так возникла новая система обучения, в которой химия и физика заняли достойное место.

Безусловно, наиболее заметная черта этого движения была замечена в Америке, когда в 1857 году Джастин С. Моррилл, молодой член Конгресса от Вермонта, представил проект закона, наделяющего государственные земли широкой национальной системой колледжей, в которых научные и технические исследования должны быть приравнены к изучению классической литературы, и по одному такому колледжу должно быть создано в каждом штате Союза. Законопроект, против которого выступили в основном представители Южных штатов, где доктринерская политика и ортодоксальное богословие были в тесном союзе с негритянским рабством, был принят обеими палатами Конгресса, но на него наложил вето президент Бьюкенен, в котором был воплощен доктринерский и ортодоксальный дух. Но Моррилл упорствовал и снова представил свой законопроект, который снова был принят, несмотря на

противодействие южан, и снова наложил вето в 1859 году президент Бьюкенен. Затем началась гражданская война, но Моррилл и его сподвижники не отчаивались в республике. В разгар всех мер по вводу в бой огромных армий и по спасению Союза от иностранного вмешательства, а также от внутренней анархии, они снова приняли законопроект, и в 1862 году, в самый мрачный час борьбы за национальное существование, он стал законом за подписью президента Линкольна.

И здесь не следует упускать из виду, что, хотя подавляющее большинство сторонников этой меры были мирянами, наиболее эффективную службу оказал священник, преподобный доктор Амос Браун, родившийся в Нью-Гэмпшире, но в то время работавший инструктором в маленькой деревушке под Нью-Йорком. Его идеи были воплощены в законопроекте, и его усилия во многом способствовали его принятию.

Таким образом, в каждом штате Американского союза было создано по крайней мере одно учебное заведение, в котором научно-техническим исследованиям придавался равный ранг классическим, и которым способствовали лаборатории для исследований в области физики и естествознания. В настоящее время таких учебных заведений насчитывается около пятидесяти: все они доказали свою ценность, а некоторые из них, благодаря великолепным подаркам отдельных лиц и государств, в которых они расположены, превратились в великие университеты.

И это было еще не все. Таким образом, многие из старых университетов и колледжей получили мощный стимул в новом направлении. Великие физические и химические лаборатории, основанные на пожертвованиях людей, стремящихся к общественному благу, как в Гарварде, Йеле и Чикаго, или просвещенными законодателями штатов, как в Мичигане, Висконсине, Миннесоте, Калифорнии, Канзасе и Небраске, также стали центрами, излучающими влияние, способствующее беспрепятственному поиску истины как таковой.

Эта система действовала достаточно долго, чтобы позволить нам в какой-то степени заметить ее влияние на религию, и оно, безусловно, таково, что может успокоить тех, кто опасался, что религия была обязательно связана с более старым обучением, контролируемым теологией. В то время как в Европе, в результате естественной реакции, колледжи, находящиеся под строгим церковным контролем, выдвинули самых могущественных врагов, которых когда-либо знала христианская церковь, прообразами которых являются Вольтер, Дидро, Волне, Сент-Бев и Ренан, в этих новых учреждениях подобного эффекта отмечено не было. Хотя теологический взгляд на вселенную неуклонно уступал, не было никаких признаков какой-либо тенденции к безбожию. Напротив, это свидетельствовало о тех, кто лучше всех знаком с американскими колледжами и университетами за последние сорок пять лет, что они добились больших успехов не только в том, что касается морали, но и в том, что касается религии в ее высшем и наилучшем смысле. Причину далеко искать не надо. При старой американской системе все студенты университета были ограничены одним курсом, о котором большинство мало заботилось, а очень многих ничего не заботило, и, как следствие, повсеместное безделье и распутство были неизбежны. В соответствии с новой системой, предлагающей различные курсы, и особенно курсы по различным наукам, отвечающие разным вкусам и целям, подавляющее большинство студентов проявляют интерес, и, следовательно, лень и рассеянность неуклонно уменьшаются. Более того, в большинстве американских учебных заведений вплоть до середины века основная опора на религиозную культуру студентов заключалась в поверхностном изложении

сектантского богословия и случайном возбуждении так называемых "возрождений", которые после периода нездоровых стимулов неизбежно приводили основную массу студентов в состояние религиозной и моральной реакции и коллапса. В настоящее время этот метод дискредитирован, и в более важных американских университетах он стал невозможен. Религиозная истина, призванная привлечь внимание современной расы студентов в лучших американских учебных заведениях, преподносится не "проповедниками сенсаций", а вдумчивыми, трезво мыслящими учеными. Все меньше и меньше помогают сектантские аргументы; все более впечатляющим становится изложение фундаментальных религиозных истин. В результате, в то время как молодых людей все меньше и меньше интересует огромная масса мелких, шаблонных сектантских формул, они подходят к более глубоким вопросам религии со все возрастающим благоговением.

Хотя между европейскими университетами и университетами Соединенных Штатов существуют разительные различия, по крайней мере, можно сказать, что по обе стороны Атлантики подавляющее большинство ведущих учебных заведений находятся под влиянием просвещенного общественного мнения, выражаемого в основном мирянами, и что в таком случае физические и естественные науки отныне, вероятно, будут развиваться нормально, без страха быть стерилизованными теологией или угнетенными церковью.

ГЛАВА XIII. ОТ ЧУДЕС К МЕДИЦИНЕ.

I. РАННИЕ И СВЯЩЕННЫЕ ТЕОРИИ БОЛЕЗНЕЙ.

Ничто в эволюции человеческой мысли не кажется более неизбежным, чем идея сверхъестественного вмешательства в возникновение и излечение болезней. Причины болезней настолько сложны, что до них можно добраться только после столетий научного труда. В те периоды, когда человек повсюду видит чудо и нигде не видит закона, — когда он приписывает все вещи, которые он не может понять, воле, подобной его собственной, — он, естественно, приписывает свои болезни либо гневу доброго существа, либо злобе злого существа.

Эта идея лежит в основе связи жреческого сословия с искусством врачевания: связь, которая сохранилась у грубых племен во всех частях света и которая прослеживается почти в каждой

древней цивилизации — особенно в силе над болезнями, на которую претендовали в Египте жрецы Осириса и Исида, в Ассирии - жрецы Гибилы, в Греции - жрецы Эскулапа, а в Иудее - жрецы и пророки Яхве.

В Египте есть свидетельства, восходящие к очень раннему периоду, что больных часто считали пораженными или одержимыми демонами; та же вера постоянно присутствует перед нами в великих религиях Индии и Китая; а что касается Халдеи, то ассирийские таблички, найденные в последние годы, раскрывая источник стольких мифов и легенд, переданных современному миру через книгу Бытия, особенно наглядно демонстрируют эту идею исцеления болезней путем изгнания бесов. Аналогичная теория была разработана в Персии. Естественно, что Ветхий Завет, столь ценный тем, что показывает эволюцию религиозной и моральной истины среди людей, приписывает такие болезни, как проказа Мириам и Озии, нарывы Иова, дизентерию Иорама, иссохшую руку Иероваама, смертельную болезнь Асы и многие другие, гневу Божьему или злобе сатаны; в то время как в Новом Завете такие примеры, как женщина, "связанная сатаной", избавление от лихорадки, изгнание бессловесного дьявола, исцеление от лихорадки и многих других болезней, приписываются Божьему гневу. история человека, которого "дьявол часто бросает в огонь" — по поводу этого случая один из величайших современных врачей замечает, что никогда не существовало более правдивого описания эпилепсии, — и различные другие эпизоды демонстрируют тот же неизбежный образ мышления как преломляющую среду, через которую учения и деяния Великого Врача были открыты будущим поколениям.

В Греции, хотя эта идея об оккультной злой силе, вызывающей телесные болезни, появилась в ранний период, там же, насколько нам известно, появились первые зачатки действительно научной теории медицины. За пятьсот лет до Рождества Христова, в период расцвета мысли — период Эсхила, Фидия, Перикла, Сократа и Платона — появился Гиппократ, одно из величайших имен в истории. Тихо, но основательно он порвал со старой традицией, развил научную мысль и заложил основы медицинской науки на основе опыта, наблюдений и разума настолько глубоко и широко, что его учение по сей день остается одним из самых ценных достояний нашей расы.

Его мысль была передана Александрийской школе, и там медицинская наука получила еще большее развитие, особенно такими людьми, как Герофил и Эрасистрат. Под их руководством изучение анатомии человека началось с вскрытия; старый предрассудок, который так долго тяготил науку, препятствуя этому методу анатомического исследования, без которого не может быть реальных результатов, был отброшен, по-видимому, навсегда.(289)

(289) Подробные сведения о медицине в Египте, Иудее и восточных странах в целом см. в "Шпренгеле", "Истории медицины" и "Гезере"; а для более кратких отчетов - в "Баасе", "Истории медицины", стр. 15-29; также Изензее; также Фредо, "Истории медицины", глава i. Об усилиях египетской медицины по борьбе с демонами и ведьмами, см. Генрих Бругш, "Эгиптология", Лейпциг, 1891, с. 77; и для ссылок на папирус Эберса и др., стр. 155, 407 и далее. О страхе перед вскрытием и предубеждениях против него в Египте, как и в средневековой Европе, см. Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", стр. 216. О происхождении жреческой медицины в Египте см. Баас, стр. 16, 22. О славе египетской медицины в Риме см. Шарп, "История Египта",

т. ii, стр. 151, 184. Что касается Ассирии, см., в частности, Джорджа Смита в немецком переводе Делитча, стр. 34, и приложении Ф. Делитча, стр. 27. О дешевизне и распространенности чудес исцеления в древности, см. Шарп, цитируя святого Иеронима, т. ii, стр. 276, 277. Что касается влияния халдейских идей магии и болезней, см. Леки, История европейской морали, том i, стр. 404 и примечание. Но, с другой стороны, см. упоминание у Гомера болезней, вызываемых "демоном". Об эволюции медицины до и после Гиппократов см. в разделе Шпренгель. Чтобы хорошо подытожить работу Гиппократов, см. Ваас, стр. 201. О необходимом переходе медицины на ее ранних стадиях под контроль священников см. Кабанис, "Революция медицинской науки", Лондон, 1806, глава ii. О еврейских представлениях о демонах и их связи с болезнью см. Тоу, Иудаизм и христианство, Бостон, 1891, стр. 168 и далее. Чтобы избежать вскрытия человеческих тел даже Галеном и его учениками, см. Морис Альбер, "Греческие врачи в Риме", Париж, 1894, глава xi. О Герофилусе, Эрасистрате и Александрийской школе см. Sprengel, том i, стр. 433, 434 и далее.

Но с приходом христианства была приведена в движение новая цепь событий, которые самым глубоким образом изменили это развитие. Влияние христианства на искусство врачевания было двояким: сначала был благословенный импульс — мысль, устремление, пример, идеалы и дух Иисуса из Назарета. Этот дух, затем излившийся в мир, пронесся сквозь века, поощряя самопожертвование ради больных и обездоленных. На протяжении всех последующих столетий, даже самых грубых, вдоль этого благословенного ручья возникали больницы и лазареты. Среди них были восточные учреждения для лечения больных в ранние христианские периоды, Лазарет Монте-Кассино и Отель-Дье в Лионе в шестом веке, Отель-Дье в Париже в седьмом и мириады приютов для больных и страждущих, которые возникли во всех частях Европы в последующие столетия. Оживленные этим потоком, все средневековые заросли милосердия пышно расцвели. Не говоря уже о тех, что были в более ранний период, во времена Крестовых походов у нас были великие благотворительные организации, такие как орден Святого Иоанна Иерусалимского, и с тех пор используются все средства для привлечения духа Иисуса на помощь страждущему человечеству. Точно так же на протяжении всех этих эпох мы видим череду мужчин и женщин, посвятивших себя делам милосердия, кульминацией которых в наше время стали такие святые, как Винсент де Поль, Франке, Говард, Элизабет Фрай, Флоренс Найтингейл и Мюленберг.

Но в то время как это огромное влияние, изливавшееся из сердца Основателя христианства, протекало из века в век, вдохновляя всяческое проявление милосердия, от тех, кто организовал Церковь, носящую его имя, и от тех, кто впоследствии развивал и направлял ее, исходил другой поток влияния — теология, основанная частично на доисторических представлениях о невидимых силах, частично на идеях, выработанных у самых ранних исторических народов, но особенно на букве еврейских и христианских священных книг.

Богословие, развитое на основе нашей священной литературы в отношении лечения болезней, было в основном двояким: во-первых, произошла новая и сильная эволюция старой идеи о том, что физическое заболевание вызывается гневом Божиим или злобой сатаны, или сочетанием

того и другого, для объяснения чего теология была специально призвана; во-вторых, были разработаны теории чудесных методов лечения, основанные на способах умиротворения Божественного гнева или противодействия сатанинской злобе.

Вдоль обоих этих потоков влияния, один из которых возник в жизни Иисуса, а другой - в рассуждениях теологов, пышно разрослись легенды о чудесах. Было бы совершенно нефилософски приписывать все это в целом сознательному мошенничеству. Какую бы роль жречество ни играло впоследствии в различных их порочащих разработках, масса чудесных легенд, столетие за столетием, росла в основном добросовестно и так же естественно, как вязы вдоль ручьев или цветы в прерии.

II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕГЕНД ОБ ИСЦЕЛЕНИИ.

—ЖИЗНЬ КСАВЬЕРА КАК ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР.

Таким образом, возникли легенды о чудесах, рассказывающие о жизни всех великих благодетелей человечества в ранние века, а также о святых и подвижниках. На протяжении всей истории человечества жизни таких персонажей, почти без исключения, сопровождалась литературой, в которой легенды о чудесных силах составляют очень важную часть — часть, постоянно увеличивающуюся до тех пор, пока иной взгляд на природу и взвешивание свидетельств не приведут к исчезновению чудес. В то время как современная мысль считает свидетельства о существовании огромной массы таких легенд во все века бесполезными, очень широко признано, что великие и одаренные существа, которые наделяют землю высшими религиозными идеями, обретая глубочайшее влияние на сердца и умы множества людей, иногда могут оказывать такое влияние на окружающих, что больным душой или телом оказывается помощь или исцеление.

В современный период у нас есть очень много примеров, которые позволяют нам изучать эволюцию легендарных чудес. Из них я выберу только одно, которое выбрано потому, что это жизнь одного из самых благородных и преданных людей в истории человечества, того, чья биография представлена миру с мельчайшими подробностями — в его собственных письмах, в письмах его соратников, в современных историях и во множестве биографий: этого человека зовут святой Франциск Ксаверий. Из этих источников я черпаю факты, которые сейчас будут приведены, но ни один из них не имеет протестантского происхождения; все источники, из которых я буду черпать, являются католическими и римскими и опубликованы с разрешения Церкви.

Родившийся в семье испанского дворянина, Ксавье в раннем возрасте отбросил все обычные цели, посвятил себя учебе, быстро продвинулся до профессорской должности в Париже и на этом посту быстро завоевал командующее влияние, когда попал под влияние другого испанца, еще более великого, хотя и менее блестяще одаренного, чем он сам, — Игнатия Лойолы,

основателя Общества Иисуса. В результате молодой профессор пожертвовал блестящей карьерой, к которой он пришел во французской столице, отправился на дальний Восток простым миссионером и там посвятил свои оставшиеся годы спасению самых низких и несчастных представителей нашей расы.

Среди различных племен, сначала в нижней Индии, а затем в Японии, он работал не покладая рук — обходил деревню за деревней, собирая туземцев по звуку ручного колокольчика, пытаясь научить их простейшим христианским формулам; и таким образом он привел мириады из них к номинальному исповеданию христианской веры. После двенадцати лет таких усилий, стремясь к новым религиозным завоеваниям, он пожертвовал своей жизнью на необитаемом острове Сан-Чан.

За свою миссионерскую карьеру он написал огромное количество писем, которые сохранились и с тех пор были опубликованы; и они, наряду с письмами его современников, ясно демонстрируют все особенности его жизни. Его собственные записи очень подробны и позволяют нам полностью проследить за ним. Ни в его собственных письмах, ни в каких-либо современных документах нет упоминания о сотворенном им чуде. (290) Внешне, за всю его жизнь произошло всего два или три события, столь полно продемонстрированных им самим и его современниками, в отношении которых самый ревностный преданный мог бы претендовать на что-то вроде Божественного вмешательства; и это то, что можно прочесть в письмах очень многих ревностных миссионеров, как протестантов, так и католиков. Например, в начале своей карьеры, во время путешествия по Европе с послом, один из слуг, переходя вброд ручей, попал в глубокую воду и был в опасности утонуть. Ксавье рассказывает нам, что посол молился очень усердно, и что мужчина, наконец, выбрался из ручья. Но в течение шестидесяти лет после его смерти, при его канонизации, и различными биографами это было преувеличено до чуда и фигурирует в различных исторических хрониках, окрашенных в яркие цвета. Ксавье рассказывает нам, что посол молился о безопасности молодого человека; но его биографы сообщают нам, что молился именно Ксавье, и, наконец, более поздние авторы изображают Ксавье вытаскивающим лошадь и всадника из ручья с помощью явно сверхъестественного действия.

(290) Это утверждение было опровергнуто с большим взрывным акцентом одним из авторов журнала "Католический мир" за сентябрь и октябрь 1891 года, но он не привел никаких ФАКТОВ, подтверждающих это отрицание. Возможно, мне будет позволено напомнить преподобному писателю, что со времен Паскаля, чье превосходство в Церкви он вряд ли будет оспаривать, голое утверждение даже отца-иезуита против установленных фактов нуждается в некоторой поддержке, кроме простой грубости.

Еще одно утверждение о чуде основано на том, что он прибыл в Лиссабон и обнаружил своего великого коллегу Симона Родригеса больным лихорадкой. Ксавье очень просто сообщает нам, что Родригес был так вне себя от радости, увидев его, что лихорадка не вернулась. Это полностью похоже на лечение, которое Мартин Лютер оказал Меланхтону. Меланхтон сломался и, как предполагалось, умирал, когда радость по поводу долго откладывавшегося визита Лютера снова подняла его на ноги, после чего он прожил много лет.

Опять же, рассказывают, что Ксаверий, найдя бедную туземку очень больной, крестил ее, произнося над ней церковные молитвы, и она выздоровела.

Два или три подобных события составляют основу повествования о чудесах, насколько это касается собственных сочинений Ксавьера.

О чудесах в обычном смысле этого слова в этих его письмах нет никаких упоминаний. Хотя он пишет о своих деяниях с особыми подробностями, явно стараясь отметить все, что он считал признаком Божественного ободрения, он ничего не говорит о своих чудесах и, очевидно, ничего о них не знает. Это явно происходит не из-за его нежелания обнародовать какой-либо знак Божественного благоволения. Как мы видели, он очень быстро сообщает обо всем, что может быть расценено как ответ на молитву или свидетельство силы религиозных средств для улучшения физического или духовного здоровья тех, к кому он был послан.

Также письма его сподвижников не свидетельствуют о том, что им были известны какие-либо чудеса. Его братья-миссионеры, которые находились с ним в постоянном и верном общении, не упоминают о них в своих общениях друг с другом или со своими братьями в Европе.

Этому факту у нас есть много поразительных свидетельств. Были опубликованы различные сборники писем миссионеров-иезуитов в Индии и на Востоке в целом за годы деятельности Ксавьера, и ни в одном из этих писем, написанных при жизни Ксавьера, нет ни малейшего упоминания о сотворенном им чуде. В качестве типичного из этих сборников мы можем взять, пожалуй, самый известный из всех, который был опубликован примерно через двадцать лет после смерти Ксавье отцом-иезуитом Эмануэлем Акостой.

Приведенные в нем письма были написаны Ксавьером и его единомышленниками не только из Гоа, который был средоточием всех миссионерских усилий и центром всех знаний об их работе на Востоке, но и из всех других важных точек на великом поприще. Первые из них были написаны при жизни святого, но, хотя и наполнены всевозможными подробностями, касающимися миссионерской жизни и деятельности, в них ничего не говорится о каких-либо чудесах Ксаверия.

То же самое можно сказать и о различных других подобных сборниках, опубликованных в шестнадцатом и семнадцатом веках. Ни в одном из них ни в одном письме из Индии или с Востока, написанном современником Ксаверия, не упоминается о чуде.

Это молчание относительно его чудес явно не было вызвано каким-либо "злым сердцем неверия". Напротив, эти добрые отцы-миссионеры не замедлили зафиксировать малейшее событие, которое, по их мнению, свидетельствовало о Божественном благоволении: поистине трогательно видеть, с каким рвением они хватаются за самые тривиальные вещи, которые можно было бы таким образом истолковать.

Их безграничная вера была проявлена в полной мере. Одно из них, из коллекции Акосты, сообщает, что недавно на небесах видели освещенный крест; другое, что бесы были изгнаны из туземцев с помощью святой воды; третье, что различным случаям болезней помогало и даже исцеляло крещение; и множество других прислали сообщения о том, что слепые и немые были восстановлены и что даже прокаженные были очищены надлежащим использованием церковных обрядов; но его товарищи не приписывают Ксавьеру никаких чудес ни при его жизни, ни в течение нескольких лет после его смерти.

Напротив, мы находим, что его собственные заявления относительно его личных ограничений и возникающих из-за них трудностей полностью подтверждаются его братьями по работе. Интересно, например, ввиду сделанного впоследствии заявления о том, что святой был божественно наделен для своей миссии "даром языков", отметить в этих письмах подтверждение собственного заявления Ксавьера, полностью опровергающего существование какого-либо такого Божественного дара и подробно описывающего трудности, с которыми он столкнулся из-за незнания различных языков, и тяжелый труд, которому он подвергся, изучая элементы японского языка.

Примерно через десять лет после смерти Ксавьера, как показывает публикация Эмануэля Акосты, письма миссионеров продолжали поступать без каких-либо указаний на чудеса, совершенные святым. Хотя, как мы вскоре увидим, в других местах уже начали распространяться многочисленные легенды, ни единого слова об этих чудесах пока не поступило из страны, которая, согласно более поздним отчетам, принятым и санкционированным Церковью, в тот самый период была полна чудес; ни малейшего указания на них от людей, которые, как предполагалось, были в самой гуще этих чудесных проявлений.

Но эти негативные свидетельства - далеко не все. Есть также положительное свидетельство — прямое свидетельство самого ордена иезуитов, — что Ксаверий не творил чудес.

Ибо не только ни Ксаверий, ни его коллеги ничего не знали о великих деяниях, впоследствии приписываемых ему, но и высочайший современный авторитет по всему предмету, человек, находящийся в самой тесной переписке с теми, кто больше всего знал об этом святом, член Общества Иисуса с самым высоким статусом и один из его признанных историков, не только прямо говорит нам, что Ксаверий не творил чудес, но и приводит причины, по которым он их не творил.

Этим человеком был Джозеф Акоста, провинциал ордена иезуитов, его посетитель в Арагоне, настоятель в Вальядолиде и, наконец, ректор Университета Саламанки. В 1571 году, через девятнадцать лет после смерти Ксавье, Акоста посвятил себя написанию работы, в основном посвященной обращению Индии, и в ней он особенно и с величайшим почтением обращается к Ксавье, считая его идеалом, а его творчество - примером.

Но на той же странице, где отдается дань уважения великому миссионеру, Акоста продолжает обсуждать причины, по которым прогресс в обращении мира происходит не так быстро, как в ранние апостольские времена, и говорит, что особая причина, по которой апостольская проповедь больше не могла приносить апостольских результатов, "лежит в самих миссионерах, потому что сейчас нет силы творить чудеса". Затем он спрашивает: "Почему наш век должен быть настолько полностью лишен их?" На этот вопрос он отвечает очень подробно, и одно из его главных утверждений состоит в том, что в ранние апостольские времена неграмотные люди должны были обращать ученых мира, тогда как в наше время дело обстоит наоборот, ученые люди посылаются обращать неграмотных; и, следовательно, "в ранние времена чудеса были необходимы, но в наше время их нет".

Это утверждение и аргумент относятся, как мы видели, непосредственно к Ксавьеру по имени и к периоду, охватываемому его деятельностью и деятельностью других великих миссионеров его времени. То, что орден иезуитов и Церковь в целом сочли этот труд Акосты заслуживающим доверия, подтверждается тем фактом, что он был опубликован в Саламанке через несколько лет

после написания, а затем переиздан с церковной санкции во Франции. (291) Ничто так хорошо, как продолжение, не показывает, насколько полностью эволюция рассказов о чудесах зависит от интеллектуальной атмосферы любой страны и времени и насколько она независима от фактов.

(291) Работа Джозефа Акосты находится в библиотеке Корнельского университета, она называется следующим образом: "О природе нового мира" и "О Распространении Евангелия апуда Барбароса", "Сиве де Прокурада Индии" "Салют", "Либри секс", автор Хесефо Акоста, пресвитер общества Иисуса. I. X. С. Салмантикас, апуд Гильельмум Фокель, MDLXXXIX. Приведенные отрывки, прямо противоречащие творению чудес Ксавьером и его единомышленниками, см. в lib. ii, cap. ix, заглавие которого гласит: "Cur Miracula in Conversione gentium non fiant nunc, ut olim, a Christi praedicatoribus", особенно стр. 242-245; также lib. ii, глава. viii, стр. 237 и далее. Отрывок, который показывает, что Ксаверию тогда вообще не приписывали "чудесный дар языков", см. в lib. i, cap. vii, стр. 173. С момента написания вышеизложенного мое внимание было привлечено к предполагаемой чудесной сохранности тела Ксавье, о которой сообщалось в различных письмах, написанных одновременно с его извлечением из-под земли в Сан-Чане и перезахоронением в Гоа. Нет никаких причин, по которым в этой сохранности самой по себе нужно сомневаться, и нет причин, по которым ее следует считать чудесной. Такая исключительная сохранность тел была достаточно распространена во все века, и, к сожалению для претензий Церкви, столь же распространена среди язычников или протестантов, как и среди добрых католиков. Одним из наиболее известных случаев является случай с прекрасной римской девушкой Юлией, дочерью Клавдия, по поводу эксгумации которой в Риме в 1485 году был поднят такой шум скептически настроенными учеными эпохи Возрождения. Современные наблюдатели с энтузиазмом сообщают нам, что она была очень красива, прекрасно сохранилась, "румянец юности все еще играл на ее щеках", и от нее исходил "сладкий аромат"; но этот энтузиазм был так не по вкусу папе Иннокентию VIII, что он приказал перезахоронить ее тайно ночью. Только на днях, в июне 1895 года, в Штаде, в Ганновере, было обнаружено "прекрасно сохранившееся" тело солдата восьмого века. Также я мог бы упомянуть тела, хранившиеся в церкви Святого Фомы в Страсбурге, под Бременским кафедральным собором и в других местах на протяжении сотен лет; также случаи "ожирения" на различных американских кладбищах, которые никогда не становятся менее удивительными от повторения из уст в уста и в общедоступных печатных изданиях. Но, хотя такое сохранение не является невероятным или даже странным, есть много причин, по которым именно в случае с таким святым, как святой Франциск Ксаверий, доказательства этого следует воспринимать с особой осторожностью. То, что трогательная верность учеников может побудить их поверить и провозгласить в отношении обожяемого лидера во времена, когда вера считается более достойной, чем тщательное изложение фактов, а чудо более

вероятным, чем естественный ход вещей, видно, например, в подобных благочестивых рассказах о телах многих других святых, особенно святого Карло Борromeо, столь справедливо почитаемого Церковью за его прекрасную и милосердную жизнь. И все же любой, кто посмотрит на мощи различных святых, особенно Святого Карла, с такой нежной заботой хранимые в крипте Миланского собора, увидит, что они разделили общую судьбу, будучи либо мумифицированными, либо превратившимися в скелеты; и это верно во всех случаях, насколько я могу судить. То, что даже великого богослова можно заставить поверить и засвидетельствовать в чем-то подобном вопросе, видно из св. Заявление Августина о том, что плоть павлина, который в древности и в ранней Церкви считался птицей, наделенной некоторыми сверхъестественными способностями, нетленна. Святой заявляет, что он проверил это и нашел таковым (см. *De Civitate dei*, xxi, с. 4, под отрывком, начинающимся *Quis enim Deus*). С этим мы можем сравнить свидетельство благочестивого автора книги "Путешествия" сэра Джона Мандевилла о том, что железо плавает по Мертвому морю, в то время как перья тонут в нем, и что он не поверил бы этому, если бы не видел это. Точно так же свидетельства о "сладком запахе", распространяемом эксгумированными останками святого, по—видимому, указывают скорее на чувства, чем на факт — на те возвышенные чувства стоящих рядом учеников - те же чувства, которые побуждали тех, кто посещал святого Симона Столпника на его куче навоза, и других немых отшельников, живущих в грязи, останавливаться на восхитительном "запахе святости", пронизывающем воздух. Возможно, дело в идеализации Луи Вейо "парфюма Рима" перед лицом факта, о котором может свидетельствовать автор настоящего произведения и тысячи других, что при папском правлении Рим в материальном плане был одним из самых грязных городов в христианском мире. Что касается случая с Джулией, см. Современное письмо, напечатанное Яничеком, Общество Возрождения в Италии, стр. 120, примечание 167; также *Infessura, Diarium Rom. Urbis*, в Муратори, том. iii, стр. 2, col. 1192, 1193 и другие; также Саймондс, "Возрождение в Италии: эпоха деспотов", стр. 22. О деле в Штаде см. Пресс-релиз из Берлина в газетах от 24, 25 июня 1895 г. Экземпляр Эмануэля Акосты, которым я в основном пользовался, находится в Королевской библиотеке Мюнхена, "*De Japonicus rebus*" "*epistolarum libri iii*", "*item recogniti*"; et in *Latinum ex Hispanico* "Проповедь конверси", *Dilingae, MDLXXI*. С тех пор я получил и использовал работу, хранящуюся сейчас в библиотеке Корнельского университета, представляющую собой письма и комментарии, опубликованные Эмануэлем Акостой и приложенные к книге Маффеи "История Индии", изданной в Антверпене в 1685 году. О первых зачатках чудес, сотворенных Ксавьером, как указано в письмах миссионеров, см. У Алмейды, *lib. ii*, с. 183. О других собраниях или выборках из собраний писем, которые не дают каких-либо указаний на чудеса, творимые Ксавье при его жизни,

см. Витфлит и Магин, Всемирная история западных и восточных индий и обращение индейцев, Дуэ, 1611. Хотя приведено несколько писем Ксаверия и его товарищей-миссионеров, датированных самим периодом его предполагаемых чудес, в них нет и следа чудес. Also Epistolae Japonicae de multorum in variis Insulis Gentilium ad Christi fidem Conversione, Lovanii, 1570. Эти письма были написаны Ксавьером и его спутниками из Ост-Индии и Японии и охватывают период с 1549 по 1564 год. Хотя в них часто упоминается Ксаверий, ни в одном из них, написанных при его жизни, нет упоминания о чуде, совершенном им самим.

Ибо вскоре после героической и прекрасной смерти Ксавьера в 1552 году начали появляться истории о сотворенных им чудесах. Сначала они были немногочисленны и слабы; и два года спустя Мельхиор Нуньес, провинциал ордена иезуитов в португальских владениях, со всеми имеющимися в его распоряжении средствами и перепиской, распространявшейся по всей Восточной Азии, смог услышать только о трех. Все это было основано исключительно на слухах. Сначала Джон Дейро сказал, что он знал, что Ксавьер обладает даром пророчества; но, к сожалению, сам Ксавьер сделал Дейро выговор и прогнал его за лживость и мошенничество. Во-вторых, смутно сообщалось, что на мысе Коморин многие люди утверждали, что Ксавье воскресил человека из мертвых. В-третьих, отец Пабло де Санта-Фе слышал, что в Японии Ксавье вернул зрение слепому человеку. Это кажется слабым началом, но мало-помалу рассказы разрастались, и в 1555 году Де Квадрос, провинциал ордена иезуитов в Эфиопии, услышал о девяти чудесах и утверждал, что Ксаверий исцелял больных и изгонял бесов. В следующем году, через четыре года после смерти Ксаверия, король Португалии Иоанн III, очень набожный человек, поручил своему вице-королю Баррету составить и передать ему достоверный отчет о чудесах Ксаверия, особенно настоятельно призывая его выполнить эту работу "с усердием и быстротой". Мы легко можем себе представить, какие сокровища благодати подобострастный вице-король, слишком озабоченный тем, чтобы угодить набожному королю, мог собрать с помощью слухов невежественных, уступчивых туземцев во всех маленьких городках португальской Индии.

Но в письмах миссионеров, которые были сотрудниками или непосредственными преемниками Ксавьера на его восточном поприще, по-прежнему ничего не говорилось о каких-либо совершенных им чудесах, и они хранили молчание почти десять лет. В сборнике писем, опубликованном Эмануэлем Акостой и другими, нет ни малейшего намека на какие-либо совершенные им чудеса, пока, наконец, в 1562 году, спустя целых десять лет после смерти Ксавье, в них не появляются первые слабые зачатки этих легенд.

В то время иезуит Алмейда в пространном письме братьям заявил, что он нашел благочестивую женщину, которая верила, что книга, оставленная Ксавьером, исцеляла больных, когда ее прикладывали к ним, и что он встретил старика, который сохранил кнут, оставленный святым, который при правильном применении к больным был признан полезным как для их тел, так и для их душ. Из этих и других небольших начинаний выросла, всегда пышная, а иногда и прекрасная, огромная масса легенд, с которыми мы познакомимся позже.

Этот рост с любовью поддерживался более ревностными и менее критичными собратьями в Европе, пока не стал огромным; но, по-видимому, те, кто лучше всех способен судить, считали его малоценным.

Ибо, когда в 1562 году Юлий Габриэль Эвгубинус произнес торжественную речь о состоянии и славе Церкви перед папскими легатами и другими отцами Церкви, собравшимися на Тридентский собор, хотя он и упомянул множество вещей, свидетельствующих о Божественном благоволении, в ней не было ни малейшего намека на огромное множество чудес, которые, согласно легендам, так щедро изливались на верующих в течение многих лет и которые, если они действительно имели место, послужили аргументом огромной ценности в защиту особых притязаний Церкви.

То же самое полное отсутствие знания о каких-либо подобных милостях, дарованных Церкви, или, по крайней мере, какой-либо веры в них, проявляется на том великом Тридентском соборе у самих отцов церкви. Конечно, там, если вообще где-либо, по римской теории, можно было ожидать Божественного озарения в вопросе такого рода. Особенно подчеркивалось присутствие Святого Духа посреди всего этого, и все же ее члены, со всеми их духовными, а также материальными преимуществами от знания того, что происходило в Церкви в течение предыдущих тридцати лет, и с собственным другом и коллегой Ксавьера, Лайнезом, присутствующим, чтобы сообщить им об этом, не проявляют ни малейших признаков какого-либо подозрения в чудесах Ксавьера. У нас есть письма Юлия Габриэля к первому из этих отцов, собравшихся в Тренте, начиная с 1557 года и далее в течение значительного времени, и у нас также есть множество писем, написанных на Соборе епископами, кардиналами и даже самим Папой, в которых обсуждаются всевозможные церковные дела, и ни в одном из них нет ни малейшего подозрения, что какие-либо из этих сообщений о чудесах Ксаверия, которые они, должно быть, слышали, были достойны упоминания.

Здесь также приводится дополнительное свидетельство, имеющее большое значение. Вместе с этими речами и письмами Эвгубинус приводит латинский перевод письма "о религиозных делах в Индии", написанного отцом-иезуитом через двадцать лет после смерти Ксаверия. Хотя письмо пришло из области, очень далекой от той, в которой трудился Ксаверий, в нем, несомненно, среди общих знаков Божественного благоволения к Церкви и ордену, о котором в нем говорилось, упоминались чудеса, сотворенные Ксавьером, если бы были хоть малейшие основания верить в них; но такого намека нет.(292)

(292) For the work referred to, see Julii Gabrielii Eugubini orationum et epistolarum, etc., libri duo (et) Epitola de rebus Indicis a quodam Societatis Jesu presbytero, etc., Venetiis, 1569. Эпистола начинается с следующего содержания. 44.

Точно так же, когда в 1588 году, через тридцать шесть лет после смерти Ксаверия, отец-иезуит Маффеи, который был особенно хорошо знаком с карьерой Ксаверия на Востоке, опубликовал свою "Историю Индии", хотя он и дал биографию Ксаверия, которая демонстрирует горячее восхищение его предметом, он очень легкомысленно остановился на предполагаемых чудесах. Но эволюция легенд о чудесах все еще продолжалась. Шесть лет спустя, в 1594 году, отец Турселлинус опубликовал свою "Жизнь Ксаверия" и, по-видимому, впервые широко использовал информацию, собранную португальским вице-королем и более ревностными

братьями. Эта работа показывает значительное увеличение числа чудес по сравнению с теми, которые были описаны во всех источниках вместе взятых до того времени. Ксаверий представлен не только исцеляющим больных, но и изгоняющим бесов, умиряющим бурю, воскрешающим мертвых и совершающим всевозможные чудеса.

В 1622 году в Риме состоялась процедура канонизации. Среди речей, произнесенных в присутствии папы Григория XV в поддержку притязаний Ксаверия на святость, наиболее важной была речь кардинала Монте. В этой книге оратор выбирает десять великих чудес из тех, что были совершены Ксавьером при его жизни, и подробно описывает их. Он настаивает на том, что в определенном случае Ксавье крестным знаменем освежил морскую воду, чтобы его попутчики и команда могли пить ее; что он исцелял больных и воскрешал мертвых в разных местах; вернул на свой корабль потерянную лодку; однажды был поднят с земли телесно и преобразился на глазах у прохожих; и что, чтобы наказать богохульствующий город, он вызвал землетрясение и похоронил нарушителей в пепле из вулкана: впоследствии это получило еще большее развитие, и святой был представлен в виде статуи. гравюры, призывающие огонь с небес и таким образом разрушающие город.

Самое любопытное чудо из всех - восьмое в списке кардиналов. По этому поводу он утверждает, что Ксавье во время одного из своих плаваний потерял за бортом распятие, которое было возвращено ему после того, как он добрался до берега с помощью краба.

Кардинал также подробно остановился на чудесах, совершенных мощами Ксаверия после его смерти, самым оригинальным из которых было то, что различные лампы, поставленные перед образом святого и наполненные святой водой, горели так, словно были наполнены маслом.

Это последнее сообщение, по-видимому, произвело глубокое впечатление на Папу, поскольку в Булле о канонизации, изданной в силу его способности непогрешимо учить Вселенскую Церковь во всех вопросах, касающихся веры и морали, Его Святейшество особо останавливается на чуде лампы, наполненной святой водой и горящей перед образом Ксаверия.

После того как Ксаверий был причислен к лику святых, появилось множество других его жизнеописаний, и, как правило, каждое из них превосходило своего предшественника по множеству чудес. В 1622 году появилась книга, составленная и опубликованная с разрешения отца Вителлески, и в ней не только умножаются новые чудеса, но и значительно улучшаются некоторые старые. Одного примера будет достаточно, чтобы показать процесс. В своем издании 1596 года Турселлину рассказывал, как однажды Ксавьеру понадобились деньги, и он попросил Веллио, одного из своих друзей, дать ему немного, Веллио дал ему ключ от сейфа, в котором хранилось тридцать тысяч золотых монет. Ксавье взял три сотни и вернул ключ Веллио; после чего Веллио, обнаружив, что пропало всего триста монет, упрекнул Ксавье в том, что он не взял больше, сказав, что он ожидал отдать ему половину всего, что было в сейфе. Ксавье, тронутый таким великодушием, сказал Веллио, что ему следует сообщить время его смерти, чтобы у него была возможность покаяться в своих грехах и подготовиться к вечности. Но двадцать шесть лет спустя в "Жизни Ксаверия", опубликованной с разрешения Вителлески, рассказывается, что Веллио, открыв сейф, обнаружил, что ВСЕ ЕГО ДЕНЬГИ остались там, где он их оставил, и что **ВООБЩЕ НИЧЕГО** не исчезло; фактически, произошло чудесное возвращение. Обвинив Ксавьера в том, что он не взял деньги, Ксавье заявляет Веллио, что тот не только будет уведомлен о моменте его смерти, но и что шкатулка всегда будет полна денег. Еще более

поздние биографы еще больше усовершенствовали рассказ, заявив, что Ксавьер пообещал Веллио, что в сейфе всегда должно быть денег, достаточных для всех его нужд. В этой теплой и некритичной атмосфере эта и другие легенды быстро росли, подчиняясь во многом тем же законам, которые управляют эволюцией волшебных сказок.(293)

(293) Писатель из католического мира, о котором уже упоминалось, довольно опрометчиво утверждает, что такой Жизни Ксаверия, как та, которую я процитировал выше, не существует. Преподобный отец-иезуит, очевидно, просмотрел библиографии Карайона и Де Бакера и, не найдя их там под именем Вителлески, избавил себя от дальнейших хлопот. Достаточно сказать, что он может увидеть эту книгу в библиотеке Корнельского университета. Его полное название выглядит следующим образом: Сборник жизненных дел С. п. Франческо Ксавьеро Кампанья ди Джизу, Канонизация с. Ignatio Fondatore dell' istessa Religione dalla Santita di N. S. Gregorio XV. Composto, e dato in luce per ordine del Reverendiss. P Mutio Vitelleschi Preposito Generale della Comp. di Giesu. In Venetia, MDCXXII, Appresso Antonio Pinelli. Con Licenza de' Superiori. Мой критик рискует предположить, что книга может быть более поздним изданием Торселлино (Tursellinus), но и здесь он ошибается. Это совершенно другая книга, в предисловии к которой приводится список источников, включающий одиннадцать авторитетных источников, помимо Торселлино.

В 1682 году, через сто тридцать лет после смерти Ксавье, появилась его биография, написанная отцом Бухуром, и она стала классической. В нем были чудовищно умножены старые чудеса всех видов и дано много новых. Чудеса, немногочисленные и незначительные в Торселлине, стали многочисленными и великими в Бухуре. В Торселлине Ксаверий за свою жизнь спасает одного человека от утопления, в Бухуре он спасает за свою жизнь троих; в Торселлине Ксаверий за свою жизнь воскрешает из мертвых четырех человек, в Бухуре четырнадцать; в Торселлине есть один чудесный источник воды, в Бухуре три; в Торселлине нет чудесной добычи рыбы, в Бухуре есть один; в Торселлине Ксаверий преображается дважды, в Бухуре пять раз: и так до конца длинный ряд чудес, которые в предыдущих жизнях либо не проявлялись вовсе, либо проявлялись в очень умеренной форме, значительно увеличены Торселлином и, наконец, чрезвычайно усилены и приумножены отцом Бухуром.

И здесь следует иметь в виду, что Бухур, писавший через девяносто лет после Торселлина, не мог иметь доступа к каким-либо новым источникам. Ксавье был мертв сто тридцать лет, и, конечно, все туземцы, над которыми он творил свои чудеса, а также их дети и внуки исчезли. Таким образом, нельзя утверждать, что у Бухура было преимущество в виде каких-либо новых свидетелей, равно как и то, что у него не могло быть ничего нового в современных писаниях; ибо, как мы видели, миссионеры времен Ксаверия ничего не писали о его чудесах, и, конечно, невежественные уроженцы Индии и Японии не записали никаких отчетов о его чудесах. Тем не менее, чудеса исцеления, совершенные в Бухуре, были более многочисленными и блестящими, чем когда-либо. Но было гораздо больше, чем это. Хотя при жизни Ксавьера ни в его собственных сочинениях, ни в каких-либо современных отчетах нет никаких утверждений о совершенном им воскресении из мертвых, мы обнаруживаем, что вскоре после его смерти

начали появляться истории о таких воскрешениях. Простое утверждение о росте их числа может пролить некоторый свет на эволюцию рассказов о чудесах в целом. Сначала утверждалось, что некоторые люди на мысе Коморин говорили, что он вырастил одного человека; затем было сказано, что было два человека; затем у разных авторов — Эмануэля Акосты в его комментариях, написанных запоздало почти через двадцать лет после смерти Ксавье, Де Квадроза и других — история колеблется между одним и двумя случаями; наконец, во времена Турселлина было раскрыто четыре случая. В 1622 году на процедуре канонизации были упомянуты трое; но ко времени отца Бухура их было четырнадцать — все они были воскрешены из мертвых самим Ксавье при его жизни — и имя, место и обстоятельства в каждом случае указаны с большими подробностями.(294)

(294) Писатель из католического мира, на которого уже ссылались, основал атаку здесь на собственном заблуждении — я не буду называть это преднамеренным искажением — заявив, что эти воскрешения произошли после смерти Ксаверия и были вызваны его заступничеством или использованием его мощей. Утверждение отца-иезуита совершенно лишено основания, как покажет простая ссылка на Бухура. Я беру на себя смелость предложить его вниманию "Житие святого Франциска Ксаверия" отца Доминика Бухура, переведенное Джеймсом Драйденом, Дублин, 1838 год. Примеры воскрешения мертвых святым ПРИ ЕГО ЖИЗНИ см. стр. 69, 82, 93, 111, 218, 307, 316, 321— всего четырнадцать случаев.

Поначалу, по-видимому, показалось несколько странным, что Ксаверий никогда не упоминал ни об одном из этих замечательных чудес; но вскоре возникла дополнительная легенда о том, что однажды один из братьев спросил его, воскрешал ли он мертвых, на что он густо покраснел и возмутился против этой идеи, сказав: "И поэтому говорят, что я воскрешал мертвых! Какой же я вводящий в заблуждение человек! Какие-то люди привели ко мне юношу, как если бы он был мертв, который, когда я приказал ему встать во имя Христа, сразу же встал".

Примечательна эволюция других чудес. Турселлинус, писавший в 1594 году, сообщает нам, что во время путешествия из Гоа в Малакку Ксаверий покинул корабль и отправился на остров, где впоследствии был найден людьми, посланными на его поиски, настолько глубоко погруженным в молитву, что не обращал внимания ни на что вокруг. Но в следующем столетии отец Бухур развивает эту историю следующим образом: "Слуги нашли человека Божьего поднятым с земли в воздух, его глаза были устремлены к небу, и лучи света окружали его лицо".

Поучительным также является сравнение последовательных сообщений о его знаменитом чуде среди бедажей в Траванкоре: в 1544 году Ксавье в своих письмах не упоминает ни о чем экстраординарном; а Эмануэль Акоста в 1571 году просто заявляет, что "Ксаверий бросился в гущу христиан, чтобы, почитая его, они могли пощадить остальных". Неизбежная эволюция чудесного продолжается; и двадцать лет спустя Турселлин рассказывает нам, что под натиском бедажей "они не могли вынести величия его лика, великолепия и лучей, исходящих из его глаз, и из почтения к нему пощадили остальных". Процесс вынашивания продолжается еще девяносто лет, а затем появляется отчет отца Бухура. Прочитав молитву Ксаверия на поле боя, Бухур продолжает рассказывать, что святой с распятием в руке бросился во главе людей к равнине, по которой маршировал враг, и "сказал им угрожающим голосом: "Я запрещаю вам во

имя Бога живого продвигаться дальше и, со Своей стороны, приказываю вам возвращаться тем путем, которым вы пришли". Эти несколько слов вселили ужас в умы тех солдат, которые были во главе армии; они оставались сбитыми с толку и без движения. Те, кто шел следом, видя, что передовые не продвигаются вперед, спросили о причине этого. Из первых рядов был получен ответ, что перед их глазами стоял неизвестный человек, одетый в черное, выше человеческого роста, ужасного вида, с мечущимся огнем из глаз.... Их охватило изумление при виде этого, и все они поспешно разбежались в замешательстве".

Любопытен также последующий рост чуда с крабом, восстановившим распятие. В первоначальном виде Ксаверий потерял распятие в море, и более ранние биографы подробно описывают скорбь, которую он выказал вследствие этого; но более поздние историки заявляют, что святой выбросил распятие в море, чтобы утихомирить бурю, и что после того, как он благополучно добрался до суши, краб принес его ему на берег. В таком виде мы находим его среди иллюстраций к религиозным книгам следующего столетия.

Но, возможно, лучшую иллюстрацию этой эволюции чудес Ксаверия можно найти в развитии другой легенды; и это особенно поучительно, потому что она пышно разрасталась, несмотря на тот факт, что ей полностью противоречили все части сочинений Ксаверия, а также письма его единомышленников и работы отца-иезуита Джозефа Акосты.

На протяжении всех своих писем, от первого до последнего, Ксавье постоянно рассказывает о своих трудностях с различными языками разных племен, среди которых он жил. Он рассказывает нам, как преодолевал эти трудности: иногда изучая язык ровно настолько, чтобы переводить на него некоторые основные церковные формулы; иногда прибегая к помощи других людей, чтобы соединить некоторые благочестивые учения, которые нужно заучивать наизусть; иногда нанимая переводчиков; а иногда смешивая различные диалекты и даже знаки. Однажды он рассказал нам, что возникли очень серьезные трудности и что его поездка в Китай была отложена, среди прочего, из-за того, что нанятый им переводчик не смог встретиться с ним.

В различных Жизнеописаниях, появившихся между моментом его смерти и канонизацией, этой трудности уделяется много внимания; но во время процедуры канонизации в Риме, в произнесенных тогда речах и, наконец, в папской булле большое внимание уделялось тому факту, что Ксаверий обладал ЯЗЫКОВЫМ ДАРОМ. Было заявлено, что он с легкостью разговаривал с различными племенами на их родных языках. Эта легенда о чудесном даре Ксаверия владеть языками была особо упомянута в папской булле и была торжественно обнародована понтификом как непогрешимое утверждение, которому должна верить Вселенская Церковь. Смерть помешала Григорию XV издать Буллу о канонизации, и в конце концов она была издана Урбаном VIII; и есть много пищи для размышлений в том факте, что тот же папа, который наказал Галилея и был полон решимости, чтобы инквизиция не позволяла миру верить, что земля вращается вокруг солнца, таким образом торжественно приказал миру под страхом вечных мук верить в чудеса Ксаверия, включая его "дар языков" и возвращение распятия благочестивым крабом. Но легенда получила дальнейшее развитие: отец Бухур рассказывает нам: "Святой человек очень хорошо говорил на языке этих варваров, не изучая его, и не нуждался в переводчике, когда давал указания". И, наконец, в наше время преподобный отец Кольридж, говоря о святом среди туземцев, говорит: "Он мог превосходно говорить на этом языке, хотя никогда его не изучал".

В ранней биографии Турселлин пишет. "Ничто не было для него большим препятствием, чем его незнание японских языков; ибо время от времени, когда какое-нибудь грубое выражение оскорбляло их привередливые и нежные уши, неуклюжая речь Фрэнсиса вызывала смех". Но столетие спустя отец Бухур, писавший о Ксавье в тот же период, говорит: "Днем он проповедовал японцам на их языке, но так естественно и непринужденно, что его нельзя было принять за иностранца".

И, наконец, в 1872 году отец Кольридж из Общества Иисуса, говоря о Ксавье в то время, говорит: "Он говорил свободно, витиевато, элегантно, как будто всю свою жизнь прожил в Японии".

Но даже этого было недостаточно: для полноты легенды было окончательно заявлено, что, когда Ксаверий обращался к уроженцам различных племен, каждое слушало проповедь на своем родном языке, в котором он родился.

Все это, как мы видели, прямо противоречит не только прямым заявлениям самого Ксавье и различным случайным свидетельствам в письмах его коллег, но и прямому заявлению отца Джозефа Акосты. Последний историк особо останавливается на труде, который Ксаверий был обязан посвятить изучению японского и других языков, и говорит: "Даже если бы он был наделен апостольским даром языков, он не смог бы более широко распространять славу Христа".(295)

(295) Об эволюции чудес Ксаверия читайте в его письмах с жизнью, опубликованных Леоном Пейджесом, Париж, 1855 г.; также в "Маффеи", "Historiarum" "Indicarum libri xvi", Венеция, 1589 г.; также в "Жизнеописаниях Турселлина", различных изданиях, начиная с 1594 г.; Вителлески, 1622 г.; Бухур, 1683 г.; Массеи, второе издание, 1682 г. (Рим) и другие; Бартоли, Балтимор, 1868 г.; Кольридж, 1872 год. В дополнение к ним, я сравнил, для более подробного обсуждения этой темы ниже, очень большое количество изданий этих и других биографий святого, с речами при канонизации, буллой Григория XV, различными книгами благочестия и множеством специальных сочинений, некоторые из которых в рукописи, о славе святого, включая большую массу материалов в Королевской библиотеке в Мюнхене и в Британском музее. Я полностью полагался на католических авторов и не считал нужным консультироваться ни с одним протестантским автором. Иллюстрация чуда с распятием и крабом в его окончательной форме приведена в книге "Преданность Вендредису и ордену святого Франсуа Ксавье", Брюссель, 1699 г., рис. 24: благочестивый краб изображен как подносящий распятие, с которым он проделал путешествие в сорок лье, доставив из глубин океана Ксавье, который гуляет по берегу. Книга находится в библиотеке Корнельского университета. О письме короля Иоанна к Баррето см. в "Письмах Франсуа Ксавье" Леона Пейджа, Париж, 1855, т. ii, стр. 465. Что касается чуда среди проклятий, сравните Tursellinus, lib. ii, c. x, стр. 16, с переводом Бухура Драйдена, стр. 146, 147. О чуде дара языков в его более высоком развитии см. Bouhours, стр. 235, и Coleridge, vo. i, стр. 151, 154,

Вряд ли стоит приписывать ораторам и биографам в целом сознательную попытку ввести в заблуждение. Простой факт заключается в том, что, как правило, они думали, говорили и писали, подчиняясь законам природы, которые управляют буйным ростом мифов и легенды в теплой атмосфере любви и преданности, которая постоянно возникает вокруг великих религиозных лидеров во времена, когда люди мало или совсем не знают законов природы, когда мало заботятся о научных доказательствах и когда тот, кто верит больше всех, считается самым достойным.(296)

(296) Можно привести примеры такой же эволюции легенды о чудесах в наше время. Не говоря уже о священном источнике в Ла-Салетт, который сохраняет свои целебные свойства, несмотря на то, что чудо, породившее их, французские суды дважды объявляли мошенническим, и оставляя без внимания множество других, не только в католических, но и в протестантских странах, автор настоящего письма может упомянуть об одном, который в 1893 году стал объектом его собственного наблюдения. По прибытии в Санкт-Петербург, чтобы основать там официальную резиденцию, его внимание привлекли различные портреты священника русско-греческой церкви; они были выставлены в витринах магазинов и занимали почетное место во многих частных домах. Эти портреты варьировались от реалистичных фотографий, на которых было изображено простое, пронизательное, доброе лицо, до тех, которые идеализировались до тех пор, пока не приобрели сильное сходство с общепринятыми изображениями Иисуса из Назарета. Наведя справки, автор выяснил, что на этих портретах изображен отец Иван из Кронштадта, священник, известный своими добрыми делами и, по широко распространенному мнению, наделенный способностью творить чудеса.

Однажды в одной из самых блестящих приемных северной столицы, когда зашел разговор о чудесах отца Ивана, джентльмен, занимающий очень высокое общественное положение и заслуживающий полного доверия, сказал следующее: "В этих чудесах есть что-то очень удивительное. Я неохотно верю в них, но я знаю следующее как факт: покойный митрополит Санкт-Петербургский любил тишину и был очень враждебен ко всему, что могло вызвать скандал. Услышав о чудесах отца Ивана, он вызвал его к себе и торжественно приказал ему воздерживаться от всего того, что послужило причиной рассказанных им чудес, и с этим предписанием отпустил его. Едва священник вышел из комнаты, как архиепископа поразила слепота, и он оставался в таком состоянии до тех пор, пока священник не вернулся и не избавил его от слепоты ходатайственными молитвами". Когда автор настоящего доклада спросил человека, дающего этот отчет, знал ли он непосредственно эти факты, он ответил, что, конечно, не присутствовал при совершении чуда, но что он получил факты непосредственно от людей, которые знали все заинтересованные стороны и были непосредственно осведомлены об обстоятельствах дела.

Некоторое время спустя, когда автор настоящего письма был на дневном приеме в одном из крупных посольств, та же тема была затронута, когда выдающийся генерал высказался следующим образом: "Я не склонен верить в чудеса, на самом деле я довольно скептичен, но доказательства, представленные отцом Иваном, ошеломляют". Затем он продолжил, сказав, что покойный столичный архиепископ был человеком, который любил тишину и не любил скандалов; и что по этой причине он вызвал отца Ивана к себе во дворец и приказал ему положить конец поведению, которое вызвало слухи о его чудодейственных способностях, а затем, взмахнув рукой, отпустил его. Священник вышел из комнаты, и с этого момента рука архиепископа была парализована, и так оставалось до тех пор, пока кающийся прелат снова не вызвал священника, молитвами которого рука была восстановлена в прежнем состоянии. В то время, помимо автора письма, присутствовал еще один человек, который слышал предыдущее заявление о слепоте архиепископа, и когда они оба спросили генерала, уверен ли он, что рука архиепископа была парализована, как указано, он заявил, что не может сомневаться в этом, поскольку получил это непосредственно от людей, заслуживающих полного доверия, которые были осведомлены обо всех фактах.

Некоторое время спустя автор настоящего произведения, беседуя с самым выдающимся мирским авторитетом в Греческой церкви, функционером, чьи обязанности почти ежедневно приводили его в контакт с покойным архиепископом, спросил его, какая из этих историй верна. Этот джентльмен немедленно ответил: "Ни то, ни другое; я постоянно видел архиепископа, и ничего подобного не происходило; он никогда не был парализован и не был слеп".

Далее тот же джентльмен сказал, что, по его мнению, отец Иван проявил замечательные способности в исцелении больных и величайшее милосердие в оказании помощи страждущим. Стало ясно, что отец Иван - человек, подобный святому, преданный нуждающимся и страждущим и оказывающий на них огромное влияние — влияние настолько велико, что толпы людей ждут его всякий раз, когда он приезжает в столицу. В атмосфере русской набожности о нем пышно разрастаются мифы и легенды, и вера в него не ограничивается крестьянским классом. Осенью 1894 года его вызвали к постели императора Александра III. К несчастью для мира в Европе, его заступничество в то время оказалось бесполезным.

Эти примеры послужат иллюстрацией процесса, который в тысячах случаев продолжался с самых первых дней существования Церкви до самого недавнего периода. Повсюду в христианском мире чудесные исцеления стали скорее правилом, чем исключением.

III. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧУДЕСА ИСЦЕЛЕНИЯ ПРОВЕРЯЮТ МЕДИЦИНСКУЮ НАУКУ.

Так получилось, что на протяжении всей античности, на протяжении ранней истории Церкви, на протяжении всего средневековья и даже вплоть до сравнительно недавнего периода лидеры

мысли принимали свидетельства о чудесных вмешательствах, над которыми сейчас посмеялся бы школьник. Святой Августин, безусловно, был одним из сильнейших умов ранней Церкви, и все же мы находим, что он с большой серьезностью упоминает историю о том, что различные трактирщики его времени добавляли в сыр снадобье, которое превращало путешественников в домашних животных, и утверждает, что Всемогущий настолько благосклонен к павлину, что его мясо настолько не разрушится, и что он испытал это и знает, что это факт. При таком отношении к самым диким историям неудивительно, что утверждение святого Григория Назианзинского об исцелениях, совершенных мучениками Космо и Дамианом, во втором веке получило отклик во всех частях Европы, пока в каждой деревне не появился свой чудотворный святой или реликвия.

Литература об этих чудесах просто бесконечна. Если взять только наших собственных предков, то никто не может читать Церковную историю Беды, или "Чудеса святого Эдмунда" аббата Самсона, или рассказы Эдмера и Осберна о чудесах святого Дунстана, или длинные списки тех, кто был сотворен Томасом Бекетом, или кем-либо другим из армии английских святых, не увидев совершенной естественности этого роста. Эта эволюция чуда во всех частях Европы произошла из обширного предшествующего ряда верований, простиравшихся не только через раннюю Церковь, но и далеко назад, в язычество. Точно так же, как раньше пациентов лечили в храмах Эскулапов, так их лечили в Средние века, и так же их лечат сейчас в святилищах святых. Точно так же, как древние чудеса были торжественно засвидетельствованы обетными табличками с именами, датами и подробностями, и эти таблички висели перед изображениями богов, так и средневековые чудеса были засвидетельствованы подобными табличками, висевшими перед изображениями святых; и точно так же они засвидетельствованы сегодня подобными табличками, висевшими перед изображениями Богоматери из Ла-Салетт или Лурда. Точно так же, как вера в такие чудеса сохранялась, несмотря на небольшой процент исцелений в этих древних местах исцеления, вера сохраняется и по сей день, несмотря на то, что по крайней мере в девяноста процентах случаев молитвы в Лурде оказываются бесполезными. Как правило, за образец брались чудеса, описанные в священных книгах, и каждое из них, приведенное священными хронистами, повторялось в ранние века Церкви и в течение всего средневековья с бесконечными вариациями обстоятельств, но все же с удивительной точностью до первоначального типа.

Следует особенно иметь в виду, что, хотя подавляющее большинство из них, несомненно, было вызвано способностью к мифотворчеству и тем развитием легенд, которое всегда продолжается в веках, не знающих связи между физическими причинами и следствиями, некоторые из чудес исцеления, несомненно, имели под собой некоторую фактическую основу. В наше время мы видели слишком много исцелений, совершаемых посредством воздействия на воображение, таких как исцеления янсенистов на кладбище Сен-Медард, ультрамонтанов в Ла-Салетте и Лурде, русского отца Ивана в Санкт-Петербурге и различных протестантских сект в Олд-Орчарде и других местах, а также на различных лагерных собраниях, чтобы сомневаться в том, что некоторые исцеления, более или менее постоянные, совершались святыми персонажами ранней Церкви и на протяжении всего средневековья.(297)

(297) Историю о путешественниках, превращенных в домашних животных, см. Св. Августин, *De Civ. Dei, liber xviii*, ребята. xvii, xviii, in Migne, tom. xli, стр.574. О Григории Назианенском и сходстве этих христианских исцелений в целом с теми, которые совершались в храмах Эскулапа, см. Sprengel, vol. ii, стр. 145, 146. О чудесах,

совершенных в святилище святого Эдмунда, читайте в сочинении Самсониса Аббатиса "О чудесах Святого Эдмунди" из серии "Повелитель роллов", *passim*, но особенно "Парни". xiv и XIX за чудеса исцеления, совершенные над теми, кто пил из чаши святого. О великих деяниях святого Дунстана читайте в *Mirac.* Санкти Данстани, аукторе Эдмеро и аукторе Осберно из серии "Властелин колец". Что касается Бекета, смотрите Материалы к Истории Томаса Бекета из той же серии, и особенно списки чудес — простой их указатель в первом томе требует тринадцати страниц объемом в октаво. О святом Мартине Турском читайте в собрании французских хроник Гизо. О чудесах и исцелениях в храме, описанных Бедой, читайте в его "Церковной истории", ниже, но особенно со страницы 110 по страницу 267. О сходстве между древним обычаем позволять инвалидам спать в храмах Сераписа и средневековым обычаем укладывать их спать в церкви святого Антония в Падуе и других церквях см. Мейер, *Aberglaube des Mittelalters*, Базель, 1884, глава iv. О влиянии "живой веры в сверхъестественное действие, которое связывается с могилами святых" и т. Д., Как "психического агента огромной ценности", см. Литтре, "Медицина и лекари", стр. 131. О чудесах янсенистов в Париже см. " *La Verite des Miracles operes*", о вмешательстве М. де Пари, пар Монжерон, Утрехт, 1737, и особенно о делах Мэри Энн Куронно, Филиппа Сарджента, и Готье де Пезенас. Некоторые очень вдумчивые замечания относительно бесполезности свидетельств о чудесах, представленных во время процедуры канонизации в Риме, см. Мори, "Легенды пьезов", стр. 4-7.

Несомненно, существуют серьезные повреждения, которые поддаются глубоким эмоциям и энергичным усилиям, порожденным убеждением, уверенностью или возбуждением. Удивительная власть разума над телом известна каждому наблюдательному студенту. М-р Герберт Спенсер подробно останавливается на том факте, что сильное чувство или страсть могут вызвать огромную мышечную силу. Доктор Бердо напоминает нам, что "подагрический человек, который долгое время ковылял на костыле, обретает свои ноги и способность бежать с ними, если за ним гонится дикий бык"; и что "самая слабая больная, находящаяся под влиянием бреда или другого сильного возбуждения, поразит свою сиделку внезапным приливом сил".(298)

(298) Цитату из текста, а также краткое, но чрезвычайно ценное обсуждение власти разума над телом при болезнях см. В "Медицинском взгляде доктора Бердо на чудеса в Лурде" в "Девятнадцатом веке" за октябрь 1895 года.

Но чудесные исцеления приписывались не только людям. Другой рост, развившийся ранней Церковью главным образом из зародышей в наших священных книгах, проявился в чудесах, творимых ручьями, водоемами и особенно реликвиями. Здесь тоже сохранялись старые образы, и точно так же, как мы находим святые и целебные источники, заводи и ручьи во всех других древних религиях, так и в эволюции нашей собственной мы находим такие примеры, как

Нееман Сириец, излеченный от проказы омовением в реке Иордан, слепой, прозревший омовением в Силоамском бассейне, и исцеление тех, кто прикасался к костям Елисея, тени святого Петра или платку святого Павла.

Святой Кирилл, святой Амвросий, святой Августин и другие великие отцы ранней Церкви поддерживали веру в то, что аналогичную эффективность можно найти в мощах святых их времени; следовательно, святой Амвросий заявил, что "предписания медицины противоречат небесной науке, наблюдению и молитве", и мы находим, что это утверждение время от времени повторялось на протяжении Средневековья. Из этой идеи развился тот фетишизм, который, как мы увидим, веками будет стоять на пути медицинской науки.

Теология, развитая в соответствии с этой идеей, придавала всем методам лечения, даже тем, которые были результатом научных усилий, атмосферу сверхъестественного. Живость, с которой описания чудес в священных книгах были реализованы в ранней Церкви, поддерживала идею чудесного вмешательства на протяжении всего Средневековья. Свидетельства великих отцов Церкви о продолжении чудес ошеломляющи; но все показывает, что они настолько полно ожидали чудес по малейшему поводу, что не требовали ничего, что в наши дни считалось бы адекватным доказательством.

В этой атмосфере теологической мысли медицинская наука была сразу же поставлена под сомнение. Александрийская школа, находившаяся под влиянием сначала евреев, а затем христиан, проникнутых восточными идеями и включившая в свою теорию медицины демонов и чудеса, вскоре окутала все мистицизмом. В Византийской империи на Востоке та же причина привела к тому же результату; эволюция установленной истины в медицине, начатая Гиппократом и продолженная Герофилом, казалась утраченной навсегда. Медицинская наука, стремящаяся продвинуться вперед, была подобна кораблю, попавшему в штиль в Саргассовом море: и окружающая его атмосфера, и среда, через которую он должен двигаться, сопротивлялись всякому прогрессу. Вместо того чтобы полагаться на наблюдения, опыт, эксперименты и размышления, внимание было обращено к сверхъестественным силам.(299)

(299) О мистицизме, который постепенно охватил

Александрийскую школу, см. Бартелими Сент-Илер, "Об Александрийской школе", Париж, 1845, том. vi, стр. 161. О влиянии новых доктрин на

Восточную империю см. Шпренгель, т. ii, стр. 240. Что касается более распространенных чудес исцеления и признания нехристианских чудес исцеления христианскими отцами, см. Форт, стр. 84.

IV. ПРИПИСЫВАНИЕ БОЛЕЗНЕЙ САТАНИНСКОМУ ВЛИЯНИЮ.

— "ПАСТЫРСКАЯ МЕДИЦИНА" ПРОВЕРЯЕТ НАУЧНЫЕ УСИЛИЯ.

Особенно пагубным для истинного развития медицинской науки среди первых христиан было приписывание болезней дьявольскому влиянию. Как мы видели, эта идея пришла издалека и, возобладав в Халдее, Египте и Персии, естественным образом вошла в священные книги евреев. Более того, святой Павел ясно провозгласил, что языческие боги были дьяволами; и повсюду ранние христиане видели в болезнях пагубную работу этих свергнутых сил зла. Борьба гностиков и манихеев привела к созреванию теологической идеи о том, что, хотя иногда болезни являются наказанием Всемогущего, главным действующим лицом в них является сатана. Великие отцы и прославленные лидеры ранней Церкви приняли и укрепили эту идею. Ориген сказал: "Это демоны вызывают голод, бесплодие, порчу воздуха, эпидемии; они парят, скрытые облаками в нижних слоях атмосферы, и их привлекает кровь и благовония, которые язычники предлагают им как богам". Святой Августин сказал: "Все болезни христиан следует приписать этим демонам; в основном они мучают новокрещеных христиан, да, даже невинных новорожденных младенцев". Тертуллиан настаивал на том, что злонамеренный ангел постоянно присутствует при каждом человеке. Григорий Назианзинский заявил, что телесные боли провоцируются демонами и что лекарства бесполезны, но что они часто излечиваются возложением освященных рук. Святой Нил и святой Григорий Турский, вторя святому Амвросию, привели примеры, показывающие греховность обращения к медицине вместо того, чтобы полагаться на заступничество святых. Святой Бернард в письме к некоторым монахам предупреждал их, что искать избавления от болезней в медицине не согласуется ни с их религией, ни с честью и чистотой их ордена. Эта точка зрения даже нашла отражение в каноническом праве, которое объявило предписания медицины противоречащими Божественному знанию. Как правило, лидеры Церкви отвергали теорию о том, что болезни вызываются естественными причинами, и большинство из них осуждали обращение к хирургам и терапевтам, а не к сверхъестественным средствам.(300)

(300) О халдейских, египетских и персидских идеях относительно дьявольского происхождения болезней см. У уже упоминавшихся авторитетов, особенно у Масперо и Сэйса. Что касается Оригена, см. *Contra Celsum*, lib. viii, глава. xxxi. Для Августина см. *De Divinatione Daemonum*, глава ii. iii (стр.585 книги Migne, том xl). О Тертуллиане и Григории Назианзинском см. Цитаты в Sprengel и в Fort, стр. 6. О святом Ниле см. Его жизнеописание в *Bollandise Acta Sanctorum*. О Григории Турском см. его "Историю Франции", раздел v, глава 6, и его "Де Мирак. С. Мартини", раздел ii, глава 60. Я обязан этими цитатами мистеру Ли (История инквизиции средних веков, том iii, стр. 410, примечание). О письме святого Бернарда монахам святого Анастасия см. Его Эпистолу в Migne, том. 182, стр. 550, 551. For the canon law, see under *De Consecratione*, dist. v, c. xxi, "*Contraria sunt divinae cognitioni praecepta medicinae: a jejuniis revocant, lucubrare non sinunt, ab omni intentione meditationis abducunt.*" О превращении греческой мифологии в демонологию во многом благодаря святому Павлу см. Первое Послание к Коринфянам x, 20: "То, что язычники

приносят в жертву, они приносят в жертву дьяволам, а не Богу".

Исходя из этих и подобных соображений, была разработана обширная система "пастырской медицины", столь могущественная не только в средние века, но даже в новое время, как среди католиков, так и среди протестантов. Что касается его результатов, мы должны иметь в виду, что, хотя нет необходимости приписывать массу историй о чудесных исцелениях сознательному мошенничеству, в более поздний период, без сомнения, была немалая примесь веры, продиктованной своекорыстием, с большим количеством благочестивых выдумок и сокрытия фактов. Огромные доходы поступали в различные монастыри и церкви во всех частях Европы от реликвий, известных своей целебной силой. Каждый собор, каждое крупное аббатство и почти каждая приходская церковь заявляли, что обладают целебными реликвиями. Хотя, несомненно, в основе этой веры лежала детская вера, из нее, несомненно, вышло большое развитие меркантильного духа. Коммерческая ценность различных реликвий часто была очень высока. В 1056 году французский правитель заложил ценные бумаги на сумму десять тысяч солидов для получения мощей святого Жюста и святого Пастора в ожидании судебного решения относительно права собственности между ним и архиепископом Нарбонны. Император Германии однажды потребовал в качестве достаточного залога для основания городского рынка орден Святого Георгия. Тело святого Себастьяна принесло огромное богатство аббатству Суассон; Рим, Кентербери, Трев, Марбург, все крупные города получали большие доходы из аналогичных источников, а Венецианская республика отважилась потратить очень значительные суммы на покупку реликвий.

Естественно, что корпорации, будь то светские или церковные, получавшие большой доход от реликвий, не слишком благосклонно относились к науке, которая имела тенденцию дискредитировать их инвестиции.

Пожалуй, нигде в Европе философия этого развития фетишизма не может быть изучена сегодня лучше, чем в Кельне. В соборе, хранящемся в великолепном святилище примерно с двенадцатого века, хранятся черепа Трех царей, или Мудрецов Востока, которые, руководствуясь вифлеемской звездой, приносили дары Спасителю. Эти реликвии были огромным источником богатства соборного капитула на протяжении многих веков. Но другие церковные организации в этом городе были и благочестивы, и проницательны, и поэтому мы обнаруживаем, что неподалеку, в церкви Святого Гереона, было раскопано кладбище, а кости распределены по стенам как мощи святого Гереона и его фиванской банды мучеников! И снова, в соседней церкви Святой Урсулы, у нас есть более поздние трофеи с другого кладбища, покрывающие внутренние стены церкви в виде костей святой Урсулы и ее одиннадцати тысяч девственниц-мучениц: тот факт, что многие из них, как теперь заявляют анатомы, являются ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ костями, не означает, что в средние века они могли соперничать с реликвиями в других святилищах по целебной эффективности.

Отсутствие ошибок в выборе этих лечебных средств, по-видимому, не уменьшило их эффективности. Когда проф. Бакленд, выдающийся остеолог и геолог, обнаружил, что мощи святой Розалии в Палермо, которые веками излечивали болезни и предотвращали эпидемии, были костями козла, и этот факт несколько не уменьшил их чудодейственную силу.

Другие разработки в области лечения фетиша были не менее обескураживающими для развития медицинской науки. Очень важным среди них был Agnus Dei, или кусочек воска от

пасхальных свечей, оттиснутый с изображением агнца и освященный папой римским. В 1471 году папа Павел II подробно рассказал Церкви об эффективности этого фетиша в защите мужчин от огня, кораблекрушения, бури, молнии и града, а также в оказании помощи женщинам при родах; и он оставил его изготовление за собой и своими преемниками. Еще в 1517 году папа Лев X за вознаграждение выпустил билеты с изображением креста и следующей надписью: "Этот крест, измеренный в сорок раз, составляет высоту Христа в его человечности. Тот, кто поцелует его, предохраняется на семь дней от падучей болезни, апоплексического удара и внезапной смерти".

Естественно, вера, таким образом санкционированная сменяющимися друг друга главами Церкви, непогрешимая во всех учениях, касающихся веры и морали, создала спрос на амулеты и талисманы всех видов; и под этим влиянием мы обнаруживаем возврат к старым языческим фетишам. В целом, ничто так не препятствовало надлежащему развитию медицинской науки, как эти фетишные методы лечения, эффективность которых основывалась на богословских рассуждениях и санкционировалась церковной политикой. Было бы слишком многого ожидать от человеческой натуры, воображая, что понтифики, получившие большие доходы от продажи Agnus Dei, или священники, получившие богатство и почести от исцелений, произведенных в находящихся под их опекой святынях, или мирские сановники, вложившие значительные средства в реликвии, должны поощрять развитие любой науки, которая подрывает их интересы.(301)

(301) См. "Медицинская экономика Форта в средние века", стр. 211-213; также Справочники Мюррея и Бедекера по Северной Германии и различные статьи по истории медицины *passim*; также Коллин де Планси и множество других. Об открытии, что мощи святой Розарии в Палермо - это просто кости козла, см. Гордон, "Жизнь Бакленда", стр. 94-96. Описание Агнессы Деи см. в Ридберге, стр. 62, 63; и в "Заготовках для зачатия", стр. 64 и 65. Билеты на "Льва X" смотрите в книге Хауссера (профессора Гейдельбергского университета) "Период реформации", английский перевод, стр. 17.

V. БОГОСЛОВСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНАТОМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ.

Однако более серьезным камнем преткновения, препятствующим зарождению современной медицины и хирургии, была теория о незаконности вмешательства в тела умерших. Эта теория, как и многие другие, которые Церковь считала своими собственными, на самом деле была унаследована от старых языческих цивилизаций. Она была настолько сильна в Египте, что бальзамировщик считался проклятым; следы ее появляются в греко-римской жизни, и отсюда

она проникла в раннюю Церковь, где была значительно усилена добавлением, возможно, самой благородной из мистических идей — признанием человеческого тела храмом Святого Духа. Следовательно, Тертуллиан назвал анатома Герофила мясником, а святой Августин говорил об анатомах в целом в аналогичных выражениях.

Но эта более благородная концепция была смешана со средневековым суеверием, еще более эффективным, когда формула, известная как Апостольский символ веры, в своем учении о воскресении тела вытеснила доктрину, изложенную святым Павлом. Отсюда возник страх искалечить тело таким образом, что какое-либо повреждение могло привести к его окончательному воскрешению в Последний День, и дополнительные причины, препятствующие вскрытию при изучении анатомии.

К этим аргументам против вскрытия теперь добавился еще один, который вполне может привести нас в изумление. Это замечание выдающегося английского историка философии последнего времени о том, что из всех организаций в истории человечества Римская церковь стала причиной наибольшего пролития невинной крови. Никто, сведущий в истории, даже если он признает все возможные смягчающие обстоятельства и почитает древнюю Церковь за великие заслуги, на которые, несомненно, можно претендовать, не может отрицать это утверждение. Поэтому странно отметить, что одним из основных возражений, выдвинутых в Средние века против анатомических исследований, была максима о том, что "Церковь не терпит пролития крови".

На этом основании в 1248 году совет Ле-Мана запретил монахам хирургические операции. Многие другие соборы поступали так же, и в конце XIII века был нанесен самый серьезный удар из всех; ибо именно тогда папа Бонифаций VIII, не предвидя последствий, которых вполне можно было ожидать от непогрешимого учителя, издал декрет, запрещающий практику, вошедшую в обиход во время Крестовых походов, а именно отделение плоти от костей умерших, останки которых было желательно перевезти в их собственную страну.

Идея, лежащая в основе этого запрета, по всей вероятности, вдохновила Тертуллиана выступить с резкой речью против Герофила; но, как бы то ни было, вскоре ее стали рассматривать как распространяющуюся на все вскрытия, и, таким образом, хирургия и медицина были парализованы более чем на два столетия; это был худший удар, который они когда-либо получали, поскольку он внушил Церкви веру в то, что всякое вскрытие является святотатством, и привел к тому, что церковные предписания отстранили от искусства врачевания самых вдумчивых и культурных людей современности. средневековые и передача хирургии низшему классу кочевых шарлатанов.

Эта идея так глубоко укоренилась в сознании Вселенской Церкви, что более тысячи лет хирургия считалась бесчестной: величайшие монархи часто не могли добиться обычной хирургической операции; и только в 1406 году было положено лучшее начало, когда император Германии Венцель приказал, чтобы профессия хирурга больше не была опозорена.(302)

(302) Что касается религиозных сомнений в отношении вскрытия и отвращения к парасхитам, или бальзамировщикам, см. Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", стр. 216. Об осуждении хирургии церковными властями см. Sprengel, vol. ii, стр. 432-435; также Форт, стр. 452 и далее.; а о причинах, побудивших Церковь запретить хирургическое вмешательство

священникам, см., в частности, Фредо, "История медицины", стр. 200. Что касается декреталий Бонифация VIII, то обычно утверждается, что он запретил все вскрытия. Хотя это, несомненно, было универсально истолковано как запрещающий вскрытия в анатомических целях, его заявленное намерение было таким, как указано в тексте; то, что это постоянно толковалось против анатомических исследований, ни на минуту нельзя отрицать. Это построение считается само собой разумеющимся в великой Литературной истории Франции, основанной бенедиктинцами, безусловно, очень высоким авторитетом в отношении основного течения мнений в Церкви. О декреталии Бонифация VIII см. в Своде юридических канонов. Я также использовал парижское издание 1618 года, где это можно найти на стр. 866, 867. См. также, несмотря на особые просьбы Джиральди, бенедиктинская историческая литература. de la France, tome xvi, p. 98.

VI. НОВЫЕ ЗАЧАТКИ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ.

Несмотря на все эти противодействующие силы, эволюция медицинской науки продолжалась, хотя и медленно. Во втором веке христианской эры Гален стал большим авторитетом в Риме, а из Рима повлияла медицинская наука всего мира: его гений восторжествовал над недостатками его метода; но, хотя он дал мощный импульс медицине, его догматизм еще долго стоял у нее на пути.

Местами, где могла применяться медицина в том виде, в каком она стала применяться, поначалу были в основном лазареты различных монастырей, особенно более крупных бенедиктинского ордена: они часто превращались в больницы. Многие монахи посвятили себя таким медицинским исследованиям, какие были разрешены, и различные церковники и миряне многое сделали для того, чтобы сохранить копии древних медицинских трактатов. Точно так же в кафедральных школах, основанных Карлом Великим и другими, в основном предусматривалось преподавание медицины; но все это обучение, будь то в монастырях или школах, было крайне скудным. Она заключалась не в том, чтобы путем индивидуальной мысли и эксперимента развивать дары Гиппократ, Аристотеля и Галена, а почти исключительно в повторении их трудов, как попугай.

Но, хотя унаследованные идеи церковных лидеров, таким образом, были неблагоприятны для любого надлежащего развития медицинской науки, вне Церкви были две группы людей, которые, хотя и были в значительной степени скованы суевериями, были гораздо менее скованы ими, чем монахи и студенты церковных школ: это были евреи и мусульмане. Первый из них особенно унаследовал много полезных санитарно-гигиенических идей, которые, вероятно,

были впервые развиты египтянами и от них переданы современному миру в основном через священные книги, приписываемые Моисею.

Еврейские ученые стали особенно преданными медицинской науке. Во многом им обязано создание Школы Салерно, которая, как мы видим, процветала в десятом веке. Если судить по нашим нынешним стандартам, его работа была действительно плохой, но по сравнению с другими медицинскими учебными заведениями того времени он был значительно лучше: особенно в нем развивались гигиенические принципы и медицина поднималась на более высокий уровень.

Еще более важным является расцвет Школы Монпелье; это было почти полностью заслугой еврейских врачей, и это подняло медицинские исследования на еще более высокий уровень, многое сделав для создания медицинской профессии, достойной этого имени, во всей южной Европе.

Что касается арабов, то мы находим, что они с десятого по четырнадцатый век, особенно в Испании, много думали о медицине и вспомогательной химии. Примерно в начале девятого века, когда великие христианские писатели поддерживали фетиша богословием, мусульманин Алмамон заявил: "Они - избранные Богом, его лучшие и наиболее полезные слуги, чья жизнь посвящена совершенствованию их рациональных способностей". Влияние Авиценны, переводчика трудов Аристотеля, распространилось по всей Европе в течение одиннадцатого века. Арабы действительно были в значительной степени скованы традициями медицинской науки, но их переводы Гиппократов и Галена сохранили миру лучшее из того, что было разработано на сегодняшний день в медицине, и еще большим был их вклад в фармацию: они сохраняют ценность по сей день.(303)

(303) О больших услугах, оказанных евреями развитию медицины, см. Monteil, *Medecine en France*, стр. 58; также историки медицины в целом. Цитату из Алмамона см. Гиббон, том х, стр. 42. О заслугах как евреев, так и арабов см. Бедаррид, *История молодежи*, стр. 115; также Сисмонди, *История Франции*, том i, стр. 191. Особенно об арабах см. Россье Сент-Илер, *История Испании*, Париж, 1844, том. iii, стр. 191 и далее. О тенденции книг Моисея настаивать на гигиеническом, а не терапевтическом лечении и его последствиях среди еврейских врачей, см. Шпренгель, но особенно Фредо, стр.14.

Различные христианские миряне также поднялись над господствующей теологической атмосферой достаточно высоко, чтобы понять важность содействия научному развитию. Первым среди них мы можем назвать императора Карла Великого; он и его великий министр Алкуин не только поощряли изучение медицины в основанных ими школах, но и предусмотрели создание ботанических садов, в которых выращивались те травы, которые, как предполагалось, обладали целебными свойствами. Точно так же в XIII веке император Фридрих II, хотя и находился под запретом папы римского, собирал во время своих различных путешествий, и особенно в своих крестовых походах, множество греческих и арабских рукописей и прилагал особые усилия к сохранению и изучению тех, которые касались медицины; он также пропагандировал лучшие идеи медицины и воплощал их в законах.

Люди науки также выросли, в более строгом смысле этого слова, даже на протяжении веков под самым полным влиянием теологической мысли и церковной власти; наука, действительно, сплавленная с теологией, но все еще дающая драгоценные зародыши. Среди них были такие люди, как Арнольд Вилланова, Бертран де Гордон, Альберт Болльштадтский, Бэзил Валентайн, Раймонд Люлли и, прежде всего, Роджер Бэкон; все они занимались вспомогательными науками, связанными с медициной, и, несмотря на обвинения в колдовстве, с возможностью тюремного заключения и смертной казни, поддерживали горящий факел знания и передавали его будущим поколениям.(304)

(304) О прогрессе наук, вспомогательных медицине даже в самые темные века, см. Форт, стр. 374, 375; также Изензее, Руководство по медицине, стр. 225 и далее; также Монтейль, стр. 89; Хеллер, Руководство по физике, том i, bk. 3; также Копп, Руководство по химии. О Фридрихе II и его Лекарственном поведении см. Baas, стр. 221, но особенно Von Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, Лейпциг, 1872, том. iii, стр. 259.

Из самой Церкви, даже когда теологическая атмосфера была наиболее плотной, то тут, то там появлялись люди, упорствовавшие в чем-то вроде научных усилий. Еще в девятом веке Бертариус, монах из Монте-Кассино, подготовил два рукописных тома рецептов, выбранных из древних авторов; другие монахи немного изучили их, и в последующие века такие ученые, как Гуго, аббат Сен—Дени, Ноткер, монах Сен—Галла, Хильдегарда, аббатиса Рупертсберга, Мило, архиепископ Беневентума, и Иоанн из Сент—Аманда, каноник Турне, кое—что сделали для медицины в том виде, в каком они ее понимали. К сожалению, они обычно понимали его теорию как смесь выводов из Священного Писания с догмами Галена, а его практику - как смесь заклинаний с фетишами. Даже папа Гонорий III кое-что сделал для создания медицинских школ; но он сделал гораздо больше для того, чтобы наложить церковные и теологические оковы на учителей и преподаваемых, что ценность его дарований вполне может быть поставлена под сомнение. Все зачатки высшей эволюции медицины веками хорошо поддерживались теологическим духом. Еще в шестом веке такой великий человек, как папа Григорий I, проявил враждебность к развитию этой науки. В начале XII века Реймский собор запретил монахам изучать юриспруденцию и медицину, и множество других соборов привели в исполнение этот указ. Примерно в середине того же столетия святой Бернар все еще жаловался, что монахи слишком много занимаются медициной; а несколько лет спустя мы получили декреты, подобные декретам папы Александра III, запрещающие монахам изучать или практиковать ее. На протяжении многих поколений появляются свидетельства желания наиболее широко мыслящих церковников разрешить развитие медицинской науки среди духовенства: такие папы, как Климент III и Сильвестр II, похоже, одобряли это, и мы даже слышим об архиепископе Кентерберийском, сведущем в медицине; но в начале XIII века Четвертый Латеранский собор запретил проводить хирургические операции священникам, дьяконам и иподиаконам; и несколько лет спустя Гонорий III повторил этот указ и расширил его. В 1243 году доминиканский орден запретил приносить медицинские трактаты в свои монастыри, и, наконец, было эффективно предотвращено любое участие духовенства в науке и искусстве медицины.(305)

(305) Заявления относительно этих постановлений высших церковных и монашеских властей против медицины и хирургии см. в Sprengel, Baas, Geschichte der Medicin, стр. 204, и в других местах; также Buckle, Посмертные

работы, т. ii, стр. 567. Длинный список церковных сановников, которые практиковали полубогословскую медицину в средние века, см. Baas, стр. 204, 205. О Бертариусе, Хильдегарде и других упомянутых людях см. Также Шпренгеля и других историков медицины. О тайном изучении и врачебной практике различными священнослужителями, несмотря на запрет Церкви, см. Von Raumer, Hohenstaufen, vol. vi, стр. 438. Некоторые замечания по этому поводу выдающегося и образованного священнослужителя, см. Рикер, О. С. Б., профессор Венского университета, Пастырско-психиатрическая академия, 1894, стр. 12,13.

VII. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСКУРАЖИВАНИЕ МЕДИЦИНЫ.

В то время как различные церковники, строя лучше, чем они думали, делали что-то, чтобы заложить основы медицинского образования, церковные власти, как правило, делали еще больше, чтобы помешать этому среди тех самых людей, которые, будь им предоставлена свобода, использовали бы это с наибольшей пользой.

Затем мы также обнаруживаем, что повсюду возникает ощущение, что, поскольку сверхъестественные средства так изобилуют, есть что-то нерелигиозное в поиске лечения естественными средствами: то и дело мы обращаемся к Писанию, и особенно к случаю с царем Асой, который доверился врачам, а не священникам Яхве, и так умер. Поэтому святой Бернар объявил, что монахи, принимающие лекарства, виновны в поведении, неподобающем религии. Даже школа Салерно вызывала отвращение у множества строгих церковников, поскольку она предписывала правила питания, тем самым указывая на веру в то, что болезни возникают по естественным причинам, а не по злему умыслу дьявола: более того, в медицинских школах изучали Гиппократ, и он особенно заявлял, что одержимость демонами "ни в коем случае не является более божественной, ни в коем случае не является более адской, чем любая другая болезнь". Несомненно, именно поэтому Латеранский собор примерно в начале XIII века запретил врачам под страхом исключения из Церкви братья за медицинское лечение, не посоветовавшись с церковью.

Эта точка зрения долгое время лелеялась в Церкви, и почти двести пятьдесят лет спустя папа Пий V возродил ее, обновив приказ папы Иннокентия и приведя его в исполнение с помощью наказаний. Папа Пий не только приказал, чтобы все врачи перед назначением лечения вызывали "душевного врача" на том основании, как он заявляет, что "телесная немощь часто возникает из-за греха", но и приказал, чтобы, если по истечении трех дней пациент не исповедался священнику, врач прекратил свое лечение под страхом лишения права практиковать и исключения с факультета, если он профессор, и чтобы каждый врач и профессор медицины поклялся, что он строго соблюдает эти условия.

Из этого чувства выросла другая практика, которая еще больше затрудняла развитие медицины, — приравнивание ученых людей обычно к колдунам и торговцам магией: из-за этого в значительной степени возникло обвинение врачей в атеизме, которое выросло в поговорку: "Где три врача, там два атеиста".(306)

(306) "Ubi sunt tres medici ibi sunt duo athei." Что касается буллы Пия V, см. Римскую буллу, изд. Gaude, Неаполь, 1882, том. vii, стр. 430, 431.

Обвинение в магии было настолько распространенным, что многие врачи, казалось, сами в это верили. В десятом веке Герберта, впоследствии известного как папа Сильвестр II, сразу заподозрили в колдовстве, когда он проявил склонность к использованию научных методов; в одиннадцатом веке это обвинение едва не стоило жизни Константину Африканскому, когда он свернул с проторенной тропы медицины; в тринадцатом году оно привело к многолетнему тюремному заключению Роджера Бэкона, одного из величайших благодетелей человечества, и едва не привело его на костер: эти случаи типичны для очень многих.

Еще одним обвинением против врачей, проявивших талант к исследованиям, было обвинение в мусульманстве и аверроизме; а Петрарка клеймил аверроистов как "людей, отрицающих Книгу Бытия и лающих на Христа".(307)

(307) Об Аверроэсе см. Ренан, "Аверроэс и Аверроизм", Париж, 1861, стр. 327-335. Совершенно справедливое изложение единственных обстоятельств, которые могут оправдать обвинение в атеизме, см. у преподобного доктора Димса в журнале Popular Science Monthly, февраль 1876г.

Результатом этого широко распространенного церковного противостояния было то, что на протяжении многих веков изучение медицины было отнесено в основном к низшим слоям практикующих. Действительно, в позднем Средневековье существовала одна ортодоксальная линия развития медицины: святой Фома Аквинский настаивал на том, что силы тела независимы от его физической организации, и что, следовательно, эти силы должны изучаться схоластической философией и теологическим методом, а не исследованиями структуры тела; в результате этого, смешанного с пережитками различных языческих суеверий, мы имеем в анатомии и физиологии такие доктрины, как увеличение и уменьшение мозга в зависимости от фаз Луны, приливы и отливы человеческой жизненной силы в зависимости от приливов и отливов океана, изменение структуры тела. использование легких для возбуждения сердца, функция печени как вместилища любви и функция селезенки как средоточия остроумия.

С этими методами мышления было тесно связано учение о сигнатурах. Считалось, что Всемогущий, должно быть, наложил свой знак на различные средства лечения болезней, которые он предоставил: следовательно, считалось, что кровохлебка из-за своего красного сока полезна для крови; печеночник, листья которого похожи на печень, лечит болезни печени; очанка, отмеченная пятном, похожим на глаз, лечит болезни глаз; чистотел, имеющий желтый сок, лечит желтуху; стеклянник, напоминающий змеиную голову, лечит змеиный укус; красная фланель, похожая на кровь, лечит болезни глаз. лечит заражение кровью и, следовательно,

ревматизм; медвежий жир, взятый от животного, густо покрытого шерстью, рекомендуется лицам, опасаящимся облысения.(308)

(308) Краткое изложение суеверий, возникших в связи с теологической доктриной подписей, см. в замечательном небольшом трактате доктора Экклза "Эволюция медицинской науки", стр. 140; см. также Скофферн, Наука и народные предания, стр. 76.

Еще одним методом, разработанным этой теологической псевдонаукой, было внушение демону отвращения телом, которое он терзал, — следовательно, пациента заставляли глотать или наносить на себя различные невыразимые процедуры с такими лекарствами, как печень жабы, кровь лягушек и крыс, волокна веревки палача и мазь, приготовленную из тел казненных преступников. Многие из них были пережитками языческих суеверий, но теологические рассуждения придали им ортодоксальное значение. В качестве примера такого смешения языческой и христианской магии мы можем привести следующее из средневековой медицинской книги в качестве мази от "ночных визитеров-гоблинов": "Возьмите растение хмель, полынь, шиповник, люпин, ясенелистник, белену, заячник, гадючий глазок, вересковую рябину, лук-порей, чеснок, зерна ежевики, горичвет и фенхель. Перелейте это сусло в сосуд, поставьте его под алтарем, отслужите над ним девять месс, прокипятите в сливочном масле и овечьем жире, добавьте много святой соли, процедите через ткань, залейте сусло проточной водой. Если с человеком случится какое-нибудь дурное искушение, или придут ночные гости-эльфы или гоблины, намажьте его тело этой мазью и приложите к глазам, и окурите его ладаном, и часто осеняйте его крестным знамением. Его состояние скоро улучшится".(309)

(309) Список недопустимых процедур, использовавшихся в Германии ближе к концу семнадцатого века, см. в "Ламмерте, Фольксмедицине и медицинском деле" Аберглаубе в Баварии, Вюрцбург, 1869, стр. 34, примечание. Приведенный на английском рецепт см. в книге Кокейна "Пиявки", "Хитрость с суслом" и "Звездное ремесло ранней Англии" в серии "Мастер роллов", Лондон, 1865, том. ii, стр. 345 и далее. Еще одно из этих предписаний, приведенных Кокейном, занимает три или четыре октаво страницы. Для получения очень полных подробностей об этой разновидности священной псевдонауки в Германии, с отчетами о ее пережитках в настоящее время, см. Вуттке, профессор теологии в Галле, *Немецкая фольксаберглаубе дер Гегенварт*, Берлин, 1869, *passim*. For France, see Rambaud, *Histoire de la Civilisation française*, pp. 371 et seq.

Что касается хирургии, то то же самое сочетание теологии с пережитками языческих верований продолжало сдерживать развитие медицинской науки вплоть до современной эпохи. Номинальная враждебность Церкви к пролитию крови отвела, как мы видели, от хирургической практики большую часть ее образованных людей; следовательно, хирургия вплоть до пятнадцатого века оставалась презируемой профессией, ее практика по-прежнему находилась в основном в руках шарлатанов, и вплоть досовсем недавнего периода название "хирург-цирюльник" сохранилось за ней. В такой хирургии применение различных процедур облегчало

переломы; прикосновение палача излечивало растяжения связок; дыхание осла выводило яд; трение зубом мертвеца излечивало зубную боль.(310)

(310) О низком уровне хирургии в средние века см.

Уже цитировавшиеся "Истории медицины", и особенно "Котельмана", "Руководство по хирургии в Миттелальтере", Гамбург, 1890, стр. 216 и далее.

Огромное развитие чудодейственных методов лечения в Церкви продолжалось столетие за столетием, и здесь, вероятно, крылись основные причины вражды между Церковью, с одной стороны, и лучшими врачами - с другой; а именно, в том факте, что Церковь считала себя обладательницей чего-то гораздо лучшего, чем научные методы в медицине. Под влиянием этой веры естественное и похвальное почитание мощей христианских мучеников все больше и больше перерастало в чистый фетишизм.

Таким образом, вода, в которую опускали волос святого, использовалась как слабительное; вода, в которую опускали кольцо святого Реми, излечивала лихорадку; вино, в которое опускали кости святого, излечивало безумие; масло из лампы, горевшей перед могилой святого Галла, излечивало опухоли; святой Валентин излечивал эпилепсию; святой Христофор - болезни горла; святой Евтропий - водянку; святой Овидий - глухоту; святой Жерваз - ревматизм; Святая Аполлония - зубную боль; святой Вит, святой Антоний и ряд других. множество других святых, болезни, носящие их имена. Еще в 1784 году мы находим, что определенные власти Баварии предписывают, чтобы любой, кого укусила бешеная собака, немедленно возносил молитвы в святилище святого Губерта и не тратил свое время на какие-либо попытки медицинского или хирургического лечения. (311) В двенадцатом веке мы находим известную попытку лечения, когда больного заставляли пить воду, в которой святой Бернард вымыл руки. Предполагалось, что цветы, которые покоились на могиле святого, будучи смоченными в воде, были особенно эффективны при различных болезнях. С кафедр повсюду с умилением говорили о реальности фетишных исцелений, и среди избранных историй, собранных архиепископом Жаком де Витри для использования проповедниками, была одна, которая, судя по ее частому повторению в монашеской литературе, должна была глубоко запасть в сознание людей: "Два ленивых нищих, один слепой, другой хромой, пытаются избежать мощей святого Мартина, которые несут процессии, чтобы они не исцелились и не потеряли права на подавание. Слепой берет хромого на плечи, чтобы вести его, но они затеряны в толпе и исцеляются против своей воли".(312)

(311) См. Baas, стр. 614; также Biedermann.

(312) Об эффективности цветов см. В "Жизнеописаниях святых болландистов", цитируемых в Fort, стр. 279; также стр. 457, 458. Историю тех, кто неохотно вылечился, смотрите в "Примере Жака де Витри", отредактированном профессором Т. Ф. Крейном из Корнельского университета, Лондон, 1890, стр. 52, 182.

Также очень важными в Средние века были медицинские свойства, приписываемые слюне. Использование этого средства было одобрено ранними восточными учеными. Его явно можно найти в Египте. Плиний посвящает этому значительную часть одной из своих глав; Гален одобрил это; Говорят, что Веспасиан, посетивший Александрию, вылечил слепого человека,

смазав слюной его веки; но великим примером, наиболее сильно повлиявшим на средневековый разум, было использование этого средства, приписываемое в четвертом Евангелии самому Иисусу: отсюда оно вошло не только в церковный церемониал, но и в значительной степени в медицинскую практику.(313)

(313) Что касается использования слюны в медицине, см. статью "Замок Святого Анджело и другие очерки", Лондон, 1877, стр. 208 и в других местах. О Плинии, Галене и других см. То же самое, стр. 211; см. также книгу Товита, гл. xi, 2-13. О случае с Веспасианом см. Светоний, "Жизнь Веспасиана"; также Тацит, "История", lib. iv, с. 81. О том, как его использовал святой Франциск Ксаверий, см. Кольридж, "Жизнь и письма святого Франциска Ксаверия", Лондон, 1872.

По мере того как теологическая атмосфера сгущалась, почти в каждой стране появлялся свой длинный список святых, каждый из которых обладал особой властью над каким-то органом или болезнью. Духовенство, имевшее большое влияние на медицинские школы, сознательно смешивало эту фетишную медицину с зачатками науки. В десятом веке, даже в школе Салерно, мы находим, что больных излечивали не только лекарства, но и мощи святого Матфея и других.

Человеческая природа тоже заявляла о себе, тогда, как и сейчас, делая различные благочестивые методы лечения модными на какое-то время, а затем позволяя им стать немодными. Точно так же, как мы видим, что мощи святого Космо и святого Дамиана были в большой моде в раннем Средневековье, но впоследствии вышли из моды и утратили свою эффективность, так и в тринадцатом веке мы обнаруживаем, что кости святого Людовика, войдя в моду, вызывали множество исцелений, в то время как в четырнадцатом веке, став немодными, они перестали действовать и на время уступили место мощам святого Роха Монпелье и святой Екатерины Сиенской, которые, в свою очередь, вызывали множество исцелений, пока они тоже не устарели и не уступили место другим святым. Точно так же в наше время чудеса исцеления в Ла-Салетте в какой-то мере утратили престиж, а чудеса исцеления в Лурде вошли в моду.(314)

(314) Один из этих списков святых, исцеляющих болезни, см. Петтигрю, О суевериях, связанных с медициной; другой см. Джейкоб, Популярное суеверие, стр. 96-100; также Ридберг, стр. 69; также Мори, Рамбо и другие. Для сравнения мод в чудесах с модами в современных целебных средствах см. Littré, *Medecine et Medecins*, стр. 118, 136 и в других местах; также Sprengel, vol. ii, стр. 143.

Даже такие серьезные проблемы, как переломы, камни и трудные роды, в которых современная наука достигла некоторых из своих величайших успехов, тогда решались с помощью реликвий; и по сей день реликвии *ex votos*, висящие в таких святынях, как святыни Святой Женевиевы в Париже, святого Антония в Падуе, изображения друидов в Шартре, Богородицы в Айнзидельне и Лурде, фонтана в Ла Салетт, являются пережитками той же концепции болезни и ее лечения.

То же самое происходит и со множеством священных водоемов, ручьев и пятен на земле. В Ирландии едва ли найдется приход, у которого не было бы такого священного центра; в Англии и Шотландии их было много; и еще в 1805 году выдающийся доктор Милнер из Римско-

католической церкви подробно и серьезно рассказал о чудесном исцелении, совершенном у священного источника во Флинтшире. Во всех частях Европы благочестивое обращение к колодцам и источникам продолжалось еще долго после окончания Средних веков и не совсем прекратилось и в наши дни. Вовсе не обязательно предполагать преднамеренный обман в происхождении и поддержании всех фетических лекарств. Хотя два разных судебных расследования современных чудес в Ла-Салетте показали, что их происхождение было запятнано мошенничеством, и хотя недавняя реставрация собора в Трондхеме выявила тот факт, что целебной силе священного источника, который когда-то приносил этому святилищу такие большие доходы, помогали ангельские голоса, произносимые через трубку в стенах, мало чем отличающиеся от благочестивых механизмов, обнаруженных в Храме Исиды в Помпеях, нет никаких сомнений в том, что подавляющее большинство исцелений из фонтанов и даже храмов, какими они были, были результатом действия закона природы, и что вера в них была основана на честных принципах. аргумент из Священного Писания. Ибо теологический аргумент, который таким образом встал на пути науки, сводился просто к следующему: если Всемогущий счел нужным воскресить мертвеца, прикоснувшегося к костям Елисея, почему бы ему не вернуть к жизни пациента, который прикоснется в Кельне к костям Мудрецов Востока, следовавших за звездой Рождества? Если Нееман был исцелен, окунувшись в воды Иордана, а многие другие - спустившись в купальню Силоам, то почему бы людям до сих пор не исцеляться, купаясь в водоемах, которые освятили люди, столь же святые, как и Елисей? Если один больной человек выздоровел, прикоснувшись к одеждам святого Павла, почему бы другому больному человеку не выздороветь, прикоснувшись к бесшовному одеянию Христа в Треве или к покрывалу Христа в Безансоне? И из всех этих расспросов неизбежно вытекал тот вопрос, логический ответ на который был особенно вреден для развития медицинской науки: зачем людям стремиться создавать научную медицину и хирургию, когда реликвии, паломничества и священные обряды, согласно подавляющему количеству совпадающих свидетельств, вылечили и продолжают излечивать множество больных людей во всех частях Европы? (315)

(315) О священных источниках в наше время см. Петтигрю, как указано выше, стр. 42; также Дэлиелл, "Темные суеверия Шотландии", стр. 82 и далее; также Монталамбер, "Случайные события", том iii, стр. 323, примечание. Для тех, кто живет в Ирландии, с множеством любопытных подробностей см. С. К. Холл,

Ирландия, ее пейзажи и характер, Лондон, 1841, т. i, стр. 282, и passim. О случае во Флинтшире см. Подлинные документы, касающиеся чудесного исцеления Уинифред Уайт из города Вулвергемптон, в Холиуэлле, Флинтшир, 28 июня 1805 года, написанные Джоном Милнером, д.д., апостольским викарием и др., Лондон, 1805. О священных источниках во Франции см. Chevart, Histoire de Chartres, том i, стр. 84-89, и французские местные истории в целом. О суевериях, связанных с пружинами в Германии, см. Wuttke, Volksaberglaube, разделы 12 и 356. Об одном из самых изысканно выполненных произведений современной художественной литературы, прекрасно демонстрирующем недавнюю эволюцию чудесных сил на модной весне во Франции, читайте у Гюстава Дроза, Autour d'une Source. Ссылка на старую благочестивую технику в Трондхеме основана на личном наблюдении настоящего

автора в августе 1893 года.

Еще одно проявление теологического духа, смешанное с профессиональной исключительностью и предрассудками толпы, нанесло неисчислимый ущерб. Даже тем, кто настолько освободился от приверженности фетишизму, что обращался к врачам, было запрещено консультироваться с теми, кто, как правило, был лучшим. С самого раннего периода европейской истории евреи взяли на себяведущую роль в медицине; мы уже отмечали их участие в создании великих школ Салерно и Монпелье, и во всех частях Европы мы находим их признанными лидерами в искусстве врачевания. Церковные власти, насаждая дух времени, были особенно суровы к этим благодетелям: то, что люди, открыто отвергавшие средства спасения и души которых были бесспорно потеряны, исцеляли избранных, казалось оскорблением Провидения; монахи-проповедники осуждали их с кафедры, а правители государства и церкви, часто тайно консультируясь с ними, открыто запрещали их.

Григорий Турский рассказывает нам об архидьяконе, который, будучи частично излечен от болезни глаз святым Мартином, обратился за дальнейшей помощью к еврейскому врачу, в результате чего ни святой, ни еврей впоследствии не смогли ему помочь. Папы Евгений IV, Николай V и Каликст III особо запрещали христианам нанимать их. Трулланский собор в восьмом веке, Соборы в Безье и Альби в тринадцатом, Соборы в Авиньоне и Саламанке в четырнадцатом, Синод Бамберга и епископа Пассау в пятнадцатом, Авиньонский собор в шестнадцатом и многие другие прямо запрещали верующим вызывать врачей-евреев или хирургов; такие великие проповедники, как Джон Гейлер и Джон Герольд, с кафедры громыхали против них и всех, кто с ними советовался. Еще в середине семнадцатого века, когда городской совет Холла в Вюртемберге предоставил некоторые привилегии врачу-еврею "из-за его замечательного опыта и мастерства", духовенство города присоединилось к протесту, заявив, что "лучше умереть со Христом, чем быть вылеченным врачом-евреем с помощью дьявола". Тем не менее, в своем отчаянии епископы, кардиналы, короли и даже папы настаивали на вызове врачей ненавистой расы.(316)

(316) Об общем вопросе влияния теологических идей на медицину см. Форт, "История медицинской экономики в средние века", Нью-Йорк, 1883, главы. xiii and xviii; also Colin de Plancy, Dictionnaire des Reliques, passim; also Rambaud, Histoire de la Civilisation française, Paris, 1885, vol. i, chap. xviii; also Sprengel, vol. ii, стр. 345 и в других местах; также Баас и другие. Доказательства того, что Школа Салерно была основана не монахами, бенедиктинцами или другими, а мирянами, которые исключили теологический факультет из своей организации, см. Haeser, Lehrbuch der Geschichte der Medicin, том i, стр. 646; также Baas. Очень убедительное утверждение о том, что женатые профессора, женщины и евреи были допущены на профессиональные кафедры, см. Baas, стр. 208 и далее; также резюме доктора Пейна, статья в Encyc. Брит. Старая теория Шпренгеля о том, что школа была основана бенедиктинцами, кажется теперь полностью отвергнутой; см. По этому вопросу Хезера и Басса; также Даремберг, La Medecine, стр. 133. Цитату из Григория Турского, смотрите в его Истории. Francorum, lib. vi. О возвышении еврейских врачей и их запрете см. Beugnot, Les Juifs d'Occident, Париж,

1824, стр. 76-94; также Bedarride, Les Juifs en France, en Italie и en Espagne, главы v, viii, x и xiii; также Renouard, Histoire de la Medecine, Париж, 1846, том i, стр. 439; также особенно Ламмерт, Фольксмедизин и др., в Баварии, стр. 6, примечание. О церковных постановлениях против них см. Acta Conciliorum, изд. Хардуэн, том x, стр. 1634, 1700, 1870, 1873 и др. Обличения их Гейлером и другими см. Kotelmann, Gesundheitspflege im Mittelalter, стр. 194, 195. Список королей и пап, которые настаивали на том, чтобы у них были врачи-евреи, и другую любопытную информацию подобного рода см. У проф. Леви из Верчелли, Кристиани, эд Эбрей нел Медео Эво, стр. 200-207; и для получения очень ценного резюме, см. Леки, История рационализма в Европе, том. ii, стр. 265-271.

VIII. ФЕТИШ ЛЕЧИТ При ПРОТЕСТАНТИЗМЕ.—КОРОЛЕВСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.

Реформация не внесла внезапных изменений в священную теорию медицины. Лютер, как хорошо известно, снова и снова приписывал свои собственные болезни "дьявольским чарам", заявляя, что "сатана порождает все болезни, поражающие человечество, ибо он - князь смерти", и что "он отравляет воздух"; но что "ни одна болезнь не исходит от Бога". С того дня и вплоть до религиозных исцелений Бостона, Олд-Орчарда и среди секты "Станных людей" в наше время мы видим результаты поиска протестантами причины болезни в сатанинском влиянии, а ее лечения - в фетишизме.

Однако Лютер, с его твердым здравым смыслом, порвал с одной верой, которая мешала развитию медицины со времен зарождения христианства и до сих пор. Когда этот беспокойный оратор Карлштадт заявил, что "тот, кто заболевает, не должен прибегать к лекарствам, но верить свое дело Богу, молясь, чтобы Его воля была исполнена", Лютер спросил: "Вы едите, когда голодны?" и получив утвердительный ответ, он продолжил: "Даже в этом случае вы можете использовать лекарства, которые являются Божьим даром точно так же, как мясо и питье, или что бы еще мы ни использовали для сохранения жизни". Следовательно, несомненно, протестантские города Германии были более других готовы допустить анатомические исследования путем надлежащего вскрытия.(317)

(317) О вере Лютера и его ответе Карлштадту читайте в его застольной беседе, особенно в издании Хэзлитта, стр. 250-257; также в его письмах *passim*. О недавних "исцелениях верой" читайте в статьях доктора Бакли об исцелении верой и родственных феноменах в "Сенчури" за 1886 год. О большей

готовности протестантских городов содействовать вскрытиям см. Тот, Андреас Везалий, стр. 33.

Возможно, наиболее известным развитием теологических взглядов в протестантской церкви было то, что в основном развилось в Англии из французского зародыша теологической мысли — веры в эффективность королевского прикосновения при различных заболеваниях, особенно при эпилепсии и золотухе, последняя из которых, следовательно, известна как зло короля. Этот способ лечения начался, насколько история проливает на него свет, с Эдуарда Исповедника в одиннадцатом веке и переходил от правления к правлению, переходя от католического святого к протестантским развратникам на английском троне, со все возрастающей чудесной эффективностью.

Свидетельства реальности этих методов лечения ошеломляющи. На самом деле, в истории человечества нет более тщательно засвидетельствованных чудес исцеления, чем те, которые были совершены прикосновением Генриха VIII, Елизаветы, Стюартов и особенно этого избранного сосуда, Карла II. Хотя Елизавета не могла заставить себя полностью поверить в реальность этих исцелений, доктор Тукер, капеллан королевы, впоследствии настоятель Личфилда, полностью подтверждает свои знания об исцелениях, произведенных ею, как и Уильям Клоуз, королевский хирург. Фуллер в своей "Истории церкви" приводит рассказ о римско-католической церкви, которая таким образом была исцелена прикосновением королевы и обращена в протестантизм. Аналогичные свидетельства существуют относительно исцелений, совершенных Джеймсом I. Карл I также пользовался такой же властью, несмотря на публичное заявление парламента о том, что оно не соответствует действительности. В одном случае король увидел пациента в толпе, слишком далеко, чтобы к нему можно было прикоснуться, и просто сказал: "Да благословит тебя Бог и исполнит твое желание"; после чего, как утверждается, пятна и налет исчезли с тела пациента и появились во флаконе с лекарством, который он держал в руке; по крайней мере, так говорит доктор Джон Николас, ректор Винчестерского колледжа, который утверждает, что каждое слово из того, что ему известно, соответствует действительности.

Но самое неопровержимое доказательство этого чудесного дара можно найти в случае с Карлом II, самым насквозь циничным развратником, который когда-либо сидел на английском троне до прихода Георга IV. Он затронул почти сто тысяч человек, и расходы на золотые медали, выдаваемые пострадавшим по этим поводам, выросли за несколько лет до десяти тысяч фунтов. Джон Браун, ординарный хирург его Величества и больницы Святого Фомы и автор многих ученых работ по хирургии и анатомии, опубликовал отчеты о шестидесяти исцелениях, вызванных прикосновением этого монарха; а сержант-хирург Вайзман посвятил целую книгу доказательству реальности этих исцелений, говоря: "Я сам часто был свидетелем многих сотен исцелений, выполненных одним прикосновением его Величества без какой-либо помощи хирургии, и многие из них сводили на нет усилия способных хирургов, прежде чем они пришли к нам". Тем не менее, особенно поучительно отметить, что, хотя ни в одно другое царствование не было так много людей, заболевших золотухой, и ни за одно из них не было подтверждено так много излечений, ни в одно другое царствование так много людей не умирало от этой болезни: счета смертности ясно показывают это, и причина, несомненно, заключается в повсеместной замене сверхъестественных средств лечения научными. Это лишь один из многих примеров,

демонстрирующих тот хаос, который научный тест всегда производит среди чудес, если люди позволяют его применять.

При Якове II та же сила сохранялась; и если сказать словами лорда Бэкона, что "воображение — ближайший родственник чудотворной веры", то, по-видимому, требуется что-то еще, чтобы объяснить свидетельство доктора Хейлин об исцелениях, производимых королевским прикосновением к младенцам на руках их матерей. Мифотворчество и распространение чудес, очевидно, были в ходу здесь, как и во многих других местах, и слава об этих исцелениях была столь велика, что мы находим, что за год до того, как Джеймс был свергнут с престола, нищий из Портсмута, штат Нью-Гэмпшир, обратился к Генеральной Ассамблее с просьбой разрешить ему совершить путешествие в Англию, чтобы королевское прикосновение исцелило его.

Изменение в порядке наследования королевской власти, по-видимому, не помешало чуду; ибо, хотя Вильгельм III, очевидно, считал все это суеверием и, как говорят, однажды прикоснулся к пациенту, сказав ему: "Дай тебе Бог здоровья и здравого смысла", Уистон уверяет нас, что этот человек был исцелен, несмотря на недоверие Уильяма.

Что касается королевы Анны, доктор Дэниел Тернер в своей книге "Искусство хирургии" рассказывает, что несколько случаев золотухи, которые безуспешно лечились им самим и доктором Чарльзом Бернардом, сержантом-хирургом ее Величества, впоследствии поддались действию прикосновений королевы. Естественно, что Кольер в своей "Истории церкви" говорит по поводу этих случаев, что оспаривать их "значит впадать в крайний скептицизм, отрицать наши чувства и быть недоверчивым даже до смешного". Свидетельства реальности этих исцелений действительно ошеломляющи, и множество наиболее трезвых ученых, богословов и докторов медицины объявили эти доказательства абсолютно убедительными. О том, что Англиканская церковь приняла доктрину королевского прикосновения, свидетельствует специальное служение, предусмотренное в Молитвеннике того периода для случаев, когда король пользовался этим даром. Церемония была проведена с большой торжественностью и помпой: во время чтения службы и возложения рук короля сопровождающий епископ или священник произнес слова: "Возложат руки на больных, и они выздоровеют"; после этого последовали специальные молитвы, Послание и Евангелие с благословением, и, наконец, его Величество омыл свои королевские руки в золотых сосудах, которые держали для него высокопоставленные вельможи.

И во Франции королевское прикосновение продолжалось, что свидетельствует о его эффективности. В некое пасхальное воскресенье этот благочестивый король Людовик XIV прикоснулся к примерно шестнадцати сотням человек в Версале.

Таким образом, эта целебная сила была признана повсюду, как католиками, так и протестантами, на Континенте, в Великобритании и Америке; и она распространилась не только вопреки переходу английских королей из католицизма в протестантизм, но и вопреки переходу от законного владычества Стюартов к незаконному наследованию Оранского дома. И все же, в течение нескольких лет после того, как весь мир придерживался этой веры, она была мертва; она отошла на второй план в растущем научном свете на заре восемнадцатого века.(318)

(318) О королевском прикосновении см. Беккет, "Свободное и беспристрастное исследование древности и эффективности прикосновения ко злу короля", 1772, цитируется в Pettigrew, стр. 128, и в других местах; также Скофферн, "Наука и народные

знания", Лондон, 1870, стр. 413 и далее; также Адамс, "Искусство исцеления", Лондон, 1887, т. i, стр. 53-60; и особенно Лекки, "История европейской морали", т. i, глава об обращении Рима; также его книга "Наука и народные знания".

История Англии в восемнадцатом веке, том i, глава i. Для любопытных подробностей о способе проведения церемонии см.

Дневник Эвелин; также Леки, как указано выше. О королевском влиянии во Франции и о притязаниях некоторых знатных семей на его владение в феодальные времена, см. Рамбо, *Hist. de la Civ. francaise*, p. 375.

IX. НАУЧНАЯ БОРЬБА ЗА АНАТОМИЮ.

Теперь мы можем рассмотреть эволюцию медицинской науки с точки зрения средневековья и его современных пережитков. На протяжении всего средневековья, как мы видели, кое-где несколько мирян и священнослужителей, вопреки указам Церкви и народным суевериям, упорно изучали медицину и практиковали ее: особенно это было заметно в крупных университетах, которые несколько освободились от церковного контроля. В XIII веке Парижский университет дал мощный импульс преподаванию медицины, и в том и следующем столетии мы начинаем находить первые вразумительные сообщения о медицинских случаях с момента прихода христианства.

В XIII веке также заклятый враг папства, император Фридрих II, проявлял свои свободомыслящие наклонности, время от времени разрешая препарировать человека. В последующие столетия множество других монархов робко последовали его примеру: так, Иоанн Арагонский в 1391 году предоставил Университету Лериды привилегию вскрывать одного мертвого преступника каждые три года.(319)

(319) О продвижении медицинской науки и практики, особенно в XIII веке, университетами, см. Baas, стр. 222-224.

В течение пятнадцатого века и первых лет шестнадцатого возрождение образования, изобретение книгопечатания и великие открытия дали новый импульс мысли, и в этом медицинская наука разделяла: старый теологический образ мышления подвергся серьезному сомнению и во многих кругах уступил место другому взгляду на вселенную.

В шестнадцатом веке появляется Парацельс — великий гений, много сделавший для развития медицины за пределами досягаемости священных и схоластических традиций, хотя все еще скованный множеством суеверий. Все больше и больше, вопреки теологическим догмам, возобновлялись анатомические исследования путем препарирования человеческого тела.

Таким образом, была возобновлена практика старой александрийской школы. Мундинус, профессор медицины в Болонье в начале четырнадцатого века, иногда осмеливался использовать тему человека в своих лекциях; но в конце концов появился гораздо больший поборник научной истины, Андреас Везалий, основатель современной науки анатомии. Битва, которую ведет этот человек, - одна из славных для нашей расы.

С самого начала Везалий проявил себя мастером своего дела. В поисках истинного знания он подвергался самым страшным опасностям, и особенно обвинению в святотатстве, основанному на вековом учении Церкви. Как мы видели, даже такие люди ранней Церкви, как Тертуллиан и Св. Августин питал отвращение к анатомии, а декрет папы Бонифация VIII был повсеместно истолкован как запрещающий любое вскрытие и угрожающий отлучением от церкви тех, кто этим занимался. Этот священный конвенционализм Везалий преодолел без страха; несмотря на церковное порицание, сильное противодействие в его собственной профессии и ярость народа, он изучал свою науку единственным методом, который мог дать полезные результаты. Никакая опасность не пугала его. Чтобы добыть материал для своих исследований, он посещал виселицы и склепы, не боясь костров инквизиции и вируса чумы. Первым из всех людей он начал ставить науку анатомии человека на ее прочные современные основы — на тщательное изучение человеческого тела: это был его первый великий грех, и вскоре он усугубился еще одним, который считался еще большим.

Возможно, самое неудачное, что когда-либо было сделано для христианства, - это привязывание его к формам науки, которые обречены и постепенно угасают. Точно так же, как во времена Роджера Бэкона выдающиеся люди посвящали всю свою энергию тому, чтобы связать христианство с Аристотелем; точно так же, как во времена Рейхлина и Эразма они настаивали на том, чтобы связать христианство с Фомой Аквинским; так и во времена Везалия такие люди прилагали все усилия, чтобы связать христианство с Галеном. Призыв был одним и тем же во все века; это тот же самый призыв, который мы слышим в наш век к ограничению научных исследований: призыв к тому, что называется "здравым обучением". Независимо от того, выступаете ли вы за Аристотеля против Бэкона, или за Аквината против Эразма, или за Галена против Везалия, всегда звучат призывы к "разумному обучению": идея всегда заключалась в том, что старые исследования "БЕЗОПАСНЫ".

В двадцать восемь лет Везалий подарил миру свой великий труд по анатомии человека. С ней закончилось старое и началось новое; ее исследования по своей тщательности были триумфом науки; ее иллюстрации по своей точности были триумфом искусства.

Чтобы защитить себя, насколько это возможно, в битве, которая, как он предвидел, должна была начаться, Везалий посвятил этот труд императору Карлу V, и в своем предисловии он отстаивает свой метод и выступает против попугайского повторения средневековых учебников; он также осуждает жалкие анатомические препараты и образцы, сделанные врачами, которые наотрез отказывались идти дальше древнего мастера. Похожие на попугаев ретрансляторы Галена немедленно вступили в бой. По обычаю своего времени, их первыми метательными средствами были эпитеты; и когда их обширный арсенал был исчерпан, они начали использовать более острое оружие — оружие теологическое.

В данном случае были особые причины, по которым теологические власти сочли необходимым вмешаться. Во-первых, в Церкви преобладала старая идея о том, что вскрытие человеческого тела запрещено христианам: это с большой силой использовалось против Везалия, но сначала

он одержал временную победу; поскольку конференцию богословов попросили решить, является ли вскрытие человеческого тела святотатством, и решение было отрицательным.

Причина была проста: великий император Карл V назначил Везалия своим врачом и не мог обойтись без него; но с восшествием Филиппа II на трон Испании и Нидерландов вся ситуация изменилась. Везалий теперь жаловался, что в Испании он не мог раздобыть даже человеческий череп для своих анатомических исследований: медицинские и теологические реакционеры добились своего, и, судя по всему, с тех пор они, как правило, добивались этого в Испании. Еще в последние годы восемнадцатого века наблюдательный английский путешественник обнаружил, что перед медицинскими занятиями в испанских университетах не проводятся вскрытия и что учение о циркуляции крови по-прежнему отрицается, хотя прошло более полутора столетий после того, как Сарпи и Гарвей доказали это.

Еще одна теологическая идея преградила путь Везалию. На протяжении всего Средневековья считалось, что в человеке существует невесомая, нетленная, негорючая кость — необходимое ядро воскресающего тела. Вера в воскресение физического тела, несмотря на Послание святого Павла к Коринфянам, была включена в формулу, выработанную в течение первых веков христианства и известную как Апостольский символ веры, и придерживалась во всем христианском мире "всегда, везде и всеми". Поэтому эта гипотетическая кость пользовалась большим почитанием, и многие анатомы пытались ее обнаружить; но Везалий, открыв так много другого, не нашел ее. Он ограничился тем, что сказал, что оставляет вопрос о существовании такой кости на усмотрение теологов. Он не мог лгать; он не хотел бороться с инквизицией; и поэтому он попал под подозрение.

О силе этого теологического аргумента можно судить по тому факту, что не менее выдающийся хирург, чем Риолан, консультировался с палачом, чтобы выяснить, все ли части тела были съедены при сжигании преступника; и только тогда был получен ответ, который фатально подорвал это суеверие. Тем не менее, в 1689 году мы обнаруживаем, что это все еще сохраняется во Франции, стимулируя противодействие в Церкви расчленению. Еще в восемнадцатом веке Бернулли показал, что живое человеческое тело постоянно претерпевает ряд изменений, так что все его частицы обновляются за определенное количество лет, и это вызвало у него столько неприязни со стороны теологов, которые увидели в этом утверждении опасность для учения о воскресении тела, что ради мира он вычеркнул свои рассуждения на эту тему из своего собрания сочинений.(320)

(320) О разрешениях на вскрытие человеческого тела, которые давались здесь и там в средние века, см. "Андреас Везалиус" Рота, Берлин, 1892, стр.

3, 13 и далее. О религиозных антипатиях как факторе преследования

Везалия см. Биографии Бурхава и Альбиноса, 1725;

Этюды Бурггрейва, 1841; также Хэзера, Кингсли и последнего

и наиболее обстоятельного из всех, Рота, как указано выше. Даже Геталс, несмотря на робость, естественную для городского библиотекаря в таком городе, как Брюссель, в котором власть духовенства сильна и безжалостна, чувствует себя обязанным признать, что в обращении с

Везалием была определенная примесь религиозной ненависти. Смотрите его биографическую заметку об Андре Везале. О

воскрешенных костях см. Рот, как указано выше, стр. 154, 155 и примечания. О

Везалии см., в частности, Портал, Hist. de l'Anatomie et de la Chirurgie, Paris, 1770, tome i, p. 407. Пренебрежение анализом и противодействие открытию Харви в Испании см. в "Путешествиях Таунсенда", издание 1792 года, цитируется в Buckle, History of Civilization in England, vol. ii, стр. 74, 75. Также Генри Морли в его "Клемент Маро" и других эссе. О Бернулли и его проблемах с теологами см. Wolf, Biographien zur Culturgeschichte der Schweiz, vol. ii, стр. 95. Насколько практика вскрытия у Мандина отличалась от практики Везалия, можно увидеть из осторожного заявления Кювье о том, что общее количество вскрытий у первого составляло три; обычно утверждается, что их было всего два. См. Кювье, История. национальная наука, том ii, стр. 7; также Шпренгель, Фредо, Халлам и Литтр. Также Уэвелл, Хист. из индуктивных наук, т. iii, стр. 328; также, для получения очень полного заявления о роли Mundinus в развитии анатомии, см. Портал, т. i, стр. 209-216.

Еще другие посягательства на теологические взгляды были сделаны новой школой анатомов, и особенно Везалием. В средние века были разработаны различные теологические доктрины относительно человеческого тела; они были основаны на аргументах, показывающих, каким ДОЛЖНО БЫТЬ тело, и, естественно, когда анатомическая наука показала, что это такое, эти доктрины пали. Примером таких популярных теологических рассуждений является широко распространенное в двенадцатом веке поверье о том, что в тот год, когда Саладин захватил крест Христов, у детей вместо тридцати или тридцати двух зубов, как раньше, было двадцать или двадцать два. Точно так же во времена Везалия господствовала другая доктрина подобного рода: долгое время считалось, что Ева, созданная Всемогушим из ребра, взятого из бока Адама, должна быть на одно ребро меньше с одной стороны каждого человека, чем с другой. Сотворение Евы было излюбленной темой скульпторов и художников, начиная с Джотто, который вырезал ее на своей прекрасной Колокольне во Флоренции, до составителей молитвенников и даже тех, кто иллюстрировал Библии и религиозные книги в первые годы после изобретения книгопечатания; но Везалий и последовавшие за ним анатомы положили конец среди вдумчивых людей вере в отсутствие ребра и, сделав это, нанесли удар по многому другому в священной теории. Естественно, все эти соображения настроили силы церковности против новаторов в анатомии.(321)

(321) Что касается предполагаемого изменения количества зубов, см. Gesta Philippi Augusti Francorum Regis, ... descripta a magistro Rigardo, 1219, отредактированный отцом Франсуа Дюшеном, в History Francorum Scriptores, том v, Париж, 1649, стр. 24. Изображения Адама, созданного Всемогушим из кучи праха, и Евы, созданной из ребра Адама, смотрите на более ранних иллюстрациях в "Нюрнбергской хронике". Что касается отношения анатомии к теологии в отношении ребра Адама, см. Roth, стр. 154, 155.

Теперь было выковано новое оружие: Везалия обвинили в расчленении живого человека, и либо из-за прямых преследований, как утверждает подавляющее большинство авторов, либо из-за косвенного влияния, как признают недавние апологеты Филиппа II, он стал странником:

совершая паломничество в Святую Землю, очевидно предпринятое для искупления своего греха, он потерпел кораблекрушение и в расцвете сил был потерян для мира.

И все же не утрачен. В этом столетии великий художник снова подарил его нам. По волшебству карандаша Хаманна Везалий снова стоит на земле, и мы еще раз заглядываем в его камеру. Его окна и двери, запертые изнутри на засовы, предвещают бурю фанатизма, бушующую снаружи; распятие, на которое он обращает свой взор, символизирует дух, с которым он трудится; труп пораженного чумой под его рукой перестает быть отталкивающим; кажется, сама его душа излучает лучи с полотна, которые укрепляют нас для достойной борьбы в этот век.(322)

(322) Оригинальная картина Хаманна, изображающая Везалия за работой в его камере, сейчас находится в Корнельском университете.

Его смерть была ускорена, если не вызвана, людьми, которые добросовестно полагали, что он наносит ущерб религии: его бедные, слепые враги помогли уничтожить одного из величайших апостолов религии. Каково было его влияние на религию? Он заменил повторение устаревших теорий добросовестным и благоговейным изучением творений великой Силы, дающей жизнь вселенной; он заменил жалкие и нереальные представления о человеческой структуре представлениями, раскрывающими истины, наиболее полезные для всего человечества.

Смерть этого чемпиона, похоже, фактически положила конец соревнованию. Вскоре различные папы начали выдавать университетам лицензии на препарирование, которые продлевались с интервалом в три-четыре года, пока Реформация не привела в движение направления мысли, которые многое сделали для освобождения науки от этого ига.(323)

(323) Любопытный пример оружия, взятого у Галена и использованного против Везалия, см. Льюис, "Жизнь Гете", стр. 343, примечание. Доказательства того, что я не переоценил Везалия, см. Portal, ubi выше. Portal speaks of him as "le genie le plus droit qu'eut l'Europe"; and again, "Vesale me parait un des plus grands hommes qui ait existe." Обвинение в том, что анатомы препарировали живых людей — против ученых до времен Везалия — см. в главе Литтре "Анатомия". О возросшей свободе, предоставленной анатомии Реформацией, см. "Везалий" Рота, стр. 33.

Х. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ПРИВИВКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

АНЕСТЕТИКИ.

Теперь я спешу перейти к одной из самых необычных битв медицинской науки современности. В начале прошлого века Бойер представил прививку как средство профилактики оспы во Франции, и вдумчивые врачи в Англии, вдохновленные леди Монтегю и Мейтлендом, последовали его примеру. Ультраконсерваторы в медицине испугались сразу по обе стороны Ла-Манша, и теология вскоре нашла веские доводы против новой практики. Французские богословы Сорбонны торжественно осудили это; наиболее громко английских богословов представлял преподобный Эдвард Мэсси, который в 1772 году прочитал и опубликовал проповедь, озаглавленную "Опасная и греховная практика прививки". В нем он заявил, что болезнь Иова, вероятно, была вызвана разлитием оспы; что он, несомненно, был привит дьяволом; что болезни посылаются Провидением в наказание за грех; и что предлагаемая попытка предотвратить их является "дьявольской операцией". Не менее энергичной была проповедь преподобного г-на Делафэ, озаглавленная "Прививка - неоправданная практика". Эта борьба продолжалась тридцать лет. Приятно отмечать, что некоторые церковники, и среди них Мэддокс, епископ Вустерский, сражаются на стороне правого разума; но уже в 1753 году мы видим известного настоятеля Кентербери, осуждающего прививку со своей кафедры в первопрестольном городе, и многие из его братьев следуют его примеру.

Такая же оппозиция была сильна и в протестантской Шотландии. Большая группа священнослужителей присоединилась к осуждению новой практики как "бросающей вызов Провидению" и "пытающейся помешать Божественному суду".

По нашу сторону океана тоже пришлось бороться с этим вопросом. Примерно в 1721 году доктор Забдиэль Бойлстон, врач из Бостона, провел эксперимент по прививке, одним из первых подопытных которого был его собственный сын. Он сразу же столкнулся с ожесточенной враждебностью, так что городские власти запретили ему повторять эксперимент. Главным среди его противников был доктор Дуглас, шотландский врач, которого поддерживали медики и газеты. Ярость противоборствующей стороны не знала границ; они настаивали на том, что прививка была "отравлением", и призывали власти судить доктора Бойлстона за убийство. Уладив таким образом его дело для этого мира, они приступили к улаживанию его для следующего, настаивая на том, что "для человека заражать семью оспой утром, а вечером молиться Богу о заразе - это богохульство"; что оспа - это "божий суд над грехами людей" и что "предотвратить это - значит только еще больше раззадорить его"; что прививка - это "посягательство на прерогативы Иеговы, чье право ранить и карать". Среди массы библейских текстов, наиболее далеких от какого-либо возможного отношения к предмету, был использован один, который в равной степени был убедителен против любого использования целебных средств при любой болезни - слова Осии: "Он терзал, и он исцелит нас; Он поражал, и он перевязывает нас".

Это сопротивление было настолько ожесточенным, что жизнь доктора Бойлстона оказалась в опасности; считалось небезопасным выходить вечером из дома; в дом Коттона Мазера, который одобрял новую практику и приютил другого священника, который подчинился ей, даже бросили зажигательную гранату.

К чести пуританского духовенства Новой Англии следует сказать, что многие из них были самыми решительными сторонниками Бойлстона. Инкриз и Коттон Мазер были одними из первых, кто выступил за прививку, причем последний обратил на это внимание Бойлстона; и в самый критический момент шестеро ведущих священнослужителей Бостона перешли своим

влиянием на сторону Бойлстона и разделили обличение, навлеченное на него. Хотя скептики не замедлили бросить в лицо Мазерам их действия в отношении колдовства, настаивая на том, что их доверчивость в этом вопросе доказывает доверчивость и в этом, они выстояли, и среди многих услуг, оказанных священнослужителями Новой Англии своей стране, эту, безусловно, следует помнить; ибо этим людям пришлось плечом к плечу с Бойлстоном и Бенджамином Франклином противостоять тому же оружию, которое было брошено в сторону сторонников прививки в Европе — обвинениям в "неверности открытому закону Божьему".

Вскоре факты стали очень убедительными против скептиков: в течение года или двух после первого эксперимента Бойлстон привил почти триста человек в Бостоне и соседних городах, и из них умерли только шестеро; тогда как за тот же период из почти шести тысяч человек, которые заразились оспой естественным путем и получали только обычное медицинское лечение, умерла почти тысяча. Однако даже здесь скептики не отчаялись, и, когда им пришлось признать успех прививки, они просто прибегли к новому аргументу и ответили: "Было хорошо, что сатана был лишен своего жилища, которое он поселил в людях во дни нашего Господа, но было незаконно, чтобы дети фарисеев изгоняли его с помощью Вельзевула. Мы всегда должны следить за тем, что мы делаем, а также за результатом, если мы намерены сохранить чистую совесть по отношению к Богу". Но факты были слишком убедительны; новая практика укоренилась в Новом Свете так же, как и в Старом, хотя ожесточенное противодействие продолжалось, и в немалой степени на смутных библейских основаниях, более двадцати лет.(324)

(324) Об общем предмете см. Шпренгель, "История медицины", том vi, стр. 39-80. О несогласии парижского богословского факультета с прививкой читайте в *Journal de Barbier*, vol. vi, стр. 294; также Переписка Гримма и Дидро, том iii, стр. 259 и далее. О горьких обвинениях английского духовенства в прививках и о благородной позиции Мэдокса против них см. *Baron, Life of Jenner*, vol. i, стр. 231, 232 и vol. ii, стр. 39, 40. Об ожесточенном противодействии того же духовенства см. *Weld, History of the Royal Society*, том i, стр. 464, примечание; также, о его комической стороне, см. Литературные иллюстрации Никола, том v, стр. 800. О том же самом в Шотландии читайте в книге Леки "История восемнадцатого века", т. ii, стр. 83. О Новой Англии см. Грин, История медицины в Массачусетсе, Бостон, 1881, стр. 58 и далее; также глава x "Мемориальной истории Бостона" того же автора и О. В. Холмса. С письмом доктора Франклина можно ознакомиться в *Massachusetts Historical Collections*, second series, vol. vii, стр. 17. Несколько наиболее любопытных публикаций, выпущенных в разгар споров о прививках, были любезно предоставлены мне библиотекарями Гарвардского колледжа и Массачусетского исторического общества, среди них "Ответ Инкрину" Мазера, Джона Уильямса, Бостон, напечатанный Дж. Франклином в 1721 году, из которого цитируются приведенные выше аргументы из Священного Писания. Об ужасной вирулентности оспы в Новой Англии вплоть до введения прививки см. Макмастер, "История народа Соединенных Штатов", первое издание, том i, стр. 30.

Неуклонное развитие научной медицины подводит нас к открытию Дженнером вакцинации. И здесь различные неясные пережитки теологических идей заставили многих священнослужителей встать на сторону врачей-ретроградов. Возможно, самым яростным врагом Дженнера был один из его собратьев по профессии, доктор Мозли, который поместил на титульном листе своей книги "Луис Бовилла" девиз, относящийся к Дженнеру и его последователям: "Отче, прости их, ибо они не ведают, что творят": эта книга доктора Мозли получила особое одобрение епископа Дроморского. В 1798 году врачи и священнослужители создали Общество против вакцинации, которое призвало жителей Бостона запретить вакцинацию, как "бросающее вызов самим Небесам, даже воле Божьей", и заявило, что "закон Божий запрещает эту практику". Еще в 1803 году преподобный доктор Рамсден выступил с резкой критикой вакцинации в проповеди перед Кембриджским университетом, смешав тексты Священного Писания с клеветой на Дженнера; но Плампр и преподобный Роулэнд Хилл в Англии, Уотерхауз в Америке, Туре во Франции, Сакко в Италии и множество других хороших и правдивых людей настаивали на своем, и, наконец, наука, гуманизм и здравый смысл одержали победу. Вскоре последовали самые поразительные результаты. Сокращение числа смертей от ужасного бедствия было поразительным. В Берлине за восемь лет, последовавших за 1783 годом, от оспы умерло более четырех тысяч детей; в то время как за восемь лет, последовавших за 1814 годом, после широкого внедрения вакцинации, из большего числа умерших от этой болезни было всего пятьсот тридцать пять. В Вюртемберге в течение двадцати четырех лет, последовавших за 1772 годом, каждый тринадцатый из всех детей умер от оспы, в то время как в течение одиннадцати лет после 1822 года от нее умер только один из тысячи шестисот. В Копенгагене за двенадцать лет до введения вакцинации от оспы умерло пятьдесят пятьсот человек, а за шестнадцать лет после ее введения во всей Дании от нее умерло только сто пятьдесят восемь человек. В Вене, где средняя годовая смертность от этой болезни превышала восемьсот человек, она неуклонно и быстро снижалась, пока в 1803 году не упала менее чем до тридцати; а в Лондоне, ранее столь пораженном этим бедствием, из всех его жителей в 1890 году от него умер только один. Что касается мира в целом, то итог подведен одним из самых уважаемых английских врачей современности в заявлении о том, что "Дженнер спас, спасает сейчас и будет продолжать спасать во все грядущие века больше жизней за одно поколение, чем было уничтожено во всех войнах Наполеона".

Те, кто до сих пор читал эту историю, наверняка заметили, что репутация Церкви в целом в этой борьбе была гораздо более достойной, чем во многих предшествовавших ей: причину найти нетрудно; упадок теологии пошел на пользу религии, а религия оказала мощную помощь науке.

Тем не менее, как в протестантизме, так и в католицизме сохранились некоторые пережитки, на которые можно взглянуть с любопытством. Небольшая группа извращенно изобретательных умов в медицинской профессии Англии нашла нескольких горячих союзников среди менее интеллектуального духовенства. Преподобный мистер Ротери и преподобный мистер Аллен из первобытных методистов по разным смутным теологическим причинам особенно отличились тем, что выступали против обязательной вакцинации; но справедливо будет сказать, что большая часть английского духовенства долгое время придерживалась лучшей точки зрения.

Гораздо более болезненной оказалась недавняя история другой великой ветви христианской церкви — история, развернувшаяся там, где ее меньше всего можно было ожидать: недавние летописи мира едва ли представляют более разительную противоположность между религией и теологией.

С религиозной точки зрения мало что в истории Римской церкви было прекраснее поведения ее духовенства в Канаде во время великой вспышки корабельной лихорадки среди иммигрантов в Монреале примерно в середине нынешнего столетия. Днем и ночью католическое духовенство этого города бесстрашно служило жертвам санитарного невежества; страх перед страданиями и смертью не мог отвлечь этих служителей от их работы; они с радостью отдали свои жизни, принося утешение самым бедным и невежественным представителям нашего вида: таковы были свидетельства их религии. Но в 1885 году их богословие установило рекорд. В том году в Монреале вспыхнула оспа с огромной силой. Протестантское население почти полностью избежало вакцинации; но множество их сограждан-католиков, руководствуясь какими-то смутными пережитками старых ортодоксальных идей, отказались от вакцинации и ужасно страдали. Когда, наконец, чума стала настолько серьезной, что путешествия и торговля значительно сократились, а в соседних городах начали вводиться карантин, были предприняты усилия по обеспечению обязательной вакцинации. Результатом стало то, что большое количество работающего католического населения сопротивлялось и даже угрожало кровопролитием. Духовенство поначалу терпело и даже поощряло такое поведение: аббат Филиато, священник церкви Святого Иакова, заявил в проповеди, что "если мы поражены оспой, то это потому, что прошлой зимой у нас был карнавал, где мы пировали плотью, что оскорбило Господа; именно в наказание за нашу гордыню Бог послал нам оспу". Клерикальная пресса пошла дальше: "Этендарт" призвал верующих взяться за оружие, а не подвергаться вакцинации, и по крайней мере одна из светских газет была вынуждена потворствовать тем же чувствам. Совет здравоохранения боролся с этим суеверием и направил католическому духовенству циркуляр, умоляя их рекомендовать вакцинацию; но, хотя двое или трое выполнили эту просьбу, подавляющее большинство либо промолчало, либо открыто проявило враждебность. Святые отцы, чья церковь находилась в самом сердце зараженного района, продолжали осуждать вакцинацию; верующих призывали полагаться на различного рода религиозные упражнения; с санкции иерархии была организована большая процессия с торжественным обращением к Пресвятой Деве, и использование четок было тщательно оговорено.

Тем временем болезнь, которая почти вымерла среди протестантов, свирепствовала со все возрастающей силой среди католиков; и, поскольку истина становилась все более и более ясной даже для самых набожных, наконец были приняты надлежащие меры, и эпидемия была остановлена, хотя и не до тех пор, пока среди этих простодушных верующих не было страшной потери жизни, а в сердцах их детей не были посажены микробы скептицизма, которые принесут плоды для грядущих поколений. (325)

(325) О противодействии сознательных людей вакцинации в Англии, см. Baron, *Life of Jenner*, как указано выше; также vol. ii, стр. 43; также "Жизнь Симпсона" Дана, Лондон, 1873, стр. 248, 249; также Работы сэра Дж. Я. Симпсона, том ii. Множество статистических данных, свидетельствующих о снижении заболеваемости оспой после введения вакцинации, см. в Russell, стр. 380. О поразительных событиях в Лондоне за 1890 год читайте в статье в *Edinburgh review* за январь 1891 года. Общее заявление, о котором идет речь, было сделано в речи сэра Спенсера Уэллса несколько лет назад. О недавних разрозненных случаях слабого противодействия вакцинации со стороны протестантских священников см. Уильям Уайт, "Великое заблуждение", Лондон, 1885, перевод. О противодействии римско-католического духовенства и крестьянства Канады

вакцинации во время эпидемии оспы 1885 года читайте в английских, канадских и американских газетах, но особенно в очень умеренных и точных корреспонденциях New York Evening Post за сентябрь и октябрь того же года.

Другой класс случаев, в которых теологический дух объединился с ретроградной партией в медицинской науке, встречается в истории определенных лечебных средств; и первым может быть назван кокаин. Еще в середине шестнадцатого века ценность коки была открыта в Южной Америке; уроженцы Перу высоко ценили ее, и два выдающихся иезуита, Джозеф Акоста и Антонио Хулиан, разделили эту точку зрения. Но консервативный дух в Церкви был слишком силен; в 1567 году Второй собор в Лиме, состоящий из епископов со всех частей Южной Америки, осудил это, а два года спустя вышел королевский указ, в котором говорилось, что "представления местных жителей об этом являются иллюзией дьявола".

В дополнение к этой исключительной ошибке со стороны старой Церкви была допущена еще одна, совершенная многими протестантами. В первые годы семнадцатого века миссионеры-иезуиты в Южной Америке узнали от местных жителей о ценности так называемой перуанской коры при лечении лихорадки; а в 1638 году графиня Чинчон, регентша Перу, получив большую пользу от нового средства, ввела его в Европе. Хотя содержащийся в нем алкалоид, хинин, являетсявозможно, наиболее близким к медицинскому препарату и в поразительной степени снизил уровень смертности в определенных регионах, против его введения резко выступали многие консервативные представители медицинской профессии, и к этому противодействию присоединилось большое количество ультрапротестантов из враждебности к Римской церкви. В пылу сектантских настроений новое средство было заклеено как "изобретение дьявола"; и это противодействие было настолько сильным, что оно не было введено в Англии до 1653 года, и даже тогда его применение долго сдерживалось, главным образом из-за антикатолических настроений.

То, что теологический метод ультрапротестантской стороны мог бы помочь миру в это самое время, видно из того факта, что, пока продолжалась эта борьба, Хоффман пытался предложить научную теорию действия дьявола, вызвавшего фурункулы у Иова. Эта попытка квазинаучного объяснения, которое должно было бы удовлетворять теологическому духу, какой бы комичной она ни казалась на первый взгляд, действительно заслуживает серьезного внимания, потому что ее следует рассматривать как начало той неизбежной попытки к компромиссу, которую мы видим в истории каждой науки, когда она начинает казаться триумфальной.(326)

(326) О противодействии южноамериканских церковных властей введению кокаина и т.д. см. Мартиндейл, "Кока, кокаин и его соли", Лондон, 1886, стр. 7. Что касается теологического и сектантского сопротивления хинину, см. Рассел, стр. 194, 253; также Эклз; также Мерион, "История медицины", Лондон, 1861, том i, стр. 74, примечание. О значительном снижении смертей от лихорадки после начала использования перуанской коры см. Статистические таблицы, приведенные в Russell, стр. 252; и о попытке Хоффмана найти компромисс, там же, стр. 294.

Но я перехожу к типичному конфликту в наши дни, причем в протестантской стране. В 1847 году Джеймс Янг Симпсон, шотландский врач, который впоследствии достиг высочайших высот в своей профессии, выступив за использование анестетиков в акушерских случаях, был немедленно встречен бурей неприятия. Эта враждебность проистекала из древней и освященной веками шотландской веры. Еще в 1591 году Эвфейм Макальян, знатная дама, обвиненная в том, что обратилась за помощью к Агнес Сэмпсон для облегчения боли во время рождения двух своих сыновей, была сожжена заживо на Замковой горе в Эдинбурге; и эта старая теологическая точка зрения сохранялась даже до середины девятнадцатого века. С кафедры за кафедрой использование Симпсоном хлороформа осуждалось как нечестивое и противоречащее Священному Писанию; тексты цитировались в изобилии, обычным заявлением было то, что использование хлороформа означало "избежать одной из частей изначального проклятия, нависшего над женщиной". Симпсон писал брошюру за брошюрой в защиту благословения, которое он ввел в обиход; но, казалось, он был близок к поражению, когда схватился за новое оружие, вероятно, самое абсурдное, с помощью которого когда-либо выигрывалось великое дело: "Мои оппоненты забывают, - сказал он, - двадцать первый стих второй главы книги Бытия; это запись о первой в истории хирургической операции, и этот текст доказывает, что Создатель вселенной, прежде чем извлечь ребро из бока Адама для сотворения Евы, погрузил Адама в глубокий сон". Это был ошеломляющий удар, но он не убил полностью противников; у них еще оставались силы утверждать, что "глубокий сон Адама имел место до появления боли в мире — в состоянии невинности". Но теперь вмешался новый чемпион — Томас Чалмерс: несколькими едкими аргументами со своей кафедры он навсегда рассеял врага, и величайшая битва науки против страдания была выиграна. Эта победа была одержана не в меньшей степени ради религии. Мудро поступили те, кто воздвиг памятник в Бостоне одному из первооткрывателей анестетиков, начертав на его пьедестале слова из нашего священного текста: "И это исходит от Господа Саваофа, который прекрасен в совете и превосходит в действии". (327)

(327) В случае с Евфейм Макальян, С.Е. Далелл, Темные суеверия Шотландии, стр. 130, 133. О борьбе Симпсона с шотландскими церковными властями см. Данс, "Жизнь сэра Дж. Я. Симпсона", Лондон, 1873, стр. 215-222 и 256-260.

XI. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В МЕДИЦИНЕ.

В то время как происходило такое развитие истории, центральная идея, на которой зиждился весь теологический взгляд, — идея болезней как результата гнева Божьего или злого умысла

сатаны — неуклонно ослабевала; и из многих фактов, свидетельствующих об этом, можно выбрать один, указывающий на направление мысли самих теологов.

Ближе к концу восемнадцатого века самые выдающиеся богословы американской ветви англиканской церкви составили свою Книгу общих молитв. При всем изобилии свидетельств их мудрости и благочестия, мало что заслуживает большего внимания, чем изменение, внесенное в призыв к верующим присутствовать на причастии. В то время как в старой форме, изложенной в английском молитвеннике, священник должен был предупреждать свою паству, "чтобы не разжигать Божий гнев" или "провоцировать его поражать нас различными болезнями и различными видами смерти", из американской формы все это и многое другое, имеющее подобное значение для различных служб, было исключено.

С того дня прогресс медицинской науки действительно был стремительным, и ни в какой период не был таким стремительным, как во второй половине девятнадцатого века.

Теологический взгляд на болезнь неуклонно ослабевает, и теологическое влияние на медицинское образование почти полностью ослабевает. В особенности в трех великих областях были сделаны открытия, которые многое сделали для того, чтобы рассеять атмосферу чуда. Во-первых, пришло знание о связи между воображением и медициной, которое, хотя и остается несовершенным, имеет огромное значение. Эта связь отмечалась на протяжении всей истории науки. Когда солдаты принца Оранского при осаде Бреды в 1625 году десятками умирали от цинги, он послал врачам "два или три маленьких пузырька, наполненных отваром ромашки, полыни и камфары, сообщив, что это очень редкое и драгоценное лекарство — лекарство такого действия, что двух или трех капель достаточно, чтобы пропитать галлон воды, и что оно было добыто с Востока с большим трудом и опасностью". Это заявление, сделанное с большой торжественностью, произвело глубокое впечатление на солдат; они охотно принимали лекарство, и многие из них быстро выздоравливали. И снова, два столетия спустя, молодой Хамфри Дэви, которого наняли прикладывать луковичку термометра к языку определенных пациентов в Бристоле после того, как они вдыхали различные газы в качестве лекарства от болезни, и обнаружив, что пациенты полагали, что применение луковички термометра является лекарством, в конце концов, вылечился одним этим применением, без какого-либо использования газов вообще. Бесчисленные случаи подобного рода пролили свет на такие методы лечения, как те, что применялись принцем Гогенлоэ, "металлическими тракторами" и множеством других средств, временно вошедших в моду, но, прежде всего, на чудесные излечения, которые в прошлые века были столь частыми и из которых выжили немногие.

Второй отдел - это отдел гипноза. За последние полвека многие разрозненные указания были собраны и дополнены вдумчивыми, терпеливыми гениальными исследователями, и особенно Брейдом в Англии и Шарко во Франции. Здесь также были совершены крупные набеги на провинцию, доселе священную для чудес, и в 1888 году кафедральный проповедник Штайгенбергер из Аугсбурга забил тревогу. Он заявил о своих опасениях, "как бы аккредитованные Церковью чудеса не утратили своего влияния на публику", осудил гипнотизм как учение о демонах и закончил странным аргументом о том, что, поскольку гипнотизм заведомо неспособен объяснить все чудеса истории, бесполезно вообще рассматривать его. Но исследования в области гипноза все еще продолжаются и могут многое сделать в двадцатом веке, чтобы увести мир еще дальше от царства чудес.

В третьей области наука одержала поразительную серию побед. Бактериология, начавшаяся с исследований Левенгука в семнадцатом веке, продолженная О. Ф. Мюллером в восемнадцатом и развитая или примененная с замечательным мастерством Эренбергом, Коном, Листером, Пастером, Кохом, Биллингсом, Берингом и их коллегами в девятнадцатом, объяснила происхождение и предложила профилактику или лечение различных широко распространенных заболеваний, которые до недавнего времени обычно считались "непостижимым провидением". Наконец, более тщательное изучение психологии, особенно в ее связи с фольклором, выявило процессы, вовлеченные в развитие мифов и легенд: феномены "выжидательного внимания", склонность к распространению чудес и чувство "радости от веры".

Подводя итог истории этой долгой борьбы между наукой и теологией, следует отметить два основных факта: во-первых, по мере приближения мира к "эпохам веры" он отступал от установленной истины, и по мере того, как мир отступал от "эпох веры", он приближался к установленной истине; во-вторых, по мере усиления влияния теологии на образование медицина приходила в упадок, и по мере ослабления этого влияния медицина развивалась.

Мир едва ли пережил начало медицинских открытий, но они уже отняли у теологии то, что раньше было ее сильнейшей областью, — убрав с этой обширной области человеческих усилий веру в чудеса, которая более двадцати веков была главным камнем преткновения на пути медицины; и, сделав это, они расчистили более высокие пути не только для науки, но и для религии.(328)

(328) О спасении медицинского образования от контроля теологии, особенно во Франции, см. Рамбо, "Современная цивилизация во Франции", стр. 682, 683. О чудесных исцелениях, вызванных воображением, см. Тьюк, "Влияние разума на тело", том ii. Что касается возражений против научного изучения гипноза, см. Hypnotismus und Wunder: ein Vortrag, mit Weiterungen, фон Макс Штайгенбергер, Домпредиер, Аугсбург, 1888, обзор в Science, 15 февраля 1889 г., стр. 127. Недавнее заявление относительно развития исследований гипноза см. в работе Льежуа "О внушении и сомнамбулизме при установлении отношений в области юриспруденции", Париж, 1889, глава ii. Что касается радости верить и преувеличивать чудеса, смотрите в лондонском журнале Graphic за 2 января 1892 года, рассказ "Профессора" Хофманна, который сам был опытным фокусником, об индийских жонглерах. Он показывает, что представления индусов были сильно и настойчиво преувеличены в рассказах путешественников; что их легко увидеть насквозь, и они значительно уступают трюкам жонглеров, которые каждый день можно увидеть в европейских столицах. Выдающийся профессор . Де Губернатис, который также был свидетелем индуистских представлений, заверил настоящего автора, что текущие отчеты о них были чудовищно преувеличены. Что касается чудесного в целом, знаменитое Эссе Юма занимает самое важное место в старой литературе по этому предмету; но, возможно, о самом замечательном из всех обсуждений этого вопроса см. Коньерс Миддлтон, Д.

Д., Свободное исследование чудесных сил, которые, как предполагается, существовали в Христианской церкви, Лондон, 1749. Вероятно, наиболее справедливое с юридической точки зрения обсуждение см. Леки, "История европейской морали", том i, глава iii; также его "Рационализм в Европе", том i, главы. i и ii; и, возможно, самое смелое и наводящее на размышления из недавних заявлений, см. Макса Мюллера, "Физическая религия", "Лекции Гиффорда перед Университетом Глазго в 1890 году", Лондон, 1891, лекция xiv. Смотрите также, чтобы ознакомиться с очень убедительными заявлениями и аргументами, Литературу Мэтью Арнольда и догму, особенно главу v, и недавнее высказывание, отличающееся большой ясностью и силой, проф. Выступление Ослера перед Университетом Джона Хопкинса, приведенное в журнале Science за 27 марта 1891 года.

ГЛАВА XIV. ОТ ФЕТИША К ГИГИЕНЕ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭПИДЕМИИ И САНИТАРИЮ.

Очень поразительной чертой в истории человечества было повторение сильных эпидемий. Различные указания на древность указывают на их частоту, в то время как знаменитое описание афинской чумы, данное Фукидидом, и обсуждение ее Лукрецием иллюстрируют их серьезность. В средние века они время от времени свирепствовали по всей Европе: такие эпидемии, как Черная смерть и потная болезнь, унесли жизни огромных масс людей, и, по оценкам лучших авторитетных источников, в середине четырнадцатого века погибло более половины населения Англии и двадцать пять миллионов человек погибло в различных частях Европы. В 1552 году только в Париже от чумы умерло шестьдесят семь тысяч человек, а в 1580 году - более двадцати тысяч. Великая чума в Англии и других частях Европы в семнадцатом веке также была ужасающей, и то, что охватило юг Европы в начале восемнадцатого века, а также нашествия холеры в разное время в течение девятнадцатого, хотя и менее ужасные, чем в предыдущие годы, оставили глубокий след в воображении людей.

В самых ранних записях мы находим, что подобные эпидемии приписываются гневу или злобе невидимых сил. Это было преобладающим мнением даже в самые культурные эпохи до утверждения христианства: особенно в Греции и Риме различного рода эпидемии приписывались гневу богов; в Иудее библейские записи о различных бедствиях, посланных на землю Божественным указом в наказание за грех, показывают продолжение такого образа мыслей. Среди многих примеров и намеков на это в нашей священной литературе у нас есть эпидемия, унесшая четырнадцать тысяч семьсот сынов Израилевых, и которая была остановлена только молитвами и приношениями Аарона, первосвященника; уничтожение семидесяти тысяч человек во время эпидемии, которой царь Давид был наказан за численность Израиля, и которая была остановлена только тогда, когда гнев Яхве был предотвращен всесожжениями; чума, которой угрожал пророк Захария и которая описана в Апокалипсисе. Из этих источников этот поток идей был влит в раннехристианскую церковь, и, следовательно, на протяжении почти двадцати столетий с момента возникновения христианства и вплоть до периода, который еще живы на нашей памяти, при появлении любой эпидемии церковные власти, вместо того чтобы разрабатывать санитарные меры, в основном проповедовали необходимость немедленного искупления преступлений против Всемогущего.

Этот взгляд на раннюю Церковь был значительно обогащен новым развитием богословской мысли относительно сил сатаны и злых ангелов, и заявление святого Павла о том, что боги древности были дьяволами, приводится в качестве достаточного подтверждения.(329)

(329) О чуме во время Пелопоннесской войны см. Фукидид, том ii, стр.47-55, и vol. iii, стр. 87. Общее утверждение относительно этой и других эпидемий в древние времена см. Лукреций, т. vi, стр. 1090 и далее; а перевод см. в т. i, стр. 179, в издании Манро 1886 года. О ранних взглядах на санитарную науку в Греции и Риме см. Исследование Форстера в "Памфлетисте", том. xxiv, стр. 404. О греческом взгляде на вмешательство богов в болезни, особенно в мор, см. "Историю Греции" Грота, т. i, стр. 251, 485, и т. Д. vi, с. 213; см. также Геродот, lib. iii, с. xxxviii, и в других местах. Чтобы узнать еврейский взгляд на то же вмешательство Всемогущего, смотрите, в частности, Числа xi, 4-34; также xvi, 49; Первая Царств xxiv; также Псалом cvi, 29; также хорошо известные тексты из Книги Захарии и Откровения. Заявление святого Павла о том, что боги язычников - дьяволы, см. в I Кор. x, 20. As to the earlier origin of the plague in Egypt, see Haeser, 'Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten, Jena, 1875-'82, vol. iii, стр. 15 и далее.

Более того, согласно Священному Писанию, кометы, падающие звезды и землетрясения считались "знамениями и чудесами" — свидетельствами Божественного гнева, вестниками страшных посещений; и эта вера, мощно воздействуя на умы миллионов, во многом способствовала возникновению панического ужаса, который, несомненно, усиливал эпидемические заболевания, где бы они ни вспыхивали.

Теперь известно, что главной причиной этих огромных человеческих жертв было отсутствие гигиенических мер предосторожности как в восточных центрах, где развивались различные

эпидемии, так и в европейских городах, через которые они распространялись. И здесь в ход пошли определенные теологические рассуждения, которые воспротивились развитию надлежащей санитарной теории. С Востока в мышление западной Европы была внедрена теологическая идея о том, что унижение человека увеличивает славу Божию; что унижение тела может обеспечить спасение души; следовательно, чистота означает гордыню, а нечистоплотность - смирение. Жизнь в грязи рассматривалась огромным количеством святых людей, которые подавали пример Церкви и обществу, как свидетельство святости. Святой Иероним и Требник Римской церкви с умилением останавливаются на том факте, что святой Иларион прожил всю свою жизнь в крайней физической нечистоте; святой Афанасий прославляет святого Антония за то, что тот никогда не мыл ног; самым ярким свидетельством святости святого Авраама было то, что в течение пятидесяти лет он не мыл ни рук, ни ног; святая Сильвия никогда не мыла никаких частей своего тела, кроме пальцев; святая Евфраксия принадлежала к монастырю, в котором монахини религиозно воздерживались от купания. Святая Мария Египетская отличалась нечистоплотностью; святой Симон Столпник был в этом отношении невыразим — самое меньшее, что можно сказать, это то, что он жил в навозе и зловонии, невыносимых для его посетителей. "Жития святых" с самодовольством останавливаются на утверждении, что, когда некоторые восточные монахи проявили желание помыться, Всемогущий выразил свое неудовольствие тем, что осушил соседний ручей до тех пор, пока не была разрушена ванна, которую он обеспечивал.

Религиозный мир действительно был далек от вдохновенного высказывания, приписываемого Джону Уэсли, о том, что "чистота почти сродни благочестию". Столетие за столетием преобладала идея, что грязь сродни святости; и, хотя мы вполне можем поверить, что преданность духовенства больным была одной из причин, по которой во время более сильных эпидемий они потеряли столь значительную часть своей численности, мы не можем избежать вывода, что их недостаток чистоты имел к этому большое отношение. Во Франции в четырнадцатом веке Ги де Шолиак, великий врач своего времени, особо отмечал, что некоторые монахи-кармелиты особенно страдали от чумы и что они были особенно грязными. Во время "Черной смерти" не менее девятисот монахов-картезианцев стали жертвами в одной группе зданий.

Естественно, такой пример, поданный почитаемыми лидерами мысли, оказал огромное влияние на все общество, и тем более потому, что он оправдывал беспечность и леность, к которым склонно обычное человечество. В главных городах Европы, как и в стране в целом, вплоть до недавнего периода пренебрегались самыми обычными санитарными мерами предосторожности, и эпидемии продолжали приписывать гневу Божьему или злобе сатаны. Что касается гнева Божьего, то новый и мощный импульс этой вере в Церкви был придан в конце VI века святым Григорием Великим. В 590 году, когда он был избран папой, город Рим страдал от ужасной эпидемии: люди умирали тысячами; во время одной процессии, умолявшей Небеса о милости, в течение часа погибло не менее восьмидесяти человек: то, что язычники в более раннюю эпоху приписывали Аполлону, теперь приписывалось Иегове, и хронисты сообщают нам, что видели, как с небес в преданный город были брошены огненные стрелы. Но, наконец, посреди всего этого ужаса Григорий, возглавлявший покаянную процессию, увидел парящую над мавзолеем Адриана фигуру архангела Михаила, который как раз вкладывал пылающий меч в ножны, в то время как было слышно, как три ангела распевают *Regina Coeli*. Легенда гласит, что папа немедленно разразился возгласами "аллилуйя" в знак того, что эпидемия прекратилась, и, поскольку вскоре после этого она стала менее жестокой, на вершине мавзолея

была построена часовня, посвященная святому Михаилу; еще позже над всем этим была воздвигнута колоссальная статуя архангела, вкладывающего меч в ножны, которая до сих пор стоит, чтобы увековечить легенду. Таким образом, величайший из древних погребальных памятников Рима был создан, чтобы свидетельствовать об этой средневековой вере; мавзолей Адриана стал замком Святого Ангела. Подобная легенда, утверждающая, что она восходит к величайшему из ранних пап, и подтвержденная таким внушительным памятником, несомненно, оказала заметное влияние на господствующее богословие по всей Европе, которое постоянно разрабатывало обширные идеи относительно средств, с помощью которых можно было бы предотвратить Божественный гнев.

Первыми среди этих средств, естественно, были свидетельства преданности, особенно дары земель, денег или привилегий церквям, монастырям и святыням — местам расположения фетишей, которые, как предполагалось, вызывали исцеления или могли их вызвать. Вся эволюция современной истории, не только церковной, но и гражданской, в значительной степени зависела от богатства, передаваемого духовенству в такие периоды. Было отмечено, что в четырнадцатом веке, после того как великая чума, Черная смерть, прошла, в руках Церкви находилась значительно возросшая доля земель и личной собственности в каждой европейской стране. Хорошо прозвучало великое церковное замечание о том, что "эпидемии - это жатва слугителей Божьих". (330)

(330) За торжественное упоминание св. Грязь Иллариона, смотрите Римский требник от 21 октября; и подробнее см. S. Hieronymus, Vita S.

Hilarionis Eremitae, в Migne, Patrologia, vol. xxiii.

Ссылку Афанасия на грязь святого Антония см. в Трудах св. Афанасий в "

Никейских и Постнических отцах", вторая серия, том. iv, стр. 209. О

мерзости других названных святых см. Цитаты из Житий

святых в книге Леки "История европейской морали", том. ii, стр. 117,

118. Наблюдение Ги де Шолиака о нечистоплотности

монахов-кармелитов и их огромных потерях от чумы см. в Мерионе, История

медицины, том i, стр. 257. О смертности среди картезианских монахов

во время чумы читайте в очень интересном "Визите миссис Леки в Гранд

Шартрез" в девятнадцатом веке за март 1891 года. О чуме

в Риме в 590 году, легенде об огненных дротиках, упомянутой самим папой

Григорием, и легенде о замке Святого Ангела см. Gregorovius,

Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, vol. ii, стр. 26-35; также История,

Замок Святого Анджело и др., глава ii. Замечание о том, что "эпидемии

- это жатва слугителей Божьих", см. в ссылке на Шарлевуа,

в Southey, History of Brazil, vol. ii, стр. 254, цитируется в Buckle, том i,

стр. 130, примечание.

Другими способами умиловления высших сил были покаянные процессии, шествие изображений Богородицы или святых по пораженным чумой городам и бесчисленные фетиши. Очень известными в тринадцатом и четырнадцатом веках были процессии флагеллантов, толпами проходившие по различным частям Европы, бичевавшие свои обнаженные тела, выкрикивавшие покаянные псалмы и часто переходившие от диких проявлений благочестия к самым безумным оргиям.

Иногда также эпидемии приписывались гневу меньших небесных сил. Точно так же, как в прежние времена "далеко устремленный Аполлон" испытывал ярость, когда смертные не уважительно относились к его имени, так и в 1680 году церковные власти Рима обнаружили, что свирепствовавшая тогда чума была вызвана гневом святого Себастьяна из-за того, что ему не был воздвигнут памятник. Поэтому такой памятник был установлен в церкви Святого Петра ад Винкула, и чума прекратилась.

Вот и все попытки отвести гнев небесных сил. С другой стороны, не менее тонкие богословские рассуждения использовались для противодействия злобе сатаны. Эта идея тоже пришла издалека. В священных книгах Индии и Персии, так же как и в наших собственных, мы находим ту же теорию болезни, приводящую к схожим средствам лечения. Возможно, самое поразительное из христианских пережитков этой теории и вытекающих из нее практик было замечено во время чумы в Риме в 1522 году. В тот год, в этом центре божественного озарения, некоторые люди, поразмыслив над этим вопросом, пришли к выводу, что это великое бедствие было результатом сатанинской злобы; и, принимая во внимание заявление святого Павла о том, что древние боги были дьяволами, и теорию о том, что древние боги Рима были дьяволами, у которых было больше всего причин наказать этот город за их низвержение с престола, и что большой амфитеатр был избранным пристанищем этих демонических богов, быка, украшенного гирляндами, по древнему языческому обычаю, привели процессией к храму. Колизей и торжественно принесен в жертву. Но даже это оказалось тщетным, и тогда церковные власти заказали искупительные процессии и церемонии, чтобы умиловить Всемогущего, Пресвятую Деву и святых, которые были оскорблены этой временной попыткой подкупить своих врагов.

Но такого рода теологические рассуждения развили идею гораздо более пагубную, а именно, что сатана, вызывая эпидемии, использовал в качестве своих эмиссаров особенно евреев и ведьм. Доказательством этой веры в случае с евреями был тот факт, что они избежали меньшего процента заболеваний, чем христиане в периоды великой чумы. Несомненно, в какой-то мере это было связано с их замечательной санитарной системой, которая, вероятно, возникла тысячи лет назад в Египте и была передана по наследству через еврейских законодателей и государственных деятелей. Конечно, они соблюдали более тщательные санитарные правила и более постоянное воздержание от опасных продуктов, чем это было принято среди христиан; но общественность в целом не могла понять столь простой причины и поспешила прийти к выводу, что их иммунитет был результатом защиты сатаны, и что эта защита была вознаграждена, а эпидемия была вызвана массовым отравлением христиан. В результате такого образа мыслей во всех частях Европы были предприняты попытки умиловить Всемогущего, помешать сатане и остановить чуму путем пыток и убийства евреев. По всей Европе во время сильных эпидемий мы слышим о массовых сожжениях этого преданного народа. В Баварии во время "Черной смерти", по подсчетам, таким образом погибло двенадцать тысяч евреев; в маленьком городке Эрфурт их число, как говорят, составляло три тысячи; в Страсбурге улица Брюле остается памятником двум тысячам евреев, сожженных там за отравление колодцев и возникновение чумы 1348 года; в королевском замке Шинон, недалеко от Тура, была вырыта огромная яма, заполненная горящими дровами, и за один день было сожжено сто шестьдесят евреев. Повсюду в континентальной Европе продолжалось это безумное преследование; но приятно сказать, что один великий церковник, папа Климент VI, выступил против этого народного безумия и, насколько он мог, оказал свое влияние на обезумевшее население, проявив его в пользу милосердия к этим предполагаемым врагам Всемогущего.(331)

(331) О ранних представлениях в Индии о Божестве, действующем через медицину, см. "Бхагавадгиту", переведенную Телангом, стр. 82, в книге Макса Мюллера "Священные книги Востока". О необходимости религиозных средств получения знаний в области медицины см. "Анугиту", переведенную Телангом, в книге Макса Мюллера "Священные книги Востока", стр. 388. О древних персидских представлениях о болезни, насылаемой духом зла и излечиваемой заклинаниями, но не исключая медицину и хирургию, а также о болезнях в целом, вызванных злым началом в демонах, см. Зенд-Авесту, перевод Дарместетера, введение, *passim*, но особенно стр. xciii. О болезнях, вызванных колдовством, см. Там же, стр. 230, 293. О предпочтении заклинаний в исцелении медицине и хирургии см. "Зенд-Авесту", том i, стр. 85, 86. Об исцелении с помощью магии в Древней Греции см., например, "Исцеление Улисса" в "Одиссее": "Они остановили черную кровь заклинанием" ("Одиссея", xxix, 457). О медицине в Египте, которая была частично жреческой, а частично находилась в руках врачей, см. "Геродот" Роулинсона, т. ii, стр. 136, примечание. Идеи лечения болезней путем изгнания демонов все еще сохранились среди различных племен и народов Азии, см. Дж. Дж. Фрейзер, "Золотая ветвь: исследование сравнительного религиоведения", Лондон, 1890, стр. 184-192. О флагеллантах и их процессиях во время Черной смерти см. Lea, History of the Inquisition, Нью-Йорк, 1888, vol. ii, стр. 381 и далее. О преследовании евреев во время эпидемии см. там же, стр. 379 и далее, с указанием авторитетных источников в примечаниях. Об изгнании евреев из Падуи см. Acta Sanctorum, сентябрь, том. viii, стр. 893.

Однако еще в 1527 году жители Павии, которым угрожала чума, обратились к святому Бернардино из Фельтро, который при жизни был яростным врагом евреев, и они издали указ, обещающий, что, если святой предотвратит эпидемию, они изгонят евреев из города. Святой, очевидно, принял сделку, и в свое время евреи были изгнаны.

Что касается ведьм, то причины считать их причиной мора также пришли издалека. Эта вера также была перенесена главным образом из восточных источников в наши священные книги, а оттуда раннюю Церковь, и была укреплена целым рядом церковных авторитетов, отцов церкви, врачей и святых; но, прежде всего, великой буллой Summis Desiderantes, изданной папой Иннокентием VIII в 1484 году. Это высказывание с трона Святого Петра безошибочно убедило Церковь в том, что ведьмы являются главной причиной болезней, штормов и различных напастей, поражающих человечество; и Священным Писанием, на котором были основаны меры, рекомендованные против ведьм в этой папской булле, а также во многих проповедях и трактатах на протяжении веков после этого, был знаменитый текст "Не оставляй ведьму в живых". Эта идея сохранялась долго, и ее развитие - одно из самых страшных событий в истории человечества. (332)

(332) О чумах в целом см. Геккер, Эпидемии средних веков, *passim*; но особенно Хезер, как указано выше, III. Группа, стр. 1-202; также Шпренгель, Баас, Изензее и др. Краткое заявление, показывающее огромные человеческие потери в результате этих эпидемий, см. в Литтре, "Медицина и

Врачи", Париж, 1875, стр. 3 и далее. Краткое описание последствий Черной чумы по всей Англии см. в книге Грина "Краткая история английского народа", глава v. О смертности в парижских больницах, см. "Обезболивающие, вспомогательные средства, тюрьмы и милосердие во Франции", Париж, 1866.

Поразительные описания пораженных чумой городов можно найти в хорошо известных отрывках из Фукидида, Боккаччо, Де Фо и, прежде всего, в "Промессы Спозии" Манцони. Примеры предотвращения эпидемий с помощью процессий см. Леопольд Делиль, "Этюды о состоянии сельского класса" и др., en Normandie au Moyen Age, стр. 630; также Fort, глава ii. xxiii. Из - за гнева св. Себастьян как причина чумы в Риме и ее прекращение, когда ему был установлен памятник, см. Павел Диаконус, цитируемый в Грегоровиусе, т. ii. стр. 165. О жертвоприношении быка в Колизее древним богам как средстве предотвращения чумы 1522 года, в Риме, см. Грегоровиус, том ii. viii, с. 390. Что касается массовых убийств евреев с целью отвратить гнев Божий во время эпидемии, см. "Школа и ла наука", Париж, 1887, стр. 178; также Хеккер и особенно Хенигер, "Банда и вербовка шварценеггеров" в Deutschalnd, Берлин, 1889.

Длинный список городов, в которых происходили сожжения евреев по этой вымышленной причине, смотрите на стр. 7-11. Что касается абсолютного отсутствия санитарных

мер предосторожности, см. Necker, стр. 292. Что касается осуждения сильными религиозными деятелями медицинских средств при чуме, см. Форт, стр. 130.

Подробный отчет о действиях пап Евгения IV, Иннокентия VIII и других пап против колдовства, приписывающих ему бури и болезни, а также о булле Summis Desiderantes смотрите в главах о метеорологии и магии в этой серии. Текст буллы приведен в the Malleus Maleficarum, в Бинсфилде и в Roskoff, Geschichte des Teufels, Лейпциг, 1869, т. i, стр. 222-225, а хорошее резюме и анализ этого в Soldan, Geschichte der Hexenprocesse. Краткое и замечательное изложение содержания и последствий буллы см. в Lea, History of the Inquisition, vol. iii, стр. 40 и далее; и за лучшее из известных мне изложений общей темы, проф. Статья Джорджа Л. Берра о литературе о колдовстве, прочитанная перед Американской исторической ассоциацией в Вашингтоне в 1890 году.

В Германии его развитие было особенно ужасным. С середины шестнадцатого века до середины семнадцатого католические и протестантские богословы и священнослужители соперничали друг с другом в выявлении ведьм, виновных в насаждении болезней или плохой погоды; женщин тысячами отправляли на пытки и смерть, а вместе с ними, время от времени, мужчин и детей. С католической стороны достаточный повод для этой работы был найден в булле папы Иннокентия VIII, и епископские дворцы южной Германии превратились в руины, а благородные прелаты Зальцбурга, Вюрцбурга и Бамберга возглавили эту бойню.

В северной Германии протестантизм был столь же сознательно жесток. Она основывала свою теорию и практику по отношению к ведьмам непосредственно на Библии, и прежде всего на

великом тексте, который стоил жизни стольким мириадам невинных мужчин, женщин и детей: "Не оставляй ведьму в живых". Естественно, протестантские власти стремились показать, что протестантизм в этом отношении не менее ортодоксален, чем католицизм; и такие юристы-богословы, как Карпцов, Дамхаудер и Калов, тщательно выполнили свою работу. Выдающийся специалист по этому вопросу оценивает число жертв, принесенных таким образом в жертву в течение того столетия только в Германии, более чем в сто тысяч.

Среди методов этой ведьмовской деятельности, особенно почитаемых в центральной и южной Европе, было помазание городских стен и тротуаров дьявольской мазью, вызывающей мор. В 1530 году Майкл Каддо был казнен со страшными пытками за то, что таким образом запятнал тротуары Женевы. Но гораздо более ужасным было замучение до смерти большого количества людей в Милане в следующем столетии за то, что они вызвали чуму, помазав стены; а немного позже аналогичные наказания за то же преступление были применены в Тулузе и других городах. Случай в Милане можно кратко резюмировать как демонстрацию идей о санитарной науке всех классов, от высшего до низшего, в семнадцатом веке. Этот город тогда находился под контролем Испании; и, поскольку его власти получили уведомление от испанского правительства о том, что определенные лица, подозреваемые в колдовстве, недавно покинули Мадрид и, возможно, отправились в Милан, чтобы помазать стены, это сообщение обсуждалось с кафедр как еще одно свидетельство той сатанинской злобы, противостоять которой могла только Церковь, и люди были таким образом взволнованы и насторожены. Однажды утром, в 1630 году, пожилая женщина, выглянув из своего окна, увидела мужчину, идущего по улице и вытирающего пальцы о стены; она немедленно привлекла внимание другой пожилой женщины, и они согласились, что этот человек, должно быть, один из дьявольских помазанников. Человеку в обычных условиях было совершенно очевидно, что этот несчастный просто пытался стереть со своих пальцев чернила, скопившиеся при письме, из чернильницы, которую он носил на поясе; но это объяснение было слишком простым, чтобы удовлетворить тех, кто впервые заметил его, или тех, кто впоследствии судил его: была поднята толпа, и он был брошен в тюрьму. Подвергнутый пыткам, он сначала не знал, в чем признаться; но, расспросив тюремщика и других, он узнал, в чем заключалось обвинение, и, будучи снова подвергнут совершенно невыносимым пыткам, он признался во всем, что ему предлагали; и, когда его снова и снова пытали, чтобы он назвал имена своих сообщников, он наугад обвинил первых людей в городе, о которых он подумал. Они, будучи арестованы и подвергнуты невыносимым пыткам, сознались и изобличили еще большее число, пока в обвинение не были включены члены самых знатных семей. Снова и снова все эти несчастные подвергались невыносимым пыткам. При язычестве правило, касающееся пыток, заключалось в том, что они не должны превышать пределов человеческих возможностей; и поэтому мы находим, что Цицерон высмеивал их как средство раскрытия преступления, потому что стойкий преступник с крепкими нервами мог сопротивляться им и выйти на свободу, в то время как физически хрупкий человек, хотя и невинный, был бы вынужден признаться. Следовательно, при язычестве были установлены ограничения на пытки, которые можно было применять; но когда христианство стало преобладать по всей Европе, пытки были развиты с невиданной ранее жестокостью. Была разработана доктрина об "исключительных случаях" — этими "исключительными случаями" были, в частности, ересь и колдовство; ибо с помощью очень простого и логичного процесса теологических рассуждений считалось, что сатана наделит сверхъестественной силой своих особых приверженцев, то есть еретиков и ведьм, — и, следовательно, пыткам при обращении с ними не должно быть предела. В результате в этом конкретном случае, как и в десятках тысяч

других, обвиняемые сознались во всем, что им могли предложить, и часто в бреду своей агонии сознавались гораздо больше, чем все, что могло предложить усердие обвинителей. Наконец, огромное количество достойных людей было приговорено к самой жестокой смерти, которую только можно было придумать. Отчеты об их судебных процессах и смертях ужасны. Трактат, который в последние годы впервые выявил в связной форме подлинный отчет о разбирательстве этого дела и в конце которого приведены гравюры обвиняемых, подвергаемых ужасным пыткам по пути к костру и на самом месте казни, является одним из самых страшных памятников теологических рассуждений и человеческой глупости.

В довершение кульминации, после того, как бедный аптекарь под пытками добился признания в том, что он изготовил волшебную мазь, и когда его казнили с помощью самых изысканных пыток, его семье пришлось взять другое имя и изгнать из города; его дом снесли, а на его месте воздвигли "Колонну позора", которая стояла на этом месте до тех пор, пока в конце восемнадцатого века группа молодых радикалов, вероятно, под влиянием чтения Беккариа, однажды ночью не совершила вылазку и не сравняла с землей этот благочестивый памятник до основания.

В этом была видна кульминация и закат буллы *Summis Desiderantes*. Оно было издано тем, кого большинство христианского мира считает непогрешимым в его учении Церкви относительно веры и морали; и все же это было преднамеренное высказывание в вопросах веры и морали, которые, как теперь знают даже дети, совершенно не соответствуют действительности. Хотя книга Беккариа о преступлениях и наказаниях с ее заявлениями против пыток была внесена церковными властями в Указатель, и хотя верующим во всем христианском мире было запрещено читать ее, даже это не могло помешать победе истины над этим непогрешимым высказыванием Иннокентия VIII.(333)

(333) Что касается ужасающих последствий папской буллы "Итоги желаний" в южной Германии, что касается протестантских суровостей в северной Германии, что касается огромного числа женщин и детей, преданных смерти за колдовство в Германии в целом за распространение штормов и мора, и что касается чудовищной доктрины "исключительных случаев", см. Стандартные авторитетные источники по колдовству, особенно Вахтера, *Beitrag zur Geschichte des Strafrechts*, Солдана, Хорста, Хаубер и Ланген; также Берр, как указано выше. В другой серии глав, посвященных борьбе человечества с теологией, я надеюсь более подробно изучить этот предмет. О магическом распространении чумы в Милане см. "Манцони", "Я промесси Споза" и "Позорная колонна"; а о происхождении обвинений со всеми подробностями следа см. "Precorso Originale degli Untori", Милан, 1839, *passim*, но особенно о большой складной табличке в конце, демонстрирующей пытки. О последующей истории "Колонны позора" и о включении книги Беккариа в указатель см. "Канту, Жизнь Беккариа". О магическом распространении чумы в целом см. Литтре, стр. 492 и далее.

По мере того как шел семнадцатый век, изобретательность во всех частях Европы, казалось, была направлена на новые проявления фетишизма. Очень любопытный памятник этой эволюции в Италии находится в Королевской галерее живописи в Неаполе, где можно увидеть

несколько картин, изображающих меры, принятые для спасения города от чумы в семнадцатом веке, но особенно от чумы 1656 года. Одно огромное полотно представляет собой любопытный пример теологической доктрины заступничества между человеком и его Создателем, развернутой до логической длины. На заднем плане - пораженный чумой город: на переднем плане люди молятся городским властям о предотвращении чумы; городские власти молятся монахам-картезианцам; монахи молятся святому Мартину, святому Бруно и святому Януарию; эти три святых, в свою очередь, молятся Пресвятой Деве; Пресвятая Дева молится Христу; а Христос молится Всемогущему. Еще одна картина изображает людей, возглавляемых священниками, казнящих ужасными пытками евреев, еретиков и ведьм, которые, как предполагалось, вызвали эпидемию 1656 года, в то время как на небесах Богородица и святой Януарий ходатайствуют перед Христом, чтобы он вложил свой меч в ножны и остановил чуму.

В такой атмосфере размышлений неудивительно, что статистика смертей была ужасающей. Мы слышим о районах, в которых сбежало не более одного из десяти, а некоторые полностью обезлюдели.

Подобные призывы к фетишу против чумы продолжают в Неаполе вплоть до наших дней, великой спасительной силой является разжижение крови святого Януария. В 1856 году автор настоящего произведения видел это чудо, совершенное в великолепной часовне святого, составляющей часть Неаполитанского собора. Часовня была заполнена набожными прихожанами всех сословий, от чиновников в придворных костюмах, представлявших короля Бурбонов, до самых низкопробных лаццарони. Сначала на алтарь был установлен серебряно-позолоченный ковчег в форме большой человеческой головы, в котором, как предполагалось, находился череп святого; затем два флакона с темным веществом, предположительно его кровью, были взяты со стены и также поставлены на алтарь рядом с изголовьем. Пока священники служили мессы, они время от времени переворачивали флаконы, и поскольку разжижение несколько затянулось, огромная толпа людей раздражалась все более и более страстными увещеваниями и мольбами к святому. Прямо перед алтарем стояли лаццарони, которые утверждали, что являются потомками семьи святого, и они были особенно назойливы: в такие моменты они умоляли, они ругались, они даже угрожали; известно, что они грубо оскорбляли святого и говорили ему, что, если он не хочет проявить свою благосклонность к городу, разживив свою кровь, святые Космо и Дамиан были такими же хорошими святыми, как и он, и, без сомнения, были бы очень рады, если бы город посвятил себя им. Наконец, в упомянутом выше случае священник, внезапно перевернув флаконы, объявил, что святой совершил чудо, и тотчас священники, народ, хор и орган разразились великим торжеством; зазвонили колокола и загрохотали пушки; образовалась процессия, и раку с мощами святого пронесли по улицам, люди падали ниц по обе стороны дороги и осыпали дождем розовых листьев раку и дорожку перед ней. Содержимое этих драгоценных флаконов действительно является интересной реликвией, поскольку они ярко представляют для нас тот период, когда люди, готовые пойти на костер за свои религиозные убеждения, не считали неправильным спасти души своих ближних благочестивой ложью и освященным мошенничеством. С точки зрения ученых, это чудо очень простое: во флаконах, без сомнения, содержится одна из тех смесей, плавящихся при низкой температуре, которые, находясь на своем месте в холодных каменных стенах церкви, остаются твердыми, но после того, как их выносят в жаркую, переполненную часовню и ласкают теплые руки священников, постепенно размягчаются и становятся жидкими. Любопытно отметить, что в вышеупомянутое время даже высокопоставленные чиновники, представлявшие короля, смотрели на чудо с благоговением:

они, очевидно, находили "радость в вере", и один из них заверил настоящего автора, что единственное, что МОГЛО вызвать это, - прямое проявление чудесной силы.

Людей, планирующих посетить эту прекрасную столицу в наши дни, может обнадежить тот факт, что, хотя это чудо все еще продолжается, оно уже не единственное, на что можно положиться для сохранения общественного здоровья. Неверующее поколение, особенно наученное недавними ужасами холеры, сочло разумным дополнить силу Святого Януария "Рисанаменто", начатым в основном в 1885 году и продолжающимся до сих пор. Таким образом, дренаж города был значительно улучшен, старые колодцы закрыты, а чистая вода доставлена с гор. Более того, во время последней вспышки холеры, произошедшей несколько лет назад, был совершен благородный поступок, который по своему моральному эффекту проявил широко распространенную целебную силу. Услышав об этой ужасающей вспышке чумы, король Гумберт, хотя и находился под запретом Церкви, пренебрег всеми мольбами своих друзей и семьи, отправился прямо в пораженный чумой город и там, на улицах, в общественных местах и больницах, ободрял живых, утешал больных и умирающих и принимал меры для предотвращения дальнейшего распространения чумы. К чести Церкви следует также сказать, что кардинал-архиепископ Сан-Феличе присоединился к нему в этом.

Чудо за чудом, эффект от этого визита короля, кажется, превзошел все, что мог сделать святой Януарий, ибо это придало уверенности и мужества, которые очень скоро показали свое действие в уменьшении числа смертей. Несомненно, может показаться, что в этом вопросе король находился под более непосредственным Божественным вдохновением и руководством, чем папа; поскольку тот факт, что король Гумберт отправился в Неаполь, рискуя своей жизнью, в то время как Лев XIII оставался в безопасности в Ватикане, произвел на итальянский народ такое впечатление, что он был настроен в пользу нового режима и против старого, как ничто другое.

В других частях Италии наблюдается такой же прогресс при новом итальянском правительстве. Венеция, Генуя, Ливорно и особенно Рим, который при папах был возмутительно грязным, сейчас являются одними из самых чистых городов Европы. То, чего на протяжении веков не могли сделать мощи святого Януария, святого Антония и множество местных культов по всей Италии, было достигнуто благодаря разработке простейших санитарных принципов.

Испания демонстрирует во многом те же характеристики страны, где богословские соображения веками были всецело определяющими. Вплоть до вмешательства Наполеона в дела этого королевства все санитарные мероприятия считались абсурдными, если не нечестивыми. Самые трезвые рассказы путешественников об испанском полуострове до недавнего времени иногда бывают неотразимо комичны в своих картинах людей, настаивающих на поддержании порядка, более грязного, чем любой, который был бы разрешен в американском захолустном лагере, при этом прилагая огромные усилия, чтобы остановить эпидемию с помощью колокольного звона, процессий и новых платьев, подаренных местным мадоннам; однако и здесь здоровый скептицизм начал работать во благо. Вспышки холеры в последние годы мало способствовали улучшению санитарных мер.(334)

(334) Что касается обращения к фетишизму в Италии во время чумы и картин, изображающих заступничество Януария и других святых, я полагался на свои собственные заметки, сделанные во время различных посещений Неаполя. Об

общем предмете см. Питер, "Этюды Наполитаны", особенно главы v и vi. Подробные отчеты о разжижении крови святого Януария очевидцами, одним из которых был выдающийся католик семнадцатого века, а другим - выдающийся протестант нашего времени, см. в Справочнике Мюррея по Южной Италии и Неаполю "Описание собора Сан-Дженнаро". С интересной серией статей на тему можно ознакомиться в "Католическом мире" за сентябрь, октябрь и ноябрь 1871 года. О невероятной грязи крупных городов Испании и сопротивлении людей, вплоть до недавнего периода, самым обычным правилам, продиктованным приличиями, см. Баскоме, "История эпидемических заболеваний", особенно стр. 119, 120. См. также Автобиографию Д'Юэса, Лондон, 1845, т. ii, стр. 446; также, для различных цитат, второй том Бакла "История цивилизации" в Англии.

II. ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА САНИТАРИЮ.

Мы видели, насколько могущественными в различных странах, особенно послушных теологии, были силы, противодействующие эволюции гигиены, и мы обнаружим то же самое противодействие, правда, менее эффективное, но все еще действующее с большой силой, в странах, которые несколько освободились от теологического контроля. В Англии в средневековый период время от времени прибегали к преследованиям евреев, и то тут, то там мы слышим о преследованиях ведьм; но, поскольку пытки в Англии применялись редко, от тех, кого обвиняли в распространении чумы, было получено мало тех признаний, рожденных под пытками, которые в других странах привели к широко распространенной жестокости. Вплоть до шестнадцатого и семнадцатого веков грязь в обычном образе жизни в Англии была такой, что мы сейчас с трудом можем себе представить: ферментирующемуся органическому материалу позволялось накапливаться и становиться частью земляных полов сельских жилищ; и это, несомненно, приводило к развитию микробов многих болезней. В своем знаменитом письме врачу кардинала Вулси Эразм описывает грязь, которая таким образом впитывалась в полы английских домов, и, что гораздо важнее, он намекает на истинную причину изнурительных заболеваний того периода. Он говорит: "Если я входил в комнату, в которой месяцами никто не жил, меня немедленно охватывала лихорадка". Он приписывал этой причине страшную язву потливости. Точно так же известный доктор Кайус советовал соблюдать санитарные меры предосторожности против чумы, и в последующих поколениях Мид, Прингл и другие настаивали на них; но преобладающая мысль была слишком сильна, и мало что было сделано. Даже пол

приемной королевы Елизаветы в Гринвичском дворце был "устлан сеном по английской моде", как сообщает нам один из хронистов.

В семнадцатом веке помощь в борьбе с этими великими бедствиями искали главным образом в специальных церковных службах. Выдающиеся английские церковники того столетия уделяли большое внимание изучению ранних отцов Церкви; теологическая теория болезней, столь дорогая отцам Церкви, все еще оставалась в силе, и это было так, когда различные преследования достигли своего апогея во время великой лондонской чумы 1665 года, унесшей из этого города более ста тысяч человек. Попытки справиться с ней с помощью санитарных мер были немногочисленны и неэффективны; медицинская система того времени все еще была в значительной степени пропитана суевериями, проистекающими из средневекового образа мыслей; следовательно, эту чуму обычно приписывали Божественному гневу, вызванному "пророчеством субботы". Тексты из Чисел, Псалмов, Захарии и Апокалипсиса были подробно рассмотрены с кафедр, чтобы показать, что язвы посылаются Всемогущим для наказания за грех; и, возможно, самая жуткая фигура среди всех тех страшных сцен, описанных Де Фо, - это обнаженный фанатик, расхаживающий взад и вперед по улицам с кастрюлей раскаленных углей на голове и, подобно Ионе в Ниневии, провозглашающий горе городу и его разрушение через сорок дней.

Несомненно, что причиной этой чумы был грех, но это был санитарный грех. Как до, так и после этой кульминации заболевания случаи чумы постоянно происходили в Лондоне на протяжении всего семнадцатого века; но примерно в начале восемнадцатого века она начала исчезать. Великий пожар сотворил доброе дело, уничтожив многие причины и очаги инфекции, и улицы стали шире, тротуары лучше, а водоснабжение улучшилось; так что с исчезновением чумы другие болезни, особенно дизентерия, которые раньше свирепствовали в городе, стали намного реже.

Но, в то время как эти эпидемии были таким образом остановлены в Лондоне, другие, вызванные санитарным невежеством, свирепствовали как там, так и в других местах, и из них, пожалуй, самой страшной была тюремная лихорадка. Тюрем того периода были невероятно мерзкими. Людей содержали в подземельях, которые редко, если вообще когда-либо дезинфицировались после смерти предыдущих обитателей, и в коридорах, соединявшихся непосредственно с самыми грязными коллекторами: не было надлежащей дезинфекции, вентиляции или дренажа; следовательно, в большинстве крупных тюрем для преступников или должников тюремная лихорадка была наивысшей, и из этих центров она часто распространялась по соседним городам. Особенно это было актуально в шестнадцатом и семнадцатом веках. На суде черных в Оксфорде в 1577 году главный барон, шериф и около трехсот человек умерли в течение сорока часов. Лорд Бэкон объявил тюремную лихорадку "самой пагубной инфекцией после чумы". В 1730 году на судебном заседании в Дорсетшире от нее погибли главный барон и многие адвокаты. Верховный шериф Сомерсета также заразился и умер. Один шотландский полк, заразившийся от нескольких заключенных, потерял не менее двухсот человек. В 1750 году болезнь была настолько опасной в Ньюгейте, в самом центре Лондона, что от нее умерли двое судей, лорд-мэр, несколько олдерменов и многие другие.

Стоит отметить, что, хотя санитарных мер по исправлению такого положения вещей было немного, богословский дух разработал новую и особую форму молитвы за страдальцев и поместил ее в ирландский молитвенник.

Эти формы молитвы, по-видимому, были основной опорой на протяжении первой половины восемнадцатого века. Но примерно в 1750 году началась работа Джона Говарда, который посетил тюрьмы Англии, сообщил миру об их состоянии и никогда не успокаивался, пока они не были значительно улучшены. Затем он применил ту же благотворительную деятельность к тюрьмам в других странах, на Дальнем Востоке и в южной Европе, и, наконец, расстался с жизнью, став жертвой болезни, подхваченной во время одной из его миссий милосердия; но гигиенические реформы, которые он начал, развивались все больше и больше, пока это ужасное пятно на современной цивилизации не было удалено. (335)

(335) Об Эразме см. Письмо, цитируемое в Bascome, History of Epidemic Mor, Лондон, 1851. Отчет о состоянии приемной королевы Елизаветы см. Там же, стр. 206; см. Также там же о попытках Каиуса, Мида, Прингла и других провести санитарные процедуры; также см. Baas и различные медицинские авторитеты. О чуме в Лондоне читайте в книге Грина "История английского народа", глава I. ix, с. 2; и для получения более подробного отчета см. Лингард, "История Англии", расширенное издание 1849 года, т. ix, стр. 107 и далее. Для полного научного обсуждения этой и других эпидемий с медицинской точки зрения см. Крейтон, История эпидемий в Великобритании, том. II, глава II. я. В Лондоне чуму, как наказание за субботу-разорвать, см. Божественная Tragedie последнее время действовал, или собрание разных запоминающихся примеров Божьего решения по субботу выключателей и других, как развратники и т. д., достойным божественного, мистер Генри Бертон, 1641. В книге приводится пятьдесят шесть рассказов о нарушителях субботы, жестоко наказанных в Англии, как правило, забитых насмерть, с указанием мест, имен и дат. Общий отчет о состоянии Лондона в шестнадцатом и семнадцатом веках и уменьшении масштабов чумы в результате восстановления некоторых частей города после великого пожара см. Леки, "История Англии в восемнадцатом веке", том i, стр. 592, 593. О тюремной лихорадке см. Леки, том i, стр. 500-503.

То же самое наблюдалось в протестантских колониях Америки; но здесь, в то время как эпидемии неизменно приписывались Божественному гневу или сатанинской злобе, был один случай, в котором утверждалось, что такое посещение произошло по Божественной милости. Эпидемия среди ИНДЕЙЦЕВ до прибытия Плимутской колонии была отнесена в известной работе того периода к Божественной цели очистить Новую Англию для вестников Евангелия; с другой стороны, эпидемии, уничтожившие БЕЛОЕ население, были приписаны тем же авторитетом дьяволам и ведьмам. В книге Коттона Мэзера "Чудо невидимого мира", опубликованной в Бостоне в 1693 году, у нас есть поразительные примеры этого. Великий пуританский богослов говорит нам:

"Язвы - это некоторые из тех бед, которыми Дьявол беспокоит нас. Об израильтянах сказано в 1 Кор. 10. 10. ОНИ БЫЛИ УНИЧТОЖЕНЫ РАЗРУШИТЕЛЕМ. То есть среди них была Язва. "Это Разрушитель, или Дьявол, который распространяет Язвы по всему Миру: Чумные и Заразные болезни", это Дивел, который часто Заражает нас ими. Для Дайвера не составляет труда

пропитывать Воздух вокруг нас такими Вредными Солями, поскольку встреча с Солью нашего Микрокосма немедленно ввергнет нас в Брожение и Гниение, которые полностью растворят Все Жизненно Важные Вещества внутри нас; подобно тому, как Aqua Fortis, приготовленная из смеси селитры и купороса, Разъедает то, на чем она Осаждается. И когда Нырятьщик поднимет эти Пары Мышьяка, они станут Ядовитыми. Колчаны, полные Ужасных Стрел, как легко он может посылать вредные Миазмы в те Соки или Внутренности Человеческих Тел, которые вскоре Воспламят их Смертельным Огнем! Отсюда происходят такие Бедствия, как то Чудовищное Разрушение, которое на нашей памяти унесло такую толпу людей из одного английского города за одно Посещение; и отсюда эти Заразные Болези, которые являются всего лишь множеством Замаскированных Болезней среди нас, вызывающих Эпидемические опустошения".

Мазер приводит несколько примеров того, как ведьмы вызывали болезни, и говорит о том, что "некоторые долго склонялись перед таким Духом Немощи", будучи "Чудесным Образом исцеленными после Смерти Ведьм", пример чего он приводит. Он также приводит случай, когда пациента "привели на порог смерти, и так он оставался до тех пор, пока констебль не схватил ведьму и не унес ее прочь, когда он сразу начал поправляться и вскоре был здоров". (336)

(336) Отрывки из Коттона Мазера см. в цитируемой его книге, стр. 17, 18, а также 134, 145. Джонсон заявляет, что "под этим подразумевается, что Христос ... не только дал простор для посадки Своему народу, но и укротил черствые и жестокие сердца этих варварских индейцев, так что половина горстки Его людей, высадившихся вскоре после этого на Плимутской плантации, не встретила особого сопротивления". Смотрите "Историю Новой Англии" Эдварда Джонсона, Лондон, 1654 год. Перепечатано в Сборнике Массачусетского исторического общества, вторая серия, том i, стр. 67.

Мы видим, что во Франции из поколения в поколение развивалась похожая история; приходила чума за чумой и встречалась с различными фетишами. Заслуживает внимания эпидемия чумы в Марселе в начале прошлого века. Хроники ее распространения ужасны. Они говорят об огромных кучах непогребенных мертвецов в общественных местах, "образующих чумные вулканы"; о пораженных чумой мужчинах и женщинах, в бреду бродящих обнаженными по улицам; о церквях и святилищах, заполненных огромными толпами, вопящими о пощаде; о других толпах, предающихся самому дикому разврату; о бандах разбойников, убивающих умирающих и грабящих мертвых; о трех тысячах брошенных детей, собранных в одной больнице и затем оставленных умирать; и о списке погибших, насчитывающем, наконец, пятьдесят тысяч из населения менее девяноста человек. тысяча.

Посреди этих ужасных сцен стояла группа мужчин и женщин, достойных вечного почитания, — врачи из Парижа и Монпелье, мэр города и один или два его помощника, но, прежде всего, шевалье Розе и епископ Бельзунсэ. История этих людей вполне может прославить человеческую природу, но во всей этой благородной группе фигура Бельзунсэ является самой поразительной. Благородно и твердо, когда многие другие, даже среди обычных и светских священнослужителей, бежали, он стоял рядом со своей паствой: день и ночь он работал в больницах, подбадривая живых, утешая умирающих и делая все возможное для достойного захоронения мертвых. В нем соединились два великих антагонистических течения религии

теологии. Как богослов, он организовывал процессии и службы искупления, которые, следует признать, скорее усилили болезнь, чем уменьшили ее; более того, он принял эту дику мечту истеричной монахини — поклонение материальному, телесному святому сердцу Иисуса — и был одним из первых, кто посвятил ей свою епархию; но, с другой стороны, религиозный дух дал ему одно из своих самых прекрасных проявлений в том или любом другом столетии; жители Марселя справедливо установили его статую посреди своего города в позе молитвы и благословения.

Во всех частях Европы и Америки, вплоть до недавнего периода, мы обнаруживаем эпидемии, вызванные беспечностью или суевериями, которые до сих пор называют "непостижимым провидением". Еще в конце восемнадцатого века, когда великие эпидемии произвели ужасающий хаос в Австрии, основным средством борьбы с ними, по-видимому, было пресмыкательство перед образом святого Себастьяна и вызов специальных "знахарей", то есть монахов, изгоняющих бесов. Обращаться за помощью к врачам в окрестностях этих монастырских центров обычно считалось нечестивым, и огромный уровень смертности в таких районах снизился только в нынешнем столетии, когда начала появляться научная гигиена.

Старый взгляд на чуму также получил свое полное распространение в кальвинистской Шотландии; разница лишь в том, что в то время как в римско-католических странах помощи добивались с помощью фетишей, подарков, процессий, экзорцизмов, сожжений ведьм и других искупительных работ, продвигаемых священниками; в Шотландии, после Реформации, ее добивались в дни поста и казней ведьм, продвигаемых протестантскими старейшинами. Рассказы о мерзости шотландских городов и деревень, вплоть до периода, предшествовавшего нашему столетию, кажутся чудовищными. Все, что в эти дни сметалось в канализацию, находилось в тех, кому разрешалось оставаться вокруг домов или выбрасываться на улицы. Старая теологическая теория о том, что "тщета помощь человека", сдерживала научную мысль и парализовывала санитарные усилия. Результат был естественным: между тринадцатым и семнадцатым веками страну охватили тридцать заметных эпидемий, и некоторые из них унесли жизни множества людей; но, как правило, они никогда не предполагали улучшения санитарных условий; их называли "посещениями", приписываемыми Божественному гневу на человеческий грех, и работа властей заключалась в том, чтобы объявлять о конкретном соответствующем грехе и выступать против него. Таким образом, были выдвинуты удивительные теории — теории, которые приводили к резким спазмам суровости; и в некоторых из них преступления, обычно караемые гораздо менее сурово, карались смертью. Каждая кафедра толковала пути Бога к человеку в такие периоды года таким образом, чтобы скорее усилить, чем уменьшить эпидемию. Эффект такого поиска сверхъестественных причин, а не естественных, можно увидеть в таких фактах, как смерть от чумы одной четвертой всего населения города Перт за один год пятнадцатого века, другие города страдали подобным образом как тогда, так и впоследствии.

То тут, то там врачи, вдохновленные большей мудростью, пытались усилить санитарные меры, и в 1585 году были предприняты попытки очистить улицы Эдинбурга; но хронисты сообщают нам, что "магистраты и министры не обратили на это внимания". Один вид бедствия, действительно, пришел как милость — огромные пожары, которые пронесли по городам, расчищая их. Хотя городской совет Эдинбурга объявил знаменитый пожар 1700 года "страшным упреком Божиим", было замечено, что после того, как он сделал свое дело, болезней и смертей значительно уменьшилось.(337)

(337) О чуме в Марселе и ее исчезновении см. Анри Мартин, "История Франции", том xv, особенно документ, цитируемый в приложении; также Гиббон, "Упадок", глава. xliii; также Рембо. О обращении к знахарям в Австрии против чумы вплоть до конца восемнадцатого века см. Бидерманн, Германия, им Ахцентен Яхрундерт. Чтобы узнать о Святом Себастьяне, ознакомьтесь с широко распространенными изданиями *Vita et Gesta Sancti Sebastiani, contra pestem patroni*, предваряемыми благодарностями епископов и других высокопоставленных духовных лиц. Издание, хранящееся в библиотеке Корнельского университета, относится к Аугсбургу, 1693 год. О господстве грязи и мора в Шотландии см. Чарльза Роджерса, доктора медицинских наук, "Социальная жизнь в Шотландии", Эдинбург, 1884, том i, стр. 305-316; см. также второй том Бакла.

III. ТРИУМФ САНИТАРНОЙ НАУКИ.

Но те, кто стоял на высших ступенях мысли, уже получили некоторые проблески научной истины, и попытки найти компромисс между теологией и наукой в этой области начали предприниматься не только церковниками, но прежде всего, еще в семнадцатом веке, человеком науки, выдающимся как по достижениям, так и по характеру — Робертом Бойлем. Вдохновленный открытиями в других областях, которые смели с лица земли так много богословской мысли, он больше не мог сопротивляться убеждению, что некоторые эпидемии вызваны — по его собственным словам — "трагическим стечением естественных причин"; но он утверждал, что некоторые из них могут быть результатом Божественного вмешательства, спровоцированного человеческими грехами. С течением времени на пути к этому компромиссу обнаружились большие трудности — трудности теологические не меньшие, чем трудности научные. Католику было все труднее объяснить теологические основания, почему так много православных городов, твердых в вере, были наказаны, а так много еретических городов пощадили; и почему в регионах, преданных Церкви, более бедные люди, чья вера в богословские фетиши была безоговорочной, умирали во время эпидемии, как мухи, в то время как скептики так часто спасались бегством. Трудности того же рода преследуют преданных протестантов; они тоже вполне могли бы спросить, почему так получилось, что набожные крестьяне в их скромных хижинах погибли, в то время как гораздо большая часть наиболее скептически настроенных высших классов осталась нетронутой. Постепенно и в католических, и в протестантских странах стало ясно, что если какой-либо грех и наказывается чумой, то это грех нечистоты; мыслящие люди обеих религий все больше и больше начинали понимать, что великое изречение Уэсли не соответствовало истине; что не только "чистота сродни

благочестию", но и что как средство предотвращения чумы оно намного превосходило благочестие в том виде, в каком его тогда обычно понимали.(338)

(338) О попытке Бойла найти компромисс см. "Дискурс в эфире" в его работах, т. iv, стр. 288, 289, цитируется Баклом, том i, стр. 128, 129, примечание.

Недавняя история санитарии во всех цивилизованных странах свидетельствует о победах, которые вполне могли бы наполнить нас удивлением, если бы в нас не возникло гораздо большего удивления по поводу того, что они так долго откладывались. Удивительно видеть, как близок мир снова и снова к тому, чтобы найти ключ к причине эпидемии и излечению от нее. Сейчас уже достаточно элементарных знаний о том, что некоторые из самых страшных эпидемий передаются с водой. Но этот факт, похоже, открывался много раз в истории человечества. Во время Пелопоннесской войны афиняне утверждали, что их враги отравили их водоемы; в средние века люди обычно заявляли, что евреи отравили их колодцы; и даже во время холеры 1832 года парижская толпа настаивала на том, что водоносы, которые раздавали воду для питья из Сены, загрязненной сточными водами, отравили ее, и в некоторых случаях убивали их по этому обвинению: это чувство зашло так далеко, что на ведра с водой иногда надевали запертые крышки. Если бы такие люди, как Роджер Бэкон и его длинный ряд преемников, не были остановлены теологическим авторитетом, — если бы такие люди, как Фома Аквинский, Винсент из Бове и Альберт Великий, не были увлечены или свергнуты с путей науки на темные, извилистые тропы теологии, никуда не ведущие, — современный мир в конце девятнадцатого века пришел бы к решению великих проблем и наслаждению великими результатами, которые будут достигнуты только в конце двадцатого века и даже в более отдаленных поколениях. Такие болезни, как брюшной тиф, грипп и легочная чахотка, скарлатина, дифтерия, пневмония и грипп, которые сейчас уносят так много самых ценных жизней, давно бы перестали поражать мир.

Тем не менее, есть одна причина для удовлетворения: закон, регулирующий отношение теологии к болезням, сейчас широко известен миру, и это видно из того факта, что по мере того, как мир переходил от власти Гиппократов к эпохе веры, увеличивалась частота и тяжесть великих эпидемий; и что, с другой стороны, по мере того, как мир отступал от того периода, когда теология была всепроникающей и все контролирующей, чума за чумой исчезали, а те, что оставались, становились все менее частыми и приводили к серьезным последствиям. опасный.(339)

(339) Об обвинении в отравлении воды и распространении эпидемии среди греков см. Гроте, "История Греции", т. vi, стр. 213. Аналогичное обвинение против евреев в средние века можно найти в различных историях, уже цитировавшихся; а о большом народном предубеждении против водоносов в Париже в последнее время см. Более обширные недавние французские истории.

Недавняя история гигиены во всех странах демонстрирует длинный ряд побед, и они вполне могут быть изучены в Великобритании и Соединенных Штатах. В первом случае, хотя было много предупреждений от выдающихся врачей, и прежде всего в семнадцатом и восемнадцатом

веках, от таких людей, как Кай, Мид и Прингл, результат был далек от того, чего можно было бы добиться; и только в 1838 году государственные власти Англии начали систематические санитарные работы. Положение вещей в то время, хотя и было счастливым по сравнению со средневековьем, было, по сравнению с тем, что было достигнуто с тех пор, ужасающим: уровень смертности среди всех классов был высок, но среди бедных он был ужасающим. Из семидесяти семи тысяч нищих в Лондоне в 1837 и 1838 годах четырнадцать тысяч страдали лихорадкой, и из них почти шесть тысяч - тифом. Во многих других частях Британских островов санитарное состояние было не лучше. Группа благородных людей взялась за решение этой проблемы, и через несколько лет один из них возвысился над своими собратьями — покойный Эдвин Чедвик. Противодействие его работе было ожесточенным, и, хотя многие церковники помогали ему, поддержка, оказанная богословами и церковнослужителями в целом, была очень далека от той, какой она должна была быть. Слишком многие из них были заняты этим самым дорогостоящим и никчемнейшим из всех процессов - "спасением душ" путем насаждения догмы. Тем не менее, некоторые из высших духовных лиц и многие из низшего духовенства сделали многое, иногда рискуя своей жизнью, и один из них, Сидни Годольфин Осборн, заслуживает вечной памяти за его борьбу за то, чтобы донести санитарные потребности крестьянства.

Чедвик стал широко известен в 1848 году как член Совета по здравоохранению и был на время отстранен от должности за чрезмерное усердие; но, так или иначе, в течение сорока лет он боролся с оппозицией, разрабатывал новую работу, и одно из лучших проявлений ее результатов представлено в его выступлении на Санитарной конференции в Брайтоне в 1888 году. Из этого и других вполне заслуживающих доверия источников можно получить некоторое представление о торжестве научного метода над теологическим в борьбе с болезнями, будь то эпидемические или спорадические.

Во второй половине семнадцатого века ежегодная смертность в Лондоне оценивалась не менее чем в восемьдесят случаев на тысячу; примерно в середине нынешнего столетия она составляла двадцать четыре случая на тысячу; в 1889 году она составляла менее восемнадцати случаев на тысячу; и во многих районах, согласно самой последней статистике, она снизилась до четырнадцати-пятнадцати случаев на тысячу. Четверть века назад уровень смертности от болезней в Королевской гвардии Лондона составлял двадцать случаев на тысячу; в 1888 году он снизился до шести случаев на тысячу. В армии обычно их было семнадцать на тысячу, но сейчас их количество сократилось до восьми. В старой индийской армии их было шестьдесят девять на тысячу, но в последнее время их количество сократилось сначала до двадцати, а затем и до четырнадцати. Мистер Чедвик в своей речи доказал, что можно сделать гораздо больше, поскольку он привлек внимание к немецкой армии, где уровень смертности от болезней снизился до пяти-шести случаев на тысячу. После принятия Закона об общественном здравоохранении в 1875 году уровень смертности в Англии среди мужчин снизился в период с 1871 по 1880 год более чем на четыре случая на тысячу, а среди женщин - более чем на шесть случаев на тысячу. За десятилетие между 1851 и 1860 годами от болезней, вызванных неисправным дренажем и загрязненной водой, умерло более четырех тысяч человек на каждый миллион по всей Англии: эти цифры снижались до тех пор, пока в 1888 году не умерло менее двух тысяч на каждый миллион. Наиболее поразительное снижение смертности от таких причин было обнаружено в 1891 году в случае брюшного тифа, причем это снижение составило пятьдесят процентов. Что касается бедствия, которое после таких эпидемий, как Черная смерть, раньше было самым страшным, — оспы, - то в Лондоне в 1890 году от него умер всего один

человек. Дренаж в Бристоле снизил смертность от потребления с 4,4 до 2,3; в Кардиффе - с 3,47 до 2,31; и во всей Англии и Уэльсе - с 2,68 в 1851 году до 1,55 в 1888 году.

Чего можно добиться за счет улучшения санитарных условий, сегодня также видно из сравнения уровня смертности среди детей за пределами и внутри благотворительных школ. Уровень смертности среди тех, кто находился снаружи, в 1881 году составлял двенадцать случаев на тысячу; в то время как внутри, где дети находились в соответствии с санитарными правилами, поддерживаемыми компетентными органами, он снизился сначала до восьми, затем до четырех и, наконец, до менее чем трех случаев на тысячу.

В свете подобных статистических данных становится ясно, что Эдвин Чедвик и его коллеги из санитарных властей за полвека сделали гораздо больше для снижения уровня заболеваний и смертности, чем за полторы тысячи лет всеми фетишами, которые могли изобрести богословские рассуждения или навязать церковные власти.

Не менее поразительной была история гигиены во Франции: благодаря ослаблению теологического контроля над университетами, упразднению монастырей и таким трудам в области гигиенических исследований и усовершенствований, как труды Тардые, Леви и Бушара, в общественном здравоохранении произошли удивительные перемены. Тщательно ведущаяся статистика показывает, что средняя продолжительность человеческой жизни значительно увеличилась. В восемнадцатом веке это было всего двадцать три года; с 1825 по 1830 год - тридцать два года и восемь месяцев; а с 1864 года - тридцать семь лет и шесть месяцев.

IV. ОТНОШЕНИЕ САНИТАРНОЙ НАУКИ К РЕЛИГИИ.

Теперь может возникнуть вопрос, был ли этот прогресс санитарной науки куплен какой-либо реальной жертвой религии в ее высшем смысле. Один фрагмент недавней истории указывает на ответ на этот вопрос. Вторая империя во Франции возглавлялась Наполеоном III, известным вольтерьянцем. На пике своего могущества он решил построить Академию музыки, которая должна была стать самым благородным зданием в своем роде. Она была спроектирована в невиданных ранее масштабах, по крайней мере в наше время, и продолжалась годами, на нее были потрачены миллионы. В то же время император решил перестроить Отель-Дье, великую парижскую больницу; это тоже планировалось в большем масштабе, чем что-либо подобное, когда-либо известное, и также требовало миллионов. Но при возведении этих двух зданий отчетливо проявилась решимость императора, что при высочайшем обеспечении эстетического наслаждения должно быть аналогичное обеспечение, идущее параллельными путями, для облегчения человеческих страданий. Этот план был выполнен в точности: Дворец Оперы и Отель-Дье строились равными шагами, и первому не позволили закончить строительство раньше второго. Среди всех "самых христианских королей" из дома Бурбонов, которые предшествовали ему на протяжении пятисот лет, история не показывает такого

послушания религиозным и моральным чувствам нации. Екатерина Медичи и ее сыновья, ввергнув нацию в великие религиозные войны, никогда не проявляли подобных чувств; Людовик XIV, отменив Нантский эдикт во славу Божью и принося горе нации на протяжении многих поколений, никогда не мечтал о том, чтобы строительство его дворцов и общественных зданий зависело от требований милосердия. Людовик XV, столь услужливый Церкви во всем, никогда не проявлял ни малейшего осознания того, что, делая огромные расходы для удовлетворения своего собственного тщеславия и тщеславия нации, он должен заниматься, *pari passu*, благотворительностью. Французская нация в те периоды, когда она в наибольшей степени находилась под контролем теологических соображений, похоже, также не имела ни малейшего представления об идее, что нация или монарх должны принимать меры для облегчения человеческих страданий, чтобы оправдать предоставление роскошного наслаждения искусством: развитие этого чувства было отложено на вторую половину девятнадцатого века настолько сильно, хотя и незаметно, что Наполеон III, печально известный своим неверием во всю ортодоксальность, был вынужден признать это и подать этот великий пример.

Не менее плодотворными уроками была и недавняя история Соединенных Штатов. Желтая лихорадка, которая ранее охватила не только южные города, но даже Нью-Йорк и Филадельфию, теперь почти полностью ликвидирована. Такие эпидемии, как та, что произошла в Мемфисе несколько лет назад, и невосприимчивость города к подобным посещениям с тех пор, как мистер Уоринг изменил его санитарное состояние, являются наиболее ярким наглядным уроком для всей страны. Холера, которая снова и снова охватывала страну, перестала вызывать опасения у населения в целом. О сыпном тифе, некогда столь смертоносном, сейчас редко слышно. Любопытно обнаружить, что некоторые из болезней, которые в древности поражали мириады людей в каждой стране, теперь вызывают меньше смертей, чем некоторые болезни, которые считались малозначительными и в лечении которых люди поэтому полагаются, несмотря на свои издержки, на шарлатанство, а не на медицинскую науку.

Это развитие санитарной науки и гигиены в Соединенных Штатах также совпало с заметным изменением отношения американской кафедры к теории болезней. В этой стране, как и в других, вплоть до периода, который еще живы, смерти из-за несоблюдения санитарных мер постоянно упоминались в заупокойных проповедях как "результаты национального греха" или как "непостижимое Провидение". Эта точка зрения в основном отошла в прошлое среди духовенства более просвещенных частей страны, и теперь мы находим их, как правило, активными в распространении полезных идей относительно профилактики болезней. Религиозная пресса была особенно верна в этом отношении, принося в каждую семью более справедливые идеи о санитарных мерах предосторожности и гигиеничном образе жизни.

Подобные факты изменили отношение даже многих самых ортодоксальных правителей церкви и государства. Лорд Пальмерстон, отказывающий шотландскому духовенству в назначении дня поста для предотвращения холеры и советуемый им разойтись по домам и очистить улицы, — набожный император Вильгельм II, запрещающий молитвенные собрания в подобных чрезвычайных ситуациях на том основании, что они приводят к пренебрежению практическими человеческими средствами помощи, — все это разительно контрастирует со старыми методами.

Вполне заслуживает внимания земля, заложенная в 1893 году в Филадельфии выдающимся священнослужителем протестантской епископальной церкви. Епископ Пенсильвании издал специальный призыв к молитве, чтобы отогнать холеру, но этот священнослужитель отказался откликнуться на призыв, заявив, что сделать это при грязном состоянии улиц, царившем тогда в Филадельфии, было бы богохульством.

Подводя итог всему предмету, мы видим, что в этой области, как и во многих других, триумф научной мысли постепенно многое сделал для развития в мире не только теологии, но и религиозного духа, все более и более достойного благости Бога и предназначения человека.(340)

(340) Об улучшении санитарных условий в Лондоне и других местах на севере Европы см. редакционную статью и отчет Конференции по санитарии в Брайтоне, опубликованные в лондонской "Таймс" от 27 августа 1888 г. Лучшие авторитетные источники по общему предмету в Англии см. в "Сэре Джоне Саймоне об английских санитарных учреждениях", 1890; также его опубликованные отчеты о состоянии здоровья за 1887 год, цитируемые в "Эдинбург Ревью" за январь 1891 года. Смотрите

также "Гигиену Паркса", *passim*. О значительном увеличении средней продолжительности жизни во Франции при улучшении гигиенических условий см. Рамбо, "Современная цивилизация во Франции", стр. 682. О подходе к депопуляции в Мемфисе в рамках системы выгребных ям в 1878 году см. Parkes, Гигиена, Американское приложение, стр. 397. О фактах, выявленных в ходе расследования департамента города Нью-Йорка Комитетом Сената штата, членом которого был настоящий автор, см. Документы Сената Нью-Йорка за 1865 год. О снижении уровня смертности в городе Нью-Йорк при новом Совете здравоохранения, начиная с 1866 года, и особенно среди детей, см. Buck, Hygiene and Popular Health, Нью-Йорк, 1879, том. ii, стр. 573; а мудрые замечания о религиозных обязанностях во время эпидемии см. там же, т. ii, стр. 579. О контрасте между старыми и новыми идеями относительно эпидемий читайте у Чарльза Кингсли в журнале Fraser's Magazine, vol. lviii, стр. 134; также проповедь доктора Бернса в 1875 году, в соборе Глазго перед Конгрессом социальных наук.

Особенно яркое и ценное описание триумфов современной санитарии смотрите в статье миссис Планкетт в "Научно-популярном ежемесячнике" за июнь 1891 года. Ответ лорда Пальмерстона шотландскому духовенству можно найти в хорошо известном отрывке из книги Бакла. О приказе императора Вильгельма читайте в различных газетах за сентябрь 1892 года, и особенно в "Общественном мнении" за 24 сентября.

ГЛАВА XV. ОТ "ОДЕРЖИМОСТИ ДЕМОНАМИ" К БЕЗУМИЮ.

I. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ БЕЗУМИЯ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ.

Из всех триумфов, одержанных наукой для человечества, лишь немногие имели более далеко идущие положительные последствия, чем современное лечение душевнобольных. Но это результат долгой и жестокой борьбы между двумя великими силами. На одной стороне стояли пережитки различных суеверий, метафизика различных философий, догматизм различных теологий, буквальное толкование различных священных книг, и особенно нашей собственной — все это сведено к убеждению, что безумие - это в основном одержимость демонами; на другой стороне стояла наука, постепенно накапливая доказательства того, что безумие всегда является результатом физического заболевания.

В этой главе я намереваюсь как можно короче обрисовать историю этой войны или, скорее, эволюции истины из заблуждения.

На ранних стадиях цивилизации нет ничего более простого и естественного, чем вера в оккультные, самосознательные силы зла. Беды и катаклизмы обрушиваются на человека; его незнание физических законов запрещает ему приписывать их физическим причинам; поэтому он приписывает их иногда гневу доброго существа, но чаще злобе злого существа.

Особенно это касается болезней. Истинные причины болезней настолько сложны, что до них можно добраться только после столетий научного труда; следовательно, они, прежде всего, были приписаны влиянию злых духов.(341)

(341) Об общем приписывании болезней демоническому влиянию см.

Шпренгер, "История медицины", *passim* (обратите внимание на более позднюю позицию, т. ii, стр. 150-170, 178); Кальмейль, "Де ла Фоли", Париж, 1845, т. i, стр.

104, 105; Эскироль, "Душевные болезни", Париж, 1838, т. i, стр. 482;

также Тайлор, "Примитивная культура". Для очень простого и честного изложения этой точки зрения в наших собственных священных книгах см. Оорта, Хойкааса и Кузнена, Библия для молодежи, английский перевод, глава v, стр. 167 и

далее; также "Жизнь Христа" Фаррара, глава I. xvii. Об этой идее

в Греции и других странах см. Мори, Ла Маги и др., т. iii, стр. 276,

приводя, среди прочих цитат, одну из книги v "Одиссеи". О

влиянии платонизма см. Эскироля и других, как указано выше — основной

цитируемый отрывок взят из "Федона". О приверженности ранних отцов церкви

и врачей этой идее см. Цитаты из Евсевия, Лактанция, святого

Иеронима, святого Августина, святого Иоанна Златоуста, святого Григория Назианзена, в Tissot, L'Imagination, стр. 369; также Jacob (т. е. Paul Lecroix), Croyances Populaires, стр. 183. О святом Августине см. также его De Civitate Dei, lib. xxii, глава. vii и его Воспевание в Псалме., sxxxv,

1. Об отказе религиозных орденов Италии от абсолютного господства этой идеи см. Бекавен, Салернская школа, Париж, 1888; также Даремберг, История медицины. Даже в эпоху протестантской реформации Мартин Лютер утверждал ("Застольная беседа", перевод Хэзлитта, Лондон, 1872, стр. 250, 256), что "сатана порождает все болезни, которые поражают человечество".

Но если обычные болезни, вероятно, приписывались дьявольскому действию, то насколько больше болезней мозга, и особенно самых темных из них! Это, действительно, казалось подавляющему большинству человечества возможным только на основе теории сатанинского вмешательства: любой подход к истинной теории связи между физическими причинами и психическими результатами является одним из высших достижений науки.

Кое-где на протяжении всего исторического периода проницательные люди получали представление об истине; но для огромного множества людей вплоть до конца семнадцатого века не было ничего более ясного, чем то, что безумие во многих, если не в большинстве случаев, является одержимостью демонами.

Однако в очень ранние времена в Греции и Риме наука заявила о себе, и было положено начало, которому, казалось, суждено было принести множество благословений. (342) В пятом веке до христианской эры Гиппократ с Коса провозгласил великую истину о том, что всякое безумие - это просто болезнь мозга, положив тем самым начало развитию истины и милосердия, которое длилось почти тысячу лет. В первом веке после Рождества Христова Аретей развил эти идеи еще дальше, с большой остротой наблюдал феномены безумия и достиг еще более ценных результатов. Ближе к началу следующего столетия Соранус пошел еще дальше по тому же пути, дав новые результаты исследований и укрепив научную истину. Ближе к концу того же столетия Гален открыл новую эпоху, при котором та же истина была развита еще дальше, а путь к милосердному обращению с душевнобольными стал еще более ясным. В третьем веке Целий Аврелиан получил это сокровище драгоценной истины, развил его и выдвинул великую идею, которая, если бы теология, цитирующая библейские тексты, не изгнала ее, спасла бы пятнадцать веков жестокости — идею, полностью признанную лишь в начале нынешнего столетия, — идею о том, что безумие - это заболевание мозга, и что лечение его должно быть мягким и милосердным. В шестом веке Александр Траллесский представил еще более плодотворные исследования и научил мир, как бороться с меланхолией; и, наконец, в седьмом веке это великое направление ученых, работавших в основном под покровительством язычников, было прекращено Павлом Эгинским, который под покровительством халифа Омара сделал еще больше наблюдений, но, прежде всего, сделал упор на излечение безумия как болезни и на абсолютную необходимость мягкого лечения.

(342) Для такого научного подхода важно, что греческое слово, обозначающее суеверие, буквально означает страх перед богами или демонами.

Такова была эта великая преемственность в апостольстве науки: очевидно, что ни одна другая наука никогда не проявляла себя более непосредственно под Божественной благодатью, просвещением и руководством. Это дало миру то, что могло бы стать одним из его величайших благословений.(343)

(343) Авторитетные источники относительно этого развития научной истины и милосердия в древности см., в частности, Краффт-Эбинг, *Lehrbuch des Psychiatrie*, Штутгарт, 1888, стр. 40 и последующие страницы; Трела, *Исторические исследования в Фоли*, Париж, 1839; Семелень, *Душевное отчуждение в Античности*, Париж, 1869; Дагрон, "Чужие", Париж, 1875; также Кальмейл, *Де ла Фоли*, Шпренгер и особенно Изензее, *"История медицины"*, Берлин, 1840.

Эта эволюция божественной истины была прервана богословием. В ранней Церкви возникло течение веры, которому было суждено свести на нет все эти благородные достижения науки и религии и в течение столетий подвергать пыткам, физическим и психическим, сотни тысяч невинных мужчин и женщин — вера, которая сохраняла свое жестокое господство почти восемнадцать столетий; и эта вера заключалась в том, что безумие было в основном одержимостью дьяволом.

Эта идея дьявольского влияния на психические заболевания пышно разрослась во всех восточных священных писаниях. В серии ассирийских мифологических табличек, в которых мы находим легенды о Сотворении Мира, Грехопадении, Потопе и других ранних концепциях, из которых евреи в значительной степени черпали сведения, вошедшие в книгу Бытия, были обнаружены формулы для изгнания злых духов, вызывающих болезни. В персидском богословии о борьбе великих сил добра и зла эта идея была развита до своей высшей точки. Из этих и других древних источников евреи, естественно, получили это дополнение к своей прежней точке зрения: насмешник Эдемского сада превратился в сатану с легионами злых ангелов под его командованием; и теория дьявольских причин психических заболеваний заняла прочное место в наших священных книгах. Примеры тому — такие случаи в Ветхом Завете, как злой дух в Савле, который, как мы теперь видим, был просто меланхоликом, и в Новом Завете - различные рассказы об изгнании бесов, в которых преломляется красивая и простая история о той силе, с помощью которой Иисус из Назарета успокаивал взволнованные умы своим присутствием или подавлял вспышки безумия своими словами. В Греции также идея, сходная с этой, нашла пристанище как в народных верованиях, так и в философии Платона и Сократа; и хотя, как мы видели, великие лидеры медицинской науки более или менее определенно учили, что безумие является результатом физического заболевания, в народе существовала сильная тенденция приписывать наиболее неприятные случаи этого враждебному духовному влиянию.(344)

(344) Об экзорцизме против болезней, обнаруженном в Ниневии, см. Г. Смит, *Немецкий перевод Делича*, стр. 34. Очень интересный отрывок, касающийся изображения дьявольского персонажа на вавилонской бронзе, и очень откровенное заявление относительно передачи идей относительно сатанинской силы в наших священных книгах, см. Сейс, *Геродот*, приложение ii, стр. 393. Действительно, крайне сомнительно, знал ли

сам

conception probably coming into the Greek world, as into the Latin, with the Oriental influences that began to prevail about the time of the birth of Christ; but to the early Christians, a demon was a demon, and

„ Платоновцы, хорошие или плохие, были язычниками и, следовательно, дьяволами. Греческое слово

"эпилепсия" само по себе является пережитком старой веры, окаменевшим в слове, поскольку его буквальное значение относится к ЗАХВАТУ пациента злыми духами.

Из всех этих источников, но особенно из наших священных книг и трудов Платона, эта теория о том, что психические заболевания вызываются в значительной степени сатанинским влиянием, перешла в раннюю Церковь. Во времена апостолов, по-видимому, ни одна вера не была утверждена более прочно. Первые отцы церкви и врачи следующего века повсеместно признавали это, а апологеты обычно говорили о силе изгнания бесов как о главном доказательстве божественного происхождения христианской религии.

Эта вера прочно овладела сильнейшими людьми. Типичен случай со святым Григорием Великим. Он был папой с чрезвычайно широким кругозором для своего времени, и никто не подумает, что его несправедливо причисляют к одному из четырех Докторов Западной Церкви. И все же он торжественно рассказывает, что монахиня, съев немного салата-латука без крестного знамения, проглотила дьявола, и что, когда святой человек приказал ей выйти, дьявол ответил: "В чем я виноват? Я сидел на листьях салата, и эта женщина, не перекрестившись, съела меня вместе с ними".(345)

(345) Поразительное утверждение еврейской веры в дьявольское вмешательство см. Иосиф Флавий, "О Белло иудаико", vii, 6, iii; также его "Древности", том. viii, перевод Уистона. Об "изгнании дьявола", в Евангелии от Марка ix, 17-29, как о несомненном случае эпилепсии, см. Шерулье, Эссе об Эпилепсии; также Мори, ст. Демонический в современной энциклопедии . По крайней мере, в одном тексте популярное поверье прекрасно показано как смешивающее безумие и одержимость: "В нем бес, и он безумен", Иоанна х, 20. Среди множества текстов, на которые больше всего полагались, были Евангелие от Матфея viii, 28 и евангелие от Луки х, 17; а что касается использования фетишей для изгнания злых духов, то рассказ об исцелениях, вызванных прикосновением к одежде апостола Павла в Деяниях XIX, 12. По общему вопросу см. Уже приведенные источники , и как типичный отрывок, Тертуллиана, Ad. Scap., ii. О весьма грубом взгляде, которого придерживался святой Василий, см. Кадворт, Интеллектуальная система, т. ii, стр. 648; также "Жизнь Христа" архидьякона Фаррара. Для случая, описанного святым Григорием Великим с комичными подробностями, см. Exempla архиепископа Жака де Витри, отредактированный профессором Т. Ф. Крейном, из Корнельского университета, стр. 59, ст. sxxx. Любопытное изложение греческих взглядов см. в "Лелуте", "Демон Сократа", Париж, 1856; а о передаче их христианству см. Там же, стр. 201 и

далее.

В результате этой идеи христианская церковь на раннем этапе своего существования фактически отказалась от благородных завоеваний греческой и римской науки в этой области и создала для лиц, считавшихся одержимыми, регулярную дисциплину, разработанную на основе догматического богословия. Но в течение столетий, предшествовавших тому, как богословие и еkkлезиастика стали полностью доминирующими, эта дисциплина была, как правило, мягкой и полезной. Страждущие, если они не были слишком буйными, обычно допускались к публичным богослужениям, и была предпринята добрая система лечения, в которой особое внимание уделялось святой воде, освященным мазям, дыханию или слюне священника, прикосновению к реликвиям, посещению святых мест и мягким формам экзорцизма. Не может быть никаких сомнений в том, что многие из этих вещей, при разумном использовании в духе любви, мягкости и преданности, унаследованных более ранними учениками от "Учителя", производили хороший эффект, успокаивая встревоженные умы и помогая их излечению.

Среди тысяч фетишей различного рода, к которым тогда прибегали, можно назвать, как типичный, Святой платок из Безансона. На протяжении многих веков множество людей приезжали отовсюду, чтобы прикоснуться к нему; ибо утверждалось, что если прикосновение к одеждам святого Павла в Эфесе исцеляло больных, то насколько большего можно было ожидать от платка самого Господа!

К идеям такого рода примешивалась смутная вера в медицинское лечение, и из этой смеси возникли такие рецепты, как следующие:

"Если придет эльф или гоблин, намажь ему лоб этой мазью, приложи к глазам, окури его ладаном и почаще осевай крестным знаменем".

"Для человека, больного дьяволом: Когда дьявол вселяется в человека или управляет им изнутри с помощью болезни, отвар из люпина, полыни, белены, чеснока. Разотрите их вместе, добавьте эль и святую воду.

И еще: "Напиток для больного дьяволом, который пьют из церковного колокола: Цитриф, циноглоссум, тысячелистник, люпин, флауэр-де-люс, фенхель, лишайник, любисток. Приготовьте напиток из чистого эля, отслужите над ним семь месс, добавьте чеснок и святую воду, и пусть одержимый пропоет *Beati Immaculati*; затем дайте ему выпить дозу из церковного колокола, и пусть священник пропоет над ним *Domine Sancte Pater Omnipotens*".(346)

(346) См. Cockayne, *Leechdoms, Wort-хитрость и Star-Craft* ранней Англии в серии *Rolls*, том. ii, стр. 177; также стр. 355, 356. О огромной ценности священнической слюны читайте в очерках У. У. Стори.

Если бы это было худшим способом обращения с сумасшедшими, разработанным в теологической атмосфере Средневековья, мир был бы избавлен от некоторых из самых ужасных глав в своей истории; но, к сожалению, идея сатанинской одержимости сумасшедших привела к попыткам наказать вселившегося в них демона. По мере того как эти теологическая теория и практика становились все более развитыми, а церковность - все более могущественной для их

применения, всякая мягкость начала исчезать; увещевания великих языческих и мусульманских врачей о мягком обращении были забыты, и обращение с сумасшедшими все больше и больше склонялось к суровости: все чаще и чаще считалось, что жестокость по отношению к безумцам была наказанием дьявола, обитающего внутри них или действующего на них.

Несколько сильных церковников и мирян предприняли усилия, чтобы противостоять этой тенденции. Еще в четвертом веке Немезий, епископ Эмесы, принял истину в том виде, в каком она была разработана языческими врачами, и помог им укрепить ее. В седьмом веке ломбардский кодекс воплотил аналогичные усилия. В восьмом веке одна из капитулярий Карла Великого, по-видимому, преследовала аналогичную цель. В девятом веке великий церковный и государственный деятель Агобард, архиепископ Лионский, превосходивший свое время в этом, как и во многих других вещах, пытался возобладать здравый смысл в этой области; а примерно в начале десятого века Реджино, аббат Прума в Тревской епархии, настаивал на том, чтобы рассматривать одержимость как болезнь. Но все было напрасно; поток, исходящий самым непосредственным образом из различных текстов христианских священных книг и раздутый теологией, стал подавляющим.(347)

(347) Для получения очень подробного и интересного заявления по общему вопросу см. Kirchhoff, Beziehungen des Dämonen- und Hexenwesens zur deutschen Irrenpflege в Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie, Берлин, 1888, Bd. xlv, раздел 25. О римско-католическом авторитете см. Аддис и Арнольд, Католический словарь, статья Energumens. Для краткого и красноречивого резюме см. Креффт-Эбинг, Lehrbuch der Psychiatrie, как указано выше; а для получения четкого представления о переходе от языческой мягкости в уходе за душевнобольными к строгости и жестокости при христианской церкви см. Модсли, Патология разума, Лондон, 1879, стр. 523. See also Buchmann, Die unfreie und die freie Kirche, Breslau, 1873, p. 251. Для других цитат см. Кирхгоф, как указано выше, стр. 334-346. О епископе Немезиусе см. Трелат, стр. 48. Для описания общей позиции Агобарда в отношении этого и связанных с ним суеверий см. "Иллюстрации к истории средневековой мысли" Реджинальда Лейна Пула, Лондон, 1884.

Первый крупный приток, впадающий в этот поток, по мере приближения к расцвету Средневековья, по-видимому, произошел из мозга Майкла Пселла. Смешивая тексты Священного Писания, платоновскую философию и теологические утверждения великих учителей Церкви с дикими высказываниями, полученными от сумасшедших, он примерно в начале двенадцатого века опубликовал трактат о работе демонов. Священная наука была значительно обогащена таким образом различными способами; но два из его выводов, результаты его самых глубоких размышлений, подкрепленные теологами и популяризированные проповедниками, вскоре приобрели особое значение для мыслящей части людей в целом. Первый из них, который он легко основывал на Священном Писании и святом Василии, заключался в том, что, поскольку все демоны страдают от материального огня и серы, они должны иметь материальные тела; второй заключался в том, что, поскольку все

демоны по природе холодны, они с радостью ищут душевного тепла, вселяясь в тела людей и животных.(348)

(348) См. Бааса и Вернера, цитируемых Кирхгофом, как указано выше; также Леки, Рационализм в Европе, том i, стр. 68, и примечание, Нью-Йорк, 1884. Что касается веры Василия в телесность дьяволов, см. Его Комментарий к книге Пророка Исаяи, глава i.

Подпитываемая этим потоком мыслей и развиваемая в теплой атмосфере средневекового благочестия, идея одержимости демонами как основного источника безумия росла, цвела и приносила плоды в пагубной роскоши.

Действительно, в Средние века появилось наследие научной мысли. Идеи Гиппократы, Целия Аврелиана, Галена и их последователей время от времени возрождались; арабские врачи, Школа Салерно, такие писатели, как Салицет и Ги де Шолиак, и даже некоторые религиозные ордена делали что-то для поддержания жизни научных доктрин; но течение теологической мысли было слишком сильным; стало опасным даже называть возможные пределы дьявольской власти. Отрицать сатану было атеизмом; и, возможно, ничто так не закрепило за медицинской профессией эпитет "атеистический", как подозрение, что она не полностью признает дьявольское вмешательство в психические заболевания. Следуя примеру более ранних отцов церкви, святого Ансельма, Абельяра, святого Фомы Аквинского, Винсента из Бове, всех великих врачей средневековой Церкви, некоторые из них, несмотря на случайные опасения, поддерживали идею о том, что безумие - это в значительной степени одержимость демонами, твердо основываясь на Священном Писании; и эта вера подкреплялась все более и более постоянным цитированием текста "Ты не должен оставлять ведьму в живых". Ни один другой текст Священного Писания — за исключением, возможно, одного — не привел к пролитию такого количества невинной крови.

Когда мы оглядываемся на историю Средних веков, мы действительно видим еще один рост, на который можно возлагать большие надежды; ибо в Церкви было два великих потока влияния, и никогда еще две силы не были так непохожи друг на друга.

С одной стороны, дух христианства, исходивший из сердца и разума его благословенного Основателя, был чрезвычайно силен в содействии эволюции религиозной мысли и усилий, и особенно в обеспечении облегчения страданий религиозными приютами и нежной заботой. Ничто лучше не выражает это, чем трогательные слова, начертанные на большой средневековой больнице: "Christo in pauperibus suis". Но с другой стороны, была теологическая теория, исходящая, как мы видели, из сохранившихся древних суеверий и поддерживаемая постоянными ссылками на тексты наших священных книг, согласно которой многие, а возможно, и большинство душевнобольных были одержимы дьяволом или в союзе с ним, и что жестокое обращение с душевнобольными было просто наказанием дьявола и его приспешников. Благодаря этому течению мысли постепенно развилась одна из величайших масс суеверной жестокости, которая когда-либо поражала человечество. В то же время поток христианских устремлений, что касалось душевнобольных, был почти полностью перекрыт. Несмотря на все прекрасные условия средневековья для облегчения человеческих страданий, о душевнобольных почти не заботились. Некоторые монастыри, действительно, давали им убежище. Мы слышим о благотворительной работе, проведенной для них в лондонском

Вифлеемском госпитале в тринадцатом веке, в Женеве в пятнадцатом, в Марселе в шестнадцатом, Чернокожими кающимися на юге Франции, некоторыми францисканцами на севере Франции, Братями Алексиян на Рейне и различными организациями в других частях Европы; но, как ни странно, единственное действительно важное усилие в христианской церкви стимулировали мусульмане. Некоторые монахи, которые имели большое отношение к ним в деле выкупа рабов-христиан, обнаружили в пятнадцатом веке то, что Джон Говард обнаружил в восемнадцатом, а именно, что арабы и турки уделяли сумасшедшим большое и милосердное внимание, какого не было в христианских странах; и этот пример привел к появлению лучших заведений в Испании и Италии.

Вся честь этой работе и людям, которые ею занимались; но, как правило, эти учреждения были немногочисленны и бедны по сравнению с учреждениями для лечения других болезней, и они обычно вырождались в "сумасшедшие дома", откуда дьяволов изгоняли главным образом жестокостью.(349)

(349) Очень полный и образованный, хотя и несколько односторонний, отчет о более ранних последствиях этого течения благотворительной мысли см. B Tollemer, *Des Origines de la Charite Catholique*, Париж, 1858. Поучительно отметить, что, хотя в этой книге очень подробно рассказывается о действиях Церкви в отношении рабства и обеспечения вдов и сирот, больных, немощных, пленников и прокаженных, в ней нет и следа какой-либо заботы о душевнобольных. Эта же потребность, кстати, проявляется на типичном примере в книге "Кригк, Аэртце, Хайланштальтен и Геистескранке в миттельалтерлихе" Франкфурт, Frankfurt a. M., 1863, стр. 16, 17; также Kirschhof, стр. 396, 397. По общему вопросу см. Semelaigne, как указано выше, стр. 214; также Calmeil, том i, стр. 116, 117. О влиянии мусульманского примера в Испании и Италии см. Крафт-Эбинг, как указано выше, стр. 45, примечание.

Первым главным оружием против обитающего в нас сатаны по-прежнему был экзорцизм; но под влиянием все более и более глубоких выводов из Священного Писания и все более изоощренных теологических рассуждений он стал чем-то сильно отличающимся от мягкой процедуры прежних времен, и некоторое описание этого великого оружия во времена его наивысшего развития прольет свет на законы, которые управляют развитием теологических рассуждений, а также на главный рассматриваемый предмет.

Фундаментальной предпосылкой полностью разработанного экзорцизма было то, что, согласно священному Писанию, главной характеристикой сатаны является гордыня. Гордость привела его к бунту; из—за гордости он был повержен; поэтому первое, что нужно было сделать, чтобы вывести его из состояния сумасшедшего, это нанести смертельный удар по его гордости - вызвать у него отвращение.

Эта теория была реализована логично, буквально. Трактаты на эту тему просто поражают обилием богохульных и непристойных эпитетов, которые экзорцисту было дозволено использовать при изгнании бесов. Сокровищница экзорцизмов содержит сотни страниц, заполненных самыми мерзкими эпитетами, которые только может изобрести худшее воображение с целью подавить обитающего в нем сатану.(350)

(350) Thesaurus Exorcismorum atque Conjuracionum terribilium, potentissimorum, efficacissimorum, cum PRACTICA probatissima: quibus spiritus maligni, Daemones Maleficiaque omnia de Corporibus humanis obsessis, tanquam Flagellis Fustibusque fugantur, expelluntur,... Cologne, 1626. Многие книги экзорцистов были внесены в различные церковные списки, но эта, самая богатая коллекция из всех, включающая почти всех осужденных, не была запрещена до 1709 года. Едва ли менее поразительные руководства продолжали использоваться и позже; и экзорцизмы, адаптированные к любым чрезвычайным ситуациям, конечно, все еще можно найти во всех церковных Благословениях, даже самых последних. В качестве примера см. Руководство по благословию, опубликованное епископом Пассау в 1849 году, или "Экзорцизм в Сатанаме" и др., изданное в 1890 году нынешним папой римским и поступившее в продажу в магазине Пропоганды в Риме.

Некоторые из них, достаточно приличные, чтобы быть напечатанными в наши дегенеративные дни, звучали следующим образом:

"Ты похотливая и глупая, ... ты тощая свинья, измученная голодом и самая нечистая, ... ты морщинистое животное, ты паршивый зверь, ты зверь из всех зверей, самый мерзкий, ... ты безумный дух, ... ты скотский и глупый пьяница, ... самый жадный волк, ... самый отвратительный шептун, ... ты закопченный дух из Тартара!... Я низвергаю тебя, о татарский грубиян, в адскую кухню!... Отвратительный сапожник, ... грязный угольщик, ... грязная свинья (scrofa stercorata), ... вероломный кабан, ... завистливый крокодил, ... вонючий рабочий, ... раненый василиск, ... аспид цвета ржавчины, ... раздутая жаба, ... запутавшийся паук, ... паршивое свиное стадо (porcarie pedicose), ... низший из низших, ... осел с дубинками" и т.д.

Но, в дополнение к этой попытке вызвать отвращение к гордыне сатаны с помощью мерзавства, была еще одна попытка напугать его ужасающими словами. Для этой цели были заимствованы громовые имена из иврита и греческого, такие как Ахарон, Эхейе, Схемхамфора, Тетраграмматон, Гомоусион, Атанатос, Иширос, Экодес и тому подобное.(351)

(351) См. Conjuratio на стр. 300 Тезауруса и общие указания, приведенные на стр. 251, 251.

Были также предприняты попытки изгнать его с помощью грязных и дурно пахнущих лекарств; и среди тех, которые могут быть упомянуты в печатной статье, мы можем назвать асафетиду, серу, сквиллс и т. Д., Которые должны были быть сожжены у него под носом.

Чтобы еще больше досадить ему, люди низкого положения должны были плевать на изображения дьявола, их топтали ногами и посыпали грязными составами.

Но это были всего лишь предварительные действия к собственно экзорцизму. В этом кульминацией стала самая глубокая теологическая мысль и священная наука того периода.

Большинство его форм были детскими, но некоторые достигали почти мильтоновского величия. В качестве примера последнего мы можем привести следующее:

"Посредством Апокалипсиса Иисуса Христа, который Бог дал, чтобы возвестить своим слугам о том, что вскоре произойдет; и возвестил, посылая через своего ангела:... Я изгоняю вас, ангелы невыразимой порочности!

"Семью золотыми подсвечниками... и одним, подобным Сыну человеческому, стоящим посреди подсвечников; его голосом, подобным шуму многих вод; ... его словами: "Я жив, который был мертв; и вот, Я живу во веки веков; и у Меня ключи от смерти и ада", я говорю вам: уходите, о ангелы, указывающие путь к вечной гибели!"

Кроме этого, были длинные литании о биллингсгейте, проклятия и угрозы. Один из таких "бичевательных" экзорцизмов частично заключается в следующем:

"Пусть Агес поразит тебя, как он поразил Египет, лягушками!... Пусть все дьяволы, которые являются твоими врагами, набросятся на тебя и утащат в ад!... Май... Тетраграмматон... Изгнать тебя и побить камнями, как Израиль сделал с Аханом!... Пусть Святой растопчет тебя и повесит на адской развилке, как это было сделано с пятью царями Амореяв!... Пусть Бог вбьет гвоздь в твой череп и вбьет его молотком, как Иаил вбил Сисаре!... Пусть... Сотер... разбей тебе голову и отруби руки, как это было сделано с проклятым Дагоном!... Пусть Бог повесит тебя в адском ярме, как повесили семерых человек сыновья Саула!" И так далее, на протяжении пяти страниц с мелко напечатанными латинскими ругательствами.(352)

(352) Тезаурус экзорцизма, стр. 812-817.

Иногда демона уговаривают следующим образом: "О упрямый, проклятый, лети!... почему вы останавливаетесь и сдерживаетесь, когда знаете, что ваша сила потеряна для Христа? Ибо тебе трудно отбиваться от уколов; и, воистину, чем дольше ты будешь сопротивляться, тем хуже тебе будет. Тогда убирайся: беги, ты, ядовитый шипун, ты, лживый червь, ты, порождение гадюк!" (353)

(353) Там же, стр. 859.

Эта процедура и ее результаты были признаны одними из величайших достижений Церкви. В качестве типичного мы можем упомянуть экзорцизм, проведенный неким епископом Бове, который был настолько эффективен, что пять дьяволов отказались от одержимости страдальцем и подписали своими именами, каждый за себя и подчиненных ему бесов, соглашение о том, что одержимого больше не будут помогать. Так, точно так же отцы-иезуиты в Вене в 1583 году гордились тем фактом, что в таком состязании они изгнали двенадцать тысяч шестьсот пятьдесят два живых дьявола. Церковные летописи средних веков, да и более позднего периода, изобилуют свидетельствами о таких "великих деяниях".(354)

(354) В моих предыдущих главах, особенно о метеорологии, я широко цитировал оригинальные трактаты, из которых в моем распоряжении находится очень большая коллекция; но в этой главе я в основном воспользовался многочисленными переводами, приведенными М. Х. Дзевицким в его превосходной статье в "Девятнадцатом веке" за октябрь 1888 г., озаглавленной "Изгнание нечистой силы". Ценные цитаты о происхождении и распространении

экзорцизма см. в книге Леки "Европейская мораль" (третье английское издание), том i, стр. 379-385.

Таков был результат тысячелетних теологических рассуждений сильнейших умов Европы, основанных на данных, частично приведенных в Священном Писании, а частично унаследованных от язычества, о сатане и его работе среди людей.

Под руководством теологии, всегда столь суровой по отношению к "ложно называемой науке", мир действительно прошел долгий путь от успокаивающего лечения одержимых тем, кто носил один из самых благородных своих титулов - "Великий врач". Результат был закономерен: лечение душевнобольных все больше и больше переходило в руки тюремщика, мучителя и палача.

Вернемся на минуту к истокам этого прискорбного развития событий. Несмотря на более ранние и добрые тенденции в Церкви, Синод Анкиры еще в 314 году нашей эры приказал изгнать одержимых из Церкви; христиане-вестготы били их плетью; а Карл Великий, несмотря на некоторые хорошие постановления, заключил их в тюрьму. Мужчины и женщины, чей помутившийся разум можно было бы вернуть к здоровью с помощью мягкости и мастерства, были доведены до безнадёжного безумия ядовитыми лекарствами и жестокостью. Некоторые были спасены как простые сумасшедшие — они поддались всеобщей беспечности и стали просто жертвой насмешек и бесцельной жестокости; но огромное количество было наказано как приют сатаны.

Одним из наименее страшных из этих наказаний и, возможно, самым распространенным из всех было изгнание демонов из тела сумасшедшего. Этот метод оправдал себя даже в суждениях такого вдумчивого и доброго человека, как сэр Томас Мор, причем еще в шестнадцатом веке. Но если болезнь продолжалась, что естественно после такого лечения, власти часто считали оправданным изгонять демонов пытками.(355)

(355) О назначении сэром Томасом Мором столба для порки см. "Историю безумия на Британских островах" Д. Х. Тьюка, Лондон, 1882, стр. 41.

Интересные памятники этой идеи, столь плодотворной для зла, все еще существуют. В крупных городах центральной Европы до сих пор можно увидеть "башни ведьм", где пытали ведьм и одержимых демонами, и "башни дураков", где заключали в тюрьму более мягких сумасшедших.

В соборах мы все еще видим эту идею в окаменелом виде. Черты и бесенята, вмурованные в камень, взбираются на башни, рыщут под карнизами, выглядывают из-за верхушек листов, усаживаются на капители, устраиваются под скамейками, горят в окнах. Над большим главным входом до сих пор находится самое распространенное из всех изображений, на котором сатана и его бесы хмурятся, глумятся, ухмыляются, завладевая душами людей и бичевая их змеями, или загоняя их трезубцами, или таща в цепях в пылающую пасть ада. Даже в самых потаенных и священных местах средневекового собора мы все еще находим изображения сатанинской силы, в которых буйствует ненормативная лексика и непристойности. В этих изображениях художник и стеклодув соперничали со скульптором. Среди ранних картин на холсте хорошо известен пример, изображающий дьявола в образе дракона, восседающего у головы

умирающего человека, стремящегося завладеть его душой, когда она выходит у него изо рта, и удерживаемого только усилиями сопровождающего священника. Типичными являются колоссальный портрет сатаны и яркая картина бесов, изгоняемых из одержимых и вселяющихся в свиней, как показано в витринах Страсбургского собора. Точно так же в окнах Шартрского собора мы видим святого, исцеляющего сумасшедшего: святой произносит длинную отпугивающую дьявола формулу на латыни, исходящую изо рта; и сумасшедший, у которого изо рта выходит маленький отвратительный хобгоблин с рогами, копытами и хвостом. Эти примеры всего лишь типичны для мириад соборов, аббатств и приходских церквей по всей Европе; и все они внушали массовому сознанию ужас перед всем, что называется дьявольским, и ненависть к тем, кто в этом обвиняется. Эти каменные проповеди предшествовали печатной книге; это была скульптурная Библия, которая предшествовала иллюстрированной Библии Лютера.(356)

(356) Я привожу эти примеры из огромного числа, которые я лично отметил во время посещений различных соборов. Для получения ярких примеров средневекового гротеска см. "Историю карикатуры и гротеска" Райта, Лондон, 1875; "Кафедральный собор Руана" Ланглуа, 1838; "Гротескные и символические скульптуры" Аделины, Руан, 1878; Виоле ле Дюк, "Словарь архитектуры"; Гайабо, "Сюр Архитектура" и др. Репродукцию иллюстрированной рукописи, в которой дьяволы вылетают изо рта одержимых под влиянием экзорцизма, см. Кайе и Мартин, "Новые археологические раскопки" за 1874 год, стр. 136; а демона, выходящего изо рта жертвы в клубах дыма по приказу святого Франциска Ксаверия, см. "Преданность Диксу Вендредису" и др., лист xxxii.

Сатана и его бесенята были одними из главных персонажей каждой популярной драмы, а "Адская пасть" была частью сценических декораций, которые постоянно требовались. Спектакль-чудо без полного раскрытия в нем дьявольского элемента имел бы все шансы быть выброшенным со сцены.(357)

(357) См. Райт, "История карикатуры и гротеска"; Ф. Дж. Моне, "Театр Миттелальтеров", Карлсруэ, 1846; доктор Карл Хазе, "Пьесы чудес и священные драмы", Бостон, 1880 (перевод с немецкого). Примеры чудодейственных пьес можно найти в сборнике английских чудодейственных пьес Марриотта, 1838; в книге Хона "Древние мистерии"; в Т. Диссертация Шарпа о театрализованных представлениях ... в древности исполнявшихся в Ковентри, Ковентри, 1828; в публикациях шекспировского и других обществ. Посмотрите особенно "Мучения ада", пьесу-чудо, отредактированную с оригинала, который сейчас находится в Британском музее, Т. О. Холливеллом, Лондон, 1840. Один из сохранившихся предметов - денежная сумма, уплаченная за поддержание огня в пасти ада. Говорит Хазе (как указано выше, стр. 42): "В чудесном сатиropодобном маскараде, в котором никогда не было ни рогов, ни хвостов, ни копыт... желая этого, дьявол продолжал на сцене свой бизнес по извлечению душ, "которые покидали уста умирающих "в

виде маленьких изображений".

Эти идеи воплотились не только в популярном искусстве, но и в популярных легендах. Хроники восхищались ими; они изобиловали Жизнеописаниями Святых; проповеди навязывали их со всех кафедр. Что же тогда удивительного, что мужчинам и женщинам снились яркие сны о сатанинском влиянии, что страх перед ним был подобен страху перед чумой, и что этот ужас невероятно распространил болезнь, пока мы не слышим о монастырях, деревнях и даже больших округах, опустошенных эпидемиями дьявольской одержимости!(358)

(358) Я рассмотрю эти эпидемии одержимости, которые образуют несколько особый класс явлений, в следующей главе.

И этот ужас, естественно, породил не только активную жестокость по отношению к тем, кого считали одержимыми, но и безразличие к страданиям тех, кого признавали сумасшедшими. Как мы уже видели, в то время как для всех других форм человеческих страданий были созданы достаточные и прекрасные условия, для этого их было сравнительно мало; и, действительно, даже это немного, как правило, было хуже, чем ничего. Об этом безразличии и жестокости у нас есть поразительный памятник в единственном английском слове — слове, изначально означавшем мягкость и милосердие, но ставшем символом дикого буйства, жестокости и смятения, — Вифлеемская больница стала "Бедламом".

Современное искусство также обращалось к этой теме, и, возможно, самой трогательной из всех его выставок является картина великого французского мастера, изображающая нежную женщину, привязанную к колонне и подвергающуюся насмешкам, оскорблениям и метаниям уличных хулиганов.(359)

(359) Типичная картина, изображающая борьбу священника с дьяволом, находится в городской галерее Руана. Современная картина - картина Робера Флери из Люксембургской галереи в Париже.

То тут, то там, даже в худшие времена, появлялись люди, которые пытались продвигать более гуманные взгляды, но без особого эффекта. Один толкователь Евангелия от Матфея, осмелившийся напомнить тот факт, что о некоторых безумцах в Новом Завете говорится как о сумасшедших, и предположить, что их безумие могло быть вызвано луной, получил ответ, что их безумие было вызвано не луной, а дьяволом, который использует лунный свет для своей работы.(360)

(360) См. Geraldus Cambrensis, цитируемого Тьюком, как указано выше, стр. 8, 9.

Одним из результатов этой идеи стал способ лечения, который особенно усугублял и распространял психические заболевания: проведение больших религиозных процессий. Толпы мужчин и женщин, плачущих, воющих, вызывающих к святым и бьющих себя кнутами, посещали различные священные святилища, изображения и места в надежде изгнать силы зла. Единственным результатом стало увеличение числа заболевших.

В течение сотен лет эта идея одержимости дьяволом неуклонно развивалась. Считалось, что дьяволы вселялись в животных, и животных соответственно изгоняли бесов, судили, пытали, признавали виновными и казнили. Великий святой Амвросий рассказывает нам, что священник, служивший мессе, был встревожен кваканьем лягушек на соседнем болоте; что он изгнал из них нечистую силу и таким образом прекратил их шум. Святой Бернард, как рассказывают монашеские хронисты, взошел на кафедру проповедовать в своем аббатстве, когда его прервала туча мух; сразу же после того, как святой произнес священную формулу отлучения, мухи замертво упали на мостовую кучами и были выброшены лопатами! Формула экзорцизма, приписываемая святому девятого века, которая использовалась вплоть до недавнего времени, в частности, объявляет насекомых, вредных для сельскохозяйственных культур, одержимыми злыми духами, и называет среди животных, подлежащих отлучению или изгнанию нечистой силы, мышей, кротов и змей. Также было распространено применение экзорцизма против гусениц и кузнечиков. В тринадцатом веке епископ Лозанны, обнаружив, что угри в озере Леман беспокоят рыбаков, попытался устранить проблему с помощью экзорцизма, а два столетия спустя один из его преемников отлучил от церкви всех майских жуков в епархии. Еще в 1731 году в Муниципальном реестре Тонона появилась запись следующего содержания: "РЕШЕНО, что этот город присоединится к другим приходам этой провинции в получении от Рима отлучения от церкви против насекомых, и что он внесет пропорциональный вклад в те же расходы".

Если кто-нибудь осмеливался отрицать, что животные могут быть одержимы сатаной, его немедленно заставляли замолчать, ссылаясь на то, как сатана вселился в змея в Эдемском саду, и на то, как сам Основатель христианства вселил дьяволов в свиней.(361)

(361) См. Menabrea, *Proces au Moyen Age contre les Animaux*, Шамбери, 1846, стр. 31 и далее; также "Мазы, дополнения, тюрьмы и благодать" во Франции, стр. 89, 90 и 385-395. Формулу и церемонии, используемые при отлучении насекомых, см. Ридберг, стр. 75 и далее.

Одной из наиболее стойких частей этого суеверия была вера в то, что человек может превратиться в одно из низших животных. Это стало фундаментальным моментом. Самыми страшными хищными животными в средние века были волки. Зимой, изгнанные с холмов и лесов голодом, они не только пожирали стада, но иногда приходили в деревни и хватали детей. Время от времени мужчинам и женщинам с нарушенным мозгом снилось, что они превратились в различных животных, особенно в волков. После их признания в этом и частого привлечения к ответственности других последовало множество казней сумасшедших; более того, бесчисленное множество здравомыслящих жертв, подозреваемых в одном и том же невероятном преступлении, были вынуждены под пытками признаться в этом и без сожаления отправлены на костер. Вера в такое превращение распространилась по всей Европе и долго сохранялась даже в протестантских странах. Вероятно, ни у одной статьи верования ведьм в пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веках не было больше приверженцев, чем у этой. Почти в каждом приходе Европы были свои ужасы.

Реформатская церковь во всех своих ответвлениях полностью приняла доктрины колдовства и одержимости дьяволом и развила их еще дальше. Никто не отстаивал их фундаментальные идеи более полно, чем Лютер. Он действительно отвергал часть колдовских глупостей; но

влиянию дьяволов он приписывал не только свои болезни, но и свои сны и почти все, что мешало или беспокоило его. Мух, садившихся на его книгу, крыс, не дававших ему спать по ночам, он считал дьяволами; сопротивление архиепископа Майнцского его идеям он приписывал сатане, буквально действовавшему в сердце этого прелата; своим ученикам он рассказывал истории о людях, которые были убиты из-за опрометчивого сопротивления дьяволу. Он был совершенно уверен, что безумие вызвано сатаной, и он изгонял бесов из страдальцев. Против некоторых он, по-видимому, советовал более сильные средства; и его ужас перед идиотизмом, как результатом сатанинского влияния, был настолько велик, что однажды он, по-видимому, посоветовал убить ребенка-идиота, как прямого отпрыска сатаны. И все же Лютер был одним из самых нежных и любящих людей; во всей литературе едва ли найдется что-либо более трогательное, чем его слова, обращенные к детям. Отстаивая свои идеи относительно безумия, он особенно акцентировал внимание на вопросе святого Павла о колдовстве Галатов, а в отношении идиотизма - на описании в Книге Бытия рождения детей, отцы которых были "сынами Божьими", а матери - "дочерьми человеческими". Одна из его идей была особенно характерной. Сошествие Христа в ад было частой темой обсуждения в Реформатской церкви. Меланхтон, с его любовью к изучению греческого языка, считал, что целью Спасителя, совершившего такое нисхождение, было заявить о себе великим и благородным людям древности — Платону, Сократу и остальным; но Лютер настаивал, что его целью было победить сатану в рукопашной схватке.

Эта идея дьявольского влияния пронизывала его разговоры, его проповеди, его писания и распространилась оттуда на лютеранскую церковь в целом. Кальвин также придерживался той же теории и, обладая большей властью при меньшей доброте сердца, чем Лютер, проводил ее с еще большей суровостью. Беза был особенно суров к тем, кто считал безумие естественным заболеванием, и заявлял: "Такие люди опровергнуты как священной, так и мирской историей".

Таким образом, под влиянием таких непогрешимых учений, как в старой Церкви, так и в новой, это суеверие все больше и больше перерастало в жестокость; и подобно тому, как библейские тексты, популяризированные в скульптурах, окнах и настенных украшениях великих средневековых соборов, многое сделали для его распространения в народе, так и перевод Библии Лютером, особенно в его многочисленных изданиях, иллюстрированных гравюрами, с огромной силой распространил и углубил его. В каждой крестьянской хижине кто-нибудь мог рассказать историю о дьяволе, несущем Христа по воздуху и водружающем его на вершину Храма, о женщине с семью дьяволами, о дьяволах, брошенных в свиней. Каждого крестьянского ребенка можно было бы познакомить с причудливыми картинками в семейной Библии или катехизисе, которые ярко иллюстрировали все эти тексты. В идеях, глубоко укоренившихся таким образом, люди, которые в семнадцатом и восемнадцатом веках боролись с этой массой безумия и жестокости, обнаружили наихудшее препятствие для правильного разума.(362)

(362) Что касается Лютера, смотрите среди огромного количества подобных отрывков в его работах "Застольная беседа", перевод Хэзлитта, стр. 251, 252. Что касается гротеска в средневековых церквях, автор этой статьи, посетив городскую церковь Виттенберга, заметил прямо напротив кафедры, где так часто проповедовал Лютер, очень энергичную фигуру бесенка, взирающего на прихожан. Можно только подозревать, что этот средневековый пережиток часто наводил на мысль о любимой теме Лютера во время его проповедей. О Безе читайте в его Заметках к Новому Завету, Матфея iv,

Таково было лечение бесноватых, разработанное теологией, и такая практика соблюдалась церковью более тысячи лет.

Сейчас будет рассказано, как распространилась атмосфера, в которой эта вера начала развеиваться, как наука подорвала ее основные основы и как постепенно воцарилось человечество.

II. ЗАЧАТКИ ЗДОРОВОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Теперь мы увидели кульминацию старой процедуры, касающейся безумия, в том виде, в каком она была разработана теологией и навязана церковью; и мы отметили, как под влиянием Лютера и Кальвина Реформация скорее углубила, чем ослабила веру в злобу и силу личного дьявола. В реформатских церквях этого было не больше, чем в старых, просто теоретически. Как в ранние века христианства его священники в доказательство божественной миссии особенно апеллировали к своей власти над врагом человечества в телах людей, так и теперь духовенство соперничающих вероучений жадно искало возможности установить истинность своих собственных и ложность доктрин своих противников путем видимого изгнания бесов. Правда, их методы несколько различались: там, где католик использовал святую воду и освященный воск, протестант довольствовался текстами Священного Писания и назойливыми молитвами; но дополнительное физическое раздражение от вселившегося в него демона не сильно различалось. Острой была конкуренция за несчастные объекты лечения. Каждая сторона, конечно, решительно отрицала всякую эффективность усилий своих противников, настаивая на том, что любая кажущаяся победа над сатаной была обусловлена не поражением, а сговором дьявола. Поскольку, по словам самого Мастера, "никто не может Вельзевулом изгонять бесов", пациент теперь нуждался в помощи больше, чем раньше; и не одной бедной жертве пришлось поочередно подвергаться лютеранскому, римскому и, возможно, кальвинистскому экзорцизму.(363)

(363) Примеры этого соперничества см. Фрейтаг, *Aus dem Jahrh. d.* Реформация, стр. 359-375. Иезуит Штенгель в своем "О божественном правосудии" (Ингольштадт, 1651) посвящает целую главу изгнанию бесов великим Канисиусом духа, который не поддавался заклинаниям протестантов. Среди самых ликующих католических сатир того времени - те, кто ликует по поводу предполагаемого провала Лютера как экзорциста.

Но гораздо более серьезным по своим последствиям было другое соперничество, которому в шестнадцатом веке оказались подвержены священнослужители всех вероисповеданий.

Возрождение медицинской науки под влиянием нового изучения античности внезапно привело к тому, что Церковь вырвала из рук фэйра профессию, монополией на которую она пользовалась так долго и так выгодно. Только один класс болезней оставался бесспорно ее собственностью — те, которые, как все еще признавалось, были вызваны прямым личным вмешательством сатаны, — и главным среди них было безумие. (364) Конечно, неудивительно, что эпоха религиозных споров и возбуждения оказалась исключительно плодотворной в умственных болезнях; и людям, которые взаимно убеждали в полной бесполезности того крещального экзорцизма, с помощью которого младенцев их введенных в заблуждение соседей заставляли отречься от дьявола и его дел, не должно было казаться странным, что его жертв теперь стало больше. (365) Но столь простое объяснение не удовлетворило этих врачей душ; поэтому они изобрели более простое: их пациенты, как они утверждали, были околдованы, и их увеличение было вызвано растущее число людей-союзников сатаны, известных как ведьмы.

(364) Что касается отношения католического духовенства, то лучшими источниками являются конфиденциальные иезуитские ежегодные письма. По сей день многочисленные трактаты о "пастырской медицине", используемые в старой Церкви, посвящены главным образом этому виду борьбы с дьяволом.

(365) Ритуал изгнания нечистой силы при крещении продолжал использоваться среди лютеран до восемнадцатого века, хотя борьба за отказ от него была долгой и острой. См. Крафт, "Истории изгнания нечистой силы", Гамбург, 1750.

Еще до конца XV века папа Иннокентий VIII издал потрясающую буллу, в которой он призвал архиепископов, епископов и другое духовенство Германии объединить усилия с его инквизиторами в искоренении этих добровольных слуг сатаны, которые, как говорили, кишмя кишат по всей этой стране и совершают самые ужасные преступления. С тех пор другие папы повторяли апелляцию; и, хотя ни в одном из этих документов не затрагивалась вина колдовства за одержимость дьяволом, инквизиторы, которым было поручено казнить их, наиболее четко указали на это в своем устрашающем справочнике "Молот ведьм" и предписали особые средства, с помощью которых следует бороться с одержимостью, вызванной таким образом. Эти учения прочно укоренились в религиозных умах повсюду; и в великую эпоху сжигания ведьм, последовавшую за Реформацией, вполне можно усомниться в том, что какая-то одна причина так часто вызывала вспышку преследования, как предполагаемое колдовство какого-нибудь бедного сумасшедшего, глупышки или истеричного существа. Начавшееся преследование, таким образом, подпитывало само себя; ибо в соответствии с ужасной доктриной "исключительных случаев", согласно которой в религиозных преступлениях ереси и колдовства применение пыток не ограничивалось, ведьму заставляли признаваться сообщникам, которые, в свою очередь, обвиняли других, и так далее до конца главы. (366)

(366) Иезуит Штенгель, профессор из Ингольштадта, который (в своем великом труде "О божественном правосудии") в качестве причины, по которой милосердный Бог допускает болезни, выдвигает свое желание прославить себя чудесами, совершаемыми его

Церковью, и свое желание испытать веру людей, позволив им выбирать между святой помощью Церкви и незаконным обращением к медицине, заявляет, что есть разница между простой одержимостью и одержимостью, вызванной колдовством, и настаивает на том, что последнее труднее поддается лечению.

Ужасы такого преследования с сознанием вездесущего дьявола, которым оно дышало, и панический ужас перед ним, который оно внушало, не могли не усугубить безумие, которое, как оно утверждало, излечивало. Хорошо подтвержденными, хотя и более редкими, чем принято считать, были случаи, когда обезумевшие женщины добровольно обвиняли себя в этом невероятном преступлении. Один из самых выдающихся авторитетов в области душевных болезней заявляет, что среди несчастных, приговоренных к смерти за колдовство, он распознает ярко выраженных жертв церебральных расстройств; в то время как не менее выдающийся авторитет в Германии сообщает нам, что при самом тщательном изучении оригинальных записей об их испытаниях пытками он часто находил их ответы и записанные разговоры, в точности похожие на те, которые ему знакомы по нашим современным сумасшедшим домам, и называет некоторые формы безумия, которые постоянно и безошибочно проявляются у тех, кто пострадал за преступные связи с дьяволом. (367)

Результатом этого повсеместного террора, естественно, были, следовательно, наблюдается неуклонный рост психических расстройств. Крупный современный авторитет говорит нам, что, хотя современная цивилизация имеет тенденцию к росту безумия, число сумасшедших в настоящее время намного меньше, чем в эпоху веры и в период Реформации. Обращение с "одержимыми", как мы находим, изложенное в стандартных трактатах, одобренных ортодоксальными церковниками и юристами, в полной мере объясняет это. Один из видов лечения, применяемых к обвиняемым в колдовстве, также служит доказательством этого — "бессонная пытка". Из всех факторов, влияющих на заболевание мозга, спокойный и регулярный сон, безусловно, полезен; тем не менее, при такой практике этим полубезумным существам ночь за ночью и день за днем не давали спать или даже отдыхать. Таким образом, временное заблуждение превратилось в хроническое безумие, легкие случаи стали жестокими, последовали пытки и смерть, и "пути Бога к человеку" были оправданы. (368)

Но самыми презренными существами во все те столетия были врачи, которые принимали сторону религиозной ортодоксии. В то время как на стороне истины Флейд жертвует своей жизнью, Корнелий Агриппа - своей свободой, Виер и Лоос - своими надеждами на повышение, Беккер - своим положением, а Томазиус - своим спокойствием, репутацией и друзьями, мы находим в качестве союзников другой стороны отряд в высшей степени респектабельных докторов, смешивающих Священное Писание, метафизику и мнимые наблюдения, чтобы поддержать "безопасную сторону" и осудить вмешательство в существующие суеверия, которые казались им "очень надежной верой, которой придерживаются простые люди". (369)

(367) См. Д. Х. Тьюк, Главы из "Истории душевнобольных на Британских островах", Лондон, 1822, стр. 36; также Кирхгоф, стр. 340. Особенно упоминаются формы безумия - "старческое слабоумие" и эпилепсия.

Поразительный случай добровольного признания в колдовстве женщиной, которая дожила до излечения от наваждения, очень подробно описан Реджинальдом Скотом в его книге "Открытие колдовства", Лондон, 1584. Увы,

слишком вероятно, что "странности", вызванные легкой и непризнанной манией, часто приводили к обвинению в колдовстве, а не к подозрению в одержимости.

(368) См. Кирхгофа, как указано выше.

(369) For the arguments used by creatures of this sort, see Diefenbach, *Der Hexenwahn vor und nach der Glaubensspaltung in Deutschland*, pp. 342-346. Длинный список их печально известных имен приведен на стр. 345.

По отношению к одной из форм безумия и католики, и протестанты были особенно жестоки. Нет ничего более распространенного во все времена религиозного возбуждения, чем странные личные галлюцинации, связанные с верой безумного пациента в то, что он божественная личность. В самом поразительном представлении о безумии, которое когда-либо было сделано, Каульбах показывает в центре своей замечательной группы пациента, привлекающего внимание к себе как к Спасителю мира.

Иногда, когда эта форма заболевания принимала более мягкий истерический характер, к ней относились с благоговением и даже возводили в ранг святой: типичны такие примеры, как святой Франциск Ассизский и святая Екатерина Сиенская в Италии, святая Бриджит в Швеции, святая Тереза в Испании, святая Мария Алакок во Франции и Луиза Лато в Бельгии. Но чаще такие случаи шокировали общественное мнение, и к ним относились с особой строгостью: типичным примером этого является случай с Симоном Марином, который в своем безумии считал себя Сыном Божьим и из-за этого был сожжен заживо в Париже, а его прах развеян по ветру. (370)

(370) Что касается частоты этой формы веры среди душевнобольных, см. Calmeil, vol. ii, стр. 257; также Модсли, "Патология разума", стр. 201, 202 и 418-424; также Рамбо, "История цивилизации во Франции", vol. ii, с. 110. Об особых aberrациях вышеназванных святых и других экстатиков см. Модсли, как указано выше, стр. 71, 72 и 149, 150. Главы Модсли, посвященные этому и родственным темам, безусловно, являются одним из наиболее ценных вкладов в современную мысль. Для обсуждения самого последнего случая см. Варломон, Луиза Лато, Париж, 1875.

Ученые-богословы и юристы постоянно разрабатывали новые теории относительно способов проникновения дьявола в "одержимых". Одна из таких теорий заключалась в том, что сатана мог попасть в рот человеку с пищей — возможно, в виде насекомого, проглоченного на листе салата, и это было одобрено, как мы видели, не менее непогрешимым авторитетом, чем Григорий Великий, папа Римский и Святой. Другая теория заключалась в том, что сатана входил в тело, когда рот открывался для дыхания, и есть хорошо подтвержденные случаи врачей и богословов, которые, изгоняя злых духов, проявляли особую осторожность, чтобы бес не запрыгнул им в рот изо рта пациента. Другая теория заключалась в том, что дьявол вселялся в

людей во время сна; и в сравнительно недавний период король Испании имел обыкновение спать между двумя монахами, чтобы отогнать дьявола.(371)

(371) Что касается проникновения дьявола в рот во время еды, см.

Calmeil, как указано выше, vol. ii, стр. 105, 106. Что касается страха доктора Борде перед тем, что злой дух, будучи изгнан, может войти в его собственное тело, см.

Тьюка, как указано выше, стр. 28. Что касается короля Испании, см. Отмеченную главу в "Истории цивилизации в Англии" Бакла.

Монастыри были частыми источниками этой формы психических заболеваний, которые, как предполагалось, были вызваны колдовством. С самого раннего периода очевидно, что монашеская жизнь имела тенденцию к развитию безумия. Такие случаи, как случай со святым Антонием, типичны по своему воздействию на самые сильные умы; но именно женские монастыри стали главными рассадниками этой болезни. Среди большого числа женщин и девушек, собравшихся таким образом — многие из них были вынуждены уйти в монашеское уединение против своей воли по той причине, что их семьи не могли дать им приданого, — подверженных неудовлетворенным желаниям, подозрениям, пререканиям, мелочной ревности, зависти и ненависти, столь неизбежным в монастырской жизни, — вполне вероятно, что психическое заболевание могло развиваться в любой момент. Истерическое возбуждение в женских монастырях принимало формы, иногда комичные, но в более общем плане трагические. Примечательно, что последние места, где проводились казни за колдовство, были в основном по соседству с крупными женскими монастырями; и последней известной жертвой из множества казненных в Германии за это воображаемое преступление была сестра Анна Рената Зингер, младшая настоятельница женского монастыря недалеко от Вюрцбурга.(372)

(372) Среди множества авторитетных источников по этому вопросу см. Кирхгофа, как указано выше, стр. 337; а наиболее яркую картину этой темной стороны монастырской жизни, нарисованную, действительно, преданным католиком, см. в книге Манцони "

Промессы Спеси". Об Анне Ренате есть поразительное эссе покойного Йоханнеса Шерра в его книге "Hammerschläge und Historien". Об общей теме истерии, развившейся таким образом, см. Работы Карпентера и Тьюка; а что касается ее естественного развития в женских монастырях, см. Модсли, Ответственность при психических заболеваниях, стр. 9. Особое внимание будет уделено этому в главе о дьяволизме и истерии.

То же самое наблюдалось и среди молодых женщин, подвергшихся воздействию различных фанатичных протестантских проповедников. Безумие, как временное, так и постоянное, таким образом, часто развивалось среди гугенотов Франции и таким образом развивалось в Америке со времен Салемских преследований вплоть до "лагерных собраний" настоящего времени.(373)

(373) Эта ветвь темы будет более подробно рассмотрена в следующей главе.

В разное время, со времен святого Агобарда Лионского в девятом веке до Помпонатия в шестнадцатом, более или менее робкие протесты или предложения выдвигались вдумчивыми людьми против этой системы. Медицина сделала некоторый шаг вперед в направлении улучшения зрения, но теологический поток, как правило, захлестывал всех, кто поддерживал научное лечение. Наконец, ближе к концу шестнадцатого века, два человека начали гораздо более серьезную атаку на это почтенное суеверие. Возрождение науки и импульс к размышлениям о материальных вопросах, данный в "эпоху открытий", несомненно, создали атмосферу, которая сделала работу этих людей возможной. В 1563 году, в разгар демонстраций одержимости демонами самыми выдающимися теологами и судьями, которые сидели в своих мантиях и выглядели мудрецами, в то время как женщин, визжащих, молящихся и богохульствующих, подвергали пыткам, восстал человек, который осмелился решительно протестовать против того, что некоторые из обвиняемых таким образом лиц могли быть просто сумасшедшими; и этим человеком был Джон Вир из Клеве.

Его протест на сегодняшний день не кажется нам особенно смелым. В своих книгах "О претигающем демоне" и "О Ламии" он изо всех сил старался не оскорблять религиозную или богословскую восприимчивость; но он чувствовал себя обязанным привлечь внимание к смешанному мошенничеству и заблуждению тех, кто утверждал, что их заколдовали, и указать, что на самом деле больны часто не их обвинители, а сами предполагаемые ведьмы, и призвать в первую очередь показать их врачу.

Его книга сразу же подверглась нападкам со стороны самых выдающихся теологов. Один из величайших мирян своего времени, Жан Боден, также с особой силой выступал против этого и благодаря обильному использованию текстов Священного Писания одержал, по всей видимости, полную победу: казалось, что это суеверие удерживалось в Европе еще тысячу лет. Но в воздухе витало сомнение, и примерно через четверть века после публикации книги Виера во Франции были опубликованы очерки человека отнюдь не столь благородного, но гораздо более гениального — Мишеля де Монтень. Общий скептицизм, который его работа распространяла среди французского народа, во многом способствовал созданию атмосферы, в которой вера в колдовство и одержимость демонами неизбежно должна была угаснуть. Но этот процесс, хотя и был реальным, был скрытым, и победа по-прежнему казалась на стороне теологии.

Развитие новой истины и ее борьба со старым заблуждением все еще продолжались. В Голландии Бальтазар Беккер написал свою книгу против наихудших форм суеверия и попытался помочь научной стороне с помощью текста из Второго Послания Святого Петра, показывающего, что дьяволы были ограничены Всемогущим и, следовательно, не могли выполнять на земле работу, которая была им вменена. Но протестантские братья Беккера согноли его с кафедры, и он едва избежал смерти.

Последняя борьба великого суеверия очень часто бывает наихудшей. Так оказалось и в данном случае. В первой половине семнадцатого века жестокости, проистекавшие из старой доктрины, были более многочисленными и суровыми, чем когда-либо прежде. В Испании, Швеции, Италии и, прежде всего, в Германии мы видим постоянные попытки подавить эволюцию новой истины.

Но посреди всей этой реакционной ярости начали появляться проблески здравого смысла. Знаменательно, что в это самое время, когда старое суеверие, по-видимому, повсеместно торжествовало, заявление Пуле о том, что он, его брат и кузина, намазавшись мазью,

превратились в волков и пожирали детей, не повлекло за собой сурового наказания. Судьи отправили его в сумасшедший дом. Все больше и больше, несмотря на отчаянные попытки с кафедры спасти суеверие, великие писатели и юристы, особенно во Франции, начинали видеть проблески истины и мужества отстаивать ее. Мальбранш выступил против этого заблуждения; Сегье заставил французские суды отменить несколько декретов, осуждающих колдунов; великий канцлер Д'Агессо заявил парижскому парламенту, что, если они хотят остановить колдовство, они должны прекратить говорить о нем — что колдунов следует скорее жалеть, чем обвинять.(374)

(374) См. Esquirol, "О душевных болезнях", том i, стр. 488, 489; том ii, стр. 529.

Но как раз в это время, на пороге восемнадцатого века, богословское течение было усилено великим священнослужителем - величайшим теологом, которого когда-либо создавала Франция, чье влияние на религию и на умы Людовика XIV было огромным, — Боссюэ, епископом Мо. Были основания ожидать, что Боссюэ, по крайней мере, сделает что-нибудь, чтобы смягчить это суеверие; ибо его труды показывают, что во многом, что до него приписывалось одержимости дьяволом, он видел простое безумие. К сожалению, та же приверженность буквальному толкованию Священного Писания, которая заставляла его выступать против всех других научных истин, разработанных в его время, побудила его также напасть на это: он произнес и опубликовал две великие проповеди, которые, демонстрируя некоторый прогресс в форме его веры, тем не менее показали, что фундаментальной идеи одержимости дьяволом все еще нужно было цепко придерживаться. В чем заключалась эта идея, можно увидеть из одного типичного заявления: он заявил, что "один-единственный дьявол мог бы перевернуть землю так же легко, как мы поворачиваем мрамор".(375)

(375) См. Две проповеди "Sur les Demons" (которые фактически являются всего лишь двумя версиями одной и той же проповеди) в сочинениях Буссе, издание 1845 года, том. iii, стр. 236 и далее; также Дзевецкий в девятнадцатом веке, как указано выше. О сопротивлении Буссе другим научным истинам, особенно в астрономии, геологии и политической экономии, читайте в других главах этой работы.

III. ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА И ПОБЕДА НАУКИ.—ПИНЕЛЬ И ТЬЮК.

Теологическое течение, таким образом восстановленное, казалось, снова стало непреодолимым; но это было так только внешне. Несмотря на это, французский скептицизм продолжал расти; признаков тихих перемен среди массы мыслящих людей появлялось все

больше и больше; и в 1672 году произошло событие огромной важности, поскольку парламент Руана приговорил к сожжению четырнадцать колдунов, их казнь была отложена на два года, очевидно, из-за скептицизма официальных лиц; и, наконец, великий министр Людовика XIV Кольбер издал указ, запрещающий подобные судебные процессы и предписывающий лечить осужденных от безумия.

Казалось, что Победа теперь склоняется к стандартам науки, и в 1725 году не кто иной, как Сент-Андре, придворный врач, осмелился опубликовать работу, фактически доказывающую, что "одержимость демонами" является безумием.

Французская философия со времени своего раннего развития в восемнадцатом веке при Монтескье и Вольтере, естественно, усилила движение; результаты посмертных исследований мозга "одержимых" подтвердили это; и в 1768 году мы видим, как это оформилось в заявлении парижского парламента, что одержимых следует рассматривать как просто больных. Тем не менее, старая вера сохранялась, ее жизнь время от времени вспыхивала в тех частях Франции, которые больше всего находились под церковным контролем, пока в последние годы девятнадцатого века исследованиями Шарко и его коллег ей не был нанесен удар, который, вероятно, вскоре погасит ее. Было обнаружено, что одно из свидетельств общения сатаны с человечеством, на которое на протяжении многих поколений богословы придавали особое значение и за которое они приговорили десятки маленьких девочек и сотни пожилых женщин к самой жестокой смерти, было не более чем одним из многих результатов истерии.(376)

(376) О влиянии Кольбера см. Дагрон, стр. 8; также Рамбо, как указано выше, том. ii, стр. 155. О Сент-Андре см. Лакруа, как указано выше, стр. 189, 190.

Об исследованиях Шарко болезни, ныне известной как метеоризм истерический, но которая ранее рассматривалась в церковных судах как свидетельство беременности в результате отношений с сатаной, см. Snell, *Nexenprocesse un Geistesstorung*, Мюнхен, 1891, главы. xii и xiii.

В Англии продолжалась та же война. Джон Локк утверждал истину, но теологическая точка зрения продолжала контролировать общественное мнение. Самым выдающимся среди тех, кто пользовался огромной властью в ее интересах, был Джон Уэсли, и сила и красота его характера делали его влияние в этом отношении еще более неблагоприятным. То же самое служение простой букве Священного Писания, которое побудило его заявить, что "отказаться от колдовства - значит отказаться от Библии", привело его к безумию. Он настаивал, опираясь на авторитет Ветхого Завета, что телесные болезни иногда вызываются дьяволами, а, опираясь на авторитет Нового Завета, что языческие боги - демоны; он верил, что сны, хотя в некоторых случаях и вызваны телесными состояниями и страстями, как показано Священным Писанием, также вызваны оккультными силами зла; он цитирует врача, чтобы доказать, что "большинство сумасшедших на самом деле являются бесноватыми". В своей великой проповеди о злых Ангелах он особенно останавливается на этом моменте; сопротивляется идее, что "одержимость" может быть эпилепсией, даже если присутствуют обычные симптомы эпилепсии; протестует против "предоставления неверующим таких доказательств существования невидимого мира, которые можно найти при дьявольской одержимости"; и, очевидно, верит, что некоторые, доведенные до истерики его собственной проповедью, "одержимы сатаной". На всем этом и многом другом в том же духе он настаивал со всей силой,

данной ему его глубокой религиозной натурой, его замечательным знакомством со Священными Писаниями, его природной проницательностью и красноречием.

Но и здесь наука продолжала свою работу. Старая вера неуклонно подрывалась, атмосфера, благоприятствующая истине, становилась все более и более развитой, и парламентский акт 1735 года, исключивший преступление колдовства из свода законов, стал началом конца.

В Германии мы видим начало аналогичного триумфа науки. В Пруссии этот суровый старый монарх, Фридрих Вильгельм I, свел на нет усилия наиболее ревностного духовенства и ортодоксальных юристов поддерживать старую доктрину в своих владениях; по всей протестантской Германии, где она свирепствовала наиболее сильно, она, как правило, изгонялась из церковных формул, катехизисов и гимнов и становилась все более и более предметом шуточных намеков. В силу привычки и ради последовательности некоторые из наиболее консервативных теологов продолжали повторять старые аргументы, и было много тех, кто настаивал на вере как абсолютно необходимой для обычной ортодоксальности; но очевидно, что это стало простой условностью, что люди только верили в то, что они в это верят, и теперь реформа в лечении душевнобольных казалась возможной. (377)

(377) О Джоне Локке см. "Жизнь Локка" Кинга, стр. 326, 327. Что касается Уэсли, то из его почти бесчисленных сочинений, касающихся этой темы, я могу выделить проповедь о злых ангелах и его письмо доктору Миддлону; и в его собрании сочинений есть много поразительных заявлений и аргументов, особенно в томах. iii, vi и ix. См. также "Жизнь Уэсли" Тайермана, том. ii, стр. 260 и далее. Великий гимн Лютера "Эйн фесте Бург", конечно, оставался заметным исключением из правил; но стала популярной пословица, выражающая общее чувство: "Auf Teufel reimt sich Zweifel". См. Langin, как указано выше, стр. 545, 546.

В Австрии правительство поручило доктору Антонио Хаену провести тщательное исследование причин одержимости дьяволом. Он не считал лучшим, принимая во внимание власть Церкви, оспаривать возможность подобных случаев, но просто решил после тщательного расследования, что из множества случаев, которые были доведены до него, ни один не подтверждал веру в демоническое влияние. Была предпринята попытка продолжить это исследование, и многое было сделано такими людьми, как Франке и Ван Свитен, и особенно императором-реформатором Иосифом II, чтобы спасти мужчин и женщин, которые в противном случае стали бы жертвами распространенного суеверия. К несчастью, Джозеф противопоставил себе всю мощь Церкви, и большая часть его добрых усилий, казалось, сошла на нет. Но то, что благороднейшие из древнего рода германских императоров не могли сделать внезапно, немецкие ученые сделали постепенно. Спокойно и тщательно, с помощью доказательств, которые невозможно было опровергнуть, они восстановили старый научный факт, установленный в языческой Греции и Риме, что безумие - это просто физическое заболевание. Но теперь они установили это на основе, которая никогда больше не может быть поколеблена; ибо при посмертных обследованиях большого числа "одержимых" людей они обнаружили признаки заболевания мозга. Типичным является случай в Гамбурге в 1729 году. Больная женщина в высокой степени проявила все признанные признаки одержимости дьяволом: были напрасно испробованы экзорцизмы, проповеди и всевозможные освященные

средства; затем были испробованы более мягкие медицинские средства, и она настолько выздоровела, что ей разрешили причаститься перед смертью: вскрытие, проведенное в присутствии пятнадцати врачей и государственного нотариуса, показало, что это был просто случай хронического менингита. Работа немецких ученых в этой области поистине благородна; великая преемственность, от Виера до Вирхова, воздвигла барьер, о который тщетно бились все усилия реакционеров.(378)

(378) См. Kirchhoff, стр. 181-187; также Langin, Religion und Hexenprozess, как цитировалось выше.

В Америке вера в дьявольское влияние имела полный контроль в ранний колониальный период. Мазеры, во многом превосходившие свое время, были детьми своего времени в этом: они полностью поддерживали эту веру, и ужасы салецкого колдовства были одним из ее результатов; но обсуждение этого безумия Калефом нанесло ей серьезный удар, и лучшее влияние быстро распространилось по колониям.

К середине восемнадцатого века вера в одержимость дьяволом практически исчезла из всех просвещенных стран, а в девятнадцатом веке она утратила свою силу даже в регионах, где средневековый дух по-прежнему наиболее силен. На протяжении средневековья, как мы видели, сатана был ведущим персонажем в спектаклях о чудесах, но в 1810 году баварское правительство отказалось разрешить спектакль о страстях в Обер-Аммергау, если сатане было разрешено принимать в нем какое-либо участие; несмотря на героические усилия сохранить старую веру, даже детская вера тирольтцев дошла до того, что изображение сатаны стало просто предметом для смеха.

Очень важным также был судебный процесс, который состоялся в Вемдинге, на юге Германии, в 1892 году. С мальчиком случилась истерика, и отец-капуцин Аврелиан попытался изгнать из него бесов и обвинил жену крестьянина фрау Герц в том, что она околдовала его, на основании доказательств, которые в любое время семнадцатого века стоили бы женщине жизни. После этого муж женщины подал в суд на отца Аврелиана за клевету. Последний настаивал в свою защиту на том, что мальчик был одержим злым духом, если кто-либо когда-либо был одержим; что то, что было сказано и сделано, соответствовало правилам и предписаниям Церкви, изложенным в декретах, формулах и ритуалах, санкционированных папами, соборами и бесчисленными епископами на протяжении веков. Все напрасно. Суд приговорил доброго отца к штрафу и тюремному заключению. Как в известном английском деле, "ад был прекращен с издержками". Еще более знаменательным является тот факт, что недавно мальчик, объявленный двумя баварскими священниками одержимым дьяволом, был доставлен, после того как все церковные экзорцизмы не увенчались успехом, в водолечебницу отца Кнайпа и там быстро вылечился.(379)

(379) Удивительно интересные статьи, показывающие недавние усилия различных священников в Италии и Южной Германии возродить веру в одержимость дьяволом — усилия, в которых принимал участие епископ Аугсбургский — см. в статье профессора Э. П. Эванса "О современных случаях одержимости дьяволом" и о недавнем возрождении суеверий в "Popular Science"

Ежемесячно за декабрь 1892 г. и за октябрь, ноябрь 1895 г.

Говоря о роли, которую сыграл сатана в Обер-Аммергау, Хазе говорит: "Раньше, восседая на своем адском троне, окруженный своим воинством Греха и Смерти, он открывал пьесу ... и... сохранялся на протяжении значительной части; но он был отдан прогрессу того просвещения, которого не смогли избежать даже баварские высокогорья" (стр. 80).

Особый момент, который следует отметить, заключается в том, что из сегодняшней игры чудес исчез сатана и его дела. Автор настоящего произведения не смог обнаружить в представлении пьесы "Страсти господни" в Обер-Аммергау в 1881 году ни малейшего упоминания о дьявольском вмешательстве в ход событий, как это представлено из Ветхого Завета или из Нового, в серии картин, длящихся с небольшим перерывом с девяти утра до четырех часов пополудни. При самом тщательном изображении мельчайших событий из жизни Христа, а порой и с сотнями фигур на сцене, не было ни одного человека или слова, которые напоминали бы об этой главной роли в средневековых церковных пьесах. Автор настоящего сборника также составил полную коллекцию фотографий живых картин, музыкальных гравюр и работ, связанных с этими изображениями, за двадцать лет до этого, и ни в одном из них не было явного остатка старой веры.

Но, хотя старое суеверие было отброшено, неизбежный консерватизм в теологии и медицине привел к тому, что многие старые злоупотребления продолжались в течение многих лет после того, как богословская основа для них действительно исчезла. Все еще сохранялось чувство неприязни к сумасшедшим, порожденное ранним чувством враждебности по отношению к ним, которого было достаточно, чтобы на долгие годы предотвратить какие-либо практические реформы.

Чем была эта старая теория, даже при самых благоприятных обстоятельствах и среди лучших людей, мы видели на примере того факта, что сэр Томас Мор приказал публично выпороть признанных сумасшедшими; и следует помнить, что Шекспир заставляет одного из своих персонажей называть сумасшедших заслуживающими "темного дома и кнута". Какой была старая практика и какой она оставалась, мы знаем слишком хорошо. Взяв в качестве примера протестантскую Англию — а она, вероятно, была самой гуманной, — мы имеем цепочку свидетельств. К концу шестнадцатого века сообщалось, что Вифлеемская больница выглядела слишком отвратительно, чтобы в нее мог войти мужчина; в семнадцатом веке Джон Эвелин считал ее не лучше; в восемнадцатом фотографии Хогарта и отчеты современников показывают, что она в основном такая же, какой была в предыдущие столетия.(380)

(380) О сэре Томасе Море и условиях Бедлама см. Тьюк, История душевнобольных на Британских островах, стр. 63-73. Один из отрывков Шекспира есть в "Как вам это понравится", Акт III, сцена 2. Что касается сохранения безразличия к страданиям душевнобольных так долго после того, как вера, вызывавшая его, в целом исчезла, см. Несколько превосходных замечаний в книге Модсли "Ответственность за психические заболевания", Лондон, 1885, стр. 10-12.

Более древняя английская практика, таким образом, причудливо описана Ричардом Кэрю (в его Обзоре Корнуолла, Лондон, 1602, 1769): "Во времена наших предков, когда преданность

настолько же превышала знание, насколько знание сейчас уступает преданности, было много мест для исцеления сумасшедших, и среди прочих, одно в Альтернунне из этой Сотни, называемое С. Наннеспул, Алтарь Святых (возможно, это)... дал название церкви... Вода, текущая из колодца С. Наннеса, попадала на квадратный участок с плотной стеной, который мог быть заполнен на ту глубину, которую они указали. На этой стене был поставлен обезумевший человек, повернувшийся спиной к бассейну, и оттуда с внезапным ударом в грудь кубарем полетел в пруд; где сильный парень, предусмотрительный на этот случай, схватил его и швырял все дальше и дальше вдоль воды, до тех пор, пока пациент, благодаря огромной силе, несколько не забыл о своей ярости. Затем его доставили в Церковь, и над ним отслужили несколько мессы; после чего, если к нему возвращалось здравомыслие, С. Нанн получал благодарность; но если появлялось какое-либо небольшое изменение, ему снова кланялись, и снова, пока в нем сохранялась хоть какая-то надежда на жизнь, на выздоровление".

Первый гуманный импульс, имеющий сколько-нибудь важное значение в этой области, по-видимому, возник в Америке. В 1751 году некоторые члены Общества друзей основали небольшую больницу для душевнобольных, руководствуясь лучшими принципами, в Пенсильвании. Выражаясь языком ее основателей, это было задумано "как доброе дело, угодное Богу". Двадцать лет спустя в Вирджинии было основано подобное убежище, и постепенно другие появились в других колониях.

Но именно во Франции милосердие должно было быть поставлено на научную основу и привести к практическим результатам, которые должны были обратить мир к человечности. В этом случае, как и во многих других, из Франции был распространен и популяризирован не только скептицизм, разрушивший теологическую теорию, но и преданность, которая создала новую научную теорию и подарила миру новое сокровище цивилизации.

В 1756 году некоторые врачи большой парижской больницы, известной как Отель-Дье, протестовали против того, что жестокость, царящая при обращении с душевнобольными, усугубляет болезнь; последовали протесты и из других кругов. Сначала это не принесло особого эффекта; но незадолго до Французской революции Тенон, Ларошфуко-Лианкур и другие занялись этим вопросом, и в 1791 году была назначена комиссия для проведения реформы.

По счастливой случайности, руководителем движения был выбран человек, который уже вложил в него всю душу, — Жан Батист Пинель. В 1792 году Пинеля назначили врачом в Бисетре, одном из самых обширных приютов для умалишенных во Франции, и работе, возложенной на него там, он отдавал все свои силы. Поначалу о нем почти ничего не было слышно. Приближались самые ужасные сцены Французской революции, но он продолжал работать, скромно и преданно, очевидно, не думая о великой политической буре, бушевавшей вокруг него.

Его первым шагом было полное отвержение всей теологической доктрины "одержимости", и особенно идеи о том, что безумие является результатом какого-либо тонкого духовного влияния. Он просто применил на практике теорию о том, что безумие является результатом телесных заболеваний.

Любопытно, что, если бы не влияние деструктивной философии восемнадцатого века и террористов во время Французской революции, благословенная работа Пинеля, по всей вероятности, была бы сорвана, а сам он отлучен от церкви за ересь и смещен со своего поста.

Несомненно, против него были бы предприняты те же усилия, которые Церковь немногим ранее предприняла против прививки как средства от оспы; но как раз в то время у великих церковников были другие заботы, помимо сокрушения этого конкретного еретика: они были слишком заняты тем, чтобы уберечь свои собственные головы от гильотины, чтобы обращать внимание на то, что происходило в голове Пинеля. Ему разрешили спокойно работать, и за короткое время царствованию дьявола в Бисетре пришел конец. То, чего не могли достичь экзорцизмы, фетиши, молитвы и процессии, питье святой воды и звон колоколов в течение полутора тысяч лет, он достиг за несколько месяцев. Его метод был прост: грубость и безжалостность, царившие до того времени, он заменил добротой и кротостью. Одержимых вывели из их темниц, отвели солнечные комнаты и предоставили им приятную площадку для упражнений; цепи были отброшены в сторону. В то же время умственные способности каждого пациента развивались соответствующими упражнениями, а с болезнью справлялись с помощью лекарств, санкционированных экспериментом, наблюдением и разумом. Так был достигнут один из величайших, хотя и наименее известных триумфов современной науки и человечества.

Результаты, полученные Пинелем, произвели мгновенный эффект не только во Франции, но и по всей Европе: новость распространилась из больницы в больницу. После его смерти Эскироль продолжил его работу; и вместо старого обучения судей, палачей теологией воплощать свои идеи в жестокости, теперь была подготовлена школа врачей для развития науки в этой области и исполнения ее постановлений в милосердии.(381)

(381) О заслугах Тенона и его единомышленников, а также о работе Пинеля см., в частности, Esquirol, *Des Maladies mentales*, Париж, 1838, т. i, стр. 35; а об общем предмете и состоянии больниц в этот период см. Dagron, как указано выше.

Аналогичная эволюция передовой науки и практики произошла и в Англии. Несмотря на холодность и даже враждебность великих людей в Официальной Церкви и несмотря на библейские доказательства Уэсли о том, что большинство душевнобольных были одержимы бесами, научный метод неуклонно набирал силу. В 1750 году состояние душевнобольных начало привлекать особое внимание; было обнаружено, что сумасшедшие дома были во власти идей, совершенно неоправданных, и что практика, порожденная этими идеями, была чудовищной. Как правило, пациенты были замурованы в камерах и во многих случаях прикованы цепями к стенам; в других ведущую роль играли порка и голод, а в некоторых случаях пациенты были убиты. Вполне естественно, что Джон Говард заявил в 1789 году, что он нашел в Константинополе лучший приют для умалишенных, чем великая больница Святого Луки в Лондоне. Вполне возможно, что он так и поступит; ибо с тех пор, как халиф Омар защитил и поощрял научное исследование безумия Павлом Эгинским, мусульманское обращение с душевнобольными было гораздо более милосердным, чем система, господствующая во всем христианском мире.(382)

(382) См. D. H. Tuke, как указано выше, стр. 110; также Trelat, как уже цитировалось.

В 1792 году — в том же году, когда Пинель начал свою великую работу во Франции, — Уильям Тьюк начал аналогичную работу в Англии. По-видимому, между этими двумя реформаторами не

было никакой связи; каждый действовал независимо от другого, но результаты были одинаковыми. Такими же, в основном, были и их методы; и в маленьком домике Уильяма Тьюка в Йорке началась лучшая эра для Англии.

Название, которое получил этот маленький приют, является памятником как старого правления жестокости, так и нового правления человечности. Все старые названия для такого убежища стали одиозными и отталкивающими из-за веков нищеты; в счастливый момент вдохновения кроткая жена Тьюка-квакерша предложила новое название; и, в соответствии с этим предложением, место стало известно как "Убежище".

От огромного числа влиятельных классов церкви и государства Тьюк получал мало помощи. Влияние теологического духа было продемонстрировано, когда в том же году доктор Пангстер опубликовал свои наблюдения над психическими расстройствами и, продемонстрировав большое невежество относительно причин и природы безумия, подытожил их благочестивыми словами: "На этом наши исследования должны прекратиться, и мы должны заявить, что "чудны дела Господа, и пути Его неисповедимы"." Такова, по-видимому, была точка зрения Церкви в целом: хотя новое "Убежище" находилось в одном из двух великих церковных центров Англии, мы не слышим никакой помощи или ободрения ни от архиепископа Йоркского, ни от его духовенство. И это было не самое худшее: косвенное влияние теологической привычки мышления и церковного престижа было продемонстрировано в "Эдинбург Ревью". Этот крупный общественный деятель, не удовлетворившись нападками на Тьюка, облил презрением его работу, а также работу Пинеля. Несколько квакеров - братьев и сестер Тьюка, похоже, были его единственной опорой; и в письме, посвященном его усилиям в то время, он говорит: "Кажется, все люди покидают меня". (383)

(383) См. D. H. Tuke, как указано выше, стр. 116-142 и 512; также "Эдинбургское обозрение" за апрель 1803г.

В этой атмосфере английской консервативной оппозиции или безразличия работа не могла быстро развиваться. Еще в 1815 году член парламента заклеил английские приюты для умалишенных как позор нации; и даже в 1827 году, а в некоторых случаях и в 1850 году, имели место возрождения старого абсурда и жестокости. Вплоть до позднего периода в больницах Святого Луки и Бедламе длинные ряды душевнобольных были прикованы цепями к стенам коридоров. Но Гарднер из Линкольна, Доннелли из Ханвелла и новая школа специалистов по психическим заболеваниям продолжили работу Тьюка, и победа в Англии была одержана на практике так же, как ранее была одержана в теории.

Нет необходимости в спорах относительно сравнительных достоинств этих двух благодетелей нашей расы, Пинеля и Тьюка. Очевидно, что они мыслили и выполняли свою работу независимо друг от друга, и тем самым каждый укреплял другого и приносил пользу человечеству. Все, что остается сказать, это то, что, в то время как Франция воздала высокие почести Пинелю как человеку, который много сделал для освобождения мира от одного из его самых жестоких суеверий и установления господства гуманности над обширной империей, Англия пока не почтила должным образом своего великого благодетеля в этой области. В Йоркском соборе находится множество могил людей, некоторые из которых были благословением для своих собратьев, в то время как другие были всего лишь "официально признанными самозванцами" и паразитами на политическом теле; и все же по сей день этот великий храм не был освящен

памятником человеку, который сделал для облегчения человеческих страданий больше, чем любой другой, когда-либо входивший в него.

Но место этих двух людей в истории обеспечено. Они солидарны с Гроцием, Томазием и Беккариа — людьми, которые в наше время сделали больше всего для предотвращения незаслуженного горя. Действительно, они не были призваны страдать, как их великие коллеги; им не приходилось видеть, как их труды — одни из самых благословенных даров Божьих человеку — осуждаются, как труды Гроция и Беккариа католической церковью, а труды Томазиуса — значительной частью протестантской церкви; им не приходилось спасаться бегством, как Гроцию и Томазиусу; но их усилия тем не менее достойны. Французская революция, действительно, спасла Пинеля, а упадок английского духовенства предоставил Тьюку такую возможность; но, тем не менее, их триумфы принадлежат к числу славных достижений нашей расы, ибо они были первыми признанными победителями в борьбе науки за человечество, длившейся почти две тысячи лет.

ГЛАВА XVI. ОТ ДЬЯВОЛЬЩИНЫ К ИСТЕРИИ.

I. ЭПИДЕМИИ "ОДЕРЖИМОСТИ".

В предыдущей главе я в общих чертах описал триумф науки в разрушении идеи о том, что отдельные сумасшедшие "одержимы дьяволами", в установлении истины о том, что безумие — это физическое заболевание, и в замене суеверной жестокости по отношению к душевнобольным мягким, доброжелательным обращением, основанным на установленных фактах.

Таким образом, сатана, который так долго беспокоил отдельных мужчин и женщин, вымер; отныне сохранились только его ископаемые останки: их до сих пор можно найти в скульптурах и витринах средневековых церквей, в различных богослужениях и в популярных формах речи.

Но другой сатана все еще жил — сатана, который творил в большем масштабе, который завладел множеством людей. Ибо после этого триумфа научного метода все еще оставался класс психических расстройств, которые нельзя было лечить в лечебницах, которые еще не были полностью объяснены наукой и которые, следовательно, давали сторонникам старой

теологической точки зрения убедительные аргументы: это были эпидемии "дьявольской одержимости", которые на протяжении стольких веков поражали различные части мира.

Таким образом, когда более консервативные богословы были вынуждены отступить от своей старой позиции в отношении отдельных случаев безумия, они сразу же называли эти эпидемии выходящими за рамки науки — как явные свидетельства власти сатаны; и в качестве основы этой точки зрения они привели из Ветхого Завета частые упоминания о колдовстве, а из Нового Завета - вопрос Святого Павла о возможном околдовывании Галатов и околдовывании жителей Самарии Симоном Волхвом.

Естественно, у таких лидеров было очень много приверженцев в этом классе, столь многочисленном во все времена, которые считают, что

"Следовать глупым прецедентам и подмигивать обоими глазами легче, чем думать".(384)

(384) Что касается того, что выдающиеся врачи нашли камень преткновения в истерической мании, см. Статью Кирхгофа, стр. 351, процитированную в предыдущей главе.

Следует признать, что их доводы казались убедительными. Хотя во всей истории человечества, насколько это близко известно, эти явления появлялись, и хотя каждый ученый-классик мог вспомнить дикие оргии священников, жриц и приверженцев Диониса и Кибелы, а также эпидемию дикой ярости, получившую свое название от некоторых из них, великие отцы и доктора Церкви оставили исчерпывающий ответ на любой скептицизм, основанный на этих фактах; они просто указали на заявление святого Павла о том, что языческие боги были дьяволами: эти примеры, таким образом, могут быть преобразованы в мощный аргумент в пользу одержимости дьяволом. (385)

(385) Что касается менад, корибантов и болезни "корибантизм", смотрите, для получения доступных и адекватных утверждений, Словарь древностей Смита и Лексикон Льюиса и Шорта; также ссылки содержатся в Эссе Хекера о Черной смерти и Танцевальной мании. Для более полного обсуждения см. Semelaigne, *L'Alienation mentale dans l'Antiquite*, Париж, 1869.

Но именно эпидемии дьяволизма в средневековье и новое время придали силу теологическим взглядам, и из них я приведу цепочку типичных примеров.

Уже в одиннадцатом веке мы находим четкие сообщения о дьявольской одержимости, принимавшей форму эпидемий бреда, прыжков, танцев и конвульсий, причем большинство страдающих были женщинами и детьми. В столь суровые времена отчеты об этих проявлениях редко получали постоянную регистрацию; но очень важно, что даже в начале XI века мы слышим о них на крайних концах Европы — в северной Германии и на юге Италии. В разное время в течение этого столетия мы могли еще раз взглянуть на эти выставки, но только в начале XIII века мы смогли возобновить их в больших масштабах. В 1237 году в Эрфурте прыгающая болезнь и танцевальная мания поразили сотню детей, многие из которых вследствие этого умерли; она распространилась по всему региону, и пятьдесят лет спустя мы слышим о ней в Голландии.

Но наибольшие проявления этого явления пришлось на последнюю четверть четырнадцатого века. Для них было множество причин. Это было время угнетения, голода и мора: дух крестоносцев, исчерпав себя, сменился диким мистическим фанатизмом; самая страшная чума в истории человечества — Черная смерть — опустошала целые регионы, превращая города в деревни и наполняя Европу той странной смесью набожности и распущенности, которую мы всегда отмечаем при распространении смертоносных эпидемий в больших масштабах.

Именно в результате этого брожения религиозных, моральных и социальных заболеваний в 1374 году в регионе нижнего Рейна вспыхнуло, возможно, величайшее из всех проявлений "одержимости" — эпидемия танцев, прыжков и дикого буйства. Применяемые методы лечения, казалось, в целом усугубляли болезнь: больные продолжали танцевать часами, пока не падали в полном изнеможении. Некоторые заявляли, что чувствовали себя так, словно купались в крови, некоторые видели видения, некоторые пророчествовали.

В эту массу "одержимости" также явно вливался поток негодяйства, который усиливал беспорядок.

Непосредственным источником этих проявлений, по-видимому, были дикие пирушки в День Святого Иоанна. На этих празднествах были увековечены различные старые языческие церемонии, но в номинально христианской форме: дикие вакхические танцы, таким образом, превратились в полурелигиозный церемониал. Религиозная и социальная атмосфера была благоприятна для развития зародышей дьявольского влияния, оживленных в этих оргиях, и они были разбросаны повсюду на обширных территориях Нидерландов и Германии, и особенно по всему региону Рейна. В Кельне мы слышим о пятистах пострадавших одновременно; в Меце - о тысяче сотнях танцующих на улицах; в Страсбурге - о еще более болезненных проявлениях; и из этих и других городов они распространяются по деревням и сельским округам.

Подавляющее большинство пострадавших составляли женщины, но было много мужчин, и особенно мужчин, которые вели сидячий образ жизни. Средства были испробованы в большом масштабе - сначала экзорцизм, но особенно паломничества к святилищу святого Вита. Экзорцизмы давали так мало результатов, что народная вера в них ослабевала, и главным результатом паломничеств, по-видимому, было усиление беспорядков за счет заражения дьявольской заразой огромных толп. Еще одно лечебное средство было замечено в процессиях флагеллантов — огромных толпах мужчин, женщин и детей, которые бродили по стране, крича, молясь, избивая себя кнутами, взывая к Божественному милосердию и вмешательству Святого Вита. Самой страшной из всех основных попыток излечения были преследования евреев. Очевидно, среди широких слоев населения распространилось ощущение, что Всемогущий был полон гнева из-за терпимости к своим врагам и мог быть умиловлен их уничтожением: в то время в главных городах и деревнях Германии евреев грабили, пытали и убивали десятками тысяч. Несомненно, во всем этом алчность сочеталась с фанатизмом; но аргумент фанатизма был прост и убедителен; дротик, пронзивший грудь Израиля в то время, был окрыленным и заостренным из его собственных священных книг: библейский аргумент был тем же самым, который использовался в разные века для поощрения преследований; и он заключался в том, что гнев Всемогущего был направлен против тех, кто терпел его врагов, и что из-за этой терпимости теперь на Европу обрушилось то же проклятие, которое пророк Самуил обличал против Саула за проявление милосердия к врагам Иеговы.

Следует лишь сказать, что различные папы и короли прилагали усилия, чтобы пресечь эти жестокости. Хотя аргумент Самуила Саула был использован с ужасающим эффектом двести лет спустя самым добросовестным папой римским, побуждавшим правителей Франции искоренить гугенотов, папство в четырнадцатом веке выступало за милосердие к евреям. Но даже это вмешательство долгое время не имело эффекта; волна народных суеверий стала слишком сильной, чтобы ее могли обуздать даже духовные и светские власти. (386)

(386) См. статью Велльхаузена "Израиль" в "Британской энциклопедии", девятое издание; также ее перепечатку в его "Истории Израиля", Лондон, 1885, стр. 546. Об общей теме демонических эпидемий см. "Изензее", "История медицины", том i, стр. 260 и далее; также эссе Геккера. Что касается истории Савла, как любопытной вехи в общем развитии предмета, смотрите "Случай Савла", показывающий, что его Расстройство было настоящей духовной одержимостью, Грэнвилл Шарп, Лондон, 1807, *passim*. Что касается ссылки правящего папы на дело Саула, чтобы подстегнуть французских королей к выступлению против гугенотов, я надеюсь привести список авторитетных лиц в будущей главе о Церкви и международном праве. Для общего изложения темы с интересными деталями см. "Этюды из истории человечества" Лорана. See also Maury, *La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquite et au Moyen Age*.

Против этого подавляющего течения наука на протяжении многих поколений ничего не могла поделать. На протяжении всего пятнадцатого века врачи, казалось, избегали всего этого вопроса. Иногда какой-нибудь более вдумчивый человек отваживался приписать ту или иную фазу болезни естественным причинам; но это была непопулярная доктрина, и, очевидно, опасная для тех, кто ее развивал.

Тем не менее, в начале шестнадцатого века случаи "одержимости" в больших масштабах стали попадать в сферу медицинских исследований, и человеком, который возглавил эту эволюцию медицинской науки, был Парацельс. Именно он первым заставил современную Европу на мгновение задуматься над идеей, что эти болезни не вызываются ни святыми, ни демонами, и что "одержимость танцами" - это просто форма болезни, излечение от которой может быть достигнуто надлежащими средствами и режимом.

Парацельсу, по-видимому, удалось избежать какого-либо серьезного вмешательства: возможно, теологическим лидерам потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он "позволил новой идее распространиться по планете", но вскоре они поняли это, и их курс был прост. Около пятидесяти лет новая идея хорошо поддерживалась, но в 1563 году другой врач, Джон Вир из Клеве, возродил ее с большим риском для своего положения и репутации. (387)

(387) О Парацельсе см. Изензее, том i, глава ii. xi; также Петтигрю, Суеверия, связанные с историей и практикой медицины и хирургии, Лондон, 1844, вводная глава. Подробнее об этом читайте в источниках, приведенных в моей предыдущей главе.

Хотя новой идее было оказано такое сопротивление, она, должно быть, в какой-то степени овладела мыслящими людьми, поскольку мы обнаруживаем, что во второй половине того же столетия танец Святого Витта и родственные ему формы демонической одержимости постепенно уменьшались в частоте, и иногда к ним относились как к болезням. В семнадцатом веке, что касается севера Европы, эти массовые проявления "одержимости" почти полностью прекратились; то тут, то там появлялись случаи, но дикой ярости, охватившей огромные районы и поразившей тысячи людей, больше не было. И все же, как мы увидим, в том же семнадцатом веке, в последних угасающих муках этого суеверия, оно привело к наихудшим актам жестокости.(388)

(388) Что касается уменьшения масштабов широко распространенной эпидемии в конце шестнадцатого века, см. Цитаты Шенка фон Графенберга в "Геккере", как указано выше; также Хорст.

В то время как это сатанинское влияние проявлялось в столь больших масштабах по всей северной Европе, в Италии происходило явление, странно похожее на это, но и странно непохожее на него. Там тоже эпидемии танцев и прыжков охватили группы и сообщества; но им приписывали физическую причину — теория заключалась в том, что укус тарантула каким-то образом спровоцировал сверхъестественное вмешательство, сопровождением и лекарством которого были танцы.

В середине шестнадцатого века Фракасторо произвел явное впечатление на лидеров общественного мнения Италии, используя медицинские средства для лечения одержимых; хотя стоит отметить, что лекарство, которое он успешно применил, было таким, каким, как мы теперь знаем, само по себе никакими прямыми эффектами не могло излечить: какой бы эффект оно ни оказывало, он воздействовал на воображение страдальца. Таким образом, эта форма "одержимости" вышла из сферы сверхъестественного и стала известна как "тарантизм". Хотя это продолжалось гораздо дольше, чем соответствующие проявления в северной Европе, к началу восемнадцатого века это явление почти исчезло; и, хотя особые проявления этого в небольших масштабах все еще время от времени вспыхивают, его основным пережитком является "тарантелла", которую путешественник танцует в Неаполе как нападение на его кошелек.(389)

(389) См. "Эпидемии средневековья" Геккера, стр. 87-104; также выдержки и наблюдения в "Психической физиологии Карпентера", Лондон, 1888, стр. 321-315; также Модсли, "Патология разума", стр. 73 и следующее.

Но задолго до того, как эта форма "одержимости" начала исчезать, возникли новые проявления, по-видимому, более необъяснимые. Как первая великая эпидемия танцев и прыжков имела своим основным источником религиозные церемонии, так и различные новые формы имели свой основной источник в местах, которые должны были стать центрами религиозной жизни — в женских монастырях, и особенно в женских.

Из множества примеров мы можем взять несколько типичных.

В пятнадцатом веке хронисты уверяют нас, что насельницу немецкого женского монастыря охватила страсть кусать своих товарищей, и ее мания распространилась до тех пор, пока большинство, если не все, ее товарищи-монахини не начали кусать друг друга; и что эта страсть к кусанию переходила от монастыря к монастырю в других частях Германии, в Голландии и даже через Альпы в Италию.

Так же и во французском монастыре, когда монахиня начала мяукать, как кошка, начали мяукать и другие; болезнь распространилась, и остановить ее удалось только суровыми мерами. (390)

(390) См. Цитату из "Одиночества" Циммермана в "Карпентере", стр. 34, 314.

В шестнадцатом веке протестантская реформация придала новую силу преследованиям за колдовство в Германии, новая Церковь стремилась показать, что в рвении и могуществе она превосходит старую. Но во Франции влиятельное общественное мнение, казалось, не столь благосклонно относилось к этим формам дьявольского влияния, особенно после публикации "Эссе Монтеня" в 1580 году, породившей атмосферу скептицизма во многих ведущих умах.

В 1588 году во Франции произошел случай, который указывает на рост этой скептической тенденции даже в высших слоях французской церкви: в тот год утверждалось, что Марта Броссье, деревенская девушка, была одержима дьяволом. Молодая женщина, судя по всему, находилась под прямым сатанинским влиянием. Она бродила повсюду, умоляя изгнать из нее демона, и ее проклятия и богохульства наводили ужас, куда бы она ни пошла. Мифотворчество началось в больших масштабах; истории росли и множились. Монахи-капуцины гремели с кафедры по всей Франции об этих доказательствах власти сатаны: тревога распространялась, пока, наконец, даже жизнерадостный, скептически настроенный король Генрих IV не встревожился, и правящего папу попросили принять меры для предотвращения зла.

К счастью, тогда на епископской кафедре Анже сидел прелат, который, по—видимому, перенял кое-что от скептицизма Монтеня, - Мирон; и когда дело было передано ему, он подвергнул его самому освященному временем священному испытанию. Сначала Он принес девушке две чаши, в одной из которых была святая вода, в другой - обычная родниковая, но позволил ей сделать ложное заключение относительно содержимого каждой из них: в результате при поднесении святой воды бесы были совершенно спокойны, но при испытании с обычной водой они повергли Марту в конвульсии.

Следующий эксперимент, проведенный проникательным епископом, преследовал аналогичную цель. Он громко приказал принести книгу об изгнании бесов, и, по предварительной договоренности, его слуги принесли ему том Вергилия. Не успел епископ прочесть первую строку "Энеиды", как дьяволы повергли Марту в конвульсии. В другой раз похожий эффект произвел латинский словарь, который, как у нее были основания полагать, был книгой по изгнанию бесов.

Хотя это побудило епископа объявить все происходящее смесью безумия и обмана, монахи-капуцины осудили эту точку зрения как безбожную. Они настаивали на том, что эти испытания действительно доказали присутствие сатаны— продемонстрировав его хитрость в сокрытии доказательств своего существования. Народ в целом встал на сторону своих проповедников, и Марту отвезли в Париж, где испробовали различные способы изгнания нечистой силы, и

парижская толпа стала предана ей так же, как двадцать лет назад предана убийцам гугенотов, как два столетия спустя предана Робеспьеру и как совсем недавно предана генералу Буланже.

Но епископ Мирон был не единственным скептиком. Кардинал де Гонди, архиепископ Парижа, поручил самым выдающимся врачам города, и среди них Риолану, доложить об этом случае. Были проведены различные экспертизы, и вердикт гласил, что Марта была просто истеричной самозванкой. Таким образом, благодаря медицинской науке и этим двум просвещенным священнослужителям, которые призвали ее на помощь, то, что пятьдесят или сто лет назад стало бы центром широко распространенной эпидемии одержимости, было изолировано и не привело к национальному бедствию.

В следующем году этот здоровый рост скептицизма продолжился. Четырнадцать человек были приговорены к смертной казни за колдовство, но общественное мнение было достаточно сильным, чтобы добиться нового обследования специальной комиссией, которая сообщила, что "заключенные больше нуждались в лекарствах, чем в наказании", и они были освобождены.(391)

(391) О деле Броссье см. Clameil, La Folie, том i, livre 3, с. 2. О делах в Туре см. Madden, Phantasmata, том i, стр. 309, 310.

Но в течение семнадцатого века духовенство, как правило, героически прилагавшее усилия, чтобы искоренить это "злое сердце неверия", во многом благодаря Монтеню, вызвало теологическую реакцию не только во Франции, но и во всех частях христианского мира, и вера в одержимость дьяволом, хотя и, безусловно, умирающая, на протяжении всего столетия оставалась лихорадочной, горячей и злобной. В 1611 году мы имеем типичный случай в Эксе. Там произошла эпидемия одержимости, и Гауффриди, известный человек, был сожжен на костре как причина беспорядков. Михаэлис, один из священнослужителей-экзорцистов, заявил, что он изгнал шестьдесят пять сотен бесов из одного одержимого. Подобные эпидемии происходили в различных частях мира.(392)

(392) См. Дагрон, глава ii.

Двадцать лет спустя гораздо более поразительный случай произошел в Лудене, на западе Франции, где монастырь монахинь-урсулинок был "одержим демонами".

Монастырь был заполнен в основном дамами благородного происхождения, которые, не имея достаточного приданого, чтобы найти мужей, были, согласно общепринятому методу того времени, пострижены в монахини.

Нетрудно понять, что такое заключение множества женщин разного возраста привело бы к некоторым печальным последствиям. Любой читатель "Promessi Sposi" Манцони с его прекрасным изображением чувств и поступков благородной дамы, удерживаемой в монастыре против ее воли, может иметь некоторое представление о ярости и отчаянии, которые, должно быть, вдохновляли подобные собрания, в которых гордость, пауперизм и попытки подавления человеческих инстинктов произвели ужасную работу.

То, чем была эта работа, можно увидеть на протяжении всего средневековья; но особенно в шестнадцатом и семнадцатом веках мы часто обнаруживаем, что она принимает форму вспышек дьявольской одержимости.(393)

(393) О монастырях как центрах "одержимости" и истерических эпидемий см. Фигье, Ле Мервейе, стр. 40 и последующие; также Кальмейль, Ланген, Кирхгоф, Модсли и другие. Об аналогичных результатах волнения на протестантских собраниях в Шотландии и лагерных собраниях в Англии и Америке читайте в Эссе Хеккера "Заключительные главы".

В этом случае в Лудене появились обычные свидетельства сатанинского влияния. Один за другим заключенные впадали в конвульсии: некоторые демонстрировали физическую силу, явно сверхъестественную; некоторые столь же удивительную остроту восприятия; многие выкрикивали богохульства и непристойности.

Рядом с монастырем жил священник Урбен Грандье, известный своими блестящими способностями писателя и проповедника, но беспечный в своем образе жизни. Несколько монахинь, очевидно, воспылали к нему страстью и в своей дикой ярости и отчаянии произносили его имя. В том же городе также жили различные священнослужители и миряне, с которыми Грандье вступал в мелкие соседские ссоры, и некоторые из этих людей контролировали монастырь в целом.

Из-за этой смеси "одержимости" в монастыре и злонамеренности за его пределами возникло обвинение в том, что Грандье околдовал молодых женщин.

Епископ Пуатье взялся за это дело. Был проведен судебный процесс, и было отмечено, что всякий раз, когда появлялся Грандье, "одержимые" кричали, визжали и проявляли все признаки дьявольского влияния. Грандье отчаянно сражался и обратился к архиепископу Бордо Де Сурдису. Архиепископ приказал провести более тщательное расследование, и, когда монахинь разлучили друг с другом и с некоторыми монахами, которые были крайне враждебны Грандье, в их показаниях были обнаружены такие вопиющие расхождения, что все обвинение было сведено на нет.

Но враги Сатаны и Грандье не успокоились. Благодаря их усилиям кардинал Ришелье, который, по-видимому, затаил старую обиду на Грандье, направил своего представителя Лобардемона провести еще одно расследование. Теперь разыгрывались самые ужасные сцены: весь монастырь оглашался громче, чем когда-либо, криками, стонами, воем и проклятиями, пока, наконец, Грандье, хотя даже в муках пыток он отказывался признаться в преступлениях, которые предполагали его враги, не был повешен и сожжен.

Из этого центра эпидемия распространилась: множество женщин и мужчин были поражены ею в различных монастырях; несколько крупных городов юга и запада Франции подпали под то же влияние; "одержимость" продолжалась еще несколько лет, а затем постепенно прекратилась, хотя с того дня и по сей день произошли отдельные случаи.(394)

(394) Среди множества изложений дела Грандье одно из лучших на английском языке можно найти в "Очерках французской истории" Троллопа, Лондон,

1878. Смотри также Базен, Людовик XIII.

Несколько лет спустя мы имеем еще более яркий пример среди французских протестантов. Гугеноты, укрывшиеся в горах Севенны, спасаясь от преследований, все больше и больше подвергаясь жестокостям Людовика XIV, начали проявлять признаки высокой степени религиозной экзальтации. Собравшись для богослужения в диких и пустынных местах, среди них вспыхнула эпидемия, которую они приписывали Всемогущему, а их противники - сатане. Мужчины, женщины и дети проповедовали и пророчествовали. Большие собрания были охвачены трепетом. Некоторые подвергались самым ужасным пыткам, не проявляя никаких признаков страдания. Маршал де Вилье, которого послали против них, заявил, что он видел город, в котором все женщины и девушки без исключения были одержимы дьяволом и с криками носились по улицам. Подобные случаи, необъяснимые для науки того времени, придали новую силу теологическим взглядам.(395)

(395) См. Берсо, "Месмер и магнетизм животных", третье издание, Париж, 1864, стр. 95 и далее.

Ближе к концу того же столетия подобные проявления стали появляться в больших масштабах в Америке.

Жизнь первых колонистов в Новой Англии была такова, что дала быстрый рост зачаткам доктрины владения, привезенной из метрополии. Окруженные темными сосновыми лесами; соседствующие с индейцами, которых более чем подозревали в том, что они дети сатаны; преследуемые дикими зверями, очевидно, посланными силами зла, чтобы мучить избранных; без разнообразной литературы, чтобы коротать долгие зимние вечера; с немногими развлечениями, кроме соседских ссор; пристально изучающие каждый текст Священного Писания, подтверждающий их мрачную теологию, и принимающие ее самое буквальное толкование, неудивительно, что у них быстро развились представления о темной стороне природы. (396)

(396) Идею о том, что Америка до появления Пилигримов была в особенности отдана сатане, см. в литературе раннего пуританского периода, и особенно в поэзии Вигглсворта, рассмотренной в "Истории американской литературы" Тайлора, том. ii, p. 25 et seq.

Этот страх перед колдовством получил мощный стимул в трактатах ученых людей. Такие произведения, приходившие из Европы, которая в то время была наполнена суевериями, сильно действовали на добросовестных проповедников и были доведены ими до сведения широких слоев населения. Естественно, что на протяжении второй половины семнадцатого века мы находим отдельные случаи одержимости дьяволом. В Бостоне, Спрингфилде, Хартфорде, Гротоне и других городах происходили подобные случаи, и то тут, то там мы слышим о смертных приговорах.

В последней четверти семнадцатого века плоды этих идей начали созреть. В 1684 году Инкрис Мазер опубликовал свою книгу "Замечательные провидения", в которой делал упор на одержимость дьяволом и колдовство. Эта книга, отправленная в Англию, оказала там влияние и

вернулась с одобрением не кого иного, как Ричарда Бакстера: благодаря этому ее влияние на родине возросло.

В 1688 году бедная семья в Бостоне была поражена демонами: четверо детей, старшему из которых было тринадцать лет, начали прыгать и лаять, как собаки, или мурлыкать, как кошки, и жаловаться на то, что их колют, щиплют и режут; и, чтобы помочь делу, старую ирландку судили и казнили.

Вся эта вера могла бы развеяться, как тревожный сон, если бы не воплотилась в сильном человеке. Этим человеком был Коттон Мэзер, сын Инкриза Мэзера. Глубоко религиозный, обладавший превосходными способностями, великий ученый, стремившийся способствовать благополучию своей паствы в этом мире и в загробном, он намного опережал духовенство в целом почти по всем основным вопросам науки и богословия. Он отказался от своего прежнего суеверия относительно божественного происхождения еврейской пунктуации; он выступал против старой теологической идеи о взимании процентов за деньги; он одобрял прививку как средство профилактики оспы, когда множество священнослужителей и мирян выступали против этого; он принял ньютоновскую астрономию, несмотря на протесты против ее "атеистической тенденции"; он выступил против освященной веками догмы о том, что кометы - это "знамения и чудеса". У него, действительно, были некоторые недостатки его качеств, и среди них педантичное тщеславие, гордыня своим мнением и властолюбие; но он был для своего времени удивительно либеральным и, несомненно, искренним. Он отбросил большую часть теологии своего отца, но одну ее часть он отбросить не мог: он был одним из лучших библеистов своего времени и не мог оторваться от того факта, что священное Писание недвусмысленно признает колдовство и одержимость демонами реальностью и предписывает за колдовство смертную казнь. Поэтому в 1689 году он опубликовал свои Достопамятные Провидения, касающиеся Колдовства и владения Имуществом. Книга, согласно ее титульному листу, была "рекомендована министрами Бостона и Чарльстона", и ее рассказы вскоре стали привычным чтением мужчин, женщин и детей по всей Новой Англии.

Из-за всех этих причин, оказавших таким образом влияние на общественное мнение, в 1692 году началась новая вспышка одержимости, которая является одной из самых поучительных в истории. Преподобный Сэмюэл Пэррис был служителем церкви в Салеме, и ни у одного папы римского никогда не было более возвышенных представлений о собственной непогрешимости, ни у одного епископа не было большей любви к церемониям, ни у одного инквизитора не было большей страсти к любопытству и шпионажу.(397)

(397) Любопытные примеры этого см. в "Истории Салема" Апхэма "Колдовство", том i.

Вскоре у мистера Пэрриса появилось много забот. Многим из его стойких, независимых прихожан не нравились его манеры. Возникали ссоры. Некоторые из ведущих людей конгрегации были настроены против него. Предыдущий министр, Джордж Берроуз, оставил после себя зародыши неприятностей и ссор, и теперь к ним добавились новые осложнения, возникшие из-за предположений Пэрриса. Были бесчисленные споры и судебные иски; фактически, все основные причины сатанинского вмешательства, которые мы видели в действии в монастыре в Лудене и вокруг него, и особенно суматоха в маленькой деревушке, где

нет интеллектуальной деятельности, и где мужчины и женщины находят ей замену в ссорах, религиозных, юридических, политических, социальных и личных.

В мрачной атмосфере, столь насыщенной болезнетворными микробами, внезапно обнаружилось, что две молодые девушки из семьи мистера Пэрриса были одержимы дьяволами: они жаловались на то, что их щипали, кололи и порезались, у них случались странные судороги и они произносили странные речи, демонстрируя признаки дьявольской одержимости— переданные в легендах у очага или подробно описанные в популярной литературе о ведьмах, и особенно такие, которые недавно были описаны Коттоном Мэзером в его книге о достопамятных Провидениях. Две девушки, которых мистер Пэррис и другие привели рассказать, кто их околдовал, сначала набросились на старую индианку, и бедного старого мужа-индуса побудили присоединиться к нападению. Это сразу же открыло новый простор для деятельности мистера Пэрриса. Увеличив свой офис, он немедленно начал поднимать шум в Салеме и в окрестностях. Были вызваны два мировых судьи. С ними пришла толпа, и в молитвенном доме состоялся суд. Сцены, которые тогда разыгрались, были бы богатейшим фарсом, если бы они не привели к столь трагическим событиям. У одержимых начались судороги при приближении тех, кого обвиняли в колдовстве, и когда бедные старики и старухи попытались подтвердить свою невиновность, они были ошеломлены криками одержимых, цитатами Священного Писания священников и обвинениями толпы. Особенно одна из них — Энн Патнэм, двенадцатилетняя девочка — проявила не по годам развитое чутье и сыграла поразительную роль в спектаклях. Мания распространилась и на других детей; и две или три замужние женщины, видя большое внимание, уделяемое больным, и находясь под влиянием той эпидемии болезненного подражания, которую наука теперь признает во всех подобных случаях, вскоре тоже заболели и, в свою очередь, выдвинули обвинения против различных лиц. Индианку порол ее хозяин, мистер Пэррис, до тех пор, пока она не призналась в связях с сатаной; а других заставляли исповедоваться силой или обманом. Эти истерические признания, результаты невыносимых пыток или воспоминания о снах, которые были вызваны легендами о ведьмах и проповедями того периода, включали такие факты, как полеты по воздуху на собрания ведьм, участие в ведьмовских таинствах, подписание книги, подаренной дьяволом, и принятие сатанинского крещения. Одержимые начали с того, что обвинили в своей одержимости бедных и бродячих старух, но вскоре, ободренные своим успехом, они напали на более крупную дичь, напали на нескольких видных людей региона и не останавливались до тех пор, пока несколько из них не были приговорены к смерти, а каждый мужчина, женщина и ребенок не попали под власть террора. Многие сразу же бежали, а один из видных граждан Салема постоянно ходил вооруженным и держал одну из своих оседланных лошадей в конюшне, чтобы скрыться, если против него выдвинут обвинение. Истерическая изобретательность одержимых женщин росла вместе с их успехом. Они настаивали на том, что видели дьяволов, побуждающих обвиняемых защищаться в суде. Сжимала ли одна из обвиняемых руки в отчаянии, одержимые сжимали их; делала ли обвиняемая, взывая к Небесам, какой-либо жест, одержимые одновременно имитировали его; обвиняемая в изнеможении опускала голову, одержимые опускали свои и заявляли, что ведьма пыталась сломать им шею. Зал суда огласился стонами, воплями, молитвами и проклятиями; судьи, присяжные и народ были ошеломлены, и даже обвиняемых иногда таким образом заставляли поверить в собственную виновность.

Очень поразительным во всех этих случаях был сплав безумия с обманом. В большинстве случаев в безумии присутствовал метод. Различные ведьмы, обвиненные одержимыми,

вступали в полемику с прихожанами церкви Салема. Другие обвиняемые поссорились с мистером Пэррисом. Третьи были вовлечены в старые судебные процессы против лиц, более или менее связанных с девочками. Одно из самых страшных обвинений, стоивших жизни благородной и прекрасной женщине, несомненно, было связано с ее лучшим стилем одежды и образа жизни. Старые дремлющие соседи или личные ссоры приносили таким образом странные плоды мести, ибо основная доктрина веры фанатика состоит в том, что его враги - это враги Бога.

Любому человеку, осмелившемуся намекнуть на малейшее недоверие к происходящему, грозила опасность быть немедленно привлеченным к ответственности за союз с сатаной. Таким образом, мужья и дети были отправлены на виселицу за то, что осмелились не поверить этим обвинениям, выдвинутым против их жен и матерей. Некоторых священнослужителей обвинили в попытках спасти членов своих церквей. (398)

(398) Апхэм превосходно подчеркивает это, и присущая юристу тщательность, с которой он исследовал все эти скрытые пружины обвинений, является одной из главных вещей, которые делают его книгу одним из наиболее ценных вкладов в историю и философию демонической одержимости, когда-либо написанных.

Одну бедную женщину обвинили в том, что она "бросила взгляд в сторону большого молитвенного дома Салема, и тут же демон проник в дом и снес часть его". Эта причина падения куска плохо прибитой обшивки показалась доктору Коттону Мазеру, а также судье и присяжным вполне удовлетворительной, и она была повешена, доказывая свою невиновность. Еще одна дама, принадлежащая к одной из самых уважаемых семей региона, была обвинена в колдовстве. Дети ужасно страдали всякий раз, когда она появлялась рядом с ними. Казалось, никому и в голову не приходило, что жестокая старая вражда между преподобным мистером Пэррисом и семьей обвиняемой могла нанести ущерб детям и направить их внимание на эту женщину. Не принимался во внимание тот факт, что ее жизнь была совершенно безупречной; и все же, ввиду вопиющей недостаточности доказательств, присяжные вынесли вердикт "невиновна". Когда они вынесли этот вердикт, все дети начали визжать и вопить, пока суд не совершил чудовищную ошибку, в результате чего ей было предъявлено новое обвинение. Чтобы подтвердить это, судья сослался на одно совершенно естественное и безобидное выражение, произнесенное женщиной во время допроса. Присяжные, наконец, признали ее виновной. Она была осуждена и, будучи приведена в церковь в тяжелых железных доспехах, была торжественно отлучена от церкви и передана служителем сатане. Какой-то здравый смысл все же возобладал, и губернатор помиловал ее, но церковное давление и народный шум были слишком сильны. Губернатора заставили отменить отсрочку приговора, и она была казнена, заявляя о своей невиновности и молясь за своих врагов. (399)

(399) См. Дрейк, "Наваждение колдовства в Новой Англии", т. iii, стр. 34 и далее.

Был представлен еще один типичный случай. Преподобный мистер Берроуз, против которого была выражена значительная неприязнь и чья мелкая приходская ссора с могущественной семьей Патнэм привела к его увольнению со служения, был назван одержимыми одним из тех,

кто их преследовал, одной из самых влиятельных среди пострадавших была Энн Патнэм. Мистер Берроуз вел безупречную жизнь, и Патнэмы главным образом обвиняли его в том, что он настойчиво настаивал на том, чтобы его жена не ходила по приходу и не обсуждала свои семейные дела. Его обвинили в причинении вреда детям, осудили и казнили. В последний момент он торжественно и полно повторил Молитву Господню, чего, как предполагалось, не мог сделать ни один колдун, и это, вместе с его прямыми христианскими высказываниями во время казни, поколебало веру многих в реальность одержимости дьяволом. Вскоре стало известно, что одна из девушек признала, что она солгала некоторым казненным людям, и особенно мистеру Берроузу, и что она просила прощения; но какое-то время это ни к чему не приводило. Людей, которые не хотели признаваться, связывали и подвергали своего рода пыткам, которые были эффективны для получения новых откровений.

В случае с Джайлзом Кори ужасы преследования достигли кульминации. Видя, что его судьба неминуема, и желая уберечь свою семью от ареста, а их имущество - от конфискации, он отказался признать себя виновным. Несмотря на восьмидесятилетний возраст, он был поэтому прижат к смерти, и когда в последних муках у него высунулся язык изо рта, шериф своей тростью снова засунул его обратно.

Все было сделано для того, чтобы способствовать утверждению ортодоксального взгляда на обладание. Однажды, когда повозка, везущая восемь приговоренных к месту казни, намертво увязла в трясине, некоторые из одержимых заявили, что видели дьявола, пытающегося предотвратить наказание своих сообщников. Было множество признаний в колдовстве, но способ, которым были получены эти признания, трогательно показан в заявлении, сделанном впоследствии несколькими женщинами. Объясняя причины, по которым, будучи обвиненными в причинении вреда больным людям, они дали ложное признание, они сказали:

"... По причине этого внезапного сюрприза, мы знали, что совершенно Невинновны в этом Преступлении, мы все были чрезвычайно поражены, потрясены и перепуганы даже до потери Рассудка; и наши ближайшие родственники, видя нас в таком ужасном состоянии и осознавая нашу огромную опасность, понимали, что другого способа спасти наши жизни нет ... из нежности... питти убедил нас признаться в том, в чем мы действительно признались. И действительно, это Признание, которое, как говорят, мы сделали, было ничем иным, как тем, что было предложено нам некоторыми джентльменами; они сказали нам, что мы ведьмы, и они знали это, и мы знали это, и они знали, что мы знали это, что заставило нас думать, что это так; и наше понимание, наш разум и наши способности почти иссякли, мы были не способны судить о нашем состоянии; также жесткие меры, которые они использовали с нами, сделали нас неспособными к нашей защите, но сказали все, что они хотели, и большая часть того, что мы сказали, было фактически согласием на что они сказали...."(400)

(400) См. Calef, в Drake, том ii; также Upham.

Дело за делом, в которых истерия, фанатизм, жестокость, несправедливость и обман сыграли свою роль, приводили на эшафот. За короткое время двадцать человек были приговорены к жестокой смерти, и число обвиняемых становилось все больше и больше. Высокое положение и благороднейший характер не служили препятствием. С каждым днем одержимые становились все смелее, хитрее и необузданнее. Никакие просьбы ни к чему не приводили. В защиту нескольких женщин, чья жизнь была самой чистой и нежной, были поданы петиции, но

безрезультатно. Текст Священного Писания всегда был готов помочь в подавлении милосердия: помнили, что "сам сатана превратился в ангела света", и прежде всего звучало предписание Ветхого Завета, которое отправило такое множество людей в Европе в камеры пыток и на костер: "Ведьму не оставляй в живых".

Такие священнослужители, как Нойес, Пэррис и Мазер, которым помогали такие судьи, как Стаутон и Хаторн, не оставили ничего недоделанного, чтобы стимулировать это разбирательство. Великий Коттон Мэзер, основываясь на этой вспышке болезни, таким образом трактовал свою знаменитую книгу "Чудеса невидимого мира", благодаря Бога за победу над сатаной, одержанную таким образом в Салеме; и его книга получила одобрение губернатора провинции, президента Гарвардского колледжа и различных выдающихся теологов как в Европе, так и в Америке.

Но, несмотря на подобные усилия, наблюдение и размышление над наблюдением, которые составляют начало всякой истинной науки, привели к новому порядку вещей. Люди начали отпадать. Судья Брэдстрит, приговоривший тридцать или сорок человек, осознал абсурдность всего этого дела; у министра Андовера хватило здравого смысла воспротивиться теологической точке зрения; даже такая высокопоставленная особа, как леди Фипс, жена губернатора, начала проявлять снисхождение.

Вследствие этого неверия каждый из них был обвинен в сговоре с сатаной; но теперь подобные обвинения, казалось, утратили свою силу.

Посреди всего этого бреда и терроризма Коттон Мэзер стоял непоколебимо, как всегда. Его усилия поддержать приходящее в упадок суеверие были героическими. Но в конце концов он зашел на один шаг слишком далеко. Будучи сам одержим манией мифотворчества и распространения чудес и описав случай колдовства, возможно, с большим преувеличением, чем обычно, он столкнулся лицом к лицу с Робертом Калефом. Калеф был бостонским торговцем, который, по-видимому, соединил здравый смысл делового человека со значительной проницательностью в наблюдении, силой мысли и любовью к истине; и он начал писать Мазеру и другим, чтобы показать слабые места в системе. Мазер, возмущенный тем, что человек, стоящий настолько ниже его, осмелился не соглашаться с его мнением, сначала притворился, что презирает Калефа; но по мере того, как Калеф давил на него все теснее, Мазер осудил его, назвав среди прочего "Углем из ада". Все напрасно: Калеф еще крепче прижался к бокам великого богослова. Теперь мысль и рассудок начали восстанавливать свое господство.

Одержимые обвинили некоторых людей, пользовавшихся очень большим уважением, и в обществе в целом начали зарождаться сомнения. Здесь повторялось то, что заставило задуматься людей в немецких епископствах, когда те, кого там судили за колдовство, в конце концов, в своем отчаянии или безумии обвинили самих епископов и судей на скамье подсудимых в колдовстве. Партия разума становилась все сильнее. Преподобному мистеру Пэррису вскоре пришлось защищаться: некоторые из одержимых начали признаваться, что они несправедливо обвиняли людей. Некоторые представители духовенства и набожные миряне прилагали титанические усилия, чтобы поддержать приходящую в упадок веру, но более вдумчивые все больше и больше выступали против нее; присяжные, прославившиеся своими обвинительными приговорами, торжественно отозвали свои вердикты и публично попросили прощения у Бога и человека. Самым поразительным из всех было дело судьи Сьюэлла. Человек высочайшего характера, он, руководствуясь авторитетом, почерпнутым из

Священного Писания, и принципами, установленными великими английскими судьями, без колебаний осудил обвиняемого; но теперь его осенил разум. Он оглянулся назад и увидел беспочвенность всего разбирательства, после чего публично заявил о своих ошибках. В его дневнике содержится много отрывков, свидетельствующих о глубоком раскаянии, и с тех пор, до конца своей жизни, он имел обыкновение раз в год уединяться и проводить там весь день в посте, молитве и покаянии.

Главный судья Стаутон так и не сдался. До последнего он оплакивал "злого духа неверия", который препятствовал славному делу освобождения Новой Англии от демонов.

Салемская церковь торжественно отменила отлучение осужденных от церкви и изгнала мистера Пэрриса из пасторства. Коттон Мэзер провел свои последние годы в стенаниях по поводу упадка веры и неблагодарности народа, для которого он так много сделал. Очень показательна одна из его жалоб, поскольку она показывает эволюцию более научного образа мышления как за границей, так и дома: в своем дневнике он сетует на то, что английские издатели с радостью напечатали книгу Калефа, но больше не будут публиковать его собственную, и он объявляет это "посягательством на славу Господа".

Примерно через сорок лет после эпидемии "одержимости" в Новой Англии во Франции произошла еще одна типичная серия явлений. В 1727 году во французской столице скончался простой и добрый священнослужитель, архидиакон Парис. Он жил благочестивой христианской жизнью и был любим многими своим милосердием; к сожалению, он придерживался учения Янсена о благодати и свободной воле, и, хотя он оставался в Галликанской церкви, ему и тем, кто думал подобно ему, противостояли иезуиты, и в конце концов они были осуждены папской буллой.

После того как его останки были захоронены на кладбище Сен-Медард, янсенисты стеклись помолиться к его могиле, и вскоре там начали твориться чудеса. Вскоре их стало больше. Когда больных приносили и клали на надгробие, многие исцелялись. Очевидцы рассказывали удивительные истории. Тенденция к мифотворчеству - страсть к разработке, расширению и распространению сказок о чудесах — проявилась в полную силу и получила свободный ход.

Многие вдумчивые люди убедились в истинности этих представлений. Приехал один из выдающихся английских ученых, изучил их и заявил, что не может быть никаких сомнений в реальности этих лекарств.

Такое положение вещей продолжалось около четырех лет, когда в 1731 году проявились более жестокие последствия. У разных людей, приближавшихся к гробнице, начинались конвульсии, истерика и каталепсия; эти болезни распространялись, стали эпидемией, и вскоре подобным образом пострадали множество людей. Обе религиозные партии максимально использовали эти случаи. Напрасно такие великие авторитеты в медицинской науке, как Геке и Лорри, приписывали все это естественным причинам: теологи с обеих сторон объявили их сверхъестественными — янсенисты приписывали их Богу, иезуиты - сатане.

В последние годы к таким случаям во Франции относятся с большой осторожностью. Когда примерно в середине нынешнего столетия арабские священники в Алжире попытались вызвать фанатизм против французских христиан, совершая чудеса, французское правительство, вместо того чтобы преследовать священников, отправило Робера Гудена, самого известного жонглера своего времени, на место действия, и на каждое арабское чудо Гуден совершил два: превратил

ли араб-марабут жезл в змею, Гуден превратил свой жезл в двух змей; а потом показал людям, как он это сделал.

Точно так же и на последней Международной выставке французское правительство, наблюдая пагубные последствия, производимые манией переворачивания столов и опрокидывания чаевых, воспользовалось случаем, когда выставку посетило большое количество французских школьных учителей, для проведения публичных лекций, на которых все операции с темными шкафами, связыванием рук, материализацией духов, представлением лиц умерших и портретированием призраков были полностью выполнены профессиональными шарлатанами, а затем подробно объяснены.

Так и в данном случае. Правительство просто приказало запереть ворота кладбища, и когда толпа больше не могла приближаться к могиле, чудеса прекратились. Небольшая парижская насмешка помогла покончить с этим делом. Шутник написал над воротами кладбища.

"De par le Roi, defense a Dieu De faire des miracles dans ce lieu"—

что в переводе с доггерельского французского на доггерельский английский означает—

"По приказу короля Господь должен больше не творить здесь своих чудес".

Но теологический дух оставался могущественным. Французская революция тогда не вмешалась, чтобы ввести в него здоровые ограничения. Волнение поддерживалось, и, хотя чудеса и случаи одержимости на кладбище прекратились, оно распространялось. Снова был дан полный ход мифотворчеству и розничной продаже чудес. Говорили, что люди позволяли поджаривать себя на медленном огне, а потом их находили невредимыми; что на некоторых наваливали огромные тяжести, но они обладали сверхъестественной силой сопротивления; и что в одном случае имело место добровольное распятие.

Эта агитация была долгой, хлопотной и, без сомнения, у многих временно или навсегда отняла те небольшие мозги, которыми они обладали. Только когда насилие стало старой историей, очарование новизны полностью исчезло, и к пострадавшим перестали относиться с особым интересом, эпидемия прекратилась.(401)

(401) См. Мэдден, "Фантасматы", глава xiv; также сэр Джеймс Стивен, История Франции, лекция xxvi; также Генри Мартин, "История Франции", том xv, стр. 168 и далее; также Кальмейл, лив. v, глава. xxiv; также эссе Геккерена; а образцы мифотворчества см. в Апокрифических "Сувенирах де Креки".

Но в Германии того времени последствия этой веры были гораздо более жестокими. В 1749 году Мария Рената Зингер, младшая настоятельница женского монастыря в Вюрцбурге, была обвинена в том, что околдовала своих собратьев-монахинь. Там была обычная история — те же существенные факты, что и в Лудене: женщины замыкались против своей воли, им снился сатана, переодетый молодым человеком, мелкая ревность, язвы, ссоры, таинственный шум, обман, посуда, разбросанная непонятным образом, истерические вопли и конвульсии, и, наконец, пытки, признание и казнь предполагаемого преступника. (402)

(402) См. Зольдана, Шерра, Дифенбаха и других.

Различные эпидемии подобного рода время от времени вспыхивали в других частях света, хотя, к счастью, поскольку преобладал современный скептицизм, с менее жестокими результатами.

В 1760 году некоторые общины методистов-кальвинистов в Уэльсе стали настолько пылкими, что начали прыгать от радости. Эта мания распространилась и дала начало секте под названием "Прыгуны". Похожая вспышка произошла позже в Англии и с тех пор повторялась в разное время и в разных местах в нашей собственной стране. (403)

(403) См. Словарь всех религий Адама, статья о прыгунах; также Хеккер.

В 1780 году во Франции произошла еще одна вспышка; но на этот раз пострадали не янсенисты, а строго ортодоксы. Большое количество молодых девушек в возрасте от двенадцати до девятнадцати лет были собраны в церкви Святого Роха в Париже для проведения проповедей и церемоний, рассчитанных на то, чтобы вызвать истерику, и у одной из них начались судороги. Немедленно подобным же образом поступили и с другими детьми, пока около пятидесяти или шестидесяти не были вовлечены в те же проделки. Эта мания распространилась на другие церкви и собрания, оказалась очень неприятной, а в некоторых случаях привела к особенно болезненным результатам.

Примерно в тот же период произошла аналогичная вспышка среди протестантов Шетландских островов. У женщины в церкви начались судороги, и болезнь распространилась на других, в основном на женщин, которые, как обычно, корчились и дико визжали. Очень эффективным средством оказалась угроза сбросить заболевшего в соседний пруд.

II. ЗАЧАТКИ ПОЛЕЗНОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Но ближе к концу восемнадцатого века был установлен факт, очень важный для науки. Было обнаружено, что эти проявления не во всех случаях возникают из сверхъестественных источников. В 1787 году произошел известный случай на мосту Ходден в Ланкашире. Девушка, работавшая там на хлопчатобумажной фабрике, положила мышь за пазуху другой девушке, которая очень боялась мышей. У девочки, обработанной таким образом, немедленно начались судороги, которые продолжались двадцать четыре часа. Вскоре после этого подобные конвульсии охватили еще трех девушек, чуть позже еще шестерых, а затем и других, пока в общей сложности нападению не подверглись двадцать четыре человека. Затем произошел факт, проливающий свет на более ранние события. Эта эпидемия, о которой заговорили за границей, вскоре перекинулась на другой завод, расположенный в пяти милях от нас. Пациенты

там страдали от удушения, танцевали, рвали на себе волосы и бились головами о стены. Существовало твердое убеждение, что это была болезнь, занесенная в хлопок, но местный врач развлекал пациентов электрошоком, и болезнь прекратилась.

В 1801 году произошел аналогичный случай в больнице Шарите в Берлине. У девочки начались сильные конвульсии. Болезнь оказалась заразной, и несколько других заболели подобным образом; но почти все в конце концов были излечены, главным образом приемом опиума, который, по-видимому, в то время был модным средством.

Такого же рода был случай в Лионе в 1851 году. Шестьдесят женщин работали вместе в магазине, когда одна из них после ожесточенной ссоры со своим мужем впала в сильный нервный пароксизм. Другие женщины, сочувствуя ей, собрались, чтобы помочь ей, но одна за другой впадали в подобное состояние, пока двадцать человек не оказались в такой же прострации, и более широкое распространение эпидемии удалось предотвратить, только очистив помещение. (404)

(404) Эти и другие примеры см. в книге Тьюка "Влияние разума" на тело, том I, стр. 100, 277; также эссе Хеккера.

Но хотя в глазах Науки эти случаи казались фатальными для старой концепции дьявольского влияния, подавляющее большинство таких эпидемий, будучи необъяснимыми, продолжали укреплять старую точку зрения.

В римско-католических странах эти проявления, как мы видели, обычно проявлялись в женских монастырях или в церквях, куда молодых девушек приводят для их первого причастия, или в святилищах, где, как предполагается, совершаются чудеса.

В протестантских странах они появляются во времена сильного религиозного возбуждения, и особенно когда крупные тела молодых женщин подвергаются влиянию шумных и вспыльчивых проповедников. Хорошо известные примеры этого в Америке можно увидеть в "Джемперах", "Джеркерах" и различных экстравагантных ритуалах возрождения, особенно среди негров и "бедных белых" Южных Штатов.

При наличии надлежащих условий для развития заболевания — как правило, в общине, состоящей в основном из молодых женщин, — любой фанатичный или чрезмерно усердствующий священник или проповедник может спровоцировать истерические припадки, которые с большой вероятностью могут перерасти в эпидемию.

В качестве недавнего типичного примера большого масштаба я беру случай одержимости дьяволом в Морзине, французской деревне на границе Швейцарии; и он особенно поучителен, потому что был тщательно расследован компетентным человеком науки.

Примерно в 1853 году больная девушка из Морзина, странно себя ведшая, считалась одержимой дьяволом и была доставлена в Безансон, где она, по-видимому, попала в руки добрых и разумных священнослужителей, и с помощью реликвий, хранящихся в тамошнем соборе, особенно носового платка Христа, дьявол был изгнан, и она исцелилась. Естественно, среди крестьянства много говорилось об этом деле, и вскоре стали проявляться другие случаи. Священник в Морзине попытался замять дело, признавшись в своем неверии в подобные

случаи одержимости; но против него немедленно был поднят громкий протест, особенно со стороны самих одержимых. Теперь этот вопрос широко обсуждался, и болезнь быстро распространилась; началось мифотворчество и распространение чудес; таким образом, были составлены и разосланы по миру удивительные рассказы. Говорили, что больные лазали по деревьям, как белки; проявляли сверхчеловеческую силу; проявляли дар языков, говоря по-немецки, по-латыни и даже по-арабски; рассказывали об исторических событиях, о которых они никогда не слышали; и раскрывали тайные мысли людей о них. К такой демонстрации силы примешивались вспышки богохульства и непристойности.

Но внезапно произошло нечто, по-видимому, более чудесное, чем все эти чудеса. Без какой-либо определенной причины эта эпидемия одержимости уменьшилась, и дьявол исчез.

Вскоре после этого проф. Тиссо, выдающийся сотрудник медицинского факультета Дижона, посетил это место и начал серию исследований, полный отчет о которых он впоследствии опубликовал. Он рассказывает нам, что нашел некоторые причины внезапного ухода сатаны, которые никогда не публиковались. Он обнаружил, что правительство потихоньку перевело одного или двух очень ревностных священнослужителей в другой приход, направило полицию в Морзин для поддержания порядка и дало инструкции, чтобы с теми, кто вел себя возмутительно, просто обращались как с сумасшедшими и отправляли в приюты. Эта политика, столь соответствующая французским методам управления, изгнала дьявола: одержимые в основном были излечены, и дело, казалось, было закончено.

Но доктор Тиссо обнаружил, что некоторые из больных все еще оставались в живых, и вскоре с помощью различных исследований и экспериментов убедился, что они просто страдают истерией. Одно из его расследований особенно любопытно. Чтобы более тщательно наблюдать за пациентами, он пригласил некоторых из них отобедать с ним, дал им без их ведома святую воду в их вино или пищу и обнаружил, что это не произвело никакого эффекта, хотя его воздействие на демонов, когда одержимые узнали о его присутствии, было очень заметным. Даже после того, как таким образом было выпито большое количество святой воды, одержимые оставались подавленными, их убеждали изгнать дьявола, и у некоторых из них даже начались конвульсии; дьявол, по-видимому, говорил их устами. Было очевидно, что сатана не имел ни малейшего представления о том, что его тщательно накачали самым эффективным лекарством, известным старой теологии. (405)

(405) Удивительное описание целебных и других свойств святой воды см. у аббата Гома, *L'Eau benite au XIXme Siecle*, Париж, 1866г.

Наконец Тиссо опубликовал результаты своих экспериментов, и вскоре был дан стереотипный ответ. Это напоминало ответ, сделанный клерикальными оппонентами Галилея, когда он показал им спутники Юпитера в свой телескоп, и они заявили, что спутники были созданы с помощью телескопа. Клерикальные оппоненты Тиссо настаивали на том, что отсутствие воздействия святой воды на демонов не доказывает ничего, кроме необычайной хитрости сатаны; что архидемон хотел, чтобы все думали, что его не существует, и поэтому преодолел свое отвращение к святой воде, выпив ее залпом, чтобы скрыть свое присутствие.

Доктор Тиссо также исследовал языковой дар, которым обладают одержимые. Что касается немецкого и латыни, особых трудностей не возникло: нетрудно было предположить, что некоторые из девочек могли выучить некоторые слова прежнего языка в соседних швейцарских кантонах, где говорили по-немецки, или даже в самой Германии; а что касается латыни, то, учитывая, что они слышали ее с детства в церкви, не казалось ничего особенного в том, что они произносили некоторые слова и на этом языке. Что касается арабского, то, если бы они действительно говорили на нем, это можно было бы объяснить связями одержимых с зуавами или спахи из французской армии; но, поскольку Тиссо не смог обнаружить таких связей, он исследовал этот вопрос как самый загадочный из всех.

При тщательном расследовании он обнаружил, что все замечательные примеры говорения по-арабски сводятся к одному. Затем он спросил, есть ли в городе еще кто-нибудь, говорящий по-арабски или знающий его. Ему ответили, что нет. Он спросил, жил ли там, насколько кто-либо мог вспомнить, кто-нибудь, кто говорил или понимал по-арабски, и получил отрицательный ответ.

Затем он спросил свидетелей, откуда им известно, что девушка говорила на арабском языке: ответа он не удостоился; но он был ошеломлен такими историями, как история о свинье, которая при виде креста на деревенской церкви внезапно отказалась идти дальше; и в церковных газетах его осудили за то, что он отказался принять такие доказательства.

К моменту визита Тиссо в 1863 году одержимость, как правило, прекратилась, и оставшихся ящиков было немного, и они были тихими. Но его визиты вызвали новую полемику, и ее отголоски долго и громко звучали с кафедр и в церковных журналах. Верующие настаивали на том, что сатана был удален заступничеством Пресвятой Девы; неверующие намекали, что главной причиной освобождения было нежелание одержимых заключаться в приюты.

В этих обстоятельствах епископ Аннеси объявил, что посетит Морзин для проведения Конфирмации, и, похоже, распространился слух, что он придаст более ортодоксальное завершение уже проделанной работе, изгнав оставшихся дьяволов. Сразу же появилось несколько новых случаев одержимости; молодые девушки, которые были излечены, снова подверглись заражению; разоженные таким образом угли были раздуты в пламя благодаря "миссии", которую различные священники проводили в приходе, чтобы пробудить людей к их религиозным обязанностям — миссия в римско-католических странах сродни "возрождению" среди некоторых протестантских сект. Множество молодых женщин, возбужденных проповедями и призывами духовенства, снова были охвачены старой болезнью, и с приходом доброго епископа она достигла кульминации.

Отчет приводится со слов очевидца:

"При торжественном входе епископа в церковь одержимые бросались перед ним на землю или пытались броситься на него, страшно крича, проклиная, богохульствуя, так что люди в целом были поражены ужасом. Одержимые последовали за епископом, улюлюкая и угрожая ему, до середины церкви. Порядок был установлен только благодаря вмешательству солдат. Во время конфирмации больные удвоили свои вопли и адские вопли, пытались плюнуть в лицо епископу и сорвать с него пастырское одеяние. В тот момент, когда прелат давал свое благословение, произошла еще более возмутительная сцена. Неистовство больных было доведено до неистовства, и со всех концов церкви раздавались крики и устрашающий вой; шум был таким

ужасным, что у многих зрителей потекли слезы из глаз, и многие незнакомцы были повергнуты в ужас".

Среди очень большого числа этих больных было только двое мужчин; из остальных только двое были преклонного возраста; подавляющее большинство составляли молодые женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет.

Вскоре после этого вмешались государственные власти и попытались вылечить болезнь и отвлечь людей от их мании пением, танцами и различными видами спорта, пока, наконец, болезнь не была взята под контроль.(406)

(406) See Tissot, *L'Imagination: ses Bienfaits et ses Egarements surtout dans le Domaine du Merveilleux*, Paris, 1868, liv. iv, ch. vii, S 7: *Les Possedees de Morzine*; also Constans, *Relation sur une Epidemie de Hystero-Demonopathies*, Paris, 1863.

Сцены, подобные этим по своему существенному характеру, возникли совсем недавно в протестантских странах, но с той разницей, что то, что римско-католические священнослужители обычно приписывали сатане, протестантские священнослужители приписывают Всемогущему. Типичными среди более масштабных проявлений этого были те, которые начались в методистской часовне в Редруте в Корнуолле — конвульсии, прыжки, скачки, пока это не охватило около четырех тысяч человек. То же самое наблюдается в более грубых частях Америки на "пробуждениях" и лагерных собраниях. И не только в более грубых частях Америки. В июне 1893 года на похоронах в Бруклине у одного из скорбящих случился истерический припадок, в разных частях здания церкви появилось сразу несколько других случаев, и некоторые пациенты пострадали настолько серьезно, что их доставили в больницу.

Подобные выставки можно увидеть и в другой области, но больше по средневековому образцу: в Тигретье Абиссинии мы сталкиваемся с эпидемиями танцев, которые ищут чудесных исцелений и получают их.

Сообщения о подобных проявлениях также поступают от миссионеров с западного побережья Африки, один из которых видит в некоторых из них признаки одержимости, упомянутые в наших Евангелиях, и поэтому склонен приписывать их сатане.(407)

(407) О случаях в Бруклине читайте в "Нью-Йорк Трибюн" примерно от 10 июня 1893 года. О Тигретье с особенно интересными цитатами см. Хеккер, глава ii. iii, раздел 1. О случаях в Западной Африке см. преподобного Дж. Л. Уилсона, *Западная Африка*, стр. 217.

III. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ "УТВЕРЖДЕНИЯ". — ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА

И МЕТОДЫ.

Но, к счастью, задолго до этих последних событий в эту область пришла наука и постепенно сокращала количество заболеваний этого класса. Среди первых, кто добился этой лучшей цели, был великий голландский врач Бурхааве. Обнаружив в одной из палат больницы в Харлеме нескольких женщин, бьющихся в конвульсиях и имитирующих друг друга в различных приступах безумия, он немедленно приказал разложить посреди палаты печь с пылающими углями, нагреть прижигающие утюги и объявил, что сожжет руки первой женщине, у которой начнутся конвульсии. Больше случаев не было.(408)

(408) See Figuier, Histoire de Merveilleux, vol. i, p. 403.

Эти и подобные им успешные исследования медицинской науки в области психических заболеваний положили начало следующему этапу богословского развития. Церковь, как обычно, попыталась отступить за компромисс. В начале восемнадцатого века появилось новое издание великого труда иезуита Дельрио, который в течение ста лет был учебником для использования духовенством в борьбе с колдовством; но в этом издании роль сатаны в болезнях была изменена: было высказано предположение, что, хотя болезни имеют естественные причины, необходимо, чтобы сатана вошел в человеческое тело, чтобы сделать эти причины эффективными. В этой работе утверждается, что сатана "нападает на сумасшедших в полнолуние, когда их мозг полон юмора"; что в других случаях болезни он "размешивает черную желчь"; и что в случаях слепоты и глухоты он "закупоривает глаза и уши". К концу столетия это "переформулирование", очевидно, было признано несостоятельным, и в Англии была предпринята попытка совершенно иного рода.

В третьем издании Британской энциклопедии, опубликованном в 1797 году, в статье "Демоники" ортодоксальная точка зрения была представлена следующими словами: "Реальность одержимости демонами основывается на тех же доказательствах, что и евангельская система в целом".

Это утверждение, хотя и было необходимо для удовлетворения старых теологических настроений, было явно сочтено слишком опасным, чтобы его можно было использовать в современном скептическом мире без каких-либо оговорок. Поэтому была предложена другая точка зрения, а именно, что персонажи Нового Завета "использовали вульгарный язык, говоря о тех несчастных людях, которых обычно считали одержимыми демонами". В двух или трех изданиях содержался этот любопытный компромисс, но ближе к середине нынешнего столетия вся дискуссия была тихо прекращена.

Наука, отказавшись утруждать себя какой-либо из этих точек зрения, продвигалась вперед, и к концу столетия мы видим, как доктор Роудс в Лионе лечит очень серьезный случай одержимости с помощью сильного рвотного средства; однако и здесь появилось мифотворчество, и было заявлено, что, когда рвотное средство оказывало свое действие, люди видели множество зеленых и желтых дьяволов, извергаемых изо рта одержимого.

Последняя крупная демонстрация старой веры в Англии была проведена в 1788 году. Недалеко от города Бристоль в то время жил пьяный эпилептик Джордж Лукинс. Прося милостыню, он настаивал на том, что он "одержим", и доказал это, прыгая, крича, лая и угощая компанию пародией на "Те Деум".

Его торжественно внесли в храм Темпл, и семь священнослужителей объединились в попытке изгнать злого духа. Когда они заклинали сатану, он поклялся "своим адским логовом", что не выйдет из этого человека — "клятву, - говорит хронист, - нигде нельзя найти, кроме как в "Путешествии пилигрима" Баньяна, откуда Лукинс, вероятно, почерпнул ее".

Но семь священнослужителей, наконец, добились успеха, и семь дьяволов были изгнаны, после чего Лукинс ушел на пенсию и, похоже, до конца своей жизни пользовался поддержкой как памятник милосердия.

Благодаря этим огромным усилиям старая теория в Англии, казалось, практически исчерпала себя.

Наука, очевидно, сохранила эту крепость. В 1876 году в маленьком городке близ Амьена, во Франции, к священнику привели молодую женщину, страдавшую всеми обычными признаками одержимости дьяволом. Священника умоляли изгнать дьявола, но он просто отвез ее в больницу, где под научным лечением ей быстро стало лучше.(409)

(409) См. Фигье; также Коллен де Планси, "Адский словарь", статья "Одержимые".

Окончательный триумф науки в этой части великой области был достигнут в основном во второй половине нынешнего столетия.

Следуя благородной преемственности Парацельса, Джона Хантера, Пинеля, Тьюка и Эскироля, появилась группа мыслителей и работников, которые путем научных наблюдений и исследований развили новые ростки истины, становящиеся все более и более ценными.

Среди многих фактов, таким образом направленных против этого последнего оплота Князя Тьмы, можно назвать особенно те, которые указывают на "выжидательное внимание" — ожидание явлений, на которых сосредоточиваются до тех пор, пока стремление к ним не станет болезненным и непреодолимым, а создание их, возможно, бессознательным. Обнаружено, что другие классы явлений, приводящих к эпидемиям, возникают из-за болезненной склонности к подражанию. Еще другие группы подвергались гипнозу. Множество других было обнаружено при бесчисленных формах и последствиях истерии. Исследование влияния воображения на функции организма также дало замечательные результаты.

И, наконец, в дополнение к этой работе пришли ученые-историки и литературоведы, которые исследовали мифотворчество и распространение чудес.

Таким образом, было рассеяно то облако сверхъестественного, которое так долго нависало над психическими заболеваниями, и, таким образом, они попали в поле зрения науки.(410)

(410) Перечисление даже ведущих цитат из этой обширной и полезной литературы увело бы меня далеко за пределы моего плана и объема, но я могу

назвать среди легкодоступных авторитетов Бриера де Бумонта о галлюцинациях, перевод Хьюма, 1860; также Джеймса Брэйда, " Власть разума над телом", Лондон, 1846; Крафт-Эбинга, "Основы психологии", Штутгарт, 1888; Тьюка, " Влияние разума на тело", Лондон, 1884; Модсли, "Патология разума", Лондон, 1879; Карпентер, " Психическая физиология", шестое издание, Лондон, 1888; Ллойд Такки, "Вера", " Лечение", в девятнадцатом веке за декабрь 1888 г.; Петтигрю, " Суеверия, связанные с практикой медицины и хирургии", Лондон, 1844; Снелл, " Hexenprocesse und Geistesstörung", Мюнхен, 1891. Очень ценное исследование интересных случаев смотрите в книге "Закон гипноза" профессора Р. С. Хайера из Юго-Западного университета, Джорджтаун, Техас, 1895 год.

Что касается мифотворчества и распространения чудес, то обычный читатель найдет интересные дополнительные сведения в недавних работах Эндрю Лэнга и Бэринг-Гулда.

Недавно внимание автора этой статьи привлекло очень любопытное свидетельство воздействия тенденции к мифотворчеству. Периодически, на протяжении многих лет, мы видели в книгах о путешествиях и в газетах сообщения о замечательных выступлениях жонглеров в Индии; о том, как ребенка, лежащего в маленькой корзинке посреди арены, протыкают ножом и ребенок появляется живым в окружающей толпе; о семенах, посаженных, проросших и превратившихся в хорошо выросшие деревья под рукой жонглера; о веревках, подброшенных в воздух и поддерживаемых невидимой силой. Граф де Губернатис, выдающийся профессор и востоковед из Флоренции, сообщил настоящему автору, что он недавно видел и изучал эти выставки и что они не только не были замечательными, но и значительно уступали фокусам, столь хорошо известным во всех наших западных столицах.

Все еще остаются добросовестные люди, которые находят утешение в том, что крепко держатся за какую-то крупницу старой веры в одержимость дьяволом. Твердое заявление Джона Уэсли, сделанное в прошлом веке, о том, что "отказ от колдовства означает отказ от Библии", слабо подтверждается во второй половине этого столетия выдающимся католическим священнослужителем во Франции, который заявляет, что "отрицать одержимость дьяволами - значит обвинять Иисуса и его апостолов в обмане", и спрашивает: "Как можно отрицать свидетельство апостолов, отцов Церкви и святых, которые видели одержимых и таким образом заявили об этом?" И еще более слабое эхо слышится в протестантской Англии.(411)

(411) См. Аббата Бартелеми в "Словаре бесед"; также "Доказанная доктрина злых духов" преподобного У. Скотта, Лондон, 1853 г.; также решительный протест декана Бургона против действий редакторов Нового Завета, заменивших слово "эпилептик" словом "лунатик" в Евангелии от Матфея xvii, 15, опубликованном в Quarterly Review за январь 1882г.

Но, несмотря на это сознательное противодействие, наука в эти последние дни неуклонно работает рука об руку с христианским милосердием в этой области, чтобы создать лучшее будущее для человечества. Вдумчивый врач и преданный священнослужитель теперь

постоянно работают вместе; и нет ничего преувеличенного в том, чтобы ожидать, что сатана, изгнанный из приютов для душевнобольных, вскоре исчезнет из монастырей и лагерных собраний даже в самых непросвещенных регионах христианского мира.

ГЛАВА XVII. ОТ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ.

I. СВЯЩЕННАЯ ТЕОРИЯ В ЕЕ ПЕРВОЙ ФОРМЕ.

Среди наук, которые послужили вбивающими клиньями в тяжелую массу церковной ортодоксии — чтобы расколоть ее, разложить на части и впустить в нее свет христианства, — пожалуй, ни одна не проделала более поразительной работы, чем сравнительная филология. В одном очень важном отношении история этой науки отличается от истории любой другой, ибо это единственная наука, выводы которой богословы, наконец, полностью приняли как результат своих собственных исследований. Это принятие преподает великий урок, поскольку, хотя оно разрушило богословские взгляды, лелеявшиеся на протяжении многих веков, и вынудило Церковь принять теории, прямо противоречащие простой букве наших священных книг, результат, как ясно видно, скорее помог христианству, чем причинил ему вред. Это, безусловно, многое сделало для очищения наших религиозных основ от догматической ржавчины, въевшейся в их структуру.

Как был достигнут этот результат и почему Церковь так полно приняла его, я постараюсь показать в настоящей главе. На очень раннем этапе эволюции цивилизации люди начали задавать вопросы, касающиеся языка; и ответы на эти вопросы естественным образом были воплощены в мифах, легендах и хрониках их священных книг.

Среди важнейших из этих вопросов были три: "Откуда появился язык?" "Какой язык был первым?" "Как возникло языковое разнообразие?"

Ответ на первый из них был очень прост: каждый народ, естественно, считал, что язык был дан ему прямо или косвенно каким-то своим особым или национальным божеством; так, халдеям - Оаннесом, египтянам - Тотом, евреям - Яхве.

Еврейский ответ воплощен в великой поэме, которая открывает наши священные книги. Яхве разговаривает с Адамом, и его прекрасно понимают; змей разговаривает с Евой, и его прекрасно понимают; Яхве приводит животных к Адаму, который дарует каждому его имя. Язык, таким образом, был дан Богом и совершенен. О том факте, что каждый язык является результатом процесса развития, составители наших священных книг, очевидно, не подозревали.

Ответ на второй из этих вопросов был не менее прост. Как, в общем, каждая нация верила, что ее собственное главное божество - "бог превыше всех богов—, как каждая считала себя "избранным народом—, как каждая считала свой собственный священный город фактическим центром земли, так и каждая верила, что ее собственный язык является первым - изначальным из всех. Этот ответ с самого начала воспринимался как само собой разумеющийся каждым "избранным народом", и особенно евреями: на протяжении всей их истории, разговаривает ли Всевышний с Адамом в Саду или пишет заповеди на горе Синай, он использует один и тот же язык — иврит.

Ответить на третий из этих вопросов, касающийся разнообразия языков, было гораздо сложнее. Естественно, объяснения этого разнообразия часто порождали несколько сложные легенды.

"Закон воли и причин", сформулированный Контом, был проиллюстрирован здесь, как и во многих других случаях. Этот закон заключается в том, что, когда люди не знают естественных причин вещей, они просто приписывают их воле, подобной их собственной; таким образом, они получают теорию, которая временно заменяет науку, и эта теория составляет основу теологии.

Примеры этого приходят в голову любому мыслящему читателю, изучающему историю. До того, как были известны более простые законы астрономии, предполагалось, что солнце каждый день возносится на небеса, а звезды каждую ночь развешиваются на небосводе десницей Всемогущего. До того, как были известны законы комет, они считались ракетами, запущенными разгневанным Богом в порочный мир. До того, как была известна истинная причина молнии, предполагалось, что это дело рук доброго Бога в его гневе или злых духов в их злобе. До того, как были известны законы метеорологии, считалось, что дожди вызываются Всевышним или его ангелами, открывающими "окна небесные", чтобы низвести на землю "воды, которые выше небесного свода". До того, как были известны законы, регулирующие физическое здоровье, предполагалось, что болезни являются результатом прямого вмешательства Всемогущего или сатаны. До того, как были известны законы, регулирующие психическое здоровье, безумие обычно считалось одержимостью дьяволом. Все эти ранние концепции естественным образом были воплощены в священных книгах мира, и особенно в нашей собственной.(412)

(412) Любой, кто желает осознать средневековый взгляд на прямое личное внимание Всевышнего ко вселенной, может, пожалуй, сделать это проще всего, просмотрев гравюры в хорошо известной Нюрнбергской хронике, изображающие его в работе каждого из шести дней и отдыхающего после.

Итак, в данном случае, чтобы объяснить разнообразие языков, было задействовано прямое вмешательство Божественной Воли. Поскольку это разнообразие воспринималось как

неудобство, его приписывали воле Божественного Существа в гневе. Чтобы объяснить этот гнев, считалось, что он, должно быть, был спровоцирован человеческим грехом.

Из этой концепции объясняющие мифы и легенды росли так же густо и естественно, как вязы вдоль ручьев; из них самая ранняя известная нам форма встречается в халдейских рассказах, и нигде так отчетливо, как в легенде о Вавилонской башне.

Надписи, недавно найденные среди руин Ассирии, пролили яркий свет на этот и другие библейские мифы и легенды: расшифровка иероглифов в этих надписях Гротендом и прочтение текстов Джорджем Смитом, Оппертом, Сейсом и другими дали нам эти традиции в их первоначальном виде, более близком, чем они представлены в наших собственных Священных Писаниях.

Древнееврейская история о Вавилоне, как и многие другие легенды в священных книгах мира, сочетала в себе различные элементы. С помощью игры слов, как это часто показывает история мифов и легенд, она свела в единое целое более ранние объяснения разнообразия человеческой речи и великой разрушенной башни в Вавилоне. Название Вавилон (баб-эль) означает "Врата Бога" или "Врата богов". Все известные современные ученые сходятся во мнении, что таково было истинное значение этого имени; но еврейский глагол, означающий "СМЕШИВАТЬ", чем-то напоминает слово "Вавилон", так что из-за этого сходства в результате одного из наиболее распространенных процессов мифообразования в еврейском сознании появилось неоспоримое доказательство того, что башня была связана со смешением языков, и это стало частью нашего богословского наследия.

В наших священных книгах рассказ ведется следующим образом:

"И вся земля была на одном языке и с одной речью.

"И было так, что, когда они шли с востока, они нашли равнину в земле Сеннаар; и они поселились там.

"И сказали они друг другу: пойди, сделаем кирпичи и хорошенько обожжем их. И вместо камня у них был кирпич, а вместо раствора - слизь.

"И они сказали: идите, давайте построим себе город и башню, вершина которой может достигать небес; и давайте сделаем себе имя, чтобы мы не были рассеяны по лицу всей земли.

"И сошел Господь посмотреть на город и башню, которые построили сыны человеческие.

"И сказал Господь: вот, народ един, и у всех у них один язык; и это они начинают делать; и теперь ничто не удержит их от того, что они вообразили сделать.

"Идите, давайте спустимся вниз и там смешаем их язык, чтобы они не понимали речи друг друга.

"И рассеял их Господь оттуда по лицу всей земли, и они перестали строить город.

"Посему и назван он Вавилоном; потому что Господь смешал там язык всей земли; и оттуда рассеял их Господь по лицу всей земли". (Бытие xi, 1-9.)

К настоящему времени легенда была лишь слегка изменена по сравнению с более ранней халдейской формой, в которой она была найдена в ассирийских надписях. Ее характер очень

прост: используя слова проф. Дж. Сэйс: "Это возвращает нас к эпохе, когда считалось, что боги обитают на видимом небе, и поэтому человек делал все возможное, чтобы воздвигать свои алтари как можно ближе к ним". И этот выдающийся богослов мог бы добавить, что это также возвращает нас к тем временам, когда считалось, что Иегова, чтобы полностью увидеть башню, был вынужден спуститься со своего места над небесным сводом.

Что касается истинных причин строительства башен, которые составляли столь поразительную особенность халдейской архитектуры, — любая из которых легко могла послужить основой для объяснительного мифа, нашедшего свое отражение в наших священных книгах, — то, по-видимому, ведущие ученые в значительной степени согласны с тем, что они возводились в первую очередь как части храмов, но в основном с целью астрономических наблюдений, которым халдеи были так преданы и для которых их страна с ее ровной поверхностью и чистой атмосферой была так хорошо приспособлена. Что касается истинной причины разрушения подобных сооружений, то на одном из цилиндров с надписями, обнаруженных в недавнее время, говорится о башне, которую большинство археологов отождествляет с Вавилонской башней, и гласит следующее:

"Здание, названное Ступенями Семи сфер, которое было Башней Борсиппы, было построено бывшим королем. Он закончил работу над сорока двумя локтями, но не закончил ее голову. Со временем он пришел в упадок; они не позаботились о выходе воды, так что дождь и влага проникли в кирпичную кладку; облицовка из обожженного кирпича вздулась, а террасы из необработанного кирпича разбросаны кучами".

Мы можем хорошо понять, как легко "боги с помощью ветров", как говорится в халдейской легенде, могли разрушить построенную таким образом башню.

Может быть поучительно сравнить с поясняющим мифом, разработанным сначала халдеями, а в несколько иной форме евреями, различные другие легенды, объясняющие такое же разнообразие языков. Индуистская легенда о смешении языков такова:

"В центре земли росло чудесное "мировое дерево", или "дерево познания". Оно было таким высоким, что достигало почти небес. В своем сердце он говорил: "Я вознесу свою голову на небеса и раскину свои ветви по всей земле, и соберу всех людей вместе под своей сенью, и защищу их, и не позволю им разделиться". Но Брахма, чтобы наказать гордыню дерева, срезал его ветви и бросил их на землю, когда они выросли как деревья вата, и сделал различия в вере, речи и обычаях преобладающими на земле, чтобы рассеять людей по ее поверхности".

Еще более поразительна мексиканская легенда: согласно ей, великан Кселуа построил великую пирамиду в Чолуле, чтобы достичь небес, пока боги, разгневанные его дерзостью, не обрушили огонь на здание и не разрушили его, после чего каждая отдельная семья получила свой собственный язык.

Такие поясняющие мифы выросли или широко распространились по земле. Хорошо известная форма легенды, больше похожая на халдейскую, чем на более позднюю форму еврейской, появилась у греков. Согласно этому, алоидеи возвели гору Осса на Олимпе и Пелион на Оссе в своих попытках достичь небес и свергнуть Юпитера.

Еще в другой форме это вошло в мысли Платона. Он утверждал, что в золотой век все люди и звери говорили на одном языке, но что Зевс смешал их речь, потому что люди были горды и требовали вечной молодости и бессмертия.(413)

(413) Об отождествлении Вавилонской башни с "Бирс Нимрадом" среди руин города Борсиппа см. Роулинсона; также Шрейдера, "Клинописные надписи и Ветхий Завет", Лондон, 1885, стр. 106-112 и далее; и особенно Джорджа Смита, "Ассирийские открытия", стр. 59. Некоторые из этих надписей, обнаруженных и прочитанных Джорджем Смитом, см. в его Халдейском изложении книги Бытия, Нью-Йорк, 1876, стр. 160-162. Утверждение относительно происхождения слова "Вавилон", см. Эрша и Грубера, статья "Вавилон"; также преподобного профессора А. Х. Сэйса в последнем издании Британской энциклопедии; также Коленсо, Рассмотренное Пятикнижие, часть iv, стр. 302; также Джон Фиске, Мифы и создатели мифов, стр. 72; также Ленормон, "Древняя история Востока", Париж, 1881, том i, стр. 115 и далее. Что касается характера и назначения великой башни храма Бела, см. Библейский словарь Смита, статью Babel, цитирующую Диодора; также Роулинсона, особенно в журнале Азиатского общества за 1861 год; также Сэйса, "Религия древних вавилонян" (Лекции Хибберта за 1887 год), Лондон, 1887, глава. ii и в других местах, особенно на страницах 96, 397, 407; также Макс Данкер, "История древности", перевод Эбботта, том. ii, ребята. ii и iii. О похожих легендах в других частях света см. Делич; также Гумбольдт, Американские исследования; также Бринтон, Мифы Нового Света; также Коленсо, как указано выше. Башня Чолула хорошо известна, поскольку была описана Гумбольдтом и лордом Кингсборо. О превосходных гравюрах, показывающих вид Вавилона, созданный богословским воображением, см. Кирхер, Туррис Вавилон, Амстердам, 1679. О Законе воли и причинах с хорошо изложенными выводами из него см. Битти Крозье, Цивилизация и прогресс, Лондон, 1888, стр. 112, 178, 179, 273. О Платоне см. "Политикус", стр. 272, изд. Стефани, цитируется в статье Эрша и Грубера "Вавилон". Хорошее общее утверждение можно найти в "Библейских мифах", Нью-Йорк, 1883, глава iii. О странном отсутствии интереса Аристотеля к какой-либо классификации разновидностей человеческой речи см. Макс Мюллер, Лекции по науке о языке, Лондон, 1864, серия i, глава iv, стр. 123-125.

Но, естественно, версия легенды, которая больше всего повлияла на христианский мир, заключалась в модификации халдейской формы, разработанной среди евреев и воплощенной в их священных книгах. Для мыслящего человека в наши дни это очень поучительно. Сошествие Всемогущего с небес, чтобы увидеть башню и положить ей конец, рассеяв ее строителей, указывает на время, когда предполагалось, что его жилище находилось прямо над небесным сводом над землей: время, когда он осуществлял свою благотворную деятельность в таких действиях, как открытие "окон небесных", чтобы проливать дождь на землю; в том, что каждый день выходило солнце и каждую ночь вешались звезды, чтобы освещать землю; в том, что он запускал кометы, чтобы давать предупреждение; в том, что он поместил свой лук в облаках,

чтобы давать надежду; в том, что он спускался в небе. прохлада вечера, чтобы гулять и разговаривать с человеком, которого он создал; шить одежды из шкур для Адама и Евы; наслаждаться запахом мяса, которое Ной сжег для него; есть с Авраамом под дубами Мамре; бороться с Иаковом; и писать собственным пальцем на каменных скрижалях для Моисея.

Так появился ответ на третий вопрос, касающийся языка; и все три ответа, воплощенные в наших священных книгах и внедренные в еврейский разум, дали христианской церкви зародыши богословского развития филологии. Эти зародыши быстро развились в теплой атмосфере набожности и незнания законов природы, царившей в ранней Церкви, и там выросла великая ортодоксальная теория языка, которой придерживался весь христианский мир, "всегда, везде и всеми", в течение почти двух тысяч лет, и которой до нынешнего столетия вся наука была вынуждена, с трудом и наказаниями, соответствовать.

Действительно, в ранний период человеческой мысли появились некоторые предположения о современном научном взгляде на филологию. Лукреций предложил теорию, действительно неадекватную, но все же указывающую на истину, следующую: "Природа побудила человека попробовать различные звуки языка и таким образом вычеркнула названия вещей, во многом аналогично тому, как неспособность говорить, в свою очередь, побуждает детей к использованию жестов". Но среди первых отцов Церкви единственным, кто, кажется, уловил отголосок этого высказывания, был святой Григорий Нисский: как правило, все остальные великие основатели христианского богословия, насколько они выражались по этому вопросу, придерживались мнения, что первоначальным языком, на котором говорил Всемогущий и который он дал людям, был иврит, и что от него произошли все остальные языки при разрушении Вавилонской башни. Эту доктрину особенно поддерживали Ориген, святой Иероним и святой Августин. Ориген учил, что "язык, данный вначале через Адама, иврит, остался среди той части человечества, которая не была присвоена никакому ангелу, но продолжила часть самого Бога". Святой Августин заявил, что, когда другие расы разделились по своим собственным особым языкам, семья Хиберы сохранила тот язык, который, как не без оснований полагают, был общим языком расы, и что по этой причине он с тех пор назывался ивритом. Святой Иероним писал: "Вся древность подтверждает, что иврит, на котором написан Ветхий Завет, был началом всей человеческой речи".

Среди таких великих авторитетов, как они, даже Григорий Нисский тщетно боролся. Он, по-видимому, отнесся к делу очень серьезно и использовал не только аргументы, но и насмешки. Он настаивает на том, что Бог не говорит на иврите и что язык, которым пользовался Моисей, даже не был чистым диалектом одного из языков, возникших в результате "путаницы". Он делает человека изобретателем речи и прибегает к насмешкам: выступая против своего оппонента Евномия, он говорит, что, "умалчивая о своей низкой и презренной болтливости", он "замечет несколько вещей, которые бросаются в середину его бесполезной или многословной речи, где он представляет Бога, обучающего словам и именам наших прародителей, сидящего перед ними, как какой-нибудь педагог или учитель грамматики". Но, естественно, возобладали великий авторитет Оригена, Иеронима и Августина; точка зрения, предложенная Лукрецием, а затем святым Григорием Нисским, умерла; и "всегда, везде и всеми" в Церкви было принято учение о том, что языком, на котором говорил Всемогущий, был иврит, — что он научил ему Адама, — и что все другие языки на лице земли произошли от него при рассеянии, последовавшем за разрушением Вавилонской башни.(414)

(414) Утверждение Лукреция см. В *De Rerum Natura*, lib. v, издание Манро с переводом, Кембридж, 1886, т. iii. стр. 141. О мнении Григория Нисского см. Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft in Deutschland*, Мюнхен, 1869, стр. 179; а цитируемый отрывок см. у Григория Нисского в его *Contra Eunomium*, xii, в Патр. Graeca, vol. ii, стр. 1043. Что касается святого Иеронима, см. в его Послании XVIII, в патр. лат. Минья, том. xxii, с. 365. Для цитирования из святого Августина см. "Град Божий", перевод Дода, Эдинбург, 1871, том. ii, с. 122. Цитату из Оригена см. в его проповеди XI, цитируемой Гишаром в предисловии к "Этимологической гармонии", Париж, 1631, lib. xvi, глава xi. Абсолютно убедительные доказательства того, что евреи заимствовали Вавилонский Столп и другие легенды своих священных книг от халдеев, см. Джордж Смит, Халдейское изложение книги Бытия, *passim*; но особенно для наиболее откровенного, хотя и несколько неохотного подведения итогов, см. стр. 291.

Эта идея пускала корни и ветви во все стороны и таким образом постоянно развивалась в новые и сильные формы. Как теперь известно всем ученым, точки на гласных в еврейском языке были приняты только в какой-то период между вторым и десятым веками; но в средневековой церкви они вскоре стали рассматриваться как часть великого чуда, как дело десницы Всемогущего; и никогда до восемнадцатого века не допускалось никаких сомнений относительно божественного происхождения этих раввинских дополнений к тексту. Колебаться в вере в то, что эти точки были расставлены фактически рукой самого Бога, стало считаться страшной ересью.

Серия сражений между теологией и наукой в области сравнительной филологии началась именно с этого пункта, кажущегося таким незначительным: прямого божественного вдохновения раввинской пунктуации. Первым, кто поставил под сомнение божественное происхождение этих звуков и акцентов, по-видимому, был испанский монах Раймундус Мартинус в своем "*Pugio Fidei*", или Кинжале Веры, который он выдвинул в тринадцатом веке. Но он и его учение исчезли под волнами ортодоксального океана и, по-видимому, не оставили никаких следов. Еще почти триста лет полная священная теория сохраняла свои позиции; но примерно в начале шестнадцатого века еврей Элиас Левита дал еще один проблеск истины, и это, по-видимому, оказало небольшое влияние, по крайней мере, в поддержании зародыша научной истины.

Реформация, с ее возобновлением буквального изучения Священного Писания и передачей всей непогрешимости Церкви и папства букве священных книг, на некоторое время усилила приверженность христианского мира этой священной теории языка. Существовало твердое убеждение, что авторы Библии были всего лишь перьями в руке Бога (*Dei calami*). Отсюда напрашивается вывод, что не только смысл, но и слова, буквы и даже пунктуация исходили от Святого Духа. Только по этому единственному вопросу о происхождении древнееврейских пунктов возникли какие-либо разногласия, и они разгорелись еще сильнее. Стало особенно заметно, что эти гласные в еврейской Библии отсутствовали в синагогальных списках, не упоминались в Талмуде и, по-видимому, были неизвестны святому Иерониму; и на этом основании некоторые серьезные люди осмелились предположить, что они не являются частью первоначального откровения, данного Адаму. Цвингли, намного опережавший большинство

реформаторов в других отношениях, был в равной степени прав и в этом. Не сомневаясь в божественном происхождении и сохранении древнееврейского языка в целом, он отрицал древность звуков, демонстрировал их необязательный характер и указывал на тот факт, что святой Иероним о них не упоминает. Его отрицание долгое время было прибежищем тех, кто разделял эту ересь.

Но полностью ортодоксальная теория оставалась устоявшейся среди подавляющего большинства как католиков, так и протестантов. Позиция первых хорошо проиллюстрирована во внушительном труде каноника Марини, который появился в Венеции в 1593 году под названием "Ноев ковчег: новая сокровищница священного языка". Огромные фолианты начинаются с заявления о том, что еврейский язык был "богодухновен в самом начале мира", и неуклонно утверждается доктрина, согласно которой это божественное вдохновение распространялось не только на буквы, но и на знаки препинания.

Только на исходе семнадцатого века мы находим основательного ученого, достаточно смелого, чтобы опровергнуть эту абсурдную доктрину. Этим новым противником был Капеллус, профессор иврита в Сомюре; но он не осмелился выдвинуть свои аргументы во Франции: он был вынужден опубликовать их в Голландии, и даже там на его пути стояли такие препятствия, что прошло десять лет, прежде чем он опубликовал другой важный трактат.

Работа Капеллуса была воспринята как решение вопроса очень многими непредубежденными учеными, среди которых был Гуго Гроций. Но многие богословы сочли эту точку зрения ударом по святости и целостности священного текста; и в 1648 году великий ученый Джон Баксторф младший встал на защиту цитадели ортодоксии: в своей Антикритике он использовал все свои знания, чтобы поддержать доктрину о том, что раввинские пункты и акценты были записаны десницей Божьей.

Спор разгорелся с новой силой: такие ученые, как Восс и Брайан Уолтон, поддержали Капеллуса; Васмут и многие другие известные люди были столь же яростны против него. Швейцарские протестанты были особенно жестоки по отношению к ортодоксальной стороне; их формульный консенсус 1675 года провозгласил точки с гласными богодухновенными, а три года спустя кальвинисты Женевы специальным канонам запретили принимать в свою юрисдикцию любого священника, пока он публично не признает, что текст на иврите в том виде, в каком он сегодня существует в масоретских копиях, божественен и аутентичен как в отношении согласных, так и в отношении точек с гласными.

В то время как в Голландии такой великий человек, как Гуго Гроций, поддерживал точку зрения Капеллуса, а во Франции выдающийся католический ученый Ричард Саймон и многие другие, католики и протестанты, выступали аналогично против божественного происхождения еврейской пунктуации, против них была выдвинута группа, по-видимому, подавляющая. Во Франции Боссюэ, величайший теолог, которого когда-либо создавала Франция, сделал все возможное, чтобы сокрушить Саймона. В Германии Васмут, профессор сначала в Росток, а затем в Киле, обрушил свою мстительность на новаторов. И все же в этот самый момент битва была явно выиграна; аргументы Капеллуса были неопровержимы, и, несмотря на приказы епископов, вопли теологов и насмешки критиков, его применение строго научных наблюдений и рассуждений одержало верх.

И все же случайный наблюдатель спустя долгое время после того, как судьба битвы была действительно решена, мог бы предположить, что она все еще под вопросом. Как это нередко бывает в теологических спорах, предпринимались попытки придать мертвой доктрине видимость жизни. Известной из этих попыток была попытка, предпринятая еще в начале восемнадцатого века двумя бременскими теологами, Хазе и Икеном. Они выпустили сборник в двух огромных фолиантах одновременно в Лейдене и Амстердаме, видным произведением которого является "Трактат о целостности Священного Писания" Иоганна Андреаса Данциуса, профессора восточных языков и старшего преподавателя философского факультета Йены, и, в предисловии к нему, было официальное и безоговорочное одобрение трех выдающихся профессоров теологии в Лейдене. С большим пылом автор указывал, что "сама религия абсолютно зависит от безошибочного богодухновения, как словесного, так и буквального, текста Священного Писания"; и со страстным красноречием он обрушивался на богохульников, которые осмеливались подвергать сомнению божественное происхождение еврейских текстов. Но на самом деле это была последняя крупная попытка. О том, что дело было проиграно, свидетельствовал тот факт, что Данциус чувствовал себя обязанным использовать не аргументы, а другие средства, и особенно жестко обзывать своих оппонентов. С этого периода старую священную теорию о происхождении еврейских текстов можно считать мертвой и похороненной.

II. САКРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ ВТОРОЙ ФОРМЕ.

Но вскоре войне предстояло развернуться на более широком и гораздо более важном поле. Отказавшись от идеи еврейской пунктуации, большая ортодоксальная организация вернулась к остальной части теории и укрепила ее сильнее, чем когда-либо: теорию о том, что еврейский язык был первым из всех языков - на том, на котором говорил Всемогуший, данный им Адаму, переданный через Ноя миру после Потопа, — и что "смешение языков" было источником всех других языков.

Давая отчет об этой новой фазе борьбы, хорошо бы немного вернуться назад. Возрождение образования и Реформация привели к возобновлению изучения иврита в пятнадцатом и шестнадцатом веках, и таким образом священное учение о происхождении ивритского языка получило дополнительный авторитет. Все ранние грамматики иврита, начиная с грамматики Рейхлина, утверждают божественное происхождение и чудесные притязания иврита. Он постоянно упоминается как "священный язык" — *sancta lingua*. В 1506 году Рейхлин, хотя сам подвергался преследованиям со стороны большой фракции в Церкви за передовые взгляды, называет иврит "сказанным устами Бога".

Эта идея была популяризирована изданием "Философии Маргариты", вышедшим в Страсбурге в 1508 году. Этот труд, в его последующих изданиях являющийся зеркалом человеческих знаний на закате средневековья и в начале нового времени, содержит любопытное введение в

изучение иврита, в котором утверждается, что иврит был первоначальной речью, "используемой между Богом и человеком, между людьми и ангелами". На его фронтисписе всю страницу изображен Моисей, получающий от Бога каменные скрижали, написанные на иврите; и, в качестве убедительного аргумента, это напоминает нам, что сам Христос, выбрав еврейку в качестве своей матери, сделал ее своим родным языком.

Здесь, однако, следует отметить, что Лютер в одном из тех порывов сильного чувства, которые так часто проявляются в его творчестве, настаивал на объяснении, что слова "Бог сказал" не имеют ничего общего с артикуляцией человеческого языка. Тем не менее, он, очевидно, поддался общему мнению. В Римской церкви того же периода мы имеем типичный пример теологического метода, применяемого к филологии, как мы видели его применяемым к другим наукам, в заявлении великого оппонента Лютера, Кайетана, о том, что три языка надписи на Голгофском кресте "были представителями всех языков, потому что число три обозначает совершенство".

В 1538 году Постиллус предпринял очень важную попытку сравнительного изучения языков, но с ортодоксальным допущением, что все они произошли из одного источника, а именно иврита. Естественно, сравнительная филология на этом пути сбивалась с пути и натывалась на бесконечные нелепости. Были предприняты самые поразительные усилия, чтобы свести все к священному языку. Появились английские и латинские словари, в которых каждое слово восходит к еврейскому корню. Ни одно предположение не было слишком абсурдным в этой попытке привести науку в соответствие со Священным Писанием. Было заявлено, что, поскольку иврит пишется справа налево, его можно читать в любом направлении, чтобы получить удовлетворительную этимологию. Все усилия всей этой священной науки были направлены не на то, чтобы найти истину — не на то, чтобы увидеть, как следует классифицировать различные языки или из какого источника они на самом деле получены, — а на то, чтобы продемонстрировать то, что считалось необходимым для поддержания того, что тогда считалось истиной Священного Писания; а именно, что все языки произошли от иврита.

Это спотыкание и грубая ошибка под влиянием ортодоксальной необходимости была замечена передовыми учеными по всей Европе. Примерно в середине шестнадцатого века великий швейцарский ученый Конрад Геснер, начиная свой "Митридат", говорит: "В то время как из всех языков иврит является первым и древнейшим, из всех он единственный чистый и несмешанный, все остальные сильно перемешаны, ибо нет ни одного, в котором некоторые слова не были бы заимствованы и искажены из иврита".

Типичными, по мере приближения к концу шестнадцатого века, являются высказывания двух наиболее известных английских богословов. Первым из них можно упомянуть доктора Уильяма Фалке, магистра Пембрук-холла Кембриджского университета. В своем "Открытии опасной скалы Римской церкви", опубликованном в 1580 году, он говорит о "еврейском языке ... первом языке мира, и за его превосходство назван "святым языком"".

Еще более выразительно, восемь лет спустя, высказался другой выдающийся богослов, доктор Уильям Уитекер, региональный профессор богословия и магистр колледжа Святого Иоанна в Кембридже. В своем "Диспуте о Священном Писании", впервые напечатанном в 1588 году, он говорит: "Иврит - самый древний из всех языков, и он единственный господствовал в мире до Всемирного потопа и возведения Вавилонской башни. Ибо именно этим пользовался Адам и все люди до Потопа, как явствует из Священных Писаний, как свидетельствуют отцы". Затем он

продолжает цитировать отрывки по этому вопросу из святого Иеронима, святого Августина и других, и цитирует святого Златоуста в поддержку утверждения, что "Сам Бог показал образец и метод написания, когда он передал Закон, написанный его собственным пальцем, Моисею".(415)

(415) Всю аргументацию о Священном Писании, охватывающую различные тексты, на которых была основана священная наука филология, с использованием таких текстов, см. Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft* в Германии, Мюнхен, 1869, стр. 22-26. Что касается происхождения точек на гласные, см. Бенфея, как указано выше; он считает, что их начали вставлять во втором веке нашей эры и что процесс продолжался примерно до десятого. О Раймунде и его Пугио Фидеи см. Г. Л. Бауэр, "Пролегомены" к его пересмотру "Священной филологии" Глазиуса, Лейпциг, 1795, — см. особенно стр. 8-14, в томе ii работы. О Цвингли см. Преф. в Апол. сост. *Isaiae* (Opera, iii). См. также Morinus, *De Lingua primaeva*, стр.447. Что касается Марини, см. *Ego Arca Noe: Thesaurus Linguae Sanctae*, Venet., 1593, и особенно предисловие. Общий отчет о Капелле, см. Г. Л. Бауэра в его "Пролегоменах", как указано выше, т. ii, стр. 8-14. Его *Arcanum Premetationis Revelatum* был выпущен в Лейдене в 1624 году; его *Critica Sacra* - десятью годами позже. Смотрите о Капеллусе и швейцарских теологах, Вольфиус, Библиотека Небр., том ii, стр. 27. О борьбе см. Schnedermann, "Спор о Людовике Капеллусе в Буксторфене", Лейпциг, 1879, цитируется в статье на иврите в Британской энциклопедии. Васмута см. в его "*Vindiciae Sanctae Hebraicae Scripturae*", Росток, 1664. Что касается Рейхлина, см. Посвященное предисловие к его "*Rudimenta Hebraica*", Пфорцхайм, 1506, фолио, в котором он говорит о "в божественной писанине", о роде диценди, как о месте, где он находится". Заявление в Маргарита *Philosophica* как в иврите, несомненно, основан на Ройхлина по *Rudimenta* ивритская, которых он цитирует, и которая впервые появилась в 1506 году. Важно, что этот раздел исчез из "Маргариты" в следующих изданиях; но это исчезновение легко понять, если мы вспомним тот факт, что Грегори Рейш, его автор, став одним из членов Папской комиссии, судившей Рейхлина в его споре с доминиканцами, счел благоразумным встать на сторону последних и поэтому, несомненно, счел разумным скрыть все свидетельства влияния Рейхлина на его убеждения. Все остальные издания "Маргариты", находящиеся в моем распоряжении, довольствуются сообщением под заголовком "Алфавит", что еврейские буквы были изобретены Адамом. О взгляде Лютера на слова "Бог сказал" см. Фаррар, "Язык и языки". Для получения наиболее ценного утверждения о столкновении мнений во время Реформации, см. Макса Мюллера, как указано выше, лекция iv, стр. 132. О преобладающем мнении среди реформаторов см. Каловий, том i, стр. 484, и Тулок, Доктрина вдохновения, в *Theolog. Очерки*, Бостон, 1867. И Мюллер, и Бенфи отмечают, как особенно важное, различие между взглядом Церкви и древним языческим взглядом на "варваров". См.

Мюллера, как указано выше, лекция iv, стр. 127, и Бенфи, как указано выше, стр. 170 и далее. С очень примечательным списком Библий, напечатанных в ранний период, можно ознакомиться в Benfey, стр. 569. О попытках проследить происхождение всех слов от древнееврейских

корней см. Сейс, Введение в науку о языке, глава vi. О

Геснере см. его "Митридат" ("О различиях в языке"), Цюрих, 1555.

Аналогичную попытку доказать, что итальянский также произошел от

иврита, см. Джамбуллари, цитируемый в Garlanda, стр. 174. О Фульке см.

Публикации Общества Паркера, 1848, стр. 224. Что касается Уитекера, смотрите в его

Диспуте о Священном Писании в той же серии, стр. 112-114.

Эта священная теория вошла в семнадцатый век в полной силе и на какое-то время смела все, что было до нее. Выдающиеся комментаторы, католики и протестанты, приняли и развили его.

Великие прелаты, католики и протестанты, стояли на страже этого, благосклонно относясь к тем, кто его поддерживал, делая все возможное, чтобы уничтожить тех, кто хотел его изменить.

В 1606 году Стефан Гишар построил для него новые контрфорсы в католической Франции. В своем предисловии он объясняет, что его намерение состоит в том, "чтобы читатель увидел в еврейском слове не только греческий и латинский, но также итальянский, испанский, французский, немецкий, фламандский, английский и многие другие из всех языков". Как теперь может видеть самый мелкий специалист в области филологии, огромная трудность, с которой сталкивается Гишар, заключается в переходе от иврита к арийской группе языков. Как он справляется с этой трудностью, можно представить из его следующего заявления: "Что касается образования слов путем сложения, вычитания и инверсии букв, то несомненно, что это можно и должно быть сделано таким образом, если мы хотим найти этимологии — вещь, которая становится очень правдоподобной, если мы примем во внимание, что евреи писали справа налево, а греки и другие слева направо. Все ученые признают такие производные необходимыми; ... и ... конечно, в противном случае вряд ли можно было бы проследить какую-либо этимологию до иврита".

Конечно, с помощью этого метода филологического жонглирования можно было доказать все, что автор считал необходимым для достижения своей благочестивой цели.

Два года спустя Эндрю Уиллетт опубликовал в Лондоне свой Гексапла, или Шестикратный комментарий к Книге Бытия. При этом он настаивает на том, что единым языком всего человечества в начале "был древнееврейский язык, сохранившийся до сих пор в семье Хибера". Он также прилагает усилия, чтобы сказать, что Вавилонская башня "была названа так не от Бела, как некоторые предполагают, а по недоразумению, ибо так означает еврейское слово ballal"; и он цитирует святого Златоуста, чтобы укрепить свою позицию.

В 1627 году доктор Константин л'Эмперер был введен в должность заведующего кафедрой философии священного языка Лейденского университета. В своей вступительной речи о достоинстве и полезности еврейского языка он официально заявляет о Божественном происхождении и чудесной чистоте этого языка. "Кто, - говорит он, - может подвергнуть сомнению тот факт, что еврейская идиома ровесница самого мира, кроме тех, кто стремится снискать себе славу ради собственной софистики?"

Через два года после Уиллетта в Англию приезжает знаменитый доктор Лайтфут, самый известный ученый своего времени в области иврита, греческого и латыни; но вся его ученость была направлена на удовлетворение теологических требований. В своем "Эрубхине", опубликованном в 1629 году, он подробно излагает священную теорию, хотя мы начинаем видеть любопытную попытку преодолеть некоторые лингвистические трудности.

Один отрывок послужит доказательством как прочности его веры, так и остроты его рассуждений, принимая во внимание трудности, с которыми ученые теперь начали сталкиваться в священной теории ". В других похвалах этот язык (иврит) не нуждается ни в чем, кроме того, что он имеет сам по себе; а именно, для святости это был язык Бога; а для древности это был язык Адама. Бог - первый основатель, и Адам - первый оратор об этом.... Это началось с мира и Церкви, продолжалось и возрастало во славе до пленения в Вавилоне.... Как человек у Сенеки, который из-за болезни потерял память и забыл свое собственное имя, так и евреи из-за своих грехов потеряли свой язык и забыли свой собственный.... До смешения языков весь мир говорил на их языке и ни на каком другом, но после смешения евреев они говорят на языке всего мира, а не на своем собственном".

Но как раз в середине века (1657) в Англии появился сторонник священной теории, более важный, чем любой из них, — Брайан Уолтон, епископ Честерский. Его многоязычная Библия доминировала в английской библейской критике на протяжении оставшейся части столетия. Он предваряет свой великий труд подробным доказательством божественного происхождения иврита и происхождения от него всех других форм речи. Он заявляет, что "вероятно, прародителем человечества был изобретатель букв". Его главы на эту тему полны интересных деталей. Он говорит, что валлиец Дэвис уже пытался доказать первобытность валлийского языка; датчанин Вормиус; немец Митилериус; но епископ твердо придерживается священной теории, сообщая нам, что "даже в Новом Свете обнаружены следы еврейского языка, а именно в Новой Англии и в Новой Бельгии, где слово *Aguarda* означает землю, а имя Джозеф встречается у гуронов". Как мы видели, епископ Уолтон был вынужден отказаться от вдохновляющей раввинской пунктуации, но он, похоже, с еще большим упорством придерживался того, что осталось от великой священной теории языка, и стал ее ведущим сторонником среди англоговорящих народов.

В тот же период та же доктрина была выдвинута большим авторитетом в Германии. В 1657 году Андреас Сеннерт опубликовал свою инаугурационную речь в качестве профессора священного писания и декана теологического факультета в Виттенберге. Все его усилия были направлены на то, чтобы превратить старый университет Лютера в крепость ортодоксальной теории. Его выступление, как и многие другие в различных частях Европы, показывает, что в его время инаугурация с любым, кроме православного, заявлением богословской платформы была бы недопустима. Мало что в прошлом кажется сентиментальному уму более трогательным, философскому - более естественным, а прогрессивному - более нелепым, чем выступления на торжественных фестивалях теологических школ. Аудитория, как правило, состояла в основном из уважаемых пожилых джентльменов, которые изучали теологию в молодости и которые в старости ревниво следили за ней, чтобы она была надежно защищена от любого свежего дуновения мысли. Естественно, профессор богословия, вступивший в должность под таким покровительством, старается умиловить свою аудиторию. Сеннерт заходит слишком далеко как в своем обращении, так и в своей грамматике, опубликованной девять лет спустя; ибо, заявляя, что Божественное происхождение иврита не подлежит сомнению, он говорит: "Ной

получил его от наших прародителей и хранил его посреди вод; Хевер и Фалек спасли его от смешения языков".

На той же доктрине не менее громко настаивал величайший авторитет Швейцарии, профессор базельского университета Буксторф, провозгласивший иврит "языком Бога, языком ангелов, языком пророков"; и эффект этого заявления можно представить, если мы заметим, что в 1663 году его книга вышла шестым изданием.

Это было повторено в Англии, Германии, Франции и Америке и, по возможности, в еще более развитых странах. В Англии Теофилус Гейл взялся доказать, что не только все языки, но и все знания мира были почерпнуты из древнееврейских записей.

Эта ортодоксальная доктрина также была полностью подтверждена в Голландии. За шесть лет до конца семнадцатого века Моринус, доктор богословия, профессор восточных языков и пастор в Амстердаме, опубликовал свой великий труд о первобытном языке. На его фронтисписе изображено смешение языков в Вавилоне и, как дополнение к нему, пятидесятнический дар языков апостолам. В последующих главах первой книги он доказывает, что язык не мог возникнуть иначе, как как прямой дар небес; что существует примитивный язык, праматерь всего остального; что этот примитивный язык все еще существует в своей первозданной чистоте; что этот язык - иврит. Вторая книга посвящена доказательству того, что еврейские буквы были получены богом, сохранились в первозданном виде и являются источником всех других алфавитов. Но в третьей книге он чувствует себя обязанным признать, перед лицом противоположной догмы, которой придерживаются, как он говорит, "немало самых выдающихся людей, благочестиво заботящихся об авторитете священного текста", что еврейская пунктуация, в конце концов, была не Божественным вдохновением, а поздним изобретением раввинов.

Франция, по всей видимости, также находилась в полном подчинении ортодоксальной идее вплоть до конца столетия. В 1697 году в Париже появилась, пожалуй, самая ученая из всех книг, написанных для доказательства того, что иврит был первоначальным языком и источником всех остальных. Галликанская церковь была тогда на пике своего могущества. Боссюэ как епископ, как мыслитель и как советник Людовика XIV сокрушил всякую оппозицию православию. Нантский эдикт был отменен, и гугеноты, насколько им удалось спастись, были рассеяны по всему миру, которым суждено было тысячекратно возместить убытки Франции в течение следующих двух столетий. Кости янсенистов в Порт-Ройале были выкопаны и развеяны. Людовик XIV стоял на страже благочестия своего народа. Именно в разгар этой череды триумфов отец Луи Томассен, священник Оратории, выпустил свой Универсальный глоссарий иврита. В этом, выражаясь его собственным языком, "божественность, древность и вечность еврейского языка с его буквами, ударениями и другими иероглифами" установлены навсегда и без всяких придинок, доказательствами, почерпнутыми из всех народов, родов и наций под солнцем. Этот великолепный фолиант в тысячу колонок был выпущен королевской типографией и является одним из самых впечатляющих памятников человеческого благочестия и безумия, стоящим в одном ряду с трактатами Фромунда против Галилея, Куаресмия о жене Лота и Гладстона о Книге Бытия и геологии.

Великий теолого-филологический хор неуклонно поддерживался, и, как в ответном песнопении, его доктрины разносились эхом от страны к стране. Из Америки дошли искренние слова Джона Элиота, восхвалявшего иврит как наиболее подходящий для того, чтобы сделать его

универсальным языком, и объявлявшего его языком, "которым Господу нашему Иисусу было угодно пользоваться, когда он обращался с небес к Павлу". В конце семнадцатого века из Англии пришел сильный антифонный ответ на этот припев; Мерик Кейсобон, ученый пребендарий Кентерберийский, так заявил: "Один язык, иврит, я считаю простым и абсолютным источником всего". И, чтобы усилить хор, в него в полном унисоне ворвался голос Бентли — величайшего ученого старого образца, которого когда-либо создавала Англия. Он действительно был одним из самых образованных и проникательных критиков любого века; но он также был магистром Троицы, архидиаконом Бристоля, кроме того, зарабатывал на жизнь двумя способами и пользовался честью отказаться от епископства Бристоля, поскольку был недостаточно богат, чтобы соблазнить его. Благородство обязывает: то, что Бентли выступил с кратким докладом по теологической стороне, было неизбежно, и нам не нужно удивляться, когда мы слышим его заявление: "Мы уверены, исходя из имен людей и мест, упомянутых в Священном Писании до Потопа, не настаивая на других аргументах, что иврит был примитивным языком человечества и что он оставался чистым более трех тысяч лет до вавилонского пленения". Сила теологических предубеждений, должным образом стимулируемых церковными предпочтениями, едва ли могла быть более совершенным примером, чем пленение такого человека, как Бентли.

Однако здесь следует отметить два важных исключения. В Англии Придо, чьи библейские исследования дали ему большой авторитет, выступил против господствующего мнения; а в Америке Коттон Мэзер, который, получая степень магистра в Гарварде, поддерживал доктрину о божественном происхождении точек на гласных в иврите, смело отрекся и заявил, что это лучшая точка зрения.(416)

(416) The quotation from Guichard is from L'Harmonie Etymologique des Langues,... dans laquelle par plusieurs Antiquites et Etymologies de toute sorte, je demonstre evidemment que toutes les langues sont descendues de l'Hebraique; par M. Estienne Guichard, Paris, 1631. Первое издание появилось в 1606 году. Уиллетта можно найти в его "Гексапле", Лондон, 1608, стр. 125-128. Адрес L'Empereur см. в его публикации, Лейден, 1627. Цитата из Лайтфута, начинающаяся с "Других похвал" и т.д., взята из его "Эрубхина, или Сборников", издания 1629 года; см. Также его работы, том. iv, стр. 46, 47, Лондон, 1822. Информацию о епископе Брайане Уолтоне см. В Кембриджском издании его работ, 1828, Прологомены, разделы 1 и 3. Что касается отказа Уолтона от раввинских положений, он упоминает в одном из последних изданий своих работ тот факт, что Исаак Касабон, Иосиф Скалигер, Исаак Воссюс, Гроций, Беза, Лютер, Цвингли, Бренц, Эколампадий, Кальвин и даже некоторые из пап были с раввинами. его в этом. О Сеннерте см. его диссертацию "О происхождении языков" S. S. , Виттенберг, 1657; также его "Грамматика Востока", Виттенберг, 1666. О Буксторфе читайте в предисловии к его Тезаурусу Grammaticus Linguae Sanctae Hebraeae, шестое издание, 1663. Что касается Гейла, см. в его книге "Суд язычников", Оксфорд, 1672 год. О Моринусе см. в его "Упражнениях по языку примаева", Утрехт, 1697. О Томассене см. его "Универсальный еврейский словарь", Париж, 1697. Высказывание Джона Элиота см. в "Магналии" Мазера, книга iii, стр. 184. Что касается Мерика Кейсобона,

см. в его книге "De Lingua Anglia Vet.", стр. 160, цитируемой Мэсси, стр. 16 " Происхождение и развитие писем". О Бентли см. Его работы, Лондон, 1836, том ii, стр. 11, и цитаты Уэлсфорда, "Малый Митридат", стр. 2. Что касается позиции Бентли как ученого, см. Знаменитую оценку в Эссе Маколея. Краткий, но очень интересный рассказ о нем см. в статье Марка Паттисона в vol. iii последнего издания Британской энциклопедии. Позиция Паттисона как сановника-агностика в Английской церкви в высшей степени подходила ему для понимания карьеры Бентли, как в ортодоксальном, так и в схоластическом мире. Возможно, самый поразительный отчет о том, как Бентли управлял этим в схоластическом мире своего времени, можно найти в книге Монка "Жизнь Бентли", т. ii, глава xvii, и особенно его презрительный ответ судьям, приведенный в т. ii, стр. 211, 212. О Коттоне Мэзере читайте в его биографии Сэмюэля Мэзера, Бостон, 1729, стр. 5, 6.

Но даже это несогласие не произвело немедленного эффекта, и в начале восемнадцатого века эта священная доктрина, основанная на ясных утверждениях Священного Писания, казалась устоявшейся навсегда. Как мы видели, для этого в каждой христианской стране были построены мощные крепости: ничто не казалось более невероятным, чем то, что небольшие группы ученых, разбросанные по этим различным странам, когда-либо смогут одержать над ними верх. Эти крепости были построены так прочно, и за ними стояла такая огромная армия верующих всех вероисповеданий, что покорить их казалось невозможным. И все же в тот самый момент их судьба была предрешена. В течение нескольких лет после этого периода их величайшего триумфа гарнизоны всех этих священных крепостей были в безнадежном замешательстве, а армии, стоявшие за ними, в полном отступлении; немного позже все важные православные крепости и силы оказались в руках ученых-филологов.

Как это произошло, будет показано в третьей части этой главы.

III. РАЗРУШЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Теперь мы увидели, какими шагами развивалась священная теория человеческого языка: как она укреплялась во всех странах, пока, казалось, навсегда не бросила вызов передовой мысли; как она твердо опиралась на букву Священного Писания, на четкие заявления ведущих отцов Церкви, великих докторов средневековья, самых выдающихся ученых-богословов вплоть до начала восемнадцатого века и охранялась указами пап, королей, епископов, католических и протестантских, а также всей иерархии властей в церкви и государстве.

И все же, когда мы сейчас оглядываемся назад, легко увидеть, что даже в тот час своего триумфа она была обречена.

Поучительна причина, по которой Церковь так полно приняла выводы науки, разрушившие священную теорию. Со времен Возрождения образования и Реформации изучение языков было любимым занятием всей Западной Церкви, католической и протестантской. Важность понимания древних языков, на которых хранятся наши священные книги, в первую очередь стимулировала это изучение, и усилия церковной миссионерки внесли благородный вклад в предоставление материала для его расширения и применения того сравнительного метода, который в филологии, как и в других науках, был столь плодотворным. Именно поэтому так много ведущих теологов из первых рук узнали истины, данные этой наукой, и осознали ее фундаментальные принципы. Какие выводы они, как и все другие ученые в этой области, были абсолютно вынуждены принять, я сейчас попытаюсь показать.

Зачатки научной теории действительно казались слабыми, но от этого они не становились менее эффективными. Еще в 1661 году Хоттингер, профессор Гейдельбергского университета, вошел в хор теологов подобно большому колоколу при перезвоне; но как колокол, вступительный тон которого гармоничен, а заключительный - диссонирует. Ибо, хотя в начале Хоттингер приводит внушительный список великих ученых, которые придерживались священной теории происхождения языка, далее он отмечает большее сходство с ивритом в некоторых языках, чем в других, и объясняет это тем, что смешение языков было двух видов, полного и частичного: арабский и халдейский, по его мнению, подверглись лишь частичному смешению; египетский, персидский и все европейские языки - полному. Здесь возникает диссонанс; здесь из великого хора мягко звучит новая нота — та идея группировки и классификации языков, которая позже должна была полностью разрушить всю священную теорию.

Но великий хор гремел, как мы видели, от берега к берегу до конца семнадцатого века; затем появились люди, которые заставили его замолчать навсегда. Первым лидером, который противопоставил этому вес своих знаний, мыслей и авторитета, был Лейбниц. Он заявил: "Есть столько же оснований предполагать, что иврит был примитивным языком человечества, сколько и принимать точку зрения Гропиуса, который опубликовал в Антверпене в 1580 году работу, доказывающую, что голландский был языком, на котором говорили в раю".

В письме Тенцелю Лейбниц писал: "Называть иврит примитивным языком - все равно что называть ветви дерева примитивными ответвлениями или представлять, что в какой-то стране вместо деревьев могут расти обтесанные стволы". Он также спросил: "Если первобытный язык существовал даже до времен Моисея, откуда взялся египетский язык?"

Но эффективность Лейбница не ограничивалась простыми предложениями. Он применил индуктивный метод к лингвистическим исследованиям, приложил огромные усилия для сбора словарей и составления грамматик везде, где миссионеры и путешественники вступали в контакт с новыми расами, и таким образом преуспел в придании первоначального импульса по крайней мере трем известным коллекциям — коллекции Екатерины Великой из России; коллекции испанского иезуита Лоренцо Херваса; и, в более поздний период, "Митридат Аделунгский". Интерес императрицы Екатерины к своей коллекции лингвистических материалов был очень силен, и ее влияние проявляется в том факте, что Вашингтон, чтобы угодить ей, просил губернаторов и генералов присылать материалы из различных частей

Соединенных Штатов и территорий. Работа Херваса продолжалась с 1735 по 1809 год: будучи миссионером в Америке, он расширил свой каталог языков до шести томов, которые были опубликованы на испанском языке в 1800 году и содержали образцы более чем трехсот языков с грамматиками более сорока. К его чести следует сказать, что Хервас осмелился с особой тщательностью указать на границы семитской семьи языков и в результате своих обширных исследований заявил, что различные языки человечества не могли произойти от древнееврейского.

В то время как такая работа была проделана в католической Испании, работа Аделунга была удостоена чести в протестантской Германии. В нем содержалась Молитва Господня почти на пятистах языках и диалектах, и сравнение их в начале девятнадцатого века помогло положить конец господству теологической филологии.

Но период, который отделил Лейбница от этого современного развития, был периодом филологического хаоса. Это началось главным образом с сомнений, которые Лейбниц внушил Европе, и закончилось только с началом изучения санскрита во второй половине восемнадцатого века и сравнениями, сделанными с помощью сборников Катарини, Херваса и Аделунга в начале девятнадцатого. Старая теория о том, что иврит был языком оригинала, разлетелась вдребезги; но ничто не заняло ее место окончательно. Великие авторитеты, такие как Будд, все еще цитировались в защиту более узкой веры; но повсюду исследования, какими бы неорганизованными они ни были, имели тенденцию разрушать ее. История Вавилонского столпотворения действительно продолжала на протяжении всего восемнадцатого века препятствовать научным исследованиям или искажать их, и очень любопытную иллюстрацию этого факта можно увидеть в книге лорда Нелми "Происхождение и элементы языка". Он заявляет, что с этим замешательством было связано отделение Америки от Европы, и он считает, что самые ужасные главы в книге Иова предназначены для описания Всемирного потопа, который, по всей вероятности, Иов получил от самого Ноя. И снова Роулэнд Джонс попытался доказать, что кельтский был первобытным языком и что он прошел через Вавилон целым и невредимым. Еще один эффект был достигнут бретонцем, чтобы доказать, что все языки возникли на языке Бретани. Все было хаосом. Было много споров, но мало серьезных противоречий. То тут, то там теологи неистово взывали, умоляя Церковь сохранить старую доктрину как "необходимую для истинности Священного Писания"; то тут, то там другие богословы начинали предвещать неизбежный компромисс, который всегда таким образом тщетно пытались найти в истории любой науки. Но вскоре мыслящие люди увидели, что никаких уступок, о которых до сих пор говорили теологи, недостаточно. Во второй половине века наступил период расцвета французских философов и энциклопедистов, английских деистов, таких немецких мыслителей, как Гердер, Кант и Лессинг; и хотя то тут, то там какой-нибудь теологический писатель, вроде Перрена, забавлял мыслящих людей своими блужданиями в этом великом хаосе, все оставалось бесформенным и пустым.(417)

(417) О Хоттингере см. предисловие к его "Восточному этимологизму", Франкфурт, 1661. Что касается Лейбница, Екатерины Великой, Херваса и Аделунга, см. у Макса Мюллера, как указано выше, из которого я процитировал очень подробно; см. Также Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft* и др., стр. 269. Бенфей заявляет, что Каталог Херваса даже сейчас является сокровищницей для филолога. Первые две цитаты из Лейбница, а также заявление о его значении в истории языков см. у Макса Мюллера, как указано выше, стр.

135, 136. Что касается третьей цитаты, Лейбниц, Опера, Женева, 1768, vi, часть ii, стр. 232. Нельме см. в его книге "Происхождение и элементы языка", Лондон, 1772, стр. 85-100. О Роуленде Джонсе см. "Происхождение языка" и наций, Лондон, 1764, и предисловие. О происхождении языков в Бретани см. Le Brigant, Париж, 1787. О Гердере и Лессинге см. в трактате каноника Фаррара; о Лессинге см. Сэйса, как указано выше. Что касается Перрена, см. Его эссе "Происхождение и древность языков", Лондон, 1767.

Ничто так хорошо не раскрывает нам тьму и продолжительность этого хаоса в Англии, как сравнение статей по филологии, приведенных в последующих изданиях Британской энциклопедии. Первое издание этого великого зеркала британской мысли было напечатано в 1771 году: во всей его статье на эту тему царит хаос. Автор делит языки на два класса, что, по-видимому, указывает на смесь божественного вдохновения с человеческими изобретениями, и, наконец, скрывается за облаками. Во втором издании, опубликованном в 1780 году, был достигнут некоторый прогресс. Автор излагает священную теорию и заявляет: "Есть некоторые богословы, которые утверждают, что иврит был языком, на котором Бог разговаривал с Адамом в раю, и что святые будут использовать его на небесах в тех восхвалениях, которые они будут вечно возносить Всемогущему. Эти врачи, похоже, столь же уверены в том, что было в прошлом, как и в том, что должно произойти".

Это, очевидно, считалось опасным. Это явно превзошло веру среднего британского обывателя; и соответственно мы находим в третьем издании, опубликованном семнадцатью годами позже, новую статью, в которой автор, приводя, по его словам, "наилучшие аргументы с обеих сторон", прилагает все усилия, чтобы придерживаться довольно ортодоксальной теории.

Эта успокаивающая доза была повторена в четвертом и пятом изданиях. В 1824 году появилось дополнение к четвертому, пятому и шестому изданиям, в которых излагались факты в той мере, в какой они были известны; но во всей статье почти не было ссылок на библейскую теорию. Три года спустя вышло еще одно дополнение. В то время как в Германии этот хаос быстро превращался в космос, в Англии подобные изменения, очевидно, не зашли далеко, поскольку в этом издании Энциклопедии предмет филологии был опущен. На самом деле Вавилонская башня и филология доставили энциклопедистам почти столько же хлопот, сколько Ноев Потоп и геология. Точно так же, как в последнем случае они были вынуждены предотвратить представление научной истины словами "Для потопа смотрите Потоп" и "Для Потопа смотрите Ноя", так и в первом они были вынуждены принять различные временные меры, некоторые из них были комичными. В 1842 году вышло седьмое издание. В нем была напечатана первая часть старой статьи по филологии, которая появлялась в третьем, четвертом и пятом изданиях, но сверхъестественная часть была в основном вырезана. И все же мы находим любопытное свидетельство продолжающегося правления хаоса в примечании, вставленном издателями, отрицающими любое отклонение от ортодоксальных взглядов. В 1859 году появилось восьмое издание. Это полностью исключало старую статью, и на ее месте давалась история филологии, свободная от примеси библейских доктрин.

Наконец, в 1885 году вышло девятое издание, в котором профессора Уитни из Йеля и Сиверс из Тюбингена превосходно и объективно излагают все, что известно о филологии, кратко излагая теорию сакрального — фактически, полностью выбрасывая ее за борт.

IV. ТРИУМФ НОВОЙ НАУКИ.

Таков был тот хаос мыслей, в который внезапное открытие санскрита бросило свой великий свет. Хорошо говорит один из выдающихся современных филологов, что это "была электрическая искра, которая заставила плавающие элементы кристаллизоваться в правильные формы". Одними из первых, кто принес знание санскрита в Европу, были миссионеры-иезуиты, чьи заслуги перед материальной основой науки сравнительной филологии уже были столь велики; и важность нового открытия вскоре была замечена всеми учеными, как ортодоксальными, так и научными. В 1784 году было основано Азиатское общество в Калькутте, и с него началась санскритская филология. Такие ученые, как сэр Уильям Джонс, Кэри, Уилкинс, Фостер, Коулбрук, проделали благородную работу в новой области. Новый дух возник над этим хаосом, и возникла великая новая сфера науки.

Небольшая группа ученых, посвятивших себя этим исследованиям, хотя почти все без исключения были благоговейными христианами, сразу же была признана теологами смертельными врагами всей священной теории языка. Новое открытие не только стерло с лица земли догму о множестве языков в Вавилонской башне, но и почувствовало, что еще более важная догма о божественном происхождении языка, никогда прежде не подвергавшаяся опасности, оказалась в опасности, поскольку появились неопровержимые доказательства того, что столь большое количество разновидностей возникло в процессе естественного роста.

Поэтому в предполагаемых интересах Священного Писания были предприняты героические усилия, чтобы дискредитировать новое учение. Даже такой человек, как Дугалд Стюарт, заявил, что открытие санскрита было совершенным обманом, и попытался доказать, что брахманы составили его на основе словаря и грамматики греческого и латыни. Другие проявили свою изобретательность, разбирая новое открытие на части, а третьи приписали все это проискам сатаны.

С другой стороны, более вдумчивые люди в Церкви пытались спасти что-то от крушения старой системы путем компромисса. Они пытались доказать, что иврит, по крайней мере, является родственным языком изначальной речи человечества, если не самой изначальной речью; но здесь им противостоял авторитет, которого они боялись больше всего — великий христианский ученый, сэр Уильям Джонс собственной персоной. Его слова были такими: "Я могу только заявить о своем убеждении, что язык Ноя безвозвратно утрачен. После тщательных поисков я не могу найти ни одного слова, которое использовалось бы совместно арабскими, индийскими и татарскими семьями до смешения диалектов, вызванного мусульманскими завоеваниями".

Точно так же в Германии пришло полное признание новой истины, причем от римского католика Фредерика Шлегеля. Он принял открытия в древнем языке и литературе Индии как окончательные: он увидел значение этих открытий с точки зрения филологии и сгруппировал

языки Индии, Персии, Греции, Италии и Германии под названием, впоследствии столь общепринятым — индогерманский.

Теперь даже среди самых преданных церковников все больше и больше начинало ощущаться, что старые богословские догмы о происхождении языка, которых придерживались "всегда, везде и всеми", ошибочны, и что Лукреций и крепкий старик Григорий Нисский, возможно, правы.

Но это было не единственное крушение. На протяжении веков великие люди Церкви призывали мир восхититься удивительным подвигом Адама в присвоении имен животным, которых Иегова привел к нему, и принять историю языка в свете этого подвига. Первые отцы церкви, средневековые врачи, великие богословы периода Реформации, католики и протестанты, объединились в этом вселенском хоре. Климент Александрийский объявил, что наречение Адамом животных является доказательством пророческого дара. Святой Иоанн Златоуст настаивал, что это было свидетельством совершенного разума. Евсевий считал, что фраза "Таково было его название" подразумевает, что каждое имя воплощало реальный характер и описание соответствующего животного.

Этой точке зрения вторило множество богословов в семнадцатом и восемнадцатом веках. Типичным среди них был великий доктор Саут, который в своей проповеди о состоянии человека до грехопадения провозгласил, что "Адам пришел в мир философом, что достаточно ясно видно из того, что он написал природу вещей под их названиями".

В хоре современных английских богословов появился один выдающийся человек, выступивший против этой теории: доктор Шакфорд, ординарный капеллан его Величества Георга II, в предисловии к своей работе о сотворении и грехопадении человека назвал всю теорию "романтической и иррациональной". Далее он говорит: "Изначально наш разговор был от Бога; не то чтобы Бог вложил в уста Адама те самые звуки, которые, по его замыслу, он должен был использовать в качестве названий вещей; но Бог сотворил Адама с способностями человека; он использовал разум для формирования в своем уме представлений об окружающих его вещах, и у него была сила произносить звуки, которые должны были быть для него названиями вещей в соответствии с тем, как он мог бы считать нужным называть их".

Этот отголосок Григория Нисского в течение многих лет был бесполезен. Историки философии все еще начинали с Адама, потому что только философ мог дать названия всем сотворенным вещам. Действительно, существовала одна трудность, которая сильно беспокоила некоторых теологов: она заключалась в том, что рыбы не были специально упомянуты среди животных, приведенных Иеговой к Адаму для наречения имен. По поводу этой трудности было много споров, и некоторые теологи подчеркивали трудность доставки рыб из моря в Эдемский сад, чтобы получить их имена; но, естественно, другие теологи отвечали, что всемогущая сила, которая создала рыб, могла легко доставить их в сад одну за другой даже из самых отдаленных уголков моря. Таким образом, этот момент, по-видимому, был отложен.(418)

(418) Об опасности "маленькой системы мировой истории"

см. у Сэйса, как указано выше. Об утверждении Дугалда Стюарта см. Макс Мюллер, Лекции по языку, стр. 167, 168. Что касается сэра Уильяма Джонса, см. в его работах, Лондон, 1807, т. i, стр. 199. О Шлегеле см. у Макса Мюллера, как указано выше. С огромным списком великих богословов, начиная с отцов церкви,

которые подробно останавливались на божественном вдохновении и чудесных дарах Адама по этому

вопросу, можно ознакомиться в книге канона Фаррара "Язык и языки". Цитата из Климента Александрийского - Strom. i, стр. 335. См. также Златоуста, Hom.

XIV в книге Бытия; также Евсевий, преп. Evang. XI, стр. 6. Две

цитаты, приведенные выше из Шакфорда, см. в "Сотворении и грехопадении человека",

Лондон, 1763, предисловие, стр. lxxxiii; также его "Священная и светская история

мира", 1753; исправленное издание Уилера, Лондон, 1858. Для

аргумента относительно трудности приведения рыб с названиями

в Эдемский сад см. Massey, Origin and Progress of Letters,

Лондон, 1763, стр. 14-19.

Таким образом, в Церкви сохранялась всеобщая вера в то, что названия всем сотворенным вещам, за исключением, возможно, рыб, были даны Адамом и на иврите; но вся эта теория была разрушена, когда было обнаружено, что для тех же животных существовали другие и действительно более ранние названия, чем те, что на иврите; и особенно это было навязано мыслящим людям, когда египетские открытия начали обнаруживать изображения животных с их названиями иероглифами в период, более ранний, чем тот, который все священные хронологи считают датой Сотворения Мира.

Смертельный удар был нанесен еще одной части священной теории. С вопросом о происхождении языка был тесно связан вопрос о происхождении букв. Более ранние авторы считали, что письма также были божественным даром Адаму; но по мере продвижения в восемнадцатом веке мы обнаруживаем, что богословское мнение склоняется к вере в то, что этот дар был зарезервирован для Моисея. Такова, как мы видели, была точка зрения святого Иоанна Златоуста; и выдающийся английский богослов начала восемнадцатого века Джон Джонсон, викарий Кента, повторил ее в заявлении относительно алфавита, что "Моисей впервые научился этому от Бога посредством начертания букв на скрижалях закона". Но здесь возникла трудность — библейское утверждение о том, что Бог повелел Моисею "записать в книге" свой указ относительно Амалика, прежде чем тот взойшел на Синай. С этим добрый викарий мужественно борется. Он предполагает, что Бог ранее спрятал каменные скрижали на горе Хорив и что Моисей, "когда он пас овец Иофора поблизости, имел свободный доступ к этим таблицам и просматривал их по своему усмотрению, хотя ему не разрешалось уносить их с собой". Затем наш примиритель спрашивает, по какой другой причине Бог мог удерживать Моисея на горе сорок дней подряд, кроме как для того, чтобы научить его писать; и говорит: "Представляется весьма вероятным, что ангел дал ему еврейский алфавит или каким-то другим неизвестным нам способом стал его наставником".

Но эта теория букв вскоре была обречена, как и другие части священной теории. Исследования в области сравнительной филологии, основанные на исследованиях в Индии, начали подкрепляться фактами, касающимися надписей в Египте, клинописных надписей Ассирии, халдейских легенд и фольклора Китая, где в священных книгах было обнаружено, что животные были названы Фохи, причем с такой мудростью и проницательностью, что каждое имя раскрывало природу соответствующего животного.

Но, хотя старая теория была обречена, все еще предпринимались героические усилия в ее поддержку. В 1788 году Джеймс Битти, во всем великолепии своей оксфордской докторской степени и королевской пенсии, предпринял энергичную атаку, объявив новую систему филологии "унижающей нашу природу" и что теория естественного развития языка просто обязана красоте поэзии Лукреция. Но его главным оружием была насмешка, и в этом он показал себя мастером. Он сообщает миру: "Следующий парафраз не имеет ничего общего с элегантною Горация или Лукреция, но, кажется, обладает всей элегантною, которой заслуживает столь нелепая доктрина":

"Когда люди в древности выползали из земли, Бессловесные и отвратительные паразиты; Сначала из-за желудей и нор для укрытия Они дрались зубами и ногтями, впопыхах, кулак к кулаку; затем каждый научился дубинкой бить своего брата-зверя; Пока, став более опытными, эти животные Не выковали подходящее снаряжение для битвы. Наконец-то (говорит Лукреций и кричит) Они заставили свой ум поработать над РЕЧЬЮ: И чтобы все их мысли могли иметь отметки, делающие их известными, эти ученые клерки оставили ремесло раскалывания коронок и изобрели глаголы и существительные ".

Но гораздо более могущественный теолог выступил в Англии, чтобы спасти священную теорию языка, — доктор Адам Кларк. Он был не менее суров к филологии, чем к геологии. В 1804 году, будучи президентом Манчестерского филологического общества, он выступил с речью, в которой заявил, что, хотя люди всех сект имеют право на членство, "тот, кто отвергает установление того, что мы считаем божественным откровением, тот, кто нарушает покой общества и сомнительными диспутами смущает умы простых и нерелексирующих людей и пытается сбить неосторожных с пути мира и рационального подчинения, не может иметь места среди членов этого учреждения". Первое предложение в этом заявлении дает пищу для размышлений, поскольку это та же самая путаница двух идей, которая лежала в основе столь частого вмешательства теологии в науку за последние две тысячи лет. Адам Кларк говорит о тех, "кто отвергает установление того, что, как МЫ ВЕРИМ, является божественным откровением". Таким образом, возникает обычная постановка вопроса — замена того, что ЕСТЬ на самом деле, "ВО ЧТО МЫ ВЕРИМ" в Священном Писании.

Предполагаемый результат этого церковного предложения тоже был достаточно прост. Она заключалась в том, что таких великих людей, как сэр Уильям Джонс, Коулбрук и их коллеги, нельзя было слышать в Манчестерском филологическом обществе в дискуссии с доктором Адамом Кларком по вопросам, касающимся санскрита и других материй, относительно которых они знали все, что было тогда известно, а доктор Кларк не знал ничего.

Но даже Кларк был вынужден уступить научному течению. Тридцать лет спустя, в своем Комментарии к Ветхому Завету, он изложил утверждения священной теории в гораздо более сдержанном ключе. Он говорит: "Человечество говорило на одном языке, по всей вероятности, на иврите.... Имена собственные и другие значения, приведенные в Священном Писании, кажутся неоспоримым доказательством того, что древнееврейский язык был первоначальным языком земли, — языком, на котором Бог говорил с человеком и на котором он дал откровение своей воли Моисею и пророкам ". Вот признаки того, что этот великий поборник слабеет в вере: в приведенных цитатах можно заметить, что он больше не говорит "ЕСТЬ", а "КАЖЕТСЯ"; и, наконец, мы видим, как он говорит: "Каким был первый язык, выяснять почти бесполезно,

поскольку невозможно получить какую-либо удовлетворительную информацию по этому вопросу".

Во Франции в первой половине девятнадцатого века была задействована еще более тяжелая артиллерия, чтобы предпринять последнюю отчаянную защиту священной теории. Лидерами в этих усилиях были три великих Ультрамонтана - Де Местр, Де Бональд и Ламенне. Утверждение Кондильяка о том, что "языки приобретались постепенно и незаметно, и что каждый человек имел свою долю общего результата", они атаковали рассуждениями, основанными на предпосылках, почерпнутых из книги Бытия. Де Местр особенно преуспел в высмеивании философской или научной теории. Ламенне, который впоследствии стал такой досадной занозой в боку Церкви, настаивал в тот ранний период, что "человек не больше может думать без слов, чем видеть без света". И затем, посредством такого рода мистической игры словами, столь хорошо известной в высших сферах теологического рассуждения, он завершает свой аргумент словами: "Слово воистину и во всех смыслах является "светом, который озаряет каждого человека, проходящего в мир"".

Но даже такие чемпионы, как эти, не могли остановить ход мысли. В то время как во Франции, казалось, у них все впереди, филологические исследования, проводимые в таких научных центрах, как Сорбонна и Французский колледж, подрывали их последнюю великую крепость. Поистине любопытно обнаружить, что Сорбонна, оплот теологии на протяжении стольких веков, теперь, в девятнадцатом веке, превратилась в арсенал и оплот новых идей. Но самый поразительный результат новой тенденции во Франции был виден, когда величайший из трех поборников, сам Ламенне, хотя и получил высшие церковные почести и даже кардинальскую шапку, не побоялся папской анафемы и перешел на сторону науки.(419)

(419) Работу Джонсона, показывающую, как Моисей выучил алфавит, смотрите в Сборнике бесед преподобного Джона Джонсона, А.М., викария Кента, Лондон, 1728, стр. 42, и предисловии. О Битти см. Его Теорию языка, Лондон, 1788, стр. 98; также стр. 100, 101. Об Адаме Кларке см., цитируемую речь, "Его разные работы", Лондон, 1837; отрывок из его комментария см. в лондонском издании 1836 г., т. i, стр. 93; другой отрывок см. Во Введении к библиографическому сборнику, цитируемому в статье "Происхождение языка и алфавитных символов" в журнале Methodist Magazine, т. xv, стр. 214. Что касается Де Бональда, смотрите в его "Философских исследованиях", часть iii, глава ii. ii, De l'Origine du Language, in his Oeuvres, Bruxelles, 1852, vol. i, Les Soirees de Saint Petersbourg, deuxieme entretien, passim. О Ламенне читайте в его произведениях Completes, Париж, 1836-37, том ii, стр.78-81, глава I. xv of Essai sur l'Indifference en Matiere de Religion.

В Германии филологическая наука заняла столь прочное положение, что вскоре ее позиции были признаны неприступными. Такие лидеры, как Шлегели, Вильгельм фон Гумбольдт и, прежде всего, Франц Бопп и Якоб Гримм, придали научной истине такую дополнительную силу, что ей больше нельзя было противостоять. Не говоря уже о других завоеваниях, демонстрация этого великого закона в филологии, носящего имя Гримма, донесла до всех мыслящих людей

свидетельство того, что эволюция языка определялась не философскими высказываниями Адама, давшего имена животным, которых Иегова привел к нему, а подчинением закону природы.

Правда, несколько преданных богословов проявили готовность питать жалкие надежды; и, возможно, самой жалкой из всех была акция 1840 года, возглавляемая доктором Готлибом Кристианом Кайзером, профессором теологии протестантского университета Эрлангена. На самом деле он не осмеливается утверждать, что древнееврейский идентичен первобытному языку, но настаивает на том, что он ближе к нему, чем любой другой. Он отказывается от двух прежних теологических оплотов — во-первых, от идеи, что языку Всемогуший научил Адама, и, во-вторых, что алфавиту таким образом научили Моисея, — и возвращается к позиции, что все языки, таким образом, произошли от Ноя, приводя в качестве примера язык Карибов и настаивая на том, что он, очевидно, произошел таким образом. Какое случайное сходство в словах между ивритом и карибским языком он имел в виду, уже не выяснить. Он решительно выступает в защиту библейского рассказа о Вавилонской башне и настаивает на том, что "символическим выражением "Бог сказал, давайте спустимся" обозначается еще одно природное явление, а именно раскол земли, в результате которого возвращение рассеянных стало невозможным, то есть в результате нового или не вселенского потопа, частичного затопления и временного насильственного разделения больших континентов до момента повторного открытия". Этими словами ученый доктор имеет в виду не что иное, как отделение Европы от Америки.

В то время как в середине девятнадцатого века теория происхождения и развития языка считалась на континенте устоявшейся, и из старого хаоса там возникла упорядоченная наука, Великобритания все еще сдерживалась, несмотря на то, что наиболее важные вкладчики в науку были британского происхождения. Лидеры всех английских церквей и сект соперничали друг с другом либо в осуждении посягательств науки о языке, либо в их объяснении.

Но наступила новая эпоха, причем таким образом, которого меньше всего ожидали. Возможно, наиболее заметные усилия по ее наступлению были предприняты доктором Уайзманом, впоследствии кардиналом-архиепископом Вестминстерским. Это один из лучших примеров метода, который со значительным эффектом использовался на последних этапах почти всех противоречий между теологией и наукой. Она заключается в том, чтобы с большой справедливостью изложить выводы научных авторитетов, а затем убедить себя и попытаться убедить других в том, что Церковь всегда принимала их и принимает сейчас как "дополнительные доказательства истинности Священного Писания". Немного жонглирования словами, немного объединения текстов, немного разумного умалчивания, немного образной дедукции, немного елейных формулировок - и дело сделано. Несомненно, этот выдающийся и доброжелательный католический защитник оказал одну большую услугу: этим признанием, столь широко распространенным в его опубликованных лекциях, он сделал невозможным для католиков или протестантов дальнейшее сопротивление основным выводам науки. Отныне у нас есть только попытки сохранить теологическую видимость, и это делают только люди, чье рвение превысило их благоразумие.

По обе стороны Атлантики, вплоть до недавнего периода, мы видим эти усилия, но не менее ясно видим, что они носят взаиморазрушительный характер. И все же из этого хаоса среди англоговорящих народов начала неуклонно и быстро развиваться новая наука. То тут, то там

действительно продолжались попытки спасти старую теорию. Даже в 1859 году мы слышим, как выдающийся пресвитерианский священник доктор Джон Камминг со своей кафедры в Лондоне говорит об иврите как об "этом великолепном языке — этом родном языке, от которого все остальные являются лишь отдаленными и ослабленными потомками".

Но честь создания в девятнадцатом веке самой абсурдной из известных попыток доказать, что иврит - примитивный язык, принадлежит самому молодому из континентов, Австралии. В 1857 году в Мельбурне была напечатана "Триумф истины, или популярная лекция о происхождении языков" Б. Аткинсона, M.R.C.P.L. — что бы это ни значило. В этой работе, начиная с утверждения, что "иврит был основным языком, из которого произошли все языки", автор утверждает, что санскрит является "диалектом иврита", и заявляет, что "рукописи, найденные вместе с мумиями, точно соответствуют китайской версии Псалмов Давида". Все это звучит как Алиса в Стране чудес. Достаточно любопытно, что в последней части своей книги, очевидно полагая, что его взгляды не придадут ему авторитета среди привередливых филологов, он говорит: "Наше согласие с предыдущими утверждениями в значительной степени проистекает из нашей веры в Божественное вдохновение моисеева повествования о сотворении мира и наших прародителях в Эдемском саду". Еще более интересный свет на взгляды автора на истину и на ее распространение проливает его посвящение: он говорит, что, "будучи убежден, что литераторов должна воспитывать рука власти", он посвящает свой трактат "его превосходительству сэру Х. Баркли", который в то время был губернатором штата Виктория.

Еще один любопытный факт обнаруживается в работе, опубликованной в 1885 году в Эдинбурге Уильямом Галлоуэем, магистром медицины, Доктором философии. Автор считает, что он представил множество доказательств того, что "Иегова, Второе Лицо Божества, написал первую главу Книги Бытия на каменном столбе, и что именно таким образом он впервые открыл это Адаму; и таким образом, Иегова, Божественный Сын, научил Адама не только говорить, но и читать и писать; и что первый урок, который он получил, был из первой главы Книги Бытия". Далее он говорит: "Иегова написал эти первые два документа; первый содержит историю Сотворения Мира, а второй - откровение об искуплении человека ... в назидание Адаму и Еве; очевидно, что он написал их на иврите, потому что это был язык Адама и Евы". Но это был всего лишь цветок не по сезону.

И, наконец, в эти последние дни мистер Гладстон затронул эту тему. С той хорошо известной легкостью верить во все, во что он хочет верить, которую он однажды продемонстрировал, связав трезубец Нептуна с доктриной Троицы, он беззаботно парит над всеми невозможностями первоначальной вавилонской легенды и всеми достижениями науки, делает утверждение относительно результатов филологии, которое не признал бы ни один филолог любого уровня, а затем скрывается в облаке риторики в своей хорошо известной манере.

Это тоже следует рассматривать просто как пережиток прошлого, ибо на Британских островах, как и везде, истина была установлена. Такие люди, как Макс Мюллер и Сейс в Англии, Стейнтал, Шлейхер, Вебер, Карл Абель и множество других в Германии, Асколи и Де Губернатис в Италии, а также Уитни с вдохновленными им учеными в Америке привели новую науку к полному триумфу. Сыновья Йельского университета вполне могут гордиться тем фактом, что этот старый пуританский фонд стал штаб-квартирой Американского восточного общества, которое так много сделало для установления истины в этой области.(420)

(420) Мнение м-ра Гладстона можно найти в его книге "Неприступная скала Святого Писания", Лондон, 1890, стр. 241 и далее. Отрывок, соединяющий трезубец Нептуна с Троицей, находится в его "Ювентус Мунди". Для любого американского мальчика, который видит, как неизбежно как у индейцев, так и у белых рыбаков копье для ловли рыбы принимает трехзубую форму, это высказывание мистера Гладстона поражает.

V. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

В заключение, возможно, будет поучительно кратко изложить историю всей борьбы.

Во-первых, что касается происхождения речи, то вначале вся Церковь сплотилась вокруг идеи, что первоначальным языком был иврит; что этот язык, даже включая средневековую раввинскую пунктуацию, был непосредственно вдохновлен Всемогущим; что Адаму научил его сам Бог во время прогулок и бесед; и что все остальные языки произошли от него во время "вавилонского замешательства".

Далее мы видим, как отдельные части этой теории исчезают: вдохновение раввинских положений начинает исчезать. Адам, вместо того чтобы быть наученным непосредственно Богом, "вдохновлен" им.

Затем наступает третий этап: продвинутые теологи пытаются пойти на компромисс с идеей о том, что Адаму были "даны словесные корни и ментальная сила".

Наконец, в наше время мы заставляем их принимать теорию о том, что язык является результатом эволюционного процесса, подчиняющегося более или менее четко установленным законам. Таким образом, Вавилон спокойно занимает свое место среди священных мифов.

Что касается происхождения письменности, то наиболее выдающиеся богословы сначала настаивали на том, что Бог научил Адама писать; затем мы обнаруживаем, что они постепенно отступают от этой позиции, но настаивают на том, что письму научил мир Ной. После отступления от этой позиции мы обнаруживаем, что они настаивают на том, что именно Моисея Бог научил писать. Но научные способы мышления все еще развивались, и затем мы имеем влиятельных теологов, соглашающихся с тем, что письменность была изобретением Моисея; за этим следует еще одно богословское отступление к позиции, что письменность была изобретением после Моисея. Наконец, все позиции сданы, за исключением нескольких застрельщиков, которые время от времени появляются на горизонте, пытаясь защитить какой-нибудь тонкий метод "примирения" вавилонского мифа с современной наукой.

Сразу после середины девятнадцатого века, очевидно, была достигнута последняя стадия теологической защиты — та же, что наблюдается в истории почти каждой науки после того, как она успешно проложила себе путь через богословский период — заявление, которое, как мы уже видели, предвосхитил Вайзман, о том, что научные открытия, о которых идет речь, не являются чем-то новым, но на самом деле всегда были известны и поддерживались Церковью, и что они просто подтверждают позицию, занятую Церковью. Это новое утверждение, которое всегда предвещает последний вздох теологического сопротивления науке, теперь перекликалось из страны в страну. В 1856 году он был передан священнослужителем англиканской церкви, архидьяконом Праттом из Калькутты. Он приводит длинный список выдающихся филологов, которые больше всего сделали для разрушения старого сверхъестественного взгляда на язык, вычитывает в их высказываниях свои собственные пожелания, а затем восклицает: "Так необычно их труды подтверждают буквальную истину Священного Писания".

Два года спустя это утверждение было подхвачено Американской пресвитерианской церковью, и доктор Б. У. Дуайт, заклеив как "неверных" тех, кто не включил в свою науку буквальное принятие еврейской легенды, заявил, что "хронологию, этнографию и этимологию тщетно пытались, чтобы заставить их противоречить моисееву рассказу о ранней истории человека". Двенадцать лет спустя это повторили из Англии. Преподобный доктор Бейли, директор Колледжа Св. Эйдан заявил: "Что касается разнообразия человеческого языка, то отчет о смешении языков ежедневно получает подтверждение всеми недавними открытиями в сравнительной филологии". Точно так же в том же 1870 году в Объединенной пресвитерианской церкви Шотландии доктор Джон Иди, профессор библейской литературы и экзегезы, заявил: "Сравнительная филология установила Вавилонское чудо".

Навыки в теологии и казуистике, столь изысканные, что позволяют выдвигать подобные утверждения, и вера, столь прочная, что позволяет их принимать, безусловно, не оставляют желать ничего лучшего. Но насколько безосновательны эти утверждения, показывает, во-первых, простая история отношения Церкви к этому вопросу; и, во-вторых, тот факт, что сравнительная филология теперь без сомнения показывает, что иврит не только не является оригинальным или древнейшим языком на земле, но что он даже не является древнейшей формой в семитской группе, к которой он принадлежит. Используя слова одного из самых выдающихся современных авторитетов, "В настоящее время общепризнано, что в грамматической структуре арабский язык сохраняет гораздо больше первоначальных форм, чем иврит или арамейский".

История, этнология и филология в настоящее время неумолимо объединяются, чтобы включить рассказ о смешении языков и рассеянии рас в Вавилоне в число мифов; но их работа была не просто разрушительной: все более и более вескими становятся основания для веры в эволюцию языка.

Очень полное принятие научных доктрин было сделано архидьяконом Фарраром, каноником Вестминстера. Со смелостью, которая в более ранний период могла бы дорого ему обойтись, и которая даже сейчас заслуживает похвалы за свою смелость, он говорит: "Для всех рассуждающих, за исключением той части духовенства, которое во все века числилось среди злейших врагов научных открытий, эти соображения были убедительными. Но, как ни странно, здесь, как и во многих других случаях, эта самозванная ортодоксальность - более

ортодоксальная, чем сама Библия, — прямо противоречит самим Священным Писаниям, которые она якобы объясняет, и путем явного искажения преуспевает в создании ненужного и прискорбного столкновения между утверждениями Священного Писания и теми другими могущественными и несомненными истинами, которые были открыты науке и человечеству как их слава и награда".

Еще одно признание было сделано в Америке при содействии священника Методистской епископальной церкви, которого нынешнее поколение, по крайней мере, будет чтить не только за его ученость, но и за его патриотизм в самый темный час нужды его страны — Джона Макклинтока. В статье о языке в "Библейской энциклопедии", отредактированной им и преподобным доктором Стронгом и появившейся в 1873 году, отвергается вся священная теория и принимается научный взгляд.(421)

(421) For Kayser, see his work, Ueber die Ursprache, oder uber eine Behauptung Mosis, dass alle Sprachen der Welt von einer einzigen der Noahhischen abstammen, Erlangen, 1840; see especially pp. 5, 80, 95, 112. О Вайзмоне читайте в его Лекциях о связи между наукой и Богооткровенной религией, Лондон, 1836. Примеры, типичные для очень многих в этой области, см. в работах Пратта, 1856; Дуайта, 1858; Джеймисона, 1868. Для цитирования Камминга см. его "Великая скорбь", Лондон, 1859, стр. 4; см. также его "Трудные для понимания", Лондон, 1861, стр. 48. Для замечательного резюме работы великих современных филологов и наиболее тщательной оценки достигнутых выводов см. проф. Дж. Статья Уитни по филологии в Британской энциклопедии. Экземпляр книги мистера Аткинсона находится в библиотеке Гарвардского колледжа, она была подарена попечителями Публичной библиотеки Виктории. О Галлоуэзе см. в его "Философии творения", Эдинбург и Лондон, 1885, стр. 21, 238, 239, 446. Для цитирования из Бейли см. Его Словесное вдохновение "Истинная характеристика Святого Слова Божьего", Лондон, 1870, стр. 14 и в других местах. Об архидьяконе Пратте см. в его книге "Священное Писание и наука", "Не расходятся", Лондон, 1856, стр. 55. Цитату из доктора Иди см. в его библейской энциклопедии, Лондон, 1870, стр. 53. О докторе Дуайте, см. в "Новой Англии", т. xvi, стр. 465. Теологическую статью, называемую "Отказ от священной теории", см. в "Энциклопедии библейской, теологической и церковной литературы", подготовленной преподобными Джоном Макклинтоком, д.д.н., и Джеймсом Стронгом, Нью-Йорк, 1873, т. v, стр. 233. О том, что арабский язык является более ранним семитским развитием, чем иврит, а также а также о многих других ценных сведениях по недавно поднятым вопросам, см. статью У. Р. Смита "Иврит" в последнем издании Британской энциклопедии. Цитату из канона Фаррара см. в его книге "Язык и языковые системы", Лондон, 1878, стр. 6,7.

Теперь действительно можно справедливо сказать, что мыслящие лидеры теологии пришли к принятию выводов науки относительно происхождения языка в противовес старым объяснениям, основанным на мифах и легендах. Результат стал благословением как для науки, так и для религии. Религии не было причинено никакого вреда; что было сделано, так это

освободить ее от нагромождения теорий, которые, как видели мыслящие люди, больше нельзя поддерживать. Неважно, что стало с наречением животных Адамом, с происхождением названия Вавилон, со страхом перед Всемогушим, что люди могут подняться в его царство над небесным сводом, и со смешением языков и рассеянием народов; основы христианства, как учил его благословенный Основатель, просто были освобождены Сравнительной филологией от еще одного великого инкуба, и поэтому им было предоставлено с большей силой воздействовать на сердца и умы человечества.

Библии не было причинено никакого вреда. Напротив, это божественное откровение, полученное благодаря науке, сделало ее еще более ценной для нас. В этих мифах и легендах, унаследованных от более ранних цивилизаций, мы видим эволюцию наиболее важных религиозных и моральных истин для нашей расы. Миф, легенда и притча, подчиняясь божественному закону, кажутся необходимым обрамлением для этих истин, поскольку они последовательно развиваются, принимая все более высокие формы. Какое значение имеет тогда то, что мы узнали, что рассказы о Сотворении Мира, Грехопадении, Потопе и многом другом в наших священных книгах были воспоминаниями о знаниях, полученных от халдеев? Какое значение имеет то, что прекрасная история об Иосифе частично заимствована из египетского романа, иероглифы которого все еще можно увидеть? Какое значение имеет то, что история о Давиде и Голиафе - это поэзия; и что Самсон, как и многие сильные люди в других религиях, вероятно, является мифом о солнце? Какое значение имеет то, что воспитание высокого долга в детстве мира воплощено в таких причудливых историях, как истории об Ионе и Валааме? Чем больше мы осознаем эти факты, тем богаче становится тот огромный массив литературы, который собран на обложках Библии. Какое значение имеет то, что те, кто включил знания о Сотворении Мира Вавилонии и других восточных народов в священные книги евреев, смешали их со своими собственными концепциями и умозаключениями? Какое значение имеет то, что Дарвин изменил весь аспект наших мифов о Сотворении мира; что Лайель и его коллеги причислили древнееврейскую историю о Сотворении Мира и Ноевом потопе к легендам; что Коперник положил конец остановке солнца для Иисуса Навина; что Галлей, обнаружив свой закон о кометах, положил конец доктрине "знамений и чудес"; что Пинель, показав, что всякое безумие является физическим заболеванием, отнес к сфере мифологии эндорскую ведьму и все истории об одержимости демонами; что преподобный доктор Дж. Шафф и множество недавних христианских путешественников по Палестине отнесли к сфере легенд историю о жене Лота, превратившейся в соляной столб; что антропологи, показав, как человек повсюду поднялся с низкого и жестокого начала, разрушили всю теологическую теорию "грехопадения человека"? Таким образом, наш огромный массив священной литературы становится для нас все более и более ценным: мы все больше и больше видим, как долго и терпеливо силы во Вселенной, стремящиеся к праведности, действовали в человечестве и на него через единственные средства, пригодные для такой работы в самые ранние века мира, — через мифы, легенды, притчи и поэмы.

ГЛАВА XVIII. ОТ ЛЕГЕНД МЕРТВОГО МОРЯ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ,

I. РОСТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ МИФОВ.

Несколько лет назад Максим Дю Камп, выдающийся член Французской академии, путешествуя от Красного моря до Нила через пустыню Коссейр, наткнулся на бесплодный склон, покрытый округлыми и блестящими валунами.

Его погонщик верблюдов-мусульманин объяснил это следующим образом:

"Много лет назад Хаджи Абдул-Азиз, шейх дервишей, путешествовал пешком по этой пустыне: было лето: солнце пекло, пыль удушала; жажда пересушила его губы, усталость давила на спину, пот стекал со лба, когда, подняв глаза, он увидел — на этом самом месте — прекрасный зеленый сад, полный фруктов, и посреди него садовника.

"О друг мой, - воскликнул Хаджи Абдул-Азиз, - во имя Аллаха милосердного, дай мне дыню, и я вознесу тебе свои молитвы".

Садовник ответил: "Мне наплевать на твои молитвы; дай мне денег, и я дам тебе фрукты".

"Но, - сказал дервиш, - я нищий; у меня никогда не было денег; я хочу пить и устал, и одна из ваших дынь - это все, что мне нужно".

"Нет, - сказал садовник, - иди к Нилу и утоли свою жажду".

Вслед за этим дервиш, подняв глаза к небу, произнес такую молитву: "О Аллах, ты, который посреди пустыни заставил забить источник Зем-Зем, чтобы утолить жажду Исмаила, отца правоверных, позволишь ли ты одному из своих созданий погибнуть таким образом от жажды и усталости?"

И было так, что едва успел дервиш заговорить, как на него сошла обильная роса, утолив его жажду и освежив его до мозга костей.

При виде этого чуда садовник понял, что дервиш - святой человек, возлюбленный Аллаха, и сразу же предложил ему дыню.

"Не так, - отвечал Хаджи Абдул-Азиз. - Оставь себе то, что имеешь, нечестивый человек. Пусть твои дыни станут такими же твердыми, как твое сердце, а твое поле таким же бесплодным, как твоя душа!"

"И тотчас же было так, что дыни превратились в эти каменные глыбы, а трава - в этот песок, и с тех пор на них ничего не росло".

В этой истории, как и в мириадах подобных ей, сохранилась та ранняя концепция вселенной, в которую вложено так много ведущих моральных и религиозных истин, изложенных в великих священных книгах мира.

Все древние священные знания изобилуют подобными мифическими объяснениями замечательных явлений в природе, и чаще всего они связаны с горами, скалами и валунами, которые кажутся неуместными.

В Индии у брахманов есть такие типичные примеры, как горная вершина, которую Дургу бросил в Парвати, а у буддистов камень, который Девадатти бросил в Будду.

В Греции афинянину, радующемуся своей вере в то, что Афина охраняет свой избранный народ, было трудно понять, почему огромная скала Ликабет находится слишком далеко от Акрополя, чтобы ее можно было использовать в качестве надворной постройки; но был создан миф, который все объяснял. Согласно этому, Афина намеревалась сделать Ликабет защитой афинян, и именно с этой целью она доставляла его по воздуху из Паллены; но, к несчастью, ворон встретил ее и сообщил о чудесном рождении Эрихтония, которое так удивило богиню, что она уронила камень там, где он сейчас стоит.

Точно так же необычный камень на Эгине был описан длинной и обстоятельной легендой о том, что Пелей бросил его в Фоку.

Аналогичный способ объяснения подобных объектов наблюдается в мифологиях северной Европы. В Скандинавии мы постоянно находим камни, которые традиция объясняет тем, что они были брошены старыми богами друг в друга или в раннехристианские церкви.

В тевтонских землях, как правило, где бы ни был найден странный камень, всегда найдется миф или легенда, языческая или христианская, объясняющая это.

То же самое и в кельтских странах: типичным для этого образа мыслей в Бретани и Ирландии является распространенное поверье, что такие элементы пейзажа были отброшены дьяволом или феями.

Даже в гораздо более поздний период такие мифы росли и расцветали. Марко Поло приводит длинную и обстоятельную легенду о горе в Малой Азии, которую незадолго до его визита снес христианин, который, имея "веру с горчичное зерно" и помня обещание Спасителя, молитвой перенес гору на ее нынешнее место, "чему дивятся многие сарацины, ставшие христианами".(422)

(422) О Максиме Дю Кампа см. *Le Nil: Египет и Нубия*, Париж, 1877, глава v. Об Индии см. *Duncker, Geschichte des Alterthums*, vol. iii, стр. 366; также Коулман, *Мифология индусов*, стр. 90. О Греции, что касается мифа о Ликабете, см. Лик, *"Топография Афин"*, том i, раздел 3; также Бурнуф, *"Афинская легенда"*, стр. 152. О скале на Эгине см. Чартон, том i, стр. 310. Информацию о Скандинавии см. в Торпе, *"Северные древности"*, *passim*. For Teutonic countries, see *Grimm, Deutsche Mythologie*; *Panzer, Beitrag zur deutschen Mythologie*, vol. ii; *Zingerle, Sagen aus Tyrol*, pp. 111 et seq., 488, 504, 543; and especially J. B. Friedrich, *Symbolik und Mythologie der Natur*, pp. 116 et seq. За кельтские

примеры я в долгу перед этим образованным и гениальным ученым, профессором Дж. П. Махаффи из Тринити-колледжа в Дублине. Смотрите также историю о дьяволе, бросившем камень, когда архангел Михаил заставил его помочь ему в строительстве Мон-Сен-Мишель на западном побережье Франции, в "Традициях Верхней Бретани" Себийо, том i, стр. 22; также множество других примеров в той же работе. О Марко Поло см. в Grynaeus, стр. 337; также Чартон, "Древние и современные путешественники", том ii, стр. 274 и далее, где легенда приведена полностью.

Подобные мифические объяснения также встречаются во всех старых религиях мира для необычно отмеченных метеоритных камней, окаменелостей и тому подобного.

Типичными примерами являются нашли в себе отпечаток ног Будды на камнях в Сиаме и на Цейлоне; в отпечаток тела Моисея, который вплоть до середины прошлого века было показано, возле горы Синай; в отпечаток трезубца Посейдона на Акрополе в Афинах; в отпечаток руки или ноги Христа на камнях во Франции, Италии и Палестине; в отпечаток Виргинские слезы на камнях в Иерусалиме; в отпечаток ступни Авраама в Иерусалиме и Мухаммеда по камню в мечети Хаит-Бей в Каире; в отпечаток пальцы гигантов на камнях на Скандинавском полуострове, в северной Германии, и в Западной Франции; в отпечаток дьявола бедрах на скалы в Бретани, и из его когтей на камнях, которые он бросил в церкви в Кельне и Сен-Поль-де-Леон; в отпечаток плеча дьявола, Гранд-мать на "локоть-камень" на Mohriner см.; В отпечаток ул. Отто ноги на камне охранявшего в замковой церкви в Штеттине; в отпечаток мизинца Христа и начальник Сатаны в Эренберг; и в след ног святой Агаты в Катании, в Сицилии. Чтобы объяснить эти появления и мириады других, были придуманы длинные и интересные легенды, и из этой массы мы можем взять одну или две как типичные.

Один из самых красивых был создан в Риме. На границе средневекового города стоит церковь "Domine quo vadis"; она была возведена в честь камня, который сохранился до сих пор, с отметиной, напоминающей человеческий след — возможно, останки ископаемого.

Из этого благочестивая легенда выросла так же естественно, как дикая роза в прерии. Согласно этой истории, во время одного из первых великих гонений сердце святого Петра изменило ему, и он попытался бежать из города: выйдя за стены, он внезапно столкнулся с Учителем, после чего Петр в изумлении спросил: "Господи, куда ты идешь?" (Domine quo vadis?); на что Учитель ответил: "В Рим, чтобы снова быть распятым". Апостол, получивший такое порицание, вернулся к мученичеству; Учитель исчез, но оставил, как вечный памятник, свой след на твердой скале.

Другая легенда рассказывает о любопытной отметине на камне в Иерусалиме. Согласно этому, святой Фома после вознесения Господня снова был охвачен сомнениями, после чего Дева-Мать сбросила свой пояс, который оставил свой отпечаток на камне, и таким образом обратила сомневающегося полностью и окончательно.

И еще один пример можно увидеть на самом противоположном конце Европы, в легенде о жрице Герты с острова Рюген. Она была неверна своим клятвам, и боги предоставили доказательство ее вины, заставив ее и ее ребенка погрузиться в скалу, на которой она стояла.(423)

(423) О мифах и легендах, складывающихся о валунах и других камнях причудливой формы или с пометками, см. По общей теме, в дополнение к уже цитировавшимся работам, Des Brosses, *Les Dieux Fetiches*, 1760, *passim*, но особенно страницы 166, 167; а краткое изложение того, как им поклонялись, см. Gerard de Rialle, *Mythologie comparee*, vol. vi, глава ii. Об отпечатках стоп Будды см. Тайлор, *Исследования ранней истории человечества*, Лондон, 1878, стр. 115 и далее; также Коулман, стр. 203, и Чартон, *"Древние и современные путешественники"*, том i, стр. 365, 366, где видны гравюры одного из отпечатков и храма над другим. Есть пять, которые сиамцы считают подлинными, и множество других, на которых более или менее настойчиво настаивают. Отпечаток на теле Мозеса можно увидеть в *"Путешествиях от сэра Джона МанDEVИЛЛА вниз"*. О знаке трезубца Нептуна см. Последнее издание *"Справочника Мюррея по Греции"*, том i, стр. 322; и *"Бурнуф, Афинская легенда"*, стр. 153. Что касается отпечатков стоп Христа, пояса и слез Богородицы, то ознакомьтесь со многими старшими путешественниками по Палестине, такими как Аркульф, Бушар, Роджер и особенно Бертрандон де ла Брокьер в сборнике Райта, стр. 339, 340; также с *"Путешествиями Мандрелла"* и *"МанDEVИЛЕМ"*. Любопытную легенду об отпечатке стопы Авраама см. в Weil, *Biblische Legenden der Muselmanner*, стр. 91 и далее. Для получения многих дополнительных примеров в Палестине, в частности отпечатков тел трех апостолов на камнях в Гефсиманском саду и тела святого Иеронима в пустыне, см. Beauvau, *Relation du Voyage du Lavant*, Нанси, 1615, *passim*. О различных отпечатках, сделанных сатаной и гигантами в Скандинавии и Германии, см. Thorpe, vol. ii, с. 85; Фридрихс, с. 126 и далее. Для получения очень богатой коллекции таких поясняющих легенд, касающихся камней и знаков в Германии, см. Karl Bartsch, *Sagen, Marchen und Gebrauche* в Мекленбурге, Вена, 1880, том. ii, стр. 420 и далее. О гравюре на дереве, изображающей отпечаток стоп Христа на камне, с которого он вознесся на небеса, см. Гравюру на дереве в МанDEVИЛЛЕ, издание 1484 года, в библиотеке Уайта Корнельского университета. Чтобы узнать о легенде о господстве над миром, ознакомьтесь со многими книгами о путешествиях и почти всеми путеводителями по Риму, от *"Средневековой римской мирабилии"* до последнего издания Мюррея. Следы Мухаммеда в Каире были показаны настоящему автору в 1889 году. По общему вопросу, со многими яркими примерами, см. Фальсан, *Ледниковый период*, Париж, 1889, стр. 17, 294, 295.

Другой и очень плодотворный источник поясняющих мифов находится в древних центрах вулканической деятельности, и особенно в старых кратерах вулканов и трещинах, заполненных водой.

В Китае мы имеем, среди других примеров, озеро Мэн, на котором когда-то находился процветающий город Цзяншуй, затопленный из-за невнимательности его жителей к божественному предупреждению.

Во Фригии озеро и болото близ Тианы приписывались гневу Зевса и Гермеса, которые, посетив города, стоявшие там раньше, и получив отказ в убежище от всех жителей, кроме Филимона и Бавкиды, вознаградили своих благодетелей, но погрузили нечестивые города под озеро и болото.

Появились истории аналогичного значения, объясняющие кратер близ Сипилоса в Малой Азии и кратер Авернуса в Италии: последний стали считать входом в преисподнюю, о чем знает каждый школьник, прочитавший Вергилия.

В более поздних христианских мифологиях у нас есть такие типичные легенды, как те, которые возникли о старом кратере на Цейлоне; соленую воду в нем объясняют тем, что предполагают, что это слезы Адама и Евы, которые удалились в это место после своего изгнания из рая и оплакивали свой грех в течение ста лет.

Точно так же и в Германии у нас есть множество озер, которые, как предполагается, обязаны своим происхождением затоплению долин в наказание за человеческие грехи. Среди них "Озеро Дьявола" близ Густрова, которое поднялось и покрыло церковь и ее священников из-за их испорченности; озеро в Пробст-Джезаре, которое поднялось и покрыло дубовую рощу и нескольких отдыхающих в ней крестьян из-за их отсутствия милосердия к нищим; и озеро Люсин, которое поднялось и покрыло нескольких солдат из-за их жестокости к бедному крестьянину.

Такие легенды встречаются по всей Америке и в Японии и, несомненно, будут встречаться по всей Азии и Африке, и особенно среди вулканических озер Южной Америки, смоляных озер Карибских островов и даже о Соленом озере в Юте; ибо поясняющие мифы и легенды при таких обстоятельствах неизбежны. (424)

(424) Что касается мифов, объясняющих вулканические кратеры и озера и воплощающих идеи гнева Небес против бывших жителей соседней страны, см. Forbiger, *Alte Geographie*, Гамбург, 1877, т. i, стр. 563. О преувеличениях относительно Мертвого моря см. Там же, том i, стр. 575. О затоплении Чан Шуй и других примерах читайте в книге Денни "Фольклор Китая", стр. 126 и далее. О затоплении Фригийского региона, уничтожении его жителей и спасении Филемона и Бавкиды см. "Метаморфозы" Овидия, книга viii; также Боттичера, Баумкульта дер Альтена и др. Что касается озера на Цейлоне, возникшего из слез Адама и Евы, см. Варианты оригинальной легенды в МанDEVилле и у Юргена Андерсена, *Reisebeschreibung*, 1669, vol. ii, с. 132. О вулканической природе Мертвого моря см. Добени, цитируемый в Библейском словаре Смита, С.В. Палестина. Об озерах в Германии, которые возникли из-за человеческого греха и различных сверхъестественных причин, см. Karl Bartsch, *Sagen, Marche und Gebrauche aus Meklenburg*, том i, стр. 397 и далее. Об озерах Америки читайте в любом хорошем сборнике индейских легенд. Об озерах в Японии, затонувших сверхъестественным образом, см. в книге Брауна "Японский поход" и загон, Лейпциг, 1885, стр. 350, 351.

Тому же способу объяснения поразительных явлений в физической географии, и особенно странных скал и валунов, мы в основном обязаны бесчисленным историям о превращении живых существ, и особенно мужчин и женщин, в эти природные объекты.

В мифологии Китая мы постоянно сталкиваемся с легендами о подобных превращениях — от превращений первого советника династии Хань до превращений пастухов и овец. В брахманической мифологии Индии считается, что Салаграма, ископаемый аммонит, содержит тело жены Вишну, а камень Бинланг имеет почти такое же отношение к Шиве; точно так же нимфа Рамба была превращена за оскорбление Кету в кучу песка; дыханием Шивы слоны были превращены в камень; и в очень трогательном мифе Лакшман превращается в камень, но затем освобождается. В буддийской мифологии Природный демон представлен превращающимся в песчинку.

Среди греков подобные мифы о превращении постоянно всплывают перед нами — как о превращении камней в людей, так и о превращении людей в камни. Девкалион и Пирра, спасаясь от потопа, повторно населили землю, бросая за собой камни, которые стали мужчинами и женщинами; Геркулес был превращен в камень за то, что оскорбил Меркурия; Пирр за то, что оскорбил Рею; Финей и Полидект со своими гостями за то, что оскорбили Персея: под окаменевшим взглядом головы Медузы такие превращения стали само собой разумеющимися.

Мифотворчеству, вызванному желанием объяснить необычные явления природы в сочетании с идеей о том, что за грехом должно следовать возмездие, мы также обязаны хорошо известным мифом о Ниобе. Навлекая на себя божественный гнев, Ниоба видела, как самые дорогие ей люди были уничтожены снарядами с небес, и в конце концов превратилась в скалу на горе Сипилос, которая имела какое-то смутное сходство с человеческой формой, а ее слезы превратились в ручейки, которые сочились из соседних слоев.

Таким образом, повинуясь моральному и интеллектуальному импульсу, был объяснен поразительный географический облик, и веками благочестивые греки, затаив дыхание, смотрели на скалу в Сипилосе, которая когда-то была Ниобой, точно так же, как веками благочестивые евреи, христиане и мусульмане с благоговением смотрели на соляной столб у Мертвого моря, который когда-то был женой Лота.

Павсаний, один из самых честных путешественников древности, ярко демонстрирует нам это чувство. Посетив этот памятник божественной мести на горе Сипилос, он очень наивно рассказывает нам, что, хотя он не мог различить человеческих черт, стоя рядом с ним, он думал, что может видеть их, стоя на расстоянии. Едва ли может быть лучший пример этой самой распространенной и обманчивой из всех вещей — веры, созданной желанием верить.

В языческой мифологии Скандинавии у нас есть такие типичные примеры, как Борс, убивший великана Имира и превративший его кости в валуны; также "великан, у которого не было сердца", превративший в камень шестерых братьев и их жен; и, в старой христианской мифологии, святой Олаф, превративший в камень злых великанов, которые выступали против его проповеди.

Точно так же в кельтских странах, в Ирландии, у нас есть такие легенды, как о танцовщицах, превратившихся в камень; а в Бретани - о камнях в Плессе, которые когда-то были охотниками и собаками, нарушившими святость воскресенья; и о камнях в Карнаке, которые когда-то были солдатами, пытавшимися убить святого Корнели.

Тевтонская мифология унаследовала от своих ранних восточных дней аналогичную массу старых легенд и породила еще большую массу новых. Так, недалеко от Кенигштайна, который так хорошо известен всем посетителям Саксонской Швейцарии, находится валун, который, как веками считалось, когда-то был девушкой, превратившейся в камень за отказ ходить в церковь; а недалеко от Розенберга в Мекленбурге находится еще один камень любопытной формы, о котором рассказывают похожую историю. Недалеко от Спорница, в том же регионе, находятся семь валунов, форма и положение которых объясняются длинной и обстоятельной легендой о том, что когда-то они были семью нечестивыми пастухами; недалеко от Бральсдорфа находится камень, который, согласно аналогичному объяснительному мифу, когда-то был пастухом-богохульником; недалеко от Шверина находятся три валуна, которые когда-то были расточительными слугами; а в Нойштадте, вплоть до недавнего периода, была показана коллекция камней, которые когда-то были женихом и невестой с их лошадьми - все наказаны за акт жестокости; и эти истории являются частью истории о том, что когда-то они были невестой и их лошадьми. но типичный для тысяч людей.

На другом конце Европы мы можем выделить из множества объяснительных мифов тот, который сложился вокруг хорошо известной группы валунов близ Белграда. Посреди них стоит один, который больше остальных: согласно легенде, которая была разработана, чтобы объяснить все это, когда-то там жил свинопас, который проявил неуважение к освященному Воинству; после чего он был превращен в камень побольше, а его свиньи - в камни поменьше. Точно так же в Салониках мы видим колонны разрушенного храма, которые, по широко распространенному мнению, особенно среди евреев этого региона, когда-то были человеческими существами и поэтому известны как "заколдованные колонны".

У арабов есть дополнение к нашему священному повествованию об Адаме — легенда о черном камне Каабы в Мекке, в который был превращен ангел, которому Всевышний поручил удерживать Адама подальше от запретного плода, и который пренебрег своим долгом.

Подобные древние легенды о превращении распространены среди индейцев Америки, негров Африки и туземцев Австралии и островов Тихого океана.

И это мифотворчество для объяснения замечательных явлений до сих пор не прекратилось даже в цивилизованных странах.

Примерно в начале нынешнего столетия великий герцог Веймарский, охваченный классической манией своего времени, установил в общественном парке рядом со своим дворцом небольшой алтарь, на котором в манере, столь распространенной в классической древности, была вырезана змея, откусывающая от пирога. И вскоре в городе и окрестностях появилась легенда, объясняющая этот алтарь и его убранство. Обычно говорили, что в незапамятные времена огромный змей опустошил этот край, пока мудрый и великодушный пекарь не избавил мир от чудовища с помощью отравленного печенья.

То же самое, но несколько лет назад в самом сердце штата Нью-Йорк гениальный мошенник изготовил и закопал "окаменевшего великана", один теолог объяснил это тем, что объявил его финикийским идолом, и опубликовал финикийскую надпись, которую, как ему казалось, он нашел на нем; другие увидели в этом доказательство того, что "в те дни были великаны", и в течение недели после его обнаружения распространились мифы о том, что у оставшихся по

соседству индейцев онондага были предания о великанах, которые часто бродили по этому региону.(425)

(425) О трансформационных мифах и легендах, отождествляющих камни с богами и героями, см. Велкер, Готтерлехр, том i, стр. 220. Для получения недавних и более доступных заявлений для широкого читателя см. Замечательные Лекции Робертсона Смита о религии семитов, Эдинбург, 1889, стр. 86 и далее. Несколько глубокомысленных замечаний о древнем поклонении камням, а не статуям, со ссылкой на помазание камней в Вефиле Иаковом см. в Dodwell, Tour through Greece, vol. ii, стр. 172; также Робертсон Смит, как указано выше, Лекция V. О китайских легендах о превращении см. "Фольклор Китая" Денни, стр. 96, 128. Об индуистских и других древних легендах о превращениях см. Доусон, Словарь индуистской мифологии; также Коулман, как указано выше; также Кокс, Мифология арийских народов, стр. 81-97 и др. О таких преобразованиях в Греции см. "Илиаду" и Овидия, как указано выше; также Старк, "Ниобия и смерть" Ниобидена, стр. 444 и в других местах; также Преллер, "Древняя мифология", passim; также Баумейстер, "Справочник по классическим преобразованиям", статья "Ниоба"; также Боттичер, как указано выше; также Курциус, "Древняя история", том i, стр. 71, 72. Наивное признание Павсания относительно Сипилоса рок, см. книгу i, стр. 215. См. также Texier, Asie Mineure, стр. 265 и далее.; также Chandler, Travels in Greece, vol. ii, стр. 80, который, по-видимому, придерживается более позднего происхождения статуи. В конце книги Баумайстера есть гравюра, скопированная со Стюарта, которая, по-видимому, показывает, что, как и в легенде о Ниобе, в более поздний период Искусству было позволено помогать Природе. Для общего предмета см. Шайффле, Программа К. гимназий в Эльвангене: Мифологический параллель, 1865. О скандинавских и тевтонских легендах о превращении см. Гримм, "Немецкая мифология", vierte Ausg., том i, стр. 457; также Торп, "Северные древности"; также Фридрих, passim, особенно стр. 116 и далее.; также, для массы очень любопытных, Карл Барч, "Саген, Маршен и гебрауче в Мекленбурге", том i, стр. 420 и далее.; также издание "Эдды" Карла Симрока, девятое издание, с. 319; также Джон Фиске, "Мифы и мифотворцы", стр. 8, 9. Об универсальности таких легенд и мифов см. "Эрдкунде" Риттера, том xiv, стр. 1098-1122. Примеры ирландцев см. в Manz, Real-Encyclopadie, статья Stein; а множество примеров из Бретани см. в Sebillot, Традиции Верхней Бретани. О заколдованных колоннах в Салониках, смотрите в последнем издании Справочника Мюррея по Турции, vol. ii, стр. 711. Легенду об ангеле, превратившемся в камень за то, что он пренебрег охраной Адама, см. у Вайля, библиотекаря Гейдельбергского университета, "Библия легенды" "Музельманнера", Франкфурт-на-Майне, 1845, стр. 37, 84. О похожих легендах о превращении в Австралии и среди американских индейцев см. Эндрю Лэнг, "Мифология", перевод с французского, стр. 83, 102; также его "Миф", "Ритуал и религия", том i, стр. 150 и далее, со ссылкой на многочисленные примеры из "Примитивных суеверий" Дж. Г. Мюллера, Уррелигионена и Дормана; также отчет Бюро этнолиги за 1880-81 годы; а для африканского

примера см. Отчет о скале в Бейлоне, которая когда-то была женщиной, в "Беренджере". Феро, "Народные соревнования Сенегамби", парень. viii. О веймарской легенде см. Льюис, "Жизнь Гете", книга iv. О мифах, которые возникли о мошенническом "кардиффском гиганте" в штате Нью-Йорк, см., особенно статью Г. А. Стоквелла, доктора медицины, в "Popular Science Monthly" за июнь 1878 г.; см. также У. А. Маккинни в "New-Englander" за октябрь 1875 г.; а о "Финикийской надписи", приведенной подробно с переводом, см. у преподобного Александра Макхортера в "Гэлакси" за июль 1872 г. Автор настоящего письма посетил "гиганта" вскоре после того, как он был "обнаружен", внимательно наблюдал за ним и за мифами, которые он породил, имеет в своем распоряжении массу любопытных документов, касающихся этого мошенничества, и надеется в скором времени подготовить дополнение к ценному документу доктора Стоквелла.

К той же стадии мышления относится представление о человеческих существах, превратившихся в деревья. Но в исторической эволюции религии и морали, в то время как превращение в камень рассматривалось как наказание или свидетельство божественного гнева, превращение в деревья и кустарники часто рассматривалось как награда или свидетельство божественного благоволения.

Очень красивую и трогательную форму этой концепции можно увидеть в таких мифах, как превращение Филимона в дуб, Бавкиды - в липу; Мирры - в мирт; Мелоса - в яблоню; Аттиса - в сосну; Адониса - в розовое дерево; и в появлении виноградной лозы из крови Титанов, фиалки из крови Аттиса и гиацинта из крови Гиацинта.

Таким образом, в течение долгих веков, когда человечество повсюду видело чудо и нигде - закон, в эволюции религии и морали поразительные особенности физической географии оказались связанными с идеей божественного возмездия.(426)

(426) О том, как в Греции и Риме происходили превращения в деревья и кустарники, см. Боттичер, "Культура Эллинов", книга i, глава xix; также Овидий, "Метаморфозы", passim; также предыдущие примечания.

Но в естественном ходе интеллектуального роста мыслящие люди начали сомневаться в исторической достоверности этих мифов и легенд — или, по крайней мере, сомневаться во всех, кроме тех, что относятся к теологии, в которой им довелось родиться; и следующий шаг был сделан, когда они начали проводить сравнения между мифами и легендами разных районов и стран: так возникла наука сравнительной мифологии — наука, несомненно, имеющая огромную ценность, потому что, несмотря на многие ошибки и капризы, она все больше и больше показывает, как постепенно развивались наша религия и мораль, и дает прочную основу вере в то, что она существует. что более высокие планы еще могут быть достигнуты.

Такая наука делает священные книги мира все более и более ценными, поскольку показывает, как они были необходимой оболочкой для нашей высшей духовной поддержки; как даже мифы и легенды, по-видимому, самые ребяческие, были естественной шелухой и оболочками наших

лучших идей; и как создается атмосфера, в которой эта шелуха, кожура и оболочка в должное время увядают, сморщиваются и опадают, так что сами плоды могут быть собраны для поддержания более благородной религии и более чистой морали.

Приход христианства внес неоценимый вклад в эту эволюцию и, в центре всего, в мысли, слова и жизнь Учителя. Но когда во тьме, последовавшей за падением Римской империи, была развита теология и огромная церковная власть для ее обеспечения, наиболее интересные главы в этой эволюции религии и морали были изъяты из сферы науки.

Так получилось, что более полутора тысяч лет считалось естественным и правильным изучать и сравнивать мифы и легенды, возникающие к востоку и западу, к югу и северу от Палестины, друг с другом, но никогда с мифами и преданиями самой Палестины; так получилось, что один из регионов, наиболее плодородных материалами для благоговейных размышлений и полезных сравнений, считался свободным от непредвзятого поиска истины; так получилось, что во имя истины истина была искалена на века. В то время как наблюдение и мысль о наблюдении, а также организованное знание или наука, которые являются их результатом, прогрессировали по сравнению с мифами и легендами других стран, и таким образом создавалась атмосфера, дающая более чистые представления о мире и его правительстве, мифы этого небольшого географического региона на восточной оконечности Средиземноморья сохраняли власть над цивилизованным миром в их первоначальной грубой форме и временами многое делали для того, чтобы помешать самым благородным усилиям религии, морали и цивилизации.

II. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РОСТ ЛЕГЕНД О МЕРТВОМ МОРЕ.

История мифов, их возникновения на ранних этапах развития человеческой мысли и их упадка при современном мышлении, является одним из самых интересных и наводящих на размышления исследований в области человека; но, поскольку для рассмотрения ее в целом потребовались бы тома, я выберу только одну небольшую группу, и из них в основном один миф, о котором больше не может быть никаких споров, — группу мифов и легенд, которые выросли на берегу Мертвого моря, и особенно ту, которая выросла из—за последовательных соляных столбов, вымытых дождями на его юго-западной оконечности.

Мертвое море имеет около пятидесяти миль в длину и десяти миль в ширину; оно лежит в очень глубокой трещине, простирающейся с севера на юг, и его поверхность находится примерно на тысячу триста футов ниже поверхности Средиземного моря. Следовательно, он не имеет выхода и является вместилищем для вод всей системы, к которой он принадлежит, включая те, которые собираются в Галилейском море и отводятся оттуда рекой Иордан.

Оно, безусловно, — или, по крайней мере, большая его часть - геологически входит в число старейших озер на земле. В широком смысле регион вулканический: на его побережье есть свидетельства вулканической деятельности, которая, должно быть, с самого раннего периода

вызывала удивление и страх и стимулировала тенденцию мифотворчества к их объяснению. На восточной стороне находятся впечатляющие горные массивы, которые были выброшены из старых вулканических жерл; изобилуют минеральные и горячие источники, некоторые из них распространяют сернистый запах; часты землетрясения, и время от времени они выбрасывают массы битума; постоянно появляются конкреции серы и крупные образования соли.

Вода, берущая начало в источниках или просачивающаяся сквозь слои соли на его берегах, постоянно содержит различные соли в виде раствора, и, быстро испаряясь под палящим солнцем и сухим ветром, на дне озера остается крепкий рассол, сильно насыщенный обычными хлоридами и бромиды — своего рода горький "маточный раствор". Эта жидкость стала настолько густой, что обладает замечательной способностью поддерживать человеческий организм; она имеет едкую и тошнотворную горечь; и обычными глазами в ней не видно никаких признаков жизни.

Таким образом, в самом озере и на окружающих его берегах было достаточно того, что сделало неизбежным создание крупномасштабных поясняющих мифов.

Основная северная часть озера очень глубока, отвес показал пропасть в тысячу триста футов; но южная оконечность неглубокая и местами заболоченная.

Система, частью которой оно является, имеет сходство с системой Южной Америки, главной особенностью которой является горное озеро Титикака; какместилище избыточных вод, выводящих их только за счет испарения, оно напоминает Каспийское и многие другие моря; как своего рода испарительная емкость для выщелачивания соляных пород и, следовательно, удерживающая водоем, непригодный для существования высших форм животной жизни, оно напоминает, среди прочего, Срединное озеро Урумия; как месторождение битума, оно напоминает смоляные озера Тринидада.(427)

(427), на современные взгляды на Мертвое море, увидеть преподобный Эдвард Робинсон, Д. Д., библейские исследования, различные выпуски; Линча экспедиции; де Saulcy, путешествие *autour-de-la-Mer-Morte*; Стэнли Палестине и Сирии; Шафф посредством Библии; и другие путешественники здесь и далее цитируются. Хорошие фотогравюры, отражающие характер всего региона, смотрите в атласе, являющемся частью монументального исследовательского путешествия Де Люина. Для географических обзоров см. Reclus, *La Terre*, Париж, 1870, стр. 832-834; Риттер, Эрдкунде, тома, посвященные Палестине, особенно в том виде, в котором перевод Гейджа дополнен дополнениями; Reclus, *Новая географическая вселенная*, том. ix, стр. 736, где дана небольшая карта, показывающая разницу в глубине между двумя концами озера, о котором так много богословски говорилось до Лартета. За еще лучшими картами обращайтесь к Де Сольси, и особенно к Де Люину, "Путешествие по исследованию" (атлас). Очень интересные панорамные виды смотрите в последнем издании книги канона "Земля Израиля" Тристрама, стр. 635. О геологии см. Лартэ в его отчетах Французскому географическому обществу, и особенно в vol. iii работы Де Люина, где есть замечательная геологическая карта с разрезами и т.д.; также Риттера; также "Египет и Сирия" сэра Дж. У. Доусона, опубликованная Обществом религиозных трактатов; также преподобного Каннингема Гейки, доктора геологии Палестины; и для фотографий, показывающих образование соли,

Тристрама, как указано выше. О метеорологии см. Vignes, отчет De Luynes, стр. 65 и далее. Химический состав Мертвого моря см. выше, и отчет Террейла, приведенный в Gage's Ritter, vol. iii, приложение 2, и таблицы в третьем томе Де Люина. О зоологии Мертвого моря, о полном отсутствии в нем жизни см. У всех предыдущих путешественников; о присутствии низших форм жизни см. Микроскопические исследования Эренберга в книге Гейджа "Риттер". Смотрите также отчеты в третьем томе De Luynes. О ботанике Мертвого моря и особенно о "яблоках Содома" см. "Сирийские яблоки" доктора Лорте, стр. 412; также Реклю, "Новая география", том ix, стр. 737; также их фотографические изображения см. в "Портфолио", составляющем часть работы Де Люина, лист 27. Очень точное описание Страбона см. в его Geog., lib. xvi, cap. ii; также Фаллмерайер, Верке, стр. 177, 178. Названия и расположение большого количества соленых озер в различных частях света, более или менее напоминающих Мертвое море, см. в De Luynes, vol. iii, стр. 242 и далее. О тринидадских "кромешных озерах", найденных сэром Уолтером Рэли в 1595 году, см. Ленгегг, Эльдорадо, часть i, стр. 103, и часть ii, стр. 101; также Реклус, Риттер и др. Для общей темы см. Шенкель, Библиографический словарь, С. В. Тодтес Меер, "Прекрасное лето". Описание Мертвого моря в "Великой истории" Ленормана совершенно недостойно его и, должно быть, было составлено из старых заметок после его смерти. Удивительно видеть в такой работе старые суеверия о том, что птицы, пытающиеся пролететь над морем, задыхаются. См. Ленорман, История древнего Востока, издание 1888 года, том vi, стр. 112. О усвоении и перенимании евреями иностранных мифов и легенд см. Баринг-Гулд, "Любопытные мифы средневековья", стр. 390. О взглядах греков и римлян см., в частности, Тацита, "Историю", книгу v, Плиния и Страбона, в высказываниях которых заложены зачатки многих средневековых мифов. Для получения очень любопытных примеров см. Байерус, "Об исключении содомы", Галле, 1690, перевод.

Во всем этом нет ничего, представляющего какую-либо особую трудность для современного геолога или географа; но с древним жителем Палестины дело обстояло совсем по-другому. Скалистая, бесплодная пустынность региона Мертвого моря произвела на него глубокое впечатление; он, естественно, размышлял над этим; и это впечатление и рассуждения, которые мы находим запечатленными на страницах его священной литературы, делают их еще более ценными как откровение более ранних мыслей человечества. Длинный подробный отчет, приведенный в Книге Бытия, его применение во Второзаконии, его использование Амосом, Исайей, Иеремией, Софонией и Иезекиилем, ссылки на него в писаниях, приписываемых святому Павлу, святому Петру и святому Иуде, в Апокалипсисе и, прежде всего, более чем в одном высказывании самого Учителя — все это показывает, насколько глубоко эти географические особенности произвели впечатление на еврейский разум.

В очень ранний период возникли мифы и легенды, многочисленные и обстоятельные, объясняющие черты, которые тогда были столь непонятны.

По мере того, как среди греков росли мифы и легенды об отказе деревни во Фригии в гостеприимстве Зевсу и Гермесу и последующем погружении этого прекрасного региона с его обитателями под озеро и трясину, появилась вера в аналогичное преступление жителей прекрасной долины Сиддим и последующее погружение этой долины с ее обитателями под воды Мертвого моря. Рассказы о спасении Филимона и Бавкиды очень похожи на рассказы о спасении Лота и его семьи.

Но мифотворчество и распространение чудес никоим образом не прекратились в древние времена; они продолжали расти на протяжении средневековья и нового времени, пока тихо не угасли в свете современных научных исследований, оставив нам заключенные в них религиозные и моральные истины.

Было бы интересно проследить всю эту группу мифов: их происхождение в доисторические времена, их развитие в Греции и Риме, их кульминацию в эпоху веры и их исчезновение в эпоху науки. Было бы особенно поучительно отметить добросовестные усилия продлить их жизнь, идя на бесполезные компромиссы между наукой и теологией относительно них; но я упомяну эту основную группу лишь вскользь, почти полностью ограничившись вышеназванным — самым замечательным из всех — мифом, который вырос вокруг соляных столбов Усдума.

Я выбираю это главным образом потому, что оно включает в себя только элементарные принципы, не требует заумных рассуждений и потому, что все споры по этому поводу прекращены. Конечно, сейчас нет богослова, которому можно было бы потерять репутацию, который рискнул бы возродить идею относительно этого, которая на протяжении сотен, нет, тысяч лет одобрялась теологией, основывалась на Священном Писании и поддерживалась Вселенской Церковью вплоть до нашего столетия.

Главной особенностью соляного региона Усдум является невысокая гряда холмов у юго-западного края Мертвого моря, простирающаяся в юго-восточном направлении примерно на пять миль и состоящая в основном из соляных пород. Эта порода мягкая и рыхлая, и под влиянием сильных зимних дождей ей, без сомнения, с периода, задолго до истории человечества, как и сейчас, придавались все новые формы, и особенно колонны, которые иногда имеют сходство с человеческими очертаниями.

Выдающийся священнослужитель, недавно посетивший это место, говорит о появлении этого соляного хребта следующим образом:

"Измученный порывистыми ливнями и штормами, его гребень чрезвычайно неровный, его склоны вырезаны и постоянно меняются;... и у каждого путешественника мог бы быть новый соляной столб, над которым можно было бы удивляться с интервалом в несколько лет".(428)

(428) Что касается вещества "столбов", или "статуй", или "игл" из соли в Усдуме, многие путешественники называют его "мергелем и солью". Ирби и Манглс в своих путешествиях по Египту, Нубии, Сирии и Святой Земле, глава. vii, называют это "солью и затвердевшим песком". Ссылка на частое вырезание новых "столбов" взята из "Путешествий по Палестине" преподобного Х. Ф. Осборна, доктора философии; см. Также Палмер, "Пустыня исхода", том ii, стр. 478, 479. Что касается гравюр с изображением соляного столба в разное время, сравните ту, что дана Линчем в 1848 году, когда он выглядел как колонна высотой сорок футов, с той, что дана Палмером в качестве заставки к его "Пустыне

Исхода", Кембридж, Англия, 1871, когда она была маленькой и " действительно имеет любопытное сходство с арабской женщиной с ребенком на плечах", и это снова с изображением соляного образования в Усдуме, сделанным каноником Тристрамом, при посещении которого не было ни "колонны", ни "статуи". "....".

Смотрите "Землю Израиля" Х. Б. Тристрама, доктора философии, Ф. Р. С., Лондон, 1882, стр. 324. О похожих соляных столбах, вымытых из ила в Каталонии, см. Лайелла.

Мало что могло быть более определенным, чем то, что в ленивой мечтательной жизни Востока выросли мифы и легенды, объясняющие это, как и другие странные явления во всем этом регионе. Вопрос, который религиозный восточный человек задал себе в древние времена в Усдуме, был по существу тем же, что его потомок сегодня задает себе в Коссейре. "Почему этот регион подвергся таким разрушениям?" "Откуда эти соляные столбы?" или "Откуда эти гранитные глыбы?" "Что побудило месть Иеговы или Аллаха сотворить эти опустошительные чудеса?"

И точно так же, как Максим Дю Камп записал ответ современного шемита в Коссейре, составители еврейских священных книг записали ответ древнего шемита у Мертвого моря; точно так же, как Аллах в Коссейре взорвал землю и превратил дыни в валуны, которые видны и по сей день, так и Иегова в Усдуме взорвал землю и превратил жену Лота в соляной столб, который виден и по сей день.

При создании легенды о Лоте, объясняющей сходство этой скалы с человеческой формой, возникло не больше трудностей, чем при создании легенды о Ниобе, объясняющей предполагаемое сходство скалы в Сипилосе: она выросла точно так же, как мы видели тысячипохожих мифов и легенд о поразительных природных явлениях в каждом древнем доме человеческой расы. Будучи, таким образом, согласующимся с универсальным взглядом на связь физической географии с божественным правлением, она стала сокровищем еврейской нации и христианской церкви — сокровищем, которое не только охранялось от любого враждебного вторжения, но и приумножалось, как мы увидим, мифотворческими силами евреев, христиан и мусульман на протяжении тысячелетий. Место, где зародился миф, тщательно сохранялось в памяти; более того, оно не могло ускользнуть, ибо только в этом месте постоянно наблюдались явления, которые его породили. У нас есть устойчивая цепочка свидетельств на протяжении веков, все они указывают на соляной столб как на неопровержимое доказательство божественного суда. Это великое богословское испытание истины, изречение святого Винсента Леринского, несомненно, доказало бы, что столп была женой Лота, поскольку так считали евреи, христиане и мусульмане с древнейших времен вплоть до времени, которое почти не осталось в памяти современников — "всегда, везде и всеми". Он идеально выдержал бы древнее испытание, на котором настаивал кардинал Ньюман, "Securus judicat orbis terrarum".

Ибо с самых ранних дней христианства отождествление соляного столпа с женой Лота повсеместно поддерживалось отрывками из Книги Бытия, Евангелия от святого Луки и Второго Послания Святого Петра, а также отрывком из книги Премудрости Соломоновой, который по

сей день большинством христианской церкви считается богодухновенным и из которого специально цитируются слова: "Стоящий соляной столб — памятник неверующей душе". (429)

(429) Обычные библейские цитаты см. в книге Бытия хix, 26; Св. Луки хvii, 32; II Петра ii, 6. Цитату из "Мудрости" см. в главе х, ст. 7. Отчет о преображении жены Лота, приведенный в надлежащем соответствии с иеговистскими и элоистическими документами, см. в "La Genese" Ленормана, Париж, 1883, стр. 53, 199 и 317, 318.

Никогда еще цепочка убеждений не была более непрерывной. В первом веке христианской эры Иосиф Флавий ссылается на чудо и заявляет относительно статуи: "Я видел это, и это остается по сей день"; и Климент, епископ Рима, один из самых почитаемых отцов Церкви, известный умеренностью своих высказываний, выражает аналогичную уверенность, заявляя, что чудесная статуя все еще стоит.

Во втором веке великий отец Церкви, епископ и мученик Иринеи не только поручился за это, но и одобрил веру в то, что душа жены Лота все еще пребывала в статуе, придавая ей своего рода органическую жизнь: так в Церкви фактически началось то удивительное развитие легенды, которая, как мы увидим, принимает различные формы на протяжении средневековья — история о том, что соляная статуя выполняла определенные физические функции, о которых в наши более деликатные дни можно говорить только под прикрытием мертвого языка.

Это дополнение к легенде, которое в этих признаках жизни, как и в других вещах, развивается почти в точном соответствии с легендой о статуе Ниобы в скале горы Сипилос и легендами о людях, превращенных в валуны в различных мифологиях, веками рассматривалось как дополнительное подтверждение ниспосланной истины.

В третьем веке миф расцвел еще пышнее в поэме, долгое время приписывавшейся Тертуллиану. В этой поэме раскрываются более чудесные характеристики статуи. Его нельзя было смыть дождями; его нельзя было ниспровергнуть ветрами; любая нанесенная ему рана чудесным образом исцелялась; и более ранние утверждения относительно его физических функций были усилены звучными латинскими стихами.

С этим появилась новая легенда о Мертвом море; стало всеобщим поверьем, и мы находим, что оно повторялось на протяжении всего средневекового периода, что битум мог растворяться только такими жидкостями, которые в процессах оживления природы вытекали из статуи.

Мы обнаружим, что легенда, расширенная таким образом, использовалась благочестивыми путешественниками и монашескими хронистами на протяжении сотен лет: таким образом, Вселенская Церковь все больше и больше ценила ее и все более твердо придерживалась — "всегда, везде и всеми".

В течение двух последующих столетий мы располагаем подавляющей массой дополнительных подтверждений того, что та самая соляная статуя, в которую была превращена жена Лота, все еще существовала. В четвертом случае за сохранность статуи поручилась святая Сильвия, посетившая это место: хотя она не могла ее видеть, епископ Сегорский сказал ей, что она находилась там некоторое время назад, и она пришла к выводу, что ее временно накрыло морем. Как в четвертом, так и в пятом веках такие великие учителя Церкви, как святой Иероним,

святой Иоанн Златоуст и святой Кирилл Иерусалимский, были согласны с этой верой и утверждением; следовательно, несомненно, еврейское слово, которое в авторизованной английской версии переводится как "столп", было переведено в Вульгате, которая, по мнению большинства христиан, фактически вдохновлена словом "статуя"; мы обнаружим, что на этом факте настаивали теологи, отстаивая статую как результат и памятник чуда, более четырнадцати столетий спустя.(430)

(430) См. Иосиф Флавий, "Древности", книга i, глава. xi; Послание к Римлянам. I; Кирилл Иеромонах, Катехизис, XIX; Златоуст, Ум. XVIII, XLIV, в Genes.; Ириней, часть iv, с. xxxi, о его ересеях, издание Охон., 1702. О святой Сильвии, см. S. Silviae Aquitanae Peregrinatio ad Loca Sancta, Romae, 1887, стр. 55; также издание 1885 г., стр. 25. Для недавнего перевода см. Паломничество святой Сильвии, стр. 28, в публикациях Палестинского текстового общества за 1891 год. Легенды о признаках продолжения жизни в валунах и скалах, в которые люди были превращены за грех, см. в книге Карла Барча "Сейдж и др.", том . ii, стр. 420 и далее.

Примерно в середине VI века Антонин Мученик посетил регион Мертвого моря и описал его, но, что любопытно, изменил простую истину, заключенную в этих словах: "Там не плавают ни палки, ни соломинки, и человек не может плавать, но все, что брошено в него, опускается на дно". Что касается статуи жены Лота, он усомнился в ее чудесном обновлении, но засвидетельствовал, что она все еще стоит.

В седьмом веке Иерусалимский таргум не только засвидетельствовал, что соляной столп в Усдуме когда-то был женой Лота, но и заявил, что она должна сохранять эту форму до всеобщего воскресения. В седьмом веке епископ Аркульф также побывал на Мертвом море, и его труд был добавлен к сокровищам Церкви. Он значительно развивает легенду, и особенно ту ее часть, которую приводит Иосиф Флавий. Битум, который плавает в море, "напоминает золото и имеет форму быка или верблюда"; "птицы не могут жить рядом с ним"; а "очень красивые яблоки", которые растут там, когда их срывают, "сгорают и превращаются в пепел, и дымятся, как будто они все еще горят".

В восьмом веке Беда достопочтенный взял эти утверждения Аркульфа и его предшественников, связал их воедино в своем труде о Святых местах и придал всей массе мифов и легенд огромный импульс.(431)

(431) Об Антонине Мученике см. издание Тоблером его работы в "Итинере", том i, стр. 100, Женева, 1877. О Таргуме Иерусалима см. цитату в Quaresmius, Terrae Sanctae Elucidation, Peregrinatio vi, глава xiv; новое Венецианское издание. Аркульфа см. в Тоблере. Что касается Беды, см. Его De Locis Sanctis в книге Тоблера "Итинера", том i, стр. 228. Замечательное изложение средневекового теологического взгляда на научные исследования, см. Эйкен, "Общее мировоззрение", Штутгарт, 1887, глава vi.

В десятом веке благочестивый мусульманин Мукадасси придает ей новую силу. Говоря о городе Сегор, расположенном недалеко от соляного региона, он говорит, что правильный перевод его названия - "Ад"; а об озере он говорит: "Его воды горячие, как будто это место стоит над адским пламенем".

В период крестовых походов, непосредственно последовавший за ними, все легенды вспыхнули ярче, чем когда-либо.

Первым из этих новых путешественников, делающим осторожные заявления, является Фульк Шартрский, который в 1100 году сопровождал короля Балдуина на Мертвое море и видел много чудес; но, хотя он посетил соляную область в Усдуме, он ничего не упоминает о соляном столбе: очевидно, он переживал тяжелые времена; старые статуи, вероятно, были смыты, а новые как раз в тот период из скал не вымыло.

Но его несчастье с лихвой компенсировал триумфальный опыт гораздо более известного путешественника, полвека спустя — раввина Бенджамина из Туделы.

Раввин Бенджамин находит новые свидетельства чуда в Мертвом море и развивает легенду о соляной статуе жены Лота на еще более высоком уровне, обогащая мир утверждением, что она постоянно и чудесным образом обновлялась; что, хотя скот в этом регионе лизал ее поверхность, она никогда не становилась меньше. И снова радостный трепет прошел по монастырям и кафедрам христианского мира при виде этого растущего "свидетельства истинности Священного Писания".

Ближе к концу XIII века в Палестине появился путешественник, превосходивший большинство путешественников до или после — граф Бурхард, монах горы Сион. У него было то преимущество, что он немного знал арабский, и его труды показывают, что он был наблюдательным и вдумчивым. Ни одна статуя жены Лота, по-видимому, не была очищена от соляного камня во время его визита, но он считает само собой разумеющимся, что Мертвое море - это "пасть ада", и что пар, поднимающийся от него, - это дым из печей сатаны.

Эти идеи, похоже, стали частью общего опыта, поскольку Эрнульф, побывавший на Мертвом море в том же столетии, всегда говорит о нем как о "Море дьяволов".

Примерно в начале четырнадцатого века появилась книга, имевшая гораздо более широкое влияние, носящая имя сэра Джона Мандевилля, и в различных ее изданиях мифы и легенды о Мертвом море и соляном столбе предстают в удивительной пышности.

В этой книге говорится нам, что массы огненного вещества каждый день выбрасываются из воды "величиной с лошадь"; что, хотя в ней нет ни одного живого существа, было показано, что люди, брошенные в нее, не могут умереть; и, наконец, как бы доказывая бесполезность благочестивого свидетельства о чудесах, он говорит: "И кто бросит в нее кусок железа, он всплывет; и кто бросит в нее перо, оно пойдет ко дну; и поскольку это противоречит природе, я не хотел верить в это, пока не увидел".

В книге, конечно, упоминается жена Лота и говорится, что соляной столп "стоит там и по сей день" и "имеет правильный соленый вкус".

Возможно, по отношению к составителям этого знаменитого труда была допущена несправедливость, поскольку они были признаны лжецами первой величины. Они просто

ненавидели скептицизм и считали достойным верить всем благочестивым легендам. Идеальный Мандевиль был человеком всепобеждающей веры и напоминал Тертуллиана в том, что верил в некоторые вещи "потому, что они невозможны"; он, несомненно, был абсолютно добросовестен; торжественный финал книги показывает, что он слушал, наблюдал и писал с глубочайшим убеждением, и те, кто редактировал его книгу, вероятно, были столь же честны, добавив более поздние рассказы благочестивых путешественников.

"Путешествия сэра Джона Мандевилла", таким образом взывавшие к сердцам народа, наиболее широко читались в монастырях и повторялись в народе. Было сделано бесчисленное количество копий в рукописях и, наконец, в печати, и таким образом старые мифы получили новую жизнь.(432)

(432) О Фульке Шартрском и путешественниках-крестоносцах в целом см.

"Gesta Dei" Бонгара и французскую книгу "Recueil"; также "Истории крестовых походов" Уилкена, Сибель, Куглера и других; см. также Robinson, "Библейские исследования", vol. ii, стр. 109, и Тоблер, *Bibliographia Geographica Palaestinae*, 1867, стр. 12. Заявление Бенджамина из Туделы, см. "Сборник путешествий Райта по Палестине", стр. 84, и издание Ашера "Путешествия Бенджамина из Туделы", том i, стр. 71, 72; также Чартон, том i, стр. 180. Борхард или Burchard, смотрите полный текст в *Reyssbuch dess Heyligen Landes*; также Grynaeus, ноябрь. Орбис, Бэзил, 1532, фол. 298, 329. Подробнее об Эрнуле читайте в его "Путеводителе по городу Иерусалиму" в книге Мишелана и Рейно "Французские маршруты на 12 и 13 месяцев".

О Петрусе Диаконусе см. его книгу "О святых местах" под редакцией Гамуррини, Рим, 1887, стр. 126, 127. Для Мандевилля я сравнил несколько изданий, особенно те, что есть в *Reyssbuch*, в Canisius и в Wright, с перепечаткой Халливелла и с редким страсбургским изданием 1484 года, хранящимся в библиотеке Корнельского университета: все утверждение относительно эксперимента с железом и перьями в разных экземплярах приводится по-разному. Утверждение о том, что он видел, как тонут перья и плывет железо,

содержится в издании Рейсбуха, Франкфурт, 1584 год. Эта история, как и легенды о святых, очевидно, разрасталась с течением времени, но от этого не становится менее интересной, поскольку демонстрирует всеобщую доверчивость. С момента написания вышеизложенного я

был рад обнаружить, что мое мнение о честности Мандевилля подтверждено преподобным доктором Робинсоном и мистером Гейджем в его издании "Палестины Риттера".

В пятнадцатом веке количество чудес увеличилось. В 1418 году у нас есть лорд Комон, который совершает паломничество и дает нам утверждение, являющееся результатом многовековых теологических рассуждений и особенно интересное как типичный пример теологического метода в противовес научному. Он не мог понять, как можно было допустить, чтобы благословенные воды Иордана смешались с проклятыми водами Мертвого моря. Итак, несмотря на здравый смысл, он взглянул на воду оком веры и спокойно объявил, что воды Иордана текут через море, но что две водные массы не смешиваются. Что касается соляной статуи жены Лота, он заявляет, что она все еще существует; и, скопировав таблицу

индульгенций, даруемых Церковью благочестивым паломникам, он указывает, что посещение соляной статуи дает индульгенцию сроком на семь лет.

Ближе к концу столетия у нас появляется еще один путешественник, еще более влиятельный: Бернард из Брейденбаха, настоятель Майнца. Его книга путешествий была опубликована в 1486 году в знаменитой типографии Шеффера, и в различных переводах она распространилась по Европе, оказав широкое и глубокое влияние. Его первое важное замечание о Мертвом море звучит следующим образом: "Здесь находится змей Тирус, и из него делают лекарство Тириак. Он слеп и так полон яда, что от его укуса нет другого средства, кроме как отрезать укушенную часть тела. Его можно схватить, только ударив и разозлив; тогда его яд попадет ему в голову и хвост ". Брейденбах называет Мертвое море "дымоходом ада" и повторяет старую историю о чудесном растворителе для его битума. Он также утверждает, что святая вода Иордана не смешивается с проклятой водой адского моря, но усиливает чудо, о котором объявил Комон, говоря, что, хотя кажется, что воды собираются вместе, Иордан на самом деле впитывается в землю прежде, чем достигнет моря.

Что касается жены Лота, то у разных путешественников в то время были разные состояния. Некоторые, как Комон и Брейденбах, считали ее дальнейшее существование само собой разумеющимся; некоторые, как граф Джон Сольмский, увидели ее и получили большое назидание; некоторые, как Ганс Верли, пытались найти ее и не смогли, но, как Святая Сильвия тысячу лет назад, были тем не менее воодушевлены мыслью, что по какой-то непостижимой причине морю было позволено скрыть ее от них; некоторые нашли ее больше, чем ожидали, даже сорока футов высотой, как и соляной столб, который случайно стоял во время визита командера Линча в 1848 году; некоторые обнаружили, что она больше, чем они ожидали. но это только добавило новое доказательство чуду, поскольку запомнился текст: "В те дни были великаны".

Из массы трудов паломников XV века я выбираю еще один, наиболее типичный для господствовавших тогда теологических взглядов, и это знаменитая книга Феликса Фабри, монаха-проповедника из Ульма. Я выбираю его, потому что даже такой выдающийся авторитет в наше время, как доктор Эдвард Робинсон, заявляет, что он был самым тщательным, вдумчивым и просвещенным путешественником того столетия.

Чудеса Мертвого моря произвели на Фабри огромное впечатление, и типичным примером его честности под влиянием веры является его рассказ о фруктах Мертвого моря; он описывает их почти с идеальной точностью, но добавляет утверждение, что при созревании они "наполняются пеплом".

Что касается соляной статуи, он говорит: "Мы видели место между морем и горой Сегор, но не могли разглядеть саму статую, потому что были слишком далеко, чтобы разглядеть что-либо размером с человека; но мысмотрели на это с твердой верой, потому что верили Писанию, которое говорит об этом; и мы были полны удивления".

Чтобы поддержать абсолютную веру в статую, он напоминает своим читателям, что "Бог способен даже из этих камней произвести семя Аврааму", и пускается в долгий спор, обсуждая такие превращения, как превращения короля Атласа и статуи Пигмалиона, а также множество других, заканчивая приведенным в "Чудесах святого Иеронима" случаем превращения еретика в бревно, которое затем сожгли.

Он приводит высказывание евреев о том, что жена Лота получила особое наказание за то, что отказалась добавлять соль в пищу ангелов, когда они посетили ее, и произносит короткую проповедь, в которой говорит, что, поскольку соль является приправой к пище, соляная статуя жены Лота "дает нам приправу мудрости".(433)

(433) Для Бернарда Брейденбахского я использовал латинское издание Mentz, 1486 г., в White collection, Корнельский университет, также немецкое издание в Reyssbuch. Об Иоанне Сольмском, Верли и им подобных читайте в "Рейсбухе", в котором приводится полный текст их путешествий. О Фабри (Шмиде) см., чтобы узнать о его ценности, Робинсон; также Тоблер, Библиография, стр. 53 и далее; а тексты см. Рейсбух, стр. 122b и далее, но лучше всего Fratrīs Fel. Эвараторий Фабри, изд. Hassler, Stuttgart, 1843, vol. iii, стр. 172 и далее. Сейчас его книга переведена на английский язык Обществом текстов палестинских паломников.

Действительно, в свидетельствах путешественников о соляном столбе было много расхождений — фактически, их было так много, что в более поздний период ученый Дом Кальмет признал, что они поколебали его веру во все это дело; но в то более раннее время, под полным влиянием теологического духа, эти трудности только давали новые и более великолепные возможности для веры.

Ибо, если между исчезновением одного соляного столба и появлением другого проходил значительный промежуток времени, возникала идея, что статуя, благодаря душе, которая все еще оставалась в ней, отправилась в какое-то таинственное путешествие. Случилось ли так, что одна статуя была смыта в один год в одном месте, а другая статуя - в другой год в другом месте, эту трудность удалось преодолеть, поверив, что жена Лота все еще разгуливает по округе. Случалось ли так, что соляной столб был подорван дождями и обрушивался, считалось, что это всего лишь еще один признак жизни. Если колонна была частично покрыта морем, этого было достаточно, чтобы вызвать веру в то, что статуя время от времени опускалась в глубины Мертвого моря — возможно, чтобы удовлетворить это старое фатальное любопытство относительно ее бывших соседей.

Если рядом со статуей случайно был вымыт какой-нибудь кусок соли поменьше, считалось, что домашняя собака, также превратившаяся в соль, последовала за ней из глубины. Появлялось ли одновременно больше статуй, чем одна, что просто делало тайну более впечатляющей.

В фактах, которые сейчас так легко поддаются научному объяснению, теологи нашли прекрасный материал для споров.

Один из главных вопросов среди них заключался в том, действительно ли душа жены Лота оставалась в статуе. С одной стороны, настаивали на том, что, поскольку Священное Писание гласит, что жена Лота превратилась в соляной столб, а поскольку она обязательно состояла из души и тела, душа должна была стать частью статуи. Этот аргумент был подкреплён ссылкой на тот отрывок из Книги Мудрости, в котором соляной столб объявляется все еще стоящим как "памятник неверующей ДУШЕ". С другой стороны, настаивалось на том, что душа женщины должна была быть бестелесной и бессмертной и, следовательно, не могла быть преобразована в материальную и смертную субстанцию. Естественно, на это последовал бы ответ, что соляной

столб был не более материальным, чем обычные материалы человеческого тела, и что он чудесным образом стал бессмертным, а "с Богом все возможно". Таким образом, открылись широкие возможности для теологических дискуссий.(434)

(434) Краткое изложение основных аргументов за и против идеи о том, что душа жены Лота оставалась внутри соляной статуи, см. Корнелиус Лapid, Комментарий к Пятикнижию, Антверпен, 1697, глава xix.

По мере того, как мы вступаем в шестнадцатый век, мифы о Мертвом море, и особенно легенды о жене Лота, продолжают набирать обороты. В 1507 году отец Ансельм из миноритов заявляет, что море иногда покрывает ступни статуи, иногда ноги, иногда все тело.

В 1555 году Габриэль Жиро, священник из Пюи, путешествовал по Палестине. Его вера была крепка, и его отношение к мифам о Мертвом море видно из его заявления, что его воды настолько грязны, что их запах можно почувствовать на расстоянии трех лиг; что брошенные в них солома, сено или перья утонут, но железо и другие металлы всплывут; что преступников продержали в них три или четыре дня и они не могли утонуть. Что касается жены Лота, он говорит, что нашел ее "лежащей там спиной к небесам, превратившейся в соляной камень; ибо я прикоснулся к ней, почесал ее и положил кусочек ее в рот, и она почувствовала вкус соли".

Таким образом, в центре всех этих легенд мы видим идею о том, что, хотя в Мертвом море не было живых зверей, жители затопленных городов все еще жили под его водами, вероятно, в аду; что в соляной статуе была жизнь; и что она все еще проявляла любопытство к своим старым соседям.

Следовательно, такие путешественники последних лет столетия, как граф Альберт Левенштейнский и князь Николай Радзивилл, нисколько не ослабили в вере из-за того, что им не удалось найти статую. Во что способен поверить первый, видно из его заявления, что на одном кладбище в Каире в течение одной ночи в году мертвые вытягивают ноги, кисти, конечности и даже полностью восстают из могил.

Тогда, казалось, этим благочестивым верованиям не было предела. Идея о том, что в доверчивости есть заслуга, а также любовь к мифотворчеству и распространению чудес постоянно увеличивали их число. Протестантская реформация поначалу также не уменьшила их; скорее, она усилила их и более прочно закрепила в массовом сознании. Казалось, им суждено длиться вечно. Сейчас будет показано, как они укрепились таким образом поначалу при протестантизме и как в конце концов растворились в атмосфере научной мысли.(435)

(435) Об отце Ансельме см. Его Описание священной земли в Н. Canisius, Thesaurus Monument Eccles., издание Basnage, Амстердам, 1725, том iv, стр. 788. О Жиро читайте в его "Рассуждениях о путешествии на восток", Париж, 1585, стр. 56а. О Радзивилле и Левенштейне см. Рейсбук, особенно стр. 198а.

III. КУЛЬМИНАЦИЯ ЛЕГЕНД МЕРТВОГО МОРЯ ПОСЛЕ РЕФОРМАЦИИ.-НАЧАЛО

ЗДОРОВОГО СКЕПТИЦИЗМА.

Первым результатом протестантской реформации стала популяризация старых легенд о Мертвом море и повышение восприимчивости общественного сознания к новым.

Великая иллюстрированная Библия Лютера, столь мощно фиксирующая идеи немецкого народа, продемонстрировала с помощью очень ярких гравюр все три этих ранних мифа — разрушение городов небесным огнем, превращение жены Лота и мерзкое происхождение ненавистных моавитян и аммонитян; и мы находим соляную статую, особенно, в этой и других иллюстрированных Библиях, из поколения в поколение.

Католические народы также проявили себя в этом проявлении веры. Примерно в 1517 году Франсуа Реньо опубликовал в Париже сборник о Палестине, дополненный гравюрами на дереве: в нем старая легенда Мертвого моря о "змее Тире" вновь предстает приукрашенной, а вместе с ней и различные другие новые версии старых историй. Пять лет спустя Бартоломью де Салиньяк путешествует по Святой Земле, ручается за дальнейшее существование статуи жены Лота и дает новую жизнь старому чуду, настаивая на том, что священные воды Иордана на самом деле не изливаются в адский бассейн Мертвого моря, а чудесным образом поглощаются землей.

Эти идеи были присущи не только людям в целом; мы прослеживаем их среди ученых.

В 1581 году Бантинг, северогерманский профессор и богослов, опубликовал свой "Маршрут Священного Писания", и в нем легенды о Мертвом море и Лоте продолжают набирать обороты. Он говорит нам, что морская вода "меняется трижды в день"; что она "извергает огонь", что она выбрасывает "высоко" огромные грязные массы, которые "горят, как смола" и "плавают, как огромные быки"; что статуя жены Лота все еще там и что она блестит, как соль.

В 1590 году голландский теолог Кристиан Адрихом опубликовал свой знаменитый труд по сакральной географии. Он не настаивает на легендах Мертвого моря в целом, но заявляет, что статуя жены Лота все еще существует, и на своей карте он изображает ее стоящей в Усдуме.

Также было не совсем безопасно расходиться с подобными убеждениями. Точно так же, как при папе люди науки подвергались суровому наказанию за неправильные взгляды на физическую географию земли в целом, так и Кальвин, решивший сжечь Сервета, включил в свой обвинительный акт в ереси обвинение в том, что Сервет в своем издании "Птолемея" сделал неортодоксальные заявления относительно физической географии Палестины.(436)

(436) Библейские гравюры, изображающие жену Лота, превращенную в соляную статую, и т.д., см. в Библии Лютера, 1534, стр. xi; также в иллюстрированной

Библии выборов; также в Библейских значках Мериан 1625 года; также на обложке Библии Лютера, изданной в Нюрнберге в 1708 году; также в книге Шейхцера "Купфер-Бибел", Аугсбург, 1731, табл. lxxx. Рассказ о Мертвом морском змее "Тирусе" и т.д. см. в "Большом путешествии Иерусалима", Париж (1517?), стр. xxi. Утверждение Де Салиньяка относительно соляного столба и предположение относительно поглощения Иорданом до того, как достичь Мертвого моря, см. в его "Итеринариуме Священных писаний", Магдебург, 1593, статьи 34 и 35. О Бантинге см. его "Итеринариум священных писаний", Магдебург, 1589, стр. 78, 79. Изображение соляной статуи Андрихома, см. Карту, стр. 38, и текст, стр. 205, его Theatrum Terrae Sanctae, 1613. О Кальвине и Сервете см. Уиллис, Сервет и Кальвин, стр. 96, 307; также издание Птолемея Сервета.

Протестанты и католики соперничали друг с другом в создании новых мифов. Так, в своем "Самом набожном путешествии", опубликованном в 1608 году, Жан Зваллар, мэр Ат в Эно, признается, что его беспокоят противоречивые истории о соляной статуе, но заявляет, что твердо верит в то, что "какие—то остатки ее все еще сохранились", и компенсирует свое вольнодумство добавлением в регион нового мифического ужаса - "крокодилов", которые вместе со змеями и "отвратительным запахом моря" помешали ему посетить соляные горы.

В 1615 году отец Жан Буше публикует первое из многих изданий своего "Священного букета Святой Земли". Он изображает ужасы Мертвого моря в ряде поразительных антитез, и среди них утверждение, что оно сделано из грязи, а не из воды, что оно загрязняет все, что в него попадает, и настолько разлагает землю вокруг, что во всем этом регионе не растет ни травинки.

В том же духе, тринадцать лет спустя, протестант Кристофер Хайдманн публикует свою "Палестину", в которой он говорит о жидкости, напоминающей кровь, сочащейся из камней Мертвого моря, и ссылается на авторитетные источники, доказывающие, что статуя жены Лота все еще существует и подает признаки жизни.

Тем не менее, по мере приближения к концу шестнадцатого века начинают появляться некоторые свидетельства здорового и плодотворного скептицизма.

Старый поток путешественников, комментаторов и проповедников, принимающих традицию и повторяющих то, что им было сказано, течет и дальше; но то тут, то там мы освежаемся при виде человека, который действительно начинает думать и искать себя.

Первым среди них является французский натуралист Пьер Белон. Что касается обычных чудес, то у него была простая вера своего времени. Среди множества подобных вещей, по его мнению, он видел камни, на которых спали ученики во время молитвы Христа; камень, на котором сидел Господь, когда воскрешал Лазаря из мертвых; следы ног Господа на камне, с которого он вознесся на небеса; и, что самое любопытное, "камень, который отвергли строители". И все же он несколько опережает своих предшественников, поскольку в одном отрывке показывает, что продумал процесс создания более простых палестинских мифов. Ибо между Вифлеемом и Иерусалимом он видит поле, покрытое мелкой галькой, и о ней он говорит: "Простые люди рассказывают вам, что однажды там человек сеял горох, когда Богоматерь проходила тем путем

и спросила его, что он делает; человек ответил: "Я сею гальку", и сразу же весь горох превратился в эти маленькие камешки".

То, что он приписывает веру в этот объясняющий трансформацию миф "простым людям", знаменует слабый рассвет новой эпохи.

Типичным представителем этого нового класса также является немецкий ботаник Леонард Раувольф. Он путешествует по Палестине в 1575 году и, хотя набожен и временами легковверен, отмечает сравнительно мало древних чудес, в то время как вдумчиво и осторожно упоминает о вещах в природе, которые он действительно видел; он отказывается пользоваться глазами монахов и неуклонно использует свои собственные для благих целей.

По мере продвижения вперед, в семнадцатый век, это течение новой мысли становится все более очевидным; вошло в привычку более тщательное наблюдение и сравнение наблюдений; великие путешествия Колумба, Васко да Гамы, Магеллана и других производили свое действие; и это воздействие усиливалось индуктивной философией Бэкона, рассуждениями Декарта и предложениями Монтеня.

Это течение было настолько очевидным, что еще в начале века великий теолог Куарежмио из Лоди решил остановить его навсегда. Поэтому в 1616 году он начал свой тяжеловесный труд, озаглавленный "Историческое, теологическое и моральное объяснение Святой Земли". Он трудился над ней девять лет, еще девять лет посвятил ее совершенствованию, а затем передал в руки крупного издательства Plantin в Антверпене: они четыре года печатали и исправляли ее, и когда она наконец появилась, казалось, что она утвердит богословский взгляд на Святую Землю на все времена. Уделяя большое внимание другим мифам, которые, по его мнению, были освящены Священным Писанием, Куарежмио много времени посвятил Мертвому морю, но прежде всего соляной статуе; и он делит свою главу, посвященную этому, на три части, каждая из которых озаглавлена вопросом: во-первых, "КАК жена Лота превратилась в статую из соли?", Во-вторых, "ГДЕ она была таким образом преобразована?" и, в-третьих, "СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТА СТАТУА ДО СИХ ПОР?" Через каждое из этих разделений он борется до конца со всеми, кто склонен хоть в малейшей степени отклоняться от ортодоксального мнения. Он категорически отказывается идти на компромисс с любыми современными теоретиками. Всем таким он говорит: "Повествование Моисея является историческим и должно быть воспринято в его естественном смысле, и ни один здравомыслящий человек не будет отрицать этого". Тем, кто предпочитает образное толкование, он говорит: "С такими рассуждениями любой отрывок из Священного Писания может быть опровергнут".

Что касается места, где произошло чудо, он упоминает четыре места, но останавливается на том, где изображение статуи приведено на карте Адрихома. Что касается дальнейшего существования статуи, он играет с противоположной точкой зрения, как кошка ласкает мышь; а затем показывает, что самые почитаемые древние авторитеты, почтенные люди, все еще живущие, и бедуины, все согласны с тем, что она все еще существует. На протяжении всей главы его тщательность в знании Священных Писаний и его логические познания превосходятся только его презрением к тем теологам, которые были готовы уступить чему угодно ради рационализма.

Этот аргумент был настолько весомым, что, казалось, он подействовал на все, не только на римское послушание, но и на самых выдающихся богословов протестантизма.

Что касается Римской церкви, то мы можем взять за образец священника-миссионера Эжена Роже, который вскоре после появления книги Куарежмио опубликовал свои собственные путешествия по Палестине. Он был наблюдательным человеком, и его работы считаются по-настоящему ценными; но дух Куарежмио полностью овладел им. Его работе предшествует карта, показывающая наиболее важные моменты библейской истории, и среди них он выделяет место, где Самсон убил тысячу филистимлян ослиной челюстью и где он спрятал ворота Газы; пещеру, в которой обитали Адам и Ева после их изгнания из рая; место, где говорила ослица Валаама; дерево, на котором был повешен Авессалом; место, где Иаков боролся с ангелом; крутое место, где свиньи, одержимые бесами, нырнули в море; место, где был взят пророк Илия. верхом на огненной колеснице; и, конечно же, положение соляной статуи, которая когда-то была женой Лота. Он указывает места не только на суше, но и в море; так, он показывает, где Иона был проглочен китом и "где святой Петр поймал сто пятьдесят три рыбы".

Что касается чудес Мертвого моря в целом, он не останавливается на них подробно; он, очевидно, чувствовал, что Куарежмио исчерпал тему; но он в основном показывает плоды учения Куарежмио в других вопросах.

Точно так же мы находим мысли и слова Куарежмио, отдающиеся эхом в немецких университетах, в публичных выступлениях, диссертациях и проповедях. Великие комментаторы Библии, как католики, так и протестанты, в целом согласились принять их.

Но какой бы сильной ни была эта теологическая теория, мы обнаруживаем, что со временем ее пришлось несколько доработать, и в 1692 году Веделиус, профессор медицины в Йене, выбрал в качестве темы своей инаугурационной речи Физиологию разрушения Содомы и Соляной статуи.

Это великолепный пример "освященной науки". Он подробно останавливается на характеристиках серы, соли и молний; самым сбивающим с толку образом смешивает тексты Священных Писаний, теологию и химию; и, наконец, приходит к выводу, что молния, брошенная Всемогущим, обожгла тело жены Лота и в то же время превратила его частицы в стекловидную массу, похожую на соль.(437)

(437) О Звалларте см. Его "Путешествие в Иерусалим для верующих", Антверпен, 1608, книга iv, глава viii. Его путешествие было совершено двадцать лет назад. Об отце Буше см. его "Букет Святой земли", Париж, 1622, стр. 447, 448. О Хайдманне см. Его Палестину, 1689, стр. 58-62. О доверчивости Белона в упомянутых вопросах см. Его "Наблюдения о плюсах сингулярности" и др., Париж, 1553, стр. 141-144; а о легенде о горошинах, превращенных в камешки, стр. 145; см. также Лартет в "De Luynes", vol. iii, стр. 11. О Rauwolf см. Reyssbuch и Tobler, Библиография. Хороший отчет о влиянии Монтеня на развитие французского скептицизма см. в исследовании Прево-Парадоля о Монтене, предваряющем издание "Эссе" Ле Клерка, Париж, 1865; также в хорошо известных отрывках из книги Леки "Рационализм в Европе". Для Куарежмио я консультировался как с изданием Плантена 1639 года, так и с превосходным новым венецианским изданием 1880-82 годов. Последнее, хотя и менее ценится любителями книг, является более ценным, поскольку содержит несколько очень интересных

недавних заметок. Приведенное выше обсуждение см. в издании Плантагена, том ii, стр. 758 и далее. и в Венецианском издании, том ii, стр. 572-574. Что касается влияния Куарежмио на протестантскую церковь, см. Веделиус, *De Statua Salis*, Jenaе, 1692, стр. 6, 7 и в других местах. О Юджине Роже см. в его "*La Terre Sainte*", Париж, 1664; карта, показывающая различные упомянутые места, приведена в предисловии; а о василисках, саламандрах и т.д. См. стр. 89-92, 139, 218 и в других местах.

Эти взгляды были не только продемонстрированы, насколько это могли продемонстрировать теолого-научные рассуждения, но и было ясно показано непрерывной цепью свидетельств с самых ранних эпох, что соляная статуя в Усдуме была признана телом жены Лота евреями, мусульманами и вселенской христианской церковью "всегда, везде и всеми".

Под влиянием подобных учений - и зимних дождей — в соляном столбе начали появляться новые чудеса. В 1661 году францисканский монах Цвиннер опубликовал свои путешествия по Палестине и изложил не только большинство старых мифов о соляной статуе, но и новый, в некоторых отношениях более поразительный, чем любой из старых, поскольку он слышал, что собака, также превратившаяся в соль, стояла рядом с женой Лота.

Даже самые солидные ученые-бенедиктинцы были увлечены, и мы находим в "Священной истории" проф. Мезгер из ордена Святого Бенедикта опубликовал в 1700 году обновленную декларацию о том, что соляная статуя должна быть "ВЕЧНЫМ памятником".

Но вскоре стало очевидно, что научное течение все еще работает под этой громоздкой массой теологического авторитета. Типичное свидетельство этого мы находим в 1666 году в "путешествиях Дабдана", каноника Сен-Дени. Что касается Мертвого моря, он говорит, что не видел ни дыма, ни облаков, ни "черной, липкой воды"; что касается статуи жены Лота, он говорит: "Современные люди не так легко верят, что она просуществовала так долго"; затем, словно встревоженный собственной смелостью, он допускает, что море МОЖЕТ быть черным и липким посередине; и от жены Лота он убегает под прикрытием некоторых благочестивых обобщений. Четыре года спустя другой французский священнослужитель, Жак Гужон, ссылаясь в своих опубликованных путешествиях на легенды о соляном столбе, говорит: "Люди могут верить этим историям сколько угодно; я этого не видел и туда не ходил". Точно так же в 1697 году Морисон, сановник французской церкви, путешествовавший по Палестине, признается, что ему трудно поверить в историю о соляном столбе.

То же самое течение наблюдается еще сильнее в путешествиях преподобного Генри Мандрелла, английского капеллана в Алеппо, который путешествовал по Палестине в том же году. Он презирает легенды о Мертвом море в целом: что касается истории о том, что птицы не могли летать над ним, он говорит, что видел, как они там летали; что касается полного отсутствия жизни в море, он видел в нем маленькие ракушки; он не видел следов каких-либо погребенных городов; а что касается историй о статуе жены Лота и предложении посетить ее, он говорит: "Мы также не могли поверить этим сообщениям настолько, чтобы побудить нас отправиться с таким поручением".

Влияние философии бэконизма на его сознание очень очевидно; выражая свое неверие в яблоки Мертвого моря с содержимым из золы, он говорит, что не видел ни одного, и цитирует лорда Бэкона в поддержку скептицизма по этому и подобным пунктам.

Но сильнейший эффект этого растущего скептицизма проявился ближе к концу того столетия, когда выдающийся голландский комментатор Клерикус (Ле Клерк) опубликовал свой комментарий к Пятикнижию и диссертацию о Соляной статуе.

Очень подробно он использует всю свою проницательность и ученость, чтобы опровергнуть всю легенду о фактическом превращении жены Лота и существовании соляного столба, и заканчивает словами, что "вся эта история возникла из-за тщеславия одних и доверчивости других".

В начале восемнадцатого века мы обнаруживаем новые притоки к этому потоку научной мысли. В 1701 году отец Феликс Богран очень кратко и сухо отвергает легенды о Мертвом море и соляную статую, выражая не свою веру в это, а обычное желание верить.

В 1709 году в другой части Европы появился ученый другой веры, который сделал гораздо больше, чем кто-либо из его предшественников, чтобы окутать легенды о Мертвом море атмосферой правды, — Адриан Реланд, профессор Утрехтского университета. Его работа о Палестине - памятник терпеливой учености, в основе которой лежит любовь к истине как таковой: в нем нет непочтительности, но он спокойно отмечает огромное количество мифов и легенд: что касается статуи жены Лота, он относится к ней осторожно, но применяет к ней сравнительный метод с убийственным эффектом, показывая, что история ее чудесного обновления - всего лишь одна из многих в своем роде.(438)

(438) О Цвиннере см. его "Блюменбух о землях Хейлиген", Мюнхен, 1661, стр. 454. Мезгера см. в его "Священной истории", Аугсбург, 1700, стр. 30. Что касается Дабдана, см. в его "Путешествии по земле Святой", Париж, 1670, стр. 338, 339; также в "Риттере" Тоблера и Гейджа. О Гужоне см. его "Историю и Путешествие по Святой земле", Лион, 1670, стр. 230 и др. Что касается Морисона, см. "Его путешествие", книга ii, стр. 516, 517. О Мондрелле см. в сборнике Райта, стр. 383 и далее. О Клерике см. Его Диссертацию о Салисе Статуе в его Пятикнижии, издание 1696 года, стр. 327 и далее. Что касается отца Бограна, см. "Его путешествие", Париж, 1701, стр. 137 и далее. О Реланде см. Его Палестину, Утрехт, 1714, т. i, стр. 61-254, *passim*.

Однако поверхностным наблюдателям казалось, что древний поток мифов и чудес в XVIII веке был таким же сильным, как и прежде, и мы можем привести два типичных свидетельства этого. Первый из них - Благочестивое паломничество Винсента Бримля. Его путешествие было совершено около 1710 года; и его работа, выпущенная под эгидой высокопоставленного папского чиновника несколько лет спустя тяжелым кварто, дала новую жизнь историям об адском характере Мертвого моря, и особенно чудесному обновлению соляной статуи.

В 172 году н.э. была предпринята еще более впечатляющая попытка сохранить старую веру на севере Европы, поскольку в том же году выдающийся теолог Масиус опубликовал свой великий трактат о превращении жены Лота в статую из соли.

Очевидно, предполагая, что эта работа должна стать последним словом по этому предмету в Германии, поскольку Куарежмио предполагал, что его работа будет последней в Италии, он развивает свою тему ввысокой схоластической и теологической манере. Сначала привлекая внимание к божественному повелению в Новом Завете "Помни жену Лота", он аргументирует это на протяжении длинного ряда глав. В девятой из них он обсуждает "побудительную причину" того, что она оглянулась назад, и знакомит нас с вопросом, ранее столь часто рассматривавшимся теологами, была ли в конце концов спасена душа жены Лота. Здесь мы рады узнать, что большое, горячее сердце Лютера подняло его над обычным стадом теологов и побудило заявить, что она была "верной и святой женщиной" и что она, конечно же, не была навеки проклята. Отдавая справедливость Римской церкви, следует также сказать, что несколько ее наиболее выдающихся комментаторов придерживались аналогичной точки зрения и настаивали на том, что грех жены Лота был простительным, и поэтому, в худшем случае, мог подвергнуть ее только огню чистилища.

В одиннадцатой главе подробно обсуждается вопрос о ТОМ, КАК она превратилась в соль, и, упоминая многие богословские мнения, особо останавливается на мнении Риветуса, что удар молнии, состоящий, по-видимому, из огня, серы и соли, вызвал ее превращение в то же самое время, когда опалил землю; и он основывает это мнение на двадцать девятой главе Второзакония и сто седьмом псалме.

Позже Массиус представляет священную научную теорию о том, что "частицы физиологического раствора проникали в нее до тех пор, пока все ее тело не было заражено"; и с этим он связывает другую часть освященной науки о том, что "застойная желчь", возможно, сделала поверхность ее тела "полностью блестящей, горькой, сухой и деформированной".

Наконец, он подходит к важному вопросу, существует ли еще соляной столп. В этом он полон и справедлив. С одной стороны, он допускает, что Лютер думал, что это было связано со всеобщим разрушением Содомы и Гоморры, и он цитирует различных путешественников, которым не удалось найти это; но, с другой стороны, он приводит длинную цепочку доказательств того, что это продолжало существовать: очень мудро он напоминает читателю, что положительные свидетельства тех, кто это видел, должны перевешивать отрицательные свидетельства тех, кто этого не видел, и он, наконец, решает, что соляная статуя все еще существует.

Несомненно, подобная работа произвела значительный эффект в протестантских странах; более того, этот эффект кажется очевидным даже в Англии, поскольку в 172 году н.э. мы находим в книге декана Придо "Ветхий и Новый Завет" карту, на которой тщательно обозначена соляная статуя. Точно так же и в Голландии, в "Священной географии", изданной в Утрехте в 1758 году теологом Бахиене, мы находим его, проявляющего много признаков рационализма, явно склонного к старым взглядам на существование соляного столпа; но именно здесь появляется любопытное свидетельство реального направления течения мысли на протяжении столетия, поскольку девять лет спустя в немецком переводе работы Бахиене мы находим обильные примечания переводчика в гораздо более рационалистическом духе; действительно, мы видим зарю неизбежного дня компромисса, поскольку теперь у нас есть, вместо старого аргумента о том, что божественная сила одним чудесным действием превратила жену Лота в соляной столб, выдвигается предположение, что она попала под ливень из серы и селитры, была покрыта им, и

в результате образовалась глыба, которая в наших священных книгах обычно НАЗЫВАЕТСЯ "соляным столбом".(439)

(439) Подробнее см. его "Andachtige Pilgerfahrt", стр. 129. Что касается Мациуса, см. его "О спасении Лоты" в "Статуях Салиса Конверса", Гафния, 1720, особенно страницы 29-31. Информацию о декане Придо смотрите в его книге "Ветхий и Новый Завет, связанные в истории евреев", 1720 год, карта на странице 7. For Bachiene, see his Historische und geographische Beschreibung von Palaestina, Leipzig, 1766, vol. i, pp. 118-120, and notes.

Но с середины восемнадцатого века новое течение распространяется по христианскому миру со все возрастающей силой. Очень интересно сравнить великие комментарии к Священным Писаниям середины этого столетия с теми, что были опубликованы столетием ранее.

Из более ранних мы можем взять за образец Синописис Мэтью Пула: утвержденный королевским указом 1667 года, он содержит очень веские аргументы в пользу благочестивой веры в статую. Из более поздних мы можем взять издание известного комментария иезуита Тирина семьдесятю годами позже: хотя он чувствует себя обязанным представить авторитетные источники, он явно пытается как можно быстрее избавиться от темы под покровом условностей; от духа Куарежмио в нем нет и следа.(440)

(440) О Пуле (Полюсе) см. Его Краткий обзор, 1669, стр. 179; а о Титине - Лионское издание его Комментария, 1736, стр. 10.

Примерно в 1760 году появилось поразительное свидетельство силы этого нового течения. Затем Абате Марити опубликовал свою книгу о Святой Земле; и об этой книге итальянского священнослужителя самый выдающийся из немецких библиографов в этой области говорит, что она впервые проложила путь к критическому изучению Святой Земли. Марити совершенно скептически относится к затоплению долины Сиддим и разрушению городов. Он с добротой отзывается об Отце-капуцине, который повсюду на Мертвом море видел следы божественного проклятия, в то время как сам он не мог их видеть, и говорит: "Это потому, что капуцин повсюду несет в себе пять чувств веры, в то время как я несу только те, что от природы". Он говорит о "лжи Иосифа Флавия" и смеется над "грубой и бесформенной глыбой", которая, как уверил его гид, была статуей жены Лота, объясняя отсутствие человеческой формы в соляном столбе тем, что эта полная метаморфоза была частью ее наказания.

Примерно двадцать лет спустя другой замечательный человек, Волней, затрагивает эту тему в так называемом "философском" духе. Между 1783 и 1785 годами он совершил обширное путешествие по Святой Земле и опубликовал сборник "Путешествия", который остротой мысли и энергичностью стиля привлек всеобщее внимание. В них мифы и легенды были отброшены в сторону, и мы имеем рассказ, просто продиктованный любовью к истине как таковой. Он тоже поддерживает горящий факел науки, применяя свои геологические знания к регионам, которые он пересекает.

Оглядываясь назад, на восемнадцатое столетие, мы видим, что к новому течению мысли примешивается и усиливает его постоянно растущий поток более строго научных наблюдений и размышлений.

Вкратце рассмотрим это: в самые первые годы столетия Маральди показал Парижской академии наук ископаемых рыб, найденных в регионе Ливана; немного позже Корнелиус Брюн во французском издании своих "Путешествий по Востоку" дал хорошо прорисованные изображения ископаемых рыб и раковин, некоторые из них из региона Мертвого моря; примерно в середине века Ричард Покок, епископ Мита, и Корт из Альтоны сделали больше заявлений того же рода; и ближе к концу столетия, как мы видели, Волни дал еще больше таких исследований. , с философскими выводами из них.

Результатом всего этого было то, что у мыслящих людей постепенно возникло убеждение, что за века до появления человека на планете и в течение всего периода после его появления в Палестине, как и везде, неуклонно действовали законы природы; это убеждение заставляло людей рассматривать явления Мертвого моря не только как сверхъестественные причины, и ценность мифов и чудес неуклонно снижалась.

Но на самом пороге девятнадцатого века в этой области появился Шатобриан, и он, казалось, изгнал научный дух, хотя на самом деле он временно скрыл его за паром своей риторики. Время было для него благоприятным. Это был период реакции после Французской революции, когда то, что называлось религией, снова вошло в моду, и когда даже атеисты поддерживали ее как благо для простых людей: в такую эпоху Шатобриан, с его поверхностной информацией, тонкими чувствами и показным словоблудием, был предопределенным пророком. Его враги имели обыкновение отрицать, что он когда-либо видел Святую Землю; видел он это или нет, но он ничего не добавил к реальным знаниям, а просто на мгновение окутал описываемые им регионы, и особенно Мертвое море. Легенду о жене Лота он тщательно избегал, поскольку слишком хорошо знал, как опасно подвергаться насмешкам во Франции.

Пока длились правления Наполеона и Бурбонов, и даже некоторое время спустя, такого рода отношения к Святой Земле были в моде, и у нас есть длинный ряд людей, особенно французов, которые, очевидно, получили импульс от Шатобриана.

Примерно в 1831 году Де Жерамб, аббат Ла Трапп, очевидно, очень благородный и набожный человек, видит пар над Мертвым морем, но немного преувеличивает истину, называя это "паром или дымком". Он не смог найти соляную статую и жалуется на "разнообразие историй о ней". Простая физическая причина этого разнообразия — вымывание разных статуй в разные годы — никогда не приходила ему в голову; но он утешает себя библейским обоснованием метаморфозы.(441)

(441) Что касается Марити, см. "Его путешествие и др.", т. ii, стр. 352-356. О высоком мнении Тоблера о нем читайте в Библиографии, стр. 132, 133. О Волни см. в его "Путешествии по Сирии и Египту", Париж, 1807, т. i, стр. 308 и далее; также, чтобы ознакомиться с вкладом восемнадцатого века в геологию, Лартет в "Мертвой смерти" Де Люина, т. iii, стр. 12. О Корнелиусе Брюне см. Французское издание его работ, 1714 г. (в котором его имя дано как "Ле Брюн"), особенно о изображениях окаменелостей, стр. 309, 375. О Шатобриане см. "Его путешествие" и др., том. ii, часть

iii. О де Жерамбе см. "Его путешествие", том. ii, стр. 45-47.

Но к чести ученых и научной истины следует сказать, что даже при Наполеоне и бурбонах были люди, которые продолжали исследовать, наблюдать и описывать с простой любовью к истине как к истине, несмотря на вероятность того, что их исследования при их жизни будут восприняты с презрением и даже враждебностью как в церкви, так и в государстве.

Пионером в этой работе девятнадцатого века был немецкий натуралист Ульрих Зетцен. Он начал свое основное исследование в 1806 году, и вскоре его ученость, мужество и честность пролили поток нового света на вопросы о Мертвом море.

В этом свете мифы и легенды исчезли быстрее, чем когда-либо. Типичным для его метода является исследование плодов Мертвого моря. Добравшись до Палестины, он обнаружил, что рассказу Иосифа Флавия об этом, который принимался почти две тысячи лет, верили со всех сторон; более того, он обнаружил, что первоначальный миф настолько разросся, что множество уважаемых людей в Вифлееме и других местах уверяли его, что не только яблоки, но и груши, гранаты, инжир, лимоны и многие другие фрукты, растущие на берегах Мертвого моря, хотя и красивые на вид, были наполнены пеплом. Эти добрые люди заявили Зетцену, что видели эти фрукты и что незадолго до этого полная ими корзина, отправленная яффскому купцу, превратилась в пепел.

Зетцен был явно озадачен таким количеством свидетельств и, естественно, стремился изучить эти плоды. Прибыв к морю, он начал их искать, и вскоре проводник показал ему "яблоки". Он обнаружил, что это просто асклепия, которая была описана Линнеем и которая встречается в Ост-Индии, Аравии, Египте, на Ямайке и в других местах — "пепел" был просто семенами. Затем он поискал другие фрукты, и гид вскоре нашел для него "лимоны": он обнаружил, что это разновидность пасленовых, встречающихся в других частях Палестины и в других местах, а семенами в них были знаменитые "золушки". Затем он поискал груши, инжир и другие проклятые фрукты; но вместо того, чтобы найти их полными золы, он нашел их похожими на те же фрукты в других странах, и он рассказывает нам, что ел инжир с большим удовольствием.

Так погиб миф, который поддерживался две тысячи лет, отчасти благодаря естественному для теологов образу мышления, отчасти из—за личных интересов гидов, а отчасти из-за любви путешественников к рассказам о чудесах.

С другими мифами дело обстояло не лучше. Что касается внешнего вида моря, он нашел его воды не "черными и липкими", а голубыми и прозрачными; он не обнаружил дыма, поднимающегося из бездны, но говорит нам, что солнечный свет, облака и берег приятно отражались от поверхности. Что касается жены Лота, то он не нашел соляного столба, который был бы беспечной женщиной, но арабы показали ему множество валунов, которые когда-то были злыми людьми.

Его работу достойно продолжила длинная череда настоящих исследователей, среди которых такие путешественники и географы, как Буркхардт, Ирби, Манглс, Фаллмерайер и Карл фон Раумер: благодаря таким людям атмосфера мифов и преданий постепенно рассеивалась; как правило, они просто напросто забывали жену Лота.

В этом благородном ряду следует упомянуть американского богослова, доктора Эдварда Робинсона, профессора из Нью-Йорка. Примерно с 1826 года он на тридцать лет посвятил себя тщательному изучению географии Палестины и нашел достойного помощника в лице другого американского богослова, доктора Эли Смита. Ни один из этих людей открыто не отступал от старых традиций: это стоило бы душераздирающей цены — потери всякой дальнейшей возможности продолжать свои исследования. Робинсон даже не считал за лучшее привлекать внимание к мифическому характеру многого, на чем настаивали его предшественники; он просто все больше и больше приносил сухую, ясную атмосферу любви к истине ради истины, и в результате мифы и легенды неуклонно исчезали. Сделав это, он оказал гораздо большую услугу настоящему христианству, чем любой другой богослов, когда-либо работавший в этой области.

Очень характерно его обращение к мифу о жене Лота. Хотя он не раз бывал в Усдуме, хотя и дает ценную информацию о тамошнем море, берегу и горах, он тщательно избегает любых упоминаний о соляном столбе и легенде, которая возникла из-за него. В этом он подал пример, которому последовало большинство наиболее вдумчивых религиозных путешественников его времени. Очень важно видеть, что предписание Нового Завета "Помни жену Лота" так совершенно забыто. Эти более поздние исследователи, похоже, никогда не слышали об этом; и эта постоянная забывчивость показывает перемену, произошедшую в просвещенном мышлении мира.

Но в 1848 году произошел эпизод, очень поразительный по своему характеру и эффекту.

В то время, когда война между Соединенными Штатами и Мексикой завершилась, лейтенант ВМС Соединенных Штатов Линч оказался в порту Вера-Крус, командуя старым судном Снабжения. В поисках какого-нибудь занятия ему пришлось в голову написать министру военно-морского флота с просьбой разрешить исследовать Мертвое море. При обычных обстоятельствах предложение, несомненно, было бы задушено бюрократической волокитой; но, к счастью, секретарем в то время был мистер Джон И. Мейсон из Вирджинии. Мистер Мейсон был известен своим добродушием. И в Вашингтоне, и в Париже, где он впоследствии был министром, эта преобладающая черта оставила множество забавных преданий; именно о нем сенатор Бентон сказал: "Чтобы быть в высшей степени счастливым, у него должно быть брюхо, полное устриц, и руки, полные карт".

Секретарь разрешил, но, очевидно, больше не задумывался над этим вопросом. В результате получилась экспедиция, самая комичная и одна из самых богатых результатами, которые можно найти в американских анналах. Никогда еще не было ничего более беззаботного. Лейтенант Линч стартовал со своей громадины, почти не имея инструментов, кроме тех, что обычно находятся на борту корабля, и с отрядом людей, вероятно, наиболее непригодных для чего-либо подобного научным исследованиям, когда-либо отправлявшихся с таким поручением; к счастью, он подобрал молодого преподавателя математики мистера Андерсона и добавил к его аппаратуре две прочные железные лодки.

Прибыв после утомительного путешествия на побережье Малой Азии, он приступил к работе. У него не было достаточной подготовки по общей истории, археологии или физическим наукам; но у него были свойственные американцам патриотизм, энергия, мужество, гордость и преданность долгу, и эти качества сослужили ему хорошую службу. С большим трудом он развез железные лодки по всей стране. Затем началось перетягивание каната. Первым из всех

исследователей он проложил себе путь по всей длине реки Иордан и из конца в конец Мертвого моря. Постоянно возникали трудности — географические, климатические и личные; но Линч преодолел их все. Он был храбр или проницателен, в зависимости от необходимости. Андерсон оказался замечательным помощником, и вместе они проводили измерения расстояний, высот, глубин и различные простые геологические, минералогические и химические исследования. Много было сделано плохо, многое осталось недоделанным, но общий результат был весьма почетным как для Линча, так и для Андерсона; и госсекретарь Мейсон обнаружил, что его беззаботное покровительство предприятию было лучшим поступком в его служебной жизни.

Результаты этой экспедиции по изучению общественного мнения были весьма любопытными. Линч ни в каком смысле не был ученым; он мало путешествовал и еще меньше задумывался над реальными вопросами, лежащими в основе всего расследования; что касается разницы в глубине двух частей озера, он пришел — сморяцким пренебрежением к логике — к выводу, что это каким-то образом подтверждает мифический рассказ о затоплении городов, и он предался размышлениям, вероятно, навеянным его воспоминаниями об американских воскресных школах.

Особенно примечательна его трактовка легенды о жене Лота. Он нашел соляной столп. В то время это была круглая колонна из рыхлой соляной породы высотой около сорока футов; и все же, хотя он принимает все остальные старые мифы, он считает веру в то, что когда-то это была жена Лота, "суеверием". Одно маленькое обстоятельство чрезвычайно усилило влияние этой книги, поскольку в качестве фронтисписа он поместил изображение соляного столба. Он был очерчен в довольно поэтической манере: на него струился свет, над ним нависали тяжелые облака, а в качестве фона выступали контрфорсы из соляного камня, изрытого зимними дождями: изображение соляной статуи было распространено повсюду, и на тысячах сельских кафедр и в воскресных школах его показывали как дань науки Священному Писанию.

Это влияние не ограничивалось только американскими учениками воскресной школы: Линч невинно расставил ловушку, в которую попали несколько европейских богословов. Одним из них был доктор Лоренц Грац, генеральный викарий Аугсбурга, профессор теологии. Во втором издании своего "Театра Священного Писания", опубликованном в 1858 году, он с радостью приветствует открытие Линчем соляного столба, забывает свой намек на старую теорию, рассматривавшую его как суеверие, и не останавливается на том, чтобы узнать, что это была одна из череды статуй, ежегодно смываемых дождями, но принимает ее за первоначальную жену Лота.

Больше всего пострадали французские церковники. Примерно через два года после Линча Де Сольси посетил Мертвое море, чтобы тщательно исследовать его, очевидно, в интересах священной науки — и своего собственного продвижения. От скромной скрупулезности Робинсона в его трудах не осталось и следа. Он быстро обнаружил переполненные города, которые никто ни до, ни после никогда не находил, облил презрением других исследователей и придал всей своей работе вид благочестия. Но, к сожалению, поскольку француз боится насмешек, он попытался дать рационалистическое объяснение тому, что он называет "огромными соляными иглами, вымытыми зимним дождем", и их связи с мифом о жене Лота, и заявил о своем твердом убеждении, что она, "задержавшись из-за любопытства или страха, была раздавлена камнем, скатившимся с горы, и когда Лот и его дети обернулись, они увидели на том месте, где она была, только соляную глыбу, покрывавшую ее тело".

Но это совсем не подходило, и один выдающийся священнослужитель в частном порядке и публично выступил с возражениями против Де Сольси, очень естественно заявив, что "книгу Бытия написал не Лот".

Результатом стало то, что другое издание работы Де Сольси было опубликовано Церковным книжным обществом с опущенным оскорбительным отрывком; но был сохранен отрывок, действительно гораздо более наводящий на мысль об инославии, и это была арабская легенда, рассказывающая о происхождении определенных скал близ Мертвого моря, удивительно напоминающих соляные образования. Фактически это выглядело следующим образом:

"Авраам, друг Божий, однажды пришел сюда со своим мулом, чтобы купить соли, и солевары нагло сказали ему, что у них нет соли на продажу, на что патриарх сказал: "Твои слова верны, у тебя нет соли на продажу", - и мгновенно соль всего этого региона превратилась в камень, или, скорее, в соль, потерявшую свой вкус".

Ничто не могло с большей уверенностью, чем эта история, пролить свет на ментальный и моральный процесс, посредством которого изначально был создан миф о соляном столбе.

В 1864 и 1865 годах была предпринята экспедиция гораздо более внушительного масштаба: экспедиция герцога де Люина. Его познания в археологии и его богатство были щедро потрачены на разработку рудника, открытого Линчем, и, взяв с собой железный сосуд и нескольких ученых, он посвятил себя главным образом поиску городов Мертвого моря и дал о них менее туманные описания, чем у Де Сольси. Но он был разочарован, и достаточно честен, чтобы признаться в своем разочаровании. Так исчезла одна из самых заветных частей легенды.

Но худшее осталось позади. В компании ортодоксального герцога был проникательный геолог месье Лартэ, который в свое время составил подробный отчет, проливший свет на весь регион.

Аббат Ришар порадовал ортодоксальное сердце Франции, продемонстрировав некоторые доисторические кремневые орудия в виде ножей, которые Джошуа сделал для обрезания. Правдивым заявлением месье Лартэ поднял на смех всю Францию над аббатом, а затем обратился к геологии бассейна Мертвого моря. Хотя он допускал, что человек, возможно, был свидетелем какого-то вулканического кризиса там и, возможно, сохранил яркое воспоминание о поднимавшемся тогда дыме, весь его аргумент неопровержимо показывал, что все явления в этом регионе вызваны естественными причинами, и что, если не считать внезапного подъема уровня озера над долиной в исторические времена, он веками неуклонно спадал.

С тех пор как Валак призвал Валаама проклясть своих врагов и "полностью благословил их", никогда еще не было более неожиданной дани уважения истине.

Даже соляной столб в Юсдуме, изображенный в книге Линча, помог подорвать миф среди мыслящих людей; на заднем плане картины были изображены другие соляные столбы в процессе формирования; и конечным результатом всех этих экспедиций было распространение атмосферы, в которой мифы и легенды становились все более и более размытыми.

Подводя итог основным моментам этой работы девятнадцатого века: Зетцен, Робинсон и другие обнаружили, что человек может пересечь озеро, не погибнув от адского дыма; что вода не издает запаха; что плоды этого региона не были созданы полными золы, чтобы соответствовать

запустению Мертвого моря, но были растениями, нередкими в Малой Азии и других местах; фактически, что все явления были вызваны естественными причинами.

Риттер и другие показали, что все известные особенности Мертвого моря и окружающей местности можно найти в различных других озерах и регионах, которым просветленные люди не приписывали никаких сверхъестественных причин. Линч, Ван де Вельде, Осборн и другие открыли тот факт, что "соляной столп" часто формировался заново в результате дождей; а Лартет и другие геологи нанесли окончательный удар мифам, разъяснив по отметкам на соседних скалах, что вместо внезапного подъема уровня моря над долиной Сиддим на протяжении веков происходило постепенное оседание.(442)

(442) О Зетцене см. его "Райзен" под редакцией Крузе, Берлин, 1854-59; о "Фруктах Мертвого моря", том. ii, стр. 231 и далее; о появлении моря и т. Д., стр. 243, и в других местах; об арабских пояснительных легендах о преобразованиях, т. iii, стр. 7, 14, 17. Что касается сходства "соляных столбов" со столбами, размытыми дождями в других местах, см. Комментарий Крузе в vol. iv, стр. 240; также Фаллмерайер, том i, стр. 197. Для Ирби и Манглса см. Уже цитировавшуюся работу. О Робинсоне см. Его Библейские исследования, Лондон, 1841; также его более поздние библейские исследования, Лондон, 1856. О Линче читайте в его Рассказе, Лондон, 1849 год. For Gratz, see his *Schauplatz der Heyl. Schrift*, pp. 186, 187. О де Сольси читайте в его "Путешествии от смерти", Париж, 1853 г., особенно в т. i, стр. 252, и в его дневнике первых месяцев 1851 г., в т.ii. ii, сравнивая его со своей работой под тем же названием, опубликованной в 1858 году в Католической библиотеке путешествий и римлян, том i, стр. 78-81. О Лартете см. его доклады, прочитанные перед Географическим обществом в Париже; также цитаты из "Робинсона"; но, прежде всего, его подробные отчеты, которые составляют большую часть второго и третьего томов монументального труда, носящего имя Де Люина, уже цитировавшегося. Чтобы разоблачить доверчивость и ошибки Де Солси, см. "Ван де Вельде, Сирия и Палестина", отрывок; также "Земля Израиля" каноника Тристрама; также Де Люин, отрывок.

Еще до того, как были собраны все эти доказательства, по всему вопросу было вынесено судебное решение авторитетом как христианским, так и научным, от которого не могло быть никакой апелляции. В течение второй четверти века проф. Карл Риттер из Берлинского университета начал рассказывать миру о тех исследованиях, которые поставили его во главе всех географов древности или современности, и, наконец, он собрал воедино те, которые касаются географии Святой Земли, опубликовав их как часть своего великого труда по физической географии земли. Он был христианином, и ничто не могло быть более благоговейным, чем его отношение ко всему предмету; но его немецкая честность не позволяла ему скрывать правду, и он просто классифицировал все истории о Мертвом море — старые и новые — независимо от того, где они были найдены, будь то в священных книгах евреев, христиан или мусульман, будь то в житиях святых или рассказах путешественников, как "мифы" и "саги".

Это решение никогда не вызывало у интеллигентных людей никакой апелляции.

Недавняя адаптация ортодоксальной мысли к научному взгляду на легенды о Мертвом море имеет некоторые любопытные особенности. В качестве примера можно привести путешествия двух немецких богословов между 1860 и 1870 годами — Джона Кранцеля, пастора в Мюнхене, и Петера Шегга, в последнее время профессора университета этого города.

Архиепархия Мюнхен-Фрайзинг - одна из тех, в которых попытки подавить современную научную мысль предпринимались наиболее неуклонно. Его архиепископы постоянно проявляли усердие в получении кардиналь-ских шляп, препятствуя науке и отупляя образование. Башни-близнецы старого мюнхенского собора, казалось, бросали убийственную тень на интеллектуальное развитие в этом регионе. Естественно, что эти два духовных путешественника из той епархии не взяли на себя обязательство развеять ни один из мифов о Мертвом море; но важно, что ни один из них не следует примеру столь многих своих духовных предшественников в защите легенды о соляном столбе: они упорно избегают ее вообще.

Заслуживает упоминания более поздняя история соляного столпа, начиная с Линча. По-видимому, путешественники, следовавшие сразу за ним, обнаружили, что бури превратили его в шпиль; год или два спустя он полностью исчез; и примерно в 1870 году проф. Палмер, посетив это место, обнаружил на некотором расстоянии от основного соляного пласта, как он говорит, "высокую изолированную скальную иглу, которая действительно имеет любопытное сходство с арабской женщиной с ребенком на плечах".

И, наконец, Библейский словарь Смита, стандартное справочное пособие для англоязычных ученых, делает уступку старому поверью о Содоме и Гоморре настолько незначительной, насколько это возможно, и миф о жене Лота полностью исчезает.

IV. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ КОМПРОМИССА. — ТРИУМФ НАУЧНОГО ВЗГЛЯДА.

Теологические усилия по достижению компромисса с наукой сейчас предпринимались сильнее, чем когда-либо. Эта попытка была предпринята задолго до этого: как мы видели, она начала явно проявляться, как только почувствовалось влияние философии Бэконизма. Ле Клерк предположил, что шок, вызванный видом небесного огня, мгновенно убил жену Лота и сделал ее тело неподвижным, как статуя. Эйхгорн предположил, что она упала в поток расплавленного битума. Михаэлис предположил, что ее родственники воздвигли в ее память памятник из соленой скалы. Фридрихс предположил, что она упала в море и соль застыла на ее одежде, превратив ее в статую. Некоторые утверждали, что на нее обрушился серный дождь и что слово, которое было переведено как "соль", возможно, можно перевести как "сера". Другие намекали, что соль благодаря своим антисептическим свойствам сохранила ее тело как у мумии. Де Сольси, как мы видели, подумала, что на нее упал кусок соленой скалы, и совсем недавно директор школы Доусон отважилась объяснить, что ее покрыл поток соленой грязи из вулкана.

Но сами богословы были первыми, кто показал неадекватность этих объяснений. Более рационалистично настроенные указывали на тот факт, что они противоречат священному тексту: фон Болен, выдающийся профессор из Кенигсберга, со своей непоколебимой немецкой честностью заявил, что история возникла из соляного столба, и сравнил соляной столб, ставший причиной этой легенды о превращении, со скалой в греческой мифологии, которая породила легенду о превращении Ниобы.

С другой стороны, более суровые ортодоксы протестовали против подобных попыток опровергнуть ясные положения Священного Писания. Дом Кальме, представляя многие из этих объяснений, сделанных еще в его время, дает нам понять, что почти все теологи придерживались идеи о том, что жена Лота мгновенно и действительно превратилась в соль; и в наше время, как мы сейчас увидим, прозвучало несколько очень энергичных протестов.

Аналогичные попытки были предприняты для объяснения других древних легенд о Мертвом море. Одна из самых недавних из них заключается в том, что города на равнине, построенные из блоков битуминозного камня, были подожжены молнией, а современное землетрясение способствовало проведению работ. Еще одним является то, что скопления нефти и горючего газа вырвались через трещину, загорелись и тем самым вызвали катастрофу.(443)

(443) О Кранцеле см. в его книге "Пайзе нах Иерусалим" и др. For Schegg, see his *Gedenkbuch einer Pilgerreise*, etc., 1867, chap. xxiv. Что касается Палмера, см. в его книге "Пустыня исхода", т. ii, стр. 478, 479. О различных компромиссах см. В уже цитированных работах, ниже. О фон Болене см. в его книге бытия, Кенигсберг, 1835, стр. 200-213. О Кальмете см. В его словаре и др., Венет., 1766. О недавних компромиссах см. Дж. У. Доусон и доктор Каннингем Гейки в цитируемых работах.

Протест против подобных попыток примирить научные факты с мифами и легендами стал очень очевидным примерно в середине девятнадцатого века. В 1851 и 1852 годах Ван де Вельде совершил свое путешествие. Он был самым набожным человеком, но признавался, что извержение вулкана на Мертвом море, должно быть, произошло намного раньше катастрофы, упомянутой в наших священных книгах, и что "ниспровержение Содомы и Гоморры не имело к этому никакого отношения". Несколько лет спустя выдающийся сановник Английской церкви каноник Тристрем, доктор богословия и член Королевского общества, тщательно исследовавший Святую Землю, после нескольких общих слов о чудесах отказался от всех попыток привести науку в соответствие с мифами и произнес следующие слова: "Часто предполагалось, что район Юсдум и его города-побратимы возникли в результате какой-то огромной геологической катастрофы.... Теперь тщательное исследование, проведенное компетентными геологами, такими как месье Лартэ и другими, показало, что весь район медленно и постепенно принимал свою нынешнюю форму на протяжении ряда веков, и что его специфические явления аналогичны явлениям других озер ". Так исчезла из поля зрения вся масса мифов и легенд Мертвого моря, и наука одержала победу как над геологией, так и над сравнительной мифологией.

В знак протеста против такого рода рационализма в 1876 году вышло издание работы монсеньора Мислина "О святых местах". Чтобы придать книге вес, ей предшествовали письма от папы Пия IX и других высокопоставленных церковников, а также от Александра Дюма! Его

ненависть к протестантским миссионерам на Востоке феноменальна: он называет их "бэгменами", приписывает им все зло и низость, и его ненависть превосходит только его доверчивость. Он приводит все аргументы в пользу того, что соляная статуя в Усдуме идентична той, в которую была превращена жена Лота, добавляет некоторые свои собственные и представляет ее как "разновидность сомнения и ереси". С пресловутой легкостью догматиков в переводе любого слова мертвого языка на любой, соответствующий их целям, он говорит, что слово в девятнадцатой главе книги Бытия, которое переводится как "статуя" или "столп", может быть переведено как "вечный памятник"; он особенно суров к бедному месье Де Сольси за то, что тот думал, что жена Лота погибла в результате падения куска соленой скалы; и он фактически хвастается, что именно он заставил Де Сольси, члена Французского института, исключить неприятный отрывок из более позднего издания.

Между 1870 и 1880 годами было нанесено два смертельных удара по старым теориям, и они были нанесены двумя американскими учеными высочайшего уровня. Первым из них можно упомянуть доктора Филипа Шаффа, профессора пресвитерианской теологической семинарии в Нью-Йорке, который опубликовал свои путешествия в 1877 году. В высокой степени он соединял научный дух с религиозным, но чертой характера, которая делала его особенно подходящим для работы с этим предметом, была его прямая немецкая честность. Он рассказывает простую правду о соляном столбе в той мере, в какой это касается его физического происхождения и характеристик, и предоставляет читателю самому сделать естественный вывод о его связи с мифом. Учитывая судьбу доктора Робертсона Смита в Шотландии и доктора Вудроу в Южной Каролине, которые были до него — оба недавно уволены со своих профессорских должностей за правдивость — доктор Шафф заслуживает чести за то, что рассказал так много, как он делает.

Аналогичными по эффекту и даже более смелыми по утверждению были "Путешествия преподобного Генри Осборна", опубликованные в 1878 году. В истинно научном духе он обращает внимание на сходство Мертвого моря с рекой Иордан и множеством других озерных и речных систем; указывает на бесконечные различия между авторами, описывающими соляные образования в Усдуме; рационально объясняет эти различия и цитирует отчет доктора Андерсона, в котором говорится: "Исходя из растворимости соли и рыхлости мергеля, можно предположить, что, в то время как некоторые из этих игл находятся в процессе формирования, другие вымываются".

Таким образом, мало-помалу стала известна правда о мифах о Мертвом море и особенно о соляном столбе в Усдуме; но окончательная правда оставалась невысказанной в Церкви, и теперь один из чистейших людей и истиннейших богословов этого столетия рассказал ее. Артур Стэнли, декан Вестминстерского университета, посетивший страну и тщательно исследовавший ее, признал, что физические особенности Мертвого моря и его берегов наводят на мысль о мифах и легендах, и резюмирует все это следующим образом: "Огромная масса легенд и преувеличений, частично являющихся причиной, а частично результатом старого поверья о том, что города были погребены под Мертвым морем, постепенно исчезла в последние годы".

Примерно в то же время доктор Конрад Фуррер, пастор великой церкви Святого Петра в Цюрихе, подарил миру книгу путешествий, исполненную благоговения и вдумчивости, и в ней честно признал, что соляные иглы на южной оконечности Мертвого моря "в первобытные

времена положили начало преданию о том, что жена Лота была превращена в соляную статую". Так ведущие церковники обоих континентов наконец открыто признали мифический характер этой истории.

Подобные простые заявления из таких источников сделали высокое богословское положение еще более трудным, чем когда-либо, и теперь была предпринята попытка нового компромисса. Подобно тому, как мать-сибирячка пыталась спасти свое самое любимое дитя от преследующих ее волков, отдав им своих менее любимых детей, так и теперь в передовом комментарии была предпринята попытка спасти легенды о долине Сиддим и чудесном разрушении городов, выбросив за борт легенду о жене Лота.(444)

(444) О Мислине см. в его книге "Жизнь святых", Париж, том iii, стр. 290-293, особенно обратите внимание внизу страницы 292. Что касается Шаффа, см. Его "Через библейские земли", особенно главу xxix; см. также преподобного Х. С. Осборна, магистра медицины, "Святая земля", стр. 267 и далее; также "Синай и Палестина" Стэнли, Лондон, 1887, особенно стр. 290-293. О Фуррере см. Его В Палестине, Женева, 1886, т. i, стр.246. О попытке спасти одну легенду, выбросив за борт другую, см. Кейл и Делич, Библиографический комментарий к Старому Завету, том i, стр. 155, 156. О Ван де Вельде см. в его книге "Сирия и Палестина", том ii, стр. 120.

За таким развитием событий последовал забавный результат. Как мы уже видели, путешественник за путешественником, католик и протестант, теперь посещают Мертвое море, и вряд ли кто-то из них следует новозаветному предписанию "помнить жену Лота". Почти каждый из них, похоже, считает, что лучше всего забыть ее. Из огромной массы благочестивых легенд они достаточно скромны, но об этой легенде о жене Лота, как правило, они, кажется, никогда не слышали, а если и упоминают о ней, то просто покрывают всю тему дымкой благочестивой риторики.(445)

(445) Единственное упоминание о легенде о жене Лота в изданиях "Робинзона в моем распоряжении" - это очень любопытная статья Леопольда фон Буха, выдающегося геолога. Робинсон с бесстрашием, делаящим ему честь, проконсультировался с Фон Бухом, который в своем ответе явно был склонен облегчить задачу Робинсону, намекнув, что Лот был настолько поражен соляными образованиями, что ВООБРАЗИЛ, будто его жена превратилась в соль. Робинсон никак не комментирует эту теорию. См. Робинсон, Библейские исследования в Палестине и др., Лондон, 1841, т. ii, стр. 674.

Естественно, при таком положении вещей последовала обычная попытка сбросить с христианского мира ответственность за старую веру, и в 1887 году была предпринята любопытная попытка такого рода. В том же году появилась ценная работа преподобного доктора Каннингема Гейки о Святой Земле и Библии. В нем он делает следующее заявление относительно образования соли в Усдуме: "Здесь и там затвердевшие куски соли,

выдерживающие воздействие воды, в то время как все вокруг них тает и стирается, поднимаются отдельными столбами, один из которых носит у арабов название "жена Лота".

В свете предшествующей истории есть что-то одновременно жалкое и комичное в этой попытке переложить миф на плечи бедных арабов. Этот миф был создан не мусульманами; он появился, как мы видели, впервые среди евреев, и, вряд ли мне нужно напоминать читателю, появился в Книге Мудрости и у Иосифа Флавия, и с тех пор неуклонно поддерживается отцами Церкви, мучениками и учителями Церкви, по крайней мере одним папой и бесчисленными епископами, священниками, монахами, комментаторами и путешественниками, католиками и протестантами. Перекладывая таким образом ответственность за миф на арабов, доктор Гейки, по-видимому, демонстрирует как "исключительную гениальность" своих соотечественников, так и их неспособность распознать шутку.

Не более счастлив он и в своих рационалистических объяснениях всей массы мифов. Он предполагает ужасающую бурю, во время которой молния воспламенила горючие материалы в городах, чему, возможно, способствовало землетрясение; но это показывает склонность отступать от точных утверждений священных книг, которые были бы наиболее сурово осуждены Вселенской Церковью по крайней мере за восемнадцать столетий ее истории. Не лучше обстояли бы дела и с объяснениями сэра Уильяма Доусона: очень сомнительно, что кто-либо из них смог бы сегодня остаться невинным на синоде Свободной церкви Шотландии или какой-либо из ведущих православных организаций Южных штатов Американского союза.(446)

(446) Эти самые последние объяснения см. в цитируемой работе преподобного Каннингема Гейки, д.

Д., а также сэра Дж. У. Доусона "Египет и Сирия", опубликованной Обществом религиозных трактатов, 1887, стр. 125, 126; см. Также статью Доусона в "Экспозиторе" за январь 1886 г.

Насколько неудовлетворительным должен быть весь этот рационализм для истинно теологического ума, видно не только по общению с проф. Робертсоном Смитом в Шотландии и проф. Дж. Вудроу в Южной Каролине, но наиболее отчетливо в книге, опубликованной в 1886 году монсеньором Османом де Вандельбургом. Среди прочего, автор был прелатом папской резиденции, аббатом в митре, каноником храма Гроба Господня и доктором богословия Папского университета в Риме, и его работа представлена одобрительными письмами от папы Льва XIII и Патриарха Иерусалимского. Монсеньор де Вандельбург отвергает идею о том, что соляной столб в Усдуме не является статуей жены Лота; он указывает не только на опасность приписывать это свидетельство чуда рационализму, но и на тот факт, что богодухновенный авторитет Книги Мудрости, написанной самое позднее за двести пятьдесят лет до Рождества Христова, отчетливо ссылается на это. Он вызывает Иосифа Флавия в качестве свидетеля. Он останавливается на том факте, что святой Климент Римский, Ириней, Игезипп и святой Кирилл, "которые как епископ Иерусалима, должно быть, знали лучше, чем кто-либо другой, что существовало в Палестине", вместе со святым Иеронимом, святым Златоустом и множеством других, подтверждают, исходя из своих собственных знаний или популярной известности, что останки жены Лота действительно существовали в их время в виде соляного столба; и он торжествующе указывает на тот факт, что лейтенант Линч нашел именно этот столб. В присутствии такого непрерывного ряда свидетелей, некоторые из которых считаются

богодухновенными, и все они глубоко почитаемы — линия, протянувшаяся на три тысячи семьсот лет, — он самым решительным образом осуждает всех тех, кто не верит, что соляной столп, находящийся сейчас в Усдуме, идентичен жене Лота, и клеймит их как людей, которые "не желают верить в истинность Слова Божьего".

Его незнание многих простейших фактов, имеющих отношение к легенде, очень поразительно, однако он без колебаний называет людей, которые знают гораздо больше и гораздо больше думали по этому поводу, "вопиющими невеждами". Самой любопытной чертой его невежества является тот факт, что он совершенно не осведомлен о ежегодных изменениях в соляной статуе. Он совершенно не осведомлен о таких фактах, как то, что священник Габриэль Жиро в шестнадцатом веке нашел статую лежащей; что монах Цвиннер нашел ее в семнадцатом веке стоящей в сопровождении собаки, также превратившейся в соль; что князь Радзивилл вообще не нашел статуи; что благочестивый Винсент Бримл в восемнадцатом веке обнаружил, что памятник обновляется; что примерно в середине девятнадцатого века Линч нашел ее в форме башни или колонны высотой сорок футов; что в течение двух лет после этого Де Сольси обнаружил, что ее смыло водой и придало ей форму шпиля; что год спустя Ван де Вельде обнаружил, что его полностью смыло водой; и что несколько лет спустя Палмер обнаружил, что это "статуя, поразительно похожая на арабскую женщину с ребенком на руках". Так закончилась последняя на данный момент великая демонстрация на стороне священной науки — последний отход теологического арьергарда.

Следует лишь сказать, что очень большая доля в чести победы науки в этой области принадлежит людям, получившим образование теологов. Это было бы естественно, поскольку лишь немногие другие посвятили себя непосредственному труду в этой области; тем не менее, большая честь принадлежит таким людям, как Реланд, Марити, Смит, Робинсон, Стэнли, Тристрам и Шат.

Они оказали религии даже большую услугу, чем науке, поскольку положили начало, по крайней мере, отказу от навязанной веры в мифы как в историю, которая стала самой серьезной опасностью для христианства.

Ибо злейший враг христианства ничего так не желает, как того, чтобы его главные лидеры доказали, что оно может быть принято только теми, кто принимает как исторические утверждения, которые непредвзятые люди во всем мире считают мифическими. Результатом такой демонстрации было бы только все больше и больше превращать мыслящих людей внутри Церкви в лицемеров, а мыслящих людей снаружи — в насмешников. Гораздо лучше приветствовать помощь науки в убеждении, что вся истина едина, и в свете этой истины позволить теологии и науке работать вместе в неуклонной эволюции религии и морали.

Открытия, сделанные науками, которые самым непосредственным образом имеют дело с историей человека, все сходятся в истине, что на ранних стадиях этой эволюции моральные и духовные учения должны быть заключены в мифы, легенды и притчи. "Мастер" почувствовал это, когда подарил окружающим его бедным крестьянам, а значит, и всему миру, свои простые и красивые иллюстрации. Проясняя эту истину, наука даст религии гораздо больше, чем отнимет, ибо она вдохнет новую жизнь и свет во всю священную литературу.

ГЛАВА XIX. ОТ КНИГИ ЛЕВИТ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВРАЖДЕБНОГО ОТНОШЕНИЯ К ССУДАМ ПОД ПРОЦЕНТЫ.

Среди вопросов, по которым сторонники правильного разума в политической и социальной науке смогли победить теологическую оппозицию только после столетий войн, является взимание процентов по займам. Едва ли в какой-либо борьбе жесткое следование букве наших священных книг было более длительным и пагубным.

Конечно, если критерием истины в отношении любой доктрины является учение святого Винсента Леринского — что Церковь придерживалась его "всегда, везде и всеми", — то ни в чем христианин наших дней не может быть более уверен, чем в том, что каждое сберегательное учреждение, каждая ссудная и трастовая компания, каждый банк, каждый заем капитала частным лицом, каждое средство, с помощью которого накопленный капитал был законно ссужен даже под самые умеренные проценты, чтобы сделать людей работниками, а не нищими, основано на смертном грехе.

Ранняя эволюция веры в то, что брать проценты за деньги греховно, представляет собой любопытное сочетание метафизических, теологических и гуманитарных идей.

В главном центре древнегреческой цивилизации выдача денег займы под проценты была принята в ранний период как условие производственной деятельности, и никаких юридических ограничений введено не было. В Риме шел длительный процесс развития: жадность кредиторов в ранние времена привела к принятию законов, запрещающих взимание процентов; но, хотя они просуществовали долго, тот сильный практический смысл, который придал Риму мировую империю, в конце концов заменил этот абсолютный запрет установлением ставок законом. Однако многие ведущие греческие и римские мыслители выступали против такого практического решения вопроса, и, прежде всего, Аристотель. В метафизическом смысле он заявил, что деньги по своей природе "бесплодны"; что рождение денег из денег, следовательно, "неестественно"; и, следовательно, получение процентов заслуживает порицания и ненависти. Платон, Плутарх, оба Катона, Цицерон, Сенека и различные другие лидеры античной мысли пришли во многом к тому же выводу — иногда из сочувствия к

угнетенным должникам; иногда из неприязни к ростовщикам; иногда из простого презрения к торговле.

Из этих источников в раннюю Церковь зародился зародыш богословской теории по этому вопросу.

Но гораздо большим был поток влияния еврейских и христианских священных книг. В Ветхом Завете были различные тексты, осуждающие ростовщичество — термин "ростовщичество" означает любое получение процентов: закон Моисея, хотя и разрешал ростовщичество в отношениях с иностранцами, запрещал его в отношениях с евреями. В Новом Завете, в Нагорной проповеди, приведенной святым Лукой, стоял текст "Давай займы, снова ни на что не надеясь". Эти тексты, казалось, гармонировали с самой прекрасной чертой первобытного христианства - его нежной заботой о бедных и угнетенных: отсюда мы видим, что с самого раннего периода Церковь всем своим весом выступала против взимания процентов за деньги.(448)

(448) Об общем допущении процента на деньги в Греции, даже при высоких ставках, см. Бокх, "Общественная экономика афинян", переведенная Лэмбом, Бостон, 1857, особенно главы. xxii, xxiii и xxiv книги i. Взгляд Аристотеля на ростовщичество см. в его книге "Политика и экономика", переведенной Уолфордом, стр. 27; также Гроте, "История Греции", т. iii, глава xi. Краткое изложение мнений в Греции и Риме и их отношение к христианской мысли см. Бом-Баверк, "Капитал и проценты", переведенный Смартон, Лондон, 1890, глава i. Полный список текстов Священных Писаний, направленных против получения процентов, см. Пирсон, "Теории ростовщичества" в Европе, 1100-1400, Кембридж (Англия), 1876, стр. 6. Наиболее часто цитируемыми текстами были Левит xxv, 36, 37; Второзаконие xxiii, 19 и 26; Псалмы, xv, 5; Иезекииль, XVIII, 8 и 17; святой Лука, vi, 35. О любопытном их современном использовании см. Речь Д. С. Дикинсона в штате Нью-Йорк, в т. i из его собрания сочинений. См. также Леки, История рационализма в Европе, том. ii, глава. vi; и прежде всего, как самое недавнее историческое резюме, сделанное ведущим историком политической экономии Бомом-Баверком, как указано выше.

Великие отцы Восточной Церкви, и среди них святой Василий, Святой Златоуст и святой Григорий Нисский, — отцы Западной Церкви, и среди них Тертуллиан, святой Амвросий, Святой Августин и святой Иероним, самым искренним образом присоединились к этому осуждению. Святой Василий осуждает деньги под проценты как "плодовитое чудовище" и говорит: "Божественный закон ясно провозглашает: "Не давай займы под ростовщичество брату твоему или ближнему твоему". Святой Григорий Нисский призывает на того, кто дает деньги под проценты, месть Всемогущего. Святой Златоуст говорит: "Что может быть неразумнее, чем сеять без земли, без дождя, без плуга? Все те, кто отдается этой проклятой культуре, пожнут только плевелы. Давайте прекратим это чудовищное рождение золота и серебра; давайте остановим это отвратительное плодородие".

Лактанций называл получение процентов "грабежом". Святой Амвросий объявил это таким же ужасным, как убийство, святой Иероним облек аргумент в форму дилеммы, которая веками

использовалась как оружие против ростовщиков. Папа Лев Великий торжественно признал это грехом, достойным сурового наказания.(449)

(449) Что касается святого Василия и святого Григория Нисских, см. Французский перевод их обличительных речей в *Homelies contre les Usuriers*, Париж, Hachette, 1861-62, особенно стр. 30 святого Василия. О некоторых сомнительных оговорках святого Августина см. Мюррей, "История ростовщичества". О святом Амвросии см. *De Officiis*, lib. iii, глава. ii, в Migne, патр. лат., т. xvi; также Де Товия, в Migne, т. xiv. Для Св. Августин, см. *De Bapt. contr Donat.*, lib. iv, глава. ix, in Migne, vol. xliii. О Лактанции см. Его оперу, Лейден, 1660, стр. 608. Что касается Киприана, смотрите в его Свидетельствах против евреев, переведенных Уоллисом, книга iii, статья 48. О святом Иерониме см. Его Ком. в книге Иезекииля, xviii, 8, в Migne, т. xxv, стр. 170 и далее. Что касается Льва Великого, см. Его письмо епископам различных провинций Италии, цитируемое в *Jus. Can.*, cap. vii, может. xiv, вопрос 4. Для очень точных изложений позиции отцов церкви по этому вопросу см. Аддиса и Арнольда, *Католический словарь*, Лондон, 1884, и Смита и Читама, *Словарь христианских древностей*, Лондон, 1875-80; в каждом из них под статьей Ростовщичество.

Это единодушие отцов Церкви привело к кристаллизации враждебности к процентным займам в бесчисленных постановлениях пап, соборов, королей и законодательных органов по всему христианскому миру на протяжении более чем полутора тысяч лет, и каноническое право формировалось в соответствии с ними. Сначала они были в большей степени направлены против духовенства, но вскоре мы обнаруживаем, что они распространяются и на мирян. Эти запреты были введены в действие Арльским собором в 314 году, и современный апологет Церкви настаивает на том, что каждое великое собрание Церкви, от Собора в Эльвире в 306 году до Собора во Вене в 1311 году включительно, торжественно осуждало ссужение денег под проценты. Величайшие правители, находившиеся под влиянием Церкви, — Юстиниан в Восточной империи; Карл Великий в Западной империи; Альфред в Англии; Людовик Святой во Франции — полностью подчинились этой догме. В девятом веке Альфред зашел так далеко, что конфисковал поместья ростовщиков, отказав им в захоронении на Освященной земле; аналогичные указы были изданы и в других частях Европы. В двенадцатом веке греческая церковь, по-видимому, несколько смягчила свою строгость, но Римская церковь стала более суровой. святой Ансельм доказал на основании Священного Писания, что получение процентов является нарушением Десяти заповедей. Питер Ломбард в своих Приговорах сделал получение процентов чистой воды кражей. Святой Бернард, возрождая религиозную серьезность в Церкви, придерживался той же точки зрения. В 1179 году Третий Латеранский собор постановил, что нераскаившиеся ростовщики должны быть отстранены от алтаря, от отпущения грехов в час смерти и от христианского погребения. Папа Урбан III повторил заявление о том, что отрывок из евангелия от Луки запрещает получение каких бы то ни было процентов. Папа Александр III заявил, что запрет в этом вопросе никогда не может быть отменен распоряжением.

В XIII веке папа Григорий IX нанес особенно серьезный удар по торговле, заявив, что даже выдача денег под проценты, необходимых для морской торговли, является отвратительным

ростовщицеством; и за этим последовал Григорий X, который запретил христианское погребение виновных в этой практике; Лионский собор вынес такое же наказание. Эта идея была еще более прочно закреплена в мире двумя величайшими мыслителями того времени: во-первых, святым Фомой Аквинским, который внедрил ее в сознание Церкви, используя Священные Писания и Аристотеля; а затем Данте, который изобразил ростовщиков в одном из худших уголков ада.

Примерно в начале четырнадцатого века "утонченный врач" средневековья Дунс Скот представил миру изысканную аргументацию в обход общепринятой доктрины; но все напрасно: Венский собор под председательством папы Климента V объявил, что если кто-либо "будет упорно утверждать, что получение процентов за деньги не является грехом, мы объявляем его еретиком, заслуживающим наказания". Это непогрешимое высказывание придало догмату дополнительную силу в сознании Вселенской Церкви.

И эта доктрина навязывалась не только правителями; народ был не менее усерден. В 1390 году городские власти Лондона постановили, что "если какое-либо лицо одолжит или передаст в руки кому-либо золото или серебро с целью получения таким образом выгоды, такое лицо понесет наказание ростовщика". И в том же году Палата общин обратилась к королю с просьбой о том, чтобы лондонские законы против ростовщицества имели силу статута по всему королевству.

В пятнадцатом веке Церковный собор в Зальцбурге отстранил от причастия и погребения любого, кто брал проценты за деньги, и это было очень общим правилом по всей Германии.

Иногда действительно делалось исключение: некоторые канонисты считали, что евреям можно разрешить брать проценты, поскольку они в любом случае будут прокляты, а их монополия на ростовщицество может помешать христианам потерять свои души, занявшись этим бизнесом. Тем не менее, даже евреи время от времени подвергались наказанию за преступление ростовщицества; а что касается христиан, то наказание применялось как к мертвым, так и к живым — тела мертвых ростовщиков тут и там выкапывали и выбрасывали из освященной земли.

Популярные проповедники постоянно выступали против всех, кто проявлял интерес. Средневековые сборники анекдотов для использования с кафедры особенно полны по этому поводу. Жак де Витри рассказывает нам, что однажды демоны наполнили рот мертвого ростовщика раскаленными монетами; Цезарий Гейстербахский заявил, что была найдена жаба, засовывающая монету в сердце мертвого ростовщика; в другом случае видели, как дьявол заливал расплавленное золото в горло мертвого ростовщика.(450)

(450) Перечень советов, осуждающих взимание процентов за деньги, см. в Liegeois, Essai sur l'Histoire et la Legislation de l'Usure, Париж, 1865, стр. 78; также в Католическом словаре, как указано выше. Для получения любопытных дополнительных подробностей и источников, касающихся средневекового ужаса перед

ростовщиками, см. Дюканж, Глоссарий и др., статью Каорчини. Дата 306 года, для Совета Эльвиры, назначена Хефеле. Об указе Александра III см. Цитату из латинского текста в Lesky.

Длинный перечень церковных и гражданских указов против получения

процентов см. в Petit, Traite de l'Usure, Париж, 1840. Рассуждения, лежащие в основе этого, см. Каннингем, "Христианское мнение о ростовщичестве", Лондон, 1884. О зальцбургских декретах см. Zillner, Salzburgische Culturgeschichte, стр. 232; а о Германии в целом см. Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland, Halle, 1865, особенно стр. 22 и последующие; также Roscher, National-Oeconomis. О последствиях неправильного перевода отрывка из евангелия от Луки в Вульгате см. Доллинджер, стр. 170, и особенно стр. 224, 225 О капитуляриях Карла Великого против ростовщичества см. Льежуа, стр. 77. О Григории X и Лионском соборе см. Sextus Decretalium liber, стр. 669 и далее. О Питере Ломбарде см. в его библиотеке. Сентенциариум, III, разд. xxxvii, 3. О святом Фоме Аквинском см. В его работах, Migne, vol. iii, Париж, 1889, quaestio 78, стр. 587 и далее., цитируя Священные Писания и Аристотеля и особенно развивая метафизическую идею Аристотеля относительно "бесплодия" денег. Для очень хорошего изложения идей святого Фомы см. Pearson. стр. 30 и далее. Что касается Данте, то в песне xi "Ада" он видит откровение поразительной глубины враждебности к проявлению интереса. О лондонском законе 1390 года и петиции к королю см. Каннингем, Рост английской промышленности и торговли, стр. 210, 326; также Краткое изложение записей в Лондонском Тауэре, стр. 339. Теорию о том, что евреям, уже будучи проклятыми, можно разрешить заниматься ростовщичеством, см. в Liegeois, Histoire de l'Usure, стр. 82. Точку зрения святого Бернара см. в Epist. CCCLXIII, в Migne, том. clxxxii, стр. 567. Идеи и анекдоты для использования проповедниками см. Джоаннес а Сан Джеминиано, "Сумма примеров", Антверпен, 1629, стр. 493, а; также издание Венеции, 1584, стр. 132, 159; но особенно, для множества примеров, см. Exempla Жака де Витри, под редакцией проф. Т. Ф. Крейна из Корнельского университета, Лондон, 1890, стр. 203 и далее. Что касается канонического права в отношении процентов, см. Длинный ряд авторитетных источников, цитируемых в Книге "Вучерфрадз", Сент-Луис, 1869, стр. 92 и далее, и особенно в постановлении. Грегор., библиотека v, лит. 19, загл. iii и Clementin., lib. v, lit. 5, с. 2; см. также Свод юридических канонов, Париж, 1618, стр. 227, 228. О позиции Английской церкви см. в "Своде законов" Гибсона Ecclesiastici Anglicani, стр. 1070, 1071, 1106.

Эта теологическая враждебность к проявлению интереса была прочно закреплена в каноническом праве. Снова и снова он определял ростовщичество как получение чего-либо ценного сверх точной первоначальной суммы займа; и с санкции Вселенской Церкви он осудил это как преступление и объявил всех лиц, защищающих это, виновными в ереси. Что это означало, мир знает слишком хорошо.

Эта сознательная политика сильно затормозила всю эволюцию европейской цивилизации. В большинстве стран деньги можно было давать займы только с риском навлечь на себя ненависть в этом мире и проклятие в следующем; следовательно, у них было мало капитала и мало кредиторов. Процентные ставки временами становились огромными; они достигали сорока процентов в Англии и десяти процентов в месяц в Италии и Испании. Торговля,

мануфактуры и общее предпринимательство были ничтожны, в то время как пауперизм процветал.

Но еще хуже были моральные последствия. Совершение того, что человек считает злом, уступает по плохим последствиям лишь тому, что является действительно злом; следовательно, любое кредитование и заимствование, даже для самых законных целей и по самым разумным ставкам, имеет тенденцию унижать как заемщика, так и кредитора. Запрет на кредитование под проценты в континентальной Европе способствовал распространению роскоши и препятствовал развитию экономики; богатые, которые не занимались бизнесом, не находя простого способа продуктивно использовать свои доходы, тратили их в основном на показную и разгульную жизнь. Одно пагубное воздействие ощущается во всех частях света и по сей день. Евреи, столь острые по интеллекту и сильные по воле, были фактически вытеснены из всех других отраслей промышленности или профессий теорией о том, что их раса, будучи проклятой, приспособлена только к ненавистной профессии ростовщика.(451)

(451) О пагубных экономических результатах, и особенно о повышении нормы процента в Англии и других странах временами до сорока процентов, см. Каннингем, Рост английской промышленности и торговли, Кембридж, 1890, стр. 189; а о ее повышении до десяти процентов в месяц см. Бедаррид, "Les Juifs en France, en Italie, at en Espagne", стр. 220; см. также "Средние века" Халлама, Лондон, 1853, стр. 401, 402. О пагубных моральных последствиях церковной доктрины против получения интереса см. Монтескье, "Дух Луи", глава xxi. xx; см. также Сисмонди, цитируемого в Lecky. О шутках с совестью, различии между "потребляемыми" и "грибами", "possessio" и "dominium" и т.д. См. Эшли, Английская экономическая история, Нью-Йорк, стр. 152, 153; см. также Леопольд Делиль, Этюды, стр. 198, 468. О влиянии этих доктрин на евреев, см. Milman, History of the Jews, vol. iii, стр. 179; также Велльхаузен, История Израиля, Лондон, 1885, стр. 546; также Беньо, "Les Juifs d'Occident", Париж, 1824, ч. 2, стр. 114 (о вытеснении евреев из других отраслей, кроме ростовщичества). Об известном средневековом уклонении от церковных правил, направленных против ростовщичества, см. Перуцци, История торговли и дела Банчьеры ди Флоренце, Флоренция, 1868, стр. 172, 173.

Это зло стало настолько очевидным, когда в пятнадцатом веке торговля начала возрождаться по всей Европе, что были предприняты самые серьезные усилия, чтобы побудить Церковь изменить свою позицию.

Первая важная попытка такого рода была предпринята Джоном Джерсоном. Его общая образованность сделала его ректором Парижского университета; его духовные познания сделали его ведущим оратором на Констанцском соборе; его благочестие побудило людей приписывать ему подражание Христу. Сбросив теологические оковы, он заявил: "Лучше давать деньги займы под разумные проценты и таким образом оказывать помощь бедным, чем видеть, как нищета вынуждает их воровать, разбазаривать свои товары и продавать по низкой цене свою личную и недвижимую собственность".

Но эта идея была сразу же похоронена под цитатами из Священного Писания, отцов церкви, соборов, пап и канонического права. Даже в самых активных странах, казалось, не было никакой надежды. В Англии при Генрихе VII кардинал Мортон, лорд-канцлер, обратился к парламенту с просьбой принять во внимание денежные займы под проценты. Результатом стал закон, который налагал на ссудополучателей штраф в размере ста фунтов, помимо аннулирования займа; и, чтобы показать, что речь шла о преступлении против религии, был добавлен пункт, "оставляющий за Церковью, несмотря на это наказание, исправление их душ в соответствии с законами того же государства".

Аналогичные постановления были приняты гражданскими властями в различных частях Европы; и как раз тогда, когда торговля и мануфактуры новой эпохи получили огромный импульс от серии великих открытий, совершенных такими людьми, как Колумб, Васко да Гама, Магеллан и Каботы, этот барьер против предприимчивости был усилен указом не менее просвещенного понтифика, чем Лев X.

Народные настроения оправдывали такие указы. Еще в конце средневековья мы находим, что жители Пьяченцы вытаскивали тело ростовщика из могилы в освященной земле и бросали его в реку По, чтобы остановить продолжительный ливень; подобные вспышки были часты и в других странах. (452)

(452) Аргумент Джерсона в пользу разумной процентной ставки см. Коклен и Гийомен, Словарь, статья *Interet*. О возобновившемся противодействии проявлению интереса к Англии см. Крейк, История британской торговли, глава vi. Цитируемый статут - 3 Генриха VII, глава vi; он находится в "Своде законов Эклза" Гибсона. Англ., стр. 1071. О неблагоприятном указе Льва X см. *Liegeois*, стр. 76. См. также *Lecky*, Рационализм, том ii. О том, как вытаскивали тело ростовщика в Пьяченце, см. Буркхардт, "Возрождение в Италии", Лондон, 1878, т. ii, стр. 339. Об общественном мнении аналогичной силы по этому вопросу в Англии см. Каннингем, стр. 239; также Пайк, "История преступности в Англии", том i, стр. 127, 193. Хорошие общие замечания по этому поводу см. Стивен, История уголовного права Англии, Лондон, 1883, том. iii, стр. 195-197. О законах Кастилии и Арагона о ростовщичестве см. *Bedarride*, стр. 191, 192. Чрезвычайно ценные подробности об отношении средневековой церкви см. у Леопольда Делиля, "Этюды о классной агриколи в Нормандии в молодости", Эвре, 1851, стр. 200 и далее, также стр. 468. О штрафных санкциях во Франции см. Мэтью Пэрис, "Большая хроника", в серии "Роллс-ройс", особенно в т. iii, стр. 191, 192. О любопытном уклонении, санкционированном папами Мартином V и Каликстом III, когда церковные корпорации стали ростовщиками, см. Х. К. Ли о церковном отношении к ростовщичеству в *Yale Review* за февраль 1894 года. Для подробной разработки интересных второстепенных моментов см. *Ashley, Introduction to English Economic History and Theory*, vol. ii, глава vi.

Был испробован другой способ получения облегчения. Утонченные теологи изобретали разного рода отговорки. Два из этих изобретений схоластов получили большую известность.

Первой была доктрина "damnum emergens": если кредитор понес убытки из-за того, что заемщик не вернул ссуду в указанный срок, может быть произведена компенсация. Таким образом, если было установлено, что номинальная дата платежа следует сразу за реальной датой предоставления кредита, компенсация за ожидаемую задержку платежа имела очень сильное сходство с процентами. Столь же убедительной была доктрина "выгодоприобретения": если человек, чтобы давать деньги в займы, был вынужден уменьшить свой доход от производственных предприятий, утверждалось, что взамен он мог получить, в дополнение к своим деньгам, сумму, в точности равную этому уменьшению его дохода.

Но большая часть теологов отнеслась к подобным уверткам без особой симпатии, и против них с триумфом приводилось имя святого Фомы Аквинского.

Противодействие проявлению интереса на библейских основаниях относилось не только к более старой Церкви. Протестантизм был приведен Лютером и несколькими его единомышленниками к тому же направлению мысли и практики. Сказал Лютер. "Обменивать что-либо с кем-либо и получать прибыль от обмена - это не благотворительность, а воровство. Каждый ростовщик - вор, достойный виселицы. Я называю ростовщиками тех, кто ссужает деньги под пять или шесть процентов". Но это лишь для того, чтобы сказать, что в более поздний период Лютер придерживался гораздо более умеренных взглядов. Меланхтон, определяя ростовщичество как любой процент вообще, осуждал его снова и снова; а Катехизис Гольдберга 1558 года, к которому он написал предисловие и рекомендации, объявляет каждого человека, берущего проценты за деньги, вором. Из поколения в поколение это учение поддерживалось наиболее выдающимися богословами лютеранской церкви во всех частях Германии. Английские реформаторы проявляли такую же враждебность к процентным займам. При Генрихе VIII закон Генриха VII о запрете получения процентов был изменен к лучшему; но возрождение религиозных чувств при Эдуарде VI привело к принятию в 1552 году "Билля о ростовщичестве". В этом сказано: "Поскольку ростовщичество по слову Божьему полностью запрещено, как порок самый одиозный и отвратительный, как это очевидно видно во многих местах Священного Писания, что никакими благочестивыми учениями и убеждениями не может проникнуть в сердца различных жадных, немилосердных и алчных людей этого царства, равно как и какими-либо ужасными угрозами Божьего гнева и мести" и т.д., предписывается, что всякий, кто после этого будет давать деньги в займы "для любого вида ростовщичества, увеличения прибыли", , выгода или проценты, которые будут получены или на которые можно надеяться", лишаются основной суммы и процентов и подвергаются тюремному заключению и штрафу по усмотрению короля.(453)

(453) О взглядах Лютера см. Его проповедь, Фон дем Вухер, Виттенберг, 1519 г.; также Застольная беседа, цитируемая в статье Коклена и Гийомена, Interet. О более поздних, более умеренных взглядах Лютера, Меланхтона и Цвингли, идущих на компромисс с потребностями общества, см. Бом-Баверк, стр. 27, цитируя Вискемана. О Меланхтоне и длинном ряду самых выдающихся лютеранских богословов, которые осуждали получение процентов, см. Die Wucherfrage, Сент-Луис, 1869, стр. 94 и далее. О законе против ростовщичества при Эдуарде VI см. "Парламентскую историю" Коббетта, том i, стр. 596; см. также Крейк, "Историю британской торговли", глава vi.

Но, к счастью, случилось так, что Кэлвин, хотя временами и спотыкался на обычных текстах, направленных против взимания процентов за деньги, в конце концов повернул в правильном направлении. Он опроверг метафизические аргументы Аристотеля и охарактеризовал тонкости, придуманные для того, чтобы обойти Священные Писания, как "детскую игру с Богом". Вместо этих тонкостей среди протестантов была разработана полезная фикция — утверждение, что ростовщичество означает НЕЗАКОННЫЙ ИЛИ ПОДАВЛЯЮЩИЙ ИНТЕРЕС. Под действием этой выдумки коммерция быстро возродилась в протестантских странах, хотя и со случайными проверками со стороны точных толкователей Священного Писания. В тот же период во Франции великий протестантский юрист Дюмулен применил все свои юридические познания и навыки в казуистике на той же стороне. Определенная хитроумность и гибкость, по-видимому, позволяли ему отслеживать противников получения процентов с помощью самых извилистых аргументов схоластики.

В Англии борьба шла с переменным успехом; государственные деятели были на одной стороне, а теологи — на другой. Мы видели, как при Генрихе VIII был разрешен фиксированный процент и как, поскольку развитие английского протестантизма поначалу укрепило старые богословские взгляды, при Эдуарде VI была предпринята временно успешная попытка законодательно запретить получение процентов.

Пуритане, опиравшиеся на тексты Ветхого Завета, в течение значительного времени сохраняли особую враждебность к проявлению какого-либо интереса. Генри Смит, известный проповедник, громыхал с кафедры церкви Святого Клемента Дейнса в Лондоне против "уклонений от Священного Писания", которые вообще разрешали людям давать деньги в долг под проценты. В ответ на утверждение о том, что только "кусачий" ростовщичество было репрессивным, Уилсон, известный сторонник строгих теологических взглядов в политической экономии, заявил: "На деле есть разница между укусом собаки и укусом блохи, и все же, хотя блоха наносит меньший вред, все же блоха кусает по-своему, да, и пускает кровь. Но что это за мир, что люди превращают грех всего лишь в блохастика, когда видят, что слово Божье направлено прямо против них!"

Та же точка зрения нашла сильных сторонников среди современных английских католиков. Один из самых выдающихся из них, Николас Сандерс, очень энергично возродил использование старого схоластического аргумента. Он настаивал на том, что "человек не может продать время", что время — это не собственность человека, а нечто, данное только Богом: он заявил: "Время было не вашим даром вашему ближнему, а Божьим даром вам обоим".

В парламенте того периода мы находим решительные утверждения старой идеи с постоянными ссылками на Священное Писание и отцов церкви. В одной из дискуссий Уилсон процитировал Иезекииля и других пророков и приписал святому Августину доктрину о том, что "взять всего лишь чашу вина — это ростовщичество и достойно осуждения". Флитвуд напомнил о законе короля Эдуарда Исповедника, который подвергал ростовщиков суровым испытаниям.

Но аргументы такого рода оказывали мало влияния на Елизавету и ее государственных деятелей. Угрозы проклятия на том свете их мало беспокоили, если они могли добиться своего в этом. Они восстановили практику получения процентов в условиях ограничений, и с тех пор она в различных формах сохраняется в Англии. Наиболее заметным на этом этапе эволюции научной доктрины политической экономии того периода является появление общепризнанного различия между РОСТОВЩИЧЕСТВОМ и ПРОЦЕНТОМ. Между этими двумя словами, которые так

долго были синонимами, теперь появляется различие: первое истолковывается как обозначение ПОДАВЛЯЮЩЕГО ПРОЦЕНТА, а второе - ПРОСТО СТАВКИ за использование денег. Эта идея постепенно проникла в массовое сознание протестантских стран, и тексты Священного Писания больше не представляли никаких трудностей для широких слоев населения, поскольку возникло всеобщее убеждение, что слово "ростовщичество" в том виде, в каком оно используется в Священном Писании, ВСЕГДА означало непомерные проценты; и это несмотря на притчу о талантах. Тем не менее, то, что старая аристотелевская уловка не была полностью забыта, ясно видно по различным отрывкам из "Венецианского купца" Шекспира. Но эта линия рассуждений, похоже, получила свое продолжение от лорда Бэкона. На самом деле он не развил сильной и связной аргументации по этому вопросу, но он разорвал оковы Аристотеля и основал денежный процент на законах природы. Насколько мощным было новое течение мысли, видно из того факта, что Яков I, из всех монархов наиболее скованный схоластикой и теологией, санкционировал закон, регулирующий проценты на деньги, как абсолютно необходимый. Тем не менее, даже после этого старая идея заявила о себе; ибо епископы категорически отказывались соглашаться с законом, разрешающим взимание процентов, пока не была включена оговорка, что "ничто из содержащегося в этом законе не должно толковаться или разъясняться как разрешающее ростовщическую практику с точки зрения религии или совести". Старая точка зрения время от времени всплывала в различных публичных заявлениях. Известными среди них были "Трактат о ростовщичестве", опубликованный в 1612 году доктором Фентоном, который с большой силой повторил старые аргументы, и "Осуждение ростовщичества" Джона Блэкстона, опубликованное в 1634 году. Блэкстон, который также был священнослужителем, определил ростовщичество как получение любых процентов за деньги, сославшись в поддержку этой точки зрения на шесть архиепископов и епископов и более тридцати докторов богословия в англиканской церкви, некоторые из их высказываний были очень жестокими, и все они уходят своими корнями в тексты Священного Писания. Типичной среди них является проповедь епископа Сэндса, в которой он заявляет относительно взимания процентов: "Эта язва развратила всю Англию; мы окажем истинную услугу Богу и нашей стране, устранив это зло; подавим его законом, иначе тяжелая рука Божья нависнет над нами и поразит нас".

II. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ, ПРОТЕСТАНТСКОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ.

Но примерно в середине семнадцатого века сэр Роберт Филмер нанес этой доктрине самый тяжелый удар, который она когда-либо получала в Англии. Взяв в руки трактат доктора Фентона, он ответил на него, как и на все подобные ему работы, способом, который, каким бы неподходящим для нашего века, был превосходно приспособлен к тому. Он цитирует Священное Писание и виртуозно использует логику. Характерно это заявление: "Св. Павел на одном дыхании перечисляет семнадцать грехов, и все же ростовщичество не входит в их число; но многие проповедники не могут сосчитать семь смертных грехов, за исключением того, что

они делают ростовщичество одним из них ". Филмер следовал Фентону не только в его теологии, но и в его политической экономии с такой неумолимой проницательностью, что, по-видимому, старая доктрина была практически уничтожена, что касалось Англии.

Отступления от строгих доктрин Священного Писания относительно процентов вскоре стали частыми в протестантских странах, и за ними с особой энергией следили в Голландии. Различные богословы голландской церкви пытались отстаивать точку зрения Священного Писания, исключая банкиров из святого причастия; но коммерческая мощь республики была слишком велика: Салмасий блестяще руководил силами здравого смысла, и к середине семнадцатого века вопрос в этой стране был решен справедливо. Этой работе действительно помогал гораздо более великий человек, Гуго Гроций; но здесь была показана сила устоявшейся догмы. Каким бы великим ни был Гроций — и вполне можно утверждать, что его книга о войне и мире принесла человечеству больше пользы, чем любая другая, приписываемая человеческому авторству, — он был слишком запутан в теологических рассуждениях, чтобы отдать должное своему делу или самому себе. Он объявил, что это запрещено Священным Писанием, но воспротивился доктрине Аристотеля и разрешил взимать проценты по определенным естественным и практическим соображениям.

В Германии борьба длилась дольше. Возможно, не имеет большого значения требование Адама Контцена в 1629 году о том, чтобы кредиторы, получающие проценты, были наказаны как воры; но к концу семнадцатого века Пуффендорф и Лейбниц одержали победу.

Протестантизм, каким бы открытым он ни был для течений современной мысли, не мог долго оставаться под властью идей, неблагоприятных для экономического развития, и, возможно, самое замечательное доказательство этого было представлено в начале восемнадцатого века в Америке не менее строгим теологом, чем Коттон Мазер. В своей "Магналии" он выступает против всей теологической точки зрения со смелостью, остротой и здравым смыслом, которые заставляют нас удивляться, что это может быть тот же самый человек, который был так увлечен колдовством. После такого убедительного аргумента, как у него, от старой антиэкономической доктрины в Новой Англии мало что могло остаться.(454)

(454) О взглядах Кальвина читайте в его письме, опубликованном в приложении к "Теориям Пирсона о ростовщичестве". Его позиция хорошо изложена в Бом-Баверке, стр. 28 и далее, где приведены цитаты. См. также Экономические трактаты, Нет. IV, Нью-Йорк, 1881, стр. 34, 35; а о некоторых полезных протестантских вымыслах см. Каннингем, "Христианское мнение о ростовщичестве", стр. 60, 61. О Дюмулене (Молинейусе) см. Бом-Баверк, как указано выше, стр. 29 и далее. О дебатах о ростовщичестве в британском парламенте во времена Елизаветы см. Коббетт, "Парламентская история", том i, стр. 756 и далее. Поразительный отрывок из Шекспира можно найти в "Венецианском купце", Акт I, сцена iii: "Если ты хочешь одолжить эти деньги, одалживай их не как другу; ибо когда дружба брала у своего друга породу в качестве бесплодного металла?" О правильном направлении, выбранном лордом Бэконом, см. Нейман, "Описание учителей в Германии", Галле, 1864, стр. 497, 498. О Салмасиусе см. Его "De Usuris", Лейден, 1638, а о других упомянутых см. Бом-Баверк, стр. 34 и далее.; также Лекки, том ii, стр. 256. О защитительной оговорке, сделанной епископами в статуте Якова I, см. в Своде законов

Экклза. Англ., стр. 1071; также Мюррей, История ростовщичества, Филадельфия, 1866, стр. 49.

Что касается Блэкстона, смотрите о его английском ростовщике, или Ростовщичестве, осужденном Джоном Блэкстоном, Проповедником Слова Божьего, Лондон, 1634 год. Блэкстон приводит некоторые из более ранних высказываний Кэлвина против процентов. О проповеди епископа Сэндса см. стр. 11. О Филмере см. Его Quaestio Quodlibetica, Лондон, 1652, перепечатано в Harleian Miscellany, том x, стр. 105 и далее. О Гроции см. "Войну за мир де-юре", lib. ii, глава xii. Аргументы Коттона Мазера приведены в "Магналии", Лондон, 1702, стр. 5, 52.

Но в то время как отступление протестантской церкви от старой доктрины относительно получения процентов отныне было легким, в католической церкви это было гораздо сложнее. Непогрешимые папы и соборы со святыми, отцами церкви и докторами настолько постоянно заявляли, что получение каких-либо процентов вообще противоречит Писанию, что более точное, хотя и менее удачное толкование священного текста, касающегося процентов, продолжалось в католических странах. Когда в семнадцатом веке во Франции попытались доказать, что ростовщичество "означает угнетающий процент", теологический факультет Сорбонны заявил, что ростовщичество - это получение любого процента вообще, каким бы незначительным он ни был; и для подтверждения этого аргумента была процитирована восемнадцатая глава Книги Пророка Иезекииля.

Была предпринята еще одна попытка облегчить бремя промышленности и торговли, заявив, что "ростовщичество означает требование процентов не как одолжения, а как права". Это тоже было торжественно осуждено папой Иннокентием XI.

Снова была предпринята попытка найти выход из положения, заявив, что "ростовщичество - это проценты, превышающие допустимые законом". Это тоже было осуждено, как и заявление о том, что "ростовщичество - это проценты по займам не на определенный срок".

Силы здравого смысла продолжали настаивать, и среди них в семнадцатом веке во Франции был Ричард Саймон. Он попытался замаскировать положения Священного Писания против ссуд под проценты в подробном трактате, но немедленно столкнулся с Боссюэ. Точно так же, как Боссюэ смешивал Священное Писание с астрономией и выступал против теории Коперника, так и теперь он смешал Священное Писание с политической экономией и осудил выдачу денег взаймы под проценты. Он привлек внимание к тому факту, что Священные Писания, церковные соборы с самого начала, папы, отцы церкви - все они интерпретировали запрет на "ростовщичество" как запрет на любое одалживание под проценты; и он продемонстрировал, что это толкование является истинным. Саймон был сбит с толку, а его книга осуждена.

Для интерпретации Боссюэ было слишком много оснований. Оставался фактом тот факт, что запрет одного из самых простых и полезных принципов политической и экономической науки был подтвержден не только отцами Церкви, но и двадцатью восемью соборами Церкви, шесть из которых были генеральными соборами, и семнадцатью папами, не говоря уже о бесчисленных докторов богословия и канонического права. И эти запреты Церкви были приняты как имеющие божественное происхождение всеми послушными сынами Церкви в правительстве Франции. Такие правители, как Карл Лысый в девятом веке и Людовик Святой в

тринадцатом, так прочно закрепили эту идею в гражданском праве, что казалось невозможным когда-либо отделить ее.(455)

(455) О декларации Сорбонны в семнадцатом веке против получения процентов см. Леки, Рационализм, том. ii, стр. 248, примечание. Об особом осуждении Иннокентия XI см. *Viva, Damnatae* Тезисы, Павия, 1715, стр. 112-114. Для рассмотрения различных способов избежать трудностей, связанных с процентами, см. Леки, Рационализм, т. ii, стр. 249, 250. Решительное заявление Буссе против получения процентов см. в его произведениях, Париж, 1845-46, т. i, стр. 734, т. vi, стр. 654 и т. Д. ix, стр. 49 и последующие. О количестве соборов и пап, осуждавших ростовщичество, см. Леки, как указано выше, т. ii, стр. 255, примечание со ссылкой на Конкину.

Как и следовало ожидать, Италия была одной из стран, в которых богословская теория ростовщичества — ссуды под проценты - получила наибольшее распространение. Среди огромного числа итальянских канонистов, поддержавших эту теорию, двое заслуживают особого упоминания, поскольку они контрастируют с практическим подходом итальянских коммерсантов к решению этого вопроса.

В шестнадцатом веке очень известным среди канонистов был ученый бенедиктинец Вилагут. В 1589 году он опубликовал в Венеции свой великий труд о ростовщичестве, в котором с большой ученостью и энергией обосновал самые крайние богословские следствия старой доктрины. Он определяет ростовщичество как получение чего-либо сверх первоначального займа и объявляет его смертным грехом; он выступает за отказ ростовщикам в христианском погребении, исповеди, таинствах, отпущении грехов и связи с университетами; он заявляет, что священники, получающие пожертвования от ростовщиков, должны воздерживаться от осуществления своего служения до тех пор, пока дело не будет передано епископом.

Примерно в середине семнадцатого века в Венеции был опубликован еще один увесистый фолиант на ту же тему и с тем же названием, написанный Онорато Леотарди. Пока что он далек от того, чтобы проявлять какие-либо признаки уступчивости, он даже более экстремален, чем Вилагут, и с одобрением цитирует старое заявление о том, что люди, дающие деньги под проценты, являются не только грабителями, но и убийцами.

Насколько мы можем судить, ни в том, ни в другом столетии этой теории как теории не было выдвинуто реальной оппозиции; что касается ПРАКТИКИ, то она была иной. Итальянские торговцы не отвечали на теологические аргументы; они просто отвергли их. Несмотря на теологию, были созданы крупные банки, и особенно венецианский в конце двенадцатого века, а также барселонский и Генуэзский в начале пятнадцатого. Нигде торговля не велась с таким полным пренебрежением к этой и другим теологическим теориям, препятствующим торговле, как в том самом городе, где были опубликованы эти великие трактаты. Грех ростовщичества, как и грех торговли с мусульманами, по-видимому, был искуплен венецианскими купцами на

смертном одре; и в значительной степени к выгоде великолепных церквей и церковных украшений города.

К семнадцатому веку самые ясные мыслители Римской церкви поняли, что ее богословие должно быть приспособлено к политической экономии: так началась серия удивительных попыток примирить точку зрения, разрешающую ростовщичество, с длинной серией декретов пап и соборов, запрещающих его.

В Испании великий казуист-иезуит Эскобар прокладывал путь, и редко кто видел такое изысканное расщепление волос. Но его усилия не были восприняты с той благодарностью, которой они, возможно, заслуживали. Паскаль, возмущенный их моральным воздействием, беспощадно нападал на них в своих Провинциальных письмах, цитируя особенно такие места, как следующие: "Получение прибыли от тех, кому даешь займы, является ростовщичеством, если она взыскивается по справедливости; но если она взыскивается как долг благодарности, это не ростовщичество". Этот и множество подобных отрывков Паскаль покрыл острой насмешкой и негодующим осуждением, в которых он был таким великим мастером.

Но даже гений Паскаля не смог остановить эти усилия. В восемнадцатом веке они были обновлены гораздо более великим богословом, чем Эскобар, — тем, кто впоследствии был причислен к лику святых и провозглашен доктором Церкви, — Альфонсо Лигуори.

Начав с резких обвинений в ростовщичестве, Лигуори вскоре разработал множество тонких приемов, позволяющих избежать вины за него. Представляя длинную и изощренную теорию "ментального ростовщичества", он приходит к выводу, что, если заемщик платит проценты по собственной воле, кредитор может оставить их себе. Отвечая на вопрос, может ли кредитор удержать то, что заплатил заемщик, не из благодарности, а из страха — страха, что в противном случае ему в будущем могут отказать в выдаче ссуды, — Лигуори говорит: "Чтобы быть ростовщичеством, оно должно быть выплачено в соответствии с контрактом или по справедливости; выплата из-за такого страха не приводит к выплате процентов в виде реальной цены". Лигуори снова говорит нам: "Требовать что-либо в обмен на опасность и расходы, связанные с возвращением основного долга, — это не ростовщичество". Старые уловки "Damnum emergens" и "Lucrum cessans" используются в полной мере. Примечательная оговорка содержится в ответе на вопрос, грешит ли тот, кто дает деньги человеку, который, как ему известно, намеревается использовать их в ростовщичестве. Сославшись на положительные мнения многих авторов, Лигуори говорит: "Несмотря на эти мнения, мне кажется, лучшим мнением является то, что человек, таким образом вкладывающий свои деньги, не обязан возмещать ущерб, поскольку его действия не вредят заемщику, а скорее благоприятствуют ему", и это рассуждение святой развивает очень подробно.

В латинских странах такого рода казуистика облегчила отношения Церкви с банкирами, и это было в самый раз; ибо теперь начались споры иного рода. Философия восемнадцатого века вышла на сцену, и первое эффективное наступление политологов против теологической оппозиции в южной Европе было предпринято в Италии — наиболее известными лидерами атаки были Галиани и Маффеи. То тут, то там предпринимались слабые попытки встретиться с ними, но мыслящие церковники все больше и больше ощущали, что необходимо применить совершенно иную тактику.

Примерно в то же время произошел теракт во Франции, и хотя его результаты были менее очевидны дома, за границей они оказались гораздо более эффективными. В 1748 году появилась книга Монтескье "Дух законов". В этой знаменитой книге были сосредоточены двадцать лет изучения и размышлений великого мыслителя об интересах окружающего его мира. За восемнадцать месяцев она выдержала двадцать два издания; была переведена на все цивилизованные языки; и среди вопросов, на которые Монтескье с особой силой применил свое остроумие и мудрость, было учение Церкви о процентах по займам. При этом он был вынужден проявлять осторожность в формах, которые, как ни странно, расходились со смелостью его идей. Ввиду строгости церковного контроля во Франции он считал наиболее безопасным обрушить всю свою атаку на те богословские и экономические безумства мусульманских стран, которые были подобны тем, которые богословский дух навязал Франции.(456)

(456) О Вилауте см. его "Трактат об Узурисе", Венеция, 1589 г., особенно стр. 21, 25, 399. О Леотарди см. его "De Usuris", Венеция, 1655, особенно предисловие, стр. 6, 7 и далее. О Паскале и Эскобаре см. в Provincial Letters под редакцией Сэйреса, Кембридж, 1880, Письмо VIII, стр. 183-186; также примечание к тому же письму, стр. 196. О Лигуори см. его "Theologia Moralis", Париж, 1834, lib. iii, трактат v, глава iii: De Contractibus, дубликат, vii. О нападении восемнадцатого века в Италии см. Бом-Баверк, стр. 48 и далее. О взгляде Монтескье на проценты по ссудам, см. "Дух Луи", глава xxii.

К середине XVIII века церковные власти Рима ясно осознали необходимость уступки: мир больше не будет терпеть теологических ограничений; необходимо найти способ избежать их. Даже самые преданные богословы видели, что простые обвинения и использование богословских аргументов или текстов Священных Писаний против научной идеи бесполезны.

Именно этим чувством было вызвано то, что даже в первые годы столетия иезуитские казуисты пришли на помощь. С изысканной утонченностью некоторые из их самых острых умов посвятили себя объяснению высказываний на эту тему святых, отцов церкви, докторов наук, пап и соборов. Эти объяснения были удивительно остроумны, но многие из старших церковников продолжали настаивать на ортодоксальной точке зрения, и в конце концов вмешался сам папа. К счастью для всего мира, престол Святого Петра в то время занимал Бенедикт XIV, несомненно, один из самых одаренных морально и интеллектуально во всей династии римских понтификов. Терпимый и сочувствующий угнетенным, он видел необходимость поднять этот вопрос и успешно справился с ним: он оказал католицизму услугу, подобную той, которую Кальвин оказал протестантизму, проницательно пробив путь через теологический барьер. В 1745 году он опубликовал свою энциклику *Vix pervenit*, в которой заявил, что доктрина Церкви остается непротиворечивой самой себе; что ростовщичество действительно является грехом и что оно заключается в требовании любой суммы, превышающей точную сумму, предоставленную займы, но что бывают случаи, когда на особых основаниях заимодавец может получить такую дополнительную сумму.

Какими могли быть эти "случаи" и "особые основания", оставалось очень расплывчатым; но этого действия было достаточно.

В то же время не было введено никаких новых ограничений на книги, пропагандирующие получение процентов за деньги, и в год, следующий за его энцикликой, Бенедикт открыто принял посвящение одной из них — работе Маффеи, возможно, самой убедительной из всех.

Подобно казуистике Босковича, использующего теорию Коперника для "удобства аргументации", соглашаясь при этом с ее осуждением церковными властями, эта энциклика папы Бенедикта разрушила чары. Тюрго, Кенэ, Адам Смит, Юм, Бентам и их ученики пошли дальше, и наука одержала для человечества еще одну великую победу.(457)

(457) Что касается Кенэ, см. в его "Наблюдениях об интересе к Оружию" в его произведениях "Франкфурт и Париж", 1888, стр. 399 и далее. О Тюрго см. "Сборники экономистов", Париж, 1844, тома. iii и iv; также Бланки, "История политической экономики", английский перевод, стр. 373. Превосходное, хотя и краткое изложение усилий иезуитов по объяснению старых действий Церкви см. в Lecky, vol. ii, стр. 256, 257. For the action of Benedict XIV, see Reusch, Der Index der Verbotenen Bucher, Bonn, 1885, vol. ii, стр. 847, 848. Комичную картину "трясины", в которую загнала себя иерархия, согласовав свою практику со своей теорией, смотрите у Доллинджера, как указано выше, стр. 227, 228. Хитроумно расплывчатые утверждения о действиях Бенедикта XIV, см. Мastroфини, Sur l'Usure, французский перевод, Лион, 1834, стр. 125, 255. Аббат, как будет видно, без малейших колебаний говорит неправду, чтобы сохранить последовательность действий папы в вопросе ростовщичества — например, стр. 93, 94-96 и в других местах.

Однако в этом случае, как и в других, некоторые чрезмерно ревностные религиозные деятели восстали против господства научной истины. Когда Сорбонна, отступив от своих старых позиций, вооружилась новыми казуистическими приемами против тех, кто придерживался ее прежних решений, различные провинциальные доктора богословия с негодованием протестовали, приводя старые цитаты из Священного Писания, отцов церкви, святых, докторов наук, пап, соборов и канонистов. И снова вмешался римский суд. В 1830 году римская инквизиция с одобрения Пия VIII, хотя все еще отказывалась придерживаться соответствующей ДОКТРИНЫ, постановила, что на ПРАКТИКЕ исповедники больше не должны беспокоить ростовщиков под законные проценты.

Но даже это не успокоило наиболее добросовестных теологов. Старое оружие снова было почищено и пущено в ход аббатом Лабордом, викарием столичной архиепархии Оша, и аббатом Деннавитом, профессором теологии в Лионе. Добрый аббат Деннавит заявил, что он отказывает в отпущении грехов тем, кто проявляет интерес, и священникам, которые утверждают, что санкции гражданского закона достаточно.

Но "мудрость змея" снова была востребована, и в начале десятилетия между 1830 и 1840 годами аббат Мastroфини опубликовал работу о ростовщичестве, которая, как он объявил на титульном листе, продемонстрировала, что "умеренное ростовщичество не противоречит Священному Писанию, или естественному праву, или решениям Церкви". Ничто не может быть более комичным, чем замалчивание истины, уклонение от фактов, жонглирование фразами и извращение истории, к которым аббат вынужден прибегать на протяжении всей своей книги,

чтобы доказать, что Церковь не совершила ошибки. Перед лицом множества недвусмысленных распоряжений и декретов отцов церкви, докторов, пап и соборов, направленных против получения каких бы то ни было процентов за деньги, он хладнокровно притворился, что то, против чего они выступали, было НЕПОМЕРНЫМИ процентами. Он сделал заслугой действия Церкви и показал, что ее курс был благословением для человечества. Но его шедевр связан с эдиктами Климента V и Бенедикта XIV. Что касается первого, то следует помнить, что Климент, в согласии с Венским собором, провозгласил, что "любой, кто упорно осмеливается утверждать, что получение процентов за деньги не является грехом, мы объявляем его наследником, заслуживающим наказания", и мы видели, что Бенедикт XIV нисколько не отклонялся от доктрин своих предшественников. И все же Мastroфини справляется со своей задачей и в качестве заключения своей книги приводит утверждение, вынесенное на титульный лист, о том, что Церковь осуждает лишь НЕПОМЕРНЫЕ проценты.

Эта работа была одобрена различными высокопоставленными церковными сановниками и служила своей цели, поскольку прикрывала отступление Церкви.

В 1872 году Святая канцелярия, отвечая на вопрос, торжественно заданный епископом Ариано, столь же торжественно заявила, что те, кто получает восемь процентов годовых, "не должны беспокоиться"; а в 1873 году появилась книга, изданная по поручению Святого Престола, позволяющая верующим получать умеренные проценты при условии, что любые будущие решения Папы должны выполняться беспрекословно. Социальная наука применительно к политической экономии одержала окончательную победу. Нынешнее семейство Торлония в Риме, с его дворцами, часовнями, смешанными браками, связями и папской благосклонностью — и все это завоевано путем ссужения денег под проценты и щедрых пожертвований из ростовщических доходов Святому Престолу — лишь одно из многих подобных наростов на крепостных валах, давно сданных и покинутых.(458)

(458) Об указе, запрещающем исповедникам беспокоить денежных ростовщиков под законные проценты, см. Аддис и Арнольд, Католический словарь, как указано выше; также Мastroфини, как указано выше, в приложении, где приведены различные другие недавние римские указы. Что касается разногласий в целом, см.

Мastroфини; также *La Replique des douze Docteurs*, цитируемую Гийомом и Кокленом; также Reusch, vol. ii, стр. 850. В качестве примера способа Мastroфини выдать черное за белое, сравните латинский текст указа на странице 97 с его заявлениями относительно него; смотрите также его хитрую замену старого значения слова "ростовщичество" новым в различных частях его книги. Хорошее историческое изложение общей темы можно найти в книге Рошера "Руководство по национальной экономике в Германии", Мюнхен, 1874, в статьях Вухера и Цинснхмена. О Франции см., в частности, *Petit, Traite de l'Usure*, Париж, 1840; а о Германии см. *Neumann, Geschichte des Wuchers* в Германии, Галле, 1865. Мнение современного лидера мысли в этой области можно найти в книге Джереми Бентама "Защита ростовщичества", Письмо X. Замечательное исследование более тонких моментов, связанных со всей темой, см. в книге Х. К. Ли "Церковное отношение к ростовщичеству" в "Йельском обзоре" за февраль 1894 г.

Взаимодействие теологии с общественной экономикой ни в коем случае не ограничивалось получением процентов за деньги. Было бы интересно отметить ограничения, наложенные на торговлю Церковью, запрет на торговые сношения с неверными, против которых Венецианская Республика вела достойную борьбу; отметить, как из-за весьма любопытного искажения Священного Писания в греческой Церкви многим крестьянам России было запрещено выращивать и употреблять в пищу картофель; как в Шотландии в начале этого столетия использование веялок для веяния зерна широко осуждалось как противоречащее тексту "Ветер дует, где хочет" и т.д., Как союз с сатаной, который является "Князем тьмы". силы воздуха" и, следовательно, как достаточная причина для отлучения от Шотландской церкви. Поучительно было бы также отметить, как введение железных дорог было объявлено архиепископом Французской церкви свидетельством божественного гнева против сельских трактирщиков, которые в дни поста ставят мясо перед своими гостями и которые теперь были наказаны тем, что видели, как путешественников выносят у их дверей; как железные дороги и телеграф были осуждены с нескольких известных кафедр как вестники Антихриста; и как в протестантской Англии священник из Ротерхита при прорыве туннеля через Темзу, столь разрушительного для жизни и имущества, объявил это со своей кафедры справедливым судом. о самонадеянных устремлениях смертного человека.

Та же тенденция прослеживается в противодействии добросовестных людей проведению переписи населения в Швеции и Соединенных Штатах из-за терминов, в которых говорится о нумерации Израиля в Ветхом Завете. Религиозные угрызания совести на аналогичных основаниях также были признаны против такой полезной вещи, как страхование жизни.

Какими бы незначительными ни казались эти проявления, они указывают на широко распространенную тенденцию применения заявлений Священных Писаний к вопросам социальной экономики, которая еще не прекратилась, хотя и быстро угасает.(459)

(459) О различных запретах, налагаемых Церковью на торговлю, см. Хейд, История торговли Леванта в средневековье, Лейпциг, 1886, том ii, *passim*. О вреде, нанесенном торговле запретом на сношения с неверными, см. Линдси, "История торгового судоходства", Лондон, 1874, том ii. О суевериях, связанных с завозом картофеля в Россию и получившим от него название "дьявольский корень", см. Hellwald, *Culturgeschichte*, vol. ii, с. 476; также Хакстхаузен, *La Russie*. О противодействии веялкам см. Бертон, "История Шотландии", том viii, стр. 511; также Леки, "Восемнадцатый век", том. ii, стр. 83; также взгляды Моуза Хедригга в книге Скотта "Старая смертность", глава vii. О случае с человеком, отстраненным от причастия за "поднятие дьявольского ветра" с помощью веялки, см. Работы сэра Дж. Я. Симпсона, том ii. Тем, кто сомневается в авторитете или мотивах Симпсона, можно напомнить, что он был до дня своей смерти одним из самых строгих приверженцев шотландской ортодоксии. Что касается викария из Ротерхита, см. Дневник сэра И. Брюнеля за 20 мая 1827 г., в "Жизни И. К. Брюнеля", стр. 30. Что касается выводов, сделанных на основе нумерации Израиля, см. Михаэлис, Комментарии к законам Моисея, 1874, том. ii, стр. 3. Автор этой работы сам был свидетелем нежелания очень добросовестного человека отвечать на вопросы руководителя переписи населения мистера Льюиса Хоули из Сиракуз, штат Нью-Йорк;

и это нежелание было основано на причинах, указанных во II Царств xxiv, 1, и I Паралипоменон xxi, 1, для нумерации детей Израиля.

Заслуживает особого изучения также эволюция современных методов воспитания и улучшения положения бедных, — эволюция, особенно, идеи о том, что людям нужно помогать самим себе, в противовес старым теориям неразборчивого пожертвования, которые, пустив корни в некоторых из самых прекрасных высказываний наших священных книг, выросли в теплой атмосфере средневекового благочестия в великие системы обнищания трудящихся классов. И здесь научные методы мышления в социальных науках принесли новые и более благородные плоды всему росту христианской благотворительности.(460)

(460) Среди огромного числа авторитетных источников, касающихся эволюции более совершенных методов борьбы с пауперизмом, я бы обратил внимание на работу, которая особенно наводит на размышления, — "Берендс, Христианство и социализм", Нью-Йорк, 1886.

ГЛАВА XX. ОТ БОЖЕСТВЕННЫХ ОРАКУЛОВ К ВЫСШЕЙ КРИТИКЕ.

I. БОЛЕЕ СТАРАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Великие священные книги мира - самое ценное достояние человека. Они воплощают глубочайшие поиски наиболее насущных проблем человечества на всех его этапах: наивные догадки детства мира, открывающиеся концепции его юности, более полные убеждения его зрелости.

Эти книги, какими бы неисторическими они ни были по частям и временам, глубоко правдивы. Они отражают эволюцию самых возвышенных устремлений, надежд, любви, утешений и энтузиазма человека; его ненависти и страхов; его взглядов на свое происхождение и предназначение; его теорий о своих правах и обязанностях; и все это не только в их свете, но и в их тени. Следовательно, они содержат зародыши истин, наиболее необходимых в эволюции

человечества, и обеспечивают этим зародышам среду обитания и поддержку, которые наилучшим образом обеспечивают их рост и силу.

Несмотря на большие различия в происхождении и характере, эта священная литература развивалась и оказывала свое влияние в соответствии с определенными общими законами. Первым из них по времени, если не по важности, является то, что определяет его происхождение: во всех цивилизациях мы обнаруживаем, что Божественный Дух, действующий в разуме человека, формирует свои священные книги прежде всего из хаоса мифов и легенд; и из этих книг, когда в них таким образом вдыхается жизнь, выживают наиболее приспособленные.

Эта атмосфера мифов и легенд, окутывающая их, настолько широка и плотна, что она сохраняется вокруг них и после того, как они были выведены на свет во всей полноте; и иногда из нее даже возникают вторичные мифические и легендарные образования — спутники этих великих сфер ранней мысли. Из этих вторичных наростов можно упомянуть один, показывающий, насколько богатой мифотворческим материалом была атмосфера, окутывавшая нашу раннюю священную литературу.

В третьем веке до Рождества Христова еврейские ученые Александрии, в то время великого центра человеческой мысли, начали разрабатывать греческий перевод основных книг, составляющих Ветхий Завет. Ничто не могло быть более естественным в том месте и в то время, чем такой перевод; и все же рост поясняющих мифов и легенд вокруг него был не менее пышным. Рост действительно был двойным. Среди евреев, благосклонно относившихся к новой версии, возникла легенда, оправдывающая ее. На первом этапе эта легенда сводилась к тому, что Птолемей, находившийся тогда на египетском троне, по просьбе своего главного библиотекаря послал в Иерусалим за переводчиками; что еврейский первосвященник Елеазар отправил царю драгоценнейший экземпляр Священных Писаний из иерусалимского храма и шесть самых почтенных, набожных и образованных ученых из каждого из двенадцати колен Израиля; что количество переводчиков, таким образом, соответствовало таинственным семидесяти двум именам Бога; и что объединенные усилия этих семидесяти двух человек привели к удивительно совершенному переводу.

Но в этой атмосфере мифов и чудес легенда продолжала разрастаться, и вскоре она расцвела еще более пышным цветом в заявлении о том, что царь Птолемей приказал каждому из семидесяти двух сделать самостоятельно полный перевод всего Ветхого Завета и запер каждого переводчика в отдельной камере на острове Фарос, изолировав его там до завершения работы; что работа каждого была завершена ровно за семьдесят два дня; и что когда по истечении семидесяти двух дней семьдесят два перевода были сравнены, каждый был найден точно таким же, как все остальные. Это ясно свидетельствовало об ОДОБРЕНИИ Иеговы.

Но из всего этого мифа и легенды также сложился рассказ совсем иного рода. Евреи, оставшиеся верными традициям своей расы, расценили эту греческую версию как профанацию, и поэтому возникла легенда о том, что по завершении работы над всей землей в течение трех дней царил тьма. Это ясно свидетельствовало о НЕОДОБРЕНИИ Иеговы.

Эти хорошо известные легенды, возникшие в период, который - по сравнению с любым предыдущим временем — был чрезвычайно просвещенным периодом, и в который на протяжении веков непоколебимо верило огромное количество евреев и христиан, являются

лишь единичными примерами среди десятков, которые показывают, насколько неизбежно подобные традиции, касающиеся священных книг, развиваются на ранних стадиях цивилизации, когда люди все объясняют чудом и ничего — законом.(461)

(461) Легенду о Септагинте, особенно развитую письмами Псевдо-Аристия, и странные цитаты из отцов церкви, касающиеся ее, см. в "Истории семидесяти двух толкователей", с греческого Аристия, переведенной мистером Льюисом, Лондон, 1715; также Климента Александрийского, в Доникийской христианской библиотеке, Эдинбург, 1867, стр. 448. Интересные резюме, показывающие развитие истории, см. в Драммонде, "Филон Иудейский и развитие александрийской философии", Лондон, 1888, т. i, стр. 231 и далее; также Ренан, "История народа Израиля", т. iv, глава ii. iv; также о роли Филона Иудея в развитии легенды см. В "Бэмптонских лекциях преподобного доктора Сэндея" за 1893 год, "О вдохновении", стр. 86, 87.

В качестве второго из этих законов, управляющих эволюцией священной литературы, можно упомянуть тот, который мы постоянно наблюдали столь эффективным в развитии теологических идей, — тот, которому Конт дал название Закона воли и причин. Подчиняясь этому, человек приписывает Высшему Существо физическую, интеллектуальную и моральную структуру, подобную его собственной; отсюда приверженец каждой из великих мировых религий приписывает ее священным книгам то, что он считает абсолютным совершенством: он воображает, что это то, что он сам дал бы миру, будь он сам бесконечно добр, мудр и могуществен.

Очень простая аналогия действительно могла бы показать ему, что даже литература, исходящая от премудрого, благодетельного и могущественного автора, может показаться несовершенной, если судить по человеческим стандартам; ибо ему стоит только оглянуться вокруг, чтобы обнаружить, что произведение, которое он приписывает премудрому, всеблагому и всемогущему Создателю, ни в коем случае не свободно от зла и неправды.

Но эта аналогия долго ускользает от него, и представитель каждой великой религии доказывает к собственному удовлетворению и в назидание своим собратьям, что их собственная священная литература абсолютно точна в изложении, бесконечно глубока по смыслу и чудесным образом совершенна по форме. Исходя из этих предпосылок, он также приходит к выводу, что его собственная священная литература уникальна; что никакая другая священная книга не могла исходить из божественного источника; и что все остальные, претендующие на священность, являются самозванцами.

Еще один закон, управляющий эволюцией священной литературы в каждой великой мировой религии, заключается в том, что, когда книги, составляющие ее, однажды отобраны и сгруппированы, они начинают рассматриваться как окончательное творение, от которого ничего нельзя отнять и в котором даже ошибка в форме, если она санкционирована традицией, не может быть изменена.

Действие этого закона в последнее время было замечено в больших масштабах.

Несколько лет назад группа избранных ученых, признанных всеми наиболее подходящими для этой работы, по призыву англоязычного христианского мира предприняла пересмотр авторизованной английской версии Библии.

Какой бы прекрасной ни была эта старая версия, причин для пересмотра было предостаточно. Прогресс библеистики выявил множество несовершенств и немало грубых ошибок в работе первых переводчиков, и они, если их не исправить, несомненно, дискредитировали бы священный том.

Ничто не может быть более благоговейным, чем дух редакторов, и девятнадцатый век знал несколько исторических событий более значительных и трогательной красоты, чем участие в святом причастии всех этих ученых — прелатов, пресвитеров, служителей и мирян церквей, наиболее сильно различающихся по вере и обрядам, — преклонивших колени бок о бок у маленького алтаря в Вестминстерском аббатстве.

Ни одна работа не могла быть более консервативной и осторожной, чем их; насколько это было возможно, они со скрупулезной тщательностью сохраняли старую материю и форму.

Однако едва их работа была завершена, как подверглась резким нападкам и всеобщему осуждению; по сей день к ней в основном относятся с неприязнью. В Великобритании, Америке, Австралии старую версию с ее вопиющими неправильными представлениями, неправильными переводами и вставками все еще читают с предпочтением новой; большая часть англоговорящих христиан явно предпочитает привычную форму слов, данную переводчиками семнадцатого века, а не более близкий подход к точному учению о Святом Духе.

Еще один закон заключается в том, что когда однажды сформировалась группа священных книг — даже если эта группа на самом деле представляет собой огромную библиотеку самых непохожих произведений, варьирующихся по содержанию от сотого Псалма до Песни Песней и по манере изложения от возвышенности Исайи до бесцеремонного повествования Ионы, — все они начинают восприниматься как одна неразделимая масса взаимопроникающих частей; каждое утверждение в каждой из них точно и чудесным образом соответствует каждому утверждению в каждом другом; и каждое из них, и все вместе, буквально соответствует факту, и в то же время, полное скрытых смыслов.

Действие этих и других законов, управляющих эволюцией священной литературы, очень ясно видно на примере великих раввинских школ, которые процветали в Иерусалиме, Тверии и других местах после возвращения евреев из вавилонского плена, и особенно по мере приближения ко времени Христа. Эти школы выработали тонкость в изучении Ветхого Завета, которая кажется почти сверхъестественной. Результирующая система представляла собой в основном жонглерство словами, фразами и числами, которое в конце концов превратилось в "священную науку" с различными признанными разделами, в которых интерпретация осуществлялась иногда путем придания буквам числового значения; иногда путем замены букв из по-разному расположенных алфавитов; иногда путем составления новых текстов из начальных букв старого; и со все возрастающей тонкостью.

Кульминацией подобных усилий стало заявление раввинов о том, что каждый отрывок закона имеет семьдесят различных значений и что сам Бог ежедневно уделяет их изучению три часа.

После этого еврейский мир был готов ко всему, и нас не удивляет, что мы обнаружили такие открытия в области этической культуры, как доктрина о том, что за нанесение сорока ударов, кроме одного, тем, кто нарушил закон, плетъ должна быть сплетена из воловьей и ослиной шкур; и, как подтверждение такой конструкции плети, текст "Вол знает своего хозяина, а осел ясли своего хозяина, но Израиль не знает"; и, как логическая связь текста и плети, утверждение о том, что Иегова, очевидно, намеревался повелеть, чтобы "Вол знал своего хозяина, а осел ясли своего хозяина, но Израиль не знает"; и, как логическая связь текста и плети, утверждение о том, что "Иегова явно намеревался повелеть, чтобы " люди, которые не знают, будут избиты теми животными, чьи знания позорят их".

С помощью таких методов также были обнаружены такие исторические сокровища, как то, что Ог, царь Васана, избежал потопа, пробравшись вброд за Ноевым ковчегом.

Действительно, были благородные исключения из такого рода учения. Нельзя забывать, что рабби Гиллель сформулировал золотое правило, которое до него было дано крайнему Востоку Конфуцием, а впоследствии получило еще более прекрасное и позитивное выражение от Иисуса из Назарета; но семь правил толкования, изложенных Гиллелем, были умножены и усовершенствованы такими людьми, как рабби Исмаэль и рабби Елеазар, пока они не оправдали каждую абсурдную тонкость.(462)

(462) Множество забавных примеров раввинских толкований можно найти в статье в журнале Blackwood за ноябрь 1882 года. Для более общего обсуждения см. "Историю интерпретации" архидьякона Фаррара, лекция. i и ii, а также "Вдохновение и непогрешимость преподобного профессора Х. П. Смита", Цинциннати, 1893, особенно глава. iv; также Ройсс, История Нового Завета, английский перевод, стр. 527, 528.

Один выдающийся ученый сказал, что, хотя буква Священного Писания окостенела в Палестине, в Александрии она стала улетучиваться; и истинность этого замечания была доказана александрийскими еврейскими теологами незадолго до начала нашей эры.

Это тоже было подчинено закону развития, который заключается в том, что когда буквальное толкование вступает в противоречие с растущим знанием или с прогрессом моральных чувств, теологи находят убежище в мистических значениях — закон, который мы видим действующим во всех великих религиях, от брахманов, находящих скрытые смыслы в Ведах, до Платона и стоиков, обнаруживающих их в греческих мифах; и от софи, читающих новые значения в Коране, до выдающихся христианских богословов девятнадцатого века, придающих неестественный смысл некоторым из самых простых утверждений Библии.

Нет ничего более естественного, чем все это. Когда наивные утверждения священных писателей, в соответствии с этикой древних веков, заставляют Брахму совершать зверства, которые опозорили бы пирата; а Юпитера участвовать в приключениях, достойных Дона Хуана; и Яхве практикует обман, жестокость и своевольную несправедливость, которые привели бы любого цивилизованного смертного к уголовному суду, изобретение аллегории является единственным средством спасения божественной власти, как только люди достигнут более высоких уровней цивилизации.

Беликим ранним мастером в этой эволюции аллегории, к удовлетворению евреев и христиан, был Филон: он использовал ее как никогда раньше. Таким образом, четыре ручья Эдемского сада становятся четырьмя добродетелями; страна и род Авраама, из которых ему было повелено уйти, - человеческим телом и его членами; пять городов Содомы - пятью чувствами; Евфрат - исправлением нравов. Филон и его коллеги считали, что даже самые незначительные слова и фразы, и особенно эти, скрывают самый ценный смысл.

Совершенно естественный и логичный результат такого взгляда был достигнут, когда Филон, будучи пропитан греческой культурой и воспитанный на благочестивых традициях изречений в Дельфах и Додоне, благоговейно отзывался о еврейских Писаниях как об "оракулах". Они стали оракулами: как оракулы они появились в ранней истории христианской Церкви; и оракулами они оставались на протяжении веков: вечная жизнь или смерть, бесконечное счастье или агония, а также обычная справедливость в этом мире были поставлены в зависимость от меняющихся интерпретаций длинной серии темных и сомнительных высказываний — интерпретаций, часто даваемых людьми, которые могли быть пророками и апостолами, но которые стали просто торговцами предсказаниями.

Поставив этих оракулов на службу науке, Филон стал предшественником того длинного ряда теологов, которые, от Августина и Космы до мистера Гладстона, пытались извлечь из библейских мифов и легенд глубокий вклад в естествознание. Таким образом, он учил, что золотые подсвечники в скинии символизировали планеты, одеяние первосвященника - вселенную, а колокольчики на нем — гармонию земли и воды - что бы это ни значило. Итак, тысячу лет спустя Косма учил, что стол с хлебами предложения в скинии показывает форму и устройство мира; а м-р Гладстон еще более тысячи лет спустя намекнул, что трезубец Нептуна имеет таинственную связь с христианским учением о Троице.(463)

(463) Филона Иудея см. В переводе Йонга, издание Бона; см. также Сандей, "Вдохновение", стр. 78-85. Замечательные общие замечания об этом периоде в истории экзегезы см. в Бартлетте, "Бэмптонских лекциях", 1888, стр. 29. Об усилиях в целом сохранить авторитет мифов посредством аллегорической интерпретации, и о попытках Филона в частности, см. в Драммонде, "Филоне Иудейском", Лондон, 1888, т. i, стр. 18, 19, и примечаниях. Об интересных примерах александрийской экзегезы и о применении Филоном термина "оракул" к еврейским Священным Писаниям см. Фаррар, История интерпретации, стр. 147 и примечание. О его открытии символов вселенной в убранстве скинии см. Драммонда, как указано выше, стр. 269 и далее. Общую тему, превосходно обсуждаемую с исторической точки зрения, см. в книге преподобного Эдвина Хэтча, доктора философии, "Влияние греческих идей и обычаев на христианскую церковь", "Хиббертовские лекции за 1888 год", глава iii. О Косме читайте в моих главах по географии и астрономии. Мнение м-ра Гладстона о связи между трезубцем Нептуна и доктриной Троицы см. в его "Ювентусе Мунди".

Эти методы, примененные к Ветхому Завету, время от времени появлялись в Новом; несмотря на сопротивление Тертуллиана и Иринея, они были переданы Церкви; и в трудах первых отцов церкви они пышно расцвели.

Иустин Мученик и Климент Александрийский энергично распространяли их. Типичным для метода Юстина является то, что он находит в очень простом упоминании Исайей Дамаска, Самарии и Ассирии ясное пророчество о трех восточных мудрецах, которые принесли дары младенцу Спасителю; а в колокольчиках на одеянии священника - прообраз двенадцати апостолов. Любые трудности, возникшие из-за того, что количество колоколов не указано в Священном Писании, Юстин преодолел, настояв на том, чтобы Давид упомянул об этом прообразе в девятнадцатом псалме: "Звук их разнесся по всей земле, и слова их до скончания века".

Работая в этом направлении, Климент Александрийский нашел в форме, размерах и цвете еврейской скинии целое богатство интерпретаций— жертвенник для курения представляет землю, помещенную в центр вселенной; одеяние первосвященника - видимый мир; драгоценные камни на одеянии священника - зодиак; а трехдневное путешествие Авраама к горе Мориа - три стадии продвижения души к познанию Бога. Интерпретируя Новый Завет, он уменьшил любые трудности, связанные с чудом ячменных хлебов и рыб, предположив, что на самом деле это означает, что Иисус дал человечеству подготовительную подготовку к Евангелию посредством закона и философии; потому что, как он говорит, ячмень, как и закон, созревает раньше, чем пшеница, которая представляет Евангелие; и потому, что точно так же, как рыбы растут в волнах океана, так и философия выросла в волнах языческого мира.

Исходя из подобных рассуждений, последователи, особенно Косма, разработали, как мы видели, полноценную теологическую науку географию и астрономию.(464)

(464) Что касается Иустина, смотрите Диалог с Трифоном, ребята. xlii, lxxvi и lxxxiii. О Клименте Александрийском читайте в его сборниках, книга v, главы. vi и xi, а также книга vii, глава ii. xvi, и особенно Лекции Хэтча, Хибберта, как указано выше, стр. 76, 77. Что касается расплывчатых взглядов на канон, которых придерживались эти два отца церкви и другие люди их времени, см. Ladd, *Doctrine of the Sacred Scripts*, vol. ii, pp. 86, 88; also Diestel, *Geschichte des alten Testaments*.

Но инструментом в толковании, который использовался с наибольшей убедительностью, было оккультное значение определенных чисел. Халдейские и египетские исследования нашего времени выявили главный источник этого направления мысли; рассуждения Платона о нем хорошо известны; но среди евреев и в ранней Церкви оно выросло в нечто, намного превосходящее самые смелые фантазии священников Мемфиса и Вавилона.

Филон находил для разъяснения Священного Писания особенно глубокий смысл в числах четыре, шесть и семь; но другие толкователи вскоре превзошли его. С самого начала эта оккультная сила использовалась для установления канонических книг Священного Писания. Иосиф Флавий утверждал, что, поскольку в еврейском алфавите двадцать две буквы, в Ветхом Завете должно быть двадцать две священные книги; другие еврейские авторитеты считали, что

книг должно быть двадцать четыре, учитывая двадцать четыре стражи в храме. Святой Иероним колебался между аргументом, основанным на двадцати двух буквах еврейского алфавита, и аргументом, предложенным двадцатью четырьмя старцами в Апокалипсисе. Хилари из Пуатье утверждала, что книг должно быть двадцать четыре, исходя из двадцати четырех букв в греческом алфавите. Ориген нашел аргумент в пользу существования ровно четырех Евангелий в существовании всего четырех элементов. Ириней настаивал на том, что Евангелий не могло быть ни больше, ни меньше четырех, поскольку земля имеет четыре стороны, воздух - четыре ветра, а херувимы - четыре лица; и он осуждал тех, кто отказывался принять это рассуждение, как "тщеславных, невежественных и дерзких".(465)

(465) Что касается Иеронима и Оригена, смотрите Примечания на следующих страницах. Что касается Ириней, см. Irenaeus, *Adversus Hoeres.*, lib. iii, глава xi, С. 8. Об общей теме см. Сэндей, "Вдохновение", стр. 115; также Фаррар и Х. П. Смит, как указано выше. Недавнее очень полное и очень любопытное заявление римского католического авторитета относительно взглядов старой Церкви на символику чисел см. Детцель, *Christliche Iconographie*, Фрайбург в Бресгау, группа i, Einleitung, стр. 4.

Но в первой половине третьего века появился тот, кто оказал еще более сильное влияние в этом направлении — великий человек, который, оказывая ценные услуги, сделал больше, чем кто-либо другой, для закрепления в Церкви системы, которая была одним из ее тяжелейших бремен на протяжении более чем шестнадцати столетий: это был Ориген. И все же его цель была благородной, а работа основана на глубоких размышлениях. Ему предстояло встретиться с ведущими философами языческого мира, ответить на их аргументы против Ветхого Завета и особенно сломить силу их насмешек над тем, что в нем Всемогущему приписываются человеческий облик, ограничения, страсти, слабости и даже безнравственность.

Начав с ошибочного перевода стиха из книги Притчей, Ориген представил в качестве основы для своей основной структуры идею о тройственном смысле Священного Писания: буквальном, нравственном и мистическом — соответствующем платоновской концепции тройственной природы человека. В результате мы имеем такие шедевры, как его доказательство из пятого стиха xxv главы книги Иова о том, что звезды являются живыми существами, и из хорошо известного отрывка из девятнадцатой главы Евангелия от Матфея - его оправдание за членовредительство. Но его величайшие победы были связаны с аллегорическим методом. Благодаря его использованию Библия быстро превратилась в настоящий оракул или, скорее, в книгу загадок. Список царей в Ветхом Завете, таким образом, становится перечислением грехов; каменные кувшины для воды, "содержащие по два или три еловых кувшина на каждого" на свадьбе в Кане, обозначают буквальный, моральный и духовный смысл Священного Писания; осел, на котором Спаситель ехал во время своего триумфального въезда в Иерусалим, становится Ветхим Заветом, жеребенок - Новым Заветом, а два апостола, которые пошли, чтобы раскрыть им нравственный и мистический смысл; слепой Вартимей, сбрасывающий с себя одежду, спеша к Иисусу, открывает целую сокровищницу пророческих значений.

Гений и могущество Оригена произвели огромное впечатление на последовавших за ним сильных мыслителей. Святой Иероним назвал его "величайшим учителем в Церкви со времен апостолов", и Афанасий был едва ли менее категоричен.

Начатая таким образом структура была продолжена ведущими богословами в последующие столетия: святой Иларий из Пуатье — "Афанасий Галльский" - добился некоторых замечательных результатов с помощью этого метода; но святой Иероним, вдохновленный примером человека, которым он так сильно восхищался, пошел дальше него. Триумф его толкования виден в его заявлении о том, что девица-сунамиянка, избранная заботиться о Давиде в его старости, символизировала небесную мудрость.

Великий ум св. Августин был в значительной степени вовлечен в такого рода творение, и ничто так ясно не указывает на огромные перемены, произошедшие в мире, как тот факт, что этот величайший из раннехристианских мыслителей свернул с более широких путей, открытых Платоном и Аристотелем, на путь, открытый Климентом Александрийским.

Особое наслаждение Августин находил в мистической силе чисел раскрывать смысл Священного Писания. Он говорит нам, что существует глубокий смысл в различных библейских употреблениях числа сорок, особенно в качестве количества дней, необходимых для поста. Сорок, напоминает он нам, равно четырем десяти. Теперь, четыре, говорит он, это число, в частности, представляющее время, причем день и год разделены каждое на четыре части; в то время как десять, состоящее из трех и семи, представляет знание о Создателе и создании, три относится к трем личностям в триедином Создателе, а семь относится к трем элементам, сердцу, душе и разуму, взятым в связи с четырьмя элементами, огнем, воздухом, землей и водой, из которых состоит создание. Следовательно, это число десять, представляющее знание, умноженное на четыре, представляющее время, призывает нас жить во времени в соответствии со знанием, то есть поститься в течение сорока дней. Ссылаясь на подобные туманные методы, которые заставляют читателя спрашивать себя, спит он или бодрствует, святой Августин замечает, что "незнание чисел мешает нам понимать подобные вещи в Священном Писании". Но, пожалуй, самый удивительный пример можно увидеть в его заметках о ста пятидесяти трех рыбах, которые, согласно Евангелию от святого Иоанна, были пойманы святым Петром и другими апостолами. Можно выбрать некоторые моменты из его длительного развития этого предмета, чтобы показать, что мог бы сделать старый теологический метод для великого ума. Он говорит нам, что сто пятьдесят три рыбы воплощают тайну; что число десять, очевидно, как число заповедей, указывает на закон; но, поскольку закон без духа только убивает, мы должны сложить семь даров духа, и таким образом мы получим число семнадцать, которое обозначает ветхое и новое устройство; тогда, если мы сложим все несколько чисел, которые семнадцать содержат от одного до семнадцати включительно, результатом будет сто пятьдесят три - число рыб. Рассуждая подобным образом, он находит глубокий смысл в количестве фарлонгов, упомянутом в шестой главе Евангелия от Иоанна. Ссылаясь на тот факт, что ученики проплыли "двадцать пять или тридцать фарлонгов", он заявляет, что "двадцать пять символизирует закон, потому что это пять раз по пять, но закон был несовершенен до того, как пришло Евангелие; теперь совершенство состоит из шести, поскольку Бог за шесть дней усовершенствовал мир, следовательно, пять умножается на шесть, чтобы закон мог быть усовершенствован Евангелием, и шестью пять будет тридцать".

Но не все подвиги Августина в толковании были основаны на числах; иногда он столь же глубок и в других способах. Таким образом, он говорит нам, что осуждение змея есть прах олицетворяет грех любопытства, поскольку, поедая прах, он "проникает во мрак"; и что Ноев ковчег был "обложен изнутри и снаружи смолой", чтобы показать безопасность Церкви от проникновения ереси.

Еще одним подвигом, от которого Церковь вполне могла прийти в ужас, было его заявление о том, что пьянство Ноя предвосхитило страдания и смерть Христа. Следует лишь сказать, что он не был первоначальным автором этого толкования: оно было представлено задолго до этого святым Киприаном. Но это было далеко не худшее из того, что написал Августин. Пожалуй, ни одно толкование Священного Писания никогда не приводило к более жестокому и упорному угнетению, пыткам и кровопролитию, чем его прочтение одной из самых прекрасных притч Иисуса из Назарета - слов "Заставь их войти" — ордера на религиозное преследование: из всех непреднамеренных богохульств с начала существования мира, возможно, самое ужасное. Другой сильный человек следует за тем, чтобы закрепить эти методы в Церкви: святой Григорий Великий. В своем знаменитом труде о книге Иова "Великая мораль", данном миру в конце VI века, он подчеркивает глубокий мистический смысл утверждения о том, что у Иова было семеро сыновей. Он считает, что семь сыновей олицетворяют двенадцать апостолов, поскольку "апостолы были избраны семикратной благодатью Духа; более того, двенадцать происходит от семи, то есть две части семи, четыре и три, при умножении вместе дают двенадцать". Он также находит глубокое значение в числе апостолов; это число, очевидно, определяется умножением числа лиц в Троице на количество четвертей земного шара. Тем не менее, отдавая ему справедливость, следует сказать, что в некоторых частях его толкования сильное чувство, которое было одной из его самых ярких характеристик, проявляется в некотором смысле очень освежающим образом. Таким образом, ссылаясь на отрывок из первой главы книги Иова, касающийся волов, которые пахали, и ослов, которые паслись рядом с ними, он лаконично сообщает нам, что они олицетворяют два класса христиан: волы, энергичные христиане, выполняющие работу Церкви; ослы, ленивые христиане, которые просто кормятся.(466)

(466) Что касается Оригена, см. "О принципах", книга iv, главы. i-vii и последующие, Перевод Кромби; также *Contra Celsum*, vol. vi, стр. 70; том vii, стр. 20 и др.; также различные цитаты из Фаррара. Для Хилари см. Его Трактат супер Псалом, глава. ix, li и др. В Migne, vol. ix и *De Trinitate*, lib. ii, глава ii. Интерпретацию текста Иеронима, относящегося к женщине-сунамиянке, см. в Послании к Римлянам. lii, in Migne, vol. xxii, стр. 527, 528. Об использовании чисел Августином см. "De Doctrina" Christiana, lib. ii, глава xvi; а объяснение улова рыб см. у Августина в, У Йохана. *Evangel.*, tractat. cxxii; и на двадцать пять-тридцать фарлонгов, там же, трактат. xxv, глава 6; и о значении змея, поедающего прах, *De Gen.*, lib. ii, с. 18. или мнение о том, что пьянство Ноя предвосхитило страдания Христа, которого придерживались св. Киприан и Августин, см. Фаррар, как указано выше, стр. 181, 238. О святом Григории см. "Великая мораль", lib. i, глава xiv.

Так началась обширная теологическая структура оракульного толкования, применяемого к Библии. Как мы видели, людьми, подготовившими почву для него, были раввины Палестины и эллинизированные евреи Александрии; а четырьмя великими людьми, заложившими его основы, были Ориген, святой Августин, святой Иероним и святой Григорий.

В течение десяти столетий после смерти последнего из этих людей эта структура продолжала неуклонно возвышаться над простыми значениями Священного Писания. Христианский мир радовался этому, и несколько великих мыслителей, которые осмелились донести до него истину, были отвергнуты. В какой-то период ранней Церкви действительно казалось, что можно разработать лучшую систему. Антиохийская школа, особенно представленная Златоустом, казалась более подходящей для руководства этим путем, но доминирующие силы были слишком сильны; страсть к мифам и чудесам возобладала над любовью к реальному знанию, и рассуждениями Златоуста и его коллег пренебрегли. (467)

(467) Что касается работы Антиохийской школы, и особенно Златоуста, смотрите красноречивую дань уважения ей у Фаррара, как указано выше.

В девятом веке была предпринята еще одна попытка представить претензии на истинный разум. Первым человеком, проявившим себя в этом деле, был святой Агобард, епископ Лионский, которого выдающийся историк справедливо назвал самой ясной головой своего времени. С той же проницательностью, с какой он проникал в заблуждения и безумства поклонения изображениям, веры в преследование колдовства, испытания и судебной дуэли, он увидел тщетность этой обширной системы интерпретаций, протестовал против идеи, что Божественный Дух распространил свое вдохновение на простые слова Священного Писания, и задал вопрос, который с тех пор звучит в каждом поколении: "Если вы однажды начнете такую систему, кто сможет измерить абсурд, который последует?"

В том же столетии появился еще один противник этой господствующей системы: Иоанн Скот Эригена. Он утверждал, что "разум и авторитет в равной степени исходят из единого источника Божественной Мудрости"; что отцы церкви, каким бы великим ни был их авторитет, часто противоречат друг другу; и что, в конце концов, для принятия решения между ними необходимо прибегнуть к разуму.

Но эволюция неразумия продолжалась: Агобард остался без внимания, а Эригена была запрещена двумя соборами — его работа была осуждена синодом как "Комментарий дьявола". Четыре столетия спустя Гонорий III приказал сжечь ее, как "пропитанную ядом наследственной порочности"; и, наконец, спустя восемь столетий папа Григорий XIII поместил ее в Указатель, где, вместе со многими другими работами, сослужившими добрую службу человечеству, она остается по сей день. Не добился большего успеха и Абельяр, который через три столетия после Агобарда и Эрижены предпринял попытку, в чем-то похожую на их, - его судьбу от рук Святого Бернара и Совета Сенса мир знает наизусть. Гораздо более созвучным духу Вселенской Церкви было учение великого Гуго Сен-Викторского XII века, выраженное в этих зловещих словах: "Сначала узнай, во что следует верить" (*Disce primo quod credendum est*), подразумевая тем самым, что сначала следует принять доктрины, а затем найти тексты, подтверждающие их.

Поскольку эти принципы были доминирующими, приращения к огромной структуре интерпретации неуклонно продолжались. Типичным является тот факт, что почтенный

Беда привнес в это учение о том, что в тексте, упоминающем Элкану и двух его жен, Элкана означает Христа, а две жены - синагогу и Церковь. Даже такие люди, как Альфред Великий и святой Фома Аквинский, присоединились к силам, работавшим над созданием над священными книгами этой поразительной структуры софистики.

Пожалуй, ничто так ясно не демонстрирует живучесть старой системы толкования, как проповеди Савонаролы. В последнее десятилетие пятнадцатого века, как раз в конце средневекового периода, он был вовлечен во Флоренцию в борьбу не на жизнь, а на смерть. Ни один человек никогда не проповедовал Евангелие праведности с большей силой; никто никогда не придавал большего значения поведению; даже Лютер не был более ревностным сторонником реформ или более пренебрежительным к традициям; и все же мы находим великого флорентийского апостола и мученика абсолютно привязанным к старой системе аллегорического толкования. Записи с автографами его проповедей, до сих пор хранящиеся в его камере в Сан-Марко, наглядно демонстрируют это. Таким образом, мы находим, что Он придает сотворению трав и растений на третий день аллегорическую связь с "множеством избранных" и со "здоровыми доктринами Церкви", а сотворению наземных животных на шестой день аналогичную связь с "еврейским народом" и с "христианами, отдавшимися земному".(468)

(468) Об Аробарде см. Liber adversus Fredigisum, глава xii; также Relig. Aufklärung im Mittelalter, том i, стр. 24; также Пул, Иллюстрации к истории средневековой мысли, Лондон, 1884, стр. 38 и далее. Об Эригене см. Его "О разделении природы", lib. iv, глава v; также i, глава l. lxvi-lxxi; и для общего описания см. Ueberweg, History of Philosophy, Нью-Йорк, 1871, том i, стр. 358 и далее; а для рассмотрения его работы Церковью см. издание Указателя под заголовком Льва XIII, 1881. Об Абеляре см. "Так и не так", Пролог, Migne, том iii, стр. 371-377. О Гуго Сен-Викторском см. Эрудит. Дидаск., библиотека. vii, vi, 4, in Migne, clxxvi. Толкования Савонаролы см. в различных ссылках на его проповеди в книге Виллари "Жизнь Савонаролы", английский перевод, Лондон, 1890 г., и особенно в чрезвычайно интересной таблице в приложении к тому i, глава vii.

Возрождение образования в пятнадцатом веке, казалось, могло подорвать эту старую структуру.

Именно тогда Лоренцо Валла впервые применил к библейским исследованиям дух современной критики. С помощью подлинно научных методов он доказал, что знаменитое "Послание Христа к Абгару" было подделкой; "Пожертвование Константина", одно из величайших оснований церковной власти в мирских делах, было мошенничеством; а "Апостольский символ веры" - творением, которое датировалось несколькими столетиями позже апостолов. Еще более постоянное влияние оказала его работа над Новым Заветом, в которой он положил начало современному методу сравнения рукописей, чтобы определить, что такое священный текст на самом деле. В более ранний или более поздний период он, несомненно, поплатился бы жизнью за свою безрассудность; к счастью, как раз в то время правящий понтифик и его современники очень интересовались литературой и мало - ортодоксией, и из их дворцов он мог бросить вызов инквизиции.

В то время как Валла, таким образом, начал критику Библии к югу от Альп, гораздо более великий человек начал более плодотворную работу в северной Европе. Эразм со своим изданием Нового Завета стоит у истоков того великого потока современных исследований и мысли, который так много делает для того, чтобы подорвать и растворить обширную ткань святоотеческих и схоластических толкований.

Однако его попытки очистить текст Священного Писания, поначалу казалось, наталкивались на непреодолимые трудности, и одна из них может побудить к размышлению. Он обнаружил то, что некоторые другие обнаружили до него, что знаменитый стих из пятой главы Первого Общего Послания Святого Иоанна, касающийся "трех свидетелей", был интерполяцией. Тщательное изучение всех действительно важных ранних рукописей показало, что оно не появилось ни в одной из них. Даже после того, как Библия была исправлена в одиннадцатом и двенадцатом веках Ланфраном, архиепископом Кентерберийским, и Николаем, кардиналом и библиотекарем Римской церкви, "в соответствии с православной верой", этот отрывок все еще отсутствовал в более авторитетных латинских рукописях. Не было ни малейшего веского основания верить в подлинность текста; напротив, было продемонстрировано, что после всеобщего молчания ортодоксальных отцов Церкви, древних версий Священного Писания и всех действительно важных рукописей этот стих впервые появился в Исповедании веры, составленном малоизвестным фанатиком в конце пятого века. Таким образом, в очень умеренном проявлении критического суждения Эразм исключил этот текст из первых двух изданий своего греческого Завета как явно поддельный. Сразу же поднялась буря. В Англии Ли, впоследствии архиепископ Йоркский; в Испании Стауника, один из редакторов комплутенского полиглота; и во Франции Буде, синдик Сорбонны, вместе с огромной армией монахов в Англии и на Континенте яростно напали на него. Он был осужден Парижским университетом, и различные его положения были объявлены еретическими и нечестивыми. К счастью, самые жестокие преследователи не смогли добраться до него; в противном случае они могли бы поступить с ним так же, как с его учеником Беркеном, которого в 1529 году сожгли в Париже.

Судьба этого поддельного текста проливает свет на работу человеческой природы в ее отношении к священной литературе. Хотя Лютер исключил его из своего перевода Нового Завета и убрал из каждого экземпляра, опубликованного при его жизни, и хотя в более поздний период наиболее выдающиеся христианские ученые показали, что оно не имеет права на место в Библии, после смерти Лютера оно было заменено в немецком переводе и было включено во все важные его издания, за исключением одного, с начала семнадцатого века. Это было настолько важно для поддержания господствующей теологии, что, несмотря на то, что сэр Исаак Ньютон, Ричард Порсон, редакторы девятнадцатого века и все другие выдающиеся авторитеты отвергли его, англиканская церковь все еще сохраняет его в своем Лекционном Пособии, а Шотландская церковь продолжает использовать его в Вестминстерском катехизисе как главную поддержку учения о Троице.

Не были лучше восприняты и другие новые истины, представленные Erasmus. Его заявление о том, что "некоторые послания, приписываемые святому Павлу, определенно не принадлежат ему", которое сегодня повсеместно признано трюизмом, также вызвало бурю. Таким образом, на протяжении многих поколений его труд казался напрасным.

С приходом Реформации великая структура веры в буквальную и историческую правильность каждого утверждения Священного Писания, в глубокие аллегорические значения простейших

текстов и даже в божественное происхождение пунктуации гласных возросла более возвышенно и росла быстрее, чем когда-либо прежде. Реформаторы, отвергнув авторитет папы и Вселенской Церкви, все больше полагались на непогрешимость священных книг. Характерным было отношение Лютера к этому великому предмету. Как правило, он упорно придерживался буквального толкования Священных Писаний; его аргумент против Коперника является прекрасным примером его рассуждений в этом отношении; но, обладая сильным здравым смыслом, который характеризовал его, он время от времени отступал от общепринятой веры. Таким образом, он взял на себя смелость понимать некоторые отрывки из Ветхого Завета в ином смысле, чем тот, который придается им в Новом Завете, и объявил аллегорическое использование апостолом Павлом истории о Сарре и Агари "слишком необоснованным, чтобы выдержать испытание". Он также решительно отрицал, что Послание к Евреям было написано святым Павлом, и делал это в порядке критического суждения о внутренних свидетельствах. Его высказывание относительно Послания святого Иакова стало знаменитым. Он объявил Церкви: "Я не считаю это апостольским посланием; я не хочу, чтобы оно было в моей Библии среди канонических книг", и он резюмировал свое мнение в своем хорошо известном упоминании о нем как о "послании из соломы".

Ободренный им, кроткий дух Меланхтона, хотя обычно он воспринимал Библию очень буквально, временами бунтовал; но это происходило не из-за недостатка верности старому методу толкования: всякий раз, когда самая дикая и абсурдная система толкования казалась необходимой для поддержки какой-либо части реформатского учения, Лютер и Меланхтон неуклонно развивали ее. Оба они твердо придерживались старого изречения Гуго Сен-Викторского, которое, как мы видели, фактически заключалось в том, что человек должен сначала принять доктрину, а затем найти для нее подтверждение в Священном Писании. Очень яркие примеры этого были представлены в интерпретации Лютером и Меланхтоном некоторых предполагаемых чудес их времени, и одно из нескольких из них можно считать типичным для их методов.

В 1523 году Лютер и Меланхтон совместно опубликовали работу под названием "Der Papstesel", в которой объяснялось значение странного монстра, похожего на осла, который, согласно популярной истории, был найден плавающим в Тибре некоторое время назад. Эта книга была проиллюстрирована поразительными картинками, и как текст, так и рисунки были посвящены доказательству того, что это чудовище было "знамением от Бога", указывающим на гибель папства. В этом трактате двух великих основателей немецкого протестантизма указывалось, что ослиная голова означала самого Папу Римского; "ибо, - говорили они, - насколько ослиная голова подходит к человеческому телу, настолько же хорошо Папа подходит для того, чтобы быть главой Церкви". Этот аргумент был подкреплён ссылкой на Исход. Правую руку чудовища, которая, как говорят, похожа на слоновью ногу, они сделали для обозначения духовного правления папы, поскольку "ею он попирает всех слабых": это они доказали на основании книги Даниила и Второго Послания к Тимофею. Левую руку чудовища, которая была похожа на руку человека, они объявили означающей светское правление папы римского, и они нашли отрывки, подтверждающие эту точку зрения, у Даниила и святого Луки. Правую ногу, похожую на бычью, они объявили олицетворяющей служителей духовной силы; и доказали это цитатой из святого Матфея. Левую ногу, похожую на коготь грифона, они сделали для обозначения слуг мирской власти папы, а также высоко развитую грудь и различные другие члены тела, кардиналов, епископов, священников и монахов, "жизнь которых состоит в еде, питье и нецеломудрии": в доказательство этого они процитировали отрывки из Второго Послания к Тимофею и Послания к

Филиппийцам. Предполагаемую рыбью чешую на руках, ногах и шее чудовища они сделали для обозначения светских принцев и лордов; "поскольку, - как они сказали, - у святого Матфея и Иова море олицетворяет мир и ловит людей". Голову старика у основания позвоночника чудовища они истолковали как означающую "упразднение и конец папства", и доказали это на примере Послания к Евреям и Даниила. Дракон, открывающий пасть сзади и извергающий огонь, "относится к ужасным, ядовитым буллам и книгам, которые папа и его приспешники сейчас извергают в мир". Затем два великих Реформатора продолжили настаивать на том, что, поскольку это чудовище было найдено в Риме, оно не могло относиться ни к кому, кроме папы римского; "ибо, - сказали они, - Бог всегда посылает свои знамения в тех местах, где применимо их значение". Наконец, они заверили мир, что чудовище в целом ясно означало, что папство приближается к своему концу. Этому развитию интерпретации особенно посвятили себя Лютер и Меланхтон; последний переработал это изложение "Вундеркинда", а первый внес дополнения в новое издание. Такого рода интерпретация имела такой успех, что Лютер, услышав о том, что во Фрейбурге был найден чудовищный теленок, опубликовал об этом трактат, показывающий цитатами из книг Исхода, Царств, Псалмов, Исайи, Даниила и Евангелия от Святого Иоанна, что это новое чудовище было делом рук дьявола, но исполненное смысла в отношении спорных вопросов между реформаторами и старой Церковью.

Другая главная ветвь Реформатской церкви появилась на некоторое время, чтобы установить более совершенную систему. Одно время казалось, что сильная логика Кальвина способна оторвать его приверженцев от старого метода; но эволюция схоластики продолжалась, и влияние немецких реформаторов возобладало. В каждом богословском центре произошло удивительное развитие интерпретации.

Выдающиеся лютеранские богословы семнадцатого века, такие как Герхард, Каловиус, Кокцерус и множество других, написали десятки кварто, чтобы развить эту систему, и другая ветвь протестантской церкви последовала их примеру. Многозначительное изречение св. Августина — "Авторитет Священного Писания выше всех человеческих способностей" — постоянно настаивали, и к концу семнадцатого века Воэций, известный профессор из Утрехта, заявил: "В Священном Писании не содержится ни слова, которое не было бы богодухновенным в самом строгом смысле, не исключая и пунктуации"; и это заявление эхом отозвалось с множества кафедр, богословских кафедр, синодов и соборов. К сожалению, было очень трудно выяснить, в чем на самом деле заключался "авторитет Священного Писания". Для большего числа протестантских священнослужителей это означало авторитетность любого значения в тексте, которое у них хватило ума изобрести и силы применить.

Чтобы усилить эту огромную путаницу, в более старой ветви Церкви возникла идея о божественном вдохновении латинского перевода Библии, приписываемого святому Иерониму, — Вульгаты. Ведущие католические авторитеты настаивали на том, что это был такой же полностью продукт божественного вдохновения, как и еврейский оригинал. Появились сильные люди, настаивавшие даже на том, что там, где иврит и латынь различаются, иврит следует изменить, чтобы он соответствовал неправильному переводу Джерома, поскольку последний, созданный при новом устройении, должен быть лучше, чем тот, который был сделан при старом. Даже такой великий человек, как кардинал Беллармин, тщетно боролся с этим новым приливом неразумия.(469)

(469) Что касается Валлы, см. В различных источниках, которые уже были названы; и для особенно интересного отчета, "Возрождение Саймонда в Италии", "Возрождение обучения", стр. 260-269; а мнение лучшего современного судьи см. Erasmus, Opera, Лейден, 1703, том. iii, стр. 98. Об Эразме и его оппонентах см. "Жизнь Эразма" Батлера, Лондон, 1825, стр. 179-182; но особенно, если говорить об общей теме, "Историю папства во времена Реформации" епископа Крейтона. О нападении Буде и Сорбонны и сожжении Беркена см. Драммонд, "Жизнь и характер Эразма", том ii. ii, стр. 220-223; также стр. 230-239. Что касается текста "Трех свидетелей", см. Гиббон, "Упадок Римской империи", глава xxxvi, примечания 116-118; также примечание дина Милмана к нему. Полное и заученное изложение доказательств против этого стиха см. в Письмах Порсона к Трэвису, Лондон, 1790 г., в которых дается подробное обсуждение всех рукописей. См. также Джоуэтта в "Эссе" и обзорах, стр. 307. Очень полную и беспристрастную историю долгих споров по поводу этого отрывка см. в книге Чарльза Батлера "Библейские истории", перепечатанной в "Богословских эссе и трактатах" Джареда Спаркса, том ii. С идеями интерпретации Лютера можно ознакомиться в его "Sammtliche Schriften", Валхское издание, том i, стр. 1199, vol. ii, стр. 1758, т. viii, стр. 2140; о некоторых его более свободных взглядах, т. xiv, стр. 472, вып. vi, стр. 121, т. xi, стр. 1448, вып. xii, стр. 830; также Tholuck, Doctrine of Inspiration, Бостон, 1867, со ссылкой на Коллоквиумы, Франкфурт, 1571, т. ii, стр. 102; также "Закон о немецком библиобизнесе" в издании Вальха, как указано выше, т. xiv, особенно стр. 94, 98 и 146-150. Что касается Меланхтона, см., в частности, его Loci Communes, 1521; а что касается огромного роста комментариев в последующих поколениях, см. Чарльз Бирд, Лекции Хибберта за 1883 год, посвященные Реформации, особенно замечательную главу о протестантской схоластике; также архидьякон Фаррар, история интерпретации. О Папстезеле и т. Д. См. в Книге Лютера "Саммитлихе Шифтен", правка. Вальх, том xiv, стр. 2403 и далее; также Опера Меланхтона, изд. Bretschneider, vol. xx, pp. 665 et seq. В Белой библиотеке Корнельского университета будет найдено оригинальное издание книги с гравюрами монстра. Что касается Монхкальба, смотрите работы Лютера, указанные выше, том. xix, стр. 2416 и далее. О духе Кальвина в интерпретации см. Фаррара и особенно Х. П. Смита, Д. Д., Вдохновение и непогрешимость, глава. iv, и очень блестящее эссе, составляющее главу. iii той же работы, Л. Дж. Эванса, стр. 66 и 67, примечание. Об отношении старой Церкви к Вульгате см. Паллавичини, "История согласия в Тренте", Монруж, 1844, том i, стр. 19,20; но особенно Саймондс, "Католическая реакция", том i, стр. 226 и далее. Что касается требования о пересмотре еврейской Библии с целью исправления ее отличий от Вульгаты, см. "Литературные останки" Эммануэля Дойча, Нью-Йорк, 1874, стр. 9. О работе и духе Каловия и других комментаторов, последовавших сразу за Реформацией, см. Фаррара, как указано выше; также Бирд, Шафф и Герцог, "Описание священных заветов"

в "Христианской церкви", стр. 527 и далее. Что касается крайних взглядов Воэция и других, см. Tholuck, как указано выше. О формуле Concensus Helvetica, которая в 1675 году подтвердила вдохновение точек на гласных, см. Шафф, Creeds.

Фанатичная приверженность простой букве священного текста также не ограничивалась Западной Европой. Примерно в середине семнадцатого века, в царствование Алексея, отца Петра Великого, Никон, патриарх Русской греческой церкви, попытался исправить славянские Священные Писания и богослужебные книги. Они были полны вставок из-за невежества, небрежности или усердия, и, чтобы исправить такое состояние текстов, Никон раздобыл ряд лучших греческих и славянских рукописей, привлек к работе над ними ведущих и наиболее набожных ученых, которых только смог найти, и заставил Русские церковные соборы 1655 и 1666 годов обнародовать исправленные таким образом книги.

Но те же чувства, которые так сильно выступали против нашего пересмотра Библии в девятнадцатом веке, с еще большей силой выступили против этого пересмотра в семнадцатом веке. Сразу же огромные массы народа, возглавляемые монахами и приходскими священниками, подняли восстание. Тот факт, что редакторы написали в Новом Завете имя Иисуса правильно, вместо того чтобы следовать старой неправильной орфографии, вызвал самый дикий фанатизм. Монахи великого Соловецкого монастыря, когда им прислали новые книги, в ужасе воскликнули: "Горе, горе! что вы сделали с Сыном Божиим?" Затем они закрыли свои ворота, бросив вызов патриарху, совету и царю, пока после семилетней борьбы их монастырь не был осажден и взят императорской армией. Так возникла великая секта "старообрядцев", существующая по сей день и фанатично преданная искаженному прочтению старого текста.(470)

(470) Настоящий автор, посетивший Москву весной 1894 года, был представлен графом Львом Толстым одному из самых выдающихся и влиятельных членов секты "старообрядцев", восходящей к реформе Никона. Ничто не могло сравниться с тем пылом, с которым этот почтенный человек, стоя в часовне своей великолепной виллы, распространялся об ужасах крестного знамения тремя пальцами вместо двух. Его аргумент заключался в том, что ДВА пальца, используемые "старообрядцами", символизируют божественную и человеческую природу нашего Господа, и, следовательно, что использование их строго правильно; в то время как подписание ТРЕМЯ пальцами, представляющими пресвятую Троицу, означает "фактически распятие всех трех лиц Божества заново". Не менее убедительными были его аргументы относительно огромной ценности старого текста Священного Писания по сравнению с новым. О восстании против Никона и его реформах см. Рамбо, История России, том i, стр. 414-416; также Уоллес, Россия, том ii, стр. 307-309; также Леруа-Болье, "Царская империя", том I. iii, livre iii.

Как ни странно, над развитием толкования Священного Писания, в основном в соответствии со старыми методами, поработал примерно в начале восемнадцатого века сэр Исаак Ньютон.

Трудно поверить, что разум, создавший Принципы и прорвавшийся сквозь многие освященные веками представления о датах и формировании книг Священных Писаний, мог породить его рассуждения о пророчествах; тем не менее, даже в этой работе в разные моменты проявляется его сила. Исходя из внутренних свидетельств, он не только отбросил текст Трех свидетелей, но и решил, что Пятикнижие, должно быть, было составлено из нескольких книг; что Книга Бытия не была написана до правления Саула; что книги Царств и Паралипоменон, вероятно, были собраны Ездрой; и, любопытно предвосхищая современную критику, что книга Псалмов и пророчества Исайи и Даниила были написаны разными авторами в разное время. Но старая вера в пророчество как предсказание была слишком сильна для него, и мы видим, как он применяет свои великие способности к выяснению связи деталей, данных пророками и в Апокалипсисе, с историей человечества с тех пор, как она развернулась, и отслеживает из каждого утверждения в пророческой литературе его точное исполнение даже в самых мельчайших деталях.

К началу восемнадцатого века структура толкования Священных Писаний стала огромной. Казалось, ей суждено навсегда скрыть истинный характер нашей священной литературы и затемнить великий свет, который христианство принесло в мир. Церковь, Восточная и Западная, католическая и протестантская, довольствовалась тем, что сидела в его тени, и великие богословы всех ветвей Церкви воздвигали всевозможные фантастические опоры, чтобы укрепить или украсить его. Казалось, что он был основан навечно; и все же, в это самое время, когда он казался наиболее сильным, течение мысли быстро разрушало его основы и готовило то крушение всей ткани, которое сейчас, в конце девятнадцатого века, происходит так быстро.

Следующим будет дан отчет о начатом таким образом движении.(471)

(471) О смелости Ньютона в текстологической критике по сравнению с его легковерием относительно буквального исполнения пророчеств см. Его Наблюдения над пророчествами Даниила и Апокалипсисом святого Иоанна в его работах под редакцией Хорсли, Лондон, 1785, т. v, стр. 297-491.

II. НАЧАЛА НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

В основе обширной структуры более древних толкований Священных Писаний лежали определенные идеи относительно первых пяти книг Ветхого Завета. Считалось само собой разумеющимся, что они были продиктованы Всемогущим Моисею примерно за полторы тысячи лет до нашей эры; что некоторые части из них действительно были написаны телесным перстом Иеговы и что все части передавали не просто его мысли, но и его точную фразеологию. Вселенская церковь также считала, фактически, что, хотя каждое повествование или

утверждение в этих книгах является точным изложением исторического или научного факта, тем не менее, весь текст содержит огромный скрытый смысл. Таково было правило: исключения, сделанные несколькими переводчиками то тут, то там, только подтверждали его. Даже безразличие святого Иеронима к доктрине Моисеева авторства не помешало ей вызреть в догму.

Книга Бытия повсеместно считалась рассказом, не только божественно всеобъемлющим, но и чудесным образом точным, о сотворении мира и зарождении жизни на земле; рассказом, которому должны соответствовать все открытия в каждой отрасли науки, несмотря на страдания и наказания. В англоязычных странах это продолжалось до наших дней: самый выдающийся из современных английских биологов рассказал нам, как на каждом пути естествознания он на каком-то этапе своей карьеры наталкивался на барьер с надписью "Моисею нет прохода".

Излюбленной темой богословского красноречия было совершенство Пятикнижия, и особенно Книги Бытия, не только как летописи прошлого, но и как откровения будущего.

Кульминацией этого взгляда в протестантской церкви стала мозаика "Пансофия" Пфайффера, генерального суперинтенданта лютеранской церкви, или епископа, в северной Германии, примерно в начале семнадцатого века. Он заявил, что текст Книги Бытия "должен приниматься строго"; что "он содержит все знания, человеческие и божественные"; что "в нем можно найти двадцать восемь статей Аугсбургского исповедания"; что "это арсенал аргументов против всех сект и разновидностей атеистов, язычников, евреев, турок, татар, папистов, кальвинистов, социнианцев и баптистов"; "источник всех наук и искусств, включая юриспруденцию, медицину, философию и риторику"; "источник и сущность всех историй и всех профессий, ремесел, и труды"; "демонстрация всех добродетелей и пороков"; "источник всякого утешения".

Это высказывание разносилось по Германии от кафедры к кафедре, набирая силу и громкость, пока столетие спустя его не повторил Юэ, выдающийся епископ и комментатор Франции. Он процитировал сотню авторов, священных и мирских, чтобы доказать, что Моисей написал Пятикнижие; и не только это, но и то, что от еврейского законодателя пошло языческое богословие — что Моисей был, фактически, почти всем языческим пантеоном, объединенным в одно целое, и действительно существом, которому поклонялись под такими именами, как Вахх, Адонис и Аполлон. (472)

(472) Отрывок из Хаксли о мозаичных барьерах на пути современной мысли см. в его Эссе, недавно опубликованных. For Pfeiffer, see Zöckler, *Theologie und Naturwissenschaft*, vol. i, pp. 688, 689. О безразличии святого Иеронима к авторству Моисея читайте в первом из превосходных набросков преподобного С. Дж. Кертисса "Критика Пятикнижия" в Священной библиотеке за январь 1884 года. О Хьюэте см. также Кертисс, там же.

Примерно в середине XII века, насколько теперь известно миру, появился первый противник этой общей теории. Именно тогда Абен Эзра, величайший библеист Средневековья, отважился очень осторожно привлечь внимание к определенным пунктам Пятикнижия, несовместимым с верой в то, что все оно было написано Моисеем и передано в его первоначальном виде. Его мнение основывалось на хорошо известных текстах, которые заставили всех действительно выдающихся библеистов девятнадцатого века отказаться от старой точки зрения, показав, что

авторство пятикнижия Моисея в их нынешнем виде явно опровергается самими книгами; и среди этих текстов есть рассказы о смерти и погребении самого Моисея, а также утверждения, основанные на именах, событиях и условиях, которые появились на свет спустя столетия после времен Моисея.

Но Абен Эзра, очевидно, не стремился к мученичеству; он зародил эту идею у раввина предыдущего поколения и, окутав свое заявление загадкой, добавил предостережение: "Пусть тот, кто понимает, придержит язык".(473)

(473) Тексты, на которые Абен Эзра ссылается как несовместимые с Моисеевым авторством Пятикнижия, см. Мейер, "Книга толкований", том i, стр. 85-88; и краткий отчет о содержании, введение Мура к книге Бытия, Б. В. Бэкон, Хартфорд, 1893, стр. 23; также Кертисс, как указано выше. Для полной демонстрации абсолютной несовместимости этих текстов с авторством Моисея и т.д. См. Вышеприведенную "Критику Пятикнижия" К. А. Бриггса, доктора философии, Нью-Йорк, 1893, особенно главу. iv; также Робертсон Смит, ст. Библия, в энцикл. Брит.

Около четырех столетий ученый мир следовал совету благоразумного раввина, а затем двое известных ученых, один из которых был протестантом, другой католиком, возродили его идею. Первый из них, Карлштадт, настаивал на том, что авторство Пятикнижия неизвестно и непознаваемо; другой, Андреас Маес, выразил свое мнение в выражениях, которые сейчас не оскорбили бы самых ортодоксальных, о том, что Пятикнижие было отредактировано Ездрой и получило в процессе различные богодухновенные слова и фразы для прояснения смысла. С обоими этими новаторами разобрались незамедлительно: Карлштадт был изгнан из-за этой и других вызывающих беспокойство идей под аплодисменты протестантской церкви; и более старая церковь внесла книгу Маеса в Индекс.

Но когда мы сейчас оглядываемся назад, на Возрождение Образования, Эпоху открытий и Реформацию, мы можем ясно видеть, что какой бы могущественной ни была тогда более древняя Церковь и какой бы могущественной ни должна была стать Реформированная Церковь, действовало нечто гораздо более могущественное, чем то или иное; и это был великий закон природы — закон эволюции через дифференциацию. Повинуясь этому закону, теперь начала возникать, как внутри Церкви, так и вне ее, новая группа ученых — не столько богословов, сколько искателей истины научными методами. Некоторые, как Куза, были церковниками; некоторые, как Валла, Эразм и Скалигеры, не были таковыми ни в каком реальном смысле; но независимо от того, состояли ли они в священном сане на самом деле, номинально или вообще не состояли, они были, прежде всего, исследователями литературы и науки.

В течение шестнадцатого века мощный импульс к более тщательным исследованиям был дан несколькими весьма примечательными достижениями критического метода, разработанного этим новым классом людей, и двум из них следует уделить здесь внимание из-за их влияния на весь последующий ход человеческой мысли.

На протяжении многих веков Декреталии, носящие великое имя Исидора, хранились как одно из самых ценных достояний Церкви. Они содержали то, что называлось массой канонических постановлений соборов и тому подобного, начиная со времен апостолов и вплоть до

восьмого века — все это в важных моментах поддерживало доктрину, дисциплину, церемониал и различные высокие притязания Церкви и ее иерархии.

Но в пятнадцатом веке этот стойкий немецкий мыслитель, кардинал Николай Кузанский, настоял на изучении этих документов и применении к ним того же тщательного исследования и терпеливого мышления, которые привели его, еще до Коперника, к обнаружению ошибки астрономии Птолемея.

В результате он открыто выразил свой скептицизм по отношению к этой благочестивой литературе; другие близкие мыслители последовали его примеру в ее исследовании, и вскоре было обнаружено, что она представляет собой совокупность абсурдных анахронизмов с бесконечными столкновениями и путаницей событий и личностей.

Какое-то время церковные власти предпринимали героические попытки скрыть эти факты. На ученых, раскрывавших их, смотрели неодобрительно, даже преследовали, а их работы помещали в Указатель; ученые, объяснявшие их, — "апологеты" или "примирители" того времени — были вознаграждены церковными привилегиями, один из них получил кардинальскую шапку за очень слабый трактат. Но все было напрасно; в конце концов все известные ученые, как католические, так и протестантские, признали, что эти труды в основном представляют собой массу искусно подделанных документов.

В то время как глаза ученых, таким образом, как никогда прежде, открылись на умение фанатиков ранней Церкви подделывать документы, полезные для церковности, другое открытие показало их равное мастерство в подделке документов, полезных для теологии.

На протяжении более тысячи лет богословы придавали большое значение писаниям, приписываемым Дионисию Ареопагиту, афинянину, обращенному апостолом Павлом. Утверждая, что они исходят от человека, столь близкого к великому апостолу, они ценились как самое драгоценное дополнение к Священному Писанию. Существовало поверье, что, когда святой Павел вернулся на землю после того, как был "вознесен на третье небо", он открыл Дионисию то, что видел. Поэтому разнообразные картины небесной иерархии и ангельских служителей Всемогущего, представленные в этих писаниях, сильно завладели воображением Вселенской Церкви: их богословские утверждения глубоко запали в сердца и умы мистиков двенадцатого века и платоников пятнадцатого; а содержащиеся в них десять посланий, адресованных святому Иоанну, Титу, Поликарпу и другим людям древнейшего периода, считались сокровищами священной истории. Император Востока послал эти труды императору Запада как самый драгоценный из императорских даров. Скот Эригена перевел их; святой Фома Аквинский разъяснил их; Данте прославил их; Альберт Великий утверждал, что они фактически были даны святым Павлом и вдохновлены Святым Духом. Их подлинность считалась само собой разумеющейся отцами церкви, докторами, папами, соборами и Вселенской Церковью.

Но теперь, в разгар Возрождения, все эти сокровища оказались всего лишь отбросами. Исследователи в старой Церкви и в новой объединились, доказывая, что большая часть этого была поддельной.

Не говоря уже о других свидетельствах, оно не выдержало простейшей проверки, поскольку эти писания постоянно предполагали институты и относились к событиям гораздо более поздним, чем времена Дионисия; в конце концов все авторитеты, достойные этого названия, как

католические, так и протестантские, признали их просто — подобно исидорианским декреталиям — благочестивым мошенничеством.

Так возникла атмосфера критики, сильно отличающаяся от атмосферы литературной покорности "Веков веры"; так случилось, что великие ученые во всех частях Европы начали осознавать, как никогда раньше, ту роль, которую теологическое мастерство и церковное рвение сыграли в развитии поддельной священной литературы; так была стимулирована новая энергия в исследовании всех древних документов, независимо от того, каковы были их утверждения. Усилить это чувство и усилить стимулирующие свойства этой новой атмосферы помогли, как мы видели, исследования и откровения Валлы относительно поддельного письма Христа к Абгару, мошеннического пожертвования Константина и поздней даты Апостольского символа веры; а чтобы направить это чувство в сторону еврейских и христианских священных книг, привел пример Эразм.(474)

(474) Очень справедливые утверждения относительно великих поддельных документов средневековья см. В "Католическом словаре" Аддиса и Арнольда, статьи "Дионисий Ареопагит" и "Фальшивые декреталии", а в последней - в "любопытном признании того, что масса псевдо-исидорианских декреталий" является тем, что мы сейчас называем подделкой".

О заимствовании идей Дионисия у апостола Павла и о приписываемой ему идее вдохновения см. Альбертус Магнус, Opera Omnia, vol. xiii, первые главы и глава vi. Для получения очень интересных подробностей по этому общему предмету см. Dollinger, Das Papstthum, глава I. ii; также его Басни о римских папах средневековья, переведенные Пламмером и Х. Б. Смитом, часть i, глава V. Описание этих работ см. Фаррар, как указано выше, стр. 254, 255; также Бирд, Лекции Хибберта, стр. 4, 354. О ложных декреталиях см. Милман, История латинского христианства, том. ii, стр. 373 и далее. О великом труде псевдо-Дионисия см. Там же, том. iii, стр. 352 и т. vi, стр. 402 и далее, и статья каноника Уэсткотта о Дионисии Ареопагите в т. v Современного обзора; также главы по астрономии в этой работе.

Естественно, что в этой новой атмосфере более смелые ученые Европы вскоре начали более энергично продвигать исследования, начатые много веков назад Абенем Эзрой, и следующие усилия этих людей были замечены примерно в середине семнадцатого века, когда Гоббс в своем "Левиафане" и Ла Пейрер в своих "Преадамитах" продолжили их и получили дальнейшее развитие. Результат пришел быстро. За этот и другие грехи Гоббс был запрещен даже политической партией, которая в нем остро нуждалась, и вообще считался изгоем; в то время как Ла Пейрер за эту и другие ереси был брошен в тюрьму великим викарием Мехлина и содержался там до тех пор, пока полностью не отказался от своих слов: его книга была опровергнута семью теологами в течение года после ее появления, и в течение жизни поколения появилось тридцать шесть подробных ответов на нее: парижский парламент приказал палачу сжечь ее.

В 1670 году появилось высказывание гораздо более важное, сделанное человеком гораздо более великим, чем любой из них, — "Tractatus Theologico-Politicus" Спинозы. Благоговейно, но твердо он углубился в эту тему гораздо глубже. Выдвигая новые аргументы и перерабатывая старые, он подвел итог всему с юридической справедливостью и показал, что Моисей не мог быть автором Пятикнижия в существовавшем тогда виде; что там были глоссы и исправления;

что библейские книги выросли как литература; что, хотя в них можно найти великие истины и их следует рассматривать как божественное откровение, старые утверждения о их непогрешимости не могут быть подтверждены; что при их изучении люди были введены в заблуждение, приняв человеческие концепции за божественные значения; что, хотя пророки были вдохновлены, богословы были богодухновенны. пророческие способности были приданы не только еврейского народа; что искать точное знание природных и духовных явлений в священных книгах является совершенной ошибкой; и что повествования Ветхого и Нового Заветов, хотя они и превосходят повествования мирской истории, различаются между собой не только литературными достоинствами, но и ценностью доктрин, которые они проповедуют. Что касается авторства Пятикнижия, он пришел к выводу, что оно было написано задолго до Моисея, но что Моисей, возможно, написал некоторые книги, из которых оно было составлено — как, например, те, которые упоминаются в Священных Писаниях, Книга войн Божьих, Книга Завета и тому подобное — и что многочисленные повторения и противоречия в различных книгах свидетельствуют об отсутствии тщательного редактирования, а также о разнообразии оригинальных источников. Затем Спиноза продолжил, чтобы пролить свет на некоторые другие книги Ветхого и Нового Заветов, и добавил два общих утверждения, которые оказались чрезвычайно полезными, поскольку они содержат зародыши всей современной широкой церковности; и первое из них дало формулу, которой суждено было в наше время спасти для англиканской церкви большое количество ее благороднейших сынов: это было то, что "священное Писание СОДЕРЖИТ Слово Божье, и в той мере, в какой оно содержит его, оно неподкупно"; второе было то, что "ошибка в спекулятивной доктрине не является нечестивой".

Хотя эта книга и была опубликована различными изданиями, в то время казалось, что она не произвела особого впечатления на мир; но для самого Спинозы ее результат был не менее серьезным. Хотя Новалис был настолько глубоко религиозен, что отзывался о нем как о "опьяненном Богом человеке", а Шлейермахер называл его "святым", за более раннее выражение некоторых содержащихся в нем мнений он вызывал отвращение как еретик как у евреев, так и у христиан: от синагоги он был отлучен публичным проклятием, а Церковь теперь рассматривала его в некотором роде как предтечу антихриста. Несмотря на все это, он не выказывал недовольства, но спокойно посвятил себя учебе и простому физическому труду, которым он себя обеспечивал; отказался от всех предлагаемых почестей, среди которых профессорская должность в Гейдельберге; находил удовольствие только в обществе нескольких друзей, таких же нежных, как он сам; и умер довольный, не увидев никакого широкого эффекта от своей доктрины, кроме преобладающего отвращения к самому себе.

Возможно, за весь семнадцатый век не было человека, которого Иисус из Назарета любил бы более глубоко, и не было жизни, которую он одобрял бы с большей теплотой; и все же вплоть до самого недавнего периода эта ненависть к Спинозе продолжалась. Когда примерно в 1880 году было предложено установить ему памятник в Амстердаме, в церквях и синагогах были произнесены речи, в которых говорилось о гневе Небес на город за такую профанацию; и когда памятник был закончен, полиция была вынуждена приложить все усилия, чтобы не допустить нанесения вреда статуе и видным ученым, которые ее открыли.

Но идеи Спинозы наконец получили признание. Они глубоко запали в сердца и умы различных лидеров мысли и, что важнее всего, в сердце и ум Лессинга; он воплотил их в своем трактате "О воспитании мира", а также в своей драме "Натан Мудрый", и с тех пор оба эти произведения с силой говорят с каждым поколением.

Во Франции также произошла такая же здоровая эволюция мысли. На протяжении поколений ученые знали, что в священный текст вкралось множество ошибок. Роберт Стивенс обнаружил более двух тысяч вариаций в древнейших рукописях Ветхого Завета, и в 1633 году Жан Морен, священник Оратории, ясно указал на многие из наиболее ярких из них. Семнадцать лет спустя, несмотря на самые серьезные протестантские попытки замалчивания его работы, Каппелл выступил со своей *Critica Sacra*, продемонстрировав не только то, что указание гласных в Священном Писании не было богодухновенным, но и то, что сам еврейский текст, с которого были сделаны современные переводы, полон ошибок из-за небрежности, невежества и доктринального рвения ранних переписчиков, и что "оригинальные автографы" священных книг явно не сохранились чудесным образом.

В то время как православная Франция пребывала в состоянии тревоги, вызванной этим, появилась Критическая история Ветхого Завета Ричарда Саймона, священника Оратории. Он был глубоко религиозным человеком и проницательным ученым, всей целью которого было развивать истины, которые, по его мнению, были полезны для Церкви и человечества. Но он отрицал, что Моисей был автором Пятикнижия, и привел внутренние доказательства, ныне столь хорошо известные, что книги были составлены гораздо позже разными людьми, а еще позже отредактированы. Он также показал, что другие части Ветхого Завета были составлены из более древних источников, и подверг критике проверенную временем теорию о том, что иврит был примитивным языком человечества. Весь характер его книги был таков, что в наши дни она в целом сошла бы за консервативную и ортодоксальную; она была одобрена цензурой в 1678 году и напечатана, когда Боссюэ были показаны оглавление и страница предисловия. Великий епископ и богослов мгновенно пришел в возбуждение; он назвал это произведение "скопещем нечестия и оплотом безбожия"; его биограф сообщает нам, что, хотя был Страстной четверг, епископ, несмотря на торжественность дня, немедленно поспешил к канцлеру Ле Телье и добился приказа прекратить публикацию книги и сжечь все ее издание. К счастью, несколько экземпляров удалось спасти, и несколько лет спустя работа нашла нового издателя в Голландии; но только после того, как к ней было приложено, очевидно, каким-то авторитетным протестантским священником, эссе, предостерегающее читателя от ее опасных доктрин. Два года спустя перевод был опубликован в Англии.

За этим первым произведением Симона последовали другие, в которых он стремился, в интересах истины священного Писания, пролить новый и более чистый свет на нашу священную литературу; но Боссюэ оказался неумолим. Хотя он и не смог подавить все работы Саймона, он смог изгнать его из Оратории и подорвать его репутацию среди тех самых людей, которые должны были гордиться им как французы и быть благодарными ему как христиане.

Но другие выдающиеся ученые теперь работали в этой области, и главный из них Ле Клерк. Фактически изгнанный из Женевы, он нашел убежище в Амстердаме и там опубликовал серию работ по древнееврейскому языку, толкованию Священного Писания и тому подобному. В них он выступил против распространенного представления о том, что иврит был первобытным языком, выразил мнение, что в форме множественного числа слова, используемого в Книге Бытия для обозначения Бога, "Элохим", есть следы халдейского политеизма, и в своем рассуждении о змее, искушавшем Еву, любопытным образом предвосхитил современные геологические и зоологические идеи, спокойно признавшись в своей неспособности увидеть, как лишение змея ног и принуждение его ходить на брюхе могло быть наказанием — поскольку все это было естественно для животного. Он также отважился на квазинаучные объяснения

смешения языков в Вавилоне, разрушения Содома, превращения жены Лота в соляной столб и разделения Красного моря. Что касается Пятикнижия в целом, он полностью отверг идею о том, что оно было написано Моисеем. Но его самым постоянным подарком мыслящему миру был его ответ тем, кто настаивал на упоминании Христом и его апостолами Моисея как автора Пятикнижия. Ответом стала формула, которая доказала свою эффективность с его времен до наших: "Наш Господь и его апостолы пришли в этот мир не для того, чтобы учить евреев критике, и, следовательно, говорили в соответствии с общим мнением".

На всех этих ученых обрушилась теологическая буря, но наиболее безжалостно она обрушилась на Ле Клерка. Такие известные богословы, как Карпцов в Германии, Вициус в Голландии и Хьюэт во Франции, немилосердно ругали его и ошеломляли утверждениями, которые до сих пор наполняют нас удивлением. То, что Хьюэт приписывает происхождение языческой, а также христианской теологии Моисею, мы уже видели; но Карпцов показал, что протестантизм не может превзойти католицизм, когда он заявил перед лицом всего современного знания, что не только содержание, но и точная форма и слова Библии были божественно переданы современному миру свободными от всех ошибок.

Услышав это, Ле Клерк застыл в ужасе и, наконец, пробормотал что-то вроде полуотречения.(475)

(475) О Карлштадте и отношениях Лютера с ним по различным поводам, см. Мейер, "Книга толкований", том. ii, стр. 373, 397. Что касается ценности работы Маеса в целом, см. Meyer, vol. ii, стр. 125; и что касается рассматриваемого вида работы, там же, т. iii, стр. 425, примечание. О Карлштадте см. также "Фаррар, История интерпретации" и введение Мура, как указано выше. Мнение Гоббса о том, что Пятикнижие было написано намного позже времен Моисея, см. в "Левиафане", т. iii, стр. 33. Точку зрения Ла Пейрера см., в частности, в *Ego Prae-Adamitae*, lib. iv, глава. ii, также lib. ii, *passim*; также Леки, *Рационализм в Европе*, том i, стр. 294; также интересные моменты в словаре Бейля. С точки зрения Спинозы, смотрите "Теолого-политический трактат", ребята. ii и iii, а также о преследованиях см. Различные биографии. Подробности о демонстрации против открытия его памятника были сообщены нынешнему автору в то время Бертольдом Ауэрбахом, который принимал участие в церемонии. О Моринусе и Каппеллусе см. Фаррара, как указано выше, стр. 387 и примечание. О Ричарде Саймоне читайте в его Исторической критике Древнего Заветания, лив. i, главы. ii, iii, iv, v и xiii. О его отрицании преобладающей теории относительно иврита см. лив. i, глава iv. О Моринусе (Morin) и его работах см. Биографию. Univ. и Nouvelle Biog. Generale; также Curtiss. О противостоянии Буссе Саймону см. Историю Буссера в "Произведениях Буссе", Париж, 1846, том xii, стр. 330, 331; также т. x, стр. 378; также различные нападки в различных томах. Интересно отметить, что среди главных зачинщиков преследований были порто-роялисты, которым впоследствии иезуиты так сочувствовали в протестантском мире.

О Ле Клерке см., в частности, его Пятикнижие, Прологом, диссертация. i; также Ком. в Genes., глава. vi-viii. Для перевода избранных отрывков по отмеченным пунктам см. Двенадцать диссертаций из книги месье Леклерка "Генезис", выполненных с латыни мистером Брауном, Лондон, 1696; также "Настроения теологов Олланда" Ле Клерка, passim; также его работа о вдохновении, английский перевод, Бостон, 1820, стр. 47-50, также 57-67. О Вициусе и Карпцове см. Кертисса, как указано выше. О некоторых второстепенных моментах в более раннем развитии мнения, в настоящее время доминирующего, см. Бриггс, "Высшая критика Шестикнижия", Нью-Йорк, 1893, глава iv.

В течение восемнадцатого века в огромную структуру ортодоксального толкования Священных Писаний постоянно вносились дополнения, некоторые из них тогда вызвали аплодисменты христианского мира, хотя сейчас почти все они полностью дискредитированы. Но в 1753 году появились два вклада, оказавших постоянное влияние, хотя и сильно отличающихся по стоимости. При сравнительной оценке этих двух работ мир стал свидетелем заметного изменения общественного мнения.

Первым из них были Проповеди епископа Лоута о священной поэзии евреев. В этом хорошо проявилась та черта еврейской поэзии, которой она во многом обязана своим особым очарованием, — ее параллелизм.

Второй из этих книг были Предположения Аструка относительно Оригинальных Воспоминаний, которые Моисей использовал при составлении Книги Бытия. В этом впервые был ясно раскрыт тот факт, что среди различных фрагментов древних писаний в состав Книги Бытия входят по крайней мере два основных повествования; что в первом из них обычно используется как наименование Всемогущего слово "Элохим", а во втором - слово "Яхве" (Иегова); что каждое повествование имеет свои собственные характеристики в мысли и выражении, которые отличают его от другого; что, разделяя их, можно получить два ясных и отличных повествования, каждое из которых согласуется само с собой, и что таким образом, и только таким образом, можно получить два четких повествования. будут объяснены повторы, разночтения и противоречия в Книге Бытия, которые так долго ставили в тупик изобретательность комментаторов, особенно два рассказа о сотворении мира, столь совершенно несовместимые друг с другом.

Какой бы интересной ни была книга Лоута, эта работа Аструка была, как теперь признает мыслящий мир, бесконечно более важной; это был, действительно, самый ценный вклад, когда-либо сделанный в изучение Библии. Но тогда суд над миром был не таким. В то время как книга Лоута была покрыта почестями, а ее автор переведен из епископства Сент-Дэвидс в Лондонское и даже получил первенство, Аструк и его книга были покрыты упреками. Хотя, как ортодоксальный католик, он главным образом желал подтвердить авторство Моисея вопреки аргументам Спинозы, он не получил благодарности за это. Богословы всех вероисповеданий глумились над ним как над доктором медицины, допустившим ошибку за пределами своей области; его собратья-католики во Франции яростно осуждали его как еретика; а в Германии

великий протестантский богослов Михаэлис, который редактировал и превозносил труд Лоута, презирал Аструка как невежду.

Случай с Аструком - один из многих, демонстрирующих удивительную силу старых теологических рассуждений, закрывающих самые сильные умы от самых ясных истин. Факт, который он открыл, теперь установлен так же определенно, как и любой другой во всей литературе или науке. Это стало ясно как божий день, и все же в течение двух тысяч лет умы профессиональных теологов, иудеев и христиан, не могли этого обнаружить. Только после того, как этот выдающийся врач применил к этому предмету ум, натренированный проводить научные различия, она была дана миру.

Конечно, даже такой выдающийся ученый, как Михаэлис, не смог бы отмахнуться от столь важного открытия; и, что достаточно любопытно, именно один из собственных ученых Михаэлиса, Эйхгорн, проделал основную работу по донесению новой истины до всего мира. Он вместе с другими развил на основе этого теорию о том, что Книга Бытия, да и само Пятикнижие, полностью состоят из фрагментов древних писаний, в основном разрозненных. Но они сделали гораздо больше, чем это: они внушили мыслящей части христианского мира тот факт, что Библия - это не КНИГА, а ЛИТЕРАТУРА; что стиль ее не сверхъестественен и уникален, а просто восточный стиль стран и времен, в которые были написаны различные ее части; и что их следует изучать в свете способов мышления и изложения, а также литературных привычек в целом восточных народов. Со времен Эйхгорна процесс, который посредством исторических, филологических и текстологических исследований выявляет правду об этой литературе, был известен как "высшая критика".

Он был глубоко религиозным человеком, и главной движущей силой его усилий было желание вернуть в лоно Церкви образованные классы, которых отталкивала жесткая лютеранская ортодоксальность; но это только усилило враждебность к нему. Оппозиция встречала его в Германии на каждом шагу; а в Англии Ллойда, регионального профессора иврита в Кембридже, который искал покровительства для перевода работ Эйхгорна, обычно встречали с презрением, а часто и с оскорблениями.

Во всей католической Германии дело обстояло еще хуже. В 1774 году Изенбиль, священник из Майнца, который проявил себя как знаток греческого и иврита, случайно поставил под сомнение обычную интерпретацию отрывка из книги Пророка Исаяи, в котором говорится о непорочно рожденном Эммануиле, и показал тогда - то, что теперь знает каждый компетентный критик, — что он имеет отношение к событиям, которые искали в более древней еврейской истории. Цензура и богословский факультет сразу же набросились на него и привели к курфюрсту. К счастью, этот властитель был одним из старых добродушных князей-епископов и ограничился тем, что сказал священнику, что, хотя его утверждение, возможно, и верно, он "должен оставаться на старых путях и избегать всего, что может вызвать неприятности".

Но вскоре после смерти курфюрста богословы возобновили атаку, лишили Изенбиля профессорской должности и понизили его в должности. Одно оскорбление заслуживает упоминания за свою изобретательность. Было объявлено, что он — успешный и блестящий профессор — показал своим возмутительным толкованием, что он еще не выучил должным образом Священное Писание; поэтому его отправили обратно на скамьи теологической школы и заставили занять его место среди простодушной молодежи, которая постигала азы теологии. При этом он сделал новое заявление, столь тщательно скрываемое, что обезоружило многих его

врагов, и его высокая ученость вскоре принесла ему новое звание профессора греческого языка — при условии, что он прекратит писать на основе Священного Писания. Но хитрый книготорговец переиздал свою прежнюю книгу и обезопасил себя, сохранив в секрете место и дату публикации, и на автора обрушилась новая буря; он снова был отстранен от должности профессора и брошен в тюрьму; его книга была запрещена, и все ее экземпляры в этой части Германии были конфискованы. В 1778 году, сбежав из тюрьмы, он искал убежища у другого из второстепенных правителей, которые в блаженном беспамятстве творили самое худшее в ожидании Французской революции, но сразу же был выдан властям Майнца и снова брошен в тюрьму.

Теперь папа римский Пий VI выступил с кратким комментарием к книге Изенбиля, объявив ее "ужасной, ложной, извращенной, разрушительной, зараженной ересью" и отлучив от церкви всех, кто должен ее прочитать. На это Изенбиль, заявив, что написал это в надежде сослужить службу Церкви, отрекся от престола и прозябал в неизвестности до своей смерти в 1818 году.

Но, несмотря на богословские факультеты, князей-епископов и даже пап, новое течение мысли набрало силу и объем, и в конце восемнадцатого века в него внесли важный вклад два источника, сильно разделенных и совершенно непохожих.

Первым из них, давшим еще не исчерпанный стимул, была работа Гердера. Благодаря замечательной интуиции он предвосхитил некоторые из тех идей об эволюционном процессе в природе и литературе, которые впервые получили полное признание почти через три четверти века после него; но его величайшей заслугой в области изучения Библии была его работа, одновременно глубокая и блестящая, "Дух еврейской поэзии". В этой области он затмил епископа Лоута. Среди других важных вещей он показал, что Псалмы написаны разными авторами и относятся к разным периодам — расцвет великой поэтической литературы.

До него никто так ясно не отдавал должное их возвышенности и красоте; но самым поразительным было его обсуждение Песни Песней Соломона. На протяжении более чем двадцати веков было принято приписывать ему мистический смысл. Если то тут, то там какой-нибудь человек видел правду, он был осторожен, как Абен Эзра, и говорил, затаив дыхание.

Наказание за любое более честное толкование было замечено среди протестантов, когда Кальвин и Беза преследовали Кастеллио, оклеветали его и, в конце концов, довели до голодной смерти за то, что он пролил свет на истинный характер Песни Песней; а среди католиков это было замечено, когда Филипп II позволил бросить благочестивого и одаренного Луиса де Леона за аналогичное преступление в темницу инквизиции и продержал там пять лет, пока его здоровье не было совершенно подорвано, а дух настолько сломлен, что он согласился опубликовать новый комментарий к песне, "настолько богословский и малопонятный, насколько только могут пожелать самые ортодоксальные".

Здесь мы также имеем пример эффективности старой библейской теологии в сковывании более сильных умов и одурманивании более слабых. Точно так же, как книге Бытия пришлось ждать более двух тысяч лет, прежде чем врач раскрыл простейший факт, касающийся ее структуры, так и Песне Песней пришлось ждать еще дольше, пока поэт раскрыл не только ее красоту, но и ее характер. Бесчисленные комментаторы толковали его; святой Бернар прочитал более восьмидесяти проповедей по первым двум главам; Палестрина положил самые эротические части на духовную музыку; евреи и язычники, католики и протестанты, от Оригена до Абена

Эзры и от Лютера до Боссюэта, раскрыли его глубокий смысл и продемонстрировали, что это все, что угодно, кроме того, чем оно является на самом деле. Среди множества этих странных фантазий было объявлено, что она представляет любовь Иеговы к Израилю; любовь Христа к Церкви; восхваление Пресвятой Девы; союз души с телом; священную историю от Исхода до Мессии; историю Церкви от Распятия до Реформации; и некоторые из наиболее пронизательных протестантских богословов нашли в ней отсылки даже к религиозным войнам в Германии и к Пассаускому миру. В наши дни, кажется, трудно представить, как действительно компетентные мыслители могли таким образом спорить, не смеясь друг другу в лицо, в манере авгугов Цицерона. Гердер показал, что Песнь Песней Соломона — это то, чем ее теперь знает весь мыслящий мир, - просто восточная любовная поэма.

Но его откровенность привела его к беде: он подвергся жестоким нападкам. Ни его благородный характер, ни его гений не помогли ему. Вынужденный переезжать из одной пасторали в другую, он, наконец, нашел счастливое убежище в Веймаре в обществе Гете, Виланда и Жан-Поля и оттуда оказал мощное влияние на устранение вредных и паразитических наростов из религиозной мысли.

Вряд ли можно было бы представить себе человека, более непохожего на Гердера, чем другой из двух, оказавших наибольшее влияние на толкование Библии в конце восемнадцатого века. Это был Александр Геддес — римско-католический священник и шотландец. Привлекший в ранний период большое внимание своей ученостью и получивший очень редкое для католика отличие в виде докторской степени в Абердинском университете, он начал публиковать в 1792 году новый перевод Ветхого Завета, а в 1800 году выпустил том критических замечаний. В них он поддерживал в основном три точки зрения: во-первых, что Пятикнижие в его нынешнем виде не могло быть написано Моисеем; во-вторых, что оно было делом разных рук; и, в-третьих, что оно не могло быть написано до времен Давида. Хотя о них существовало множество сомнительных теорий, эти основные выводы, подкрепленные глубокими исследованиями и убедительными рассуждениями, сейчас признаны имеющими огромную ценность. Но тогда таково было не ортодоксальное мнение. Хотя он был человеком искреннего благочестия, который на протяжении всей своей жизни оставался твердым в вере своих отцов, он и его работа были сразу же осуждены: католические власти отстранили его от должности как неверующего, протестанты объявили неверующим, и оба насмеялись над ним как над "потенциальным исправителем Святого Духа". Конечно, под этой насмешкой подразумевалось не что иное, как его несогласие с различными идеями, унаследованными от менее просвещенных времен людьми, которым как раз тогда довелось обладать церковной властью.

Но не всякая оппозиция ему могла остановить развитие его мысли. Ряд великих людей последовал по этим путям, открытым Аструком и Эйхгорном и расширенным Гердером и Геддесом. Одним из них был Де Ветт, различные работы которого, особенно его Введение в Ветхий Завет, придали в начале девятнадцатого века новый импульс плодотворной мысли во всем христианском мире. В этих трудах, показывая, насколько широко мифы и легенды вошли в еврейские священные книги, он пролил особый свет на книги Второзакония и Паралипоменон. Первое, как он показал, было, в основном, поздним жреческим изложением закона, а второе - очень поздним жреческим переосмыслением ранней истории. Ему действительно пришлось понести наказание за то, что он таким образом помог миру в его продвижении к большей истине, поскольку он был изгнан из Германии и вынужден искать убежища в швейцарской профессуре; в то время как Теодор Паркер, опубликовавший английский перевод своей работы,

был за этот и подобные грехи фактически отвергнут тем, кто утверждал, что является самой либеральной из всех христианских организаций Соединенных Штатов.

Но вклад в новую мысль продолжался из тех кругов, откуда меньше всего можно было ожидать. Гезениус своей грамматикой иврита и Эвальд своими историческими исследованиями значительно продвинулись в этом.

Им и всем им подобным в середине девятнадцатого века решительно противостоял колосс ортодоксии - Хенгстенберг. В нем сочетались надменность прусского сержанта-строевика, рвение испанского инквизитора и легкомысленная жестокость французского ортодоксального журналиста. За его спиной стоял одаренный, но взбалмошный Фридрих Вильгельм IV — человек, превосходно подходящий для должности профессора эстетики, но которого непостижимая судьба сделала королем Пруссии. Оба этих правителя Немецкого Израиля всячески противодействовали великим ученым, трудившимся на новых путях; но это противодействие было напрасным: череда проникательных и честных ученых продолжалась: Ватке, Блик, Ройсс, Граф, Кайзер, Хупфельд, Делич, Куэнен и другие продолжали работать в Германии и Голландии, неуклонно развивая новую истину.

Среди них особенно следует упомянуть Хупфельда, опубликовавшего в 1853 году свой трактат об источниках Книги Бытия. Принимая гипотезы, которые Аструк опубликовал всего сто лет назад, он установил то, что с тех пор было признано ведущими библейскими комментаторами как истинная основа работы над Пятикнижием, — тот факт, что в Книге Бытия объединены ТРИ подлинных документа, каждый со своими особенностями. Ему тоже пришлось заплатить определенную цену за то, что он позволил миру пролить больше света. Была предпринята решительная попытка наказать его. Несмотря на глубокую религиозность по своей натуре и устремлениям, в 1865 году он был осужден прусским правительством как виновный в непочтительности; но, к чести его благородных и верных коллег, которые шли более ортодоксальными путями — таких людей, как Толак и Юлиус Мюллер, — теологический факультет Университета Галле протестовал против этих преследований, и они были сведены на нет.

Демонстрации Хупфельда вдохнули новую жизнь в библейскую науку во всех странах. Все более и более очевидными становились свидетельства того, что во всем Пятикнижии, да и в других частях наших священных книг, имело место слияние различных идей, смешение различных эпох и компиляция различных документов. Так было открыто новое поле для размышлений и работы: в отборе этой литературы; в ее перестановке; и в приведении ее в надлежащую связь с историей еврейской расы и человечества.

Аструк и Хупфельд, таким образом, нашли ключ к истинному характеру "Моисеевых" Писаний, был найден второй ключ, который открыл путь к тайне порядка во всем этом хаосе. На протяжении многих поколений одна вещь особенно озадачивала комментаторов и порождала массы тщетных попыток "примирения": это был очевидный факт, что такие люди, как Самуил, Давид, Илия, Исайя, да и весь еврейский народ вплоть до Изгнания, всеми своими высказываниями и действиями показывали полное невежество в отношении той обширной системы церемониального закона, которая, согласно рассказам, приписываемым Моисею и другим частям наших священных книг, была в полной силе в их время и в течение почти тысячи лет до Изгнания. Считалось "всегда, везде и всеми", что в Ветхом Завете хронологический порядок откровения был следующим: во-первых, закон; во-вторых, Псалмы; в-третьих, пророки.

Эта вера оставалась неоспоримой более двух тысяч лет, вплоть до середины девятнадцатого века.

Однако еще в 1835 году Ватке в Берлине в своей книге "Религия Ветхого Завета" выразил убеждение, что эта вера необоснованна. Рассуждая о том, что еврейская мысль, должно быть, подчинялась законам развития, которые управляют другими системами, он пришел к выводу, что законодательство, приписываемое Моисею, и особенно сложные атрибуты и составные церемонии ритуала, не могли возникнуть в столь грубый период, как тот, который изображен в "моисеевых" рассказах.

Хотя Ватке окутал это утверждение туманом гегелевской метафизики, достаточное количество стражей на стенах прусского Сиона поняли его значение, и была поднята тревога. Хронисты сообщают нам, что "страх провалиться на экзаменах из-за того, что слишком много знаешь, удерживал студентов от лекций Ватке". Естественно, пока Хенгстенберг и Фридрих Вильгельм IV командовали силами ортодоксии, Ватке считал разумным хранить молчание.

Тем не менее, новая идея витала в воздухе; более того, она была выдвинута примерно годом ранее на другом берегу Рейна ученым из Страсбурга, хорошо известным как острый и вдумчивый Ройсс. К сожалению, он тоже был охвачен благоговейным страхом и воздерживался от публикации своей мысли более сорока лет. Но его идеи были подхвачены некоторыми из его наиболее одаренных ученых; и из них Граф и Кайзер развили их и набрались смелости опубликовать.

В тот же период этот новый универсальный ключ был найден и применен более великим человеком, чем любой из них, — Куэненом из Голландии; и таким образом получилось, что трое выдающихся ученых, работавших в разных частях Европы и в разных направлениях, несмотря на все препятствия, объединились, чтобы навязать мыслящему миру убеждение в том, что полный левитский закон был установлен не в начале, а в конце еврейской нации — главным образом, после того, как еврейская нация как независимое политическое образование прекратила свое существование; что этот код не был открыт в детстве Израиля, но что он был создан в конце XVIII века. возникли совершенно естественным образом во время окончательного упадка Израиля — в период, когда героев и пророков сменяли священники. Таким образом, историческая и психологическая эволюция еврейских институтов была приведена в гармонию с естественным развитием человеческой мысли; было показано, что сложные церемониальные институты возникли после более грубых зачатков религиозного развития, а не до них. Так возник новый импульс к исследованиям, и плоды были обильными; старая теологическая интерпретация с ее неразрешимыми загадками поддавалась со всех сторон.

Ведущую роль в открывшейся таким образом новой эпохе взял на себя Куэнен. Начав с сильных предубеждений в пользу старой мысли и даже с резких высказываний против некоторых сторонников новой точки зрения, он руководствовался своей любовью к истине, пока его великая работа "Религия Израиля", опубликованная в 1869 году, не привлекла внимание мыслящих ученых всего мира своими аргументами в пользу восходящего движения. Теперь от него пришел третий главный ключ к тайне; ибо он показал, что истинную отправную точку для исследования истории и литературы Израиля можно найти в высказываниях великих пророков восьмого века до нашей эры. Отталкиваясь от них, он открыл новые пути в периоды, предшествующие им и следующие за ними. Признавая тот факт, что религия Израиля, как и другие великие мировые религии, была развитием высших идей из низших, он побудил людей к

более глубокому осмыслению и более широкому исследованию великой проблемы. Обладая обширными знаниями и неотразимой логикой, он доказал, что история Ветхого Завета в значительной степени переплетена с мифами и легендами; что законы, приписываемые Моисею, не только были в основном гораздо более поздним развитием, но и что большая часть их исторического контекста была придумана запоздало; также, что пророчества Ветхого Завета никогда не были сверхъестественными и меньше всего предсказывали события, описанные в Новом Завете. Таким образом, его гений дал мыслящему миру новую точку зрения и мастерски продемонстрировал истинный метод исследования. Справедливо, что один из самых выдающихся богословов современной англиканской церкви поддержал заявление другого выдающегося ученого о том, что "Куэнен стоял на своей сторожевой башне, так сказать, совести ветхозаветной науки"; что его работа характеризуется "не только прекрасной ученостью, критическим пониманием, историческим смыслом и религиозной природой, но также неподкупной добросовестностью и величественной преданностью поиску истины".

Так была создана наука библейской критики. И теперь вопрос заключался в том, примет ли Церковь северной Германии этот великий дар — плод многовекового самоотверженного труда — и возглавит христианский мир в нем и с его помощью.

Великим проклятием Теологии и еkkлезиастики всегда была их склонность приносить большие интересы в жертву малым — Милосердие Вере, Единство Единообразию, Факты Традиции, Этику Догме. И теперь во всех руководящих органах реформатских церквей появились симптомы, указывающие на решимость пожертвовать лидерством в этой новой мысли ради облегчения положения в православии. Каждое открытие новых знаний наталкивалось на протесты, противодействие и репрессии; и, что еще хуже, необдуманные заявления некоторых неразумных работников в критической области были схвачены и использованы для дискредитации всех плодотворных исследований. К счастью, теперь появился человек, который успешно справился со всем этим противодействием и отбросил в сторону все полуправды или показную неправду, выдвигаемые мелкими критиками, чье рвение превосходило их благоразумие. Велльхаузен был великим ученым—конструктором - не разрушителем, а строителем. Благоговейно, но честно и мужественно, с ясностью, полнотой и обличительной силой он подвел итог достижениям научной критики, имеющим отношение к еврейской истории и литературе. Эти завоевания превратили огромные сооружения, которые богословы на протяжении веков возводили над священным текстом, в бесформенные руины и мусор: этот мусор он убрал и извлек из-под него реальность. Он показал еврейскую историю как эволюцию, подчиняющуюся законам, действующим во все века, а еврейскую литературу - как результат индивидуальной, племенной и национальной жизни. Таким образом, нашей священной истории и литературе были приданы красота и высокое применение, которые долгое время были им чужды. Тем самым была оказана огромная услуга Германии, а в конечном итоге и всему человечеству; и эта услуга была величайшей из всех в области религии.(476)

(476) О Лоуте см. у преподобного Т. К. Чейна, доктора философии, профессора толкования Священного Писания в Оксфордском университете, "Основатели критики Ветхого Завета", Лондон, 1893, стр. 3, 4. Об очень высоком авторитете Аструка как врача см. В Словаре медицинских наук, Париж, 1820; примечательно, что сначала он скрыл свое авторство Гипотез. Для краткого изложения см. Чейна; также введение Мура к книге Бэкона "Генезис

книги Бытия"; но для удивительно полного и интересного изложения, основанного на знании из первых рук очень редкой книги Аструка, см. Кертисса, как указано выше. О Михаэлисе и Эйхорне см. Мейер, "Geschichte der Exegese"; также Чейн и Мур. For Isenbiehl, see Reusch, in Allg. deutsche Biographie. Против него цитировались тексты Исаяи vii, 14 и Матфея. i, 22, 23. Что касается Гердера, см. Различных историков литературы и писателей в "Толковании", и особенно Пфлейдерера, "Развитие теологии в Германии", глава ii. О его влиянии, а также о влиянии Лессинга, см. Лекции Бирда по Хибберту, глава x. Краткое сравнение работ Лоута с работами Гердера см. Фаррар, История интерпретации, стр. 377. Примеры интерпретаций Песни Песней см. у Фаррара, как указано выше, стр. 33. О Кастеллио (Шатийоне), его предвосхищении взгляда Гердера на Песнь Песней Соломона и его преследованиях Кальвином и Безой, которые довели его до голодной смерти, см. Леки, Рационализм и др., том 33. ii, стр. 46-48; также Словарь Бейля, статья Касталио; также Эссе Монтеня, liv, i, глава. xxxiv; и особенно "Новая жизнь него" Бюиссона. О преследовании Луиса де Леона за аналогичное преступление см. Тикнор, История испанской литературы, том. ii, стр. 41, 42 и примечание. О удивительно откровенном принятии последствий, вытекающих из взгляда Гердера на это, см. Sanday, Inspiration, стр. 211, 405. О Геддесе см. Cheyne, как указано выше. Чтобы узнать о Теодоре Паркере, ознакомьтесь с его различными биографиями, passim. О Ройссе, Графе и Куэнене см. Чейн, как указано выше; а также упомянутые цитаты см. у преподобного доктора Драйвера, регионального профессора иврита в Оксфорде, в Академии, 27 октября 1894 г.; также примечание к статье Велльхаузена "Пятикнижие" в Британской энциклопедии. Щедрую, но весомую дань методу Куэнена можно найти в книге Пфлайдерера, как указано выше, книга iii, глава ii. Мнение ведущих христианских критиков о книге Паралипоменон см., в частности, Драйвер, Введение в литературу Ветхого Завета, стр. 495 и далее; также Велльхаузен, как указано выше; также Хойкаас, Оорт и Куэнен, Библия для изучающих. Для получения большей части из вышеизложенного см. Также труды профессора У. Робертсона Смита; также Лекции Бирда по Хибберту, глава x. О Хапфилде и его открытии см. Чейн, Основатели и т.д., Как указано выше, глава vii; также Введение Мура. Справедливо возмущенное суждение о Хенгстенберге и его школе см. у каноника Фаррара, как указано выше, стр. 417, примечание; а несколько слов, проливающих яркий свет на его характер и карьеру, см. у К. А. Бриггса, доктора философии, Авторитет Священного Писания, стр. 93. О Велльхаузене см. у Пфлейдерера, как указано выше, книга iii, глава ii. Превосходное популярное изложение общих результатов немецкой критики можно найти в книге Дж. Т. Сандерленда "Библия, ее происхождение, развитие и характер", Нью-Йорк и Лондон, 1893.

III. ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ РОСТ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Наука библейской критики, как мы видели, впервые была развита главным образом в Германии и Голландии. Многие соображения там, как и везде, объединялись, чтобы удержать людей от открытия новых путей к истине: даже в тех странах эти пути не были предпочтительными; но там, по крайней мере, крепкая тевтонская любовь к истине ради истины, усиленная кантовской этикой, не встречала таких препятствий, как в других частях Европы. Честное исследование библейских сюжетов не было там искоренено, как в Италии и Испании; и оно не было загнано в русло, которое никуда не вело, как во Франции и южной Германии; и люди, которые в противном случае могли бы заняться им, не были ослеплены и отвлечены от него множеством великолепных наград за правдоподобие, софистику или молчание, выставленных перед церковным взором в Англии. В скромных домах северогерманских и голландских профессоров и пасторов постоянно продолжались размышления на эти великие темы, и "свобода преподавания", составляющая славу университетов северного Континента, хотя и не защищала честных мыслителей от неприятностей, по крайней мере защищала их от преследований, которые в других странах помешали бы их учебе и уморили голодом их семьи.(477)

(477) Что касается влияния Канта на честную мысль в Германии, см. Пфлайдерера, как указано выше, глава i.

В Англии признание нового течения мысли было, по-видимому, невозможно. Традиционная система толкования Библии, казалось, утвердилась на британской земле навсегда. Она была вплетена во всю ткань мысли и обрядов; она была защищена самой справедливо почитаемой иерархией, которую когда-либо видел мир; она была укреплена за епископскими дворцами, партерными рядами в соборах, профессорскими кафедрами, домами сельских священников — всеми этими, как правило, средоточиями высоких устремлений и прекрасной культуры. Более старая мысль обладала решающим голосом в сенате страны; она была дорога сердцам всех классов; она была великолепно одарена; казалось, что каждый сильный мыслитель имел диплом или получал за это вознаграждение. Что касается привилегий в Церкви, то в ходу был циничный афоризм: "Тот может придерживаться что угодно, кто будет держать язык за зубами".(478)

(478) Красноречивое и в то же время глубокое утверждение о зле, проистекающем из "морального терроризма" и "интеллектуальной тирании" в Оксфорде в указанный период, см. Цитату в Pfleiderer, Развитие теологии, стр. 371.

О сплавле заинтересованных мотивов среди сановников английской церкви см. Резкую критику епископа Хэмпдена каноником Лиддоном в его "Жизни Пьюзи", том i, стр. 363.

И все же, хотя в противодействии новой мысли неизбежно присутствовало много мирской мудрости, ни один справедливый мыслитель не может отрицать гораздо более высокие мотивы многих, возможно, большинства церковников, которые были решительно настроены против нее. Евангелическое движение, воплощенное в семье Уэсли, не истратило своих сил; движение, начатое Пьюзи, Ньюманом, Киблом и их коллегами, было в полной силе. Эстетическая реакция, представленная на Континенте Шатобрианом, Манцони и Виктором Гюго, а в Англии Вальтером Скоттом, Пугином, Рескином и, прежде всего, Вордсвортом, придала прочность этому барьеру. Под влиянием магии людей, возглавивших эту реакцию, соборы и церкви, которые в предыдущем столетии культурные люди считали просто варварскими нагромождениями камня и известкового раствора, замаскированными снаружи классическими колоннадами, а внутри лепниной в стиле рококо и папье-маше, стали еще более любимыми, чем в XIII веке. Даже люди, которых отталкивали богословские диспуты, были очарованы вновь открывшимися красотами средневековой архитектуры и ритуалов и превратились в убежденных реакционеров.(479)

(479) Очень любопытный пример такой бесчувственности людей действительно высокой культуры можно найти в американской литературе конца XVIII века. Миссис Адамс, жена Джона Адамса, впоследствии президента Соединенных Штатов, а в то время министра иностранных дел Англии, одна из самых одаренных женщин своего времени, рассказывая в своих очень интересных письмах из Англии о своем путешествии на морское побережье, упоминает Кентерберийский собор, который она видела из окна своего экипажа и в который она, очевидно, не потрудилась зайти, как "похожий на огромную тюрьму". Примерно в то же время Томас Джефферсон, американский полномочный представитель во Франции, преданный любитель классической и ренессансной архитектуры, рассказывая о своем путешествии в Париж, ни разу не упомянул ни об одном из прекрасных соборов или церквей на своем пути.

Центром и крепостью этой обширной системы и реакции против философии восемнадцатого века был Оксфордский университет. Ортодоксальность была ее гордостью, и особым выразителем ее духа и объектом ее восхищения был ее член парламента мистер Уильям Эварт Гладстон, который, начав свою политическую карьеру с настойчивых призывов к союзу церкви и государства, завершил ее, нанеся этому союзу, вероятно, смертельный удар. Толпа в константинопольском цирке во времена византийских императоров была едва ли более дико ортодоксальной, чем толпа студентов в этом главном учебном заведении англосаксонской расы в средние десятилетия девятнадцатого века. Студенты-мусульмане Эль-Азхара сейчас едва ли более нетерпимы, чем эти английские студенты тогда. Любопытное доказательство этого было продемонстрировано незадолго до окончания того периода. Министром Соединенных Штатов при Сент-Джеймском дворе в то время был Эдвард Эверетт. Он, несомненно, был самым выдающимся ученым и одним из выдающихся государственных деятелей, которых когда-либо рождала Америка; его красноречие в молодости сделало его, пожалуй, самым почитаемым из американских проповедников; его классическое образование позже сделало его профессором греческого языка в Гарварде; он успешно редактировал ведущее американское обозрение и занял высокое место в американской литературе; он десять лет был членом Конгресса; его снова и снова избирали губернатором Массачусетса; и на всех этих постах он в полной мере проявил те качества, которые впоследствии сделали его президентом Гарварда,

государственным секретарем Соединенных Штатов. , и сенатор Соединенных Штатов. Его характер и достижения были высочайшими, и, поскольку в то время он занимал видное место на дипломатической службе своей страны, его пригласили получить соответствующую почетную степень в Оксфорде. Но на его представлении в Шелдонианском театре людям, которых он представлял, и, по сути, всему христианскому миру пришло откровение: поскольку беспорядки были тщательно подготовлены заранее различными фанатиками, он был самым грубым и изобретательным образом оскорблен толпой студентов и бакалавров искусств в галереях и магистров искусств в зале; и причина этого заключалась в том, что, хотя он ни в коем случае не был радикалом в своих религиозных взглядах, считалось, что в молодости и, возможно, в то время, он был ниже тогдашней оксфордской моды в вере или в том, что он не был радикальным в своих религиозных взглядах. скорее чувство, связанное с тайной Троицы.

В центре библейского преподавания в Оксфорде сидел Пьюзи, региональный профессор иврита, ученый, который сам какое-то время оставался в немецком университете и который с ранних лет впитал в себя ровно столько немецкого духа, чтобы вызвать подозрения и даже нападки. Одно обвинение, выдвинутое против него в то время, любопытно показывает, чего тогда ожидали от человека, совершенно разбирающегося в старой англиканской теологии. Он отважился защитить священное писание аргументом о том, что на самом деле существовали рыбы, которые могли проглотить пророка Иону. Аргумент оказался неудачным. На него напали на основании Писания, что рыба, проглотившая Иону, была создана именно для этой цели. Он, как и другие, снова попал под обаяние старой системы: его идеи придали силу реакции: в тиши своего кабинета, который, особенно после смерти его сына, превратился в отшельничество, он вернулся к святоотеческим и средневековым концепциям христианства, отстаивая их с кафедры и в своих опубликованных работах. Теперь он фактически принял знаменитое изречение Гуго Сен-Викторского о том, что сначала нужно найти то, во что следует верить, а затем искать доказательства этого в Священных Писаниях. Его приверженность основным чертам более древнего толкования проявилась сильнее всего в его высказываниях относительно книги Даниила. Точно так же, как кардинал Беллармин настаивал на том, что доктрина воплощения зависит от сохранения астрономии Птолемея; точно так же Данциус настаивал на том, что само продолжение религии зависит от божественного происхождения еврейской пунктуации; точно так же Петр Мученик поставил все священное в зависимость от буквального принятия Книги Бытия; точно так же епископ Уорбертон настаивал на том, что христианство абсолютно зависит от правильного толкования пророчеств об Антихристе; точно так же Джон Уэсли настаивал на том, что истинность Библии зависит от реальности колдовства; точно так же, в более поздний период Епископ Уилберфорс настаивал на том, что доктрина Воплощения зависит от "Моисеевых" утверждений о происхождении человека; и точно так же, как каноник Лиддон настаивал на том, что само христианство зависит от буквальной веры в Ноев потоп, в превращение жены Лота и в пребывание Ионы в ките: так и Пьюзи тогда фактически настаивал на том, что христианство должно выстоять или пасть в соответствии с ранней датой книги Даниила. К счастью, хотя астрономия Птолемея, и колдовство, и мифы о сотворении мира в Книге Бытия, и легенды об Адаме, Ное, Лоте и Ионе, и божественное происхождение еврейской пунктуации, и пророчества об Антихристе, и ранняя дата написания книги Даниила теперь отодвинуты на задний план устаревших верований, христианство стало только сильнее.

Ничто не казалось менее вероятным, чем то, что такой обширный укрепленный лагерь, центром которого был Оксфорд, мог быть создан усилиями нескольких изолированных немецких и голландских ученых. И все же произошло неожиданное; и поучительно отметить, что даже в тот

период, когда поборники старой мысли, по всей видимости, прочно укрепились в Англии, был открыт путь в их цитадель, и что наиболее эффективными агентами в ее подготовке были на самом деле те самые люди в университетах и кафедральных капитулах, которые больше всего отличились бескомпромиссностью и нетерпимостью к ортодоксальности.

Беглый обзор истории общей литературной критики той эпохи полностью раскроет этот факт. В последнее десятилетие семнадцатого века произошел знаменитый спор о Письмах Фалариса, в ходе которого против Чарльза Бойля и его сторонников в Оксфорде был выдвинут Ричард Бентли из Кембриджа, настаивавший на том, что письма были поддельными. В последовавшей за этим серии королевских сражений, хотя Бойл, которому помогал Аттербери, впоследствии столь известный своими смешанными церковными и политическими интригами, добился временного триумфа благодаря остроумию и юмору, финальная атака Бентли оказалась неотразимой. Опираясь на запасы своих удивительно обширных и мельчайших знаний, он показал, что письма не могли быть написаны во времена Фалариса — доказав это демонстрацией их стиля, который тогда не мог быть в ходу, их отсылкой к событиям, которых тогда не было, и массой соображений, которые никто, кроме ученого, почти чудесным образом одаренного, не смог бы так полно сформулировать. Полемика привлекла внимание не только в Англии, но и по всей Европе. С ответом Бентли все закончилось. Несмотря на публичные аплодисменты остроумию Аттербери, ученые всего мира признали победу Бентли: он был признан выдающимся ученым-классиком своего времени; звание магистра Тринити, которое он принял, и Бристольское епископство, которое он отверг, были его официальной наградой.

Хотя на своем новом посту главы крупнейшего колледжа Англии он дошел до крайности в ортодоксальной части библейского богословия, согласившись даже поддержать доктрину о том, что еврейская пунктуация была богодухновенной, это было ничто по сравнению с влиянием системы критики, которую он ввел в английские исследования классической литературы, подготовив почву для применения подобной системы ко ВСЕЙ литературе, называемой священной или светской.

До этого периода действительно не существовало адекватной критики античной литературы. Какое бы имя ни было присвоено какому-либо древнему письму, обычно принималось за имя автора: то, какие тексты следует приписывать автору, обычно определялось авторитетом. Но с появлением Бентли началась новая эпоха. Его острый интеллект и утонченное чутье ясно открыли английским ученым новую науку критики и ознакомили умы мыслящих людей с идеей, что тексты древней литературы должны быть подчинены этой науке. С тех пор среди лучших ученых-классиков воцарился новый дух, пророчащий все больше и больше света в обширной области священной литературы. Ученые, среди которых Порсон был главным, следовали этому методу, и хотя иногда, как в случае с самим Порсоном, их предостерегали от применения его к священному тексту с большими потерями и ущербом, они сохраняли лучшую традицию.

Через сто лет после основных усилий Бентли в Германии появилась еще одна эпохальная книга — "Введение Вольфа в Гомера". В нем была выдвинута теория о том, что "Илиада" и "Одиссея" не являются произведениями одного великого поэта, а состоят из балладной литературы, приведенной в единство более или менее умелым редактированием. Несмотря на различные изменения и фазы мнений по этому вопросу со времен Вулфа, он нанес смертельный удар по идее, что классические произведения обязательно следует принимать за то, что можно назвать их номинальной стоимостью.

Все более и более отчетливо становилось видно, что идеи ранних переписчиков и даже первых обладателей шедевров древней литературы полностью отличались от тех, к которым привык современный мир. Было замечено, что манипуляции и вставки в тексте переписчиками и владельцами долгое время считались не просто простительными грехами, но вопросами права, и что даже выпуск целых книг под вымышленными именами практиковался свободно.

В 1811 году свет, подобный тому, который Бентли и Вольф бросили на античную литературу, был брошен Нибуrom на древнюю историю. В его "Истории Рима" впервые широко и блестяще было продемонстрировано применение научных принципов к изучению исторических источников. До этого периода освященные временем высказывания древних авторитетов, как правило, принимались как окончательные: на отказ от них, даже от самых абсурдных, смотрели благосклонно, и любой, кто осмеливался следовать им, считался беспокойным и даже опасным.

Нибуr бесстрашно преодолел этот священный конвенционализм и, хотя временами был чересчур критичен, вычеркнул из ранней истории Рима огромную массу наслоений и дал миру остаток, бесконечно более ценный, чем первоначальная смесь мифов, легенд и хроник.

Его методы были особенно применены к истории студентов одним из самых честных людей и благороднейших ученых, которых породила английская раса, — Арнольдом из Регби, — и, несмотря на неизбежный тяжелый консерватизм, им было позволено выполнять свою работу в области древней истории, а также в области древней классической литературы.

Таким образом, место мифа в истории становилось все более и более понятным, и исторические основы, по крайней мере в том, что касалось светской истории, отныне рассматривались в научном духе. Распространение этого нового подхода на ВСЮ древнюю литературу и историю было теперь просто вопросом времени.

Такое расширение уже началось, ибо в 1829 году вышла "История евреев" Мильмана. В этой работе произошла дальнейшая эволюция истин и методов, предложенных Бентли, Вольфом и Нибуrom, и их применение к священной истории стало поразительно очевидным. Мильман, хотя и был священнослужителем, рассматривал историю избранного народа в свете современных знаний о восточных и особенно семитских народах. Он изобразил множество великих библейских персонажей времен скитаний Израиля в качестве шейхов, эмиров или вождей бедуинов; и племена Израиля были послушны тогда тем же общим законам, обычаям и идеям, которые управляют кочевавшими племенами в том же регионе и сейчас. Он имел дело с противоречивыми источниками в духе Бентли, а с мифическим, легендарным и чудесным - в духе Нибура. Такое отношение к истории евреев просто как к развитию восточного племени вызвало серьезную оппозицию. Такие поборники ортодоксальности, как епископ Мант и доктор Фоссет, сразу же вышли на поле боя, и с таким успехом, что "Семейная библиотека", очень ценная серия, в которой появилась история Милмана, была запрещена, и ее дальнейшая публикация прекратилась. В течение многих лет Милман, хотя и обладал прекрасными литературными и высокими историческими способностями, а также в высшей степени благородным характером, был лишен привилегий и опережался духовенством, значительно уступавшим ему во всем, кроме житейской мудрости; в течение многих лет его обгоняли в гонке за почестями богословы, которые довольствовались либо кратким изложением всего современного безумия, оказавшегося популярным, либо вообще держали рот на замке. Это неприятие распространилось и на его работы. В течение многих лет над ними насмехались, порицали и по возможности скрывали от публики.

К счастью, ход событий поднял его перед последними годами его жизни над всем этим противостоянием. Как настоятель собора Святого Павла, он действительно превосходил по рангу современных архиепископов: он дожил до того, чтобы увидеть, как его основные идеи были приняты, а его "История латинского христианства" была принята как, безусловно, одна из самых ценных и, не менее, безусловно, самых привлекательных из всех когда-либо написанных церковных историй.

Две великие английские истории Греции — написанная Терлуоллом, которая была закончена, и написанная Гроте, которая была начата в середине девятнадцатого века, — пришли, чтобы усилить это новое развитие событий. Применяя критический метод к историческим источникам, все полнее указывая на неизбежную роль, которую мифы и легенды играли в ранних хрониках, все яснее показывая легкость, с которой делались интерполяции текстов, фальсификации утверждений и приписывания их мнимым авторам, они еще больше проложили путь к справедливому и плодотворному изучению священной литературы. (480)

(480) Более раннее мнение г-на Гладстона см. в его книге "Церковь и государство" и в рецензии Маколея на нее. О Пьюзи читайте в "Апологии" Мозли, Уорда, Ньюмана, Дина Черча и др., и особенно в "Его жизни" Лиддона. В томе i приведены очень характерные штрихи, показывающие происхождение многих его мнений (см. Письмо на стр. 184). Что касается скандального обращения с мистером Эвереттом со стороны толпы клерикалов в Оксфорде, смотрите довольно бойкий отчет о приготовлениях и всего представления в целом в письме, написанном в то время из Оксфорда покойным Дином Черчем, в "Жизни и письмах Диана Черча", Лондон, 1894, стр. 40, 41. Краткое, но превосходное изложение характера и заслуг Эверетта см. в книге Дж. Ф. Родса "История Соединенных Штатов от компромисса 1850 года", Нью-Йорк, 1893, том i, стр. 291 и далее. Краткую и блестящую историю спора Бентли-Бойля см. в статье Маколи о Бентли в Британской энциклопедии; также Лекции Бирда по Хибберту за 1893 год, стр. 344, 345; также диссертацию в работе Бентли, под редакцией Дайса, Лондон, 1836, том i, особенно предисловие. Что касается Вольфа, см. Его "Пролегомены к дому", Галле, 1795; о его последствиях см. Замечательное краткое заявление в Beard, как указано выше, стр. 345. О Нибуре читайте в его "Римской истории", переведенной Хэйром и Терлуоллом, Лондон, 1828; также Борода, как указано выше. С точки зрения Мильмана, посмотрите в качестве примера его "Историю евреев", последнее издание, особенно стр. 15-27. Чтобы отдать должное его характеру, смотрите предисловие к книге Леки "История европейской морали". Подробнее о Терлуолле см. Его "Историю Греции", passim; также его письма; также его Поручение епископу Сент-Дэвидса, 1863.

Вплоть до середины девятнадцатого века традиционно ортодоксальная сторона английской науки, хотя и не была в состоянии поддерживать сколько-нибудь эффективный карантин против

континентальной критики классической литературы, была в состоянии поддерживать довольно прочные барьеры против континентальных дискуссий о священной литературе. Но во второй половине девятнадцатого века эти барьеры были разрушены во многих местах, и, поскольку поток немецкой мысли соединился с течением преданности истине в Англии, в начале 1860 года появился скромный том, озаглавленный "Эссе и рецензии". В этой работе обсуждались различные старые богословские позиции, которые были признаны несостоятельными современными исследованиями, и применялись к ним взгляды новой школы толкования Библии. Авторами были, как правило, ученые в расцвете сил, занимавшие влиятельные должности в университетах и государственных школах. Их было семеро— первым был доктор Темпл, преемник Арнольда в Регби; а остальные - преподобный доктор Роулэнд Уильямс, проф. Баден Пауэлл, преподобный Х. Б. Уилсон, мистер К. В. Гудвин, преподобный Марк Паттисон и преподобный проф. Джоветт — единственный из семи, кто не состоит в священном сане, это Гудвин. Все статьи были важными, хотя первая, написанная Темплом, о просвещении мира, и последняя, написанная Джоветтом, об истолковании Священного Писания, будучи наиболее умеренными, наиболее эффективно вливались в старую традицию.

Сначала на книгу не обратили особого внимания, единственным замечанием были обычные попытки различных клерикальных газет выставить ее напоказ. Но в октябре 1860 года в "Вестминстер Ревью" появилась статья, восхваляющая эту работу как свидетельство того, что новый критический метод наконец-то проник в Англиканскую церковь.

Возможностью защитить Церковь сразу же воспользовался не кто иной, как епископ Уилберфорс из Оксфорда, тот самый, который несколькими месяцами ранее снискал себе более чем завидную славу своими нападка на Дарвина и теорию эволюции. Его первый натиск был нанесен в виде обвинения своему духовенству. За этим он последовала статья в Quarterly Review, очень взрывная по своей риторике, очень похожая на ту, которую он посвятил в том же периодическом издании Дарвину. Епископ заявил, что произведение тяготеет "к неверию, если не к атеизму"; что авторы были "виновны в преступном легкомыслии"; что, за исключением эссе доктора Темпла, их произведения "полны софизмов и скептицизма". Он был особенно озлоблен против проф. Изречение Джоветта: "Интерпретируйте Священное Писание как любую другую книгу"; он настаивал на том, что трактовка мистером Гудвином моисеева повествования о происхождении человека "сметает всю основу вдохновения и не оставляет места для Воплощения"; и по всей статье были разбросаны такие риторические украшения, как слова "неверующий", "атеистический", "лживый" и "распутный". Она сразу же привлекла к себе широкое внимание, но самым непосредственным ее результатом стало распространение эссе и рецензий, которые сразу же стали востребованы повсюду, выходили изданием за изданием и стали силой в стране. При этом началась паника, и с обычными результатами паники — большим безрассудством и некоторой жестокостью. Обращения духовенства и мирян, многие из которых обезумели от ярости и страха, обрушились на епископов, умоляя их спасти христианство и Церковь: поднялась буря оскорблений: семерых эссеистов заклеили как "семерых гасителей семи светильников Апокалипсиса", "семерых поборников нехристианского мира". В результате всего этого давления Самнер, архиепископ Кентерберийский, один из последних старых, добрых плюралистов в париках георгианского периода, возглавил декларацию, подписанную архиепископом Йоркским и длинным списком епископов, в которой выражалась боль по поводу появления книги, но сомнения относительно возможности какой-либо эффективной работы с ней. Это письмо только ухудшило ситуацию. Ортодоксы осудили его как робкое, а либералы называли неправильным. То же влияние было оказано на сестринский

остров, и протестантские архиепископы Ирландии выпустили совместное письмо, предостерегающее верующих от "лицемерия" книги. Казалось, все усиливало брожение. В Оксфорде состоялось собрание духовенства и мирян по вопросу избрания профессора санскрита, старшая ортодоксальная партия, приложившая все усилия, чтобы победить выдающегося ученого Макса Миллера, и все напрасно, нашла облегчение после своего поражения в новых разоблачениях эссе и рецензий.

Из двух прелатов, от которых можно было ожидать, что они выдержат бурю, Тейт, епископ Лондонский, впоследствии архиепископ Кентерберийский, на какое-то время смирился, хотя вскоре оправился и сослужил хорошую службу; другой, Тирлуолл, епископ Сент-Дэвидсский, выждал время и, когда настал подходящий момент, нанес самые действенные удары во имя истины и справедливости.

Тейт, человек широких взглядов и проницательный, один из самых выдающихся государственных деятелей среди прелатов, сначала пытался оторвать Темпла и Джоуэтта от их партнеров; но, хотя Темпл был сломлен бременем забот, и особенно тем фактом, что на его плечах лежала школа в Рагби, покровители которой были встревожены его связью с книгой, он проявил в высшей степени освежающее мужество. Отрывок из его писем епископу Лондона звучит следующим образом: "Что касается моего собственного поведения, я могу только сказать, что ничто на свете не заставит меня сделать то, что вы предлагаете. Я не сужу за других, но для меня это было бы подло и неправдиво". В другом случае доктор Темпл, когда на него в интересах учебного заведения, находящегося под его опекой, настояли на том, чтобы он отделился от своих коллег по написанию книги, заявил на собрании преподавателей школы, что, если будут сделаны какие-либо заявления о том, что он не одобряет других авторов книги, он, вероятно, сочтет своим долгом опровергнуть их. Другое из этих писем епископу Лондона содержит различные отрывки огромной силы. Один из них следующий: "Много лет назад вы призывали нас с университетской кафедры приступить к критическому изучению Библии. Вы сказали, что это опасное исследование, но оно необходимо. Вы описали его трудности, и те, кто слушал, должно быть, почувствовали уверенность (как, несомненно, и я, поскольку был там), что если бы они последовали вашему совету и взялись за выполнение задания, вы, во всяком случае, никогда бы не присоединились к несправедливому отношению к ним, если бы их изучение принесло с собой описанные вами трудности. Такое исследование, столь полное трудностей, настоятельно требует свободы в качестве своего условия. Говорить человеку учиться и в то же время предлагать ему, под страхом сурового наказания, прийти к тем же выводам, что и те, кто не учился, - значит насмехаться над ним. Если выводы предписаны, учеба прекращается". И опять же, то, что исходит от человека, который с тех пор занимал два самых важных епископства в Английской церкви, имеет огромное значение: "Что может быть более грубым суеверием, чем теория буквального богодухновения? Но поскольку это имеет под собой законную основу, к этому следует относиться как к ошибке хорошего человека, в то время как смелость говорить правду о первой главе книги Бытия является бессмысленным проявлением зла".

Буря продолжала завывать. На Кентерберийском соборе она была особенно яростной. В Нижней палате архидиакон Денисон настаивал на величайшей строгости, как он сказал, "ради молодежи, которая запятнана, развращена и чуть ли не отправлена в ад действием этой книги". В другой раз тот же выдающийся церковник заявил: "Из всех книг на любом языке, которые мне когда-либо попадались в руки, эта несравнимо худшая; в ней содержится весь яд, который

можно найти в "Веке разума" Тома Пейна, при этом у нее есть дополнительный недостаток в том, что она написана священнослужителями".

Каким бы истеричным ни было все это, Верхняя палата была немногим более сдержанной. И Тейт, и Терлуолл, пытаясь хоть как-то продвинуться вперед против нарастающего прилива, были на некоторое время отброшены Уилберфорсом, который настаивал на долге Церкви публично очистить себя от соучастия в делах людей, которые, по его словам, "отказались от Слова Божьего, Творения, искупления и работы Святого Духа".

Дело было доведено до любопытного исхода двумя судебными преследованиями — одно против преподобного доктора Уильямса со стороны епископа Солсберийского, другое против преподобного мистера Уилсона со стороны одного из его братьев-священнослужителей. Первым результатом стало то, что оба этих автора были приговорены к отстранению от своих должностей на год. В связи с этим два осужденных священнослужителя обратились к королеве в Совете. В состав судебного комитета для рассмотрения дела в последней инстанции входили лорд-канцлер, два архиепископа и епископ Лондонский; и одно событие особенно ярко продемонстрировало силу старых теологических рассуждений и церковного рвения, способных закрыть умы лучших людей для простейших принципов справедливости. Среди людей своего времени, наиболее заслуженно почитаемых за высокий характер, основательную ученость и острое восприятие добра и справедливости, был доктор Пьюзи. Никто не сомневался тогда, и никто не сомневается сейчас, что он скорее пошел бы на костер, чем сознательно допустил зло или несправедливость; и все же мы находим его в это время пишущим серию длинных и серьезных писем епископу Лондона, который в качестве судьи рассматривал это дело, затрагивающее средства к существованию и даже доброе имя подсудимых, указывая епископу на пагубные последствия, которые должны последовать, если авторы эссе и рецензий будут оправданы, и фактически умоляя судей, исходя из соображений целесообразности, осудить их. К счастью, епископ Тейт был слишком простым человеком, чтобы подобные обращения выбивали его из колеи.

Решение суда, окончательно вынесенное лордом-канцлером, фактически заявляло, что в обязанности трибунала не входит выносить какое-либо заключение по книге; что суд имел дело только с определенными выдержками, которые были представлены. Среди них было одно, приведенное в поддержку обвинения против мистера Уилсона — в том, что он отрицал доктрину вечного наказания. По этому поводу суд постановил, что он "не нашел в формулярах Английской церкви какого-либо настолько четкого заявления по этому вопросу, чтобы требовать от нее наказания за выражение священнослужителем надежды на то, что даже окончательное прощение нечестивцев, осужденных в судный день, может соответствовать воле Всемогущего Бога". В то время как архиепископы не согласились с этим решением, епископ Тейт объединился в нем с лордом-канцлером и народными заседателями.

И теперь паника разразилась сильнее, чем когда-либо. Замешательство усилилось. Серьезные люди настаивали на том, что трибунал фактически одобрил Эссе и Рецензии; циничные отмечали, что он "отказался от адских затрат". Сразу же был заключен союз между наиболее ревностными представителями Высшей и низшей Церкви, и Оксфорд стал его штаб-квартирой: доктор Пьюзи и архидьякон Денисон были среди лидеров, и каждому священнослужителю в Англии и Ирландии было разослано страстное заявление с письмом, в котором его умоляли "из любви к Богу" подписать его. Таким образом, за очень короткое время было получено

одиннадцать тысяч подписей. Кроме того, депутаты, утверждавшие, что представляют сто тридцать семь тысяч мирян, пришли к архиепископам, чтобы поблагодарить их за несогласие с решением суда. Кентерберийский собор также ввязался в драку, епископ Уилберфорс был сторонником старой ортодоксии, а епископ Тейт - новой. Едкой была речь епископа Терлуолла, в которой он заявил, что рассматривает одиннадцать тысяч имен, во главе с именем Пьюзи, прилагаемых к Оксфордской декларации, "в свете ряда цифр, которым предшествует десятичная точка, так что, как бы далеко ни продвинулся ряд, он никогда не сможет достичь значения единой единицы".

Несмотря на все, что можно было сделать, акт осуждения был вынесен на Всеобщем собрании.

Последнее главное эхо всей этой борьбы против нового способа толкования было услышано, когда канцлер, ссылаясь на дело в Палате лордов, охарактеризовал церковный акт как "просто набор хорошо смазанных терминов - предложение настолько маслянистое и сапонизированное, что никто не может его понять; подобно угрю, оно ускользает у вас сквозь пальцы и представляет собой просто ничто".

Слово "омыляющий" неизбежно вызвало резкую отповедь епископа Уилберфорса; но, возможно, самое ценное суждение по всему вопросу было высказано епископом Тейтом, который заявил: "Эти вещи настолько сильно напугали духовенство, что я думаю, едва ли найдется епископ на скамье подсудимых, если только это не епископ Сент-Дэвидса (Терлуолл), который был бы полезен для предотвращения повсеместного отчуждения разумных людей".

В течение всего спора и некоторое время после него пресса была завалена ответами, тяжеловесными и содержательными, аляповатыми и безвкусными, язвительными и елейными, но в основном несущими неизбежные характеристики защиты унаследованных мнений, подкрепленных обильными пожертвованиями.

Какое-то время казалось, что авторов книги вот-вот выгонят из Церкви. Один из наименее отважных, но наиболее выдающихся, оказавшийся явно покинутым, хотя и был человеком очень крепких нервов, казался близким к смерти от разрыва сердца; но в конце концов здравый смысл англичанина возобладал. Буря миновала, и вскоре раздался тихий, негромкий голос. По-настоящему здравомыслящие люди по всей Англии, особенно те, кто не был сторонником традиционной ортодоксальности, признали услугу, оказанную книгой. Было обнаружено, что, в конце концов, даже среди церковников существовала огромная масса общественного мнения, выступавшего за то, чтобы полностью прислушиваться к благоговейному выражению честных мыслей, и склонного с недоверием относиться к любой причине, которая подвергала честной игре усердие.

Авторы этой работы не только остались в англиканской церкви, но некоторые из них с тех пор представляют более широкие взгляды, хотя и не всегда с присущей им ранней смелостью, на самых высоких и влиятельных должностях в англиканской церкви.(481)

(481) О происхождении эссе и рецензий см. *Edinburgh Review*, апрель, 1861, стр. 463. О том, как восприняли эту книгу, читайте в "Вестминстер Ревью", октябрь 1860 года. О нападках на него епископа Уилберфорса см. Его статью в *Quarterly Review*, январь 1861 г.; дополнительные факты см. в *Edinburgh Review*, апрель 1861 г., стр. 461 и далее. О действиях по книге со стороны Convocation см. Дублинское обозрение, май 1861 г., со ссылкой на Джелфа и др.;

также "Жизнь архиепископа Тейта" Дэвидсона, том i, глава xii. Для Архиепископского письма см. Дублинское обозрение, как указано выше; также "Жизнь епископа"

Уилберфорса, написанная его сыном, Лондон, 1882, том. iii, стр. 4,5; там указано, что Уилберфорс опирался на это письмо. Для получения любопытных внутренних взглядов

на противоречия в эссе и обзорах, включая курс епископа

Хэмпдена, Тейта и др., смотрите "Жизнь епископа Уилберфорса", написанную его сыном, как указано выше, стр. 3-11; также стр. 141-149. Обличение нынешнего епископа Лондона (Темпл) как "прокаженного" и т.д. см. там же, стр. 319, 320.

Общее описание Темпла см. в Журнале Фрейзера за декабрь 1869 г.

Очень интересную переписку см. в книге Дэвидсона "Жизнь архиепископа"

Тейта, как указано выше. Речи архидьякона Денисона см. там же, том i, стр. 302. По поводу письма доктора Пьюзи епископу Тейту, призывающего осудить эссеистов и рецензентов, там же, стр. 314. За поразительные письма

доктора Темпл, там же, стр. 290 и далее; также Жизнь и письма декана Стэнли. Ответы см. в "Поручении епископа Оксфордского", 1863;

также Ответы на эссе и рецензии, Паркер, Лондон, с предисловием Уилберфорса; также "Пособия вере", под редакцией епископа Глостерского, Лондон, 1861; также статьи Джелфа, Бургона и др. О судебном разбирательстве см. "Ежеквартальный обзор", апрель 1864 г.; также Дэвидсон, как указано выше.

Речь епископа Терлуолла приведена в "Хронике созыва", цитируемой в "

Жизни Тейта", т. i, стр. 320. О том, как Тейт отдает дань уважения Терлуоллу, см.

"Жизнь Тейта", том i, стр. 325. Замечательный, грамотный обзор идей епископа Уилберфорса и лорда-канцлера

Уэстбери в самой

очаровательной форме можно найти в книге Х. Д. Трейла "Новый Люциан", "Первый диалог". О циничной фразе, о которой идет речь, см. Нэш, "Жизнь лорда Уэстбери", т. ii, стр.

78, где приведена следующая эпитафия:

"РИЧАРД БАРОН УЭСТБЕРИ,

лорд-канцлер Англии,

Был выдающимся христианином,

энергичным и милосердным государственным деятелем,

И еще более выдающимся и милосердным судьей.

За три года своего пребывания на этом посту

Он отменил древний метод передачи земли,

Освященный веками институт Суда по делам о несостоятельности и Вечность наказания.

Ближе к концу своей ранней карьеры,

в Судебном комитете Тайного совета, Он отказался от адских издержек,

И отобрал у ортодоксальных членов Англиканская церковь

Их последняя надежда на вечное проклятие".

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СХВАТКА.

Буря, вызванная эссе и рецензиями, еще не улеглась, когда на английский богословский мир обрушилась гораздо более серьезная буря.

В 1862 году появилась работа под названием "Пятикнижие и книга Иисуса Навина", в которой критически рассматривался автор, являющийся Коленсо, англиканским епископом Натала в Южной Африке. Прежде его высоко ценили как товарища и преподавателя в Кембридже, магистра в Харроу, автора различных ценных учебников по математике; и пока он осуществлял свои полномочия в рамках популярной ортодоксальности, он, очевидно, был на пути к высшему положению в Церкви; но он выбрал другой путь. Его отношение к своему предмету было благоговейным, но постепенно он пришел к выводам, тогда столь смелым, а теперь столь широко распространенным среди христианских ученых, что Пятикнижие, содержащее много ценного исторического материала, содержит много неисторического; что большая его часть была работой сравнительно позднего периода еврейской истории; что многие отрывки из Второзакония могли быть написаны только после того, как евреи поселились в Ханаане; что закон Моисея не действовал до пленения; что книги Паралипоменон были явно написаны запоздало, чтобы утвердить взгляды касты священников. ; и что во всех книгах есть много мифического и легендарного.

Недавно один великий немецкий ученый совершенно справедливо привел эту работу церковника, низведенного до самого мелкого епископства в одном из самых отдаленных уголков мира, как доказательство того, "что проблемы библейской критики больше нельзя замалчивать; что они витают в воздухе нашего времени, так что богословие не смогло бы избежать их, даже если бы оно взмыло на крыльях зари и обитало в самых отдаленных уголках моря".

Заявления епископа, которые сейчас кажутся такими умеренными, тогда вызвали ужас. Особый гнев вызвали некоторые из его арифметических аргументов, и среди них те, которые показывали, что армия в шестьсот тысяч человек не могла быть мобилизована за одну ночь; что три миллиона человек со своими стадами не могли добыть ни пищи в такой маленькой и засушливой пустыне, по которой, как говорили, они бродили в течение сорока лет, ни воды из одного колодца; и что убийство двухсот тысяч мадианитян двенадцатью тысячами израильтян, "бесконечно превосходящее по жестокости трагедию в Канпуре", к счастью, вызвало лишь было осуществлено на бумаге". В нем не было ничего от насмешника. Сохраняя собственную независимость, он поддерживал связь с самыми серьезными мыслями как среди европейских ученых, так и в небольшой пастве, вверенной его попечению. Он, очевидно, помнил, к чему привела попытка удержать рабочий класс в городах Франции, Германии и Италии отживших верований; он обнаружил, что даже зулусы, которых он думал обратить, с подозрением относились к легендарным чертам Ветхого Завета, и своим ясным практическим умом он

осознал опасность, угрожавшую английской церкви и христианству, — опасность привязки своей религии и морали к толкованиям и концепциям Священного Писания, которые все чаще воспринимались как противоречащие фактам. Он видел особую опасность фальшивых объяснений, сокрытия фактов, которые вскоре должны были стать известны и которые, будучи раскрытыми, неизбежно должны были заставить простых людей Англии считать своих учителей, даже самых достойных, "официально признанными самозванцами" — священнослужителями, срок полномочий которых зависит от утверждений, которые, как они знают, не соответствуют действительности. Поэтому, когда его оглашенные спросили его о некоторых ветхозаветных легендах, епископ решил сказать правду. Он говорит: "Мое сердце ответило словами пророка: "Должен ли человек говорить ложь во имя Господа?" Я решил не делать этого".

Но поначалу ни одно из этих соображений не пошло ему на пользу.

Протест против этой работы был оглушительным: церковники и раскольники бросились вперед, чтобы атаковать ее. Архидьякон Денисон, председатель комитета Созыва, назначенного для рассмотрения этого дела, громко произнес анафему. Собрание торжественно осудило его, а ревностный колониальный епископ, полагающийся на номинальное верховенство, низложил и отлучил от церкви его автора, объявив его "преданным сатане". По обе стороны Атлантики пресса стонала от "ответов", некоторые из которых были особенно вредны для дела, которому они должны были служить, и не более того, чем различные усилия самих епископов. Одним из пунктов, по которому они напали на него, было его утверждение, что упоминание в книге Левит о зайце, жующем свою жвачку, содержит ошибку. По этому поводу проф. Хитциг из Лейпцига, один из лучших знатоков иврита своего времени, заметил: "Ваши епископы выставляют себя на посмешище Европы. Каждый гебраист знает, что животное, упомянутое в Книге Левит, на самом деле заяц... каждый зоолог знает, что оно не жует жвачку".(482)

(482) Упомянутую цитату см. в Пфлайдерере, как указано выше, книга iv, глава ii. Отрывки, упомянутые как вызывающие особый гнев, см. Коленсо, Лекции о Пятикнижии и Моавитском камне, 1876, стр. 217. Эпизод с зайцем, жующим жвачку, см. Кокс, "Жизнь Коленсо", том i, стр. 240. По кругу ходила следующая эпиграмма:

"Все епископы поклялись пролить свою кровь, Чтобы доказать, что это правда, что заяц жует жвачку. О епископы, врачи и богословы, берегитесь — Слаба вера, которая держится на ВОЛОСКЕ!"

По возвращении Коленсо в Наталь, где многие из духовенства и мирян, которые чувствовали благодарность за его многолетнюю преданность им, приняли его со знаками привязанности, была предпринята попытка разорить этих священнослужителей, лишив их небольшого жалованья, и запугать простодушных мирян, пригрозив им таким же "большим отлучением", которому подвергся их епископ. Чтобы сделать значение этого более очевидным, генеральный викарий епископа Кейптауна встретил Коленсо у дверей его собственного собора и торжественно повелел ему "удалиться из дома Божьего как человеку, который был передан в руки Лукавого". Перед собравшимися верующими был зачитан приговор об отлучении от церкви, и им было предписано обращаться со своим епископом как с "язычником и мытарем". Но эти и длинный ряд других преследований вызвали реакцию в его пользу.

У Коленсо оставался один оплот, который его враги сочли более сильным, чем они себе представляли, — британские суды. Теперь были предприняты величайшие усилия, чтобы выиграть время в этих судах, унижить Коленсо и довести до разорения духовенство, которое оставалось ему верным; и стоит отметить, что одним из руководителей подготовки судебного иска против него в комитете был мистер Гладстон.

Но этот бастион оказался неприступным: и Судебный комитет Тайного совета, и Апелляционный суд вынесли решение в пользу Коленсо. Таким образом, его врагам не только запретили лишать его жалованья, но и сделали недействительным их отлучение от церкви; оно действительно стало предметом насмешек, и даже такой воспитанный в религиозных чувствах человек, как Джон Кебл, признавался и сетовал, что английский народ больше не верит в отлучение от церкви. Горечь побежденных нашла выход в высказываниях митрополита колонии, отлучившего Коленсо, — епископа Грея, "Льва Кейптауна", — который назвал судебное решение "ужасным и нечестивым", а Тайный совет — "шедевром сатаны" и "великим драконом Английской церкви". Даже Уилберфорс, как ни старался он избегать нападок на что-либо устоявшееся, с глубоким сожалением упомянул о "преданности английского народа закону в вопросах подобного рода".

Их неудача в судах, казалось, только усилила жестокость нападающей стороны. Англиканское сообщество, как в Англии, так и в Америке, было до глубины души настроено против еретика, и различные организации несогласных стремились проявить равное рвение. Были предприняты большие усилия, чтобы искоренить его репутацию: было объявлено, что он просто украл идеи рационалистов на Континенте оптом и продавал их в Англии в розницу; факт состоял в том, что, хотя он использовал все имеющиеся в его распоряжении источники информации и был достаточно широк, чтобы установить отношения с лучшими библеистами Континента, он был исключительно независим в своих суждениях, и что его исследования имели непреходящую ценность для изменения континентальной мысли. Куэнен, самый выдающийся из всех своих современников в этой области, модифицировал, как он сам заявил, одну из своих ведущих теорий после прочтения аргументации Коленсо; и другие континентальные ученые, едва ли менее выдающиеся, признали, что они в большом долгу перед английским ученым за оригинальные предложения.(483)

(483) Интересные подробности преследования Коленсо см. в "Жизни Тейта" Дэвидсона, ребята. xii и xiv; также Жизнеописания епископов Уилберфорса и Грея. Полный отчет о борьбе см. Кокс, "Жизнь епископа" Коленсо, Лондон, 1888, особенно том i, глава v. О драматическом представлении в соборе Коленсо см. Том ii. ii, стр. 14-25. Очень беспристрастное и благодарное высказывание о работе Коленсо можно найти в книге Чейна "Основатели критики ветхого Завета", Лондон, 1893, глава ix. Свидетельство оригинальности и ценности вклада Коленсо см. Куэнен, "Происхождение и состав Шестикнижия", Введение, стр. xx, следующим образом: "Коленсо обратил мое внимание на трудности, которые я до сих пор не мог ни заметить, ни должным образом учесть; а что касается мнения о его работах, распространенного в Германии, мне нужно только сказать, что, поскольку Эвальд, Банзен, Блик и Кнабель, каждый из них, были логически вынуждены пересмотреть свои теории в свете в связи с исследованиями английского епископа, не было особых оснований заявлять, что его методы устарели, а его возражения устарели". Очень короткую, но

действенную дань уважения Коленсо как независимому мыслителю, заслуги которого теперь признаны континентальными учеными, см. в книге Пфлайдерера "Развитие теории", как указано выше.

Но усердие врагов епископа не ограничилось клеветой. Он подвергся общественному остракизму — даже более основательному, чем Лайелл после публикации своих "Принципов геологии" тридцать лет назад. Даже старые друзья покинули его, среди них Фредерик Денисон Морис, которого, когда он сам был под запретом за ересь, защищал Коленсо. Морис был не единственным еретиком, который выступил против него; Мэтью Арнольд напал на него и провозгласил истинным идеалом работы, необходимой для улучшения английской церкви и народа, из всех книг в мире "Трактат Спинозы". Большая часть английского населения была вынуждена считать его "неверующим", "предателем", "отступником" и даже "нечистым существом"; слуги в ужасе покидали его дом; "Трейн, Бланш и Милашка напустились на него"; и одним из любимых развлечений того периода среди людей мелкого ума и без убеждений было придумывание легкой непристойности против него. (484)

(484) В одном из популярных в то время бессмысленных стихотворений полемика была подытожена следующим образом:

"Епископ был из Наталя,
У которого в друзьях был зулус;
Сказал зулус: "Моя дорогая,
тебе не кажется, что Книга Бытия странная?"
, которая прикрывала милорда из Наталя".

Но не менее хорошие стихи появились и на другой стороне, один из них был следующего содержания:

"Значит, это великий Коленсо,
Которого так оскорбляют все епископы?
Сказал Сэм о Мыле,
Принеси хворост и веревку,
Для о! у него нет друзей, о!"

О нападках Мэтью Арнольда на Коленсо читайте в журнале Macmillan's Magazine за январь 1863 года. Что касается Мориса, смотрите в уже приведенных ссылках.

Посреди всей этой полемики стояли три человека, каждый из которых навсегда связал с ней свое имя.

Первым из них был Сэмюэл Уилберфорс, в то время епископ Оксфорда. Одаренный сын Уильяма Уилберфорса, которого чтили во всем мире за его усилия по пресечению работорговли, он быстро продвинулся в Английской церкви и в то время был прелатом с широким влиянием. Он был красноречив и дипломатичен, остроумен и дружелюбен, всегда был уверен, что будет со своими собратьями-церковниками и вежливым обществом вопреки

неприятным переменам. Шла ли речь о борьбе против рабовладельческой власти в Соединенных Штатах, или о монархии сквайров в Великобритании, или об эволюционной теории Дарвина, или о новых взглядах, провозглашаемых эссеистами и рецензентами, он всегда был учтивым представителем тех, кто противостоял каждому новатору и "умолял его удалиться от их берегов". Смешивая в странных пропорциях истинно религиозные чувства с заботой о собственном продвижении, его замечательная власть за кафедрой придавала ему огромные силы для достижения своих целей, а его очаровательная способность быть всем для всех людей, а также его умение избегать последствий своих многочисленных ошибок, принесли ему прозвище "Мыльный Сэм". Если такие его братья в епископате, как Тирлуолл, Селвин и Тейт, могли претендовать на апостольскую преемственность, Уилберфорс с не меньшей уверенностью был преемником самых одаренных и в высшей степени респектабельных саддукеев, который занимал высокое положение при Понтии Пилате.

По любопытному совпадению, всего за несколько лет до этого он произнес проповедь, когда Коленсо был освящен в Вестминстерском аббатстве, и один отрывок из нее можно процитировать как свидетельство пророческого дара проповедника, как наставляющего, так и предсказывающего. Затем Уилберфорс сказал Коленсо: "Вам нужна смелость, чтобы рискнуть всем ради Бога — встать на сторону истины и ее сторонников вопреки угрозам людей и гневу дьявола;... вам нужна терпеливая кротость, чтобы переносить раздражающую клевету и ложные предположения, которыми, если вы верны, та же самая сатанинская работа, которая, если бы могла, сожгла бы ваше тело, несомненно, будет ежедневно преследовать вас через перья и языки обманщиков и обманутых, которые под видом ревности ко Христу будут все больше искажать ваши слова, искажать ваши мотивы, радоваться вашим промахам, преувеличивать ваши ошибки и стремиться каждым отравленным дуновением клеветы подорвать вашу способность служить". (485)

(485) О социальном остракизме Коленсо см. В уже цитировавшихся работах; также "Жизнь Коленсо" Кокса. Отрывок из проповеди Уилберфорса на освящении Коленсо см. в разделе Преподобный сэр Г. В. Кокс, Англиканская церковь и учение епископа Коленсо. Об отношении Уилберфорса к делу Коленсо в целом читайте в "Его жизни", написанной его сыном, т. iii, особенно стр. 113-126, 229-231. Что касается признания Кебла, что ни один англичанин не верит в отлучение от церкви, там же, стр. 128. Сдержанное изложение мнения Дина Стэнли относительно Уилберфорса и Ньюмана см. в письме Дина Черча смотрителю Кебла в "Жизни и письмах Дина Черча", стр. 293.

К сожалению, когда Коленсо последовал этому совету, его советник стал самым неутомимым из его преследователей. Предоставив таким людям, как митрополит Кейптаунский и архидьякон Денисон, шумную часть натиска, Уилберфорс был среди тех, кто наиболее усердствовал в разработке более эффективных мер.

Но время, и даже короткое, восстановило баланс между двумя прелатами. Коленсо все больше и больше воспринимается как праведный лидер в благородных усилиях вырвать Церковь из фатальных пут устаревшей системы толкования; Уилберфорс, по мере того как память о его красноречии и личном обаянии стирается, а откровения его нескромных биографов обнажают

методы его работы, считается, что в целом он оставил самый разочаровывающий отчет, сделанный каким-либо англиканским прелатом в девятнадцатом веке.

Но в истории Англиканской церкви была гораздо более яркая страница; вторым из трех, кто в борьбе связал свои имена с именем Коленсо, был Артур Пенрин Стэнли, настоятель Вестминстера. Его поступок во время всего этого преследования был честью не только для англиканской церкви, но и для всего человечества. Ради собственного возмужания и осуществления собственной интеллектуальной свободы он с радостью отказался от высокого положения в Церкви, которое было легко достижимо для него. Для него истина и справедливость были больше, чем постановления Кентерберийского собора или общепангликанского синода; в этом, как и в других вопросах, он выдержал бурю, никогда не поддавался богословским предрассудкам, от начала до конца протягивал братскую руку преследуемому епископу и в самый критический момент открыл для него кафедру Вестминстерского аббатства.(486)

(486) Интересное свидетельство о характере Стэнли, сделанное с той стороны, откуда этого меньше всего можно было ожидать, приводится в воспоминаниях лорда Шефтсбери в "Жизни Фрэнсис Пауэр Кобб", Лондон и Нью-Йорк, 1894. Покойный епископ Массачусетса Филлипс Брукс, чья смерть стала тяжелой утратой для его страны и для Вселенской Церкви, однажды дал автору яркое описание сцены, свидетелем которой он стал на Кентерберийском соборе, когда Стэнли практически в одиночку противостоял упрямому традиционализму всего общества в вопросе афанасианского вероучения. Остается надеяться, что этот отчет может быть обнаружен среди писем, написанных Бруксом в то время. Смотрите также "Жизнь и письма декана" Черча, стр. 294, чтобы получить очень важное свидетельство.

Третьим из высших духовных лиц Англиканской церкви, чьи имена были связаны в этом соревновании, был Терлуолл. Он, несомненно, был выдающимся человеком в Церкви своего времени — величайшим церковным государственным деятелем, глубочайшим историком, богословом с яснейшим видением отношений между Церковью и его эпохой. Единственный среди своих собратьев-епископов в тот период, он противостоял "всем ветрам, которые дули", поскольку всю свою жизнь противостоял всем бурям клерикального или народного безрассудства. Он получил свою награду. Он никогда не продвигался дальше бедного валлийского епископства; но, хотя он видел, что люди ничтожно низкого положения постоянно продвигались дальше него, он никогда не дрогнул, никогда не падал духом или надеждой, но неуклонно шел вперед, отказываясь судиться за несправедливость, приносящую доход, и до последнего сопротивляясь любой реакции и фанатизму, сохраняя таким образом не только свое собственное самоуважение, но и будущее уважение английской нации к Церкви.

Несколько других ведущих церковных деятелей были сдержанно добры к Коленсо, среди них Тейт, который теперь стал архиепископом Кентерберийским; но, каким бы мужественным он ни был, он был несколько более осторожен в этом вопросе, чем могли бы пожелать те, кто больше всего чтит его память.

Несмотря на этих друзей, клерикальное наступление какое-то время было эффективным; Коленсо, насколько это касалось Англии, был дискредитирован и фактически отстранен от

своих обязанностей. Но этот вынужденный досуг просто дал ему больше времени для борьбы за защиту своей родной паствы от колониального хищничества и для продолжения своей великой работы над Библией.

Его работа произвела свой эффект. Во многом это было связано с пробуждением нового поколения английских, шотландских и американских ученых. Хотя очень многие из его второстепенных заявлений с тех пор были изменены или отвергнуты, его главный вывод становился все более очевидным, что он верен. Благоговейно и с глубочайшей любовью к христианству он сделал неисторический характер Пятикнижия ясным, как день. С тех пор сокрушительное влияние старой интерпретации на науку, мораль и религию неуклонно и быстро ослабевало. То, что наступила новая эпоха, было очевидно, и из многих доказательств этого мы можем отметить два наиболее поразительных.

В течение многих лет Бэмптонские лекции в Оксфорде считались постоянным и решительным дополнением к оплотам старой ортодоксии. Если время от времени ортодоксальности угрожала опасность из-за таких дополнений к циклу, как те, что были сделаны доктором Хэмпденом, эти лекции были, как правило, насыщены более старыми традициями англиканской церкви. Но теперь произошла очевидная перемена. Отклонений от старых путей было много и они были поразительными, пока, наконец, в 1893 году не появились лекции о вдохновении преподобного доктора Сэндея, ирландского профессора экзегезы в Оксфордском университете. В них были сделаны уступки новой критике, которая в прежние времена выгнала бы лектора не только из Церкви, но и из любого достойного положения в обществе; ибо проф. Сандей не только отказался от огромной массы других идей, которые большая часть церковников считала фундаментальными, но и принял ряд выводов, установленных новейшей критикой. Он заявил, что Куэнен и Велльхаузен в целом верно наметили основные этапы развития истории еврейской литературы; он с одобрением включил в нее работы других выдающихся еретиков; он признал, что очень многие утверждения в Пятикнижии демонстрируют "наивные идеи и обычаи первобытной эпохи". Но, что самое важное, он отказался от всего вопроса, касающегося книги Даниила. Вплоть до совсем недавнего времени раннее авторство и предсказательный характер книги Даниила были вещами, которые никому ни на минуту не разрешалось оспаривать. Пьюзи, как мы видели, доказал правящим партиям в английской церкви, что христианство должно выстоять или пасть в соответствии с традиционным взглядом на эту книгу; и теперь, через несколько лет после смерти Пьюзи, в его собственном университете, выступая с кафедры церкви Святой Марии, откуда он так часто настаивал на абсолютной необходимости сохранения старой точки зрения, этот профессор библейской критики, доктор богословия, убедительно показал в отношении книги Даниила, что критический взгляд одержал верх; что имя Даниила лишь вымыслено; что книга ни в коем случае не является книгой Пророка Даниила. предсказательный, но был написан, по крайней мере, в основном, после событий, которые он описывает; что "его автор жил во времена борьбы Маккавеев"; что он очень неточен даже в тех простых фактах, которые он приводит; и, следовательно, вся обширная ткань, возведенная на его предсказательный характер, безосновательна.

Но еще более поразительным было другое свидетельство наступления новой эпохи.

Чтобы искоренить все ростки новой мысли, уничтожить даже зародыши, посеянные Коленсо и ему подобными, было начато особое движение, важнейшей частью которого стало учреждение в Оксфордском университете колледжа, который должен был с сокрушительной силой

противопоставлять старое мнение новой мысли и воспитывать группу молодых людей, питая их высказываниями отцов церкви, средневековых врачей и апологетов семнадцатого и восемнадцатого веков; и должен был держать их в счастливом неведении о реформаторском духе шестнадцатого века и научном духе XVI века. девятнадцатого века.

Основанный таким образом новый колледж носил имя поэта, наиболее любимого среди высших церковников; в него стекались большие пожертвования; эффектная часовня была возведена в полном соответствии со строжайшими правилами средневековой экклезиологии. Словно для того, чтобы подчеркнуть основную мысль, которую следовало развивать в новом учебном заведении, одной из самых красивых псевдосредневековых картин было отведено почетное место в его холле; и колледж, величественный и безвкусный, возвышался над соседней скромной обителью оксфордской науки. Куэнен мог одержать победу в Голландии, и Велльхаузен в Германии, и Робертсон Смит в Шотландии — даже профессора Драйвер, Сэндей и Чейн могли сменить доктора Пьюзи на посту толкователей Ветхого Завета в Оксфорде, — но Кембл-колледж, пользовавшийся благосклонностью множества лидеров Церкви, включая мистера Гладстона, казался несокрушимой крепостью старой мысли.

Но в 1889 году появилась книга эссе под названием "Люкс Мунди", среди ведущих авторов которой были люди, тесно связанные с Кемблским колледжем и движением, которое его создало. Эта работа полностью отказалась от традиции, согласно которой повествование в книге Бытия является исторической записью, и признала, что все описания в еврейских Священных Писаниях событий до времен Авраама являются мифическими и легендарными; она признала, что книги, приписываемые Моисею и Иисусу Навину, были составлены в основном из трех документов, представляющих разные периоды, и один из них относится к позднему периоду изгнания; что "в истории Ветхого Завета присутствует значительный элемент идеализации"; что "книги Паралипоменон демонстрируют идеализацию истории" и "обращение к прошлым записям о развитии ритуала, которое на самом деле произошло позже", и что пророчество не обязательно является предсказательным — "пророческое вдохновение согласуется с ошибочными ожиданиями". Снова дрожь пробежала по приверженцам традиции в Церкви, и то тут, то там раздавались угрозы; но фиаско в очерках и рецензиях и катастрофа в Коленсо все еще были живы в памяти. Здравый смысл возобладал: Бенсон, архиепископ Кентерберийский, вместо того чтобы преследовать авторов, сам задал знаменитый вопрос: "Разве Святой Дух не может использовать мифы и легенды?" и вскоре после этого правительство возвело одного из этих авторов в сан епископа.(487)

(487) О крайней преданности Пьюзи своему взгляду на книгу Даниила, есть любопытное свидетельство в письме к Стэнли, опубликованном во втором томе "Жизни и писем" последнего. О взглядах, упомянутых в "Lux Mundi", см. стр. 345-357; также, по общему вопросу, "Christus Comprobator" епископа Элликотта.

В университете-побратиме наблюдалась та же тенденция. Робертсон Смит, который был смещен со своего высокого поста в Свободной церкви Шотландии из-за своей работы по исследованию Священных Писаний, был принят на должность профессора в Кембридже, а

другим людям, не менее преданным новым истинам, были предоставлены места контролирующего влияния в формировании мышления нового поколения.

Война против библейской науки также не привела к каким-либо иным результатам среди инакомыслящих Англии. В 1862 году Сэмюэл Дэвидсон, профессор Конгрегационалистского колледжа в Манчестере, опубликовал свое Введение в Ветхий Завет. Независимо от современных авторов эссе и рецензий, он в общих чертах пришел к выводам, во многом схожим с их собственными, и он представил новую точку зрения с бесстрашной честностью, признав, что к ним должны быть применены те же исследования, что и к другим восточным священным книгам, и что такие исследования устанавливают тот факт, что все они в равной степени содержат легендарные и мифические элементы. Сразу же поднялась буря; некоторые конфессиональные газеты взяли за этот вопрос, и Дэвидсона выгнали с профессорской кафедры; но он храбро продолжал работать, и другие последовали за ним, чтобы взяться за его работу, пока идеи, которые он отстаивал, не были полностью рассмотрены.

Точно так же и в Шотландии работа Робертсона Смита была продолжена даже после того, как он был изгнан в Англию; и по мере того, как приверженцы старой мысли уходили из жизни, люди с родственными идеями постепенно избирались на кафедры библейской критики и толкования. Великий труд Велльхаузена, который Смит представил в английской форме, доказал свою силу как в Англии, так и в Шотландии, а статьи о различных книгах Священного Писания и библейских сюжетах в целом в девятом издании Британской Энциклопедии, подготовленные в основном им самим как редактором или переданные в руки других авторов, представляющих недавние критические исследования, этот очень важный справочный труд, который в предыдущих изданиях был таким робким, теперь был выстроен на стороне новой мысли, обеспечивая должное внимание к нему везде, где говорят на английском языке.

Во Франции наблюдалась та же тенденция, хотя и с разительными отличиями от хода событий в других странах — отличиями из-за совершенно иных условий, в которых студенты-библеисты во Франции были вынуждены работать. Вплоть до середины девятнадцатого века ортодоксальность Боссюэ, жестко противопоставлявшая букву Священного Писания каждому шагу в развитии науки, уступала лишь в очень незначительной степени. Но затем произошло событие, возвестившее о начале новой эпохи. В то время Жюль Симон, впоследствии столь выдающийся писатель, академик и государственный деятель, спокойно исполнял обязанности профессора, когда ему принесли визитную карточку незнакомого человека с именем "Эрнест Ренан, студент Сен-Сюльпис". Допущенный в библиотеку мсье Симона, Ренан рассказал свою историю. Будучи студентом-богословом, он самым серьезным образом посвятил себя, еще до поступления в семинарию, изучению иврита и семитских языков, и теперь ему приходилось во время лекций по библейской литературе в Сен-Сюльпис слышать, как преподобный профессор часто делал комментарии, основанные на Вульгате, но абсолютно опровергаемые собственным знанием Ренаном иврита. Когда Ренан спрашивал о какой-либо интерпретации лектора, последний обычно отвечал: "Месье, вы осмеливаетесь отрицать авторитет Вульгаты — перевода святого Иеронима, санкционированного Святым Духом и Церковью? Ты немедленно пойдешь в часовню и будешь произносить "Радуйся, Мария" в течение часа перед образом Пресвятой Богородицы".

"Но, - сказал Ренан Жюлю Симону, - теперь это стало очень серьезно; это происходит почти каждый день, и, БОЖЕ МОЙ! Месье, я не могу тратить ВСЕ свое время на то, чтобы произносить

"Радуйся, Мария" перед статуей Пресвятой Девы. Результатом стала теплая личная привязанность между Симоном и Ренаном; оба были бретонцами, воспитанными в окружении самых ортодоксальных влияний, и оба неохотно порвали с ними.

Теперь Ренан был эмансипирован и продолжал учебу с таким успехом, что стал профессором Коллеж де Франс. Его "Жизнь Иисуса" и другие книги, написанные в том же духе, обрушили на него бурю, которая выгнала его с профессорской должности и навлекла на него большие трудности на многие годы. Но его гений победил, и, к чести Французской республики, он был восстановлен на том положении, с которого его свергла Империя. Из-под его пера, наконец, вышла "История народа Израиля", в которой обширные знания, хотя порой и неточные в незначительных деталях, были дополнены изысканной остротой и поэтическим проникновением, которые с лихвой исправили любую из тех мелких ошибок, которых немецкий студент избежал бы. К моменту его смерти, в октябре 1892 года, эта монументальная работа была закончена. По ясности и красоте стиля к нему никогда не приближался ни один другой трактат на эту или любую родственную тему: это гениальное произведение; и его глубокое проникновение во все, что имеет значение в великих темах, которые он рассматривал, несомненно, позволит ему занять постоянное место в литературе не только латинских народов, но и всего мира.

Интересный свет на историю развития мысли в конце девятнадцатого века проливает тот факт, что этот самый ненавистный из ересиархов был призван получить высшую академическую награду в университете, который веками считался оплотом пресвитерианской ортодоксии в Великобритании.

Во Франции церковные власти при его жизни осыпали его анафемами, отказали ему в христианском погребении и в разрешении похоронить его в месте, которое он больше всего любил, что только усилило любовь народа к нему в последние годы его жизни и усилило всеобщий траур по поводу его смерти.(488)

(488) Удивительно точное изложение работы Ренана, в высшей степени судебное и в то же время глубоко признательное, см. у преподобного доктора Пфлайдерера, профессора Берлинского университета, "Развитие теологии в Германии", стр. 241, 242, примечание. Факты, касающиеся ранних отношений между Ренаном и Жюлем Симоном, были сообщены последним в 1878 году настоящему автору довольно подробно и со многими интересными деталями, которые здесь не приводятся. Писатель также присутствовал на публичных похоронах великого ученого и может засвидетельствовать свое знание глубоких и сердечных свидетельств благодарности и уважения, оказанных Ренану не только выдающимися ораторами и учеными, но и людьми в целом. Что касается отказа от места захоронения, которое Ренан специально выбрал, посмотрите его собственные Сувениры, в которых он сетует на неизбежное исключение его могилы из места, которое он больше всего любил. Что касается клеветы, то один шедевр, очень широко распространенный благодаря усердию клерикальных журналов, заключался в том, что Ренан получал огромные суммы от Ротшильдов за нападки на

христианство.

Несмотря на все сопротивление, желание пролить больше света на священные книги проникало в старую Церковь со всех сторон.

В Германии ближе к концу XVIII века Ян, католический профессор из Вены, отважился во Введении к изучению Ветхого Завета поставить Иова, Иону и Товита ниже других канонических книг и избежал серьезных трудностей только благодаря значительным исправлениям во втором издании.

В начале девятнадцатого века Хербст, католический профессор из Тюбингена, попытался в подобном Введении привести современные исследования в соответствие со старой точкой зрения; но церковные власти позаботились о том, чтобы все отрывки, действительно проливающие какой-либо новый свет, были искусно и быстро отредактированы из книги.

Еще позже Моверс, профессор в Бреслау, проявил замечательные способности к исследованию Ветхого Завета, и от него многого ожидали; но его церковное начальство спокойно воспрепятствовало его публикации каких-либо обширных работ.

Во второй половине девятнадцатого века почти такое же давление продолжалось и в католической Германии. Сильные ученые, как правило, оказывались в положении "апологетов" или "примирителей", и, когда их находили несговорчивыми, их изгоняли из Церкви.

Та же общая политика была очевидна во Франции и Италии, но к последнему десятилетию столетия более дальновидные сторонники старой Церкви в этих странах увидели, что разнообразные "опровержения" и яростные нападки на Ренана и его учение ничего не дали; что даже специальные службы во искупление его грехов, такие как знаменитое "Тридуо" во Флоренции, привлекли лишь нескольких женщин и вызвали насмешки среди широкой публики; что изгнание его с профессорской должности и клевета на него лишь усилили его влияние; и что его блестящие интуиция, дополненная тщательными исследованиями немецких и английских ученых, вывела мыслящий мир за пределы досягаемости старых методов сокрытия неприятных истин и сокрушения настойчивых правдоруков.

Таким образом, примерно в 1890 году группа серьезных римско-католических ученых начала очень осторожно изучать и объяснять библейский текст в свете тех результатов новейших исследований, которые больше нельзя было опровергнуть.

Среди этих людей были в Италии каноник Бартоло, каноник Берта и отец Сави, а во Франции монсеньор д'Ульст, аббат Луази, профессор Римско-католического университета в Париже, и, что наиболее выдающийся из всех, профессор Французского института Ленорман, чьи исследования библейской и другой древней истории и литературы снискали ему признание во всем мире. Эти люди, мужественно защищая Церковь, были вынуждены признать, что некоторые выводы современной библейской критики были вполне обоснованными. Результат пришел быстро. Трактат Бартоло и великий труд Ленормана были внесены в Индекс; каноника Берту осыпали упреками и фактически заставили замолчать; аббата Луази сначала лишили профессорского звания, а затем с позором исключили из университета; монсеньор д'Ульст был вызван в Рим и с тех пор хранит молчание.(489)

(489) О безуспешности попыток внести свет в библейские исследования в римско-католической Германии см. Блик, Ветхий Завет, Лондон, 1882, том i, стр. 19, 20. Общее утверждение относительно недавнего подавления современного изучения Библии во Франции и Италии см. в статье римско-католического автора в "Contemporary Review", сентябрь 1894 г., стр. 365. О папских осуждениях Ленормана и Бартоло см. в Index Librorum Prohibitorum Sanctissimi Domini Nostri, Леонис XIII, П.М. и др., Рим, 1891; Приложения, июль 1890 и май 1891. Ужасная часть записи, изложенная в этом издании Индекса, заключается в том, что оба этих великих ученых были вынуждены отречься от своих "ошибок" и согласиться с осуждением — Ленорман сделал это на смертном одре.

Этот вопрос, очевидно, считался серьезным в высших слоях Церкви, поскольку в ноябре 1893 года появилась энциклика правящего папы Льва XIII об изучении Священного Писания.

От этого многого ожидали, поскольку со времен Бенедикта XIV в прошлом столетии на папском престоле не восседал ни один папа, обладающий столь высокой интеллектуальной компетентностью, чтобы обсуждать весь этот предмет. В то время как приверженцы старых верований верили, что папские молнии сокрушат весь выводок библейских критиков, приверженцы новой мысли осмелились надеяться, что энциклика, выражаясь языком одного из них, может оказаться "колоссальным мостом, перекинутым через широкую пропасть, которая сейчас разделяет предполагаемую ортодоксальность от устоявшейся науки". (490)

(490) Об этом утверждении см. статью в "Современном обозрении", апрель 1894 г., стр. 576.

Оба эти ожидания были обмануты; и все же, в целом, возникает вопрос, не может ли мир в целом поздравить себя с этим папским заявлением. Этот документ, если и не апостольский, то заслуживший признание как "достойный государственного деятеля". Оно, конечно, приложило немало усилий, чтобы настоять на том, что в священных книгах не может быть никакой ошибки; оно даже защищало те части, которые протестанты считают апокрифическими, так же тщательно, как и все остальное Писание, и заявило, что книга Товита была составлена не человеком, а Богом. Его Святейшество, естественно, осудил более высокую критику, но в то же время остановился на необходимости самого тщательного изучения священных Писаний, и особенно на важности приведения утверждений Священных Писаний в соответствие с научными фактами. Это высказывание было восхитительно пророческим, его можно было убедительно процитировать с обеих сторон: с ортодоксальной точки зрения ничего не могло быть в лучшей форме; но с тем государственным прогнозом, который нынешний папа не раз демонстрировал, ведя барк "Святой Петр" по беспокойным волнам девятнадцатого века, он до сих пор воздерживался от осуждения каких—либо выдающихся результатов современных критических исследований, что главный английский защитник энциклики, отец-иезуит Кларк, не колеблясь публично признал множество таких результатов - результатов, которые действительно шокировали бы не только итальянских ученых. и испанские католики, но много английских и американских протестантов. Согласно этому переводчику, у папы и в мыслях не было отрицать разнообразие документов в Пятикнижии, или множественность источников книг

Самуила, или двойное авторство Исаяи, или что все, что следует за девятым стихом последней главы Евангелия от Святого Марка, является поддельным; и, что касается всей энциклики, выдающийся иезуит многозначительно остановился на власти папства в любое время отменить любые предыдущие решения, которые могут быть сочтены неудобными. Более того, сам отец Кларк, будучи сторонником наиболее строгой ортодоксальности, признал, что в Ветхом Завете "следует ожидать, что числа будут использоваться по-восточному" и что "все эти семидесятые и сороковые годы, как, например, когда говорится, что Авессалом восстал против Давида в течение сорока лет, никак не могут быть обозначены численно"; и, что, должно быть, повергло в ужасный шок некоторых протестантских верующих в полное вдохновение, он, защищая это как послушный Сын Церкви, сплел над этим изысканную паутину с множеством символов. заявление о том, что "в Библии есть человеческий элемент, заранее рассчитанный Божественным началом". (491)

(491) Об этих признаниях отца Кларка читайте в его статье "Папская энциклика о Библии" в "Contemporary Review" за июль 1894 г.

Учитывая трудности в этом деле, у мира есть основания быть благодарным папе Льву и отцу Кларку за эти высказывания, которые, возможно, в конце концов, могут оказаться лучшим мостом между старым и новым, чем могли бы создать инженеры, более образованные, но менее проницательные. Очевидно, что папа Лев XIII не является ни Павлом V, ни Урбаном VIII, и он слишком мудр, чтобы поставить Церковь в положение, из которого ее можно выволить только такими смехотворными уловками, как те, с помощью которых ее вытащили из скандала с Галилеем, или такой извилистой политикой, как та, с помощью которой она вырвалась из старой доктрины о взимании процентов за деньги.

Таким образом, несмотря на попытки вытеснить Бартоло, Берту, Сави, Ленорман и Луази, в ту самую эпоху, в которую Папа выпустил эту энциклику, есть все основания надеяться, что проложен путь, по которому Церковь сможет изящно отступить от старой системы толкования и спокойно принять и усвоить основные результаты высшей критики. Конечно, у нее никогда не было лучшей возможности поиграть в игру "разори моего соседа" и довести старую протестантскую ортодоксию до банкротства.

В Америке продолжалась та же борьба между старыми идеями и новыми. В середине века первая адекватная попытка в защиту новой концепции священных книг была предпринята Теодором Паркером в Бостоне. Смелый мыслитель с широчайшим кругозором, неутомимый ученый, глубоко сочувствующий человечеству, человек, которого один из самых выдающихся ученых Английской Церкви назвал "религиозным титаном", а выдающийся французский теолог - "пророком", он с трудом прошел школу богословия, пока к тому времени не стал одним из выдающихся библеистов и проповедником крупнейшей регулярной конгрегации на американском континенте. Большой зал в Бостоне вмещал четыре тысячи человек, и во время его регулярных выступлений каждое его место было заполнено. В дополнение к своей пастырской работе он пользовался огромным влиянием как оратор платформы, особенно выступавший против распространения рабства на территории Соединенных Штатов, и как лектор по широкому кругу жизненно важных тем; и среди тех, на кого он оказал наиболее глубокое влияние, как в политическом, так и в религиозном плане, был Авраам Линкольн. В течение каждого года того периода было слышно, как он обсуждал наиболее важные

религиозные и политические вопросы во всех крупных северных городах; но его самой продолжительной работой было пролить свет на наши священные Писания, и в этом он был одним из предтеч движения, которое сейчас происходит не только в Соединенных Штатах, но и во всем христианском мире. Еще до того, как он окончил колледж, его перевод "Введения к Ветхому Завету" Де Ветта произвел впечатление на многих вдумчивых людей; его проповедь в 1841 году о преходящем и постоянном в христианстве положила начало его великой личной карьере; его речи, лекции и особенно рассуждения по вопросам, относящимся к религии, значительно расширили его влияние. Он был глубоко набожной натурой, и его публичные молитвы своей трогательной красотой оказывали очень сильное религиозное влияние на слушателей. Он получил свою награду. Какой бы прекрасной и благородной ни была его жизнь и дело всей его жизни, он вызывал всеобщее отвращение. Однажды во время публичного богослужения в одной из наиболее ортодоксальных церквей, когда было получено известие о том, что он опасно болен, один из присутствующих ревностных братьев открыто вознес молитву о том, чтобы этот заклятый враг был удален с лица земли. Его даже выгнали из унитарийской организации. Но, тем не менее, он был непоколебим и смел, и огромная масса мужчин и женщин, которые заполняли его аудиторию в Бостоне и лекционные залы в других городах, распространяли его идеи. Его судьба была печальной. Полный веры и надежды, но преждевременно сломленный своими трудами, он удалился в Италию и умер там в самый мрачный период в истории Соединенных Штатов - когда рабство в государстве и более древняя ортодоксальность в Церкви казались абсолютным и вечным триумфом. Смерть Моисея в пределах видимости земли обетованной кажется единственной параллелью со смертью Паркера менее чем за шесть месяцев до публикации Эссе и рецензий и избрания Авраама Линкольна президентом Соединенных Штатов.(492)

(492) О прозвище "религиозный титан", примененном к Теодору Паркеру, см. Письмо Джоуэтта, мастера Баллиола, Фрэнсис Пауэр Кобб в ее автобиографии, том 1, стр. 357, и заявление Ревилла, там же, стр. 9. Трогательный отчет о последних часах Паркера во Флоренции, там же, том i, стр. 10, 11. Что касается влияния Теодора Паркера на Линкольна, смотрите "Историю Соединенных Штатов" Родса, как указано выше, т. ii, стр. 312. В своем утверждении относительно аудитории Паркера и его власти над ней, автор настоящего полагается на свою собственную память.

Но здесь следует отметить, что усилиям Паркера во многом способствовали добросовестные высказывания некоторых из его главных оппонентов. Ничто во время американской борьбы против рабовладельческой системы так не отучало религиозных и богобоязненных мужчин и женщин от старого толкования Священного Писания, как использование его для оправдания рабства. Типичными примерами такого использования были аргументы Хопкинса, епископа Вермонта, человека, чей благородный характер и прекрасная культура обеспечили ему очень широкое влияние во всех ветвях американской протестантской церкви. Признавая свою личную неприязнь к рабству, он продемонстрировал, что Библия его одобряет. Другие богословы, католики и протестанты, придерживались той же точки зрения; и затем последовал потрясающий ответ, который эхом отдавался от сердца к сердцу по всем Северным штатам: "Библия разрешает рабство? Тем хуже для Библии". Тогда исполнилось старое изречение епископа Ульриха Аугсбургского: "Не прижимай слишком сильно груди Священного Писания, чтобы из них не пошла кровь, а не молоко".(493)

(493) В жизни и письмах архиепископа Тейта есть любопытная ссылка на идеи епископа Хопкинса о рабстве . Краткое изложение упомянутого аргумента о библейском порабощении см. в Родосе, как указано выше, том i, стр. 370 и далее.

Однако во всем христианском мире изменение способа толкования Священного Писания, хотя и было абсолютно необходимым для сохранения его надлежащего авторитета, все еще казалось почти безнадежным. Даже после того, как выдающиеся ученые высказались в его пользу, а самые консервативные из тех, чье мнение имело право на вес, пошли на уступки, показав несостоятельность старой позиции, существовало фанатичное противодействие любым изменениям. Список ошибок, составленный Пиет IX в 1864 году, а также некоторые другие документы, выданные Ватиканом, увеличили трудности этого необходимого перехода; и, в то время как более способные римско-католические ученые умело объясняли созданные таким образом препятствия, другие опубликовали работы, настаивающие на самых крайних взглядах на словесное вдохновение священных книг. В Англиканской церкви различные влиятельные люди придерживались той же точки зрения. Доктор Бейли, директор церкви Св. Колледж Эйдана заявил, что в Священном Писании "каждое научное утверждение безошибочно точно; все его истории и повествования любого рода лишены какой-либо неточности. Его слова и фразы обладают грамматической и филологической точностью, которой не обладает ни одно человеческое произведение". В 1861 году декан Бергон проповедовал в соборе Крайст-Черч в Оксфорде следующее: "Нет, господа, Библия - это само высказывание Вечного: такое же собственное слово Бога, как если бы были открыты высокие небеса и мы слышали, как Бог говорит с нами человеческим голосом. Каждая книга вдохновлена одинаково, и вдохновлена полностью. Вдохновение - это разница не в степени, а в виде. Библия до краев наполнена Святым Духом Божиим; ее книги, ее слова и сами ее буквы".

В 1865 году каноник Макнил заявил в Эксетер-Холле, что "мы должны либо принять словесное вдохновение Ветхого Завета, либо отрицать правдивость, проницательность, непорочность Господа нашего Иисуса Христа как учителя божественной истины".

Еще в 1889 году один из двух самых красноречивых ораторов с кафедры Англиканской церкви, каноник Лиддон, проповедуя в соборе Святого Павла, с жаром использовал тот же опасный аргумент: авторитет самого Христа, а следовательно, и христианства, должен основываться на старом взгляде на Ветхий Завет; что, поскольку основатель христианства в божественно записанных высказываниях упоминал превращение жены Лота в соляной столп, Ноев ковчег и Всемирный потоп, а также пребывание Ионы в теле кита, библейский рассказ что из них должно быть принято как историческое, или что от христианства следует вообще отказаться.

В свете того, что быстро становилось известно о халдейских и других источниках повествований, приведенных в Книге Бытия, ни один аргумент не мог быть более опасным для интересов, которым стремился служить талантливый проповедник.

Во Франции и Германии прозвучало много подобных высказываний в противовес новейшим исследованиям Библии; и из Америки, особенно из Принстонского колледжа, донеслось громкое эхо. В качестве примера из многих можно привести заявление выдающегося доктора Ходжа о том, что книги Священного Писания "все до единой, в мысли и словесном выражении,

по существу и форме, являются полностью работой Бога, передающей с абсолютной точностью и божественным авторитетом все, что Бог намеревался передать, без человеческих дополнений и примесей"; и что "непогрешимость и авторитетность придают словесному выражению, в котором сделано откровение, столько же, сколько и сути самого откровения".

Но новая мысль неуклонно продвигалась вперед. Как уже в протестантской Европе, так теперь и в протестантских церквях Америки, она прочно овладела передовыми умами во многих церквях, известных как православные: Той, Бриггс, Фрэнсис Браун, Эванс, Кристиан Смит, Мур, Хаупт, Харпер, Питерс и Бэкон разработали ее, и, хотя большинству из них резко противостояли синоды, советы и другие авторитеты их соответствующих церквей, они мужественно поддерживались более интеллектуальным духовенством и мирянами. Крупнейшие университеты страны встали на сторону этих людей; преследования лишь еще крепче укрепили их в сердцах всех разумных сторонников христианства. Триумфы, одержанные их противниками на ассамблеях, синодах, конвенциях и конференциях, на самом деле были победами номинально побежденных, поскольку они открыли миру тот факт, что в каждой из этих организаций сильная и плодотворная мысль Церкви, мысль, которая единственная может повлиять на будущее, принадлежала новой расе мыслителей; с тех пор как Ватикан победил Коперника и Галилея, не было одержано богословских триумфов, более фатальных для победителей.

И здесь следует упомянуть ряд событий, которые во второй половине девятнадцатого века оказали мощнейшую помощь новой школе библейских исследований.

V. ПОБЕДА НАУЧНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО МЕТОДОВ.

Пока эта борьба за новую истину продолжалась в различных областях, помощь пришла оттуда, откуда ее меньше всего ожидали.

Великие открытия Ботты и Лейярда в Ассирии были дополнены исследованиями Роулинсона, Джорджа Смита, Опперта, Сэйса, Сарзека, Пинчеса и других, и, таким образом, стало более ясно, чем когда—либо прежде, что еще со времени, отведенного в Книге Бытия для сотворения мира, в Месопотамии процветала великая цивилизация; что за долгие века, вероятно, за две тысячи лет до даты переселения Авраама из Ура Халдейского, эта халдейская цивилизация расцвела в искусстве, науке и литературе; что древние надписи, найденные на стоянках этой и родственных цивилизаций, представляют еврейские священные мифы и легенды в более ранних формах - формах, задолго предшествующих тем, которые даны в еврейских Писаниях; и что рассказы о Сотворении Мира, Древе Жизни в Эдеме, учреждении и даже названии Субботы, Потопе, Вавилонской башне и многом другом в Пятикнижии были просто развитием более ранних халдейских мифов и легенд. Доказательство этого было настолько совершенным,

что самые выдающиеся ученые в передовых областях христианской науки были вынуждены признать это.(494)

(494) Что касается откровений о глубокой древности халдейской цивилизации, и особенно относительно надписи Набонида, см. "Записи прошлого", том i, новая серия, первая статья, и особенно стр. 5, 6, где дается перевод этой надписи; также Hommel, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*, введение, в котором на странице 12 приведена гравюра цилиндра Саргона; также по общему предмету, особенно на стр. 116 и др. далее, 309 и далее.; также Мейер, *Описание альтернатив*, стр. 161-163; также Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации", стр. 555 и примечание.

О более ранних халдейских формах еврейских повествований о Сотворении мира, Древе жизни в Эдеме, еврейской субботе, как об учреждении, так и о названии, а также о различных других моментах, представляющих аналогичный интерес, см. Джордж Смит, *Халдейское повествование о книге Бытия*, на протяжении всей работы, особенно стр. 308 и гл. xvi, xvii; также Дженсен, "Космология вавилонянина"; также Шредер, "Клинописные надписи и Ветхий Завет"; также Ленорман, "Истоки истории"; также Сэйс, "Ассирийская история сотворения мира", в "Записях прошлого", новая серия, том i. Общие сведения о более ранних источниках многого из священного происхождения иврита см. Хаксли, "Очерки спорных вопросов", английское издание, стр. 525.

Более общие выводы, которые были сделаны таким образом для библейской критики, были тем более впечатляющими, что они были сделаны различными группами серьезных христианских ученых, работавших в разных направлениях, разными методами и в разных частях мира. Весьма почетным было полное и откровенное свидетельство об этих результатах, данное в 1885 году преподобным Фрэнсисом Брауном, профессором пресвитерианской теологической семинарии в Нью-Йорке. В своей замечательной, хотя и краткой книге по ассириологии, начинающейся с заявления о том, что "очень жаль бояться фактов", он показал, как ассирийские исследования во многих отношениях свидетельствуют об исторической ценности библейских записей; но в то же время он свободно допускал в халдейскую историю древность, фатальную для священной хронологии евреев. Он также отбросил массу сомнительной апологетики и откровенно остановился на том факте, что очень многие ранние повествования в Книге Бытия принадлежат к общему фонду древней традиции, и, упомянув в качестве примера клинописные надписи, в которых записана история аккадского царя Саргона — как "он родился в уединении, был помещен своей матерью в корзину из тростника, спущен на воду, спасен и воспитан незнакомцем, после чего стал царем", — он без колебаний напомнил своим читателям, что Саргон жил за тысячу и более лет до Моисея; что эта история была рассказана о нем. за несколько сотен лет до рождения Моисея; и что это было рассказано о различных других важных личностях древности. Профессор столь же честно обращался с надписями, которые показывают, что различные утверждения в книге Даниила неисторичны; откровенно делая признания, которые всего лишь незадолго до этого наполнили бы ортодоксию ужасом.

Несколько лет спустя появилось еще одно свидетельство, еще более поразительное. В начале последнего десятилетия девятнадцатого века за границей разнесся слух о том, что

преподобный профессор Сэйс из Оксфорда, самый выдающийся ассириолог и египтолог Великобритании, собирался опубликовать работу, в которой то, что известно как "высшая критика", должно было подвергнуться энергичной и, вероятно, разрушительной критике в свете недавних исследований памятников Ассирии и Египта. Сторонники традиционного взгляда на Священное Писание с нетерпением ждали этой книги; но когда она появилась, ликование традиционалистов быстро сменилось разочарованием. Для проф. Дж. Сэйс, проявляя некоторую строгость по отношению к различным второстепенным предположениям и утверждениям библейских критиков, подтвердил все их более важные выводы, которые должным образом входили в его компетенцию. Хотя его читатели вскоре поняли, что эти предположения и утверждения чересчур рьяных критиков опровергают основные результаты библейской критики не больше, чем дикие догадки Кеплера опровергают теорию Коперника, или открытия Галилея, или даже великие законы, носящие имя самого Кеплера, они обнаружили новые мины, заложенные под некоторыми из самых возвышенных крепостей старой догматической теологии. Можно отметить несколько высказываний этого поборника ортодоксии. Он допускал, что семидневная неделя и субботний покой имеют вавилонское происхождение; более того, что само слово "суббота" вавилонское; что на вавилонских табличках есть два повествования о Сотворении Мира, удивительно похожих на два ведущих еврейских повествования в Книге Бытия, и что последние, несомненно, были заимствованы из первого; что "эдемский сад" и его мистическое дерево были известны жителям Халдеи в досемитские времена; что верования о том, что женщина была создана из мужчины и что мужчина из-за греха выпал из состояния невинности, являются ложными. заимствовано из очень древних халдейско-вавилонских текстов; что ассириология подтверждает веру в то, что книга Бытие является компиляцией; что отдельные ее части ни в коем случае не столь древние, как времена Моисея; что выражение в нашей священной книге "Господь ощутил приятное благоухание" при жертвоприношении, принесенном Ноем, "идентично выражению вавилонского поэта"; что "невозможно поверить, что язык последнего не был известен библейскому автору" и что история Иосифа и жены Потифара была частично заимствована из древнеегипетской сказки о Двух Братьях. Наконец, после множества других уступок проф. Сэйс допускал, что книга пророка Ионы, столь далекая от того, чтобы быть творением самого пророка, не могла быть написана до тех пор, пока Ассирийская империя не осталась в прошлом; что книга Даниила содержит серьезные ошибки; что так называемые исторические главы этой книги настолько противоречат памятникам, что автор не может быть современником Навуходоносора и Кира; что "история падения Валтасара не является исторической"; что Валтасар, упоминаемый в ней как царь и как сын Нехуходоносора, был царем. не сын Навуходоносора и никогда не был царем; что "Царь мидийский Дарий", играющий столь важную роль в этой истории, никогда не существовал; что в книге рассказывается о людях и событиях, разделенных на самом деле многими годами, и что она, должно быть, была написана в период гораздо более поздний, чем время, указанное в ней для ее собственного происхождения.

Что касается книги Ездры, то он говорит нам, что мы сталкиваемся с хронологической несогласованностью, которую не может объяснить никакая изобретательность. Он также признает, что книга Есфири "содержит много преувеличений и неправдоподобий и просто основана на одном из тех же исторических рассказов, которыми, по-видимому, полны персидские хроники". Велико было недовольство традиционалистов своим ожидаемым

защитником; они вполне могли бы повторить слова Валака, сказанные Валааму: "Я призвал тебя проклясть врагов моих, и вот, ты полностью благословил их". (495)

(495) Для проф. Обсуждение Брауна см. в его книге "Ассириология, ее использование и злоупотребления в изучении Ветхого Завета", Нью-Йорк, 1885, перевод. Для проф. Взгляды Сэйса см. В "Высшей критике" и "Памятниках", третье издание, Лондон, 1894 г., и особенно его собственное любопытное предчувствие в первых строках предисловия, что ему не удастся удовлетворить ни одну из сторон. Заявление о том, что "высший критик" со всеми его оскорблениями не хуже ортодоксального "апологета", см. на стр. 21. Важное признание того, что в исследованиях наших собственных священных книг должны применяться те же критерии, что и в исследованиях других, и даже в исследованиях средневековых хроник, см. на стр. 26. Обоснование критического скептицизма в отношении истории, приведенной в книге Даниила, см. на стр. 27, 28, а также в главе ix. Для получения очень полных и недвусмысленных утверждений с доказательствами того, что "Суббота", как по названию, так и по природе, была заимствована евреями у халдеев, см. стр. 74 и далее. Очень полное и справедливое признание "вавилонского элемента в Книге Бытия" см. iii, включая утверждение относительно утверждения в нашей священной книге "Господь ощутил приятное благоухание" при жертвоприношении, принесенном Ноем, и т.д., на стр. 119. Для получения превосходного резюме этой работы см. Статью доктора Драйвера в "Contemporary Review" за март 1894 года. За едкий, но вполне заслуженный упрек проф. Недавние попытки Сэйса умиловить благочестивых подписчиков своего археологического фонда см. профессора А. А. Бевана в "Современном обзоре" за декабрь 1895 года. О надписи на ассирийских табличках, подробно описывающей пребывание царя Саргона в корзине с тростником, его спасение и правление, см. Джордж Смит, Халдейское повествование о книге Бытия, издание Сейса, Лондон, 1880, стр. 319, 320. О частом повторении легенды о Саргоне и Моисее в древнем фольклоре см. Масперо и Сэйс, "Рассвет истории", стр. 598 и примечание. О различных других моментах, представляющих аналогичный интерес, см. Там же, ниже, особенно о парнях. xvi и XVII; также Йенсен, "Космология Вавилонянина" и Шредер, "Клинописные надписи и Ветхий Завет"; также Ленорман, "Истоки истории".

Не менее плодотворными оказались современные исследования в Египте. Хотя, с одной стороны, они выявили очень значительное количество географических и археологических фактов, доказывающих добросовестность повествований, входящих в книги, приписываемые Моисею, и, таким образом, сделали нашу раннюю священную литературу еще более ценной, в то же время они выявили ограниченность священных авторов и составителей. Они выявили факты, полностью опровергающие священную еврейскую дату сотворения мира и основные рамки ранней библейской хронологии; они показали наводящее на размышления соответствие между десятью допотопными патриархами в Книге Бытия и десятью ранними династиями египетских богов, и поместили рядом с ними десять допотопных царей халдейской традиции,

десять героев Армении, десять первобытных царей персидской священной традиции, десять "отцов" индуистской священной традиции и множество других десятков, проливая много света на то, каким образом священные хроники древней Греции были составлены. нации были в целом развиты.

Эти ученые также обнаружили, что легенды о египетских казнях в основном, но естественно, являются преувеличением того, что происходит каждый год; как, например, превращение воды Нила в кровь — очевидно, на это указывают явления, проявляющиеся каждое лето, когда, как сообщают нам различные выдающиеся ученые, и, самым последним из них, Масперо и Сэйс, "примерно в середине июля, за восемь или десять дней река из серовато-синей становится темно-красной, иногда такого насыщенного цвета, что она похожа на недавно пролитую кровь". Эти современные исследования также показали, что некоторые из наиболее важных черт легенд никак не могут быть согласованы с записями памятников; например, что фараон времен Исхода определенно не был потоплен в Красном море. Что касается сверхъестественных особенностей отношений евреев с Египтом, то даже самые преданные апологеты благоразумно умалчивают об этом.

Египтологи также перевела для нас старого Нила историю о двух братьев, и показали, как мы уже видели, что одна из самых ярких частей нашего святого Иосифа легенда была взята из этого не получилось; они обязаны были признать, что история разоблачения Моисей в корзине несется, его спасение и его последующий величие, были ранее говорил, задолго до Моисея, не только царя Саргона, но и во многих других выдающихся личностей древнего мира; они опубликовали планы египетских храмов и копий скульптур на стенах, раскрывая ранее возникновения некоторых из наиболее поразительных особенностей культа и церемониала утверждали, что были выявлены специально для евреев, они нашли в Египетской Книге Мертвых, и в различных надписей Нила храмы и гробницы, ранее источники в этике так долго утверждали, что были выявлены лишь избранным людям в Книгу Завета, в десяти заповедях, и в других местах; они дали миру копий египетских текстах показывает, что богословие Нил был одним из плодотворных различных источников позднейших идей, высказывания и поведение относительно медного змея, Золотой теленок, Троиц, чудесного зачатия, воплощения, Воскресения, восхождения, и как, и что египетские крестцово-научные идеи, способствовавшие ранних иудейских и христианских священных книгах высказывания, убеждения, и даже фразы, касающиеся создания, астрономии, географии, магии, медицине, дьявольских влияний, с множеством идей, что мы отыщем, придя в раннем иудаизме в большей или меньшей степени от халдейских и персидских источниках.

Но египтология, помогая таким образом смести прежнюю концепцию наших священных книг, помогла библейской критике сделать их гораздо более ценными; ибо она показала, что они являются частью того живого роста священной литературы, корни которого уходят во все великие цивилизации прошлого, и через ствол и ветви которого текут потоки, которые должны влить более высокую религиозную и этическую жизнь в цивилизации будущего. (496)

(496) Общие утверждения о соглашениях и разногласиях между библейскими рассказами и откровениями египетских памятников см. в книге Сэйса "Высшая критика и памятники", особенно в главе iv. О расхождении между еврейскими священными рассказами об отношениях евреев с Египтом и открытиями современных египетских исследований см. Шарп,

История Египта; Флиндерс, Патри, История Египта; и особенно Масперо и Сэйс, "Рассвет цивилизации в Египте и Халдее", Лондон, опубликованный Обществом содействия развитию христианских знаний. , 1894 год. Утверждение относительно Нила о том, что примерно в середине июля "за восемь или десять дней он из серовато-синего становится темно-красным, иногда такого интенсивного цвета, что кажется недавно пролитой кровью", см. у Масперо и Сэйса, как указано выше, стр. 23. О связи легенды об Джозефе с Повестью о двух братьях см. у Шарпа и других цитируемых авторов. Примеры разоблачения различных великих персонажей древности в их детстве см. Г. Смит, "Халдейские рассказы о книге Бытия", издание Сэйса, стр. 320. О связи "Книги мертвых" и т.д. с древнееврейской этикой читайте в поразительном отрывке из эссе Хаксли об эволюции теологии, а также в других, цитируемых в этой главе. Что касается троиц в Египте и Халдее, см. Масперо и Сэйса, особенно стр. 104-106, 175 и 659-663. За чудесное зачатие и рождение сыновей Ра, там же, стр. 388, 389. О вознесении Ра на небеса см. там же, стр. 167, 168; о воскресениях см. там же, стр. 695, также изображения у Лепсиуса, Присса д'Авенна и др.; и о поразительном сходстве между египетскими и еврейскими ритуалами и богослужением, и особенно ковчегом, херувимами, эфодом, Уримом и Туммимом, а также приношениями в виде волн, см. То же самое, *passim*. Для очень полного раскрытия всего предмета см. Ренан, "История народа" Израиля, том i, глава xi. О египетских и халдейских идеях в астрономии, из которых были развиты древнееврейские представления о "тверди небесной", "столпах небесных" и т.д., см. Текст и гравюры Масперо и Сэйса, стр. 17 и 543. О сотворении человека из глины божественным существом в Египте см. Масперо и Сэйс, стр. 154; о подобной идее в Халдее см. там же, стр. 545; и о сотворении вселенной словом, там же, стр. 146, 147. О египетских и халдейских представлениях о магии и медицине, страхе перед злыми духами и т.д., предвосхищающих идеи еврейских Писаний, см. Масперо и Сэйс, как указано выше, стр. 212-214, 217, 636; и о распространении их на соседние народы, стр. 782, 783. О видениях и использовании снов в качестве оракулов см. там же, стр. 641 и в других местах. Смотрите также, об этих и других сходствах, Ленорман, "Истоки истории", том i, *passim*; смотрите также Джорджа Смита и Сэйса, как указано выше, ребята. xvi и XVII, поскольку сходства особенно поразительны, объединяются, чтобы показать, насколько простой была эволюция многих еврейских священных легенд и идей из этих более ранних цивилизаций. Для особенно интересного изложения причин, по которым египетские идеи бессмертия не были приняты евреями, см. Работу преподобного Бархема Цинке о Египте. О жертвенных сосудах, храмовых обрядах и т.д. читайте на барельефах Лепсиуса, Присса д'Авенна, Мариетта, Масперо и др. Поразительное резюме, сделанное блестящим ученым и богословом англиканской церкви, см. Махаффи, Прологомены к Анс. Hist., цитируется в Sunderland, The Bible, Нью-Йорк, 1893, стр. 21, примечание.

Но в то время как археологи таким образом влияли на просвещенное мнение, другая группа ученых оказывала услуги иного рода — центром их деятельности был Оксфордский университет. Их усилиями англоязычному миру была представлена серия переводов священных книг Востока, которые показали связь более восточной священной литературы с нашей собственной и доказали, что в религиях мира идеи, пришедшие как величайшее благословение человечеству, связаны не с внезапным откровением или творением, а с медленной эволюцией из далекого прошлого.

Приведенные таким образом факты поначалу не вызвали особой благодарности у сторонников традиционной теологии, и, возможно, мало что на какое-то время вызвало большее осуждение Ренана, чем его заявление о том, что "влияние Персии - самое сильное, которому был подвержен Израиль". Было ли это преувеличением или нет, но вскоре стало ясно, что в нем содержится много правды. Изучение "Зенд Авесты" не только прояснило, что представления Ветхого и Нового Заветов о сатанинских и демонических способах действия были в значительной степени заимствованы из персидских источников, но и показало, что идея бессмертия в основном сформировалась в еврейском сознании во время тесных отношений евреев с персами. И это еще не все. В Зенд-Авесте были найдены в более ранней форме различные мифы и легенды, которые, судя по их частому появлению в ранних религиях, естественным образом рассказывают об истории обожаемых учителей нашей расы. Типичным среди них было Искушение Зороастра.

Очень важным и многообещающим фактом является то, что первое большое, откровенное и недвусмысленное откровение по всему этому предмету в форме, доступной для широкой мыслящей публики, было дано англоязычному миру выдающимся христианским богословом и ученым, преподобным доктором Миллзом. Уже проявив себя благодаря своим переводам наиболее компетентным авторитетом в этом вопросе, он в 1894 году в широко читаемой рецензии привлек внимание к "ныне несомненному и давно подозреваемому факту, что Божественной Силе было угодно открыть некоторые важные статьи нашего католического вероучения сначала зороастрийцам, а через их литературу евреям и нам самим". Среди этих верований доктор Миллс очень убедительно проследил многие еврейские доктрины, касающиеся атрибутов Бога, и практически все, касающиеся атрибутов сатаны.

Там же он нашел рассказы о Чудесном Зачатии, Непорочном зачатии и Искушении Зороастра, что касается последнего, доктор Миллс представил ряд поразительных совпадений с нашим собственным более поздним рассказом. Что касается его основных черт, он показал, что среди персов за много веков до христианской эры бытовала легенда о тщетных попытках архидемона, одним из мест силы которого была вершина горы Арезура, соблазнить Зороастра поклоняться ему, о споре между искусителем и искушаемым, и об отказе Зороастра; и доктор продолжил: "Ни один персидский подданный на улицах Иерусалима, вскоре после или спустя много времени после Возвращения, не мог не знать этот поразительный миф". Затем доктор Миллс показал, что среди персидских подданных, которые поклонялись Зороастру, был и другой. Евреи, "доктрина бессмертия едва ли обсуждалась до более позднего Исайи, то есть до пленения, в то время как зороастрийские писания представляют собой одну массу спиритуализма, относящего все результаты к небесным или адским мирам". В заключение он говорит, что в отношении Ветхого и Нового Заветов "скромная и в определенной степени предшествующая религия последователей Мазды была полезна для придания смысла и красоты многим расплывчатым концепциям еврейских религиозных учителей и для введения

многих идей, которые были совершенно новыми, в то время как в отношении доктрин бессмертия и воскресения — наиболее важных из всех — она положительно определяла веру".(498)

(498) Отрывки из "Вендидада", имеющие особое значение в отношении мифа об искушении, см. Фаргард, хіх, 18, 20, 26, а также 140, 147. Очень поразителен рассказ об Искушении в пелавийской версии "

Вендидад". Дьявол представлен говорящим Заратуштре:

"Я поклонялся твоим предкам; ты также поклоняйся мне". Я

в долгу перед профессором Э. П. Эвансом, ранее работавшим в Мичиганском университете, а ныне в Мюнхене, за перевод оригинального текста из

издания Spiegel. Хороший отчет см. также Хауг, "Очерки священного языка и т.д. парсов", под редакцией Уэста, Лондон, 1884, стр. 252

и далее; см. также работу Миллса и Дарместетера в "Священных книгах

Востока". Статью доктора Миллса, на которую ссылаются, смотрите в его книге "Зороастр и Библия" в девятнадцатом веке, январь 1894 года. Цитату из

Ренана см. в его "Истории народа Израиля", том хіv, глава ii. iv; смотрите также,

о персидских идеях рая, ада и воскресения, Хауг, как указано выше, стр.

310 и далее. Интересное резюме зороастризма см. В Лэйнге,

современном зороастрийце, глава. хii, Лондон, восьмое издание, 1893. О

буддийской версии суда Соломона и т. Д. См. Фаусболл,

Истории рождения буддистов, переведенные Ризом Дэвидсом, Лондон, 1880, т. 1,

стр. 14 и далее. Для получения очень полных заявлений о влиянии

персидских идей на евреев во время плена см. Кахут, Ueber

еврейская ангелология и демонология в ihren Abhangigkeit vom

Parsismus, Лейпциг, 1866.

Еще более обширными были открытия, сделанные научной критикой применительно к священной литературе южной и восточной Азии. Сходство различных фундаментальных повествований и идей в наших собственных священных книгах с буддийскими было особенно наводящим на размышления.

Здесь тоже была долгая подготовительная история. Открытия в области санскритской филологии, сделанные во второй половине восемнадцатого века и первой половине девятнадцатого сэром Уильямом Джонсом, Кэри, Уилкинсом, Фостером, Коулбруком и другими, поначалу встретили некоторое противодействие со стороны теологов. Заявление Дугалда Стюарта о том, что открытие санскрита было мошенничеством, а его словарь и грамматика были составлены из греческого и латыни, показало чувства более древней расы исследователей Библии.

Но исследования продолжались. Бопп, Бюрнуф, Лассен, Вебер, Уитни, Макс Мюллер и другие продолжали работу в течение девятнадцатого века. Все более и более очевидными становились источники, из которых были почерпнуты многие идеи и повествования в наших собственных священных книгах. Изучение священных книг брахманизма и институтов буддизма, самой распространенной из всех религий, число приверженцев которой превышает число приверженцев всех ветвей христианской церкви вместе взятых, оказалось особенно

плодотворным в плане фактов, касающихся общей священной литературы и ранних европейских религиозных идей.

Примечательной в развитии этого знания была работа отцов Хука и Габета. В 1839 году первый из них, французский священник-лазарист, отправился с миссией в Китай. Подготовившись в Макао за восемнадцать месяцев упорного обучения и одевшись как местный житель, вплоть до ношения косы и окрашивания кожи, он посетил Пекин и проник в Монголию. Пять лет спустя, взяв с собой Габета, оба переодетые ламами, он начал свое долгое и трудное путешествие к главным очагам буддизма в Тибете и после двух лет страшных опасностей и страданий завершил его. Окончательно изгнанный китайцами, Хук вернулся в Европу в 1852 году, предприняв одно из самых героических, самоотверженных и, как оказалось, одно из самых ценных усилий во всей благородной летописи христианских миссий. Его рассказы об этих журналах, написанные в простом, ясном и интересном стиле, сразу же привлекли внимание всего мира. Но гораздо важнее, чем любые услуги, которые он оказал Церкви, которой служил, было влияние его книги на общее мнение мыслящих людей; ибо он завершил серию откровений, сделанных более ранними, менее одаренными и менее преданными путешественниками, и обратил внимание всего мира на удивительное сходство идей, институтов, обрядов, церемоний и ритуалов и даже церковных костюмов буддистов с костюмами его собственной Церкви.

Буддизм, таким образом, был показан с его иерархией, в которой Великий лама, непогрешимый представитель Всевышнего, окружен младшими ламами, очень похожими на кардиналов; с его епископами в митрах, священниками—безбрачниками с выбритой макушкой, копьями, далматиками и кадильницами; с его соборами, в которых духовенство собирается в хоре; с его обширными монастырями, наполненными монахами и монахинями, давшими обет бедности, целомудрия и послушания; с его церковным устройством со святынями святых и ангелов; с использованием изображений и иллюстрированных молитвенников; с его службой, с поразительным общим сходством с Мессой; антифонные хоры; произнесение молитв; изложение символов веры; повторение литаний; процессии; мистические обряды и воскурение благовоний; приношение и поклонение хлебу на алтаре, освещенном свечами; питье из чаши священником; молитвы и подношения за умерших; благословение протянутыми руками; посты, исповеди и доктрина чистилища - все это и многое другое теперь было ясно раскрыто. Добрый отец был явно ошеломлен этими удивительными фактами; но его крепкая вера вскоре дала ему объяснение: он предположил, что сатана, предвосхитив христианство, открыл буддизму этот установленный богом порядок вещей. Это наивное объяснение не понравилось его начальству в Римской церкви. Во дни св. Августина или святого Фомы Аквинского это, несомненно, было бы воспринято гораздо благожелательнее; но во времена кардинала Антонелли этого вряд ли следовало ожидать: римские власти, видя опасность таких простых откровений в девятнадцатом веке, даже в сочетании с такими благочестивыми объяснениями, наложили запрет на книгу, хотя и не раньше, чем она распространилась по всему миру в различных переводах. Отца Хака больше не отправляли на миссии.

Однако были сделаны еще более важные открытия, особенно касающиеся заявлений той великой ветви Церкви, которая полагает, что обладает божественной защитой от ошибок в вере. Литературные исследования выявили неопровержимые доказательства того, что великий Будда — сам Сакья Муни - был канонизирован и причислен к христианским святым, к заступничеству которых можно обратиться и в честь которых могут быть воздвигнуты

изображения, алтари и часовни; и это не только по обычаю средневековой Церкви, греческой и римской, но и с особого и непогрешимого разрешения длинной череды пап, с конца шестнадцатого по конец девятнадцатого века — разрешения, данного в результате одной из самых любопытных ошибок в истории человечества. Эта история позволяет нам понять, каким образом развивались многие верования христианского мира, особенно то, как на них повлияли более старые религии; и это проливает много света на характер папской непогрешимости и ее применение.

В начале VII века в монастыре Святой Сабы близ Иерусалима был сочинен, как сейчас считается, благочестивый роман под названием "Варлаам и Иосафат" — последний персонаж, герой рассказа, представлен как индуистский принц, обращенный первым в христианство.

Эта история, приписываемая святому Иоанну Дамаскину, в следующем столетии стала удивительно популярной и вскоре была признана правдой: с греческого оригинала она была переведена не только на латынь, иврит, арабский и эфиопский языки, но и на все важные европейские языки, включая даже польский, чешский и исландский. Оттуда она попала в благочестивую историческую энциклопедию Винсента Бове и, что важнее всего, в "Жития святых".

Следовательно, имя его благочестивого героя попало в список святых, о заступничестве которых следует молиться, и это проходило без оспаривания примерно до 1590 года, когда в Риме был поднят общий вопрос о канонизации, папа Сикст V, в силу своей непогрешимости и невосприимчивости к ошибкам во всем, что касается веры и морали, санкционировал пересмотренный список святых, разрешив и направив его к принятию Церковью; и среди тех, на кого он таким образом навеки безошибочно наложил печать Небес, был включен "Святой Иосафат Индийский, чей отец был убит". чудесные деяния, о которых рассказал святой Иоанн Дамаскин". 27 ноября было назначено днем, выделенным в честь этого святого, и указ, исполнявшийся сменявшимися друг друга папами более двухсот пятидесяти лет, был вновь официально утвержден Пием IX в 1873 году. Этот указ был должным образом принят как непогрешимый, и в одном из крупнейших городов Италии сегодня можно увидеть христианскую церковь, посвященную этому святому. На фасаде — инициалы его итальянизированного имени; над главным входом - надпись "Divo Josafat"; а внутри находится алтарь, посвященный святому, над которым находится пьедестал с его именем, поддерживающий большую статую, изображающую его в виде юного принца в короне, созерцающего распятие.

Более того, были найдены мощи этого святого; кости, предположительно являющиеся частями его скелета, подаренные венецианским дожем королю Португалии, сейчас хранятся в Антверпене.

Но уже в шестнадцатом веке был отмечен важный факт, касающийся всей этой легенды: португальский историк Диего Конто показал, что она идентична легенде о Будде. К счастью для историка, его вера была настолько крепка, что он увидел в этом сходстве лишь уловку сатаны; жизнь Будды, по его мнению, была всего лишь дьявольской подделкой под жизнь Иосафата за столетия до того, как последний был прожит или написан — точно так же, как добрый аббат Хук видел в церемониях буддизма подобную предвосхищающую подделку под христианский ритуал.

На этом все дело фактически остановилось примерно на триста лет — различные ученые обращали внимание на легенду как на курьез, но ни один из них не показал ее истинного содержания, — пока в 1859 году Лабуле во Франции, Либрехт в Германии и другие, последовавшие за ними, не продемонстрировали, что это христианское произведение было почти буквально заимствовано из ранней биографии Будды, соответствуя ей в мельчайших деталях, не только событий, но и фразеологии; единственными важными изменениями было то, что в конце различные переживания, показывающие убожество мира, идентичны тем, которые приписываются в Библии. в оригинале юного принца Будды герой, вместо того чтобы стать отшельником, становится христианином, и что вместо имени Будды — "Бодисат" — заменяется более библейское имя Иосафат.

Таким образом, благодаря непогрешимости, дарованной папству в вопросах веры и морали, Будда стал христианским святым.

Однако это были отнюдь не самые содержательные откровения. По мере более полного изучения буддийских писаний в более поздних священных книгах обнаружилось интересные предвосхищения утверждений. Чудесное зачатие Будды и его непорочное зачатие, подобное зачатию Гора в Египте и Кришны в Индии; предыдущее благовещение его матери Майе; его рождение во время ее путешествия; звезда, появляющаяся на востоке, и ангелы, поющие в небесах при его рождении; его искушение — все эти и множество других утверждений были полны предложений к более широкому размышлению о развитии священной литературы в целом. Даже выдающийся римско-католический миссионер епископ Биганде был вынужден признать в своей научной книге "Жизнь Будды" это поразительное сходство между буддийскими писаниями и теми, разъяснять которые было его миссией, хотя из-за этого честного заявления его собственное дальнейшее продвижение стало невозможным. Фаусболл также обнаружил, что история суда Соломона вошла в буддийский фольклор; а сэр Эдвин Арнольд своей поэмой "Свет Азии" распространил повсюду сведения о предвосхищении в буддизме некоторых идей, которые до недавнего времени считались исконно христианскими. Какими бы несовершенными ни были сделанные таким образом откровения об эволюции религиозных верований, институтов и литературы, они оказали важное влияние на новую концепцию наших собственных священных книг: все более очевидной становится взаимозависимость всего человеческого развития; все более очевидной становится истина о том, что христианство, как великий факт в истории человечества, не зависит в своей жизни от каких-либо паразитических наростов мифов и легенд, какими бы прекрасными они ни были.(498)

(498) О Хуке и Габете см. "Сувениры из путешествия по Татарии", "Ле Тибет и Китай", английский перевод Хэзлитта, Лондон, 1851; также дополнительная работа Хука. Что касается епископа Биганде, посмотрите его "Жизнь Будды", *passim*. Что касается авторитетности того факта, что его книга была осуждена в Риме и его собственное продвижение по службе было предотвращено, у настоящего автора есть заявление самого епископа. Замечания о сходстве между буддийскими и христианскими институтами, ритуалами и т.д. См. в книге Риса Дэвида "Буддизм", Лондон, 1894, *passim*; также "Лилли, буддизм и христианство, особенно

парни". ii и xi. Несколько трудно понять, как такой выдающийся ученый, как Рис Дэвидс, позволил Обществу содействия распространению христианских знаний, опубликовавшему его книгу, исключить все интересные подробности, касающиеся рождения Будды, и так полно изложить все, что, казалось, говорит против Римско-католической церкви; ср. стр. 27 с стр. 246 и далее. Для более подробного представления развития черт буддизма и брахманизма, которые предвосхищают черты христианства, см. Schroeder, *Indiens Literatur und Cultur*, Лейпциг, 1887, особенно главу XXVIII и последующие. Для получения полных подробностей о канонизации Будды под именем святого Иосафата, см. Фаусболл, "Истории рождения буддистов", перевод Риса Дэвидса, Лондон, 1880, стр. xxxvi и далее; также проф. Дж. Макс Мюллер в "Современном обзоре" за июль 1890 г.; также статья "Варлаам и Иосафат" в девятом издании "Британской энциклопедии". Более свежие и полные отчеты, исправляющие некоторые незначительные детали в предыдущих источниках, см. Кун, "Варлаам и Иоасаф", Мюнхен, 1893, особенно страницы 82, 83. Для очень подробного обсуждения всего предмета, см. Zotenberg, *Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph*, Париж, 1886; особенно для аргументов, определяющих дату работы, см. Части с i по iii; также Гастон Парис в *Revue de Paris* за июнь 1895 года. О транслитерации имени Будды и имени святого см. Фаусболла и Сэйса, как указано выше, стр. xxxvii, примечание; а о множестве переводов работы, приписываемой святому Иоанну Дамаскину, см. Таблицу III на стр. xcv. Читатель, которому любопытно проследить множество мифов и преданий ранней еврейской и христианской мифологии до их более восточных и южных источников, может сделать это в книге "Библейские мифы", Нью-Йорк, 1883. Автор настоящего письма с радостью пользуется возможностью поблагодарить ученого директора Национальной библиотеки в Палермо монсеньора Марцо за его доброту, позволившую показать ему очень интересную церковь Сан-Джосафат в этом городе; и хранителей церкви за их готовность позволить сделать фотографии святого. Визит писателя состоялся в апреле 1895 года, и копии фотографий можно увидеть в библиотеке Корнельского университета. Что касается более редких изданий Варлаама и Иосафата, копию исландского перевода можно увидеть в замечательной коллекции проф. Дж. Уиллард Фиске во Флоренции. Что касается влияния этих переводов, можно отметить, что когда молодой Джон Кунцевич, впоследствии польский архиепископ, стал монахом, он принял имя святого князя Иосафата; и, став жертвой одной из бесчисленных кровопролитных стычек семнадцатого века между различными видами фанатиков — греками, католиками и протестантами — в Польше, он также был в конце концов канонизирован под этим именем, очевидно, чтобы досадить русскому правительству. (See Contieri, *Vita di S. Giosafat, Arcivesco e Martira Rutena*, Roma, 1867.)

Не менее важным было более тщательное изучение Нового Завета во второй половине девятнадцатого века. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной работы, но здесь можно кратко изложить несколько основных истин, которые она открыла миру.(499)

(499) Краткое, но обстоятельное изложение работ Штрауса, Баура и более ранних, более грубых попыток толкования Нового Завета см. Пфлайдерера, как уже цитировалось, книга ii, глава ii. i; и для более поздней работы о сверхъестественной религии и ответе Лайтфута, там же, книга iv. глава ii.

Новой расой христианских ученых было ясно показано, что первые три Евангелия, которые вплоть до конца прошлого столетия постоянно объявлялись тремя независимыми свидетельствами, согласующимися относительно описываемых событий, не являются ни независимыми друг от друга, ни в том виде согласия, которое утверждалось ранее. Все исследователи Библии любого уровня, даже самые консервативные, пришли к признанию, что все три возникли из одних и тех же первоисточников, разрастаясь за счет приращений, которые обязательно появятся с течением времени, — приращений иногда полезных и часто красивых, но в немалой степени идей и даже повествований, унаследованных от более старых религий: также полностью признается, что этот процесс роста обусловлен определенными противоречиями, которые иначе объяснить невозможно. Что касается четвертого Евангелия, какими бы прекрасными ни были его большие фрагменты, даже среди самых набожных ученых неуклонно и непреодолимо росло убеждение, что оно не имеет права на это название и на самом деле не передает идей святого Иоанна, но что оно представляет собой смесь греческой философии с еврейским богословием и что его окончательная форма, которую один из самых выдающихся срединедавних христианских ученых охарактеризовал как "неисторический продукт абстрактного размышления", в основном обязана какому-то одаренному представителю или представителям александрийской школы. Каким бы ожесточенным ни было сопротивление этой точке зрения, в последние годы девятнадцатого века она все больше и больше завоевывала признание. Тщательное исследование, проведенное в 1893 году компетентным христианским ученым, выявило факты, которые лучше всего передать его собственными словами, а именно: "За тридцатилетний период, закончившийся 1860 годом, из пятидесяти крупных авторитетов в этой области ЧЕТВЕРО К ОДНОМУ высказались за авторство Иоанна. Из тех, кто в тот период отстаивал эту традиционную позицию, четверть — и, безусловно, самая большая — в конце концов изменила свою позицию в сторону поздней даты и авторства, не относящегося к Иоанну".

Из тех, кто пришел в эту область науки примерно с 1860 года, около сорока первоклассных ученых, две трети отвергают традиционную теорию полностью или в очень значительной степени. Из тех, кто внес важные статьи в дискуссию примерно с 1880 по 1890 год, примерно ДВОЕ К ОДНОМУ отвергают авторство Иоанна в Евангелии в его нынешнем виде — то есть, если сорок лет назад великие ученые были ЧЕТЫРЕ К ОДНОМУ ЗА, то теперь они ДВА К ОДНОМУ ПРОТИВ утверждения, что апостол Иоанн написал это Евангелие в том виде, в каком оно у нас есть. Опять же, половина современных консерваторов - такие ученые, как Вайс, Бейшлаг, Сэндей и Рейнольдс, — признают существование догматического намерения и идеального элемента в этом Евангелии, так что мы не передаем мысль Иисуса в его точных словах, а только по существу".(500)

(500) Приведенные цитаты о развитии мысли в связи с четвертым Евангелием см. в Крукере, "Новая Библия и ее использование", Бостон, 1893, стр. 29, 30. Упомянутую выше характеристику Евангелия от Святого Иоанна см. у Робертсона Смита в Энциклопедии. Брит., 9-е изд., ст. Библия, стр. 642. Очень подробное и откровенное изложение причин, которые постепенно побуждают наиболее выдающихся из новых ученых отказаться от авторства Иоанна в четвертом Евангелии, см. у Шурера в "Современном обзоре" за сентябрь 1891 года. Американские читатели, изучающие этот и весь ряд тем, частью которых он является, могут с наибольшей пользой изучить книгу преподобного доктора Коуна "Критика Евангелия и историческое христианство", одну из самых ясных и обоснованных из недавних работ в этой области.

В 1881 году произошло событие огромной важности с точки зрения развития более откровенного подхода к критике Священных Писаний. В том же году появилась Исправленная версия Нового Завета. Она была чрезвычайно осторожной и консервативной; но у нее было огромное достоинство в том, что она была абсолютно добросовестной. Одна вещь поразительным образом свидетельствовала об этическом прогрессе в теологических методах. Хотя все английские редакторы, кроме одного, представляли тринитарные организации, они отвергли два великих доказательных текста, которые так долго считались важными оплотами тринитарной доктрины. Так, наконец, исчез из Послания Святого Иоанна текст Трех свидетелей, который на протяжении веков занимал свое место, несмотря на его отсутствие во всех более ранних важных рукописях и на то, что позднее его отвергли Эразм, Лютер, Исаак Ньютон, Порсон и длинный ряд величайших библеистов. И вместе с этим была отброшена другая подобная ей по ложному происхождению и ревностным намерениям интерполяция слова "Бог" в шестнадцатом стихе третьей главы Первого Послания к Тимофею, которая на протяжении веков служила основанием для осуждения некоторых благороднейших христиан, даже таких людей, как Ньютон, Мильтон, Локк, Пристли и Ченнинг.

Действительно, редакторы были настолько честны, что заменили правильное прочтение Евангелия от Луки ii, 33, освященным веками искажением в версии короля Якова, которое считалось необходимым для защиты догмы о непорочном зачатии Иисуса из Назарета. Так появилось истинное прочтение "Его ОТЕЦ и его мать" вместо старых благочестиво подделанных слов "ИОСИФ и его мать".

Еще более важной услугой новому и лучшему росту христианства было фактическое упразднение последних двенадцати стихов Евангелия от Святого Марка; ибо среди них стояло предложение, которое стоило миру больше невинной крови, чем любое другое, — слова "Неверующий будет проклят". Из этого источника логически выросла идея о том, что интеллектуальное неприятие той или иной догмы, которую доминирующая теология в какой-то момент времени признала необходимой, поскольку такое неприятие должно повлечь за собой наказание, бесконечное по мукам и продолжительности, является преступлением, которое необходимо предотвратить любой ценой конечной жестокости. Еще одна услуга, оказанная человечеству редакторами, заключалась в замене старого прочтения знаменитого текста о богодухновенности Священного Писания новым и правильным переводом, который на

протяжении веков так много делал для того, чтобы превратить наши священные книги в фетиш. Этим более правильным прочтением редакторы дали новую хартию свободе в библейских исследованиях.(501)

(501) Тексты, упомянутые редакторами как наиболее благотворно измененные, - это Первое послание Иоанна, v, 7 и Первое послание Тимофею, iii, 16. Можно также упомянуть тот факт, что американская редакция отказалась от тринитарной версии Послания к Римлянам, ix, 5, и что даже их более консервативные британские собратья, оставив ее в тексте, дискредитировали на полях.

Хотя редакторы сочли, что лучше не удалять полностью последние двенадцать стихов Евангелия от Святого Марка, они смягчили слово "проклятый" до "осужденный" и отделили их от основного Евангелия, добавив примечание, в котором говорится, что "в двух древнейших греческих рукописях и некоторых других авторитетных источниках пропущен девятый стих до конца"; и что "у некоторых других авторитетных источников другое окончание этого Евангелия".

Сопротивление стойких высших церковников старого типа даже такой мягкой реформе, как первое изменение, отмеченное выше, может быть проиллюстрировано историей, рассказанной Филпотсом, епископом Эксетерским, примерно в середине девятнадцатого века. Добрый священник, прочитавший приглашение к святому причастию и подумавший, что столь нежный призыв был искажен резкой фразой "ест и пьет на свою погибель", робко рискнул заменить его словом "осуждение". Вслед за этим епископ, стоявший на коленях вместе с остальными прихожанами, вскинул голову и взревел: "ПРОКЛЯТИЕ!" Эта история приведена в книге Т. А. Троллопа "Что я помню", том i, стр. 444. Американские церковники вполне могут радоваться тому, что отцы американской ветви англиканской церкви были достаточно мудры и достаточно христиане, чтобы исключить из своего Молитвенника это проклятое положение, а также Службу Причащения и афанасианский символ веры.

Наиболее ценными также были исследования второй половины девятнадцатого века, посвященные формированию канона Священного Писания. Результатом всего этого стала замена чем-то гораздо лучшим той концепции нашей библейской литературы, которая представляет собой единую книгу, ниспосланную с облаков Всемогущим, что так долго было практически общепринятой точкой зрения среди, вероятно, большинства христиан. Почтенные ученые продемонстрировали, что наша священная литература развивается в соответствии с простыми законами природы и истории; они показали, как некоторые книги Ветхого Завета были приняты как священные за столетия до нашей эры, и как другие постепенно обретали святость, в некоторых случаях полностью обрета ее лишь спустя долгое время после основания христианской церкви. Такой же медленный рост наблюдается и в новозаветном каноне. Было продемонстрировано, что отбор книг, составляющих его, и их отделение от огромной массы поддельных Евангелий, посланий и апокалиптической литературы были постепенным процессом, и, действительно, что отклонение одних книг и принятие других было случайным, если что-либо бывает случайным.

Точно так же научные библейские исследования, как мы видели, были вынуждены признать существование большого количества мифического и легендарного материала как основы для великих истин не только Ветхого Завета, но и Нового. Сравнительное изучение литератур также показало процесс, с помощью которого некоторые книги составлялись и

перекомпилировались, украшались красивыми высказываниями, усиливались или ослабевали за счет изменений и вставок, выражающих взгляды владельцев или переписчиков, и приписывались персонажам, которые никак не могли их написать. Изложение этих вещей значительно ослабило влияние простой догмы, которая так затуманила простые учения самого Христа; ибо оно показало, что чем больше мы узнаем о наших священных книгах, тем менее уверенными мы становимся в подлинности "текстов-доказательств", и это все больше и больше отдаляет личность, дух, учение и идеалы благословенного Основателя христианства, как единственный ценный остаток, подобный массе золота на дне тигля. Кроме того, новая наука все больше и больше развивает концепцию Нового Завета как, подобно Ветхому, развития литературы в соответствии с законом — концепцию, которая, по всей вероятности, окажет ему самое сильное влияние в ближайшие столетия. Создавая это откровение, христианская наука ни в коем случае не проделала работу, в основном разрушительную. Это, действительно, уничтожило массу вредных наростов, но в то же время расчистило почву для лучшего роста христианства — роста, через который уже пульсирует поток более благородной жизни. Это навсегда разрушило точку зрения ученых, подобных тем, что были в восемнадцатом веке, которые видели во множестве непримиримых расхождений между различными библейскими утверждениями просто свидетельства происков священников и преднамеренного мошенничества. Новое исследование показало, что даже такие абсолютные противоречия, как противоречия между рассказами Матфея и Луки о ранней жизни Иисуса, а также между датой распятия и подробностями воскресения в первых трех Евангелиях и в четвертом, и другие расхождения, едва ли менее серьезные, не разрушают исторический характер повествования. Таким образом, даже безнадежно противоречивые генеалогии Спасителя и явно мифические наслоения на простые факты его рождения и жизни полны интереса, если воспринимать их как естественное литературное развитие, соответствующее глубочайшему религиозному чувству.(502)

(502) Среди более новых английских работ канона Священного Писания, особенно в том, что касается Ветхого Завета, см. Райла в цитируемой работе. Что касается свидетельств частых искажений текста Нового Завета, а также частых обвинений в изменении текстов, выдвигаемых друг против друга ранними христианскими авторами, см. Ройсса, "История Нового Завета", т. ii, С. 362. Почтительное и честное рассмотрение некоторых расхождений и противоречий, которые являются абсолютно непримиримыми, см. в Крукере, как указано выше, приложение; также Конус, Критика Евангелия и историческое христианство, особенно главу. ii; также Мэтью Арнольд, "Литература и догма", "Бог" и Библия, особенно глава. vi; и для краткого, но полного показа их в юридическом и доброжелательном духе см. Лэйнг, Проблемы будущего, глава I. ix, об историческом элементе в Евангелиях.

Среди тех, кто наиболее эффективно подводил лидеров мысли в англоязычных странах к этой высшей концепции, не следует забывать Мэтью Арнольда. Благодаря поэтическому прозрению, широкой учености, острому высказыванию, содержательной аргументации и изысканно ясному стилю он эффективно помогал во второй половине девятнадцатого века привлекать специалистов к разработке более широкого и глубокого взгляда. В свете его гения представление о наших священных книгах, одновременно более литературных и более научных, широко и энергично развивалось, в то время как старые взгляды, которые делали из них фетиш

и поддержку нехристианских догм, все больше и больше отходили на задний план. Вклад в эти результаты самых выдающихся профессоров великих христианских университетов англоязычного мира, среди которых лидируют Оксфорд и Кембридж, являются наиболее обнадеживающими признаками новой эпохи.

Очень важным также является изменение стиля аргументации против научной точки зрения. Ведущие сторонники старых взглядов все яснее видят бесполезность риторики против установленного факта: простое упорное сопротивление убедительным аргументам, очевидно, приносит все меньше пользы; и готовность более выдающихся представителей старой мысли рассмотреть противоположные аргументы и признать любую силу, которой они могут обладать, безусловно, является хорошим предзнаменованием. Уступки, сделанные в *Lux Mundi* в отношении библейских мифов и легенд, уже упоминались.

Важным также было растущее осуждение в самой Церкви глубоких, хотя, несомненно, и невольных безнравственных поступков ПРИМИРИТЕЛЕЙ. Бичевание, последовавшее за подвигами величайшего из них в наше время — мистера Гладстона, от рук проф. Хаксли — много сделал для завершения работы, в которой сослужили хорошую службу такие выдающиеся церковники, как Стэнли, Фаррар, Сэндей, Чейн, Драйвер и Сэйс.

Типичным среди этих свидетельств лучшего настроения в споре было рассмотрение вопроса об ошибочных цитатах из Ветхого Завета в Новом Завете, и особенно в отношении цитат самого Христа. Какое-то время это, по-видимому, было самым трудным из всех вопросов, разделяющих две силы; но хотя то тут, то там появляются поборники традиции, вроде епископа Глостерского, действительное сопротивление новой точке зрения практически прекратилось; так или иначе, наиболее консервативные авторитеты признали несомненную истину, открытую простым научным методом. Их аргументы действительно были самыми разными. В то время как одни прибегают к утверждению Ле Клерка о том, что "Христос пришел не для того, чтобы учить евреев критике", а другие — к аргументу Пейли о том, что Учитель формировал свои высказывания в соответствии с идеями своего времени, другие прибегают к утверждениям схоластов - среди них Ириней относительно "умалчивания божественного слова" или несколько поразительное объяснение различных современных богословов о том, что "наш Господь лишил себя своей Божественности".(504)

(504) Что касается Мэтью Арнольда, смотрите, помимо его литературы и догмы, его "Святой Павел и протестантизм". Что касается цитат в Новом Завете из Ветхого, см. Той, Цитаты в Новом Завете, 1889, стр. 72; также Куэнен, Пророки и пророчества в Израиле. О методе Ле Клерка рассмотрения аргументации относительно цитат из Ветхого Завета в Новом Завете читайте в предыдущих частях настоящей главы. О режиме Пейли, см. Его Свидетельства, часть iii, глава iii. Для получения более схоластических выражений Ириней и других см. Гор, Бэмптонские лекции, 1891, особенно обратите внимание на стр. 267. Поразительный отрывок по общей теме см. Б. У. Бэкон, "Бытие книги Бытия", стр. 33, заканчивающийся словами: "Мы должны отказаться ставить на карту авторитет Иисуса Христа в вопросе литературной критики".

Также не следует упускать из виду растущую вежливость, проявляемую в последние годы ведущими сторонниками старой точки зрения. В течение последних двух десятилетий нынешнего столетия произошел самый удачный отход от старого метода сопротивления, сначала с помощью правдоподобия, затем с помощью эпитетов и, наконец, с помощью преследований. К горечи нападок на Дарвина, эссеисты и рецензенты, а также епископ Коленсо преуспели среди действительно выдающихся лидеров в гораздо лучшем методе и тоне. В то время как Мэтью Арнольд, без сомнения, много сделал, восхваляя "милую разумность" теологических полемистов, мистер Гладстон своей безупречной вежливостью по отношению к своим оппонентам, даже когда страдал под их тяжелейшими ударами, подал ценнейший пример. Дух, проявленный епископом Элликоттом, питающим слабую надежду на традиционную точку зрения, также не должен оставаться без дани уважения. Поистине трогательно видеть, как этот почтенный и ученый прелат, один из самых выдающихся представителей старых библейских исследований, даже выступая с торжественными предостережениями против новой критики и несмотря на все соблазны высказываний *ex cathedra*, остается мягким и справедливым по отношению к противникам, идеи которых он явно презирает. К счастью, его утешает вера в то, что христианство выживет; и эту веру его оппоненты полностью разделяют.(505)

(505) В качестве примера вежливости между теологическими оппонентами можно привести спор между г - ном Гладстоном и проф. Хаксли, Бэмптонские лекции ректора Гора за 1891 год и "Обвинения епископа Элликотта", опубликованные в 1893 году.

Тому факту, что подавление личных убеждений среди "просвещенных" не прекратилось при папах-медичи, есть много свидетельств. Один особенно любопытный случай был упомянут настоящему автору самым уважаемым дипломатом и ученым Рима. Когда этот джентльмен просматривал книги выдающегося кардинала, недавно скончавшегося, он заметил серию октаво, на корешках которых было написано "Acta Apostolorum". Удивленный таким расширением Деяний апостолов, он открыл том и обнаружил, что серия представляет собой произведения Вольтера. Относительно аналогичного положения вещей в Англиканской церкви можно привести следующее из книги Фруда "Эразмус": "Несколько лет назад я знал различных людей с высокой репутацией, которые думали в глубине души так же, как думал епископ Коленсо, которые, тем не менее, обратились к нему и арендовали его, чтобы очистить свою репутацию, что им не удалось сделать". Смотрите цитируемую работу в конце лекции XI.

VI. РЕКОНСТРУИРУЮЩАЯ СИЛА НАУЧНОЙ КРИТИКИ.

Для всего этого разрушения традиционных мнений относительно нашей священной литературы была причина, гораздо более общая и могущественная, чем любая из приведенных, ибо это причина, окружающая и пронизывающая все. Это просто атмосфера мысли, порожденная развитием всех наук за последние три столетия.

Огромные массы мифов, легенд, чудес и догматических утверждений, попавшие в эту атмосферу, были растворены и теперь тихо растворяются, подобно айсбергам, занесенным течением Гольфстрим. В прежние времена, когда какой-нибудь критик, опережавший свое время, настаивал на том, что Моисей не мог написать отчет, охватывающий обстоятельства его собственной смерти, было достаточно ответить, что Моисей был пророком; если обращалось внимание на тот факт, что великие ранние пророки всем, что они делали и чего не делали, показывали, что в их время не могло существовать никакого "левитского кодекса", достаточным ответом было "тайна"; и если было отмечено расхождение между двумя рассказами о сотворении мира в Книге Бытия, или между генеалогиями или датами распятия в Евангелиях убедительным ответом было "неверность". Но мыслящий мир, наконец, вышел за рамки такого рода опровержений благодаря общему развитию научной атмосферы.

Если в атмосфере, созданной ранее развитыми науками, старые ростки библейского толкования поникли, засохли и, очевидно, погибают, то возникли новые, более совершенные ростки, корни которых уходят в более новые науки. Сравнительная антропология в целом, показывая, что различные ранние стадии веры и обрядов, которые, как когда—то предполагалось, произошли от прямого откровения с небес евреям, все еще находятся в стадии замедленного развития среди различных диких племен; Сравнительная мифология и фольклор, показывая, что идеи и верования относительно Верховной власти во Вселенной прогрессивны, и в Иудее не меньше, чем в других частях мира; Сравнительная религия и литература, выискивая и сопоставляя те основные факты в борьбе человечества за возвышение, которые показывают, что израильтяне, как и другие одаренные народы, поднимались постепенно, через поклонение духам, фетишизм и политеизм достигли более высоких теологических уровней; и что по мере того, как они таким образом поднимались, их концепции и утверждения относительно Бога, которому они поклонялись, становились благороднее и совершеннее - все эти науки дают новое решение тем проблемам, над решением которых догматическое богословие так долго тщетно трудилось. Хотя исследования в этих науках установили тот факт, что рассказы, которые ранее считались особыми откровениями для евреев и христиан, являются всего лишь повторением широко распространенных легенд, восходящих к гораздо более ранним цивилизациям, и что верования, которые ранее считались основополагающими для иудаизма и христианства, просто основаны на древних мифах, они также начали внушать интеллекту и совести мыслящего мира тот факт, что религиозные и моральные истины, таким образом выделенные из массы старых мифов и легенды, становятся все более почитаемыми и авторитетными, и что любая индивидуальная или национальная жизнь любой ценности должна быть оживлена ими.(506)

(506) Жалобные сетования по поводу влияния этой атмосферы научной мысли на самых выдающихся современных христианских ученых см. в "Christus Comprobator" епископа Глостерского и Бристольского, Лондон, 1893 г., и в статье епископа Колчестерского *passim* в "Contemporary

Review" за
май 1892 г. О некоторых менее
известных примерах священных мифов и легенд, унаследованных от древних
цивилизаций, см. Ленорман, "Истоки истории", *passim*, но
особенно *chaps. ii, iv, v, vi*; см. также Гольдцихера.

Таким образом, если современная наука в целом действовала мощно, разрушая теории и догмы старой теологической интерпретации, она также была активна в реконструкции и перекристаллизации истины; и очень мощными в этой реконструкции были доктрины эволюции, которые выросли из мыслей и работ таких людей, как Дарвин и Спенсер.

В полученном таким образом свете священный текст был преобразован: из старого хаоса возник порядок; из старого нагромождения безнадежно противоречивых утверждений в религии и морали возникла, в соответствии с этой новой концепцией развития, идея священной литературы, которая отражает самую поразительную эволюцию морали и религии в истории нашей расы. Из всех священных писаний мира оно показывает нам наше собственное как самое прекрасное и драгоценное; демонстрирует нам наиболее полное религиозное развитие, которого достигло человечество, и раскрывает перед нами самые возвышенные идеалы, которые знала наша раса. Таким образом, с ключами, предоставленными этой новой расой библеистов, был открыт путь к сокровищам мысли, которые были недоступны теологам в течение двух тысяч лет.

Что касается Божественной Власти во вселенной: эти толкователи показали, как, начиная с племенного бога евреев — одного из многих ревнивых, порывистых, невидимых местных правителей Малой Азии, — высшие расы были перенесены к идее справедливого Правителя всей земли, как это было открыто более поздними и великими пророками Израиля, и, наконец, к вере во Всеобщего Отца, как лучше всего раскрыто в Новом Завете. Что касается человека: начиная с людей по сердцу самого Иеговы — жестоких, вероломных, мстительных — мы приближаемся к идеалу людей, которые творят добро ради добра; которые ищут и говорят правду ради правды; которые любят других, как самих себя. Что касается мира в целом: расы, доминирующие в религии и морали, перешли от идеи "избранного народа", поощряемого своим племенным богом во всех видах жестокости и несправедливости, к концепции обширного сообщества, в котором отцовство Бога возвышается над всеми, и братство людей пронизывает всех.

Таким образом, наконец, старое представление о нашей Библии как о собрании оракулов — массе запутанных высказываний, плодотворных в противоречивых толкованиях, которые подарили миру долгие и утомительные века "ненависти, злобы и всякого безжалостия"; фетишизма, утонченности и помпезности; тирании, кровопролития и торжественно провозглашенного обмана; всего, что Господь Иисус Христос больше всего ненавидел, — постепенно развивалось на протяжении веков трудами, жертвами и даже мученичеством длинной череды служителей Божьих, представление о нем как о священной литературе — рост, возможный только при том божественном свете, который различные сферы науки так много сделали, чтобы внести в разум, сердце и душу человека, — откровение не о Падении Человека, но о Восхождении Человека, изложение не временных догм и обрядов, но Вечного Закона Праведности — единственного пути наверх для отдельных людей и для наций. Больше не

оракул, достойный принятия "низшими слоями общества", но вызывающий тихую насмешку со стороны "просвещенных", — больше не фетиш, защитниками которого должны быть гонители, или примирители, или "апологеты"; но наиболее плодотворный факт, который религия и наука могут принять как источник силы для обеих.